

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

CLIV

Серия основана в 1965 году

ДИГХА-НИКАЯ

(СОБРАНИЕ ДЛИННЫХ ПОУЧЕНИЙ)

Перевод с пали,
статьи и комментарии
А.Я.Сыркина

Москва
2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

А.Б.Куделин (председатель), *И.Ф.Попова* (зам. председателя), *Н.С.Яхонтова* (секретарь),
В.М.Алпатов, *С.М.Аникеева*, *М.И.Воробьева-Десятовская*, *Ю.А.Иоаннесян*, *В.С.Мясников*,
М.Б.Пиотровский, *С.М.Прозоров*, *А.Ф.Троцевич*, *А.Д.Цендина*, *О.М.Чунакова*

Ответственный редактор и руководитель проекта
В.П.Андросов

Дигха-никая (Собрание длинных поучений) / пер. с пали, статьи, коммент. и прил. А.Я. Сыркина; отв. ред. В.П. Андросов; Ин-т востоковедения РАН. — М.: Наука — Вост. лит., 2020. — 902 с. — (Памятники письменности Востока. CLIV / ред. колл.: А.Б. Куделин и др.). — ISBN 978-5-02-039858-0

Дигха-никая («Собрание длинных поучений») является первым сборником палийской Сутта-питаки, в который вошли в основном самые старые буддийские тексты. Они важны для изучения проблем, связанных с зарождением и ранним этапом развития буддизма, и содержат ценнейшие данные о первоначальной истории этой религии.

Включенные в сборник 34 сутты (санскр. сутры) разделены на три раздела (вагги). В «Силаккханда-вагге» («Раздел о нравственности», сутты 1–13) трактуются вопросы буддийской морали; в «Махаваггу» («Большой раздел», сутты 14–23) вошли в основном сутты, начинающиеся со слова «маха», означающего «большой», «великий»; раздел «Патика-вагга» («Раздел, [открывающийся суттой] о Патике») назван по сутте, с которой он начинается. В число важнейших сутт памятника входят «Махапариниббана-сутта», где описываются последние дни и уход Будды в нирвану; «Сингаловада-сутта», в которой Будда обсуждает этику и практики буддизма со своими последователями; «Саманьяпхала-сутта»; «Брахмаджала-сутта», которая описывает и сравнивает суждения Будды и других индийских мудрецов по вопросам бытия.

Уникальность перевода А.Я. Сыркина состоит в том, что это единственный научный комментированный перевод целого сборника текстов буддийского канона тхеравады с пали на русский язык. Полный перевод всех 34 сутт Дигха-никаи публикуется впервые. Перевод сопровождают вступительные статьи, комментарии, библиография и предметно-именной указатель.

Полный список книг серий «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» за 1959–1985 гг. опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Каталог серийных изданий. 1959–1985». М., 1986. Ниже приводится список книг, вышедших в свет после публикации каталога.

- XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IV. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1986.
- XXXII, 5. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. V. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1987.
- XXXII, 6. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VI. Пер. с китайского, предисл. и коммент. Р.В.Вяткина. М., 1992.
- XXXII, 7. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина. Коммент. Р.В.Вяткина и А.Р.Вяткина. Предисл. Р.В.Вяткина. М., 1996.
- XXXII, 8. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. VIII. Пер. с китайского Р.В.Вяткина и А.М.Карапетьянца, коммент. Р.В.Вяткина, А.Р.Вяткина и А.М.Карапетьянца, вступит. статья Р.В.Вяткина. М., 2002.
- XXXII, 9. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Т. IX. Пер. с китайского и коммент. под ред. А.Р.Вяткина, вступит. статья А.Р.Вяткина. М., 2010.
- LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Т. I. Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский язык (курманджи). Изд. текста, предисл., указатели, оглавление К.К.Курдоева и Ж.С.Мусаэлян. М., 1986.
- LXXIII, 2. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 2. Изд. текстов, исслед., пер. с санскрита и коммент. Г.М.Бонгард-Левина и М.И.Воробьевой-Десятовской. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXIV).
- LXXIII, 3. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 3. Изд. текстов, исслед., пер. и коммент. Г.М.Бонгард-Левина, М.И.Воробьевой-Десятовской, Э.Н.Темкина. М., 2004 (Bibliotheca Buddhica. XL).
- LXXVI. Бай юй цзин (Сутра ста притч). Пер. с китайского и коммент. И.С.Гуревич. Вступит. статья Л.Н.Меньшикова. М., 1986.
- LXXVII. Григор Нарекаци. Книга скорбных песнопений. Пер. с древнеармянского и примеч. М.О.Дарбинян-Меликян и Л.А.Ханларян. Вступит. статья С.С.Аверинцева. М., 1988.
- LXXVIII. Книга деяний Ардашира, сына Папака. Транскрипция текста, пер. со среднеперсидского, введ., коммент. и глоссарий О.М.Чунаковой. М., 1987.
- LXXIX. Мебде-и канун-и йеничери оджагы тарихи (История возникновения законов янычарского корпуса). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с турецкого, коммент. и введ. И.Е.Петросян. М., 1987.
- LXXX. Махабхарата. Книга третья. Лесная (Араньякапарва). Пер. с санскрита, коммент. и предисл. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1987.

- LXXXI, 1-4. Измененный и заново утверждённый кодекс дезва царствования Небесное процветание (1149–1169). Изд. текста, пер. с тангутского, исслед. и примеч. Е.И.Кычанова. В 4 кн.
 Кн. 1. Исследование. М., 1987.
 Кн. 2. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 1–7). М., 1987.
 Кн. 3. Факсимиле, пер. и примеч. (гл. 8–12). М., 1989.
 Кн. 4. Факсимиле, пер., примеч. и глоссарий (гл. 13–20). М., 1989.
- LXXXII. Шихуа о том, как Трипитака Великой Тан добыл священные книги (Да Тан Сянь-цзан цюй цзин шихуа). Пер. с китайского, исслед. и примеч. Л.К.Павловской. М., 1987.
- LXXXIII. 'Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира). Критич. текст, пер. с персидского, введ., коммент. и указатели Л.П.Смирновой. М., 1993.
- LXXXIV. 'Али ибн Мухаммад ибн 'Абдаллах ал-Фахри. Китаб талхис ал-байан фи зикр фирак ахл ал-адйан (Краткое разъяснение к перечню последователей разных вер). Факсимиле рукописи. Изд. текста, вступит. статья, краткое изложение содержания, примеч. и указатели С.М.Прозорова. М., 1988.
- LXXXV. Аннамбхатта. Тарка-санграха (Свод умозрений) и Тарка-дипика (Разъяснение к своду умозрений). Пер. с санскрита, введ., коммент. и историко-философские исслед. Е.П.Островской. М., 1989.
- LXXXVI. Васубандху. Абхидхармакоша (Энциклопедия Абхидхармы). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.И.Рудого. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXV).
- LXXXVII. Вновь собранные записи о любви к младшим и почтении к старшим. Изд. текста, вступит. статья, пер. с тангутского, коммент. и прил. К.Б.Кепинг. М., 1990.
- LXXXVIII. Вопросы Милинды (Милиндапаньяха). Пер. с пали, исслед. и коммент. А.В.Парибка. М., 1989 (Bibliotheca Buddhica. XXXVI).
- LXXXIX. Дзэами Мотокиё. Предание о цветке стиля (Фуси кадэн), или Предание о цветке (Кадэнсё). Пер. со старояпонского, вступит. статья и примеч. Н.Г.Анариной. М., 1989.
- XC. История Чойджид-дагини. Факсимиле рукописи. Транслитерация текста, пер. с монгольского, исслед. и коммент. А.Г.Сазыкина. М., 1990 (Bibliotheca Buddhica. XXXVII).
- XCI. Махабхарата. Книга восьмая. О Карне (Карнапарва). Пер. с санскрита, предисл. и коммент. Я.В.Василькова и С.Л.Невелевой. М., 1990.
- XCII. Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та'рих-и Ардалан). Пер. с персидского, введ. и примеч. Е.И.Васильевой. М., 1990.
- XCIV. Изведать дороги и пути праведных. Пехлевиийские назидательные тексты. Введ., транскрипция, пер., коммент., глоссарий и указатели О.М.Чунаковой. М., 1991.
- XCv. Кабир. Грантхавали (Собрание). Пер. с браджа и коммент. Н.Б.Гафуровой, введ. Н.Б.Гафуровой и Н.М.Сазановой. М., 1992.
- XCVI. Ме'ор айин («Светоч глаз»). Караимская грамматика древнееврейского языка. По рукописи 1208 г. Изд. текста, пер., исслед. и коммент. М.Н.Зислина. М., 1990.
- XCvII. Норито. Сэммё. Пер. со старояпонского, коммент. и предисл. Л.М.Ермаковой. М., 1991.
- XCvIII. Та'рих-и Бадахшан (История Бадахшана). Факсимиле рукописи. Изд. текста, пер. с персидского А.Н.Болдырева при участии С.Е.Григорьева. Введ. А.Н.Болдырева и С.Е.Григорьева. Примеч. и прил. С.Е.Григорьева. М., 1997.
- XCIX. Хуэй цзяо. Жизнеописания достойных монахов (Гао сэн чжуань). Раздел 1. Переводчики. Пер. с китайского, исслед. и коммент. М.Е.Ермакова. М., 1991 (Bibliotheca Buddhica. XXXVIII).
- C. Биджой Гупто. Сказание о Падме (Подмапуран). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 1992.
- CI. Каталог Петербургского рукописного «Ганджура». Сост., введ., транслитерация и указатели З.К.Касьяненко. М., 1993 (Bibliotheca Buddhica. XXXIX).

- CIV. Мухаммад ибн ал-Харис ал-Хушани (Китаб ал-кудат). Пер. с арабского, предисл. и примеч. К.А.Бойко. М., 1992.
- CV, 1. Угаритский эпос. Введ., пер. с угаритского и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1993.
- CV, 2. О Ба'лу. Угаритские поэтические повествования. Пер. с угаритского, введ. и коммент. И.Ш.Шифмана. М., 1999.
- CVI. Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джем фи ма'айир аш'ар ал-'аджам). Часть II. О науке рифмы и критике поэзии. Пер. с персидского, введ. и коммент. Н.Ю.Чалисовой. М., 1997.
- CVII. Шихаб ад-Дин Мухаммад ибн Ахмад ан-Насави. Сират Султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). Критич. текст, пер. с арабского, коммент. и введ. З.М.Бунятова. М., 1996.
- CIX. Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). Пер. с санскрита, введ., коммент. и реконструкция системы Е.П.Островской и В.И.Рудого. М., 1992.
- CX. Малик Шах-Хусайн Систани. Хроника воскрешения царей (Та'рих-и ихйа' ал-мулук). Пер. с персидского, предисл. и коммент. Л.П.Смирновой. М., 2000.
- CXI. Ватсьяна Малланага. Камасутра. Пер. с санскрита, вступит. статья и коммент. А.Я.Сыркина. М., 1993.
- CXII. Джаядева. Гитаговинда. Пер. с санскрита, вступит. статья, коммент. и прил. А.Я.Сыркина. М., 1995.
- CXIII, 1. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 1. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 1997.
- CXIII, 2. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 2. Пер. с китайского, исслед., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2002.
- CXIII, 3. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли). Часть 3. Пер. с китайского, введ., примеч. и прил. Н.П.Свистуновой. М., 2012.
- CXIV. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О.М.Чунаковой. М., 1997.
- CXV. Кефалайя («Главы»). Коптский манихейский трактат. Пер. с коптского, исслед., коммент., глоссарий и указатели Е.Б.Смагиной. М., 1998.
- CXVI. Арабские источники XIII–XIV вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Т. 4. Пер. с арабского В.В.Матвеева, Л.Е.Куббеля, М.А.Толмачевой при участии Н.А.Добронравина. Предисл. М.А.Толмачевой. Издание подготовлено Н.А.Добронравиним и В.А.Поповым. М., 2002.
- CXVII. Запись у алтаря о примирении Конфуция. Факсимиле рукописи. Издание текста, пер. с тангутского, вступит. статья, коммент. и словарь Е.И.Кычанова. М., 2000.
- CXVIII. История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского, введ., коммент., прил. А.Д.Цендиной. М., 1999.
- CXIX. Манихейские рукописи из Восточного Туркестана. Среднеперсидские и парфянские фрагменты. Введ., транслитерация, перевод, коммент., прил. О.М.Чунаковой. М., 2011.
- CXX. Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи. Транслитерация, введ., пер. с ойратского, словарь с коммент., прил. Н.С.Яхонтовой. М., 2010.
- CXXI. Смешанные знаки [трех частей мироздания]. Факсимиле ксилографа. Вступит. статья, пер. с тангутского А.П.Терентьева-Катанского под ред. М.В.Софронова. Реконструкция текста, предисл., исслед. и коммент. М.В.Софронова. М., 2002.
- CXXII. О сознании (Синь). Из философского наследия Чжу Си. Пер. с китайского А.С.Мартынова и И.Т.Зюграф, вступит. статья и коммент. к пер. А.С.Мартынова, грам. очерк И.Т.Зюграф. М., 2002.

- CXXXIII. Сутры философии Ньяя (Ньяя-сутры и Ньяя-бхашья). Пер. с санскрита, исслед. и коммент. В.К.Шохина. М., 2001.
- CXXXIV. Толкование Корана (Ляхорский тафсир). Пер. с персидского, примеч. и указ. Ф.И.Абдуллаевой. М., 2001.
- CXXXV, 1. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. I. Пер. с китайского, введ. и коммент. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- CXXXV, 2. Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь). Т. II. Пер. с китайского, коммент. и прил. Ю.Л.Кроля. М., 2001.
- CXXXVI. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введ., транслитерация пехлевийских текстов, пер. и коммент. О.М.Чунаковой. М., 2001.
- CXXXVII. Сутра Общины белого лотоса: тюркская версия. Факсимиле рукописи. Транскрипция текста. Пер. с раннесредневекового тюркского языка, предисл., примеч., указ. слов Л.Ю.Тугушевой. М., 2008.
- CXXXVIII, 1. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 томах. Т. 1. Пер. с араб. А.Р.Рустамова под ред. И.В.Кормушина, предисл. и введ. И.В.Кормушина, примеч. И.В.Кормушина, Е.А.Поцелуевского, А.Р.Рустамова. М., 2010.
- CXXXVIII, 2. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов). В 3 томах. Т. 2. Пер. с араб. А.Р.Рустамова под ред. И.В.Кормушина, предисл. И.В.Кормушина, примеч. И.В.Кормушина, Е.А.Поцелуевского, А.Р.Рустамова. М., 2016.
- CXXXIX. Повесть о махарадже Маракарме. Факсимиле рукописи. Транслитерация, пер. с малайского, исслед., коммент. и прил. Л.В.Горяевой. М., 2008.
- CXXX, 1. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 1. Пер. с ханвьета К.Ю.Леонова, А.В.Никитина. Предисл., вступит. ст., коммент. и указ. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина при участии В.И.Антощенко, М.Ю.Ульянова, А.Л.Федорина. М., 2002.
- CXXX, 2. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 2. Пер. с ханвьета, коммент., предисл. и прил. К.Ю.Леонова, А.В.Никитина и А.Л.Федорина. Вступит. статья А.Л.Федорина. М., 2010.
- CXXX, 3. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 3. Пер. с ханвьета и коммент. К.Ю.Леонова и А.Л.Федорина при участии М.Ю.Ульянова, предисл., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2012.
- CXXX, 5. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 5. Пер. с ханвьета, коммент., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2014.
- CXXX, 6. Полное собрание исторических записок Дайвьета (Дайвьет шы ки тоан тхы). В 8 томах. Т. 6. Пер. с ханвьета, коммент., вступит. статья и прил. А.Л.Федорина. М., 2018.
- CXXXI. Чжоу Цюй-фэй. За Хребтами. Вместо ответов (Лин вай дай да). Пер. с китайского, введ., коммент. и прил. М.Ю.Ульянова. М., 2001.
- CXXXII. Вишну-смрити. Пер. с санскрита, предисл., коммент. и прил. Н.А.Корнеевой. М., 2007.
- CXXXIII. Агван Доржиев. Занимательные заметки. Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Факсимиле рукописи. Пер. с монгольского А.Д.Цендиной. Транслитерация, предисл., коммент., глоссарий и указ. А.Г.Сазыкина, А.Д.Цендиной. М., 2003.
- CXXXIV. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди (Чондимонгол). Сказание о Дхонопоти (Дхонопоти упакхан). Пер. с бенгальского, предисл., коммент. и прил. И.А.Товстых. М., 2004.
- CXXXV, 1. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 1. Книги I–VII. М., 2005.
- CXXXV, 2. Атхарваведа (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 2. Книги VIII–XII. М., 2007.

- CXXXV, 3. Атарвавед (Шаунака). Пер. с ведийского, вступит. статья, коммент. и прил. Т.Я.Елизаренковой. В 3 томах. Т. 3. Книги XIII–XIX. М., 2010.
- CXXXVI, 1. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 1. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С.Кучеры. М., 2010.
- CXXXVI, 2. Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел 1. Небесные чиновники. Цзюань 2. Пер. с кит., вступит. статья, коммент. и прил. С.Кучеры. М., 2017.
- CXXXVII. Памятники малайской книжности XV–XVII вв.: Повесть о победоносных Пандавах; Бухари ал-Джаухари. Корона царей. Пер. с малайского, исслед., коммент., прил. и указ. Л.В.Горяевой. М., 2011.
- CXXXVIII. Уйгурские деловые документы X–XIV вв. из Восточного Туркестана. Факсимиле рукописей. Предисл., транскрипция, пер. с древнеуйгурского Л.Ю.Тугушевой. М., 2013.
- CXXXIX. Кэйтю. Вадзисёрансё (Исправление царящего в нашей азбуке беспорядка). Введ., вступит. ст., пер. с японского, коммент. и прил. К.Г.Маранджян. М., 2015.
- CXL. «Новые законы» тангутского государства (первая четверть XIII в.). Изд. текста, пер. с тангутского, введ. и коммент. Е.И.Кычанова. М., 2015.
- CXLI. Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов»): палеографические документы древнего Китая. Изд. текста, пер. с китайского, вступит. статья, коммент. и прил. М.В.Королькова. М., 2013.
- CXLII. Ли Сунсин. Военный дневник (Нанчжун ильги). Вступит. статья, пер. с ханмуна, коммент. и прил. О.С.Пироженко. М., 2013.
- CXLIII. Пуджьяпада. Сарвартхасиддхи. Вступит. статья, пер. с санскрита, прил. Н.А.Железновой. М., 2015.
- CXLIV. Повесть о раджах Пасея. Пер. с малайского, исследование, примеч. и прил. Л.В.Горяевой. М., 2015.
- CXLV. Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха. Вступит. статья, пер. с санскрита, коммент. и прил. Н.А.Корнеевой. М., 2015.
- CXLVI. Буддийские ритуальные тексты: По тибетской рукописи XIII в. Факсимиле рукописи. Транслитерация А.В.Зорина при участии С.С.Сабруковой; пер. с тибетского, вступит. статья, примеч. и прил. А.В.Зорина. М., 2015.
- CXLVII. Желтая история (Шара туджи). Пер. с монгольского, транслитерация, введ. и коммент. А.Д.Цендиной. М., 2017.
- CXLVIII. Полное собрание документов Ли Сунсина (Ли Чхунму гон чонсо). Раздел «Официальные бумаги». Вступит. статья, пер. с ханмуна, коммент. и прил. И.И.Хвана под ред. О.С.Пироженко. М., 2017.
- CXLIX. Махавайрочана-сутра. Пер. с китайского, предисл., примеч., прил. А.Г.Фесюна. М., 2018.
- CL. Словари кяхтинского пиджина. Пер. с китайского, публикация, транскрипция, исследование и приложения И.Ф.Поповой и Таката Токио. М., 2017.
- CLI. ал-Муфаддал ал-Джу'фи. Доказательства Божественного творения и продуманного устройства мира (Китаб ал-адилла 'ала-л-халк ва-т-тадбир). Факсимиле рукописи. Введ. и указ. С.М.Прозорова. М., 2018.
- CLII. Рукописи школы веданта в собраниях Института восточных рукописей РАН: аннотированный каталог. Сост., вступительные статьи, переводы и указ. С.Л.Бурмистрова. М., 2018.
- CLIII. Брахмадева. Дравьясанграха-вритти. Пер. с санскрита, вступит. статья, коммент. и прил. Н.А.Железновой. М., 2019.

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

- 1, 3. Ким Бусик. Самгук саги. Разные описания. Биографии. Изд. текста, пер., вступит. статья, коммент., прил. под общей ред. М.Н.Пака и Л.Р.Концевича. М., 2002.

СОДЕРЖАНИЕ

Поучения раннего буддизма (А.Я. Сыркин)	12
Обзор содержания «Дигха-никаи» по суттам (А.Я. Сыркин)	50

Дигха-никая. Перевод

	перевод	коммент.
I. «Силаккханда-вагга» («Раздел об относящемся к нравственности»)	93	
I. «Брахмаджала-сутта» («Сутта о сети совершенства»)	93	755
II. «Саманьяпхала-сутта» («Сутта о плодах отшельничества»)	129	765
III. «Амбаттха-сутта» («Сутта об Амбаттхе»)	160	773
IV. «Сонаданда-сутта» («Сутта о Сонаданде»)	175	779
V. «Кутаданта-сутта» («Сутта о Кутаданте»)	189	780
VI. «Махали-сутта» («Сутта о Махали»)	212	781
VII. «Джалия-сутта» («Сутта о Джалии»)	221	784
VIII. «Кассапа-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка о Кассапе»)	223	784
IX. «Поттхапада-сутта» («Сутта о Поттхападе»)	238	788
X. «Субха-сутта» («Сутта о Субхе»)	255	790
XI. «Кеваддха-сутта» («Сутта о Кеваддхе»)	259	791
XII. «Лохичча-сутта» («Сутта о Лохичче»)	268	793
XIII. «Тевиджджа-сутта» («Сутта о знании трех вед»)	275	794
II. «Махавагга» («Большой раздел»)	288	
XIV. «Махападана-сутта» («Большая сутта об истории [прежних существований]»)	288	796
XV. «Маханидана-сутта» («Большая сутта о причинности»)	331	805
XVI. «Махапариниббана-сутта» («Большая сутта о достижении ниббаны»)	343	809
XVII. «Махасудассана-сутта» («Сутта о Махасудассане»)	410	827
XVIII. «Джанавасабха-сутта» («Сутта о Джанавасабхе»)	429	830

	перевод	коммент.
XIX. «Махаговинда-сутта» («Сутта о Махаговинде»)	441	832
XX. «Махасамая-сутта» («Большая сутта о собрании»)	462	835
XXI. «Саккапаньха ² -сутта» («Сутта о вопросах Сакки»)	467	839
XXII. «Махасатипаттхана-сутта» («Большая сутта об установлениях способности самосознания»)	482	843
XXIII. «Паяси-сутта» («Сутта о Паяси»)	503	844
III. «Патика-вагга» («Раздел, [открывающийся суттой] о Патике»)	530	
XXIV. «Патика-сутта» («Сутта о Патике»)	530	847
XXV. «Удумбарика-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка в Удумбарике»)	551	849
XXVI. «Чаккаватти-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка о владыке мира»)	570	851
XXVII. «Агганья-сутта» («Сутта об изначальном»)	585	853
XXVIII. «Сампасадания-сутта» («Сутта, об успокоении»)	597	855
XXIX. «Пасадика-сутта» («Сутта, доставляющая отраду»)	609	857
XXX. «Лаккхана-сутта» («Сутта о признаках»)	630	858
XXXI. «Сингаловада-сутта» («Сутта о наставлении Сингале»)	658	859
XXXII. «Атанатия-сутта» («Сутта [заклинания] Атанатия»)	667	861
XXXIII. «Сангити-сутта» («Сутта о преподанном»)	676	863
XXXIV. «Дасуттара-сутта» («Сутта о последовательности [от одного] до десяти»)	722	873
Комментарий	753	
Приложения		
Список сокращений	876	
Библиография	878	
Тексты и переводы источников	878	
Исследования и очерки	879	
Предметно-именной указатель	891	
Summary	900	

ПОУЧЕНИЯ РАННЕГО БУДДИЗМА

Священная буддийская литература на языке пали, частью которой является предлагаемая здесь в русском переводе Дигха-никая, традиционно подразделяется на три группы текстов — отсюда название буддийского канона: Типитака (*Tipiṭaka* — букв. «Три корзины»)¹.

Первая из них — Виная-питака (*Vinaya piṭaka*; *vinaya* — «поведение», «должное поведение»; далее — *Vp*) — содержит наставления, призванные регулировать поведение членов буддийской общины (сангхи). Ее первый раздел — «Сутта-вибханга» (*Sutta vibhaṅga* — букв. «Разъяснение сутт»), возможно, одна из наиболее старых частей канона, представляет собой комментарий к дисциплинарному кодексу «Патимоккхе» (*Pātimokkha*). Здесь излагаются предписания, связанные с искуплением различных проступков, совершаемых членами общины. Следующий раздел — «Кхандака» (*Khandakā* — «Разделы») продолжает наставления «Сутта-вибханги» (правила должного поведения, наставления в определенных церемониях и т.д.). «Кхандака» включает тексты: «Махавагга» (*Mahāvagga* — «большой»; далее — *Mv*) и «Чуллавагга» (*Cullavagga* — «малый»; далее — *Cv*); последняя содержит ряд ценных в историческом отношении сведений о Первом и Втором буддийских соборах; сведения эти, как полагают, входили в не дошедшую до нас хронику. «Кхандака» весьма интересна и своими этимологическими экскурсами — объяснениями отдельных предписаний, вставными рассказами о событиях, послуживших Будде предлогом для соответствующих поучений; подобные рассказы, по-видимому, относятся к наиболее древним легендам об основателе буддизма. Третий раздел Виная-питаки — «Паривара» (*Parivāra* — «Сопровождение») — очевидно, более позднего (цейлонского) происхождения — не представляет самостоятельного интереса, являясь, по сути дела, пересказом отдельных частей Виная-питаки.

Если первая питака посвящена в основном организационной стороне деятельности буддийской общины, то вторая — Сутта-питака (*Sutta piṭaka* — «Корзина сутт»; далее — *Sp*) излагает, в отличие от других питак, в достаточно живой и значительно более художественной форме само учение Будды (дхамму), причем

¹ Здесь излагаются лишь самые краткие сведения о текстах, окружающих Дигха-никаю в рамках палийского канона. Подробнее о композиции и содержании отдельных его частей см. (Winternitz 1988: 3–168; Law 1933, I; Webb 1975; Norman 1983: 15–107; Guide 1993); ср. также (Geiger 1956: 15 sq.; ДТ: 23 сл.; ФБЭ: 680–686 — В.К. Шохин; ср. РТС).

прежде всего — в его этико-практическом аспекте. Основная форма изложения здесь — беседа, в ходе которой Будда (или реже — его последователь) опровергает ложные воззрения оппонента и противопоставляет им свое учение (подобная форма в значительной степени определяет жанр сутт, во всяком случае, в первом и втором разделах Сутта-питаки). Здесь пять разделов, «никай» (*nikāya* — «собрание»). На первом из них — Дигха-никае (*Dīgha nikāya* — «Собрание длинных [поучений]»; далее — Dп) — мы остановимся ниже. Следующий — Маджджима-никая (*Majjhima nikāya* — «Собрание средних [поучений]»; далее — Mп) делится на три части и состоит из 152 сутт, в целом более коротких, чем сутты Дигха-никаи, ряд параллелей с которыми они содержат. Это достаточно разнородные тексты — как по тематике, охватывающей самые различные стороны буддийского учения, так и в литературно-художественном отношении. Среди наиболее интересных текстов здесь можно назвать сутты 82 (о царевиче Раттхепале), 93 (о юноше Ассалаяне) и т.д. Третий раздел — Самьютта-никая (*Samyutta nikāya* — «Собрание связанных [поучений]»; далее — Sn), очевидно, сравнительно позднего происхождения. Здесь пять частей (*vagga*), включающих 2889 сутт, значительно более коротких, чем в предыдущих никаях; они распределены по 56 подразделениям (*samyutta*), в основу которых положены тематика поучения, характер действующих лиц и т.д. Так, первое — «Девата-самьютта» — содержит высказывания различных божеств (*devata*), 34-е — «Джхана-самьютта» (иначе — «Самадхи-самьютта») — наставления о ступенях созерцания и сосредоточенности (*jhāna*; *samādhi* и т.д.). Сюда входит, в частности, одна из самых знаменитых буддийских сутт — «Дхаммачаккапаваттана» («О приведении в движение колеса дхаммы») с известной проповедью Будды в Варанаси (*nal.* Баранаси). Далее следует Ангуттара-никая (*Anguttara nikāya* — «Собрание поучений, [каждое из которых] больше [предыдущего] на один член»; далее — An) — также очевидно более позднего происхождения. Здесь 11 частей: «Эка-нипата» (*Eka nipāta* — «Раздел одного»), «Дука-нипата» (*Duka nipāta* — «Раздел двух») и т.д. до «Раздела одиннадцати». Точно определить число сутт An затруднительно (согласно одному из подсчетов — 2363). В каждой из частей последовательно перечисляются в соответствующем количестве какие-либо предметы, их качества, а также более отвлеченные понятия, существенные для буддийской догматики. Так, в первой части упомянуто «одно», затмевающее разум мужчин (т.е. женщина — характерный в буддийском нравоучении мотив), во второй — два основания для жизни в лесу, в третьей — три вида монахов и т.д. В целом сведения An весьма интересны в источниковедческом отношении, а принятый здесь принцип описания (находящий себе соответствия, правда, не столь развернутые, и в других частях канона — например, Dп XXXIII, XXXIV) дает незаменимый материал для изучения древнеиндийской числовой символики — как в ее специфике, так и в типологических параллелях с другими культурами. Несколько иной характер носит последний, пятый, раздел Сутта-питаки — Кхуддака-никая (*Khuddaka nikāya* — «Собрание кратких [поучений]»; далее — Kn). Достаточно близкая по содержанию к первым четырем никаям, она вместе с тем значительно отличается от них по характеру изложения. Это своеобразная антология прозаических и стихо-

творных текстов, весьма разнородных в жанровом отношении. Сюда входят: 1) «Кхуддака-патха» (*Khuddaka pāṭha* — «Краткие уроки») — своего рода молитвенник, включающий девять небольших текстов; 2) «Дхаммапада» (*Dhammapada* — «Высказывания о дхамме») из 423 строф — один из наиболее значительных канонических текстов, подлинный шедевр древнеиндийской афористики; 3) «Удана» (*Udāna* — «Восторженное излияние», «Взволнованное высказывание» и т.п.) — собрание кратких высказываний Будды, распределенных по восьми разделам; 4) «Итивуттака» (*Itivuttaka* — букв. «Так было сказано») — также высказывания Будды в прозе и стихах; 5) «Сутта-нипата» (*Sutta nipāta* — «Подразделение сутт») — собрание стихотворных сутт в пяти отделах; одна из самых старых частей канона и также замечательный образец афористической литературы; 6) «Виманаваттху» (*Vimānavatthu* — «Истории о небесных чертогах») — 83 рассказа (в 7 частях), описывающие пребывание на небе существ, вознагражденных за праведность в земном существовании; 7) «Петаваттху» (*Petavatthu* — «Истории о духах»; санскр. preta) — 51 рассказ (в 4 частях) о посмертных странствиях существ, осужденных за проступки; 8) «Тхерагатха» (*Theragāthā* — «Песнопения монахов») — 107 стихотворений в 1279 строфах (*gāthā*), приписываемых определенным членам буддийской общины; 9) «Тхеригатха» (*Therīgāthā* — «Песнопения монахинь») — аналогичный сборник из 73 стихотворений в 522 строфах; 10) «Джатаки» (*Jātaka* — «Истории о рождениях») — около 550 рассказов, посвященных предыдущим существованиям Будды, они выходят по своему литературному значению за рамки буддийского канона и чрезвычайно важны для изучения древнеиндийского фольклора. Наконец, в Кхуддака-никаю входит еще несколько менее значительных текстов (*Niddesa*, *Apadāna*, *Buddhavaṃsa* и др.).

В отличие от Сутта-питаки, Абхидхамма-питака (*Abhidhamma piṭaka* — «Корзина относящегося к дхамме»; далее — Ап) трактует учение Будды не в этико-практическом, а в более отвлеченном плане — психологии и философии. В целом она относительно позднего происхождения по сравнению с Vp и Sp, вместе с тем отдельные ее элементы имеются в суттах Dp и Ap. Здесь семь трактатов: «Дхаммасангани» (*Dhammasaṅgaṇi* — «Перечисление дхамм») — наиболее авторитетный и важный для буддийской психологии текст; «Вибханга» (*Vibhāṅga* — «Разделение», «Классификация»), близкий по содержанию к предыдущему; «Катхаваттху» (*Kathavatthu* — букв. «Предмет беседы») — приписываемый известному буддийскому авторитету Тиссе Моггалипутте (III в. до н.э.) и посвященный полемике с воззрениями его противников (Третий буддийский собор в Паталипутре); «Пуггалапаньятти» (*Puggalapaññatti* — «Описание личностей»), содержащий интересные психологические характеристики и по принципу изложения также находящий себе параллели в Ap и Dp; «Дхатукатха» (*Dhātukathā* — «Объяснение элементов») — вопросы и ответы о различных психических феноменах; «Ямака» (*Yamaka* — букв. «Пары») — трактат по прикладной логике, названный так в связи с методикой рассуждений (использование тезиса и антитезиса); «Паттханаппакараṇа» (*Paṭṭhānappakaraṇa* — «Книга об исходной точке»; также *Mahāppakaraṇa*) — трактат о причинности.

Наряду с указанным делением существуют и другие традиционные классификации канона. Так, заслуживает внимания южная традиция, делящая канон по жанровому признаку на 9 частей (*aṅga*): 1) *Sutta* — собрание связанных повествований или стихов на определенный сюжет; 2) *Geyya* — смешение прозы со стихами; 3) *Veyyākaraṇa* («Объяснение») — сюда входят тексты *Ap*, а также сутты, лишенные стихотворных строф (*gatx*); 4) *Gāthā* — стихотворные строфы; 5) *Udāna* («Восторженные излияния») — как прозаические, так и в стихах, а также сутты, включающие подобные стихи; 6) *Itivuttaka* — собрание из 101 сутты, начинающееся соответствующими словами («Так было сказано [Буддой]»); 7) *Jātaka* (см. выше); 8) *Abbhutadhamma* («Сверхъестественные события») — изложение невероятных, сказочных происшествий; 9) *Vedalla* (этимология неясна — ср. PR: 648) — сутты, представляющие собой вопросы, заданные в связи с чувством удовлетворенности².

Согласно буддийской традиции (ср. Cv XI.56; XI.56; BS I: 2 sq.), *Vp* и *Sp* были составлены и изложены отдельными учениками на Первом буддийском соборе в Раджагрихе, состоявшемся сразу же после ухода Будды в нирвану. Последняя дата устанавливается отнюдь не однозначно. По версии, официально принятой ныне буддистами Юго-Восточной Азии, достижение Буддой нирваны (т.е. начало буддийской эры Буддхасасана) относится к 544 г. до н.э. Однако большинство авторитетных исследователей уже в XIX в. и до недавних пор придерживались так называемой «исправленной долгой хронологии», относя жизнь Будды — с незначительными вариациями — к периоду ок. 560 — ок. 480 гг. до н.э., на основании свидетельств более поздних цейлонских хроник о 218 годах, протекших между нирваной Будды и началом царствования Ашоки. Последнее, однако, подвергается серьезному сомнению, и сейчас существует тенденция датировать уход Будды в нирвану значительно более поздними сроками (Р. Гомбрич — 404 г. до н.э.; Г.Х. де Зойса — 384 г. до н.э.; Х. Бехерт — ок. 400 — 350 гг. до н.э. и т.д.). В рамках настоящего предисловия мы не останавливаемся на этой дискуссии, столь существенной для древнеиндийской хронологии и, учитывая достаточно спорный характер проблемы, склонны с соответствующими оговорками условно придерживаться «исправленной долгой хронологии»³. Вместе с тем, независимо от степени достоверности соответствующих свидетельств, представляется очевидным, что учение Будды начало передаваться уже непосредственно знавшими его учениками (Анандой, Кассапой и др.) и постепенно приобретало известное нам оформление в течение первых веков после Будды. Важными вехами в этом процессе явились Второй буддийский собор, состоявшийся в Вайшали через 100 (по другой версии — через 110) лет после Будды, и Третий собор, проведенный в Паталипутре при царе Ашоке около середины III в. до н.э. По-видимому, к последнему периоду уже оформилась значительная часть канона, во всяком случае — *Vp* и *Sp*; процесс этот продолжался и позже, он сопровождался

² См. (BS I: 23–24; ср. Lamotte 1958: 158; и др.).

³ Среди биографий Будды ср. (Oldenberg 1890; Ольденберг 1905; Thomas 1927; Foucher 1949; Lamotte 1947–1948; 1958: 16 sq.; Bareau 1963–1970; Nāṇamolī 1978; и др.). В связи с соответствующими датировками см. также (Bareau 1953; Schumann 1982; Klimkeit 1990; Бехерт 1993; Bechert 1991–1997; 1995; и др.).

борьбой различных направлений среди последователей Будды, разногласия между которыми, согласно преданию, начались уже на Первом соборе (полемика с монахами Пураной, Гавампати и др.) и в скором времени привели к образованию различных течений. На Втором соборе в Вайшали в рамках общины (сангхи) окончательно определились два направления — по-видимому, более ортодоксально настроенные тхеравадины (*theravādin*; *sthaviravādin*) и махасангхики (*mahāsaṅghika*; также *ācāryavādin*); каждое из них в скором времени, в свою очередь, разделилось на ряд школ. Не останавливаясь здесь на изучении отдельных буддийских течений и полемики между ними⁴, отметим лишь, что отдельные черты догматики этих школ, в частности элементы обожествления Будды, культ бодхисаттв и т.д., позволяют в известной степени проследить истоки оформившейся уже позже махаяны; вместе с тем догматика тхеравадинов связана прежде всего с формированием хинаяны. Следует иметь в виду, что отдельные течения создавали свои варианты канона — так, традиция тхеравадинов представлена именно той палийской версией канона, о которой идет речь; махасангхики выработали свою собственную версию, исключив из канона ряд текстов, признанных тхеравадинами и т.д. Что касается записи палийского канона в известном нам виде, то это произошло уже в 80 г. н.э. на Цейлоне, в правление царя Ваттагамани.

Неоднократно делались попытки уточнить сравнительную хронологию различных частей канона — как для всей его совокупности, так и в рамках отдельных составляющих его циклов и отдельных текстов. Так, по степени древности Т.В. Рис-Дэвидс предлагал выделить группы текстов: 1) наиболее простые, повторяющиеся формулы и положения; 2) эпизоды, повторяющиеся слово в слово; 3) отдельные тексты — как самостоятельные, так и включенные в произведения большего размера, например, наставления о нравственности (*sīla*). Эти наиболее старые части канона были, видимо, составлены в течение первого столетия после Будды; далее следуют другие части канона (главным образом из Sp), последними же в данном ряду упомянуты книги Ар. По мнению Б. Лоу, к III в. до н.э., по-видимому, уже функционировали первые четыре никаи. Анализируя особенности языка и содержания, Г. Панде предлагал выделить ранние и поздние фрагменты текста в рамках отдельных никай, полагая, что их оформление происходило между V и III вв. до н.э. и что они практически были составлены в известном нам объеме уже к концу второго столетия после ухода Будды в нирвану⁵. Среди наиболее существенных достижений в этой области — выводы Э. Фраувалльнера, подвергнувшего тщательному анализу тексты Vp во всех дошедших до нас традициях отдельных школ. Анализ этот позволяет предположительно отнести кодификацию наиболее древней части канона (старый текст *Skandhaka* в Vp) к первой половине IV в. до н.э. — незадолго до или вскоре после Второго собора в Вайша-

⁴ Ср. (Bureau 1955a; 1955b; Lamotte 1958: 136 sq., 571 sq.; Norman 1983: 7 sq.; и др.). Следует иметь в виду, что условно используемые ниже традиционные обозначения «хинаяна» («малая колесница») и «махаяна» («большая колесница»), как уже отмечалось (см., например, Шохин 1999: 59 сл.), отражая соответствующую установку, уже сами по себе носят оценочный характер, что нами здесь не рассматривается.

⁵ См. (Rhys Davids 1916: 188); ср. (Law 1933, I: 1 sq.; Pande 1957: 16 sq.; и др.).

ли. То же, возможно, относится и к главе 6 «Махапариниббана-сутты», сообщаящей важные сведения об уходе Будды⁶. Эти выводы могут служить отправной точкой для датировки ряда других текстов.

В связи с этим следует сказать, что работы Ф. Веллера, Э. Вальдшмидта, Э. Фрауваальнера и др. показали, сколь важно для решения проблемы хронологии палийского канона, аутентичности и взаимозависимости отдельных его частей привлекать другие, параллельные версии соответствующих текстов. Как известно, кроме палийской Типитаки буддийская каноническая литература представлена и текстами на других языках. Таковы санскритские версии отдельных произведений канона, в частности ряд текстов Dn и Kp. В результате Турфанских раскопок в Туркестане были обнаружены в том числе помимо «Дхаммапады» санскритские версии «Махапариниббана-сутты», также известной в ряде редакций, и варианты некоторых других сутт, входящих в Dn, — «Маханиданы», «Саккапаньхи», «Дасоттары» и др.⁷

Тексты Типитаки известны также в китайских, тибетских, монгольских переводах. Китайские переводы, сделанные ко II–IV вв. н.э., включают четыре агамы, т.е. никаи (Dn, Mn, Sn, An), причем ряд текстов существует в нескольких (до четырех) переводах. Китайские переводы, как и тибетские (Ганджур), интересны в текстологическом отношении и, видимо, не зависимы от палийской традиции версий отдельных сутт; оригиналом их мог служить неизвестный нам вариант канона (на одном из праkritов), к которому восходят и палийские тексты⁸. Следует иметь в виду, что указанные версии зачастую представляют собой не только разноязычные варианты отдельных произведений, но и одновременно — традиции разных школ. Так, если тексты Sp, за немногими исключениями, известны нам в редакции тхеравадинов, то разноязычные тексты Vp представлены в общей сложности традициями шести школ⁹.

Все эти версии имеют первостепенное значение не только сами по себе (равно как и для изучения северного буддизма), но и для более широкого анализа палийского канона. Исследование их сыграло важную роль в оценке (и переоценке) источниковедческой значимости палийских текстов. Взгляд на палийский канон как наиболее древнее и аутентичное отражение первоначального буддизма (Т.В. Рис-Дэвидс, Г. Ольденберг и др.) был серьезно поколеблен — этому уже с конца XIX в. способствовали труды И.П. Минаева¹⁰, а затем упомянутые выше исследования Ф. Веллера, Э. Вальдшмидта и других. Можно полагать, например, что отдельные китайские версии подчас отражают более предпочтительные чтения оригинала (отличные от палийского), к которому они восходят. Совершенно

⁶ См. (Frauwallner 1956), в частности, p. 65 sq.; ср. (Norman 1983: 23 sq.).

⁷ Ср., например (Waldschmidt 1932; 1950–1951; Stache-Rosen 1957–1968; и др.).

⁸ В частности, в китайском тексте *Ārghāgama* — 30 сутт; сутты Dn XI, XII и XXXIV расходятся с соответствующими китайскими текстами, а сутты Dn VI, VII, X и XXXII здесь вообще отсутствуют. При этом порядок сутт в *Ārghāgama* и Dn различный. Ср., например (Weller 1928a: 154 sq., 178 sq.); ср. (Weller 1971).

⁹ Ср. (Frauwallner 1956: 1 sq.; Pande 1957: 2 sq.; Jong 1968; и др.).

¹⁰ См., например (Минаев 1887), в частности, с. 16 и др.

очевидно, что в дошедшем до нас виде палийская Типитака носит следы значительной работы, проделанной ее кодификаторами в первые века после Будды, и было бы опрометчиво видеть в ней последовательно аутентичную передачу воззрений самого основателя буддизма. Если говорить о попытках выделить в канонических текстах элементы «праканона», то подобная задача невозможна без привлечения свидетельств других традиций (в том числе, по-видимому, и представленных сравнительно поздними памятниками, например махаянистскими), без анализа санскритских, китайских, тибетских и других текстов¹¹.

При всем том палийская Типитака сохраняет свое значение как бесспорно наиболее полное, последовательное и по-своему законченное изложение буддийских воззрений в начальный период их существования, а в отдельных своих фрагментах, можно полагать, — и как непосредственное свидетельство об основателе буддизма и его собственном учении. Более поздние добавления, несомненно выходящие за пределы первого века после Будды, отнюдь не умаляют исторической ценности палийских текстов. В неменьшей мере, чем санскритские или китайские версии¹², они важны для изучения проблем, связанных с зарождением и ранним этапом развития буддизма, для реконструкции «праканона». В этом отношении можно отметить суждение Ж. Фильоза — попытки подобной реконструкции, основанной на выделении общих элементов в традициях различных школ, носят, по его мнению, неизбежно гипотетический характер. Вместо того чтобы искать общий субстрат, прибегая к достаточно произвольному методу соответствий, «лучше взять за образец описание учения, надежно засвидетельствованное в лучше всего известной нам школе тхеравадинов палийской традиции», и по мере возможности сопоставлять это описание со свидетельствами других школ¹³. Если же говорить о более широком круге вопросов, связанных с историей древнеиндийской этико-философской и научной мысли, с социальной жизнью древней Индии, с ее художественной литературой, то тексты палийской Типитаки, по своей полноте и завершенности, без сомнения, в целом стоят на первом месте среди всех известных нам версий канонических буддийских текстов¹⁴.

В рамках палийского канона Дигха-никая открывает собой Sp — раздел, как уже говорилось, с наибольшей полнотой излагающий учение буддизма в его эти-

¹¹ Ср. (Winternitz 1929; Schayer 1935; Regamey 1957: 37 sq.; Воробьева-Десятовская 2012; и др.).

¹² Следует помнить, что известные нам санскритские и палийские версии, по-видимому, не являются первоначальными и восходят к неизвестному нам оригиналу на одном из среднеиндийских диалектов. Ср. наблюдение М. Винтерница (Winternitz 1988: 21) о сравнительных особенностях палийских и санскритских буддийских текстов; в частности, о близости первых к упанишадам, а вторых — к пуранам.

¹³ См. (Renou, Filliozat 1947–1953, II: 516 sq.); ср. (Regamey 1957: 38 sq.; Conze 1967: 4, 10 sq.; Ruegg 1992).

¹⁴ Ср. также (Lüders 1954; Елизаренкова, Топоров 1965: 15; DW 19, 50, 536; и др.). В связи с образом Будды и изложением соответствующей догматики помимо ряда классических трудов см., в частности (Лысенко, Терентьев, Шохин 1994; Лысенко 2003; Рудой, Островская, Ермакова 1999; Андросов 2001; 2010; 2011; 2019а; Островская, Ермакова 2004; Шохин 2007; Торчинов 2015; статьи В.П. Андросова, В.Г. Лысенко, Е.П. Островской, А.В. Парыбка, В.И. Рудого, В.К. Шохина и др. (Введение 1999; Категории 2000; ИФЭ; ФБЭ; и др.). Из наиболее интересных переводных работ ср. также (Конзе 2003).

ко-практическом аспекте и наиболее интересный в художественном отношении. При этом жанр сутт представлен здесь образцами, наиболее крупными по объему и сложными в плане сюжетно-композиционного развития. Ряд исследователей склонны считать Dn одной из ранних частей канона — в связи с этим обращалось внимание на некоторые черты композиции и содержания Dn, делающие ее единым, завершенным текстом. Как полагал О. Штраус, среди частей Sp Dn производит впечатление текста, наилучшим образом сохранившего первоначальное учение буддизма (хотя, разумеется, нельзя утверждать, что это точная передача воззрений самого Будды), — последнее, по его мнению, предстает здесь в менее искаженном виде по сравнению с другими доступными нам источниками¹⁵.

Приведенные суждения представляются достаточно оправданными — во всяком случае, это относится к ряду очевидно более старых сутт (главным образом из раздела I Dn)¹⁶. Можно предположить, что большинство сутт Dn получили свое оформление в период V–III вв. до н.э. и независимо от корректив, которые могут внести сюда отдельные (как уже говорилось, дошедшие до нас с меньшей полнотой) свидетельства других традиций, равно как и сама датировка жизни Будды, содержат в своей совокупности ценнейшие данные о первоначальной истории буддизма, об окружавшей его идейной, социальной, политической обстановке Индии того периода. Свидетельства эти локализуют действие районом Северо-Восточной Индии (северная и средняя части долины Ганга), где к этому времени сложился ряд государственно-племенных объединений: Магадха со столицей в Раджагахе (Раджагрихе; ее цари Бимбисара и Аджатакатту традиционно упоминаются как последователи Будды), Косала со столицей в Саваттхи (Шравастии; ср. свидетельства о ее царе Пасенади), области сакьев, личчавов и др. Именно с этими местами и лицами была связана и деятельность Будды, зарождение и развитие его общины. В этом отношении Dn занимает почетное место среди никай, дающих в рамках палийского канона наиболее важные сведения о социальных и политических взаимоотношениях, жизни различных сословий, деталях быта и т.д.

Изучение Dn в ряде отношений облегчается тем обстоятельством, что мы располагаем детальным комментарием к ней, примерно равным по объему самому комментируемому тексту. Это *Sumaṅgala-vilāsinī* («Сияющая благоприятствием») Буддхагхосы (Buddhaghosa)¹⁷ — одного из крупнейших буддийских авторитетов первых веков н.э., жившего на Цейлоне в конце IV — первой половине V в. Он известен прежде всего своим компендиумом «Висуддхимагга» (*Visuddhimagga* — «Путь очищения»). Кроме *Sumaṅgala-vilāsinī* ему приписывают также ряд комментариев к другим частям канона (Vp, Mn, Sn и др.). Его комментарий к Dn, разъясняя ряд конкретных выражений и свидетельств, содержит немало сведе-

¹⁵ Ср. (Franke 1915–1917: 455 sq.; Strauss 1925: 87).

¹⁶ Ср. (Bapat 1926: 1 sq.; Law 1931a: 170 sq.; Norman 1983: 32).

¹⁷ Ср. (Winternitz 1988: 185 sq., 583 sq.; Law 1933, II: 399 sq., 409 sq.; Law 1976; Malalasekera 1958: 79 sq.; Subrahmaniam, Nainar 1952; Goonesekere 1967: 15 sq.; EB III: 404–417 (Buddhaghosa); и др.). О более позднем (возможно, X в.) комментарии к Dn, приписываемом Дхаммапале, ср. DAT I: XLI sq. (Cousins 1972).

ний, важных для истории первоначального буддизма, — о жизни Будды (в коммент. к I)*, о происхождении сакев (к III) и т.д. Особый интерес представляет введение (BS I: 1–25), излагающее события, последовавшие за уходом Будды (ср. Cv XI; Dn XVI.6 и т.д.).

Язык Дигха-никаи — пали (*pāli*)¹⁸ — принадлежит к одному из среднеиндийских диалектов, по-видимому, распространенному в середине I тысячелетия до н.э. в Индии, а позже — ко II–I вв. до н.э. — и на Цейлоне. Исследователи полагают, что ошибочно отождествлять его с языком магадхи — ряд магадхизмов в палийских текстах объясняется тем, что последние (как и санскритские версии канона) восходят к оригиналу, близкому по языку к магадхи или к литературной форме последнего (ардхамагадхи). В рамках Типитаки язык Dn является хорошим образцом канонической палийской прозы, он сравнительно более однороден, упорядочен и содержит меньше архаизмов по сравнению с языком других разделов канона, в частности гатх. Его отличает значительное богатство словаря (например, он превосходит в этом отношении упанишады); подобно языку других прозаических текстов Типитаки, его можно считать «эталоном классического пали»¹⁹.

Дигха-никая состоит из трех разделов (*vagga*), каждый из которых объединяет различное число сутт (13, 10, 11) по определенным принципам, как мы увидим, достаточно разнородным²⁰. Раздел I — *Sīlakkhandavagga* (букв. «Об относящемся к нравственности»). Сюда входят сутты I–XIII, объединенные по принципу общего содержания — каждая из них включает определенные этические заповеди, связанные с нравственным поведением (*sīla*), постижением истины (*pañña*), ступенями совершенства (*jhāna*), ведущими к высшей сосредоточенности (*samādhi*); соответствующие поучения повторяются с незначительными сокращениями и модификациями (характер рефренов, изменения в обращении в связи с личностью собеседника, замена соответствующих обозначений — например, *sīlacaraṇa* и т.д.; см. соответствующие комментарии) в суттах II–XIII, начиная со слов: «Вот в мир

* Здесь и ниже отдельные сутты Dn обозначаются римскими цифрами соответственно своему порядку в сборнике: I — *Brahmajāla*, II — *Sāmaññaphala*, III — *Ambaṭṭha*, IV — *Soṇadaṇḍa*, V — *Kūṭadanta*, VI — *Mahāli*, VII — *Jāliya*, VIII — *Kasapa-sihanāda*, IX — *Poṭṭhapāda*, X — *Subha*, XI — *Kevaddha*, XII — *Lohicca*, XIII — *Tevijja*, XIV — *Mahāpadāna*, XV — *Mahānidāna*, XVI — *Mahāparinibbāna*, XVII — *Mahāsudassana*, XVIII — *Janavasabha*, XIX — *Mahāgovinda*, XX — *Mahāsamaya*, XXI — *Sakkapañha*, XXII — *Mahāsatiṭṭhāna*, XXIII — *Pāyāsi*, XXIV — *Pāṭika*, XXV — *Udumbarika-sihanāda*, XXVI — *Cakkavatti-sihanāda*, XXVII — *Aggañña*, XXVIII — *Sampasādaniya*, XXIX — *Pāsādika*, XXX — *Lakkhaṇa*, XXXI — *Singalovāda*, XXXII — *Āṭṭanāṭṭiya*, XXXIII — *Saṅgīti*, XXXIV — *Dasuttara*.

¹⁸ Вероятное этимологическое значение — «текст», позже — «священный текст», ср. (Geiger 1956: 1 sq.; Елизаренкова, Топоров 1965: 7 сл., 12 сл.; и др.).

¹⁹ Елизаренкова, Топоров 1965: 14.

²⁰ Ср. (Barat 1926: 1 sq.). Достаточно разнородны и принципы объединения других текстов в рамках Sp (ср. Winternitz 1988: 44 sq.). В связи с последующим изложением см. (Syrkin 1981–1982). Более детальную характеристику содержания некоторых сутт Dn см. ниже. Об отдельных стилистических особенностях палийского канона ср. также (Алиханова 1971: 166 сл.; Syrkin 1981–1982). В связи с характеристикой палийских сутт см. также (Шохин 2007: 63 сл.; ФБЭ: 680–686 — В.К. Шохин).

приходит Татхагата» (Idha... Tathāgato loke upajjati — II.40, см. об этом имени ниже) и кончая: «Он постигает: „...нет ничего вслед за этим состоянием“» («...nāparam ithattāyāti) pajānāti — II.98; ср. DR I: 59). Таким образом, повтор этот, разбитый в разных суттах на разное число параграфов (мы следуем изданию DRC I) охватывает II.40–98 = III.2.2 = IV.23 = V.27 = VI.16–19 = VII.2–5 = VIII.18–20 = IX.7–13 = X.1.7–2.36 = XI.9–66 = XII.19–77 = XIII.40–75. Что касается других частей этих сутт, то некоторые из них имеют в своем составе также и самостоятельное повествование, включающее определенные наставления (ср. III, V, XIII), некоторые являются, по сути дела, лишь обрамлением указанного повтора (ср. ниже). Для большинства сутт раздела I характерна и определенная концовка — восклицание ученика, содержащее традиционную формулу с просьбой о принятии его в члены общины, обычно она помещена в самом конце сутты и сравнительно реже — незадолго до конца. В то время как в разделе I она встречается в 8 суттах из 13 (II–IV, VIII–X, XII, XIII), все остальные сутты приводят ее лишь три раза (из 21) — XVI.5.28; XXIII.29 и XXXI.35.

Следующий раздел — *Mahāvagga* («Большой раздел» — XIV–XXIII), хоть и содержит меньше сутт (10), чем разделы I и III, в действительности превосходит их по объему за счет самой большой сутты сборника — «Махапариниббаны» (XVI). Остальные сутты этой части значительно уступают ей в объеме; в то же время они в среднем примерно равны суттам других разделов Dn. Названия большинства из них (7 из 10) начинаются с определения mahā (XIV–XVII, XIX, XX, XXII), отсутствующего в названиях сутт разделов I и III Dn. Определение это, отразившееся и в названии соответствующего раздела, возможно, связано с тем обстоятельством, что эти сутты были первоначально известны в более коротком варианте, здесь же предстают в более полном²¹. Так или иначе, принцип объединения сутт раздела II чисто формальный. Вместе с тем здесь имеется ряд особенностей, отличающих сутты XIV–XXII от I–XIII. Это прежде всего развитие повествовательной техники, внимание к мифологическим сюжетам, эволюция отдельных идей (см. ниже). Следует сказать, что здесь значительно больше стихотворных вставок (гатх), чем в разделе I (34 к 3).

Раздел III — *Pāṭikavagga* («Раздел, [открывающийся суттой] о Патике» — XXIV–XXXIV) — также назван достаточно произвольно, по имени неудачливого оппонента Будды из первой сутты этого раздела (*Pāṭika sutta*)²², не упоминаемого больше нигде в Dn. Как будет сказано ниже, здесь также сравнительно развит повествовательный элемент и еще больше гатх (146); некоторые особенности раздела III, возможно, связаны с манерой обращения к более широкой аудитории²³. В рамках раздела III встречаются и достаточно разнородные принципы построения — так, в XXXIII и XXXIV изложение основано на введении посте-

²¹ Varat 1926: 3. Ср. также традиционное объяснение такого названия «великим почетом», которым пользуются эти сутты (DK II: IX). Впрочем, в заголовках сутт XVII и XIX Mahā-, по-видимому, относится к собственным именам героев (ср. коммент.).

²² Pāṭika, вероятно, употреблено здесь в значении Pāṭikādi (т.е. «раздел, начинающийся с „Патика-сутты“»); ср. DK III: IX).

²³ Ср. (Varat 1926: 2 sq.).

пенно возрастающих числовых комплексов (ср., видимо, сравнительно позже оформившуюся An). Вместе с тем по своему содержанию этот раздел не стоит особняком от предыдущих — ср. параллели между «Удумбарика-сиханадой» (XXV) и «Кассапа-сиханадой» (VIII), «Лаккханой» (XXX) и «Махападаной» (XIV.1.32), «Сампасаданией» (XXVIII) и «Махапариниббаной» (XVI.1.15–17) и др.

Сутты Dn вводятся традиционным зачином: *evam me sutam* (букв. «Так мной услышано»). Традиция относит «*me*» к Ананде (*Ānanda*), любимому ученику Будды, но, независимо от достоверности этого утверждения, очевидно, что, во всяком случае, в отношении некоторых сутт это не так — в X повествующий ссылается на поучение не Будды, а самого Ананды, в XXIII — на поучения Кассапы, другого ученика Будды, на которого Ананда вряд ли стал бы ссылаться как на своего наставника. Скорее всего под «*me*» могли подразумеваться разные лица, придерживающиеся соответствующей традиции, в ходе которой наставление передавалось изустно от учителя к ученику и о существовании которой, по-видимому, свидетельствует данный зачин (ср. коммент. к I.1.1).

В свое время было высказано мнение о том, что отличающие Dn внутреннее единство и завершенность (в построении текста и в тематике) свидетельствуют о принадлежности ее одному автору, об определенной литературной обработке, проведенной одним лицом. Эта теория, однако, не представляется достаточно убедительной²⁴. Выше говорилось уже о весьма разнородном (как стилистически, так и композиционно) характере изложения в разделах I–III, в частности — о совершенно разных принципах, положенных в основу членения по этим разделам, что отразилось и в их названиях. Не раз отмечался неоднородный характер различных частей Dn и даже частей отдельных ее сутт. Вместе с тем это не снимает вопроса об определенных чертах единства Dn. Таковы, в частности, тематические параллели между соседними суттами сборника — уже отмечавшаяся общая тематика с прямыми текстуральными повторами в II–XIII, описания занятий и ремесел в I–II, упоминания о Бимбисаре в IV и V, связь событий, упоминаемых в XVI–XVII (об уходе Будды), и другие более или менее точные совпадения. Характерны и последовательные «скрепления» (*Verknüpfungen*) между соседними суттами, связанные с определенными формулами (I–II, II–III, III–IV и т.д.)²⁵. Следует, впрочем, иметь в виду, что значительная часть подобных параллелей могла быть вызвана не столько преднамеренным объединением сутт одного сборника, сколько некоторыми более общими чертами палийских канонических текстов, в данном случае — тенденцией к употреблению стереотипных выражений и формул, к разного рода повторам (см. ниже). Тенденция эта позволяет установить многочисленные текстовые совпадения не только в рамках Dn, но и, например, между отдельными никаями Сутта-питаки.

Среди отдельных принципов построения текста Dn, объединяющих этот сборник с рядом других палийских (а подчас и санскритских) текстов, значи-

²⁴ Ср. (DF: XXX, XLII; Franke 1913a: 198 sq.; 1913b: 409 sq.; Geiger 1956: 17, v. 4; Renou, Filliozat 1947–1953, II: 350; и др.).

²⁵ Ср., например (Franke 1913b: 414 sq., 419 sq.).

тельный интерес представляет прием описания, построенный на исчерпывающем перечислении логических возможностей. Прием этот по своему значению выходит за рамки буддологии и ставит нас перед более общей проблемой истории научного языка. Подобное описание содержит уже первая сутта Dn, где последовательно приводятся следующие варианты возможных вопросов: «Другой мир существует?» — «Другой мир не существует?» — «Другой мир и существует, и не существует?» — «Другой мир ни существует, ни не существует?» — и далее похожим образом: «Самопроизвольно родившиеся существуют?» — «Самопроизвольно родившиеся не существуют?» и т.д. [I.2.27]. Сходные построения дают VI.6 сл.; VIII.4; IX.27, 31 сл.; и др. Еще один пример имеется в XII.16 сл., где перечисляются различные виды учителей в зависимости от обладания или не обладания двумя признаками (достижение цели отшельничества и внимание со стороны учеников), сочетающимися здесь во всех вариантах (т.е. последовательно: —; —+; +—; ++)²⁶. Подобные описания, по необходимости оперирующие четырьмя вариантами, находят себе соответствие в той роли, которую играет в канонических текстах тетрада (а также числа, кратные четырем). Последнее проявляется и непосредственно в числовой символике, и в некоторых принципах композиции. Так, ряд положений, излагаемый в I, связан именно с четырьмя «основаниями» (vatthūhi; ср. I.1.30 сл.; 2.1 сл., 16 сл., 23 сл.; и др.). Соответственным образом классифицируемые по этим «основаниям» 62 учения, упоминаемые Буддой, разлагаются здесь следующим образом: 18 (4 + 4 + 4 + 4 + 2) + 44 [16 (4 + 4 + 4 + 4) + 8 (4 + 4) + 7 + 5]. Среди других примеров использования чисел, кратных четырем, можно назвать II.91 (8 пар типа «наделенный страстью ум» — «свободный от страсти ум» и т.п.); IV.4 сл. [3; 16 (4 + 8 + 4)]; VI.6–7 (четыре стороны света) — ср. XIII.76–77; XI.67 сл. (четыре «великих элемента» — земля, вода, огонь и воздух) и др. Принцип тетрады играет первостепенную роль (пожалуй, преимущественно перед другими числовыми комплексами) в традиционной буддийской догматике — ср. четыре «праведные истины» (ariya sacca) — II.97; IX.29, 33; XIII.38 и др.; четыре ступени совершенства (jhāna) — IX.10 сл. и др.; «восьмичленный путь» (atthaṅgiko maggo) — VI.14; VIII.13; 32 признака Будды (ср. XXX) и т.д.

Сравнительно меньшую роль играет здесь триада. Среди наиболее характерных примеров — неоднократное упоминание «трех прибежищ» (saraṇa) — Будды, дхаммы и сангхи — в соответствующих формулах (просьба собеседников Будды принять их в общину — ср. II.99; III.2.22; V.25 и др.). Среди триад упомянуты три вида «я» (atta) — IX.39 сл.; три свода праведных предписаний — X.1.6; три вида чудес — XI.3; три вида учителей — XII.16 и др. Встречаются трехкратные повторы определенных обращений — ср. XI.1–3; XIV.3.3–6; XVI.5.24; трехкратные вопросы — III.1.20; XI.81–83; XIII.11 и др.²⁷. Другие числовые комплек-

²⁶ Ср. (Syarkin 1984a: 61 sq.); см. также (Syarkin 1983). Подобная «комбинаторика» весьма характерна и для других классических индийских трактатов за пределами буддийской традиции — ср. еще более сложные перечисления у теоретиков драмы, в эротологической литературе и т.д. (ср. КС: 17 сл.). См. также (Stall 1976; Pereira, Tiso 1988; и др.).

²⁷ См. также (Franke 1915–1917: 98).

сы, например, пятерницы (ср. XIII.30), не играют столь важной роли в догматике и тем более — композиции текста; многочисленные их примеры дают, как уже говорилось, построенные на соответствующем принципе XXXIII и XXXIV (во втором случае последующая градация от 1 до 10 носит несколько более упорядоченный характер — по 10 примеров для каждого комплекса). Ср. также роль тетрад и пятерниц в XXXI. Наконец, может представить интерес анализ отдельных перечней, обнаруживающих при всей своей пестроте определенные закономерности, — ср., например, II.20 (14×100000 — 16×100 — 600 — 500 — 5 — 3 — 1 — 1/2 — 62 — 62 — 6 — 8 — 49×100 — 49×100 — 49×100 — 20×100 — 30×100 — 36 — 7 — 7 — 7 — 7 — 7 — 7 — 7 — 7 — 700 — 7 — 700 — 7 — 700 — 84×100000).

Некоторые из указанных примеров находят себе достаточно широкие типологические соответствия в других культурах²⁸. Как мы видим, подобный композиционный принцип вообще характерен для буддийской канонической традиции — в частности, в рамках Типитаки он определяет построение целого раздела Суттапитаки — Ангуттара-никаи (от 1 к 11), «Итивуттаки» в Кхуддака-никае (от 1 к 4), «Пуггалапаннатти» в Абхидхамма-питаке (от 1 к 6) и т.д. Вместе с тем употребление их (в частности, в рамках более обширных перечней) может представлять собой и дань определенному счетному автоматизму — таково, например, содержание I.1.31 сл. (1 — 2 — 3 — 4 — 5 — 10 — 20 — 30 — 40 — 50 — 100 — 1000 — 100000), XIII.76 сл. (1 — 2 — 3 — 4) и др.

Роль, которую играют отдельные числовые компоненты в организации текста Dn, подводит нас к другой весьма характерной его особенности — повторам. Особенность эта отличает и многие другие памятники древнеиндийской литературы, в частности, некоторые образцы канонических текстов за пределами буддийской традиции, например, упанишады (ср. повторения с незначительными вариациями: «Брихадараньяка» II.4 — IV.5; «Брихадараньяка» II.1 — «Каушитаки» IV и т.д., не говоря о многочисленных повторях отдельных формул и выражений, анафорах, эпифорах и т.д.)²⁹. Подобный прием вообще представляется характерным для культовых текстов и находит себе многочисленные аналогии в других культурах (ср. хотя бы параллельные места в синоптических евангелиях в рамках новозаветного канона). Следует сказать, однако, что в текстах палийского канона и, в частности, именно в суттах Dn прием этот достигает, пожалуй, наиболее яркого выражения, придавая значительной части памятника характер клише. Указанная тенденция отличает самые различные по объему фрагменты текста — от отдельных лексических и фразеологических единиц до сравнительно больших частей, охватывающих десятки параграфов. Наряду с формулами, объединяющими разные сутты (ср. упоминавшийся зачин *evam me sutam*), еще более многочисленны повторы внутри отдельных сутт. Таковы анафоры во всех параграфах I.1.11–27; в I.1.31–34 и т.п.; многократные рефрены в I.1.8–27; II.43–63 (ср. параллели к ним в других суттах раздела I Dn). Не раз повторяется стерео-

²⁸ Из работ в этой области см., например (Endres, Schimmel 1988).

²⁹ Ср. (Сыркин 1971: 68 сл.).

типная характеристика Будды: *taṃ kho pana Bhagavantam...* («и вот о нем, Благо-стном [см. ниже] Готаме, идет такая добрая слава...» — II.8; III.1.2; IV.6; XIII.7 и др.). Ряд повторов создает своеобразную ретардацию в описании хода действия в передаче речей, реплик, поучений действующих лиц, пересказываемых в целом или в отдельных частях снова и снова, без всяких изменений и сокращений, подчас — лишь с незначительными модификациями: ср. I.1.1–4; II.83–84, 85–86, 87–88, 89–90, 91–92 и т.д.; III.1.12–13; IV.5–6 (ср. V.6–7); V.16 сл.; X.1.2–4; XI.67–81; XII.2.4–6; XIII.4–5, 8 сл., 31–32, 80; и др. При такого рода повторах возможны и вариации, связанные с известными стилистическими приемами, — таково постепенное нарастание числа повторно перечисляемых элементов в V.24 сл. («постоянное подаяние», «постоянное подаяние и дарение обители», «постоянное подаяние, дарение обители и обращение к прибежищу» и т.д.). Сходным образом в VIII.22 повторяются во все более расширенном варианте (от 1 до 10) свойства проповеди Готамы. Уже отмечалось, что повторы могут охватывать значительные фрагменты текста, объединяя и разные сутты, — ср. раздел о *sīla* в суттах первой части Dn (см. выше), соответствия IX.35 — XIII.19; IX.37 — XIII.21 (см. соотв. примеч.) и др., ср. также XVI.1.16–17 — XXVIII.1–2. При воспроизведении определенного фрагмента текста вариация допускается подчас лишь в пределах определенной группы понятий, существенных для хода поучения, подобный прием был отмечен и в ранних упанишадах — ср., например, «Брихадараньяка» IV.3.23–30, где варьируются обозначения «жизненных сил» (*grāṇa*), «Иша» 9–14 и т.д. Он наблюдается и в других образцах палийского канона — ср. построение «Дхаммасангани», где характерно членение текста на крупные «блоки», причем «каждая последующая часть отличается от предыдущей на минимальный (в идеале) элемент, существенный прежде всего для плана содержания (этому элементу в плане выражения могут соответствовать как определенные сочетания слов... так и отдельные слова или даже части слов)», — тип описания, возможно, характерный для перехода от мифопоэтического способа выражения к научно-му³⁰. Последний, по-видимому, генетически восходит к значительно более ранним памятникам индийской литературы, прослеживаясь за пределами буддийской традиции уже в ранних упанишадах (т.е., возможно, ок. VIII — VI вв. до н.э.), представляющих, кстати, как и тексты Dn, прежде всего этико-практическую и в гораздо меньшей мере — «научную» дидактику. Как мы видим, подобные «блоки», построенные на чередовании дидактически значимых понятий и нередко — с исчислением логических возможностей, составляют значительную часть текста Dn, при этом, естественно, в рамках подобных повторов сплошь и рядом уже автоматически происходит дальнейшая мультипликация повторяющихся в рамках одного «блока» отдельных лексических единиц, формул и т.п. Можно отметить, например, I.2.17–20, где при полном совпадении текста соответственно

³⁰ Топоров 1968: 53 сл. Анализируя самую первую главу «Дхаммасангани», автор представляет ее в виде восьми формул, реализующихся из трех различительных признаков, каждому из которых может быть придано положительное или отрицательное значение. В следующих главах подобные перечни не обязательно носят исчерпывающий характер, реализуя лишь некоторые варианты (ср. выше о комбинаторике Dn).

варьируются следующие высказывания: «мир конечен» (17), «мир бесконечен» (18), «мир и конечен, и бесконечен» (19), «мир ни конечен, ни бесконечен» (20). В I.2.24–25 варьируются причины уклончивой речи монаха — страх перед неправильной речью (24) и страх перед «зависимостью» (25). I.3.32–44, 45–57 и 58–70 дает три варианта стереотипных оценок перечисленных выше воззрений, меняя лишь краткие характеристики этих воззрений. II.2–7 повторяет характеристики шести наставников, варьируя лишь их имена. Соответственные повторы с несколько большим разнообразием варьируемых элементов (связанным с изложением учения этих наставников) дает II.16, 18–19, 21–22, 24–25, 27–28, 30–31, 33–34 — более существенно различаются здесь лишь промежуточные фрагменты текста (II.17, 20, 23, 26, 29, 32). Ср. также III.2.3; V.12; VI.6–7, 8–9, 10–11 (варьируются стороны света); VIII.6–12, 15–17; XII.16–18 и др.

Прием повтора необходимо рассматривать в тесной связи с функцией текста, с характером его традиции — важно помнить, что значительная часть сутт канона представляла собой проповеди, передаваемые устным путем. Необходимость их запоминания ставила определенные мнемонические задачи, без сомнения, обусловившие отдельные повторы, в частности, формул и положений, особо важных в дидактическом отношении. Вместе с тем повторяемость отдельных фрагментов текста при их рецитации создавала определенную монотонность звучания, что могло играть определенную «фасцинирующую» роль, способствуя сосредоточенному настроению слушателя-адепта³¹. Будучи, как это уже неоднократно отмечалось, вообще характерными для канонических культовых текстов, повторы в значительной степени могут восходить и к определенным элементам магической техники — особенно это относится к случаям, когда их организация связана с числовой символикой — ср. упомянутый выше принцип троекратности некоторых вопросов и высказываний: III.1.20; XI.1–3, 81–83; XIII.11 и др.

Вместе с тем, полностью отдавая себе отчет в функциональной значимости данного приема, не следует упускать из виду, что отдельные повторы (в частности, в различных, подчас следующих друг за другом суттах — ср. VII, представляющую собой сокращенный вариант VI, или, например, в рамках Sn — сутты 124–126 и 191–192), возможно, явились результатом работы редактора. Не исключено, что, стремясь к полноте сборника, последний ставил рядом различные версии одного и того же текста, используя в отдельных случаях материал других сборников, — этим обстоятельством могли бы быть объяснены и некоторые параллели между различными сборниками Сутта-питаки, например, между разделом II Dn и отдельными суттами Mn³².

Ряд сутт Dn дает образцы достаточно развитой повествовательной техники. Значительную роль играет здесь диалог, подчас весьма живой. Такова, например, беседа Будды с юношей Амбаттхой (III). Общение между ними не ограничивается дидактикой — оно проходит через ряд стадий, в ходе которых гордость и за-

³¹ Ср. замечания о подобного рода воздействии (Oldenberg 1917: 46 sq.). Ср. (Winternitz 1988: 65 sq.; DW 49 sq.).

³² Ср. (Geiger 1956: 12). Об отдельных таких параллелях (в частности, в стихотворных гатхах) см., например (Franke 1909).

носчивость Амбаттхи сменяются страхом, а затем почитательностью; меняются и настроения учеников. Вместе с тем реплики Будды не исчерпываются поучениями — они достаточно эмоциональны и связаны с состояниями Амбаттхи. Разумеется, это не меняет общей направленности и основной функции диалога в Dn — он прежде всего связан с наставлением в должном знании и в этом отношении опять-таки может быть сопоставлен с формой изложения в ранних упанишадах. И здесь диалог фактически переходит в монолог Будды, преподающего истину; этот момент, как уже отмечалось, до известной степени отличает буддийские сутты и упанишады от диалогических форм изложения в памятниках других традиций — античной (например, у Платона) и более поздней западноевропейской.

Для сутт Dn характерно чередование прозы со стихами (gāthā). Последние основаны на метрико-силлабическом принципе и (при достаточно частых нарушениях в количестве слогов) в основном восходят к размерам, основанным на восьмисложных (шлока, ануштубх) или одиннадцатисложных (триштубх) частях (pāda)³³. Уже говорилось, что они почти отсутствуют в разделе I (где выступают лишь в функции резюме отдельных положений — ср. III.1.28; XI.85) и довольно употребительны в разделах II и III, где выполняют также и повествовательную функцию, подчас нося достаточно эмоциональный характер — ср. XIX.44, 45; XXI.5 и др. Стихи могут составлять весьма значительную часть отдельных сутт — например, практически почти всю «Махасаману» (XX.5–22), «Атанатию» (XXXII.3–7, 10), по сути дела, представляющих собой смешанный стихотворно-прозаический жанр. Особенно интересна в этом отношении «Лаккхана» (XXX), систематически чередующая прозу и стихи, разнообразные по размерам (ср. также «Сингаловаду» — XXXI). Отдельные строфы завершают и каждую из частей Dn, содержа перечень сутт, входящих в соответствующую часть. Роль стихов в Dn (и еще в большей мере в некоторых других частях Типитаки) позволяет предположить, что канон возник на основе как нарративных прозаических текстов (типа брахман), так и поэтических произведений.

Сутты Dn объединяет уже упомянутый общий зачин (evam me sutam) и следующие за ним сведения о пребывании Будды в определенном месте. Характерной (особенно для сутт раздела I) завязкой служит остановка Будды вместе с толпой монахов (обычно с пятьюстами монахами) в каком-либо месте (в Косале, Анге, Магадхе и т.д.). О его прибытии слышит один из местных жителей — часто это какой-нибудь брахманский авторитет или его ученик (Поккхарасади, Кассапа, Субха и т.д.; в этой роли выступает и царь Магадхи Аджатасатту) и приближается к нему, чтобы задать какой-либо вопрос, нередко выступая при этом с ошибочной точкой зрения. Поучения Будды рассеивают эти заблуждения, принося слушателю полное удовлетворение, и тот произносит традиционную формулу, прося принять его в общину. Сюжет этот допускает определенные вариации. Так, в III Будда наставляет сначала юного Амбаттху, а потом его наставника

³³ Ср. (Елизаренкова, Топоров 1965: 58 сл.); см., в частности (Warder 1967: 16, 86, 94 sq., 98, 225 sq.).

Поккхарасади. Иногда к Будде приближаются сразу два собеседника (Мандисса и Джалия в VII, Васеттха и Бхарадваджа в XIII); в X наставление произносит не Будда, а Ананда, хотя в остальном канва повествования не претерпевает изменений (ср. также поучение от лица другого ученика Будды — Кассапы в XXIII). Обычно не только Будда, но и его оппоненты предстают в окружении своих учеников и приближенных, последние отнюдь не всегда играют пассивную роль — они могут живо реагировать на поучения Будды (например, в III). Так, брахманы высказывают суждения об уместности приближения своего коллеги к Будде (IV.4 сл.; V.5 сл.), причем после подобного спора брахман Сонаданда опасается осуждения своих спутников в случае, если он неправильно поведет беседу с Буддой (IV.8 сл.).

В ходе поучения Будда нередко прибегает к вставным рассказам — например, о происхождении рода сакьев (III.1.16), о жертвоприношении царя Махавиджиты (V.10–20) и др. Иногда это воспоминание о соответствующем прецеденте в жизни Будды (например, VIII.23; ср. XXIV.1.7 сл., 11 сл.). Своеобразная рамочная композиция прослеживается в подаче систематически повторяющегося в суттах II–XIII цикла поучений. В II.40–98 этот цикл вставлен в поучения Будды царю Аджатакатты. Интересно проследить дальнейшие его повторы, обнаруживающие известные вариации в способах обрамления, связанные с задачей поучения. В III.1.2 сл.; IV.23 сл.; VIII.18 сл., где эта вставка характеризует состояние брахмана, достигшего совершенства, она подана сходным образом (ср. также X.1.7–2.36, где она излагается в три приема). В V.27 она выступает уже в рамках рассказа о ритуальной процедуре — в образе «жертвоприношения», более плодотворного, чем другие традиционные виды жертв (ср. характерные мотивы в догматике ранних упанишад). В VI.16–19 (то же VII.2–5) она вставлена в рассказ Будды Махали, где Будда вспоминает об одном из своих предыдущих наставлений двум странникам, иллюстрируя ее описанием монаха, не задающегося такими неподобающими вопросами, как эти странники (т.е. о различии между жизненным началом [jīvaṃ] и телом). В IX.7–17 она вводится как описание упражнений, ведущих к достижению определенных состояний сознания, а затем — к уничтожению самого сознания. В XI.8 сл. это третье и высшее из чудес Будды (в рамках рассказа о трех видах чудес, на которые он способен). В XII.19 сл. это поучение наставника, принадлежащего к четвертой, наивысшей категории (в рамках учения о четырех видах наставников). Наконец, в XIII.40 сл. эта вставка иллюстрирует состояние адепта, знающего путь к соединению с Брахмой и обладающего сходными признаками с Брахмой (в рамках диалога с Васеттхой, указывающего на несовершенство брахманов, «сведущих в трех ведах» и не знающих пути к Брахме).

Рамочный характер композиции сутт в целом сохраняется и в разделах II и III (в частности, благодаря традиционным зачинам и концовке), однако здесь появляются новые сравнительно с разделом I черты. Прежде всего значительно возрастает удельный вес нарративного материала. Так, «Махападана» (XIV) содержит историю предыдущих рождений Будды (новая по сравнению с разделом I деталь догматики); «Махапариниббана» (XVI) представляет собой рассказ о последних днях жизни Будды и событиях вскоре после его ухода — текст этот, воз-

никший, очевидно, в результате контаминации различных преданий, отчасти близок, как уже говорилось, к жанру исторической хроники (отдельные фрагменты которой он, возможно, сохранил), и догматика сплетается здесь с драматическим, эмоционально насыщенным повествованием. Тесно примыкает к ней «Махасудассана» (XVII) — завязкой здесь служит разговор между Буддой и Анандой о месте предстоящего погребения Будды. В ходе беседы Будда рассказывает историю одного из своих прежних существований, содержащую, в частности, элементы волшебной сказки (ср. описание города Кусавати). Подобные же элементы включены и в следующие сутты (XVIII—XXI), в которых значительную роль играют мифологические персонажи (в первой части такие персонажи выступают лишь эпизодически и изредка — ср. появление яккхи Ваджирапани перед Амбаттхой в III.1.21 или появление различных божеств в XI.68). Достаточно своеобразна «Саккапаньха» (XXI), первая часть которой чередует прозу со стихами и содержит любовный эпизод (1.6–7). Вообще, в рамках раздела II Дп, пожалуй, лишь XV и XXIII, имеющие, кстати, незначительное число стихов, в большей мере примыкают по характеру содержания к суттам раздела I.

Сутты раздела III сами по себе достаточно разнородны — как по характеру своей дидактики, так и по способу ее изложения и обрамления. В XXIV поучения Будды сочетаются с весьма живым описанием его оппонента (Патики), содержащим, как полагают некоторые исследователи, элементы юмора³⁴. XXVI и особенно XXVII во многом приближаются к типу пуранических легенд. Несколько отличается по характеру наставления «Сингаловада» (XXXI), затрагивающая обязанности домохозяина. «Атанатия» (XXXII) представляет собой своеобразное заклинание от злых сил. В ряде сутт этого раздела, как уже говорилось, значительную, подчас преобладающую роль играют стихи (ср., в частности, XXX, XXXI, XXXII). Вместе с тем две последние сутты — XXXIII и XXXIV — почти целиком в прозе (за вычетом XXXIV.1.1) и стоят особняком по способу изложения (числовые комплексы; ср. также XXXI.8–12, 15–19, 21–25, 28–33). Сравнительно ближе к суттам раздела I здесь XXV (ср. VIII), а XXVIII представляет собой развернутый вариант XVI.1, 15–17, 29 (ср. выше).

Как мы видим, характер изложения, развитие сюжета, композиционные особенности сутт претерпевают значительные изменения при переходе от одного раздела Дп к другому. В целом, пожалуй, наиболее четко выражено различие между разделами I и II при сравнительно неоднородном характере раздела III³⁵. Как уже говорилось, все это заставляет сомневаться в гомогенном характере Дп и принадлежности ее одному автору. Можно заметить, что различия между разделами выступают и в поэтике заглавий отдельных сутт. Если выделить два основных принципа, по которым называются сутты, — по связи с тем или иным аспектом содержания и по имени действующего лица, то в рамках раздела I первый принцип выдержан лишь в трех суттах: в I — «Брахмаджале», II — «Саманьяпхале» и XIII — «Тевидджже». В остальных (III—XII) суттах в основу наименова-

³⁴ Ср. (DR III:1; Bapat 1926: 13).

³⁵ Ср. также (DK I: XXII sq.; DK II: XXV sq.; DK III: XX sq.).

ния положены имена собеседников Будды (Амбаттха, Сонаданда, Кутаданта и др.), при этом лишь в VIII допускается некоторое усложнение (имя + образ, связанный с проповедью Будды: «Кассапа-сиханада» — см. соотв. коммент.). В разделе II картина до известной степени обратная — большинство (6) названий здесь так или иначе связаны с содержанием (XIV–XVI, XX–XXII; ср. выше о роли определения таñā-) и 4 — с собственными именами (XVII–XIX, XXIII — Махасудассана, Джанавасабха и т.д.). В разделе III собственные имена действующих лиц встречаются еще реже — в XXIV (Патика) и XXXI (усложненное «Сингаловада»), остальные названия (в XXV–XXX и XXXII–XXXIV), также отражая тематику сутт, носят (как и сутты данного раздела) более разнообразный характер. В частности, здесь, по-видимому, используются названия местностей (ср. XXV.1 — роща царицы Удумбари, XXXII.7 — город Атаната); более употребительны образные выражения (ср. XXV — «сиханада», XXVII, XXVIII и др.); наконец, в названиях XXXIII и XXXIV («Сангити» и «Дасоттара») характеризуется уже собственно сам принцип изложения. Выше мы говорили и о различных принципах, положенных в основу наименования самих разделов Dп.

Вместе с тем можно выделить и ряд характерных мотивов и образов, объединяющих весь сборник, как, впрочем, и более широкий круг древнеиндийской канонической литературы (включая и некоторые тексты за рамками буддийской традиции). Неизменно повторяется здесь мотив стремления к истинному знанию, заставляющего людей искать общества Будды. Одни из его собеседников с самого начала почтительно внимают ему (царь Аджатакатту), другие вначале упорствуют в своих заблуждениях (Амбаттха, Поккхарасади), но и те и другие в конце концов проникаются верой в его слова и обращаются с просьбой принять их в общину (с традиционной формулой «трех прибежищ» — *saṅga*). Неизменно повторяются отдельные сцены, характерные, по-видимому, для быта той среды, например, соблюдение определенного ритуала приветствия при приближении к Будде, приглашение его вместе с монахами в дом собеседника для угощения (III.2.19; V.30; XVI.4.15 и др.) и т.д. Неоднократно при этом приводится стереотипная характеристика Будды (он — «Благостный, архат, всецело просветленный...» — ср. II.8; III.1.2; IV.6 и др.). Будда обрисован здесь как Татхагата (*Tathāgata*; ср. ниже соотв. коммент.), несравненный наставник людей³⁶, исполненный терпимости и сострадания. Мотив его проповеди, завершающейся обращением собеседника и всеобщим удовлетворением слушателей, пожалуй, наиболее существенен не только для Dп, но и для значительной части текстов буддийского канона³⁷. Среди отдельных черт его поведения можно отметить молчание (*tuñhī*) как знак согласия — например, III.2.19; IV.24 и др. При всем этом разные сутты Dп рисуют образ Будды отнюдь не вполне стереотипно (что, возможно, связано и с хронологическими расхождениями). Так, если в суттах раздела I образ этот носит по преимуществу «земной» характер, то уже в XIV приводится учение о предыдущих мифических Буддах. Неодинаково его отношение к чудесам — ср.

³⁶ Ср. в связи с этим (Stoesz 1978).

³⁷ Ср. (Franke 1913a; 1913b; 1926).

негативную установку в XI (а также VI.5 сл.) и, с другой стороны, — XXIV. В суттах разделов II и III происходит своего рода «обожествление» Будды — можно полагать, что значительное влияние на образ Будды оказали более архаичные представления (ср. характер сутт XIV, XVIII–XXI, XXVII, XXXII)³⁸. При этом мифологические сюжеты тесно переплетаются здесь с описанием повседневных будничных событий. Таким образом, Dn уже сама по себе является не только важнейшим источником сведений о жизни основателя буддизма, но и свидетельством той эволюции, которую претерпел его образ в первые века существования буддизма с формированием буддийской догматики (мы не останавливаемся здесь на проблеме историчности Будды — проблеме, которая, по мнению подавляющего большинства исследователей, независимо от степени достоверности отдельных фактов его биографии, должна быть решена положительно)³⁹. Здесь рисуются не только психологический и нравственный облик Будды, не только его отношение к ученикам и оппонентам, его манеры и привычки — внимание уделено и его физическому облику (правда, в традиционно-мифологической интерпретации) — мы имеем в виду описание его тридцати двух признаков — ср. XIV.32; XXX⁴⁰. Следует также отметить, что характер Будды в суттах Dn подчас носит следы определенной двойственности — временами он угрожает своим оппонентам, например, Амбаттхе — см. его фразу: *sattadhā muddhā phalissati* «голова расколется на семь частей» в III.1.20; ср. также V.21; XXIV.1.22 (со сценой унижения Патики) и др. Подобное отношение также находит себе параллели в ранних упанишадах и, хотя выражено здесь не столь сильно (в частности, например, Амбаттха не погибает, как Шакаля в «Брихадараньяке» III.9.26, и остается жив — впрочем, очевидно, лишь потому, что вовремя одумался), свидетельствует о том, что известная степень амбивалентности отличает и образ основателя буддизма⁴¹.

При анализе материала Dn, как и других частей палийского канона, в качестве свидетельства эволюции легенды о Будде следует иметь в виду, что, говоря об «обожествлении» Будды, мы невольно оперируем противопоставлением «человек–божество», вводя, таким образом, определенные теистические представления, по-видимому, чуждые буддизму. По замечанию А. Принса, «Будда не в большей степени обожествлен в махаяне, чем очеловечен в хинаяне», и понятие «природы» Будды (Buddhahood) как комплекса его свойств не может быть адекватно объяснено соответствующим противопоставлением (manhood–godhead), но является специфичным для данной системы воззрений понятием. Следует вообще с крайней осторожностью прилагать к Будде и его догматике привычную для нас систему терминов — можно сослаться в связи с этим и на употребление

³⁸ Ср. о соответствующих аспектах образа Будды (Masson 1942; Glasenapp 1954; Barua 1969; Hal-dar 1977: 129 sq.; Shaner 1987; и др.).

³⁹ Ср. суждение Э. Фрауваальнера (Frauwallner 1957: 311 sq.) о том, что сведения о Будде, во всяком случае, более достоверны, чем о некоторых современных ему греческих философах (например, Фалесе).

⁴⁰ Ср. (Agrawala 1951; Wayman 1957).

⁴¹ См. подробнее (Sygkin 1984b; Сыркин 1993: 29 сл.). В связи с соответствующей проблематикой см. (Nagao 1984).

Э. Конзе понятия *saviour* («спаситель») в применении к Будде (ср. существенно различный характер «спасения» в христианстве и буддизме)⁴².

Сутты Dп содержат также интересные характеристики других персонажей — учеников и последователей Будды (Ананда, Кассапа), мирян, обращенных Буддой и вступивших в его общину (Сонаданда, Поккхарасади), и т.д.⁴³. Живо нарисован образ царя Аджатакатту (в II), его восхищение красотой лунной ночи, разочарование в наставниках, трепет перед Буддой, любовь к сыну, раскаяние в убийстве отца. Как уже говорилось, динамичен образ юного Амбаттхи, причем со сменой его состояний меняется и отношение к нему его спутников, переходящих от одобрения к нападкам (ср. III.1.17–22). Любопытно, что после обращения Амбаттхи сходную эволюцию в той же сутте претерпевает и его наставник Поккхарасади: от недоверия к Будде и нападков на Амбаттху — к вступлению в общину Будды; в соответствующих характеристиках прослеживается и та двойственность, о которой говорилось выше, применительно к самому Будде. Возможно, отдельные образы содержат здесь элементы юмора — ср. образ Патикапутты, желающего встать с сиденья и неспособного сделать это (XXIV.1.20). Вообще говоря, проблема юмора в буддийских текстах представляется весьма сложной, если учесть неадекватность соответствующих критериев. По-видимому, можно, во всяком случае, говорить об определенной иронии в некоторых поучениях Будды — ср. его беседу с Кеваддхой (XI.4 сл.), его притчи о человеке, влюбленном в женщину, которой он не видел и не знает, о постройке лестницы, ведущей неизвестно куда (IX.35, 37 — XIII.19, 21; см. ниже)⁴⁴.

Язык Dп (как и в ряде других частей Sp) изобилует сравнениями⁴⁵, придающими поучениям Будды весьма живой, образный характер. Можно условно выделить здесь два вида сравнений: во-первых, краткие, лаконичные, близкие к метафоре; во-вторых — развернутые, приближающиеся подчас к типу притчи, иллюстрирующей то или иное поучение. Последние часто вводятся формулой: *seuuanhā 'pi... evam eva* («подобно тому как... так же точно...»). Таковы, например, образ рыбака (I.3.72); последовательное уподобление человека, преодолевшего преграды чувственности, расплатившемуся с долгом, избавившемуся от недуга, освободившемуся из темницы и т.д. (II.69 сл.); образ драгоценного камня (II.84, ср. XIX.47 и др.). Уже упоминались притчи IX.35, 37 — XIII.19, 21: не знающий пути к соединению с Брахмой и все же пытающийся говорить о нем уподобляется здесь человеку, который, говоря о своей любви к самой прекрасной женщине в стране, не может сказать, из какого она рода, где живет, как ее зовут, не знает, высокая она или низкая, светлая или темная и т.д., т.е., иными словами, любит ту, которой он не видел и не знает. Далее он же сравнивается со строителем, который начинает воздвигать на перекрестке лестницу, чтобы подняться на

⁴² Ср. (Prince 1970: 116 sq.; Conze 1967: 33 sq.). См. также (Griffiths 1989). Ср. в связи с этим модификацию буддийского «теизма» в предлагавшихся терминах «*transtheistic*» (Г. Циммер), «*transpolytheistic*» (Н. Смарт) — Smart 1972: 37 sq., в частности, p. 39.

⁴³ Ср., например (Law 1933, II: 417 sq.; Migot 1954; Bareau 1959; PM (s. v.); Ānanda (EB I: 529–536); Nyanaponika 1966; Hecker 1979; 1980; и др.).

⁴⁴ Ср. (DR III: 1 sq.; Seidenstücker 1921: 37 sq.; Bapat 1926: 13; Winternitz 1988: 72; и др.).

⁴⁵ См. (Rhys Davids 1906–1907); ср. (Hoppenworth 1972) (на материале Mn) и др.

террасу дома, но при этом не знает еще, где будет расположена эта терраса и насколько она высока. Встречаются сравнения с продуктами, получаемыми от коров (IX.52); с птицей, которая помогает морякам найти землю в открытом море (XI.85); с переправой на другой берег (XIII.24 сл.); с драгоценным камнем, через который продевают нить (XIV.1.21; ср. 27); с лотосами в пруду (XIV.2.6); с охраной города (XVI.1.17); с сумкой, наполненной зернами (XXII.5); с мясником, убивающим скот (XXII.6); с человеком, погруженным в грязь (XXIII.9 сл.); с раскаленным железным шаром (XXIII.17); с трубачом (XXIII.19); с большим караваном (XXIII.23); со свинопасом (XXIII.25); с игроком, проглотившим отравленную игральную кость (XXIII.27), и т.д. Некоторые из этих сравнений, как уже говорилось, по сути дела, разворачиваются в небольшие рассказы типа притчи, параболы; ср. XXIII.13 — о брахманке, убившей дитя в своем чреве; XXIII.29 — о кладоискателе. Не раз последовательно приводится целый ряд подобных сравнений; ср. II.69 сл.; XXIII.9 сл. Некоторые из них коррелируются друг с другом — например, уже упомянутый образ строителя лестницы — со строителем, знающим, где расположена терраса дома (IX.37 и 46).

Среди более сжатых, «свернутых» сравнений назовем, например, образ львиного рыка (VIII.22, 24; XXVIII.1), сравнение с ухаживанием за нелюбящей женщиной (XII.16), с возделыванием чужого поля (XII.17), с вереницей держащихся друг за друга слепых (брахманы, «сведущие в трех ведах», в XIII.15), с пересохшим бродом (XIII.36), со звуком трубы (XIII.77), с лотосом (XIV.1.34; ср. XXI.5), с чистой одеждой (XIV.2.11), с запутанной нитью (XV.1), с переправой через океан (XVI.1.34), с зеркалом (XVI.2.8), со светильником (XVI.2.26), с золотым изваянием (XVIII.17), со слиянием вод Ганга и Ямуны (XIX.8), со слепцом, не различающим цвета (XXII.11), с различными животными (XXVI.20), с островами (XXVI.1; 27), с бамбуком, топленным маслом, мёдом (XXVII.14), с лунным светом (XXXI.6), с разбойниками (XXXII.9) и др. Ряд образов содержит традиционное описание тридцати двух признаков Будды — округлая раковина, ноги антилопы, львиная челюсть и т.д. (ср. XIV.1.32).

Помимо чисто художественного значения указанного приема следует иметь в виду также историко-культурную значимость многих образов и сравнений буддийских сутт. Сравнения эти знакомят читателя с характерными деталями древнеиндийского быта, жизнью представителей различных сословий и занятий — брахманов, кшатриев, торговцев, ремесленников и т.д. При этом сам выбор материала для сравнений представляет интерес и для изучения буддийской символики — укажем для примера на образы лотоса (II.80; XXI.1.5 и др.), переправы на другой берег (XIII.24, 26, 29), драгоценности (mañi; ср. II.84 и др.), слона (XXI.1.5) и т.д.⁴⁶

В языке Дп прослеживаются некоторые особенности, отмеченные в свое время для классической буддийской прозы⁴⁷, например, последовательное употребление какого-либо слова в новых сочетаниях (дополнения при глаголе, определе-

⁴⁶ Ср. в связи с этим (Sewell 1888; Mensching 1929; Kirfel 1959; Gokhale 1974; Zimmermann 1974; Kochumuttom 1985; и др.).

⁴⁷ Ср. (Olbdenberg 1917: 42 sq.).

ния при существительном и т.д.), что, собственно, представляет собой разновидность повтора. Таково, если обратиться к первым же суттам Dn, стереотипное mahatā bhikkhusaṃghena saddhiṃ pañcamattehi bhikkhu satehi («с большой толпой монахов, с пятьюстами монахами») — I.1.1 и др.; ср. там же: «порицал Будду, порицал дхамму, порицал сангху... восхвалял Будду, восхвалял дхамму, восхвалял сангху»; ср. также I.1.9; I.3.74; II.1, 102 и др. Встречаются синонимически близкие ряды — например, II.75 сл.: abhisandeti parisandeti paṇipūreti parippharati («обливает, заливает, переполняет, пропитывает»; ср. XXII.18 и др.). Вместе с тем употребительны антонимические пары (отчасти связанные с упомянутым выше исчислением логических возможностей); ср. I.1.36 сл. («и возникновение, и исчезновение...»); I.2.1 сл.; II.18 сл., 26, 89, 91–92 и т.д. Подобные антитезы нередко предстают в развернутом виде, создавая своеобразный параллелизм отдельных параграфов и частей сутты, подчас, как уже говорилось, отличающихся друг от друга лишь соответствующими элементами (ср. IV.4–6; V.6–7 и др. — см. выше). Отмеченные здесь стилистико-композиционные особенности Dn представляются характерными для ранней стадии научно-философского описания в древнеиндийской литературе; вместе с тем отдельные отличающие ее приемы (система образов, «рамочная» композиция и т.д.) получают дальнейшее развитие в индийской литературе — как буддийской (ср. жанр джатак), так и индуистской («обрамленная повесть», некоторые стихотворные жанры).

Источниковедческая ценность Dn определяется прежде всего тем объемом сведений, который она дает для изучения истории буддизма на его ранней стадии. Как уже отмечалось, сутты Dn бесспорно входят в число наиболее старых и аутентичных текстов палийского канона, свидетельства которых если и не вполне идентичны воззрениям самого Будды, все же представляют собой сравнительно раннее и систематическое их изложение. Содержа ряд сведений о характере раннебуддийской общины и затрагивая некоторые более отвлеченные философские проблемы, Dn излагает в рамках Сутта-питаки прежде всего этико-практический аспект буддийского учения, проясняя отношение Будды к различным сторонам современного ему быта, социальных отношений, духовной жизни. Свидетельства эти находят себе многочисленные параллели в других частях палийского канона, и описание их — как более общее, так и в отдельных деталях — уже многократно давалось в буддологической литературе (ср. ниже примечание к Библиографии). Поэтому здесь будут лишь вкратце отмечены отдельные черты раннебуддийской доктрины (в традиции школы тхеравадинов), получившие достаточное развитие именно в рамках Dn⁴⁸ (на отдельных понятиях мы также останавливаемся ниже, в комментарии к соответствующим свидетельствам).

То обстоятельство, что воззрения, зафиксированные в Dn, представляют собой, очевидно, интерпретацию раннебуддийских воззрений (тхеравадинами) и не

⁴⁸ Ср. попытку систематически выделить соответствующие свидетельства Dn (Franke 1915–1917); ср. (DF: X sq.) и критические замечания (Keith 1923: 21). Помимо уже отмеченных выше работ ср. также в связи с этим (Law 1937); соответствующие статьи в (NBD; EB; Kern 1974: 46 sq.; и др.). См. также, в частности, на русском языке (Ольденберг 1905: 272 сл.; Пишель 2004: 76 сл.; Розенберг 1991; Радхакришнан 1956: 290 сл.; Анагарика Говинда 1993: 35 сл.; Шохин 2007: 201 сл.; и др.).

могут быть с полной достоверностью приписаны самому Будде, а также и то, что последний не раз отказывался от решения метафизических проблем (таких, например, как конечность или бесконечность мира, его вечность или не вечность, существование после смерти и т.д.; ср. I.1.30 сл.; IX.25, 31; и др.; XXIX.34 сл.; и др.; ср. также Мп, сутта 63), побуждает некоторых ученых сомневаться в том, что Будда вообще имел определенные философские взгляды, и полагать, что взгляды эти были, во всяком случае, далеки от законченной системы⁴⁹. Вместе с тем некоторые исследователи говорят о системе воззрений Будды как о чем-то само собой разумеющемся — так, Х. Глазенапп считал несомненным и с психологической, и с исторической точек зрения, что Будда учил определенной метафизической системе⁵⁰. По-видимому, подобные расхождения, имеющиеся и поныне, в значительной мере восходят к характеру сведений о самом основателе буддизма и к известной гипотетичности, с которой мы можем приписать именно ему систему воззрений, изложенных в каноне. Последнее, как мы видим, представляет собой несколько иную проблему, что же касается соответствующего учения, то уже на той стадии оформления, которая нас здесь интересует (т.е. в рамках Дп), ей отнюдь нельзя отказать в определенной последовательности и внутренней завершенности. Заметим, кстати, что само противопоставление «метафизического» «не-метафизическому» представляется нам в данном случае не вполне адекватным (ср. выше, примеч. 42) — если исходить из специфики содержания и функции текста, то важно иметь в виду, что разграничение здесь проводится исходя из того, значимы ли соответствующие рассуждения для определенных целей практического поведения или же они не имеют для него значения, и соответствующий подход Будды (ср., например, IX.24 сл.) отнюдь не вполне соответствует нашему пониманию и разграничению «метафизического» и «не-метафизического»⁵¹.

Упор основателя буддизма на моральную, этическую значимость учения определяет высокую степень его прагматичности. Учение это призвано прежде всего указать адепту известный образ действий, основанный на определенной концепции природы человека, его связи с окружающим миром и оценкой этого мира. Подобная рекомендация, сближающая, в частности, тексты буддийского канона с упанишадами, тесно связана здесь (пожалуй, в большей степени, чем в каком-либо другом течении индийской мысли того периода) с анализом чувственных и мыслительных способностей человека, что определяет глубокий психологизм буддийского учения. В связи с этим следует рассматривать и ярко выраженную психотерапевтическую установку буддизма, проявляющуюся как в ее исходных догмах (ср. ниже о четырех «праведных истинах»), так и в отдельных принципах подачи наставления (в частности, можно полагать — в отдельных повторах).

⁴⁹ Ср. (Keith 1931: 393 sq.). В связи с полемикой с Ф.И. Щербатским см. (Stcherbatsky 1932). Ср. (Keith 1936: 3 sq.); см. также (Schayer 1935: 132; Edgerton 1959; и др.). Не метафизическим считал учение Будды, например, и К. Ясперс (Jaspers 1957: 142).

⁵⁰ Glasenapp 1962: 38–46 («Hat Buddha ein metaphysisches System gelehrt?»).

⁵¹ Ср. (Розенберг 1991: 207); в частности, о том, что подобная установка Будды не являлась отрицанием «ни истинно сущего абсолютного бытия, ни метафизического субстрата в каждой личности».

Отказываясь от рассмотрения ряда проблем, связанных с существованием мира во времени и пространстве, с отношением «жизненного начала» (*jīva*) к телу, с продолжением существования после смерти и т.д., привлекавших внимание его современников (ср. I.1.28 сл.; II.2 сл., 16 сл.; и др.), Будда мотивирует свой отказ тем, что все «это не приносит пользы (*attha*), не связано с истиной (*dhamma*), не относится к целомудрию (*brahmacariya*), не ведет ни к отвращению от мира, ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к познанию (*abhiññāya*), ни к просветлению, ни к ниббане (*nibbāna*)» (IX.28). Этому он противопоставляет «разъясненные» (*vyākatan*) им положения, наделенные всеми противоположными свойствами, т.е. «приносящие пользу, связанные с истиной» и т.д. Прежде всего это четыре «праведные истины» (*ariyasacca*; ср. IX.29 сл.; XVI.2.2; ср. PR: 78; ID 31, 276) — о существовании страдания (*dukkha*), возникновении страдания (*dukkhan-samudayo*), уничтожении страдания (*dukkha-nirodho*) и пути, ведущем к уничтожению страдания (*dukkha-nirodha-gāminī paṭipadā*). Положение о страдании неоднократно конкретизируется Буддой — страданием является рождение, страданием — смерть, страданием — печаль и т.д. (ср. XIV.2. сл.; XXII.14 сл., 18; и др.). В связи с этим излагается учение о пяти группах (*khanda*; *санскр.* *skandha*) элементов как факторов, обуславливающих чувственное восприятие и в своей совокупности являющихся человеку как его «я». Скандхи являются субстратом (*upādāna*) существования, обуславливают рождение человека в этом мире и соответственным образом — его страдания. Сюда входят: 1) *gūra* (материальный образ); 2) *vedanā* (чувства, ощущения); 3) *sañña* (постижение, восприятие); 4) *saṃkhāra* (*санскр.* *saṃskāra* — индивидуальные факторы, обуславливающие характер сознания, склонности и способности человека, понимаемые, возможно, как определенные волевые импульсы); 5) *viññāṇa* (познание, распознавание, сознание [как процесс])⁵². Возникновение страдания (вторая «праведная истина») происходит благодаря «жажде» (*taṇhā*); ср. XXII.19 (ср. XV.7; XVI.1.6 и др.). В связи с этим разрабатывается учение о зависимом происхождении (*paṭicca-samuppāda*; ср. XIV.2.18 сл.) — о цепи из 12 звеньев (*nidāna*), связанных отношением причинной зависимости и обуславливающих переход из одного существования в другое. Это *avijjā* (незнание) — *saṃkhāra* (как склонность к возрождению в мире; ср. выше) — *viññāṇa* — *nāma-rūpa* — *saḷāyatana* (шесть «оснований», *vatthūhi*, сфер чувственного восприятия, т.е. пять чувств + сознание) — *phassa* (соприкосновение) — *vedanā* — *taṇhā* — *upādāna* (стремление, привязанность к жизни) — *bhava* (бытие, становление) — *jāti* ([воз]рождение) — *jaṅgā* (старость) —

⁵² Ср., в частности (Franke 1915–1917: 463; DR II: 339); в связи с толкованием *saṃkhāra* ср.: DF: 307–318 (*geschaffen, gebildet*); PR: 233 (*coefficients of consciousness*); NBD: 148 sq. (*formation*); ДТ: 149 («склонности или способности»). О *viññāṇa*, достаточно ёмком, неоднозначном и, по-видимому, близком к понятию различительной способности, «распознаванию» (ср. его употребление в ранних упанишадах), см. также: Stcherbatsky 1929 (*reine Rezeptivität*); 1932 (*pure consciousness, sensation*); Wijesekera 1964 (*cognitive perceptive consciousness*); ИДС: 128 (А.В. Парибок — «сознание, понятие процессуально»); ФБЭ: 210 сл. (В.Г. Лысенко — «избирательное познание», «распознавание»); Андросов 2011: 189 — «осознание, способность познавать, сознание»); и др. В отдельных местах Дп эту «процессуальность», возможно, предпочтительнее передать как «осознание» (ср. I.3.14–15, IX.15 и соотв. примечания). Я благодарен В.Г. Лысенко за полезное обсуждение.

магапа (смерть). 1–2 из них относятся к предыдущим существованиям человека, обуславливая процесс кармы, 3–10 характеризуют настоящее его существование, 11–12 — будущее. Третья истина об устранении страдания связана с проповедью уничтожения желаний (ср. XXI.2.9; XXII.20; и др.), уничтожения «порочных свойств» (*āsava*; ср. II.97; и др.). Наконец, учение об устранении соответствующих причин (ср. также XIV.2.20; XV.4 сл., 8 сл.; и др.) получает завершенное выражение в идее «праведного восьмичленного пути» (*ariyo aṭṭhaṅgiko maggo*), т.е. надлежащих, «правильных» (*sammā*) воззрения (*diṭṭhi*), намерения (*saṃkappo*), речи (*vācā*), действия (*kammanto*), поддержания жизни (*ājīvo*), усилия (*vāyāmo*), способности самосознания (*sati*, *санскр.* *smṛti* — букв. «память»; по-видимому, близко по смыслу к способности осознавать свои состояния, вниманию к внутренним процессам и т.п.; ср. XXII.21) и сосредоточенности (*samādhi*); ср. VI.14; VIII.13; XIX.61; XXII.2 и др.

В соответствии с системой четырех «праведных истин» и строятся поучения Будды (ср. III.2.21; V.29 и др.). С обретением «восьмичленного пути» и уничтожением желаний связан еще один термин, имеющий первостепенное значение в буддийской догматике, — нирвана (*санскр.* *nirvāṇa*, *пал.* *nibbāna*; возможное этимологическое значение — «угасание»), который употребляется как обозначение соответствующего состояния (т.е. прекращение желаний; ср. XIV.3.1, 4) и в этом смысле — как состояние покоя; впрочем, по-видимому, в раннебуддийских текстах — не как абсолютная недеятельность и небытие, но как позитивное состояние, предполагающее при отсутствии страстей определенную духовную энергию (в связи с этим следует, очевидно, рассматривать и понятие паринирваны — *parinibbāna*; в частности, как «достижение [paṇi-]нирваны»⁵³).

Учение о четырех «праведных истинах» и «восьмичленном пути» составляет основу проповеди Будды, неоднократно обозначаемой в тексте понятием «дхамма» (*dhamma*; *санскр.* *dharma*). В этом употреблении она, в частности, встречается в сочетании с *vināya* («должное поведение»), ср. II.44, 53; XII.13 и др., что достаточно близко к ее этимологическому значению (от *dhar* — «установление», «закон», «нравственный долг»; ср. аналогичное употребление в индуистской традиции). Вместе с тем уже в рамках *Dn dhamma* имеет и ряд других значений — как более отвлеченных (например, близкое к «истина»), так и конкретных («предмет», «вещь», «элемент» и т.д.). При этом *dhamma* служит обозначением не только общего учения, но и определенных его деталей и конкретных предписаний как действий, рекомендуемых адепту, так и наоборот — запретного характера (то, чего не следует делать; ср. I.1.8)⁵⁴.

В связи с этим следует остановиться на некоторых рекомендациях нравственного поведения (*sīla*), составляющих ядро этико-практической догматики *Dn* и

⁵³ Ср. (Щербатской 1988: 199–262 («Концепция буддийской нирваны»), 382 сл., коммент. и библиография). См. также (Welbon 1968; Harvey 1995; Carus 1997; ФБЭ: 493–497 (В.Г. Лысенко); и др.).

⁵⁴ Как и в других случаях, мы не останавливаемся здесь на более поздних (в частности, махаянистских) интерпретациях этого понятия. Ср. (Щербатской 1988: 112–198 («Центральная концепция буддизма и значение термина „дхарма“»), 362 сл.). Ср. также (Glasenapp 1938; 1939; и др.). В связи с понятием «париниббана» ср. также (Masfield 1979).

достаточно последовательно изложенных в суттах ее раздела I. Здесь рисуется образ человека, отказавшегося от дома и семьи, сбившего волосы, надевшего желтые одеяния и отправившегося в странствие (II.35 сл.; и др.). Его состояние определяется как «умиротворенность в мыслях» (*pasanna-cittaṃ* — ср. III.2.21). Такому страннику предписывается ряд правил нравственного поведения (ср. I.1.8 сл.; II.42 сл.; V.26 сл.; и др.) — сюда могут входить в разных вариантах 5, 7, 10 правил (воздержание от убийства, присвоения чужой собственности, чувственных страстей, лжи, хмельного питья), а также ряд других запретов (воздержание от роскоши, нарядов, азартных игр, зрелищ, пустых бесед, недостойных заработков и т.д.). Следуя этим путем, монах преодолевает «врата жизненных способностей» (*indriesu gutta-dvāro*), т.е. зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и разума (*manas*), обретает «способность самосознания и вдумчивость» (*sati-sampra jāññena*) и, полный удовлетворенности (*santuṭṭho*), живет в уединении (ср. II.64 сл.). В таком состоянии он преодолевает пять преград (*pañca nīvaraṇe*) — алчность, злонамеренность, косность, беспокойство, сомнение (II.68) и поднимается по четырем ступеням созерцания (*jhāna*; *санскр.* *dhyāna*; ср. II.75–81 и др.); они связаны соответственно: 1) с устремленным рассудком и углубленным рассуждением; 2) с внутренним успокоением и собранностью в сердце; 3) с уравновешенностью, способностью самосознания, вдумчивостью; 4) со свободой как от несчастья, так и счастья, уравновешенностью и способностью самосознания (для подобного восхождения характерно последовательное снятие противопоставлений, связанных с реакцией на феномены окружающего мира, до известной степени аналогичное ранневедантийской догматике)⁵⁵. В результате адепт постигает природу возникновения и уничтожения, обретает различные виды сверхъестественных способностей (*iddhi*; ср. II.87). Ему открываются свои и чужие помыслы, он получает дар памяти о прежних существованиях (II.93), до конца постигает четыре «праведные истины» и «восьмичленный праведный путь» (см. выше). Его высшее прозрение находит выражение в следующей произносимой им формуле: «уничтожено следующее рождение (*jāti*), исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием (*nāraṃ itthattāyāti*)» — II.98 и др. Достигший высшего совершенства пронизывает своим разумом, исполненным дружелюбия, все стороны света (ср. XIII.76–78). Поучения Будды варьируют этот путь: так, в IX.10 сл. речь идет о восьми ступенях — упомянутые выше четыре *jhāna* + уровень бесконечности пространства + уровень бесконечности разумения + уровень отсутствия чего бы то ни было + уровень вершины сознания (*saññaggaṃ*). Возможны и другие варианты в описании соответствующих состояний — ср. девятичастное членение в XXXIII.3.2; XXXIV.2.2 и т.д. С преодолением различных преград на этом пути связаны и другие поучения, на которых мы здесь не будем останавливаться (ср. ниже содержание отдельных сутт), — например, восемь ступеней преодоления (*abhi-bhāyatanāni*; XVI.3.24–32), восемь ступеней освобождения (*vimokhā*; XV.35; XVI.3.33), семь состояний познания (*viññānaṭṭhitiyo*; XV.33) и т.д.

⁵⁵ Ср., в частности (Heiler 1922; Сыркин 1971: 234 сл.; Takeuchi 1972; Cousins 1973; и др.).

Палийские сутты дают и обозначение существа, прошедшего указанным путем. Это прежде всего *tathāgata* (ср. II.7, 40 и др.), употребляемое здесь как наименование самого Будды. Имя это, по-видимому, означает *tathā + gata*, т.е. букв. «так пришедший», но возможны и другие толкования (см. коммент. к I.1.7). Характерны и иные обозначения Будды — архат (*санскр.* *arhat*, *пал.* *arahant*), «Благостный» (*bhagavant*); ср. I.1.1 и соответствующий комментарий⁵⁶.

Таким образом, уже в рамках Dn можно констатировать достаточно последовательную систему воззрений и установок, декларируемых Буддой, хотя, разумеется, отдельные термины и понятия получают более полное развитие в сравнительно поздних памятниках буддийской канонической и неканонической литературы. Это относится, например, к понятию *dhamma* (ср. выше), к теории «я» (*atta*; ср. *anatta*) — хотя сутты Dn свидетельствуют об определенном отношении Будды к последней проблеме (ср. I.1.30; XV.27–32 и др.), она представлена здесь, по-видимому, в своей начальной стадии⁵⁷.

Воззрения раннего буддизма тесно связаны с современными ему этико-философскими течениями древней Индии. Проблема соответствующих параллелей и различий должна решаться в рамках последовательного системного описания каждой из сравниваемых систем. Было отмечено, например, что отношение к авторитету традиции и роли индивидуума на его пути к совершенству отличает буддизм от ортодоксального брахманизма и отчасти сближает его с упанишадами; вера в действенность поведения (*kiriya-vāda*; ср. II.18) и теория непостоянства «я» (*anatta*) отличают его от адживаков и т.д.⁵⁸. Независимо от ряда генетических общих черт буддизм обнаруживает также и признаки типологической общности с отдельными направлениями мысли той поры, и не всегда легко разграничить первое и второе. Ряд признаков сближает воззрения раннего буддизма с упанишадами (и возникшей на основе последних классической ведантой), отдельные из которых (такие как «Брихадараньяка», «Чхандогья», «Катха»), возможно, оказали на него влияние. Так, при более ярко выраженном практицизме буддийских текстов (ср. также их большую «открытость», экзотеричность, явно эмоциональную окраску отдельных понятий, роль мотива сострадания и т.д.) можно указать на близкие обеим системам черты — отношение к мирским привязанностям, к традиционному ритуалу, оценка «правильного» знания и т.д.⁵⁹. Отдельные аналогии с буддизмом находят в джайнизме, основатель которого Махавира был современником Будды, в санхье, йоге⁶⁰ и т.д.

⁵⁶ Ср. (Franke 1913b (о теме Будды-татхагаты как объединяющей сутты Dn); Vareaux 1957; ДТ: 140–141; Dunnington 1974; и др.). Ср. также об элементах учения о бодхисаттве в раннем буддизме (Krishan 1984b; Ratnayaka 1985; РМ II: 322–329; ФБЭ, 117–118, 162–165 (В.К. Шохин), 172–176 (В.Г. Лысенко) и др.).

⁵⁷ См., в частности (Stcherbatsky 1919; Collins 1982; Krishan 1984a; и др.).

⁵⁸ Ср. (Warder 1956: 61 sq.).

⁵⁹ Ср. (Oldenberg 1923; Przulski 1932; Sengupta 1953; Nakamura 1955; Raju 1957; Mal 1958; Upadhyaya 1971; Сыркин 1972; Bhattacharya 1973; и др.). Ср. (Щербатской 1988: 315 сл.). Ср. выше примеч. 14.

⁶⁰ Ср. (Щербатской 1988: 309 сл., 311 сл., 313 сл.; и др.).

Дигха-никая — один из основных источников, знакомящих нас со взглядами, от которых отталкивался Будда. Взгляды эти зачастую вложены в уста современных ему наставников. Особенно интересны в этом отношении данные II.2–7, 16–33 о воззрениях Пураны Кассапы (теория бесплодности действий), Маккхали Госсалы (отрицание причинной зависимости), Аджиты Кесакампалы (уничтожение после смерти), Пакудхи Каччаяны (неизменность элементов мироздания), Санджаи Белатхипутты (скептицизм) и Нигантхи Натапутты, видимо, тождественного основателю джайнизма Махавире (проповедь подвижничества)⁶¹. Другой пример — краткое изложение 62 ложных воззрений (*ditṭhi*) в I.1.29 сл. Знакома нас с духовной жизнью Индии той поры, со средой, в которой формировался буддизм, эти сведения существенны и для анализа самой раннебуддийской догматики, выявляя отношение Будды к соответствующим взглядам. При этом материал Dп позволяет отметить отдельные характерные особенности в технике рассуждений Будды — помимо уже отмеченных черт логического построения отдельных перечней и роли числовой символики (см. выше) назовем, например, прием отрицания, отчасти связанный с принципом образования отдельных понятий (ср. *nibbāna, an-atta*) и проявляющийся также в более общих чертах фразеологии и методики рассуждений (ср. анафоры в I.1.8, рефрены I.1.11 сл.; II.97; IX.16 и др.)⁶². Можно указать здесь на аналогии в литературе ранних упанишад (ср. знаменитое *neti* — «Брихадараньяка» II.3.6; III.9.26 и др.; III.8.8; IV.3.22; «Шветашватара» III.9–10 и др.), у Шанкары, Чандракирти и др., равно как и в рамках других культурных традиций (Гераклит, Николай Кузанский, Л. Витгенштейн и др.)⁶³.

Первостепенное значение имеют сведения Dп для ознакомления с бытом буддийской общины — сангхи, хотя в этом отношении они (как и в других частях Sp) значительно уступают Vp. Прежде всего это более общие заповеди Будды, регламентирующие поведение его последователей (например, отношение к стяжательству, к женщинам⁶⁴ и т.д.; ср. I.1.8); нередко упоминается сопутствующая Будде сангха монахов, активность которых, как правило, весьма ограничена (ср., например, I.1.3–4; см. отдельные более подробные сведения в XIV).

Уже говорилось, что значительное место занимает здесь полемика с представителями других школ (ср. I; II.3 сл.; XIII.2 сл., 10; и др.), с их аргументами, верованиями, конкретными поступками. Вместе с тем, полемизируя с различными направлениями, ранний буддизм, что весьма примечательно, обнаруживает черты, сближающие его с отдельными более архаичными воззрениями, отчасти ведийскими⁶⁵. Характерно, что, отвергая чудотворство (ср. особенно XI.1 сл.), Будда сам отдает ему дань (например, в XXIV). В связи с этим не раз упоминаются

⁶¹ Ср. (Law 1931b; и др.).

⁶² См., например (Franke 1916; Rhys Davids 1924–1927; Walleiser 1923/24; и др.) и в связи с этим также о «молчании Будды» (Organ 1954; Takeuchi 1965; и др.).

⁶³ Ср. (Heimann 1946; Wayman 1961; Сыркин 1971: 157 сл.; и др.). См. также (Щербатской 1988: 412 сл., 417 сл.).

⁶⁴ Ср. (Horner 1975; Paul 1981; и др.).

⁶⁵ Ср. (Jagadiswarananda 1932; Mal 1958: 262 sq.; и др.).

волшебные сверхъестественные способности (iddhi), которыми владеет существо, достигшее определенной ступени совершенства (способность стать невидимой, проникать сквозь твердые тела и т.д.; ср. II.87; XI.2 сл.). В плане мифологических элементов повествования интересна сцена устрашения Амбаттхи (III.1.21), когда над ним появляется в воздухе сверхъестественное существо — яккха (yakḥha; санскр. yakṣa) Ваджирапани (возможно, здесь имеется в виду царь богов Индра; см. соотв. коммент.), грозя уничтожить юношу.

Как мы видим, Будда скорее избегает говорить о высшем начале; вместе с тем в отдельных поучениях он, очевидно, исходит из признания такого существа (ср. санскр. brahman) и сам говорит о «пути, соединяющем с Брахмой», оспаривая лишь иные традиционные пути, провозглашаемые отшельниками-брахманами (ср. XIII.4 сл., 77 сл.). В соответствии с этико-практической направленностью своего учения Будда делает упор именно на *путь*, само же существование Брахмы, как и ряда других божеств различного ранга (см., например, XI.68 сл., мифологические экскурсы в XVII–XXI и т.д.), отнюдь не затрагивает здесь авторитета Будды и играет функционально иную роль, чем, скажем, в традиционном индуизме — все эти божества представляют из себя лишь объект провозглашенных Буддой законов и норм поведения (мы не говорим здесь о мифологии позднего буддизма, в частности махаянистского, связанной с более активной ролью отдельных персонажей и не характерной для Dn)⁶⁶. Определенное отражение традиционных верований в раннем буддизме, можно полагать, сыграло роль в распространении буддизма, способствуя его популярности⁶⁷. При этом отдельные из них претерпевали в рамках буддизма известную трансформацию в соответствии со специфичными чертами буддийской догматики — ср., например, космологические рассуждения в XXVII.10 сл. (ср. I.2.2 сл.; XXII.1.5; и др.)⁶⁸.

Мы говорили уже о значении Dn как источника по истории Индии⁶⁹. Здесь, в частности, содержатся сведения о племени сакьев, о роде царя Оккаки (III.1.16), о царе Магадхи Аджатакатту (об убитом им его отце Бимбисаре, о его войне с племенем ваджджийцев, о его советнике Вассакаре и т.д. — II.1 сл.; XVI.1.1 сл.; XVIII.6; и др.), о царе Косалы Пасенади (III.1.1; и др.) и т.д. Интересны данные о наделах, дарившихся царями брахманам «в полное владение»: Поккхарасади — царем Бимбисарой (III.1.1), Сонаданде — Бимбисарой (IV.1) и т.д., а также о доходах, получаемых от подобных наделов (XII.10 сл.). Нередко упоминаются брахманы-наставники, игравшие, по-видимому, значительную роль в духовной и общественной жизни (ср. II.3 сл.); в их числе уже упоминавшийся основатель джайнизма Нигантха Махавира (ср. также сведения о его смерти в XXIX.1; XXXIII.1.6). Вместе с тем для отношения Будды к историческим событиям не-

⁶⁶ Ср. (Glasenapp 1926; Story 1972; Marasinghe 1974; Haldar 1977; Norman 1977; и др.); ср., в частности, образ Мары, выступающего в XVI.3.7 сл., 34 сл. (Windisch 1895: 33 sq.; Boyd 1975: 73 sq.). См. ценное исследование о буддийском пантеоне в Dn (Шохин 1999).

⁶⁷ См. (Masson 1942; Dutt 1945b; Bloss 1973; и др.). Характерно в связи с этим и отражение образа Будды в вишнуизме — как одной из аватар Вишну (см., например, Gail 1969).

⁶⁸ Ср., например (Kirfel 1920: 178 sq.; Günther 1944; Denis 1977; Kloetzli 1983; и др.).

⁶⁹ Ср. соответствующие сведения (Law 1941; Zoysa 1955; и др.).

безынтересно осуждение им «низменных бесед» (*tiraścāṇa-katham*) отшельников и брахманов о царе, советниках, войске, сражении, городах, странах, героях и т.д. (I.1.17)⁷⁰.

Соответственным образом Dп содержит ряд географических сведений, связанных с ареалом первоначального распространения буддизма. Неоднократно упоминаются отдельные области и находящиеся в них города, селения и различные местности — прежде всего удостоенные посещения Буддой, например, Магадха (и в ней — Раджагаха, Наланда, Амбалаттхика, Кханумата и др.), Косала (Салаватика, Джетавана, Манасаката, Иччхананкала и др.), Анга (Чампа), Четия, области сакьев (Капилаваттху), личчхавов, ваджджийцев, маллов и др. Упоминаются различные реки (Ачиравати, Какуттха, Хираньявати и др.), пруды (Гаггара), монашеские рощи (Паварика близ Наланды, Синсапавана близ Сетавьи), горы (Ведияка, Гиджджакута) и т.д. (см. соотв. коммент.)⁷¹.

В суттах Dп освещаются взаимоотношения между брахманами и кшатриями, а также отношение к последователям отдельных учений, членам низших сословий и т.д. Уже высказывалось мнение о том, что палийский канон дает в этом плане больше, чем какой-нибудь другой источник домусульманской Индии⁷². Наиболее интересны и полны сведения Dп об отношении Будды и его последователей к брахманам, царям, представителям отдельных монашеских течений, к домохозяевам и т.д. Анализ этих данных (ср., в частности, употребительность определенных обращений — *bho*, *bhante*, *Bhagavā* и т.п.) позволяет предположить, что в социальном отношении Будда примерно равен брахманам, с которыми он поддерживает успешное соперничество; примерно таково же и отношение близких к Будде родовых групп к брахманам; ниже стоят домохозяева, не принадлежащие к брахманству; еще ниже — слуги. В религиозном отношении Будда и его последователи наиболее авторитетны, превосходят, в частности, и брахманов, нередко обращаемых в буддизм и становящихся преданными ему мирянами (*upāsaka*)⁷³. В политическом отношении первенство принадлежит царю, однако по сравнению с брахманами Будда в большей мере сохраняет здесь самостоятельность⁷⁴. Характерно, что само происхождение, по мнению Будды, отнюдь не является еще тем главным, что делает человека истинным брахманом (*brāhmaṇo*, по-видимому, близко здесь, как, например, в Dh XXVI и в некоторых ранних упанишадах («Брихадараньяка» III.5.1 и др.), к обозначению совершенного существа); ср. IV.14 сл. При этом он признает существующее деление на четыре варны и не раз ссылается на него (ср. II.93 сл.; III.1.15; IX.35; XIII.19). В подобных пе-

⁷⁰ Ср. (Gokhale 1956; 1965; 1969; и др.).

⁷¹ Ср. также (Rhys Davids 1897–1901; Law 1926; 1941: 1 sq.; и др.); о соответствующих обозначениях отдельных поселений (*nigama*, *pura*, *nagara*, *janapada* и др.) см. (Bose 1942: 48 sq.; Wagle 1966: 12 sq.).

⁷² Wagle 1966: VII.

⁷³ Ср. (Dutt 1945a: 171 sq.).

⁷⁴ См. (Wagle 1966: 77 sq.; 1967: 305 sq.); ср. критику отдельных суждений Н. Варле (Sharma 1970: 230–232); ср. в связи с этим (Fick 1897; Bose 1942: 481 sq.; Jennings 1947: XXV sq.; Ujitani 1958).

речнях он склонен упоминать о кшатриях прежде, чем о брахманах, и доказывать превосходство их над брахманами (III.1.27–28; ср., с другой стороны, рассуждения брахманов в IV.5 сл.; V.6 сл.; и др.), к которым, впрочем, по-видимому, относится достаточно терпимо и без предвзятой вражды. Ряд реминисценций Dп позволяет уточнить взгляды Будды на историю человеческого общества, на взаимоотношения людей, на качества, необходимые правителю, на функцию государства как морального установления и т.д. В этом плане особенно интересна «Агганья-сутта» (XXVII; ср. также V.10 сл.; XXVI.5; и др.)⁷⁵.

Среди упоминаний Dп о низших сословиях можно отметить, например, свідетельство о «зависимых от других» (parādhino) рабах, рабынях, слугах (dāsa, dāsī, kammakara); ср. I.1.10, 22; II.14, 35, 72; V.18; VIII.16 (о рабыне, носящей воду, — kumba-dāsiyā), XXXI.27 и др.; ср. также обозначение прислужников (ibbhā) в III.1.10, 2.5; соответствующие сведения о происхождении Амбаттхи (III.1.16 сл.; ср., в частности, противопоставление: dujjāto ...akula-putto... — sujāto... kula-putto). Многочисленны сведения о различных профессиях и занятиях⁷⁶, в том числе и осуждаемых Буддой: о вестниках, посыльных, прорицателях, фокусниках, различного рода гадалках, заклинателях и т.д. (см. I.1.19–27). Целый ряд ремесел перечисляется в II.14 сл.: сведущие в уходе за слонами, конюхи, колесничие, лучники, повара, брадобрее, банщики, красильщики, ткачи, гончары и др. Сутты Dп знакомят нас с интересными деталями повседневного быта разных сословий, описывают различные образцы материальной культуры — например, одежду, утварь и другие предметы домашнего обихода. Таковы в I.1.10 сл. упоминания о предметах роскоши, нарядах, ложах, видах пищи, разного рода зрелищах, азартных играх, косметических принадлежностях, блюдах и т.д. Живые бытовые детали дают отдельные сутты со сравнительно более развитым сюжетом (ср., например, XIV, XVII, XXI).

Некоторые особенности буддизма, о которых уже шла речь (его более открытый, экзотеричный характер по сравнению, например, с упанишадами, отношение к традиционному ведийскому авторитету, к сословным различиям и т.д.), равно как его тенденция к прозелитизму⁷⁷, позволяют лучше понять дальнейшую судьбу буддизма в Индии и особенно за ее пределами. Здесь не место останавливаться на многократно привлекавшей внимание исследователей проблеме распространения буддизма и его роли в жизни стран Юго-Восточной и Центральной Азии и Дальнего Востока с древности и по настоящее время⁷⁸. Заметим лишь, что если роль эта была в дальнейшем сравнительно не столь велика в самой Индии, где уже в первые века нашей эры буддизм претерпевает известный упадок, то

⁷⁵ Ср. (Gokhale 1969); см. также (Bohn 1921: 71 sq.; Gokhale 1956; Collins 1993: 307 sq., 387 sq.; и др.).

⁷⁶ Ср. (Law 1941: 139 sq., 152 sq.; Wagle 1966: 134 sq.; и др.).

⁷⁷ Проповедь должного знания — завязка всех сутт и по сути дела их *raison d'être*; ср., в особенности, слова Будды Лохичче (XII.13 сл.), где отказ от подобной проповеди ложится тяжкой виной на учителя и приравнивается к проступкам, ведущим в ад.

⁷⁸ См., в частности (Щербатской 1988: 350 сл.); в связи с влиянием буддизма на иные течения ср., например (Zürcher 1980).

и здесь буддизм отнюдь не исчез бесследно — его воздействие на протяжении тысячелетий прослеживалось в разных областях индийской культуры⁷⁹; примечательно, в частности, определенное возрождение интереса к учению Будды, начавшееся в конце XIX в. и характерное для последних десятилетий. Несомненный интерес представляют собой многочисленные параллели между буддийской и другими культурными традициями, включая непосредственные отражения буддизма в литературе и искусстве разных народов. Учение Будды сравнивают уже с современными ему памятниками этики и философии Китая, Древней Греции и т.д. Целый ряд работ рассматривает параллели с раннехристианским учением — особенно интересны здесь типологически близкие детали (ср., например, отдельные мотивы биографий Будды и Христа: история рождения, искушение и т.д.); что же касается попыток установить генетическую связь, то в отношении новозаветного канона их следует признать малоубедительными⁸⁰. Значительно более достоверен факт воздействия буддийской традиции на сравнительно позднюю христианскую житийную литературу (классический пример — легенды о Валааме и Иоасафе)⁸¹. Многообразны и непосредственные отражения буддизма в европейской культуре Нового времени. Их находят в творчестве Вагнера, познакомившегося с буддийскими легендами по переводу Бюрнуфа, — влияние одной из этих легенд прослеживается в набросках к драме «Победители», к которым восходит замысел «Парсифаля». Среди западных писателей и поэтов назовем в связи с этим Гессе, Рильке, Элиота, среди представителей философской и научной мысли — Шопенгауэра, Бергсона, Хайдеггера, Юнга и др.⁸². Воздействие буддизма прослеживается в русской культуре — возможно, уже со средневековья и до настоящего времени. Если не говорить здесь о специальных научно-философских интересах (И.П. Минаев, Ф.И. Щербатской и др.), то прежде всего приходит на память жизнь и творчество Льва Толстого, которого не раз называли «русским Буддой». На протяжении десятилетий пристально интересуясь личностью и учением Будды, писатель, без сомнения, ощущал определенную близость этой судьбы к своему собственному пути. Уход из дома — от мучительного контраста между окружающей его роскошью и человеческими страданиями, — совершенный некогда основателем буддизма, долгие годы оставался идеалом Толстого, осуществленным, наконец, незадолго до смерти. При этом в образе Будды

⁷⁹ Ср., например (Glasenapp 1974: 21 sq.; Bapat 1976; Naravane 1985; и др.).

⁸⁰ Из отдельных сопоставлений ср. (Кожеников 1916; Sparks 1966; Röhr 1973; Brown 1976; Stehly 1977; King 1986; Thundy 1993; и др.). Для аналогий с европейской научно-философской мыслью вплоть до Нового времени богатый материал содержит классическая буддийская философия (в частности, логика) — ср. уже труды Ф.И. Щербатского. Вместе с тем и, казалось бы, сугубо практические построения, по-видимому, характерные для воззрений основателя буддизма, оказываются в этом плане весьма интересными. Ср., к примеру, неоднократно излагаемое в нашем памятнике учение о двух путях «великого человека» (III.2.5; XXX.1.1 и др.) и экзистенциалистские идеи о выборе между «созерцанием» и «действием», «крестом» и «мечом» (*Камю А.* Миф о Сицифе. Завоевание).

⁸¹ Ср. (Alfaric 1917; Günther 1922; Васильков 1991; и др.).

⁸² Из более общих работ ср. (Bapat 1971; Chopra 1983; Сыркин 2001: 132 и сл.; Serebriany 2005; Wagner 2007; Вагуа 2008; и др.).

он видел также и материал для художественного воплощения⁸³. Буддийские реминисценции не раз встречаются и в русской поэзии XX в.⁸⁴.

Палийский канон неоднократно публиковался целиком и в отдельных частях⁸⁵. С 1882 г. его начало издавать в латинской транскрипции «Общество палийских текстов» (Pali Text Society) в Лондоне, использовавшее для своего издания ряд рукописей, а также появившихся к тому времени других изданий. Издание это снабжено критическим аппаратом и индексами и является до сих пор наиболее распространенным, хоть и не лишено недостатков. Dп была издана в этой серии в трех томах (т. I–II в 1889 и 1903 гг. Т.В. Рис-Дэвидсом и Дж. Карпентером, т. III — в 1911 г. Дж. Карпентером), в последующие годы неоднократно перепечатывавшихся без изменений (DRC, ср. ID); комментарий к Dп Буддхагхосы (Sumaṅgalavilāsinī) был издан в трех томах: первые два — Т. Рис-Дэвидсом и Дж. Карпентером, третий — В. Стеде (BS); комментарий Дхаммапалы (Dīghanikāya-aṭṭhakathā-ṭīkā), также в трех томах, Л. Де Сильвой (DAT). С конца XIX в. появляются издания Типитаки в странах Юго-Восточной Азии. Так, в 1894 г. по приказу царя Чулалонгкорна Типитака была издана в Бангкоке (Таиланд) в 39 томах (сюда не вошел ряд текстов Kп); позже оно переиздавалось с исправлениями и дополнениями. Бирманская традиция Типитаки была зафиксирована в 1871 г. в связи с Пятым буддийским собором на 729 мраморных таблицах. На основании этих таблиц и ряда рукописей в 1954–1956 гг. в Рангуне к Шестому буддийскому собору рядом ученых было осуществлено критическое издание Типитаки в 40 томах, также переиздававшееся. В 1956 г. в Наланде (Индия) стало выходить 40-томное издание палийских текстов (шрифтом деванагари) под руководством Дж. Кашьяпа. В нем учитываются предыдущие издания (прежде всего лондонское и бирманское), своеобразным сводом которых оно является, дополняя бирманскую традицию рядом разночтений. Здесь, в частности, в 1958 г. вышла Dп в трех томах (DK), основанных также и на сингальском (изд. В. Сири Нянаваसा Тхера, Коломбо, 1929) и сиамском (1926) изданиях; при этом пагинация лондонского и бирманского изданий дается здесь на полях. Еще одно издание на деванагари в 11 томах (т. 1–3 — текст; т. 4–11 — комментарий) осуществлено в Индии

⁸³ См., например: *Толстой Л.Н.* Полное собрание сочинений [«юбилейное издание»]. Т. 30. М., 1953. С. 109, 382; Т. 34. 1952. С. 365; Т. 53. 1953. С. 112 и др.; ср. также (Ланской 1965: 371, 408; *Syrkin* 1989: 94 sq.; *Сыркин* 1993: 98 сл.; и др.).

⁸⁴ При этом можно, например, отметить и определенным образом переосмысливающий, а подчас и негативный подход. Так, для Мандельштама «буддийское» предстает, скорее, как замкнутое, бездеятельное начало, отличающее в его видении Москву начала 1930-х годов («В год тридцать первый», «Полночь в Москве»). У Иосифа Бродского «буддисты» стоят между «телепатами» и «спиритами», среди носителей «кайфа» и эйфории; «косой Будда» (наряду с «Ясной Поляной») — знак неприемлемого для поэта противопоставления («Речь о пролитом молоке», 23, 36). В связи с этой проблематикой см. (Бернюкевич 2009; 2018).

⁸⁵ См. (Hart 1962; DK I: VII sq.; DW 535). Мы не останавливаемся здесь на изданиях буддийских канонических текстов на санскрите, тибетском, китайском и т.д. (ср. выше). Из палийских текстов нами также указаны в связи с этим традиционные комментарии к Dп — знаменитого буддийского авторитета Буддхагхосы (V в. н.э. — ср. BS I: V sq.; PM II: 306–307) и, вероятно, основанные на них более поздние экзегетические разъяснения (ṭīkā) Дхаммапалы (ср. DAT I: XLI sq.; PM I: 1145–1146); см. (ИФЭ: 167–169 — В.К. Шохин).

исследовательским институтом Випассана (DV). На DRC и первом бирманском издании основана публикация сутт I–III Dn Ж. Блохом, Ж. Фильоза и Л. Рену с французским переводом *en regard*, выполненным Л. Рену (CBP). Пожалуй, наибольшее количество разночтений, хоть и не вполне последовательно выбранных, дает Наландское издание; вместе с тем, по-видимому, ни одно из имеющихся изданий не может заменить другие и считаться безупречным в отношении критики текста⁸⁶.

Существует ряд переводов сутт Dn на западные языки. Наиболее старые из них — английский Д. Гогерли (I, II, XX, XXXI, XXXII) и французский Э. Бюрнуфа (XV) — сохраняют в основном исторический интерес. Среди более поздних следует отметить английский перевод Т.В. Рис-Дэвидса и К. Рис-Дэвидс (DR) — пожалуй, один из наиболее удачных, сопровождаемый ценными предисловиями и пояснениями к каждой сутте. Здесь, впрочем, допущен ряд сокращений (за счет повторов), и перевод подчас переходит в конспективное изложение текста со ссылкой на параллельные места. Английский перевод М. Уолша (DW) основан на DRC и учитывает, в частности, DF. Автор сокращает не только повторы, но и отдельные выражения, стремясь сделать язык более живым, — в отличие от чересчур архаизированного, по его мнению, языка DR (DW 19, 48 sq., 535 sq.). В этом отношении сравнительно полным представляется немецкий перевод К. Нойманна (DN), воспроизводящего значительную часть подобных повторов. К сожалению, перевод носит местами довольно произвольный характер и содержит немало ошибок⁸⁷. В обширном комментарии предлагается множество параллелей, зачастую весьма гипотетичных, — как из индийской, так и из других культур. Более тщательно выполнен перевод отдельных сутт Р.О. Франке, сыгравшим значительную роль в изучении Dn. Им переведены сутты I–V, VIII, IX, XI, XIII, XVI, XXI, XXVI и XXVII (DF). Перевод сопровождается подробным аппаратом, в частности — приложениями, ценными в терминологическом отношении (о словах *tathāgata*, *arahat*, *bhikkhu* и др.). Весьма полезен французский перевод сутт I–III Dn, сделанный Л. Рену в уже упоминавшемся издании (CBP), к сожалению, не продолженном. Не останавливаясь здесь на многочисленных изданиях отдельных сутт (публиковавшихся в отдельности или в рамках антологии буддийских текстов), отметим, что полного перевода Dn на русский язык с пали до сих пор нет⁸⁸.

Настоящий перевод сделан с издания DRC; были учтены также издания DK, CBP и некоторые другие. При переводе и комментировании широко использова-

⁸⁶ Hamm 1962: 365.

⁸⁷ Ср. (DF: LI sq.; Jong 1959). Вместе с тем язык переводов К. Нойманна явился звеном в развитии своего рода «буддологического» (и шире — «индологического») стиля в немецкой литературной традиции. Можно полагать, что он отразил влияние А. Шопенгауэра и Р. Вагнера (высоко ценивших духовное наследие Индии) и, в свою очередь, воздействовал на Г. Гессе («Сиддхартха», 1922). См. (Zotz 1991: 127); ср. подробнее в связи с этим (Zotz 1986).

⁸⁸ До недавнего времени на русском языке существовали лишь переводы из Dn не с оригинала, а с английского; ср. (БС: 92–152 (XVI), 159–176 (XIII), 187–203 (XVII)). В основном с 1990-х годов появляются переводы отдельных сутт Dn по изданию PTS: I, II.1–33, IX, XV (Шохин 2007: 270–331, 347–367, 375–394); XIII (ТВ: 139–150 — В.В. Вертоградовой); XVII (Шомахмадов 2007: 218–237); XXIII, XXVI, XXVII, XXXI (ИКДИ: 170–215; АП: 111–121; СП: 122–134 — А.В. Парибка).

ны комментарий Буддхагхосы (BS; ср. DAT) и отдельные доступные нам переводы (Т.В. Рис-Дэвидса, К. Рис-Дэвидс, Р.О. Франке, Л. Рену и др.).

Стремясь дать по возможности точную филологическую и смысловую интерпретацию текста, переводчик столкнулся с неизменно актуальной проблемой передачи собственных имен и более общих понятий. Притом что в любом случае здесь необходимы попутные объяснения в сопроводительном аппарате, сохранение палийской лексики в русской транскрипции представлялось более осторожным решением; оно, в частности, практиковалось, скорее, в научных переводах, нежели в текстах, рассчитанных на сравнительно широкую аудиторию. Ему может быть противопоставлено стремление «по мере возможности проникнуть в мысль автора в полном ее объеме и передать ее на русском языке так, как передал бы ее сам автор, если предположить, что ему пришлось бы писать на этом языке»⁸⁹. Думается, что последовательная реализация какого-либо из этих подходов, представленных классиками российской буддологии — В.П. Васильевым и Ф.И. Щербатским, отнюдь не столь проста: сам переход в иное семантическое пространство вносит сюда определенные коррективы.

Конкретные пояснения приводятся ниже. Как видим, в отношении отдельных имен и понятий, несмотря на прозрачную этимологию, нахождение русских эквивалентов вызывает затруднения, и перевод в какой-то мере искажает текст подлинника, налагая на него систему иных представлений⁹⁰. Вместе с тем происходит и традиционное сохранение лексики (начиная с имени самого Будды, «просветленного»). Подчас тут царит разноречивый, связанный, возможно, и с жанром повествования; при этом имя, несущее помимо непосредственного своего значения дополнительную терминологическую информацию, может с большей вероятностью сохраняться без перевода (например, «бодхисаттва», «архат» и др.).

Тем не менее отдельные имена-характеристики Будды и понятия нами условно переведены с учетом (хоть и отнюдь не исчерпывающим) научной литературы. Среди обстоятельств, усиливающих подобную условность, — весьма широкий спектр соответствующих значений, их ёмкость (например, *Bhagavān*, *viññāṇa*; ср. ФБЭ: 191, 211 и др.). Последнее лишь естественно, если иметь в виду достаточно продолжительное функционирование данной лексики (ср. хотя бы века, отделяющие Собор в Паталипутре от последующих комментаторов Dn). И, сохраняя, как правило, формульный характер изложения, перевод в целом допускает известную вариативность отдельных понятий и выражений (ср. *viññāṇa*, *saññā*, *citta* и др.). Излишне напоминать, что различные опыты передачи текста, подобного Dn, будут в той или иной мере с неизбежностью различаться между собой — прямое следствие природы и специфики гуманитарной деятельности человека.

Существует и другое практическое затруднение скорее индивидуального характера — желание по возможности избегать ассоциаций, чуждых буддизму, но достаточно близких русскому читателю, в частности в сфере религиозной. Выбор лексики (что относится и к языку сопроводительных пояснений к тексту)

⁸⁹ Щербатской 1995: 57 и сл.; ср. Андросов 2006: 23 и сл.; 2019б: 28 и сл. В связи с соответствующей методологией ср. ВМ: 15 и сл. (А.В. Парыбок).

⁹⁰ Ср., например (Prince 1970: 117) — об интерпретации таких понятий, как *nirvāṇa*, *dharma*.

не всегда был легок для переводчика, сознающего как условность собственных предпочтений, так и неоднозначность читательского восприятия. Впрочем, вряд ли стоит говорить о полном исключении подобных ассоциаций — при этом последние могут подчас оказаться и небесполезными в плане характерных типологических совпадений.

Таким образом, некоторые понятия, не переведенные в случаях, когда, как можно полагать, они употреблены в терминологическом значении, условно переводятся, когда контекст не дает оснований заключить о таком употреблении (например, *dhamma, saṅgha* — см. соотв. коммент.). При передаче палийских собственных имен и понятий латинская (или русская) транскрипция исходит, как это по большей части принято, из основы существительного, но не именительного падежа (как, например, у К. Нойманна: *DN — Die Reden Gotamo Buddhos, Dīghanikāyo* и т.п.), это, разумеется, не относится к цитированию критического издания *DRC*. Вместе с тем для удобства в отдельных сложных словах введено разделение дефисом. Слова, добавленные по смыслу, заключены в квадратные скобки. Стихотворные фрагменты текста переданы прозой. За немногими исключениями, следующими санскритской транскрипции отдельных понятий (ср. бодхисаттва, архат, карма), здесь принята палийская транскрипция; для имени Будды (*Buddha*) используется устоявшееся в русской традиции написание. В отличие от других переводчиков (прежде всего Т.В. Рис-Дэвидса и Р.О. Франке), мы сочли целесообразным, как правило, воспроизводить все повторы, исходя из того, что они неразрывно связаны с важными функциями текста (см. выше), что весьма нелегко (по самому характеру памятника) выработать какой-либо принцип их сокращения и что подобное сокращение (последовательное или непоследовательное), как показывает опыт других переводчиков, неизбежно сводится к достаточно субъективному препарированию текста⁹¹. Единичные исключения допущены нами в отношении раздела «Саманьяпхала» (II.40–98), повторяющегося в суттах III–XIII (см. выше); ср. также XXXII.12, повторяющий весь предыдущий (1–11) текст сутты.

Комментарий к переводу поясняет исторические и географические реалии текста, останавливается на отдельных трудных для понимания местах (в ряде случаев приводятся параллельные толкования других переводчиков), указывает некоторые более существенные разночтения (отнюдь не претендуя в этом отношении на исчерпывающую полноту) и заслуживающие внимания параллели из палийского канона и других памятников. Во избежание повторений в этой части работы, как правило, не указываются исследования, уже цитировавшиеся в предисловии.

* * *

Настоящий труд был в основном завершен в 1970-х годах; отдельные исправления и дополнения проводились и в последующие годы. К сожалению, обстоятельства, возникавшие при подготовке этой давно задуманной публикации, дол-

⁹¹ Ср. (Топоров 1968: 54–55) — о подобных, не всегда последовательных сокращениях «Дхаммасангани» К.А.Ф. Рис-Дэвидс, что вполне относится и к переводам в *DR*.

гое время не складывались благоприятно, и перевод выходит в свет намного позже, чем предполагалось.

При подготовке рукописи переводчик, в частности, уделил внимание дополнительным коррективам в передаче отдельных понятий, равно как и традиционных имен-эпитетов Будды. Был несколько сокращен текст комментария, главным образом за счет не столь существенных параллелей с другими переводами. Библиография отнюдь не претендует на полноту; ее недостаток, отчасти связанный с упомянутыми обстоятельствами и вполне сознаваемый переводчиком, — перевес относительно старых работ прошлого века над более новыми. Эту диспропорцию удалось несколько сократить, но, по-видимому, отнюдь не в достаточной мере. Для некоторых публикаций были указаны более поздние, отчасти исправленные переиздания.

ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ ДИГХА-НИКАИ ПО СУТТАМ*

Раздел I. «Силаккханда-вагга» («Раздел об относящемся к нравственности»): сутты I–XIII

I. «Брахмаджала-сутта» («Сутта о сети совершенства»)

1. Будда в сопровождении монахов останавливается в Амбалаттхи — царской обители между Раджагахой и Наландой. Туда же следом за ним прибывает странствующий аскет Суппия, на все лады порицающий Будду, его учение и общину, в то время как его ученик восхваляет Будду (1–3). Узнав об этом, Будда советует окружающим его монахам не горевать из-за порицаний и не радоваться похвалам, ибо и то и другое ничтожно (4–6). Он объясняет, что способен сказать мирянин, воздавая хвалу Татхагате, и приводит ряд *sīla* — перечень этот (7–10) включает «Краткую главу о нравственности». В следующей — «Средней главе о нравственности» (11–20) Будда продолжает перечислять отдельные занятия и привычки, которых он избегает, в отличие от других людей. В «Большой главе о нравственности» (21–27) это изложение продолжено, причем здесь говорится о различных способах добывания средств к существованию, которые практикуют «некоторые отшельники и брахманы» и от которых сам он воздерживается. Всё изложенное выше, однако, вызывает лишь хвалу простых мирян (*puṭhujjāna*), и это отнюдь еще не то, ради чего Татхагата достоин надлежащей хвалы, — он достоин ее благодаря постижению и проповеди «других предметов — глубоких, трудных для рассмотрения, трудных для постижения, несущих покой, возвышенных...» Эти «предметы» (*dhammā*) связаны с опровержением ложных воззрений (*diṭṭhi*), к перечислению которых он переходит. Вначале упомянуты 18 ложных воззрений, собственно — «оснований» (*vattūhi*), на которых «некоторые отшельники и брахманы» высказывают различные суждения о прежних временах, и названы первые четыре из них, связанные с мнением о том, что и свое «я», и мир (*attānaṃ ca lokāṃ sa*) вечны (28–37). Здесь завершается первый раздел сутты.

* Нижеследующий обзор имеет целью облегчить читателю ориентировку в содержании Dn (изложение учитывает деление на параграфы, принятое в DRC; ср. DR). Во избежание повторений мы не останавливаемся на стилистике текста, разборе отдельных реалий и параллельных мест, затронутых в предыдущей статье и комментарии. В связи с характеристикой отдельных сутт ср. предисловия к каждой из них в DR I–III; ср. DK I: IX sq.; DK II: X sq.; DK III: IX sq., DW: 537 sq. (соответствующие комментарии); см. также Law 1933, I: 81 sq.; Banerji 1964: 34 sq.; Norman 1983: 32 sq.; Winternitz 1988: 35 sq.; Guide 1993: 18 sq.; и др.

2. В продолжении перечня 18 «оснований» последовательно приводятся следующие четыре, на которых «я» и мир отчасти вечны, отчасти не вечны (1–15); четыре, на которых мир конечен или бесконечен (16–22); четыре, на которых отшельники и брахманы ведут уклончивые речи (23–29), и, наконец, два, на которых «я» и мир возникли без причины (30–34). Вслед за словами, резюмирующими эти 18 «оснований» (4 + 4 + 4 + 4 + 2) (35–36), Будда упоминает о 44 ложных «основаниях», на которых выдвигаются различные суждения о будущих временах. Это, во-первых, 16 «оснований», на которых свое «я» наделено сознанием (saññim, attānaṃ) после смерти индивидуума (37–40). Здесь завершается второй раздел.

3. В продолжении перечня 44 «оснований» перечисляются восемь «оснований», на которых «я» лишено сознания после смерти (1–4); восемь «оснований», на которых «я» после смерти ни наделено сознанием, ни лишено сознания (5–8); семь «оснований», на которых учат «о разрушении, гибели, уничтожении живого существа» (9–18), и, наконец, пять «оснований», на которых учат «о высшем освобождении (paraṃ... nibbānaṃ) живого существа в зримом мире (diṭṭha-dhamma)» (19–26). Будда резюмирует эти 44 «основания» (16 + 8 + 8 + 7 + 5) (27–28) и вслед за тем суммирует все 62 (18+44) ложных воззрения (29–31). После этого он троекратно повторяет их основные положения, последовательно указывая в соответствующих рефренах на удел заблуждающихся (32–44), на чувственное восприятие, прикосновение (phassa) как причину заблуждений (45–57) и на то, что постигающие иным путем, нежели чувственным восприятием, не впали бы в подобное заблуждение (58–70). Органы чувственного восприятия, влекущие за собой все эти заблуждения, — причина страданий, таков удел заблуждающихся; преодоление чувственного восприятия равносильно преодолению страданий (71–72); Будда говорит о себе (Татхагате) как о существе, в теле которого разрушено то, что ведет к существованию (73), и на вопрос Ананды называет свое наставление «сетью пользы», «сетью истины», «сетью совершенства» и т.д. Удовлетворенные монахи радуются словам Будды (74).

Как мы видим, «Брахмаджала-сутта» по содержанию и композиции стоит несколько особняком от других сутт раздела I Дигха-никаи. В источниковедческом отношении это, пожалуй, один из самых ценных текстов не только Дп, но и всего палийского канона. Прежде всего здесь содержится единственная в своем роде систематизированная сводка воззрений, с которыми полемизировал Будда. Чрезвычайно интересны сведения, связанные с изложением определенных норм поведения (sīla), — здесь упомянут целый перечень различных занятий, ремесел, профессий, развлечений и т.д., весьма существенный для изучения социальных отношений и быта Индии той поры. Не случайно «Брахмаджала» — одна из сутт, наиболее часто цитируемых в исследованиях по догматике раннего буддизма. Как уже говорилось, для реконструкции этой догматики большое значение имеет сопоставление палийской и других (в частности, тибетской) версий «Брахмаджалы».

II. «Саманьяпхала-сутта» («Сутта о плодах отшельничества»)

Будда, окруженный монахами, находится в Раджагахе. В это время царь Магадхи Аджатакатта, сидя на троне и восхищаясь красотой лунной ночи, желает

послушать какого-нибудь отшельника или брахмана (1). Советники по очереди предлагают ему обратиться к одному из шести мудрецов — Пуране Кассале, Макхали Госале, Аджите Кесакамбале, Пакудхе Каччаяне, Санджае Белатхипутте и Нигантхе Натхапутте, но царь каждый раз остается безмолвным (2–7). Царский врач Дживака советует ему обратиться к Будде. Аджатаватту соглашается, приближается к Будде и спрашивает его о «зримом плоде отшельничества» в этом мире, подобном «плодам», которые получают разные люди от своих занятий и ремесел (8–14). Будда спрашивает, задавал ли царь прежде подобный вопрос (15). Выясняется, что Аджатаватту уже спрашивал об этом шестерых наставников, к которым ему перед тем рекомендовали обратиться, но ни один из них не смог удовлетворить его своими рассуждениями (16–33). Будда начинает поучение и говорит о радости самообуздания и уединения (34–38). Аджатаватту продолжает расспросы, желая узнать о других, еще более возвышенных плодах отшельничества (39 и сл.), и Будда последовательно излагает учение о пути, который проходит монах, следующий заповедям Татхагаты (40–98). Обретя веру в Татхагату, человек оставляет дом и становится странником; он охраняет «врата жизненных способностей» (*indriyesu gutta-dvāro*), иначе говоря, органов чувств; следует заповедям нравственного поведения (*sīlas*) (40–42): не уничтожает живых существ, не берет чужого, пребывает в целомудрии, не лжет, отказывается от ряда занятий (уже упомянутых в «Брахмаджала-сутте») (43–62). Всё это доставляет ему «безупречное внутреннее счастье» (63). Сдерживая органы чувств («врата жизненных способностей») (64), он обретает способность самосознания и вдумчивости (*sati-samprajāñña*) (65), всецело удовлетворен, живет в уединении, отказавшись от пяти «преград» (*pīvaraṇe*) — алчности, злонамеренности, косности, беспокойства, сомнений (66–74). Затем он последовательно проходит четыре ступени созерцания (*jhāna*, *санскр.* *dhyāna*; см. выше) (75–82). Достигнув четвертой ступени, он обращает ум к постижению различных объектов, обретает сверхъестественные способности (*iddhi*), дар памяти о своих прежних существованиях, постигает круговорот живых существ в мире (83–96). Обратив ум к знанию об уничтожении порочных свойств (*āsava*), он постигает четыре «праведные истины» о страдании, его ум освобождается от «порочных свойств чувственности, следующего существования и невежества», и он вступает в состояние, вслед за которым «ничего нет» (*nāparaṃ itthattāyāti*) (97–98). Выслушав всё это, царь Аджатаватту просит Будду принять его в ученики, произнося традиционную формулу, и признается в совершенном им некогда преступлении — убийстве отца (99). Несмотря на это, Будда принимает царя в общину и после его ухода говорит монахам, что, не соверши Аджатаватту преступления, он уже сейчас обрел бы полное видение истины (100–101).

Композиция «Саманняпхалы», как мы видим, несколько отличается от композиции других сутт благодаря своеобразному зачину, представляющему собой весьма поэтичную сцену. Подобно «Брахмаджале», она имеет первостепенное значение как источник сведений об идейной атмосфере, в которой формировался буддизм, — сведений о шести авторитетных мыслителях того времени, в том числе о Нигантхе Натхапутте, тождественном основателю джайнизма Махавире

Вардхамане. Здесь также упоминаются различные профессии и занятия, отчасти (ср. 14 и сл.) дополняющие данные «Брахмаджалы». «Саманньяпхала» — первая из сутт сборника, вводящая описание пути монаха к состоянию архата. Это описание, повторяющееся затем лишь с незначительными модификациями в суттах III–XIII, весьма важно для изучения буддийской этики и техники медитации. Сведения этой сутты (в особенности о шести наставниках) неоднократно использовались исследователями.

III. «Амбаттха-сутта» («Сутта об Амбаттхе»)

1. Будда останавливается в роще деревни Иччхананкалы в Косале. Узнав о его прибытии, брахман Поккхарасади посылает своего ученика Амбаттху, чтобы тот узнал, таков ли Будда, как о нем говорит молва (1–5). Амбаттха приближается к Будде, ведя себя при этом высокомерно и пренебрежительно (6–9). Между ними начинается беседа — Амбаттха ставит отшельников, подобных Будде, ниже брахманов и бранит род сакьев, из которого произошел Будда (10–15). Тогда последний рассказывает ему историю рода сакьев. Выясняется, что сакьи — потомки сыновей царя Оккаки, женившихся на своих сестрах; род же Канхаяна, к которому принадлежит Амбаттха, происходит от Канхи, которого родила Оккаке его рабыня (16–19). Затем он спрашивает Амбаттху о роде Канхаяна, трижды повторяет свой вопрос, грозя, что у Амбаттхи «голова расколется на семь частей», если тот не сможет ответить (20). Амбаттха молчит, и над ним появляется в воздухе якша Ваджирарапани, готовый размогнуть юноше голову своей булавой. В страхе тот признает справедливость слов Будды (21). Окружающие Амбаттху спутники начинают бранить его (22), и, желая теперь уже защитить Амбаттху, Будда продолжает историю его предка Канхи — тот был великим мудрецом, и царь Оккака отдал ему в жены свою дочь (23). Затем Будда задает Амбаттхе ряд вопросов о взаимоотношениях брахманов и кшатриев, доказывая превосходство кшатриев (24–27). Выше всех, однако, тот, кто наделен знанием и праведностью (*vijjāsaṃaṇa-samraṇṇo*) (28). Соответствующей гатхой заканчивается первая часть сутты.

2. Амбаттха начинает спрашивать Будду о том, каковы эти «знания и праведность» (1), и Будда произносит уже упомянутую проповедь (2 = II.40 сл.; в разных суттах Dп этот текст в издании DRC, как уже говорилось, распределен между разным числом параграфов). Продолжая наставление, он говорит о четырех обстоятельствах («отверстиях» — *arāya-mukhāni*), благодаря которым может быть утрачено обладание знанием и праведностью (3). Убеденный аргументами Будды, Амбаттха признает, что ни он сам, ни его учитель брахман Поккхарасади не достигли еще подобного обладания (4–10). Затем Будда являет Амбаттхе отличающие его 32 «знака великого человека» (*mahāpurusalakkhaṇāni*), после чего Амбаттха удаляется, окончательно убежденный в совершенстве Будды (11–12). Он возвращается к Поккхарасади и рассказывает ему обо всем (13–14). Поккхарасади гневается на Амбаттху за то, что тот не был почитателем, и сам приближается к Будде (15–16). Будда тоже рассказывает ему о своей беседе с Амбаттхой, хвалит юношу (17), а затем показывает и его учителю 32 знака (18–19). Убеден-

ный им Поккхарасади приглашает Будду на трапезу, тот соглашается, и брахман принимает его у себя (20). После трапезы Будда произносит ряд наставлений, завершая их проповедью четырех «справедных истин». Поккхарасади полностью принимает учение Будды и произносит соответствующую формулу, вызывая его одобрение (21–22).

«Амбаттха-сутта» — одно из наиболее важных свидетельств палийского канона о социальных взаимоотношениях той эпохи (брахманы — кшатрии). Интересны изложенные здесь легенды о происхождении отдельных родов (сакьи, Канхаяна), а также мифологические сведения (образ якши), вообще говоря, не столь характерные для сутт раздела I Dn.

IV. «Сонаданда-сутта» («Сутта о Сонаданде»)

Будда останавливается в Чампе (Анга) на берегу пруда Гаггара. Узнав об этом, брахманы-домоправители из Чампы собираются посетить его. Живущий там же брахман Сонаданда видит их и желает к ним присоединиться (1–3). Тут другие брахманы из разных стран, оказавшиеся в это время в Чампе, начинают отговаривать Сонаданду от посещения Будды, выдвигая 12 причин (происхождение, богатство, начитанность в ведах, внешняя красота и т.д.), по которым не Сонаданда должен приблизиться к Будде, а наоборот — Будда должен приблизиться к Сонаданде (4–5). Возражая им, Сонаданда, в свою очередь, выдвигает еще больше доводов (частью повторяя те же аргументы брахманов, частью выдвигая новые), доказывая превосходство Будды и говоря, что именно он, Сонаданда, должен первый приблизиться к нему (6). Сонаданда приходит к Будде, и, видя его замешательство, тот спрашивает его о признаках, достаточных для того, чтобы называться истинным брахманом (7–12). Сонаданда называет пять признаков: происхождение, знание вед, различных наук и ритуала, красота, нравственность и мудрость в сочетании с участием в определенных обрядах (13). Будда последовательно спрашивает, можно ли пожертвовать каким-либо из этих признаков без ущерба для брахманства, и Сонаданда соответственно оставляет четыре признака (отказываясь от красоты), три (отказываясь от знания вед и других текстов) и, наконец, два (отказываясь от происхождения), т.е. нравственность и мудрость (14–19). Он поясняет, что отнюдь не отвергает первых трех признаков, но лишь отдает предпочтение двум последним и показывает на примере приблизившегося к ним юноши Ангаки, его племянника, чем бы тот был при всех своих достоинствах, не обладай он нравственностью и мудростью (20). Когда же Будда спрашивает Сонаданду, можно ли пожертвовать одним из двух оставшихся признаков, тот отвечает отрицательно и говорит о неразрывной связи нравственности и постижения (*śīlārāṇā*) (21). Подтверждая его слова (22), Будда повторяет свою проповедь в качестве наставления о нравственности и постижении (23 = II.40 сл.). Сонаданда просит принять его в ученики, приглашает Будду к себе на трапезу, и Будда отвечает ему благосклонностью (24–27).

Помимо уже встречавшихся в других суттах сведений о буддийской догматике «Сонаданда-сутта» интересна своим учением о признаках брахманства и, по-

жалуй, еще в большей степени — свидетельствами, проясняющими некоторые черты этикета, бытовавшего в отношениях между наставниками.

V. «Кутаданта-сутта» («Сутта о Кутаданте»)

Будда останавливается в брахманской деревне Кханумата в Магадхе. Обитающий там брахман Кутаданта готовит в это время большое жертвоприношение и, видя, что местные брахманы направляются лицезреть Будду, решает пойти с ними и расспросить Будду о правилах надлежащего жертвоприношения (1–4). Тут многочисленные брахманы, находящиеся в Кханумате, начинают отговаривать его от этого посещения, и Кутаданта опровергает их (5–7; сцена эта повторяет аналогичную ситуацию с брахманом Сонадандой — IV. 4–6). Приблизившись к Будде, Кутаданта спрашивает его о «тройном успешном совершении жертвоприношения и шестнадцати его принадлежностях» (8–9). В ответ Будда рассказывает ему историю о жертвоприношении царя Махавиджиты. Прежде чем приступить к жертвоприношению, царь, следуя совету жреца, обеспечивал благосостояние своих подданных (10–11); затем он заручился согласием и одобрением кшатриев, собственных приближенных и советников, богатых брахманов и, наконец, домохозяев — четырех групп городского и деревенского населения (12). Царь этот был наделен восемью признаками (родовитость, красота, богатство, могущество, благочестие, ученость, умение толковать все слова и мудрость), его жрец — четырьмя признаками (родовитость, знание вед и других текстов, нравственность, мудрость) (13–14) — отсюда 16 частей жертвоприношения (согласие четырех групп населения + признаки царя + признаки его жреца). Что же касается «тройного» характера жертвоприношения, то оно состоит в том, чтобы, принося жертву, последовательно воздерживаться от троекратного сожаления (что на совершение этого жертвоприношения уйдет, уходит и ушло великое богатство) (15). После этого, следуя советам своего жреца, царь Махавиджита ко всеобщему удовлетворению подданных, которых он наделяет щедрыми дарами, совершает «тройное успешное жертвоприношение с шестнадцатью принадлежностями» (16–20). На дальнейшие расспросы Кутаданты Будда отвечает, что он сам был в предыдущем рождении тем царским жрецом (21). Кутаданта желает узнать, есть ли другое, менее трудное и вместе с тем более славное и плодотворное жертвоприношение, чем описанное Буддой (22). Тот последовательно называет ему в качестве подобных «жертвоприношений» постоянное подаяние странникам, дарение обители, обращение к трем «прибежищам» (*saraṇa*) — Будде, дхамме и сангхе, следование пяти заповедям (*sīla*) (23–26). Наконец, еще более великое жертвоприношение — состояние, достигаемое в результате следования заповедям Татхагаты (27 = II.40 сл.). Кутаданта произносит соответствующую формулу, прося принять его в ученики, и, готовый к высшему «жертвоприношению», приказывает отпустить на волю многочисленных животных, которых он намеревался перед тем принести в жертву (28). Будда обращается к нему с рядом наставлений, в частности с проповедью четырех «праведных истин». Овладевший истинным знанием Кутаданта приглашает Будду к себе на трапезу, и Будда принимает его приглашение (29–30).

Знакома нас с отношением Будды к жертвоприношению, «Кутаданта-сутта» содержит характерную идею соответствующей иерархии, в которой традиционная жертва, как бы она ни была щедра, занимает низшее место (ср. упанишады). Интересны отдельные конкретные сведения о жертвенном ритуале, его теоретическое обоснование. Для изучения древнеиндийской социологической мысли весьма существенны рассуждения об идеальных взаимоотношениях между царем (небуддистом) и различными сословиями и соответствующие рекомендации, в частности, определенной экономической политики, направленной на пресечение разбоя.

VI. «Махали-сутта» («Сутта о Махали»)

Будда останавливается в Весали, где к нему приближаются желающие увидеть его брахманы из Косалы и Магадхи, а также личчави Оттхаддха вместе со своими соплеменниками (1–4). Оттхаддха (другое имя которого — Махали) спрашивает Будду о причине, по которой, даже видя небесные образы, можно в то же время не слышать небесных звуков, хотя они и не лишены существования (5). Будда говорит ему о монахах, обращенных в различные стороны света и сосредоточенных на том, чтобы видеть небесные образы и не слышать небесных звуков, или же, наоборот, слышать небесные звуки и не видеть небесных образов, или же и видеть небесные образы, и слышать небесные звуки — соответствующие установки и определяют реакции монахов на звуки и образы (6–11). Продолжая наставление, Будда в ответ на расспросы Махали говорит, что не ради достижения подобной сосредоточенности монахи ведут целомудренную жизнь; ее цель — более высокие состояния: избавление от мирских уз, «вступление в поток (sotāpanno — см. соотв. коммент.), уничтожение порочных свойств» (āsavaṇaṃ) и т.д. (12–13). Достижение этих состояний возможно благодаря праведному «восьмичленному пути» (14). Следует вставить рассказ — Будда вспоминает о своей беседе с двумя аскетами Мандиссой и Джалией, которые спросили его о том, являются ли жизненное начало (jīva) и тело (saṅga) одним и тем же или разными началами (15). В ответ он произнес проповедь о пути к совершенству (16–19 = П.40 сл.), объяснив своим собеседникам, что монаху, находящемуся на этом пути, не подобает утверждать ни того ни другого и что сам он также воздерживается от подобных утверждений. Рассказ этот доставляет Махали удовлетворение и радость (19).

Для анализа буддийской догматики эта сутта интересна своими сведениями о технике сосредоточенности (samādhi), практиковавшейся, по-видимому, монахами отдельных школ (в частности, контроль над зрением и слухом) и ставящейся Буддой значительно ниже провозглашаемого им пути. Здесь же впервые в Дп достаточно четко выступает характерный мотив — нежелание Будды рассуждать об отдельных отвлеченных проблемах, лишенных для него практической ценности.

VII. «Джалия-сутта» («Сутта о Джалие»)

Эта сутта по сути дела представляет собой фрагмент «Махали-сутты» (= VI.15–19). Будда останавливается в монашеской роще Гхоситы в Косамби, где

аскеты Мандисса и Джалия спрашивают его о тождестве жизненного начала и тела (1). В ответ следует известная нам проповедь (2–5), приносящая удовлетворение и радость его собеседникам (5).

VIII. «Кассапа-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка о Кассапе»)

Будда останавливается в Уджунне. К нему приближается обнаженный аскет Кассапа и спрашивает, осуждает ли он всякое подвижничество (1–2). Будда отвечает, что он отнюдь не осуждает всякое подвижничество — он видит, однако, что отдельные подвижники могут возродиться как в бедственном, так и в счастливом состоянии, независимо от того, сколь тяжелым лишениям они подвергали себя в жизни (4); что же касается воззрений некоторых «мудрых, изошренных» отшельников и брахманов, то в одном он с ними согласен, в другом не согласен, равно как и они не во всем согласны с ним (4–12). Есть, однако, способ, следуя которому, человек может убедиться в истинности слов Будды — это праведный «восьмичленный путь» (13). Кассапа перечисляет различные виды подвижничества, связанные, в частности, с определенными ограничениями в пище, одежде, ложе и т.д. (14). Будда отвечает, что подобная аскеза еще не ведет к совершенству в нравственности (*sīla*), в сознании (*citta*) и в постижении (*pañña*) и далека от истинного отшельничества и брахманства — для этого следует проникнуться дружелюбием в мыслях, погасить в себе вражду, избавиться от порочных свойств, освободить свои мысли и свое постижение (15–17). Кассапа спрашивает, каково это совершенство в нравственности, в сознании и в постижении (18), и Будда в ответ повторяет свою проповедь (19–20 = П.40 сл.). Он говорит, что превосходит других отшельников и брахманов в нравственности, высшем подвижничестве, отвращении к миру, постижении и освобождении (*vimutti*) (21) и рассуждает о достоинствах своей проповеди — «львиного рыка» (*sīhanāda*) (22). Затем Будда вспоминает, как некогда, находясь в Раджагахе, он удовлетворил подвижника Нигродху, расспрашивавшего его об отвращении к миру. Удовлетворенный Кассапа просит принять его в общину (23). Будда сообщает ему условия приема тех, кто прежде принадлежал к другой школе (*añña-titthiya*). Кассапа согласен их выполнить. Он вступает в общину, постигает высшую истину и становится одним из архатов (24).

В этой сутте заслуживают внимания конкретные сведения о быте отшельников и аскетов, принадлежащих к небуддийским школам, об определенных видах подвижничества и отношении Будды к соответствующему поведению. Вместе с тем интересны впервые в Дп выдвигаемые здесь условия приема в буддийскую санху новообращенного.

IX. «Поттхапада-сутта» («Сутта о Поттхападе»)

Будда останавливается в Саваттхи и, отправившись за милостыней, приближается к роще Маллики, где в это время пребывает странствующий аскет Поттхапада, окруженный множеством других аскетов, которые предаются всевозможным низменным беседам (ср. I.1, 17) (1–3). Видя Будду, Поттхапада предла-

гает ему сиденье и, ссылаясь на некогда имевший место диспут отшельников и брахманов, спрашивает его о возникновении и уничтожении сознания (*abhisaññā*) (4–6). Будда возражает тем, кто считает, что различные состояния сознания возникают и уничтожаются у человека без причины. Одни из них возникают и другие — уничтожаются благодаря упражнению (*sikkhā*) (7). На вопрос Поттхапады об этом упражнении Будда повторяет свою проповедь (7–13 = П.40 сл.). Затем, в отличие от предыдущих сутт, здесь к четырем ступеням созерцания (*jhāna*) прибавлены сознания бесконечности пространства (*ākāsa*), бесконечности познания (*viññāna*), отсутствия чего бы то ни было и т.д. Так, путем упражнения одни состояния сознания возникают, другие уничтожаются, в результате чего постепенно достигается уничтожение сознания (14–17). Продолжая наставление, Будда рассуждает о вершине сознания (18–19), о том, что сначала возникает сознание (*saññā*), а потом — знание (*ñāṇam*) (20), что сознание человека — одно, а его «я» — другое (21–23). Дальнейшие расспросы Поттхапады связаны с проблемами вечности мира, его конечности, тождественности жизненного начала телу, существования Татхагаты после смерти (ср. I.I.29 сл.). Будда отвечает, что он не объясняет подобных вещей, ибо всё это «не приносит пользы, не связано с истиной, не относится к целомудрию, не ведет... к ниббане» (24–28). То, что он объясняет, это четыре «праведные истины» о страдании, которые «приносят пользу, связаны с истиной» и т.д. После этих слов Будда поднимается с сиденья и удаляется (29–30). Аскеты, окружающие Поттхападу, начинают смеяться над ним, осуждая его за согласие с Буддой, и Поттхапада снова превозносит учение Будды (31). Через несколько дней Поттхапада приближается к Будде вместе со спутником и рассказывает ему о том, что произошло после его ухода (32). Будда повторяет, чему и по какой причине он учит и чему не учит (33). Он вспоминает о том, как возражал отшельникам и брахманам, которые считали, что после смерти «я» человека всецело счастливо и свободно от недуга, и доказал необоснованность их утверждений (34–38). Будда учит о трех формах «я», которые могут быть обретены индивидуумом, — «грубой» (*oḷāriko*), «состоящей из разума» (*taṇomaṇo*) и «лишенной формы» (*agūro*) (39); он показывает, что его проповедь ведет к отказу от этих форм «я», в результате чего «в зримом мире» обретаются полнота и совершенство постижения, радость, успокоение и т.д. (40–47). Тогда спутник Поттхапады, Читта, спрашивает, возможно ли для человека, обретшего одну из форм «я», одновременное обретение другой формы (48). Будда отвечает отрицательно — в каждый данный момент может идти речь лишь об обретении одной из форм (49–53). Поттхапада, а затем Читта произносят соответствующую формулу (54–55). Впоследствии принятый в общину Читта становится одним из архатов (56).

«Поттхапада-сутта» интересна для изучения техники рассуждений Будды в полемике со своими оппонентами (в частности, использование притч). Здесь же, несмотря на то что Будда снова делает упор на важность этико-практических заповедей, отдается дань и более отвлеченным спекуляциям — в связи с учением о формах «я» известное развитие получает теория познания, что в целом более характерно уже для содержания Абхидхаммы.

Х. «Субха-сутта» («Сутта о Субхе»)

1. Вскоре после смерти Будды Ананда останавливается в Саваттхи, в роще Анатхапиндики. Его приглашает к себе Субха (1–4). Когда Ананда приходит, Субха спрашивает его, что восхвалял и чему учил Будда (5). Ананда говорит, что это «три свода предписаний» (*tiṅgaṃ... khandhānaṃ*), касающихся соответственно нравственности (*sīla*), сосредоточенности (*samādhi*) и постижения (*pañña*) (6). Субха продолжает спрашивать, и Ананда говорит сначала о первом «своде», составляющем начальную часть проповеди Будды (7–29 = II.40–63). Проповедь эта вызывает восхищение Субхи. Однако, по словам Ананды, существует «еще более высокий долг» (*uttariṃ karaṇīyaṃ*), и Субха желает услышать о нем (30). На этом завершается первый раздел сутты.

2. Продолжая поучение, Ананда говорит о втором «своде», связанном с сосредоточенностью и представляющем собой следующий фрагмент проповеди Будды (1–18 = II.64–82). Субха желает узнать о «еще более высоком долге» (19–20), и Ананда говорит о третьем «своде», связанном с постижением и завершающем проповедь Будды (20–36 = II.83–98). Восхищенный Субха произносит соответствующую формулу, прося принять его в ученики.

«Субха-сутта» интересна своей новой композиционной (и соответственно отчасти смысловой) интерпретацией проповеди Будды. Это первая сутта сборника, излагающая события, случившиеся вслед за уходом в нирвану основателя буддизма. Завязка ее, однако, строится совершенно так же, как и в других суттах раздела I Дп, с полным переносом функций Будды на Ананду.

XI. «Кеваддха-сутта» («Сутта о Кеваддхе»)

Будда останавливается в Наланде, в манговой роще Паварика. К нему приближается домовладелец Кеваддха и просит Будду приказать какому-нибудь монаху совершить чудо, чтобы воздействовать на мирян Наланды. Будда отвечает, что не станет давать такого приказа, хотя и способен сам осуществить три вида чудес — «сверхъестественное» (*iddhi*), «чудо обнаружения» (*ādesanā*) и «чудо наставления» (*anusāsani*) (1–3). Первое из них связано со способностью стать невидимым, проникнуть через твердый предмет, вознестись в небо и т.п. — оно, однако, может быть приравнено к «гандхарскому» знанию, т.е. к чему-то близкому к фокусничеству (см. соотв. коммент.), и поэтому сам Будда опасается и избегает его (4–5). Второе связано со способностью монаха читать мысли других — оно приравнивается к знанию «маника» (возможно, подразумеваются определенные колдовские манипуляции) и также осуждается Буддой (6–7). Третье же «чудо» состоит в наставлении монаха (8), связанном с проповедью пути архата (9–68 = II. 40 сл.). Затем Будда рассказывает Кеваддхе историю об одном монахе, который пожелал узнать, где уничтожаются без остатка «четыре великих элемента» (*mahābhūtā*), т.е. земля, вода, огонь и воздух (67). В поисках ответа на этот вопрос монах, перед которым открылся путь к миру богов, стал идти от одних божеств к другим, но никто не мог ответить ему и отсылал к следующим, более высоким по рангу богам (68–80). Так дошел он до самого Брахмы,

который тоже не смог ответить и отослал его к Будде (81–83). Будда объяснил монаху, что вопрос этот следует задавать не так: надо спрашивать, где эти элементы «не имеют основания» (na gādhati) — последнее происходит в «лишенном признаков, бесконечном... познании» (vīññāṇaṃ), т.е. в нирване (соответствующие разъяснения изложены в гатхах). Слова эти доставляют Кеваддхе удовлетворение и радость (84–85).

Весьма интересна деталь «Кеваддха-сутты» — отношение к чудесам, характерное, по-видимому, для раннебуддийской догматики и отличавшее буддизм от ряда современных ему культов. Вместе с тем, не говоря уже о более поздних течениях в буддизме, оно отнюдь не однозначно (ср. характер некоторых других сутт Dn, например XXIV). Еще одна особенность «Кеваддхи», как уже говорилось, не характерная для раздела I Dn, — ее мифологические сцены.

ХII. «Лохичча-сутта» («Сутта о Лохичче»)

Будда останавливается в Салаватике (Косала), где в это время живет брахман Лохичча. Последний полагает, что отшельнику или брахману нет смысла передавать свое учение и свои достоинства, — один человек ничего не может сделать для другого; он лишь создает новые оковы, и то, что он таким образом совершает, может быть приравнено к пороку алчности (1–2). Лохичча желает увидеть Будду и передает ему приглашение на трапезу через брадобрю Бхесику, который между тем успевает сообщить Будде о заблуждении Лохиччи (3–8). Придя к Лохичче и отведав его угощений, Будда желает разубедить брахмана и доказывает, что, если бы Лохичча не делился ни с кем доходами, которые приносят ему владения в Салаватике, он наносил бы ущерб зависимым от него людям и, следовательно, был бы повинен в пороке враждебности и в ложном воззрении. Тот же самый проступок совершил бы и царь Косалы Пасенади, если бы он не делился доходами со своими подданными (9–12). Точно таким же образом, продолжает Будда, и отшельник или брахман, наделенный высокими достоинствами, должен наделять ими и других, чтобы не совершать проступка (13–15). Будда объясняет, что существует три вида учителей: первые учат других, сами не достигнув цели отшельничества, и их не слушают; вторых слушают, но они учат других, сами также не достигнув цели отшельничества; третьи учат, достигнув цели отшельничества, но их не слушают — все они так или иначе заслуживают порицания (16–18). На вопрос Лохиччи, есть ли учителя, не заслуживающие порицания, Будда отвечает, что таковым является архат, ведущий соответствующую проповедь (19–77 = II. 40 сл.), — тот, чей ученик достиг совершенства на этом пути, не подлежит порицанию (77). Отказавшийся от своих заблуждений Лохичча просит Будду принять его в общину (78).

Наиболее существенный момент, выделяющий «Лохичча-сутту» среди других сутт Dn, — отношение к проповеднической деятельности. Необходимость такой деятельности молчаливо подразумевается во всех других суттах, где она неизменно служит завязкой повествования и пружиной всего действия, но здесь долг этот получает теоретическое обоснование. Указанная черта свидетельствует о

ярко выраженном прозелитизме, присущем буддизму уже на заре его существования, и имеет, как говорилось выше, первостепенное значение для понимания дальнейших судеб учения Будды.

ХIII. «Тевиджджа-сутта» («Сутта о знании трех вед»)

Будда останавливается в манговой роще около селения Манахаката (в Косале). В это время там находится множество знатных брахманов (1–2) и между двумя из них — юношами Васеттхой и Бхарадваджей — начинается спор: каждый считает, что именно учитель (соответственно брахманы Поккхарасади и Таруккха) учит истинному пути к соединению с Брахмой (3–6). Чтобы разрешить спор, они обращаются к Будде (7–8). Начинается беседа о пути соединения с Брахмой. Разные брахманы учат различным путям. Будда выясняет у Васеттхи, что никто из этих брахманов, «сведущих в трех ведах», и их наставников не видел воочию Брахму (9–14). Таким образом, они проповедуют путь к тому, чего не знают и не видят, и подобны веренице слепых, держащихся друг за друга (15). Далее Будда показывает, что эти брахманы сходным образом поклоняются солнцу и луне, не зная пути к соединению с солнцем и луной (16–18); они подобны мужчине, влюбленному в женщину, которой он не видел и не знает, или же строителю, сооружающему лестницу на террасу, местоположение и высота которой ему неизвестны (19–23). Словно человек, который, желая переправиться через реку, стал бы напрасно звать к противоположному берегу, чтобы тот сам пришел к нему, эти брахманы, отказываясь от свойств истинного брахманства, бесплодно зывают к Индре, Соме и другим богам (24–26) и опутаны пятью признаками чувственности (*kāma*), т.е. зрением, слухом, обонянием, вкусом и осязанием, и эти преграды (*nīvaraṇā*) не дают им «с распадом тела после смерти соединиться с Брахмой» (27–30). Задавая последовательные вопросы, Будда выясняет с Васеттхой отдельные свойства Брахмы (который «не обладает имуществом», «не враждебен в мыслях» и т.д.) и прямо противоположные свойства брахманов, сведущих в трех ведах, — «обладающих имуществом» (*sapaggaṇhā*), «враждебных в мыслях» и т.п. — и показывает, что при подобном различии они не могут достичь Брахмы (31–36). Вассетха спрашивает у Будды о пути к соединению с Брахмой, тот отвечает, что знает и Брахму, и этот путь (37–39), и произносит проповедь о путях архата (40–75 = II.40 сл.). Достигший подобного состояния «пронизывает своим разумом» все стороны света, охватывая таким образом весь мир, — таков путь к соединению с Брахмой (76–79). Затем Будда выясняет с Васеттхой, что достигший такого состояния монах «не обладает имуществом», «не враждебен в мыслях» и т.д. — иначе говоря, наделен теми же свойствами, что и Брахма, и потому способен соединиться с ним (80–81). Выслушав это, удовлетворенные Васеттха и Бхарадваджа просят принять их в общину (82).

«Тевиджджа-сутта» содержит развернутую полемику Будды с традиционными брахманскими авторитетами и, таким образом, весьма интересна как для изучения соответствующих взаимоотношений на раннем этапе существования буддизма, так и для понимания важных черт его догматики. В этом плане суще-

ственно отношение Будды к ряду конкретных аспектов брахманской традиции — определенная (хоть и выраженная лишь в соответствующем определении, — вошедшем и в заглавие сутты — *tevijja*) критика авторитета трех вед (т.е. Ригведы, Самаведы и Яджурведы), критическое отношение к таким древним авторитетам, как Вамадева, Вессамитта, Ангираса и др., к определенным деталям ритуала (поклонение солнцу и луне, взывание к отдельным божествам). Наиболее резкое и развернутое осуждение встречается, однако, как мы видим, брахманская догматика, связанная с учением о пути к Высшему началу, Брахме. Не отрицая существования этого начала, Будда отвергает претензии брахманов как не подкрепленные знанием и противопоставляет им уже известный нам «путь». По сути дела, переосмысляя индуистского Брахмана и подчиняя его образ своей концепции, он отождествляет соединение с Брахмой и достижение архатства. Интересно и осуждение Буддой некоторых конкретных норм поведения брахманов — в частности, их отношения к собственности и умонастроения.

Раздел II. «Махавагга» («Большой раздел»): сутты XIV–XXIII

XIV. «Махападана-сутта»

(«Большая сутта об истории [прежних существований]»)

1. Будда, находящийся в местности Джетавана в Саваттхи, слышит беседу монахов о прежних существованиях и включается в нее (1–3). Он упоминает о шести Буддах, живших до него в прежних мировых периодах, — Випасси, Сикхи, Вессабху, Какусандхе, Конагамане и Кассапе — и о себе самом (4), рассказывает о происхождении всех Будд (5), их родах (6), продолжительности их жизни (7), месте их просветления (8), называет их главных учеников (9), характеризует собрания бывших при них учеников (10), называет их главных прислужников (11), наконец — их родителей и города, где они родились (12). Затем Будда удаляется, а монахи гадают, сам ли Будда способен вспомнить все эти сведения или это божества наделяют его подобным знанием (13). Снова приблизившись к ним вечером, Будда поясняет, что тут действуют обе причины — и его способность, и дар божеств (14–15). Он повторяет те же сведения о Випасси (16) и приступает к более подробному повествованию о нем. Оставив свое существование в сонме божеств тусита, бодхисаттва Випасси вошел в материнское лоно, чтобы родиться в земном мире (17). Перечисляются обстоятельства, сопутствующие этому: великое сияние, разливающееся по всем мирам (17); женщина, в чье лоно вошел бодхисаттва, нравственна, лишена влечения к мужчинам, свободна от недугов (18–21); она вынашивает его во чреве десять месяцев, рождает стоя и умирает на седьмой день после родов (22–24). Будда описывает бодхисаттву и обстоятельства, сопутствующие его рождению (25–30). Брахманы сообщают отцу новорожденного, царю Бандхуме, что его сын наделен 32 признаками великого человека (*maḥāpurisa lakkaṇehi*) и должен стать или «Великим царем», владыкой мира, или же, если он оставит дом, то сделается странником-архатом, всецело просветлен-

ным; затем они перечисляют эти 32 признака (31–33). Царевич растет, возбуждая всеобщую любовь (34), его отличают чудесный голос, совершенное зрение, способность с малых лет разбираться в делах (35–37). Отец выстраивает для него три дворца, где Випасси проводит время во всевозможных развлечениях (38).

2. Как-то раз, выехав в рошу для увеселений, царевич встречается с немощным стариком. Возничий объясняет ему, что такое старость, и говорит, что от старости никто не уйдет. Царевич прерывает свою прогулку, возвращается во внутренние покои дворца и предается скорби. Возничий рассказывает обо всем случившемся царю Бандхуме, и тот, боясь, что его сын отречется от царства, приказывает еще больше развлекать принца (1–4). Спустя некоторое время повторяется то же самое — сначала, когда царевич видит во время прогулки тяжело больного (5–8), затем — умершего, которому сооружают погребальный костер (9–12). Наконец, на следующей прогулке царевич встречает наголо обритого странствующего аскета в желтых одеяниях, слышит от него о преимуществах отшельничества и тут же, следуя его примеру, оставляет дом и становится странником (13–15). Примеру Випасси следуют восемьдесят четыре тысячи человек — они также становятся странствующими монахами. Вначале они сопровождают Випасси, но затем тот, стремясь к уединению, начинает странствовать отдельно от них (16–17).

В уединении Випасси предается размышлению о причине старости и смерти и приходит к идее о цепи причинной зависимости (*nidāna*), в которой каждое последующее звено — причина предыдущего: старость и смерть — рождение — становление — стремление — жажда — ощущение — соприкосновение — шесть «оснований» чувственного восприятия — имя и форма — сознание — снова имя и форма. Таково возникновение всей совокупности страданий (18–19), и таково с конечным уничтожением имени и формы их уничтожение (20–21). Далее Випасси рассуждает о пяти «группах, основанных на стремлении», — скандхах (*khandha*): образе, ощущении, восприятии, наклонностях, сознании, об их возникновении и исчезновении — и освобождается от порочных свойств (22).

3. Випасси задумывается над тем, стоит ли ему проповедывать истину, и решает воздержаться от проповеди, боясь, что существа, погрязшие в страстях, все равно не поймут его (1–2). Обеспокоенный его решением, Великий Брахма страшится, что мир погибнет, и призывает Випасси к проповеди, которая спасет существ, чье затмение невелико (2–4). Несмотря на отказы Випасси, он трижды повторяет свой призыв; Випасси постигает, что есть существа, которым он способен принести пользу, и соглашается с Брахмой (5–7). Свою проповедь он решает начать с царевича Кханды и сына царского жреца Тиссы, живущих в Бандхумати; те воспринимают его наставление и, вступив в общину, как и он, становятся странствующими аскетами (8–13). Их примеру следуют наставленные Випасси восемьдесят четыре тысячи человек из Бандхумати (14–17), затем еще восемьдесят четыре тысячи странников (по-видимому, из других школ) (18–21). Випасси решает послать шестьдесят восемь сотен тысяч монахов по стране для проповеди истины. Великий Брахма является ему и одобряет его решение. Випасси отсылает монахов — они должны странствовать по двое, а через каждые

шесть лет возвращаться в Бандхумати для чтения «Патимоккхи» (22–26). Те выступают в путь и по прошествии шести лет все возвращаются в Бандхумати (27). Там Випасси читает перед ними «Патимоккху» (28). На этом Будда завершает свое повествование о Випасси. Затем он вспоминает, как некогда, оставив свое местопребывание у подножия салы в Уккаттхе, он явился перед богами авиха и там многие тысячи божеств поведали ему все приведенные им выше (1.4 сл.) сведения о шести прежних Буддах и о нем самом — сведения эти сгруппированы здесь по отдельным лицам, как в 1.16 — о Випасси (29–30). Затем вместе с богами авиха и другими разновидностями божеств Будда приблизился к богам аканиттха, где снова услышал от многочисленных божеств все эти сведения (31–32). Таким образом, и сам он, обретя знание истины, способен вспомнить всю историю прежних Будд и одновременно наделен этим даром от божеств. Здесь речь Будды заканчивается, и монахи радуются его словам (33).

«Махападана-сутта», как указывает уже ее название, является в своем роде единственным в Дп текстом, дающим представление о жанре легендарного жизнеописания Будды, и вместе с тем — одним из ранних образцов подобного жанра, по-видимому, повлиявшим на более позднюю буддийскую повествовательную литературу. В связи с этим «Махападана» выступает в качестве важного источника по мифологии раннего буддизма — как нарративной, так и догматической. Таковы, с одной стороны, ее сведения о шести Буддах, предшествовавших Готаме, история обращения царевича Випасси, более известная в своем варианте, относящемся к Готаме Будде; ряд мифологических сведений, не являющихся собственно буддийскими и смыкающихся с индуистской мифологией. С другой — здесь содержатся и важные для буддийской догматики положения: вариант неоднократно излагающейся в канонических текстах (ср. уже в следующей сутте) доктрины о «зависимом происхождении», учение о приходе бодхисаттвы в мир людей, о 32 признаках и т.д. Наконец, для изучения истории сангхи ценны (хотя и относящиеся к легендарному Випасси) свидетельства «Махападаны» о периодическом сборе странствующих монахов для чтения «Патимоккхи».

XV. «Маханидана-сутта» («Большая сутта о причинности»)

Пребывая в селении Каммассахамма, среди куру, Будда вступает в разговор с Анандой. Последний утверждает, что ему ясно учение о «зависимом происхождении» (*paṭicca samuppādo*). Будда отвечает, что есть люди, неспособные понять это глубокое учение, и начинает подробно излагать его (1). Он строит следующую цепь следствий и причин (ср. выше, XIV.2.18 сл.): старость и смерть — рождение — становление — стремление — жажда — ощущение — соприкосновение — имя и форма — сознание — имя и форма (2–3). Затем он детально поясняет (в отличие от более суммарного изложения «Махападаны») эту зависимость в каждом ее звене (в частности, в связи с соотношением «жажда — ощущение» вводится еще одна причинно-следственная цепь: ощущение — жажда — искание — приобретение — решение — желание и страсть — привязанность — завладение — жадность — охрана) (4–22). Далее Будда поясняет, что учащий

о своем «я» (*atta*) учит о нем, как имеющем форму или не имеющем формы, и одновременно — как ограниченном или бесконечном (четыре варианта). При этом каждый из таких вариантов может относиться к настоящему или будущему. То же относится и к не учащему о своем «я» (23–26). Свое «я» люди считают ощущением (*vedanā*) или «не ощущением» (не испытывающим ощущений), или же: ни ощущением, ни не испытывающим ощущений (27). Первый вариант, связанный с ощущением счастья, или несчастья, или ни счастья, ни несчастья, свидетельствует о непостоянстве этого «я», его подверженности возникновению и уничтожению; второй и третий, как показывает Будда Ананде, — логически несостоятельны (28–31). Лишенный какого-либо из этих воззрений не привязывается ни к чему в мире и достигает совершенства, ниббаны (32). Далее Будда учит о семи состояниях сознания (*viññānaṭṭhitiyo*: люди и некоторые божества, подверженные страданию, — боги из свиты Брахмы — боги абхассара — боги субхакинна — достигшие уровня бесконечности пространства — уровень бесконечности сознания — уровень отсутствия чего бы то ни было) и двух областях (*āyatanāni*: лишенных сознания и ни сознающих, ни лишенных сознания) (33). Ни одному из этих «состояний» или «областей» не подобает радоваться; постигший их связь с причинной зависимостью и освободившийся от всякой зависимости монах зовется «освободившийся постижением» (*paññā-vimutto*) (34). В заключение перечисляются восемь ступеней освобождения (*vimokhā* — видение форм существом, наделенным формой, — видение внешних форм существом, внутренне осознающим формы, — устремление к мысли о благотворности этого состояния — уровень бесконечности пространства — уровень бесконечности сознания — уровень отсутствия чего бы то ни было — уровень ни осознания, ни отсутствия осознания — уничтожение сознания и ощущений (т.е. превосходящее перечисленные выше семь «состояний» и две «области»)) (35). Осуществивший эти восемь ступеней достигает совершенства и зовется «освободившийся обоими путями» (*ubhato-bhāga*) (36).

В рамках Дп «Маханидана» содержит наиболее детальное изложение доктрины «зависимого происхождения», относящейся к важнейшим частям буддийской догматики. Этим, однако, ее значение не ограничивается; как мы видим, здесь получает развитие учение о «я»; отдельные его детали (как и в суттах «Брахмаджала» и «Поттхапада») позволяют проследить, как складывалась доктрина отрицания «я» (*anatta*). Интересны и положения о «состояниях сознания» и «ступенях освобождения», перекликающиеся с рядом аналогичных свидетельств в других суттах Дп («Саманнипхале», «Поттхападе», «Махапариниббанае» и др.).

XVI. «Махапариниббана-сутта» («Большая сутта о достижении ниббаны»)

1. В то время как Будда находится в Раджагахе на холме Гиджджхакута, царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта готовится напасть на ваджджийцев и посылает своего советника брахмана Вассакару сообщить об этом Будде (1–2), Вассакара исполняет поручение царя (3), тогда Будда напоминает ему, что ваджджийцы

следуют семи заповедям, «охраняющим от упадка» (часто сходятся в многочисленных собраниях, согласны друг с другом, придерживаются установленных законов, не вводя у себя неуставленного, чтут старцев, не прибегают к насилию над женщинами, чтут святилища и установленные подношения, охраняют и защищают архатов). В этих семи заповедях Будда сам наставил ваджджийцев, и, пока они следуют им, их невозможно одолеть в битве. Согласившись со словами Будды, Вассакара уходит (4–5).

После его ухода Будда поручает Ананде созвать монахов и начинает наставлять их в аналогичных семи заповедях (соответствующих модификации: 4-я — почитание старших монахов; 5-я — свобода от жажды; 6-я — стремление к уединению; 7-я — внимание к приходящим к ним собратьям) (6). Затем следуют наставления в дальнейших «охраняющих от упадка» заповедях, объединенных по группам: семь заповедей, связанных с воздержанием от мирских проступков, суеты, пустословия и т.п. (7); семь заповедей, связанных с верой, скромностью, ученостью, усердием и т.п. (8); семь заповедей, связанных со звеньями просветления: способностью самосознания, исследованием истины, усердием, радостью, умиротворенностью, сосредоточенностью, уравновешенностью (9); семь заповедей, связанных с пониманием непостоянства всего сущего, отсутствия своего «я», неприятности бытия и т.п. (10); и, наконец, шесть заповедей, связанных с дружелюбием в делах, речах, помыслах и другими правилами нравственного поведения (11); беседу эту Будда заключает словами о великих плодах сосредоточенности, соединенной с нравственностью, и постижения, соединенного с сосредоточенностью, а также о сознании, соединенном с постижением и освобождающем от порочных свойств (12). Эти слова неоднократно повторяются рефреном в дальнейшем изложении.

Из Раджагахи Будда с монахами направляется в Амбалаттхику, где повторяет слова о великих плодах (13–14). Затем он следует в Наланду, где живет в манговой роще Паварика (15). Там он беседует с Сарипуттой, провозглашающим, что нет, не было и не будет отшельника или брахмана, равного просветленностью Будде (16–17), а затем повторяет слова о великих плодах (18). Он направляется в Паталигаму, где находит приют у преданных мирян (19–22), которым говорит о пяти опасностях, проистекающих от пренебрежения нравственностью (нужда, дурная слава, неуверенность и беспокойство, мучения, возрождение в преисподней), и соответственно — о пяти преимуществах нравственности (достаток, добрая слава, уверенность и покой, отсутствие мучений, возрождение в небесном мире) (23–25). Между тем советники царя Магадхи Сунидха и Вассакара возводят в Паталигаме городские укрепления, чтобы отразить ваджджийцев, и многочисленные божества, содействуя их намерению, заполняют земли Паталигамы. Будда предсказывает, что здесь возникнет столичный город, торговый центр Паталипутта (26–28). Оба советника приближаются к Будде и приглашают его с монахами к ним на трапезу. Приняв их приглашение, Будда после трапезы идет к Гангу и вместе с монахами переправляется через него без средств переправы — лишь силой своего могущества (29–34).

2. Прибыв в Котигаму, Будда проповедует там о четырех «праведных истинах» (страдание — возникновение страдания — уничтожение страдания — путь,

ведущий к уничтожению страдания), затем повторяет слова о великих плодах (1–4). Он идет в Надику — там Ананда спрашивает о судьбе, ожидающей в будущем существовании нескольких монахов и преданных мирян. Будда разъясняет их судьбу (5–7). Он наставляет Ананду в «зеркале истины» — учении, позволяющем праведным ученикам объяснить себе собственную судьбу (8–9), и повторяет слова о великих плодах (10). Затем Будда приходит в Весали, где пребывает в лесной местности Амбапали (11). Будда призывает монахов к самосознанию и вдумчивости (*sato samrajāno*) (12–13). Между тем ганика (разновидность гетер) Амбапали, владелица манговой рощи, где остановился Будда, узнав о его прибытии, приближается к Будде и приглашает его на трапезу. Будда соглашается и затем отвергает приглашение личчхавов, стремящихся, чтобы он откушал у них, а не у ганики. Амбапали угощает Будду и дарит монахам эту рощу (14–19). Будда снова произносит слова о великих плодах (20). Оставив рощу Амбапали, он идет в Белуву (21–22). Здесь его постигает тяжкий смертельный недуг, однако, желая сначала поговорить с прислужниками и проститься с общиной, он усилием воли преодолевает свою болезнь (23). Он беседует с Анандой и призывает монахов видеть свет и прибежище лишь в самих себе и в истине, а не в чем-либо ином (25–26).

3. После сбора милостыни в Весали, Будда идет в святилище Чапала. Обращаясь к Ананде, он восхваляет Чапалу и другие святилища и говорит, что, владея сверхъестественными способностями (*iddhi*), он в состоянии прожить целый мировой период. Трижды повторяет он эти слова, но Ананда не проникает в замыслы Будды и не просит его жить ради блага всех существ (1–6). Ананда отходит, и к Будде приближается злой демон Мара. Напоминая Будде, как в свое время тот говорил, что достигнет ниббаны лишь после того, как монахи и преданные ему миряне постигнут истину и смогут передавать ее другим, а учение его достигнет процветания, он призывает его достичь теперь — когда настало время — ниббаны (7–8). Будда отвечает, что достигнет ниббаны через три месяца; затем, пребывая в святилище Чапала, он отвергает состояние жизни. Тут происходит великое землетрясение (9–10). Ананда спрашивает у него о причине землетрясения, и Будда называет восемь причин, из-за которых происходит великое землетрясение, — почти все они связаны с состояниями бодхисаттвы, Татхагаты (в частности, седьмая причина — когда Татхагата отвергает состояние жизни) (11–20). Затем Будда наставляет Ананду, говоря ему о восьми собраниях: кшатриев, брахманов, домоправителей, отшельников, четырех «Великих царей», 33 богов, Мары и Брахмы, все эти собрания он наставлял в свое время (21–23); о восьми состояниях преодоления: видения внешних форм как ограниченных, безграничных, наделенных определенными цветами (24–32), о восьми ступенях освобождения (33; ср. выше. XV.35). Он рассказывает, как некогда в Урувеле, после того как он достиг просветления, демон Мара призвал его достичь ниббаны, и он сказал, после чего это может произойти (ср. выше, 2.7–8). Теперь в Чапале Мара снова явился к нему. Будда повторяет всю его речь и свой ответ и говорит, что только что он отказался от состояния жизни (34–37). Ананда просит его прожить целый мировой период и вспоминает его прежние слова, но Будда отвергает его

трехкратную просьбу; он сам напоминает, как неоднократно говорил ему о своей сверхъестественной силе — последний раз в святилище Чапала, но ни разу Ананда не догадался попросить его об этом. Тогда Будда отверг бы его двукратную просьбу, но согласился бы на третью, теперь же уже поздно (38–47). Всё дорогое нам должно покинуть нас, поучает Будда, всё составленное подвержено распаду, и уход Татхагаты неизбежен (48). Они отправляются в лесную обитель с заостренной крышей, по просьбе Будды Ананда созывает туда монахов из окрестностей Весали, и Будда призывает их прилежно следовать всем частям его учения, кончая праведным «восьмичленным путем»: «...всё составленное подвержено старению, прилежно стремитесь к цели...» (49–51).

4. Наутро после сбора милостыни Будда идет с монахами в Бхандагаму, там он учит четырем предметам, усвоение которых необходимо для просветления (нравственное поведение, сосредоточенность, постижение, освобождение) (1–3). Будда повторяет слова о великих плодах (4). Те же слова он произносит последовательно в Хаттхигаме, Амбагаме, Джамбугаме (5). Придя в Бхоганагару, он учит о четырех великих свидетельствах (т.е. истинном учении, воспринятом из уст самого Будды, его общины, старших монахов или одного старшего монаха) (6–11). Снова следуют слова о великих плодах (12). Будда приходит в Паву и останавливается там в манговой роще Чунды, сына кузнеца. Чунда приглашает Будду на трапезу, во время которой угощает его «мягкой свининой» (*sūkara-maddavam* — см. соотв. примеч.) (13–19). После этой еды Будду снова постигает тяжкий недуг. Терпя боль, он отправляется в Кусинару, останавливается на дороге и, сев под деревом, просит Ананду принести воды, чтобы утолить жажду. Ананда предлагает взять чистую воду из находящейся неподалеку реки, ибо здешняя вода замутнена повозками, но Будда отвергает его троекратное предложение. Ананда берет воду из ручья, и мутная вода становится чистой (20–25). Мимо проходит Пуккуса Маллапутта. Восхищаясь спокойствием Будды, он рассказывает о своем учителе Аларе Каламе, не заметившем в своей сосредоточенности, как мимо него проехали 500 повозок. В ответ Будда вспоминает, как сам он некогда, находясь в Атуме, не заметил бури с громом и молниями (26–33). Пуккуса просит принять его в общину и подносит ему пару дорогих одежд, которую Будда делит с Анандой (34–35). Получив наставление, Пуккуса уходит (36), Ананда одевает Будду и видит, что блеском своего тела тот затмевает блеск златоцветных одежд. Будда объясняет, что такое происходит лишь в двух случаях — когда Татхагата достигает высшего просветления или же ниббаны. В эту ночь, говорит Будда, он достигает ниббаны (37–38). Будда спускается к реке Какуттхе, совершает омовение, затем ложится отдохнуть (39–41). Он говорит Ананде, что не следует осуждать Чунду, угостившего его последней трапезой, напротив, в этом — доброе дело Чунды, заслуги которого принесут свои плоды (42).

5. Будда идет к последнему своему пристанищу — в Кусинару, в принадлежащую маллам рощу саловых деревьев на берегу реки Хираниявати. Ананда постигает ему ложе, и он ложится между двумя деревьями головой к северу (1). Тело его обсыпают цветы, падающие с деревьев и с неба, звучит небесная музыка. Будда говорит Ананде, что всё это — дань почтения Татхагате, но, чтобы

должным образом чтить его, следует держаться истинного учения (2–3). Он просит отойти монаха Упавану, который обмахивает его, и объясняет Ананде, что монах заслоняет Татхагату от многочисленных божеств, собравшихся лицезреть его (4–5). Продолжая наставление, он говорит о видах этих божеств, о четырех местах поклонения для верующих (места рождения Татхагаты, его просветления, начала его проповеди и его ниббаны), призывает монахов избегать женщин (6–9). Будда учит, как следует погребать Татхагату (10–12). Ананда идет в обитель и плачет о Будде; тот призывает его, утешает словами о непостоянстве всего земного, о распаде составленного; затем произносит перед монахами хвалу Ананде (13–16). Последний просит Будду достичь ниббаны в каком-либо из больших процветающих городов, а не в маленькой заброшенной Кусинаре, но Будда объясняет ему, что некогда она была царской столицей, звалась Кусавати, и правил в ней владыка мира Махасудассана (17–18; см. следующую сутту). Он посылает Ананду в Кусинару передать маллам о грядущей ниббане — пусть они в последний раз лицезреют Татхагату. Тот исполняет его поручение и ведет их всех целыми семьями поклониться Будде (19–22). Находящийся в Кусинаре странствующий аскет Субхадда хочет поговорить с Буддой, чтобы рассеять свои сомнения. Не желая тревожить учителя, Ананда трижды отказывает Субхадде, но Будда просит допустить к нему Субхадду. Тот спрашивает, были ли наделены истинным познанием шесть учителей (Пурана Кассапа, Маккхали Госала и др.; см. П.2 сл.). Будда объясняет, что суть дела не в этом, а в том, есть ли в той или иной доктрине учение о праведном «восьмичленном пути» (23–27). Субхадда просит принять его в общину, его посвящают в ученики, и со временем он становится одним из архатов. Он — последний, кого обратил сам Будда (28–30).

6. Будда обращается к Ананде с последними наставлениями, регламентирующими жизнь общины после его смерти (1–4). Он трижды спрашивает у монахов, есть ли у кого-нибудь сомнение, которое он может разрешить, но те безмолвствуют (5–6). Он произносит последние слова: «...[всё] составленное подвержено старению, прилежно стремитесь к цели» (7), затем, переходя из одной ступени созерцания в другую, постепенно достигает ниббаны (8–9). Происходит великое землетрясение, двоюродный брат Будды Ануруддха утешает плачущих монахов и повторяет Ананде слова Будды (10–11; ср. 5.6, 14). Он посылает Ананду возвестить маллам в Кусинаре о ниббане Будды; те собирают благовония, венки и в сопровождении музыкантов приближаются к телу Будды. Исполняя все положенные обряды, они на седьмой день несут его тело к святилищу Макутабандхана к востоку от Кусинары (12–16). Повторяя наставления Будды, Ананда учит их погребению (17–18). После того как один из главных последователей Будды — Махакассапа и окружающие его 500 монахов кланяются телу, погребальный костер загорается сам. От тела Будды остаются лишь кости, и потоки воды, льющиеся с небес, гасят костер. Маллы из Кусинары в течение семи дней оказывают почет останкам (19–23). Между тем туда собираются вестники от царя Магадхи Аджатасатту, от личчхавов из Весали, сакьев из Капилаваттху, були из Аллакаппы, колиев из Рамагамы, некоего брахмана из Ветхадипы и маллов из Павы — все они претендуют на часть останков. Брахман Дона призывает всех не спорить

над останками и делит их на восемь частей, а себе берет сосуд, в котором находился прах. Опоздавшим же на дележ мориям из Пиппхаливаны дают угли из погребального костра (24–26). Над каждой из восьми частей останков Будды, а также над сосудом и углями воздвигаются надгробия и устраиваются празднества. Наконец в числе реликвий упоминается и несколько зубов Будды — им поклоняются в мире 33 богов, в царстве змей и т.д. (27–28).

По своему характеру «Махапариниббана-сутта» резко выделяется среди других сутт Дп, которые она значительно превосходит по объему. Возможно, перед нами контаминация ряда текстов, посвященных странствиям Будды, собственно «махапариниббана», погребальным обрядам и т.д. (см. соотв. коммент.). Содержа многочисленные параллели с другими текстами канона (Винаей, Ангуттара-никаей, Самьютта-никаей и др.), «Махапариниббана» является важнейшим источником сведений о последних месяцах жизни основателя буддизма. Интересны ее свидетельства о военно-политической обстановке того времени (взаимоотношения царя Магадхи с ваджджийцами), об обрядности, связанной с погребением Будды и поклонением его реликвиям. Среди поучений Будды интересны его предписания, регламентирующие жизнь монахов, в частности, заповеди, «охраняющие от упадка». Одновременно сюда вкраплены и важные догматические положения: о четырех «праведных истинах», о восьми состояниях «преодоления» и ступенях освобождения и т.д. Обилие живых драматических сцен делает эту сутту замечательным образцом буддийской повествовательной литературы — такковы эпизоды с гетерой Амбапали, сыном кузнеца Чундой, демоном Марой, с образными напоследок Пуккусой и Субхаддой, наконец — с ближайшим учеником Будды Анандой.

XVII. «Махасудассана-сутта» («Сутта о Махасудассане»)

1. Непосредственно перед достижением Буддой ниббаны в Кусинаре Ананда просит учителя достичь ниббаны не в этом маленьком, заброшенном городке, а в каком-нибудь из больших процветающих городов, и в ответ Будда рассказывает о великом прошлом Кусинары — некогда она звалась Кусавати; это был процветающий многолюдный город, в котором правил царь Махасудассана (1–3). Здесь повторяется текст XVI.5.17–18, а дальнейшее изложение служит как бы развернутым вариантом этого фрагмента «Махапариниббаны». Описываются стены Кусавати, ее врата, окружающие ее пальмы — все они были из золота, серебра, бериллов, хрусталя, рубинов, изумрудов и прочих драгоценностей (4–6). Царь Махасудассана владел семью сокровищами: божественным колесом, доставившим ему господство над всеми сторонами света (7–11), движущимся по воздуху слоном, на котором можно было за утро объехать всю землю (12), таким же конем (13), бериллом, сиявшим на йоджану в окружности (14), женщиной божественной красоты (15), домоправителем, который с помощью чудесного зрения мог отовсюду извлекать для царя богатства (16), и наставником великой мудрости (17). Царь Махасудассана был наделен четырьмя достоинствами: он был красив, долговечен, свободен от недугов и внушал любовь брахманам и домоправи-

телям (18–21 = V.13 и др.). Он соорудил лотосовые пруды с лестницами, колоннами, решетками из золота, серебра, драгоценных камней; на берегах этих прудов он повелел омывать пришельцев, раздавать пищу, одежду и другие дары нуждающимся (22–23). Брахманы и домоправители предложили Махасудассане большие богатства, но тот отказался принять их, и они решили соорудить покои для царя. (24). По приказанию владыки богов Сакки, зодчий богов Виссакамма построил царю роскошный дворец Дхамма — его колонны, лестницы, покои также были сделаны из всевозможных драгоценностей. Перед дворцовыми покоем царь соорудил лотосовый пруд Дхамма, окруженный пальмами (25–32). По завершении работ Махасудассана богато одарил бывших у него в почете отшельников и брахманов и взшел во дворец (33).

2. Пребывая во дворце, царь Махасудассана постиг, что его могущество — плод его даяний, самообуздания и воздержания в предыдущих существованиях. Он остановил в себе помыслы чувственности, злонамеренности и насилия, поднялся от первой к четвертой ступени самосозерцания (*jhāna*) и стал пронизывать все стороны света разумом, исполненным дружелюбия, сострадания, удовлетворенности и уравновешенности (1–4 = II.75 сл. = XIII.76 сл.). Перечисляются все владения и богатства Махасудассаны — по восемьдесят четыре тысячи городов, дворцов, покоев, слонов, коней, колесниц и т.д. (5). Дважды в день к нему приближались для службы все его слоны, но царь повелел, чтобы лишь половина их приближалась к нему раз в сто лет (6).

По прошествии многих-многих лет супруга Махасудассаны Субхадда, его «женщина-сокровище», пожелала навестить давно уже уединившегося от нее царя. При приближении царицы царь попросил ее не входить в покои и лег на приготовленном ему ложе в золотой пальмовой роще (7–9). Видя, что ее супруг исполнен равнодушия, она вновь перечислила все его богатства, призывая его при каждом напоминании исполниться жаждой жизни (10). Царь ответил, что на этот раз речи царицы нежеланны — всё непостоянно по природе, и, упоминая о его богатствах, следует призывать его к отказу от желаний, от жажды жизни. Царица Субхадда повторила все его слова (11–12). Царь оставил существование и возродился в счастливом мире Брахмы (13). Завершая свой рассказ, Будда открывает Ананде, что в то время он сам был царем Махасудассаной и владел всеми его богатствами. Всё это уничтожилось, ибо «непостоянно всё составленное» (14–17).

Подобно «Махападане» и «Махапариниббана», «Махасудассана-сутта» — один из интереснейших образцов буддийской повествовательной литературы. Некоторые черты (в частности, отождествление в конце сутты) сближают ее с жанром джатак, с одной из которых (95-я джатака, носящая то же название) она обнаруживает ряд параллелей. Характерные особенности древнеиндийского повествования прослеживаются в описаниях города, дворца и других владений Махасудассаны. Отдельные догматические реминисценции (например, свидетельство о четырех ступенях созерцания) изложены здесь менее детально, чем в других суттах Дп, в этом отношении источниковедческая ценность сутты не столь велика.

XVIII. «Джанавасабха-сутта» («Сутта о Джанавасабхе»)

Пребывая в Надике, Будда разъясняет, в каких состояниях возродились различные его последователи из окрестных областей. Он не останавливается, однако, на судьбе своих последователей из Магадхи, и Ананда просит Будду разъяснить и их судьбу (1–6). Наутро после этого Будда собирает милостыню в Надике; возвратившись, он предается созерцанию и в результате постигает судьбы своих последователей из Магадхи (7–8). Об этом он следующим образом рассказывает Ананде: во время размышления ему явился яккха Джанавасабха, бывший в одном из прежних рождений царем Магадхи Бимбисарой. Он постиг помыслы Будды и, зная из уст царя Вессаваны (т.е. бога богатств, царя севера, Куберы, которому он прислуживал) о судьбах последователей из Магадхи, приблизился к Будде, чтобы доставить ему это знание (9–11). Джанавасабха говорит, что некогда в далекие времена 33 бога, четыре «Великих царя» и другие божества сидели в зале Судхамма в присутствии повелителя богов Сакки и радовались возрастанию божественных сонмов (12–13). Тридцать три бога наставили четырех «Великих царей», объяснив, ради чего они собрались (14). С северной стороны появилось великое сияние, и богам предстал Брахма Сананкумара в образе юноши Панчасикхи, наделенный чудесным голосом Брахмы (15–19). Приняв 33 облика, он уселся на каждое из лож 33 богов и поведал сначала о божественных сонмах, в которых возрождаются различные последователи Благостного (т.е. Будды — 20–21); затем о четырех «основаниях» сверхъестественных способностей, постигнутых Буддой: стремлении, усердии, мысли и исследовании, сочетающихся с сосредоточенностью и усилием (22); о трех путях достижения счастья: преодолении признаков чувственности, умиротворении грубых склонностей и постижении истинного знания с уничтожением незнания (23–25); о четырех установлениях способности самосознания: созерцании тела в своем теле, ощущения — в ощущениях, ума — в уме и состояний — в постигаемых им состояниях (26); о семи принадлежностях сосредоточенности, т.е. первых семи звеньях праведного «восьмичленного пути» (27). Продолжая наставления, Брахма сказал о судьбе двадцати четырех с лишним сотен тысяч последователей из Магадхи, ставших частью «вступившими в поток», частью — «единожды возвращающимися», частью (согласно вероятному толкованию) — «невозвращающимися» (28). В ответ на раздумья Вессаваны Брахма пояснил, что столь великий наставник, проповедь которого ведет к подобным плодам, был и в прошлом, и будет (имея в виду Готаму Будду) в будущем (28). Такова преемственность этого учения: Брахма Сананкумара — «Великий царь» Вессавана — яккха Джанавасабха — Благостный (Будда) — Ананда — монахи и преданные миряне (29).

Среди сутт Дп «Джанавасабха» интересна свидетельствами учения о последующих судьбах приверженцев буддизма — учение это, получившее тщательную разработку, по-видимому, уже в ранних канонических текстах, играет важную роль в буддийской догматике. Вместе с тем это одна из сутт, свидетельствующих о контаминации собственно буддийской мифологии с традиционной индуистской и о включении последней (разумеется с известным ее переосмысле-

нием) в этико-космологические построения буддизма. Тенденция эта, как мы увидим, явственно проявляется и в последующих суттах Dn. Еще одна примечательная сюжетно-композиционная особенность «Джанавасабхи» объединяет ее с «Махасудассаной» — подобно последней, она может рассматриваться как повествование, развернутое из фрагмента «Махапариниббаны» (XVI.2.5–7), хоть соответствующие части текста и не совпадают здесь буквально.

XIX. «Махаговинда-сутта» («Сутта о Махаговинде»)

Будде, пребывающему в Раджагахе, является отпрыск гандхаббов Панчасикха и передает ему некогда услышанное от 33 богов (1). Он рассказывает о собрании богов (сходное с описанным в «Джанавасабхе»), в котором царь богов Сикка возвестил восемь восхвалений Будды — в связи с этим говорится о проповеди Буддой истины, о постижении им хорошего и дурного, о его пути, ведущем к ниббане, о согласии слов и дел у Будды и т.д. (2–12). Боги пожелали, чтобы в мире появлялось четыре, три или хотя бы два архата, подобных Будде, но Сакка сказал, что это невозможно: Будда — один (13–14). С севера родился великий свет, и перед богами появился Брахма Сананкумара (15–18). Он также пожелал услышать восемь восхвалений Благостного, и Сакка повторил их снова (19–27). Тогда Брахма, приняв облик юноши Панчасикхи (28), рассказал им старинную историю:

Жил некогда царь Дисампати, у которого был главный жрец Говинда. Их сыновья — царевич Рену и сын жреца Джотипала и еще шестеро кшатриев дружили между собой. После смерти Говинды сын его Джотипала был назначен на должность отца, он превосходно справлялся с обязанностями и получил прозвище Махаговинда («великий Говинда») (29–31). Со временем царь Дисампати состарился и умер. После его смерти на царство помазали царевича Рену. Помня свое обещание друзьям-кшатриям, Рену поручил Махаговинде поделить землю на семь частей. Тот исполнил это, и эти части (Дантапура, Потана, Махиссати, Рорука, Митхила, Чампа, Баранаси) были распределены между Рену и шестью кшатриями (32–36). Махаговинда продолжал заботиться обо всех государственных делах. Люди говорили о нем, что он способен общаться с Брахмой, и Махаговинда, вспомнив слова своих наставников, решил предаться четырехмесячному уединению, чтобы действительно увидеть Брахму. Получив согласие царя, кшатриев, брахманов, наконец, своих жен, он в течение четырех месяцев предавался уединению в своей обители, но так и не достиг общения с Брахмой (37–43). Постигнув его помыслы и беспокойство, Брахма Сананкумара явился Махаговинде и в ответ на его просьбы и расспросы поведал о пути, которым смертный может достичь мира Брахмы (отказ от своекорыстных помыслов, сосредоточенность, сострадание, безгрешность). Махаговинда пожелал оставить дом и начать жизнь бездомного странника (44–46). Узнав о его решении, царь Рену захотел следовать тем же путем; то же решение приняли и кшатрии, пытавшиеся вначале соблазнить его богатствами и женами (47–50). Они лишь попросили его подождать семь лет, но Махаговинда не согласился, и, постепенно уменьшая срок, они до-

шли до семи дней, которые тот согласился подождать (51–55). Затем ему решили следовать и семь богатых брахманов, семьсот брахманов, завершивших обучение, и сорок его жен (56–57). Через неделю Махаговинда обрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и стал странником, а за ним — многочисленные брахманы и кшатрии. Разумом, исполненным дружелюбия, сострадания, удовлетворенности и уравновешенности, он пронизывал весь мир и преподавал ученикам путь к соединению с миром Брахмы. Часть его учеников после смерти возродилась в мире Брахмы, другие — среди других божеств (58–60).

Завершив свое повествование, Панчасикха спрашивает Будду, помнит ли он это. Тот отвечает, что помнит, что он сам и был в то время Махаговиндой. Однако тогдашнее его учение вело только к миру Брахмы, а не к полному просветлению и ниббанае. Последнее достигается лишь праведным «восьмичленным путем», которому он теперь и учит (61). В заключение Будда говорит о судьбах своих учеников, в той или иной мере постигших его учение (полностью освобожденные, не подверженные возвращению и т.д. в нисходящем порядке) (62).

Как и предыдущая, эта сутта включает индуистский пантеон в сферу буддийской догматики. Здесь мы снова встречаемся с типичной для жанра джатак особенностью — рассказ о герое, с которым Будда отождествляет себя в конце. Среди догматических свидетельств «Махаговинды» обращает на себя внимание положение о невозможности одновременного существования в мире более чем лишь одного Будды. Особо следует отметить ценность этой сутты как историко-географического источника (раздел мира Махаговиндой).

XX. «Махасамая-сутта» («Большая сутта о собрании»)

Будда пребывает в большом лесу в Капилаваттху у сакков. Множество божеств собирается, чтобы лицезреть Будду и его общину; к нему приближаются и четверо божеств из сонма суддхаваса (1–3). Будда говорит монахам, что и в прошлые времена, и в будущем божества собирались и будут собираться в столь же великом множестве, чтобы лицезреть архатов. Он предлагает описать и восславить все эти сонмы богов (4). Отсюда и до конца сутты следует описание, целиком выдержанное в стихотворной форме. Среди явившихся в Капилаваттху Будда называет божеств, населяющих землю (5–6), различных яккхов (7–8), повелителей четырех сторон света с их сыновьями (9), различных божеств более низкого ранга — гандхаббов, нагов (10–11), асуров, васу (12), затем ряд божеств, связанных с явлениями природы, элементами мироздания, солнцем, луной и т.д. — они объединены по «десятикратным сонмам», и таких сонмов названо шестьдесят (12–19). Затем названы десять повелителей, владеющих мирами Брахмы (20); говорится и о приходе демона Мары со своим войском — демон попытался поработить монахов, но те, вняв Будде, сохранили стойкость, и враги оставили их непоколебленными (21–22).

«Махасамая-сутта», не содержа ничего существенного с точки зрения буддийской догматики, интересна прежде всего как незаменимый источник для изучения древнеиндийской мифологии. В плане отмечавшейся выше индуистско-буд-

дийской контаминации здесь характерно переосмысление традиционного мотива борьбы богов с асурами в этическом плане (демон Мара, или Канха, — враг Будды и общины; победа над ним — победа буддийского учения). Уже обращалось внимание на аналогичное этико-философское осмысление этого сюжета в текстах брахман и ранних упанишад, т.е. в рамках индуизма.

XXI. «Саккапаньха-сутта» («Сутта о вопросах Сакки»)

1. В то время как Будда пребывает в Магадхе в пещере Индасала близ Раджагахи, повелитель богов Сакка желает лицезреть его и просит отпрыска гандхаббов Панчасикху помочь ему. Они переносятся в Магадху, и Панчасикха по просьбе Сакки первым приближается к Будде. Чтобы привлечь его внимание, он играет на вине, напевая строфы, обращенные к его возлюбленной Сурияваччасе, дочери царя гандхаббов. Любовные признания причудливо сочетаются здесь с восхвалением Будды и его учения (1–5). Будда хвалит его пение, и Панчасикха рассказывает историю своей любви к Сурияваччасе, снова повторяя свою песнь (6–7). Затем от имени Сакки он возвещает о приближении царя богов. Сакка вместе со спутниками входит к Будде, приветствует его, говорит, что когда-то он уже стремился лицезреть Будду, но тот пребывал в сосредоточенности, и Сакка не был допущен к нему (8–10). Он рассказывает историю о преданной Будде женщине из племени сакьев — Гопике, которая возродилась в мужском облике под именем Гопаки в счастливом небесном мире среди 33 богов, и о трех буддийских монахах, возродившихся в более низком состоянии (среди гандхаббов); воодушевленные примером Гопаки, двое из них достигли высшего состояния в сонме жрецов Брахмы. Сакка просит разрешения задавать вопрос, и Будда дает свое согласие (11–13).

2. Отвечая на первый вопрос Сакки, Будда поясняет, что боги, люди и прочие существа связаны завистью и алчностью (1). Сакка последовательно продолжает спрашивать об их истоках, и Будда говорит, что источник зависти и жадности коренится в любимом и нелюбимом, источник любимого и нелюбимого — в желании, источник желания — в озабоченности, источник озабоченности — в препятствии ослепления (2). Для уничтожения последнего важно, какой разновидности удовлетворенности, неудовлетворенности, уравновешенности следует монахам — «уместной» (при которой пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие) или противоположной ей — «неуместной» (3). Сходным образом монахам, следуя воздержанию, должен предаваться «уместным» (толкуемым сходным образом), а не «неуместным» поведению тела, поведению в речи и исканию (4); следуя сдерживанию жизненных способностей, он предается «уместным» видам образов, звуков, запахов, вкусов, прикосновений, представлений (5). Будда разъясняет далее, что не все отшельники и брахманы придерживаются одного учения, ибо разные существа привязываются к разным элементам, составляющим мир; не все из них и всецело совершенны и свободны от уз, а только те, кто разрушил в себе жажду (6). Сакка говорит, что лишь Благостный освободил его от сомнений и неуверенности; он вспоминает, как некогда отшельники и брахманы, к ко-

торым он пришел с подобными же вопросами, не смогли ему ничего сказать. Однажды — после победы над асурами — ему уже довелось испытать одушевление и удовлетворение, но тогда оно было связано с насилием и не вело к просветлению и ниббанае, теперь же — связано с постижением истины и ведет к высшей цели (7). Сакка объясняет причины, по которым он возглашает о своем удовлетворении и одушевлении (обретение новой жизни, просветление, грядущее воплощение в сонме высших божеств и т.д.) (8); он повторяет, что лишь Будда первым смог наставить его в истине, восхваляет Будду и помогшего ему Панчасикху, которому обещает доставить владычество над гандхаббами и дать Суриявачасу в жены. Сакка трижды возглашает почтение Будде; он и другие восемьдесят тысяч божеств обретают чистое видение истины (9–10).

«Саккапаньха-сутта» доводит до предела индуистско-буддийскую контаминацию: царь богов Сакка (т.е. Индра) выступает как ученик Будды, обращенный им и достигший просветления. Догматическая часть «Саккапаньхи» дает новый вариант учения об основах уз в этом мире с новой причинно-следственной цепью, предписания должного поведения для монаха, учение об «уместных» и «неуместных» состояниях, чувствах и т.п. Примечательно сочетание указанных мотивов с чисто «мирской» тематикой — излияниями Панчасикхи, представляющими собой один из интереснейших образцов любовной лирики на пали.

XXII. «Махасатипаттхана-сутта»

(«Большая сутта об установлениях способности самосознания»)

Пребывая в Каммассадамме среди куру, Будда начинает учить монахов о единственном пути к истинному знанию и ниббанае. Это уже упоминавшиеся выше (ср. XVI.1.17; и др.) четыре «установления способности самосознания» (*satipaṭṭhāna*), давшие название этой сутте: созерцание тела в своем теле, ощущений — в ощущениях, ума — в уме и состояний — в воспринимаемых им состояниях (1). Детализируя каждое из «установлений», Будда поясняет, как монах ощущает тело в своем теле, уединившись и контролируя дыхание, сосредоточиваясь на своих действиях и осознавая каждое из них; он осознаёт все составные части тела и их бренность и представляет себе свое тело в виде трупа (2–10). Созерцая ощущения в своих ощущениях, он отдает себе отчет во всех своих ощущениях (приятных и неприятных, плотских и бесплотных) и созерцает присущее им возникновение и исчезновение (11). Созерцая ум в своем уме, он осознаёт ум каждый раз как наделенный страстью или лишенный страсти, а также иных свойств — ненависти, заблуждений, собранности, возвышенности и т.д. (12). Созерцая состояния в воспринимаемых им состояниях, он постигает их в связи с пятью преградами (чувственность, злонамеренность, косность, беспокойство и терзания, сомнение) (13), с пятью «группами», основанными на стремлении (образ, ощущение, восприятие, склонность, осознание) (14), с шестью внутренними и внешними сферами восприятия (соответственно: глаз — образы, ухо — звуки, нос — запахи, язык — вкусы, тело — осязаемые предметы, разум — постигаемые предметы) (15), с семью звеньями просветления (способность само-

сознания, исследование истины, усердие, радость, умиротворенность, сосредоточенность, уравновешенность) (16), с четырьмя «праведными истинами» (страдание, возникновение страдания, уничтожение страдания, путь, ведущий к уничтожению страдания) (17). В связи с этим Будда подробно разъясняет каждую из четырех «праведных истин»: страдание это рождение, старость, смерть, неудовлетворенность, отсутствие желаемого и т.д. Страдание возникает от жадности, связанной с «дорогими, приятными образами» в мире (последние восходят к названным выше шести сферам восприятия). С уничтожением жадности в тех же образах уничтожается страдание. Путь — это праведный «восьмичленный путь», каждое звено которого получает здесь объяснение (18–21). В заключение Будда говорит, что следование этим четырем установлениям даже в течение семи дней доставляет один из двух плодов: совершенное знание в зримом мире или же — состояние невозвращения (22).

«Махасатипаттхана-сутта», как мы видим, целиком посвящена этической догматике и лишена каких-либо черт нарративных жанров, отмечавшихся выше применительно к некоторым другим суттам Дп. Здесь отсутствуют и мифологические реминисценции, нет стихотворных строк. «Махасатипаттхана» почиталась одним из важнейших текстов канона (ср. свидетельства о заслугах от одного ее чтения или слушания; см. XXII.22). Для изучения основополагающих положений буддийской доктрины (четыре «праведные истины», праведный «восьмичленный путь») это один из самых важных источников. Чрезвычайно интересна для исследователя детальная трактовка «способности самосознания» (*sati*) и в связи с этим — регламентация внутренней, ментальной дисциплины, дающая ценный материал для анализа буддийской психологии (ср., например, правила созерцания собственного тела, в частности, в виде трупа, находящие себе примечательные параллели в других культурных традициях).

XXIII. «Паяси-сутта» («Сутта о Паяси»)

Двигаясь по Косале, один из ближайших учеников Будды Кумаракассапа останавливается близ Сетавьи, где в это время живет принц Паяси, получивший эти земли во владение от царя Косалы (1). Паяси исповедует «порочное, ложное» воззрение: «Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий» (ср. выше, I.2.27; II.32 и др.). Услышав о Кумаракассапе, он опасается, что тот может внушить брахманам-домоправителям противоположное воззрение («существует другой мир...»), и приближается к нему (2–4). Он соглашается с первым возражением Кумаракассапы (солнце и луна находятся в том мире) (5), но продолжает настаивать на своем воззрении, приводя последовательно ряд доводов, опровергаемых Кумаракассапой: когда умирали его близкие, погрязшие в пороках, он просил их явиться к нему из того мира и сообщить, попали ли они в преисподнюю; те обещали, но не явились. Кумаракассапа отвечает, что даже вора, приговоренного к смерти, палачи не отпустили бы повидаться перед смертью с близкими (6–7). Равным образом не явились к Паяси из счастливого небесного мира и умер-

шие близкие, отличавшиеся благочестием, но, по словам Кумаракассы, так же и человек, очищенный от нечистот, наряженный, умащенный, не захотел бы снова погрузиться в яму с нечистотами (8–9); кроме того, божественные сутки — все равно, что сотня лет у людей, и Паяси не дождался бы своих близких на земле, если бы те хоть на две ночи отложили исполнение своего обещания. Вместе с тем другой мир и самопроизвольно родившиеся существа могут быть увидены не плотским, а очищенным божественным зрением (10–11). Паяси говорит, что даже добродетельные отшельники и брахманы отвращаются от смерти и несчастья, хотя после смерти им лишь стало бы лучше. Кумаракассы отвечает, что мудрые должны терпеливо ждать, не торопя созревание несозревшего, и жизнь для них полна смысла в подвигах добродетели и сострадания (12–13). Паяси вспоминает ряд случаев, когда он приказывал казнить преступников, но ни разу, несмотря на все старания, не смог увидеть, как жизненное начало покидает их тело, и обнаружить в них это начало. Кумаракассы, приводя различные притчи, показывает, что это было естественно и что Паяси неразумными способами пытается найти другой мир (14–21). Паяси заявляет, что, даже если это так, он не может изменить своих воззрений, боясь осуждения царя Косалы и других царей, знающих о его взглядах, — четырежды он повторяет это, и четырежды Кумаракассы, приводя разные притчи, показывает неразумность и гибельность его поведения (22–29). Паяси признаёт правоту собеседника, просит принять его как преданного мирянина и желает совершить жертвоприношение (30). Кумаракассы учит его, что лишь тогда жертвоприношение приносит великий плод, когда оно совершается без уничтожения каких-либо живых существ, а жертвователи наделены надлежащим воззрением, намерением и другими атрибутами «восьмичленного пути» (31). Паяси устанавливает раздачу подаяний, пищи, одежды для отшельников, брахманов, всевозможных просителей. Занятый в этой раздаче юноша Уттара говорит, что Паяси раздает негодные блюда и одежды, которыми никогда не стал бы пользоваться сам, и поэтому не попадет в высший мир. Паяси призывает его самому учредить такую раздачу, и Уттара раздает щедрые подношения. В результате он возрождается в счастливом небесном мире среди 33 богов. Паяси же, раздававший подаяния «не собственноручно... без должного размышления... отбросами», — в более низком мире среди четырех «Великих царей» (32). Там он рассказывает архату Гавампати, возродившемуся в том же мире, о различной участи, постигшей его и Уттару, и призывает Гавампати идти в мир и побуждать людей давать подаяния должным образом (33). Гавампати следует его призыву (34).

«Паяси-сутта» весьма важна как свидетельство полемики раннего буддизма с современными ему этико-философскими воззрениями и в этом отношении примыкает к суттам I–II Дп. Здесь получает обоснование столь важная для буддийской догматики теория последующих рождений, мотивированных поведением индивидуума в предыдущих (учение о карме). Заключительные параграфы сутты, на первый взгляд носящие самостоятельный характер, по сути дела иллюстрируют на примере Паяси действия законов, которые он сам отрицал. В связи с этим заслуживают внимания и поучения о должном жертвоприношении, также отра-

жающие полемику с традиционным индуистским ритуалом. Весьма интересна «Паяси-сутта» и в стилистическо-композиционном отношении — ее основная сюжетная канва (спор Паяси с Кумаракассапой) может рассматриваться как своеобразное обрамление ряда вставных притч, что позволяет проследить истоки и эволюцию некоторых приемов, характерных для древнеиндийской повествовательной литературы.

Раздел III. «Патика-вагга» («Раздел, [открывающийся суттой] о Патике»): сутты XXIV–XXXIV

XXIV. «Патика-сутта» («Сутта о Патике»)

1. Находясь в селении маллов Ануписе, Будда вступает в беседу со странствующим аскетом Бхаггаваготтой — последний спрашивает о личчхаве Сунаккхатте, в свое время оставившем Будду (1–2). Будда отвечает: Сунаккхатта действительно был недоволен тем, что Будда не обнаружил перед ним своих сверхъестественных способностей (*iddhi*) и не объяснил ему «начало вещей» (*aggaiññaṃ*), и оставил его, хотя Будда и напомнил Сунаккхатте, что не обещал ему ни того, ни другого и что всё это не имеет отношения к проповедуемому им учению, ведущему к уничтожению страдания (3–6). Впрочем, и эти упреки лишены основания — Будда рассказывает об обнаженном аскете Кораккхатти, ведшем себя по-собачьи и возродившемся в облике асуры (7–10), о другом аскете — Кандарамасуке, нарушившем свои обеты и встретившем бесславную смерть (11–14). Оба они в свое время вызвали восхищение Сунаккхатты, и в обоих случаях Будда, проявив свои сверхъестественные способности, убедил Сунаккхатту в его заблуждениях. Далее Будда начинает рассказ об аскете Патикапутте (Патика) из Весали, который похвалялся, что превзойдет его в способности творить чудеса, однако при приближении Будды лишился сил и оказался неспособным даже подняться с сиденья (15–22).

2. Усилия других лиц помочь ему оказались напрасны (1–5); при этом один из них, Джалия, рассказал Патикапутте притчу о шакале, вздумавшем уподобиться льву и зарывавшему, но не по-львиному, а по-шакальему (6–10). Между тем Будда, обнаружив бессилие Патикапутты и убедив окружающих в своих сверхъестественных способностях, еще раз показал Сунаккхатте его неправоту (11–13). Затем Будда говорит Бхаггаваготте, что ему случалось объяснять и «начало вещей», и вспоминает свои беседы с отшельниками и брахманами, которых он учил о «свертывании» и «развертывании» мира, об изначальном Брахме, ложности воззрений, согласно которым начало вещей было положено богами, «испорченными удовольствием» или «испорченными разумом», о теории беспричинного «начала вещей» (14–20); поучения эти во многом повторяют «Брахмаджала-сутту» (ср. 1.1–32; 2.2–12; и др.). В заключение Бхаггаваготта говорит о своем стремлении следовать учению Будды (20).

«Патика-сутта» — интересный образец развития нарративной техники в буддийской канонической литературе. История отступничества Сунаккхатты служит

здесь своего рода рамкой для истории о трех обнаженных аскетах, так или иначе противопоставлявших себя Будде; в частности, история третьего из них — неудачливого Патики, чьи «бедра... прилипли к сиденью», давшего свое имя всему разделу III Дигха-никаи, несмотря на обилие традиционных повторений и длиннот, изложена с несомненной живостью и, возможно, с юмором. При этом история Патикапутты, в свою очередь, содержит вставную притчу о льве и шакале. Чрезвычайно важна «Патика-сутта» для изучения жизни ранней буддийской общины; прежде всего — ее соперничества с отдельными разновидностями «обнаженных аскетов» (асела), конкретные сведения о которых здесь содержатся; интересны свидетельства об отступничестве одних (Сунаккхатта) и переходе на сторону Будды других, «имеющих другие воззрения... других наставников» (Бхаггаваготта). С чисто догматической стороны «Патика-сутта», повторяющая ряд положений «Брахмаджала-сутты» и значительно уступающая по объему сведений о «начале вещей» «Агганья-сутте» (XXVII), представляет менее интересной.

XXV. «Удумбарика-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка в Удумбарике»)

Находясь в Раджагахе, Будда приближается к странствующему аскету Нигродхе — последний пребывает в роще Удумбарика и окружен другими аскетами, которые с великим шумом предаются различным низменным беседам (1–6 = I.1.17; и др.). Будда предпочитает начать разговор не о своем учении, а об учении Нигродхи; он перечисляет различные виды подвижничества, практикуемые Нигродхой и его учениками (они уже упоминались выше в «Кассапа-сиханада-сутте»; ср. VIII.14), и показывает, что подобное подвижничество сопряжено с разного рода пороками — самодовольством, легкомыслием, стремлением к славе, завистью к преуспевающим отшельникам и брахманам, лживостью, враждебностью и т.д. (7–12). Однако, продолжает Будда, возможно и подвижничество, при котором подвижник остается чистым и свободным от всех этих пороков (13–15). По просьбе Нигродхи он разъясняет, что такое подвижничество осуществляется с помощью «воздержания четырехчастной узды» — воздержания от причинения зла, присвоения чужого, лжи и от стремления к благополучию, а также с помощью преодоления пяти преград — алчности, злонамеренности, косности, беспокойства и терзаний, сомнения; при этом подвижник пронизывает своим разумом все стороны света, вспоминает свое прежнее существование, прослеживает своим очищенным зрением круговорот рождений, в который вступают существа в соответствии со своими поступками (16–19). Но есть еще более возвышенное состояние, в котором Будда воспитывает своих учеников: это истина, ведущая к достижению ниббаны. Нигродха рассказывает в том, что некогда намеревался повергнуть Будду в замешательство своим вопросом, и просит принять его в ученики. Будда принимает его и говорит, что способен наставить в истине разумного человека не только за семь лет, но (постепенно уменьшая сроки обучения) даже за семь дней (20–22). Всё это произнесено им не из желания

иметь учеников или отвратить собеседников от их образа жизни и свойств, он имеет в виду лишь те их свойства, которые ведут к несчастью (рождению, старости, смерти) и преодолению которых служит разъясняемая им истина (23). Аскеты, однако, слыша эти слова, молчат, пребывая в замешательстве — сердцем их владеет Мара. Будда покидает их и возвращается на холм Гиджджакута близ Раджагахи.

«Удумбарика-сиханада-сутта», как и «Патика», интересна своей полемикой с различными видами традиционного подвижничества, с характерными деталями быта (прием пищи, одежда и т.д.) странствующих отшельников. Примечательна известная сдержанность Будды в его прозелитизме, сопровождаемая в данном случае относительно умеренным (по сравнению с концовками большинства сутт Дп) эффектом проповеди. Последнее, очевидно, отражает вполне реальную ситуацию в повседневной жизни соперничавших общин.

XXVI. «Чаккаватти-сиханада-сутта»

(«Сутта львиного рыка о владыке мира»)

Пребывая в Матуле среди магадхов, Будда призывает монахов к самоуглублению и следованию истине, к поискам средств для жизни «в местах, унаследованных от отцов» (1). Он начинает рассказывать историю о легендарном Далханеми — праведном царе, владевшем семью сокровищами. Когда его колесо-сокровище сдвинулось с места, царь, видя в этом предзнаменование близкого конца жизни, передал царство своему сыну и стал странствующим аскетом. Через семь дней после этого колесо-сокровище исчезло, тогда он призвал своего обеспокоенного преемника «привести в движение колесо праведности», преподав ряд правил управления страной и подданными (соблюдение истины, охрана жителей, дарения неимущим, следование советам отшельников и брахманов). Тот «привел в движение колесо праведности», после чего ему вскоре также явилось колесо-сокровище (2–5). Новый царь покати́л это колесо и, следуя за ним вместе с войском, обошел все страны света, цари которых выслушивали его наставления в нравственном поведении и становились его подданными (6–7). Так он и вслед за ним шесть его преемников правили многие тысячи лет каждый, пока при седьмом преемнике не повторилось то же, что с Далханеми: колесо сдвинулось с места, тот стал странствующим аскетом и передал власть наследнику, после чего колесо-сокровище снова исчезло. Сын его, однако, не стал советоваться с отцом, а начал править по собственному усмотрению, и тогда пришел конец процветанию страны (8–9). Он начал советоваться с приближенными, но, выполняя одну заповедь (охрану подданных), не выполнил другой (дарения неимущим). В результате возросла бедность, один человек совершил кражу, но царь, узнав, что тот был доведен до этого нуждой, помиловал вора и наделил его имуществом. Так же он поступил и со вторым вором, после чего в стране распространилось воровство. Когда же царь приказал казнить следующего вора, то люди вооружились и стали убивать ограбленных (10–13). Так вслед за бедностью один за другим возросли всевозможные пороки — воровство, убийство, ложь, после чего

люди стали жить вдвое меньше (сорок тысяч лет вместо восьмидесяти тысяч). В результате дальнейшего роста пороков — лжи, злословия, распутства, грубости и т.д. жизнь последующих поколений все уменьшалась, соответственно дойдя постепенно до сотни лет (14–18). Будда предсказывает далее, что со временем жизнь людей сократится до десяти лет, они будут лишены изысканной пищи, не будут чтить родителей, отшельников, брахманов, старших, будут погружены во взаимную вражду и станут периодически убивать друг друга. Постепенно, однако, дойдя до полного одичания и живя в зарослях, они начнут радоваться, встречая друг друга невредимыми, и, постигнув причины своего вырождения, откажутся от преступного убийства. Срок их жизни возрастет после этого до двадцати лет. Мало-помалу они снова обретут все добродетели, и срок их жизни постепенно достигнет первоначальных восьмидесяти тысяч лет (19–22). Описывая свойства и образ жизни этих людей, Будда предсказывает, что при их добродетельном царе Санкхе родится новый Благостный, Будда по имени Меттейя; он описывает далее добрые дела царя Санкхи (23–26). Далее (27) Будда повторяет свои увещания, изложенные в начале сутты, и переходит к отдельным наставлениям, уже излагавшимся в предыдущих суттах: о четырех «основаниях» сверхъестественных способностей, о предписаниях отшельнической жизни, о четырех «ступенях созерцания», о разуме, пронизывающем все стороны света (28; ср. XVIII.22; II.42, 75 сл.; XIII.76, 78; и др.). В заключение он говорит, что нет другой силы, столь трудно одолимой, как сила Мары, но и эта победа доступна тем, кто предается добродетельным свойствам (28).

«Чаккаватти-сиханада-сутта» интересна не столько своей догматической стороной (за вычетом XXVI.1 соответствующие положения в сокращенном виде повторяют наставления предыдущих сутт Dn), сколько содержащимися в ней фрагментом буддийской мифологии и картиной исторического процесса, включающего последовательные стадии инволюции и эволюции с переходом от царства праведности к полной деградации и через нее — к новому царству праведности. Эта теория убывающей и возрастающей длительности человеческой жизни, соответствующей степени нравственного совершенства существ, обнаруживает, видимо, характерное для древнеиндийской ментальности соответствие между хронологией космологического плана, макромира (также связанного с идеей этического регресса — ср. учение о югах), и хронологией микромира, индивидуальной, подчиняющейся в конечном счете тем же законам и принципу цикличности (аналогичные связи, как известно, отмечались и в плане «пространственных» этико-космологических соответствий). Характерными представляются в данном случае и параллели из иных культурных традиций (ср. хронологию библейских патриархов, четыре века в древнегреческой мифологии и т.д.). Этот миф помимо упомянутых выше более общих культурно-типологических связей примечателен и конкретными своими деталями — ср. столь важную для буддизма идею грядущего Будды Меттейи, впервые упомянутого здесь в суттах Dn, характерное для буддийской символики этическое осмысление традиционного символа царской власти — колеса и т.д. Незаменимы для изучения древнеиндийской социально-

экономической мысли рассуждения о последствиях той или иной политики в отношении неимущих, делающие «Чаккаватти-сиханада-сутту» и важным историческим источником.

XXVII. «Агганья-сутта» («Сутта об изначальном»)

Пребывая в Саваттхи, Будда вступает в разговор с двумя брахманами — Васеттхой и Бхарадваджей и слышит от них мнение о превосходстве брахманов, родившихся из уст Брахмы, над прочими людьми (1–3). Возражая, Будда говорит, что и кшатриям, и брахманам, и вайшьям, и шудрам свойственны как пороки, так и добродетели (4–6); важнее всего не происхождение, а истина (dhamma), следование которой добавляет превосходство; он замечает, что царь Косалы Пасенади, перед которым склоняются сакьи, сам склоняется перед Татхагатой — такова сила веры в Татхагату и проповедуемую им истину (7–9). Будда излагает космогонический миф, находящий себе параллели в «Махавасту»; со сменой стадий «свертывания» и «развертывания» вселенной существо переходит из мира сияния (ābhassara) в здешний мир. Вначале всё в нем является водой; затем в воде возникает земля, люди начинают поедать ее сок и постепенно лишаются своего сияния. Появляются небесные светила, начинается чередование дней и ночей, месяцев, времен года — мир «развертывается» (10–12). Постепенно существа грубеют, все грубее становится их пища, произрастающая из земли, в их тело входит вождление (13–16). Люди начинают делать запасы пищи, делить участки земли, в них вселяется жадность, распространяются воровство, ложь (17–19). Чтобы было кому наказывать за преступления, они избирают из своей среды главного, называя его «кшатрием», «царем» (20–21). Некоторые из них избегают дурных свойств, и их называют «брахманами» (22–28); занимающихся ремеслами называют «вайшьями» (24), занимающихся охотой — «шудрами» (25). В каждом из этих четырех сословий появляются странствующие отшельники, оставившие свой дом (26); в каждом есть и порочные, возрождающиеся в преисподней, и праведники, возрождающиеся в небесном мире, и люди двоякого поведения, и достигшие высшего совершенства, но главное, повторяет Будда, — истина (27–31). Кшатрий, заключает он, выше других своим родом, но знающий и праведный — превыше богов и людей (32).

«Агганья-сутта», как и «Чаккаватти-сиханада», интересна в качестве источника сведений о буддийской мифологии и социальных воззрениях той эпохи. Примечательны, в частности, космогоническая теория, включающая идею примата воды над землей; история человеческого общества с еще одним вариантом этического регресса и последующего прогресса людей. Характерно переосмысление традиционных брахманистских концепций о превосходстве брахманов — согласно воззрениям кшатрия Будды, последние уступают кшатриям в родовитости; с точки зрения же высшей истины принадлежность к тому или иному сословию вообще несущественна. Соответствующая установка, встречавшаяся и выше (например, в «Амбаттха-сутте»), представляется весьма характерной чертой обстановки, в которой возник буддизм.

XXVIII. «Сампасадания-сутта» («Сутта об успокоении»)

Находясь в манговой роще в Наланде, Будда вступает в разговоры со своим учеником Сарипуттой — тот провозглашает свою веру в Будду, хотя из вопросов последнего выясняется, что Сарипутта не имеет представления о прошлых, будущих и настоящих (т.е. самом Будде) архатах (1; ср. завязку этой сутты с соответствующим изложением в XVI.1.16–17). Сарипутта, однако, говорит, что ему известно «находящееся в соответствии с истиной» (*dhammanvaṇo*) и в этой истине его утвердил сам Будда (2). Продолжая свою речь, Сарипутта упоминает о ряде положений, провозглашенных Буддой (значительная их часть изложена в предыдущих суттах; ср., в частности, XXII.1 сл.; XVI.3.50; XI.6; I.1.31; XV.34–36; XVI.1.9; II.97; VI.13; и др.); он вспоминает учение о «хороших свойствах» (3), шести сферах восприятия (4), о нисхождении в материнское чрево (5), об обнаружении состояний (6), достижении надлежащего видения (7), постижении личностей (*puṅgala*) (8), об «усилиях» и составных звеньях просветления (9), путях совершенствования (10), людских словах (11), нравственном поведении (12), видах наставлений (13), степени освобождения других личностей (14), вечности (15), воспоминании прежних мест пребывания (16), переходе из одного существования в другое (17), видах сверхъестественных способностей (18). Сарипутта превозносит никем не превзойденные достижения Будды — если были и будут архаты, способные сравниться с ним, то в настоящее время таких существ нет (19). Будда подтверждает сказанное Сарипуттой (19); присутствующий тут же буддийский монах Удайи восхваляет Будду за то, что он довольствуется малым и воздержан (20), после чего Будда призывает Сарипутту и впредь излагать произнесенное им наставление (21).

Подобно некоторым предыдущим суттам *Dṇ* (ср., например, XV, XXII), «Сампасадания-сутта» лишена ряда нарративных элементов, отличающих большинство сутт сборника, и предстает как своеобразный компендиум этико- и натурфилософских поучений Будды. Последние, как правило, уже встречались в предыдущих суттах; среди более оригинальных свидетельств «Сампасадании» назовем, например, учение о «нисхождении в чрево», т.е. о различных состояниях зародыша в чреве матери, соответствующих степени совершенства рождающихся впоследствии людей.

XXIX. «Пасадика-сутта» («Сутта, доставляющая отраду»)

Находясь среди сакьев, Будда узнает от новообращенного отшельника Чунды и от Ананды о смерти Нигантхи Натхапутты (тождественного основателю джайнизма Махавире; ср. XXXIII.1.6) и о раздорах, начавшихся среди его последователей (1–3). Будда считает это естественным, ибо им плохо преподана истина, а сам их наставник не отличался совершенством. Он перечисляет возможные случаи достоинств и недостатков, относящиеся к личности учителя, к передаче истины и к ученикам, преданным мирянам (4–13). Лишь теперь с появлением его самого, Будды, реализуется наилучшее сочетание всех условий, становится возможным совершенное целомудрие (14–16). Он призывает Чунду возглашать пре-

поданные им наставления (о четырех установлениях способности самосознания, четырех должных усилиях и т.д.), кончая праведным «восьмичленным путем» (17); указывает, как следует обращаться с собратьями, излагающими перед общиной свое учение, в зависимости от того, представляются ли они правыми или нет (18–21). Говоря о своих заповедях общине, Будда подчеркивает, что монахи должны довольствоваться лишь самым необходимым в одежде, милостыне, жилье, лекарствах (22), воздерживаться от привязанности к удовольствиям, доставляемым пороками, и следовать особым четырем «привязанностям к удовольствиям», тождественным четырем ступеням созерцания (*jhāna*) (23–24); плоды последних — вступление в поток, однократное возвращение, невозвращение и полное освобождение (25). Вопреки мнениям странствующих аскетов из других школ, ученики Будды должны быть стойкими в учении и следовать заповедям нравственности (не убивать, не красть, не прелюбодействовать и т.д.) (26). Татхагата объясняет прошлое, будущее и настоящее, исходя не из их истинности или ложности, а из того, связано ли оно с пользой (27–28); им постигнуто всё во всех мирах (29). Им не разъяснен вопрос о существовании Татхагаты после смерти, ибо подобные рассуждения бесполезны и не ведут к ниббане (30–31; ср. те же мотивы в I.2.27; IX.33; и др.), но разъяснены четыре истины о страдании, ибо они ведут к ниббане (32–33). Говоря о различных воззрениях, связанных с прошлым (о вечности своего «я» и мира, о самопроизвольном или опосредствованном возникновении своего «я» и мира и т.д.) и связанных с будущим (о характере своего «я» после смерти), Будда повторяет, что разъяснил здесь лишь то, что следует разъяснить, т.е. соответствующее его принципам (34–39; ср. I.1.29 сл., 38; и др.). В заключение в качестве наставления, превосходящего по важности эти воззрения, Будда называет преподанные им четыре установления способности самосознания (*satipaṭṭhanā*) (40; ср. XXII.1). На вопрос стоящего рядом монаха Упаваны Будда отвечает, что произнесенное им наставление в истине следует называть «доставляющим отраду» (*pasadiko*) (41).

Подобно некоторым другим текстам канона, «Пасадика-сутта» выделяется своими свидетельствами о соперничестве буддийской общины с нигантхами (джайнами), восходящем уже к ранней истории соответствующих систем, равно как и с представителями некоторых других воззрений (более последовательно зафиксированных в сутте I сборника). Представляют интерес и выдвигаемые им в противовес оппонентам некоторые принципы быта и поведения членов своей общины и вновь подчеркиваемый критерий «полезности» как условия разъяснения той или иной проблемы — свидетельство того этического прагматизма, который стал характернейшим признаком буддийской доктрины. Наконец, заслуживают внимания здесь и «метадидактические» рассуждения Будды, рисующие осмысление им самого процесса передачи и усвоения учения.

Как и предыдущая «Сампасадания», «Пасадика-сутта» в целом относится к числу чисто догматических текстов с одним, правда, примечательным нарративным приемом: введением драматической завязки — смерти Нигантхи Натхапутты, служащей здесь непосредственным поводом к изложению.

XXX. «Лаккхана-сутта» («Сутта о признаках»)

1. Находясь в Саваттхи, в монашеской роще Анатхапиндики, Будда говорит монахам о существовании 32 знаков (*lakkhāṇa*) великого человека; наделенный ими становится добродетельным царем, владыкой четырех сторон света, если он предан мирской жизни, и архатом — если покидает дом (1). Будда перечисляет все эти признаки (2; ср. их перечень выше, в XIV.1.32), а затем переходит к более детальному изложению (существенно дополняющему параллельные сведения «Махападана-сутты»), объясняя, каким действиям и свойствам человека в предыдущем рождении соответствуют те или иные «признаки великого человека», обретаемые впоследствии; например, следование хорошим свойствам — первый признак (хорошая опора у ног), благодеяния ближним — второй признак (знаки в виде колес на ступнях) и т.д. (3–33).

2. (1–31) — продолжение и завершение перечня.

«Лаккхана-сутта» открывает перед нами любопытный фрагмент буддийской догматики, во многом восходящий к весьма архаичным ведийским представлениям (ср., в частности, миф об изначальном человеческом существе — пуруше). Значительная часть перечисленных здесь признаков носит явно фантастический характер. Не случайно им уже издавна пытались дать аллегорическое (ср. BS) осмысление, а на последующую жизнь буддийской общины (если не говорить о течениях ламаистского толка и, естественно, об иконографической традиции) теория эта практически не оказывает никакого влияния.

Обращает на себя внимание значительная роль стихотворных вставок в «Лаккхана» — здесь они поочередно суммируют каждое из соответствий («заслуга — признак»), составляя соответственно каждый третий параграф (I.6.9 и т.д.). С аналогичной функцией метрических вставок, чередующихся с прозой, мы встречаемся и в других суттах сборника (ср. отдельные эпизоды «Махапариниббаны» и особенно в «Сингаловада-сутте»). Не исключено, что перед нами мнемонический прием, имевший целью обеспечить запоминание текста.

XXXI. «Сингаловада-сутта» («Сутта о наставлении Сингале»)

Находясь в Раджагахе, Будда видит, как «сын домоправителя» Сингалака отвечает, что он поступает так, следуя завещанию отца. Будда говорит, что поклонение сторонам света следует совершать иначе, и приступает к наставлению (1–2). Вначале он проповедует воздержание от четырех порочных действий (убийство, воровство, несправедливая страсть и ложь), основанных на желании, ненависти, заблуждении и страхе (3–6), и от шести удовольствий, ведущих к бедствиям (приверженность к хмельному, гулянию по улицам в неурочное время, посещению празднеств, игре в кости, дурным друзьям и лени) — от каждого из них человеку, в свою очередь, грозят шесть опасностей (7–14). Существует четыре недруга в облике друзей (забирающий чужое добро, человек слов, а не дела, льстец и расточительный спутник), и каждый из них распознается по четырем «основаниям» (15–20), и сходным образом — четыре вида друзей (помогающий, посто-

янный в счастье и в несчастье, говорящий полезное и сострадающий) — у каждого также имеется по четыре признака (21–26). Далее излагается принцип служения сторонам света — восточная отождествляется с матерью и отцом, южная — с наставниками, западная — с женой и детьми, северная — с друзьями и близкими, нижняя (надир) — со слугами и верхняя (зенит) — с отшельниками и брахманами (27). Поклонение каждой из них совершается пятью путями, которыми человек соответственно исполняет свой долг перед родителями (кормление их, исполнение их обязанностей, продолжение рода и т.д.), наставниками, женой, друзьями, и каждая из них, в свою очередь, пятью (отшельники и брахманы — шестью) путями «сострадают» ему (например, родители удерживают от дурного, побуждают к хорошему, обучают ремеслу и т.д.) (28–34). Сингалака просит Будду принять его в общину как преданного мирянина (35).

«Сингаловада-сутта» существенным образом дополняет сферу наставлений Дигха-никаи, регламентируя семейные и социальные обязанности мирян, как они понимались основателем буддизма, — отношения между родителями и детьми, мужем и женой, учениками и наставниками, друзьями, господами и слугами, мирянами и отшельниками. Весьма интересно в связи с этим использование Буддой традиционного ритуала — поклонения сторонам света — как отправной точки для конкретных наставлений, по сути дела не имеющих непосредственного отношения к этому ритуалу. Переход этот осуществляется с помощью переосмысления старой обрядности, которая путем определенных аллегорических толкований наполняется новым содержанием и значением. Подобный подход к традиционному обряду, как уже отмечалось (в частности, на примере ранних упанишад), играл весьма важную роль в формировании новых этико-религиозных течений древней Индии. В плане более широких историко-культурных аналогий примечательна здесь и техника указанной аллегории — сочетание «горизонтальных» связей (семья–учитель–друзья) с «вертикальными» (отшельник–домохозяин–слуга). Выше уже говорилось о стихотворных вставках, повторяющих отдельные прозаические фрагменты текста, — они встречаются и в «Сингаловаде» (правда, не столь последовательно и упорядоченно, как в «Лаккхане») — ср. XXXI 4; 6; 14; 20; 26; 34.

XXXII. «Атанатия-сутта» («Сутта [заклинания] Атанатия»)

К Будде, находящемуся в Раджагахе на холме Гиджджхакута, приближаются четыре «Великих царя», повелители сторон света Вессавана, Дхатараттха, Вирупаккха и Вирулхака, сопровождаемые войсками гандхаббов, яккхов и других подчиненных им божеств (1). Вессавана говорит Будде, что есть яккхи, которые не уверовали в Благостного и способны возмутить покой уединившихся монахов; чтобы умиловать их, следует овладеть охранительным заклинанием «Атанатия» (2). С согласия Будды он произносит это заклинание. Начало его содержит восхваление всем семи Буддам от Випасси до Готамы (3; ср. XIV.1.4 сл.). Затем поочередно восхваляются повелители сторон света и описываются окружающие их божества на востоке (4), юге (5), западе (6) и севере, последняя сторона —

удел самого Вессаваны — характеризуется более подробно: описывается быт ее жителей, названы города, описано озеро Дхарани и населяющие его птицы (7). Закончив заклинание, Вессавана говорит, что знающий его монах или преданный мирянин всегда сможет отвратить яккху, гандхаббу, кумбханду, нагу, приближающихся с дурным намерением, а также диких существ, которых зовут «возмутившимися против „Великих царей“», всех их постигнет тяжелая кара (8–9). Далее он называет «предводителей яккхов» — около сорока богов (Индру, Сому, Варуну и др.), к которым следует взывать при нападении яккхов (10). После этого «Великие цари» покидают Будду (11), тот же повторяет перед монахами заклинание «Атанатия» и призывает их запомнить его ради своей защиты (12–13).

«Атанатия», подобно «Махасамая-сутте», лишена какого-либо этико-философского, догматического содержания и интересна как дань буддизма традиционным мифологическим представлениям и суевериям (прежде всего вере в могущество заклинания, которое собственно она собой и представляет). Данные ее существенны и для изучения уровня географических представлений древних индийцев, а также — при всей недостоверности сведений о жителях севера — и с этнографической точки зрения. В «Атанатия-сутте» стихи также играют весьма важную роль, составляя значительную часть текста и выполняя определенную функцию, — в стихах изложено само заклинание и добавочный список богов (XXXII.3–7, 10).

XXXIII. «Сангити-сутта» («Сутта о преподанном»)

1. Находясь среди маллов в Паве, Будда принимает их приглашение посетить место для собраний (1–4). Там он просит Сарипутту побеседовать с монахами (5). Тем временем в Паве умирает Нигантха Натхапутта, и между учениками его начинаются распри (6; ср. завязку сутты XXIX — «Пасадика-сутты»). Сарипутта объясняет это тем, что ученикам Нигантхи были плохо преподаны истина и должное поведение. Не так обстоит с учением Будды — оно хорошо наставляет в истине и должном поведении, ведет к высшему успокоению, его надо тщательно усвоить, повторять и не вступать в распри (7). Далее Сарипутта начинает излагать ряд положений буддийской доктрины, распределяя их по числу элементов, описываемых соответствующим положением, в возрастающей прогрессии от 1 до 10; каждый раздел вводится и заключается стереотипными формулами: «Есть, друзья, одна (две, три и т.д.) вещь... Какова же эта одна вещь?.. — Это, друзья, одна вещь...». Такой «одной вещью» является обусловленное бытие существ (8). Затем следуют 33 пары «вещей» — например, имя и форма, незнание и жажда существования и т.д. (9); 60 триад — например, «три корня нехорошего», «три корня хорошего» и т.д. (10); 50 групп из четырех вещей (11).

2. Далее названы 26 групп из пяти (1), 22 — из шести (2), 14 из семи (3).

3. Далее названы 11 групп из восьми (1), шесть из девяти (2) и шесть из десяти (3). В заключение Будда одобряет наставление Сарипутты (4).

Представляя собой своеобразный компендиум буддийской доктрины, «Сангити-сутта» естественным образом вместе с «Дасуттарой» (см. ниже) замыкает

Дигха-никаю. Сам принцип изложения выглядит вполне естественным в контексте древнеиндийской традиции, как известно, широко использовавшей числовые комплексы в натурфилософских и этических построениях. В данном случае «Сангити» являет собой прямую аналогию Ангуттара-никае, где сходный принцип построения охватывает значительно больший по объему материал. Большая часть «Сангити» находит себе параллели в Ап; часть, однако сравнительно небольшая, встречается в предыдущих суттах Дигха-никаи, и было бы неверно видеть в ней (как и в последующей «Дасуттаре», в значительной части повторяющей ее и отличающейся примерно тем же соотношением параллельных мест) просто резюме сборника. Как известно, «Сангити» считалась одной из авторитетнейших сутт канона, в частности у сарвастивадинов. Как видим, рамочная композиция продолжает играть здесь определенную роль.

Будучи чисто дидактическим текстом, «Сангити», как и «Пасадика», использует тот же прием драматической завязки — смерть Нигантхи Натхапутты. Первые ее параграфы попутно содержат и некоторые сведения о жизни павийских маллов. Само изложение при соблюдении основного принципа представляется не столь строго упорядоченным (во всяком случае, по сравнению с «Дасуттарой»): количество перечисляемых комплексов достаточно произвольно и подчиняется лишь общей тенденции возрастания и убывания (1–33–60–50–26–22–14–11–6–6); сами приводимые комплексы весьма неоднородны — сюда входят и краткие перечни соответствующих элементов, названных лишь по имени (как в приведенных выше примерах), и развернутые описания каждой из упоминаемых ситуаций (ср., например, «четыре усилия» (1.11.X), «пять возможностей освобождения» (2.1.XXV) и т.д.). Так или иначе, указанный принцип делает «Сангити» (как и «Дасуттара-сутту») незаменимым источником для изучения буддийской числовой символики. Уже не раз указывалось на черты, сближающие эту сутту (как и сутту XXXIV) с Абхидхаммой.

XXXIV. «Дасуттара-сутта»

(«Сутта о последовательности [от одного] до десяти»)

В то время как Будда находится в Чампе на берегу пруда Гагара, Сарипутта изъявляет желание передать наставления «в [последовательности от одного] до десяти» ради достижения монахами ниббаны (1) и начинает поучение. Последнее так же, как и в предыдущей сутте, строится по принципу возрастающей прогрессии — от одной «вещи» до десяти, со следующим, однако, отличием, делающим «Дасуттару» более упорядоченной: каждый числовой комплект иллюстрируется десятью примерами; примеры эти также предваряются и заключаются стереотипными формулами, определяющими постоянное свойство каждой из десяти групп в соответствии с местом, занимаемым ею в данном десятке числовых комплексов: «Одна (две, три и т.д.) вещь, друзья, весьма помогает, одну вещь следует воспитывать (в себе)» и т.д. — «Эти десять (двадцать, тридцать и т.д.) вещей... в совершенстве постигнуты Татхагатай». Таким образом перечисляется по

десять одинарных «вещей» (2), пар (3), триад (4), сочетаний из четырех (5), пяти (6), шести (7), семи (8) элементов.

2. Далее следует перечень из восьми (1), девяти (2) и десяти (3). На этом кончается наставление Сарипутты, удовлетворившее монахов.

Значительная часть «Дасуттары» буквально повторяет «Сангити-сутту», содержа соответственно значительное число параллелей с Ангуттара-никаей и сравнительно меньше — с предыдущими суттами сборника. Вместе с тем, в отличие от «Сангити», «Дасуттара» не выходит за рамки собственно наставлений Сарипутты — последние здесь практически не мотивируются и не заключаются одобрением Будды. Обрамление ее практически сводится к минимуму. Как и «Сангити», «Дасуттара» пользовалась огромным авторитетом — согласно преданию, выслушав ее, 500 монахов сделались архатами.

ДИГХА-НИКАЯ

ПЕРЕВОД

«СИЛАККХАНДА-ВАГГА»

(«Раздел об относящемся к нравственности»)

I. «Брахмаджала-сутта» («Сутта о сети совершенства»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный шел по главной дороге между Раджагахой и Наландой с большой толпой монахов, с пятью сотнями монахом. А странствующий аскет Суппия тоже шел по главной дороге между Раджагахой и Наландой с юным учеником Брахмадаттой. И вот странствующий аскет Суппия на все лады порицал Будду, порицал дхамму, порицал сангху; Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхвалял Будду, восхвалял дхамму, восхвалял сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следовали за Благостным и толпой монахов.

1.2. И вот Благостный прибыл с толпой монахов в царскую обитель в Амбалаттхике, чтобы провести ночь. А странствующий аскет Суппия тоже прибыл с юным учеником Брахмадаттой в царскую обитель в Амбалаттхике, чтобы провести ночь. И там странствующий аскет Суппия снова на все лады порицал Будду, порицал дхамму, порицал сангху. Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхвалял Будду, восхвалял дхамму, восхвалял сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следовали за Благостным и толпой монахов.

1.3. И вот после ночи многие монахи, поднявшись на заре, собравшись и усевшись в беседке, повели разговор такого рода: «Как чудесно, братья, как необычайно, братья, что Благостный — [все]знающий, [все]видящий, архат, в совершенстве просветленный — столь хорошо постиг различные склонности существ! Ведь вот странствующий аскет Суппия на все лады порицает Будду, порицает дхамму, порицает сангху: Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхваляет Будду, восхваляет дхамму, восхваляет сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следуют за Благостным и толпой монахов».

1.4. И вот Благостный, узнав о такого рода разговоре этих монахов, подошел к той беседке и, подойдя, сел на предложенное сиденье. И сев, Благостный обра-

тился к монахам: «Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, монахи, и на чем же прервалась беседа между вами?» Вслед за этими словами монахи так сказали Благостному: «Господин! После ночи, поднявшись на заре, собравшись и усевшись в беседке, мы повели здесь разговор такого рода: „Как чудесно, братья, как необычно, братья, что Благостный — [все]знающий, [все]видящий, архат, в совершенстве просветленный, — столь хорошо постиг различные склонности существ! Ведь вот странствующий аскет Суппия на все лады порицает Будду, порицает дхамму, порицает сангху; Брахмадатта же, юный ученик странствующего аскета Суппии, на все лады восхваляет Будду, восхваляет дхамму, восхваляет сангху. Так оба они, учитель и ученик, говоря друг другу прямо противоположное, шаг за шагом следуют за Благостным и толпой монахов“ — На этом, господин, и прервалась беседа между нами, когда приблизился Благостный».

1.5. «Когда другие порицают меня, или порицают дхамму, или порицают сангху, то вы, монахи, не должны испытывать ни гнева, ни недовольства, ни неприязни в сердце. Если вы, монахи, будете сердиться или горевать, когда другие порицают меня, или порицают дхамму, или порицают сангху, то вам же будет от этого ущерб. Если вы, монахи, будете сердиться или горевать, когда другие порицают меня, или порицают дхамму, или порицают сангху, то сможете ли вы судить, справедливо или несправедливо говорят другие?»

— «Конечно, нет, господин».

— «Когда другие порицают меня, или порицают дхамму, или порицают сангху, то вы, монахи, должны разъяснить как неверное то, что неверно: „По какой-то причине это неверно, по такой-то причине это несправедливо, и нет этого у нас, и нельзя у нас этого найти“.

1.6. Когда же другие восхваляют меня, или восхваляют дхамму, или восхваляют сангху, то вы, монахи, не должны испытывать ни радости, ни удовлетворения, ни веселья в сердце. Если вы, монахи, будете радостны, довольны, веселы, когда другие восхваляют меня, или восхваляют дхамму, или восхваляют сангху, то вам же будет от этого ущерб. Когда другие восхваляют меня, или восхваляют дхамму, или восхваляют сангху, то вы, монахи, должны разъяснить как верное то, что верно: „По какой-то причине это верно, по какой-то причине это правильно, и есть это у нас, и можно это найти у нас“.

1.7. Столь незначительно, монахи, столь ничтожно и связано лишь с нравственностью то, что способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате. Что же это такое, монахи, — столь незначительное, столь ничтожное и связанное лишь с нравственностью, что способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате?

1.8. „Отказываясь уничтожать живое, избегая уничтожать живое, отшельник Готама без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

„Отказываясь брать то, что не дано [ему], избегая брать то, что не дано [ему], отшельник Готама, берущий лишь то, что дано, желающий лишь того, что дано,

пребывает чистый сердцем, не зная воровства“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

„Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный отшельник Готама удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совокупления“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.9. „Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, отшельник Готама говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманывает людей“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

„Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, отшельник Готама не рассказывает в другом месте услышанного здесь, чтобы не вызвать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

„Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, отшельник Готама ведет лишь такую речь, которая непорочна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям, приятна многим людям“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

„Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.10. „Отшельник Готама избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Отшельник Готама избегает принимать пищу не вовремя, принимая пищу раз в день и воздерживаясь от нее ночью. Отшельник Готама избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Отшельник Готама избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Отшельник Готама избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Отшельник Готама избегает принимать золото и серебро. Отшельник Готама избегает принимать неприготовленное [в пищу] зерно. Отшельник Готама избегает принимать сырое мясо. Отшельник Готама избегает общества женщин и молодых девушек. Отшельник Готама избегает принимать рабынь и рабов. Отшельник Готама избегает принимать коз и овец. Отшельник Готама избегает принимать петухов и свиней. Отшельник Готама избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Отшельник Готама избегает принимать поля и имущество. Отшельник Готама избегает исполнять обязанность вестника или посыльного. Отшельник Готама избегает покупать и продавать. Отшельник Готама избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Отшельник Готама избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Отшельник Готама избега-

ет ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате».

Окончена краткая [глава] о нравственности.

1.11. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить таким образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от коленца, плодящимся от верхушки, и, в-пятых, плодящимся от семени, отшельник Готама избегает наносить таким образом вред семенам и растениям“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.12. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать таким образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомств, — отшельник Готама избегает собирать и использовать таким образом запасы“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.13. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать таким образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступление царских певцов, игру на барабанах, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу козлов, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, — отшельник Готама избегает посещать таким образом зрелища“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.14. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться таким образом игре в кости и легкомыслию, а именно: [играм] ‘восемь полей’, ‘десять полей’, ‘пространство’, ‘окружной путь’, сантика, кхалика, ‘сучок’, ‘рука-кисточка’, [играм] с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, [играм] с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, — отшельник Готама избегает предаваться таким образом игре в кости и легкомыслию“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.15. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться таким образом высоким ложем или большим ложем, а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображениями животных на [его] подпорках, пышным руном, пестрым

стеганым одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным покрывалом с изображениями зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой на одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесницы, покрывалом из кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахином, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах, — отшельник Готама избегает пользоваться таким образом высоким ложем или большим ложем“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.16. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься таким образом украшениями и нарядами, а именно: умощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечом, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами — отшельник Готама избегает заниматься таким образом украшениями и нарядами“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.17. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают таким образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, беседам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговорам об океане, беседам о том, что существует и чего не существует — отшельник Готама избегает таким образом низменных бесед“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.18. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают таким образом в склонности к пререканиям, а именно: ‘Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!’ — ‘Как ты узнаешь истину и должное поведение?’ — ‘Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!’ — ‘Я последователен — ты непоследователен!’ — ‘Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!’ — ‘[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!’ — ‘Твоя речь опровергнута, ты побежден!’ — ‘Оставь эту речь или разьясни, если можешь!’ — отшельник Готама избегает таким образом пререканий“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.19. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять таким образом обязанность вестника или посыльного, а именно: у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, [передавая]: ‘иди сюда’, ‘иди туда’, ‘возьми это’, ‘неси это туда’ — отшельник Готама избегает исполнять таким образом обязанность вестника или посыльного“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.20. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками, и болтунами, и прорицателями, и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, — отшельник Готама избегает таким образом обмана и болтовни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

Окончена средняя [глава] о нравственности.

1.21. «„В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [истолковывая] особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами [одежды], [совершая] жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение красной пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение сезамовым маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью; [используя] знание частей тела, знание строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимание языка животных, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.22. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [истолковывая] знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечах, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни“, — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.23. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существова-

нию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [предсказывая, что] будет выступление царя [в поход], не будет выступления царя; будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя; будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя; будет победа здешнего царя, будет поражение чужого царя; будет победа чужого царя, будет поражение здешнего царя; будет победа одного, будет поражение другого, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.24. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [предсказывая, что] будет затмение луны, будет затмение солнца, будет затмение звезд, будет движение луны и солнца по [своему обычному] пути, будет движение луны и солнца по необычному пути, будет движение звезд по [своему обычному] пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов, будет пламя, охватившее горизонт, будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение луны, солнца, звезд; [предсказывая, что] таков будет результат затмения луны, таков будет результат затмения солнца, таков будет результат затмения звезд, таков будет результат движения луны и солнца по [своему обычному] пути, таков будет результат движения луны и солнца по необычному пути, таков будет результат движения звезд по [своему обычному] пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоритов, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения луны, солнца, звезд, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.25. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [предсказывая, что] будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет недостаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; [считая] по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.26. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [устанавливая благоприятное время для] введения новобрачной в дом, выдачи замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая [колдовством] счастье, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти,

заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало [о будущем], вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедной жизни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

1.27. „В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освящая место; [совершая ритуальное] полоскание рта, омовение, жертвоприношение; [предписывая] рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умащивание; [бывая] глазами врачами, хирургами, леча детей, давая целебные корни, освобождая от [ставшего ненужным] лекарства, — отшельник Готама избегает таким образом низменных знаний и несправедной жизни“ — вот что, монахи, способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате.

Вот, монахи, то, столь незначительное, столь ничтожное и связанное лишь с нравственностью, что способен произнести мирской человек, произнося хвалу Татхагате».

Окончена большая [глава] о нравственности.

1.28. «„Есть, монахи, и другие предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

Какovy же, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате?

1.29. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, занятые прежними временами, рассуждающие о прежних временах, на восемнадцати основаниях выдвигающие различные суждения о прежних временах. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, занятые прежними временами, рассуждающие о прежних временах, на восемнадцати основаниях выдвигающие различные суждения о прежних временах?

1.30. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, на четырех основаниях учашие, что и свое „я“, и мир вечны. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, на четырех основаниях учашие, что и свое „я“, и мир вечны?

1.31. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих сотнях рождений, во многих тысячах рождений, во многих сотнях тысяч рождений: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“, — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. И он говорит: „Вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно. В чем же причина? Ведь благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению я обретаю такую сосредоточенность разума, что вспоминаю сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих сотнях рождений, во многих тысячах рождений, во многих сотнях тысяч рождений: ‘Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив [существование], я вновь родился здесь’, — так вспоминаю я во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. Отсюда я и знаю то, что вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно“.

Таково, монахи, первое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны.

1.32. Каково же второе [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном [периоде] свертывания и развертывания [мира], в двух [периодах] свертывания и развертывания [мира], в трех [периодах] свертывания и развертывания [мира], в четырех [периодах] свертывания и развертывания [мира], в пяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в десяти [периодах] свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“, — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. И он говорит: „Вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это такжеечно. В чем же причина? Ведь благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению я обретаю такую сосредоточенность разума, что вспоминаю сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном [периоде] свертывания и развертывания [мира], в двух [периодах] свертывания и развертывания [мира], в трех [периодах] свертывания и развертывания [мира], в четырех [периодах] свертывания и развертывания [мира], в пяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в десяти [периодах] свертывания и развертывания [мира]: — ‘Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь’, — так вспоминаю я во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. Отсюда я и знаю то, что вечны свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это такжеечно“.

Таково, монахи, второе основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны.

1.33. Каково же третье [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в десяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в двадцати [периодах] свертывания и развертывания [мира], в тридцати [периодах] свертывания и развертывания [мира], в сорока [периодах] свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“, — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. И он говорит: „Вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно. В чем же причина? Ведь благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению я обретаю такую сосредоточенность разума, что вспоминаю сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в десяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в двадцати [периодах] свертывания и развертывания [мира], в тридцати [периодах] свертывания и развертывания [мира], в сорока [периодах] свертывания и развертывания [мира]: ‘Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь’, — так вспоминаю я во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. Отсюда я и знаю то, что вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно“.

Таково, монахи, третье основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны.

1.34. Каково же четвертое [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, побуждаемый исследованием, он произносит такое собственное заключение: „Вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно“.

Таково, монахи, четвертое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, проповедующие вечность, учащие, что и свое „я“, и мир вечны.

1.35. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие вечность, на четырех основаниях учащие, что и свое „я“, и мир вечны. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют вечность и учат, что и свое „я“ и мир вечны, [делают так] на четырех этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, [других оснований].

1.36. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти положения учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“.

И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

1.37. Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате».

[Окончен] первый раздел поучения.

2.1. «Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность; на четырех основаниях учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти невечны. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность; на четырех основаниях учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти невечны?»

2.2. Время от времени, монахи, настает пора, когда по истечении длительного периода этот мир свертывается. Когда свертывается мир, то существа по большей части переходят в [мир] сияния. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе.

2.3. Время от времени, монахи, настает пора, когда по истечении длительного периода этот мир развертывается. Когда развертывается мир, то появляется пустой дворец Брахмы. И тогда то или иное существо, оттого ли, что окончился его срок или окончилось [действие] заслуг, оставляет существование в сонме сияния и вновь рождается во дворце Брахмы. Там оно находится долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе.

2.4. Там у него, пребывающего долгое время в одиночестве, возникает тревога, неудовлетворенность, беспокойство: „О, если бы и другие существа могли достичь здешнего состояния!“ Тогда другие существа, оттого ли, что окончился срок или окончилось [действие] заслуг, оставляют существование в сонме сияния и вновь рождаются во дворце Брахмы спутниками того существа. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе.

2.5. Тогда, монахи, то существо, которое первым родилось вновь, говорит себе так: „Я — Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего! Мною сотворены эти существа. В чем же причина? Ведь раньше я сказал себе так: ‘О, если бы и другие существа могли достичь здешнего состояния!’ Таково было стремление моего разума, и вот другие существа достигли здешнего состояния“. И те существа, которые позже родились вновь, тоже говорят себе так: ‘Ведь он — досточтимый Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего. Мы сотворены этим почтенным Брахмой? В чем же причина? Ведь мы видели, что он первым родился здесь вновь, а мы позже родились вновь’“.

2.6. И вот, монахи, то существо, которое первым родилось вновь, бывает долговечнее, и красивее, и сильнее, те же существа, которые позже родились вновь, бывают недолговечнее, и некрасивее, и бессильнее. И может произойти так, монахи, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем [существовании], но не вспоминает другого места, кроме него. И оно говорит: „Ведь тот досточтимый Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего — досточтимый Брахма, которым мы сотворены, постоянен, стоек, вечен, не подвержен изменению и вечно пребывает таким. Мы же, которые были сотворены этим Брахмой, мы достигли здешнего [земного] состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования“.

Таково, монахи, первое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не вечны.

2.7. Каково же второе [основание], исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое «я», и мир отчасти вечны, отчасти не вечны?

Есть, монахи, боги по имени кхиддападосика. Долгое время они пребывают в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У них, пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, теряется способность самосознания, и с утратой способности самосознания эти боги оставляют существование в этом сонме.

2.8. И может произойти так, монахи, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем [существовании], но не вспоминает другого [места], кроме него.

2.9. И оно говорит: „Ведь те досточтимые боги, которые не кхиддападосика, — те не пребывают долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У них, не пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, не теряется способность самосознания, и, не утратив способности самосознания, те боги не оставляют существования в этом сонме, постоянны, стойки, вечны, не подвержены изменению и вечно пребывают такими. Мы же, которые были кхиддападосика, — мы пребывали долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У нас, пребывавших долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, теряется способность самосознания, и с утратой способности самосознания мы, оставив существование в этом сонме, достигли здешнего состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования“.

Таково, монахи, второе основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не вечны.

2.10. Каково же третье [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не вечны?

Есть, монахи, боги по имени манопадосика. Долгое время они рассуждают друг о друге. Когда они долгое время рассуждают друг о друге, портятся их мысли друг о друге. Испорченные в мыслях друг о друге, они ослаблены телом, ослаблены мыслями. Эти боги покидают существование в этом сонме.

2.11. И может произойти так, монахи, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув

здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем [существовании], но не вспоминает другого [места], кроме него.

2.12. И оно говорит: „Ведь те досточтимые боги, которые не манопадосика, — те не рассуждают долгое время друг о друге. Когда те не рассуждают долгое время друг о друге, не портятся их мысли друг о друге. Не испорченные в мыслях друг о друге, они не ослаблены телом, не ослаблены мыслями. Те боги не оставляют существования в этом сонме, постоянны, стойки, вечны, не подвержены изменению и вечно пребывают такими. Мы же, которые были манопадосика, — мы долгое время рассуждали друг о друге. Когда мы долгое время рассуждали друг о друге, испортились наши мысли друг о друге. Испорченные в мыслях друг о друге, мы ослаблены телом, ослаблены мыслями. Оставив существование в этом сонме, мы достигли здешнего состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования“.

Таково, монахи, третье основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не-вечны.

2.13. Каково же четвертое [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не-вечны?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, побуждаемый исследованием, он произносит такое собственное заключение: „Ведь то, что зовется глазом, и ухом, и носом, и языком, и телом, — это свое ‘я’ — непостоянно, нестойко, невечно, подвержено изменению. То же, что зовется мыслью, или разумом, или сознанием, — это свое ‘я’ — постоянно, стойко, вечно, не подвержено изменению и вечно пребывает таким“.

Таково, монахи, четвертое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не-вечны.

2.14. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, [проповедующие] отчасти вечность, отчасти не-вечность, на четырех основаниях учащие, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не-вечны. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые [проповедуют] отчасти вечность, отчасти не-вечность и учат, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не-вечны, [делают так] на четырех этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

2.15. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“.

И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не

привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освобожден, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

2.16. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, на четырех основаниях учащие, что мир конечен или бесконечен. Исходя же из чего и о чем говорят эти почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, на четырех основаниях учащие, что мир конечен или бесконечен?

2.17. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что пребывает сосредоточенным разумом в осознании конечности мира. И он говорит: „Мир этот конечен, ограничен вокруг. Почему же? Потому что благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению я обретаю такую сосредоточенность разума, что пребываю сосредоточенным разумом в осознании конечности мира. Отсюда я и знаю то, что мир этот конечен, ограничен вокруг“.

Таково, монахи, первое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное и бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

2.18. Каково же второе [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что пребывает сосредоточенным разумом в осознании бесконечности мира. И он говорит: „Мир этот бесконечен, неограничен. Те отшельники и брахманы, которые говорят: ‘Мир этот конечен, ограничен вокруг’, — неправы. Мир этот бесконечен, неограничен. Почему же? Потому что благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению я обретаю такую сосредоточенность разума, что пребываю сосредоточенным разумом в осознании бесконечности мира. Отсюда я и знаю то, что мир этот бесконечен, безграничен“.

Таково, монахи, второе основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное и бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

2.19. Каково же третье [основание], исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилению, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что пребывает сосредоточенным разумом в осознании конечности мира сверху и снизу и в осознании бесконечности [его] — поперек. И он говорит: „Мир этот и конечен, и бесконечен. Те отшельники и брахманы, которые говорят: ‘Мир этот конечен, ограничен вокруг’, — неправы. И те отшельники и брахманы, которые говорят: ‘Мир этот бесконечен, безграничен’ — также неправы. Мир этот и конечен, и бесконечен. Почему же? Потому что благодаря усердию, благодаря усилению, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению я обретаю такую сосредоточенность разума, что пребываю сосредоточенным разумом в осознании конечности мира сверху и снизу, и в осознании бесконечности [его] — поперек. Отсюда я и знаю то, что мир этот и конечен, и бесконечен“.

Таково, монахи, третье основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

2.20. Каково же четвертое [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, побуждаемый исследованием, он произносит такое собственное заключение: „Мир этот ни конечен, ни бесконечен. Те отшельники и брахманы, которые говорят: ‘Мир этот конечен, ограничен вокруг’, — неправы. И те отшельники и брахманы, которые говорят: ‘Мир этот бесконечен, безграничен’, — также неправы. И те отшельники и брахманы, которые говорят: ‘Мир этот и конечен, и бесконечен’, — также неправы. Мир этот ни конечен, ни бесконечен“.

Таково, монахи, четвертое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, учащие, что мир конечен или бесконечен.

2.21. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, [проповедующие] конечное или бесконечное, на четырех основаниях учащие, что мир конечен или бесконечен. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые [проповедуют] конечное или бесконечное и учат, что мир конечен или бесконечен, [делают так] на четырех основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

2.22. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в

своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

2.23. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, на четырех основаниях ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, на четырех основаниях ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба?

2.24. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо; не понимает, что это в согласии с истиной плохо. И говорит себе так: „Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной плохо. И вот, если бы, не понимая, что это в согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной плохо, я стал бы разяснять, что это хорошо, стал бы разяснять, что это плохо, то меня охватило бы стремление, или страсть, или ненависть, или отвращение. Если меня охватило бы стремление, или страсть, или ненависть, или отвращение, то я был бы неправ. Если я был бы неправ, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие“. Итак, в страхе перед неправильной речью, гнушаясь неправильной речи, он не разясняет, что это хорошо, не разясняет, что это плохо, и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба: „Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет“.

Таково, монахи, первое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба.

2.25. Каково же второе [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо, не понимает, что это в согласии с истиной плохо. И он говорит себе так: „Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной плохо. И вот, если бы, не понимая, что это в согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной плохо, я стал бы разяснять, что это хорошо, стал бы разяснять, что это не-

хорошо, то меня охватило бы стремление, или страсть, или ненависть, или отвращение. Если меня охватило бы стремление, или страсть, или ненависть, или отвращение, то я стал бы зависимым. Если я стал бы зависимым, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие“. Итак, в страхе перед зависимостью, гнушаясь зависимости, он не разъясняет, что это хорошо, не разъясняет, что это нехорошо, и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, — уклончивую словно скользкая рыба: „Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет“.

Таково, монахи, второе основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба.

2.26. Каково же третье [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман не понимает, что это в согласии с истиной хорошо, не понимает, что это в согласии с истиной нехорошо. И говорит себе так: „Ведь я не понимаю, что это в согласии с истиной хорошо, не понимаю, что это в согласии с истиной нехорошо. И вот, если бы, не понимая, что это в согласии с истиной хорошо, не понимая, что это в согласии с истиной нехорошо, я стал бы разъяснять, что это хорошо, стал бы разъяснять, что это нехорошо, то меня стали бы последовательно расспрашивать, просить о доказательствах, оспаривать — есть ведь такие отшельники и брахманы, мудрые, изощренные, искусные в спорах, способные пронзить волос, которые, я бы сказал, движутся, расщепляя ложные взгляды ходом своего постижения. И если бы они стали последовательно расспрашивать меня, просить о доказательствах, оспаривать, то я не смог бы дать им объяснения. Если бы я не смог дать им объяснения, то у меня возникла бы тревога. Если у меня возникла бы тревога, то у меня возникло бы препятствие“. Итак, в страхе перед расспросами, гнушаясь расспросов, он ни разъясняет, что это хорошо, ни разъясняет, что это нехорошо, и ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба: „Я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет“.

Таково, монахи, третье основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба.

2.27. Каково же четвертое [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман глуп, неразумен, и по глупости, по неразумию он ведет уклончивую речь, когда ему задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба: „Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир существует?’ и я считал бы, что другой мир существует, то я объяснил бы, что другой мир существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир не существует?’ и я считал бы, что другой мир не существует, то я объяснил бы, что другой мир не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир и существует, и не существует?’ и я считал бы, что другой мир и существует, и не существует, то я объяснил бы, что другой мир и существует, и не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир ни существует, ни не существует?’ и я считал бы, что другой мир ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что другой мир ни существует, ни не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся существуют?’ и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся не существуют?’ и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся не существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют?’ и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют?’ и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Созревший плод добрых и злых действий существует?’ и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Созревший плод добрых и злых действий не существует?’ и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так.

Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует?’ и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует?’ и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Татхагата существует после смерти?’ и я считал бы, что Татхагата существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Татхагата не существует после смерти?’ и я считал бы, что Татхагата не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата не существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Татхагата и существует, и не существует после смерти?’ и я считал бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Татхагата ни существует, ни не существует после смерти?’ и я считал бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет“.

Таково, монахи, четвертое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба.

2.28. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, уклончивые, словно скользкая рыба, на четырех основаниях ведущие уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба, [делают так] на четырех основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

2.29. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем

сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

2.30. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы [проповедующие] беспричинное возникновение, на двух основаниях учащие, что и свое „я“, и мир возникли без причины. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] беспричинное возникновение, на двух основаниях учащие, что и свое „я“, и мир возникли без причины?

2.31. Есть, монахи, боги по имени „Бессознательные существа“ — с возникновением сознания эти боги оставляют существование в этом сонме. И вот может произойти так, монахи, что, то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным, оно благодаря усердию, благодаря усилению, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом возникновение [своего] сознания, но не вспоминает другого, кроме этого. И оно говорит: „И свое ‘я’, и мир возникли без причины. Отчего же это? Потому что прежде меня не было, теперь же я есмь; не существовав, я вступил в существование“.

Таково, монахи, первое основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] беспричинное возникновение, учащие, что и свое „я“, и мир возникли без причины.

2.32. Каково же второе [основание], исходя из которого и о котором [говорят] почтенные отшельники и брахманы, [проповедующие] беспричинное возникновение, учащие, что и свое „я“, и мир возникли без причины?

Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман предается рассуждению и исследованию. И убежденный рассуждением, побуждаемый исследованием, он произносит такое собственное заключение: „И свое ‘я’, и мир возникли без причины“.

Таково, монахи, второе основание, исходя из которого и о котором [говорят] некоторые отшельники и брахманы, [проповедующие] беспричинное возникновение, учащие, что и свое „я“, и мир возникли без причины.

2.33. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, [проповедующие] беспричинное возникновение, на двух основаниях учащие, что и свое „я“, и мир возникли без причины. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые [проповедуют] беспричинное возникновение и учат, что и свое „я“, и мир возникли без причины, [делают так] на двух этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

2.34. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

2.35. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, занятые прежними временами, рассуждающие о прежних временах, на восемнадцати [изложенных здесь] основаниях выдвигающие различные суждения о прежних временах. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и выдвигают различные суждения о прежних временах, [делают так] на восемнадцати этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

2.36. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

2.37. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, занятые будущими временами, рассуждающие о будущих временах, на сорока четырех основаниях выдвигающие различные суждения о будущих временах. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, занятые будущими временами, рассуждающие о будущих временах, на сорока четырех основаниях выдвигающие различные суждения о будущих временах?

2.38. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие сознание после кончины, на шестнадцати основаниях учащие, что свое „я“ наделено сознанием после кончины. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие сознание после кончины, на шестнадцати основаниях учащие, что свое „я“ наделено сознанием после кончины?

„После смерти свое ‘я’ имеет форму, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ не имеет формы, свободно от

недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ конечно, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ бесконечно, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и конечно, и бесконечно, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни конечно, ни бесконечно, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ осознаёт единство, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ осознаёт множественность, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ осознаёт ограниченность, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ осознаёт безграничность, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ всецело несчастливо, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и счастливо, и несчастливо, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни несчастливо, ни счастливо, свободно от недуга, наделено сознанием“ — так учат они о нем.

2.39. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие сознание после кончины, на шестнадцати основаниях учащие, что свое „я“ наделено сознанием после кончины. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют сознание после кончины и учат, что свое „я“ наделено сознанием после кончины, [делают так] на шестнадцати этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

2.40. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти положения учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании». И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате».

[Окончен] второй раздел поучения.

3.1. «Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие отсутствие сознания после кончины, на восьми основаниях учащие, что свое „я“ лишено сознания после кончины. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие отсутствие сознания после кончины, на восьми основаниях учащие, что свое „я“ лишено сознания после кончины?»

3.2. „После смерти свое ‘я’ имеет форму, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ не имеет формы, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ конечно, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ бесконечно, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и конечно, и бесконечно, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни конечно, ни бесконечно, свободно от недуга, лишено сознания“ — так учат они о нем.

3.3. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие отсутствие сознания после кончины, на восьми основаниях учащие, что свое „я“ лишено сознания после кончины. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют отсутствие сознания после кончины и учат, что свое „я“ лишено сознания после кончины, [делают так] на восьми этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

3.4. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

3.5. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, на восьми основаниях учащие, что свое „я“ после кончины ни наделено сознанием, ни лишено сознания. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, на восьми основаниях учащие, что свое „я“ после кончины ни наделено сознанием, ни лишено сознания?»

3.6. „После смерти свое ‘я’ имеет форму, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ не

имеет формы, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ конечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ бесконечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ и конечно, и бесконечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем. „После смерти свое ‘я’ ни конечно, ни бесконечно, свободно от недуга, ни наделено сознанием, ни лишено сознания“ — так учат они о нем.

3.7. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, на восьми основаниях учащие, что свое „я“ после кончины ни наделено сознанием, ни лишено сознания. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и учат, что свое „я“ после кончины ни наделено сознанием, ни лишено сознания, [делают так] на восьми этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

3.8. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти положения учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

3.9. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие разрушение, на семи основаниях учащие о разрушении, гибели, уничтожении живого существа. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие разрушение, на семи основаниях учащие о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.10. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман говорит так, следует такому воззрению: „Ведь поскольку, досточтимый, это свое ‘я’ имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.11. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое ‘я’, о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое ‘я’, досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое ‘я’ — божественное, имеющее форму, принадлежащее к миру чувственного, питающееся материальной пищей. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое ‘я’ разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.12. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое ‘я’, о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое ‘я’, досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое ‘я’ — божественное, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое ‘я’ разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.13. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое ‘я’, о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое ‘я’, досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое ‘я’, которое, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигает уровня бесконечности пространства [и мыслит]: ‘Пространство бесконечно’. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое ‘я’ разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.14. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое ‘я’, о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое ‘я’, досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое ‘я’, которое, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигает уровня бесконечности сознания [и мыслит]: ‘Сознание бесконечно’. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое ‘я’ разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.15. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое ‘я’, о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое ‘я’, досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое ‘я’, которое, всецело преодолев уровень бесконечности сознания,

достигает уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслит]: ‘Не существует ничего’. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое ‘я’ разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.16. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое ‘я’, о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое ‘я’, досточтимый, не подвергается столь полному разрушению. Существует ведь, досточтимый, другое свое ‘я’, которое, всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, достигает уровня, где нет ни осознания, ни отсутствия осознания, [и мыслит]: ‘Это несет покой, это возвышенно’. Ты не знаешь, не видишь его. Я знаю, вижу его. И вот, досточтимый, поскольку это свое ‘я’ разрушается и гибнет с распадом тела, не существует после смерти, постольку, досточтимый, это свое ‘я’ и подвергается полному разрушению“. — Так некоторые учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа.

3.17. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие разрушение, на семи основаниях учащие о разрушении, гибели, уничтожении живого существа. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют разрушение и учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, [делают так] на семи этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

3.18. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

3.19. Есть, монахи, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие освобождение в зримом мире, на пяти основаниях учащие о высшем освобождении живого существа в зримом мире. Исходя же из чего и о чем [говорят] эти почтенные отшельники и брахманы, проповедующие освобождение в зримом мире, на пяти основаниях учащие о высшем освобождении живого существа в зримом мира?

3.20. Вот, монахи, какой-нибудь отшельник или брахман говорит так, следует такому воззрению: „Ведь насколько, досточтимый, это свое ‘я’ услаждается, будучи наделено и одарено пятью признаками чувственности, настолько, досто-

чтимый, это свое 'я' и достигает высшего освобождения в зримом мире". — Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

3.21. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое 'я', о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое 'я', досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь чувственные удовольствия, досточтимый, непостоянны, приносят несчастье, изменчивы по природе, с их изменчивостью и превратностью возникают горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство. И насколько, досточтимый, это свое 'я', освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания — связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии], настолько, досточтимый, это свое 'я' и достигает высшего освобождения в зримом мире". — Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

3.22. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое 'я', о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое 'я', досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь раз там есть устремленный рассудок и углубленное рассуждение, то это [состояние] считается грубым. И насколько, досточтимый, это свое 'я', подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии], настолько, досточтимый, это свое 'я' и достигает высшего освобождения в зримом мире". — Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

3.23. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое 'я', о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое 'я', досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь раз там есть достижение радости и веселья в сердце, то это [состояние] считается грубым. И насколько, досточтимый, это свое 'я' отвращается от радости и пребывает в уравновешенности, наделенное способностью самосознания и вдумчивостью, и, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: 'Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье', достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии], настолько, досточтимый, это свое 'я' и достигает высшего освобождения в зримом мире". — Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

3.24. Другой обращается к нему так: „Существует, досточтимый, то свое 'я', о котором ты говоришь. Я не говорю, что его нет. Но это свое 'я', досточтимый, не достигает столь высокого освобождения в зримом мире. В чем же причина? Ведь раз сердце вкушает там счастье, то это [состояние] считается грубым. И насколько, досточтимый, это свое 'я', отказавшись от счастья, отказавшись от не-

счастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии], настолько, досточтимый, это свое 'я' и достигает высшего освобождения в зримом мире". — Так некоторые учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире.

3.25. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, проповедующие освобождение в зримом мире, на пяти основаниях учащие о высшем освобождении живого существа в зримом мире. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые проповедуют освобождение в зримом мире и учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, [делают так] на пяти этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

3.26. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

3.27. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, занятые будущими временами, рассуждающие о будущих временах, на сорока четырех основаниях выдвигающие различные суждения о будущих временах. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и выдвигают различные суждения о будущих временах, [делают так] на сорока четырех этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

3.28. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании". И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует произносить надлежащую хвалу Татхагате.

3.29. Таковы, монахи, эти отшельники и брахманы, занятые прежними временами, и занятые будущими временами, и занятые прежними и будущими временами, рассуждающие о прежних и будущих временах, на шестидесяти двух основаниях выдвигающие различные суждения о прежних и будущих временах. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, [делают так] на шестидесяти двух этих основаниях или на каком-нибудь одном из них — нет, кроме этого, других [оснований].

3.30. Итак, монахи, Татхагата понимает: „Эти основания учения так-то достигнуты, так-то приняты, ведут к тому-то, приносят то-то в будущем существовании“. И Татхагата понимает их, и понимает выходящее за их пределы, и не привязывается к этому пониманию; непривязанный, он находит успокоение в своем сердце. Постигнув в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление ощущений, Татхагата, монахи, освободился, лишившись всякой зависимости.

3.[31]. Таковы, монахи, эти предметы — глубокие, трудные для рассмотрения, трудные для постижения, несущие покой, возвышенные, недоступные рассудку, тонкие, ведомые лишь мудрецам, — которые возглашает сам Татхагата, познав их и увидев собственными глазами, и, поистине, ради которых следует производить надлежащую хвалу Татхагате.

3.32. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир вечны, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

3.33. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] отчасти вечность, отчасти не вечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не вечны, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

3.34. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

3.35. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

3.36. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое „я“, и мир возникли без причины, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жадой.

3.37. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.38. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют сознание после кончины и на шестнадцати основаниях учат, что свое „я“ наделено сознанием после кончины, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.39. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отсутствие сознания после кончины и на восьми основаниях учат, что свое „я“ лишено сознания после кончины, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.40. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и на восьми основаниях учат, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.41. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.42. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.43. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.44. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, то эти почтенные отшельники и брахманы ощущают, как незнающие и невидящие, беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой.

3.45. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир вечны, то причиной этому чувственное восприятие.

3.46. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] отчасти вечность, отчасти не-вечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти не вечны, то причиной этому чувственное восприятие.

3.47. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен, то причиной этому чувственное восприятие.

3.48. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивую, словно скользкая рыба, то причиной этому чувственное восприятие.

3.49. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое „я“, и мир возникли без причины, то причиной этому чувственное восприятие.

3.50. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах, то причиной этому чувственное восприятие.

3.51. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют сознание после кончины и на шестнадцати основаниях учат, что свое „я“ наделено сознанием после кончины, то причиной этому чувственное восприятие.

3.52. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отсутствие сознания после кончины и на восьми основаниях учат, что свое „я“ лишено сознания после кончины, то причиной этому чувственное восприятие.

3.53. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и на восьми основаниях учат, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, то причиной этому чувственное восприятие.

3.54. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, то причиной этому чувственное восприятие.

3.55. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, то причиной этому чувственное восприятие.

3.56. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах, то причиной этому чувственное восприятие.

3.57. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними

и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, то причиной этому чувственное восприятие.

3.58. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир вечны, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.59. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] отчасти вечность, отчасти невечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир отчасти вечны, отчасти невечны, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.60. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] конечность или бесконечность и на четырех основаниях учат, что мир конечен или бесконечен, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.61. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые уклончивы, словно скользкая рыба, и на четырех основаниях ведут уклончивую речь, когда им задают тот или иной вопрос, — уклончивый, словно скользкая рыба, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.62. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые [проповедуют] беспричинное возникновение и на двух основаниях учат, что и свое „я“, и мир возникли без причины, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.63. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, рассуждают о прежних временах и на восемнадцати основаниях выдвигают различные суждения о прежних временах, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.64. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют сознание после кончины и на шестнадцати основаниях учат, что свое „я“ наделено сознанием после кончины, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.65. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют отсутствие сознания после кончины и на восьми основаниях учат, что свое „я“ лишено сознания после кончины, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.66. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, и на восьми основаниях учат, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.67. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют разрушение и на семи основаниях учат о разрушении, гибели, уничтожении живого существа, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.68. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые проповедуют освобождение в зримом мире и на пяти основаниях учат о высшем освобождении живого существа в зримом мире, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.69. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты будущими временами, рассуждают о будущих временах и на сорока четырех основаниях выдвигают различные суждения о будущих временах, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.70. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, то, поистине, так не могло бы произойти, если бы они постигали иначе, нежели путем чувственного восприятия.

3.71. И вот, монахи, что касается тех отшельников и брахманов, [то те], которые проповедуют вечность и на четырех основаниях учат, что и свое „я“, и мир вечны; те отшельники и брахманы, которые [проповедуют] отчасти вечность, отчасти не-вечность; те отшельники и брахманы, которые [проповедуют] конечность или бесконечность; те отшельники и брахманы, которые уклончивы, словно скользкая рыба; те отшельники и брахманы, которые [проповедуют] беспричинное возникновение; те отшельники и брахманы, которые заняты прежними временами; те отшельники и брахманы, которые проповедуют сознание после кончины; те отшельники и брахманы, которые проповедуют отсутствие сознания после кончины; те отшельники и брахманы, которые проповедуют, что после кончины нет ни сознания, ни отсутствия сознания; те отшельники и брахманы, которые проповедуют разрушение; те отшельники и брахманы, которые проповедуют освобождение в зримом мире; те отшельники и брахманы, которые заняты прежними временами; те отшельники и брахманы, которые заняты будущими временами; те отшельники и брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и занятые прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и на шестидесяти двух основаниях выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, — все они постигают, последовательно обретая шесть оснований чувственного восприятия. Их ощущения — причина жажды, жажда — причина стремления, стремление — причина становления, становление — причина рождения, рождение — причина старости, смерти; [от него] происходят горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство. И когда, монахи, монах постигает в согласии с истиной

и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление шести органов чувственного восприятия, то он постигает и выходящее за пределы их всех.

3.72. Ибо, монахи, все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, заключены в сеть благодаря этим шестидесяти двум основаниям — они выскакивают, но, выскакивая, остаются здесь; они выскакивают, но, выскакивая, вконец запутываются здесь, заключенные в сеть. И подобно тому, монахи, как искусный рыбак или ученик рыбака, раскинув в маленьком пруду сеть с мелкой ячейкой, может сказать себе: „Ведь все те [сколько-нибудь] большие существа, которые есть в этом пруду, заключены в сеть, — они выскакивают, но, выскакивая, остаются здесь; они выскакивают, но, выскакивая, вконец запутываются здесь, заключенные в сеть“ — так же точно, монахи, и все те отшельники или брахманы, которые заняты прежними временами, и заняты будущими временами, и заняты прежними и будущими временами, рассуждают о прежних и будущих временах и выдвигают различные суждения о прежних и будущих временах, — заключены в сеть благодаря этим шестидесяти двум основаниям — они выскакивают, но, выскакивая, остаются здесь; они выскакивают, но, выскакивая, вконец запутываются здесь, заключенные в сеть.

3.73. В теле Татхагаты, монахи, разрушено то, что ведет к существованию. Пока тело его будет существовать, боги и люди будут видеть его. Вслед за распадом тела с завершением жизни боги и люди не будут видеть его. И подобно тому, монахи, как, если отсечь ветвь с гроздьё манговых плодов, все те манговые плоды, которые прикреплены к ветви, следуют за ней, так же точно, монахи, в теле Татхагаты разрушено то, что ведет к существованию. Пока тело его будет существовать, боги и люди будут видеть его. Вслед за распадом тела, с завершением жизни боги и люди не будут видеть его».

3.74. Когда это было сказано, достопочтенный Ананда так сказал Благостному: «Как чудесно, господин! Как необычайно, господин! Как же называется, господин, это наставление в истине?»

«Так помни же ты это наставление в истине, Ананда, как „Сеть пользы“, помни же его как „Сеть истины“, помни же его как „Сеть совершенства“, помни же его как „Сеть воззрений“, помни же его как „Несравненную победу в сражении“».

Так сказал Благостный, и удовлетворенные монахи возрадовались словам Благостного. И в то время как произносилось это объяснение, содрогнулась тысяча миров.

Окончена первая «Брахмаджала-сутта».

II. «Саманьяпхала-сутта» («Сутта о плодах отшельничества»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный с большой толпой монахов, двенадцатью с половиной сотнями монахов пребывал в Раджагахе, в манговой роще Дживаки Комарабхаччи. И в это самое время в тот день упосатхи [что перед] пятнадцатым [днем] комуди, завершающим четырехмесячный цикл, в ночь полнолуния царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта сидел окруженный царскими приближенными на превосходной верхней террасе дворца. И вот в тот день упосатхи царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта взволнованно воскликнул: «Поистине, почтенные, восхитительна лунная ночь! Поистине, почтенные, прекрасна лунная ночь! Поистине, почтенные, приятна для глаз лунная ночь! Поистине, почтенные, отрадна лунная ночь! Поистине, почтенные, благоприятна лунная ночь! Какого же отшельника и брахмана, могли бы мы сейчас почтить посещением, чтобы, удостоенный посещения, он доставил отраду нашему сердцу?»

2. Когда так было сказано, один царский советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: «Божественный, вот Пурана Кассапа, возглавляющий толпу [последователей], и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель школы, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнен. Пусть Божественный почтит посещением его, Пурану Кассапу, — быть может, удостоенный посещения Пурана Кассапа доставит отраду сердцу Божественного». Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

3. И тогда другой царский советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: «Божественный, вот Маккхали Госала, возглавляющий толпу [последователей], и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель школы, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнен. Пусть Божественный почтит посещением его, Маккхали Госалу, — быть может, удостоенный посещения Маккхали Госала доставит отраду сердцу Божественного». Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта остался безмолвным.

4. И тогда другой царский советник так сказал царю Магадхи Аджатапатта Ведехипутте: «Божественный, вот Аджита Кесакамбала, возглавляющий толпу

[последователей], и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель школы, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился. Пусть Божественный почтит посещением его, Аджиту Кесакамбалу, — быть может, удостоенный посещения Аджиты Кесакамбала доставит отраду сердцу Божественного». Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатадатту Ведехипутта остался безмолвным.

5. И тогда другой царский советник так сказал царю Магадхи Аджатадатту Ведехипутте: «Божественный, вот Пакудха Каччаяна, возглавляющий толпу [последователей], и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель школы, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился. Пусть Божественный почтит посещением его, Пакудху Каччаяну, — быть может, удостоенный посещения Пакудхы Каччаяны доставит отраду сердцу Божественного». Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатадатту Ведехипутта остался безмолвным.

6. И тогда другой царский советник так сказал царю Магадхи Аджатадатту Ведехипутте: «Божественный, вот Санджая Белаттхипутта, возглавляющий толпу [последователей], и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель школы, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился. Пусть Божественный почтит посещением его, Санджаю Белаттхипутту, — быть может, удостоенный посещения Санджая Белаттхипутта доставит отраду сердцу Божественного». Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатадатту Ведехипутта остался безмолвным.

7. И тогда другой царский советник так сказал царю Магадхи Аджатадатту Ведехипутте: «Божественный, вот Нигантха Натхапутта, возглавляющий толпу [последователей], и возглавляющий общину, и наставник общины, известный и прославленный основатель школы, высоко чтимый многими людьми, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился. Пусть Божественный почтит посещением его, Нигантху Натхапутту, — быть может, удостоенный посещения Нигантхы Натхапутта доставит отраду сердцу Божественного». Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатадатту Ведехипутта остался безмолвным.

8. А в это время Дживака Комарабхачча, пребывая в безмолвии, сидел недалеко от царя Магадхи Аджатадатту Ведехипутты. И царь Магадхи Аджатадатту Ведехипутта так сказал Дживаке Комарабхачче: «Почему же ты безмолвствуешь, дорогой Дживака?»

«Божественный! Благостный, архат, всецело просветленный пребывает у нас в манговой роще с большой толпой монахов, двенадцатью с половиной сотнями монахов. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учи-

тель богов и людей, Будда, Благостный. Пусть Божественный почтит посещением его, Благостного, — быть может, удостоенный посещения Благостный доставит отраду сердцу Божественного».

«Приготовь же, дорогой Дживака, повозки со слонами».

9. «Хорошо, Божественный» — согласился Дживака Комарабхачча с царем Магадхи Аджатасатту Ведехипуттой, приготовил пятьсот слоних и слона, предназначенного для царя, и сообщил царю Магадхи Аджатасатту Ведехипутте: «Божественный, повозки со слонами приготовлены для того, что ты сейчас считаешь нужным». И тогда царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, усадив каждую из жен на одну из пятисот слоних и взойдя на предназначенного [для него] слона, с великим царским блеском, в сопровождении несущих факелы, выступил из Раджагахи и направился в манговую рощу Дживаки Комарабхаччи.

10. И вот неподалеку от манговой рощи царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта ощутил страх, ощутил оцепенение, ощутил дрожь волосков. И вот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта уstraшенный, побужденный, с поднявшимися на теле волосками, так сказал Дживаке Комарабхачче: «Не обманываешь ли ты меня, дорогой Дживака? Не вводишь ли ты меня в заблуждение, дорогой Дживака? Не предаешь ли ты меня недругам, дорогой Дживака? Как же это от столь большой толпы монахов, двенадцати с половиной сотен монахов, не слышно ни звуков чиханья, ни звуков кашля, ни шума?»

«Не страшись, великий царь, не страшись великий царь! Я не обманываю тебя, Божественный, я не ввожу тебя в заблуждение, Божественный, я не предаю тебя недругам, Божественный. Иди вперед, великий царь, иди вперед, великий царь! Там в беседке горят факелы».

11. И вот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта проехав на слоне, сколько позволяла слону дорога, спустился со слона и пешком приблизился ко входу в беседку. И, приблизившись, так сказал Дживаке Комарабхачче: «Где же Благостный, дорогой Дживака?»

«Вот Благостный, великий царь. Вот Благостный, великий царь, прислонившись к средней колонне, сидит лицом к востоку, чтимый толпою монахов».

12. И тогда царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта подошел к Благостному, подойдя, стал в стороне, став в стороне и взирая на толпу монахов, пребывающую в безмолвии, пребывающую в безмолвии, словно спокойное озеро, царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта взволнованно воскликнул: «Да будет сын мой Удайибхадда наделен тем спокойствием, каким спокойствием наделена сейчас толпа монахов!»

«Пришел ли ты с любовью [к сыну], великий царь?»

«Господин, мне дорог сын Удайибхадда. Да будет, господин, сын мой Удайибхадда наделен тем спокойствием, каким спокойствием наделена сейчас толпа монахов».

13. И вот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, поприветствовав Благостного, подняв сложенные ладони перед толпой монахов, сел в стороне. И сев в стороне царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта так сказал Благостному: «Гос-

подин, я хотел бы спросить Благостного об одном предмете, если Благостный даст мне позволение предложить вопрос».

«Спрашивай, великий царь, о чем желаешь».

14. «Существуют ведь, господин, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобрее, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, господин, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?»

15. «Вспоминаешь ли ты перед нами, великий царь, что задавал этот вопрос другим отшельникам и брахманам?»

«Я вспоминаю, господин, что задавал этот вопрос другим отшельникам и брахманам».

«Так скажи, что они ответили тебе, великий царь, если тебе не трудно».

«Мне не трудно, господин, там, где сидит Благостный или подобные Благостному».

«Говори же, великий царь».

16. «Однажды, господин, я приблизился к Пуране Кассапе. Приблизившись, я обменялся с Пураной Кассапой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Пуране Кассапе: „Существуют ведь, досточтимый Кассапа, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобрее, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Кассапа, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“

17. Когда так было сказано, господин, Пурана Кассапа так сказал мне: „Великий царь, когда [человек] действует или побуждает действовать, калечит или побуждает калечить, мучает или побуждает мучить, несет горе или побуждает нести горе, изнуряет или побуждает изнурять, приводит в трепет или побуждает приводить в трепет, уничтожает живое, берет то, что не дано [ему], врывается в дом, уносит награбленное, совершает воровство, стоит в засаде у дороги, идет к чужой жене, говорит ложь — делая так, он не совершает проступка! И пусть диском, с краями [острыми], как бритва, он сделает живых существ на этой земле одним месивом из мяса, одной грудой мяса — нет от этого проступка, нет причастности к проступку. И пусть он пойдет по южному берега Ганга, убивая или побуждая убивать, калеча или побуждая калечить, мучая или побуждая мучить, — нет от этого проступка, нет причастности к проступку. И пусть он пойдет по северному берегу Ганга, подавая или побуждая подавать, совершая жертвоприношение или побуждая совершать жертвоприношения, — нет от этого заслуги, нет причастности к заслуге. От подаяния, самообуздания, воздержанности, правдивости нет заслуги, нет причастности к заслуге“.

18. Так, господин, Пурана Кассапа, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне, что действие незначимо. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго стал бы отвечать о хлебном дереве или спрошенный о хлебном дереве стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Пурана Кассапа, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил, что действие незначимо. Тогда, господин, я сказал себе так: „Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?“ И вот, господин, я не высказал Пуране Кассапе ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и, пожалев об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

19. Однажды, господин, я приблизился к Маккхали Госале. Приблизившись, я обменялся с Маккхали Госалой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Маккхали Госале: „Существуют ведь, досточтимый Госала, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Госала, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“

20. Когда так было сказано, господин, Маккхали Госала так сказал мне: „Великий царь, нет причины, нет основания для осквернения существ — без причины, без основания оскверняются существа. Нет причины, нет основания для очищения существ — без причины, без основания очищаются существа. Нет своего действия, нет человеческого действия, нет силы, нет усердия, нет человеческой мощи, нет человеческого стремления. Все существа, все живое, все рожденное, все творения лишены власти, лишены силы, лишены усердия, претерпевают изменения [под воздействием] судьбы, общения, [собственной] природы и испытывают счастье или несчастье, будучи разделены на шесть разновидностей. Существует четырнадцать сотен тысяч главных [видов] рождения, и шестнадцать сотен [других], и [еще] шестьсот [других]; пятьсот [видов] действий, и [еще] пять действий, и три действия, и [одно] действие, и половина действия; шестьдесят два пути, шестьдесят два внутренних периода, шесть разновидностей [существ], восемь стадий человеческой [жизни], сорок девять сотен [видов] поддержания жизни, сорок девять сотен [видов] странствующих аскетов, сорок девять сотен областей, населенных нагами, двадцать сотен жизненных способностей, тридцать сотен преисподних, тридцать шесть элементов страсти, семь пород, наделенных сознанием, семь пород, лишенных сознания, семь пород [растущих] от узлов [стебля], семь [видов] богов, семь [видов] людей, семь [видов] демонов, семь озер, семь патува [и еще] семьсот патува, семь [великих] обрывов, семьсот [малых] обрывов, семь [видов великих] снов, семьсот [видов малых] снов, восемьдесят четыре сотни тысяч великих периодов, в течение которых и глупцы и мудрые, странствуя, переходя из одного существования в другое, положат конец страданию. И здесь не [следует полагать]: ‘Благодаря этому нравственному поведению, или обрядам, или подвижничеству, или целомудрию я или дам созреть несозревшим [плодам своих] действий, или, постепенно обретая созревшие [плоды] действий, освобожусь от них’, ибо это не так — счастье и несчастье [словно] отмерены меркой, и переходу из одного существования в другое положен предел; нет ему сокращения или расширения, нет увеличения или уменьшения. И подобно тому как брошенный клубок нити разматывается, насколько способен разматываться, так же точно и глупцы, и мудрые, странствуя и переходя из одного существования в другое, положат конец страданию“.

21. Так, господин, Маккхали Госала, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне об очищении благодаря переходу из одного состояния в другое. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго стал бы отвечать о хлебном дереве или спрошенный о хлебном дереве стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Маккхали Госала, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил об очищении благодаря переходу из одного состояния в другое. Тогда, господин, я сказал себе так: „Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?“ И вот, господин, я не высказал Маккхали Госале ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и, пожалев об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

22. Однажды, господин, я приблизился к Аджите Кесакамбале. Приблизившись, я обменялся с Аджитой Кесакамбалой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Аджите Кесакамбале: „Существуют ведь, досточтимый Аджита, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобрее, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Аджита, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“

23. Когда так было сказано, господин, Аджита Кесакамбала так сказал мне: „Великий царь, нет подаяния, нет жертвоприношения, нет возлияния, нет созревшего плода добрых и злых действий, нет этого мира, нет другого мира, нет матери, нет отца, нет самопроизвольно родившихся существ, нет в мире отшельников и брахманов, находящихся на надлежащем пути и в надлежащем расположении духа, которые, познав и увидев собственными глазами и этот мир, и другой мир, возглашают [истину]. Этот человек состоит из четырех великих элементов, и когда исполняется его срок, то земля [из него] возвращается и входит во всю совокупность земли, вода возвращается и входит во всю совокупность воды, огонь возвращается и входит во всю совокупность огня, воздух возвращается и входит во всю совокупность воздуха, жизненные способности соединяются с пространством. [Вот четверо] людей и носилки — пятые: взяв умершего, они идут до его места сожжения и произносят слова [о нем]. [А там] остаются серые кости и в конце подношения — пепел. Подаяние — это учение глупцов, и те, которые проповедуют пользу [от него], ведут пустую, лживую болтовню“.

24. Так, господин, Аджита Кесакамбала, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне проповедью о разрушении. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго стал бы отвечать о хлебном дереве или спрошенный о хлебном дереве стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Аджита Кесакамбала, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил о разрушении. Тогда, господин, я сказал себе так: „Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?“ И вот, господин, я не высказал Аджите Кесакамбале ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и, пожалев об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

25. Однажды, господин, я приблизился к Пакудхе Каччаяне. Приблизившись, я обменялся с Пакудхой Каччаяной дружескими, дружелюбными словами и поч-

тительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Пакудхе Каччаяне: „Существуют ведь, досточтимый Каччаяна, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Каччаяна, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“

26. Когда так было сказано, господин, Пакудха Каччаяна так сказал мне: „Великий царь, эти семь элементов не созданы, и их не побуждали создать, не сотворены, и их не побуждали сотворить; [они] бесплодны, стоят, как вершина, установлены прочно, как столп. Они не движутся, не изменяются, не вредят друг другу, не причиняют друг другу счастья, или несчастья, или счастья и несчастья. Каковы же эти семеро? Элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха, счастье, несчастье и седьмой — жизнь. Эти семь элементов не созданы, их не побуждали создать, не сотворены, их не побуждали сотворить; [они] бесплодны, стоят, как вершина, установлены прочно, как столп. Они не движутся, не изменяются, не вредят друг другу, не причиняют друг другу счастья, или несчастья, или счастья и несчастья. Нет здесь убивающего или побуждающего убивать, слушающего или побуждающего слушать, осознающего или побуждающего осознавать. И когда кто-нибудь рассекает острым мечом голову, то никто никого не лишает жизни — просто меч проникает в промежуток между семью элементами“.

27. Так, господин, Пакудха Каччаяна, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне о другом и по-другому. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго стал бы отвечать о хлебном дереве или спрошенный о хлебном дереве стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Пакудха Каччаяна, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил о другом и по-другому. Тогда, господин, я сказал себе так: „Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?“ И вот, господин, я не высказал Пакудхе Каччаяне ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и, пожалев об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

28. Однажды, господин, я приблизился к Нигантхе Натхапутте. Приблизившись, я обменялся с Нигантхой Натхапуттой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Нигантхе Натхапутте: „Существуют ведь, досточтимый Аггивессана,

[занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, досточтимый Аггивессана, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“

29. Когда так было сказано, господин, Нигантха Натхапутта так сказал мне: „Великий царь, вот нигантха сдержан воздержанием четырехчастной узды. Как же, великий царь, нигантха сдержан воздержанием четырехчастной узды? Великий царь, нигантха воздерживается от всякой воды, и наделен всякою водою, и стряхивает всякую воду, и наполнен всякой водой. И так, великий царь, нигантха сдержан воздержанием четырехчастной узды. И поскольку, великий царь, нигантха сдержан так воздержанием четырехчастной узды, он, великий царь, зовется нигантхой, чье ‘я’ достигло цели, и чье ‘я’ обуздано, и чье ‘я’ стойко“.

30. Так, господин, Нигантха Натхапутта, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне о воздержании четырехчастной узды. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго стал бы отвечать о хлебном дереве или спрошенный о хлебном дереве стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Нигантха Натхапутта, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил о воздержании четырехчастной узды. Тогда, господин, я сказал себе так: „Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?“ И вот, господин, я не высказал Нигантхе Натхапутте ни одобрения, ни порицания; ни одобряя, ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и, пожалев об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

31. Однажды, господин, я приблизился к Санджае Белаттхипутте. Приблизившись, я обменялся с Санджаей Белаттхипуттой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И сев в стороне, я, господин, так сказал Санджае Белаттхипутте: „Существуют ведь, досточтимый Санджая, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобреи, банщики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие,

считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, достойный Санджая, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“

32. Когда так было сказано, господин, Санджая Белаттхипутта так сказал мне: „Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир существует?’, и я считал бы, что другой мир существует, то я объяснил бы, что другой мир существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир не существует?’, и я считал бы, что другой мир не существует, то я объяснил бы, что другой мир не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир и существует, и не существует?’, и я считал бы, что другой мир и существует, и не существует, то я объяснил бы, что другой мир и существует, и не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Другой мир ни существует, ни не существует?’, и я считал бы, что другой мир ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что другой мир ни существует, ни не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся существуют?’, и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся не существуют?’, и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся не существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют?’, и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся и существуют, и не существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют?’, и я считал бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют, то я объяснил бы, что самопроизвольно родившиеся ни существуют, ни не существуют. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: ‘Созревший плод добрых и злых действий существует?’, и я считал бы, что со-

зревший плод добрых и злых действий существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Созревший плод добрых и злых действий не существует', и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует?', и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий и существует, и не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует?', и я считал бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует, то я объяснил бы, что созревший плод добрых и злых действий ни существует, ни не существует. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Татхагата существует после смерти?', и я считал бы, что Татхагата существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Татхагата не существует после смерти?', и я считал бы, что Татхагата не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата не существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Татхагата и существует, и не существует после смерти?', и я считал бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата и существует, и не существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет. Если бы ты спросил меня: 'Татхагата ни существует, ни не существует после смерти?', и я считал бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти, то я объяснил бы, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. [Но] я не считаю этого. Я не считаю так. Я не считаю иначе. Я не считаю, что нет. Я не считаю, что неверно, что нет“.

33. Так, господин, Санджая Белаттхипутта, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне уклончиво. Подобно тому, господин, как спрошенный о манго стал бы отвечать о хлебном дереве или спрошенный о хлебном дереве стал бы отвечать о манго, так же точно, господин, и Санджая Белаттхипутта, будучи спрошен о зримом плоде отшельничества, ответил мне уклончиво. Тогда, господин, я сказал себе так: „Как может подобный мне даже подумать о том, чтобы осудить отшельника или брахмана, живущего в царстве?“ И вот, господин, я не высказал Санджае Белаттхипутте ни одобрения, ни порицания; ни одобряя,

ни порицая, я, будучи недовольным, не произнес недовольных слов и, пожалев об этой речи, не возмущаясь, поднялся с сиденья и удалился.

34. И вот, господин, я спрашиваю Благостного: „Существуют ведь, господин, [занятые] в различных отраслях ремесел, а именно: сведущие в уходе за слонами, сведущие в коневодстве, колесничие, лучники, знаменосцы, распорядители в войске, распределяющие провиант, благородные воины, искушенные в набегах, [не уступающие] большому слону, герои, воители в кожаных [панцирях], дети рабов, повара, брадобрее, баншики, изготовители сладостей, плетельщики венков, красильщики, ткачи, плетельщики корзин, гончары, вычисляющие, считающие по пальцам, а также и [занятые] в других различных отраслях ремесел подобного рода — и они живут в этом зримом мире зримым плодом [своего] ремесла; им они радуют и удовлетворяют самих себя, радуют и удовлетворяют мать и отца, радуют и удовлетворяют ребенка и жену, радуют и удовлетворяют друга и товарища, доставляют отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса. Можно ли, господин, указать таким же образом зримый плод отшельничества в этом зримом мире?“»

«Можно, великий царь. Только в таком случае задам тебе встречный вопрос, чтобы ты ответил на него так, как сочтешь нужным.

35. Как ты думаешь, великий царь? Вот был бы у тебя слуга, раб, исполняющий работу, рано встающий и поздно ложащийся, послушно выполняющий всё, приятно ведущий себя, сладкоречивый, не спускающий с тебя глаз. И он бы сказал себе: „Сколь чудесны, сколь необычны пути заслуг и созревание [плодов] заслуг! Ведь этот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта — человек, и я — человек. Ведь этот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности, услаждается, я сказал бы, словно бог, — я же — его раб, исполняющий работу, рано встающий, поздно ложащийся, послушно выполняющий всё, приятно ведущий себя, сладкоречивый, не спускающий с тебя глаз. Право, и я мог бы совершить его заслуги. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным“. И со временем он может сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным. Так, будучи странником, он станет жить, обуздывая тело, станет жить, обуздывая речь, станет жить, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению. И люди смогли бы так сказать тебе о нем: „Угодно ли узнать тебе, Божественный, что тот, твой слуга, раб, исполняющий работу, рано встающий и поздно ложащийся, послушно выполняющий все, приятно ведущий себя, сладкоречивый, не спускающий с тебя глаз, — он, Божественный, сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомный. Так, будучи странником, он живет, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению“. Сказал ли бы ты тогда так: „Пусть этот слуга придет ко мне, пусть снова будет рабом, исполняющий работу, рано встающим и поздно ложащимся, послушно выполняющим все, приятно ведущим себя, сладкоречивым, не спускающим с [меня] глаз?“»

36. «Совсем нет, господин. Мы [напротив], приветствовали бы его, поднялись бы навстречу, предложили сиденье, усадили, доставили ему все необходимое — [монашескую] верхнюю одежду, чашу с милостыней, обитель, лекарства для помощи больным, а также подобающую ему охрану, ограду и защиту».

«Как ты думаешь, великий царь? Если так, является ли это зримым плодом отшельничества или нет?»

«Конечно, господин, если так, это является зримым плодом отшельничества».

«Вот, великий царь, тебе указан мною первый зримый плод отшельничества в этом зримом мире?»

37. «А можно ли, господин, указать таким же образом еще другой зримый плод отшельничества в этом зримом мире?»

«Можно, великий царь. Только в таком случае задам тебе встречный вопрос, чтобы ты ответил на него так, как тебе больше подходит. Как ты думаешь, великий царь? Вот был бы у тебя слуга, земледелец, домоправитель, уплачивающий подати, умножающий [твой] богатства. И он бы сказал себе: „Сколь чудесны, сколь необычайны пути заслуг и созревание [плодов] заслуг! Ведь этот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта — человек, и я — человек. Ведь этот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности, услаждается, я сказал бы, словно бог, — я же — его земледелец, домоправитель, уплачивающий подати, умножающий [его] богатства. Право, и я мог бы совершить его заслуги. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным“. И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он может сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным. Так, будучи странником, он станет жить, обуздывая тело, станет жить, обуздывая речь, станет жить, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению. И люди смогли бы так сказать тебе о нем: „Угодно ли узнать тебе, Божественный, что тот твой слуга, земледелец, домоправитель, уплачивающий подати, умножающий [твое] богатство, — он, Божественный, сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным. Так, будучи странником, он живет, обуздывая тело, живет, обуздывая речь, живет, обуздывая разум, довольствуясь самым ничтожным пропитанием и рубищем, радуясь уединению“. Сказал ли бы ты тогда так: „Пусть этот слуга придет ко мне, пусть снова будет земледельцем, домохозяином, уплачивающий подати, умножающим [мое] богатство?“»

38. «Совсем нет, господин. Мы, [напротив], приветствовали бы его, поднялись навстречу, предложили сиденье, усадили, доставили ему все необходимое — монашескую одежду, чашу для милостыни, ночлег, лекарства для помощи больным, а также подобающую ему охрану, ограду и защиту».

«Как ты думаешь, великий царь? Если так, является ли это зримым плодом отшельничества или нет?»

«Конечно, господин, если так, это является зримым плодом отшельничества».

«Вот, великий царь, тебе указан мною второй зримый плод отшельничества в этом зримом мире».

39. «А можно ли, господин, указать таким же образом еще другой зримый плод отшельничества в этом зримом мире — и прекраснее, и возвышеннее этих зримых плодов отшельничества?»

«Можно, великий царь. В таком случае, великий царь, слушай тщательно и внимай [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта.

Благостный сказал так:

40. «Вот, великий царь, в мир приходит Татхагата — архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляет в единственно-совершенном, чистом целомудрии».

41. Эту истину слышит домохозяин, или сын домохозяина, или вновь родившийся в каком-либо другом семействе. Слыша эту истину, он обретает веру в Татхагату. И, наделенный этой обретенной им верой, он размышляет: „Жизнь в доме стеснительна, [это] путь нечистоты, странничество же — как свободный воздух. Не легко обитающему в доме блюсти всецело совершенное, всецело чистое целомудрие, сияющее, как жемчужная раковина. Ведь я мог бы сбрить волосы и бороду, надеть желтые одеяния и, оставив дом, странствовать бездомным“. И со временем, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, он сбрасывает волосы и бороду, надевает желтые одежды и, оставив дом, странствует бездомным.

42. Так, будучи странником, он живет сдержанным воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в мельчайших проступках, обязуется следовать заповедям и упражняется [в их исполнении], наделен добродетелью тела и добродетелью речи, чист в средствах существования, обладает нравственностью, охраняет врата жизненных способностей, наделен способностью самосознания и вдумчивостью, удовлетворен.

43. Как же, великий царь, монах предан нравственности? Вот, великий царь, отказываясь уничтожать живое, избегая уничтожать живое, без палки и без оружия, скромный, полный сострадания, монах пребывает в доброте и сочувствии ко всем живым существам. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь брать то, что не дано [ему], избегая брать то, что не дано [ему], берущий лишь то, что дано, желающий лишь того, что дано, он пребывает чистый сердцем, не зная воровства. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от нецеломудрия, целомудренный, он удаляется и воздерживается от всеобщего обычая совоплощения. Это и есть часть его нравственности.

44. Отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, он говорит правду, связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманывает людей. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от клеветнической речи, избегая клеветнической речи, он не рассказывает в другом месте услышанного здесь, чтобы не вызвать раздора со здешними, и не рассказывает здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними. Он соединяет разобщенных, поощряет соединенных, удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждается согласием, ведет речь, родящую согласие. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от грубой речи, избегая грубой речи, он ведет лишь такую речь, которая непорочна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям, приятна многим людям. Это и есть часть его нравственности.

Отказываясь от легкомысленной болтовни, избегая легкомысленной болтовни, он говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении, своевременно ведет достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу. Это и есть часть его нравственности.

45. Он избегает наносить вред семенам и растениям всех видов. Он избегает принимать пищу не вовремя, принимая пищу раз в день и воздерживаясь от нее ночью. Он избегает посещать зрелища с танцами, пением и музыкой. Он избегает употреблять венки, благовония, притирания, заниматься украшениями и нарядами. Он избегает пользоваться высоким ложем или большим ложем. Он избегает принимать золото и серебро. Он избегает принимать неприготовленное [в пищу] зерно. Он избегает общества женщин и молодых девушек. Он избегает принимать рабынь и рабов. Он избегает принимать коз и овец. Он избегает принимать петухов и свиней. Он избегает принимать слонов, коров, коней и кобыл. Он избегает принимать поля и имущество. Он избегает исполнять обязанность вестника или посыльного. Он избегает покупать и продавать. Он избегает обманывать на весах, обманывать в монете, обманывать в мере. Он избегает криводушия, нечестности, коварства, изворотливости. Он избегает ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие. Это и есть часть его нравственности.

46. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности наносить таким образом вред семенам и растениям всех видов, а именно: плодящимся от корня, плодящимся от ветки, плодящимся от колена, плодящимся от верхушки, и, в-пятых, плодящимся от семени, он избегает наносить таким образом вред семенам и растениям. Это и есть часть его нравственности.

47. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности собирать и использовать таким образом запасы, а именно: запасы еды, запасы питья, запасы одежды, запасы обуви, запасы постелей, запасы благовоний, запасы лакомств, — он избегает собирать и использовать таким образом запасы. Это и есть часть его нравственности.

48. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности посещать таким образом зрелища, а именно: танцы, пение, музыку, представления, декламацию, игру на цимбалах, выступление царских певцов, игру на барабане, волшебные сцены, акробатические трюки чандал, борьбу слонов, борьбу коней, борьбу буйволов, борьбу быков, борьбу козлов, борьбу баранов, борьбу петухов, борьбу перепелов, борьбу на дубинках, борьбу на кулаках, схватку, учебное сражение, сбор воинов, боевой строй, смотр войск, — он избегает посещать таким образом зрелища. Это и есть часть его нравственности.

49. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности предаваться таким образом игре в кости и легкомыслию, а именно: [играм] „восемь полей“, „десять полей“, „пространство“, „окружной путь“, сантика, кхалика, „сучок“, „рука-кисточка“, [игра] с шарами, трубочками из листьев, маленьким плугом, моккхачике, [играм] с маленькой ветряной мельницей, маленькой меркой, повозочкой, маленьким луком, угадыванию букв, угадыванию мыслей, подражанию телесным недостаткам, — он избегает предаваться таким образом игре в кости и легкомыслию. Это и есть часть его нравственности.

50. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности пользоваться таким образом высоким ложем или большим ложем, а именно: удлиненным сиденьем, ложем с изображениями животных на [его] подпорках, пышным руном, пестрым стеганным одеялом, белым шерстяным одеялом, шерстяным покрывалом, украшенным цветами, подстилкой из хлопка, шерстяным покрывалом с изображениями зверей, покрывалом с бахромой по бокам, покрывалом с бахромой на одной стороне, покрывалом, расшитым драгоценностями, шелковым покрывалом, ковром для танцовщиц, покрывалом для слонов, покрывалом для коней, покрывалом для колесницы, покрывалом из кожи черной антилопы, подстилкой из превосходной кожи антилопы кадали, покрывалом с балдахином, ложем с красными подушками у изголовья и в ногах, — он избегает пользоваться таким образом высоким ложем или большим ложем. Это и есть часть его нравственности.

51. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности заниматься таким образом украшениями и нарядами, а именно: умощением, массажем, омовением, растиранием, пользоваться зеркалом, глазной мазью, венками, притираниями, пудрой для лица, мазью для лица, браслетами, перевязью на голове, тростью для прогулок, лекарствами, мечом, зонтом, пестрыми сандалиями, тюрбаном, диадемой, опахалом из хвоста буйвола, белыми долгополыми одеждами, — он избегает заниматься таким образом украшениями и нарядами. Это и есть часть его нравственности.

52. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают таким образом в склонности к низменным беседам, а именно: беседам о царе, беседам о ворах, беседам о советниках, бесе-

дам о войске, беседам об опасности, беседам о сражении, беседам о еде, беседам о питье, беседам об одеждах, беседам о ложах, беседам о венках, беседам о благовониях, беседам о родственниках, беседам о повозках, беседам о деревнях, беседам о торговых селениях, беседам о городах, беседам о странах, беседам о женщинах, беседам о мужчинах, беседам о героях, беседам о дорогах, беседам о водоемах, беседам о прежде умерших, беседам о всякой всячине, разговорам о мире, разговорам об океане, беседам о том, что существует и чего не существует, — он избегает таким образом низменных бесед. Это и есть часть его нравственности.

53. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают таким образом в склонности к пререканиям, а именно: „Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!“ — „Как ты узнаешь истину и должное поведение?“ — „Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!“ — „Я последователен — ты непоследователен!“ — „Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!“ — „[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!“ — „Твоя речь опровергнута, ты побежден!“ — „Оставь эту речь, или разъясни, если можешь!“ — он избегает таким образом пререканий. Это и есть часть его нравственности.

54. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, пребывают в склонности исполнять таким образом обязанность вестника или посыльного, а именно: у царей, царских советников, кшатриев, брахманов, домохозяев, юношей, [передавая]: „иди сюда“, „иди туда“, „возьми это“, „неси это туда“, — он избегает исполнять таким образом обязанность вестника или посыльного. Это и есть часть его нравственности.

55. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, бывают и обманщиками, и болтунами, и прорицателями, и фокусниками, страстно желая все новой и новой прибыли, — он избегает таким образом обмана и болтовни. Это и есть часть его нравственности.

56. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [истолковывая] особенности частей тела, предзнаменования, небесные явления, сны, знаки на теле, изъеденные мышами [одежды], [совершая] жертвоприношение на огне, жертвоприношение ложкой, жертвоприношение шелухой риса, жертвоприношение красной пылью между шелухой и зерном, жертвоприношение зернами риса, жертвоприношение очищенным маслом, жертвоприношение сезамовым маслом, жертвоприношение ртом, жертвоприношение кровью, [используя] знание частей тела, знание строений, знание полей, знание благоприятных заклинаний, знание духов умерших, знание земли, знание змей, знание яда, знание скорпионов, знание мышей, знание птиц, знание ворон, предсказание срока жизни, заговор от стрел, понимание языка животных, — он избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

57. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [истолковывая] знаки на драгоценностях, знаки на палках, знаки на одеждах, знаки на мечах, знаки на стрелах, знаки на луках, знаки на оружии, знаки на женщинах, знаки на мужчинах, знаки на юношах, знаки на девушках, знаки на рабах, знаки на рабынях, знаки на слонах, знаки на конях, знаки на буйволах, знаки на быках, знаки на коровах, знаки на козлах, знаки на баранах, знаки на петухах, знаки на перепелах, знаки на ящерицах, знаки на длинноухих животных, знаки на черепахах, знаки на диких зверях, — он избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

58. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [предсказывая, что] будет выступление царя [в поход], не будет выступления царя; будет наступление здешнего царя, будет отступление чужого царя; будет наступление чужого царя, будет отступление здешнего царя; будет победа здешнего царя, будет поражение чужого царя; будет победа чужого царя, будет поражение здешнего царя; будет победа одного, будет поражение другого, — он избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

59. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [предсказывая, что] будет затмение луны, будет затмение солнца, будет затмение звезд, будет движение луны и солнца по [своему обычному] пути, будет движение луны и солнца по необычному пути, будет движение звезд по [своему обычному] пути, будет движение звезд по необычному пути, будет падение метеоритов; будет пламя, охватившее горизонт; будет землетрясение, будет гром с неба, будет восход, заход, замутнение, очищение луны, солнца, звезд; [предсказывая, что] таков будет результат затмения луны, таков будет результат затмения солнца, таков будет результат затмения звезд, таков будет результат движения луны и солнца по [своему обычному] пути, таков будет результат движения луны и солнца по необычному пути, таков будет результат движения звезд по [своему обычному] пути, таков будет результат движения звезд по необычному пути, таков будет результат падения метеоритов, таков будет результат пламени, охватившего горизонт, таков будет результат землетрясения, таков будет результат грома с неба, таков будет результат восхода, захода, замутнения, очищения луны, солнца, звезд, — он избегает таким образом низменных знаний и несправедливой жизни. Это и есть часть его нравственности.

60. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и несправедливой жизнью, а именно: [предсказывая, что] будет обильный дождь, будет недостаток в дожде, будет обилие пищи, будет не-

достаток в пище, будет спокойствие, будет опасность, будет болезнь, будет здоровье; [считая] по пальцам, вычисляя, производя сложение, сочиняя стихи, рассуждая о природе, — он избегает таким образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

61. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: [устанавливая благоприятное время для] введения новобрачной в дом, выдачи дочери замуж, мирных переговоров, вражды, взыскания долгов, раздачи денег; вызывая [колдовством] счастье, вызывая несчастье, вызывая выкидыш, сковывая язык, смыкая челюсти, заговаривая руки, заговаривая уши, вопрошая зеркало [о будущем], вопрошая девушку, вопрошая божество, почитая солнце, почитая Великого, извергая огонь изо рта, призывая Сири, — он избегает таким образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

62. В то время как некоторые почтенные отшельники и брахманы, поедая пищу, поданную верующими, добывают таким образом средства к существованию низменными знаниями и неправедной жизнью, а именно: склоняя на милость богов, исполняя обеты, заклиная духов умерших, пребывая в земляном жилище, вызывая потенцию, вызывая импотенцию, определяя место для постройки, освещая место; [совершая ритуальное] полоскание рта, омовение, жертвоприношение; [предписывая] рвотное, слабительное, очищающее сверху, очищающее снизу, очищающее голову, масло для ушей, облегчающее средство для глаз, снадобье для носа, глазную мазь, умащивание; [бывая] глазами врачами, хирургами, леча детей, добывая целебные корни, освобождая от [ставшего ненужным] лекарства, — он избегает таким образом низменных знаний и неправедной жизни. Это и есть часть его нравственности.

63. И вот, великий царь, этот монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Подобно тому, великий царь, как повелитель, помазанный на царство и избавившийся от неприятелей, не видит ниоткуда опасности в том, что касается недружелюбия, так же точно, великий царь, и монах, обладающий подобной нравственностью, не видит ниоткуда опасности в том, что касается нравственной воздержанности. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний, он испытывает безупречное внутреннее счастье. Таким, великий царь, бывает монах, наделенный нравственностью.

64. Как же, великий царь, монах охраняет врата жизненных способностей? Вот, великий царь, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, не-

удовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осязая телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осязания. Он следит за способностью осязания, в способности осязания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума. Он следит за способностью разума, в способности разума он достигает воздержанности. Наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных способностях, он испытывает неуязвимое внутреннее счастье. Таким, великий царь, бывает монах, охраняющий врата жизненных способностей.

65. Как же, великий царь, монах наделен способностью самосознания и вдумчивостью? Вот, великий царь, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует, когда носит ткань, сосуд для подаяний и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, великий царь, бывает монах, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

66. Как же, великий царь, монах удовлетворен? Вот, великий царь, монах удовлетворен верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу; куда бы он ни отправлялся, он отправляется, беря с собой [все свое добро]. Подобно тому, великий царь, как крылатая птица, куда бы ни полетела, летит, неся с собой перья, так же точно, великий царь, и монах, удовлетворенный верхней одеждой, поддерживающей тело, и чашей для милостыни, поддерживающей утробу, куда бы он ни отправлялся, отправляется, беря с собой [все свое добро]. Таким, великий царь, бывает удовлетворенный монах.

67. Наделенный этим праведным сводом нравственных предписаний и наделенный этой праведной воздержанностью в жизненных силах, наделенный этой

праведной внимательностью и вдумчивостью, и наделенный этой праведной удовлетворенностью, он удаляется в уединенную обитель — в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расселине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит [там] после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании.

68. Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободный сердцем от алчности, очищает ум от алчности. Отказавшись от порока злонамеренности, он пребывает свободный умом от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает ум от злонамеренности. Отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность [ясного] воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает ум от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободный от беспокойства и терзаний, внутренне умиротворенный в мыслях он очищает ум от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения, лишенный неуверенности в хороших свойствах он очищает ум от сомнения.

69. Подобно тому, великий царь, как, если человек, взяв в долг, откроет дело, это его дело будет процветать, он и сможет оплатить прежние долговые обязательства, и у него еще сверх того останется, на что поддерживать жену, и он сможет сказать себе: „Вот прежде я, взяв в долг, открыл дело, это мое дело стало процветать, и я смог оплатить прежние долговые обязательства, и у меня еще сверх того остается на что поддерживать жену“ — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

70. Подобно тому, великий царь, как, если бы человека постиг недуг, он будет страдать, тяжело болеть, и еда не будет ему впрок, и в теле не останется силы; и со временем освободится от этого недуга, и еда будет ему впрок, и в теле его будет сила, и он сможет сказать себе: „Вот прежде меня постиг недуг, я страдал, тяжело болел, и еда не была мне впрок, и в теле моем не осталось силы; теперь же я освободился от этого недуга, и еда мне впрок, и в теле есть сила“ — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

71. Подобно тому, великий царь, как, если человек будет заключен в темницу, и со временем освободится из этого заточения здоровым и невредимым, и ничего не потеряет из имущества, и сможет сказать себе: „Вот прежде я был заключен в темницу, теперь же освободился от этого заточения здоровым и невредимым и ничего не потерял из имущества“, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

72. Подобно тому, великий царь, как, если человек будет рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим права идти, куда хочет, и со временем освободится от этого рабства, став зависящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочет, и сможет сказать себе: „Вот прежде я был рабом, не зависящим от себя, зависящим от другого, не имеющим права идти, куда хочу; теперь же я освободился от рабства, став зави-

сящим от себя, не зависящим от другого, раскрепощенным, имеющим право идти, куда хочут“, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

73. Подобно тому, великий царь, как если человек с богатством и имуществом будет следовать по труднопроходимой дороге в голоде и страхе и со временем оставит позади трудную дорогу, спокойно и без страха, здравым достигнет края деревни и сможет сказать себе: „Вот, прежде я с богатством и имуществом следовал по труднопроходимой дороге в голоде и страхе, теперь же, оставив позади эту трудную дорогу, спокойно и без страха здравым достиг края деревни“, — он получит от этого радость, достигнет удовлетворения.

74. Так же точно, великий царь, и монах, не отказавшись от этих пяти преград, видит себя словно в долгу, словно в болезни, словно в темнице, словно в рабстве, словно на труднопроходимой дороге. И подобно этому, великий царь, монах, отказавшись от этих пяти преград, так же точно видит себя, великий царь, словно свободным от долга, словно свободным от болезни, словно освободившимся из заточения, словно раскрепощенным, словно находящимся в спокойном пристанище.

75. Когда он видит себя отказавшимся от пяти преград, в нем рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, от радости в сердце успокаивается тело, успокоившийся телом ощущает счастье, счастливый сосредоточен в уме. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

76. Подобно тому, великий царь, как искусный банщик или ученик банщика, насыпав мыльный порошок в металлический сосуд и постепенно окропляя со всех сторон водой, станет сбивать его так, чтобы получился мыльный ком, омытый влагой, пронизанный влагой, внутри и снаружи пропитанный влагой, но не источающий [се], так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

77. И далее, великий царь, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

78. Подобно тому, великий царь, как озеро, [питаемое] водой, бьющей из-под земли, хоть и не будет иметь ни притока воды с восточной стороны, ни притока воды с западной стороны, ни притока воды с северной стороны, ни притока воды с южной стороны, и божество не будет время от времени надлежащим образом доставлять ему дождь, но потоки прохладной воды, бьющей из-под земли, [пита-] это озеро, обольют, зальют, переполнят, пропитают это озеро прохладной водой, и не останется во всем озере ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

79. И далее, великий царь, монах отвращается от радости и пребывает в уравновешенности; наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которой достойные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, он достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Он обливает, зали- вает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, свободным от радости.

80. Подобно тому, великий царь, как в пруду с голубыми лотосами, пруду с красными лотосами, пруду с белыми лотосами отдельные голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы рождены в воде, выросли в воде, омыты во-дой, целиком погружены [в воду], питаются [ею], они от кончиков до корней об- литы, залиты, переполнены, пропитаны прохладной водой, и не остается во всех голубых лотосах, или красных лотосах, или белых лотосах ничего, что не было бы пропитано прохладной водой, так же точно, великий царь, и монах обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело счастьем, свободным от радости, и не остается во всем его теле ничего, что не было бы пропитано счастьем, сво- бодным от радости.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

81. И далее, великий царь, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от не- счастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания, лишённой несчастья, лишённой сча- стья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Он сидит, пропитав это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершен- ным разумом.

82. Подобно тому, великий царь, как человек сидел бы укутанный с головой в белое одеяние так, что не осталось бы на всем теле места, которое не было бы покрыто белым одеянием, так же точно, великий царь, и монах сидит, пропитав

это тело чистым, совершенным разумом, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым, совершенным разумом.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

83. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к совершенному видению. Он постигает: „Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, [представляет собой] скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание“.

84. Подобно тому, великий царь, как, если сквозь драгоценный камень берилл — прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами — продета нить — синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить, — и человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: „Вот драгоценный камень берилл — прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, безупречный, наделенный всеми достоинствами, — и в него продета эта нить — синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить“ — так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к совершенному видению. Он постигает: „Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, [представляет собой] скопление вареного риса и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание“.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

85. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибкой, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого [своего] тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

86. Подобно тому, великий царь, как человек, извлекая тростинку из мунджи, может сказать себе: „Вот — мунджа, вот — тростинка, одно — мунджа, другое — тростинка, но ведь тростинка извлечена из мунджи“; или же подобно тому, великий царь, как человек, извлекая меч из ножен, может сказать себе: „Вот — меч, вот — ножны, одно — меч, другое — ножны, но ведь меч извлечен из ножен“; или же подобно тому, великий царь, как человек, вытаскивая змею из [сбрасываемой ею] кожи, может сказать себе: „Вот — змея, вот — кожа, одно — змея, другое — кожа, но ведь змея вытащена из кожи“ — так же точно, великий царь,

и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к сотворению тела, состоящего из разума. Из этого [своего] тела он творит другое тело, имеющее форму, состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

87. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к [разным] видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается [из нее], словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом он достигает даже мира Брахмы.

88. Подобно тому, великий царь, как искусный гончар или ученик гончара может сделать и изготовить из хорошо обработанной глины сосуд, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный резчик по слоновой кости или ученик резчика по слоновой кости может сделать и изготовить из хорошо обработанной слоновой кости такой сосуд из слоновой кости, какой пожелает, или же подобно тому, великий царь, как искусный золотых дел мастер или ученик золотых дел мастера может сделать и изготовить из хорошо обработанного золота такой золотой сосуд, какой пожелает, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к [разным] видам сверхъестественных способностей. Он осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается [из нее], словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом он достигает даже мира Брахмы.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

89. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба [вида] звуков — и божественные, и человеческие, далекие и близкие.

90. Подобно тому, великий царь, как человек, который, находясь на главной дороге, слышит звук литавр, звук барабана, звук раковины, цимбал, гонга, может сказать себе: „Вот звук литавр, вот звук барабана, вот звук раковины, цимбал, гонга“ — так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к божественному слуху. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба [вида] звуков — и божественные, и человеческие, далекие и близкие.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

91. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенной нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердца других существ, других личностей, он постигает [их].

Наделенный страстью ум он постигает как наделенный страстью ум.

Свободный от страсти ум он постигает как свободный от страсти ум.

Наделенный ненавистью ум он постигает как наделенный ненавистью ум.

Свободный от ненависти ум он постигает как свободный от ненависти ум.

Наделенный заблуждением ум он постигает как наделенный заблуждением ум.

Свободный от заблуждения ум он постигает как свободный от заблуждения ум.

Собранный ум он постигает как собранный ум.

Несобранный ум он постигает как несобранный ум.

Великий ум он постигает как великий ум.

Невеликий ум он постигает как невеликий ум.

Превзойденный ум он постигает как превзойденный ум.

Непревзойденный ум он постигает как непревзойденный ум.

Сосредоточенный ум он постигает как сосредоточенный ум.

Несосредоточенный ум он постигает как несосредоточенный ум.

Освобожденный ум он постигает как освобожденный ум.

Неосвобожденный ум он постигает как неосвобожденный ум.

92. Подобно тому, великий царь, как женщина, или мужчина, или юноша, молодой и любящий, наряжается, разглядывая отражение своего лица в чистом, ясном зеркале или в сосуде с прозрачной водой, может или узнать, что [на нем] пятнышко, когда [на нем] есть пятнышко, или узнать, что [на нем] нет пятнышка, когда [на нем] нет пятнышка, так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к знанию, охватывающему сердце. Охватывая сердцем сердца других существ, других личностей, он постигает [их].

Наделенный страстью ум он постигает как наделенный страстью ум.

Свободный от страсти ум он постигает как свободный от страсти ум.

Наделенный ненавистью ум он постигает как наделенный ненавистью ум.

Свободный от ненависти ум он постигает как свободный от ненависти ум.

Наделенный заблуждением ум он постигает как наделенный заблуждением

ум.

Свободный от заблуждения ум он постигает как свободный от заблуждения

ум.

Собранный ум он постигает как собранный ум.

Несобранный ум он постигает как несобранный ум.

Великий ум он постигает как великий ум.

Невеликий ум он постигает как невеликий ум.

Превзойденный ум он постигает как превзойденный ум.

Непревзойденный ум он постигает как непревзойденный ум.

Сосредоточенный ум он постигает как сосредоточенный ум.

Несосредоточенный ум он постигает как несосредоточенный ум.

Освобожденный ум он постигает как освобожденный ум.

Неосвобожденный ум он постигает как неосвобожденный ум.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

93. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к знанию, основанному на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних [существованиях]. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих периодах свертывания [мира], во многих периодах развертывания [мира], во многих периодах свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях].

94. Подобно тому, великий царь, как, если человек пойдет из своей деревни в другую деревню, а из этой деревни пойдет в другую деревню, а из этой деревни возвратится в свою деревню, он может сказать себе: „Вот я пришел из своей деревни в другую деревню, там я так-то стоял, так-то сидел, так-то говорил, так-то молчал, а из этой деревни пришел в ту деревню и там я так-то стоял, так-то си-

дел, так-то говорил, так-то молчал, а из этой деревни возвратился в свою деревню“ — так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к знанию, основанному на воспоминании о местах, где он пребывал в прежних [существованиях]. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих периодах свертывания [мира], во многих периодах развертывания [мира], во многих периодах свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“, — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях].

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

95. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: „Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, предаются действиям, [проистекающим из] ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Те же существа, почтенные, что наделены хорошим поведением тела, наделены хорошим поведением в речи, наделены хорошим поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, предаются действиям, [проистекающим из] истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире“. — Так божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

96. Подобно тому, великий царь, как, если человек, стоящий на террасе над серединой перекрестка, видит, как люди входят в дом, выходят, двигаются по

проезжей дороге, сидят на середине перекрестка, он может сказать себе: „Эти люди входят в дом, эти выходят, эти двигаются по проезжей дороге, эти сидят на середине перекрестка“ — так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к знанию о том, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются. Божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: „Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, предаются действиям, [проистекающим из] ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Те же существа, почтенные, что наделены хорошим поведением тела, наделены хорошим поведением в речи, наделены хорошим поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, предаются действиям, [проистекающим из] истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире“. — Так божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее предыдущих зримых плодов отшельничества.

97. Так, с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — он направляет и обращает ум к знанию об уничтожении порочных свойств. Он постигает в согласии с истиной: „Это — страдание“; постигает в согласии с истиной: „Это — возникновение страдания“; постигает в согласии с истиной: „Это — уничтожение страдания“; постигает в согласии с истиной; „Это — путь, ведущий к уничтожению страдания“; постигает в согласии с истиной: „Это — порочные свойства“; постигает в согласии с истиной: „Это — возникновение порочных свойств“; постигает в согласии с истиной: „Это — уничтожение порочных свойств“; постигает в согласии с истиной: „Это — путь, ведущий к уничтожению порочных свойств“. У него, знающего так, видящего так, ум освобождается от порочного свойства чувственности, ум освобождается от порочного свойства [следующего] существования, ум освобождается от порочного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: „Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием“.

98. Подобно тому, великий царь, как, если зрячий человек, стоя на берегу окруженного горами озера, прозрачного, спокойного, незамутненного, видит уст-

риц и раковины, песок и гальку, стаи рыб, двигающихся и останавливающихся, он может сказать себе: „Вот это — озеро, прозрачное, спокойное, незамутненное, а в нем — эти устрицы и раковины, песок и галька, стаи рыб, что двигаются и останавливаются“ — так же точно, великий царь, и монах с сосредоточенным умом — чистым, ясным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к знанию об уничтожении порочных свойств. Он постигает, в согласии с истиной: „Это — страдание“; постигает, в согласии с истиной: „Это — возникновение страдания“; постигает, в согласии с истиной: „Это — уничтожение страдания“; постигает, в согласии с истиной: „Это — путь, ведущий к уничтожению страдания“; постигает, в согласии с истиной: „Это — порочные свойства“; постигает, в согласии с истиной: „Это — возникновение порочных свойств“; постигает, в согласии с истиной: „Это — уничтожение порочных свойств“; постигает, в согласии с истиной: „Это — путь, ведущий к уничтожению порочных свойств“. У него, знающего так, видящего так, ум освобождается от порочного свойства чувственности, ум освобождается от порочного свойства [следующего] существования, ум освобождается от порочного свойства невежества. В освобожденном возникает знание, что он освобожден. Он постигает: „Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием“.

Таков, великий царь, зримый плод отшельничества, который и прекраснее, и возвышеннее других зримых плодов отшельничества. И нет, великий царь, другого зримого плода отшельничества превосходнее и возвышеннее этих зримых плодов отшельничества».

99. Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатакатта Ведехипутта сказал Благостному: «Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же Благостный примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище. Мной совершено преступление, господин: из-за глупости, из-за ослепления, из-за нечестия я ради владычества лишил жизни отца, добродетельного царя добродетели. Пусть же, господин, Благостный примет меня, [признавшегося] в совершенном преступлении, чтобы в будущем я обуздал себя».

100. «Действительно, великий царь, ты совершил преступление — из-за глупости, из-за ослепления, из-за нечестия ты лишил жизни отца, добродетельного царя добродетели. И поскольку ты, великий царь, указав на совершенное преступление, добродетельно искупаешь [его], мы принимаем тебя. Ибо такова, великий царь, поступь должного поведения праведника, что указавший на совершенное преступление и добродетельно искупающий [его] достигает в будущем самообуздания».

101. Когда так было сказано, царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта сказал Благостному: «Ну а теперь, господин, мы пойдем — у нас много дел, многое надлежит сделать».

— «[Делай], теперь, великий царь, как ты считаешь нужным».

И вот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта, возрадовавшись и удовлетворившись словами Благостного, поднялся с сиденья, приветствовал Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалился.

102. И вот вскоре после ухода царя Магадхи Аджатасатту Ведехипутты Благостный обратился к монахам: «Этот царь, монахи, поражен; этот царь, монахи, потрясен. Если бы этот царь, монахи, не лишил жизни отца, добродетельного царя добродетели, то уже на этом сиденье обрел бы непорочное, свободное от скверны видение истины».

Так сказал Благостный, и удовлетворенные монахи возрадовались словам Благостного.

Окончена вторая «Саманняпхала-сутта».

III. «Амбаттха-сутта» («Сутта об Амбаттхе»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибыл в брахманскую деревню под названием Иччхананкала в Косале. И там в Иччхананкале Благостный остановился в лесной местности Иччхананкалы. И в это самое время брахман Поккхарасади обитал в Уккаттхе — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Косалы Пасенади в полное владение в качестве царского дара.

1.2. И брахман Поккхарасади услышал: «Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, приблизившись к Иччхананкале, пребывает в Иччхананкале, в лесной местности Иччхананкалы. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым; знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов подобных ему“».

1.3. И в это самое время у брахмана Поккхарасади был юный ученик Амбаттха — начитанный, сведущий в священных текстах, достигший совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеющий разбирать слово за словом, знающий грамматику, постигший рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека, получивший признание от собственного наставника в тройном знании, сказавшего: «Что я знаю, то ты знаешь, что ты знаешь, то я знаю».

1.4. И вот брахман Поккхарасади обратился к юному Амбаттхе: «Дорогой Амбаттха, вот отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, странствуя и двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибли-

звившись к Иччхананкале, пребывает в Иччхананкале, в лесной местности Иччхананкалы. И вот о нем, досточтимом Готама идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицецреть архатов, подобных ему“. Иди же ты, дорогой Амбаттха, подойти к отшельнику Готама и, подойдя, узнай об отшельнике Готама, таким ли является этот Благостный Готама, какая идет [о нем] слава, или не таким; таков ли он, досточтимый Готама, или не таков. Тогда мы узнаем об этом Благостном Готама».

1.5. «Но как же, почтенный, я узнаю об этом Благостном Готама, таким ли является этот Благостный Готама, какая идет [о нем] слава, или не таким; таков ли он, досточтимый Готама, или не таков?»

«В священных текстах, дорогой Амбаттха до нас дошло [учение о] тридцати двух знаках великого человека. У наделенного ими великого человека бывает два пути и не более: Если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: сокровище-колесо, сокровище-слон, сокровище-конь, сокровище-драгоценность, сокровище-женщина, сокровище-домоправитель и сокровище-советник — в-седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Вот, дорогой Амбаттха, я даю [тебе] священные текста, ты — принимаешь священные тексты».

1.6. «Хорошо, почтенный», — согласился юный Амбаттха с брахманом Поккхарасади, поднялся с сиденья, приветствовал брахмана Поккхарасади, обошел [его] с правой стороны, взошел на повозку, [запряженную] кобылой, и вместе с многочисленными юношами направился к лесной местности Иччхананкалы. Проехав на повозке, сколько позволяла повозке дорога, он сошел с повозки и пешком вошел в [монашескую] рощу.

1.7. А в то самое время многочисленные монахи гуляли по открытому месту. И вот юный Амбаттха подошел к монахам и, подойдя, так сказал монахам: «Где же сейчас пребывает досточтимый Готама? Ведь мы пришли сюда, чтобы увидеть досточтимого Готама».

1.8. И тогда эти монахи сказали себе так: «Ведь этот юный Амбаттха рожден в знатном семействе и ученик знатного брахмана Поккхарасади. Нетрудно Благостному беседовать с подобным отпрыском знатного семейства». И они так сказа-

ли юному Амбаттхе: «Вот, Амбаттха, обитель с закрытыми дверями. Без шума приблизься к ней, не спеша войди на веранду, кашляни и постучи по засову. Благодный otvorит тебе дверь».

1.9. И вот юный Амбаттха без шума приблизился к обители с закрытыми дверями, не спеша вошел на веранду, кашлянул и постучал по засову. Благодный отворил дверь, и юный Амбаттха вошел. Юноши тоже вошли, обменялись с Благодным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне. Юный же Амбаттха, расхаживая, обменялся с сидящим Благодным кое-какими приветственными словами; стоя, он обменялся с сидящим Благодным кое-какими приветствиями словами.

1.10. Тогда Благодный так сказал юному Амбаттхе: «Так ли, Амбаттха, ты беседуешь со старшими престарелыми брахманами, с наставниками [твоих] наставников, как теперь, когда я сижу, а ты, то двигаясь, то останавливаясь, обмениваешься со мной кое-какими приветственными словами?»

«Нет, не так, почтенный Готама. С идущим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать идя; со стоящим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать стоя; с сидящим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать сидя; с лежащим брахманом, почтенный Готама, брахман должен беседовать лежа. Что же, почтенный Готама, до негодных бритоголовых отшельников, прислужников, нечистых, происшедших от стоп родичей, то с ними я беседую так же, как и с тобой, почтенный Готама».

1.11. «Ведь твой приход сюда, Амбаттха, имел [какую-то] цель. Тщательно обрати внимание на ту цель, ради которой ты пришел. Юный Амбаттха дурно воспитан — он гордится [своим] воспитанием, но что иное [он обнаруживает] как не дурное воспитание?»

1.12. Тогда юный Амбаттха, рассерженный и опечаленный словами Благодного, назвавшего его дурно воспитанным, стал ругать Благодного, унижать Благодного, обвинять Благодного, [подумав]: «Отшельник Готама будет плох ко мне», — он так сказал Благодному: «Необуздан род сакьев, почтенный Готама! Груб род сакьев, почтенный Готама! Раздражителен род сакьев, почтенный Готама! Дик род сакьев, почтенный Готама! Будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, они не оказывают внимание брахманам, не проявляют заботы о брахманах, не уважают брахманов, не чтут брахманов, не преклоняются перед брахманами. Не годится, почтенный Готама, не подобает, что эти сакьи, будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, не оказывают внимания брахманам, не проявляют заботы о брахманах, не уважают брахманов, не чтут брахманов, не преклоняются перед брахманами». — Так юный Амбаттха в первых раз обвинил сакьев в том, что они прислужники.

1.13. «Но в чем же, Амбаттха, сакьи провинились перед тобой?»

«Однажды, почтенный Готама, по какому-то делу учителя, брахмана Поккхарада я пришел в Капилаваттху и приблизился к месту собрания сакьев. И в это самое время многочисленные сакьи и сыновья сакьев сидели [там] на высоких сиденьях, подталкивали друг друга пальцами, вместе смеялись и развлекались,

несомненно, как я думаю, смеясь надо мной, и ни один даже не предложил мне сиденья. Не годится, почтенный Готама, не подобает, что эти сакьи, будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, не оказывают внимания брахманам, не проявляют заботы о брахманах, не уважают брахманов, не чтут брахманов, не преклоняются перед брахманами». — Так юный Амбаттха во второй раз обвинил сакьев, что они прислужники.

1.14. «Даже перепелка, Амбаттха, маленькая птичка, и та щебечет, как хочет, в своем гнезде. Ведь этот Капилаваттху, Амбаттха, принадлежит сакьям, и поэтому не стоит, Амбаттха, сердиться по столь ничтожному поводу».

1.15. «Существуют четыре варны, почтенный Готама: кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры. Из этих четырех варн, почтенный Готама, три варны — кшатрии, вайшьи, шудры — несомненно, призваны служить брахманам. Не годится, почтенный Готама, не подобает что эти сакьи, будучи прислужниками, отшельниками-прислужниками, не оказывают внимание брахманам, не проявляют заботы о брахманах, не уважают брахманов, не чтут брахманов, не преклоняются перед брахманами». — Так юный Амбаттха в третий раз обвинил сакьев в том, что они прислужники.

1.16. Тогда Благостный сказал себе так: «Этот юный Амбаттха чрезмерно унижает сакьев, говоря, что они прислужники, Спрошу-ка и я о его роде». И Благостный так сказал юному Амбаттхе: «Из какого ты рода, Амбаттха?»

«Я — Канхаяна, почтенный Готама».

«Если вспомнить, Амбаттха, с самого начала твое происхождение по матери и отцу, то оказывается, что сакьи — дети господ, а ты — сын рабыни сакьев. Ведь сакьи, Амбаттха, считают своим предком царя Оккаку. Когда-то давно, Амбаттха, царь Оккака, желая передать царство сыну своей любимой и дорогой первой супруги, побудил оставить страну старших сыновей Оккамукху, Каранду, Хаттхинию, Синипуру. Оставив страну, они нашли пристанище на склонах Гималаев на берегу лотосового пруда, в большой роще [деревьев] сака. Из боязни нарушить чистоту рода они вступили в сожителство со своими сестрами.

И вот, Амбаттха, царь Оккака обратился к приближенным и советникам: „Где же теперь, почтенные, находятся сыновья?“

„Есть, Божественный, на склонах Гималаев на берегу лотосового пруда большая роща [деревьев] сака — там теперь находятся твои сыновья. Из боязни нарушить чистоту рода они вступили в сожителство со своими сестрами“.

И вот, Амбаттха, царь Оккака взволнованно воскликнул: „Поистине, почтенные, эти сыновья — сакьи; поистине, почтенные, эти сыновья — лучшие сакьи!“

И вот с тех пор, Амбаттха, [они] известны как сакьи. Он и есть предок сакьев. А у царя Оккаки, Амбаттха, была рабыня по имени Диса. Она родила черного [ребенка]. [Едва] родившись, Канха заговорил: „Омой меня, мама, искупай меня, мама, освободи меня, мама, от этой нечистоты — я принесу вам пользу“. И вот, подобно тому, Амбаттха, как люди называют теперь демонов демонами, так же точно, Амбаттха, люди называли в то время демонов „черными“. Они говорили так: „[Едва] родившись, он заговорил. Родился ‘черный’, родился демон“. И вот

с тех пор, Амбаттха, его потомки известны как [род] Канхаяна. Он и есть предок Канхаяны. Итак, Амбаттха, если вспомнить с самого начала твое происхождение по матери и отцу, то оказывается, что сакьи — дети господ, а ты — сын рабыни сакьев».

1.17. Когда так было сказано, те юноши так сказали Благостному: «Не надо, досточтимый Готама, чрезмерно унижать юного Амбаттху, говоря, что он — сын рабыни. Благороден юный Амбаттха, почтенный Готама, и из славного семейства юный Амбаттха, и весьма учен юный Амбаттха, и искусен в речах юный Амбаттха, и мудр юный Амбаттха, и способен юный Амбаттха ответить почтенному Готаме на эту речь».

1.18. Тогда Благостный так сказал тем юношам: «Если вы, юноши, считаете: „И неблагороден юный Амбаттха, и не из славного семейства юный Амбаттха, и мало учен юный Амбаттха, и не искусен в речах юный Амбаттха, и слаб разумом юный Амбаттха, и не способен юный Амбаттха ответить отшельнику Готаме на эту речь“, то пусть юный Амбаттха остается в покое, а вы обсуждайте со мной эту речь. Если же вы, юноши, считаете: „И благороден юный Амбаттха, и из славного рода юный Амбаттха, и весьма учен юный Амбаттха, и искусен в речах юный Амбаттха, и мудр юный Амбаттха, и способен юный Амбаттха ответить отшельнику Готаме на эту речь“, то вы оставайтесь в покое, а юный Амбаттха пусть обсуждает со мной эту речь».

1.19. «И благороден юный Амбаттха, почтенный Готама, и из славного семейства юный Амбаттха, и весьма учен юный Амбаттха, и искусен в речах юный Амбаттха, и мудр юный Амбаттха, и способен юный Амбаттха ответить почтенному Готаме на эту речь. Мы останемся безмолвными. Пусть юный Амбаттха ответит почтенному Готаме на эту речь».

1.20. Тогда Благостный так сказал юному Амбаттхе: «Вот, Амбаттха, тебе задается вопрос, связанный с истиной, на который следует ответить без страсти. Если ты не ответишь или уклонишься, [сказав] о другом, или останешься безмолвным, или уйдешь, то голова твоя тут же разорвется на семь частей. Как же ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников [твоих] наставников? — Откуда происходит [род] Канхаяна, и кто предок [рода] Канхаяна?».

Когда так было сказано, юный Амбаттха остался безмолвным. А Благостный во второй раз так сказал юному Амбаттхе: «Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников [твоих] наставников? — Откуда происходит [род] Канхаяна, и кто предок [рода] Канхаяна?» — Юный Амбаттха и во второй раз остался безмолвным.

Тогда Благостный так сказал юному Амбаттхе: «Ответь теперь, Амбаттха, нет у тебя теперь времени оставаться безмолвным. Ведь кто, Амбаттха, будучи трижды спрошен Татхагатой, не отвечает на вопрос, связанный с истиной, у того голова расколется на семь частей».

1.21. И в это самое время яккха Ваджирапани с большой железной булавой — горящей, воспламененной, сверкающей — появился в воздухе над юным Ам-

баттхой [с намерением]: «Если этот юный Амбаттха, трижды спрошенный Благостным, не ответит на вопрос, связанный с истиной, то я расколю его голову на семь частей». И вот этого яккху Ваджирапани увидели и Благостный, и юный Амбаттха. И видя его, юный Амбаттха, уstraшенный, побужденный, с поднявшимися на теле волосками, ища защиты у Благостного, ища приюта у Благостного, ища прибежища у Благостного, припал к его ногам и так сказал Благостному: «Что это произнес досточтимый Готама? Пусть досточтимый Готама повторит еще раз».

«Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников [твоих] наставников? — Откуда происходит [род] Канхаяна, и кто предок [рода] Канхаяна?»

«Я и слышал почтенный Готама, что сказал досточтимый Готама — таково происхождение Канхаяны и таков предок Канхаяны».

1.22. Когда так было сказано, юноши, крича, подняв шум, с громким шумом сказали: «Право же, неблагороден юный Амбаттха, право же, не из славного семейства юный Амбаттха, право же, сын рабыни сакьев юный Амбаттха, право же, сакьи — дети господ юного Амбаттхи. Право же, истинна речь отшельника Готамы, которого мы сочли достойным упрека!»

1.23. Тогда Благостный подумал так: «Эти юноши чрезмерно унижают юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни, и теперь я избавлю его [от этого]». И Благостный так сказал тем юношам: «Не надо вам, юноши, чрезмерно унижать юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни. Этот Канха был великим мудрецом. Уйдя в южную страну и изучив священные брахманские тексты, он предстал перед царем Оккакой и попросил [в жены его] дочь Кхуддарупи. Тогда, [воскликнув]: „Кто же это такой, будучи сыном рабыни, просит [в жены мою] дочь Кхуддарупи!“ — царь Оккака, разгневавшись и выйдя из себя, наложил стрелу на тетиву. И вот он не смог ни спустить эту стрелу, ни снять ее с тетивы. Тогда юноши, приближенные советники, подойдя к мудрецу Канхе, сказали так:

„Господин, да будет благополучие царю, господин, да будет благополучие царю!“

„Будет благополучие царю, но если царь пустит стрелу вниз, то всюду там, где властвует царь, разверзнется земля“.

„Господин, да будет благополучие царю и благополучие стране!“

„Будет благополучие царю и благополучие стране, но если царь пустит стрелу вверх, то всюду там, где властвует царь, в течение семи лет бог не будет посылать дождя“.

„Господин, да будет благополучие царю и благополучие стране, и пусть бог посылает дождь!“

„Будет благополучие царю и благополучие стране, и бог будет посылать дождь, — пусть только царь направит стрелу в старшего сына — мальчик пребудет в благополучии, и ни один волос не упадет с его тела“.

Тогда юноши и приближенные обратились к Оккаке: „Оккака, направь стрелу в старшего сына — мальчик пребудет в благополучии, и ни один волос не упадет

с его тела“. — И вот царь Оккака направил стрелу в старшего сына, и мальчик продолжал пребывать в благополучии, и ни один волос не упал с его тела. Тогда устрешенный царь Оккака в страхе перед божественным наказанием отдал ему дочь. Не надо вам, юноши, чрезмерно унижать юного Амбаттху, говоря, что он сын рабыни. Этот Канха был великим мудрецом.

1.24. И тогда Благостный обратился к юному Амбаттхе: «Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот молодой кшатрий вступает в сожителство с дочерью брахмана. От их сожителства рождается сын. Должен ли получать этот сын, рожденный молодым кшатрием и дочерью брахмана, сиденье или воду от брахманов?»

«Должен получать, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?»

«Должны доставлять долю, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы учить его священным текстам или нет?»

«Должны учить, почтенный Готама».

«Скрыты ли от него [их] женщины или не скрыты от него?»

«Не скрыты от него, почтенный Готама».

«Должны ли кшатрии совершить над ним посвящение, посвятив в кшатрии?»

«Нет, почтенный Готама».

«Почему же?»

«Потому что с материнской стороны, почтенный Готама, он не надлежащего происхождения».

1.25. «Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот молодой брахман вступает в сожителство с дочерью кшатрия. От их сожителства рождается сын. Должен ли получать этот сын, рожденный молодым брахманом и дочерью кшатрия, сиденье или воду от брахманов?»

«Должен получать, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?»

«Должны доставлять долю, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы учить его священным текстам или нет?»

«Должны учить, почтенный Готама».

«Скрыты ли от него [их] женщины или не скрыты от него?»

«Не скрыты от него, почтенный Готама».

«Должны ли кшатрии совершить над ним посвящение, посвятив в кшатрии?»

«Нет, почтенный Готама».

«Почему же?»

«Потому что с отцовской стороны, почтенный Готама, он не надлежащего происхождения».

1.26. «Итак, Амбаттха, сравнивать ли женщину с женщиной или сравнивать мужчину с мужчиной — кшатрии оказываются выше, а брахманы — ниже. Что ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот брахманы по какой-либо причине наголо обривают брахмана, наказывают его, [осыпая] пеплом из сумы, и отправляют

в странствие из страны или города. Должен ли он получать сиденье или воду от брахманов?»

«Нет, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?»

«Нет, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы учить его священным текстам или нет?»

«Нет, почтенный Готама».

«Скрыты ли от него [их] женщины или не скрыты от него?»

«Скрыты от него, почтенный Готама».

1.27. «Что же ты думаешь об этом Амбаттха? Вот кшатрии по какой-либо причине наголо обривают кшатрия, наказывают его, [осыпая] пеплом из сумы, и отправляют в странствие из страны или города. Должен ли он получать сиденье или воду от брахманов».

«Должен получать, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы доставлять ему долю в поминальном приношении, или в подношении вареного риса, или в совершении жертвы, или в угощении гостя?»

«Должны доставлять долю, почтенный Готама».

«Должны ли брахманы учить его священным текстам или нет?»

«Должны учить, почтенный Готама».

«Скрыты ли от него [их] женщины или не скрыты от него?»

«Не скрыты от него, почтенный Готама».

«А ведь кшатрий, Амбаттха, достиг самого глубокого падения — настолько, что кшатрии наголо обривают его, наказывают, [осыпая] пеплом из сумы, и отправляют в странствие из страны или города. Итак, Амбаттха, если даже кшатрий достиг самого глубокого падения, то все равно кшатрии выше, а брахманы — ниже.

1.28. Брахмой Сананкумарой, Амбаттха, произнесена эта строфа:

Превыше кшатрий ищущих опору в родовитости,
Но знающий и праведный — богов превыше и людей.

И вот, эта строфа, Амбаттха, хорошо изречена, а не плохо изречена Брахмой Сананкумарой, хорошо произнесена, а не плохо произнесена, связана с пользой, а не связана с бесполезностью и одобрена мной. И я тоже, Амбаттха, говорю так:

Превыше кшатрий ищущих опору в родовитости,
Но знающий и праведный — богов превыше и людей.

[Окончен] первый раздел поучения».

2.1. «Какова же, почтенный Готама, эта праведность, каково это знание?»

«При несравненном обладании знанием и праведностью, Амбаттха, не звучат речи о происхождении, не звучат речи о роде, не звучат речи о гордости: „Ты достоин меня“ или „Ты не достоин меня“. Так, Амбаттха, когда происходит ве-

дение новобрачной в дом, или происходит выдача замуж, или происходит введение новобрачной в дом и выдача замуж, то звучат речи о происхождении, и речи о роде, и речи о гордости: „Ты достоин меня“ или „Ты не достоин меня“. Ведь те, Амбаттха, которые привязаны к речам о происхождении, или привязаны к речам о роде, или привязаны к речам о гордости, или привязаны к введению новобрачной в дом и выдаче замуж, — далеки от несравненного обладания знанием и праведностью. И вот, Амбаттха, когда оставляют привязанность к речам о происхождении, и привязанность к речам о роде, и привязанность к речам о гордости, и привязанность к введению новобрачной в дом и выдаче замуж, то приходит осуществление несравненного обладания знанием и праведностью».

2.2. «Какова же, почтенный Готама, эта праведность, каково это знание?»

«Вот, Амбаттха, в мир приходит Татхагата <...= II.40–63...>¹. Таким, Амбаттха, бывает монах, наделенный нравственностью.

Как же, Амбаттха, монах охраняет врата жизненных способностей? <...= II.64 — начало 75...>. Освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, он достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Это и есть часть его праведности. Подобно тому, Амбаттха <...= II.76...>.

И далее, Амбаттха, монах <...= II.77–81...> достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Это и есть часть его праведности. Такова, Амбаттха, эта праведность.

Так, с сосредоточенным умом <...> он направляет и обращает ум к совершенному знанию <...= II.83...>. Это и есть часть его знания.

Подобно тому, Амбаттха <...= II.84–98...>. Он постигает: <...> „нет ничего вслед за этим состоянием“. Это и есть часть его знания. Таково, Амбаттха, это знание.

Такой монах, Амбаттха, зовется обладающим знанием. И нет, Амбаттха, другого обладания знанием и обладания праведностью, превосходнее и возвышеннее этого обладания знанием и праведностью.

2.3. Существуют, Амбаттха, четыре отверстия, через которые утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью. Каковы эти четыре? Вот, Амбаттха, какой-нибудь отшельник или брахман, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, берет в качестве ноши принадлежности аскета и углубляется в лесную глушь [с мыслью]: „Я буду питаться падающими плодами“. Несомненно, он становится лишь служителем об-

¹ Здесь и далее в суттах III–XIII, содержащих в том или ином виде (с заменой обращения и возможным варьированием отдельных понятий) буквальные повторы довольно большого текста II.40–98 (см. Предисловие), мы, как правило, учитываем принцип передачи текста, принятый в критическом издании DRC (ср. также DR), имея при этом в виду, что в отдельных рукописях Dn сам характер указанных сокращений может варьироваться. Таким образом, в соответствующих местах нами условно вводятся угловые скобки, в которых между отточиями даются курсивом номера повторяемых параграфов сутты II (часто они разбиваются в тексте на несколько фрагментов) или же даются только отточия. При этом отдельные вариации и отступления оговариваются также в Комментариях.

ладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, первое отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

И далее, Амбаттха, вот какой-нибудь отшельник или брахман, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью и неспособный питаться падающими плодами, берет заступ и корзинку и углубляется в лесную глушь [с мыслью]: „Я буду питаться луковичными и корневыми плодами“. Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, второе отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

И далее, Амбаттха, вот какой-нибудь отшельник или брахман, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, выстраивает около деревни или около торгового поселения алтарь для огня и живет [там], служа огню. Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, третье отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

И далее, Амбаттха, вот какой-нибудь отшельник или брахман, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, и неспособный служить огню, выстраивает на перекрестке дом с четырьмя дверьми и живет [там с мыслью]: „Я по возможности и по силам буду оказывать почет отшельникам или брахманам, приходящим с четырех сторон света“. Несомненно, он становится лишь служителем обладающего знанием и праведностью. Таково, Амбаттха, четвертое отверстие, через которое утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

Таковы, Амбаттха, четыре отверстия, через которые утрачивается это непревзойденное обладание знанием и праведностью.

2.4. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можно ли считать, что ты вместе с наставником наделен этим непревзойденным знанием и праведностью?»

«Нет, почтенный Готама. Что [значу] я со [своим] наставником, почтенный Готама, [по сравнению] с этим непревзойденным обладанием знанием и праведностью?»

«Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, взять в качестве ноши принадлежности аскета и углубиться в лесную глушь [с мыслью]: „Я с наставником буду питаться падающими плодами?“»

«Нет, почтенный Готама».

«Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью и неспособный питаться падающими плодами, взять заступ и корзинку и углубиться в лесную глушь [с мыслью]: „Я с наставником буду питаться луковичными и корневыми плодами?“»

«Нет, почтенный Готама».

«Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, выстроить около деревни или около торгового поселения алтарь для огня и жить [там] с наставником, служба огню?»

«Нет, почтенный Готама».

«Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Можешь ли и ты, неспособный достичь этого непревзойденного обладания знанием и праведностью, и неспособный питаться падающими плодами, и неспособный питаться луковичными и корневыми плодами, и неспособный служить огню, выстроить на перекрестке дом с четырьмя дверьми и жить [там] с наставником [с мыслью]: „Я по возможности и по силам буду оказывать почет отшельникам или брахманам, приходящим с четырех сторон света?“»

«Нет, почтенный Готама».

2.5. «Итак, Амбаттха, ты с наставником лишен непревзойденного обладания знанием и праведностью, и ты с наставником лишен тех четырех отверстий, через которые утрачивается непревзойденное обладание знанием и праведностью. А ведь наставник брахман Поккхарасади сказал тебе, Амбаттха, такие слова: „Кто эти негодные бритоголовые отшельники, прислужники, нечистые, происшедшие от стоп родичей, и какая [у них может быть] беседа с брахманами, наделенными тройным знанием?“ — хотя и сам следует ложным путем и несовершенно. Гляди же, Амбаттха, сколь неправ твой наставник брахман Поккхарасади.

2.6. Ведь брахман Поккхарасади, Амбаттха, пользуется дарением Пасенади, царя Косалы. Но царь Косалы Пасенади не разрешает ему появляться в своем присутствии. Когда он советуется с ним, то советуется с ним через завесу. Как это, Амбаттха, царь Пасенади из Косалы не разрешает даже появляться в своем присутствии тому, которому он доставляет подобающую, благочестивую милостыню? Гляди же, Амбаттха, сколь неправ твой наставник брахман Поккхарасади.

2.7. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Вот царь Пасенади, сидя на шее слона, или сидя на спине коня, или стоя на подстилке на колеснице, будет держать о чем-нибудь совет с начальниками или принцами. Он сойдет со своего места, станет в стороне, и затем придет шудра или раб шудры. Став на это место, он станет держать совет, [говоря]: „Так сказал царь Пасенади из Косалы“. Но говорит ли он, как говорил царь, и советуется ли, как советовался царь, — разве станет он от этого царем или равным царю?»

«Нет, почтенный Готама».

2.8. «Точно также и ты, Амбаттха, [хотя и говоришь]: „Те мудрецы древности, которые были из брахманов, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — и ведь я также изучаю с наставником

священные тексты“ — все же не достигаешь еще такого состояния, чтобы или сделаться от этого мудрецом, или вступить на путь к состоянию мудреца.

2.9. Что же ты думаешь об этом, Амбаттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников [твоих] наставников? Те мудрецы древности, которые были из брахманов, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — были ли эти [мудрецы] так же хорошо омыты, хорошо умащены, с причесанными волосами и бородой, украшены драгоценностями и венками, одеты в белые одежды, наделены пятью признаками чувственности, владея и услаждаясь ими, как теперь ты с наставником?»

«Нет, почтенный Готама».

2.10. «Питались ли они белым рисом, очищенным от черных зерен, с разнообразными подливками и разнообразными приправами, как теперь ты с наставником?»

«Нет, почтенный Готама».

«Пользовались ли они услугами женщин с повязками вокруг бедер, как теперь ты с наставником?»

«Нет, почтенный Готама».

«Разъезжали ли они в колесницах, запряженных кобылами с заплетенными хвостами, погоняя при езде длинными стрекалами, как теперь ты с наставником?»

«Нет, почтенный Готама».

— «Заставляли ли они людей, опоясанных длинными мечами, охранять себя у городских укреплений, выкопав рвы и наложив засовы, как ты теперь с наставником?»

«Нет, почтенный Готама».

«Итак, Амбаттха, вы с наставником не являетесь мудрецами и не вступили на путь к состоянию мудрецов. У кого, Амбаттха, возникло сомнение или замешательство из-за меня, пусть тот обратится ко мне с вопросом, и я отвечу разъяснением».

2.11. И тогда Благостный, выйдя из обители, направился к месту для прогулки. А юный Амбаттха также, выйдя из обители, направился к месту для прогулки. И вот юный Амбаттха, прогуливаясь вслед за прогуливающимся Благостным, стал искать на теле Благостного тридцать два знака великого человека. И юный Амбаттха увидел на теле Благостного большинство из тридцати двух знаков великого человека — [все], кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека — [того, что] скрыто в углублении под одеждой, и большого языка — он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя.

2.12. Тогда Благостный сказал себе так: «Этот юный Амбаттха видит на мне большинство из тридцати двух знаков великого человека — [все] кроме двух. Из-

за этих двух знаков великого человека — [того, что] скрыто в углублении под одеждой, и большого языка — он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя».

И вот Благостный явил своей силой такого рода вид, что юный Амбаттха узрел скрытое в углублении под одеждой Благостного. И высунув язык, Благостный достал и коснулся [им] обоих отверстий в ушах, достал и коснулся обоих отверстий в носу и покрыл языком всю поверхность лба.

Тогда юный Амбаттха сказал себе так: «Ведь отшельник Готама наделен тридцатью двумя знаками великого человека — совершенными, а не несовершенными». — И сказал Благостному: «Ну а теперь, почтенный Готама, мы пойдем — у нас много дел, многое надлежит сделать».

«[Делай] теперь, Амбаттха, как ты считаешь нужным».

И вот юный Амбаттха взошел на повозку, [запряженную] кобылой, и удалился.

2.13. В это самое время брахман Поккхарасади, выйдя из Уккаттхи вместе с большим числом брахманов, уселся в своей роще, ожидая юного Амбаттху. И юный Амбаттха тоже направился в его рощу. Проехав на повозке, сколько позволяла повозке дорога, он спустился с повозки и пешком приблизился к брахману Поккхарасади; приблизившись и приветствовав брахмана Поккхарасади, он уселся в стороне. И брахман Поккхарасади так сказал юному Амбаттхе, усевшемуся в стороне:

2.14. «Дорогой Амбаттха, видел ли ты этого досточтимого Готаму?»

«Мы видели, почтенный, этого досточтимого Готаму».

«Так ли, дорогой Амбаттха, обстоит с этим досточтимым Готамой, какая идет о нем молва, а не иначе? Таков ли этот досточтимый Готама, а не иной?»

«С этим досточтимым Готамой, почтенный, обстоит так, какая идет о нем молва, а не иначе. И этот досточтимый Готама, почтенный, такой, а не иной. И этот досточтимый Готама, почтенный, наделен тридцатью двумя знаками великого человека — совершенными, а не несовершенными».

«Была ли у тебя, дорогой Амбаттха, какая-либо беседа с отшельником Готамой?»

«Была у меня, почтенный, одна беседа с отшельником Готамой».

«Какая же, дорогой Амбаттха, была у тебя беседа с отшельником Готамой?»

И тогда юный Амбаттха передал брахману Поккхарасади всю ту беседу, которая была [у него] с Благостным.

2.15. Когда так было сказано, брахман Поккхарасади сказал юному Амбаттхе: «Эх ты, наш мудрец! Это ты, наш ученый! Эх ты, наш обладатель тройного знания! Да из-за такого прислужника человек с распадом тела после смерти может вновь родиться в бедствии, несчастье, страдании, преисподней! Ведь ты, Амбаттха, столь грубо говорил с досточтимым Готамой, что и досточтимый Готама говорил, столь сильно обвиняя нас. Эх ты, наш мудрец! Эх ты, наш ученый! Эх ты, наш обладатель тройного знания! Да из-за такого прислужника человек с распадом тела после смерти может вновь родиться в бедствии, несчастье, страдании, преисподней!»

Разгневавшись и выйдя из себя, он отбросил юного Амбаттху ногой и тут же пожелал [сам] приблизиться и увидеть Благостного.

2.16. И вот те брахманы так сказали брахману Поккхарасади: «Сегодня слишком поздно, почтенный, приблизиться и увидеть отшельника Готама. Теперь уже завтра, досточтимый Поккхарасади приблизится и увидит отшельника Готама».

И брахман Поккхарасади приготовил в своем жилище изысканную твердую пищу и мягкую пищу, погрузил ее на повозки, в сопровождении несущих факелы выступил из Уккаттхи и направился в густую рощу Иччхананкалы. Проехав на повозке, сколько позволяла повозке дорога, он спустился с повозки и пешком приблизился к Благостному. Приблизившись, он обменялся с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. Сев в стороне, брахман Поккхарасади так сказал Благостному:

2.17. «Почтенный Готама, приходил ли сюда наш ученик, юный Амбаттха?»

«Да, брахман, сюда приходил твой ученик, юный Амбаттха».

«Была ли у тебя, почтенный Готама, какая-либо беседа с юным Амбаттхой?»

«Была у меня, брахман, одна беседа с юным Амбаттхой».

«Какая же, почтенный Готама, была у тебя беседа с юным Амбаттхой?»

И тогда Благостный передал брахману Поккхарасади всю ту беседу, которая была [у него] с юным Амбаттхой.

Когда так было сказано, брахман Поккхарасади сказал Благостному: «Почтенный Готама, юный Амбаттха глуп. Пусть досточтимый Готама простит юного Амбаттху».

«Да будет счастлив юный Амбаттха, брахман!»

2.18. И вот брахман Поккхарасади стал искать на теле Благостного тридцать два знака великого человека. И брахман Поккхарасади увидел на теле Благостного большинство из тридцати двух знаков великого человека — [все], кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека — [того, что] скрыто в углублении под одеждой, и большого языка — он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя.

2.19. Тогда Благостный сказал себе так: «Этот брахман Поккхарасади видит на мне большинство из тридцати двух знаков великого человека — [все], кроме двух. Из-за этих двух знаков великого человека — [того, что] скрыто в углублении под одеждой, и большого языка — он усомнился, заколебался, лишился уверенности, лишился покоя».

И вот Благостный явил своей силой такого рода вид, что брахман Поккхарасади узрел скрытое в углублении под одеждой Благостного. И высунув язык, Благостный достал и коснулся [им] обоих отверстий в ушах, достал и коснулся обоих отверстий в носу и покрыл языком всю поверхность лба.

Тогда брахман Поккхарасади сказал себе так: «Ведь отшельник Готама наделен тридцатью двумя знаками великого человека — совершенными, а не несовершенными». — И сказал Благостному: «Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится [принять] у меня сегодня пищу». И Благостный безмолвно согласился.

2.20. Тогда брахман Поккхарасади, узнав о согласии Благостного, сообщил Благостному о времени: «[Пришло] время, почтенный Готама, пища готова». И тогда Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к трапезе брахмана Поккхарасади и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда брахман Поккхарасади своей рукой угостил и насытил Благостного изысканной твердой пищей и мягкой пищей, а юноши [угостили] толпу монахов. И когда Благостный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Поккхарасади выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне.

2.21. Когда же брахман Поккхарасади сел в стороне, Благостный изложил последовательную проповедь, а именно: проповедь о даянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподавал наставление о горечи, тшете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Благостный узнал, что брахман Поккхарасади готов в мыслях, смягчен в мыслях, непредвзят в мыслях, возвышен в мыслях, умиротворен в мыслях, то он преподавал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание — возникновение — уничтожение — путь. И подобно тому как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом принимает окраску, таким же образом у брахмана Поккхарасади на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: «Все то, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению».

2.22. И вот брахман Поккхарасади, увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уверенности в себе, не нуждаясь в другом наставнике для наставления, так сказал Благостному:

«Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, почтенный Готама, я с сыновьями, с женой, с окружением, с приближенными иду как к прибежищу к Благостному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище. И как досточтимый Готама приближается в Уккаттхе к семьям других преданных мирян, пусть досточтимый Готама приблизится также и к семье Поккхарасади. И те юные брахманы и брахманки, которые приветствуют там Благостного Готаму, и поднимутся навстречу, и дадут [ему] сиденье и воду, и склонят [к нему] сердце, — долгое время пребудут в благополучии и счастье».

«Превосходно говорит брахман».

Окончена третья «Амбаттха-сутта».

IV. «Сонаданда-сутта» («Сутта о Сонаданде»)

1. Вот, что я слышал. Однажды Благостный, двигаясь по Анге с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибыл в Чампу. И там в Чампе Благостный остановился на берегу лotosового пруда Гаггара. И в это самое время брахман Сонаданда обитал в Чампе — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара.

2. И брахманы-домоправители из Чампы услышали: «Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Анге с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, приблизившись к Чампе, остановился в Чампе на берегу лotosового пруда Гаггара. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожакий людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему“». И вот брахманы-домоправители из Чампы, собравшись толпами и оставив Чампу, приблизились к лotosовому пруду Гаггара.

3. И в это самое время брахман Сонаданда отправился для дневного отдыха на верхнюю террасу [своего дома]. И брахман Сонаданда увидел, как брахманы-домоправители из Чампы, собравшись толпами и оставив Чампу, приблизились к лotosовому пруду Гаггара. Видя [это], он обратился к стражнику: — «Почему это, почтенный стражник, брахманы-домоправители из Чампы, собравшись толпами и оставив Чампу, приблизились к лotosовому пруду Гаггара?»

«Есть странствующий отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев. Двигаясь по Анге с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, и, приблизившись к Чампе, он остановился в Чампе на берегу лotosового пруда Гаггара. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный,

архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастли-
вый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель
богов и людей, Будда, Благостный“. Они приблизились, чтобы увидеть этого Бла-
гостного Готаму».

«Тогда, почтенный стражник, приблизься к брахманам-домоправителям из
Чампы, скажи так: „Брахман Сонаданда говорит так: ‘Пусть досточтимые подождут.
Брахман Сонаданда тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Гота-
му’“».

«Хорошо, почтенный», — согласился этот стражник с брахманом Сонадан-
дой, приблизился к брахманам-домоправителям из Чампы и, приблизившись к
брахманам-домоправителям из Чампы, сказал так:

«Почтенные, Брахман Сонаданда говорит так: „Пусть досточтимые подождут.
Брахман Сонаданда тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму“».

4. И в это самое время пятьсот брахманов из разных стран находились в Чам-
пе по некоторому делу. И те брахманы услышали: «Ведь брахман Сонаданда
приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму». И тогда те брахманы прибли-
зились к брахману Сонаданде и, приблизившись к брахману Сонаданде, сказали
так:

«Правда ли, что досточтимый Сонаданда приблизится, чтобы увидеть от-
шельника Готаму?»

«Таково мое намерение, почтенные. Я тоже приближусь, чтобы увидеть от-
шельника Готаму».

«Пусть досточтимый Сонаданда не приближается, чтобы увидеть отшельника
Готаму. Досточтимый Сонаданда не должен приближаться, чтобы увидеть от-
шельника Готаму. Если досточтимый Сонаданда приблизится, чтобы увидеть
отшельника Готаму, то уменьшится слава досточтимого Сонаданды и возрастет
слава отшельника Готама. А раз уменьшится слава досточтимого Сонаданды
и возрастет слава отшельника Готама, то по этой причине не досточтимый Сона-
данда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник
Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду».

5. Ведь досточтимый Сонаданда благороден с обеих сторон — и по матери,
и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан,
безупречного происхождения. А раз досточтимый Сонаданда благороден с обеих
сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколе-
ния предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не
досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Гота-
му, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого
Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда богат, состоятелен, обладает большим
имуществом. А раз досточтимый Сонаданда богат, состоятелен, обладает боль-
шим имуществом, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен при-
близиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен
приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сона-
данда начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах

вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека. А раз досточтимый Сонаданда начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. А раз досточтимый Сонаданда прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью. А раз досточтимый Сонаданда нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу. А раз досточтимый Сонаданда обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда — наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши из разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Сонаданде, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты. А раз досточтимый Сонаданда — наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши из разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Сонаданде, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует. А раз досточтимый Сонаданда стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует, то по этой причине не досточтимый Сонаданда

должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары. А раз досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз досточтимый Сонаданда пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду. Ведь досточтимый Сонаданда обитает в Чампе — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара. А раз досточтимый Сонаданда обитает в Чампе — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара, то по этой причине не досточтимый Сонаданда должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Сонаданду».

6. Когда так было сказано, брахман Сонаданда сказал тем брахманам:

— «Выслушайте же меня, почтенные, почему именно мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама, но не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас. Ведь отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь досточтимый Готама, почтенные, странствует, оставив много золота и денег, — и скрытых под землей, и находящихся на поверхности [земли]. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив много золота и денег, — и скрытых под землей, и находящихся на поверхности [земли], — то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный,

оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, сбрав волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, сбрав волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. А раз отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью. А раз отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу. А раз отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользу, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, — наставник многих наставников. А раз отшельник Готама, почтенные, — наставник многих наставников, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, уничтожил [в себе] чувственную страсть, освободился от непостоянства. А раз отшельник Готама, почтенные, уничтожил [в себе] чувственную страсть, освободился от непостоянства, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, проповедует [значимость] кармы, проповедует [значимость] действия, безупречно чтит род брахманов. А раз отшельник Готама, почтенные, проповедует [значимость] кармы, проповедует [значимость] действия, безупречно чтит род брахманов, то по этой при-

чине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем как к прибежищу многие тысячи божеств. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем как к прибежищу многие тысячи божеств, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“. А раз об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека. А раз отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, говорит [каждому]: „Подойди, добро пожаловать!“, добр в речах, дружелюбен, не хмурит брови, говорит ясно, охотно беседует. А раз отшельник Готама, почтенные, говорит [каждому]: „Подойди, добро пожаловать!“, добр в речах, дружелюбен, не хмурит брови, говорит ясно, охотно беседует, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением четырех видов [людей]. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением,

почетом, преклонением четырех видов [людей], то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди. А раз отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке злые духи не приносят вреда людям. А раз в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке злые духи не приносят вреда людям, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу [последователей], возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих школ, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью. А раз отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу [последователей], возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих школ, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные,

пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Чампе, остановился в Чампе на берегу лotosового пруда Гаггара. Те отшельники или брахманы, которые вступают в пределы нашего селения, — наши гости. Гости же должны пользоваться у нас вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением. А раз отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Чампе, остановился в Чампе на берегу лotosового пруда Гаггара, и отшельник Готама — наш гость, гости же должны пользоваться у нас вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Таковы, почтенные, известные мне преимущества досточтимого Готама, но преимущества досточтимого Готама даже не таковы, ибо преимущества досточтимого Готама неизмеримы).

7. Когда так было сказано, то брахманы сказали брахману Сонаданде: «Досточтимый Сонаданда так говорит о преимуществах отшельника Готама, что даже если бы этот досточтимый Готама остановился в ста йоджанах, верующий из славного семейства, даже [неся] котомку с едой, должен был бы приблизиться, чтобы увидеть его. Поэтому, почтенный, мы все приблизимся, чтобы увидеть отшельника Готама».

И вот брахман Сонаданда с большой толпой брахманов приблизился к лotosовому пруду Гаггара.

8. И вот у брахмана Сонаданды, когда он проходил через густую рощу, возникло в уме такое размышление: «Если я задам вопрос отшельнику Готаме, а отшельник Готама скажет мне на это: „Не так, брахман, следует задавать этот вопрос — вот как, брахман, следует задавать этот вопрос“, — то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением [и подумают]: „Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он неспособен правильно задать вопрос отшельнику Готаме“. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобрета-

ются славой. Или если отшельник Готама задаст мне вопрос, а я ответом на вопрос не удовлетворю его сердце, и отшельник Готама скажет мне на это: „Не так, брахман, следует отвечать на этот вопрос — вот как, брахман, следует отвечать на этот вопрос“ — то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением [и подумают]: „Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он неспособен удовлетворить ответом на вопрос сердце отшельника Готамы“. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Если же я, подойдя так близко, поверну назад, не увидев отшельника Готаму, то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением [и подумают]: „Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он погряз в гордости, [но] труслив и не отваживается даже приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму. Как это он может, подойдя так близко, повернуть назад, не увидев отшельника Готаму?“ К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой».

9. И вот брахман Сонаданда приблизился к Благостному. Приблизившись, он обменялся с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И некоторые из брахманов-домохозяев Чампы, приветствовав Благостного, сели в стороне; некоторые, обменявшись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием, сели в стороне; некоторые, со сложенными ладонями поклонившись Благостному, сели в стороне; некоторые назвав [свое] имя и род, сели в стороне; некоторые, оставаясь безмолвными, сели в стороне.

10. Но и тогда, усевшись, брахман Сонаданда [продолжал] пребывать в размышлении: «Если я задам вопрос отшельнику Готаме, а отшельник Готама скажет мне на это: „Не так, брахман, следует задавать этот вопрос — вот как, брахман, следует задавать этот вопрос“, — то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением [и подумают]: „Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он неспособен правильно задать вопрос отшельнику Готаме“. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Или если отшельник Готама задаст мне вопрос, а я ответом на вопрос не удовлетворю его сердце, и отшельник Готама скажет мне на это: „Не так, брахман, следует отвечать на этот вопрос — вот как, брахман, следует отвечать на этот вопрос“ — то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением [и подумают]: „Глуп брахман Сонаданда и неопытен, он неспособен удовлетворить ответом на вопрос сердце отшельника Готамы“. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. О, если бы отшельник Готама задал мне вопрос моих наставников о тройном знании! Тогда я несомненно удовлетворил бы его сердце ответом на вопрос».

11. И вот Благостный, видя умом, о чем размышляет в уме брахман Сонаданда, сказал себе так: «Этот брахман Сонаданда обеспокоен в своем сердце. Поэто-

му я задам сейчас брахману Сонаданде вопрос его наставников о тройном знании».

И вот Благостный сказал брахману Сонаданде: «Сколькими признаками должен быть наделен брахман, чтобы брахманы признали его брахманом и чтобы, говоря „я — брахман“, он сказал правду и не повел лживой речи?»

12. Тогда брахман Сонаданда сказал себе так: «Ведь чего я хотел, чего желал, к чему стремился, чего просил, [думая]: „О, если бы отшельник Готама задал мне вопрос моих наставников о тройном знании! Тогда я несомненно удовлетворил бы его сердце ответом на вопрос“ — о том мне теперь и задает вопрос отшельник Готама — [вопрос] моих наставников о тройном знании. Я несомненно удовлетворю его сердце ответом на вопрос».

13. И вот брахман Сонаданда выпрямил тело, оглядел окружающих и сказал Благостному: «Почтенный Готама, наделенного пятью признаками брахманы признают брахманом, и, говоря „я — брахман“, он говорит правду и не ведет лживой речи. Каковы же пять [признаков]? Итак, почтенный, брахман благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. Он начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделению слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаке [на теле] великого человека. Он прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. Он нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью. Он мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку. Наделенного этими пятью признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря „я — брахман“, он говорит правду и не ведет лживой речи».

14. «Можно ли от этих пяти признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного четырьмя признаками признали брахманом и чтобы, говоря „я — брахман“, он сказал правду и не повел лживой речи?»

«Можно, почтенный Готама. Отнимем, почтенный Готама, от этих пяти признаков [внешнюю] красоту. Ибо что значит красота? Ведь когда брахман почтенный, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, и начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделению слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаке [на теле] великого человека, и нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими четырьмя признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря „я — брахман“, он говорит правду и не ведет лживой речи».

15. «Можно ли от этих четырех признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного тремя признаками признали брахманом и чтобы, говоря „я — брахман“, он сказал правду и не повел лживой речи?»

«Можно, почтенный Готама. Отнимем, почтенный Готама, от этих четырех признаков священные тексты. Ибо что значит священные тексты? Ведь когда брахман, почтенный, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, и нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими тремя признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря „я — брахман“, он говорит правду и не ведет лживой речи».

16. «Можно ли от этих трех признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного двумя признаками признали брахманом и чтобы, говоря „я — брахман“, он сказал правду и не повел лживой речи».

«Можно, почтенный Готама. Отнимем, почтенный Готама, от этих трех признаков происхождение. Ибо что значит происхождение? Ведь когда брахман, почтенный, нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими двумя признаками, почтенный Готама, брахманы признают брахманом, и, говоря „я — брахман“, он говорит правду и не ведет лживой речи».

17. Когда так было сказано, те брахманы сказали брахману Сонаданде:

«Не говори так, досточтимый Сонаданда, не говори так, досточтимый Сонаданда! Ведь раз досточтимый Сонаданда отвергает красоту, отвергает священные тексты, отвергает происхождение, то, несомненно, досточтимый Сонаданда присоединяется к учению отшельника Готама».

18. И тогда Благодный сказал тем брахманам: «Если вы, брахманы, считаете: „И мало учен брахман Сонаданда, и неискусен в речах брахман Сонаданда, и слаб разумом брахман Сонаданда, и неспособен брахман Сонаданда ответить отшельнику Готаме на эту речь“, — то пусть брахман Сонаданда остается в покое, а вы обсуждайте со мной [эту речь]. Если же вы, брахманы считаете: „И весьма учен брахман Сонаданда, и искусен в речах брахман Сонаданда, и мудр брахман Сонаданда, и способен брахман Сонаданда отвечать отшельнику Готаме на эту речь“, — то вы оставайтесь в покое, а брахман Сонаданда пусть обсуждает со мной [эту речь]».

19. Когда так было сказано брахман Сонаданда сказал Благодному: «Оставься в покое, досточтимый Готама! Пребывай в безмолвии, досточтимый Готама! Я сам дам им должный ответ».

И тогда брахман Сонаданда сказал тем брахманам: «Не говорите так, досточтимые, не говорите так, досточтимые: „Ведь раз досточтимый Сонаданда отвергает красоту, отвергает священные тексты, отвергает происхождение, то, несомненно, досточтимый Сонаданда присоединяется к учению отшельника Готама“».

Я не отвергаю, почтенные, ни красоты, ни священных текстов, ни происхождения».

20. И в это самое время юноша по имени Ангака, сын сестры брахмана Сонаданды, уселся среди окружающих его. И тогда брахман Сонаданда сказал тем брахманам: «Видите ли вы, досточтимые, этого юношу Ангаку, сына нашей сестры?»

«Да, почтенный».

«Вот юноша Ангака, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, и нет в этом окружении равного ему по красоте, за исключением отшельника Готама. Вот юноша Ангака, почтенные, начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделении слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека. Я сам учил его священным текстам. Вот юноша Ангака, почтенные, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. Я сам знаю его мать и отца. Но если бы юноша Ангака, почтенные, убивал живых существ, брал то, что [ему] не отдано, ходил к чужой жене, говорил ложь, пил хмельное, то что пользы было бы ему от красоты, от священных текстов, от происхождения? Ведь, когда брахман, почтенные, нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью и мудр, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, то наделенного этими двумя признаками, почтенные, брахманы признают брахманом, и, говоря: „я — брахман“, он говорит правду и не ведет лживой речи».

21. «Можно ли от этих двух признаков, брахман, отнять один признак так, чтобы наделенного одним признаком признали брахманом и чтобы, говоря „я — брахман“, он сказал правду и не повел лживой речи?»

«Нет, почтенный Готама. Ведь постижение, почтенный Готама, очищается нравственностью, нравственность очищается постижением; где нравственность, там и постижение, где постижение, там и нравственность; у нравственного — постижение, у постигающего — нравственность; нравственность и постижение считаются лучшими в мире. И подобно тому, почтенный Готама, как рукой моют руку или ногой моют ногу, так же точно, почтенный Готама, и постижение очищается нравственностью, нравственность очищается постижением; где нравственность, там и постижение, где постижение, там и нравственность; у нравственного — постижение, у постигающего — нравственность; нравственность и постижение считаются лучшими в мире».

22. «Это так, брахман. Ведь постижение, брахман, очищается нравственностью, нравственность очищается постижением; где нравственность, там и постижение, где постижение, там и нравственность; у нравственного — постижение, у постигающего — нравственность; нравственность и постижение считаются лучшими в мире. Какова же, брахман, эта нравственность, каково это постижение?»

«Лишь то, [что уже сказано, знаем] мы, почтенный Готама, о смысле этого. Пусть досточтимый Готама соизволит разъяснить смысл этих слов».

23. «В таком случае, брахман, слушай тщательно и внимай [тому, что] я скажу».

«Хорошо, почтенный», — согласился с Благостным брахман Сонаданда.

Благостный сказал так:

«Вот, брахман, в мир приходит Татхагата <...= II.40–63...>². Таким, брахман, бывает монах, наделенный нравственностью. Такова, брахман, эта нравственность».

Как же, брахман, монах охраняет врата жизненных способностей <...= II.64–75...> он достигает первой ступени созерцания <...= II.75–81...>, достигает четвертой ступени созерцания <...= II.81–83...>, он направляет и обращает ум к совершенному видению <...>. Это и есть часть его постижения <...= II.83–98...> он постигает: <...> „нет ничего вслед за этим состоянием“. Это и есть часть его постижения. Таково, брахман, это постижение».

24. Когда так было сказано, брахман Сонаданда сказал Благостному: «Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот я иду как к прибежищу к Благостному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище. Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится [принять] у меня завтра утром пищу».

И Благостный безмолвно согласился. Тогда брахман Сонаданда, узнав о согласии Благостного, поднялся с сиденья, приветствовал Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалился. И когда прошла эта ночь, брахман Сонаданда, приказав приготовить в своем доме изысканную твердую пищу и мягкую пищу, сообщил Благостному о времени: «[Пришло] время, почтенный Готама, пища готова».

25. И тогда Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к дому брахмана Сонаданды и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда брахман Сонаданда своей рукой угостил и насытил толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и мягкой пищей. Когда Благостный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Сонаданда выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И, сидя в стороне, брахман Сонаданда сказал Благостному:

26. «Если, находясь в [своем] окружении, почтенный Готама, я поднимусь с сиденья и приветствую Благостного Готаму, то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Поэтому, если, находясь в [сво-

² См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. комментарий.

ем] окружении, почтенный Готама, я протяну сложенные ладони, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я поднялся с сиденья. И, если, находясь в [своем] окружении, почтенный Готама, я сниму головную повязку, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я совершаю приветствие головой. Если, находясь в повязке, почтенный Готама, я спущусь с повозки и приветствую Благостного Готаму, то из-за этого окружающие отнесутся ко мне с презрением. К кому же окружающие отнесутся с презрением, у того уменьшится слава; у кого же уменьшится слава, у того уменьшатся богатства, ибо богатства у нас приобретаются славой. Поэтому, если, находясь в повозке, почтенный Готама, я протяну вверх стрекало, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я спускаюсь с повозки. И если, находясь в повозке, почтенный Готама, я опущу руку, то пусть досточтимый Готама сочтет, что я совершаю приветствие головой».

27. И тогда Благостный, наставив, побудив, воодушевив, порадовав брахмана Сонаданду добродетельной беседой, поднялся с сиденья и удалился.

Окончена четвертая «Сонаданда-сутта».

V. «Кутаданта-сутта» («Сутта о Кутаданте»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный, двигаясь по Магадхе с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибыл в брахманскую деревню под названием Кханумата в Магадхе. И там в Кханумате Благостный остановился в Амбалаттхике. И в это время брахман Кутаданта обитал в Кханумате — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара. И в это самое время у брахмана Кутаданты было приготовлено большое жертвоприношение. Семь сотен быков, и семь сотен тельцов, и семь сотен телок, и семь сотен коз, и семь сотен баранов были приведены к жертвенному столбу для жертвоприношения.

2. И брахманы-домоправители из Кхануматы услышали: «Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Магадхе с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, приблизившись к Кханумате, остановился в Кханумате, в Амбалаттхике. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожакий людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему“». И вот брахманы-домоправители из Кхануматы, собравшись толпами и оставив Кханумату, приблизились к Амбалаттхике.

3. И в это самое время брахман Кутаданта отправился для дневного отдыха на верхнюю террасу [своего дома]. И брахман Кутаданта увидел, как брахманы-домоправители из Кхануматы, собравшись толпами и оставив Кханумату, приблизились к Амбалаттхике. Видя [это], он обратился к стражнику:

«Почему это, почтенный стражник, брахманы-домоправители из Кхануматы, собравшись толпами и оставив Кханумату, приблизились к Амбалаттхике?»

«Есть, почтенный, странствующий отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев. Двигаясь по Магадхе с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, и, приблизившись к Кханумате, он остановился в Кханумате, в Амбалаттхике. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливейший, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“. Они приблизились, чтобы увидеть этого Благостного Готаму».

4. И брахман Кутаданта сказал себе так: «Ведь я слышал: „Отшельник Готама знает [правило] о тройном успешном совершении жертвоприношения и его шестнадцати принадлежностях“. Я же не знаю о тройном успешном совершении жертвоприношения и его шестнадцати принадлежностях и желаю совершить великое жертвоприношение. Что, если я приближусь к отшельнику Готаме и спрошу его о тройном успешном совершении жертвоприношения и его шестнадцати принадлежностях?»

И брахман Кутаданта обратился к этому страннику: «Тогда, почтенный стражник, приблизься к брахманам-домоправителям из Кхануматы и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Кхануматы, скажи так: „Почтенные, брахман Кутаданта говорит так: ‘Пусть досточтимые подождут. Брахман Кутаданта тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму’“».

«Хорошо, почтенный», — согласился этот стражник с брахманом Кутадантой, приблизился брахманам-домоправителям из Кхануматы и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Кхануматы, сказал так: «Почтенные, брахман Кутаданта говорит так: „Пусть досточтимые подождут. Брахман Кутаданта тоже приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму“».

5. И в это самое время многие сотни брахманов находились в Кханумате [с мыслью]: «Мы будем участвовать в великом жертвоприношении брахмана Кутаданты». И те брахманы услышали: «Ведь брахман Кутаданта приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму». И тогда те брахманы приблизились к брахману Кутаданте и, приблизившись к брахману Кутаданте, сказали так:

«Правда ли, что досточтимый Кутаданта приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму?»

«Таково мое намерение, почтенные. Я тоже приближусь, чтобы увидеть отшельника Готаму».

6. «Пусть досточтимый Кутаданта не приближается, чтобы увидеть отшельника Готаму. Досточтимый Кутаданта не должен приближаться, чтобы увидеть отшельника Готаму. Если досточтимый Кутаданта приблизится, чтобы увидеть отшельника Готаму, то уменьшится слава досточтимого Кутаданты и возрастет слава отшельника Готама. А раз уменьшится слава досточтимого Кутаданты и возрастет слава отшельника Готама, то по этой причине досточтимый Кутаданта не должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готаму, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из

чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз досточтимый Кутаданта благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта богат, состоятелен, обладает большим имуществом. А раз досточтимый Кутаданта богат, состоятелен, обладает большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека. А раз досточтимый Кутаданта начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. А раз досточтимый Кутаданта прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью. А раз досточтимый Кутаданта нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользе. А раз досточтимый Кутаданта обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безупречно текущей, наставляющей в пользе, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта — наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши из разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Кутаданте, стремясь

к священным текстам, желая изучать священные тексты. А раз досточтимый Кутаданта — наставник многих наставников, обучает три сотни юношей священным текстам, и многие юноши из разных стран света, из разных земель приходят к досточтимому Кутаданте, стремясь к священным текстам, желая изучать священные тексты, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует. А раз досточтимый Кутаданта стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок, отшельник же Готама и молод, и лишь недавно странствует, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары. А раз досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту. Ведь досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз досточтимый Кутаданта пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданта. Ведь досточтимый Кутаданта обитает в Кханумате — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара. А раз досточтимый Кутаданта обитает в Кханумате — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Магадхи Сенией Бимбисарой в полное владение в качестве царского дара, то по этой причине не досточтимый Кутаданта должен приблизиться, чтобы увидеть отшельника Готама, но отшельник Готама должен приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Кутаданту».

7. Когда так было сказано, брахман Кутаданта сказал тем брахманам:

«Выслушайте же меня, почтенные, почему именно мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама, но не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас. Ведь отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения. А раз отшельник Готама, почтенные, благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизить-

ся, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив большую общину родичей, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь досточтимый Готама, почтенные, странствует, оставив много золота и денег, — и скрытых под землей, и находящихся на поверхности [земли]. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, оставив много золота и денег, — и скрытых под землей, и находящихся на поверхности [земли], — то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом еще молодым, совсем черноволосым, наделенным счастливой юностью, в ранние годы, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, сбрав волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует бездомный, оставив дом, сбрав волосы и бороду и надев желтые одеяния, хотя мать и отец не желали этого, плакали, и лица их были в слезах, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. А раз отшельник Готама, почтенные, прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью. А раз отшельник Готама, почтенные, нравственен, благородной нравственности, должной нравственности, наделен должной нравственностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безусловно текущей, наставляющей в пользу. А раз отшельник Готама, почтенные, обладает прекрасной речью, ведет прекрасные речи, наделен учтивой речью, ясной, безусловно текущей, наставляющей в пользу, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готама. Ведь отшельник Готама, почтен-

ные, — наставник многих наставников. А раз отшельник Готама, почтенные, — наставник многих наставников, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, уничтожил [в себе] чувственную страсть, освободился от непостоянства. А раз отшельник Готама, почтенные, уничтожил [в себе] чувственную страсть, освободился от непостоянства, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, проповедует [значимость] кармы, проповедует [значимость] действия, безусловно чтит род брахманов. А раз отшельник Готама, почтенные, проповедует [значимость] кармы, проповедует [значимость] действия, безусловно чтит род брахманов, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из высокого семейства, из исконного семейства кшатриев, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом. А раз отшельник Готама, почтенные, странствует, будучи из богатого семейства, обладающего большим достатком, большим имуществом, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, приходят с вопросами из других стран, из других земель, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем как к прибежищу многие тысячи божеств. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идут всем сердцем как к прибежищу многие тысячи божеств, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“. А раз об отшельнике Готаме, почтенные, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“, — то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека.

А раз отшельник Готама, почтенные, наделен тридцатью двумя знаками великого человека, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, говорит [каждому]: „Подойди, добро пожаловать!“, добр в речах, дружелюбен, не хмурит брови, говорит ясно, охотно беседует. А раз отшельник Готама, почтенные, говорит [каждому]: „Подойди, добро пожаловать!“, добр в речах, дружелюбен, не хмурит брови, говорит ясно, охотно беседует, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением четырех видов [людей]. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением четырех видов [людей], то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди. А раз отшельнику Готаме, почтенные, преданы многие боги и люди, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке злые духи не приносят вреда людям. А раз в каком бы селении или торговом поселке, почтенные, ни находился отшельник Готама, в том селении или торговом поселке злые духи не приносят вреда людям, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу [последователей], возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих школ, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью. А раз отшельник Готама, почтенные, возглавляя толпу [последователей], возглавляя общину, будучи наставником общины, превосходит основателей прочих школ, и в то время, почтенные, как некоторые отшельники и брахманы достигли славы теми или иными путями, отшельник Готама достиг славы не так, отшельник Готама достиг славы благодаря несравненному обладанию знанием и праведностью, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Магадхи Сеня Бимбисара вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме,

почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу царь Косалы Пасенади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными. А раз к отшельнику Готаме, почтенные, идет всем сердцем как к прибежищу брахман Поккхарасади вместе с детьми, женами, окружением, приближенными, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Магадхи Сении Бимбисары, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением царя Косалы Пасенади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади. А раз отшельник Готама, почтенные, пользуется вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением брахмана Поккхарасади, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Ведь отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Кханумате, остановился в Кханумате, в Амбалаттхике. Те отшельники или брахманы, которые вступают в пределы нашего селения, — наши гости. Гости же должны пользоваться у нас вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением. А раз отшельник Готама, почтенные, приблизившись к Кханумате, остановился в Кханумате, в Амбалаттхике, и отшельник Готама — наш гость, гости же должны пользоваться у нас вниманием, заботой, уважением, почетом, преклонением, то по этой причине не досточтимый Готама должен приблизиться, чтобы увидеть нас, но мы должны приблизиться, чтобы увидеть досточтимого Готаму. Таковы, почтенные, известные мне преимущества досточтимого Готамы, но преимущества досточтимого Готамы даже не таковы, ибо преимущества досточтимого Готамы неизмеримы».

8. Когда так было сказано, те брахманы сказали брахману Кутаданте: «Досточтимый Кутаданта так говорит о преимуществах отшельника Готамы, что, даже если бы этот досточтимый Готама остановился в ста йоджанах, верующий из славного семейства, даже [неся] котомку с едой, должен был бы приблизиться,

чтобы увидеть его. Поэтому, почтенный, мы все приблизимся, чтобы увидеть отшельника Готама».

И вот брахман Кутаданта с большой толпой брахманов приблизился к Амбалаттхике, к Благостному. Приблизившись, он обменялся с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И некоторые из брахманов-домохозяев Кхануматы, приветствовав Благостного, сели в стороне, некоторые, обменявшись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием, сели в стороне; некоторые, со сложенными ладонями поклонившись Благостному, сели в стороне; некоторые, назвав [свое] имя и род, сели в стороне; некоторые, оставаясь безмолвными, сели в стороне.

9. И, сидя в стороне, брахман Кутаданта сказал Благостному: «Я слышал, почтенный Готама: „Отшельник Готама знает [правило] о тройном успешном совершении жертвоприношения и шестнадцати [его] принадлежностях“. Я же не знаю о тройном успешном совершении жертвоприношения и шестнадцати его принадлежностях и желаю совершить жертвоприношение. Да соблаговолит досточтимый Готама указать мне тройное успешное совершение жертвоприношения и шестнадцать его принадлежностей».

«В таком случае, брахман, слушай тщательно и внимай [тому, что] я скажу».

«Хорошо, почтенный», — согласился с Благостным брахман Кутаданта. Благостный сказал так:

10. «Когда-то давно, брахман, жил царь по имени Махавиджита, богатый, состоятельный, обладающий большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей. И вот, брахман, у царя Махавиджиты, уединившегося и предавшегося размышлению, возникло в уме такое рассуждение: „Я в изобилии наделен людским достатком и живу, подчинив себе великий земной круг. Теперь я мог бы принести жертвоприношение, чтобы оно на долгое время послужило мне к благополучию и счастью“. И вот, брахман, царь Махавиджита, позвав за царским жрецом-брахманом, сказал так: „Вот, брахман, у меня, уединившегося и предавшегося размышлению, возникло в уме такое рассуждение: ‘Я в изобилии наделен людским достатком и живу, подчинив себе великий земной круг. Теперь я мог бы совершить великое жертвоприношение, чтобы оно на долгое время послужило мне к благополучию и счастью’. Я хочу, брахман, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимый наставит меня, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью“».

11. Когда, брахман, так было сказано, царский жрец-брахман сказал царю Махавиджите: „Страна досточтимого царя испытывает тревогу и гнет. Встречаются грабители селений, встречаются грабители торговых поселков, встречаются грабители городов, встречаются разбойники на дорогах. И если досточтимый царь станет повышать подати в стране, испытывающей тревогу и гнет, тем самым досточтимый царь сделает то, чего не следует делать. Может быть досточтимый царь скажет себе так: ‘Я прекращу этот вражеский разбой, убив, заточив, лишив

имущества, опозорив, отправив в изгнание [виновных]’. Но этот вражеский разбой не будет таким образом полностью искоренен. Те, кто останутся в живых, будут впоследствии приносить вред стране царя. Лишь благодаря вот какому средству этот вражеский разбой будет полностью искоренен. Тем, досточтимый царь, которые в стране досточтимого царя занимаются земледелием и скотоводством, пусть досточтимый царь доставит зерно и пропитание; тем, которые в стране досточтимого царя занимаются торговлей, пусть досточтимый царь доставит денежные средства; тех, которые в стране досточтимого царя занимаются царской службой, пусть досточтимый царь снабдит пропитанием и платой. Тогда эти люди, следуя своим занятиям, не будут приносить вреда стране царя; у царя возникнет великий доход, умиротворенная страна избавится от тревоги и гнета, и радостные люди, радуясь, танцуя с детьми на руках, поистине, будут жить, не запирая домов“.

„Хорошо, почтенный“, — согласился с царским жрецом-брахманом царь Махавиджита. И вот, брахман, тем, которые в стране царя занимались земледелием и скотоводством, досточтимый царь Махавиджита доставил зерно и пропитание; тем, которые в стране царя занимались торговлей, царь Махавиджита доставил денежные средства; тех, которые в стране царя занимались царской службой, царь Махавиджита снабдил пропитанием и платой. Тогда эти люди, следуя своим занятиям, не стали приносить вреда стране царя; у царя возник великий доход, умиротворенная страна избавилась от тревоги и гнета, и радостные люди, радуясь, танцуя с детьми на руках, поистине, стали жить, не запирая домов.

12. И тогда, брахман, царь Махавиджита, позвав за царским жрецом-брахманом, сказал так: „Вот, почтенный, прекращен вражеский разбой; благодаря средству досточтимого, у меня великий доход, умиротворенная страна избавилась от тревоги и гнета, и радостные люди, радуясь, танцуя с детьми на руках, поистине, стали жить, не запирая домов. Я хочу, брахман, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимый наставит меня, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью“.

„Тогда, досточтимый царь, пусть досточтимый царь обратится к зависимым [от него] кшатриям — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: ‘Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью’. Пусть досточтимый царь обратится к приближенным и советникам — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: ‘Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью’. Пусть досточтимый царь обратится к богатым брахманам — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: ‘Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью’. Пусть досточтимый царь обратится к домоправителям — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: ‘Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же

достоचितимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью”“.

„Хорошо, почтенный“, — согласился с царским жрецом-брахманом царь Махавиджита. И вот царь Махавиджита обратился к зависимым от него кшатриям — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: „Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью“. — „Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время [благоприятно] для жертвоприношения, великий царь!“

И царь Махавиджита обратился к приближенным и советникам — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: „Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью“. — „Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время [благоприятно] для жертвоприношения, великий царь!“

И царь Махавиджита обратился к богатым брахманам — горожанам и деревенским жителям — в стране досточтимого царя: „Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью“. — „Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время [благоприятно] для жертвоприношения, великий царь!“

И царь Махавиджита обратился к домоправителям — горожанам и деревенским жителям — в стране царя: „Я хочу, почтенные, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимые дадут согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью“. — „Пусть досточтимый царь совершает жертвоприношение. Время [благоприятно] для жертвоприношения, великий царь!“

Так эти четыре группы согласившихся являются принадлежностями этого жертвоприношения.

13. Царь Махавиджита был наделен восемью признаками: Благородный с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанный, безупречного происхождения. Прекрасный, приятный на глаз, доставляющий отраду, наделенный высшей красотой телосложения, превосходный, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор. Богатый, состоятельный, обладающий большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей. Могущественный, наделенный четырехчастным войском — послушным и исполнительным, — поистине, сжигающий недругов [своей] славой. Верующий, подающий, щедрый даятель, держащий двери открытыми, источник насыщения отшельников, брахманов, бедных путников, бродяг, просителей, совершающий заслуги. Весьма ученый во всех обрастях знания. Знающий смысл каждого слова [и объясняющий]: „Вот смысл этого слова, вот смысл того слова“. Мудрый, ясный в суждениях, разумный, сведущий, способный мыслить о прошедшем, будущем и настоящем. — Этими восемью при-

знаками был наделен царь Махавиджита. И эти восемь признаков являются принадлежностями этого жертвоприношения.

14. Царский жрец-брахман был наделен четырьмя признаками: Благородный с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанный, безупречного происхождения. Начитанный, сведущий в священных текстах, достигший совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеющий разбирать слово за словом, знающий грамматику, постигший рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека. Нравственный, высокой нравственности, наделенный высокой нравственностью. Мудрый, ясный в суждениях, разумный, первый или второй среди протягивающих жертвенную ложку. — Этими четырьмя признаками был наделен царский жрец-брахман. И эти четыре признака являются принадлежностями этого жертвоприношения.

15. И вот, брахман, царский жрец-брахман указал царю Махавиджите перед жертвоприношением тройное [успешное совершение жертвоприношения]: „Может быть, у досточтимого царя, желающего совершить великое жертвоприношение, возникнет такого рода сожаление: ‘Увы, у меня уйдет [на это] великое богатство’, — так досточтимому царю не следует испытывать этого сожаления. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, возникнет такого рода сожаление: ‘Увы, у меня уходит [на это] великое богатство’, — так досточтимому царю не следует испытывать этого сожаления. Может быть, у досточтимого царя, совершившего великое жертвоприношение, возникнет такого рода сожаление: ‘Увы, у меня ушло [на это] великое богатство’, — так досточтимому царю не следует испытывать этого сожаления“.

Так, брахман, это тройное [успешное совершение жертвоприношения] указал царю Махавиджите царский жрец-брахман перед жертвоприношением.

16. И вот, брахман, царский жрец-брахман [посоветовал] царю Махавиджите перед жертвоприношением устранить сожаление от десяти видов [людей], получающих [долю в жертвоприношении]: „К жертвоприношению досточтимого придут убивающие живых существ и отказывающиеся убивать живых существ. Те, кто убивают здесь живых существ, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказывается здесь убивать живых существ, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут берущие то, что не дано, и отказывающиеся брать то, что не дано. Те, кто берут здесь то, что им не дано, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказываются здесь брать то, что не дано, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут следующие ложным [путем] чувственных удовольствий и отказывающиеся следовать ложным [путем] чувственных удовольствий. Те, кто следуют здесь ложным [путем] чувственных удовольствий, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказываются следовать здесь ложным [путем] чувственных удовольствий, пусть

досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие лживые речи и отказывающиеся вести лживые речи. Те, кто ведут здесь лживые речи, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказываются вести здесь лживые речи, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие клеветнические речи и отказывающиеся вести клеветнические речи. Те, кто ведут здесь клеветнические речи, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказываются вести здесь клеветнические речи, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие грубые речи и отказывающиеся вести грубые речи. Те, кто ведут здесь грубые речи, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказываются вести здесь грубые речи, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут ведущие легкомысленную болтовню и отказывающиеся вести легкомысленную болтовню. Те, кто ведут здесь легкомысленную болтовню, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто отказываются вести здесь легкомысленную болтовню, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут алчные и неалчные. Те, кто здесь алчны, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто здесь неалчны, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут недоброжелательные и доброжелательные. Те, кто здесь недоброжелательны, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто здесь доброжелательны, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами. К жертвоприношению досточтимого придут [разделяющие] ложные воззрения и [разделяющие] правильные воззрения. Те, кто [разделяют] здесь ложные воззрения, пусть с тем [и остаются]; для тех же, кто [разделяют] здесь правильные воззрения, пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется [им], пусть досточтимый будет милостив [к ним] внутренними помыслами“. — Так, брахман, от этих десяти видов [людей], получающих долю в жертвоприношении, посоветовал царю устранить сожаление царский жрец-брахман перед жертвоприношением.

17. И вот, брахман, царский жрец-брахман наставил, побудил, воодушевил, порадовал шестнадцатью видами [принадлежностей жертвоприношения] сердце царя Махавиджиты, совершающего великое жертвоприношение: „Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: ‘Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не

обратившись [за согласием] к зависимым от него кшатриям — горожанам и деревенским жителям, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь обратился к зависимым от него кшатриям — горожанам и деревенским жителям, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не обратившись к приближенным и советникам — горожанам и деревенским жителям, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь обратился к приближенным и советникам — горожанам и деревенским жителям, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не обратившись к богатым брахманам — горожанам и деревенским жителям, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь обратился к богатым брахманам — горожанам и деревенским жителям, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не обратившись к домоправителям — горожанам и деревенским жителям, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь обратился к домоправителям — горожанам и деревенским жителям, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи благородным с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанным, безупречного происхождения, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего

щего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи прекрасным, приятным для глаз, доставляющим отраду, наделенным высшей красотой телосложения, превосходным, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь прекрасен, приятен для глаз, доставляет отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходит, как Брахма, с телом, как у Брахмы, с обликом, великим на взор, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи богатым, состоятельным, обладающим большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь богат, состоятелен, обладает большим имуществом, обилием золота и серебра, обилием предметов роскоши, обилием богатства и зерна, переполненной сокровищницей и житницей, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи могущественным, наделенным четырехчастным войском — послушным и исполнительным, — поистине, сжигающим недругов [своей] славой, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь могуществен, наделен четырехчастным войском — послушным и исполнительным, — поистине, сжигает недругов [своей] славой, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи верующим, подающим, щедрым даятелем, держащим двери открытыми, источником насыщения отшельников, брахманов, бедных путников, бродяг, просителей, совершающим заслуги, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь — верующий, подающий, щедрый даятель, держащий двери открытыми, источник насыщения отшельников, брахманов, бедных путников, бродяг, просителей, совершающий заслуги, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыс-

лами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи весьма ученым во всех областях знания, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь весьма учен во всех областях знания, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи знающим смысл каждого слова [и объясняющим]: "Вот смысл этого слова, вот смысл того слова", — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь знает смысл каждого слова [и объясняет]: 'Вот смысл этого слова, вот смысл того слова', — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение, — не будучи мудрым, ясным в суждениях, разумным, сведущим, способным мыслить о прошедшем, будущем и настоящем, — досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо досточтимый царь мудр, ясен в суждениях, разумен, сведущ, способен мыслить о прошедшем, будущем и настоящем, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение — его царский жрец-брахман не является благородным с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнанным, безупречного происхождения, — и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя благороден с обеих сторон — и по матери, и по отцу, — из чистого лона вплоть до седьмого поколения предков, незапятнан, безупречного происхождения, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение — его царский жрец-брахман не является начитанным, сведущим в священных текстах, достигшим совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеющим разбирать слово за словом, знающим

грамматику, постигшим рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека, — и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя начитан, сведущ в священных текстах, достиг совершенства в трех ведах вместе с объяснением слов, наставлением в ритуале, [наукой] разделения слогов, с итихасой — в-пятых, умеет разбирать слово за словом, знает грамматику, постиг рассуждения о природе и знаки [на теле] великого человека, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение — его царский жрец-брахман не является нравственным [человеком], высокой нравственности, наделенным высокой нравственностью, — и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя нравственен, высокой нравственности, наделен высокой нравственностью, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'. Может быть, у досточтимого царя, совершающего великое жертвоприношение, кто-нибудь скажет: 'Вот царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение — его царский жрец-брахман не является мудрым, ясным в суждениях, разумным, первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, — и досточтимый царь все же совершает подобным образом великое жертвоприношение'. Говорящий так у досточтимого царя неправ, ибо царский жрец-брахман досточтимого царя мудр, ясен в суждениях, разумен, бывает первым или вторым среди протягивающих жертвенную ложку, — и пусть поэтому досточтимый царь знает: 'Пусть досточтимый совершает жертвоприношение, пусть досточтимый радуется, пусть досточтимый будет милостив внутренними помыслами'".

Так, брахман, этими шестнадцатью видами [принадлежностей жертвоприношения] царский жрец-брахман наставил, побудил, воодушевил сердце царя Махавиджиты, совершающего великое жертвоприношение.

18. И при этом жертвоприношении, брахман, не убивали быков, не убивали коз и овец, не убивали петухов и свиней, не подвергали уничтожению каких-либо живых существ, не срубали деревья для установления жертвенного столба, не срывали даббху для подстилки жертвенной травы, и бывшие там рабы, посланцы, слуги не были побуждаемы палками, не были побуждаемы страхом, не исполняли дел плача, со слезами на лице. Те, кто хотели, трудились; те, кто не хотели, не трудились; трудились над тем, чего хотели, не трудились над тем, чего не хотели. И это жертвоприношение было совершено лишь очищенным маслом, сезамовым маслом, свежим маслом, творогом, мёдом и патокой.

19. И вот, брахман, зависимые кшатрии — горожане и деревенские жители, приближенные и советники — горожане и деревенские жители, богатые брахма-

ны — горожане и деревенские жители, домоправители — горожане и деревенские жители, взяв большое богатство, приблизились к царю Махавиджите и сказали так: „Это большое богатство, Божественный, мы принесли для Божественного, пусть Божественный примет его“.

„Ведь у меня, почтенные, уже собрано большое богатство благодаря справедливой подати. Пусть же это остается у вас, и возьмите отсюда еще сверх [того из моего богатства]“.

И получив отказ царя, они отошли в сторону и стали вместе советоваться: „Не подобает нам, чтобы мы снова отнесли эти богатства в свои дома. Царь Махавиджита совершает великое жертвоприношение — давайте и мы совершим вслед за ним подношение“.

20. И вот, брахман, зависимые кшатрии — горожане и деревенские жители, — установили раздачу подаяний к востоку от ямы для [царского] жертвоприношения; приближенные и советники — горожане и деревенские жители, — установили раздачу подаяний к югу от ямы для жертвоприношения; богатые брахманы — горожане и деревенские жители — установили раздачу подаяний к западу от ямы для жертвоприношений; домоправители — горожане и деревенские жители — установили раздачу подаяний к северу от ямы для жертвоприношений. И при этих жертвоприношениях, брахман, не убивали быков, не убивали коз и овец, не убивали петухов и свиней, не подвергали уничтожению каких-либо живых существ, не срубали деревьев для установления жертвенного столба, не срывали дабху для подстилки жертвенной травы, и бывшие там рабы, посланцы, слуги не были побуждаемы палками, не были побуждаемы страхом, не исполняли дел плача, со слезами на лице. Те, кто хотели, трудились; те, кто не хотели, не трудились; трудились над тем, чего хотели; не трудились над тем, чего не хотели. И эти жертвоприношения были совершены лишь очищенным маслом, сезамовым маслом, свежим маслом, творогом, мёдом и патокой.

Таковы эти четыре группы согласившихся, и царь Махавиджита, наделенный восемью признаками, и царский жрец-брахман, наделенный четырьмя признаками, и тройное [успешное совершение жертвоприношения]. Это, брахман, зовется тройным успешным совершением жертвоприношения и шестнадцатью [его] принадлежностями».

21. Когда так было сказано, те брахманы с криками, громким шумом, великим шумом заговорили: «Вот жертвоприношение! Вот успешное совершение жертвоприношения!» — Брахман же Кутаданта сидел, пребывая в молчании. И тогда те брахманы сказали брахману Кутаданте:

«Почему же досточтимый Кутаданта не высказывает одобрения хорошо сказанному отшельником Готамой, как хорошо сказанному?»

«Неверно, почтенные, что я не высказываю одобрения хорошо сказанному отшельнику Готамой, как хорошо сказанному, — ведь голова развалится у того, кто не станет высказывать одобрения хорошо сказанному отшельнику Готамой, как хорошо сказанному. Но я подумал, почтенные: „Отшельник Готама не сказал: ‘Вот, что я слышал’ или ‘Вот, чему надлежит быть’, но отшельник Готама

сказал лишь: 'Вот, что было тогда, так было тогда'. Поэтому я подумал, почтенные: 'Несомненно, отшельник Готама был в то время царем Махавиджитой, господином жертвоприношения, или царским жрецом-брахманом, совершающим это жертвоприношение'". Испытал ли досточтимый Готама, что совершивший или приказавший совершить подобного рода жертвоприношение с распадом тела после смерти рождается в счастливом небесном мире?)»

«Я испытал, брахман, что совершивший или приказавший совершить подобного рода жертвоприношение с распадом тела после смерти рождается в счастливом небесном мире. Я был в то время царским жрецом-брахманом, совершающим это жертвоприношение».

22. «Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями?»

«Есть, брахман, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями».

«Каково же, почтенный Готама, это жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями?»

«Когда, брахман, благоприятствующие семейству жертвоприношения — постоянные подаяния дают высоконравственные странники, то это жертвоприношение, брахман — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями».

23. «Какова же, почтенный Готама, причина, каково основание, по которому это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями?»

«Ведь к такого рода жертвоприношению [с шестнадцатью принадлежностями], брахман, не приближаются ни архаты, ни находящиеся на пути архата. Почему же? Потому, что там, брахман, бьют палками и хватают за горло. Поэтому к такого рода жертвоприношению не приближаются ни архаты, ни находящиеся на пути архата. Что же до благоприятствующих семейству жертвоприношений — постоянных подаяний, которые даются высоконравственным странникам, то к такого рода жертвоприношению, брахман, приближаются и архаты, и находящиеся на пути архата. Почему же? Потому, что там, брахман, не бьют палками и не хватают за горло. Поэтому к такого рода жертвоприношению приближаются архаты и находящиеся на пути архата. Такова, брахман, причина, таково основание, по которому это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями».

24. «Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение, — постоянное подаяние?»

«Есть, брахман, другое жертвоприношение — и менее трудное и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение, — постоянное подаяние».

«Каково же, почтенный Готама, это жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние?»

«Когда кто-нибудь, брахман, строит обитель для общины четырех сторон света, то это жертвоприношение, брахман, — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние».

25. «Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители?»

«Есть, брахман, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители».

«Каково же, почтенный Готама, это другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители?»

«Когда кто-нибудь, брахман, умиротворенный в мыслях, идет как к прибежищу к Будде, идет как к прибежищу к дхамме, идет как к прибежищу к сангхе, то это жертвоприношение, брахман, — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители».

26. «Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это

тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу?»

«Есть, брахман, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу».

«Каково же, почтенный Готама, это другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу?»

«Когда кто-нибудь, брахман, умиротворенный в мыслях, обязуется [следовать] заповедям, воздерживаясь уничтожать живое, воздерживаясь брать то, что не дано, воздерживаясь от несправедного поведения в области чувственного, воздерживаясь от лживой речи, воздерживаясь от хмельных, спиртных, опьяняющих напитков, вызывающих легкомыслие, то это жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу».

27. «Есть ли, почтенный Готама, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу, и чем эти заповеди?»

«Есть, брахман, другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение, — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу, и чем эти заповеди».

«Каково же, почтенный Готама, это другое жертвоприношение — и менее трудное, и менее беспокойное, и более плодоносное, и более достославное, чем это тройное успешное совершение жертвоприношения с шестнадцатью принадлежностями, и чем это благоприятствующее семейству жертвоприношение — постоянное подаяние, и чем это дарение обители, и чем эти обращения к прибежищу, и чем эти заповеди?»

«Вот, брахман, в мир приходит Татхагата <...= II.40–68...>³. Таким, брахман, бывает монах, наделенный нравственностью <...= II.64–75...> он достигает первой ступени созерцания <...> и пребывает [в этом состоянии]. Это жертвоприно-

³ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментарии.

шение, брахман, — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем предыдущие жертвоприношения <...= II.76–81...> он достигает четвертой ступени созерцания <...> и пребывает [в этом состоянии]. Это жертвоприношение, брахман, — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем предыдущие жертвоприношения <...= II.81–83...> он направляет и обращает ум к совершенному видению. Это жертвоприношение, брахман, — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем предыдущие жертвоприношения <...= II.83–84; 97–98...>. Он постигает: <...> „нет ничего за этим состоянием“. Это жертвоприношение, брахман, — и менее трудно, и менее беспокойно, и более плодоносно, и более достославно, чем предыдущие жертвоприношения. И нет, брахман, других успешных совершений жертвоприношения, превосходнее и возвышеннее этого успешного совершения жертвоприношения».

28. Когда так было сказано, брахман Кутаданта так сказал Благостному: «Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшие, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот я иду как к прибежищу к Благостному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище. Вот, почтенный Готама, я приказываю отпустить семь сотен быков, и семь сотен тельцов, и семь сотен телок, и семь сотен коз, и семь сотен баранов, дарую [им] жизнь, и пусть они поедают зеленую траву, и пусть пьют прохладную воду, и пусть их овевает прохладный ветерок».

29. И вот Благостный изложил брахману Кутаданте последовательную проповедь, а именно: проповедь о даянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподнес наставление о горечи, тщете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Благостный узнал, что брахман Кутаданта готов в мыслях, смягчен в мыслях, непредвзят в мыслях, возвышен в мыслях, умиротворен в мыслях, то он преподавал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание — возникновение — уничтожение — путь. И подобно тому как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом принимает окраску, таким же образом у брахмана Кутаданты на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: «Все, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению».

30. И вот брахман Кутаданта, увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уверенности в себе, не нуждаясь в другом наставнике для наставления, так сказал Благостному: «Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится [принять] у меня завтра утром пищу».

И Благостный безмолвно согласился. Тогда брахман Кутаданта, узнав о согласии Благостного, поднялся с сиденья, приветствовал Благостного и, обойдя [его]

с правой стороны, удалился. И когда прошла эта ночь, брахман Кутаданта, приказав приготовить у себя около ямы для жертвоприношения изысканную твердую пищу и мягкую пищу, сообщил Благостному о времени: «[Пришло] время, почтенный Готама, пища готова».

И тогда Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к яме для жертвоприношения брахмана Кутаданта и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда брахман Кутаданта своей рукой угостил и насытил толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и мягкой пищей. Когда Благостный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Кутаданта выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И тогда Благостный, наставив, побудив, воодушевив, порадовав сидящего в стороне брахмана Кутаданту добродетельной беседой, поднялся с сиденья и удалился.

Окончена пятая «Кутаданта-сутта».

VI. «Махали-сутта» («Сутта о Махали»)

1. Вот, что я слышал. Однажды Благостный остановился в Весали, в обители с заостренной крышей в большом лесу. И в это самое время многочисленные брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, находились в Весали по некоторому делу. И те брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, услышали: «Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, странствуя, остановился в Весали, в обители с заостренной крышей в большом лесу. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему“».

2. И вот, брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились к обители с заостренной крышей в большом лесу. А в это самое время достопочтенный Нагита был прислужником Благостного. И вот брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились к достопочтенному Нагите и, приблизившись к достопочтенному Нагите, сказали так: «Где же, почтенный Нагита, остановился сейчас досточтимый Готама? Ведь мы желаем видеть этого Готаму».

«Не время, почтенные, видеть Благостного. Благостный предается размышлению». И тогда брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, сели в стороне [со словами]: «Мы уйдем, лишь увидев Благостного Готаму».

3. А личчхави Оттхаддха вместе с большой свитой личчхавов также приблизился к достопочтенному Нагите — к обители с заостренной крышей в большом лесу — и, приблизившись, приветствовал достопочтенного Нагиту и стал в сто-

роне. И, стоя в стороне, личчхави Оттхаддха так сказал достопочтенному Нагите: «Где же, господин Нагита, остановился сейчас Благостный, архат, всецело просветленный? Ведь мы желаем видеть Благостного, архата, всецело просветленного».

«Не время, Оттхаддха, видеть Благостного. Благостный предается размышлению». — И тогда личчхави Оттхаддха сел там в стороне [со словами]: «Я уйду, лишь увидев Благостного, архата, всецело просветленного».

4. И вот послушник Сиха приблизился к достопочтенному Нагите и, приблизившись, приветствовал достопочтенного Нагиту и стал в стороне. И, стоя в стороне, послушник Сиха так сказал достопочтенному Нагите: «Господин Кассапа, эти многочисленные брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились сюда, чтобы увидеть Благостного. И личчхави Оттхаддха вместе с большой свитой личчхавов приблизился сюда, чтобы увидеть Благостного. Хорошо будет, господин Кассапа, разрешить этим людям увидеть [Благостного]».

«В таком случае, Сиха, обратись ты к Благостному».

«Хорошо, господин», — согласился послушник Сиха с достопочтенным Нагитой, приблизился к Благостному и, приблизившись, приветствовал Благостного и стал в стороне. И, стоя в стороне, послушник Сиха так сказал Благостному: «Господин, многочисленные брахманы», посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились сюда, чтобы увидеть Благостного. И личчхави Оттхаддха вместе с большой свитой личчхавов приблизился сюда, чтобы увидеть Благостного. Хорошо будет, господин, разрешить этим людям увидеть Благостного».

«В таком случае, Сиха, приготовь сиденье в тени перед обителью».

«Хорошо, господин», — согласился послушник Сиха с Благостным и приготовил сиденье в тени перед обителью. И тогда Благостный, выйдя из обители, сел на сиденье, приготовленное в тени перед обителью.

5. И вот брахманы, посланные из Косалы, и брахманы, посланные из Магадхи, приблизились к Благостному. Приблизившись, они обменялись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне. И личчхави Оттхаддха вместе с большой свитой личчхавов приблизился к Благостному и, приблизившись, приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, личчхави Оттхаддха так сказал Благостному: «Некогда в прежние дни, господин, сын личчхавов Сунаккхатта приблизился ко мне и, приблизившись, сказал мне: „С тех пор, Махали, как я пребываю рядом с Благостным — не более трех лет, — я вижу небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, но не слышу небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных“. — Итак, господин, сын личчхавов Сунаккхатта не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, — ведь не лишены же они существования?»

«Да, Махали, сын личчхавов Сунаккхатта не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, — ведь они не лишены существования».

6. «Какова же, господин, причина, каково основание, по которому сын личчавов Сунакхатта не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, не лишенных существования?»

«Вот, Махали, монахом [обращенным] в восточную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных. [Обращенный] в восточную сторону, сосредоточенный на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, он видит в восточной стороне небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышит небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, [обращенным] в восточную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных.

7. И вот далее, Махали, монахом, [обращенным] в южную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных. [Обращенный] в южную сторону, сосредоточенный на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, он видит в южной стороне небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышит небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, [обращенным] в южную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных.

И вот далее, Махали, монахом, [обращенным] в западную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных. [Обращенный] в западную сторону, сосредоточенный на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, он видит в западной стороне небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышит небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, [обращенным] в западную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и не слышать небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных.

И вот далее, Махали, монахом, [обращенным] в северную сторону, владеет сосредоточенность на одном — видеть небесные образы, приятные, несущие удо-

доточенный на том и другом — и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, он и видит в северной стороне небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышит небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, [обращенным] в северную сторону, владеет сосредоточенность на том и другом — и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные.

И вот далее, Махали, монахом, [обратившим взор и слух] вверх, вниз или поперек, владеет сосредоточенность на том и другом — и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. [Обратив взор и слух] вверх, вниз или поперек, сосредоточенный на том и другом — и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, он и видит наверху, внизу или поперек небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышит небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. В чем же причина? Ведь здесь, Махали, монахом, [обратившим взор и слух] вверх, вниз или поперек, владеет сосредоточенность на том и другом — и видеть небесные образы, приятные, несущие удовольствие, восхитительные, и слышать небесные звуки, приятные, несущие удовольствие, восхитительные.

Такова, Махали, причина, таково основание, по которому сын личчавов Сунаккхатта не слышал существующих небесных звуков, приятных, несущих удовольствие, восхитительных, не лишенных существования).

12. «Так ради того ли, господин, чтобы испытать подобные состояния сосредоточенности, монахи ведут при Благостном целомудренную жизнь?»

«Не ради того, Махали, чтобы испытать подобные состояния сосредоточенности, монахи ведут при мне целомудренную жизнь. Есть, Махали, другие состояния, превосходнее и возвышеннее, чтобы испытать которые монахи ведут при мне целомудренную жизнь».

13. «Каковы же, господин, эти состояния, более превосходные и более возвышенные, чтобы испытать которые монахи ведут при Благостном целомудренную жизнь?»

«Вот, Махали, монах, избавившись от трех уз, становится вступившим в поток, не подверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь».

И вот далее, Махали, монах, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, становится единожды возвращающимся, который, вернувшись еще раз в этот мир, кладет конец страданию. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь».

И вот далее, Махали, монах, избавившись от пяти уз низшего порядка, становится самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь.

И вот далее, Махали, монах, с уничтожением порочных свойств сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения, [продолжает] пребывать [здесь]. Это состояние, Махали, еще превосходнее и возвышеннее, и, чтобы испытать его, монахи ведут при мне целомудренную жизнь.

Таковы, Махали, состояния, более превосходные и более возвышенные, чтобы испытать которые, монахи ведут при мне целомудренную жизнь».

14. «Но есть ли, господин, путь, есть ли способ испытать эти состояния?»

«Есть, Махали, путь, есть способ испытать эти состояния».

«Каков же, господин, путь, каков способ испытать эти состояния?»

«Это — праведный восьмичленный путь, а именно: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее поддержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания, надлежащая сосредоточенность. Таков, Махали, путь, таков способ испытать эти состояния».

15. Однажды, Махали, я остановился в Косамби в [монашеской] роще Гхоситы. И вот два странника — странствующий аскет Мандисса и Джалия, ученик Дарупаттики, приблизились ко мне. Приблизившись, они обменялись со мной дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и стали в стороне. И, стоя в стороне, два странника сказали мне так:

„Является ли, почтенный Готама, жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало — одно, а тело — другое?“

„В таком случае, почтенные, слушайте тщательно и внимайте [тому, что] я скажу“.

„Хорошо, почтенный“, — согласились со мной два странника. И я сказал так:

16. „Вот, почтенные, в мир приходит Татхагата <...= II.40–63...>⁴. Таким, почтенные, бывает монах, наделенный нравственностью <...= II.64–75...> он достигает первой ступени созерцания <...> и пребывает [в этом состоянии]. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’?“

„Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’“.

„Но вот, почтенные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, ни: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’ <...= II.75–76...>.

⁴ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментариях.

17. <...= II.77–81 с добавлениями в соотв. местах, приведенных выше (VI.16) и ниже (VI.17–18) вопроса и ответов...> он достигает четвертой ступени созерцания <...> и пребывает [в этом состоянии]. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’?”

„Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’“.

„Но вот, почтенные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, ни: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’ <...= II.81–82...>.

18. <...= II.83–84...> Он направляет и обращает ум к совершенному знанию. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’?”

„Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’“.

„Но вот, почтенные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, ни: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’ <...= II.85–96...>.

19. <...= II.97–98...> Он постигает: <...> ‘нет ничего за этим состоянием’. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, или: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’?

Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему не подобает говорить ни: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, ни: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’.

Вот, почтенные, и я знаю так и вижу так. И я не говорю ни: ‘жизненное начало — то же, что и тело’, ни: ‘жизненное начало — одно, а тело — другое’“».

Так сказал Благостный. И удовлетворенный личчави Оттхаддха возрадовался словам Благостного.

Окончена шестая «Махали-сутта».

VII. «Джалия-сутта» («Сутта о Джалии»)

1. Вот, что я слышал. Однажды Благостный остановился в Косамби в роще Гхоситы. И вот два странника — странствующий аскет Мандисса и Джалия, ученик Дарупаттики, приблизились к Благостному. Приблизившись, они обменялись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и стали в стороне. И, стоя в стороне, два странника так сказали Благостному:

«Является ли, почтенный Готама, жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало — одно, а тело — другое?»

«В таком случае, почтенные, слушайте тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, почтенный», — согласились с Благостным два странника.

И Благостный сказал так:

2. «Вот, почтенные, в мир приходит Татхагата <...= II.40–63...>⁵. Таким, почтенные, бывает монах, наделенный нравственностью <...= II.64–75...> он достигает первой ступени созерцания <...> и пребывает [в этом состоянии]. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“?»

«Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“».

«Но вот, почтенные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: „жизненное начало — то же, что и тело“, ни: „жизненное начало — одно, а тело — другое“ <...= II.75–76...>».

3. <...= II.77–81 с добавлениями в соотв. местах, приведенных выше (VII.2) и ниже (VII.3–4) вопроса и ответов...> он достигает четвертой ступени созерцания <...> и пребывает [в этом состоянии]. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“?».

⁵ См. выше, примеч. 1 к III.2.2.

«Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“».

«Но вот, почтенные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: „жизненное начало — то же, что и тело“, ни: „жизненное начало — одно, а тело — другое“ <...= II.81–82...>.

4. <...= II.83–84...> Он направляет и обращает ум к совершенному знанию.

И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“?»

«Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему подобает говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“».

«Но вот, почтенные, я знаю так и вижу так. И все же я не говорю ни: „жизненное начало — то же, что и тело“, ни: „жизненное начало — одно, а тело — другое“ <...= II.85–96...>.

5. <...= II.97–98...> Он постигает: <...> „нет ничего за этим состоянием“. И вот, почтенные, когда монах знает так и видит так, то подобает ли ему говорить: „жизненное начало — то же, что и тело“, или: „жизненное начало — одно, а тело — другое“?»

«Когда этот монах, почтенный, знает так и видит так, то ему не подобает говорить ни: „жизненное начало — то же, что и тело“, ни: „жизненное начало — одно, а тело — другое“».

«Вот, почтенные, и я знаю так и вижу так. И я не говорю ни: „жизненное начало — то же, что и тело“, ни: „жизненное начало — одно, а тело — другое“».

Так сказал Благостный. И два странника, удовлетворенные, возрадовались словам Благостного.

Окончена седьмая «Джалия-сутта».

VIII. «Кассапа-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка о Кассипе»)

1. Вот, что я слышал. Однажды Благостный остановился в Уджунне в оленьей роще Каннакаттхала. И вот обнаженный аскет Кассапа приблизился к Благостному. Приблизившись, он обменялся с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и стал в стороне. И, стоя в стороне, обнаженный аскет Кассапа так сказал Благостному:

2. «Слышал я так, почтенный Готама: „Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях“. И вот, почтенный Готама, те, которые говорят так: „Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь, он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях“, — говорят ли они, почтенный Готама, [действительно] сказанное Готамой и не клеветают ли они лживым образом на Благостного Готаму? Разъясняют ли они истину во всей ее последовательности и не приходят ли [таким образом] согласные с истиной мысли учения к порицаемому положению? Ведь мы не хотим клеветать на досточтимого Готаму».

3. «Те, Кассапа, которые говорят так: „Отшельник Готама осуждает всякое подвижничество, не колеблясь, он порицает и обвиняет всякого подвижника, живущего в лишениях“, — не говорят сказанного мною и лживым образом, недостойно клеветают на меня. Вот Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий в лишениях, [...] с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий в лишениях, [...] с распадом тела после смерти вновь рождается в счастье, в небесном мире. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий с незначительными тяготами, [...] с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Вот, Кассапа, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я вижу, как какой-нибудь подвижник, живущий с незначительными тяготами, [...] с распадом тела после смерти вновь рождается в счастье, в небесном мире. И вот,

Кассапа, я постигаю таким образом, как эти подвижники в соответствии с действительностью приходят и уходят, оставляют существование и вновь рождаются, — зачем же стану я осуждать всякое подвижничество, не колеблясь, порицать и обвинять всякого подвижника, живущего в лишениях?

4. Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, мудрые, изощренные, искусные в спорах, способные пронзить волос, которые, я бы сказал, движутся, расщепляя ложные взгляды ходом своего постижения. И с ними я в некоторых положениях согласен, в некоторых положениях не согласен. Кое о чем они говорят: „так“, и мы говорили о том: „так“. Кое о чем они говорят: „не так“, и мы говорим о том: „не так“. Кое о чем они говорят: „так“, а мы говорим о том: „не так“. Кое о чем они говорят: „не так“, а мы говорим о том: „так“. Кое о чем мы говорим: „так“, и другие говорят о том: „так“. Кое о чем мы говорим: „не так“, и другие говорят о том: „не так“. Кое о чем мы говорим: „так“, а другие говорят о том: „не так“. Кое о чем мы говорим: „не так“, а другие говорят о том: „так“.

5. И, приблизившись [к ним], я говорю: „В каких положениях, достопочтенные, между нами нет согласия, — пусть те положения остаются в покое. Что же до положений, в которых есть согласие, то пусть разумные последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают — учитель учителя или община общину: ‘Кто, досточтимые, живет полностью отказавшись от этих свойств, от свойств, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными, — отшельник Готама или же другие почтенные наставники толпы?’“.

6. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: „Отшельник Готама, досточтимые, живет, отказавшись от этих свойств полностью, другие же почтенные наставники толпы — лишь [в незначительной степени], — от свойств, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными“. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

7. И вот далее, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривают — учитель учителя или община общину: „Кто, досточтимые, живет, полностью предавшись этим свойствам — свойствам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными, — отшельник Готама или же другие почтенные наставники толпы?’“

8. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: „Отшельник Готама, досточтимые, живет, предавшись этим свойствам полностью, другие же почтенные на-

ставники толпы — лишь [в незначительной степени], — свойствам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными“. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

9. И вот далее, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают — учитель учителя или община общину: „Кто, досточтимые, живет, полностью отказавшись от этих свойств — от свойств, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными, — община учеников Готама или же община учеников других почтенных наставников толпы?“

10. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: „Община учеников Готама, досточтимые, живет, отказавшись от этих свойств полностью, община же учеников других почтенных наставников толпы — лишь [в незначительной степени], — от свойств, которые нехороши или считаются нехорошими, порицаемы или считаются порицаемыми, неуместны или считаются неуместными, недостаточно праведны или считаются недостаточно праведными, позорны или считаются позорными“. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

11. И вот далее, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивают, просят о доказательствах, оспаривают — учитель учителя или община общину: „Кто, досточтимые, живет, полностью предавшись этим свойствам — свойствам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными, — община учеников Готама или же община учеников других почтенных наставников толпы?“

12. И случается, Кассапа, что разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут сказать так: „Община учеников Готама, досточтимые, живет, предавшись этим свойствам полностью, община же учеников других почтенных наставников толпы — лишь [в незначительной степени], — свойствам, которые хороши или считаются хорошими, безупречны или считаются безупречными, уместны или считаются уместными, достаточно праведны или считаются достаточно праведными, славны или считаются славными“. Так, Кассапа, разумные, последовательно расспрашивая, прося о доказательствах, оспаривая, могут похвалить нас в этом в большей степени.

13. Есть, Кассапа, путь, есть способ, следуя которому [человек] сам узнаёт, сам видит: „Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном пове-

денин“. Каков же, Кассапа, путь, каков способ, следуя которому [человек] сам узнаёт, сам видит: „Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении?“ Это — праведный восьмичленный путь, а именно: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее поддержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания, надлежащая сосредоточенность. Таков, Кассапа, путь, таков способ, следуя которому [человек] сам узнаёт, сам видит: „Отшельник Готама говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении?“».

14. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Благостному: «Вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов: Обнаженный аскет свободно ведет себя, облизывает руки [после еды], не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться [за милостыней], не принимает ни предложенной [ему пищи], ни предназначенной [для него пищи], ни приглашения. Он не принимает [пищи] с края горшка, не принимает [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной [пищи], ни там, где находится собака, ни там, где роями слетаются мухи, [не ест] ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи. Он [довольствуется милостыней] в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом [дальше, вплоть до раза в] полмесяца.

И вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов: он питается овощами, питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом; живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими [перед ним] плодами.

И вот какие виды подвижничества, достопочтенный Готама, считаются отшельничеством и считаются брахманством у некоторых отшельников и брахманов: он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит [покрывало] из перь-

ев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет [на себе] пыль и грязь, пребывает на открытом месте; занимает то сиденье, которое ему предлагают; [питается] нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; [омывается] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде».

15. «Когда обнаженный аскет, Кассапа, свободно ведет себя, облизывает руки [после еды], не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться [за милостыней], не принимает ни предложенной [ему пищи], ни предназначенной [для него пищи], ни приглашения; не принимает [пищи] с края горшка, не принимает [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной [пищи], ни там, где находится собака, ни там, где роями слетаются мухи; [не ест] ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; [довольствуется милостыней] в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями; живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом [дальше, вплоть до раза в] полмесяца, — [когда он делает все это], и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в сознании, совершенство в постижении, то поистине, он далек от отшельничества и далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И когда, Кассапа, он питается овощами, когда, Кассапа, он питается просом, питается сырым мясом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом; живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими [перед ним] плодами — и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в сознании, совершенство в постижении, то поистине, он далек от отшельничества, далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И когда, Кассапа, он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит [покрывало] из перьев совы; выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет [на себе] пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают; [питается] нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; [омывается] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, — [когда он делает все это], и при этом им не осуществлено и не испытано совершенство в нравственности, совершенство в сознании, совершенство в постижении, то поистине, от далек от отшельничества, далек от брахманства. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств, живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом».

16. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Благостному: «Трудно достижимо отшельничество, почтенный Готама, трудно достижимо брахманство».

«Так говорят обычно в этом мире, Кассапа: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. Но если бы обнаженный аскет, Кассапа, свободно вел себя, облизывал руки после еды, не принимал предложения подойти и не принимал предложения остановиться [за милостыней], не принимал ни предложенной [ему пищи], ни предназначенной [для него пищи], ни приглашения; не принимал [пищи] с края горшка, не принимал [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной [пищи]; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; [не ел] ни рыбы, ни мяса, не пил ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; [довольствовался милостыней] в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; жил одним подношением, или жил двумя подношениями, или жил семью подношениями; жил, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользовался пропитанием раз в день, или пользовался пропитанием раз в два дня, или пользовался пропитанием раз в семь дней и таким образом [дальше, вплоть до раза в] полмесяца — если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничества и брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то

не подобало бы говорить так: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. Ведь так смог бы сделать [любой] домохозяин или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, [сказав себе]: „Вот я становлюсь обнаженным аскетом, свободно веду себя, облизываю руки после еды, не принимаю предложения подойти и не принимаю предложения остановиться [за милостыней], не принимаю ни предложенной [мне пищи], ни предназначенной [для меня пищи], ни приглашения; не принимаю [пищи] с края горшка, не принимаю [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной [пищи]; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; [не ем] ни рыбы, ни мяса, не пью ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; [довольствуюсь милостыней] в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; живу одним подношением, или живу двумя подношениями, или живу семью подношениями; живу, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользуюсь пропитанием раз в день, или пользуюсь пропитанием раз в два дня, или пользуюсь пропитанием раз в семь дней и таким образом [далее, вплоть до раза в] полмесяца“. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И если бы, Кассапа, он питался овощами, питался просом, питался сырым мясом, питался даддулой, питался хатой, питался красной пылью между шелухой и зерном риса, питался накипью от вареного риса, питался сезамовой мукой, питался травами, питался коровьим пометом; жил, поедая лесные корни и плоды; кормился упавшими [перед ним] плодами — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. Ведь так смог бы сделать [любой] домохозяин или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, [сказав себе]: „Вот я питаюсь овощами, питаюсь просом, питаюсь сырым мясом, питаюсь даддулой, питаюсь хатой, питаюсь красной пылью между шелухой и зерном риса, питаюсь накипью от вареного риса, питаюсь сезамовой мукой, питаюсь травами, питаюсь коровьим пометом; живу, поедая лесные корни и плоды; кормлюсь упавшими [передо мной] плодами“. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных

вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств, живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом.

И если бы, Кассапа, он носил одежду из пеньки, носил одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носил одеяния мертвецов, носил отрепья с мусорной свалки, носил одежду из коры тиритаки, носил одежду из кожи черной антилопы, носил накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носил одежду из волокон кусы, носил одежду из лыка, носил одежду из деревянных дощечек, носил покрывало из человеческих волос, носил покрывало из лошадиных волос, носил [покрывало] из перьев совы; выщипывал волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находился в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидел на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользовался подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложился на постель из деревянных дощечек, ложился на голую землю, лежал на одном боку, нес [на себе] пыль и грязь, пребывал на открытом месте; занимал то сиденье, которое ему предлагают; [питался] нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пил, следуя отказу от питья; [омывался] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества отшельничество или брахманство считалось трудно достижимым, очень трудно достижимым, то не подобало бы говорить так: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. Ведь так смог бы сделать [любой] домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, [сказав себе]: „Вот я ношу одежду из пеньки, ношу одежду, сплетенную отчасти из пеньки, ношу одеяния мертвецов, ношу отрепья с мусорной свалки, ношу одежду из коры тиритаки, ношу одежду из кожи черной антилопы, ношу накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, ношу одежду из волокон кусы, ношу одежду из лыка, ношу одежду из деревянных дощечек, ношу покрывало из человеческих волос, ношу покрывало из лошадиных волос, ношу [покрывало] из перьев совы; выщипываю волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; нахожусь в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сижу на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуюсь подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложусь на постель из деревянных дощечек, ложусь на голую землю, лежу на одном боку, несу [на себе] пыль и грязь, пребываю на открытом месте; занимаю то сиденье, которое мне предлагают; [питаюсь] нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пью, следуя отказу от питья; [омываюсь] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде“. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно достижимо, очень трудно достижимо отшельничество или брахманство, то и подобает говорить так: „Трудно достижимо отшельничество, трудно достижимо брахманство“. С той же поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное

порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом».

17. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Благостному: «Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана».

«Так говорят обычно в этом мире, Кассапа: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. Но если бы обнаженный аскет, Кассапа, свободно вел себя, облизывал руки после еды, не принимал предложения подойти и не принимал предложения остановиться [за милостыней], не принимал ни предложенной [ему пищи], ни предназначенной [для него пищи], ни приглашения; не принимал [пищи] с края горшка, не принимал [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной [пищи]; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; [не ел] ни рыбы, ни мяса, не пил ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; [довольствовался милостыней] в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; жил одним подношением, или жил двумя подношениями, или жил семью подношениями; жил, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользовался пропитанием раз в день, или пользовался пропитанием раз в два дня, или пользовался пропитанием раз в семь дней и таким образом [далее, вплоть до раза в] полмесяца — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. Ведь это смог бы узнать [любой] домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, [сказав себе]: „Этот обнаженный аскет свободно ведет себя, оближивает руки после еды, не принимает предложения подойти и не принимает предложения остановиться [за милостыней], не принимает ни предложенной [ему пищи], ни предназначенной [для него пищи], ни приглашения; не принимает [пищи] с края горшка, не принимает [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединяющейся с мужчиной, ни собранной [пищи]; ни там, где находится собака; ни там, где роями слетаются мухи; [не ест] ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи; [довольствуется милостыней] в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками; живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями; живет, следуя в еде обычаю размеренного приема пищи: пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом [далее, вплоть до раза в] полмесяца“. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя

в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом».

И если бы, Кассапа, он питался овощами, питался просом, питался сырым мясом, питался даддулой, питался хатой, питался красной пылью между шелухой и зерном риса, питался накипью от вареного риса, питался сезамовой мукой, питался травами, питался коровьим пометом; жил, поедая лесные корни и плоды; кормился упавшими [перед ним] плодами — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. Ведь это смог бы узнать [любой] домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, [сказав себе]: „Он питается овощами, питается просом, питается сырым мясом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом; живет, поедая лесные корни и плоды; кормится упавшими [перед ним] плодами“. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишенное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником, зовется брахманом».

И если бы, Кассапа, он носил одежду из пеньки, носил одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носил одеяния мертвецов, носил отрепья с мусорной свалки, носил одежду из коры тиритаки, носил одежду из кожи черной антилопы, носил накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носил одежду из волокон кусы, носил одежду из лыка, носил одежду из деревянных дощечек, носил покрывало из человеческих волос, носил покрывало из лошадиных волос, носил [покрывало] из перьев совы; выщипывал волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находился в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидел на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользовался подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложился на постель из деревянных дощечек, ложился на голую землю, лежал на одном боку, нес [на себе] пыль и грязь, пребывал на открытом месте; занимал то сиденье, которое ему предлагают; [питался] нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пил, следуя отказу от питья; [омывался] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде, — и если бы, Кассапа, из-за одних этих видов подвижничества считалось, что трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то не подобало бы говорить так: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. Ведь это смог бы узнать [любой] домохозяин, или сын домохозяина, или даже рабыня, носящая воду, [сказав себе]: „Он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов,

носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит [покрывало] из перьев совы; выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет [на себе] пыль и грязь, пребывает на открытом месте; занимает то сиденье, которое ему предлагают; питается нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; [омывается] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде“. Поскольку же, Кассапа, не только из-за одного этого, не только из-за этих видов подвижничества трудно узнать, очень трудно узнать отшельника или брахмана, то и подобает говорить так: „Трудно узнать отшельника, трудно узнать брахмана“. С той поры, Кассапа, как монах дружелюбен в мыслях, лишенных вражды и лишенных злобы, и с уничтожением порочных свойств живет, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишненное порочных свойств освобождение сознания и освобождение постижения, — этот монах, Кассапа, зовется отшельником и брахманом».

18. Когда так было сказано, обнаженный аскет Кассапа сказал Благостному: «Каково же, почтенный Готама, это совершенство в нравственности, каково совершенство в сознании, каково совершенство в постижении?»

«Вот, Кассапа, в мир приходит Татхагата <...= II.40–63...>⁶. Таким, Кассапа, бывает монах, наделенный нравственностью. Таково, Кассапа, это совершенство в нравственности.

19. Как же, Кассапа, монах охраняет врата жизненных способностей?.. <...= II.64–75...> он достигает первой ступени созерцания <...= II.75–76...> и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным сосредоточенностью. Это и есть часть его совершенства в сознании.

И далее, Кассапа, монах <...= II.77–81...> достигает четвертой ступени созерцания <...= II.81–82...> и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом. Это и есть часть его совершенства в сознании. Таково, Кассапа, это совершенство в сознании.

20. Так, с сосредоточенным умом <...= II.83–84...> „здесь к нему привязано мое сознание“. Это и есть часть его совершенства в постижении <...= II.85–98...> Он постигает: <...> „нет ничего вслед за этим состоянием“. Это и есть часть его совершенства в постижении. Таково, Кассапа, это совершенство в постижении.

И нет, Кассапа, другого совершенства в нравственности, совершенства в сознании, совершенства в постижении превосходнее и возвышеннее этого совершенства в нравственности, совершенства в сознании, совершенства в постижении.

⁶ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментариях.

21. Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие нравственность. На все лады они воздают хвалу нравственности. Но что касается праведной, высшей нравственности, Кассапа, то я не вижу здесь [кого-либо] равного мне, тем более — лучшего. И здесь в том, что касается этой нравственности, именно я — лучше.

Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие подвижничество и отвращение [к миру]. На все лады они воздают хвалу подвижничеству и отвращению [к миру]. Но что касается праведного, высшего подвижничества и отвращения к миру, Кассапа, то я не вижу здесь [кого-либо] равного мне, тем более — лучшего. И здесь в том, что касается этого отвращения [к миру], именно я — лучше.

Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие постижение. На все лады они воздают хвалу постижению. Но что касается праведного, высшего постижения, Кассапа, то я не вижу здесь [кого-либо] равного мне, тем более — лучшего. И здесь в том, что касается постижения, именно я — лучше.

Есть, Кассапа, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие освобождение. На все лады они воздают хвалу освобождению. Но что касается праведного, высшего освобождения, Кассапа, то я не вижу здесь [кого-либо] равного мне, тем более — лучшего. И здесь в том, что касается освобождения, именно я — лучше.

22. И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „Львиным рыком рычит отшельник Готама, но рычит он в уединении, а не в собраниях [среди людей]“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, но не рычит с уверенностью“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит он в уединении, и рычит с уверенностью“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, но ему не задают вопросов“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, но, будучи спрошен, он не отвечает на вопрос“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, но ответом на вопрос не удовлетворяет ум“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, но его не считают достойным слушания“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, но, выслушав, не обретают веру“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и выслушав его, обретают веру“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, но, уверовав, не выказывают признаков веры“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, выказывают признаки веры“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, выказывают признаки веры, но не следуют путем истины“. Им следует сказать: „Это не так — и льви-

ным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, выказывают признаки веры, и следуют путем истины“ — так следует сказать им, Кассапа.

И может произойти так, Кассапа, что странствующие аскеты из других школ скажут: „И львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, выказывают признаки веры, и следуют путем истины, но, следуя этим путем, не достигают цели“. Им следует сказать: „Это не так — и львиным рыком рычит отшельник Готама, и рычит он в собраниях, и рычит с уверенностью, и ему задают вопросы, и, будучи спрошен, он отвечает им на вопрос, и ответом на вопрос удовлетворяет ум, и его считают достойным слушания, и, выслушав его, обретают веру, и, уверовав, выказывают признаки веры, и следуют путем истины, и, следуя этим путем, достигают цели“ — так следует сказать им, Кассапа.

23. Однажды, Кассапа, я пребывал в Раджагахе, на холме Гиджджакута. И там некий целомудренный подвижник по имени Нигродха задал мне вопрос относительно отвращения [к миру]. Будучи спрошен, я ответил ему на вопрос относительно отвращения [к миру]. И когда я ответил, он был удовлетворен в высшей степени».

«Кто же, господин, выслушав истину от Благостного не будет удовлетворен в высшей степени? И я тоже, господин, выслушав истину от Благостного, удовлетворен в высшей степени. Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обрету я, господин, странничество вблизи Благостного, да обрету я доступ в общину!»

24. «Кто, Кассапа, принадлежа прежде к другой школе, в соответствии с этой истиной и должным поведением стремится к странничеству, стремится к доступу в общину, тот в течение четырех месяцев подвергается испытанию; по истечении четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают [его] странником и доставляют доступ в общину — к состоянию монаха. Но и здесь мне известны различия между [отдельными] лицами».

«Если, господин, принадлежавшие прежде к другой школе и в соответствии с этой истиной и должным поведением стремящиеся к странничеству, стремящиеся к доступу в общину в течение четырех месяцев подвергаются испытанию, по истечении же четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают [их] странниками и доставляют доступ в общину — к состоянию монаха, то в течение четырех месяцев я буду подвергаться испытанию, по истечении же четырех ме-

сяцев пусть удовлетворенные в мыслях монахи сделают [меня] странником и доставят доступ в общину — к состоянию монаха».

И так обнаженный аскет Кассапа обрел странничество вблизи Благостного, обрел доступ в общину. И вскоре после того как достопочтенный Кассапа обрел доступ в общину, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, рвении и решимости, скоро сам познал, испытал и обрел в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными, — несравненный венец целомудрия — и постиг: «Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием». И так достопочтенный Кассапа стал одним из архатов.

Окончена восьмая «Кассапа-сиханада-сутта».

IX. «Поттхапада-сутта» («Сутта о Поттхападе»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный остановился в Саваттхи, в Джетаване, в [монашеской] роще Анатхапиндики. И в это самое время странствующий аскет Поттхапада вместе с большой группой странствующих аскетов, тремя сотнями странствующих аскетов, находился в [монашеской] роще Маллики, в обители из одного [помещения], [отделанной] корой тиндуки и предназначенной для диспутов.

2. И вот утром Благостный оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и отправился в Саваттхи за милостыней. И Благостный сказал себе так: «Слишком рано еще идти в Саваттхи за милостыней — приближусь-ка я к [монашеской] роще Маллики, к обители из одного [помещения], [отделанной] корой тиндуки и предназначенной для диспутов, где находится странствующий аскет Поттхапада». И Благостный приблизился к [монашеской] роще Маллики, к обители из одного [помещения], [отделанной] корой тиндуки и предназначенной для диспутов.

3. И в это самое время странствующий аскет Поттхапада сидел вместе с большой группой странствующих аскетов, которые с криками, громким шумом, великим шумом вели различные низменные беседы, а именно: беседы о царе, беседы о ворах, беседы о советниках, беседы о войске, беседы об опасности, беседы о сражении, беседы о еде, беседы о питье, беседы об одеждах, беседы о ложах, беседы о венках, беседы о благовониях, беседы о родственниках, беседы о повозках, беседы о деревнях, беседы о торговых селениях, беседы о городах, беседы о странах, беседы о женщинах, беседы о мужчинах, беседы о героях, беседы о дорогах, беседы о водоемах, беседы о прежде умерших, беседы о всякой всячине, разговоры о мире, разговоры об океане, беседы о том, что существует и чего не существует.

4. А странствующий аскет Поттхапада увидел издали, как подходит Благостный, и, видя [его], призвал к тишине свое окружение: «Поменьше шумите, почтенные, не производите шума, почтенные. Вот подходит отшельник Готама — любя бесшумность, этот достопочтенный восхваляет бесшумность и, увидев, как бесшумно [наше] собрание, быть может, решит приблизиться».

Когда так было сказано, те странствующие аскеты умолкли.

5. И вот Благостный приблизился к странствующему аскету Поттхападе. И странствующий аскет Поттхапада так сказал Благостному:

«Господин, пусть подойдет Благостный. Господин, добро пожаловать Благостному! Господин, давно уже Благостный отправился [в путь] и не приходил сюда. Господин, пусть Благостный сядет — вот предложенное [ему] сиденье».

Благостный сел на предложенное сиденье. А странствующий аскет Поттхапада выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И Благостный так сказал севшему в стороне странствующему аскету Поттхападе:

«Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, Поттхапада, и на чем же прервалась беседа между вами?»

6. Когда так было сказано, странствующий аскет Поттхапада сказал Благостному:

«Оставь, господин, эту беседу — беседу, ради которой мы уселись здесь. Не трудно будет, господин, и позже услышать Благостному об этой беседе. [Но] в прежние дни, господин, и еще раньше у отшельников и брахманов из разных школ, собиравшихся и сядившихся в общей обители, возникала беседа об уничтожении сознания: „Как же, почтенные, происходит уничтожение сознания?“ Некоторые там говорили так: „Без причины и без основания возникают и уничтожаются у человека [состояния] сознания. В то время, когда они возникают, он становится сознающим; в то время, когда они уничтожаются, он становится несознающим“ — так некоторые учат об уничтожении сознания. Другой говорил на это так: „Нет, почтенные, так ведь не может быть. Ведь сознание, почтенные, это свое ‘я’, и это [‘я’] приходит и уходит. В то время, когда оно приходит, [человек] становится сознающим; в то время, когда оно уходит, он становится несознающим“ — так некоторые учат об уничтожении сознания. Другой говорил на это так: „Нет, почтенные, так ведь не может быть. Есть ведь, почтенные, отшельники и брахманы великой силы, великого могущества. Они приносят и уносят сознание человека. В то время, когда они приносят [сознание], он становится сознающим; в то время, когда они уносят, он становится несознающим“ — так некоторые учат об уничтожении сознания. Другой говорил на это так: „Нет, почтенные, так ведь не может быть. Есть ведь, почтенные, божества великой силы, великого могущества. Они приносят и уносят сознание человека. В то время, когда они приносят [сознание], он становится сознающим; в то время, когда они уносят, он становится несознающим“ — так некоторые учат об уничтожении сознания. И вот, господин, во мне пробудилась память о Благостном: „Да ведь это Благостный, да ведь это Счастливый, который столь искушен в этих вещах!“ Естественно, Благостный знает об уничтожении сознания. Как же, господин, происходит уничтожение сознания?»

7. «Что касается, Поттхапада, тех отшельников и брахманов, которые говорили: „Без причины и без основания возникают и уничтожаются у человека [состояния] сознания“, то они неправы с самого начала. Отчего же это? Ведь по причине и с основанием возникают и уничтожаются у человека [состояния] со-

знания. Благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания.

Каково это упражнение? — сказал Благостный. — Вот, Поттхапада, в мир приходит Татхагата <...= II.40–62...>⁷. Это и есть часть его нравственности.

8. И вот, Поттхапада, обладающий подобной нравственностью <...= II.63...>. Таким, Поттхапада, бывает монах, наделенный нравственностью.

9. Как же, Поттхапада, монах охраняет врата жизненных способностей? <...= II.64–74...> словно находящимся в спокойном пристанище.

10. Когда он видит себя отказавшимся от этих пяти преград <...= II.75...> он достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Уничтожается его прежнее сознание чувственных удовольствий. В это время [в нем] возникает подлинное, утонченное сознание радости и счастья, рожденного уединенностью, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим радость и счастье, рожденное уединенностью. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

11. «И далее, Поттхапада, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание радости и счастья, рожденного уединенностью. В это время [в нем] возникает подлинное утонченное сознание радости и счастья, рожденного сосредоточенностью, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим радость и счастье, рожденное сосредоточенностью. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

12. «И далее, Поттхапада, монах, отвращается от радости и пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое достойные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, он достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание радости и счастья, рожденного сосредоточенностью. В это время [в нем] возникает подлинное утонченное сознание счастья, рожденного уравновешенностью, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим счастье, рожденное уравновешенностью. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

⁷ См. выше, примеч. 1 к III.2.2.

13. «И далее, Поттхапада, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное сознание счастья, рожденного уравновешенностью. В это время [в нем] возникает подлинное утонченное сознание свободы от несчастья и свободы от счастья, и с этого времени он становится подлинно и утонченно сознающим свободу от несчастья и свободу от счастья. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

14. «И далее, Поттхапада, монах, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигает уровня осознания бесконечности пространства, пребывает [на нем], [мысля]: „Пространство бесконечно“. Уничтожается его прежнее осознание форм. В это время [в нем] возникает подлинное утонченное осознание бесконечности пространства, и с этого времени он становится подлинно и утонченно осознающим бесконечность пространства. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

15. «И далее, Поттхапада, монах, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигает уровня бесконечности сознания и пребывает [на нем, мысля]: „Сознание бесконечно“. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное осознание бесконечности пространства. В это время в нем возникает подлинное утонченное осознание бесконечности сознания, и с этого времени он становится подлинно и утонченно осознающим бесконечность сознания. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

16. «И далее, Поттхапада, монах, всецело преодолев уровень бесконечности сознания, достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает [на нем, мысля]: „Не существует ничего“. Уничтожается его прежнее подлинное утонченное осознание бесконечности сознания. В это время [в нем] возникает подлинное утонченное осознание отсутствия чего бы то ни было, и с этого времени он становится подлинно и утонченно осознающим отсутствие чего бы то ни было. Так, благодаря упражнению возникают одни [состояния] сознания, благодаря упражнению уничтожаются другие [состояния] сознания. Таково упражнение», — сказал Благостный.

17. «С тех пор, Поттхапада, как монах становится здесь сознающим себя, он постепенно движется все дальше и дальше и обретает вершину сознания. Находясь на вершине сознания, он говорит себе так: „Размышлять для меня хуже, не размышлять для меня лучше. Если я предамся размышлению и воображению, то у меня смогут уничтожиться эти [состояния] сознания и возникнуть другие, гру-

бье [состояния] сознания. Поэтому теперь я не буду предаваться ни размышлению, ни воображению“. И он не предается ни размышлению, ни воображению. У него, не предающегося ни размышлению, ни воображению, уничтожаются эти [состояния] сознания, и не возникают другие, грубые [состояния] сознания. Он обретает уничтожение. Таково, Поттхапада, постепенное внимательное достижение уничтожения сознания.

18. Как ты об этом думаешь, Поттхапада? Слышал ли ты раньше, до этого о подобном постепенном внимательном достижении уничтожения сознания?»

«Конечно нет, господин. И я понимаю, господин, сказанное Благостным: „С тех пор, Поттхапада, как монах становится здесь сознающим себя, он постепенно движется все дальше и дальше и обретает вершину сознания. Находясь на вершине сознания, он говорит себе так: ‘Размышлять для меня хуже, не размышлять для меня лучше. Если я предамся размышлению и воображению, то у меня смогут уничтожиться эти [состояния] сознания и возникнуть другие, грубые [состояния] сознания. Поэтому теперь я не буду предаваться ни размышлению, ни воображению’. И он не предается ни размышлению, ни воображению. У него, не предающегося ни размышлению, ни воображению, уничтожаются эти [состояния] сознания, и не возникают другие, грубые [состояния] сознания. Он обретает уничтожение. Таково, Поттхапада, постепенное внимательное достижение уничтожения сознания“».

«Это так, Поттхапада».

19. «Господин, учит ли Благостный лишь об одной вершине сознания или же он учит о различных вершинах сознания?»

«Я учу, Поттхапада, об одной вершине сознания, но и учу о различных вершинах сознания».

«Как же это, господин, Благостный и учит об одной вершине сознания, и учит о различных вершинах сознания?»

«По мере того, Поттхапада, как он обретает уничтожение, я [каждый раз] учу о вершине сознания. Таким образом, Поттхапада, я и учу об одной вершине сознания, и учу о различных вершинах сознания».

20. «Господин, возникает ли сознание сначала, а потом — знание, или знание возникает сначала, а потом — сознание, или и сознание, и знание возникают [одновременно], не раньше и не позже [одно другого]?»

«Сознание, Поттхапада, возникает сначала, а потом — знание, ведь возникновение знания зависит от возникновения сознания. И ведь [человек] постигает: „Вот по этой причине у меня возникло знание“. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание возникает сначала, а потом — знание, ведь возникновение знания зависит от возникновения сознания».

21. «Господин, является ли сознание тем же, что и свое „я“ человека, или же сознание — одно, а свое „я“ — другое?»

«Как же ты, Поттхапада, понимаешь свое „я“?»

«Я, господин, понимаю свое „я“ как грубое, имеющее форму, состоящее из четырех великих элементов, питающееся материальной пищей».

«Даже если бы свое „я“, Поттхапада, было у тебя грубым, имеющим форму, состоящим из четырех великих элементов, питающимся материальной пищей, то и тогда, Поттхапада, сознание было бы у тебя одним, а свое „я“ — другим. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание — одно, а свое „я“ — другое. И пусть, Поттхапада, это свое „я“ остается грубым, имеющим форму, состоящим из четырех великих элементов, питающимся материальной пищей, — все же у этого человека возникают одни [состояния] сознания, и уничтожаются другие [состояния] сознания. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание — одно, а свое „я“ — другое».

22. «[Тогда], господин, я понимаю свое „я“ как состоящее из разума, наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях».

«Даже если бы свое „я“, Поттхапада, было у тебя состоящим из разума, наделенным всеми большими и малыми частями, не знающим ущерба в жизненных способностях, то и тогда, Поттхапада, сознание было бы у тебя одним, а свое „я“ — другим. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание — одно, а свое „я“ — другое. И пусть, Поттхапада это свое „я“ остается состоящим из разума, наделенным всеми большими и малыми частями, не знающим ущерба в жизненных способностях, — все же у этого человека возникают одни [состояния] сознания, и уничтожаются другие [состояния] сознания. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание — одно, а свое „я“ — другое».

23. «[Тогда], господин, я понимаю свое „я“ как лишенное формы, состоящее из сознания».

«Даже если бы свое „я“, Поттхапада, было у тебя лишенным формы, состоящим из сознания, то и тогда, Поттхапада, сознание было бы у тебя одним, а свое „я“ — другим. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание — одно, а свое „я“ — другое. И пусть, Поттхапада это свое „я“ остается лишенным формы, состоящим из сознания — все же у этого человека возникают одни [состояния] сознания, и уничтожаются другие [состояния] сознания. Таким образом, Поттхапада, следует знать, что сознание — одно, а свое „я“ — другое».

24. «Но можно ли мне, господин, узнать является ли сознание тем же, что и свое „я“ человека, или же сознание — одно, а свое „я“ — другое?»

«Трудно, Поттхапада, тебе, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, узнать, является ли сознание тем же, что и свое „я“ человека, или же сознание — одно, а свое „я“ — другое».

25. «Если, господин, трудно мне, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, узнать, является ли сознание тем же, что и свое „я“ человека, или же сознание — одно, а свое „я“ — другое, то [скажи], господин, мир вечен? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир вечен и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, мир не вечен? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир не вечен и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, мир конечен? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир конечен и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, мир бесконечен? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что мир бесконечен и что это — правда, а прочее — заблуждение».

26. «Господин, является ли жизненное начало тем же, что и тело? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что жизненное начало — то же, что и тело, и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, жизненное начало — одно, а тело — другое? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что жизненное начало — одно, а тело — другое и что это — правда, а прочее — заблуждение».

27. «Господин, Татхагата существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата существует после смерти и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, Татхагата не существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата не существует после смерти и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, Татхагата и существует, и не существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата и существует, и не существует после смерти и что это — правда, а прочее — заблуждение».

«Господин, Татхагата ни существует, ни не существует после смерти? Является ли это правдой, а прочее — заблуждением?»

«Мной не было объяснено, Поттхапада, что Татхагата ни существует, ни не существует после смерти и что это — правда, а прочее — заблуждение».

28. «Почему же, господин, [это] не было объяснено Благостным?»

«Ведь это, Поттхапада, не приносит пользы, не связано с истиной, не относится к целомудрию, не ведет ни к отвращению [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббанае. Поэтому оно не было мной объяснено».

29. «Что же, господин, было объяснено Благостным?»

«„Это — страдание“ — вот что, Поттхапада, было мной объяснено. „Это — возникновение страдания“ — вот что, Поттхапада, было мной объяснено. „Это — уничтожение страдания“ — вот что, Поттхапада, было мной объяснено. „Это —

путь, ведущий к уничтожению страдания“, — вот что, Поттхапада, было мной объяснено».

30. «Почему же, господин, [это] было объяснено Благостным?»

«Ведь это, Поттхапада, приносит пользу, это связано с истиной, это относится к целомудрию, это ведет к отвращению [от мира], к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к постижению, к просветлению, к ниббанае. Поэтому оно было мной объяснено».

«Это так, Благостный! Это так, Счастливый! [Делай] теперь, господин, как Благостный считает нужным».

И тогда Благостный, поднявшись с сиденья, удалился.

31. И вот, вскоре после того как Благостный удалился, те странствующие аскеты стали со всех сторон задевать язвительной речью странствующего аскета Поттхападу: «Да ведь этот Поттхапада одобряет все, что ни говорит отшельник Готама, [повторяя]: „Это так, Благостный! Это так, Счастливый!“ Мы же не знаем ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, — вечен мир или не вечен мир, конечен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало — одно, а тело — другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти».

Когда так было сказано, странствующий аскет Поттхапада сказал тем странствующим аскетам: «И я, почтенные, не знаю ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, — вечен мир или не вечен мир, конечен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало — одно, а тело — другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. Но отшельник Готама учит подлинному, правильному, настоящему пути, основанному на истине и следующему истине. Как же разумный человек, подобный мне, не выскажет одобрения хорошо сказанному отшельником Готамой, как хорошо сказанному, когда [тот] учит подлинному, правильному, настоящему пути, основанному на истине и следующему истине?»

32. И вот два или три дня спустя Читта, сын Хаттхисари, и странствующий аскет Поттхапада приблизились к Благостному. Приблизившись, Читта, сын Хаттхисари, приветствовал Благостного и сел в стороне, и странствующий аскет Поттхапада обменялся с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И, сидя в стороне, странствующий аскет Поттхапада так сказал Благостному:

«Господин, тогда, вскоре после того как Благостный удалился, странствующие аскеты стали со всех сторон задевать меня язвительной речью: „Да ведь этот Поттхапада одобряет все, что ни говорит отшельник Готама, [повторяя]: ‘Это так, Благостный! Это так, Счастливый!’ Мы же не знаем ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, — вечен мир или не вечен мир, коне-

чен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало — одно, а тело — другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти“. Когда так было сказано, я, господин, сказал тем странствующим аскетам: „И я, почтенные, не знаю ни одного положения, которое разъяснил бы отшельник Готама, — вечен мир или не вечен мир, конечен мир или бесконечен мир, является ли жизненное начало тем же, что и тело, или жизненное начало — одно, а тело — другое; существует ли Татхагата после смерти, или Татхагата не существует после смерти, или Татхагата и существует, и не существует после смерти, или Татхагата ни существует, ни не существует после смерти. Но отшельник Готама учит подлинному, правильному, настоящему пути, основанному на истине и следующему истине. Как же разумный человек, подобный мне, не выскажет одобрения хорошо сказанному отшельником Готамой, как хорошо сказанному?“»

33. «Все эти странствующие аскеты, Поттхапада, слепы и не видят; ты — единственный среди них, который видишь. Ведь одни положения Поттхапада, были мной разъяснены и преподаны, а другие положения, Поттхапада, мной не были разъяснены и преподаны. Какие же положения, Поттхапада, мной не были разъяснены и преподаны? „Мир вечен“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Мир не вечен“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Мир конечен“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Мир бесконечен“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Жизненное начало является тем же, что и тело“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Жизненное начало — одно, а тело — другое“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Татхагата существует после смерти“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Татхагата не существует после смерти“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Татхагата и существует, и не существует после смерти“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано. „Татхагата ни существует, ни не существует после смерти“ — это положение, Поттхапада, мной не было разъяснено и преподано.

Почему же, Поттхапада, мной не были разъяснены и преподаны эти положения? Ведь они, Поттхапада, не приносят пользы, не связаны с истиной, не относятся к целомудрию, не ведут ни к отказу [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббана. Поэтому мной не были разъяснены и преподаны эти положения.

Какие же положения, Поттхапада, были мной объяснены и преподаны? „Это — страдание“ — вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано. „Это — возникновение страдания“ — вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано. „Это — уничтожение страдания“ — вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано. „Это — путь,

ведущий к уничтожению страдания“ — вот какое положение, Поттхапада, было мной разъяснено и преподано.

Почему же, Поттхапада, мной были разъяснены и преподаны эти положения? Ведь они, Поттхапада, приносят пользу, они связаны с истиной, они относятся к целомудрию, они ведут к отказу [от мира], к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к постижению, к просветлению, к ниббанае. Поэтому мной были разъяснены и преподаны эти положения.

34. Есть, Поттхапада, некоторые отшельники и брахманы, которые проповедуют так, считают так: „После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга“. Я приблизился [к ним] и сказал: „Правда ли, достопочтенные, что вы так проповедуете и так считаете: ‘После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга’“. И, будучи спрошены, они согласились, что это так. Тогда я сказал: „Приходилось ли вам, достопочтенные, знать или видеть всецело счастливый мир?“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Приходилось ли вам, достопочтенные сознать свое ‘я’ всецело счастливым хотя бы в течение одной ночи, или одного дня, или половины ночи, или половины дня?“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Знаете ли вы, достопочтенные: ‘Вот путь, вот способ испытать [существование во] всецело счастливом мире?’“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Слыхали ли вы, достопочтенные, голос тех божеств, которые достигли всецело счастливом мира и говорят: ‘Следуйте должным путем, достойные, следуйте прямым путем, достойные, чтобы испытать [существование во] всецело счастливом мире, — ведь мы, достойные, следуя подобным путем, достигли всецело счастливом мира’“. Будучи спрошены, они сказали, что нет. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этих отшельников и брахманов необоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то слова этих отшельников и брахманов оказываются необоснованными».

35. «Ведь подобным же образом, Поттхапада, мужчина мог бы сказать: „Я желаю, я люблю самую прекрасную женщину в этой стране“. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, — кто эта самая прекрасная женщина в стране: кшатрийка, брахманка, вайшийка или шудрянка?“ И, будучи спрошен, он сказал бы, что не [знает]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, — каково имя этой самой прекрасной женщины в стране, каков род, высокого она роста, низкого или среднего, темная [у нее] кожа, черная или золотистая, в каком селении, торговом поселке или городе она живет?“ — И, будучи спрошен, он сказал бы, что не [знает]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, не желаешь ли ты и любишь ту, которой не знаешь и не видишь?“ — И, будучи спрошен, он сказал бы, что это так. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными».

36. «Так же точно, Поттхапада, обстоит и с теми отшельниками и брахманами, которые проповедуют так, считают так: „После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга“. Я приблизился к ним и сказал: „Правда ли, достопочтенные, что вы так проповедуете и так считаете: ‘После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга?’“ И, будучи спрошены, они согласились, что это так. Тогда я сказал: „Приходилось ли вам, достопочтенные, знать или видеть всецело счастливый мир?“ И, будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Приходилось ли вам, достопочтенные, сознавать свое ‘я’ всецело счастливым хотя бы в течение одной ночи, или одного дня, или половины ночи, или половины дня?“ И, будучи спрошены, они согласились, что нет. Тогда я сказал: „Знаете ли вы, достопочтенные: ‘Вот путь, вот способ испытать [существование во] всецело счастливом мире?’“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Слыхали ли вы, достопочтенные, голос тех божеств, которые достигли всецело счастливого мира и говорят: ‘Следуйте должным путем, достойные, следуйте прямым путем, достойные, чтобы испытать [существование во] всецело счастливом мире, — ведь мы, достойные, следуя подобным путем, достигли всецело счастливого мира’“. Будучи спрошены, они сказали, что нет. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этих отшельников и брахманов необоснованными?»

«Несомненно господин, если так, то слова этих отшельников и брахманов оказываются необоснованными».

37. «Ведь подобным же образом, Поттхапада, мужчина мог бы соорудить на перекрестке лестницу, чтобы подняться на террасу [дома]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, — расположена ли эта терраса с восточной стороны, с западной стороны, с северной стороны или с южной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?“ — И, будучи спрошен, он сказал бы, что не [знает]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, не сооружаешь ли ты лестницу, чтобы подняться на террасу, которой не знаешь и не видишь?“ — И, будучи спрошен, он сказал бы, что это так. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными».

38. «Так же точно, Поттхапада, обстоит и с теми отшельниками и брахманами, которые проповедуют так, считают так: „После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга“. Я приблизился [к ним] и сказал: „Правда ли, достопочтенные, что вы так проповедуете и так считаете: ‘После смерти свое ‘я’ всецело счастливо, свободно от недуга?’“ И, будучи спрошены, они согласились, что это так. Тогда я сказал: „Приходилось ли вам, достопочтенные, знать или видеть всецело счастливый мир?“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Приходилось ли вам, достопочтенные сознавать свое ‘я’ всецело счастливым хотя бы в течение одной ночи, или одного дня, или половины ночи, или половины дня?“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Знаете ли вы, достопочтенные: ‘Вот путь, вот способ испытать [существование во] всецело

счастливым мире?“ Будучи спрошены, они сказали, что нет. Тогда я сказал: „Слыхали ли вы, достопочтенные, голос тех божеств, которые достигли всецело счастливого мира и говорят: ‘Следуйте должным путем, достойные, следуйте прямым путем, достойные, чтобы испытать [существование во] всецело счастливым мире, — ведь мы, достойные, следуя подобным путем, достигли всецело счастливого мира’“. Будучи спрошены, они сказали, что нет. Как же ты думаешь об этом, Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этих отшельников и брахманов необоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то слова этих отшельников и брахманов оказываются необоснованными».

39. «Вот, Поттхапада, какие [виды] своего „я“ [могут быть] обретены: обретение грубого „я“; обретение „я“, состоящего из разума; обретение „я“, лишённого формы. Каково же, Поттхапада, обретение грубого „я“? [Когда свое „я“] имеет форму, состоит из четырех великих элементов, питается материальной пищей, то это — обретение грубого „я“. Каково же обретение „я“, состоящего из разума? [Когда свое „я“] имеет форму, состоит из разума, наделено всеми большими и малыми частями, не знает ущерба в жизненных способностях, то это — обретение „я“, состоящего из разума. Каково же обретение „я“, лишённого формы? [Когда свое „я“] лишено формы, состоит из сознания, то это — обретение „я“, лишённого формы.

40. И вот, Поттхапада, я разъясняю истину, ведущую к отказу от обретения грубого „я“; у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения. Но, может быть, ты, Поттхапада, скажешь себе так: „Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения, но существование будет несчастным“. Не следует, Поттхапада, так смотреть на это. Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения; и будут удовлетворенность, и радость, и успокоение, и способность самосознания, и вдумчивость, и счастливое существование.

41. И вот, Поттхапада, я разъясняю истину, ведущую к отказу от обретения „я“, состоящего из разума; у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения. Но, может быть, ты, Поттхапада, скажешь себе так: „Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения, но существование будет несчастным“. Не следует, Поттхапада, так смотреть на это. Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения; и будут удовлетворенность, и радость, и успокоение, и способность самосознания, и вдумчивость, и счастливое существование.

42. И вот, Поттхапада, я разъясняю истину, ведущую к отказу от обретения „я“, лишённого формы; у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения. Но может быть ты, Поттхапада, скажешь себе так: „Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения, но существование будет несчастным“. Не следует, Поттхапада, так смотреть на это. Исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и можно будет жить, самому познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения; и будут удовлетворенность, и радость, и успокоение, и способность самосознания, и вдумчивость, и счастливое существование.

43. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: „Что это, достопочтенные, за обретение грубого ‘я’, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“ Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: „Это и есть, достопочтенные, то самое [ваше] обретение грубого ‘я’, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения“.

44. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: „Что это, достопочтенные, за обретение ‘я’, состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“ Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: „Это и есть, достопочтенные, то самое [ваше] обретение ‘я’, состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения“.

45. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: „Что это, достопочтенные, за обретение ‘я’, лишённого формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“ Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: „Это и есть, достопочтенные, то самое [ваше] обретение ‘я’, лишённого формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“

Как же ты думаешь об этом Поттхапада? Если так, то не оказываются ли эти слова хорошо обоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то эти слова оказываются хорошо обоснованными».

46. «Ведь подобным же образом, Поттхапада, мужчина мог бы соорудить лестницу под самой террасой дома, чтобы подняться на террасу дома. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, — расположена ли эта терраса с восточной стороны, с западной стороны, с северной стороны или с южной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?“ И он сказал бы: „Да ведь это и есть, достопочтенные, та терраса, для подъема на которую я сооружаю лестницу под самой террасой“. Как же ты думаешь об этом Поттхапада? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины хорошо обоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то эти слова этого мужчины оказываются хорошо обоснованными».

47. «Так же точно, Поттхапада, и другие могли бы спросить нас так: „Что это, достопочтенные, за обретение грубого ‘я’, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“ Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: „Это и есть, достопочтенные, то самое [ваше] обретение грубого ‘я’, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения“. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: „Что это, достопочтенные, за обретение ‘я’, состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“ Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: „Это и есть, достопочтенные, то самое [ваше] обретение ‘я’, состоящего из разума, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения“. И другие, Поттхапада, могли бы спросить нас так: „Что это, достопочтенные, за обретение ‘я’, лишнего формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая вами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения?“ Будучи спрошены, мы могли бы ответить им так: „Это и есть, достопочтенные, то самое [ваше] обретение ‘я’, лишнего формы, к отказу от которого ведет истина, разъясняемая нами, так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения“.

Как же ты думаешь об этом Поттхапада? Если так, то не оказываются ли эти слова хорошо обоснованными?»

«Несомненно, господин, если так, то эти слова оказываются хорошо обоснованными».

48. Когда так было сказано, Читта сын Хатхисари, сказал: «Господин, когда человек обретает грубое „я“, то в это время для него неосуществимо обретение „я“, состоящего из разума, и неосуществимо обретение „я“, лишённого формы? Для него в это время существует лишь обретение грубого „я“? Господин, когда человек обретает „я“, состоящее из разума, то в это время для него неосуществимо обретение грубого „я“ и неосуществимо обретение „я“, лишённого формы? Для него в это время существует лишь обретение „я“, состоящего из разума? Господин, когда человек обретает „я“, лишённое формы, то в это время для него неосуществимо обретение грубого „я“ и неосуществимо обретение „я“, состоящего из разума? Для него в это время существует лишь „я“, лишённое формы?»

49. «Когда, Читта, существует обретение грубого „я“, то в это время нет речи об обретении „я“, состоящего из разума, и нет речи об обретении „я“, лишённого формы, — в это время речь идет лишь об обретении грубого „я“. Когда, Читта, существует обретение „я“, состоящего из разума, то в это время нет речи об обретении грубого „я“ и нет речи об обретении „я“, лишённого формы, — в это время речь идет лишь об обретении „я“, состоящего из разума. Когда, Читта, существует обретение „я“, лишённого формы, то в это время нет речи об обретении грубого „я“ и нет речи об обретении „я“, состоящего из разума, — в это время речь идет лишь об обретении „я“, лишённого формы. И если бы, Читта, тебя спросили так: „Существовал ли ты в прошлое время — ведь не было так, чтобы ты не существовал? Будешь ли ты существовать в будущем времени — ведь не будет так, что ты не будешь существовать? Существоешь ли ты сейчас — ведь нет того, что ты не существуешь?“ — то как бы, Читта, ты ответил, будучи спрошен?»

«Если бы, господин, меня спросили так: „Существовал ли ты в прошлое время — ведь не было так, чтобы ты не существовал? Будешь ли ты существовать в будущем времени — ведь не будет так, что ты не будешь существовать? Существоешь ли ты сейчас — ведь нет того, что ты не существуешь?“ — то, будучи спрошен, я, господин, ответил бы так: „Я существовал в прошлое время — не было так, чтобы я не существовал. Я буду существовать в будущем времени — не будет так, что я не буду существовать. Я существую сейчас — нет того, что я не существую“. Вот как, господин, я ответил бы, будучи спрошен».

50. «А если бы, Читта, тебя еще спросили так: „То обретение своего ‘я’, которое было у тебя в прошлом, — было ли у тебя действительным лишь это обретение своего ‘я’, а будущее [обретение своего ‘я’] — мнимым и настоящее — мнимым? То обретение своего ‘я’, которое будет у тебя в будущем, — будет ли у тебя действительным лишь это обретение своего ‘я’, а прошлое [обретение своего ‘я’] — мнимым и настоящее — мнимым? То обретение своего ‘я’, которое есть у тебя сейчас, — является ли у тебя действительным лишь это обретение своего ‘я’, а прошлое [обретение своего ‘я’] — мнимым и будущее — мнимым?“ — то, будучи спрошен, как бы, Читта, ты ответил?»

«Если бы, господин, меня еще спросили так: „То обретение своего ‘я’, которое было у тебя в прошлом, — было ли у тебя действительным лишь это обретение своего ‘я’, а будущее [обретение своего ‘я’] — мнимым и настоящее — мнимым? То обретение своего ‘я’, которое будет у тебя в будущем, — будет ли у тебя действительным лишь это обретение своего ‘я’, а прошлое [обретение своего ‘я’] — мнимым и настоящее — мнимым? То обретение своего ‘я’, которое есть у тебя сейчас, — является ли у тебя действительным лишь это обретение своего ‘я’, а прошлое [обретение своего ‘я’] — мнимым и будущее — мнимым?“ — то, будучи спрошен, я, господин, ответил бы так: „То обретение своего ‘я’, которое было у меня в прошлом, — это обретение своего ‘я’ было у меня в это время действительным, а будущее [обретение своего ‘я’] — мнимым и настоящее — мнимым. То обретение своего ‘я’, которое будет у меня в будущем, — это обретение своего ‘я’ будет у меня в это время действительным, а прошлое [обретение своего ‘я’] — мнимым и настоящее — мнимым. То обретение своего ‘я’, которое есть у меня сейчас, — это обретение своего ‘я’ является у меня действительным, а прошлое [обретение своего ‘я’] — мнимым и будущее — мнимым“. — Вот как, господин, я ответил бы, будучи спрошен».

51. «Так же точно, Читта, и когда существует обретение грубого „я“, то в это время нет речи об обретении „я“, состоящего из разума, и нет речи об обретении „я“, лишенного формы, — в это время речь идет лишь об обретении грубого „я“. И когда, Читта, существует обретение „я“, состоящего из разума, то в это время нет речи об обретении грубого „я“ и нет речи об обретении „я“, лишенного формы, — в это время речь идет лишь об обретении „я“, состоящего из разума. И когда, Читта, существует обретение „я“, лишенного формы, то в это время нет речи об обретении грубого „я“ и нет речи об обретении „я“, состоящего из разума, — в это время речь идет лишь об обретении „я“, лишенного формы.

52. Ведь подобным же образом, Читта, от коровы бывает молоко, от молока — творог, от творога — свежее масло, от свежего масла — очищенное масло, от очищенного масла — масляная пена; и когда есть молоко, то в это время нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи об очищенном масле, нет речи о масляной пене — в это время речь идет лишь о молоке; и когда есть творог, то в это время нет речи о молоке, нет речи о свежем масле, нет речи об очищенном масле, нет речи о масляной пене — в это время речь идет лишь о твороге; и когда есть свежее масло, то в это время нет речи о молоке, нет речи о твороге, нет речи об очищенном масле, нет речи о масляной пене — в это время речь идет лишь о свежем масле; и когда есть очищенное масло, то в это время нет речи о молоке, нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи о масляной пене — в это время речь идет лишь об очищенном масле; и когда есть масляная пена, то в это время нет речи о молоке, нет речи о твороге, нет речи о свежем масле, нет речи об очищенном масле — в это время речь идет лишь о масляной пене.

53. Так же точно, Читта, и когда существует обретение грубого „я“, то в это время нет речи об обретении „я“, состоящего из разума, и нет речи об обретении „я“, лишенного формы, — в это время речь идет лишь об обретении грубого „я“.

И когда, Читта, существует обретение „я“, состоящего из разума, то в это время нет речи об обретении грубого „я“ и нет речи об обретении „я“, лишенного формы, — в это время речь идет лишь об обретении „я“, состоящего из разума. И когда, Читта, существует обретение „я“, лишенного формы, то в это время нет речи об обретении грубого „я“ и нет речи об обретении „я“, состоящего из разума, — в это время речь идет лишь об обретении „я“, лишенного формы. Ибо это, Читта, лишь обычные имена, обычные выражения, обычные способы обозначения, обычные описания, и Татхагата употребляет эти способы обозначения, не привязываясь [к ним]».

54. Когда так было сказано, странствующий аскет Поттхапада так сказал Благостному:

«Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Путь же Благостный примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище».

55. И Читта, сын Хаттхисари, так сказал Благостному:

«Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обрету я, господин, странничество вблизи Благостного, да обрету я доступ в общину!»

56. И так Читта, сын Хаттхисари, обрел странничество вблизи Благостного, обрел доступ в общину. И вскоре после того как достопочтенный Читта, сын Хаттхисари, обрел доступ в общину, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, рвении и решимости, скоро сам познал, испытал и обрел в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия — и постиг: «Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием». И так достопочтенный Читта, сын Хаттхисари, стал одним из архатов.

Окончена девятая «Поттхапада-сутта».

Х. «Субха-сутта» («Сутта о Субхе»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды, вскоре после полного успокоения Благостного, достопочтенный Ананда остановился в Саваттхи, в Джетаване, в [монашеской] роще Анатхапиндики. И в это самое время юный Субха, сын Тодейи, находился в Саваттхи по некоторому делу.

1.2. И вот юный Субха, сын Тодейи, обратился к другому юноше: «Иди, юноша, приблизься к отшельнику Ананде и, приблизившись, спроси от моего имени отшельника Ананду, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие: „Юный Субха, сын Тодейи, спрашивает достопочтенного Ананду, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие?“ и еще скажи так: „Право же, хорошо будет, если досточтимый Ананда окажет милость и приблизится к дому юного Субхи, сына Тодейи“».

1.3. «Хорошо, почтенный», — согласился юноша с юным Субхой, сыном Тодейи, приблизился к достопочтенному Ананде; приблизившись, он обменялся с достопочтенным Анандой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот, сидя в стороне, этот юноша так сказал достопочтенному Ананде: «Юный Субха, сын Тодейи, спрашивает досточтимого Ананду, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие, и говорит так: „Право же, хорошо будет, если досточтимый Ананда окажет милость и приблизится к дому юного Субхи, сына Тодейи“».

1.4. Когда так было сказано, достопочтенный Ананда сказал этому юноше: «Сейчас не время, юноша, ибо я выпил лекарство. Завтра же я, может быть, приближусь [к нему], если представятся время и возможность».

И тогда этот юноша, поднявшись с сиденья, приблизился к юному Субхе, сыну Тодейи, и, приблизившись, так сказал юному Субхе, сыну Тодейи:

«Мы передали речь почтенного этому досточтимому Ананде: „Юный Субха, сын Тодейи, спрашивает досточтимого Ананду, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие, и говорит так: ‘Право же, хорошо будет, если досточтимый Ананда окажет милость и приблизится к дому юного Субхи, сына Тодейи’“». Когда, почтенный, так было сказано, отшельник Ананда сказал мне: „Сейчас не время, юноша, ибо я выпил лекарство. Завтра же я, может быть, приближусь [к нему], если представятся

время и возможность“. И вот, почтенный, сделано так, что этот досточтимый Ананда дал возможность [надеяться на его] завтрашнее приближение».

1.5. И наутро, когда прошла эта ночь, достопочтенный Ананда оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, вместе со следующим за ним отшельником, монахом Четакой, приблизился к жилищу юного Субхи, сына Тодейи, и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. А юный Субха, сын Тодейи, приблизился к достопочтенному Ананде; приблизившись, он обменялся с достопочтенным Анандой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот, сидя в стороне, юный Субха, сын Тодейи, так сказал достопочтенному Ананде:

«Ведь досточтимый Ананда долгое время находился вблизи досточтимого Готама, прислуживая [ему] и пребывая рядом. И досточтимый Ананда должен знать, какие вещи хвалил досточтимый Готама, какими он побуждал, в каких наставлял и утверждал людей. Каковы же, почтенный Ананда, те вещи, которые хвалил досточтимый Готама, которыми он побуждал, в которых наставлял и утверждал людей?»

1.6. «Существует, юноша, три свода предписаний, которые хвалил Благодный, и здесь он побуждал, наставлял, утверждал людей. Каковы же эти три? Праведный свод нравственных предписаний, праведный свод предписаний о сосредоточенности, праведный свод предписаний о постижении. Эти три свода предписаний, юноша, и хвалил Благодный, и здесь он побуждал, наставлял, утверждал людей».

«Каков же, почтенный Ананда, этот праведный свод нравственных предписаний, который хвалил досточтимый Готама, которым он побуждал, в котором наставлял и утверждал людей?»

1.7. «Вот, юноша, в мир приходит Татхагата <...X.1.7–29 = II.40–63...>⁸. Таким, юноша, бывает монах, наделенный нравственностью.

1.30. Таков, юноша, этот праведный свод нравственных предписаний, который хвалил Благодный, которым он побуждал, в котором наставлял и утверждал людей. И все же есть здесь еще более высокий долг».

«Чудесно, почтенный Ананда! Необычайно, почтенный Ананда! Ведь этот праведный свод нравственных предписаний, почтенный Ананда, совершенен и не является несовершенным, и я, почтенный Ананда, не вижу столь совершенного праведного свода нравственных предписаний за пределами этой [общины], у других отшельников и брахманов. И если бы, почтенный Ананда, отшельники и брахманы за пределами этой [общины] могли бы увидеть у себя столь совершенный праведный свод нравственных предписаний, то были бы настолько удовлетворены, что сказали бы себе: „Этого достаточно! Сделано достаточно! Достигнута цель нашего отшельничества! Нет у нас никакого более высокого долга“. Но ведь досточтимый Ананда сказал так: „Все же есть здесь еще более высокий долг“».

[Окончен] первый раздел поучения в «Субха сутте».

⁸ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментарий.

2.1. «Каков же, почтенный Ананда, этот праведный свод предписаний о сосредоточенности, который хвалил досточтимый Готама, которым он побуждал, в котором наставлял и утверждал людей?»

«Как же, юноша, монах охраняет врата жизненных способностей <...X.2.1-13 = II.64-76...> достигает первой ступени созерцания <...> не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью.

2.13. И когда, юноша, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии; когда] он обливает, заливает, переполняет, пропитывает это тело радостью и счастьем, рожденным уединенностью, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным уединенностью, — это и есть часть его сосредоточенности.

2.14. И далее, юноша, монах <...> достигает второй ступени созерцания <...X.2.14-18 = II.77-82...> достигает четвертой ступени созерцания <...>. И когда, юноша, монах <...> достигает четвертой ступени созерцания <...> — это и есть часть его сосредоточенности.

2.19. Таков, юноша, этот праведный свод предписаний о сосредоточенности, который хвалил Благостный, которым он побуждал, в котором наставлял и утверждал людей. И все же есть здесь более высокий долг».

«Чудесно, почтенный Ананда! Необычайно, почтенный Ананда! Ведь этот праведный свод предписаний о сосредоточенности, почтенный Ананда, совершенен и не является несовершенным, и я, почтенный Ананда, не вижу столь совершенного праведного свода предписаний о сосредоточенности за пределами этой [общины], у других отшельников и брахманов. И если бы, почтенный Ананда, отшельники и брахманы за пределами этой [общины] могли бы увидеть у себя столь совершенный праведный свод предписаний о сосредоточенности, то были бы настолько удовлетворены, что сказали бы себе: „Этого достаточно! Сделано достаточно! Достигнута цель нашего отшельничества! Нет у нас никакого более высокого долга“. Но ведь досточтимый Ананда сказал так: „Все же есть здесь еще более высокий долг“.

2.20. Каков же, почтенный Ананда, этот праведный свод предписаний о постижении, который хвалил досточтимый Готама, которым он побуждал, в котором наставлял и утверждал людей?»

«Так, с сосредоточенным умом — чистым возвышенным <...X.2.20-22 = II.83, 84...>. Он постигает: <...> „здесь к нему привязано мое сознание“.

2.23. И когда, юноша, монах с сосредоточенным умом — чистым, возвышенным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к совершенному видению и постигает: „Вот это мое тело имеет форму, состоит из четырех великих элементов, рождено матерью и отцом, [представляет собой] скопление вареного риса

и кислого молока, непостоянно, подвержено разрушению, стиранию, распаду, уничтожению, и вот здесь заключено, здесь к нему привязано мое сознание“ — это и есть часть его постижения.

Так, с сосредоточенным умом <...X.2.23–35 = II.85–98...>. Он постигает: <...> „нет ничего вслед за этим состоянием“.

2.36. И когда, юноша, монах с сосредоточенным умом — чистым, возвышенным, незапятнанным, лишенным нечистоты, гибким, готовым к действию, стойким, непоколебимым — направляет и обращает ум к знанию об уничтожении порочных свойств и постигает в согласии с истиной: „Это — страдание“; постигает в согласии с истиной: „Это — возникновение страдания“; постигает в согласии с истиной: „Это — уничтожение страдания“; постигает в согласии с истиной: „Это — путь, ведущий к уничтожению страдания“; постигает в согласии с истиной: „Это — порочные свойства“; постигает в согласии с истиной: „Это — возникновение порочных свойств“; постигает в согласии с истиной: „Это — уничтожение порочных свойств“; постигает в согласии с истиной: „Это — путь, ведущий к уничтожению порочных свойств“; [когда] у него, знающего так, видящего так, ум освобождается от порочного свойства чувственности, ум освобождается от порочного свойства существования, ум освобождается от порочного свойства невежества, и в освобожденном возникает знание, что он освобожден, и он постигает: „Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием“ — это и есть часть его постижения.

2.37. Таков, юноша, этот праведный свод предписаний о постижении, который хвалил Благодный, которым он побуждал, в котором наставлял и утверждал людей. И нет здесь более высокого долга».

«Чудесно, почтенный Ананда! Необычайно, почтенный Ананда! Ведь этот праведный свод предписаний о постижении, почтенный Ананда, совершенен и не является несовершенным, и я, почтенный Ананда, не вижу столь совершенного праведного свода предписаний о постижении за пределами этой [общины], у других отшельников и брахманов. И нет здесь более высокого долга. Превосходно, почтенный Ананда! Превосходно, почтенный Ананда! Подобно тому, почтенный Ананда, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно досточтимый Ананда с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, почтенный Ананда, я иду как к прибежищу к Благодному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Путь же досточтимый Ананда примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище».

Окончена десятая «Субха-сутта».

XI. «Кеваддха-сутта» («Сутта о Кеваддхе»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный остановился в Наланде, в манговой роще Паварика. И вот юный домоправитель Кеваддха приблизился к Благостному и, приблизившись, приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, юный домоправитель Кеваддха так сказал Благостному:

«Господин, эта богатая, процветающая Наланда густо населена и полна людей, преданных Благостному. Хорошо будет, господин, если Благостный прикажет какому-нибудь монаху, чтобы тот с помощью недоступных человеку сил совершил сверхъестественное чудо. Тогда эта Наланда еще в большей мере станет предана Благостному».

Когда так было сказано, Благостный сказал юному домоправителю Кеваддхе: «Я не стану, Кеваддха, давать монахам такое указание: „Монахи, совершите здесь с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо для мирян в белых одеждах“».

2. И юный домоправитель Кеваддха во второй раз сказал Благостному:

«Господин, я не неволю Благостного, но все же я говорю так: „Господин, эта богатая, процветающая Наланда густо населена и полна людей, преданных Благостному. Хорошо будет, господин, если Благостный прикажет какому-нибудь монаху, чтобы тот с помощью недоступных человеку сил совершил сверхъестественное чудо. Тогда эта Наланда еще в большей мере станет предана Благостному».

И Благостный во второй раз сказал юному домоправителю Кеваддхе: «Я не стану, Кеваддха, давать монахам такое указание: „Монахи, совершите здесь с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо для мирян в белых одеждах“».

3. И юный домоправитель Кеваддха в третий раз сказал Благостному:

«Господин, я не неволю Благостного, но все же я говорю так: „Господин, эта богатая, процветающая Наланда густо населена и полна людей преданных Благостному. Хорошо будет, господин, если Благостный прикажет какому-нибудь монаху, чтобы тот с помощью недоступных человеку сил совершил сверхъестественное чудо. Тогда эта Наланда еще в большей мере станет предана Благостному».

«Я, Кеваддха, возгласил о трех чудесах, сам испытал и осуществив их. Каковы же эти три [вида чудес]? Сверхъестественное чудо, чудо обнаружения и чудо наставления.

4. Каково же, Кеваддха, сверхъестественное чудо? Вот, Кеваддха, монах осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным; будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз; беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается [из нее], словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом он достигает даже мира Брахмы. И другой, благочестивый верующий, видит его, этого монаха, осуществляющего различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становящегося многочисленным; будучи многочисленным, становящегося одним; становящегося видимым, будучи скрытым; беспрепятственно проходящего через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускающегося в землю и поднимающегося [из нее], словно из воды; не погружаясь, идущего по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносящегося в небо, словно крылатая птица; касающегося рукой и схватывающего солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом достигающего даже мира Брахмы.

5. И вот этот благочестивый верующий передает другому — не благочестивому и не верующему: „Как чудесна, почтенный, как необычайна, почтенный, великая сверхъестественная способность и великая власть отшельника. Ведь я видел монаха, осуществляющего различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становящегося многочисленным; будучи многочисленным, становящегося одним; становящегося видимым, будучи скрытым; беспрепятственно проходящего через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускающегося в землю и поднимающегося [из нее], словно из воды; не погружаясь, идущего по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносящегося в небо, словно крылатая птица; касающегося рукой и схватывающего солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом достигающего даже мира Брахмы“. И тогда тот не благочестивый и не верующий может сказать этому благочестивому верующему так: „Есть, почтенный, знание, называющееся [знанием] Гандхары. Благодаря ему этот монах и осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным; будучи многочисленным, становится одним; будучи видимым, становится скрытым; беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается [из нее], словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом он достигает даже мира Брахмы“. Как же ты думаешь об этом, Кеваддха? Может ли тот не благочестивый и не верующий сказать так этому благочестивому верующему?»

«Может сказать, господин».

«Поэтому, Кеваддха, я и усматриваю зло в сверхъестественном чуде, опасаясь, избегаю и стыжусь сверхъестественного чуда.

6. Каково же, Кеваддха, чудо обнаружения? Вот, Кеваддха, монах обнаруживает мысли, обнаруживает размышления, обнаруживает устремления рассудка, обнаруживает углубленные рассуждения других существ, других лиц [и говорит]: „Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление“. И другой, благочестивый верующий, видит этого монаха, обнаруживающего мысли, обнаруживающего размышления, обнаруживающего устремления рассудка, обнаруживающего углубленные рассуждения других существ, других лиц [и говорящего:] „Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление“.

7. И вот этот благочестивый верующий передает другому — не благочестивому и не верующему: „Как чудесна, почтенный, как необычайна, почтенный, великая сверхъестественная способность и великая власть отшельника. Ведь я видел монаха, обнаруживающего мысли, обнаруживающего размышления, обнаруживающего устремления рассудка, обнаруживающего углубленные рассуждения других существ и других лиц [и говорящего]: ‘Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление’“. И тогда тот не благочестивый и не верующий может сказать этому благочестивому верующему так: „Есть, почтенный, знание, называемое мантика. Благодаря ему этот монах и обнаруживает мысли, обнаруживает размышления, обнаруживает устремления рассудка, обнаруживает углубленные рассуждения других существ, других лиц [и говорит]: ‘Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление’“. Как же ты думаешь об этом, Кеваддха? Может ли тот не благочестивый и не верующий сказать так этому благочестивому верующему?»

«Может сказать, почтенный».

«Поэтому, Кеваддха, я и усматриваю зло в чуде обнаружения, опасаясь, избегаю и стыжусь чуда обнаружения.

8. Каково же, Кеваддха, чудо наставления? Вот, Кеваддха, монах наставляет таким образом: „Рассуждайте так, не рассуждайте иначе, внимайте этому, не внимайте тому, откажитесь от того, пребывайте, обретая это“. Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

9. И далее, вот, Кеваддха, в мир приходит Татхагата <...*XI.9–44 = II.40–75*...>⁹ он достигает первой ступени созерцания <...*XI.44–45 = II.75–76*...> и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным единенностью. Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

46. И далее, Кеваддха, монах <...*XI.46–50 = II.77–81*...> он достигает четвертой ступени созерцания <...*XI.50–51 = II.81–82*...>. Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

52. Так, с сосредоточенным умом — чистым, возвышенным <...*XI.52–66 = II.83–98*...>. Он постигает: <...> „нет ничего вслед за этим состоянием“. Это, Кеваддха, и называется чудом наставления.

⁹ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментариях.

67. Таковы, Кеваддха, три чуда, о которых я возгласил, сам испытав и осуществив их. Когда-то давно, Кеваддха, в этой же общине монахов у одного монаха возникло в сердце такое размышление: „Где же уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“ И вот, Кеваддха, этот монах достиг такого вида сосредоточенности, что перед [его] сосредоточенным умом открылся путь, ведущий к [миру] богов.

68. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам, [находящимся] при четырех Великих царях, и, приблизившись, так сказал богам, [находящимся] при четырех Великих царях: „Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги, [находящиеся] при четырех Великих царях, сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, четыре Великих царя — превосходнее и возвышеннее нас. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

69. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к четырем Великим царям и, приблизившись, так сказал четырем Великим царям: „Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, четыре Великих царя сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги, называемые тридцатью тремя, — превосходнее и возвышеннее нас. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

70. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к тридцати трем богам и, приблизившись, так сказал тридцати трем богам: „Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, тридцать три бога сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, повелитель богов по имени Сакка — превосходнее и возвышеннее нас. Он должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

71. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к повелителю богов Сакке и, приблизившись, так сказал повелителю богов Сакке: „Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?”

Когда, Кеваддха, так было сказано, повелитель богов Сакка сказал этому монаху: „Я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги по имени яма — превосходнее и возвышеннее меня. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

72. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам яма и, приблизившись, так сказал богам яма: „Где же, достопочтенные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?”

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги яма так сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, сын бога по имени Суяма — превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

73. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к сыну бога Суяме и, приблизившись, так сказал сыну бога Суяме: „Где же, достопочтенный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?”

Когда, Кеваддха, так было сказано, сын бога Суяма так сказал этому монаху: „Я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги по имени тусита — превосходнее и возвышеннее меня. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

74. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам тусита и, приблизившись, так сказал богам тусита: „Где же, достопочтенные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?”

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги тусита так сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, сын бога по имени Сантусита — превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

75. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к сыну бога Сантусите и, приблизившись, так сказал сыну бога Сантусите: „Где же, достопочтенный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?”

Когда, Кеваддха, так было сказано, сын бога Сантусита так сказал этому монаху: „Я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги по имени нимманарати — превосходнее и возвышеннее меня. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

76. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам нимманарати и, приблизившись, так сказал богам нимманарати: „Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги нимманарати так сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, сын бога по имени Суниммита — превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

77. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к сыну бога Суниммита и, приблизившись, так сказал сыну бога Суниммита: „Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, сын бога Суниммита так сказал этому монаху: „Я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги по имени параниммита-васаватти — превосходнее и возвышеннее меня. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

78. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам параниммита-васаватти и, приблизившись, так сказал богам параниммита-васаватти: „Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги параниммита-васаватти так сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, сын бога по имени Васаватти — превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

79. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к сыну бога [по имени] Васаватти и, приблизившись, так сказал сыну бога [по имени] Васаватти: „Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, сын бога Васаватти так сказал этому монаху: „Я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, боги, которые зовутся принадлежащими к свите Брахмы, — превосходнее и возвышеннее меня. Они и должны знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

80. И вот, Кеваддха, этот монах достиг такого вида сосредоточенности, что перед [его] сосредоточенным умом открылся путь, ведущий к [миру] Брахмы. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к богам, принадлежащим к свите Брахмы и, приблизившись, так сказал богам, принадлежащим к свите Брахмы: „Где же, достойные, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, боги, принадлежащие к свите Брахмы, так сказали этому монаху: „Мы тоже не знаем, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Но есть, монах, Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всемогущий, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего — превосходнее и возвышеннее нас. Он и должен знать, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха“.

„Где же, достойные, сейчас этот великий Брахма?“

„Мы тоже не знаем, монах, ни откуда Брахма, ни где Брахма, ни куда [направляется] Брахма. Но когда, монах, появляются знамения, рождается свет, открывается сияние, то тогда открывается Брахма. Ведь знамения, предшествующие откровению Брахмы, таковы, что рождается свет и открывается сияние“.

81. И вот, Кеваддха, вскоре [ему] открылся великий Брахма. И вот, Кеваддха, этот монах приблизился к великому Брахме и, приблизившись, сказал великому Брахме: „Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

Когда, Кеваддха, так было сказано, великий Брахма так сказал этому монаху: „Я, монах, — Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всемогущий, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего“.

82. И вот, Кеваддха, этот монах во второй раз сказал великому Брахме: „Я не спрашиваю этого, достойный: ‘Являешься ли ты Брахмой, великим Брахмой, победоносным, непобедимым, всевидящим, всемогущим, владыкой, творцом, созидателем, наилучшим устроителем, повелителем, отцом бывшего и будущего?’ Вот, что я спрашиваю, достойный: ‘Где же, достойный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?’“

И вот, Кеваддха, великий Брахма во второй раз сказал этому монаху: „Я, монах, — Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, все сильный, владыка, творец, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего“.

83. И вот, Кеваддха, этот монах в третий раз сказал великому Брахме: „Я не спрашиваю этого, достопочтенный: ‘Являешься ли ты Брахмой, великим Брахмой, победоносным, непобедимым, всевидящим, все сильным, владыкой, творцом, созидателем, наилучшим устроителем, повелителем, отцом бывшего и будущего?’ Вот, что я спрашиваю, достопочтенный: ‘Где же, достопочтенный, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?’“

И вот, Кеваддха, великий Брахма взял этого монаха за руку, отвел в сторону и так сказал этому монаху: „Вот, монах, эти боги, принадлежащие к свите Брахмы, считают так: ‘Нет ничего, что не видно Брахме; нет ничего, что не известно Брахме; нет ничего, что не испытано Брахмой’’. Поэтому я не отвечал в их присутствии. И я тоже не знаю, монах, где уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха. Поэтому, монах, ты поступил здесь дурно, ты сделал неправильно, что, оставив без внимания Благостного, отправился в другое место в поисках ответа на этот вопрос. Иди же, монах, и, приблизившись к Благостному, задай ему этот вопрос и, как Благостный ответит тебе, — так и считай“.

84. И вот, Кеваддха, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, так же точно этот монах исчез из мира Брахмы и появился передо мной. И вот, Кеваддха, монах приветствовал меня и сел в стороне. И, сидя в стороне, Кеваддха, этот монах сказал мне так: „Где же, господин, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?“

85. Когда так было сказано, я, Кеваддха, сказал этому монаху: „Когда-то давно, монах, морские торговцы, выходя на корабле в море, брали с собой птицу, видящую берег. Когда с корабля исчезал из вида берег, они выпускали птицу. И она летела в восточную сторону, летела в южную сторону, летела в западную сторону, летела в северную сторону, летела вверх, летела в промежуточные стороны света. И если где-либо она видела берег, то летела туда. Если же она нигде не видела берега, то возвращалась назад на корабль. Так же точно и ты, монах, отправился на поиски до самого мира Брахмы и, не найдя ответа на этот вопрос, вернулся ко мне. И не следует, монах, так задавать этот вопрос: ‘Где же, господин, уничтожаются без остатка эти четыре великих элемента, а именно: элемент земли, элемент воды, элемент огня и элемент воздуха?’ Вот как следует, монах, задавать этот вопрос:

‘Где лишены основания вода и земля, огонь, воздух?’

Где [лишены основания] длинное и короткое, тонкое и грубое, приятное и неприятное?

Где уничтожаются без остатка имя и форма?’

И вот ответ на это:

‘[Вот] лишённое признаков, бесконечное, отовсюду имеющее доступ сознание —

Здесь лишены основания вода и земля, огонь и воздух;

Здесь [лишены основания] длинное и короткое, тонкое и грубое, приятное и неприятное;

Здесь уничтожаются без остатка имя и форма.

С уничтожением сознания [все] это уничтожается здесь”“».

Так сказал Благостный. И удовлетворенный юный домоправитель Кеваддха возрадовался словам Благостного.

Окончена одиннадцатая «Кеваддха-сутта».

ХII. «Лохичча-сутта» («Сутта о Лохичче»)

1. Вот, что я слышал. Однажды Благостный, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибыл в Салаватику. И в это самое время брахман Лохичча обитал в Салаватике — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Косалы Пасенади в полное владение в качестве царского дара.

2. И в это самое время у брахмана Лохичча возникло такого рода порочное ложное воззрение: «Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом [человек], разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо, что один может сделать для другого?»

3. И брахман Лохичча услышал: «Поистине, почтенный отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, приблизился к Салаватике. И вот о нем, Благостном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный. Он возглашает об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он проповедует истину — превосходную в начале — превосходную в середине, превосходную в конце, в ее духе и букве; наставляет в единственно совершенном, чистом целомудрии. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему“».

4. И вот брахман Лохичча обратился к брадобрю Бхесике: «Иди, дорогой Бхесика, приблизься к отшельнику Готаме и, приблизившись, спроси от моего имени отшельника Готаму, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие: „Почтенный Готама, брахман Лохичча спрашивает досточтимого Готаму, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие?“ — и еще скажи так: „Право же, пусть досточтимый Готама соблаговолит завтра принять вместе с толпой монахов пропитание у брахмана Лохиччи“».

5. «Хорошо, господин», — согласился брадобрей Бхесика с брахманом Лохиччей, приблизился к Благостному и, приблизившись, приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, брадобрей Бхесика так сказал Благостному:

«Господин, брахман Лохичча спрашивает Благостного, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие, и говорит так: „Право же, господин, пусть Благостный соблаговолит завтра принять вместе с толпой монахов пропитание у брахмана Лохиччи“».

И Благостный соблаговолит [согласиться], пребывая в молчании.

6. Тогда брадобрей Бхесика, видя согласие Благостного, поднялся с сиденья, приветствовал Благостного, обошел [его] с правой стороны, приблизился к брахману Лохичче и, приблизившись, так сказал брахману Лохичче:

«Мы передали, господин, твою речь этому Благостному: „Господин, брахман Лохичча спрашивает Благостного, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие, и говорит так: ‘Право же, господин, пусть Благостный соблаговолит завтра принять вместе с толпой монахов пропитание у брахмана Лохиччи’“. И вот Благостный соблаговолит [согласиться]».

7. И вот с исходом этой ночи брахман Лохичча приготовил в своем жилище изысканную твердую пищу и мягкую пищу и обратился к брадобрю Бхесике:

«Иди, дорогой Бхесика, приблизься к отшельнику Готаме и, приблизившись, сообщи отшельнику Готаме о времени: „[Пришло] время, почтенный Готама, пища готова“».

«Хорошо, господин», — согласился брадобрей Бхесика с брахманом Лохиччей, приблизился к Благостному и, приблизившись, приветствовал Благостного и стал в стороне. И, стоя в стороне, брадобрей Бхесика сообщил Благостному о времени: «[Пришло] время, господин, пища готова». И тогда Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и приблизился с толпой монахов к Салаватике.

8. А в это самое время брадобрей Бхесика шаг за шагом следовал за Благостным. И вот брадобрей Бхесика так сказал Благостному:

«У брахмана Лохиччи возникло такого рода порочное ложное воззрение: „Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом [человек], разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо, что один может сделать для другого?“ Хорошо будет, господин, если Благостный освободит брахмана Лохиччу от этого порочного ложного воззрения».

«Поистине, так и может случиться, Бхесика, поистине, так и может случиться, Бхесика».

9. И вот Благостный приблизился к жилищу брахмана Лохиччи и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. И брахман Лохичча своей рукой угостил и насытил толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и мягкой

пищей. Когда Благостный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, брахман Лохичча выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И Благостный сказал так сидящему в стороне брахману Лохичче:

«Правда ли, Лохичча, что у тебя возникло такого рода порочное ложное воззрение: „Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом [человек], разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?“»

«Да, почтенный Готама».

10. «Как же ты думаешь об этом, Лохичча? Обитаешь ли ты в Салаватике?»

«Да, почтенный Готама».

«Если бы, Лохичча, кто-нибудь сказал: „Брахман Лохичча обитает в Салаватике — пусть же брахман Лохичча один пользуется доходами, получаемыми от Салаватики, и не делится с другими!“ — то говорящий так наносил бы ущерб живущим в зависимости от тебя или нет?»

«Наносил бы ущерб, почтенный Готама».

«Будучи наносящим ущерб, сочувствовал бы он им или не сочувствовал?»

«Не сочувствовал бы, почтенный Готама».

«Пребывает ли мысль у не сочувствующего в дружелюбии к ним или во вражде?»

«Во вражде, почтенный Готама».

«Когда мысль пребывает во вражде, является ли это ложным воззрением или истинным воззрением?»

«Ложным воззрением, почтенный Готама».

«При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей — [возрождение] в преисподней или в образе животного.»

11. Как же ты думаешь об этом Лохичча? Обитает ли царь Пасенади из Косалы в Каси и Косале?»

«Да, почтенный Готама».

«Если бы, Лохичча, кто-нибудь сказал: „Царь Пасенади из Косалы обитает в Каси и Косале — пусть же царь Пасенади из Косалы один пользуется доходами, получаемыми от Каси и Косалы, и не делится с другими!“, то говорящий так наносил бы ущерб живущим в зависимости от царя Пасенади из Косалы, — и тебе, и другим, — или нет?»

«Наносил бы ущерб, почтенный Готама».

«Будучи наносящим ущерб, сочувствовал бы он им или не сочувствовал?»

«Не сочувствовал бы, почтенный Готама».

«Пребывает ли мысль у не сочувствующего в дружелюбии к ним или во вражде?»

«Во вражде, почтенный Готама».

«Когда мысль пребывает во вражде, является ли это ложным воззрением или истинным воззрением?»

«Ложным воззрением, почтенный Готама».

«При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей — [возрождение] в преисподней или в образе животного

12. Итак, Лохичча, кто сказал бы: „Брахман Лохичча обитает в Салаватике — пусть же брахман Лохичча один пользуется доходами, получаемыми от Салаватики, и не делится с другими!“, тот, говоря так, наносил бы ущерб живущим в зависимости от тебя; будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы [им]; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением.

13. И точно так же, Лохичча, кто сказал бы: „Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом [человек], разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?“ — тот, говоря так, наносил бы ущерб тем людям из славных семейств, которые благодаря провозглашенной Благостным дхамме и должному поведению достигают великого отличия — испытывают плод вступления в поток, испытывают плод однократного возвращения [в этот мир], испытывают плод невозвращения [в этот мир], испытывают состояние архата, — которые дают созреть этим небесным зародышам для возрождения в небесных существованиях. Будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы им; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением. При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей — [возрождение] в преисподней или в образе животного.

14. Итак, Лохичча, кто сказал бы: „Царь Пасенади из Косалы обитает в Каси и Косале — пусть же царь Пасенади из Косалы один пользуется доходами, получаемыми от Каси и Косалы, и не делится с другими!“, тот, говоря так, наносил бы ущерб живущим в зависимости от царя Пасенади из Косалы, — и тебе, и другим; будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы [им]; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением.

15. И точно так же, Лохичча, кто сказал бы: „Ведь если бы отшельник или брахман достиг хороших свойств, то, достигнув хороших свойств, он не смог бы передать их другому, ибо что один может сделать для другого? Подобным же образом [человек], разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?“, тот, говоря так, наносил бы ущерб тем людям из благородных семейств, которые благодаря провозглашенной Благостным дхамме и должному поведению достигают великого отличия, — испытывают плод вступления в поток, испытывают плод однократного возвращения [в этот мир], испытывают плод невозвращения [в этот мир], испытывают состояние архата, — которые дают созреть этим небесным зародышам для возрождения в небесных су-

ществованиях. Будучи наносящим ущерб, он не сочувствовал бы им; мысль у не сочувствующего пребывает во вражде; когда же мысль пребывает во вражде, это является ложным воззрением. При ложном же воззрении, Лохичча, говорю я, сужден один из двух путей — [возрождение] в преисподней или в образе животного.

16. Есть, Лохичча, три вида учителей, которые подлежат порицанию в мире, и кто порицает подобных учителей, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно. Каковы же эти три вида? Вот, Лохичча, какой-нибудь учитель не достигает своей цели отшельничества — цели, ради которой он, оставив дом, странствует бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, он наставляет учеников в истине: „Это к вашей пользе, это к вашему счастью“. И эти ученики не слушают его, не склоняют [к нему] слуха, не приемлют умом это знание и отверщаются от наставления учителя. Его следует порицать так: „Достопочтенный! Ты не достиг своей цели отшельничества — цели, ради которой, оставив дом, странствуешь бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, ты наставляешь учеников в истине: ‘Это к вашей пользе, это к вашему счастью’“. И эти ученики не слушают тебя, не склоняют [к тебе] слуха, не приемлют умом это знание и отверщаются от наставления учителя. Подобным же образом [мужчина] мог бы стремиться к избегающей его или обнимать отворачивающуюся. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?“

Таков, Лохичча, первый вид учителей, который подлежит порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильное, согласно с истиной, безупречно.

17. И далее, Лохичча, вот какой-нибудь учитель не достигает своей цели отшельничества — цели, ради которой он, оставив дом, странствует бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, он наставляет учеников в истине: „Это к вашей пользе, это к вашему счастью“. И эти ученики слушают его, склоняют [к нему] слух, приемлют умом это знание и не отверщаются от наставления учителя. Его следует порицать так: „Достопочтенный! Ты не достиг своей цели отшельничества — цели, ради которой, оставив дом, странствуешь бездомным. И не достигнув этой цели отшельничества, ты наставляешь учеников в истине: ‘Это к вашей пользе, это к вашему счастью’“. И эти ученики слушают тебя, склоняют [к тебе] слух, приемлют умом это знание и не отверщаются от наставления учителя. Подобным же образом [человек], оставив свое поле, решил бы, что надо очищать чужое поле. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?“

Таков, Лохичча, второй вид учителей, который подлежит порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильное, согласно с истиной, безупречно.

18. И далее, Лохичча, вот какой-нибудь учитель достигает своей цели отшельничества — цели, ради которой он, оставив дом, странствует бездомным. И достигнув этой цели отшельничества, он наставляет учеников в истине: „Это

к вашей пользе, это к вашему счастью“. И эти ученики не слушают его, не склоняют [к нему] слуха, не приемлют умом это знание и отвращаются от наставления учителя. Его следует порицать так: „Достопочтенный! Ты достиг своей цели отшельничества — цели, ради которой, оставив дом, странствуешь бездомным. И достигнув этой цели отшельничества, ты наставляешь учеников в истине: “Это к вашей пользе, это к вашему счастью”. И эти ученики не слушают тебя, не склоняют [к тебе] слуха, не приемлют умом это знание и отвращаются от наставления учителя. Подобным же образом [человек], разрубив старые оковы, стал бы делать новые оковы. И вот я говорю, что свершение этого есть порочное свойство алчности. Ибо что один может сделать для другого?“

Таков, Лохичча, третий вид учителей, который подлежит порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно.

Таковы, Лохичча, три вида учителей, которые подлежат порицанию в мире, и кто порицает подобного учителя, порицание того правильно, согласно с истиной, безупречно».

19. Когда так было сказано, брахман Лохичча сказал Благостному: «Есть ли, почтенный Готама, какой-либо учитель, который не подлежит порицанию в мире?»

«Есть, Лохичча, учитель, который не подлежит порицанию в мире».

«Каков же, почтенный Готама, этот учитель, который не подлежит порицанию в мире?»

«Вот, Лохичча, в мир приходит Татхагата <...XII.19–54 = II.40–75...>¹⁰ он достигает первой ступени созерцания <...XII.54–55 = II.75–76...> и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано радостью и счастьем, рожденным единенностью.

55. И вот, Лохичча, когда у учителя ученик достигает столь великого отличия, то этот учитель, Лохичча, и не подлежит порицанию в мире. И кто порицает подобного учителя, порицание того неправильно, не согласно с истиной, достойно упрека.

56. И далее, Лохичча, монах <...XII.56–60 = II.77–81...> он достигает четвертой ступени созерцания <...XII.60–61 = II.81–82...>, и не остается во всем теле ничего, что не было бы пропитано чистым совершенным разумом.

И вот, Лохичча, когда у учителя ученик достигает столь великого отличия, то этот учитель, Лохичча, и не подлежит порицанию в мире. И кто порицает подобного учителя, порицание того неправильно, не согласно с истиной, достойно упрека.

62. Так, с сосредоточенным умом <...XII.62–77 = II.83–98...>. Он постигает: <...> „нет ничего вслед за этим состоянием“.

И вот, Лохичча, когда у учителя ученик достигает столь великого отличия, то этот учитель, Лохичча, и не подлежит порицанию в мире. И кто порицает подобного учителя, порицание того неправильно, не согласно с истиной, достойно упрека».

¹⁰ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментариях.

78. Когда так было сказано, брахман Лохичча сказал Благостному:

«Подобно тому, почтенный Готама, как человек, схватив за волосы человека, падающего со скалы в пропасть, поднял бы его и поставил на твердую землю, так же точно и я, падающий со скалы в пропасть, поднят досточтимым Готамой и поставлен на твердую землю. Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно досточтимый Готама с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот я иду как к прибежищу к Благостному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего здесь прибежище».

Окончена двенадцатая «Лохичча-сутта».

ХIII. «Тевиджджа-сутта» («Сутта о знании трех вед»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибыл в брахманское селение в Косале, по имени Манасаката. И там в Манасакате Благостный остановился в манговой роще у реки Ачиравати к северу от Манасакаты.

2. И в это самое время множество весьма знатных, богатых брахманов обитали в Манасакате, а именно: брахман Чанки, брахман Таруккха, брахман Поккхарасади, брахман Джануссоны, брахман Тодейя и другие весьма знатные, богатые брахманы.

3. И вот между Васеттхой и Бхарадваджей, совершавшими прогулку и пребывавшими в размышлении, возникла беседа о правильном пути и ложном пути.

4. Юный Васеттха сказал так: «Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади».

5. Юный Бхарадваджа сказал так: «Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха».

6. И вот ни юный Васеттха не мог убедить юного Бхарадваджу, ни юный Бхарадваджа не мог убедить юного Васеттху.

7. И тогда юный Васеттха обратился к юному Бхарадвадже:

«Бхарадваджа! Этот отшельник Готама, сын сакьев, из племени сакьев, странствуя, остановился в Манасакате, в манговой роще у реки Ачиравати, к северу от Манасакаты. И вот о нем, достопочтенном Готаме, идет такая добрая слава: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“. Пойдем же, почтенный Бхарадваджа, приблизимся к отшельнику Готаме и, приблизившись, спросим отшельника Готаму об этом деле. Как отшельник Готама ответит нам, так мы и будем считать».

«Хорошо, почтенный», — согласился юный Бхарадваджа с юным Васеттхой.

8. И вот юные Васеттха и Бхарадваджа приблизились к Благостному. Приблизившись, они обменялись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне. И, сидя в стороне, юный Васеттха так сказал Благостному:

«Вот, почтенный Готама, у нас, совершавших прогулку и пребывавших в размышлении, возникла беседа о правильном пути и ложном пути. Я говорю так: „Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади“. Юный Бхарадваджа сказал так: „Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха“. Тут, почтенный Готама, и возникло пререкание, возник спор, возникло разногласие».

9. «Итак, Васеттха, ты говоришь так: „Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Поккхарасади“. А юный Бхарадваджа сказал так: „Тот путь прям, та дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой, которые проповедует брахман Таруккха“. В чем же у вас, Васеттха, пререкание, в чем спор, в чем разногласие?»

10. «В [суждении] о правильном пути и ложном пути, почтенный Готама. Ведь разные брахманы, почтенный Готама, — брахманы Аддхария, брахманы Титтирия, брахманы Чхандока, брахманы Чхандава, брахманы Брахмачария — учат различным путям, и вот являются ли все эти [пути] избавлением, и выводят ли следующего по ним к соединению с Брахмой? Подобно тому, почтенный Готама, как недалеко от селения или торгового поселка бывает много различных путей, и все они встречаются вместе в селении, точно так же, почтенный Готама, и разные брахманы — брахманы Аддхария, брахманы Титтирия, брахманы Чхандока, брахманы Чхандава, брахманы Брахмачария — учат различным путям, и вот являются ли все эти [пути] избавлением, и выводят ли следующего по ним к соединению с Брахмой?»

11. «Ты говоришь: „выводят ли?“, Васеттха?»

«Я говорю „выводят ли?“, почтенный Готама»

«Ты говоришь: „выводят ли?“, Васеттха?»

«Я говорю „выводят ли?“, почтенный Готама».

«Ты говоришь: „выводят ли?“, Васеттха?»

«Я говорю „выводят ли?“, почтенный Готама».

12. «Как же, Васеттха? Есть ли среди брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один, который бы воочию видел Брахму?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

«Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один наставник, который бы воочию видел Брахму?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

«Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, какой-нибудь один наставник наставников, который бы воочию видел Брахму?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

«Как же, Васеттха? Есть ли у брахманов, сведущих в трех ведах, кто-нибудь, вплоть до седьмого поколения наставников, который бы воочию видел Брахму?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

13. «Как же, Васеттха? Те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматтаги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — говорили ли они так: „Мы знаем, мы видим, откуда Брахма, и где Брахма, и куда [направляется] Брахма?“»

«Конечно нет, почтенный Готама».

14. «Итак, Васеттха, нет среди брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного наставника, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, какого-нибудь одного наставника наставников, который бы воочию видел Брахму; нет у брахманов, сведущих в трех ведах, кого-нибудь, вплоть до седьмого поколения наставников, который бы воочию видел Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматтаги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — они не говорили так: „Мы знаем, мы видим, откуда Брахма, и где Брахма, и куда [направляется] Брахма“. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: „Мы проповедуем путь к соединению с тем, кого не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?»

«Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными».

15. «Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедовать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: „Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“. А такого быть не может. Подобно тому, Васеттха, как в веренице слепых, держащихся друг за друга, ни первый не видит, ни средний не видит, ни последний не видит, точно так же, Васеттха, и в словах брахманов, сведущих в трех ведах, как в веренице слепых, ни первый не видит, ни средний не видит,

ни последний не видит. И слова этих брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются смешными, оказываются болтовней, оказываются тщетными, оказываются пустыми.

16. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Видят ли брахманы, сведущие в трех ведах, луну и солнце, как и многие другие люди; молятся ли они и возносят ли хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце?»

«Да, почтенный Готама. Брахманы, сведущие в трех ведах, как и многие другие люди, видят луну и солнце; они молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце».

17. «Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Брахманы, сведущие в трех ведах, как и многие другие люди, видят луну и солнце, молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце, — могут ли они проповедывать путь к соединению с луной и солнцем: „Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с луной и солнцем“?».

«Конечно нет, почтенный Готама».

18. «Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, как и многие другие люди, видят луну и солнце, молятся и возносят хвалы, повернувшись с почтительно сложенными и протянутыми ладонями туда, откуда восходят и где заходят луна и солнце, — они не могут проповедывать путь к соединению с луной и солнцем: „Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с луной и солнцем“. Итак, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропеты, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, — они не говорили так: „Мы знаем, мы видим, откуда Брахма, и где Брахма, и куда [направляется] Брахма“. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: „Мы проповедуем путь к соединению с тем, чего не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?»

«Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедывать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: „Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“. А такого быть не может.

19. Ведь подобным же образом, Васеттха, мужчина мог бы сказать: „Я желаю, я люблю самую прекрасную женщину в этой стране“. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, кто эта самая прекрасная женщина в стране: кшатрийка, брахманка, вайшийка или шудрянка?“ И будучи спрошен, он сказал бы, что не [знает]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты о той самой прекрасной женщине в стране, которую ты желаешь и любишь, каково имя этой самой прекрасной женщины в стране, каков род, высокого она роста, низкого или среднего, темная [у нее] кожа, черная или золотистая, в каком селении, торговом поселке или городе она живет?“ И, будучи спрошен, он сказал бы, что не [знает]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, не желаешь ли ты и любишь ту, которой не знаешь и не видишь?“ И, будучи спрошен, он сказал бы, что это так.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?»

«Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными».

20. «Так же точно, Васеттха, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, они не говорили так: „Мы знаем, мы видим, откуда Брахма, и где Брахма, и куда [направляется] Брахма“. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: „Мы проповедуем путь к соединению с тем, чего не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?»

«Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедывать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят:

„Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“. А такого быть не может.

21. Ведь подобным же образом, Васеттха, мужчина мог бы соорудить на перекрестке лестницу, чтобы подняться на террасу [дома]. Если сказали бы на это: „Эй, мужчина, знаешь ли ты ту террасу, для подъема на которую сооружаешь лестницу, расположена ли эта терраса с восточной стороны, с южной стороны, с западной стороны или с северной стороны; высокая ли она, низкая или средняя?“ И, будучи спрошен, он сказал бы, что не [знает]. Ему сказали бы на это: „Эй, мужчина, не сооружаешь ли ты лестницу, чтобы подняться на террасу, которой не знаешь и не видишь?“ И, будучи спрошен, он сказал бы, что это так.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова этого мужчины необоснованными?»

«Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова этого мужчины оказываются необоснованными».

22. «Так же точно, Васеттха, право же, и брахманы, сведущие в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и наставники наставников брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму; и вплоть до седьмого поколения, наставники брахманов, сведущих в трех ведах, не видели воочию Брахму. Итак, и те мудрецы древности, которые были из брахманов, сведущих в трех ведах, а именно: Аттхака, Вамака, Вамадева, Вессамитта, Яматагги, Ангираса, Бхарадваджа, Васеттха, Кассапа, Бхагу, что составили священные тексты, передали священные тексты — древние священные тексты, слова которых пропетые, переданные, собранные вместе, брахманы, сведущие в трех ведах, теперь продолжают петь и продолжают произносить, продолжая произносить [некогда] произнесенное, продолжая изрекать изреченное, они не говорили так: „Мы знаем, мы видим, откуда Брахма, и где Брахма, и куда [направляется] Брахма“. Эти же сведущие в трех ведах брахманы, поистине, говорят так: „Мы проповедуем путь к соединению с тем, чего не знаем и не видим; этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“.

Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Если так, то не оказываются ли слова брахманов, сведущих в трех ведах, необоснованными?»

«Несомненно, почтенный Готама, если так, то слова брахманов, сведущих в трех ведах, оказываются необоснованными».

23. «Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, способны проповедывать путь к соединению с тем, чего не знают и не видят: „Этот путь прям, эта дорога направлена к избавлению и выводит следующего по ней к соединению с Брахмой“. А такого быть не может.

24. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящийся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И, стоя на этом берегу, он стал бы взывать к другому берегу: „Иди сюда, другой

берег, иди сюда, другой берег!“ Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы другой берег реки Ачиравати ради зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости этого человека перейти на этот берег?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

25. «Так же точно, Васеттха, и брахманы, сведущие в трех ведах, пребывая в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и, пребывая в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, говорят так: „Мы зываем к Инде, зываем к Соме, зываем к Варуне, зываем к Исане, зываем к Паджапати, зываем к Брахме, зываем к Махиддхи, зываем к Яме!“ Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, — ради [своего] зова, ради молитвы, ради надежды, ради радости, [они надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

26. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящийся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И на этом берегу ему крепкими путами туго связали бы руки за спиной. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы этот человек перейти с этого берега реки Ачиравати на другой берег?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

27. «Так же точно, Васеттха, эти пять признаков чувственности и зовутся путами, и зовутся оковами в [учении о] должном поведении праведника. Каковы же эти пять? Образы, воспринимаемые глазом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; звуки, воспринимаемые ухом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; запахи, воспринимаемые носом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; вкусы, воспринимаемые языком, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; прикосновения, воспринимаемые телом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные. Эти пять признаков чувственности, Васеттха, и зовутся путами, и зовутся оковами в [учении о] должном поведении праведника. Этим пяти признакам чувственности, Васеттха, и предаются брахманы, сведущие в трех ведах, будучи опутаны, одурманены, охвачены [ими], не видя [их] зла, не постигая [их] преодоления.

28. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, — предаваясь пяти признакам чувственности, будучи опутаны, одурманены, охвачены [ими], не видя [их] зла, не постигая [их] преодоления, связанные узами чувственности [они надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

29. Ведь подобным же образом, Васеттха, эта река Ачиравати могла бы быть полноводной, наполненной до краев, так что даже ворона могла бы пить из нее, и вот человек, имеющий дело на другом берегу, стремящийся на другой берег, пришел бы, желая перейти на другой берег, переправиться на другой берег. И на этом берегу он улегся бы [спать], укрывшись с головой. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Мог бы этот человек перейти с этого берега реки Ачиравати на другой берег?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

30. «Так же точно, Васеттха, эти пять преград и зовутся заграждающими, и зовутся преграждающими, и зовутся закрывающими, и зовутся покрывающими в [учении о] должном поведении праведника. Каковы же эти пять? Преграда чувственного возбуждения, преграда злонамеренности, преграда косности, преграда беспокойства и терзаний, преграда сомнения. Эти пять преград, Васеттха, и зовутся заграждающими, и зовутся преграждающими, и зовутся закрывающими, и зовутся покрывающими в [учении о] должном поведении праведника. Этими пятью преградами, Васеттха, заграждены, ограждены, закрыты, покрыты брахманы, сведущие в трех ведах. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, пребывают в отказе от тех свойств, которые делают брахманом, и пребывают в приверженности к тем свойствам, которые делают не-брахманом, — будучи заграждены, ограждены, закрыты, покрыты пятью преградами, [они надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой. А такого быть не может.

31. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Что ты слышал из разговоров старших, престарелых брахманов, наставников [твоих] наставников? Обладает ли Брахма имуществом или не обладает имуществом?»

«Не обладает имуществом, почтенный Готама».

«Враждебен ли он в мыслях или не враждебен в мыслях?»

«Не враждебен в мыслях, почтенный Готама».

«Злонамерен ли он в мыслях или не злонамерен в мыслях?»

«Не злонамерен в мыслях, почтенный Готама».

«Осквернен ли он в мыслях или не осквернен в мыслях?»

«Не осквернен в мыслях, почтенный Готама».

«Владеет ли он собой или не владеет собой?»

«Владеет собой, почтенный Готама».

32. «Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Обладают ли брахманы, сведущие в трех ведах, имуществом или не обладают имуществом?»

«Обладают имуществом, почтенный Готама».

«Враждебны ли они в мыслях или не враждебны в мыслях?»

«Враждебны в мыслях, почтенный Готама».

«Злонамеренны ли они в мыслях или не злонамеренны в мыслях?»

«Злонамеренны в мыслях, почтенный Готама».

«Осквернены ли они в мыслях или не осквернены в мыслях?»

«Осквернены в мыслях, почтенный Готама».

«Владеют ли они собой или не владеют собой?»

«Не владеют собой, почтенный Готама».

33. «Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, обладают имуществом — Брахма не обладает имуществом. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, обладающие имуществом, встретиться и сойтись с Брахмой, не обладающим имуществом?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

34. «Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, обладают имуществом и [надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не обладающим имуществом. А такого быть не может.

35. Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, враждебны в мыслях — Брахма не враждебен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, враждебные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не враждебным в мыслях?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, враждебны в мыслях и [надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не враждебным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренны в мыслях — Брахма не злонамерен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не злонамеренным в мыслях?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, злонамеренны в мыслях и [надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не злонамеренным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, осквернены в мыслях — Брахма не осквернен в мыслях. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, оскверненные в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не оскверненным в мыслях?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, осквернены в мыслях и [надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, не оскверненным в мыслях. А такого быть не может.

Итак, Васеттха, брахманы, сведущие в трех ведах, не владеют собой — Брахма владеет собой. Разве могут брахманы, сведущие в трех ведах, не владеющие собой, встретиться и сойтись с Брахмой, владеющим собой?»

«Конечно нет, почтенный Готама».

36. «Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, эти брахманы, сведущие в трех ведах, не владеют собой и [надеются, что] с распадом тела после смерти достигнут соединения с Брахмой, владеющим собой. А такого быть не может. И право же, приближаясь к нему, брахманы, сведущих в трех ведах, низвергаются; будучи низвергнуты, они достигают горести и, я бы сказал, пересекают высохшую пере-

праву. Поэтому знание трех вед у брахманов, сведущих в трех ведах, зовется бесплодной пустыней, знание трех вед зовется чащей, знание трех вед зовется погибелью».

37. Когда так было сказано, юный Васеттха так сказал Благостному: «Я слышал, почтенный Готама, что отшельник Готама знает путь к соединению с Брахмой».

«Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Ведь Манасаката близка отсюда, Манасаката недалеко отсюда?»

«Да, почтенный Готама. Манасаката близка отсюда, Манасаката недалеко отсюда».

«Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Вот человек родился бы и вырос в Манасакате. И его, вышедшего из Манасакаты, спросили бы о пути в Манасакату. Возникли ли бы, Васеттха, у этого человека, родившегося и выросшего в Манасакате и спрошенного о пути в Манасакату, неуверенность или замешательство?»

«Конечно нет, почтенный Готама. Отчего же? Ведь этот человек, почтенный Готама, родился и вырос в Манасакате, и ему хорошо известны все пути в Манасакату».

38. «И все же, Васеттха, скорее у этого человека, родившегося и выросшего в Манасакате и спрошенного о пути в Манасакату, могли бы возникнуть неуверенность или замешательство, чем у Татхагаты, спрошенного о мире Брахмы или о пути, ведущем в мир Брахмы, возникли бы неуверенность и замешательство. И я, Васеттха, знаю Брахму, и мир Брахмы, и путь, ведущий в мир Брахмы, и знаю, как следовать этим путем, чтобы достичь мира Брахмы».

39. Когда так было сказано, юный Васеттха сказал Благостному: «Я слышал, почтенный Готама, что отшельник Готама разъясняет путь к соединению с Брахмой. Хорошо, если достопочтенный Готама разъяснит нам путь к соединению с Брахмой, если достопочтенный Готама вознесет брахманское потомство».

«В таком случае, Васеттха, слушай и тщательно внимай [тому, что] я скажу».

«Хорошо, почтенный», — согласился с Благостным юный Васеттха. Благостный сказал так:

40. «Вот, Васеттха, в мир приходит Татхагата <...XIII.40–75 = II.40–98...>¹¹. Он постигает: „<...> нет ничего вслед за этим состоянием“.

76. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

77. Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех сторон света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в дружелюбии, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

¹¹ См. выше, примеч. 1 к III.2.2. См. соотв. примеч. в Комментариях.

78. И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех сторон света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в сострадании, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех сторон света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в удовлетворенности, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

И далее, Васеттха, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

79. Подобно тому, Васеттха, как силач, трубящий в раковину, без труда может быть услышан с четырех сторон света, так же точно, Васеттха, и освобожденным разумом, пребывающим в уравновешенности, он не пропускает там и не оставляет там ничего, что имеет измерение. Это, Васеттха, и есть путь к соединению с Брахмой.

80. Как же ты думаешь об этом, Васеттха? Пребывающий в таком состоянии монах обладает имуществом или не обладает имуществом?»

«Не обладает имуществом, почтенный Готама».

«Враждебен ли он в мыслях или не враждебен в мыслях?»

«Не враждебен в мыслях, почтенный Готама».

«Злонамерен ли он в мыслях или не злонамерен в мыслях?»

«Не злонамерен в мыслях, почтенный Готама».

«Осквернен ли он в мыслях или не осквернен в мыслях?»

«Не осквернен в мыслях, почтенный Готама».

«Владеет ли он собой или не владеет собой?»

«Владеет собой, почтенный Готама».

81. «Итак, Васеттха, монах не обладает имуществом, и Брахма не обладает имуществом. Может ли монах, не обладающий имуществом, встретиться и сойтись с Брахмой, не обладающим имуществом?»

«Да, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, обладающий имуществом, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой. — И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не враждебен в мыслях, и Брахма не враждебен в мыслях. Может ли монах, не враждебный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не враждебным в мыслях?»

«Да, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не враждебный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не враждебным в мыслях. — И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не злонамерен в мыслях, и Брахма не злонамерен в мыслях. Может ли монах, не злонамеренный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не злонамеренным в мыслях?»

«Да, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не злонамеренный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не злонамеренным в мыслях. — И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах не осквернен в мыслях, и Брахма не осквернен в мыслях. Может ли монах, не оскверненный в мыслях, встретиться и сойтись с Брахмой, не оскверненным в мыслях?»

«Да, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, не оскверненный в мыслях, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, не оскверненным в мыслях. — И такое может быть.

Итак, Васеттха, монах владеет собой, и Брахма владеет собой. Может ли монах, владеющий собой, встретиться и сойтись с Брахмой, владеющим собой?»

«Да, почтенный Готама».

«Хорошо, Васеттха. Итак, Васеттха, этот монах, владеющий собой, с распадом тела после смерти достигнет соединения с Брахмой, владеющим собой. — И такое может быть».

82. Когда так было сказано, юные Васеттха и Бхарадваджа сказали Благостному:

«Превосходно, почтенный Готама! Превосходно, почтенный Готама! Подобно тому, почтенный Готама, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно досточтимый Готама с помощью многих наставлений преподал истину. И вот мы идем как к прибежищу к Благостному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же досточтимый Готама примет нас как преданных мирян, отныне и на всю жизнь наших здесь убежище».

Окончена тринадцатая «Тевиджджа-сутта».

[Окончена] «Силаккханда-вагга».

«Брахмаджала» и «Саманья», «Амбаттха», «Сонадандака», «Кутаданта» и «Махали»,
«Джалия», «Сиханадака»,
«Поттхапада», затем — о юном Субхе, и еще — «Кеваддха», «Лохичча»
и «Тевиджджа» — [итого здесь] тринадцать [сутт].

II «МАХАВАГГА» («Большой раздел»)

XIV. «Махападана-сутта» («Большая сутта об истории [прежних существований]»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Саваттхи, в Джетаване, в [монашеской] роще Анатхапиндики в постройке из [деревьев] карери. И вот у многочисленных монахов, возвратившихся со сбора милостыни, собравшихся и усевшихся после трапезы в беседке из карери, возникла добродетельная беседа относительно прежних существований: «Таковы [одни] прежние существования, таковы [другие] прежние существования».

1.2. И вот очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, Благостный услышал беседу этих монахов. И тогда Благостный, поднявшись с сиденья, приблизился к той беседке из карери и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. И усевшись, Благостный обратился к монахам:

«Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, монахи, и на чем же прервалась беседа между вами?»

Вслед за этими словами монахи так сказали Благостному:

«Вот, господин, возвратившись со сбора милостыни, мы после трапезы собрались и уселись в беседке из карери, и у нас возникла добродетельная беседа относительно прежних существований: „Таковы [одни] прежние существования, таковы [другие] прежние существования“. На этом, господин, и прервалась беседа между нами, когда приблизился Благостный».

1.3. «Не желаете ли вы, монахи, услышать добродетельный рассказ относительно прежних существований?»

«Время для этого, Благостный, время для этого, Счастливый, чтобы Благостный повел добродетельный рассказ относительно прежних существований. Услышав Благостного, монахи запомнят [ее]».

«В таком случае, монахи, слушайте тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным монахи. И Благостный сказал так:

1.4. «Девяносто один мировой период тому назад, монахи, в мире родился Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный. Тридцать один мировой период тому назад, монахи, в мире родился Сикхи — Благостный, архат, всецело просветленный. В том же тридцать первом мировом периоде, монахи, в мире родился Вессабху — Благостный, архат, всецело просветленный. В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, монахи, в мире родился Какусандха — Благостный, архат, всецело просветленный. В этом же благоприятном мировом периоде, монахи, в мире родился Конагамана — Благостный, архат, всецело просветленный. В этом же благоприятном мировом периоде, монахи, в мире родился Кассапа — Благостный, архат, всецело просветленный. В этом же благоприятном мировом периоде, монахи, в мире теперь родился я — архат, всецело просветленный.

1.5. Випасси, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Сиккхи, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Вессабху, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Какусандха, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Конагамана, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Кассапа, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Я теперь, монахи, — архат, всецело просветленный, — по происхождению кшатрий, рожденный в семействе кшатриев.

1.6. Випасси, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. Сикхи, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. Вессабху, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. Какусандха, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. Конагамана, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. Кассапа, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. Я теперь, монахи, — архат, всецело просветленный, — из рода Готама.

1.7. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была восемьдесят тысяч лет. У Сикхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была семьдесят тысяч лет. У Вессабху, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была шестьдесят тысяч лет. У Какусандхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была сорок тысяч лет. У Конагаманы, монахи, — Благостного,

архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была тридцать тысяч лет. У Кассапы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была двадцать тысяч лет. У меня теперь, монахи, — продолжительность жизни, небольшая, ограниченная, недолгая: кто долго живет, тот [живет теперь] сотню лет или немного больше.

1.8. Випасси, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия патали. Сикхи, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия пундарики. Вессабху, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия салы. Какусандха, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия сирисы. Копагамана, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия удумбары. Кассапа, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия нигродхи. Я теперь, монахи, архат, всецело просветленный, — достиг просветления у подножия ассаттхи.

1.9. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Кханда и Тисса. У Сикхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных, двое учеников по имени Абхибху и Самбхава. У Вессабху, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных, двое учеников по имени Сона и Уттара. У Какусандхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных, двое учеников по имени Видхура и Санджива. У Копагаманы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных, двое учеников по имени Бхиййоса и Уттара. У Кассапы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных, двое учеников по имени Тисса и Бхарадваджа. У меня теперь, монахи, — двое главных и благородных, двое учеников по имени Сарипутта и Моггаллана.

1.10. При Випасси, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из шестидесяти восьми сотен тысяч монахов. Одно собрание учеников было из сотни тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. При Випасси, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства.

При Сикхи, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из ста тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из семидесяти тысяч монахов. При Сикхи, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства.

При Вессабху, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч

монахов. Одно собрание учеников было из семидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из шестидесяти тысяч монахов. При Вессабху, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства.

При Какусандхе, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание учеников из сорока тысяч монахов. При Какусандхе, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства.

При Конагамане, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание учеников из тридцати тысяч монахов. При Конагамане, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства.

При Кассапе, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание учеников из двадцати тысяч монахов. При Кассапе, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства.

При мне теперь, монахи, одно собрание учеников из двенадцати с половиной сотен монахов. При мне теперь монахи, одно это собрание учеников, и во всех из них уничтожены порочные свойства.

1.11. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Асока. У Сикхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Кхеманкара. У Вессабху, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Упасаннака. У Какусандхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Буддхиджа. У Конагаманы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Сотхиджа. У Кассапы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Саббамитта. У меня теперь, монахи, прислужник, главный прислужник, монах Ананда.

1.12. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Бандхума, матерью, родительницей была царица по имени Бандхумати. У царя Бандхумы была царская столица, город по имени Бандхумати.

У Сикхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Аруна, матерью, родительницей была царица по имени Пабхавати. У царя Аруны была царская столица, город по имени Арунавати.

У Вессабху, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Суппатита, матерью, родительницей была царица по имени Ясавати. У царя Суппатиты была царская столица, город по имени Анопама.

У Какусандхи, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Аггидатта, матерью, родительницей, была брах-

манка по имени Висакха. И в это самое время, монахи, был царь по имени Кхема. У царя Кхемы была царская столица, город по имени Кхемавати.

У Конагаманы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Яннидатта, матерью, родительницей, была брахманка по имени Уттара. И в это самое время, монахи, был царь по имени Собха. У царя Собхи была царская столица, город по имени Собхавати.

У Кассапы, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Брахмадатта, матерью, родительницей, была брахманка по имени Дханавати. И в это самое время, монахи, был царь по имени Кики. У царя Кики была царская столица, город по имени Баранаси.

У меня теперь, монахи, отцом был царь по имени Суддходана, матерью, родительницей, царица по имени Майя, [наша] царская столица — город по имени Капилаваттху.

Так сказал Благостный. И, сказав это, Счастливым, поднялся с сиденья и пошел в обитель.

1.13. И вот вскоре после того как Благостный ушел, у этих монахов возникла между собой такая беседа:

«Чудесно, друзья, необычайно, друзья! Великая сила и великое могущество Татхагаты таковы, что Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение“. Как же, достопочтенные? Сам ли это Татхагата тщательно проник в конечную истину так, что, тщательно проникнув в конечную истину, Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение“? Или же это божества дали знать Татхагате об этих вещах так, что Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение“?»

И на этом прервалась беседа между этими монахами.

1.14. И вот Благостный, оставив вечером свое уединение, приблизился к той беседке из карери и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. И усевшись, Благостный обратился к монахам:

«Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, монахи, и на чем же прервалась беседа между вами?»

Вслед за этими словами монахи так сказали Благостному:

«Вот, господин, вскоре после того как Благостный ушел, между нами возникла такая беседа: „Чудесно, достопочтенные! Необычайно, достопочтенные! Великая сила и великое могущество Татхагаты таковы, что Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: ‘Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение’. Как же, достопочтенные? Сам ли это Татхагата тщательно проник в конечную истину так, что, тщательно проникнув в конечную истину, Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: ‘Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение’? Или же это божества дали знать Татхагате об этих вещах, так, что Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: ‘Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение’? — На этом, господин, и прервалась беседа между нами, когда приблизился Благостный“».

1.15. «Это сам Татхагата, монахи, тщательно проник в конечную истину так, что, тщательно проникнув в конечную истину, Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были

такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение“. Это же и божества дали знать Татхагате об этих вещах так, что Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение“.

Не желаете ли вы, монахи, слушать дальше добродетельный рассказ относительно прежних существований?»

«Время для этого, Благостный, время для этого, Счастливый, чтобы Благостный повел дальше добродетельный рассказ относительно прежних существований. Услышав Благостного, монахи запомнят [ее].»

«В таком случае, монахи, слушайте тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным монахи. И Благостный сказал так:

1.16. «Девяносто один мировой период тому назад, монахи, в мире родился Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный. Випасси, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Випасси, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была восемьдесят тысяч лет. Випасси, монахи, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия патали. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Кханда и Тисса. При Випасси, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из шестидесяти восьми сотен тысяч монахов. Одно собрание учеников было из сотни тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. При Випасси, монахи, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Асока. У Випасси, монахи, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Бандхума, матерью, родительницей была царица по имени Бандхумати. У царя Бандхумы была царская столица, город по имени Бандхумати.

1.17. И вот, монахи, бодхисаттва Випасси, оставив существование в сонме [божеств] тусита, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, вошел в материнское лоно. Таков здесь порядок вещей.

Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва, оставив существование в сонме [божеств] тусита, входит в материнское лоно, то в мирах богов, Мары, Брахмы, отшельников и брахманов, богов и людей появляется безграничное великое сияние, превосходящее божественный блеск богов. И даже в темных, мрачных, покрытых мраком промежуточных мирах, лишенных опоры, куда даже луна и солнце — эти [светила] столь великой силы, столь великого могущества, не приносят света — даже там появляется безграничное великое сияние, превосходящее божественный блеск богов. И те существа, которые родились там, узнают друг друга в этом сиянии [и говорят]: „Право же, почтенные, здесь родились другие существа“. И эти десять тысяч миров вселенной дрожат, содрогаются, сотрясаются. Так в мирах появляется безграничное, великое сияние, превосходящее божественный блеск богов. Таков здесь порядок вещей.

Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва входит в материнское лоно, четверо сыновей богов направляются для охраны в четыре стороны света, [говоря]: „Пусть никто — ни человек, ни не-человек, ни кто-либо другой — не причинит вреда ни этому бодхисаттве, ни матери бодхисаттвы!“ Таков здесь порядок вещей.

1.18. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва, входит в материнское лоно, мать бодхисаттвы — нравственна по своей природе, избегает уничтожать живое, избегает брать то, что не дано [ей], избегает несправедного поведения в области чувственного, избегает лживой речи, избегает хмельных, спиртных, опьяняющих напитков, вызывающих легкомыслие. Таков здесь порядок вещей.

1.19. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва, входит в материнское лоно, у матери бодхисаттвы не возникает в мыслях признаков чувственного влечения к мужчинам, и мать бодхисаттвы неспособна преступить свой долг из-за какого-либо мужчины, охваченного страстью. Таков здесь порядок вещей.

1.20. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва входит в материнское лоно, мать бодхисаттвы обладает пятью признаками чувственности; она услаждается будучи наделена и снабжена пятью признаками чувственности. Таков здесь порядок вещей.

1.21. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва, входит в материнское лоно, мать бодхисаттвы не бывает подвержена никакому недугу, мать бодхисаттвы пребывает счастливой, здоровой телом, и мать бодхисаттвы видит находящегося в ее лоне бодхисаттву [с телом], наделенным всеми большими и малыми частями, не знающим ущерба в жизненных способностях.

Подобно тому, монахи, как если в драгоценный камень берилл — прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, наделенный всеми достоинствами, продета нить — синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить, то человек, наделенный зрением, взяв его в руку, может понять: „Вот драгоценный камень берилл — прекрасный, благородный, восьмигранный, превосходно отшлифованный, прозрачный,

сияющий, наделенный всеми достоинствами, и в него продета нить — синяя, или оранжевая, или красная, или белая, или желтоватая нить“. — Так же точно, монахи, когда бодхисаттва входит в материнское лоно, мать бодхисаттвы не бывает подвержена никакому недугу, мать бодхисаттвы пребывает счастливой, здоровой телом, и мать бодхисаттвы видит находящегося в ее лоне бодхисаттву [с телом], наделенным всеми большими и малыми частями, не знающим ущерба в жизненных способностях. Таков здесь порядок вещей.

1.22. Этот порядок вещей, монахи, таков, что на седьмой день после рождения бодхисаттвы исполняется срок матери бодхисаттвы, и она рождается в сонме [божеств] тусита. Таков здесь порядок вещей.

1.23. Этот порядок вещей, монахи, таков, что в то время как другие женщины рожают, вынашивая плод во чреве девять или десять месяцев, мать бодхисаттвы рождает бодхисаттву не так — мать бодхисаттвы рождает бодхисаттву, лишь вынашивая его во чреве десять месяцев. Таков здесь порядок вещей.

1.24. Этот порядок вещей, монахи, таков, что в то время, когда другие женщины рожают сидя или лежа, мать бодхисаттвы рождает бодхисаттву не так — мать бодхисаттвы рождает бодхисаттву лишь стоя. Таков здесь порядок вещей.

1.25. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва, выходит из материнского лона, то сначала его принимают боги, а потом уже — люди. Таков здесь порядок вещей.

1.26. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва выходит из материнского лона, то прежде чем бодхисаттва коснется земли, четверо сыновей богов принимают его и подносят матери, [говоря]: „Будь довольна, божественная, — у тебя родился сын великого могущества!“ Таков здесь порядок вещей.

1.27. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва выходит из материнского лона, он выходит [из него] чистым, незапятнанным водами, незапятнанным слизью, незапятнанным кровью, незапятнанным чем-либо грязным, [выходит из него] непорочным, чистым.

Подобно тому, монахи, как если драгоценный камень завернуть в касийскую ткань, то ни драгоценный камень не пятнает касийскую ткань, ни касийская ткань не пятнает драгоценный камень, [а в чем причина? — в чистоте обоих], так же точно, монахи, когда бодхисаттва выходит из материнского лона, он выходит [из него] чистым, незапятнанным водами, незапятнанным слизью, незапятнанным кровью, незапятнанным чем-либо грязным, [выходит из него] непорочным, чистым. Таков здесь порядок вещей.

1.28. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва, выходит из материнского лона, то в воздушном пространстве появляются два потока воды, один — холодной, один — горячей, и с их помощью бодхисаттва и [его] мать совершают омовение. Таков здесь порядок вещей.

1.29. Этот порядок вещей, монахи, таков, что, едва родившись, бодхисаттва твердо становится на ноги, обращает лицо к северу, проходит семь шагов, и в то время как над ним держат белый зонт, оглядывает все стороны света и произносит могучим голосом: „Я — главный в мире, я — старший в мире, я — лучший

в мире, это — последнее рождение, не будет теперь следующего существования!“ Таков здесь порядок вещей.

1.30. Этот порядок вещей, монахи, таков, что когда бодхисаттва выходит из материнского лона, то в мирах богов, Мары, Брахмы, отшельников и брахманов, богов и людей появляется безграничное, великое сияние, превосходящее божественный блеск богов. И даже в тех темных, мрачных, покрытых мраком промежуточных мирах, лишенных опоры, куда даже луна и солнце — эти [светила] столь великой силы, столь великого могущества — не приносят света — даже там появляется безграничное великое сияние, превосходящее божественный блеск богов. И те существа, которые родились там, узнают друг друга в этом сиянии [и говорят]: „Право же, почтенные, здесь родились другие существа“. И эти десять тысяч миров вселенной дрожат, содрогаются, сотрясаются. Так в мирах появляется безграничное, великое сияние, превосходящее божественный блеск богов. Таков здесь порядок вещей.

1.31. И вот, монахи, когда родился царевич Випасси, то царю Банхуме сообщили: „У тебя, Божественный, родился сын. Пусть Божественный посмотрит на него“. И когда, монахи, царь Бандхума увидел царевича Випасси, то, увидев, послал за брахманами-прорицателями и сказал так: „Пусть почтенные брахманы-прорицатели посмотрят на царевича“. И когда, монахи, брахманы-прорицатели увидели царевича Випасси, то, увидев, так сказали царю Бандхуме: „Будь доволен, Божественный, — у тебя, Божественный, родился сын великого могущества. Счастье тебе, великий царь, что в твоём семействе родился подобный сын!“ Ведь этот царевич, Божественный, наделен тридцатью двумя знаками великого человека, у наделенного которыми великого человека бывает два пути и не более: если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира.

1.32. Какими же, Божественный, наделен этот царевич тридцатью двумя знаками великого человека, у наделенного которыми великого человека бывает два пути и не более: если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю,

ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира.

[1] У этого царевича, Божественный, ноги имеют хорошую опору. То, что у этого царевича, Божественный, ноги имеют хорошую опору, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[2] У этого царевича, Божественный, внизу на ступнях видны [знаки в виде] колес с тысячами спиц, с ободьями, со ступицами, завершенными во всех частях. То, что у этого царевича, Божественный, внизу на ступнях видны [знаки в виде] колес с тысячами спиц, с ободьями, со ступицами, завершенными во всех частях, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[3] У этого царевича, Божественный, выступающие пятки. То, что у этого царевича, Божественный, выступающие пятки, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[4] У этого царевича, Божественный, длинные пальцы. То, что у этого царевича, Божественный, длинные пальцы, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[5] У этого царевича, Божественный, нежные, мягкие руки и ноги. То, что у этого царевича, Божественный, нежные, мягкие руки и ноги, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[6] У этого царевича, Божественный, руки и ноги — словно с сетью [между пальцами]. То, что у этого царевича, Божественный, руки и ноги — словно с сетью [между пальцами], является у него — великого человека — знаком великого человека.

[7] У этого царевича, Божественный, высоко расположенные лодыжки. То, что у этого царевича, Божественный, высоко расположенные лодыжки, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[8] У этого царевича, Божественный, ноги, как у антилопы. То, что у этого царевича, Божественный, ноги, как у антилопы, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[9] Этот царевич, Божественный, стоя и не наклоняясь, может коснуться и охватить колени обеими ладонями. То, что этот царевич, Божественный, стоя и не наклоняясь, может коснуться и охватить колени обеими ладонями, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[10] У этого царевича, Божественный, скрытый под одеждой [член] находится в углублении. То, что у этого царевича, Божественный, скрытый под одеждой [член] находится в углублении, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[11] У этого царевича, Божественный, [тело] золотистого цвета, кожа — словно золото. То, что у этого царевича, Божественный, [тело] золотистого цвета, кожа — словно золото, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[12] У этого царевича, Божественный, гладкая поверхность кожи и из-за гладкой поверхности кожи к телу не пристает грязь. То, что у этого царевича, Боже-

ственный, гладкая поверхность кожи и из-за гладкой поверхности кожи к телу не пристаёт грязь, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[13] У этого царевича, Божественный, волосы [на теле таковы, что] из каждой поры растёт по волоску. То, что у этого царевича, Божественный, волосы [на теле таковы, что] из каждой поры растёт по волоску, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[14] У этого царевича, Божественный, волосы [на теле] направлены вверх, и волосы, направленные вверх — темно-синие, цвета глазной мази, завиваются в кольца, растут, завиваясь, в правую сторону. То, что у этого царевича, Божественный, волосы [на теле] направлены вверх, и волосы, направленные вверх — темно-синие, цвета глазной мази, завиваются в кольца, растут, завиваясь, в правую сторону, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[15] У этого царевича, Божественный, превосходно стройное тело. То, что у этого царевича, Божественный, превосходно стройное тело, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[16] У этого царевича, Божественный, семь выпуклостей. То, что у этого царевича, Божественный, семь выпуклостей, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[17] У этого царевича, Божественный, передняя половина тела — как у льва. То, что у этого царевича, Божественный, передняя половина тела — как у льва, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[18] У этого царевича, Божественный, заполнено [углубление] между плечами. То, что у этого царевича, Божественный, заполнено [углубление] между плечами, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[19] У этого царевича, Божественный, [пропорции подобны] окружности баньянового дерева: какова [высота] его тела, таков размах его рук; каков размах его рук, такова [высота] его тела. То, что у этого царевича, Божественный, [пропорции подобны] окружности баньянового дерева: какова [высота] его тела, таков размах его рук; каков размах его рук, такова [высота] его тела, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[20] У этого царевича, Божественный, округлые плечи. То, что у этого царевича, Божественный, округлые плечи, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[21] У этого царевича, Божественный, в высшей степени тонкий вкус. То, что у этого царевича, Божественный, в высшей степени тонкий вкус, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[22] У этого царевича, Божественный, челюсть — как у льва. То, что у этого царевича, Божественный, челюсть — как у льва, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[23] У этого царевича, Божественный, сорок зубов. То, что у этого царевича, Божественный, сорок зубов, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[24] У этого царевича, Божественный, ровные зубы. То, что у этого царевича, Божественный, ровные зубы, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[25] У этого царевича, Божественный, зубы не посажены редко. То, что у этого царевича, Божественный, зубы не посажены редко, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[26] У этого царевича, Божественный, очень белые зубы. То, что у этого царевича, Божественный, очень белые зубы, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[27] У этого царевича, Божественный, большой язык. То, что у этого царевича, Божественный, большой язык, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[28] У этого царевича, Божественный, превосходно звучащий голос, как у каравики. То, что у этого царевича, Божественный, превосходно звучащий голос, как у каравики, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[29] У этого царевича, Божественный, темно-синие глаза. То, что у этого царевича, Божественный, темно-синие глаза, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[30] У этого царевича, Божественный, ресницы как у коровы. То, что у этого царевича, Божественный, ресницы как у коровы, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[31] У этого царевича, Божественный, между бровями растут белые волосы, подобные мягкой хлопковой ткани. То, что у этого царевича, Божественный, между бровями растут белые волосы, подобные мягкой хлопковой ткани, является у него — великого человека — знаком великого человека.

[32] У этого царевича, Божественный, на голове сверху выпуклость. То, что у этого царевича, Божественный, на голове сверху выпуклость, является у него — великого человека — знаком великого человека.

1.33. Итак этот царевич, Божественный, наделен этими тридцатью двумя знаками великого человека, у наделенного которыми великого человека бывает два пути и не более: если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира.

И вот, монахи, царь Бандхума наделил брахманов-прорицателей безупречными одеждами и исполнил все их желания.

1.34. И вот, монахи, царь Бандхума приставил няnek к царевичу Випасси. Одни давали ему грудь, другие — омывали его, третьи — носили, четвертые — держали на коленях. И над рожденным царевичем Випасси, монахи, день и ночь держали белый зонт [желая]: „Да не потревожат его ни холод, ни жара, ни солома, ни пыль, ни роса“. И родившийся царевич Випасси, монахи, стал дорог и приятен многим людям. Подобно тому, монахи, как голубой лотос, или красный лотос, или белый лотос дорог и приятен многим людям, так же точно, монахи, царевич Випасси стал дорог и приятен многим людям. И его, поистине, держали на коленях, передавая друг другу.

1.35. И родившийся царевич Випасси, монахи, имел красивый голос, приятный голос, сладкозвучный голос, ласковый голос. Подобно тому, монахи, как птица под названием каравика, живущая в горах Гималаев, имеет красивый голос, приятный голос, сладкозвучный голос, ласковый голос, так же точно, монахи, царевич Випасси имел красивый голос, приятный голос, сладкозвучный голос, ласковый голос.

1.36. И у родившегося царевича Випасси, монахи, было божественное зрение, появившееся как созревший [плод совершенных им в предыдущих рожденьях] действий, которым он днем и ночью мог видеть на йоджану в окружности.

1.37. И родившийся царевич Випасси, монахи, мог глядеть вперед не мигая, подобно тридцати трем богам. „Царевич глядит вперед, не мигая“, — [говорили люди], и так, монахи, царевича Випасси стали звать по имени „Випасси, Випасси“. И вот, монахи, царь Бандхума, сидя в суде, вершил суд, сажая себе на колени царевича Випасси. И там, монахи, царевич Випасси, сидя на коленях отца, тщательно разбирался в делах, соблюдая справедливость. „Царевич тщательно разбирается в делах, соблюдая справедливость“, — [говорили люди], и так, монахи, царевича Випасси все больше стали звать по имени „Випасси, Випасси“.

1.38. И вот, монахи, царь Бандхума приказал построить для царевича Випасси три дворца — один для дождливого времени года, один для зимы, один для лета — и снабдил [их всем необходимым для] удовлетворения пяти чувств. И там, монахи, царевич Випасси [проводил] четыре дождливых месяца во дворце для дождливого времени года, окруженный женщинами-музыкантшами, и не спускался вниз из дворца.

Окончен раздел о рождении.

2.1. И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет царевич Випасси обратился к возникшему:

„Дорогой возникший, запряги самые лучшие колесницы — мы поедем по роше для увеселений, чтобы осмотреть ее“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возникший с царевичем Випасси. И вот, монахи, приказав запрячь самые лучшие колесницы, он сообщил царевичу Випасси: „Запряжены, Божественный, эти самые лучшие колесницы — [делай] теперь, как ты считаешь нужным“.

И вот, монахи, царевич Випасси взошел на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехал в рошу для увеселений.

2.2. И вот, монахи, проезжая по роще для увеселений, царевич Випасси увидел состарившегося человека, согбенного, словно подпорка для крыши, скрюченного, опирающегося на палку, шатающегося на ходу, немощного, давно расставшегося с юностью. Увидев [его], он обратился к возничему:

„Дорогой возничий, что сделал этот человек, что волосы его не как у других, и тело его не как у других?“

„Божественный, он, как называют это, состарился“.

„Почему же, дорогой возничий, его называют состарившимся?“

„Его называют состарившимся, Божественный, потому что ему остается недолго жить“.

„Как же, дорогой возничий, я тоже подвержен старости, и не могу преодолеть старость?“

„И ты, Божественный, и я — все мы подвержены старости и не можем преодолеть старость“.

„Тогда, дорогой возничий, довольно на сегодня рощи для увеселений, возвратись отсюда назад во внутренние покои [дворца]“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, он возвратился после этого назад во внутренние покои. И тогда, монахи, войдя во внутренние покои, царевич Випасси стал горевать, страдая и печалась в сердце: „Увы! [тяжко] то, что зовется рождением, если к родившемуся является старость!“

2.3. И вот, монахи, царь Бандхума обратился к возничему и сказал:

„Дорогой возничий, порадовался ли царевич роще для увеселений? Дорогой возничий, был ли удовлетворен царевич рощей для увеселений?“

„Нет, Божественный, царевич не порадовался роще для увеселений. Нет, Божественный, царевич не был удовлетворен рощей для увеселений“.

„Что же, дорогой возничий, увидел царевич, проезжая по роще для увеселений“.

„Божественный, проезжая по роще для увеселений, царевич увидел состарившегося человека, согбенного, словно подпорка для крыши, скрюченного, опирающегося на палку, шатающегося на ходу, немощного, давно расставшегося с юностью. Увидев [его], он сказал мне: ‘Дорогой возничий, что сделал этот человек, что волосы его не как у других, и тело его не как у других?’ — ‘Божественный, он, как называют это, состарился’. — ‘Почему же, дорогой возничий, его называют состарившимся?’ — ‘Его называют состарившимся, Божественный, потому что ему остается недолго жить’. — ‘Как же, дорогой возничий, — я тоже подвержен старости, и не могу преодолеть старость?’ — ‘И ты, Божественный, и я — все мы подвержены старости и не можем преодолеть старость’. — ‘Тогда, дорогой возничий, довольно на сегодня рощи для увеселений — возвратись отсюда назад во внутренние покои [дворца]’. — ‘Хорошо, Божественный’, — согласился я с царевичем Випасси, и вот, Божественный, я возвратился после этого назад во внутренние покои. И вот, Божественный, войдя во внутренние покои, царевич стал горевать, страдая и печалась в сердце: ‘Увы! [тяжко] то, что зовется рождением, если к родившемуся является старость!’“

2.4. И вот, монахи, царь Бандхума подумал так: „Да не откажется царевич Випасси от царства, да не станет царевич Випасси странствовать бездомным, оставив дом, да не окажутся истинными слова брахманов-прорицателей!“

И вот, монахи, царь Бандхума приказал доставлять царевичу Випасси еще больше удовольствий для удовлетворения пяти чувств с тем, чтобы царевич Випасси не отказывался от царства, чтобы царевич Випасси не стал странствовать бездомным, оставив дом, чтобы слова брахманов-прорицателей оказались ложными. И так, монахи, царевич Випасси услаждался, будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности.

2.5. И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет царевич Випасси обратился к возничему:

„Дорогой возничий, запряги самые лучшие колесницы — мы поедем по роще для увеселений, чтобы осмотреть ее“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, приказав запрячь самые лучшие колесницы, он сообщил царевичу Випасси: „Запряжены, Божественный, эти самые лучшие колесницы — [делай] теперь, как ты считаешь нужным“.

И вот, монахи, царевич Випасси взошел на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехал в рощу для увеселений.

2.6. И вот, монахи, проезжая по роще для увеселений, царевич Випасси увидел человека, пораженного недугом, страдающего, совсем немощного, лежащего в собственных испражнениях, в то время как одни приподымали его, другие — укладывали. Увидев [его], он обратился к возничему:

„Дорогой возничий, что сделал этот человек, что глаза его не как у других, и голос его не как у других?“

„Божественный, он, как называют это, болен“.

„Почему же, дорогой возничий, его называют больным?“

„Его называют больным, Божественный, потому, что, поистине, ему следовало бы оправиться от недуга“.

„Как же, дорогой возничий, — я тоже подвержен болезни и не могу преодолеть болезнь?“

„И ты, Божественный, и я — все мы подвержены болезни и не можем преодолеть болезнь“.

„Тогда, дорогой возничий, довольно на сегодня рощи для увеселений — возвратись отсюда назад во внутренние покои [дворца]“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, он возвратился после этого назад во внутренние покои. И тогда, монахи, войдя во внутренние покои, царевич Випасси стал горевать, страдая и печалась в сердце: „Увы! [Тяжко] то, что зовется рождением, если к родившемуся является старость, является болезнь!“

2.7. И вот, монахи, царь Бандхума обратился к возничему и сказал:

„Дорогой возничий, порадовался ли царевич роще для увеселений? Дорогой возничий, был ли удовлетворен царевич рощей для увеселений?“

„Нет, Божественный, царевич не порадовался роще для увеселений. Нет, Божественный, царевич не был удовлетворен рощей для увеселений“.

„Что же, дорогой возничий, увидел царевич, проезжая по роще для увеселений?“

„Божественный, проезжая по роще для увеселений, царевич Випасси увидел человека, пораженного недугом, страдающего, совсем немощного, лежащего в собственных испражнениях, в то время как одни приподымали его, другие — укладывали. Увидев [его], он сказал мне: ‘Дорогой возничий, что сделал этот человек, что глаза его не как у других, и голос его не как у других?’ — ‘Божественный, он, как называют это, болен’. — ‘Почему же, дорогой возничий, его называют больным?’ — ‘Его называют больным, Божественный, потому, что, поистине, ему следовало бы оправиться от недуга’. — ‘Как же, дорогой возничий, — я тоже подвержен болезни и не могу преодолеть болезнь?’ — ‘И ты, Божественный, и я — все мы подвержены болезни и не можем преодолеть болезнь’. — ‘Тогда, дорогой возничий, довольно на сегодня рощи для увеселений — возвратись отсюда назад во внутренние покои [дворца]’. — ‘Хорошо, Божественный’, — согласился я с царевичем Випасси, и вот, Божественный, я возвратился после этого назад во внутренние покои. И вот, Божественный, войдя во внутренние покои, царевич стал горевать, страдая и печалась в сердце: ‘Увы! [Тяжко] то, что зовется рождением, если к родившемуся является старость, является болезнь!’“

2.8. И вот, монахи, царь Бандхума подумал так: „Да не откажется царевич Випасси от царства, да не станет царевич Випасси странствовать бездомным, оставив дом, да не окажутся истинными слова брахманов-прорицателей!“

И вот, монахи, царь Бандхума приказал доставлять царевичу Випасси еще больше удовольствий для удовлетворения пяти чувств с тем, чтобы царевич Випасси не отказывался от царства, чтобы царевич Випасси не стал странствовать бездомным, оставив дом, чтобы слова брахманов-прорицателей оказались ложными. И так, монахи, царевич Випасси услаждался, будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности.

2.9. И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет царевич Випасси обратился к возничему:

„Дорогой возничий, запряги самые лучшие колесницы — мы поедем по роще для увеселений, чтобы осмотреть ее“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, приказав запрячь самые лучшие колесницы, он сообщил царевичу Випасси: „Запряжены, Божественный, эти самые лучшие колесницы — [делай] теперь, как ты считаешь нужным“.

И вот, монахи, царевич Випасси взшел на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехал в рощу для увеселений.

2.10. И вот, монахи, проезжая по роще для увеселений, царевич Випасси увидел множество собравшихся вместе людей в разноцветных одеждах, сооружающих погребальный костер. Увидев [их], он обратился к возничему:

„Дорогой возничий, что это за множество собравшихся вместе людей в разноцветных одеждах, сооружающих костер?“

„Это значит, Божественный, что кто-то умер“.

„Тогда, дорогой возничий, направь колесницу к тому, кто умер“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, он направил колесницу к тому, кто умер. И тогда, монахи, царевич Випасси увидел умершего, отошедшего. Увидев [его], он обратился к возничему:

„Почему, дорогой возничий, его называют умершим?“

„Его называют умершим, Божественный, потому что теперь его не увидят ни мать, ни отец, ни другие родичи, и сам он не увидит ни мать, ни отца, ни других родичей“.

„Как же, дорогой возничий, — я тоже подвержен смерти и не могу преодолеть смерть? И меня тоже [больше] не увидят ни царь, ни царица, ни другие родичи, и сам я не увижу ни царя, ни царицу, ни других родичей?“

„И ты, Божественный, и я — все мы подвержены смерти и не можем преодолеть смерть. И тебя тоже [больше] не увидят ни царь, ни царица, ни другие родичи, и сам ты не увидишь ни царя, ни царицу, ни других родичей“.

„Тогда, дорогой возничий, довольно на сегодня рощи для увеселений, возвратись отсюда назад во внутренние покои [дворца]“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, он возвратился после этого назад во внутренние покои. И тогда, монахи, войдя во внутренние покои, царевич Випасси стал горевать, страдая и печалась в сердце: „Увы! [Тяжко] то, что зовется рождением, если к родившемуся является старость, является болезнь, является смерть!“

2.11. И вот, монахи, царь Бандхума обратился к возничему и сказал:

„Дорогой возничий, порадовался ли царевич роще для увеселений? Дорогой возничий, был ли удовлетворен царевич рощей для увеселений?“

„Нет, Божественный, царевич не порадовался роще для увеселений. Нет, Божественный, царевич не был удовлетворен рощей для увеселений“.

„Что же, дорогой возничий, увидел царевич, проезжая по роще для увеселений?“

„Божественный, проезжая по роще для увеселений, царевич Випасси увидел множество собравшихся вместе людей в разноцветных одеждах, сооружающих погребальный костер. Увидев [ее], он сказал мне: ‘Дорогой возничий, что это за множество собравшихся вместе людей в разноцветных одеждах, сооружающих костер?’ — ‘Это значит, Божественный, что кто-то умер’. — ‘Тогда, дорогой возничий, направь колесницу к тому, кто умер’. — ‘Хорошо, Божественный’, — согласился я с царевичем Випасси. И вот, Божественный, я направил колесницу к тому, кто умер. И тогда, Божественный, царевич увидел умершего, отошедшего. Увидев [его], он сказал мне: ‘Почему, дорогой возничий, его называют умершим?’ — ‘Его называют умершим, Божественный, потому что теперь его не увидят ни мать, ни отец, ни другие родичи, и сам он не увидит ни мать, ни отца, ни других родичей’. — ‘Как же, дорогой возничий, — я тоже подвержен смерти и не могу преодолеть смерть? И меня тоже [больше] не увидят ни царь, ни царица, ни

другие родичи, и сам я не увижу ни царя, ни царицу, ни других родичей?” — ‘И ты, Божественный, и я — все мы подвержены смерти и не можем преодолеть смерть. И тебя тоже [больше] не увидят ни царь, ни царица, ни другие родичи, и сам ты не увидишь ни царя, ни царицу, ни других родичей’. — ‘Тогда, дорогой возничий, довольно на сегодня рощи для увеселений — возвратись отсюда назад во внутренние покои [дворца]’. — ‘Хорошо, Божественный’, — согласился я с царевичем Випасси. И вот, Божественный, я возвратился после этого назад во внутренние покои. И вот, Божественный, войдя во внутренние покои, царевич стал горевать, страдая и печалась в сердце: ‘Увы! [Тяжко] то, что зовется рождением, если к родившемуся является старость, является болезнь, является смерть!’“

2.12. И вот, монахи, царь Бандхума подумал так: „Да не откажется царевич Випасси от царства, да не станет царевич Випасси странствовать бездомным, оставив дом, да не окажутся истинными слова брахманов-прорицателей!“

И вот, монахи, царь Бандхума приказал доставлять царевичу Випасси еще больше удовольствий для удовлетворения пяти чувств с тем, чтобы царевич Випасси не отказывался от царства, чтобы царевич Випасси не стал странствовать бездомным, оставив дом, чтобы слова брахманов-прорицателей оказались ложными. И так, монахи, царевич Випасси услаждался, будучи наделен и снабжен пятью признаками чувственности.

2.13. И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет царевич Випасси обратился к возничему:

„Дорогой возничий, запряги самые лучшие колесницы — мы поедem по роще для увеселений, чтобы осмотреть ее“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возничий с царевичем Випасси. И вот, монахи, приказав запрячь самые лучшие колесницы, он сообщил царевичу Випасси: „Запряжены, Божественный, эти самые лучшие колесницы — [делай] теперь, как ты считаешь нужным“.

И вот, монахи, царевич Випасси взошел на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехал в рощу для увеселений.

2.14. И вот, монахи, проезжая по роще для увеселений, царевич Випасси увидел наголо бритого человека, странствующего в желтой одежде. Увидев [его], он обратился к возничему:

„Дорогой возничий, что сделал этот человек, что голова его не как у других, и одеяния его не как у других?“

„Божественный, он, как называют это, странствующий“.

„Почему же, дорогой возничий, его называют странствующим?“

„Его называют странствующим, Божественный, потому, что он отличается добродетельным поведением, отличается спокойствием духа, отличается хорошими делами, отличается достойными делами, отличается непричинением зла, отличается состраданием к живым существам“.

„Хорошо, дорогой возничий, тому, кто зовется странствующим, ибо он, дорогой возничий, отличается добродетельным поведением, отличается спокойствием

духа, отличается хорошими делами, отличается достойными делами, отличается непричинением зла, отличается состраданием к живым существам. Поэтому, дорогой возникчий, направь колесницу к тому странствующему“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возникчий с царевичем Випасси. И вот, монахи, он направил колесницу к тому странствующему. И тогда, монахи, царевич Випасси так сказал тому странствующему:

„Что ты сделал, дорогой, что голова твоя не как у других, и одеяния твои не как у других?“

„Божественный, я, как называют это, странствующий“.

„Почему же, дорогой, тебя называют странствующим?“

„Меня называют странствующим, Божественный, потому, что я отличаюсь добродетельным поведением, отличаюсь спокойствием духа, отличаюсь хорошими делами, отличаюсь достойными делами, отличаюсь непричинением зла, отличаюсь состраданием к живым существам“.

„Хорошо тебе, дорогой, что ты зовешься странствующим, ибо ты, дорогой, отличаешься добродетельным поведением, отличаешься спокойствием духа, отличаешься хорошими делами, отличаешься достойными делами, отличаешься непричинением зла, отличаешься состраданием к живым существам!“

2.15. И вот, монахи, царевич Випасси обратился к возникшему:

„Возвратись же, дорогой возникчий, отсюда с колесницей назад во внутренние покои [дворца]. А я здесь же сбрую волосы и бороду, надену желтые одеяния и, оставив дом, стану странствовать бездомным“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился возникчий с царевичем Випасси. И вот он возвратился после этого с колесницей назад во внутренние покои. А царевич Випасси тут же сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным.

2.16. И вот, монахи, в царской столице Бандхумати большое сборище людей — восемьдесят четыре тысячи человек услышали: „Поистине, царевич Випасси сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным“. И, слыша это, они подумали так: „Поистине, немаловажны эта истина и должное поведение, немаловажно это странничество, раз [сам] царевич Випасси сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным. Если царевич Випасси сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, будет странствовать бездомным, то почему же мы не можем сделать того же?“ И вот, монахи, это большое сборище людей — восемьдесят четыре тысячи человек, сбрили волосы и бороду, надели желтые одеяния и, оставив дом, стали странствовать бездомными вслед за странствующим царевичем Випасси. И тогда, монахи, окруженный этим собранием бодхисаттва Випасси стал ходить по селениям, торговым поселкам и царским городам.

2.17. И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, предающегося раздумьям в уединении, возникло в сердце такое размышление: „Не подобает мне то, что я живу среди людей. Поэтому я буду жить теперь один, отделившись от толпы“.

И вот, монахи, в последующее время бодхисаттва Випасси жил один, отделившись от толпы. И отдельно ходили эти восемьдесят четыре тысячи странников, отдельно — бодхисаттва Випасси.

2.18. И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, находящегося в обители и предающегося раздумьям в уединении, возникло в сердце такое размышление: „Поистине, этот мир подвержен бедствиям — [человек] рождается, живет, умирает, оставляет существование и рождается вновь. И [никто] не постигает преодоления этого несчастья — старости и смерти. Как же, поистине, постичь преодоление этого несчастья — старости и смерти?“

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что [вначале] существует, когда есть старость и смерть, что причина старости и смерти?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует рождение — есть старость, и смерть, рождение — причина старости и смерти“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть рождение, что причина рождения?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует становление — есть и рождение, становление — причина рождения“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть становление, что причина становления?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует стремление — есть и становление, стремление — причина становления“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть стремление, что причина стремления?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует жажда — есть и стремление, жажда — причина стремления“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть жажда, что причина жажды?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует ощущение — есть и жажда, ощущение — причина жажды“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть ощущение, что причина ощущения?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует соприкосновение — есть и ощущение, соприкосновение — причина ощущения“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть соприкосновение, что причина соприкосновения?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует шесть оснований [чувственного восприятия] — есть и соприкосновение, шесть оснований [чувственного восприятия] — причина соприкосновения“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть шесть оснований [чувственного восприятия], что причина шести оснований [чувственного восприятия]?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существуют имя и форма — есть и шесть оснований [чувственного восприятия], имя и форма — причина шести оснований [чувственного восприятия]“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть имя и форма, что причина имени и формы?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует сознание — есть имя и форма, сознание — причина имени и формы“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Что существует, когда есть сознание, что причина сознания?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Существует имя и форма — есть и сознание, имя и форма — причина сознания“.

2.19. И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Это сознание возвращается к имени и форме и не выходит за их пределы. И лишь постольку рождаются и старятся, и умирают, и оставляют существование, и рождаются вновь [существа], поскольку имя и форма — причина сознания, сознание — причина имени и формы, имя и форма — причина шести оснований [чувственного восприятия], шесть оснований [чувственного восприятия] — причина соприкосновения, соприкосновение — причина ощущения, ощущение — причина жажды, жажда — причина стремления, стремление — причина становления, становление — причина рождения, рождение — причина старости и смерти; [от него] происходят горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство. Таково возникновение всей той совокупности несчастья“.

„Возникновение! Возникновение!“ — так, монахи, [с этой мыслью] у бодхисаттвы Випасси возникло видение неслыханных прежде вещей, возникло постижение, возникла мудрость, возник свет.

2.20. И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Чего [вначале] не существует, когда нет старости и смерти, с уничтожением чего уничтожаются старость и смерть?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует рождения — нет ни старости, ни смерти, с уничтожением рождения уничтожаются старость и смерть“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет рождения, с уничтожением чего уничтожается рождение?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует становления — нет и рождения, с уничтожением становления уничтожается рождение“.

И вот, монахи, бодхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет становления, с уничтожением чего уничтожается становление?“ И вот, монахи, у бодхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря по-

стижению возникло понимание: „Не существует стремление — нет и становления, с уничтожением стремления уничтожается становление“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет стремления, с уничтожением чего уничтожается стремление?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует жажды — нет и стремления, с уничтожением жажды уничтожается стремление“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет жажды, с уничтожением чего уничтожается жажда?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует ощущения — нет и жажды, с уничтожением ощущения уничтожается жажда“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет ощущения, с уничтожением чего уничтожается ощущение?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует соприкосновения — нет и ощущения, с уничтожением соприкосновения уничтожается ощущение“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет соприкосновения, с уничтожением чего уничтожается соприкосновение?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует шести оснований [чувственного восприятия] — нет и соприкосновения, с уничтожением шести оснований [чувственного восприятия] уничтожается соприкосновение“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет шести оснований [чувственного восприятия], с уничтожением чего уничтожаются шесть оснований [чувственного восприятия]?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует имени и формы — нет и шести оснований [чувственного восприятия], с уничтожением имени и формы уничтожаются шесть оснований [чувственного восприятия]“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет имени и формы, с уничтожением чего уничтожаются имя и форма?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует сознания — нет ни имени, ни формы, с уничтожением сознания уничтожаются имя и форма“.

И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Чего не существует, когда нет сознания, с уничтожением чего уничтожается сознание?“ И вот, монахи, у будхисаттвы Випасси, направившего внимание к истокам, благодаря постижению возникло понимание: „Не существует имени и формы — нет и сознания, с уничтожением имени и формы уничтожается сознание“.

2.21. И вот, монахи, будхисаттва Випасси подумал так: „Да, мной достигнуто прозрение — путь к просветлению, поскольку с уничтожением имени и формы уничтожается сознание, с уничтожением сознания уничтожаются имя и форма,

с уничтожением имени и формы уничтожаются шесть оснований [чувственного восприятия], с уничтожением шести оснований [чувственного восприятия] уничтожается соприкосновение, с уничтожением соприкосновения уничтожается ощущение, с уничтожением ощущения уничтожается жажда, с уничтожением жажды уничтожается стремление, с уничтожением стремления уничтожается становление, с уничтожением становления уничтожается рождение, с уничтожением рождения уничтожаются старость и смерть, уничтожаются горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство. Таково уничтожение всей этой совокупности несчастья“.

„Уничтожение! Уничтожение!“ — так, монахи, [с этой мыслью] у бодхисаттвы Випасси возникло видение неслыханных прежде вещей, возникло знание, возникло постижение, возникла мудрость, возник свет.

2.22. И вот, монахи, в последующее время бодхисаттва Випасси пребывал в рассуждении о появлении и исчезновении пяти [групп] составляющих, основанных на стремлении: „Вот форма, вот возникновение формы, вот исчезновение формы; вот ощущение, вот возникновение ощущения, вот исчезновение ощущения; вот восприятие, вот возникновение восприятия, вот исчезновение восприятия; вот наклонности, вот возникновение наклонностей, вот исчезновение наклонностей; вот сознание, вот возникновение сознания, вот исчезновение сознания“.

И вскоре у него, пребывающего в рассуждении о появлении и исчезновении пяти групп, основанных на стремлении, сердце, лишённое стремлений, освободилось от порочных свойств.

Окончен второй раздел поучения.

3.1. И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — подумал так: „Что же — теперь я буду проповедывать истину“.

И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — подумал так: „Я достиг этой истины — глубокой, трудной для рассмотрения, трудной для постижения, несущей покой, возвышенной, недоступной рассудку, тонкой, ведомой лишь мудрецам. Но этот [человеческий] род привержен к удовлетворению чувственности, привержен к наслаждениям, привержен к радостям. А роду, приверженному к удовлетворению чувственности, приверженному к наслаждениям, приверженному к радостям, трудно рассмотреть это положение, — то, в котором [все] это коренится — о зависимом происхождении. Трудно для рассмотрения и то положение, которое [гласит] об успокоении всех наклонностей, об отказе от всего, ведущего к следующему рождению, об устранении жажды, о бесстрастии, об уничтожении [бытия], о ниббанае. Если же я стану проповедывать истину, и другие не поймут меня, то это будет для меня мучительно, это будет для меня тягостно“.

3.2. И так, монахи, Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному — внезапно явились эти неслыханные прежде строфы:

„Нет пользы проповедывать с трудом достигнутое мной:
Завязшим в злости и страстях легко ли истину постичь?
Что непривычно для ума, что тонко, трудно, глубоко, —
Того не видят страстные, густой окутанные тьмой“.

Так, монахи, у размышляющего Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного — сердце склонилось к успокоению, а не к проповедыванию истины. И вот, монахи, один великий Брахма, узнав в своем сердце, о чем размышляет в сердце Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — подумал так: „Увы, мир гибнет, увы, мир погибает, ведь у Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного — сердце склонилось к успокоению, а не к проповедыванию истины“.

3.3. И вот, монахи, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, точно так же великий Брахма исчез из мира Брахмы и появился перед Випасси — Благостным, архатом, всецело просветленным. И вот, монахи, великий Брахма накинул свою верхнюю одежду на одно плечо, преклонил к земле правое колено, со сложенными ладонями поклонился Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному — и сказал Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному:

„Господин, да проповедует Благостный истину, да проповедует Счастливый истину. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины, и они станут знатоками истины“.

3.4. Когда, монахи, так было сказано, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — сказал великому Брахме:

„[Сначала] Брахма, я подумал так: ‘Что же — теперь я буду проповедывать истину’. Затем, Брахма, я подумал так: ‘Я достиг этой истины — глубокой, трудной для рассмотрения, трудной для постижения, несущей покой, возвышенной, недоступной рассудку, тонкой, ведомой лишь мудрецам. Но этот [человеческий] род привержен к удовлетворению чувственности, привержен к наслаждениям, привержен к радостям. А роду, приверженному к удовлетворению чувственности, приверженному к наслаждениям, приверженному к радостям, трудно рассмотреть это положение — то, в котором [все] это коренится — о зависимом происхождении. Трудно для рассмотрения и то положение, которое [гласит] об успокоении всех склонностей, об отказе от всего, ведущего к следующему рождению, об устранении жажды, о бесстрастии, об уничтожении [бытия], о ниббанае. Если же я стану проповедывать истину, и другие не поймут меня, то это будет для меня мучительно, это будет для меня тягостно’. И так, Брахма, мне внезапно явились эти неслыханные прежде строфы:

‘Нет пользы проповедывать с трудом достигнутое мной:
Завязшим в злости и страстях легко ли истину постичь?
Что непривычно для ума, что тонко, трудно, глубоко, —
Того не видят страстные, густой окутанные тьмой’.

Так, Брахма, у меня, размышляющего, сердце склонилось к успокоению,
а не к проповедыванию истины“.

3.5. И вот, монахи, этот великий Брахма, во второй раз сказал Випасси — Бла-
гостному, архату, всецело просветленному:

„Господин, да проповедует Благодный истину, да проповедует Счастливый
истину. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины,
и они станут знатоками истины“.

Когда, монахи, так было сказано, Випасси — Благодный, архат, всецело про-
светленный — сказал великому Брахме:

„[Сначала] Брахма, я подумал так: ‘Что же — теперь я буду проповедывать
истину’. Затем, Брахма, я подумал так: ‘Я достиг этой истины — глубокой, труд-
ной для рассмотрения, трудной для постижения, несущей покой, возвышенной,
недоступной рассудку, тонкой, ведомой лишь мудрецам. Но этот [человеческий]
род привержен к удовлетворению чувственности, привержен к наслаждениям,
привержен к радостям. А роду, приверженному к удовлетворению чувственно-
сти, приверженному к наслаждениям, приверженному к радостям, трудно рас-
смотреть это положение, — то, в котором [все] это коренится — о зависимом
происхождении. Трудно для рассмотрения и то положение, которое [гласит] об
успокоении всех наклонностей, об отказе от всего, ведущего к следующему рож-
дению, об устранении жажды, о бесстрастии, об уничтожении [бытия], о нибба-
не. Если же я стану проповедывать истину, и другие не поймут меня, то это будет
для меня мучительно, это будет для меня тягостно’. И так, Брахма, мне внезапно
явились эти неслыханные прежде строфы:

‘Нет пользы проповедывать с трудом достигнутое мной:
Завязшим в злости и страстях легко ли истину постичь?
Что непривычно для ума, что тонко, трудно, глубоко, —
Того не видят страстные, густой окутанные тьмой’.

Так, Брахма, у меня, размышляющего, сердце склонилось к успокоению, а не
к проповедыванию истины“.

3.6. И вот, монахи, этот великий Брахма в третий раз сказал Випасси — Бла-
гостному, архату, всецело просветленному:

„Господин, да проповедует Благодный истину, да проповедует Счастливый
истину. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины,
и они станут знатоками истины“.

И вот, монахи, Випасси — Благодный, архат, всецело просветленный — по-
стигнув просьбу Брахмы, благодаря состраданию к существам оглядел мир гла-
зом Будды. И вот, монахи, Випасси — Благодный, архат, всецело просветлен-
ный — оглядывая мир глазом Будды, увидел существа, чье затмение невелико
и чье затмение велико, чьи жизненные способности остры и чьи жизненные спо-
собности притуплены, с добрыми наклонностями и с дурными наклонностями,

легко обучаемых и трудно обучаемых, и некоторые из них пребывали в сознании опасности, [сопряженной] с другим миром и с проступками. Подобно тому как в пруду с голубыми лотосами, или в пруду с красными лотосами, или в пруду с белыми лотосами некоторые голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы, родившиеся в воде и выросшие в воде, не выступают из воды и цветут, погруженные в нее; некоторые голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы, родившиеся в воде и выросшие в воде, находятся на [уровне] поверхности воды; некоторые голубые лотосы, или красные лотосы, или белые лотосы, родившиеся в воде и выросшие в воде, поднимаются над водой и не омываются водою, так же точно, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — оглядывая мир глазом Будды, увидел существа, чье затмение невелико и чье затмение велико, чьи жизненные способности остры и чьи жизненные способности притуплены, с добрыми наклонностями и с дурными наклонностями, легко обучаемых и трудно обучаемых, и некоторые из них пребывали в сознании опасности, [сопряженной] с другим миром и с проступками.

3.7. И вот, монахи, этот великий Брахма, узнав в своем сердце, о чем размышляет Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — обратился к Випасси — Благостному архату, всецело просветленному — со строфами:

„Подобно тому, как стоящий на скале, на вершине горы видит со всех сторон
людей,
Так же и [ты], всевидящий мудрец, взойдя во дворец высшей истины,
Взираешь, свободный от горя, на людей, пораженных горем, подавленных
рождением и старостью.
Поднимись, герой, победитель в сражении, вожатый, свободный от долга — пройди
по миру!
Да проповедует Благостный истину — [другие] станут знатоками!“

И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — ответил великому Брахме строфой:

„Врата бессмертия открыты для них —
Пусть те, кто наделены слухом, оставят [свою ложную] веру.
Сознавая тяжесть [этой задачи], я не возглашал известную,
Возвышенную истину, Брахма“.

И вот, монахи, великий Брахма [подумал]: „Ведь я сделал возможным, чтобы Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — проповедывал истину“, и, приветствовав Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, он обошел его с правой стороны и тут же исчез.

3.8. И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — подумал так: „Кому же я теперь первому стану проповедывать истину? Кто сможет быстро постичь эту истину?“

И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — подумал так: „Ведь в царской столице Бандхумати живут царевич Кханда и сын главного жреца Тисса — мудрые, опытные, разумные, и уже давно их затмение невелико. Если я теперь стану проповедывать истину царевичу Кханде и сыну главного жреца Тиссе первым, то они смогут быстро постичь эту истину“.

И вот, монахи, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, так же точно Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — исчез с подножия дерева бодхи и явился в царской столице Бандхумати в оленьей роще Кхема.

3.9. И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — обратился к хранителю рощи:

„Иди, дорогой хранитель рощи, войди в царскую столицу Бандхумати и так скажи царевичу Кханде и сыну главного жреца Тиссе: ‘Господа, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг царской столицы Бандхумати и пребывает в оленьей роще Кхема. Он желает видеть вас’“.

„Хорошо, господин“, — согласился хранитель рощи с Випасси — Благостным, архатом, всецело просветленным. И вот, монахи, войдя в царскую столицу Бандхумати, он так сказал царевичу Кханде и сыну главного жреца Тиссе:

„Господа, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг царской столицы Бандхумати и пребывает в оленьей роще Кхема. Он желает видеть вас“.

3.10. И вот, монахи, царевич Кханда и сын главного жреца Тисса приказали запрячь самые лучшие колесницы, взошли на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехали из царской столицы Бандхумати и направились в оленью рощу Кхема. Проехав на колеснице сколько позволяла колеснице дорога, они спустились с колесницы и пешком приблизились к Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному; приблизившись, они приветствовали Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного — и уселись в стороне.

3.11. И Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — изложил им последовательную проповедь, а именно: проповедь о даянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподал наставление о горечи, тщете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Благостный узнал, что они готовы в мыслях, смягчены в мыслях, непредвзяты в мыслях, возвышенны в мыслях, умиротворены в мыслях, то он преподал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание — возникновение — уничтожение — путь. И подобно тому как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом принимает окраску, таким же образом у царевича Кханды и сына главного жреца Тиссы на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: „Все то, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению“.

3.12. И увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уве-

ренности в себе, не нуждаясь в другом наставнике для наставления, они так сказали Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному:

„Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник. чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, мы идем как к прибежищу к Благостному и к дхамме. Да обретем мы, господин, странничество вблизи Благостного, да обретем мы доступ в общину!“

3.13. И вот, монахи, царевич Кханда и сын главного жреца Тисса обрели странничество вблизи Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, обрели доступ в общину. И Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — наставил, побудил, воодушевил, порадовал их беседой об истине и преподавал наставление о горечи, тщете и скверне наклонностей и о преимуществах ниббаны. И у них, наставленных, взволнованных, воодушевленных, обрадованных Випасси — Благостным, архатом, всецело просветленным, — сердца, лишённые зависимости, быстро освободились от порочных свойств.

3.14. И вот, монахи, в царской столице Бандхумати большое сборище людей — восемьдесят четыре тысячи человек — услышали: „Поистине, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг царской столицы Бандхумати и пребывает в оленьей роще Кхема. Царевич Кханда и сын главного жреца Тисса сбрили волосы и бороду, надели желтые одеяния и, оставив дом, стали странствовать бездомными вблизи Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного“. И слыша это, они подумали: „Поистине, немаловажны эта истина и должное поведение, немаловажно это странничество, раз царевич Кханда и сын главного жреца Тисса сбрили волосы и бороду, надели желтые одеяния и, оставив дом, стали странствовать бездомными. Если царевич Кханда и сын главного жреца Тисса сбрили волосы и бороду, надели желтые одеяния и, оставив дом, стали странствовать бездомными вблизи Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, то почему же мы не можем сделать того же?“

И вот, монахи, большое сборище людей — восемьдесят четыре тысячи человек — выступили из царской столицы Бандхумати и приблизились к оленьей роще Кхема, к Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному; приблизившись, они приветствовали Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного — и уселись в стороне.

3.15. И Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — изложил им последовательную проповедь, а именно: проповедь о даянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподавал наставление о горечи, тщете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Благостный узнал, что они готовы в мыслях, смягчены в мыслях, неподвзяты в мыслях, возвышенны в мыслях, умиротворены в мыслях, то он преподавал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание — возникновение — уничтожение — путь. И подобно тому как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом

принимает окраску, таким же образом у этих восьмидесяти четырех тысяч человек на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: „Все то, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению“.

3.16. И увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уверенности в себе, не нуждаясь в другом наставнике для наставления, они так сказали Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному:

„Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, мы идем как к прибежищу к Благостному и к дхамме. Да обретем мы, господин, странничество вблизи Благостного, да обретем мы доступ в общину!“

3.17. И вот, монахи, эти восемьдесят четыре тысячи человек обрели странничество вблизи Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, обрели доступ в общину. И Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — наставил, побудил, воодушевил, порадовал их беседой об истине и преподавал наставление о горечи, тщете и скверне наклонностей и о преимуществах ниббаны. И у них, наставленных, взволнованных, воодушевленных, обрадованных Випасси — Благостным, архатом, всецело просветленным, — сердца, лишенные зависимости, быстро освободились от порочных свойств.

3.18. И вот, монахи, восемьдесят четыре тысячи странников услышали от тех прежних: „Поистине, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг царской столицы Бандхумати, пребывает в оленьей роще Кхема и проповедует истину“. И вот, монахи, эти восемьдесят четыре тысячи странников приблизились к царской столице Бандхумати, к оленьей роще Кхема, к Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному; приблизившись, они приветствовали Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного — и уселись в стороне.

3.19. И Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — изложил им последовательную проповедь, а именно: проповедь о даянии, проповедь о нравственности, проповедь о небе и преподавал наставление о горечи, тщете и скверне чувственных удовольствий и о преимуществах отречения. И когда Благостный узнал, что они готовы в мыслях, смягчены в мыслях, непредвзяты в мыслях, возвышенны в мыслях, умиротворены в мыслях, то он преподавал наставление в истине, высочайшее для Будд: страдание — возникновение — уничтожение — путь. И подобно тому как чистая, свободная от грязи одежда надлежащим образом принимает окраску, таким же образом у этих восьмидесяти четырех тысяч странников на том самом сиденье возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: „Все то, что подвержено возникновению, подвержено и уничтожению“.

3.20. И увидев истину, достигнув истины, узнав истину, проникнув в истину, преодолев сомнение, освободившись от замешательства, достигнув высшей уве-

ренности в себе, не нуждаясь в другом наставнике для наставления, они так сказали Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному:

„Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, мы идем как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обретем мы, господин, странничество вблизи Благостного, да обретем мы доступ в общину!“

3.21. И вот, монахи, эти восемьдесят четыре тысячи человек обрели странничество вблизи Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, обрели доступ в общину. И Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — наставил, побудил, воодушевил, порадовал их беседой об истине и преподавал наставление о горечи, тщете и скверне наклонностей и о преимуществах ниббаны. И у них, наставленных, взволнованных, воодушевленных, обрадованных Випасси — Благостным, архатом, всецело просветленным, — сердца, лишённые зависимости, быстро освободились от порочных свойств.

3.22. И в это самое время, монахи, в царской столице Бандхумати находилась большая толпа монахов, шестьдесят восемь сотен тысяч монахов. И вот, монахи, у Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, предающегося раздумьям в уединении, возникло в сердце такое размышление: „Сейчас в царской столице Бандхумати находится большая толпа монахов, шестьдесят восемь сотен тысяч монахов. Поэтому теперь я дам [свое] согласие монахам: ‘Отправляйтесь, монахи, в путь ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. Идите не по одному, а по двое, проповедуйте, монахи, истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляйте в единственно совершенном, чистом целомудрии. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины, и они станут знатоками истины. Через каждые же шесть лет [вам] следует приходить в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

3.23. И вот, монах, один великий Брахма узнал в своем сердце, о чем размышляет в сердце Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный. И подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, точно так же он оставил мир Брахмы и появился перед Випасси — Благостным, архатом, всецело просветленным. И вот, монахи, великий Брахма накинул свою верхнюю одежду на одно плечо, со сложенными ладонями поклонился Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному — и сказал Випасси — Благостному, архату, всецело просветленному:

„Хорошо, Благостный, хорошо, Счастливый! Сейчас, господин, в царской столице Бандхумати находится большая толпа монахов, шестьдесят восемь сотен тысяч монахов. Пусть же, господин, Благостный даст [свое] согласие монахам: ‘Отправляйтесь, монахи, в путь ради благополучия многих людей, ради счастья

многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. Идите не по одному, а по двое, проповедуйте, монахи, истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляйте в единственно совершенном, чистом целомудрии. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины, и они станут знатоками истины'. И еще сделаем так, господин, чтобы через каждые шесть лет монахи приходили в царскую столицу Бандхумати для чтения 'Патимоккхи'".

Так, монахи, сказал этот великий Брахма. Сказав это, он приветствовал Випасси — Благостного, архата, всецело просветленного, обошел его с правой стороны и тут же исчез.

3.24. И вот, монахи, Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный — оставил вечером свои [уединенные] раздумья и обратился к монахам: „Вот, монахи, у меня, предающегося раздумьям в уединении, возникло в сердце такое размышление: 'Сейчас в царской столице Бандхумати находится большая толпа монахов, шестьдесят восемь сотен тысяч монахов. Поэтому теперь я дам [свое] согласие монахам: 'Отправляйтесь, монахи, в путь ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. Идите не по одному, а по двое, проповедуйте, монахи, истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляйте в единственно совершенном, чистом целомудрии. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины, и они станут знатоками истины. Через каждые же шесть лет [вам] следует приходить в царскую столицу Бандхумати для чтения 'Патимоккхи'".

3.25. И вот, монахи, один великий Брахма узнал в своем сердце, о чем я размышляю в сердце, и подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, точно так же он оставил мир Брахмы и появился передо мной. И вот, монахи, этот великий Брахма накинул свою верхнюю одежду на одно плечо, со сложенными ладонями поклонился мне и сказал мне: „Хорошо, Благостный, хорошо, Счастливый! Сейчас, господин, в царской столице Бандхумати находится большая толпа монахов, шестьдесят восемь сотен тысяч монахов. Пусть же, господин, Благостный даст [свое] согласие монахам: 'Отправляйтесь, монахи, в путь ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. Идите не по одному, а по двое, проповедуйте, монахи, истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляйте в единственно совершенном, чистом целомудрии. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины, и они станут знатоками истины'. И еще сделаем так, господин, чтобы через каждые шесть лет монахи приходили в царскую столицу Бандхумати для чтения 'Патимоккхи'". Так, монахи, сказал этот великий Брахма. Сказав это, он приветствовал меня, обошел с правой стороны и тут же исчез.

3.26. Я дал [свое] согласие, монахи! Отправляйтесь в путь ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради поль-

зы, благополучия и счастья богов и людей. Идите не по одному, а по двое, проповедуйте, монахи, истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляйте в единственно совершенном, чистом целомудрии. Есть существа, чье затмение невелико, — они гибнут, не слыша истины, и они станут знатоками истины. Через каждые же шесть лет [вам] следует приходить в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

И вот, монахи, бóльшая часть тех монахов в тот же день отправилась в путь по стране.

3.27. В то время, монахи, в Джамбудипе было восемьдесят четыре тысячи [монашеских] обитателей. И когда прошел один год, божества подали весть: „Прошел один год, досточтимые, — теперь осталось пять лет. Через пять лет следует прийти в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

Когда прошло два года, божества подали весть: „Прошло два года, досточтимые, — теперь осталось четыре года. Через четыре года следует прийти в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

Когда прошло три года, божества подали весть: „Прошло три года, досточтимые, — теперь осталось три года. Через три года следует прийти в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

Когда прошло четыре года, божества подали весть: „Прошло четыре года, досточтимые, — теперь осталось два года. Через два года следует прийти в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

Когда прошло пять лет, божества подали весть: „Прошло пять лет, досточтимые, — теперь остался один год. Через один год следует прийти в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

Когда прошло шесть лет, божества подали весть: „Прошло шесть лет, досточтимые, — теперь время идти в царскую столицу Бандхумати для чтения ‘Патимоккхи’“.

И вот, монахи, те монахи — одни благодаря собственной сверхъестественной способности, другие благодаря сверхъестественной способности богов — в один и тот же день пришли в царскую столицу Бандхумати для чтения „Патимоккхи“.

3.28. И там, монахи, Випасси — Благодостный, архат, всецело просветленный — стал в собрании монахов так читать „Патимоккху“:

„Терпение — высшее подвижничество, [как и] выносливость;
[Самым же] высшим Будды называют ниббану.
Ибо странник не наносит ближнему вреда,
Отшельник не враждебен ближнему.
Воздержание от всего порочного, обретение добра,
Чистота в сердце — таково наставление Будд.
Отсутствие брани, непричинение вреда и соблюдение ‘Патимоккхи’,
И умеренность в пище, и уединенное ложе и сиденье,
И приверженность к возвышенным мыслям — таково наставление Будд“.

3.29. Однажды, монахи, я пребывал в Уккаттхе в лесу Субхага у подножия огромной салы. И там, монахи, у меня, предающегося раздумьям в уединении, возникло в сердце такое размышление: „Нет ведь другой легко достижимой обители существ, где я не жил бы прежде столь долгое время, кроме как у богов суддхаваса. Поэтому теперь я приближусь к богам суддхаваса“.

И вот, монахи, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, точно так же я оставил подножие огромной салы в лесу Субхага в Уккаттхе и появился перед богами авиха. И в этом собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне, приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества так сказали мне:

„Девяносто один мировой период тому назад, досточтимый, в мире родился Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный. Випасси, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Випасси, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была восемьдесят тысяч лет. Випасси, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия патали. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Кханда и Тисса. При Випасси, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из шестидесяти восьми сотен тысяч монахов. Одно собрание учеников было из сотни тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. При Випасси, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Асока. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Бандхума, матерью, родительницей была царица по имени Бандхумати. У царя Бандхумы была царская столица, город по имени Бандхумати. Таково у Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Випасси, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

3.30. И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„Тридцать один мировой период тому назад, досточтимый, в мире родился Сикхи — Благостный, архат, всецело просветленный. Сикхи, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием,

родился в семействе кшатриев. Сикхи, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была семьдесят тысяч лет. Сикхи, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия пундарики. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Абхибху и Самбхава. При Сикхи, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из ста тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из семидесяти тысяч монахов. При Сикхи, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Кхеманкара. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Аруна, матерью, родительницей была царица по имени Пабхавати. У царя Аруны была царская столица, город по имени Арунавати. Таково у Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Сикхи, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества так сказали мне:

„Тридцать один мировой период тому назад, досточтимый, в мире родился Вессабху — Благостный, архат, всецело просветленный. Вессабху, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Вессабху, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была шестьдесят тысяч лет. Вессабху, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия салы. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Сона и Утгара. При Вессабху, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из семидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из шестидесяти тысяч монахов. При Вессабху, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного —

был прислужник, главный прислужник, монах по имени Упасаннака. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Суппатита, матерью, родительницей была царица по имени Ясавати. У царя Суппатиты была царская столица, город по имени Анопама. Таково у Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Вессабху, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире родился Какусандха — Благостный, архат, всецело просветленный. Какусандха, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Какусандха, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была сорок тысяч лет. Какусандха, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия сирысы. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Видхура и Санджива. При Какусандхе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были одно собрание учеников из сорока тысяч монахов. При Какусандхе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Буддхиджа. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Аггидатта, матерью, родительницей была брахманка по имени Висакха. И в это самое время, досточтимый, был царь по имени Кхема. У царя Кхемы была царская столица, город по имени Кхемавати. Таково у Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Какусандхе, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире родился Конагамана — Благостный, архат, всецело просветленный. Конагамана,

досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Конагамана, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была тридцать тысяч лет. Конагамана, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия удумбары. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Бхиййоса и Уттара. При Конагамане, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание из тридцати тысяч монахов. При Конагамане, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Соттхиджа. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Яннидатта, матерью, родительницей была брахманка по имени Уттара. И в это самое время, досточтимый, был царь по имени Собха. У царя Собхи была царская столица, город по имени Собхавати. Таково у Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Конагамане, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире родился Кассапа — Благостный, архат, всецело просветленный. Кассапа, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Кассапа, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была двадцать тысяч лет. Кассапа, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия нигродхи. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Тисса и Бхарадваджа. При Кассапе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание из двадцати тысяч монахов. При Кассапе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Саббамитта. У Кассапы, досточти-

мый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Брахмадатта, матерью, родительницей была брахманка по имени Дханавати. И в это самое время, досточтимый, был царь по имени Кики. У царя Кики была царская столица, город по имени Баранаси. Таково у Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Кассапе, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире теперь родился Благостный, архат, всецело просветленный. Благостный, досточтимый, — по происхождению кшатрий, родился в семействе кшатриев. Благостный, досточтимый, — из рода Готама. У Благостного, досточтимый, продолжительность жизни небольшая, ограниченная, недолгая: кто долго живет, тот [живет теперь] сотню лет или немного больше. Благостный, досточтимый, достиг просветления у подножия ассаттхи. У Благостного, досточтимый, двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Сарипутта и Моггаллана. При Благостном, досточтимый, одно собрание учеников из двенадцати с половиной сотен монахов. При Благостном, досточтимый, одно это собрание учеников, и во всех из них уничтожены порочные свойства. У Благостного, досточтимый, — прислужник, главный прислужник, монах по имени Ананда. У Благостного, досточтимый, отец — царь по имени Суддходана, мать, родительница — царица по имени Майя, [их] царская столица — город по имени Капилаваттху. Таково у Благостного, досточтимый, было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

3.31. И затем, монахи, вместе с богами авиха я приблизился к богам атаппа. И затем, монахи, вместе с богами авиха и богами атаппа я приблизился к богам судасса. И затем, монахи, вместе с богами авиха, и богами атаппа, и богами судасса я приблизился к богам судасси. И затем, монахи, вместе с богами авиха, и богами атаппа, и богами судасса, и богами судасси я приблизился к богам аканиттха. И вот в этом собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„Девяносто один мировой период тому назад, досточтимый, в мире родился Випасси — Благостный, архат, всецело просветленный. Випасси, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Випасси, досточтимый, — Благостный, архат,

всецело просветленный — был из рода Конданья. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была восемьдесят тысяч лет. Випасси, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия патали. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Кханда и Тисса. При Випасси, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из шестидесяти восьми сотен тысяч монахов. Одно собрание учеников было из сотни тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. При Випасси, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Асока. У Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Бандхума, матерью, родительницей была царица по имени Бандхумати. У царя Бандхумы была царская столица, город по имени Бандхумати. Таково у Випасси, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Випасси, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

3.32. И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„Тридцать один мировой период тому назад, досточтимый, в мире родился Сикхи — Благостный, архат, всецело просветленный. Сикхи, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Сикхи, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была семьдесят тысяч лет. Сикхи, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия пундарики. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Абхибху и Самбхава. При Сикхи, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из ста тысяч монахов. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из семидесяти тысяч монахов. При Сикхи, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Кхеманкара. У Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата,

всецело просветленного — отцом был царь по имени Аруна, матерью, родительницей была царица по имени Пабхавати. У царя Аруны была царская столица, город по имени Арунавати. Таково у Сикхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Сикхи, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„Тридцать один мировой период тому назад, досточтимый, в мире родился Вессабху — Благостный, архат, всецело просветленный. Вессабху, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению кшатрием, родился в семействе кшатриев. Вессабху, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Конданья. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была шестьдесят тысяч лет. Вессабху, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия салы. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Сона и Утара. При Вессабху, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были три собрания учеников. Одно собрание учеников было из восьмидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из семидесяти тысяч монахов. Одно собрание учеников было из шестидесяти тысяч монахов. При Вессабху, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — были эти три собрания учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Упасаннака. У Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был царь по имени Суппатита, матерью, родительницей была царица по имени Ясавати. У царя Суппатиты была царская столица, город по имени Анопама. Таково у Вессабху, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Вессабху, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире родился Какусандха — Благостный, архат, всецело просветленный. Какусандха, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхож-

дению брахманом, родился в семействе брахманов. Какусандха, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была сорок тысяч лет. Какусандха, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия сирысы. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Видхура и Санджива. При Какусандхе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание из сорока тысяч монахов. При Какусандхе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Буддхиджа. У Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Аггидатта, матерью, родительницей была брахманка по имени Висакха. И в это самое время, досточтимый, был царь по имени Кхема. У царя Кхемы была царская столица, город по имени Кхемавати. Таково у Какусандхи, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, такова — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Какусандхе, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире родился Конагамана — Благостный, архат, всецело просветленный. Конагамана, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Конагамана, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была тридцать тысяч лет. Конагамана, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия удумбары. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Бхиййоса и Уттара. При Конагамане, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание из тридцати тысяч монахов. При Конагамане, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Соттхиджа. У Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного —

отцом был брахман по имени Яннидатта, матерью, родительницей была брахманка по имени Уттара. И в это самое время, досточтимый, был царь по имени Собха. У царя Собхи была царская столица, город по имени Собхавати. Таково у Конагаманы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Конагамане, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире родился Кассапа — Благостный, архат, всецело просветленный. Кассапа, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был по происхождению брахманом, родился в семействе брахманов. Кассапа, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — был из рода Кассапа. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — продолжительность жизни была двадцать тысяч лет. Кассапа, досточтимый, — Благостный, архат, всецело просветленный — достиг просветления у подножия нигродхи. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Тисса и Бхарадваджа. При Кассапе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно собрание учеников из двадцати тысяч монахов. При Кассапе, досточтимый, — Благостном, архате, всецело просветленном — было одно это собрание учеников, и во всех из них были уничтожены порочные свойства. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — был прислужник, главный прислужник, монах по имени Саббамитта. У Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — отцом был брахман по имени Брахмадатта, матерью, родительницей была брахманка по имени Дханавати. И в это самое время, досточтимый, был царь по имени Кики. У царя Кики была царская столица, город по имени Баранаси. Таково у Кассапы, досточтимый, — Благостного, архата, всецело просветленного — было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благостном Кассапе, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

И вот в этом же собрании богов, монахи, многие тысячи божеств приблизились ко мне; приблизившись, они приветствовали меня и стали в стороне. И вот, монахи, стоя в стороне, эти божества сказали мне:

„В этом [нашем] благоприятном мировом периоде, досточтимый, в мире теперь родился Благостный, архат, всецело просветленный. Благостный, досточтимый, — по происхождению кшатрий, родился в семействе кшатриев. Благост-

ный, досточтимый, — из рода Готама. У Благостного, досточтимый, продолжительность жизни небольшая, ограниченная, недолгая: кто долго живет, тот [живет теперь] сотню лет или немного больше. Благостный, досточтимый, достиг просветления у подножия ассаттхи. У Благостного, досточтимый, двое главных и благородных [последователей], двое учеников по имени Сарипутта и Моггаллана. При Благосном, досточтимый, одно собрание учеников из двенадцати с половиной сотен монахов. При Благосном, досточтимый, одно это собрание учеников, и во всех из них уничтожены порочные свойства. У Благостного, досточтимый, — прислужник, главный прислужник, монах по имени Ананда. У Благостного, досточтимый, отец — царь по имени Суддходана, мать, родительница — царица по имени Майя, [их] царская столица — город по имени Капилаваттху. Таково у Благостного, досточтимый, было отречение [от мира], таково — странничество, таково — сосредоточенность, таково — полное просветление, таково — приведение в движение колеса дхаммы. Мы же, досточтимый, ведя целомудренную жизнь при Благосном, отвергнув среди чувственности чувственные побуждения, вновь родились здесь“.

3.33. И вот, монахи, Татхагата сам тщательно проник в конечную истину так, что, тщательно проникнув в конечную истину, Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные обрели освобождение“. Это же и божества дали знать Татхагате об этих вещах, так что Татхагата может вспомнить происхождение прежних Будд, достигших освобождения, разрушивших преграды, разрушивших пути [действий], завершивших существование, преодолевших все страдания, — может вспомнить [их] имена, может вспомнить [их] род, может вспомнить продолжительность [их] жизни, может вспомнить пары [их] учеников, может вспомнить собрания [всех их] учеников, [говоря]: „Эти Благостные были такого-то происхождения, такие-то по именам, такого-то рода, такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили и так-то эти Благостные достигли освобождения“».

Так сказал Благостный. И удовлетворенные, эти монахи порадовались словам Благостного.

Окончена «Махападана-сутта».

XV. «Маханидана-сутта» («Большая сутта о причинности»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал среди куру, в торговом поселении куру — под названием Каммассаххамма. И вот почтенный Ананда приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, почтенный Ананда так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин, — и глубоко, господин, это [учение] о зависимом происхождении, и выглядит глубоким. Право же, оно кажется мне как нельзя более ясным».

«Не говори так, Ананда, не говори так, Ананда! И глубоко, Ананда, это [учение] о зависимом происхождении, и выглядит глубоким. [Но] не постигая эту истину, Ананда, не проникая [в нее], этот [людской] род стал [словно] опутанным нитью, стал [словно] покрытым узлами, сделался [словно] мунджа и баббаджа, неспособен преодолеть бедствие, несчастье, страдание, переход из одного существования в другое.

2. Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина старости и смерти?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина старости и смерти?“ — следует сказать на это: „Рождение — причина старости и смерти“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина рождения?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина рождения?“ — следует сказать на это: „Становление — причина рождения“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина становления?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина становления?“ — следует сказать на это: „Стремление — причина становления“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина стремления?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина стремления?“ — следует сказать на это: „Жажда — причина стремления“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина жажды?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина жажды?“ — следует сказать на это: „Ощущение — причина жажды“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина ощущений?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина ощущения?“ — следует сказать на это: „Соприкосновение — причина ощущения“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина соприкосновения?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина соприкосновения?“ — следует сказать на это: „Имя и форма — причина соприкосновения“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина имени и формы?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина имени и формы?“ — следует сказать на это: „Сознание — причина имени и формы“.

Если, Ананда, задан вопрос: „Есть ли здесь причина сознания?“ — следует сказать на это: „Есть“. И если скажут: „Что причина сознания?“ — следует сказать на это: „Имя и форма — причина сознания“.

3. Итак, Ананда, имя и форма — причина сознания, сознание — причина имени и формы, имя и форма — причина соприкосновения, соприкосновение — причина ощущения, ощущение — причина жажды, жажда — причина стремления, стремление — причина становления, становление — причина рождения, рождение — причина старости и смерти; [от него] происходят — горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство. Таково возникновение всей этой совокупности несчастья».

4. Сказано: «Рождение — причина старости и смерти, и вот таким образом, Ананда, следует понимать то, что рождение — причина старости и смерти. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого рождения, а именно: у богов — в состоянии божественности, у гандхаббов — в состоянии гандхаббов, у яккхов — в состоянии яккхов, у бхутов — в состоянии бхутов, у людей — в человеческом состоянии, у четвероногих — в состоянии животных, у птиц — в состоянии птиц, у пресмыкающихся — в состоянии пресмыкающихся — если бы у каждого из этих [видов] существ, Ананда, не было бы рождения в [соответствующем] состоянии, то при полном отсутствии рождения, с уничтожением рождения, знали бы разве о рождении и смерти?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной старости и смерти и является здесь рождение».

5. Сказано: „Становление — причина рождения“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что становление — причина рождения. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого становления, а именно: становления в чувственности, становления в форме, становления в [состоянии], лишенном формы, то при полном отсутствии становления, с уничтожением становления знали бы разве о рождении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной рождения и является здесь становление».

6. Сказано: „Стремление — причина становления“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что стремление — причина становления. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого стремления, а именно: стремления возникающего из-за чувственности, стремления из-за [ложных] воззрений, стремления из-за [одного лишь соблюдения] нравствен-

ности и церемоний, стремления из-за [веры в] учение о [сохранении своего] „Я“, — то при полном отсутствии стремления, с уничтожением стремления знали бы разве о рождении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной становления и является здесь стремление.

7. Сказано: „Жажда — причина стремления“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что жажда — причина стремления. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакой жажды, а именно: жажды к формам, жажды к звукам, жажды к запахам, жажды к вкусам, жажды к [предметам] прикосновения, жажды к [предметам] постижения, — то при полном отсутствии жажды, с уничтожением жажды знали бы разве о стремлении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной стремления и является здесь жажда.

8. Сказано: „Ощущение — причина жажды“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что ощущение — причина жажды. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого ощущения, а именно: ощущения, рожденного действием глаза, ощущения, рожденного действием уха, ощущения, рожденного действием носа; ощущения, рожденного действием поверхности кожи, ощущения, рожденного действием разума, — то при полном отсутствии ощущения, с уничтожением ощущения знали бы разве о жажде?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной жажды и является здесь ощущение.

9. Итак, Ананда, от ощущения зависит жажда, от жажды зависит искание, от искания зависит приобретение, от приобретения зависит решение, от решения зависят желание и страсть, от желания и страсти зависит привязанность, от привязанности зависит завладение, от завладения зависит жадность, от жадности зависит охрана; вследствие охраны берутся за палку, берутся за оружие, возникают ссоры, пререкания, споры, распри, клевета, лживые речи и многие порочные, нехорошие дела.

10. Сказано: „Вследствие охраны берутся за палку, берутся за оружие, возникают ссоры, пререкания, споры, распри, клевета, лживые речи и многие порочные, нехорошие дела“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что вследствие охраны берутся за палку, берутся за оружие, возникают ссоры, пререкания, споры, распри, клевета, лживые речи и многие порочные, нехорошие дела. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакой охраны, то при полном отсутствии охраны, с уничтожением охраны брались бы разве за палку, брались бы за оружие, возникали бы ссоры, пререкания, споры, распри, клевета, лживые речи и многие порочные, нехорошие дела?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной того, что берутся за палку, берутся за оружие, возникают ссоры, пре-

рекания, споры, распри, клевета, лживые речи и многие порочные, нехорошие дела, — и является здесь охрана.

11. Сказано: „От жадности зависит охрана“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от жадности зависит охрана. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакой жадности, то при полном отсутствии жадности, с уничтожением жадности знали бы разве об охране?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной охраны и является здесь жадность».

12. Сказано: „От завладения зависит жадность“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от завладения зависит жадность. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого завладения, то при полном отсутствии завладения, с отсутствием завладения знали бы разве о жадности?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной жадности и является здесь завладение».

13. Сказано: „От привязанности зависит завладение“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от привязанности зависит завладение. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакой привязанности, то при полном отсутствии привязанности, с уничтожением привязанности знали бы разве о завладении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной завладения и является здесь привязанность».

14. Сказано: „От желания и страсти зависит привязанность“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от желания и страсти зависит привязанность. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого желания и страсти, то при полном отсутствии желания и страсти, с уничтожением желания и страсти знали бы разве о привязанности?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной привязанности и являются здесь желание и страсть».

15. Сказано: „От различения зависят желание и страсть“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от различения зависят желание и страсть. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого различения, то при полном отсутствии различения, с уничтожением различения знали бы разве о желании и страсти?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной желания и страсти и является здесь различение».

16. Сказано: „От приобретения зависит различение“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от приобретения зависит различение. Ведь ес-

ли бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого приобретения, то при полном отсутствии приобретения, с уничтожением приобретения знали бы разве о различении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной различения и является здесь приобретение».

17. Сказано: „От искания зависит приобретение“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от искания зависит приобретение. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого искания, то при полном отсутствии искания, с уничтожением искания знали бы разве о приобретении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной приобретения и является здесь искание».

18. Сказано: „От жажды зависит искание“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что от жажды зависит искание. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакой жажды, а именно: жажды чувственности, жажды существования, жажды прекращения существования, то при полном отсутствии жажды, с уничтожением жажды знали бы разве об искании?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной искания и является здесь жажда».

Так, Ананда, эти два вида [жажды] благодаря ощущению соединяются с двух сторон в одно».

19. Сказано: „Соприкосновение — причина ощущения“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что соприкосновение — причина ощущения. Ведь если бы, Ананда, никоим образом, никогда, нигде, ни у кого не было бы никакого соприкосновения, а именно: соприкосновения глазом, соприкосновения ухом, соприкосновения носом, соприкосновения языком, соприкосновения поверхностью кожи, соприкосновения разумом, то при полном отсутствии соприкосновения, с уничтожением соприкосновения знали бы разве об ощущении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной ощущения и является здесь соприкосновение».

20. Сказано: „Имя и форма — причина соприкосновения“, и вот как, Ананда, следует понимать то, что имя и форма — причина соприкосновения. Если бы, Ананда, не было тех обстоятельств, тех признаков, тех черт, тех отличительных свойств, благодаря которым существует понятие совокупности, [составляющей] имя, то с отсутствием этих обстоятельств, этих признаков, этих черт, этих отличительных свойств, знали бы разве о воздействии [такого] обозначения в совокупности, [составляющей] форму?»

«Конечно нет, господин».

«Если бы, Ананда, не было тех обстоятельств, тех признаков, тех черт, тех отличительных свойств, благодаря которым существует понятие совокупности, [составляющей] форму, то с отсутствием этих обстоятельств, этих признаков, этих черт, этих отличительных свойств знали бы разве о воздействии чувственного переживания в совокупности, [составляющей] имя?»

«Конечно нет, господин».

«Если бы, Ананда, не было тех обстоятельств, тех признаков, тех черт, тех отличительных свойств, благодаря которым существует понятие и совокупности, [составляющей] имя, и совокупности, [составляющей] форму, то с отсутствием этих обстоятельств, этих признаков, этих черт, этих отличительных свойств знали бы разве о воздействии обозначения или о воздействии чувственного переживания?»

«Конечно нет, господин».

«Если бы, Ананда, не было тех обстоятельств, тех признаков, тех черт, тех отличительных свойств, благодаря которым существует понятие имени и формы, то с отсутствием этих обстоятельств, этих признаков, этих черт, этих отличительных свойств знали бы разве о соприкосновении?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной соприкосновения и являются здесь имя и форма».

21. Сказано: „сознание — причина имени и формы“, и вот каким образом, Ананда, следует понимать то, что сознание — причина имени и формы. Ведь если бы, Ананда, сознание не нисходило в материнское лоно, то складывались бы разве в материнском лоне имя и форма?»

«Конечно нет, господин».

«Ведь если бы, Ананда, сознание, войдя в материнское лоно, угаšlo, то родились бы разве в этом состоянии имя и форма?»

«Конечно нет, господин».

«Ведь если бы, Ананда, еще у маленького мальчика или девочки, было пресечено сознание, то могли бы разве имя и форма обрести [у них] рост, развитие, совершенствование?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной имени и формы и является здесь сознание».

22. Сказано: „Имя и форма — причина сознания“, и вот как Ананда, следует понимать то, что имя и форма — причина сознания. Ведь если бы, Ананда, сознание не получало основы в имени и форме, то знали бы разве в будущем о существовании рождения, старости, смерти и возникновении страдания?»

«Конечно нет, господин».

«Потому-то, Ананда, этим поводом, этим источником, этим основанием, этой причиной сознания являются здесь имя и форма».

И лишь постольку, Ананда, рождаются и старятся, и умирают, и оставляют существование, и рождаются вновь [существа], постольку лишь [существует] путь

обозначения, постольку — путь выражения, постольку — путь понятия, постольку — область постижения, постольку вращается круговорот [бытия], обнаруживая этот порядок вещей, — поскольку [существуют] имя и форма вместе с сознанием.

23. Сколькими же путями, Ананда, учит поучающий о своем „я“? Поистине, Ананда, учащий, что свое „я“ имеет форму, ограничено, учит: „Мое ‘я’ имеет форму, ограничено“. Поистине, Ананда, учащий, что свое „я“ имеет форму, бесконечно, учит: „Мое ‘я’ имеет форму, бесконечно“. Поистине, Ананда, учащий, что свое „я“ не имеет формы, ограничено, учит: „Мое ‘я’ не имеет формы, ограничено“. Поистине, Ананда, учащий, что свое „я“ не имеет формы, бесконечно, учит: „Мое ‘я’ не имеет формы, бесконечно“.

24. И вот, Ананда, тот кто учит, поучая, что свое „я“ имеет форму, ограничено, или учит, поучая, что теперь свое „я“ имеет форму, ограничено, или учит, поучая, что в будущем существовании свое „я“ имеет форму, ограничено, или же он думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о следующих воззрению на свое „я“ как на имеющее форму, ограниченное.

И вот, Ананда, тот, кто учит, поучая, что свое „я“ имеет форму, бесконечно, или учит, поучая, что теперь свое „я“ имеет форму, бесконечно, или учит, поучая, что в будущем существовании свое „я“ имеет форму, бесконечно, или же он думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о следующих воззрению на свое „я“ как имеющее форму, бесконечное.

И вот, Ананда, тот, кто учит, поучая, что свое „я“ не имеет формы, ограничено, или учит, поучая, что теперь свое „я“ не имеет формы, ограничено, или учит, поучая, что в будущем существовании свое „я“ не имеет формы, ограничено, или же он думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о следующих воззрению на свое „я“ как не имеющее формы, ограниченное.

И вот, Ананда, тот, кто учит, поучая, что свое „я“ не имеет формы, бесконечно, или учит, поучая, что теперь свое „я“ не имеет формы, бесконечно, или учит, поучая, что в будущем существовании свое „я“ не имеет формы, бесконечно, или же он думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о следующих воззрению на свое „я“ как не имеющее формы, бесконечное.

Столькими путями, Ананда, учит поучающий о своем „я“.

25. Сколькими же путями, Ананда, не учит не поучающий о своем „я“? Поистине, Ананда, не учащий, что свое „я“ имеет форму, ограничено, не учит: „Мое ‘я’ имеет форму, ограничено“. Поистине, Ананда, не учащий, что свое „я“ имеет форму, бесконечно, не учит: „Мое ‘я’ имеет форму, бесконечно“. Поистине, Ананда, не учащий, что свое „я“ не имеет формы, ограничено, не учит: „Мое ‘я’ не имеет формы, ограничено“. Поистине, Ананда, не учащий, что свое „я“ не имеет формы, бесконечно, не учит: „Мое ‘я’ не имеет формы, бесконечно“.

26. И вот, Ананда, тот, кто не учит, не поучая, что свое „я“ имеет форму, ограничено, или не учит, не поучая, что теперь свое „я“ имеет форму, ограниче-

но, или не учит, не поучая, что в будущем существовании свое „я“ имеет форму, ограничено, или же он не думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о не следующих воззрению на свое „я“ как имеющее форму, ограниченное.

И вот, Ананда, тот, кто не учит, не поучая, что свое „я“ имеет форму, бесконечно, или не учит, не поучая, что теперь свое „я“ имеет форму, бесконечно, или не учит, не поучая, что в будущем существовании свое „я“ имеет форму, бесконечно, или же он не думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о не следующих воззрению на свое „я“ как имеющее форму, бесконечное.

И вот, Ананда, тот, кто не учит, не поучая, что свое „я“ не имеет формы, ограничено, или не учит, не поучая, что теперь свое „я“ не имеет формы, ограничено, или не учит, не поучая, что в будущем существовании свое „я“ не имеет формы, ограничено, или же он не думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о не следующих воззрению на свое „я“ как не имеющее формы, ограниченное.

И вот, Ананда, тот, кто не учит, не поучая, что свое „я“ не имеет формы, бесконечно, или не учит, не поучая, что теперь свое „я“ не имеет формы, бесконечно, или не учит, не поучая, что в будущем существовании свое „я“ не имеет формы, бесконечно, или же он не думает: „Хоть и [мое ‘я’ теперь] не такое, я обрету его таким“. В этом случае, Ананда, здесь уже довольно сказано о не следующих воззрению на свое „я“ как не имеющее формы, бесконечное.

Столькими путями, Ананда, не учит не поучающий о своем „я“.

27. Сколькими же путями, Ананда, видит видящий свое „я“? Поистине, Ананда, видящий в своем „я“ ощущение, видит: „Мое ‘я’ — [есть само] ощущение“. „Ведь мое ‘я’ — не есть ощущение, мое ‘я’ не испытывает ощущений“ — поистине, и так, Ананда, видит видящий свое „я“. „Ведь мое ‘я’ — ни [само] ощущение, ни не испытывающее ощущений“. „Мое ‘я’ ощущает, мое ‘я’ наделено свойством ощущения“ — поистине, и так, Ананда, видит видящий свое „я“.

28. Здесь, Ананда, тому, кто говорит: „Мое ‘я’ — ощущение“, следует сказать так: „Существует, достопочтенный, три [вида] ощущения: ощущение счастья, ощущение несчастья, ощущение ни несчастья, ни счастья. В каком же из этих трех ощущений ты видишь свое ‘я’“?

Когда, Ананда, ощущают ощущение счастья, то в это время не ощущают ощущения несчастья, не ощущают ощущения ни несчастья, ни счастья — в это время ощущают лишь ощущение счастья. Когда, Ананда, ощущают ощущение несчастья, то в это время не ощущают ощущения счастья, не ощущают ощущения ни несчастья, ни счастья — в это время ощущают лишь ощущение несчастья. Когда, Ананда, ощущают ощущение ни несчастья, ни счастья, то в это время не ощущают ощущения счастья, не ощущают ощущения несчастья — в это время ощущают лишь ощущение ни несчастья, ни счастья.

29. Ведь ощущение счастья, Ананда, непостоянно, составлено [из частей], зависимо по происхождению, подвержено разрушению, подвержено исчезнове-

нию, подвержено прекращению, подвержено уничтожению. Ведь ощущение несчастья, Ананда, непостоянно, составлено [из частей], зависимо по происхождению, подвержено разрушению, подвержено исчезновению, подвержено прекращению, подвержено уничтожению. Ведь ощущение ни несчастья, ни счастья, Ананда, непостоянно, составлено [из частей], зависимо по происхождению, подвержено разрушению, подвержено исчезновению, подвержено прекращению, подвержено уничтожению. Ощущающий ощущение счастья думает: „Это — мое ‘я’“, с уничтожением же ощущения счастья он думает: „Мое ‘я’ исчезло“. Ощущающий ощущение несчастья думает: „Это — мое ‘я’“, с уничтожением же ощущения несчастья он думает: „Мое ‘я’ исчезло“. Ощущающий ощущение ни несчастья, ни счастья думает: „Это — мое ‘я’“, с уничтожением же ощущения ни несчастья, ни счастья он думает: „Мое ‘я’ исчезло“.

Итак, кто в зримом мире говорит так: „Мое ‘я’ — ощущение“, тот, видя свое „я“, видит его непостоянным, смешанным со счастьем и несчастьем, подверженным появлению и исчезновению. Поэтому, Ананда, и не подобает видеть так: „Мое ‘я’ — ощущение“.

30. Здесь, Ананда, тому, кто говорит: „Ведь мое ‘я’ не есть ощущение, мое ‘я’ не испытывает ощущений“ — следует сказать так: „Если, достопочтенный, вообще нельзя было бы ничего ощущать, то существовали бы тогда разве [слова]: ‘Я есмь’“?»

«Конечно нет, господин».

«Поэтому, Ананда, и не подобает видеть так: „Ведь мое ‘я’ не есть ощущение, мое ‘я’ не испытывает ощущений“.

31. Здесь, Ананда, тому, кто говорит: „Ведь мое ‘я’ — ни [само] ощущение, ни не испытывающее ощущений — мое ‘я’ ощущает, мое ‘я’ [наделено] свойством ощущения“ — следует сказать так: „Ведь если бы, достопочтенный, были полностью без остатка уничтожены всевозможные ощущения, то при полном отсутствии ощущения, с уничтожением ощущения существовали бы тогда разве [слова]: ‘Вот я есмь’“?».

«Конечно нет, господин».

«Поэтому, Ананда, и не подобает видеть так: „Ведь мое ‘я’ — ни [само] ощущение, ни не испытывающее ощущений — мое ‘я’ ощущает, мое ‘я’ [наделено] свойством ощущения“.

32. Ведь когда монах, Ананда, не видит своего „я“ как ощущения, и не видит своего „я“ как не испытывающего ощущений, и не видит так: „Мое ‘я’ ощущает, мое ‘я’ [наделено] свойством ощущения“, — то, не видя этого, он ни к чему не привязывается в мире; не привязываясь, он не беспокоится; не беспокоясь, он достигает в своем сердце ниббаны и постигает: „Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием“. И если бы, Ананда, о монахе, чей ум подобным образом освобожден, сказали: „‘Татхагата существует после смерти’ — таково его воззрение“ — то это [высказывание] неправильно; [и если бы сказали]: „‘Татхагата не существует после смерти’ — таково его воззрение“ — то это неправильно;

[и если бы сказали]: „‘Татхагата и существует и не существует после смерти’ — таково его воззрение“ — то это неправильно; [и если бы сказали]: „‘Татхагата ни существует, ни не существует после смерти’ — таково его воззрение“ — то это неправильно. Почему же? Ведь поскольку Ананда, [существует] обозначение, поскольку — путь обозначения, поскольку — выражение, поскольку — путь выражения, поскольку — понятие, поскольку — путь понятия, поскольку — постижение, поскольку — область постижения, поскольку — круговорот [бытия], и поскольку вращается круговорот [бытия] — монах, познавший [все] это, достигает освобождения. [Говорить же, что] монах, познавший это, достигший освобождения, не знает и не видит и что таково его воззрение, — неправильно.

33. Существуют, Ананда, семь состояний сознания и две [его] области. Каковы же семь? Есть, Ананда, существа, различные телом, различные разумением, а именно: люди, некоторые боги и некоторые, подверженные страданию в преисподней. Это — первое состояние сознания.

Есть, Ананда, существа, различные телом, одинаковые разумением, а именно: боги, принадлежащие к свите Брахмы, возрожденные благодаря первой [ступени созерцания]. Это — второе состояние сознания.

Есть, Ананда, существа, одинаковые телом, различные разумением, а именно: боги абхассара. Это — третье состояние сознания.

Есть, Ананда, существа, одинаковые телом, одинаковые разумением, а именно: боги субхакинна. Это — четвертое состояние сознания.

Есть, Ананда, существа, которые, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигают уровня бесконечности пространства [и мыслят]: „Пространство бесконечно“. Это — пятое состояние сознания.

Есть, Ананда, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигают уровня бесконечности сознания [и мыслят]: „Сознание бесконечно“. Это — шестое состояние сознания.

Есть, Ананда, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности сознания, достигают уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслят]: „Не существует ничего“. Это — седьмое состояние сознания.

Уровень существ, лишенных осознания, — [первая область], уровень ни осознающих, ни лишенных осознания — вторая.

34. Здесь, Ананда, в первом состоянии сознания — различных телом, различных разумением, а именно: людей, некоторых богов и некоторых подверженных страданию в преисподней — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?».

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, во втором состоянии сознания — различных телом, одинаковых разумением, а именно: богов, принадлежащих к свите Брахмы, возрожденных благодаря первой [ступени сознания], — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и по-

стигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?».

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, в третьем состоянии сознания — одинаковых телом, различных разумением, а именно: богов абхассара — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?».

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, в четвертом состоянии сознания — одинаковых телом, одинаковых разумением, а именно: богов субхакинна — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?»

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, в пятом состоянии сознания — всецело преодолевших осознание форм, избавившихся от осознания противодействия, отвлекшихся от осознания множественности, достигших уровня бесконечности пространства [и мыслящих]: „Пространство бесконечно“ — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?»

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, в шестом состоянии сознания — всецело преодолевших уровень бесконечности пространства, достигших уровня бесконечности сознания [и мыслящих]: „Сознание бесконечно“ — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?»

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, в седьмом состоянии сознания — всецело преодолевших уровень бесконечности сознания, достигших уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслящих]: „Не существует ничего“, — тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?»

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, на этом уровне существ, лишенных осознания, тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение, и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [состоянию]?»

«Конечно нет, господин».

«Здесь, Ананда, на этом уровне ни осознающих, ни лишенных осознания, тому, Ананда, кто постигает это [состояние], и постигает его возникновение,

и постигает его исчезновение, и постигает его сладость, и постигает его горечь, и постигает его преодоление, — подобает разве ему радоваться этому [уровню]?»
«Конечно нет, господин».

«Ведь с тех пор, Ананда, как монах постиг в согласии с истиной и возникновение, и исчезновение, и сладость, и горечь, и преодоление этих семи состояний сознания и этих двух [его] областей, он освобождается, лишившись всякой зависимости; этот монах, Ананда, зовется „освободившийся постижением“.

35. Существует, Ананда, восемь [ступеней] освобождения. Каковы эти восемь?

Наделенный формой видит формы. Это — первая [ступень] освобождения.

Внутренне не осознающий формы видит внешние формы. Это — вторая [ступень] освобождения.

Он устремлен к [мысли]: „[Это] прекрасно“. Это — третья [ступень] освобождения.

Всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, он достигает уровня бесконечности пространства и пребывает на нем, [мысля]: „Пространство бесконечно“. Это — четвертая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает на нем, [мысля]: „Сознание бесконечно“. Это — пятая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает на нем, [мысля]: „Не существует ничего“. Это — шестая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает на нем. Это — седьмая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень ни осознания, ни отсутствия осознания, он достигает уничтожения осознания и ощущений и пребывает [в этом состоянии]. Это — восьмая [ступень] освобождения. Таковы, Ананда, восемь [ступеней] освобождения.

36. Ведь с тех пор, Ананда, как монах достигает этих восьми [ступеней] освобождения — достигает [их] в прямой последовательности, достигает в обратной последовательности, достигает и в прямой, и в обратной последовательности, достигает [их] и выходит [из них], где хочет, как хочет, на сколько хочет; и с уничтожением порочных свойств, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения, пребывает [в этом состоянии] — этот монах, Ананда, зовется „освободившийся обоими путями“, и нет, Ананда, другого освобождения обоими путями, более превосходного и более возвышенного, чем это освобождение обоими путями».

Так сказал Благостный. И удовлетворенный достопочтенный Ананда порадовался словам Благостного.

Окончена «Маханидана-сутта».

XVI. «Махапариниббана-сутта» («Большая сутта о достижении ниббаны»)

1.1. Вот, что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Раджагахе, на холме Гиджджхакута. И в это самое время царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта пожелал напасть на ваджджийцев. И он сказал так: «Я нанесу удар этим ваджджийцам, [хоть они] столь великой силы, столь великого могущества, истреблю ваджджийцев, погублю ваджджийцев, причину ваджджийцам тяжкие бедствия!»

1.2. И вот царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта обратился к главному советнику Магадхи брахману Вассакаре:

«Иди, брахман, приблизься к Благостному, приблизившись, поклонись головой в ноги Благостному от моего имени и спроси, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие: „Господин, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта кланяется головой в ноги Благостному и спрашивает, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие“, — и еще скажи так: „Господин, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта пожелал напасть на ваджджийцев. И он сказал так: ‘Я нанесу удар этим ваджджийцам, [хоть они] столь великой силы, столь великого могущества, истреблю ваджджийцев, погублю ваджджийцев, причину ваджджийцам тяжкие бедствия’“».

1.3. «Хорошо, почтенный», — согласился брахман Вассакара с царем Магадхи Аджатапатта Ведехипуттой, приказал запрячь самые лучшие колесницы, взошел на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехал из Раджагахи и направился к холму Гиджджхакута. Проехав на колеснице, сколько позволяла колеснице дорога, он спустился с колесницы и пешком приблизился к Благостному; приблизившись, он обменялся с Благостным дружескими, дружескими словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И, сидя в стороне, главный советник Магадхи брахман Вассакара так сказал Благостному:

«Почтенный Готама, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта кланяется головой в ноги почтенному Готаме и спрашивает, прошла ли [его] болезнь, прошел ли недуг, хорошо ли здоровье, как силы, благополучно ли самочувствие. Почтенный Готама, царь Магадхи Аджатапатта Ведехипутта пожелал напасть на ваджджийцев. И он сказал так: „Я нанесу удар этим ваджджийцам, [хоть они] столь великой силы, столь великого могущества, истреблю ваджджийцев, погублю ваджджийцев, причину ваджджийцам тяжкие бедствия!“»

1.4. А в это самое время достопочтенный Ананда, стоя позади Благостного, обмахивал Благостного. И вот Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«Слышал ли ты, Ананда, что ваджджийцы часто созывают собрания и многочисленны в собраниях?»

«Я слышал, господин, что ваджджийцы часто созывают собрания и многочисленны в собраниях».

«До тех пор, Ананда, пока ваджджийцы будут созывать собрания и будут многочисленны в собраниях, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев. Слышал ли ты, Ананда, что ваджджийцы в согласии собираются, в согласии расходятся, в согласии исполняют ваджджийские дела?»

«Я слышал, господин, что ваджджийцы в согласии собираются, в согласии расходятся, в согласии исполняют ваджджийские дела».

«До тех пор, Ананда, пока ваджджийцы будут в согласии собираться, в согласии расходиться, в согласии совершать ваджджийские дела, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев. Слышал ли ты, Ананда, что ваджджийцы не устанавливают [у себя] неуставленного, не отменяют уставленного, живут в соответствии с издавна установленными законами ваджджийцев?»

«Я слышал, господин, что ваджджийцы не устанавливают [у себя] неуставленного, не отменяют уставленного, живут в соответствии с издавна установленными законами ваджджийцев».

«До тех пор, Ананда, пока ваджджийцы не будут устанавливать [у себя] неуставленного, отменять уставленное, будут жить в соответствии с издавна установленными законами ваджджийцев, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев. Слышал ли ты, Ананда, что ваджджийцы оказывают внимание, проявляют заботу, уважают, чтут ваджджийских старцев, [живущих] среди ваджджийцев, и считают долгом слушаться их?»

«Я слышал, господин, что ваджджийцы оказывают внимание, проявляют заботу, уважают, чтут ваджджийских старцев, [живущих] среди ваджджийцев, и считают долгом слушаться их».

«До тех пор, Ананда, пока ваджджийцы будут оказывать внимание, проявлять заботу, уважать, чтить ваджджийских старцев, [живущих] среди ваджджийцев, и будут считать долгом слушаться их, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев. Слышал ли ты, Ананда, что ваджджийцы не прибегают к похищению и насилию, чтобы принудить к сожительству женщин из славных семейств и девушек из славных семейств?»

«Я слышал, господин, что ваджджийцы не прибегают к похищению и насилию, чтобы принудить к сожительству женщин из славных семейств и девушек из славных семейств».

«До тех пор, Ананда, пока ваджджийцы не будут прибегать к похищению и насилию, чтобы принудить к сожительству женщин из славных семейств и девушек из славных семейств, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев. Слышал ли ты, Ананда, что ваджджийцы оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут те ваджджийские святителища — внутренние и

внешние, — которые [находятся] среди ваджджийцев, и не прерывают издавна приносимых, издавна установленных у них подобающих подношений?»

«Я слышал, господин, что ваджджийцы оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут те ваджджийские святилища — внутренние и внешние, — которые [находятся] среди ваджджийцев, и не прерывают издавна приносимых, издавна установленных у них подобающих подношений».

«До тех пор, Ананда, пока ваджджийцы будут оказывать внимание, оказывать заботу, уважать, чтить те ваджджийские святилища — внутренние и внешние, — которые [находятся] среди ваджджийцев, и не будут прерывать издавна приносимых, издавна установленных у них подобающих подношений, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев. Слышал ли ты, Ананда, что архатам у ваджджийцев хорошо обеспечена подобающая охрана, ограда и защита — так, чтобы и не пришедшие архаты могли придти в [их] страну, и пришедшие архаты могли благополучно обитать в стране?»

«Я слышал, господин, что архатам у ваджджийцев хорошо обеспечена подобающая охрана, ограда и защита — так, чтобы и не пришедшие архаты могли придти в [их] страну, и пришедшие архаты могли благополучно обитать в стране».

«До тех пор, Ананда, пока архатам у ваджджийцев будет хорошо обеспечена подобающая охрана, ограда и защита — так, чтобы и не пришедшие архаты могли придти в [их] страну, и пришедшие архаты могли благополучно обитать в стране, следует ожидать, Ананда, возвышения, а не упадка ваджджийцев».

1.5. И тогда Благостный обратился к главному советнику Магадхи, брахману Вассакаре:

«Однажды, брахман, я остановился в Весали в святилище Сарандада и там я наставил ваджджийцев в этих семи заповедях, охраняющих от упадка. И до тех пор, брахман, пока среди ваджджийцев будут держаться эти семь заповедей, охраняющих от упадка, и ваджджийцы будут соблюдать эти семь заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, брахман, возвышения, а не упадка ваджджийцев».

Когда так было сказано, главный советник Магадхи, брахман Вассакара, сказал Благостному:

«Даже если бы, почтенный Готама, ваджджийцы были наделены какой-либо одной заповедью, охраняющей от упадка, то следовало бы ожидать [их] возвышения, а не упадка — о чем же говорить, когда [они наделены] семью заповедями, охраняющими от упадка? Итак, почтенный Готама, царь Магадхи Аджата-сатту Ведехипутта может одержать верх над ваджджийцами отнюдь не в битве, но лишь уговорами и сеянием раздора. Ну, а теперь, почтенный Готама, мы пойдем — у нас много дел, многое надлежит сделать».

«[Делай] теперь, брахман, как ты считаешь нужным».

И вот главный советник Магадхи, брахман Вассакара, возрадовавшись и удовлетворившись словами Благостного, поднялся с сиденья и удалился.

1.6. И вот вскоре после ухода главного советника Магадхи брахмана Вассакары Благостный обратился к достопочтенному Ананде: «Иди, Ананда и созови

в обитель для собраний всех тех монахов, которые находятся в окрестностях Раджагахи».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда, и вот, созвав в обитель для собраний всех тех монахов, которые находились в окрестностях Раджагахи, он приблизился к Благостному; приблизившись, приветствовал Благостного и стал в стороне. И вот, стоя в стороне, достопочтенный Ананда так сказал Благостному: «Созвана, господин, община монахов — [делай] теперь, господин, как Благостный считает нужным».

И вот Благостный, поднявшись с сиденья, приблизился к обители для собраний; приблизившись, он уселся на предложенное сиденье. И вот, усевшись, Благостный обратился к монахам:

«Я наставлю вас, монахи, в семи заповедях, охраняющих от упадка. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

«До тех пор, монахи, пока монахи будут часто созывать собрания и будут многочисленны в собраниях, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут в согласии собираться, в согласии расходиться, в согласии исполнять дела общины, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут устанавливать [у себя] неустановленного, отменять установленное, будут жить в соответствии с установленными заповедями, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут оказывать внимание, проявлять заботу, уважать, чтить старших монахов — давно признанных, долгое время странствующих, отцов общины, наставников общины, — и будут считать долгом слушаться их, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут попадать во власть возникающей [у них] жажды, ведущей к следующему рождению, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут стремиться к уединенным обителям, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут полны внимания в своем сердце — так, чтобы и не пришедшие добрые [их] собратья могли прийти [к ним], и пришедшие добрые собратья могли благополучно обитать [среди них], следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока среди монахов будут держаться эти семь заповедей, охраняющих от упадка, и монахи будут соблюдать эти семь заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

1.7. И еще я наставлю вас, монахи, в других семи заповедях, охраняющих от упадка. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

«До тех пор, монахи, пока монахи не будут ни находить удовольствия в [мирских] делах, ни удовлетворяться [мирскими] делами, ни предаваться удовольствию от [мирских] дел, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут ни находить удовольствия в пустословии, ни удовлетворяться пустословием, ни предаваться удовольствию от пустословия, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут ни находить удовольствия в лени, ни удовлетворяться ленью, ни предаваться удовольствию от лени, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут ни находить удовольствия в [общении с людской] толпой, ни удовлетворяться толпой, ни предаваться удовольствию от толпы, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут ни питать порочных желаний, ни находиться во власти порочных желаний, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут ни дружить с порочными, ни сопутствовать порочным, ни сближаться с порочными, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи не будут останавливаться на полпути, достигнув определенного, [хоть и] не столь высокого состояния, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока среди монахов будут держаться эти семь заповедей, охраняющих от упадка, и монахи будут соблюдать эти семь заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

1.8. И еще я наставлю вас, монахи, в других семи заповедях, охраняющих от упадка. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

«До тех пор, монахи, пока монахи будут пребывать в вере, будут скромны, будут страшиться проступков, будут отличаться ученостью, будут тверды в усердии, будут сосредоточены в способности самосознания, будут наделены мудростью, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока среди монахов будут держаться эти семь заповедей, охраняющих от упадка, и монахи будут соблюдать эти семь заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

1.9. И еще я наставляю вас, монахи, в других семи заповедях, охраняющих от упадка. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

«До тех пор, монахи, пока монахи будут наделены звеном просветления, состоящим в способности самосознания, будут наделены звеном просветления, состоящим в исследовании истины; будут наделены звеном просветления, состоящим в усердии; будут наделены звеном просветления, состоящим в радости; будут наделены звеном просветления, состоящим в умиротворенности; будут наде-

лены звеном просветления, состоящим в сосредоточенности; будут наделены звеном просветления, состоящим в уравновешенности, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока среди монахов будут держаться эти семь заповедей, охраняющих от упадка, и монахи будут соблюдать эти семь заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

1.10. И еще я наставлю вас, монахи, в семи заповедях, охраняющих от упадка. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

«До тех пор, монахи, пока монахи будут наделены пониманием непостоянства [всего сущего], будут наделены пониманием отсутствия [своего] „я“, будут наделены пониманием горечи [бытия], будут наделены пониманием [его] опасности; будут наделены пониманием отказа [от него], будут наделены пониманием отворачивания [от него], будут наделены пониманием [его] уничтожения, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока среди монахов будут держаться эти семь заповедей, охраняющих от упадка, и монахи будут соблюдать эти семь заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

1.11. Я наставлю [вас], монахи, в шести заповедях, охраняющих от упадка. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

«До тех пор, монахи, пока монахи будут и открыто, и втайне дружелюбны в делах, общаясь с братьями, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут и открыто, и втайне дружелюбны в речах, общаясь с братьями, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут и открыто, и втайне дружелюбны в помыслах, общаясь с братьями, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи будут пользоваться совместно с добродетельными братьями подобающими приобретениями, подобающим образом полученными [ими], вплоть даже до находящегося в сосуде для подаяний, не пользуясь [сами] без дележа подобными приобретениями, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи, [следуя] неразрушимым, неуязвимым, незапятнанным, безупречным, освобождающим, восхваляемым мудрецами, не затрагиваемым [злом], ведущим к сосредоточенности заповедям нравственности, наделенные нравственностью, будут и открыто, и втайне пребывать вместе с братьями в следовании подобным заповедям нравственности — следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока монахи, [следуя] праведному, избавляющему воззрению, которое избавляет разделяющего [его, ведя] к полному уничтожению несчастья, наделенные [этим] воззрением, будут и открыто, и втайне пребывать вместе с братьями в следовании подобному воззрению, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов.

До тех пор, монахи, пока среди монахов будут держаться эти шесть заповедей, охраняющих от упадка, и монахи будут соблюдать эти шесть заповедей, охраняющих от упадка, следует ожидать, монахи, возвышения, а не упадка монахов».

1.12. И, пребывая там, в Раджагахе, на холме Гиджджхакута, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: от порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

1.13. И вот Благостный, пробыв в Раджагахе, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Амбалаттхику». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился к Амбалаттхике.

1.14. И Благостный стал пребывать там, в царской обители в Амбалаттхике. И вот, пребывая там, в царской обители в Амбалаттхике, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

1.15. И вот Благостный, пробыв в Амбалаттхике, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Наланду». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Наланду. И Благостный стал пребывать там в Наланде, в манговой роще Паварика.

1.16. И вот достопочтенный Сарипутта приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, достопочтенный Сарипутта так сказал Благостному:

«Господин! Так верю я в Благостного, что [считаю:] не было, и не будет, и нет теперь другого отшельника или брахмана, более великого, более сведущего в том, что касается просветления».

«Великое, славное слово произнес ты, Сарипутта, и поистине охватил [его, словно] рыча лвиным рыком: „Господин! Так верю я в Благостного, что [счи-

таю:] не было, и не будет, и нет теперь другого отшельника или брахмана, более великого, более сведущего в том, что касается просветления“. Знаешь ли ты, Сарипутта, полностью объяв разумом, всех тех Благостных, которые были в прошлом времени, — архатов, всецело просветленных, [так, чтобы утверждать]: „Эти Благостные были такого-то нрава, так-то учили, так-то постигали, так-то жили, эти Благостные так-то обрели освобождение?“».

«Конечно нет, господин».

«Тогда знаешь ли ты, Сарипутта, полностью объяв разумом, всех тех Благостных, которые будут в будущем времени — архатов, всецело просветленных, [так, чтобы утверждать]: „Эти Благостные будут такого-то нрава, будут так-то учить, так-то постигать, так-то жить, эти Благостные так-то обретут освобождение?“»

«Конечно нет, господин».

«Тогда знаешь ли ты, Сарипутта, полностью объяв разумом, меня [живущего] теперь — архата, всецело просветленного, [так, чтобы утверждать]: „Благостный такого-то нрава, так-то учит, так-то постигает, так-то живет, Благостный так-то обретает освобождение?“»

«Конечно нет, господин».

«Итак, Сарипутта, ты не объял разумом и не знаешь здесь архатов, всецело просветленных в прошлом, будущем и настоящем. Зачем же тогда, Сарипутта, ты произнес это великое, славное слово и поистине охватил [его, словно] рыча львиным рыком: „Господин! Так верю я в Благостного, что [считаю:] не было, и не будет, и нет теперь других отшельников или брахманов, более великих и более сведущих в том, что касается просветления“».

1.17. «Господин! Я не объял разумом и не знаю архатов, всецело просветленных в прошлом, будущем и настоящем. [Мне] известно лишь находящееся в соответствии с истиной. Подобно тому, господин, как в пограничном городе царя, с надежным рвом, надежными стенами и башнями и одними воротами находится его страж — мудрый, рассудительный, разумный, который задерживает незнакомых и пропускает знакомых и, проходя по дороге, окружающей весь этот город, может и не замечать щели в стене или отверстия в стене, через которые способна пролезть лишь кошка, и думает: „Великий — тот, кто велик телом и входит или выходит из этого города, — может войти или выйти лишь через эти ворота“ — так же точно и мне, господин, известно лишь находящееся в соответствии с истиной. Все те Благостные, господин, которые были в прошлом времени — архаты, всецело просветленные, — отказавшись от пяти преград, постигнув причины, оскверняющие и ослабляющие разум, прочно утвердив ум в четырех установлениях способности самосознания, поистине наделенные семью звеньями просветления, достигли, всецело просветленные, несравненного просветления. И все те Благостные, господин, которые будут в будущем времени — архаты, всецело просветленные, — отказавшись от пяти преград, постигнув причины, оскверняющие и ослабляющие разум, прочно утвердив ум в четырех установлениях способности самосознания, поистине наделенные семью звеньями просветления, до-

стигнут, всецело просветленные, несравненного просветления. И [сам] Благостный, господин, — [живущий] теперь, архат, всецело просветленный, — отказавшись от пяти преград, постигнув причины, оскверняющие и ослабляющие разум, прочно утвердив ум в четырех установлениях способности самосознания, поистине наделенный семью звеньями просветления, достиг, всецело просветленный, несравненного просветления.

1.18. И вот, пребывая там, в Наланде, в манговой роще Паварика, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

1.19. И вот Благостный, пробыв в Наланде, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Паталигаму». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Паталигаму.

1.20. И преданные миряне Паталигамы услышали: «Поистине, Благостный достиг Паталигамы». И вот преданные миряне Паталигамы приблизились к Благостному; приблизившись, они приветствовали Благостного и сели в стороне. И, сидя в стороне, преданные миряне Паталигамы так сказали Благостному: «Пусть, господин, Благостный согласится [остановиться] у нас в обители». И Благостный безмолвно согласился.

1.21. И вот преданные миряне Паталигамы, узнав о согласии Благостного, поднялись с сиденья, приветствовали Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, приблизились к [своей] обители; приблизившись, они устлали всю обитель подстилками, приготовили сиденья, поставили сосуд с водой, установили масляный светильник; [затем снова] приблизились к Благостному; приблизившись, приветствовали Благостного и стали в стороне. И, стоя в стороне, преданные миряне Паталигамы так сказали Благостному:

«Господин, вся обитель устлана подстилками, приготовлены сиденья, поставлен сосуд с водой, установлен масляный светильник — [делай] теперь, господин, как Благостный считает нужным».

1.22. И вот Благостный, оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к обители; приблизившись, он омыл ноги, вошел в обитель и сел лицом к востоку, прислонившись к средней колонне. И толпа монахов омыла ноги, вошла в обитель и, чтя Благостного, села лицом к востоку, прислонившись к западной стене. И преданные миряне Паталигамы, омыли ноги, вошли в обитель и, чтя Благостного, сели лицом к западу, прислонившись к восточной стене.

1.23. И вот Благостный обратился к преданным мирянам Паталигамы:

«Существует, домоправители, пять опасностей для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью. Каковы же пять:

Вот, домоправители, злонравный, пренебрегающий нравственностью по причине легкомыслия, впадает в великую нужду. Это — первая опасность для злонравного, вследствие пренебрежения нравственностью.

И далее, домоправители, о злонравном, пренебрегающем нравственностью, идет дурная слава. Это — вторая опасность для злонравного, вследствие пренебрежения нравственностью.

И далее, домоправители, в чье бы собрание ни вступал злонравный, пренебрегающий нравственностью, — в собрание кшатриев, или собрание брахманов, или собрание домоправителей, или собрание отшельников — он вступает в него неуверенно и беспокожно. Это — третья опасность для злонравного, вследствие пренебрежения нравственностью.

И далее, домоправители, злонравный, пренебрегающий нравственностью, оканчивает свои дни в мучении. Это — четвертая опасность для злонравного, вследствие пренебрежения нравственностью.

И далее, домоправители, злонравный, пренебрегающий нравственностью, с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Это — пятая опасность для злонравного, вследствие пренебрежения нравственностью. Таковы, домоправители, пять опасностей для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью.

1.24. Существует, домоправители, пять преимуществ для добронравного, вследствие обладания нравственностью. Каковы же пять?

Вот, домоправители, добронравный, обладающий нравственностью по причине усердия достигает великого достатка. Это — первое преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью.

И далее, домоправители, о добронравном, обладающем нравственностью, идет добрая слава. Это — второе преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью.

И далее, домоправители, в чье бы собрание ни вступал добронравный, обладающий нравственностью, — в собрание кшатриев, или собрание брахманов, или собрание домоправителей, или собрание отшельников, — он вступает в него уверенно и спокойно. Это — третье преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью.

И далее, домоправители, добронравный, обладающий нравственностью, оканчивает свои дни без мучения. Это — четвертое преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью.

И далее, домоправители, добронравный, обладающий нравственностью, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Это — пятое преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью. Таковы, домоправители, пять преимуществ для добронравного вследствие обладания нравственностью».

1.25. И вот Благостный, далеко за полночь, наставив, побудив, воодушевив, порадовав преданных мирян Паталигамы добродетельной беседой, отпустил [их,

сказав]: «Уже миновала ночь, домоправители, — [делайте] теперь, как считаете нужным». — «Хорошо, господин», — согласились с Благостным преданные миряне Паталигамы, поднялись с сиденья, приветствовали Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалились. И вот, вскоре после того как преданные миряне Паталигамы удалились, Благостный вошел в уединенную обитель.

1.26. И в это самое время Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, стали воздвигать в Паталигаме городские [укрепления] для отражения ваджджийцев. И в это самое время многочисленные божества тысячами завладели землями в Паталигаме. В тех местах, где землями завладели божества великой силы, они склонили сердца царей великой силы и главных царских советников воздвигать жилища. В тех местах, где землями завладели средние божества, они склонили сердца средних царей и главных царских советников воздвигать жилища. В тех местах, где землями завладели низшие божества, они склонили сердца низших царей и главных царских советников воздвигать жилища.

1.27. И очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, Благостный увидел, что эти божества тысячами завладели землями в Паталигаме. И вот Благостный, поднявшись на заре, обратился к достопочтенному Ананде:

«Кто это, Ананда, воздвигает в Паталигаме городские [укрепления]?»

«Господин, Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, воздвигают в Паталигаме городские [укрепления] для отражения ваджджийцев».

1.28. «Право же, Ананда, Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, воздвигают в Паталигаме городские [укрепления] для отражения ваджджийцев, словно посоветовавшись с тридцатью тремя богами. Вот, Ананда, очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, я увидел, что многочисленные божества тысячами завладели землями в Паталигаме. В тех местах, где землями завладели божества великой силы, они склонили сердца царей великой силы и главных царских советников воздвигать жилища. В тех местах, где землями завладели средние божества, они склонили сердца средних царей и главных царских советников воздвигать жилища. В тех местах, где землями завладели низшие божества, они склонили сердца низших царей и главных царских советников воздвигать жилища. И поскольку, Ананда, [здесь будет] местопребывание праведных, поскольку [будет] торговля, эта Паталипутта будет главным городом, средоточием товаров. [Но] перед Паталипуттой, Ананда, будут три опасности: от огня, от воды и от раздора».

1.29. И вот Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, приблизились к Благостному; приблизившись, они обменялись с Благостным дружескими, дружественными словами и почтительным приветствием и стали в стороне. И, стоя в стороне, Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, так сказали Благостному: «Пусть досточтимый Готама вместе с толпой монахов согласится [принять] у нас сегодня пищу». И Благостный безмолвно согласился.

1.30. И вот, Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, узнав о согласии Благостного, приблизились к своей обители; приблизившись, они приказали

приготовить в своей обители изысканную твердую пищу и мягкую пищу, и сообщили Благостному о времени: «[Пришло] время, почтенный Готама, пища готова».

И тогда Благостный оделся утром, взял сосуд для подаваний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к обители Сунидхи и Вассакары, главных советников Магадхи, и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, своей рукой угостили и насытили толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и мягкой пищей. Когда Благостный, поев, омыл сосуд для подаваний и руки, Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, выбрали другое низкое сиденье и сели в стороне.

1.31. И вот Благостный поблагодарил сидящих в стороне Сунидху и Вассакару, главных советников Магадхи, такими строфами:

«В каком бы месте ни избрал [себе] жилище мудрый человек, —
Пусть он насыщает там добродетельных владеющих собой, целомудренных [собратьев];
Пусть наделяет подношениями тех божеств, которые обитают там, —
Чтимые, они чтут; уважаемые — уважают его
И затем сострадают ему, словно мать — родному сыну.
Человек же, которому сострадают божества, всегда видит счастье».

И вот, поблагодарив Сунидху и Вассакару, главных советников Магадхи, такими строфами, Благостный поднялся с сиденья и удалился.

1.32. И в это самое время Сунидха и Вассакара, главные советники Магадхи, шаг за шагом следуя за Благостным, [сказали]: «Те врата, которыми выйдет отшельник Готама, будут называться вратами Готама; та переправа, по которой он пересечет реку Ганг, будет переправой Готама». И вот те врата, которыми вошел Благостный, стали вратами Готама.

1.33. И вот Благостный приблизился к реке Ганг. И в это самое время река Ганг стала полно[водной], наполненной до краев, так что даже ворона смогла бы пить из нее. Одни люди стали искать лодку, другие стали искать плот, третьи стали сплетать стебли, желая перебраться на другой берег. И вот, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, точно так же Благостный вместе с толпой монахов исчез с этого берега реки Ганг и появился на том берегу.

1.34. И Благостный увидел, как одни люди ищут лодку, другие ищут плот, третьи сплетают стебли, желая перебраться на другой берег. И в это время, узнав о таких делах, Благостный взволнованно воскликнул:

«Кто переправляется через океан, построив мост и минуя водные глубины, —
В то время как [неразумный] люд сплетает стебли — те мудрые люди достигают того
берега!»

[Окончен] первый раздел поучения.

2.1. И вот Благостный обратился к достойному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Котигама». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достойный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Котигама. И Благостный стал пребывать там, в Котигаме.

2.2. И там Благостный обратился к монахам:

«Не поняв и не постигнув четырех праведных истин, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Каковы же эти четыре? Не поняв и не постигнув праведной истины о страдании, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Не поняв и не постигнув праведной истины о возникновении страдания, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Не поняв и не постигнув праведной истины об уничтожении страдания, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Не поняв и не постигнув праведной истины о пути, ведущем к уничтожению страдания, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Когда же, монахи, понята и постигнута праведная истина о страдании, понята и постигнута праведная истина о возникновении страдания, понята и постигнута праведная истина об уничтожении страдания, понята и постигнута праведная истина о пути, ведущем к уничтожению страдания, то пресечена жажда существования, уничтожено то, что ведет к существованию, нет больше следующего существования».

2.3. Так сказал Благостный, и после сказанного Счастливым учитель сказал так:

«Не видя в согласии с действительностью четырех праведных истин,
Переходят по длинному пути из одного существования в другое в различных
рождениях —
Когда же они [эти истины] увидены, прекращается то, что ведет к существованию,
Пресечен корень страдания, нет больше следующего существования».

2.4. И, пребывая там, в Котигаме, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: от порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

2.5. И вот Благостный, пробыв в Котигаме, сколько хотел, обратился к достойному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Надику». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достойный Ананда. И вот Благостный

с большой толпой монахов направился в Надику. И Благостный стал пребывать там, в Надики, в обители из кирпичей.

2.6. И вот достопочтенный Ананда приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, достопочтенный Ананда так сказали Благостному:

«Господин, монах по имени Салха, окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, монахиня по имени Нанда окончила свои дни в Надики — каков ее путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Судатта окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданная мирянка по имени Суджата окончила свои дни в Надики — каков ее путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Какудха окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Калинга окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Никата окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Катиссабха окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Туттха окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Сантуттха окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Бхадда окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании? Господин, преданный мирянин по имени Субхадда окончил свои дни в Надики — каков его путь, какова судьба в будущем существовании?»

2.7. «Монах Салха, Ананда, с уничтожением порочных свойств, сам познав, испытав и обрета в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождения постижения, пребывает [в таком состоянии]. Монахиня Нанда, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стала самопроизвольно родившейся [в высшем мире], достигшей там освобождения, не подверженной возвращению из того мира. Преданный мирянин Судатта, Ананда, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, стал единожды возвращающимся, который, вернувшись еще раз в этот мир, положит конец страданию. Преданная мирянка Суджата, Ананда, избавившись от трех уз, стала вступившей в поток, не подверженной страданию, уверенной, движущейся к просветлению. Преданный мирянин Какудха, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Калинга, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Никата, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся

[в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Катиссабха, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Туттха, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Сантуттха, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Бхадда, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Преданный мирянин Субхадда, Ананда, избавившись от пяти уз низшего порядка, стал самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Более пятидесяти преданных мирян, Ананда, окончивших свои дни в Надике, избавившись от пяти уз низшего порядка, стали самопроизвольно родившимися [в высшем мире], достигшими там освобождения, не подверженными возвращению из того мира. Свыше девяноста преданных мирян, Ананда, окончивших свои дни в Надике, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, стали единожды возвращающимися, которые, вернувшись еще раз в этот мир, положат конец страданию. Пятьсот с лишним преданных мирян, Ананда, окончивших свои дни в Надике, избавившись от трех уз, стали вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению.

2.8. Нет ничего чудесного, Ананда, в том, что человеческое существо оканчивает свои дни, и Татхагате, Ананда, в тягость, что каждый раз, когда кто-либо оканчивает свои дни, вы приближаетесь к Татхагате и спрашиваете об этих вещах. Поэтому, Ананда, я преподам здесь наставление в истине, называющееся „зеркалом истины“, чтобы наделенный им праведный ученик мог бы при желании объяснить себе о себе самом: „Для меня уничтожена преисподняя, уничтожено рождение в образе животного, уничтожено [рождение] в мире душ предков, уничтожены бедствия, несчастья, страдания — я стал вступившим в поток, не подверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению“.

2.9. Каково же, Ананда, это наставление в истине — „зеркало истины“, наделенный которым праведный ученик мог бы при желании объяснить себе о себе самом: „Для меня уничтожена преисподняя, уничтожено рождение в образе животного, уничтожено [рождение] в мире душ предков, уничтожены бедствия, несчастья, страдания — я стал вступившим в поток, не подверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению?“ Вот, Ананда, праведный ученик, наделенный совершенной верой в Будду, считает: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“. Наделенный совершенной верой в дхамму [этот ученик]

считает: „Хорошо провозглашена Благостным истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, которую мудрые должны ощутить в своем сердце“. Наделенный совершенной верой в сангху [этот ученик] считает: „Община учеников Благостного следует добрым путем, община учеников Благостного следует прямым путем, община учеников Благостного следует правильным путем, община учеников Благостного следует должным путем, так что эти четыре пары людей, восемь [видов] людских личностей — эта община учеников Благостного заслуживает почета, гостеприимства, подношения, почтительного приветствия; [эта община —] несравненное поле заслуг в мире“. Так он пребывает наделенный заповедями нравственного поведения, которые любимы праведными, неразрушимы, неуязвимы, незапятнаны, безупречны, несут освобождение, восхваляемы мудрецами, незатрагиваемы [порочными свойствами], ведут к сосредоточенности.

Таково, Ананда, это наставление в истине — „зеркало истины“, наделенный которым праведный ученик мог бы при желании объяснить себе о себе самом: „Для меня уничтожена преисподняя, уничтожено рождение в образе животного, уничтожено [рождение] в мире душ предков, уничтожены бедствия, несчастья, страдания — я стал вступившим в поток, не подверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению“».

2.10. И, пребывая там, в Надике, в обители из кирпичей, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, таково сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

2.11. И вот Благостный, пробыв в Надике, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Весали». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Весали. И Благостный стал пребывать там, в Весали, в роще Амбапали.

2.12. И там Благостный обратился к монахам:

«Пусть, монахи, монах будет наделен способностью самосознания и вдумчивостью — таково мое наставление вам.

Как же, монахи, монах будет наделен способностью самосознания? Вот, монахи, монах [в том, что касается] тела, взирая на тело, пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] ума, взирая на ум, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] постигаемых предметов, взирая на постигаемые предметы, он пребывает в усердии,

вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность. Таким, монахи, бывает монах, наделенный способностью самосознания.

2.13. Как же, монахи, монах наделен вдумчивостью? Вот, монахи, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад, вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам, вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется, вдумчиво действует, когда носит ткань, сосуд для подаяний и верхнюю одежду, вдумчиво действует, когда ест, пьет, разжевывает, пробует на вкус, вдумчиво действует, когда испражняется и мочится, вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит. Таким, монахи, бывает монах, наделенный вдумчивостью. — Пусть, монахи, монах будет наделен способностью самосознания и вдумчивостью — таково мое наставление вам».

2.14. И ганика Амбапали услышала, что Благостный достиг Весали и пребывает [там] в Весали, в ее манговой роще. И вот ганика Амбапали приказала запрячь самые лучшие колесницы, взшла на лучшую колесницу и в сопровождении самых лучших колесниц выехала из Весали и приблизилась к своей роще. Проехав на колеснице, сколько позволяла колеснице дорога, она спустилась с колесницы и пешком приблизилась к Благостному; приблизившись, она приветствовала Благостного и села в стороне. И Благостный наставил, побудил, воодушевил, порадовал сидящую в стороне ганику Амбапали добродетельной беседой.

И вот наставленная, побужденная, воодушевленная, обрадованная добродетельной беседой с Благостным, ганика Амбапали так сказала Благостному:

«Господин, пусть Благостный вместе с толпой монахов согласится [принять] у меня завтра пищу».

И Благостный безмолвно согласился. Тогда ганика Амбапали, узнав о согласии Благостного, поднялась с сиденья, приветствовала Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалилась.

2.15. И личчавы из Весали услышали, что Благостный достиг Весали и пребывает [там] в Весали, в манговой роще. И вот эти личчавы приказали запрячь самые лучшие колесницы, взшли на лучшие колесницы и в сопровождении самых лучших колесниц выехали из Весали. Некоторые личчавы были там темно-синие — темно-синего цвета, в темно-синих одеяниях, темно-синих украшениях; некоторые личчавы были желтые — желтого цвета, в желтых одеяниях, желтых украшениях; некоторые личчавы были красные — красного цвета, в красных одеяниях, красных украшениях; некоторые личчавы были белые — белого цвета, в белых одеяниях, белых украшениях.

2.16. И вот ганика Амбапали подъехала к юным личчавам — ось к оси, колесо к колесу, упряжка к упряжке. Тогда личчавы сказали ганике Амбапали так:

«Почему, Амбапали, ты подъезжаешь к юным личчавам ось к оси, колесо к колесу, упряжка к упряжке?»

«Благородные, ведь я пригласила Благостного вместе с толпой монахов [принять] у меня завтра пищу».

«Амбапали, отдай нам эту пищу за сотню тысяч».

«Благородные, если бы вы дали мне даже [весь] Весали с окрестностями, я не отдала бы столь великую пищу».

И вот эти личчхавы щелкнули пальцами [и воскликнули]: «Увы, нас победила эта Амбака! Увы, нас перехитрила эта Амбака!» И эти личчхавы направились в рошу Амбапали.

2.17. И видя издали, что приближаются эти личчхавы, Благодный обратился к монахам:

«Монахи, если кто из монахов не видел тридцати трех богов, взгляните, монахи, на собрание личчхавов, взгляните, монахи, на собрание личчхавов, смотрите, монахи, на собрание личчхавов, как на собрание тридцати трех».

2.18. И вот эти личчхавы, проехав на колесницах, сколько позволяла колесницам дорога, спустились с колесниц и пешком приблизились к Благодному; приблизившись, они приветствовали Благодного и сели в стороне. И Благодный наставил, побудил, воодушевил, порадовал сидящих в стороне личчхавов добродетельной беседой.

И вот наставленные, побужденные, воодушевленные, обрадованные добродетельной беседой с Благодным, эти личчхавы так сказали Благодному:

«Господин, пусть Благодный вместе с толпой монахов согласится [принять] у нас завтра пищу».

«Я уже согласился, личчхавы, [принять] завтра пищу у ганики Амбапали».

И вот эти личчхавы щелкнули пальцами [и воскликнули]: «Увы, нас победила эта Амбака! Увы, нас перехитрила эта Амбака!»

И вот эти личчхавы, возрадовавшись словам Благодного и поблагодарив [его], поднялись с сиденья, приветствовали Благодного и, обойдя [его] с правой стороны, удалились.

2.19. И вот с исходом этой ночи ганика Амбапали приказала приготовить в своей обители изысканную твердую пищу и мягкую пищу и сообщила Благодному о времени: «[Пришло] время, господин, пища готова». И тогда Благодный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к жилищу ганики Амбапали и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. Тогда ганика Амбапали своей рукой угостила и насытила толпу монахов во главе с Буддой изысканной твердой пищей и мягкой пищей. Когда Благодный, поев, омыл сосуд для подаяний и руки, ганика Амбапали выбрала другое низкое сиденье и села. И, сидя в стороне, ганика Амбапали так сказала Благодному:

«Господин, я дарю эту рошу толпе монахов во главе с Буддой».

И Благодный принял эту рошу [в подарок]. И вот Благодный, наставив, побудив, воодушевив, порадовав ганику Амбапали добродетельной беседой, поднялся с сиденья и удалился.

2.20. И, пребывая там, в Весали, в роше Амбапали, Благодный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, таково сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое

преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

2.21. И вот Благостный, пробыв в роще Амбапали, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде: «Давай, Ананда, пойдём в селение Белува». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в селение Белува. И Благостный стал пребывать там, в селении Белува.

2.22. И Благостный обратился там к монахам:

«Идите, монахи, по окрестностям Весали и проводите дождливое время года [каждый] у [своих] друзей, у близких, у преданных [людей], я же проведу дождливое время года здесь в селении Белува».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным монахи, и стали проводить дождливое время года [каждый] у [своих] друзей, у близких, у преданных [людей] в окрестностях Весали. Благостный же стал проводить дождливое время года там в селении Белува.

2.23. И вот у Благостного, проводящего так дождливое время года, возник тяжкий недуг, начались сильные боли, приближающие к смерти. Но Благостный, будучи наделен способностью самосознания и вдумчивостью, переносил их, не печалась.

И вот Благостный подумал так: «Не подобает, чтобы я достиг ниббаны не обратившись к прислужникам, не простившись с общиной монахов. Поэтому теперь я усилием сломя эту боль и задержусь еще в состоянии жизни».

И вот Благостный усилием сломил эту боль и задержал склонность к жизни. И тогда эта боль у Благостного успокоилась.

2.24. И вот Благостный оправился от болезни и вскоре после [того, как он] оправился от болезни, вышел из обители и сел на сиденье, приготовленное в тени перед обителью. И вот достопочтенный Ананда приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Я видел, господин, благополучие Благостного; я видел, господин, страдание Благостного. И хотя, господин, из-за болезни Благостного тело мое стало словно опьяненным, и стороны света померкли передо мной, и постигаемые предметы скрылись от меня — все же, господин, у меня было хоть какое-то утешение: „Не достигнет Благостный ниббаны, пока Благостный не произнесет чего-либо относительно общины монахов“».

2.25. «Чего же еще, Ананда, община монахов ожидает от меня? Я преподаю истину, Ананда, не различая ни внутреннего, ни внешнего; у Татхагаты, Ананда, учение не [скрыто, словно в сжатом] кулаке учителя. Кто, Ананда, думает теперь так: „Я возглавляю общину монахов“, или: „Община монахов зависит от меня“, тому, Ананда, следует произнести что-либо относительно общины монахов. Тат-

хагата же, Ананда, не думает так: „Я возглавлю общину монахов“ или „Община монахов зависит от меня“. Что же, Ананда, Татхагата произнесет относительно общины монахов? Ведь я, Ананда, уже стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, нахожусь в восьмидесятилетнем возрасте. Подобно тому, Ананда, как старая повозка держится лишь с помощью различных перевязок, так же точно, Ананда, я бы сказал, и тело Татхагаты держится лишь с помощью различных перевязок. Лишь тогда, Ананда, когда Татхагата, отвлекшись от всех внешних признаков, с уничтожением отдельных ощущений достигает лишней внешних признаков сосредоточенности разума и пребывает [в этом состоянии], тело Татхагаты, Ананда, обретает благополучие.

2.26. Поэтому, Ананда, пребывайте здесь, [видя] свет в самих себе и прибежище в самих себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином. Как же, Ананда, монах пребывает, [видя] свет в самом себе и прибежище в самом себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином?

Вот, Ананда, монах [в том, что касается] тела, взирая на тело, пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] ума, взирая на ум, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] постигаемых предметов, взирая на постигаемые предметы, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность. Так, Ананда, монах пребывает, [видя] свет в самом себе и прибежище в самом себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине, и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином.

Ибо те, Ананда, которые теперь или же с моей кончиной пребудут, [видя] свет в самих себе и прибежище в самих себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином, которые стремятся к учению, — те мои монахи, Ананда, достигнут вершины».

Окончен второй раздел поучения.

3.1. И вот Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и отправился в Весали за милостыней. Собрав в Весали милостыню и возвратившись после еды с полученной в милостыню пищей, он обратился к достопочтенному Ананде:

«Возьми циновку, Ананда, — мы пойдем в святилище Чапала, чтобы провести [там] день».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда и, взяв циновку, шаг за шагом последовал за Благостным.

3.2. И вот Благостный приблизился к святилищу Чапала; приблизившись, он сел на предложенное сиденье. А достопочтенный Ананда, приветствовав Благостного, сел в стороне. И Благостный сказал так сидящему в стороне достопочтенному Ананде:

«Восхитительна, Ананда, Весали, восхитительно святилище Удена, восхитительно святилище Готамака, восхитительно святилище Саттамба, восхитительно святилище Бахупутта, восхитительно святилище Сарандада, восхитительно святилище Чапала!

3.3. Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведал, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведал, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода».

3.4. И хотя Благостный сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, достопочтенный Ананда не смог проникнуть [в него] и не попросил Благостного: «Господин, пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливый проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!» — ибо сердцем его завладел Мара.

3.5. И Благостный обратился во второй раз к достопочтенному Ананде:

«Восхитительна, Ананда, Весали, восхитительно святилище Удена, восхитительно святилище Готамака, восхитительно святилище Саттамба, восхитительно святилище Бахупутта, восхитительно святилище Сарандада, восхитительно святилище Чапала!

Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведал, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведал, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода».

И хотя Благостный сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, достопочтенный Ананда не смог проникнуть [в него] и не попросил Благостного: «Господин, пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливый проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!» — ибо сердцем его завладел Мара.

И Благостный обратился в третий раз к достопочтенному Ананде:

«Восхитительна, Ананда, Весали, восхитительно святилище Удена, восхитительно святилище Готамака, восхитительно святилище Саттамба, восхитительно

святилище Бахупутта, восхитительно святилище Сарандада, восхитительно святилище Чапала!

Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода».

И хотя Благостный сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, достопочтенный Ананда не смог проникнуть [в него] и не попросил Благостного: «Господин, пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливым проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!» — ибо сердцем его завладел Мара.

3.6. И вот Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«Иди, Ананда, [делай] теперь, как ты считаешь нужным».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда, и, поднявшись с сиденья, он приветствовал Благостного, обошел [его] с правой стороны и уселся неподалеку у подножия другого дерева.

3.7. И вот вскоре после того как ушел достопочтенный Ананда, злой Мара приблизился к Благостному и, приблизившись, стал в стороне. И вот, стоя в стороне, злой Мара так сказал Благостному:

«Пусть, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны, — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны. Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои монахи не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

3.8. И вот, господин, монахи Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны, — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои монахини не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, монахини Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливый достигнет ниббаны, — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои преданные миряне не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, преданные миряне Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливый достигнет ниббаны, — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои преданные мирянки не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, преданные мирянки Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следую-

щими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны, — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока это мое целомудренное [учение] не станет процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся, пока [оно] не будет хорошо преподано среди людей“.

И вот, господин, целомудренное [учение] Благостного стало процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся и хорошо преподано среди людей. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны“».

3.9. Когда так было сказано, Благостный сказал злому Мару:

«Не беспокойся, злодей, недалеко достижение ниббаны Благостным, с исходом трех месяцев Татхагата достигнет ниббаны».

3.10. И вот в святилище Чапала Благостный, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, отверг состояние жизни, и, когда Благостным было отвергнуто состояние жизни, произошло великое землетрясение — страшное, вызывающее дрожь волосков, и разразились небесные громы. И вот в это время, узнав об этих делах, Благостный взволнованно воскликнул:

«Мудрец отверг состояние становления и рождение — равное и неравное, Радуюсь в сердце, сосредоточенный, он разрушил рождающееся из своего „я“, словно кольчугу».

3.11. И вот достопочтенный Ананда подумал так: «Поистине чудесно, поистине необычайно — ведь поистине велико [было] это землетрясение, поистине, очень велико это землетрясение — страшное, вызывающее дрожь волосков, и разразились небесные громы. По какому же поводу, по какой причине произошло великое землетрясение?»

3.12. И вот достопочтенный Ананда приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин, — ведь поистине, господин, велико [было] это землетрясение, поистине, господин, очень велико это землетрясение — страшное, вызывающее дрожь волосков, и разразились небесные громы. По какому же поводу, господин, по какой причине произошло великое землетрясение?»

3.13. «Существует, Ананда, восемь поводов, восемь причин, по которым произошло великое землетрясение. Каковы эти восемь? Эта великая земля, Ананда,

основана на водах, воды основаны на ветре, ветер находится в пространстве. И в то время, Ананда, когда дуют великие ветры, то с дуновением великих ветров сотрясается земля. Это — первый повод, первая причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.14. И далее, Ананда, когда отшельник или брахман, наделенный сверхъестественными способностями и достигающий власти над [собственным] сердцем, или же божество великой силы, великого могущества пребывает в сознании ограниченности земли и в сознании безграничности вод, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — второй повод, вторая причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.15. И далее, Ананда, когда бодхисаттва, оставив существование в сонме [божеств] тусита, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, входит в материнское лоно, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — третий повод, третья причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.16. И далее, Ананда, когда бодхисаттва, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, выходит из материнского лона, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — четвертый повод, четвертая причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.17. И далее, Ананда, когда Татхагата достигает, всецело просветленный, несравненного, высшего просветления, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — пятый повод, пятая причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.18. И далее, Ананда, когда Татхагата приводит в движение несравненное колесо дхаммы, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — шестой повод, шестая причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.19. И далее, Ананда, когда Татхагата, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, отвергает состояние жизни, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — седьмой повод, седьмая причина, по которой происходит великое землетрясение.

3.20. И далее, Ананда, когда Татхагата достигает ниббаны — состояния ниббаны, свободного от всякой зависимости, то эта земля приходит в дрожь, дрожит, содрогается, сотрясается. Это — восьмой повод, восьмая причина, по которой происходит великое землетрясение. Таковы, Ананда, восемь поводов, восемь причин, по которым происходит великое землетрясение.

3.21. [Существуют], Ананда, восемь собраний. Каковы эти восемь? Собрание кшатриев, собрание брахманов, собрание домоправителей, собрание отшельников, собрание четырех Великих царей, собрание тридцати трех, собрание Мары, собрание Брахмы.

3.22. И я вспоминаю, Ананда, состоящее из многих сотен собрание кшатриев — приблизившись, я некогда уселся там, некогда заговорил, некогда повел с ними беседу. Какой цвет был там у них, такой цвет был и у меня; какой голос

радовав их добродетельной беседой, я исчез, а они не узнали меня, когда я исчез, [и спросили]: „Кто же это исчез — бог или человек?“

И я вспоминаю, Ананда, состоящее из многих сотен собрание Мары — приблизившись, я некогда уселся там, некогда заговорил, некогда повел с ними беседу. Какой цвет был там у них, такой цвет был и у меня; какой голос был у них, такой голос был и у меня; и я наставил, побудил, воодушевил, порадовал [их] добродетельной беседой. Они не узнали меня, когда я говорил, [и спросили]: „Кто же это говорит — бог или человек?“ И, наставив, побудив, воодушевив, порадовав их добродетельной беседой, я исчез, а они не узнали меня, когда я исчез, [и спросили]: „Кто же это исчез — бог или человек?“

И я вспоминаю, Ананда, состоящее из многих сотен собрание Брахмы — приблизившись, я некогда уселся там, некогда заговорил, некогда повел с ними беседу. Какой цвет был там у них, такой цвет был и у меня; какой голос был у них, такой голос был и у меня; и я наставил, побудил, воодушевил, порадовал [их] добродетельной беседой. Они не узнали меня, когда я говорил, [и спросили]: „Кто же это говорит — бог или человек?“ И, наставив, побудив, воодушевив, порадовав их добродетельной беседой, я исчез, а они не узнали меня, когда я исчез, [и спросили]: „Кто же это исчез — бог или человек?“ Таковы, Ананда, восемь собраний.

3.24. Существует, Ананда, восемь состояний преодоления. Каковы же эти восемь?

3.25. Человек, внутренне осознавая формы, видит внешние формы как ограниченные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — первое состояние преодоления.

3.26. Человек, внутренне осознавая формы, видит внешние формы как безграничные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — второе состояние преодоления.

3.27. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как ограниченные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — третье состояние преодоления.

3.28. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как безграничные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — четвертое состояние преодоления.

3.29. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как темно-синие, темно-синего цвета, темно-синие на вид, светящиеся темно-синим — подобно тому как цветок льна бывает темно-синим, темно-синего цвета, темно-синим на вид, светящимся темно-синим или подобно тому, как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает темно-синей, темно-синего цвета, темно-синей на вид, светящейся темно-синим, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как темно-синие, темно-синего цвета, темно-синие на вид, светящиеся темно-синим и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — пятое состояние преодоления.

3.30. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как желтые, желтого цвета, желтые на вид, светящиеся желтым — подобно тому как цве-

ток каникары бывает как желтым, желтого цвета, желтым на вид, светящимся желтым или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает желтой, желтого цвета, желтой на вид, светящейся желтым, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как желтые, желтого цвета, желтые на вид, светящиеся желтым и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — шестое состояние преодоления.

3.31. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как красные, красного цвета, красные на вид, светящиеся красным — подобно тому как цветок бандхудживаки бывает красным, красного цвета, красным на вид, светящимся красным или подобно тому, как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает красной, красного цвета, красной на вид, светящейся красным, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как красные, красного цвета, красные на вид, светящиеся красным и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — седьмое состояние преодоления.

3.32. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как белые, белого цвета, белые на вид, светящиеся белым — подобно тому как звезда Осадхи бывает белой, белого цвета, белой на вид, светящейся белым или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает белой, белого цвета, белой на вид, светящейся белым, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как белые, белого цвета, белые на вид, светящиеся белым и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — восьмое состояние преодоления. Таковы, Ананда, восемь состояний преодоления.

3.33. Существует, Ананда, восемь [ступеней] освобождения. Каковы эти восемь? Наделенный формой видит формы. Это — первая [ступень] освобождения. Внутренне не осознающий формы видит внешние формы. Это — вторая [ступень] освобождения.

Он устремлен к [мысли]: „[Это] прекрасно“. Это — третья [ступень] освобождения.

Всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, он достигает уровня бесконечности пространства и пребывает [на нем, мысля]: „Пространство бесконечно“. Это — четвертая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает [на нем, мысля]: „Сознание бесконечно“. Это — пятая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает [на нем, мысля]: „Не существует ничего“. Это — шестая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает [на нем]. Это — седьмая [ступень] освобождения.

Всецело преодолев уровень ни осознания, ни отсутствия осознания, он достигает уничтожения осознания и ощущений и пребывает [в этом состоянии]. Это — восьмая [ступень] освобождения. Таковы, Ананда, восемь [ступеней] освобождения.

3.34. Однажды, Ананда, тут же после того как я достиг просветления, я пребывал в Урувеле на берегу реки Неранджары, под баньяном козьих пастухов. И вот, Ананда, злой Мара приблизился ко мне и, приблизившись, стал в стороне. И вот, Ананда, стоя в стороне, злой Мара так сказал мне:

„Пусть, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны“.

3.35. Когда, Ананда, так было сказано, я сказал злому Маре:

„До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои монахи не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину.

До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои монахини не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину.

До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои преданные миряне не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину.

До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои преданные мирянки не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину.

До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока это мое целомудренное [учение] не станет процветающим, преуспевающим, распространившимся, достойным многих людей, широко разнесшимся, пока [оно] не будет хорошо преподано среди людей“.

3.36. И вот, Ананда, как раз сейчас в святилище Чапала злой Мара приблизился ко мне и, приблизившись, стал в стороне. И вот, Ананда, стоя в стороне, злой Мара так сказал мне:

„Пусть, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны“. Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои монахи не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, монахи Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои монахини не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, монахини Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои преданные миряне не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, преданные миряне Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной учениками, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока мои преданные мирянки не станут рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, будут передавать [его], разъяснять, проповедывать, утверждать, раскрывать, разбирать, делать ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, будут разъяснять хорошо обоснованную истину“.

И вот, господин, преданные мирянки Благостного стали теперь рассудительными, обученными, уверенными, весьма учеными, знающими истину, следующими истине во всей ее последовательности, следующими праведности, поступающими в согласии с истиной ученицами, [которые], овладев [учением] своего наставника, передают [его], разъясняют, проповедуют, утверждают, раскрывают, разбирают, делают ясным и, опровергнув возникшее ложное учение, легко опровергаемое с помощью истины, разъясняют хорошо обоснованную истину. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны.

Господин, ведь говорил же Благостный такие слова: „До тех пор, злодей, я не достигну ниббаны, пока это мое целомудренное [учение] не станет процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся, пока [оно] не будет хорошо преподано среди людей“.

И вот, господин, целомудренное [учение] Благостного стало процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся и хорошо преподано среди людей. Пусть же, господин, Благостный достигнет теперь ниббаны, пусть Счастливым достигнет ниббаны — господин, теперь время Благостному достичь ниббаны“.

3.37. Когда, Ананда, так было сказано, я сказал злому Мару:

„Не беспокойся, злодей — недалеко достижение ниббаны Татхагаты, с исходом трех месяцев Татхагата достигнет ниббаны“.

И вот, Ананда, как раз сейчас в святилище Чапала Благостный, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, отверг состояние жизни».

3.38. Когда так было сказано, достопочтенный Ананда сказал Благостному:

«Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливым проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!»

«Довольно теперь, Ананда, не проси Татхагату, не время теперь, Ананда, просить Татхагату».

3.39. И вот достопочтенный Ананда во второй раз сказал Благостному:

«Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливым проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!»

«Довольно теперь, Ананда, не проси Татхагату, не время теперь, Ананда, просить Татхагату».

И вот достопочтенный Ананда в третий раз сказал Благостному:

«Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливым проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!»

«Веришь ли ты, Ананда, в просветленность Татхагаты?»

«Да, господин».

«Тогда зачем же ты, Ананда, трижды беспокоишь Татхагату?»

3.40. «Господин, ведь из уст Благостного я услышал, из [его] уст получил это [наставление]: „Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведал, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведал, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода“».

«Веришь ли ты [этому], Ананда?»

«Да, господин».

«Тогда, Ананда, ты поступил тут нехорошо, ты был неправ в том, что хотя Татхагата сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, [ты тогда] не смог проникнуть [в него] и не попросил Татхагату: „Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливым проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания

к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!“ Если бы, Ананда, ты попросил [тогда так] Татхагату, то двукратную твою просьбу Татхагата бы отверг, но на третью бы согласился. Тогда, Ананда, ты поступил тут нехорошо, ты был неправ.

3.41. Однажды, Ананда, я пребывал в Раджагахе на холме Гиджджхакута. И там, Ананда, я обратился к тебе: „Восхитительна, Ананда, Раджагаха, восхитителен холм Гиджджхакута! Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. Ты же, Ананда, хотя Татхагата сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, не смог проникнуть [в него тогда] и не попросил Татхагату: „Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливыи проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!“ Если бы, Ананда, ты попросил [тогда так] Татхагату, то двукратную твою просьбу Татхагата бы отверг, но на третью бы согласился. Тогда, Ананда, ты поступил тут нехорошо, ты был неправ.

3.42. Однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе, в баньяновой [монашеской] роще; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе на утесе Чора; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе на склоне Вебхара в пещере Саттапанни; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе на склоне Исигили на Черном камне; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе, в роще Сита на склоне Саппасондика; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе, в [монашеской] роще Тапода; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе, в бамбуковой роще на месте кормления белок; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе в манговой роще Дживака; однажды, Ананда, я пребывал там же в Раджагахе в оленьей роще Маддакуччи.

3.43. И там, Ананда, я обращался к тебе: „Восхитительна, Ананда, Раджагаха, восхитителен холм Гиджджхакута, восхитительна баньяновая [роща] Готамы, восхитителен утес Чора, восхитительна пещера Саттапанни на склоне Вебхары, восхитительна Черная скала на склоне Исигили, восхитителен склон Саппасондика в роще Сита, восхитительна [монашеская] роща Тапода, восхитительно место кормления белок в бамбуковой роще, восхитительна манговая роща Дживака, восхитительна оленья роща Маддакуччи!

3.44. Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал

исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. Ты же, Ананда, хотя Татхагата сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, не смог проникнуть [в него тогда] и не попросил Татхагату: 'Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливый проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!' Если бы, Ананда, ты попросил [тогда так] Татхагату, то двукратную твою просьбу Татхагата бы отверг, но на третью бы согласился. Тогда, Ананда, ты поступил тут нехорошо, ты был неправ“.

3.45. Однажды, Ананда, я пребывал здесь в Весали в святилище Удена. И там, Ананда, я обратился к тебе: „Восхитительна, Ананда, Весали, восхитительно святилище Удена! Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. Ты же, Ананда, хотя Татхагата сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, не смог проникнуть [в него тогда] и не попросил Татхагату: 'Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливый проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!' Если бы, Ананда, ты попросил [тогда так] Татхагату, то двукратную твою просьбу Татхагата бы отверг, но на третью бы согласился. Тогда, Ананда, ты поступил тут нехорошо, ты был неправ“.

3.46. Однажды, Ананда, я пребывал здесь в Весали в святилище Готамака; однажды, Ананда, я пребывал здесь в Весали в святилище Саттамба; однажды, Ананда, я пребывал здесь в Весали в святилище Бахупутта; однажды, Ананда, я пребывал здесь в Весали в святилище Сарандада.

3.47. И вот теперь, Ананда, я обратился к тебе в святилище Чапала [как и в тех местах]: „Восхитительна, Ананда, Весали, восхитительно святилище Удена, восхитительно святилище Готамака, восхитительно святилище Саттамба, восхитительно святилище Бахупутта, восхитительно святилище Сарандада, восхитительно святилище Чапала! Кто, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей, тот при желании может прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. А Татхагата, Ананда, воплотил, сделал исполнимыми, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил четыре основы сверхъестественных способностей. Итак, Ананда, Татхагата может при желании прожить [целый] мировой пе-

риод или оставшуюся часть мирового периода. Ты же, Ананда, хотя Татхагата сделал понятное указание, сделал понятное объяснение, не смог проникнуть [в него тогда] и не попросил Татхагату: 'Пусть Благостный проживет [целый] мировой период, пусть Счастливым проживет [целый] мировой период ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!' Если бы, Ананда, ты попросил [тогда так] Татхагату, то двукратную твою просьбу Татхагата бы отверг, но на третью бы согласился. Тогда, Ананда, ты поступил тут нехорошо, ты был неправ".

3.48. Разве не проповедывал я раньше, Ананда, что все дорогое и приятное [нам] многообразно, подлежит отделению [от нас], непостоянно по природе. Откуда же, Ананда, может тут получиться так, чтобы рожденное, существующее, составленное, подверженное распаду, так и не распалось? Таково быть не может. И вот, Ананда, это оставлено, брошено, покинуто, отринуто, низвергнуто Татхагатой, [им] отвергнута склонность к жизни. Истинное слово произнес Татхагата: „Недалеко достижение ниббаны Татхагатой, с исходом трех месяцев Татхагата достигнет ниббаны“. И чтобы Татхагата ради жизни снова отказался от этого слова — такого быть не может.

Давай, Ананда, пойдем в обитель с заостренной крышей в большом лесу».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достойный Ананда.

3.49. И вот Благостный вместе с достойным Анандой приблизился к обители с заостренной крышей в большом лесу. И, приблизившись [к ней], он обратился к достойному Ананде:

«Иди, Ананда, и созови в обитель для собраний всех тех монахов, которые находятся в окрестностях Весали».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достойный Ананда, и вот, создав в обитель для собраний всех тех монахов, которые находились в окрестностях Весали, он приблизился к Благостному; приблизившись, приветствовал Благостного и стал в стороне. И вот, стоя в стороне, достойный Ананда так сказал Благостному:

«Созвана, господин, община монахов — [делай] теперь, господин, как Благостный считает нужным».

3.50. И вот Благостный приблизился к обители для собраний; приблизившись, он уселся на предложенное сиденье. И вот, усевшись, Благостный обратился к монахам:

«Итак, монахи, те наставления, которые я, испытав, преподавал вам, вы должны тщательно усваивать, исповедывать, развивать, усердно осуществлять, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей. Каковы же, монахи, те наставления, которые я, испытав, преподавал вам, вы должны тщательно усваивать, исповедывать, развивать, усердно осуществлять, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради со-

страдания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей? Это четыре установления способности самосознания, четыре должных усилия, четыре основы сверхъестественных способностей, пять [духовных] способностей, пять сил, семь звеньев просветления, праведный восьмичленный путь. Эти наставления, монахи, которые я, испытав, преподал вам, вы должны тщательно усваивать, исповедывать, развивать, усердно осуществлять, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей».

3.51. И вот Благостный обратился к монахам:

«Итак, монахи, теперь я обращаюсь к вам: [все] составленное подвержено старению, прилежно стремитесь к цели. Недалеко достижение ниббаны Татхагата, с исходом трех месяцев Татхагата достигнет ниббаны».

Так сказал Благостный и, сказав так, Счастливый, учитель сказал еще:

«Созрел мой возраст, ограничен [остаток] моей жизни;

Оставляя вас, я уйду, сам создав себе прибежище.

Будьте, монахи, прилежными, исполненными самосознания, добронравными,

Стойкими в намерениях, охраняйте ваши мысли!

Кто будет прилежно следовать этой дхамме и должному поведению,

Тот, оставив круговорот рождения, положит предел страданияю».

Окончен третий раздел поучения.

4.1. И вот Благостный оделся утром, взял сосуд для подаваний и верхнюю одежду и отправился в Весали за милостыней. Пройдя по Весали за милостыней, он после еды возвратился с пищей, [собранный] в чашу для милостыни, оглядел Весали взглядом слона и обратился к достопочтенному Ананде:

«Вот, Ананда, в последний раз Татхагата видит Весали. Давай, Ананда, пойдем в Бхандагаму».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Бхандагаму. И Благостный стал пребывать там, в Бхандагаме.

4.2. И там Благостный обратился к монахам:

«Не поняв и не постигнув четырех вещей, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Каковы же эти четыре? Не поняв и не постигнув праведного нравственного поведения, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Не поняв и не постигнув праведной сосредоточенности, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Не поняв и не постигнув праведного постижения, и я, и вы, монахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Не поняв и не постигнув праведного освобождения, и я, и вы, мо-

нахи, странствуем по этому длинному пути, переходя из одного существования в другое. Когда же, монахи, понято и постигнуто праведное нравственное поведение, понято и постигнута праведная сосредоточенность, понято и постигнуто праведное постижение, понято и постигнуто праведное освобождение, то пресечена жажда существования, уничтожено то, что ведет к существованию, нет больше следующего существования».

4.3. Так сказал Благостный, и после сказанного Счастливым учитель сказал так:

«Нравственное поведение, сосредоточенность, и постижение, и несравненное освобождение —

Эти вещи поняты славным Готамой.

Узнав, Будда возвестил истину монахам, —

Положивший конец страданию учитель, [наделенный высшим] зрением, достигает nibбаны».

4.4. И, пребывая там, в Бхандагаме, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

4.5. И вот Благостный, пробыв в Бхандагаме сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде:

«Давай, Ананда, пойдем в Хаттхигаму».

«Хорошо, господин, — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Хаттхигаму. И Благостный стал пребывать там, в Хаттхигаме.

И, пребывая там, в Хаттхигаме, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

И вот Благостный, пробыв в Хаттхигаме, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде:

«Давай, Ананда, пойдем в Амбагаму».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Амбагаму. И Благостный стал пребывать там, в Амбагаме.

И, пребывая там, в Амбагаме, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

И вот Благостный, пробыв в Амбагаме, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде:

«Давай, Ананда, пойдем в Джамбугаму».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Джамбугаму. И Благостный стал пребывать там, в Джамбугаме.

И, пребывая там, в Джамбугаме, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, такова сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

4.6. И вот Благостный, пробыв в Джамбугаме, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде:

«Давай, Ананда, пойдем в Бхоганагару».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Бхоганагару.

4.7. И Благостный стал пребывать там, в Бхоганагаре, в святилище Ананда. И там Благостный обратился к монахам:

«Я наставлю вас, монахи, в четырех великих свидетельствах. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным те монахи. Благостный сказал:

4.8. «Вот, монахи, монах может сказать так: „Я слышал это из уст Благостного, принял из [его] уст. Такова истина, таково должное поведение, таково наставление учителя“. И сказанное этим монахом не следует, монахи, ни одобрять, ни порицать. Ни одобряя, ни порицая, тщательно восприняв каждое слово и букву, следует сопоставить их с суттами, проследить в правилах должного поведения.

Когда, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, они ни сопоставляются с суттами, ни прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это не слова Благостного и плохо понято этим монахом“. Итак, монахи, отвергните это. Когда же, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, эти [его слова] и сопоставляются с суттами, и прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это слова Благостного и хорошо понято этим монахом“. Примите это, монахи, как первое великое свидетельство.

4.9. И еще, монахи, монах может сказать так: „В такой-то обители живет община вместе со старшими монахами и предводителями. Я слышал из уст этой общины, принял из [ее] уст: такова истина, таково должное поведение, таково наставление учителя“. И сказанное этим монахом не следует, монахи, ни одобрять, ни порицать. Ни одобряя, ни порицая, тщательно восприняв каждое слово и букву, следует сопоставить их с суттами, проследить в правилах должного поведения. Когда, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, они ни сопоставляются с суттами, ни прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это не слова Благостного и плохо понято этой общиной“. Итак, монахи, отвергните это. Когда же, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, эти [его слова] и сопоставляются с суттами, и прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это слова Благостного и хорошо понято этой общиной“. Примите это, монахи, как второе великое свидетельство.

4.10. И еще, монахи, монах может сказать так: „В такой-то обители живут многочисленные старшие монахи — весьма ученые, сведущие в учении, воспринявшие истину, воспринявшие должное поведение, воспринявшие перечни. Я слышал из уст этих старших монахов, принял из [их] уст: ‘Такова истина, таково должное поведение, таково наставление учителя’“. И сказанное этим монахом не следует, монахи, ни одобрять, ни порицать. Ни одобряя, ни порицая, тщательно восприняв каждое слово и букву, следует сопоставить их с суттами, проследить в правилах должного поведения. Когда, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, они ни сопоставляются с суттами, ни прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это не слова Благостного и плохо понято этими старшими монахами“. Итак, монахи, отвергните это. Когда же, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, эти [его слова] и сопоставляются с суттами, и прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это слова Благостного и хорошо понято этими старшими монахами“. Примите это, монахи, как третье великое свидетельство.

4.11. И еще, монахи, монах может сказать так: „В такой-то обители живет один старший монах — весьма ученый, сведущий в учении, воспринявший исти-

ну, воспринявший должное поведение, воспринявший перечни. Я слышал из уст этого старшего монаха, принял из [его] уст: ‘Такова истина, таково должное поведение, таково наставление учителя’“. И сказанное этим монахом не следует, монахи, ни одобрять, ни порицать. Ни одобряя, ни порицая, тщательно восприняв каждое слово и букву, следует сопоставить их с суттами, проследить в правилах должного поведения. Когда, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, они ни сопоставляются с суттами, ни прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это не слова Благостного и плохо понято этим старшим монахом“. Итак, монахи, отвергните это. Когда же, будучи сопоставлены с суттами и прослежены в правилах должного поведения, эти [его слова] и сопоставляются с суттами, и прослеживаются в правилах должного поведения, то в таком случае следует придти к заключению: „Несомненно, это слова Благостного и хорошо понято этим старшим монахом“. Примите это, монахи, как четвертое великое свидетельство.

Примите же, монахи, эти четыре великих свидетельства».

4.12. И, пребывая там, в Бхоганагаре, в святилище Ананда, Благостный повел с монахами такую добродетельную беседу, посвященную [нравственности]: «Таково нравственное поведение, таково сосредоточенность, таково постижение. Сосредоточенность, соединенная с нравственностью, приносит великий плод, великое преимущество; постижение, соединенное с сосредоточенностью, приносит великий плод, великое преимущество; сознание, соединенное с постижением, всецело освобождает от порочных свойств, а именно: порочного свойства чувственности, порочного свойства перехода в следующее существование, порочного свойства [ложных] воззрений, порочного свойства невежества».

4.13. И вот Благостный, пробыв в Бхоганагаре, сколько хотел, обратился к достопочтенному Ананде:

«Давай, Ананда, пойдем в Паву».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда. И вот Благостный с большой толпой монахов направился в Паву. И Благостный стал пребывать там, в Паве, в манговой роще Чунды, сына кузнеца.

4.14. И вот сын кузнеца Чунда услышал: «Поистине, Благостный, приблизившись к Паве, пребывает в Паве в моей манговой роще». И тогда сын кузнеца Чунда приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И Благостный наставил, побудил, воодушевил, порадовал сидящего в стороне сына кузнеца Чунду добродетельной беседой.

4.15. И вот сын кузнеца Чунда, наставленный, побужденный, воодушевленный, обрадованный добродетельной беседой с Благостным так сказал Благостному:

«Господин, пусть Благостный вместе с толпой монахов согласится [принять] у меня завтра пищу».

И Благостный безмолвно согласился.

4.16. Тогда сын кузнеца Чунда, узнав о согласии Благостного, поднялся с сиденья, приветствовал Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалился.

4.17. И вот с исходом этой ночи сын кузнеца Чунда приказал приготовить в своем жилище изысканную твердую пищу и мягкую пищу и много мягкой свинины и сообщил Благостному о времени: «[Пришло] время, господин, пища готова».

4.18. И тогда Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к жилищу сына кузнеца Чунды и, приблизившись, сел на предложенное сиденье. И вот, усевшись, Благостный обратился к сыну кузнеца Чунде: «Ту, мягкую свинину, которая приготовлена у тебя, Чунда, подай мне, другую же твердую пищу и мягкую пищу, которая приготовлена [у тебя], подай толпе монахов».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным сын кузнеца Чунда, и ту мягкую свинину, которая была приготовлена, подал Благостному, другую же твердую пищу и мягкую пищу, которая была приготовлена, подал толпе монахов.

4.19. И тогда Благостный обратился к сыну кузнеца Чунде: «Зарой в яму, Чунда, ту мягкую свинину, которая осталась. В мирах богов, Мары, Брахмы, в мире отшельников и брахманов, среди богов и людей я не знаю, Чунда, никого, кроме Татхагаты, кто, съев, смог бы переварить ее».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным сын кузнеца Чунда, зарыл в яму ту мягкую свинину, которая осталась, приблизился к Благостному; приблизившись, приветствовал Благостного и сел в стороне. И Благостный наставил, побудил, воодушевил, порадовал сидящего в стороне сына кузнеца Чунду добродетельной беседой и, поднявшись с сиденья, удалился.

4.20. И вот у Благостного, отведавшего еды у сына кузнеца Чунды, возник тяжкий недуг, кровавый понос, начались сильные боли, приближающие к смерти. Но Благостный, будучи наделен способностью самосознания и вдумчивостью, переносил их не печалась.

И вот Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«Давай, Ананда, пойдём в Кусинару».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда.

Отведав пищи у кузнеца Чунды, — слышал я, —

[Он], стойкий, ощутил сильный недуг, приближающий к смерти.

У отведавшего мягкой свинины

Учителя возникла сильная боль.

Очистившись, Благостный сказал:

«Я иду в город Кусинару».

4.21. И вот Благостный, сойдя с дороги, приблизился к подножию одного дерева и, приблизившись, обратился к достопочтенному Ананде: «Подстели-ка мне, Ананда, ткань, сложенную вчетверо, — я измучился, Ананда, и присяду».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда и подстелил сложенную вчетверо ткань.

4.22. Благостный уселся на предложенное сиденье и вот, усевшись, Благостный обратился к достопочтенному Ананде: «Принеси-ка мне, Ананда, воды. Я чувствую жажду, Ананда, и хочу пить».

И когда так было сказано, достопочтенный Ананда сказал Благостному:

«Господин, сейчас [здесь через ручей] проехало пять сотен повозок, и эта вода, потревоженная колесами, стала негодной, течет мутной и грязной. Недалеко [отсюда], господин, есть река Какуттха с чистой водой, приятной водой, прохладной водой, прозрачная, легко доступная, восхитительная. Там Благостный сможет и выпить воды, и освежить члены».

4.23. И вот Благостный во второй раз обратился к достопочтенному Ананде: «Принеси-ка мне, Ананда, воды. Я чувствую жажду, Ананда, и хочу пить».

И вот достопочтенный Ананда во второй раз сказал Благостному:

«Господин, сейчас [здесь через ручей] проехало пять сотен повозок, и эта вода, потревоженная колесами, стала негодной, течет мутной и грязной. Недалеко [отсюда], господин, есть река Какуттха с чистой водой, приятной водой, прохладной водой, прозрачная, легко доступная, восхитительная. Там Благостный сможет и выпить воды, и освежить члены».

4.24. И вот Благостный в третий раз обратился к достопочтенному Ананде: «Принеси-ка мне, Ананда, воды. Я чувствую жажду, Ананда, и хочу пить».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда, взял сосуд и приблизился к этому ручью. И вот [вода] этого ручья, потревоженная колесами, бывшая негодной, текшая мутной и грязной, с приближением достопочтенного Ананды потекла чистой, спокойной, не грязной.

4.25. И вот достопочтенный Ананда подумал так: «Поистине чудесно, поистине необычайно, сколь велика сила, велико могущество Татхагаты — ведь вот [вода] этого ручья, потревоженная колесами, бывшая негодной, текшая мутной и грязной, с моим приближением потекла чистой, спокойной, не грязной!» И вот, взяв воды в сосуд, он приблизился к Благостному и, приблизившись, так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин, сколь велика сила, велико могущество Татхагаты! Ведь [вода] этого ручья, господин, потревоженная колесами, бывшая негодной, текшая мутной и грязной, с моим приближением потекла сейчас чистой, спокойной, не грязной. Пусть же Благостный выпьет воды, пусть же Счастливый выпьет воды!»

И тогда Благостный выпил воды.

4.26. И в это самое время Пуккуса Маллапутта, ученик Алары Каламы, находился в пути между Кусинарой и Павой.

И вот Пуккуса Маллапутта, увидел Благостного, сидящего у подножия одного дерева; увидев, он приблизился к Благостному; приблизившись, приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, Пуккуса Маллапутта так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин, что странники, господин, пребывают в столь покойном состоянии.

4.27. Когда-то давно, господин, Алара Калама, находясь в пути, сошел с дороги и уселся неподалеку у подножия одного дерева ради дневного отдыха. И вот, господин, пять сотен повозок проехало совсем близко от Алары Каламы. И вот,

господин, некий человек, следующий за этим караваном повозок, приблизился к Аларе Каламе и, приблизившись, так сказал Аларе Каламе:

„Видел ли ты, господин, как проехало пять сотен повозок?“

„Нет, почтенный, я не видел“.

„Слышал ли ты, господин, звуки?“

„Нет, почтенный, я не слышал звуков“.

„Спал ли ты, господин?“

„Нет, почтенный, я не спал“.

„Находился ли ты, господин, в сознании?“

„Да, почтенный“.

„Итак, господин, ты, будучи в сознании и бодрствуя, не видел, не слышал звуков пяти сотен повозок, проехавших совсем близко, — а между тем твоя ткань, господин, покрылась пылью“.

„Да, почтенный“.

И тогда, господин, этот человек подумал так: „Поистине чудесно, поистине необычайно! В столь покойном состоянии пребывают странники, что, даже будучи в сознании и бодрствуя, [человек] не видит, не слышит звуков пяти сотен повозок, проехавших совсем близко!“ И выразив великое удовлетворение Аларой Каламой, он удалился».

4.28. «Как же ты думаешь об этом, Пуккуса? Что труднее совершить или чего труднее достичь: чтобы находящийся в сознании и бодрствующий не видел, не слышал звуков пяти сотен повозок, проехавших совсем близко, или же чтобы находящийся в сознании и бодрствующий не видел, не слышал звуков, когда льет дождь, шумит буря, низвергаются молнии и разрываются громовые стрелы?»

4.29. «Что, господин, могут сделать эти пять сотен повозок, или шесть сотен повозок, или семь сотен повозок, или восемь сотен повозок, или девять сотен повозок, или десять сотен повозок — сотни повозок или тысячи повозок? Ведь, конечно, и труднее совершить, и труднее достичь, чтобы находящийся в сознании и бодрствующий не видел, не слышал звуков, когда льет дождь, шумит буря, низвергаются молнии и разрываются громовые стрелы».

4.30. «Однажды, Пуккуса, я пребывал в Бхусагаре в Атуме. И в это самое время полил дождь, зашумела буря, стали низвергаться молнии и разрываться громовые стрелы, так, что были убиты двое братьев-земледельцев и четыре упряжных быка. И вот, Пуккуса, большая толпа людей вышла из Атумы и приблизилась к двум убитым братьям-земледельцам и четырем упряжным быкам.

4.31. И в это самое время, Пуккуса, я, выйдя из Бхусагары, прогуливался по открытому месту у ворот Бхусагары. И вот, Пуккуса, некий человек из этой большой толпы людей приблизился ко мне; приблизившись и приветствовав меня, он стал в стороне. И вот, Пуккуса, я сказал этому человеку, стоящему в стороне:

4.32. „Отчего, почтенный, собралась эта большая толпа людей?“

„Сейчас, господин, когда лил дождь, шумела буря, низвергались молнии и разрывались громовые стрелы, были убиты двое братьев-земледельцев и четыре упряжных быка. Вот здесь и собралась большая толпа людей. Где же был ты, господин?“

„И я тоже, почтенный, был здесь“.

„Видел ли ты, господин, что-нибудь?“

„Нет, почтенный, я не видел“.

„Слышал ли ты, господин, звуки?“

„Нет, почтенный, я не слышал звуков“.

„Спал ли ты, господин?“

„Нет, почтенный, я не спал“.

„Находился ли ты, господин, в сознании?“

„Да, почтенный“.

„Итак, господин, ты, будучи в сознании и бодрствуя, не видел, не слышал звуков, когда лил дождь, шумела буря, низвергались молнии и разрывались громовые стрелы“.

„Да, почтенный“.

4.33. И тогда, Пуккуса, этот человек подумал так: „Поистине чудесно, поистине необычайно! В столь покойном состоянии пребывают странники, что, даже будучи в сознании и бодрствуя, [человек] не видит, не слышит звуков, когда льет дождь, шумит буря, низвергаются молнии и разрываются громовые стрелы“. И выразив великое удовлетворение мной, он приветствовал меня и, обойдя с правой стороны, удалился».

4.34. И когда так было сказано, Пуккуса Маллапутта сказал Благостному:

«Вот, господин, я, [словно] могучим ветром, отсеиваю, [словно] быстротекущей рекой, смываю [с себя] удовлетворение Аларой Каламой. Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Пусть же Благостный примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище».

4.35. И тогда Пуккуса Маллапутта обратился к одному человеку:

«Принеси-ка ты мне пару чистых златоцветных [одежд], пригодных для ношения».

«Хорошо, господин», — согласился с Пуккусой Маллапуттой этот человек и принес ему пару чистых златоцветных [одежд], пригодных для ношения.

И тогда Пуккуса Маллапутта поднес Благостному эту пару чистых златоцветных [одежд], пригодных для ношения, [со словами]: «Вот, господин, пара чистых златоцветных [одежд], пригодных для ношения; пусть, господин, Благостный окажет милость мне и примет их».

«Тогда, Пуккуса, покрой одной [одеждой] меня, а другой — достопочтенного Ананду».

4.36. И тогда Благостный наставил, побудил, воодушевил, порадовал Пуккусу Маллапутту добродетельной беседой. И вот Пуккуса Маллапутта, наставленный, побужденный, воодушевленный, обрадованный добродетельной беседой с Благостным, поднялся с сиденья, приветствовал Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалился.

4.37. И вот, вскоре после того как Пуккуса Маллапутта удалился, достопочтенный Ананда одел тело Благостного в эту пару чистых златоцветных [одежд], пригодных для ношения, и, когда тело Благостного было одето в эти [одежды, они] словно лишились блеска.

И тогда достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин, что столь чист, господин, и ясен цвет кожи Благостного! Вот, господин, я одел тело Благостного в пару чистых златоцветных [одежд], пригодных для ношения, и, когда тело Благостного было одето в эти [одежды, они] словно лишились блеска».

«Это так, Ананда. В двух случаях, Ананда, цвет кожи Татхагаты становится необычайно чистым и ясным. Каковы же эти два [случая]? В ту ночь, Ананда, когда Татхагата достигает несравненного высшего просветления, и в ту ночь, когда он достигает ниббаны — состояния ниббаны, свободного от всякой зависимости, — в этих двух случаях, Ананда, цвет кожи Татхагаты становится необычайно чистым и ясным.

4.38. И вот сегодня ночью, Ананда, в последнюю ночную стражу в Кусинаре в Упаваттане — саловой роще маллов между парой деревьев сала Татхагата достигнет ниббаны. Давай, Ананда, приблизимся к реке Какуттхе».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда.

Пуккуса приказал принести пару чистых златоцветных [одежд] —

Покрытый ими учитель засиял золотым цветом.

4.39. И вот Благостный вместе с большой толпой монахов приблизился к реке Какуттхе; приблизившись, он вошел в реку Какуттху, искупался, напился, вышел на берег, приблизился к манговой роще и, приблизившись, обратился к достопочтенному Чундаке:

«Постели-ка мне, Чундака, ткань, сложенную вчетверо — я измучился, Чундака, и прилягу».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Чундака и постелил сложенную вчетверо ткань.

4.40. И тогда Благостный лег, словно лев, на правый бок, положил ногу на ногу и наделенный способностью самосознания и вдумчивостью устремил ум к тому, чтобы подняться, [когда настанет время]. А достопочтенный Чундака уселся там перед Благостным.

4.41. Будда пришел к реке Какуттха

С чистой водой, приятной водой;

Учитель, очень измученный, погрузился [в нее] —

Татхагата, которому нет равного в мире.

Искупавшись и напившись, учитель вышел на берег
Среди толпы монахов, чтимый [ими].
Так, проповедуя истину, учитель, Благостный,
Великий мудрец подошел к манговой роще.
Он обратился к монаху по имени Чундака:
«Расстели мне для лежання сложенную вчетверо [ткань]»
И обрадованный Чунда в добром расположении духа
Быстро расстелил сложенную вчетверо [ткань].
Учитель, очень измученный, улегся,
А Чунда уселся там перед [его] лицом.

4.42. И вот Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«Может случиться, Ананда, так, что кто-нибудь обратится с упреком к сыну кузнеца Чунде, [говоря]: „Это неблагоприятно для тебя, друг Чунда, это несчастье для тебя, что Татхагата скончался, отведав последнее подношение пищи у тебя“. Вот, Ананда, как следует тогда отклонить упрек сыну кузнеца Чунде: „Это благоприятно для тебя, друг, это счастье для тебя, что Татхагата скончался, отведав последнее подношение пищи у тебя. Из уст Благостного я слышал, друг Чунда, из [его] уст принял [эти слова]: ‘Есть два подношения пищи, одинаково плодоносных и одинаково вознаграждаемых и гораздо более плодоносных и заслуживающих бóльшую похвалу, чем другие подношения пищи. Каковы же эти два? — То подношение пищи, отведав которого, Татхагата достигает несравненного высшего просветления, и то подношение пищи, отведав которого Татхагата достигает ниббаны — состояния ниббаны, свободного от всякой зависимости. Таковы два подношения пищи, одинаково плодоносных и одинаково вознаграждаемых и гораздо более плодоносных и заслуживающих бóльшую похвалу, чем другие подношения пищи. Заслуги, накопленные достопочтенным сыном кузнеца Чундой приносят долгую жизнь; заслуги, накопленные достопочтенным сыном кузнеца Чундой приносят благородное рождение; заслуги, накопленные достопочтенным сыном кузнеца Чундой приносят счастье; заслуги, накопленные достопочтенным сыном кузнеца Чундой приносят славу; заслуги, накопленные достопочтенным сыном кузнеца Чундой приносят небесный мир; заслуги, накопленные достопочтенным сыном кузнеца Чундой приносят владычество’. — Вот, Ананда, как следует тогда отклонить упрек сыну кузнеца Чунде“».

4.43. И вот в то время Благостный, постигнув это, взволнованно воскликнул:

«У дающего возрастает заслуга, у сдерживающегося не увеличивается враждебность. Добродетельный оставляет порочное, а успокоение — это уничтожение страсти, ненависти, заблуждения».

Окончен четвертый раздел поучения с историей Алары.

5.1. И тогда Благостный обратился к достойному Ананде: «Давай, Ананда, пойдем в Кусинару, в Упаваттану — саловую рощу маллов, на другом берегу реки Хираньявати».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достойный Ананда.

И вот Благостный вместе с большой толпой монахов приблизился к Кусинаре, к Упаваттане — саловой роще маллов на другом берегу реки Хараньявати. И, приблизившись [к ней], он обратился к достойному Ананде:

«Постели-ка мне, Ананда, между парой деревьев сала ложе изголовьем к северу — я измучился, Ананда, и прилягу».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достойный Ананда и постелил между парой деревьев сала ложе изголовьем к северу. И тогда Благостный лег, словно лев, на правый бок и положил ногу на ногу, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

5.2. И в это самое время, пара деревьев сала целиком покрылась цветами, хоть и не настала пора цветения. Из почтения к Татхагате они усыпали, засыпали, обсыпали тело Татхагаты. И с воздуха стали падать небесные цветы мандаравы — из почтения к Татхагате они усыпали, засыпали, обсыпали тело Татхагаты. И с воздуха стала падать небесная сандаловая пудра — из почтения к Татхагате она усыпала, засыпала, обсыпала тело Татхагаты. Из почтения к Татхагате в воздухе заиграла небесная музыка. Из почтения к Татхагате в воздухе зазвучали небесные песнопения.

5.3. И тогда Благостный обратился к достойному Ананде:

«Вот, Ананда, пара деревьев сала целиком покрылась цветами, хоть и не настала пора цветения. Из почтения к Татхагате они усыпали, засыпали, обсыпали тело Татхагаты. И с воздуха стали падать небесные цветы мандаравы — из почтения к Татхагате они усыпали, засыпали, обсыпали тело Татхагаты. И с воздуха стала падать небесная сандаловая пудра — из почтения к Татхагате она усыпала, засыпала, обсыпала тело Татхагаты. Из почтения к Татхагате в воздухе заиграла небесная музыка. Из почтения к Татхагате в воздухе зазвучали небесные песнопения.»

Но не таким образом, Ананда, оказывают внимание, проявляют заботу, уважают, чтут, преклоняются перед Татхагатой. Когда, Ананда, монах, или монахиня, или преданный мирянин, или преданная мирянка следуют истине во всей ее последовательности, следуют праведности, поступают в согласии с истиной, тогда они и оказывают внимание, проявляют заботу, уважают, чтут высшим почтением Татхагату. Поэтому, Ананда, [говори так]: „Будем следовать истине во всей ее последовательности, следовать праведности, поступать в согласии с истиной“ — так, Ананда, следует поучать».

5.4. И в это самое время достойный Упавана, стоя перед Благостным, обмахивал Благостного. И вот Благостный не был удовлетворен Упаваной [и сказал]: «Отойди, монах, не стой передо мной».

И тогда достойный Ананда подумал так: «Ведь достойный Упавана долгое время находился вблизи Благостного, прислуживая [ему] и пребывая

рядом. Однако в последний раз Благостный не был удовлетворен достопочтенным Упаваной [и сказал]: „Отойди, монах, не стой передо мной“. Какова же причина, каково основание, по которому Благостный не был удовлетворен достопочтенным Упаваной [и сказал]: „Отойди, монах, не стой передо мной“».

5.5. И тогда достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Господин, этот достопочтенный Упавана долгое время находился вблизи Благостного, прислуживая [ему] и пребывая рядом, однако в последний раз Благостный не был удовлетворен достопочтенным Упаваной [и сказал]: „Отойди, монах, не стой передо мной“. Какова же, господин, причина, каково основание, по которому Благостный не был удовлетворен достопочтенным Упаваной [и сказал]: „Отойди, монах, не стой передо мной?“»

«Большинство божеств из десяти миров, Ананда, собрались, чтобы лицезреть Татхагату. На двенадцать йоджан, Ананда, вокруг Кусинары и Упаваттаны — саловой рощи маллов нет места даже размером с укол кончиком волоса, которое не было бы заполнено божествами великой силы. И божества, Ананда, ропшут: „Издали пришли мы, чтобы лицезреть Татхагату. Лишь изредка приходят в мир Татхагаты — архаты, всецело просветленные, и вот сегодня в последнюю ночную стражу свершится достижение ниббаны Татхагатой, а между тем этот монах великой силы, стоя перед Благостным, закрывает [его], и мы не можем в последний раз лицезреть Татхагату“ — так, Ананда, ропшут божества».

5.6. «На какого же рода божеств, господин, обращает внимание Благостный?»

«Есть Ананда, в пространстве божества, наделенные земным сознанием, которые плачут, распустив волосы, плачут, воздев руки, падают ниц пораженные, мечутся взад и вперед, [возглашая]: „Слишком рано достигнет ниббаны Благостный, слишком рано достигнет ниббаны Счастливый, слишком рано угаснет око мира!“

Есть, Ананда, на земле божества, наделенные земным сознанием, которые плачут, распустив волосы, плачут, воздев руки, падают ниц пораженные, мечутся взад и вперед, [возглашая]: „Слишком рано достигнет ниббаны Благостный, слишком рано достигнет ниббаны Счастливый, слишком рано угаснет око мира!“

Те же божества, которые свободны от страстей, пребывают наделенными способностью самосознания и вдумчивостью, [полагая] „Непостоянно составленное. Откуда же может тут получиться [иначе]?“»

5.7. «Прежде, господин, монахи, проведя дождливое время года в [разных] местах, приходили лицезреть Благостного, и мы принимали этих праведно настроенных монахов для лицезрения, принимали для оказания почета. И вот, господин, с исходом Благостного мы не сможем принимать праведно настроенных монахов для лицезрения, не сможем принимать [их] для оказания почета».

5.8. «Существуют, Ананда, четыре места, пробуждающих трепет, которые должен лицезреть верующий из славной семьи. Каковы эти четыре?»

„Здесь родился Татхагата“ — вот, Ананда, место, пробуждающее трепет, которое должен лицезреть верующий из славной семьи.

„Здесь Татхагата достиг несравненного высшего просветления“ — вот, Ананда, место, пробуждающее трепет, которое должен лицезреть верующий из славной семьи.

„Здесь Татхагата привел в движение несравненное колесо дхаммы“, — вот, Ананда, место, пробуждающее трепет, которое должен лицезреть верующий из славной семьи.

„Здесь Татхагата достиг ниббаны — состояния ниббаны, свободного от всякой зависимости“, — вот, Ананда, место, пробуждающее трепет, которое должен лицезреть верующий из славной семьи.

Таковы, Ананда, четыре места, пробуждающих трепет, которые должен лицезреть верующий из славной семьи. И когда, Ананда, придут верующие монахи и монахини, преданные миряне и преданные мирянки, [они будут говорить]: „Здесь родился Татхагата“, — „Здесь Татхагата достиг несравненного высшего просветления“, — „Здесь Татхагата привел в движение несравненное колесо дхаммы“, — „Здесь Татхагата достиг ниббаны — состояния ниббаны, свободного от всякой зависимости“.

И все те, Ананда, кто проводит время, странствуя с умиротворенным сердцем и посещая святилища, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире».

5.9. «Как, господин, нам вести себя с женщинами?»

«Не глядеть [на них], Ананда».

«Как вести себя, Благостный, если взглянули?»

«Не говорить [с ними], Ананда».

«Как же вести себя, Благостный, если [они сами] заговорят?»

«Следует оградить себя бдительностью, Ананда».

5.10. «Как, господин, нам обращаться с телом Татхагаты?»

«Не надо вам тревожиться, Ананда, о почитании тела Татхагаты. Трудитесь, Ананда, ради высшего блага, преследуйте высшее благо, будьте ревностны, усердны, решительны ради высшего блага. Есть, Ананда, и мудрые кшатрии, и мудрые брахманы, и мудрые домоправители, преданные Татхагате, — они окажут почет телу Татхагаты».

5.11. «Как же, господин, следует обращаться с телом Татхагаты?»

«Как, Ананда, обращаются с телом царя — владыки мира, так же следует обращаться с телом Татхагаты».

«Как же, господин, обращаются с телом царя — владыки мира?»

«Тело царя — владыки мира, Ананда, окутывают новым одеянием; окутав новым одеянием, окутывают [его] чесаной хлопчатой тканью; окутав чесаной хлопчатой тканью, окутывают [его снова] новым одеянием. Окутав таким образом пятьюстами парами [подобных] одежд, тело царя — владыки мира, его помещают в железный сосуд с маслом, покрывают [этот сосуд] другим железным сосудом, сооружают погребальный костер со всевозможными благовониями, предают огню тело царя — владыки мира — и сооружают на перекрестке надгробие царя — владыки мира. Так, Ананда, обращаются с телом царя — владыки мира».

Как, Ананда, обращаются с телом царя — владыки мира, так же следует обращаться с телом Татхагаты. Следует соорудить на перекрестке надгробие Татхагаты. И те, кто возложат там венок, или благовоние, или красочное [украшение], или произнесут приветствие, или умиротворятся сердцем, надолго обретут благополучие и счастье.

5.12. Четверо [существ], Ананда, достойны надгробия. Каковы же эти четверо? Татхагата, архат, всецело просветленный достоин надгробия, паччекабуддха достоин надгробия, ученик Татхагаты достоин надгробия, царь — владыка мира достоин надгробия.

По какой причине, Ананда, Татхагата, архат, всецело просветленный достоин надгробия? Ведь [при мысли]: „Вот надгробие этого Благостного, архата, всецело просветленного!“ — многие люди, Ананда, умиротворятся сердцем и, умиротворясь там сердцем, они с распадом тела после смерти вновь родятся в счастье, в небесном мире. По этой причине, Ананда, Татхагата, архат, всецело просветленный, достоин надгробия.

По какой причине, Ананда, паччека[буддха], просветленный, достоин надгробия? Ведь [при мысли]: „Вот надгробие этого Благостного, паччека[буддхи], просветленного!“ — многие люди, Ананда, умиротворятся сердцем и, умиротворясь там сердцем, они с распадом тела после смерти вновь родятся в счастье, в небесном мире. По этой причине, Ананда, паччека[буддха], просветленный, достоин надгробия.

По какой причине, Ананда, ученик Татхагаты достоин надгробия? Ведь [при мысли]: „Вот надгробие ученика этого Благостного, архата, всецело просветленного!“ — многие люди, Ананда, умиротворятся сердцем и, умиротворясь там сердцем, они с распадом тела после смерти вновь родятся в счастье, в небесном мире. По этой причине, Ананда, ученик Татхагаты достоин надгробия.

По какой причине, Ананда, царь — владыка мира достоин надгробия? Ведь [при мысли]: „Вот надгробие этого добродетельного царя добродетели!“ — многие люди, Ананда, умиротворятся сердцем и, умиротворясь там сердцем, они с распадом тела после смерти вновь родятся в счастье, в небесном мире. По этой причине, Ананда, царь — владыка мира достоин надгробия.

Таковы, Ананда, четверо [существ], достойных надгробия».

5.13. И тогда достопочтенный Ананда вошел в обитель, оперся о притолоку двери и остановился [там], плача: «Вот я остаюсь учеником и должен трудиться ради своего [совершенствования], а между тем мой учитель, сострадающий мне, [сейчас] достигнет ниббаны».

И тогда Благостный обратился к монахам: «Где же, монахи, Ананда?»

«Господин, этот достопочтенный Ананда вошел в обитель, оперся о притолоку двери и остановился там, плача: „Вот я остаюсь учеником и должен трудиться ради своего [совершенствования], а между тем мой учитель, сострадающий мне, [сейчас] достигнет ниббаны!“»

И тогда Благостный обратился к одному монаху: «Иди, монах, и обратись к Ананде от моего имени: „Друг Ананда, учитель зовет тебя“».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным монах, приблизился к достопочтенному Ананде и, приблизившись, так сказал достопочтенному Ананде: «Друг Ананда, учитель зовет тебя».

«Хорошо, друг», — согласился с этим монахом Ананда, приблизился к Благостному и, приблизившись, приветствовал Благостного и сел в стороне.

5.14. И вот Благостный сказал так сидящему в стороне достопочтенному Ананде:

«Довольно, Ананда, не горюй, не плачь. Разве не проповедывал я раньше, Ананда, что все дорогое и приятное [нам] многообразно, подлежит отделению [от нас], непостоянно по природе. Откуда же, Ананда, может тут получиться так, чтобы рожденное, существующее, составленное, подверженное распаду, так и не распалось? Такого быть не может. Давно уже, Ананда, ты общаешься с Татхагатой, будучи дружелюбен в делах — полезных, счастливых, неизменных, неисчерпаемых. Давно уже, Ананда, ты общаешься с Татхагатой, будучи дружелюбен в речах — полезных, счастливых, неизменных, неисчерпаемых. Давно уже, Ананда, ты общаешься с Татхагатой, будучи дружелюбен в помыслах — полезных, счастливых, неизменных, неисчерпаемых. Ты чист делами, Ананда! Приложи усилие и ты скоро освободишься от порочных свойств».

5.15. И тогда Благостный обратился к монахам:

«У тех Благостных, монахи, которые были в прошлом времени, — архатов, всецело просветленных — были такие же превосходные прислужники, как у меня — Ананда. И у тех Благостных, монахи, которые будут в будущем времени, — архатов, всецело просветленных — будут такие же превосходные прислужники, как у меня — Ананда.

Ананда мудр, монахи, и он знает, когда время монахам приближаться, чтобы лицезреть Татхагату, когда время монахиням, когда время преданным мирянам, когда время преданным мирянкам, когда время царю, главным советникам царя, приверженцам [других] школ и их ученикам.

5.16. У Ананды, монахи, есть четыре чудесных, необычайных свойства. Каковы же эти четыре?

Когда, монахи, собрание монахов приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди. И когда, монахи, Ананда умолкает, собрание монахов бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание монахинь приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание монахинь бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание преданных мирян приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание праведных мирян бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание преданных мирянок приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует

там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание преданных мирянок бывает недовольно.

Таковы, монахи, четыре чудесных, необычайных свойства Ананды.

У царя — владыки мира, монахи, есть четыре чудесных, необычайных свойства.

Каковы же эти четыре?

Когда, монахи, собрание кшатриев приближается лицезреть царя — владыку мира, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда царь — владыка мира держит там речь, оно испытывает удовлетворение и от речи, и когда, монахи, царь — владыка мира умолкает, собрание кшатриев бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание брахманов приближается лицезреть царя — владыку мира, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда царь — владыка мира держит там речь, оно испытывает удовлетворение и от речи, и когда, монахи, царь — владыка мира умолкает, собрание брахманов бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание домоправителей приближается лицезреть царя — владыку мира, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда царь — владыка мира держит там речь, оно испытывает удовлетворение и от речи, и когда, монахи, царь — владыка мира умолкает, собрание домоправителей бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание отшельников приближается лицезреть царя — владыку мира, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда царь — владыка мира держит там речь, оно испытывает удовлетворение и от речи, и когда, монахи, царь — владыка мира умолкает, собрание отшельников бывает недовольно.

Таковы, монахи и четыре чудесных, необычайных свойства Ананды.

Когда, монахи, собрание монахов приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание монахов бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание монахинь приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание монахинь бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание преданных мирян приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание праведных мирян бывает недовольно.

Когда, монахи, собрание преданных мирянок приближается лицезреть Ананду, оно испытывает удовлетворение от лицезрения, и когда Ананда проповедует там истину, оно испытывает удовлетворение и от проповеди, и когда, монахи, Ананда умолкает, собрание преданных мирянок бывает недовольно.

Таковы, монахи, четыре чудесных, необычайных свойства Ананды».

5.17. Когда так было сказано, достопочтенный Ананда сказал Благостному:

«Господин! Пусть Благостный не достигает ниббаны в этом ничтожном городке, заброшенном городке, маленьком городке. Есть ведь, господин, другие большие города, а именно: Чампа, Раджагаха, Саваттхи, Сакета, Косамби, Баранаси. Пусть Благостный [где-нибудь] там и достигнет ниббаны — там много богатых кшатриев, богатых брахманов, богатых домоправителей, преданных Татхагате, и они окажут почет останкам Татхагаты».

«Не говори, Ананда, так, не говори, Ананда, так: „ничтожный городок, заброшенный городок, маленький городок“.

5.18. Когда-то давно, Ананда, жил царь по имени Махасудассана — владыка мира, добродетельный царь добродетели, правивший четырьмя сторонами света, победоносный, доставивший стране безопасность, наделенный семью сокровищами. И эта Кусинара, Ананда, звалась тогда Кусавати, служила царской столицей царю Махасудассане [и простиралась на] двенадцать йоджан в длину с востока на запад и на семь йоджан в ширину с севера на юг.

И царская столица Кусавати, Ананда, была процветающей, преуспевающей, многолюдной, полной жителей, богатой пропитанием. Подобно тому, Ананда, как царская столица богов Алакаманда — процветающая, преуспевающая, многолюдная, полна жителей, богата пропитанием, так же точно, Ананда, и царская столица Кусавати была процветающей, преуспевающей, многолюдной, полной жителей, богатой пропитанием.

В царской столице Кусавати, Ананда, днем и ночью не утихали звуки десяти [видов], а именно: звуки от слонов, звуки от коней, звуки от колесниц, звуки литавр, звуки барабана, звуки лютни, звуки пения, звуки цимбал, звуки гонга и, в-десятых — звуки [возгласов]: „Ешьте, пейте, насыщайтесь!“

5.19. Иди же, Ананда, войди в Кусинару и передай кусинарийским маллам: „Сегодня ночью, васеттхи, в последнюю стражу свершится достижение ниббаны Благостным. Будьте сострадательны, васеттхи! Будьте сострадательны, васеттхи, чтобы вам впоследствии не сожалеть: ‘В нашем селении совершилось достижение ниббаны Татхагатой, а мы так и не воспользовались случаем последний раз лицезреть Татхагату’“».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда, оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и вместе с другим [монахом] вошел в Кусинару.

5.20. И в это самое время кусинарийские маллы собрались по некоторому делу в месте собрания. И вот достопочтенный Ананда приблизился к месту собрания кусинарийских маллов и, приблизившись, передал кусинарийским маллам:

«Сегодня ночью, васеттхи, в последнюю стражу свершится достижение ниббаны Благостным. Будьте сострадательны, васеттхи! Будьте сострадательны, васеттхи, чтобы вам впоследствии не сожалеть: „В нашем селении совершилось достижение ниббаны Татхагатой, а мы так и не воспользовались случаем последний раз лицезреть Татхагату“».

5.21. И услышав это от достопочтенного Ананды, маллы и дети маллов, и невестки маллов, и жены маллов стали грустить, горевать, ощутили печаль в серд-

це, а некоторые заплакали, распустив волосы, заплакали, воздев руки, упали ниц пораженные, заметались взад и вперед, [возглашая]: «Слишком рано достигнет ниббаны Благостный, слишком рано достигнет ниббаны Счастливым, слишком рано угаснет око мира!»

И тогда маллы, и дети маллов, и невестки маллов, и жены маллов, грустя, горюя, охваченные печалью в сердце, приблизились к Упаваттане — саловой роще маллов, к достопочтенному Ананде.

5.22. И тогда достопочтенный Ананда подумал так: «Если я разрешу кусинарийским маллам по одному поклониться Благостному, то ночь сменится днем прежде, чем Благостный получит поклон от [всех] кусинарийских маллов. Поэтому теперь я поставлю кусинарийских маллов по семьям, одну за другой, и так разрешу им поклониться Благостному, [говоря при этом]: „Вот, господин, такой-то по имени малл вместе с детьми, женами, с окружением и друзьями кланяется головой в ноги Благостному“».

И тогда достопочтенный Ананда поставил кусинарийских маллов по семьям, одну за другой, и разрешил им поклониться Благостному, [говоря при этом]: «Вот, господин, такой-то по имени малл вместе с детьми, женами, с окружением и друзьями кланяется головой в ноги Благостному».

И вот таким образом достопочтенный Ананда в первую же [ночную] стражу разрешил [всем] кусинарийским маллам поклониться Благостному.

5.23. И в это самое время странствующий аскет по имени Субхадда обитал в Кусинаре. И странствующий аскет Субхадда услышал: «Ведь как раз сегодня ночью в последнюю стражу свершится достижение ниббаны отшельником Готамой».

И тогда странствующий аскет Субхадда подумал так: «Ведь я слышал, как старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорили: „Лишь изредка приходят в мир Татхагаты — архаты, всецело просветленные“. А сегодня ночью, в последнюю стражу свершится достижение ниббаны отшельником Готамой. У меня же возникло чувство сомнения, и вот, уверовав в отшельника Готама, я [думаю, что] отшельник Готама сумеет так наставить меня в истине, что я избавлюсь от этого чувства сомнения».

5.24. И вот странствующий аскет Субхадда приблизился к Упаваттане — саловой роще маллов, к достопочтенному Ананде и сказал так: «Я слышал, почтенный Ананда, как старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорили: „Лишь изредка приходят в мир Татхагаты — архаты, всецело просветленные“. А сегодня ночью, в последнюю стражу свершится достижение ниббаны отшельником Готамой. У меня же возникло чувство сомнения, и вот, уверовав в отшельника Готама, я [думаю, что] отшельник Готама сумеет так наставить меня в истине, что я избавлюсь от этого чувства сомнения. Да смогу я, почтенный Ананда, лицедреть отшельника Готама!»

Когда так было сказано, достопочтенный Ананда сказал странствующему аскету Субхадде: «Довольно, почтенный Субхадда, не досаждай Татхагате. Благостный измучился».

И вот странствующий аскет Субхадда во второй раз сказал достопочтенному Ананде:

«Я слышал, почтенный Ананда, как старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорили: „Лишь изредка приходят в мир Татхагаты — архаты, всецело просветленные“. А сегодня ночью, в последнюю стражу свершится достижение ниббаны отшельником Готамой. У меня же возникло чувство сомнения, и вот, уверовав в отшельника Готаму, я [думаю, что] отшельник Готам сумеет так наставить меня в истине, что я избавлюсь от этого чувства сомнения. Да смогу я, почтенный Ананда, лицезреть отшельника Готаму!»

Тогда достопочтенный Ананда во второй раз сказал странствующему аскету Субхадде: «Довольно, почтенный Субхадда, не досаждай Татхагате. Благостный измучился».

И вот странствующий аскет Субхадда в третий раз сказал достопочтенному Ананде:

«Я слышал, почтенный Ананда, как старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорили: „Лишь изредка приходят в мир Татхагаты — архаты, всецело просветленные“. А сегодня ночью, в последнюю стражу свершится достижение ниббаны отшельником Готамой. У меня же возникло чувство сомнения, и вот, уверовав в отшельника Готаму, я [думаю, что] отшельник Готам сумеет так наставить меня в истине, что я избавлюсь от этого чувства сомнения. Да смогу я, почтенный Ананда, лицезреть отшельника Готаму!»

Тогда достопочтенный Ананда в третий раз сказал странствующему аскету Субхадде: «Довольно, почтенный Субхадда, не досаждай Татхагате. Благостный измучился».

5.25. А Благостный услышал эту беседу достопочтенного Ананды со странствующим аскетом Субхаддой. И вот Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«Довольно, Ананда, не препятствуй Субхадде. Пусть, Ананда, Субхадда сможет лицезреть Татхагату. Все, что спросит у меня Субхадда, он спросит, не стремясь досадить [мне], но стремясь к познанию, и быстро поймет то, что разъясню [в ответ на] его вопрос».

И тогда достопочтенный Ананда так сказал странствующему аскету Субхадде: «Иди, Субхадда, Благостный дает тебе позволение».

5.26. И тогда странствующий аскет Субхадда приблизился к Благостному; приблизившись, он обменялся с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот, сидя в стороне, странствующий аскет Субхадда так сказал Благостному:

«Почтенный Готам, были ли те отшельники и брахманы, возглавляющие толпу [последователей], возглавляющие общину, наставники общины, известные, прославленные, основатели школ, высоко чтимые многими людьми, а именно: Пурана Кассапа, Маккхали Госала, Аджита Кесакамбала, Пакудха Каччаяна, Санджая Белаттхипутта, Нигантха Натхапутта — [были ли] все они, согласно собственному уверению, наделены [истинным] познанием, или же все они не бы-

ли наделены познанием, или же одни [из них] были наделены познанием, а другие не были наделены познанием?»

«Довольно, Субхадда! Оставь эти [вопросы]: „Все ли они, согласно собственному уверению, были наделены [истинным] познанием, или же все они не были наделены познанием, или же одни [из них] были наделены познанием, а другие не были наделены познанием?“ Я наставлю тебя, Субхадда в истине — слушай же тщательно и внимай [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным странствующий аскет Субхадда. Благостный сказал:

5.27. «Когда, Субхадда в [учении об] истине и должном поведении нет праведного восьмичленного пути, то нет там и [истинного] отшельника, и нет там отшельника второй, и нет там отшельника третьей, и нет там отшельника четвертой [ступени]. Когда же, Субхадда в [учении об] истине и должном поведении есть праведный восьмичленный путь, то есть там и [истинный] отшельник, и есть там отшельник второй, и есть там отшельник третьей, и есть там отшельник четвертой [ступени]. В этом же, Субхадда [моем учении об] истине и должном поведении есть праведный восьмичленный путь, и есть здесь, Субхадда, [истинный] отшельник, и отшельник второй, и отшельник третьей, и отшельник четвертой [ступени]. Прочие ложные учения лишены [истинных] отшельников — пусть же, Субхадда, монахи надлежащим образом следуют этому [моему учению], и мир не будет лишен архатов.

В возрасте двадцати девяти [лет]

Я стал странствовать в поисках добродетели.

Пятьдесят с лишним лет

Я странствовал, Субхадда,

Пребывая на ниве должного [поведения] и истины,

Вне которой нет [истинного] отшельника, —

и нет отшельника второй, и нет отшельника третьей, и нет отшельника четвертой [ступени]. Прочие ложные учения лишены [истинных] отшельников — пусть же, Субхадда, монахи надлежащим образом следуют этому [моему учению], и мир не будет лишен архатов».

5.28. Когда так было сказано, странствующий аскет Субхадда так сказал Благостному: «Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподавал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Да обрету я, господин, странничество вблизи Благостного, да обрету я доступ в общину!»

«Кто, Субхадда, принадлежа прежде к другой школе, в соответствии с этой истиной и должным поведением стремится к странничеству, стремится к доступу

в общину, тот в течение четырех месяцев подвергается испытанию; по истечении четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают [его] странником и доставляют доступ в общину — к состоянию монаха. Но и здесь мне известны различия между [отдельными] лицами».

5.29. «Если, господин, принадлежавшие прежде к другой школе и в соответствии с истиной и должным поведением стремящиеся к странничеству, стремящиеся к доступу в общину в течение четырех месяцев подвергается испытанию, по истечении же четырех месяцев удовлетворенные в мыслях монахи делают [их] странниками и доставляют доступ в общину — к состоянию монаха, то в течение четырех месяцев я буду подвергаться испытанию, по истечении же четырех месяцев пусть удовлетворенные в мыслях монахи сделают [меня] странником и доставят доступ в общину — к состоянию монаха».

И тогда Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«В таком случае, Ананда, сделайте Субхадду странником».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Ананда.

5.30. И тогда странствующий аскет Субхадда так сказал достопочтенному Ананде:

«Благо вам, почтенный Ананда, великое благо вам, почтенный Ананда, что вы посвящены здесь посвящением в ученики перед лицом учителя!»

И так странствующий аскет Субхадда обрел странничество вблизи Благостного, обрел доступ в общину. И вскоре после того как достопочтенный Субхадда обрел доступ в общину, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, ревности и решимости, скоро сам познал, испытал и обрел в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными, — несравненный венец целомудрия — и постиг: «Уничтожено следующее рождение, исполнен [обет] целомудрия, сделано то, что надлежит сделать, нет ничего вслед за этим состоянием». И так достопочтенный Субхадда стал одним из архатов. Он стал последним учеником, которого Благостный обратил сам.

Окончен пятый раздел поучения о Хираньявати.

6.1. И тогда Благостный обратился к достопочтенному Ананде:

«Может быть, Ананда, у вас возникает такая мысль: „Отошли в прошлое слова учителя, нет у нас учителя“. Но не следует считать так, Ананда. То, Ананда, [учение об] истине и должном поведении, которое я проповедывал, обучая вас, и будет после моей кончины вашим учителем.

6.2. После моей кончины, Ананда, вам не следует обращаться друг к другу так, как обращаются теперь монахи, со словом „друг“. Пусть старший монах, Ананда, обращается к младшему монаху, [называя его] по имени или роду, или со словом „друг“, и пусть младший монах обращается к старшему монаху: „господин“ или „достопочтенный“.

6.3. После моей кончины, Ананда, пусть община при желании отменит незначительные и малозначительные заповеди.

6.4. После моей кончины, Ананда, пусть монах Чханна подвергнется высшему наказанию».

«Каково же, господин, высшее наказание?»

«Пусть, Ананда, монах Чханна говорит что хочет, — монахи не должны ни говорить с ним, ни увещевать, ни наставлять [его]».

6.5. И тогда Благостный обратился к монахам:

«Может быть, монахи, у какого-нибудь монаха есть сомнение или замешательство относительно Будды, или дхаммы, или сангхи, или пути, или способа достижения? Спрашивайте, монахи, чтобы вам впоследствии не сожалеть: „Учитель находился перед нашим лицом, а мы, находясь перед лицом Благостного, не смогли спросить [его]“».

Когда так было сказано, те монахи остались безмолвны.

И Благостный во второй раз обратился к монахам:

«Может быть, монахи, у какого-нибудь монаха есть сомнение или замешательство относительно Будды, или дхаммы, или сангхи, или пути, или способа достижения? Спрашивайте, монахи, чтобы вам впоследствии не сожалеть: „Учитель находился перед нашим лицом, а мы, находясь перед лицом Благостного, не смогли спросить [его]“».

И те монахи во второй раз остались безмолвны.

И Благостный в третий раз обратился к монахам:

«Может быть, монахи, у какого-нибудь монаха есть сомнение или замешательство относительно Будды, или дхаммы, или сангхи, или пути, или способа достижения? Спрашивайте, монахи, чтобы вам впоследствии не сожалеть: „Учитель находился перед нашим лицом, а мы, находясь перед лицом Благостного, не смогли спросить [его]“».

И те монахи в третий раз остались безмолвны.

И тогда Благостный обратился к монахам:

«Может быть, монахи, вы не спрашиваете из почтения к учителю. Пусть же, монахи, один [из вас] обращается к другому».

Когда так было сказано, те монахи остались безмолвны.

6.6. И тогда достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин! Я уверовал, господин, в то, что в этом собрании монахов ни у одного монаха нет ни сомнения, ни замешательства относительно Будды, или дхаммы, или сангхи, или пути, или способа достижения!»

«Ты говоришь, Ананда, из веры. У Татхагаты же есть знание этого: „В этом собрании монахов ни у одного монаха нет ни сомнения, ни замешательства относительно Будды, или дхаммы, или сангхи, или пути, или способа достижения!“». Ведь среди пятисот этих монахов, Ананда, даже последний монах стал вступившим в поток, не подверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению».

6.7. И тогда Благостный обратился к монахам:

«Итак, монахи, теперь я обращаюсь к вам: „[Все] составленное подвержено старению, прилежно стремитесь к цели“».

Такова [была] последняя ночь Благостного.

6.8. И тогда Благостный достиг первой ступени [созерцания]. Поднявшись с первой ступени, он достиг второй ступени. Поднявшись со второй ступени, он достиг третьей ступени. Поднявшись с третьей ступени, он достиг четвертой ступени. Поднявшись с четвертой ступени, он достиг уровня бесконечности пространства. Поднявшись с достигнутого уровня бесконечности пространства, он достиг уровня бесконечности сознания. Поднявшись с достигнутого уровня бесконечности сознания, он достиг уровня отсутствия чего бы то ни было. Поднявшись с достигнутого уровня отсутствия чего бы то ни было, он достиг уровня ни осознания, ни отсутствия осознания. Поднявшись с достигнутого уровня ни осознания, ни отсутствия осознания, он достиг уничтожения осознания и ощущений.

И тогда достопочтенный Ананда так сказал достопочтенному Ануруддхе: «Господин Ануруддха, Благостный достиг ниббаны».

«Нет, друг Ананда, Благостный не достиг ниббаны — он достиг уничтожения осознания и ощущений».

6.9. И тогда Благостный, поднявшись с достигнутого [состояния] уничтожения осознания и ощущений, достиг уровня ни осознания, ни отсутствия осознания. Поднявшись с достигнутого уровня ни осознания, ни отсутствия осознания, он достиг уровня отсутствия чего бы то ни было. Поднявшись с достигнутого уровня отсутствия чего бы то ни было, он достиг уровня бесконечности сознания. Поднявшись с достигнутого уровня бесконечности сознания, он достиг уровня бесконечности пространства. Поднявшись с достигнутого уровня бесконечности пространства, он достиг четвертой ступени [созерцания]. Поднявшись с четвертой ступени, он достиг третьей ступени. Поднявшись с третьей ступени, он достиг второй ступени. Поднявшись со второй ступени, он достиг первой ступени. Поднявшись с первой ступени, он [снова] достиг второй ступени. Поднявшись со второй ступени, он достиг третьей ступени. Поднявшись с третьей ступени, он достиг четвертой ступени. Поднявшись с четвертой ступени, Благостный немедленно достиг ниббаны.

6.10. И когда Благостный достиг ниббаны, то с достижением ниббаны произошло великое землетрясение — страшное, вызывающее дрожь волосков, и разразились небесные громы.

И когда Благостный достиг ниббаны, то с достижением ниббаны Брахма Сакхампати произнес такую строфу:

«Все существа в мире отбросят телесный облик,
Подобно тому, как учитель, не имеющий равных в мире,
Татхагата, великой силы, просветленный достиг ниббаны».

И когда Благостный достиг ниббаны, то с достижением ниббаны Сакка, повелитель богов, произнес такую строфу:

«Непостоянно [все] составленное, рожденные подвержены старению,
Родившись, они уничтожаются; счастье их — в умиротворении».

И когда Благостный достиг ниббаны, то с достижением ниббаны достопочтенный Ануруддха произнес такие строфы:

«Остановилось дыхание у подобного [существа], стойкого сердцем,
Свободный от желаний, обретший покой, мудрец, когда исполнился [его] срок,
С непоколебимым сердцем перенес боль;
Словно угасание светильника, было освобождение [его] разума».

И когда Благостный достиг ниббаны, то с достижением ниббаны достопочтенный Ананда произнес такую строфу:

«Тогда произошло землетрясение, тогда была дрожь волосков,
[Когда] чудесно наделенный всеми достоинствами просветленный достиг ниббаны».

И когда Благостный достиг ниббаны, то некоторые из тех монахов, которые не освободились от страстей, заплакали, воздев руки, упали ниц пораженные, заматались взад и вперед, [возглашая]: «Слишком рано достиг ниббаны Благостный, слишком рано достиг ниббаны Счастливым, слишком рано угасло око мира!»

Те же монахи, которые освободились от страстей, пребывали наделенными способностью самосознания и вдумчивостью, [полагая]: «Непостоянно составленное. Откуда же может тут получиться [иначе]?»

6.11. И тогда достопочтенный Ануруддха обратился к монахам:

«Довольно, друзья, не горюйте, не плачьте! Разве не проповедывал раньше Благостный, друзья, что все дорогое и приятное [нам] многообразно, подлежит отделению [от нас], непостоянно по природе. Откуда же, друзья, может тут получиться так, чтобы рожденное, существующее, составленное, подверженное распаду так и не распалось? Такого быть не может. Друзья, [на нас] ропщут божества».

«На какого же рода божества, господин, обращает внимание достопочтенный Ануруддха?»

«Есть, друг Ананда, в пространстве божества, наделенные земным сознанием, которые плачут, распустив волосы, плачут, воздев руки, падают ниц пораженные, мечутся взад и вперед, [возглашая]: „Слишком рано достиг ниббаны Благостный, слишком рано достиг ниббаны Счастливым, слишком рано угасло око мира!“

Есть, друг Ананда, на земле божества, наделенные земным сознанием, которые плачут, распустив волосы, плачут, воздев руки, падают ниц пораженные, мечутся взад и вперед, [возглашая]: „Слишком рано достиг ниббаны Благостный, слишком рано достиг ниббаны Счастливым, слишком рано угасло око мира!“

Те же божества, которые свободны от страстей, пребывают наделенными способностью самосознания и вдумчивостью, [полагая] „Непостоянно составленное. Откуда же может тут получиться [иначе]?“»

6.12. И тогда достопочтенный Ануруддха и достопочтенный Ананда провели остаток этой ночи в добродетельной беседе. И тогда достопочтенный Ануруддха обратился к достопочтенному Ананде:

«Иди, друг Ананда, войди в Кусинару и передай кусинарийским маллам: „Васеттхи, Благостный достиг ниббаны! [Делайте] теперь то, что считаете нужным“».

«Хорошо, господин», — согласился с достопочтенным Ануруддой достопочтенный Ананда, оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и вместе с другим [монахом] вошел в Кусинару.

И в это самое время кусинарийские маллы собрались по некоторому делу в месте собраний. И вот достопочтенный Ананда приблизился к месту собраний кусинарийских маллов и, приблизившись, передал кусинарийским маллам: «Васеттхи, Благостный достиг ниббаны! [Делайте] теперь то, что считаете нужным».

И услышав это от достопочтенного Ананды, маллы и дети маллов, и невестки маллов, и жены маллов стали грустить, горевать, ощутили печаль в сердце, а некоторые заплакали, распустив волосы, заплакали, воздев руки, упали ниц пораженные, заметались взад и вперед, [возглашая]: «Слишком рано достиг ниббаны Благостный, слишком рано достиг ниббаны Счастливым, слишком рано угасло око мира!»

6.13. И тогда кусинарийские маллы приказали слугам: «Эй, соберите же благовония, венки и всех музыкантов Кусинары». И вот кусинарийские маллы, взяв благовония, и венки, и всех музыкантов, и пятьсот пар одеяний, приблизились к Упаваттане, саловой роще маллов, к телу Благостного, и, приблизившись, они оказали внимание, оказали заботу, уважили, почтили тело Благостного танцами, пением, музыкой, венками, благовониями, сделали балдахины из одежд, образовав [подобие] беседок, и провели так этот день.

И тогда кусинарийские маллы подумали так: «Уже слишком поздно предать сегодня огню тело Благостного. Теперь уж мы завтра предадим огню тело Благостного». И тогда кусинарийские маллы, оказав внимание, оказав заботу, уважив, почтив тело Благостного танцами, пением, музыкой, венками, благовониями, сделав балдахины из одежд, образовав [подобие] беседок, провели [так] и второй день, провели и третий день, провели и четвертый день, провели и пятый день, провели и шестой день.

6.14. И вот на седьмой день кусинарийские маллы подумали так: «Оказав внимание, оказав заботу, уважив, почтив тело Благостного танцами, пением, музыкой, венками, благовониями, мы отнесем [его] к югу, на юг от города, и там за пределами города, к югу — предадим огню тело Благостного».

И в это самое время восемь предводителей маллов, омыв голову и надев новые одежды, [решили]: «Мы поднимем [и понесем] тело Благостного», — и не смогли поднять [его].

И тогда кусинарийские маллы так сказали достопочтенному Ануруддхе: «Какова, господин, причина, каково основание, по которому эти восемь предводителей маллов, омывших голову, надевших новые одежды [и решивших]: „Мы поднимем тело Благостного“, — не смогли поднять его?»

«Ведь у вас, васеттхи, одно намерение, а у божеств — другое намерение».

6.15. «Какое же, господин, намерение у божеств?»

«У вас, васеттхи, намерение: „Оказав внимание, оказав заботу, уважив, почтив тело Благостного танцами, пением, музыкой, венками, благовониями, мы отнесем [его] к югу, на юг от города, и там, за пределами города, к югу — предадим огню тело Благостного“. У божеств же, васеттхи, намерение: „Оказав внимание, оказав заботу, уважив, почтив тело Благостного танцами, пением, музыкой, венками, благовониями, мы отнесем [его] к северу, на север от города, войдем в город через северные ворота, понесем к середине, на середину города, выйдем из восточных ворот и там к востоку от города, у святилища маллов Макутабандхана предадим огню тело Благостного“».

«Каково намерение божеств, так, господин, пусть и будет».

6.16. И в это самое время Кусинара [вся, вплоть до] стоков для нечистот и груд мусора оказалась по колено устланной цветами мандаравы. И тогда божества и кусинарийские маллы оказали внимание, оказали заботу, уважили, почтили тело Благостного божественными и человеческими танцами, пением, музыкой, венками, благовониями, отнесли [его] к северу, на север от города, вошли в город через северные ворота, понесли к середине, на середину города, вышли из восточных ворот и там, к востоку от города, у святилища маллов Макутабандхана опустили тело Благостного.

6.17. И тогда кусинарийские маллы так сказали достопочтенному Ананде: «Как, господин Ананда, нам обращаться с телом Татхагаты?»

«Как, васеттхи, обращаются с телом царя — владыки мира, так же следует обращаться с телом Татхагаты».

«Как же, господин Ананда, обращаются с телом царя — владыки мира?»

«Тело царя — владыки мира — окутывают, васеттхи, новым одеянием; окутав новым одеянием, окутывают [его] чесаной хлопчатой тканью; окутав чесаной хлопчатой тканью, окутывают [его снова] новым одеянием. Окутав таким образом пятьюстами парами [подобных] одежд тело царя — владыки мира, его помещают в железный сосуд с маслом, покрывают [этот сосуд] другим железным сосудом, сооружают погребальный костер со всевозможными благовониями, предают огню тело царя — владыки мира — и сооружают на перекрестке надгробие царя — владыки мира. Так, васеттхи, обращаются с телом царя — владыки мира.

Как, васеттхи, обращаются с телом царя — владыки мира, так же следует обращаться с телом Татхагаты. Следует соорудить на перекрестке надгробие Татхагаты. И те, кто возложат там венок, или благовоние, или красочное [украшение], или произнесут приветствие, или умиротворятся сердцем, надолго обретут благополучие и счастье».

6.18. И тогда кусинарийские маллы приказали слугам: «Эй, соберите же чесаную хлопчатую ткань маллов».

И тогда кусинарийские маллы окутали тело Благостного новым одеянием; окутав новым одеянием, окутали [его] чесаной хлопчатой тканью; окутав чесаной хлопчатой тканью, окутали [его снова] новым одеянием. Окутав таким образом

пятыюстами парами [подобных] одежд тело Татхагаты, его поместили в железный сосуд с маслом, покрыли [этот сосуд] другим железным сосудом, соорудили погребальный костер со всевозможными благовониями и возложили тело Благостного на погребальный костер.

6.19. И в это самое время достопочтенный Махакассапа шел по главной дороге из Павы в Кусинару с большою толпою монахов, пятыю сотнями монахов. И вот достопочтенный Махакассапа, сойдя с дороги, уселся у подножия одного дерева.

И в это самое время некий адживака, взявший в Кусинаре цветок мандаравы, шел по главной дороге в Паву.

И достопочтенный Махакассапа еще издали увидел, как подходит адживака, и, увидев, так сказал этому адживаке: «Знаешь ли ты, почтенный, нашего Учителя?»

«Да, почтенный, знаю. Сегодня семь дней, как отшельник Готама достиг ниббаны. Поэтому я и взял этот цветок мандаравы».

И тогда некоторые из тех монахов, которые не освободились от страстей, заплакали, воздев руки, упали ниц пораженные, заметались взад и вперед, [возглашая]: «Слишком рано достиг ниббаны Благостный, слишком рано достиг ниббаны Счастливый, слишком рано угасло око мира!»

Те же монахи, которые освободились от страстей, пребывали наделенными способностью самосознания и вдумчивостью, [полагая]: «Непостоянно составленное. Откуда же может тут получиться [иначе]?»

6.20. И в это самое время престарелый странник по имени Субхадда уселся в этом собрании. И тогда престарелый странник Субхадда так сказал этим монахам:

«Довольно, друзья, не горюйте, не плачьте. Хорошо, что мы освободились от этого великого отшельника. Мы устали [от слов]: „Это вам подобает, это вам не подобает“ — теперь же мы будем делать то, что захотим и не будем делать того, чего не захотим».

И тогда достопочтенный Махакассапа обратился к монахам:

«Довольно, друзья, не горюйте, не плачьте. Разве не проповедывал раньше Благостный, друзья, что все дорогое и приятное [нам] многообразно, подлежит отделению от нас, непостоянно по природе. Откуда же, друзья, может тут получиться так, чтобы рожденное, существующее, составленное, подверженное распаду так и не распалось? Такого быть не может».

6.21. И в это самое время четыре предводителя маллов, омыв голову и надев новые одежды, [решили]: «Мы зажжем погребальный костер Благостного» — и не смогли зажечь [его].

И тогда кусинарийские маллы так сказали достопочтенному Ануруддхе:

«Какова, господин Ануруддха, причина, каково основание, по которому эти четыре предводителя маллов, омывших голову, надевших новые одежды [и решивших]: „Мы зажжем погребальный костер Благостного“, — не смогли зажечь [его]?»

«Ведь у божеств, васеттхи, другое намерение».

«Какое же, господин, намерение у божеств?»

«У божеств, васеттхи, намерение: „Этот достопочтенный Махакассапа идет по главной дороге из Павы в Кусинару с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов. И погребальный костер Благостного не загорится до тех пор, пока достопочтенный Махакассапа не поклонится головой в ноги Благостному“».

«Каково намерение божеств, так, господин, пусть и будет».

6.22. И тогда достопочтенный Махакассапа приблизился к святилищу маллов Макутабандхана в Кусинаре, к погребальному костру Благостного; приблизившись, он перекинул верхнюю одежду через плечо, поклонился со сложенными ладонями, трижды обошел погребальный костер с правой стороны и, приоткрыв ноги [усопшего], поклонился головой в ноги Благостному.

И эти пятьсот монахов тоже перекинули верхнюю одежду через плечо, поклонились со сложенными ладонями, трижды обошли погребальный костер с правой стороны и поклонились головой в ноги Благостному.

И когда достопочтенный Махакассапа и эти пятьсот монахов совершили поклонение, то погребальный костер Благостного загорелся сам.

6.23. И когда тело Благостного было предано огню, то ни от кожи, ни от подкожного покрова, ни от мяса, ни от жил, ни от жидкости в сочленениях не осталось видно ни пепла, ни сажи — остались лишь кости.

Подобно тому как когда предают огню очищенное масло или сезамовое масло, то не остается видно ни пепла, ни сажи, так же точно, когда было предано огню тело Благостного, то ни от кожи, ни от подкожного покрова, ни от мяса, ни от жил, ни от жидкости в сочленениях не осталось видно ни пепла, ни сажи — остались лишь кости. И из этих пятисот пар одежд сгорели лишь две одежды — самая нижняя и наружная.

И когда тело Благостного сгорело, то потоки воды, появившиеся с неба угасили погребальный костер Благостного, и воды, забившие от саловых [деревьев], угасили погребальный костер Благостного, и кусинарийские маллы с помощью всевозможных благовонных жидкостей угасили погребальный костер Благостного.

И тогда кусинарийские маллы, поместив кости Благостного за решетку копий в месте собраний и окружив [их] оградой луков, в течение семи дней оказывали внимание, служили, оказывали уважение, чтили [эти останки] танцами, пением, музыкой, венками, благовониями.

6.24. И вот царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта услышал: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда царь Магадхи Аджатасатту Ведехипутта послал к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — кшатрий и я — кшатрий. И я достоин части останков Благостного, и я воздвигну надгробие и устрою празднество над останками Благостного».

И вот личчавы из Весали услышали: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда личчавы из Весали послали к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — кшатрий, и мы — кшатрии. И мы достойны части останков Благостного, и мы воздвигнем надгробие и устроим празднество над останками Благостного».

И вот сакьи из Капилаватху услышали: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда сакьи из Капилаватху послали к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — из нашего рода. И мы достойны части останков Благостного, и мы воздвигнем надгробие и устроим празднество над останками Благостного».

И вот були из Аллакаппы услышали: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда були из Аллакаппы послали к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — кшатрий, и мы — кшатрии. И мы достойны части останков Благостного, и мы воздвигнем надгробие и устроим празднество над останками Благостного».

И вот колии из Рамагамы услышали: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда колии из Рамагамы послали к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — кшатрий, и мы — кшатрии. И мы достойны части останков Благостного, и мы воздвигнем надгробие и устроим празднество над останками Благостного».

И вот [некий] брахман из Ветхадипы услышал: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда [некий] брахман из Ветхадипы послал к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — кшатрий, я же — брахман. И я достоин части останков Благостного, и я воздвигну надгробие и устрою празднество над останками Благостного».

И вот маллы из Павы услышали: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда маллы из Павы послали к кусинарийским маллам вестника [со словами]: «Благостный — кшатрий, и мы — кшатрии. И мы достойны части останков Благостного, и мы воздвигнем надгробие и устроим празднество над останками Благостного».

6.25. И когда так было сказано, кусинарийские маллы сказали тем собравшимся толпам: «Благостный достиг ниббаны в нашем селении. Мы не отдадим ничего из останков Благостного».

Когда так было сказано, брахман Дона сказал тем собравшимся толпам:

«Послушайте, почтенные, одно мое слово:
Будда проповедывал нам терпение,
И нехорошо будет, если возникнет спор
О дележе останков превосходнейшего существа.
Давайте же, почтенные, все, объединенные в согласии
И дружелюбии, разделим [эти останки] на восемь частей —
Пусть распространятся по сторонам света надгробия,
Чтобы многие люди уверовали в Прозревшего».

«Тогда, брахман, подели останки Благостного на восемь частей, деля справедливо и поровну».

«Хорошо, почтенные», — согласился с этими собравшимися толпами брахман Дона, поделил останки Благостного на восемь частей, деля справедливо и поровну, и сказал этим собравшимся толпам:

«Пусть, почтенные, мне дадут этот сосуд, и я воздвигну надгробие и устрою празднество над сосудом».

И вот они дали сосуд брахману Доне.

6.26. И вот мории из Пиппхаливаны услышали: «Благостный достиг ниббаны в Кусинаре». И тогда мории из Пиппхаливаны послали к кусинарийским маллам вестника со словами: «Благостный — кшатрий, и мы — кшатрии. И мы достойны части останков Благостного, и мы воздвигнем надгробие и устроим празднество над останками Благостного».

«Нет [больше ни одной] части останков Благостного, [уже] поделены останки Благостного. Возьмите же отсюда угли [от погребального костра]».

И они взяли оттуда угли.

6.27. И тогда царь Магадхи Аджатакатту Ведехипутта воздвиг в Раджагахе надгробие и устроил празднество над останками Благостного.

И личчхавы из Весали воздвигли в Весали надгробие и устроили празднество над останками Благостного.

И сакхи из Капилаваттху воздвигли в Капилаваттху надгробие и устроили празднество над останками Благостного.

И були из Аллакаппы воздвигли в Аллакаппе надгробие и устроили празднество над останками Благостного.

И колии из Рамагамы воздвигли в Рамагаме надгробие и устроили празднество над останками Благостного.

И брахман из Ветхадипы воздвиг в Ветхадипе надгробие и устроил празднество над останками Благостного.

И маллы из Павы воздвигли в Паве надгробие и устроили празднество над останками Благостного.

И кусинарийские маллы воздвигли в Кусинаре надгробие и устроили празднество над останками Благостного.

И брахман Дона воздвиг надгробие и устроил празднество над сосудом.

И мории из Пиппхаливаны воздвигли в Пиппхаливане надгробие и устроили празднество над углями.

Таковы восемь надгробий над этими останками, девятое надгробие — над сосудом, десятое надгробие — над углями.

Так произошло в былые времена.

6.28. На восемь частей [были разделены] останки Прозревшего, семи частям поклоняются в Джамбудипе.

Одной части [останков] превосходнейшего человека поклоняются в Рамагаме цари змей.

Один зуб почитают в трех небесах, одному поклоняются в городе Гандхаре, в царстве царя Калинги — еще одному, и еще одному поклоняются цари змей.

Благодаря их блеску эта земля, несущая богатства, украшена наилучшими подношениями.

Так эти останки Прозревшего с великим почетом чтутся высокочтимыми —

Почитаются владыками богов, владыками змей, владыками людей — так почитаются
они лучшими из людей.

Славьте же [его], воздев сложенные ладони — поистине трудно встретить Будду
даже за сотни мировых периодов!

Окончена «Махапариниббана-сутта».

XVII. «Махасудассана-сутта» («Сутта о Махасудассане»)

1.1. Вот, что я слышал. Однажды, во время достижения ниббаны, Благостный пребывал в Кусинаре, в Упаваттане, саловой роще маллов между парой деревьев сала.

1.2. И вот достопочтенный Ананда приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И вот, сидя в стороне, достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Господин! Пусть Благостный не достигает ниббаны в этом ничтожном городке, заброшенном городке, маленьком городке. Есть ведь, господин, другие большие города, а именно: Чампа, Раджагаха, Саваттхи, Сакета, Косамби, Баранаси. Пусть Благостный [где-нибудь] там и достигнет ниббаны — там много богатых кшатриев, богатых брахманов, богатых домоправителей, преданных Татхагате, и они окажут почет останкам Татхагаты».

1.3. «Не говори, Ананда, так: „ничтожный городок, заброшенный городок, маленький городок“. Когда-то давно, Ананда, жил царь по имени Махасудассана — кшатрий, помазанный [на царство], правивший четырьмя сторонами света, победоносный, доставивший стране безопасность. И эта Кусинара, Ананда, звалась тогда Кусавати и служила царской столицей царю Махасудассане. И эта Кусавати, Ананда, простиралась на двенадцать йоджан в длину с запада на восток и на семь йоджан в ширину с севера на юг. И царская столица Кусавати, Ананда, была процветающей, преуспевающей, многолюдной, полной жителей, богатой пропитанием. Подобно тому, Ананда, как царская столица богов Алакаманда — процветающая, преуспевающая, многолюдна, полна жителей, богата пропитанием, так же точно, Ананда, и царская столица Кусавати была процветающей, преуспевающей, многолюдной, полной жителей, богатой пропитанием. В царской столице Кусавати, Ананда, и днем и ночью не утихали звуки десяти [видов], а именно: звуки от слонов, звуки от коней, звуки от колесниц, звуки литавр, звуки барабана, звуки лютни, звуки пения, звуки цимбал, звуки гонга и в десятых — звуки [возгласов]: „Ешьте, пейте, насыщайтесь!“

1.4. Царская столица Кусавати, Ананда, была окружена семью стенами. Одна стена там [была] из золота, одна — из серебра, одна — из бериллов, одна — из

хрусталия, одна — из рубинов, одна — из изумрудов, одна — из всех [видов] драгоценностей.

1.5. В царской столице Кусавати, Ананда, были врата четырех родов: одни — из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталия. У каждого врат было установлено по семи колонн, в три-четыре раза превосходящих рост человека. Одна колонна из золота, одна — из серебра, одна — из бериллов, одна — из хрусталия, одна — из рубинов, одна — из изумрудов, одна — из всех [видов] драгоценностей.

1.6. Царская столица Кусавати, Ананда, была окружена семью рядами пальм. Один ряд пальм из золота, один — из серебра, один — из бериллов, один — из хрусталия, один — из рубинов, один — из изумрудов, один — из всех [видов] драгоценностей. У пальм из золота были стволы из золота, а листья и плоды из серебра. У пальм из серебра были стволы из серебра, а листья и плоды — из золота. У пальм из бериллов были стволы из бериллов, а листья и плоды — из хрусталия. У пальм из хрусталия были стволы из хрусталия, а листья и плоды — из бериллов. У пальм из рубинов были стволы из рубинов, а листья и плоды — из изумрудов. У пальм из изумрудов были стволы из изумрудов, а листья и плоды — из рубинов. У пальм из всех [видов] драгоценностей были стволы из всех [видов] драгоценностей, и листья и плоды из всех [видов] драгоценностей. И вот, Ананда, когда ветер колебал эти ряды пальм, то возникал звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий. Подобно тому, Ананда, как от музыки пяти видов, хорошо исполняющейся, хорошо отбиваемой, сыгранной искусными [музыкантами], возникает звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий, так же точно, Ананда, когда ветер колебал эти ряды пальм, то возникал звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий. И те, Ананда, бродяги, пьяницы, любители выпить, которые находились в то время в царской столице Кусавати, развлекались под эти звуки, когда ветер колебал ряды пальм.

1.7. Царь Махасудассана, Ананда, был наделен семью сокровищами и четырьмя чудесными свойствами. Каковы же эти семь?

Вот, Ананда, когда царь Махасудассана в день упосатхи, в полнолуние, омыв голову, пребывал, соблюдая упосатху, на превосходной верхней террасе дворца, ему явилось божественное сокровище — колесо с тысячью спиц, с ободом, со ступицей, исполненное всех достоинств. И видя [его], царь Махасудассана подумал так: „Ведь я слышал об этом: ‘Когда царю, кшатрию, помазанному [на царство], в день упосатхи, в полнолуние омывшему голову и пребывающему, соблюдая упосатху, на превосходной верхней террасе дворца, является божественное сокровище — колесо с тысячью спиц, с ободом, со ступицей, исполненное всех достоинств, то этот царь становится царем, повелителем мира’. Поэтому и я стану царем, повелителем мира!“

1.8. И тогда, Ананда, царь Махасудассана, поднявшись с сиденья, перекинул верхнюю одежду через плечо, взял левой рукой чашу и окропил правой рукой колесо-сокровище [со словами]: „Пусть катится вперед досточтимое колесо-сокровище, пусть несет победу досточтимое колесо-сокровище!“ И тогда, Ананда,

это колесо-сокровище покатило в восточную сторону, и за ним последовал царь Махасудассана вместе с четырехчастным войском. И в том месте, Ананда, где останавливалось колесо-сокровище, царь Махасудассана делал стоянку, и вместе с ним четырехчастное войско.

1.9. И вот, Ананда, те враждебные [ему] цари, которые были в восточной стороне, приблизились к царю Махасудассане и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Всё твое, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь Махасудассана сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, Ананда, те враждебные цари, которые были в восточной стороне, стали подданными царя Махасудассаны.

1.10. И тогда, Ананда, это колесо-сокровище, погрузившись в восточный океан, вновь поднялось и покатило в южную сторону, и за ним последовал царь Махасудассана вместе с четырехчастным войском. И в том месте, Ананда, где останавливалось колесо-сокровище, царь Махасудассана делал стоянку, и вместе с ним четырехчастное войско.

И вот, Ананда, те враждебные [ему] цари, которые были в южной стороне, приблизились к царю Махасудассане и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Всё твое, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь Махасудассана сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, Ананда, те враждебные цари, которые были в южной стороне, стали подданными царя Махасудассаны.

И тогда, Ананда, это колесо-сокровище, погрузившись в южный океан, вновь поднялось и покатило в западную сторону, и за ним последовал царь Махасудассана вместе с четырехчастным войском. И в том месте, Ананда, где останавливалось колесо-сокровище, царь Махасудассана делал стоянку, и вместе с ним четырехчастное войско.

И вот, Ананда, те враждебные [ему] цари, которые были в западной стороне, приблизились к царю Махасудассане и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Всё твое, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь Махасудассана сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, Ананда, те враждебные цари, которые были в западной стороне, стали подданными царя Махасудассаны.

И тогда, Ананда, это колесо-сокровище, погрузившись в западный океан, вновь поднялось и покатило в северную сторону, и за ним последовал царь Махасудассана вместе с четырехчастным войском. И в том месте, Ананда, где останавливалось колесо-сокровище, царь Махасудассана делал стоянку, и вместе с ним четырехчастное войско.

И вот, Ананда, те враждебные [ему] цари, которые были в северной стороне, приблизились к царю Махасудассане и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Всё твое, великий царь! Будь наставником, великий царь!»

И царь Махасудассана сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не проносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, Ананда, те враждебные цари, которые были в северной стороне, стали подданными царя Махасудассаны.

1.11. И тогда, Ананда, это колесо-сокровище, пронеся победу по [всей] земле вплоть до границ океана, возвратилось в царскую столицу Кусавати и остановилось в целости у входа во внутренние покои царя Махасудассаны перед залом суда, я бы сказал, [словно] украшая внутренние покои царя Махасудассаны. Вот, Ананда, какое колесо-сокровище явилось царю Махасудассане.

1.12. И затем, Ананда, царю Махасудассане явился слон-сокровище — весь белый, семижды устойчивый, наделенный сверхъестественными способностями,двигающийся по воздуху — царь слонов по имени Упосатха. И видя его, царь Махасудассана радостно подумал: „Поистине, счастье ехать на этом слоне, если его можно укротить!“ И тогда, Ананда, подобно тому как [делается укрощенным] хороший слон благородного происхождения, издавна прирученный, так же точно и этот слон-сокровище сделался укрощенным. И в былые времена, Ананда, когда царь Махасудассана, испытывая этого слона-сокровище, взошел на него утром, он объехал [всю] землю до границ океана и возвратился в царскую столицу Кусавати к утренней трапезе. Вот, Ананда, какой слон-сокровище явился царю Махасудассане.

1.13. И затем, Ананда, царю Махасудассане явился конь-сокровище — весь белый, с головой вороного цвета, темной гривой, наделенный сверхъестественными способностями,двигающийся по воздуху — царь коней по имени Валахака. И видя его, царь Махасудассана радостно подумал: „Поистине, счастье ехать на этом коне, если его можно укротить!“ И тогда, Ананда, подобно тому как [делается укрощенным] хороший конь благородного происхождения, издавна прирученный, так же точно и этот конь-сокровище сделался укрощенным. И в былые времена, Ананда, когда царь Махасудассана, испытывая этого коня-сокровище, взошел на него утром, он объехал [всю] землю до границ океана и возвратился в царскую столицу Кусавати к утренней трапезе. Вот, Ананда, какой конь-сокровище явился царю Махасудассане.

1.14. И затем, Ананда, царю Махасудассане явилась драгоценность-сокровище, это был драгоценный берилл — прекрасный, благородный, восьмигранный,

превосходно отшлифованный, прозрачный, сияющий, наделенный всеми достоинствами. И от этой драгоценности-сокровища, Ананда, распространялось сияние на йоджану вокруг. И в былые времена, Ананда, царь Махасудассана, испытывая эту драгоценность-сокровище, снарядив в поход четырехчастное войско, поднял эту драгоценность на верхушку знамени и смог двигаться в темноте и мраке ночи. И те, Ананда, которые жили в окрестных селениях, при ее сиянии принимались за работу, думая: „[Настал] день“. Вот, Ананда, какая драгоценность-сокровище явилась царю Махасудассане.

1.15. И затем, Ананда, царю Махасудассане явилась женщина-сокровище — прекрасная, приятная для глаз, доставляющая отраду, наделенная высшей красотой телосложения, ни слишком высокая, ни слишком низкая, ни слишком худая, ни слишком полная, ни слишком темная, ни слишком светлая, превзошедшая человеческую красоту, достигшая божественной красоты. И прикосновение к телу этой женщины-сокровища, Ананда, было таково, каково [прикосновение] к вате или хлопку. И члены этой женщины-сокровища, Ананда, были жарки в прохладе и прохладны в жару. И от тела этой женщины-сокровища, Ананда, веяло благоухание сандала, от [ее] уст — благоухание лотоса. И эта женщина-сокровище, Ананда поднималась раньше царя Махасудассана и ложилась позже — она послушно выполняла все, приятно вела себя, была сладкоречива. И эта женщина-сокровище, Ананда, не то что телом, но даже и в мыслях не изменяла царю Махасудассане. Вот, Ананда, какая женщина-сокровище явилась царю Махасудассане.

1.16. И затем, Ананда, царю Махасудассане явился домоправитель-сокровище. У него было божественное зрение, появившееся как созревший [плод совершенных в предыдущих рождениях] действий, которым он мог видеть богатства — и имевшие владельца, и не имевшие владельца. Приблизившись к царю Махасудассане, он сказал так: „Не тревожься, Божественный, — я буду обращаться с твоим имуществом так, как надлежит обращаться с имуществом“.

И в былые времена, Ананда, царь Махасудассана, испытывая этого домоправителя-сокровище, взошел на корабль, выплыл на середину течения реки Ганг и так сказал домоправителю-сокровищу:

„Домоправитель, мне нужны золото и деньги“.

„Тогда, великий царь, направь корабль к одному из берегов“.

„Домоправитель мне именно здесь нужны золото и деньги“.

И тогда, Ананда, этот домоправитель-сокровище, опустил обе руки в воду и, вытащив сосуд, полный золота и денег, сказал царю Махасудассане: „Достаточно ли этого, великий царь? Достаточно ли сделано [мною], великий царь?“

И царь Махасудассана сказал так: „Достаточно этого, домоправитель, достаточно сделано, домоправитель, достаточно услужил [ты мне], домоправитель“. Вот, Ананда, какой домоправитель-сокровище явился царю Махасудассане.

1.17. И затем, Ананда, царю Махасудассане явился наставник-сокровище — мудрый, ясный в суждениях, разумный, сведущий, способный приводить царя Махасудассану к тому, к чему следует приводить, уводить от того, от чего следу-

ет уводить, побуждать к тому, к чему следует побуждать. Приблизившись к царю Махасудассане, он сказал так: „Не тревожься, Божественный, — я буду наставлять тебя“. Вот, Ананда, какой наставник-сокровище явился царю Махасудассане.

Вот, Ананда, какими семью сокровищами был наделен царь Махасудассана.

1.18. И затем, Ананда, царь Махасудассана был наделен четырьмя чудесными свойствами. Каковы же эти четыре чудесных свойства? Вот, Ананда, царь Махасудассана был прекрасен, приятен для глаз, доставлял отраду, наделен высшей красотой телосложения, превосходя прочих людей. Вот, Ананда, каким первым чудесным свойством был наделен царь Махасудассана.

1.19. И затем, Ананда, царь Махасудассана был долговечен, наделен продолжительной жизнью, превосходя прочих людей. Вот, Ананда, каким вторым чудесным свойством был наделен царь Махасудассана.

1.20. И затем, Ананда, царь Махасудассана был свободен от болезней, свободен от недугов, наделен внутренней силой, доставляющей хорошее пищеварение — ни слишком прохладной, ни слишком жаркой, — превосходя прочих людей. Вот, Ананда, каким третьим чудесным свойством был наделен царь Махасудассана.

1.21. И затем, Ананда, царь Махасудассана был дорог и приятен брахманам и домоправителям. Подобно тому, Ананда, как отец бывает дорог и приятен сыновьям, так же точно, Ананда, и царь Махасудассана был дорог и приятен брахманам и домоправителям. И царю Махасудассане, Ананда, были тоже дороги брахманы и домоправители. Подобно тому, Ананда, как отцу бывают дороги и приятны сыновья, так же точно, Ананда, и царю Махасудассане были дороги и приятны брахманы и домоправители. В былые времена, Ананда, царь Махасудассана вместе с четырехчастным войском выехал в рошу для увеселений. И тогда, Ананда, брахманы и домоправители, приблизившись к царю Махасудассане, сказали так: „Двигайся не спеша, Божественный, чтобы мы могли дольше видеть тебя!“ А царь Махасудассана, Ананда, обратился к возничему: „Возничий, веди колесницу не спеша, чтобы я мог дольше видеть брахманов и домоправителей!“ Вот, Ананда, каким четвертым чудесным свойством был наделен царь Махасудассана.

Вот, Ананда, какими четырьмя чудесными свойствами был наделен царь Махасудассана.

1.22. И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Что же — теперь я сооружу между этими пальмами лотосовые пруды через каждые сто дхану“.

И вот, Ананда, царь Махасудассана соорудил между этими пальмами лотосовые пруды через каждые сто дхану. И эти лотосовые пруды, Ананда, были выложены плитками четырех родов: одни плитки — из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя. И в каждом из прудов, Ананда, было по четыре лестницы четырех родов: одна лестница из золота, одна — из серебра, одна — из бериллов, одна — из хрусталя. У лестниц из золота были колонны из золота, а перила и верхние украшения — из серебра. У лестниц из серебра были колонны из серебра, а перила и верхние украшения — из золота. У лестниц из

бериллов были колонны из бериллов, а перила и верхние украшения — из хрусталя. У лестниц из хрусталя были колонны из хрусталя, а перила и верхние украшения — из бериллов. И эти лотосовые пруды, Ананда, были окружены двумя решетками, одна решетка из золота, одна — из серебра. У решетки из золота были колонны из золота, а перила и верхние украшения из серебра. У решетки из серебра были колонны из серебра, а перила и верхние украшения — из золота.

1.23. И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Что же — теперь я посажу в этих лотосовых прудах такие цветы на все времена года — голубой лотос, красный лотос, белую лилию, белый лотос — доступные всем людям“. И вот, Ананда, царь Махасудассана посадил в этих лотосовых прудах такие цветы на все времена года — голубой лотос, красный лотос, белую лилию, белый лотос — доступные всем людям.

И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Что же — теперь я помещу на берегах этих лотосовых прудов банщиков, которые будут омыwać приходящих и уходящих людей“. И вот, Ананда, царь Махасудассана поместил на берегах этих лотосовых прудов банщиков, которые омывали приходящих и уходящих людей.

И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Что же — теперь я учрежу на берегах этих лотосовых прудов такие подаяния: еду нуждающемуся в еде, питье нуждающемуся в питье, одежду нуждающемуся в одежде, повозку нуждающемуся в повозке, ложе нуждающемуся в ложе, жену нуждающемуся в жене, золото нуждающемуся в золоте, деньги нуждающемуся в деньгах“. И вот, Ананда, царь Махасудассана учредил на берегах этих лотосовых прудов такие подаяния: еду нуждающемуся в еде, питье нуждающемуся в питье, одежду нуждающемуся в одежде, повозку нуждающемуся в повозке, ложе нуждающемуся в ложе, жену нуждающемуся в жене, золото нуждающемуся в золоте, деньги нуждающемуся в деньгах.

1.24. И тогда, Ананда, брахманы и домоправители, взяв большое богатство, приблизились к царю Махасудассане и сказали так: „Это большое богатство, Божественный, мы принесли для Божественного — пусть Божественный примет его“.

„Ведь у меня, почтенные, уже собрано большое богатство благодаря справедливой подати. Пусть же это остается у вас, и возьмите отсюда еще сверх [того из моего богатства]“.

И получив отказ царя, они отошли в сторону и стали вместе советоваться: „Не подобает нам, чтобы мы снова отнесли эти богатства в свои дома. Поэтому теперь мы соорудим покои для царя Махасудассаны“.

И, приблизившись к царю Махасудассане, они сказали так: „Мы соорудим для тебя покои, Божественный“.

И вот, Ананда, царь Махасудассана безмолвно согласился.

1.25. И тогда, Ананда, повелитель богов Сакка, постигнув сердцем помыслы царя Махасудассаны, обратился к сыну бога Виссакамме: „Иди, дорогой Виссакамма, и сооруди покои для царя Махасудассаны — дворец под названием Дхамма“.

„Хорошо, Слава тебе!“ — согласился с повелителем богов Саккой сын бога Виссакамма, и вот, Ананда, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, так же точно он исчез из [мира] тридцати трех богов и появился перед царем Махасудассаной. И тогда, Ананда, сын бога Виссакамма так сказал царю Махасудассане: „Я сооружу для тебя покои, Божественный, — дворец под названием Дхамма“.

И вот, Ананда, царь Махасудассана безмолвно согласился.

И вот, Ананда, сын бога Виссакамма соорудил для царя Махасудассаны покои — дворец под названием Дхамма.

1.26. Дворец Дхамма, Ананда, простирался на одну йоджану в длину с востока на запад и на половину йоджаны в ширину с севера на юг.

Во дворце Дхамма, Ананда, пол в три раза превосходил высотой [уровня] рост человека и был выложен плитками четырех родов: одни плитки из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя.

Во дворце Дхамма, Ананда, было восемьдесят четыре тысячи колонн четырех родов: одни колонны из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя.

Дворец Дхамма, Ананда, был покрыт подстилками четырех родов: одни подстилки из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя.

Во дворце Дхамма, Ананда, было двадцать четыре лестницы четырех родов: одни лестницы из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя. У лестниц из золота были колонны из золота, а перила и верхние украшения — из серебра. У лестниц из серебра были колонны из серебра, а перила и верхние украшения — из золота. У лестниц из бериллов были колонны из бериллов, а перила и верхние украшения — из хрусталя. У лестниц из хрусталя были колонны из хрусталя, а перила и верхние украшения — из бериллов.

Во дворце Дхамма, Ананда, было восемьдесят четыре тысяч покоев четырех родов: одни покои из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя. В покоях из золота стояли лежа из серебра, в покоях из серебра стояли лежа из золота, в покоях из бериллов стояли лежа из слоновой кости, в покоях из хрусталя стояло ложе из превосходного дерева. У входа в покои из золота стояла пальма из серебра; у нее был ствол из серебра, а листья и плоды из золота. У входа в покои из серебра стояла пальма из золота; у нее был ствол из золота, а листья и плоды из серебра. У входа в покои из бериллов стояла пальма из хрусталя; у нее был ствол из хрусталя, а листья и плоды из бериллов. У входа в покои из хрусталя стояла пальма из бериллов; у нее был ствол из бериллов, а листья и плоды из хрусталя.

1.27. И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Что же — теперь я сооружу у входа в покои Махавьюха рощу пальм — целиком из золота, чтобы проводить там, сидя [в их тени], дневное время“.

И вот, Ананда, царь Махасудассана соорудил у входа в покои Махавьюха рощу пальм — целиком из золота, чтобы проводить там, сидя [в их тени], дневное время.

1.28. Дворец Дхамма, Ананда, был окружен двумя решетками, одна решетка из золота, одна — из серебра. У решетки из золота были колонны из золота, а перила и верхние украшения — из серебра. У решетки из серебра были колонны из серебра, а перила и верхние украшения — из золота.

1.29. Дворец Дхамма, Ананда, был окружен двумя сетями с колокольчиками: одна сеть из золота, одна — из серебра. У сети из золота были колокольчики из серебра, у сети из серебра были колокольчики из золота. И вот, Ананда, когда ветер колебал эти сети с колокольчиками, то возникал звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий. Подобно тому, Ананда, как от музыки пяти видов, хорошо исполняющейся, хорошо отбиваемой, сыгранной искусными [музыкантами], возникает звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий, так же точно, Ананда, когда ветер колебал эти сети с колокольчиками, то возникал звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий. И те, Ананда, бродяги, пьяницы, любители выпить, которые находились в то время в царской столице Кусавати, развлекались под эти звуки, когда ветер колебал сети с колокольчиками.

1.30. И вот, Ананда, когда дворец Дхамма был завершен, то трудно, невыносимо для глаз, было смотреть [на него]. Подобно тому, Ананда, как осенью, в последний месяц дождей, когда прояснилось небо и исчезли облака, бывает трудно, невыносимо для глаз смотреть на солнце, поднимающееся по небосводу, так же точно, Ананда, было трудно, невыносимо для глаз смотреть на дворец Дхамма.

1.31. И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Что же — теперь я сооружу перед дворцом Дхамма лотосовый пруд под названием Дхамма“.

И вот, Ананда, царь Махасудассана соорудил перед дворцом Дхамма лотосовый пруд под названием Дхамма.

Лотосовый пруд Дхамма, Ананда, простирался на одну йоджану в длину с востока на запад и на половину йоджаны в ширину с севера на юг.

Лотосовый пруд Дхамма, Ананда, был выложен плитками четырех родов: одни плитки из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя.

В лотосовом пруду, Ананда, было двадцать четыре лестницы четырех родов: одни лестницы из золота, одни — из серебра, одни — из бериллов, одни — из хрусталя. У лестниц из золота были колонны из золота, а перила и верхние украшения — из серебра. У лестниц из серебра были колонны из серебра, а перила и верхние украшения — из золота. У лестниц из бериллов были колонны из бериллов, а перила и верхние украшения — из хрусталя. У лестниц из хрусталя были колонны из хрусталя, а перила и верхние украшения — из бериллов.

Лотосовый пруд Дхамма, Ананда, был окружен двумя решетками: одна решетка из золота, одна — из серебра. У решетки из золота были колонны из золота, а перила и верхние украшения — из серебра. У решетки из серебра были колонны из серебра, а перила и верхние украшения — из золота.

1.32. Лотосовый пруд Дхамма, Ананда, был окружен семью рядами пальм. Один ряд пальм из золота, один — из серебра, один — из бериллов, один — из

хрусталя, один — из рубинов, один — из изумрудов, один — из всех [видов] драгоценностей. У пальм из золота были стволы из золота, а листья и плоды — из серебра. У пальм из серебра были стволы из серебра, а листья и плоды — из золота. У пальм из бериллов были стволы из бериллов, а листья и плоды — из хрусталя. У пальм из хрусталя были стволы из хрусталя, а листья и плоды — из бериллов. У пальм из рубинов были стволы из рубинов, а листья и плоды — из изумрудов. У пальм из изумрудов были стволы из изумрудов, а листья и плоды — из рубинов. У пальм из всех [видов] драгоценностей были стволы из всех [видов] драгоценностей, и листья и плоды — из всех [видов] драгоценностей. И вот, Ананда, когда ветер колебал эти ряды пальм, то возникал звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий. Подобно тому, Ананда, как от музыки пяти видов, хорошо исполняющейся, хорошо отбиваемой, сыгранной искусными [музыкантами], возникает звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий, так же точно, Ананда, когда ветер колебал эти ряды пальм, то возникал звук — приятный, восхитительный, сладкий, опьяняющий. И те, Ананда, бродяги, пьяницы, любители выпить, которые находились в то время в царской столице Кусавати, развлекались под эти звуки, когда ветер колебал ряды пальм.

1.33. И вот, Ананда, когда и дворец Дхамма, и лотосовый пруд Дхамма были завершены, царь Махасудассана удовлетворил все желания отшельников из отшельников, бывших в почете, и брахманов из брахманов, бывших в почете в то время, и взошел во дворец Дхамма».

[Окончен] первый раздел поучения.

2.1. «И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Какого же моего действия, совершенного в [предыдущих рожденьях], этот плод, какого же действия созревший [плод], что и ныне столь великой силы, столь великого могущества?“

И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Ведь то, что я ныне столь великой силы, столь великого могущества — это плод трех моих действий, [совершенных в предыдущих рожденьях], созревший [плод] трех действий, а именно: даяния, самообуздания, воздержания“.

2.2. И тогда, Ананда, царь Махасудассана приблизился к покоям Махавьюха и, приблизившись, стал у входа в покои Махавьюха и взволнованно воскликнул: „Остановитесь [здесь], помыслы чувственности! Остановитесь, помыслы злонамеренности! Остановитесь, помыслы насилия! Не идите дальше, помыслы чувственности! Не идите дальше, помыслы злонамеренности! Не идите дальше, помыслы насилия!“

2.3. И тогда, Ананда, царь Махасудассана вступил в покои Махавьюха, уселся на ложе из золота и, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достиг первой ступени созерцания — связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, — и стал пребывать [в ней]. Подавив

устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достиг второй ступени созерцания — несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, — и стал пребывать [в ней]. Отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое достойные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — он достиг третьей ступени созерцания и стал пребывать [в ней]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достиг четвертой ступени созерцания — лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, — и стал пребывать [в ней].

2.4. И затем, Ананда, царь Махасудассана, вышел из покоев Махавьюха, вступил в покои из золота, уселся на ложе из серебра и так пребывал, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненный дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывал, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны. Он пребывал, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны. Он пребывал, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны.

2.5. У царя Махасудассаны, Ананда, было восемьдесят четыре тысячи городов во главе с царской столицей Кусавати.

Было восемьдесят четыре тысячи дворцов во главе с дворцом Дхамма.

Было восемьдесят четыре тысячи покоев во главе с покоем Махавьюха.

Было восемьдесят четыре тысячи лож — из золота, из серебра, из слоновой кости, из превосходного дерева, устланных пышным руном, устланных шерстяными покрывалами, украшенными цветами, с подстилками из кожи антилопы кадали, покрывалами с балдахином, с красными подушками у изголовья и в ногах.

Было восемьдесят четыре тысячи слонов с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем слонов Упосатхой.

Было восемьдесят четыре тысячи коней с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем коней Валахакой.

Было восемьдесят четыре тысячи колесниц, усланных львиными шкурами, усланных тигровыми шкурами, усланных леопардовыми шкурами, усланных желтыми покрывалами, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с колесницей Веджаянта.

Было восемьдесят четыре тысячи драгоценностей во главе с драгоценностью-сокровищем.

Было восемьдесят четыре тысячи женщин во главе с царицей Субхаддой.

Было восемьдесят четыре тысячи домоправителей во главе с домоправителем-сокровищем.

Было восемьдесят четыре тысячи подчиненных [ему] кшатриев во главе с наставником-сокровищем.

Было восемьдесят четыре тысячи коров в убранстве из дукулы, с бронзовыми подойниками.

Было восемьдесят четыре тысячи мириад одежд из тонкого льна, из тонкого хлопка, из тонкого шелка, из тонкой шерсти.

Было восемьдесят четыре тысячи блюд, в которых утром и вечером подавался в пищу рис с молоком.

2.6. И в это время, Ананда, к царю Махасудассане утром и вечером приближались для службы восемьдесят четыре тысячи слонов. И тогда, Ананда, царь Махасудассана подумал так: „Эти восемьдесят четыре тысячи слонов утром и вечером приближаются ко мне для службы. Пусть же теперь через каждые сто лет [ко мне] по очереди приближаются для службы по сорок две тысячи слонов“.

И тогда, Ананда, царь Махасудассана обратился к наставнику-сокровищу. „Дорогой наставник-сокровище, эти восемьдесят четыре тысячи слонов утром и вечером приближаются ко мне для службы. Пусть же, дорогой наставник-сокровище, через каждые сто лет ко мне по очереди приближаются для службы по сорок две тысячи слонов“.

„Хорошо, Божественный“, — так, Ананда, согласился с царем Махасудассаной наставник-сокровище. И вот, Ананда, с того времени к царю Махасудассане через каждые сто лет по очереди стали приближаться для службы по сорок две тысячи слонов.

2.7. И вот, Ананда, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих сотен тысяч лет царица Субхадда подумала так: „Давно не видела я царя Махасудассану, поэтому теперь я приближусь, чтобы лицезреть царя Махасудассану“.

И тогда, Ананда, царица Субхадда обратилась к прислужницам покоев: „Идите, омойте голову и оденьте желтые одежды — давно не видели мы царя Махасудассану, и мы приблизимся, чтобы лицезреть царя Махасудассану“.

„Хорошо, госпожа“, — так, Ананда, согласились с царицей Субхаддой прислужницы покоев, омыли головы, одели желтые одежды и приблизились к царице Субхадде.

И тогда, Ананда, царица Субхадда обратилась к наставнику-сокровищу: „Дорогой наставник-сокровище, снаряди четырехчастное войско. Давно не видели мы царя Махасудассану и приблизимся, чтобы лицезреть царя Махасудассану“.

„Хорошо, царица“, — так, Ананда, согласился с царицей Субхаддой наставник-сокровище и, снарядив четырехчастное войско, сообщил царице Субхадде: „Царица, для тебя снаряжено четырехчастное войско — [делай] теперь, как считаешь нужным“.

И тогда, Ананда, царица Субхадда вместе с четырехчастным войском приблизилась с прислужницами покоев ко дворцу Дхамма; приблизившись, она вошла во дворец Дхамма и приблизилась к покоям Махавьюха; приблизившись, она остановилась, прислонясь к дверному косяку у покоев Махавьюха.

2.8. И тогда, Ананда, царь Махасудассана [подумал]: „Что это за шум, словно от большой группы людей?“ И выйдя из покоев Махавьюха, он увидел царицу Субхадду, которая стояла прислонясь к дверному косяку. Увидя царицу Субхадду, он сказал так: „Стой здесь, царица, не входи!“

2.9. И тогда, Ананда, царь Махасудассана обратился к одному слуге: „Эй, слуга, иди, принеси из покоев Махавьюха ложе из золота и приготовь его в пальмовой роще, что вся из золота“.

„Хорошо, Божественный“, — так, Ананда, согласился с царем Махасудассаной этот слуга, принес из покоев Махавьюха ложе из золота и приготовил его в пальмовой роще, что была вся из золота.

И тогда, Ананда, царь Махасудассана лег, словно лев, на правый бок, положив ногу на ногу, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

2.10. И тогда, Ананда, царица Субхадда подумала так: „Как спокойны жизненные силы царя Махасудассаны, как чист и светел цвет кожи. Да не окончат свои дни царь Махасудассана!“

И она так сказала царю Махасудассане:

„Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи городов во главе с царской столицей Кусавати — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жадной жизни!“

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи дворцов во главе с дворцом Дхамма — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жадной жизни!“

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи покоев во главе с покоями Махавьюха — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жадной жизни!“

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи лож — из золота, из серебра, из слоновой кости, из превосходного дерева, — устланных пышным руном, устланных шерстяными покрывалами, украшенными цветами, с подстилками из кожи антилопы кадали, покрывалами с балдахинном, с красными подушками у изголовья и в ногах — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жадной жизни!“

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи слонов с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с

царем слонов Упосатхой — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи коней, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем коней Валахакой — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи колесниц, устных левыми шкурами, устных тигровыми шкурами, устных леопардовыми шкурами, устных желтыми покрывалами, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с колесницей Веджянты — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи драгоценностей во главе с драгоценностью-сокровищем — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи женщин во главе с женщиной-сокровищем — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи домоправителей во главе с домоправителем-сокровищем — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи подчиненных [тебе] кшатриев во главе с наставником-сокровищем — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи коров в убранстве из дukuлы, с бронзовыми подоюниками — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи мириад одежд из тонкого льна, из тонкого хлопка, из тонкого шелка, из тонкой шерсти — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи блюд, в которых утром и вечером подается в пищу рис с молоком, — восстань же, Божественный, пробуди [в себе] желание, исполнись жаждой жизни!“

2.11. Когда, Ананда, так было сказано, царь Махасудассана так сказал царице Субхадде: „Долгое время ты обращалась ко мне, царица, с желанными, милыми, приятными [словами] — теперь же, в последний раз ты обращаешься ко мне с нежеланными, немилыми, неприятными“.

„Как же тогда, Божественный, мне обращаться к тебе?“

„Вот как, царица, тебе надо обращаться ко мне: ‘Все дорогое и приятное [нам], Божественный, многообразно, подлежит отделению [от нас], непостоянно по природе. Не оканчивай же свои дни, Божественный, в жажде. Несчастлив окончивший свои дни в жажде, достоин осуждения окончивший свои дни в жажде!“

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи городов во главе с царской столицей Кусавати — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи дворцов во главе с дворцом Дхамма — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи покоев во главе с покоями Махавьюха — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи лож — из золота, из серебра, из слоновой кости, из превосходного дерева, устланных пышным руном, устланных шерстяными покрывалами, украшенными цветами, с подстилками из кожи антилопы кадали, покрывалами с балдахином, с красными подушками у изголовья и в ногах — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи слонов с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем слонов Упосатхой — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи коней, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем коней Валахакой — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи колесниц, устланных львиными шкурами, устланных тигровыми шкурами, устланных леопардовыми шкурами, устланных желтыми покрывалами, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с колесницей Веджаянта — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи драгоценностей во главе с драгоценностью-сокровищем — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи женщин во главе с царицей Субхаддой — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи домоправителей во главе с домоправителем-сокровищем — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи подчиненных [тебе] кшатриев во главе с наставником-сокровищем — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи коров в убранстве из дукулы, с бронзовыми подоюниками — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадной жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи мириад одежд из тонкого льна, из тонкого хлопка, из тонкого шелка, из тонкой шерсти — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи блюд, в которых утром и вечером подается в пищу рис с молоком, — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!”“

2.12. Когда, Ананда, так было сказано, царица Субхадда заплакала и залилась слезами. И вот, Ананда, вытерев слезы, царица Субхадда так сказала царю Махасудассане: „Все дорогое и приятное [нам], Божественный, многообразно, подлежит отделению [от нас], непостоянно по природе. Не оканчивай же свои дни, Божественный, в жажде. Несчастлив окончивший свои дни в жажде, достоин осуждения окончивший свои дни в жажде!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи городов во главе с царской столицей Кусавати — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи дворцов во главе с дворцом Дхамма — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи покоев во главе с покоями Махавьюха — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи лож — из золота, из серебра, из слоновой кости, из превосходного дерева, устланных пышным руном, устланных шерстяными покрывалами, украшенными цветами, с подстилками из кожи антилопы кадали, покрывалами с балдахинном, с красными подушками у изголовья и в ногах — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи слонов с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем слонов Упосатхой — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи коней, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем коней Валахакой — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи колесниц, устланных львиными шкурами, устланных тигровыми шкурами, устланных леопардовыми шкурами, устланных желтыми покрывалами, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с колесницей Веджаянта — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи драгоценностей во главе с драгоценностью-сокровищем — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи женщин во главе с царицей Субхаддой — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи домоправителей во главе с домоправителем-сокровищем — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи подчиненных [тебе] кшатриев во главе с наставником-сокровищем — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи коров в убранстве из дukuлы, с бронзовыми подойниками — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи мириад одежд из тонкого льна, из тонкого хлопка, из тонкого шелка, из тонкой шерсти — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!

Твои, Божественный, эти восемьдесят четыре тысячи блюд, в которых утром и вечером подается в пищу рис с молоком, — восстань же, Божественный, откажись от желаний, не исполняйся жадой жизни!“

2.13. И вскоре вслед за тем, Ананда, царь Махасудассана окончил свои дни. Подобно тому, Ананда, как у домоправителя или сына домоправителя, отведавшего приятной пищи, наступает дремота от пищи, так же точно, Ананда, у царя Махасудассаны с приближением смерти произошло с ощущениями. Окончив свои дни, Ананда, царь Махасудассана вновь родился в счастливом мире Брахмы. Восемьдесят четыре тысячи лет царь Махасудассана, Ананда, жил царевичем среди радостей, восемьдесят четыре тысячи лет был наместником царя, восемьдесят четыре тысячи лет был царем, восемьдесят четыре тысячи лет жил домохозяином, ведя целомудренную жизнь во дворце Дхамма. Наделенный четырьмя высшими состояниями он с распадом тела после смерти вступил в мир Брахмы.

2.14. Может быть, Ананда, ты подумаешь так: „Ведь в то время царем Махасудассаной был некто иной“. — Не надо, Ананда, так полагать об этом. Я в то время был царем Махасудассаной.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи городов во главе с царской столицей Кусавати.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи дворцов во главе с дворцом Дхамма.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи покоев во главе с покоями Махавьюха.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи лож — из золота, из серебра, из слоновой кости, из превосходного дерева, устланных пышных руном, устланных шерстяными покрывалами, украшенными цветами, с подстилками из кожи антилопы кадали, покрывалами с балдахином, с красными подушками у изголовья и в ногах.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи слонов с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем слонов Упосатхой.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи коней с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с царем коней Валахакой.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи колесниц, устланных львиными шкурами, устланных тигровыми шкурами, устланных леопардовыми шкурами, устланных желтыми покрывалами, с украшениями из золота, со стягами из золота, покрытых позолоченными сетками, во главе с колесницей Веджаянта.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи драгоценностей во главе с драгоценностью-сокровищем.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи женщин во главе с царицей Субхаддой.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи домоправителей во главе с домоправителем-сокровищем.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи подчиненных [мне] кшатриев во главе с наставником-сокровищем.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи коров в убранстве из дукулы, с бронзовыми подоюниками.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи мириад одежд из тонкого льна, из тонкого хлопка, из тонкого шелка, из тонкой шерсти.

Моими были те восемьдесят четыре тысячи блюд, в которых утром и вечером подавался в пищу рис с молоком.

2.15. Из тех восьмидесяти четырех тысяч городов, Ананда, был один город, в котором я в то время пребывал, — это царская столица Кусавати.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч дворцов, Ананда, был один дворец, в котором я в то время пребывал, — это дворец Дхамма.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч покоев, Ананда, были одни покои, в которых я в то время пребывал, — это покои Махавьюха.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч лож, Ананда, было [всякий раз какое-нибудь] одно ложе, которым я в то время наслаждался, — это [было ложе] из золота, или из серебра, или из слоновой кости, или из превосходного дерева.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч слонов, Ананда, был один слон, на которого я в то время поднимался, — это царь слонов Упосатха.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч коней, Ананда, был один конь, на которого я в то время поднимался, — это царь коней Валахака.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч колесниц, Ананда, была одна колесница, на которую я в то время поднимался, — это колесница Веджаянта.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч женщин, Ананда, была [всякий раз какая-нибудь] одна женщина, которая в то время была к моим услугам, — кшатрийка или вайшийка.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч мириад одежд, Ананда, была [всякий раз какая-нибудь] одна пара одежд, которую я в то время надевал, — из тонкого льна, или из тонкого хлопка, или из тонкого шелка, или из тонкой шерсти.

Из тех восьмидесяти четырех тысяч блюд, Ананда, было одно блюдо, из которого я вкушал горсть превосходного вареного риса и принадлежащий к нему навар.

2.16. Смотри же, Ананда — все это, [будучи] составленным, прошло, уничтожилось, изменилось. Столь непостоянно, Ананда, составленное, столь нестойко, Ананда, составленное, столь неверно, Ананда, составленное, что право же, Ананда, следует отказаться, право же, следует отвратиться, право же, следует освободиться от всего составленного.

2.17. Вот я вспоминаю, Ананда, как на этом месте шесть раз было погребено [мое] тело. И когда я жил царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правившим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами, то тело [мое] было погребено в седьмой раз. И вот, Ананда, я не вижу в мирах богов, Мары, Брахмы, в мире отшельников и брахманов, среди богов и людей места, где бы тело Татхагаты могло быть погребено в восьмой раз».

Так сказал Благостный и, сказав так, Счастливый, учитель сказал еще:

«Непостоянно [все] составленное, рожденные подвержены старению;
Родившись, они уничтожаются, счастье их — в умиротворенности».

Окончена «Махасудассана-сутта».

XVIII. «Джанавасабха-сутта» («Сутта о Джанавасабхе»)

1. Вот, что я слышал: Однажды Благостный пребывал в Надике, в обители из кирпичей. И в это самое время Благостный разъяснял, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из окрестных стран — касийцев, косалов, ваджджийцев, маллов, четийцев, вансов, куру, панчалов, маччхов, сура-сенов: «Такой-то возродился там, такой-то возродился там. Более пятидесяти умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от пяти уз низшего порядка, стали самопроизвольно родившимися [в высшем мире], достигшими там освобождения, не подверженными возвращению из того мира. Свыше девяноста умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, стали единожды возвращающимися, которые, вернувшись еще раз в этот мир, положат конец страданию. Пятьсот с лишним умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, стали вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению».

2. И вот последователи из Надики услышали: «Ведь Благостный разъясняет, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из окрестных стран — касийцев, косалов, ваджджийцев, маллов, четийцев, вансов, куру, панчалов, маччхов, сура-сенов: „Такой-то возродился там, такой-то возродился там. Более пятидесяти умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от пяти уз низшего порядка, стали самопроизвольно родившимися [в высшем мире], достигшими там освобождения, не подверженными возвращению из того мира. Свыше девяноста умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, стали единожды возвращающимися, которые, вернувшись еще раз в этот мир, положат конец страданию. Пятьсот с лишним умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, стали вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению“».

И услышав эти ответы Благостного на вопросы, последователи из Надики были удовлетворены, обрadowаны, исполнились радости и веселья.

3. И вот достопочтенный Ананда услышал: «Ведь Благостный разъясняет, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из окрестных стран — касийцев, косалов, ваджджийцев, маллов, четийцев, вансов, куру, панчалов, маччхов, сурасенов: „Такой-то возродился там, такой-то возродился там. Более пятидесяти умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от пяти уз низшего порядка, стали самопроизвольно родившимися [в высшем мире], достигшими там освобождения, не подверженными возвращению из того мира. Свыше девяноста умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, стали единожды возвращающимися, которые, вернувшись еще раз в этот мир, положат конец страданию. Пятьсот с лишним умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, стали вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению“».

И услышав эти ответы Благостного на вопросы, последователи из Надики были удовлетворены, обрadowаны, исполнились радости и веселья.

4. И тогда достопочтенный Ананда подумал так: «Было ведь и много последователей из Магадхи — давно признанных, которые умерли, окончили свои дни, а между тем может показаться, что Анга и Магадха лишены последователей из Магадхи, умерших, окончивших свои дни. И они тоже уверовали в Будду, уверовали в дхамму, уверовали в сангху, исполняли заповеди нравственности. Благостный не разъяснил [участь] этих умерших, окончивших свои дни, и хорошо было бы разъяснить это — тогда многие люди уверуют и достигнут счастья. Был также и царь Магадхи Сеня Бимбисара, добродетельный царь добродетели, благодетельствовавший брахманам, домоправителям, и горожанам, и деревенским жителям. Вот и люди распространяют о нем славу: „Окончил свои дни этот добродетельный царь добродетели, доставлявший нам счастье. Сколь благополучно жили мы под властью этого добродетельного царя добродетели!“ И он тоже уверовал в Будду, уверовал в дхамму, уверовал в сангху, исполнял заповеди нравственности. Вот и люди говорили так: „Царь Магадхи Сеня Бимбисара, окончивший свои дни, до самого часа смерти славил Благостного“. Благостный не разъяснил [участь] этого [царя], умершего, окончившего свои дни, и хорошо было бы разъяснить это — тогда многие люди уверуют и достигнут счастья. Ведь и просветление Благостного произошло среди жителей Магадхи. А раз просветление Благостного произошло среди жителей Магадхи, то неужели Благостный не разъяснит, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из Магадхи? Ведь если Благостный не разъяснит, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из Магадхи, то от этого последователи из Магадхи будут несчастны. Если же от этого последователи из Магадхи будут несчастны, то неужели Благостный не разъяснит этого?»

5. И поразмыслив так в уединении о последователях из Магадхи, достопочтенный Ананда поднялся на заре и приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И вот, сидя в стороне, достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Я слышал так, господин: „Благостный разъясняет, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из окрестных стран — касийцев, косалов, ваджджийцев, маллов, четгийцев, вансов, куру, панчалов, маччхов, сурасенов: ‘Такой-то возродился там, такой-то возродился там. Более пятидесяти умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от пяти уз низшего порядка, стали самопроизвольно родившимися [в высшем мире], достигшими там освобождения, не подверженными возвращению из того мира. Свыше девяноста умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, стали единожды возвращающимися, которые, вернувшись еще раз в этот мир, положат конец страданию. Пятьсот с лишним умерших, окончивших свои дни последователей из Надики, избавившись от трех уз, стали вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению’. И услышав эти ответы Благостного на вопросы, последователи из Надики были удовлетворены, обрадованы, исполнились радости и веселья“.

6. Но было ведь, господин и много последователей из Магадхи — давно признанных, которые умерли, окончили свои дни, а между тем может показаться, что Анга и Магадха лишены последователей из Магадхи, умерших, окончивших свои дни. И они тоже, господин, уверовали в Будду, уверовали в дхамму, уверовали в сангху, исполняли заповеди нравственности. Благостный не разъяснил [участь] этих умерших, окончивших свои дни, и хорошо было бы разъяснить это — тогда многие люди уверуют и достигнут счастья. Был также и царь Магадхи Сеня Бимбисара, добродетельный царь добродетели, благодетельствовавший брахманам, домоправителям, и горожанам, и деревенским жителям. Вот и люди распространяют о нем славу: „Окончил свои дни этот добродетельный царь добродетели, доставлявший нам счастье. Сколь благополучно жили мы под властью этого добродетельного царя добродетели!“ И он тоже, господин, уверовал в Будду, уверовал в дхамму, уверовал в сангху, исполнял заповеди нравственности. Вот и люди говорили так: „Царь Магадхи Сеня Бимбисара, окончивший свои дни, до самого часа смерти славил Благостного“. Благостный не разъяснил [участь] этого [царя], умершего, окончившего свои дни, и хорошо было бы разъяснить это — тогда многие люди уверуют и достигнут счастья. Ведь и просветление Благостного произошло среди жителей Магадхи. А раз просветление Благостного произошло среди жителей Магадхи, то неужели Благостный не разъяснит, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из Магадхи? Ведь если Благостный не разъяснит, как возродились [его] умершие, окончившие свои дни последователи из Магадхи, то от этого последователи из Магадхи будут несчастны. Если же от этого последователи из Магадхи будут несчастны, то неужели Благостный не разъяснит этого?»

Сказав так Благостному о последователях из Магадхи, достопочтенный Ананда поднялся с сиденья, приветствовал Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалился.

7. И вот вскоре после того как достопочтенный Ананда удалился, Благостный оделся утром, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и отправился в Нади-

ку за милостыней. Пройдя по Надике за милостыней, он после еды возвратился с пищей, [собранный] в чашу для милостыни, омыл ноги, вступил в обитель из кирпичей и уселся на предложенное сиденье, размышляя, устремив ум и сосредоточив все внимание на последователях из Магадхи, [и говоря себе]: «Я узнаю их путь и судьбу в будущем существовании — каков путь этих досточтимых, какова судьба в будущем существовании». И вот Благодный увидел, каков путь этих досточтимых последователей из Магадхи, какова судьба в будущем существовании. И тогда Благодный, оставив вечером свое уединение, покинул обитель из кирпичей и уселся на предложенное сиденье в тени обители.

8. И тогда достопочтенный Ананда приблизился к Благодному; приблизившись, он приветствовал Благодного и сел в стороне. И, сидя в стороне, достопочтенный Ананда так сказал Благодному: «Господин, Благодный выглядит успокоенным, черты лица Благодного словно излучают сияние благодаря удовлетворенности жизненных сил. Несомненно, господин, сегодня Благодный провел время спокойно».

9. «Когда, Ананда, сказав мне о последователях из Магадхи, ты поднялся с сиденья и удалился, я прошел по Надике за милостыней, после еды возвратился с пищей, [собранный] в чашу для милостыни, омыл ноги, вступил в обитель из кирпичей и уселся на предложенное сиденье, размышляя, устремив ум и сосредоточив все внимание на последователях из Магадхи, [и говоря себе]: „Я узнаю их путь и судьбу в будущем существовании — каков путь этих досточтимых, какова судьба в будущем существовании“. И вот, Ананда, я увидел, каков путь этих досточтимых последователей из Магадхи, какова судьба в будущем существовании. И тогда, Ананда, я услышал голос невидимого яккхи: „Благодный, я — Джанавасабха, Счастливый, я — Джанавасабха“. Не помнишь ли, Ананда, чтобы ты слышал прежде подобное имя — Джанавасабха?».

«Не помню, господин, чтобы я слышал прежде подобное имя — Джанавасабха. Даже волоски задрожали у меня, господин, когда я услышал имя Джанавасабха. И вот, господин, я думаю, что несомненно, не ничтожен тот яккха, который носит подобное имя — Джанавасабха».

10. «После того, Ананда, как послышался голос, передо мной явился этот яккха, превосходный обликом. И во второй раз я услышал голос: „Благодный, я — Бимбисара, Счастливый, я — Бимбисара. Вот, господин, в седьмой раз я возродился спутником великого царя Вессаваны. Оставив существование земным царем, я стал неземным царем на небе.

Семь до того, семь после того — о четырнадцати переходах из одного существования в другое,
О прожитых мною прежде существованиях знаю я.

Давно уже, господин, я, не подверженный страданию, осознаю [свою] неподверженность страданию. И вот у меня возникло стремление стать единожды возвращающимся“».

«Чудесно [сказанное] достопочтенным яккхой Джанавасабхой, необычайно [сказанное] достопочтенным яккхой Джанавасабхой! Ты говоришь: „Давно уже, господин, я, не подверженный страданию осознаю [свою] неподверженность страданию“ и говоришь: „И вот у меня возникло стремление стать единожды возвращающимся“. По какой же причине достопочтенный яккха Джанавасабха осознаёт подобное достижение — [столь] превосходное и особое?»

11. «Не иначе, Благодный, как благодаря твоему наставлению, не иначе, Счастливый, как благодаря твоему наставлению. С того времени, господин, как я всецело уверовал в Благодного, с того времени, давно уже, господин, я, не подверженный страданию, осознаю [свою] неподверженность страданию, и вот у меня возникло стремление стать единожды возвращающимся. Вот, господин, я был послан по некоторому делу великим царем Вессаваной к великому царю Вирулхаке и на пути увидел, как Благодный вступил в обитель из кирпичей и уселся, размышляя, устремив ум и сосредоточив все внимание на последователях из Магадхи, [говоря себе]: „Я узнаю их путь и судьбу в будущем существовании — каков путь этих досточтимых, какова судьба в будущем существовании“. И ведь чудесно, господин, что когда великий царь Вессавана говорил о собрании, я из [его] уст услышал, из [его] уст воспринял, каков путь этих досточтимых, какова судьба в будущем существовании. Тогда, господин, я подумал так: „Я увижу Благодного и передам это Благодному“. Таковы, господин, две причины, по которым я пришел увидеть Благодного.

12. В далекие, очень далекие времена, господин, в тот день упосатхи, [что перед] пятнадцатым [днем месяца, когда] приближается дождливое время, в ночь полнолуния все тридцать три бога, собравшись, сидели вместе в зале Судхамма, и со всех сторон сидело великое божественное собрание, и с четырех сторон сидели четыре Великих царя. С восточной стороны, лицом к западу, сидел Великий царь Дхатараттха, чтимый богами. С южной стороны, лицом к северу, сидел Великий царь Вирулхака, чтимый богами. С западной стороны, лицом к востоку, сидел Великий царь Вирупаккха, чтимый богами. С северной стороны, лицом к югу, сидел Великий царь Вессавана, чтимый богами. И когда, господин, все тридцать три бога, собравшись, сидели вместе в зале Судхамма, и со всех сторон сидело великое божественное собрание, и с четырех сторон сидели четыре Великих царя, то таковы были их сиденья. А за ними были наши сиденья. И те боги, господин, которые, ведя целомудренную жизнь, недавно родились в сонме тридцати трех, затмевали других богов красотой и славой. И тридцать три бога, господин, были удовлетворены этим, довольны, исполнены радости и веселья, [говоря]: „Поистине, божественные сонмы возрастают и уменьшаются сонмы асуров“.

13. И тогда, господин, повелитель богов Сакка, видя удовлетворение тридцати трех богов, выразил свою радость такими строфами:

„Поистине, радуются тридцать три бога вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благодсть дхаммы;
Смотря на новых богов, прекрасных, славных,

Ведших целомудренную жизнь при Счастливом и пришедших сюда.
Они затмевают других красотой, славой, долголетием —
Ученики Великомудрого, достигшие здесь отличия.
Видя это, веселятся тридцать три [бога] вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благость дхаммы“.

И тридцать три бога, господин, были еще в большей мере удовлетворены этим, довольны, исполнены радости и веселья, [говоря]: „Поистине, божественные сонмы возрастают и уменьшаются сонмы асуров“.

14. И тогда, господин, подумав о той цели и обсудив ту цель, ради которой они, собравшись, уселись вместе в зале Судхамма, тридцать три бога произнесли слова об этой цели четверем Великим царям, наставили словами об этой цели четырех Великих царей, которые, не уходя, пребывали на своих сиденьях:

Восприняв произнесенную речь, [восприняв] наставления, эти цари,
Успокоившись сердцем, пребывали на своих сиденьях.

15. И тогда, господин, великий свет родился с северной стороны, открылось сияние, превосходящее Божественный блеск богов. И вот, господин, повелитель богов Сакка обратился к тридцати трем богам: „Когда, досточтимые, появляются знамения, рождается свет, открывается сияние, то тогда открывается Брахма. Ведь знамения, предшествующие откровению Брахмы, таковы, что рождается свет и открывается сияние.

Когда являются знамения, то открывается Брахма.
Ведь великое, могучее сияние — это знамение Брахмы“.

16. И тогда, господин, тридцать три бога уселись на свои сиденья, [говоря]: „Узнаем, каков будет плод этого сияния — испытав [это], мы выйдем к нему [навстречу]“.

А четыре Великих царя также уселись на свои сиденья, [говоря]: „Узнаем, каков будет плод этого сияния — испытав [это], мы выйдем к нему [навстречу]“. Слыша это, тридцать три бога все сошлись [во мнении]: „Узнаем, каков будет плод этого сияния — испытав [это], мы выйдем к нему [навстречу]“.

17. Когда, господин, Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, он открывается приняв грубый облик. Ведь естественный вид Брахмы, господин, не достигает пределов зрения тридцати трех богов. Когда, господин, Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, он затмевает других богов красотой и славой. Подобно тому, господин, как золотая фигура затмевает человеческую фигуру, так же точно, господин, когда Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, он затмевает других богов красотой и славой. Когда, господин, Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, то ни один бог в этом собрании ни приветствует его, ни поднимается, ни предлагает сиденье —

все пребывают в безмолвии и сидят, сложив ладони и скрестив под собой ноги, [с мыслью]: „Брахма Сананкумара усядется на ложе того бога, которого он сейчас изберет“. И вот, господин, на чье ложе усаживается Брахма Сананкумара, тот бог обретает великое одушевление, тот бог обретает великое удовлетворение. Подобно тому, господин, как царь, повелитель, недавно увенчанный и помазанный на царство, обретает великое одушевление, обретает великое удовлетворение, так же точно, господин, на чье ложе усаживается Брахма Сананкумара, тот бог обретает великое одушевление, тот бог обретает великое удовлетворение.

18. И вот, господин, Брахма Сананкумара, приняв грубый облик, в виде юноши Панчасикхи, открылся тридцати трем богам. И поднявшись в воздух, он уселся в воздушном пространстве, скрестив под собой ноги. Подобно тому, господин, как сильный человек мог бы, скрестив под собой ноги, усестись на хорошо разостланном ложе или на ровной поверхности земли, так же точно, господин, Брахма Сананкумара, поднявшись в воздух, уселся в воздушном пространстве, скрестив под собой ноги. И видя удовлетворение тридцати трех богов, он выразил свою радость такими строфами:

„Поистине, радуются тридцать три бога вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благодать дхаммы;
Смотря на новых богов, прекрасных, славных,
Ведших целомудренную жизнь при Счастливом и пришедших сюда.
Они затмевают других красотой, славой, долголетием —
Ученики Великомудрого, достигшие здесь отличия.
Видя это, веселятся тридцать три [бога] вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благодать дхаммы“.

19. Так Брахма Сананкумара, господин, стал говорить об этом деле. И у Брахмы Сананкумары, господин, говорящем об этом деле, голос был наделен восемью свойствами: отчетливый, понятный, красивый, приятный для слуха, связанный, непрерывающийся, глубокий, звучный. Когда Брахма Сананкумара, господин, обращается этим голосом к собранию, то звук его [голоса] не выходит за пределы собрания. И вот, господин, чей голос наделен этими восемью свойствами, тот зовется обладающим голосом Брахмы.

20. И тогда, господин, Брахма Сананкумара, принял тридцать три облика, уселся на каждое из лож тридцати трех богов, скрестив под собой ноги, и обратился к тридцати трем богам:

„Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь этот Благостный действовал ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. И вот почтенные, те, кто нашли прибежище у Будды, нашли прибежище у дхаммы, нашли прибежище у сангхи, те, исполнив заповеди нравственности, с распадом тела после смерти [рождаются вновь, и] некоторые рождаются в свите богов параниммита-васаваитти, некоторые рождаются в свите богов нимманарати, неко-

торые рождаются в свите богов тусита, некоторые рождаются в свите богов яма, некоторые рождаются в свите тридцати трех богов, некоторые рождаются в свите богов — четырех Великих царей. Те, кто составляют самый низший сонм, составляют сонм гандхаббов“.

21. Так Брахма Сананкумара, господин, стал говорить об этом деле. И у Брахмы Сананкумары, господин, говорящем об этом деле, звук [голоса был таков], что каждый бог подумал: „Говорит один лишь тот, кто находится на моем ложе“.

Когда один говорит, то все говорят совместно;

Когда один пребывает в безмолвии, то все пребывают в безмолвии.

И вот тридцать три бога вместе с их повелителем думают тогда:

„Говорит один лишь тот, кто находится на моем ложе“.

22. И тогда Брахма Сананкумара, господин, поместился в стороне, и, поместившись в стороне, он уселся на ложе повелителя богов Сакки и обратился к тридцати трем богам:

„Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным ради умножения сверхъестественных способностей, ради развития сверхъестественных способностей, ради использования сверхъестественных способностей хорошо постигнуты эти четыре основания сверхъестественных способностей. Каковы же эти четыре? Вот, почтенные, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из стремления в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Вот, почтенные, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из усердия в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Вот, почтенные, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из ума в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Вот, почтенные, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из исследования в сочетании с сосредоточенностью и усилием. И вот, почтенные, этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным хорошо постигнуты эти четыре основания сверхъестественных способностей ради умножения сверхъестественных способностей, ради развития сверхъестественных способностей, ради использования сверхъестественных способностей. Ибо те отшельники или брахманы, почтенные, которые в прошедшие времена осуществляли различные виды сверхъестественных способностей, — все они усердно применяли эти четыре основания сверхъестественных способностей. Ибо те отшельники или брахманы, почтенные, которые в будущие времена будут осуществлять различные виды сверхъестественных способностей, — все они будут усердно применять эти четыре основания сверхъестественных способностей. Ибо те отшельники или брахманы, почтенные, которые теперь осуществляют различные виды сверхъестественных способностей, — все они усердно применяют эти четыре основания сверхъестественных способностей. Видите ли вы, почтенные тридцать три бога, и во мне подобное могущество сверхъестественных способностей?“

„Да, Брахма“.

„И я тоже, почтенные, столь велик силой, столь велик могуществом благодаря усердному применению этих четырех оснований сверхъестественных способностей“.

23. Так Брахма Сананкумара, господин, сказал об этом деле. И сказав об этом деле, Брахма Сананкумара, господин, обратился к тридцати трем богам:

„Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным ради достижения счастья постигнуты три очевидных пути. Каковы же эти три?“

Вот, почтенные, некто живет связанный признаками чувственности, связанный с нехорошими свойствами. Со временем он слышит праведную истину, тщательно устремляет [к ней] ум, следует истине во всей ее последовательности. Достигнув слушания праведной истины, тщательного устремления ума, следования истине во всей ее последовательности, он живет не связанный с признаками чувственности, не связанный с нехорошими свойствами. У него, не связанного с признаками чувственности, не связанного с нехорошими свойствами, возникает счастье и удовлетворенность, большая чем счастье. Подобно тому, почтенные, как радость рождает удовлетворение, так же точно, почтенные, у не связанного с признаками чувственности, не связанного с нехорошими свойствами, возникает счастье и удовлетворенность, большая чем счастье. Таков, почтенные, первый очевидный путь, постигнутый ради достижения счастья этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным.

24. И далее, почтенные, вот у кого-либо пребывают неумиротворенными грубые наклонности, [составляющие] тело, пребывают неумиротворенными грубые наклонности, [составляющие] речь; пребывают неумиротворенными грубые наклонности, [составляющие] ум. Со временем он слышит праведную истину, тщательно устремляет [к ней] ум, следует истине во всей ее последовательности. У достигшего слушания праведной истины, тщательного устремления ума, следования истине во всей ее последовательности умиротворяются грубые наклонности, [составляющие] тело, умиротворяются грубые наклонности, [составляющие] речь, умиротворяются грубые наклонности, [составляющие] ум. С умиротворением грубых наклонностей, [составляющих] тело, с умиротворением грубых наклонностей, [составляющих] речь, с умиротворением грубых наклонностей, [составляющих] ум, у него возникает счастье и удовлетворенность, большая чем счастье. Подобно тому, почтенные, как радость рождает удовлетворение, так же точно, почтенные, с умиротворением грубых наклонностей, [составляющих] тело, с умиротворением грубых наклонностей, [составляющих] речь, с умиротворением грубых наклонностей, [составляющих] ум, возникает счастье и удовлетворенность, большая чем счастье. Таков, почтенные, второй очевидный путь, постигнутый ради достижения счастья этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным.

25. И далее, почтенные, вот некто не постигает в согласии с истиной: ‘это хорошо’, не постигает в согласии с истиной: ‘это нехорошо’, не постигает в согла-

сии с истиной: 'это запрещено' — 'это не запрещено', 'это уместно' — 'это неуместно', 'это низко' — 'это возвышенно', 'это напоминает и черное и белое'. Со временем он слышит праведную истину, тщательно устремляет [к ней] ум, следует истине во всей ее последовательности. Достигнув слушания праведной истины, тщательного устремления ума, следования истине во всей ее полноте, он постигает в согласии с истиной: 'это хорошо', постигает в согласии с истиной: 'это нехорошо', постигает в согласии с истиной: 'это запрещено' — 'это не запрещено', 'это уместно' — 'это неуместно', 'это низко' — 'это возвышенно', 'это напоминает и черное и белое'. У него, знающего так, видящего так, исчезает незнание, возникает знание. С прекращением незнания, возникновением знания у него возникает счастье и удовлетворенность, бóльшая чем счастье. Подобно тому, почтенные, как радость рождает удовлетворение, так же точно, почтенные, с прекращением незнания, возникновением знания возникает счастье и удовлетворенность, бóльшая чем счастье. Таков, почтенные, третий очевидный путь, постигнутый ради достижения счастья этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным.

Таковы, почтенные, три очевидных пути, постигнутые ради достижения счастья этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным“.

26. Так Брахма Сананкумара, господин, сказал об этом деле. И, сказав об этом деле, Брахма Сананкумара, господин, обратился к тридцати трем богам:

„Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным ради достижения добра хорошо постигнуты четыре установления способности самосознания. Каковы же эти четыре? Вот, почтенные, монах пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Пребывая внутренне созерцающим тело в [своем] теле, он достигает здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия. Достигнув здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия, он осуществляет [в себе] знание и видение внешних, других тел. Он пребывает внутренне созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Пребывая внутренне созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, он достигает здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия. Достигнув здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия, он осуществляет [в себе] знание и видение внешних, других ощущений. Он пребывает внутренне созерцающим ум в [своем] уме, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Пребывая внутренне созерцающим ум в [своем] уме, он достигает здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия. Достигнув здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия, он осуществляет [в себе] знание и видение внешних, других мыслей. Он пребывает внутренне созерцающим состояния в [постигаемых им] состояниях, усердным, внимательным, наделенным способностью само-

сознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Пребывая внутренне созерцающим состоянием в [воспринимаемых им] состояниях, он достигает здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия. Достигнув здесь надлежащей сосредоточенности, надлежащего спокойствия, он осуществляет [в себе] знание и видение внешних, других состояний.

Таковы, почтенные, четыре установления способности самосознания, постигнутые ради достижения добра этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным“.

27. Так Брахма Сананкумара, господин, сказал об этом деле. И, сказав об этом деле, Брахма Сананкумара, господин, обратился к тридцати трем богам:

„Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь этим Благостным, знающим, видящим, архатом, всецело просветленным ради обретения надлежащей сосредоточенности, ради достижения полной сосредоточенности хорошо постигнуты семь принадлежностей сосредоточенности. Каковы же эти семь? Это надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее поддержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания. И вот, почтенные, та собранность мысли, которая состоит из этих семи частей, зовется, почтенные, праведной, надлежащей сосредоточенностью, наделенной основанием и наделенной [ее] принадлежностями. От надлежащего воззрения, почтенные, возникает надлежащее намерение, от надлежащего намерения возникает надлежащая речь, от надлежащей речи возникает надлежащее действие, от надлежащего действия возникает надлежащее поддержание жизни, от надлежащего поддержания жизни возникает надлежащее усилие, от надлежащего усилия возникает надлежащая способность самосознания, от надлежащей способности самосознания возникает надлежащая сосредоточенность, от надлежащей сосредоточенности возникает надлежащее знание, от надлежащего знания возникает надлежащее освобождение. И кто, почтенные, говоря надлежащее, скажет: 'Хорошо провозглашена Благостным истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, — которую мудрые должны ощутить в своем сердце, [помышляя]: 'Открыты врата бессмертия' — тот скажет это, говоря надлежащее. Ибо Благостным, почтенные, хорошо провозглашена истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, — которую мудрые должны ощутить в своем сердце, [помышляя]: 'Открыты врата бессмертия'“.

Ибо те, почтенные, которые наделены совершенной верой в Будду, наделены совершенной верой в дхамму, наделены совершенной верой в сангху, наделены нравственным поведением, любимы праведниками; те, которые самопроизвольно родились [здесь] сведущие в дхамме, — это двадцать четыре с лишним сотни тысяч умерших, окончивших свои дни последователей из Магадхи, которые, избавившись от трех уз, стали вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению. Есть здесь и единожды возвращающиеся.

Об этом же, другом, мире [существ],
Причастных к заслугам, — я думаю,
Что не могу даже рассказать,
Опасаясь лживой речи“.

28. Так Брахма Сананкумара, господин, сказал об этом деле. И когда Брахма Сананкумара, господин, сказал об этом деле, у Великого царя Вессаваны возникло в уме такое размышление: „Поистине, чудесно, почтенные, поистине, необычайно, почтенные, что [у нас] будет столь великий наставник, столь великая проповедь истины, что преподадут столь великое достижение отличия!“

Тогда, господин, Брахма Сананкумара, постигнув умом размышление, возникшее у Великого царя Вессаваны, так сказал Великому царю Вессаване:

„Как ты думаешь об этом, почтенный Великий царь Вессавана? Ведь и в прошлые времена был столь великий наставник, столь великая проповедь истины, преподавали столь великое достижение отличия. Ведь и в будущие времена будет столь великий наставник, столь великая проповедь истины, преподадут столь великое достижение отличия“».

29. Так Брахма Сананкумара сказал тридцати трем богам об этом деле. И Великий царь Вессавана, услышав это из уст, восприняв из уст Брахмы Сананкумары, говорящего тридцати трем богам, передал об этом деле своему окружению. И яккха Джанавасабха, услышав это из уст, восприняв из уст Великого царя Вессаваны, говорящего своему собранию, передал об этом деле Благостному. И Благостный, услышав это из уст, восприняв из уст яккхи Джанавасабхи и сам познав это, передал об этом деле достопочтенному Ананде. И достопочтенный Ананда, услышав это из уст, восприняв из уст Благостного, передал об этом деле монахам, монахиням, преданным мирянам и преданным мирянкам. И вот это целомудренное учение стало процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся так, чтобы быть хорошо преподаваемым среди людей.

Окончена «Джанавасабха-сутта».

XIX. «Махаговинда-сутта» («Сутта о Махаговинде»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Раджагахе на холме Гиджджакута. И вот с исходом ночи превосходным видом отпрыск гандхаббов Панчасикха, озарив сиянием всю Гиджджакуту, приблизился к Благостному. Приблизившись, он приветствовал Благостного и стал в стороне. И, стоя в стороне, отпрыск гандхаббов Панчасикха так сказал Благостному:

«Что, господин, я слышал из уст, что воспринял из уст тридцати трех богов, то, господин, я передам Благостному».

«Передай мне [это], Панчасикха», — сказал Благостный.

1.2. «В далекие, очень далекие времена, господин, в тот день упасатхи [что перед] пятнадцатым [днем месяца], в праздник Паварана в ночь полнолуния все тридцать три бога, собравшись, сидели вместе в зале Судхамма, и со всех сторон сидело великое божественное собрание, и с четырех сторон сидели четыре Великих царя. С восточной стороны, лицом к западу, сидел Великий царь Дхатараттха, чтимый богами. С южной стороны, лицом к северу, сидел Великий царь Вирулхака, чтимый богами. С западной стороны, лицом к востоку, сидел Великий царь Вирупаккха, чтимый богами. С северной стороны, лицом к югу, сидел Великий царь Вессавана, чтимый богами. И когда, господин, все тридцать три бога, собравшись, сидели вместе в зале Судхамма, и со всех сторон сидело великое божественное собрание, и с четырех сторон сидели четыре Великих царя, то таковы были их сиденья. А за ними были наши сиденья. И те боги, господин, которые, ведя целомудренную жизнь, недавно родились в сонме тридцати трех, затмевали других богов красотой и славой. И тридцать три бога, господин, были удовлетворены этим, довольны, исполнены радости и веселья, [говоря]: „Поистине, божественные сонмы возрастают и уменьшаются сонмы асуров“.

1.3. И тогда, господин, повелитель богов Сакка, видя удовлетворение тридцати трех богов, выразил свою радость такими строфами:

„Поистине, радуются тридцать три бога вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благость дхаммы;
Смотря на новых богов, прекрасных, славных,
Ведших целомудренную жизнь при Счастливом и пришедших сюда.

Они затмевают других красотой, славой, долголетием —
Ученики Великомудрого, достигшие здесь отличия.
Видя это, веселятся тридцать три [бога] вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благодать дхаммы“.

И тридцать три бога, господин, были еще в большей мере удовлетворены этим, довольны, исполнены радости и веселья, [говоря]: „Поистине, божественные сонмы возрастают и уменьшаются сонмы асуров“.

1.4. И тогда, господин, повелитель богов Сакка, видя удовлетворение тридцати трех богов, обратился к тридцати трем богам:

„Не хотите ли вы, досточтимые, услышать восемь согласных с истиной восхвалений этого Благостного?“

„Мы хотим, досточтимый, услышать восемь согласных с истиной восхвалений этого Благостного“.

И тогда, господин, повелитель богов Сакка произнес перед тридцатью тремя богами восемь согласных с истиной восхвалений Благостного:

1.5. „Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь Благостный достиг этого ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. И достигшего этого ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.“

1.6. Ведь Благостным хорошо провозглашена истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, которую мудрые должны ощутить в своем сердце. И проповедующего эту истину, ведущую к спасению, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.7. Ведь Благостным хорошо постигнуто: ‘это хорошо’, хорошо постигнуто ‘это нехорошо’, хорошо постигнуто: ‘это запретно’ — ‘это незапретно’, ‘это уместно’ — ‘это неуместно’, ‘это низко’ — ‘это возвышенно’, ‘это напоминает и черное и белое’. И дающего постичь хорошие и нехорошие вещи, запретные и незапретные, уместные и неуместные, низменные и возвышенные, напоминающие и черное и белое, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.8. Ведь Благостным хорошо постигнут путь, ведущий учеников к ниббанае, и ниббанае и путь сливаются вместе. Подобно тому, как воды Ганга сливаются вместе, движутся вместе с водами Ямуны, так же точно Благостным хорошо постигнут путь, ведущий учеников к ниббанае, и ниббанае и путь сливаются вместе. И дающего постичь путь, ведущий к ниббанае, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.9. Ведь Благостный приобрел спутников — и следующих путем ученичества, и уничтоживших порочные свойства, достигших совершенства, и Благостный,

не отсылая их, живет, преследуя удовлетворенность лишь в одном. И преследующего удовлетворенность лишь в одном, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.10. Ведь совершенны приобретения Благостного, совершенна слава, так что кшатрии, я бы сказал, пребывают в дружеском расположении [к нему], и все же этот Благостный принимает пропитание, освободившись от гордыни. И принимающего пропитание без гордыни, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем.

1.11. Ведь слова Благостного соответствуют делам, дела соответствуют словам. И того, чьи слова соответствуют делам, а дела соответствуют словам, следующего истине во всей ее последовательности, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем.

1.12. Ведь Благостный преодолел сомнение, освободился от замешательства, исполнил намерение, устремленное к целомудрию. И преодолевшего сомнение, освободившегося от замешательства, исполнившего намерение, устремленное к целомудрию, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем“.

Так, господин, повелитель богов Сакка произнес перед тридцатью тремя богами восемь согласных с истиной восхвалений Благостного. И вот, господин, услышав восемь согласных с истиной восхвалений Благостного, тридцать три бога были еще в большей мере удовлетворены этим, довольны, исполнены радости и веселья.

1.13. И тогда, господин, некоторые боги сказали так:

„О, если бы, досточтимые, в мире появились четверо всецело просветленных и, подобно Благостному, стали бы наставлять в истине ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!“

А некоторые боги сказали так:

„Оставьте, досточтимые, четверых всецело просветленных. О, если бы, досточтимые, в мире появились трое всецело просветленных и, подобно Благостному, стали бы наставлять в истине ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!“

А некоторые боги сказали так:

„Оставьте, досточтимые, трех всецело просветленных. О, если бы, досточтимые, в мире появились двое всецело просветленных и, подобно Благостному, стали бы наставлять в истине ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!“

1.14. Когда, господин, так было сказано, повелитель богов Сакка, сказал тридцати трем богам:

„Невозможно это, досточтимые, и невероятно, чтобы в одном мироздании появились два архата, всецело просветленных — ни раньше, ни позже [один друго-

го] Такого быть не может. О, досточтимые, пусть же этот Благостный освободится от болезни, освободится от недуга и живет долгое, продолжительное время ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей!“

И тогда, господин, подумав о той цели и обсудив ту цель, ради которой они, собравшись, уселись вместе в зале Судхамма, тридцать три бога произнесли слова об этой цели четверем Великим царям, наставили словами об этой цели четырех Великих царей, которые, не уходя, пребывали на своих сиденьях:

Восприняв произнесенную речь, [восприняв] наставления, эти цари,
Успокоившись сердцем, пребывали на своих сиденьях.

1.15. И тогда, господин, великий свет родился с северной стороны, открылось сияние, превосходящее божественный блеск богов. И вот, господин, повелитель богов Сакка обратился к тридцати трем богам: „Когда, досточтимые, появляются знамения, рождается свет, открывается сияние, то тогда открывается Брахма. Ведь знамения, предшествующие откровению Брахмы, таковы, что рождается свет и открывается сияние.

Когда являются знамения, то открывается Брахма.
Ведь великое, могучее сияние — это знамение Брахмы“.

И тогда, господин, тридцать три бога уселись на свои сиденья, [говоря]: „Узнаем, каков будет плод этого сияния — испытав [это], мы выйдем к нему [навстречу]“.

А четыре Великих царя также уселись на свои сиденья, [говоря]: „Узнаем, каков будет плод этого сияния — испытав [это], мы выйдем к нему [навстречу]“. Слыша это, тридцать три бога все сошлись [во мнении]: „Узнаем, каков будет плод этого сияния — испытав [это], мы выйдем к нему [навстречу]“.

1.16. Когда, господин, Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, он открывается, приняв грубый облик. Ведь естественный вид Брахмы, господин, не достигает пределов зрения тридцати трех богов. Когда, господин, Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, он затмевает других богов красотой и славой. Подобно тому, господин, как золотая фигура затмевает человеческую фигуру, так же точно, господин, когда Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, он затмевает других богов красотой и славой. Когда, господин, Брахма Сананкумара открывается тридцати трем богам, то ни один бог в этом собрании ни приветствует [его], ни поднимается, ни предлагает сиденье — все пребывают в безмолвии и сидят, сложив ладони и скрестив под собой ноги, [с мыслью]: „Брахма Сананкумара усядется на ложе того бога, которого он сейчас изберет“. И вот, господин, на чье ложе усаживается Брахма Сананкумара, тот бог обретает великое одушевление, тот бог обретает великое удовлетворение. Подобно тому, господин, как царь, повелитель, недавно увенчанный и помазан-

ный на царство, обретает великое одушевление, обретает великое удовлетворение, так же точно, господин, на чье ложе усаживается Брахма Сананкумара, тот бог обретает великое одушевление, тот бог обретает великое удовлетворение.

1.17. И вот, господин, Брахма Сананкумара, видя удовлетворение тридцати трех богов и будучи скрыт, выразил свою радость такими строфами:

„Поистине, радуются тридцать три бога вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благодать дхаммы;
Смотря на новых богов, прекрасных, славных,
Ведших целомудренную жизнь при Счастливом и пришедших сюда.
Они затмевают других красотой, славой, долголетием —
Ученики Великомудрого, достигшие здесь отличия.
Видя это, веселятся тридцать три [бога] вместе с [их] повелителем,
Чтя Татхагату и благодать дхаммы“.

1.18. Так Брахма Сананкумара, господин, стал говорить об этом деле. И у Брахмы Сананкумары, господин, говорящем об этом деле, голос был наделен восемью свойствами: отчетливый, понятный, красивый, приятный для слуха, связанный, непрерывающийся, глубокий, звучный. Когда Брахма Сананкумара, господин, обращается этим голосом к собранию, то звук его [голоса] не выходит за пределы собрания. И вот, господин, чей голос наделен этими восемью свойствами, тот зовется обладающим голосом Брахмы.

1.19. И вот, господин, тридцать три бога так сказали Брахме Сананкумаре:

„Хорошо, Брахма, мы радуемся, рассуждая об этом, и мы радуемся, рассуждая о восьми согласных с истиной восхвалениях этого Благостного, изреченных владыкой богов Саккой“.

И вот, господин, Брахма Сананкумара так сказал владыке богов Сакке:

„Хорошо, владыка богов, и мы тоже хотим услышать восемь согласных с истиной восхвалений этого Благостного“.

„Хорошо, великий Брахма“, — [сказав] так, господин, повелитель богов Сакка произнес перед Брахмой Сананкумарой восемь согласных с истиной восхвалений Благостного.

1.20. „Как ты думаешь об этом, великий Брахма? Ведь Благостный достиг этого ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. И достигшего этого ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.“

1.21. Ведь Благостным хорошо провозглашена истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, которую мудрые должны ощутить в своем сердце. И проповедуя эту истину, ведущую к спасению, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.22. Ведь Благостным хорошо постигнуто: ‘это хорошо’, хорошо постигнуто ‘это нехорошо’, хорошо постигнуто: ‘это запрещено’ — ‘это незапретно’, ‘это уместно’ — ‘это неуместно’, ‘это низко’ — ‘это возвышенно’, ‘это напоминает и черное и белое’. И дающего постичь хорошие и нехорошие вещи, запретные и незапретные, уместные и неуместные, низменные и возвышенные, напоминающие и черное и белое, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.23. Ведь Благостным хорошо постигнут путь, ведущий учеников к ниббанае, и ниббана и путь сливаются вместе. Подобно тому как воды Ганга сливаются вместе, движутся вместе с водами Ямуны, так же точно Благостным хорошо постигнут путь, ведущий учеников к ниббанае, и ниббана и путь сливаются вместе. И дающего постичь путь, ведущий к ниббанае, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в настоящем.

1.24. Ведь Благостный приобрел спутников — и следующих путем ученичества, и уничтоживших порочные свойства, достигших совершенства, и Благостный, не отсылая их, живет, преследуя удовлетворенность лишь в одном. И преследующего удовлетворенность лишь в одном, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем.

1.25. Ведь совершенны приобретения Благостного, совершенна слава, так что кшатрии, я бы сказал, пребывают в дружеском расположении [к нему], и все же этот Благостный принимает пропитание, освободившись от гордыни. И принимающего пропитание без гордыни, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем.

1.26. Ведь слова Благостного соответствуют делам, дела соответствуют словам. И того, чьи слова соответствуют делам, а дела соответствуют словам, следующего истине во всей ее последовательности, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем.

1.27. Ведь Благостный преодолел сомнение, освободился от замешательства, исполнил намерение, устремленное к целомудрию. И преодолевшего сомнение, освободившегося от замешательства, исполнившего намерение, устремленное к целомудрию, наделенного этим признаком другого учителя, кроме Благостного, мы не увидим ни в прошлом, ни в будущем“.

Так, господин, повелитель богов Сакка произнес перед Брахмой Сананкумарой восемь согласных с истиной восхвалений Благостного. И вот, господин, услышав восемь согласных с истиной восхвалений Благостного, Брахма Сананкумара был удовлетворен этим, доволен, исполнен радости и веселья.

1.28. И вот, господин, Брахма Сананкумара, приняв грубый облик в виде юноши Панчасикхи, открылся тридцати трем богам. И, поднявшись в воздух, он уселся в воздушном пространстве, скрестив под собой ноги. Подобно тому, господин, как сильный человек мог бы, скрестив под собой ноги, усестись на хорошо разостланном ложе или на ровной поверхности земли, так же точно, господин, Брахма Сананкумара, поднявшись в воздух, уселся в воздушном пространстве, скрестив под собой ноги, и обратился к тридцати трем богам:

1.29. „Как вы думаете об этом, почтенные тридцать три бога? Ведь этот Благостный в течение долгого времени был наделен великим постижением.

Когда-то давно, почтенные, жил царь по имени Дисампати. У царя Дисампати был главный жрец — брахман по имени Говинда. У царя Дисампати был сын — царевич по имени Рену. У брахмана Говинды был сын — юноша по имени Джотипала. И вот царский сын Рену и юноша Джотипала и шестеро других кшатриев — эти восемь — были друзьями. И вот с течением времени брахман Говинда окончил свои дни. Когда же брахман Говинда окончил свои дни, царь Дисампати стал оплакивать его:

‘Увы, почтенные! Едва мы доверили брахману Говинде все дела и стали услаждаться, будучи наделены и одарены пятью признаками чувственности, как брахман Говинда окончил свои дни!’

Когда так было сказано, царский сын Рену сказал царю :

‘Не оплакивай столь горько, Божественный, брахмана Говинду, окончившего свои дни. У брахмана Говинды, Божественный, есть сын — юноша по имени Джотипала, который и мудрее отца, и лучше отца способен различать полезное. Пусть юноша Джотипала заботится о тех делах, о которых заботился отец’.

‘Так ли, царевич?’

‘Так, Божественный’“.

1.30. И тогда, почтенные, царь Дисампати обратился к одному слуге:

„Эй, слуга, иди к юноше Джотипале, приблизься к нему и, приблизившись, скажи так юноше Джотипале: ‘Пусть здравствует досточтимый юноша Джотипала. Царь Дисампати обращается к досточтимому юноше Джотипале. Царь Дисампати желает видеть досточтимого юношу Джотипалу’“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился этот слуга с царем Дисампати и вот, почтенные, он приблизился к юноше Джотипале и, приблизившись, так сказал юноше Джотипале:

„Пусть здравствует досточтимый юноша Джотипала. Царь Дисампати обращается к досточтимому юноше Джотипале. Царь Дисампати желает видеть досточтимого юношу Джотипалу“.

„Хорошо, почтенный“, — согласился юноша Джотипала с этим слугой, и вот, почтенные, он приблизился к царю Дисампати, приблизившись, он обменялся с царем Дисампати дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот, почтенные, царь Дисампати так сказал сидящему в стороне юноше Джотипале:

„Пусть досточтимый юноша Джотипала заботится о наших [делах] и пусть досточтимый Джотипала не отказывается от этой заботы. Я поставлю его на отцовское место и возведу в должность Говинды“.

„Хорошо, почтенный“, — так, почтенные, согласился юноша Джотипала с царем Дисампати.

1.31. И тогда, почтенные, царь Дисампати возвел юношу Джотипалу в должность Говинды, поставил на отцовское место. И возведенный в должность Говинды, поставленный на отцовское место, юноша Джотипала заботился о тех

делах, о которых заботился его отец, не заботился о тех делах, о которых не заботился его отец, нес те труды, которые нес его отец, не нес тех трудов, которых не нес его отец. И люди так говорили о нем: „Поистине, этот брахман — [как сам] Говинда, поистине, этот брахман — великий Говинда!“ И вот, почтенные, таким образом юношу Джотипалу стали звать по имени: „Махаговинда, Махговинда“.

1.32. И вот, почтенные, однажды брахман Махаговинда приблизился к тем шестерым кшатриям и, приблизившись, так сказал тем шестерым кшатриям:

„Ведь царь Дисампати, почтенные, стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок. Кто же знает, почтенные, о [смертном часе] живущих? Если случится так, что царь Дисампати окончит свои дни, то пусть совершающие обряд воцарения помажут на царство царского сына Рену. Идите же, почтенные, приблизьтесь к царскому сыну Рену и, приблизившись, так скажите царскому сыну Рену: ‘Мы — дорогие, близкие, неизменные друзья почтенного Рену. Что счастье для досточтимого — то счастье для нас, что несчастье для досточтимого — то несчастье для нас. Ведь царь Дисампати, почтенный, стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок. Кто же знает, почтенный, о [смертном часе] живущих? Если случится так, что царь Дисампати окончит свои дни, то пусть совершающие обряд воцарения помажут на царство досточтимого Рену. Если же досточтимый Рену получит царскую власть, то пусть поделится с нами царской властью“.

1.33. „Хорошо, почтенный“, — согласились те шесть кшатриев с брахманом Махаговиндой, и вот, почтенные, они приблизились к царскому сыну Рену и, приблизившись, так сказали царскому сыну Рену:

„Мы — дорогие, близкие, неизменные друзья почтенного Рену. Что счастье для досточтимого — то счастье для нас, что несчастье для досточтимого — то несчастье для нас. Ведь царь Дисампати, почтенный, стар, преклонных лет, много прожил, достиг конца жизненного пути, исполнился его срок. Кто же знает, почтенный, о [смертном часе] живущих? Если случится так, что царь Дисампати окончит свои дни, то пусть совершающие обряд воцарения помажут на царство досточтимого Рену. Если же досточтимый Рену получит царскую власть, то пусть поделится с нами царской властью“.

„Кто же другой, почтенные, должен еще счастливо процветать в моем царстве, кроме вас? Если, почтенные, я получу царскую власть, то поделюсь с вами царской властью“.

1.34. И вот, почтенные, с течением времени царь Дисампати окончил свои дни. Когда царь Дисампати окончил свои дни, совершающие обряд воцарения помазали на царство царского сына Рену. И помазанный на царство Рену стал наслаждаться, будучи наделен и одарен пятью признаками чувственности. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к тем шести кшатриям и, приблизившись, так сказал тем шестерым кшатриям:

„Царь Дисампати, почтенные, окончил свои дни, досточтимый Рену помазан на царство и наслаждается, будучи наделен и одарен пятью признаками чувст-

венности. Кто же знает, почтенные? Чувственные удовольствия опьяняют. Идите же, почтенные, приблизьтесь к царю Рену и, приблизившись, так скажите царю Рену: ‘Царь Дисампати, почтенный, окончил свои дни, досточтимый Рену помазан на царство — помнит ли досточтимый те [свои] слова?’“

„Хорошо, почтенный“, — согласились те шестеро кшатриев с брахманом Махаговиндой, и вот, почтенные, они приблизились к царю Рену и, приблизившись, так сказали царю Рену:

„Царь Дисампати, почтенный, окончил свои дни, досточтимый Рену помазан на царство — помнит ли досточтимый те [свои] слова?“

„Я помню, почтенные, те слова. Кто же [из вас], почтенные, способен хорошо разделить поровну на семь частей эту великую землю, простирающуюся с севера на юг, словно передняя часть повозки?“

„Кто же, почтенный, другой, кроме брахмана Махаговинды, способен на это?“

1.35. И тогда, почтенные, царь Рену обратился к одному слуге:

„Эй, слуга, иди к брахману Махаговинде, приблизься к нему и, приблизившись, скажи так брахману Махаговинде: ‘Господин, к тебе обращается царь Рену’“.

„Хорошо, Божественный“, — согласился этот слуга с царем Рену, и вот, почтенные, он приблизился к брахману Махаговинде и, приблизившись, так сказал брахману Махаговинде:

„Господин, к тебе обращается царь Рену“.

„Хорошо, почтенный“, — согласился брахман Махаговинда с этим слугой и вот, почтенные, он приблизился к царю Рену; приблизившись, он обменялся с царем Рену дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И вот, почтенные, царь Рену так сказал сидящему в стороне брахману Махаговинде:

„Пусть досточтимый [Маха]говинда пойдет и хорошо разделит поровну на семь частей эту великую землю, простирающуюся с севера на юг, словно передняя часть повозки“.

„Хорошо, почтенный“, — согласился брахман Махаговинда с царем Рену, и вот, почтенные, он хорошо разделит поровну на семь частей эту великую землю, простирающуюся с севера на юг, словно передняя часть повозки, и распределил все [части], словно передние части повозки.

1.36. И страна царя Рену находилась там в середине:

Дантапура у калингов и у ассаков — Потана,
Махиссати у аванти и у совиров — Рорука,
И Митхила у видехов, Чампа определена у ангов,
И Баранаси у касийцев — эти [части] определены [Маха]говиндой.

И вот, почтенные, те шестеро кшатриев, исполнивших [свои] намерения, были удовлетворены каждый своим приобретением [и говорили]: „Поистине, мы приобрели то, чего желали, чего хотели, к чему стремились, о чем просили“.

Окончен первый раздел поучения.

2.37. «И вот, почтенные, те шестеро кшатриев приблизились к брахману Махаговинде и, приблизившись, так сказали брахману Махаговинде: „Как досточтимый [Маха]говинда — дорогой, близкий, неизменный друг царя Рену, так досточтимый [Маха]говинда — дорогой, близкий, неизменный друг и нам. Пусть досточтимый [Маха]говинда заботится о наших [делах], пусть досточтимый [Маха]говинда не отказывается от этой заботы“.

„Хорошо, почтенные“, — так, почтенные, согласился брахман Махаговинда с этими шестью кшатриями. И вот, почтенные, брахман Махаговинда наставил в царских делах семерых помазанных на царство кшатриев и поставил читать священные тексты семерых богатых брахманов и семь сотен [брахманов], завершивших обучение.

2.38. И вот, почтенные, о брахмане Махаговинде пошла со временем такая добрая слава: „Брахман Махаговинда воочию видит Брахму, брахман Махаговинда воочию общается, беседует, советуется с Брахмой“. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда подумал так: „Ведь обо мне пошла такая добрая слава: ‘Брахман Махаговинда воочию видит Брахму, брахман Махаговинда воочию общается, беседует, советуется с Брахмой’. Между тем я ни вижу Брахму, ни общаюсь с Брахмой, ни беседую с Брахмой, ни советуюсь с Брахмой. А я слышал, что старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорят так: ‘Кто в течение четырех дождливых месяцев предается уединению и стремится к подвигу сострадания, тот видит Брахму, общается, беседует, советуется с Брахмой’. Что, если теперь я в течение четырех дождливых месяцев стану предаваться уединению, стремиться к подвигу сострадания?“

2.39. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к царю Рену и, приблизившись, так сказал царю Рену: „Обо мне, почтенный, пошла такая добрая слава: ‘Брахман Махаговинда воочию видит Брахму, брахман Махаговинда воочию общается, беседует, советуется с Брахмой’. Между тем, почтенный, я ни вижу Брахму, ни общаюсь с Брахмой, ни беседую с Брахмой, ни советуюсь с Брахмой. А я слышал, что старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорят так: ‘Кто в течение четырех дождливых месяцев предается уединению и стремится к подвигу сострадания, тот видит Брахму, общается, беседует, советуется с Брахмой’. Я хочу, почтенный, в течение четырех месяцев предаваться уединению, стремиться к подвигу сострадания. Никто не должен приближаться ко мне, кроме подносящего пищу“.

„[Делай] теперь, досточтимый, как [Маха]говинда считает нужным“.

2.40. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к тем шестерым кшатриям и, приблизившись, так сказал тем шестерым кшатриям: „Обо мне, почтенные, пошла такая добрая слава: ‘Брахман Махаговинда воочию видит Брах-

му, брахман Махаговинда воочию общается, беседует, советуется с Брахмой'. Между тем, почтенные, я ни вижу Брахму, ни общаюсь с Брахмой, ни беседую с Брахмой, ни советуюсь с Брахмой. А я слышал, что старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорят так: 'Кто в течение четырех дождливых месяцев предается уединению и стремится к подвигу сострадания, тот видит Брахму, общается, беседует, советуется с Брахмой'. Я хочу, почтенные, в течение четырех месяцев предаваться уединению, стремиться к подвигу сострадания. Никто не должен приближаться ко мне, кроме подносящего пищу".

„[Делай] теперь, досточтимый, как [Маха]говинда считает нужным“.

2.41. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к семи богатым брахманам и семи сотням [брахманов], завершивших обучение, и, приблизившись, так сказал семерым богатым брахманам и семи сотням [брахманов], завершивших обучение: „Обо мне, почтенные, пошла такая добрая слава: 'Брахман Махаговинда воочию видит Брахму, брахман Махаговинда воочию общается, беседует, советуется с Брахмой'. Между тем, почтенные, я ни вижу Брахму, ни общаюсь с Брахмой, ни беседую с Брахмой, ни советуюсь с Брахмой. А я слышал, что старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорят так: 'Кто в течение четырех дождливых месяцев предается уединению и стремится к подвигу сострадания, тот видит Брахму, общается, беседует, советуется с Брахмой'. Поэтому, почтенные, повторяйте целиком священные тексты, как [вы] слышали, как заучили [их], побуждайте друг друга читать священные тексты. Я хочу, почтенные, в течение четырех месяцев предаваться уединению, стремиться к подвигу сострадания. Никто не должен приближаться ко мне, кроме подносящего пищу“.

„[Делай] теперь, досточтимый, как [Маха]говинда считает нужным“.

2.42. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к сорока [своим] женам, равным [друг другу], и, приблизившись, так сказал сорока [своим] женам, равным [друг другу]: „Обо мне, почтенные, пошла такая добрая слава: 'Брахман Махаговинда воочию видит Брахму, брахман Махаговинда воочию общается, беседует, советуется с Брахмой'. Между тем, почтенные, я ни вижу Брахму, ни общаюсь с Брахмой, ни беседую с Брахмой, ни советуюсь с Брахмой. А я слышал, что старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорят так: 'Кто в течение четырех дождливых месяцев предается уединению и стремится к подвигу сострадания, тот видит Брахму, общается, беседует, советуется с Брахмой'. Я хочу, почтенные, в течение четырех месяцев предаваться уединению, стремиться к подвигу сострадания. Никто не должен приближаться ко мне, кроме подносящего пищу“.

„[Делай] теперь, досточтимый, как [Маха]говинда считает нужным“.

2.43. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда, приказал построить к востоку от города новую обитель, в течение четырех месяцев предавался [там] уединению, стремился к подвигу сострадания, и никто не приближался к нему, кроме подносящего пищу. И вот, почтенные, по истечении четырех месяцев у брахмана Махаговинды возникло разочарование, возникло беспокойство: „Ведь я слышал,

что старшие, престарелые брахманы, наставники [моих] наставников говорят: 'Кто в течение четырех дождливых месяцев предается уединению и стремится к подвигу сострадания, тот видит Брахму, общается, беседует, советуется с Брахмой'. Между тем я ни вижу Брахму, ни общаюсь с Брахмой, ни беседую с Брахмой, ни советуясь с Брахмой“.

2.44. И вот, почтенные, Брахма Сананкумара постиг умом размышление, возникшее у брахмана Махаговинды, и подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, так же точно он исчез из мира Брахмы и появился перед лицом брахмана Махаговинды. И вот, почтенные, у брахмана Махаговинды, увидевшего этот невиданный прежде облик, возник страх, возникло оцепенение, возникла дрожь волосков. И вот, почтенные, брахман Махаговинда, уstraшенный, побужденный, испытывающий дрожь волосков, обратился к Брахме Сананкумаре с [такой] строфой:

„Прекрасный, славный, величественный — кто же ты, досточтимый?
Не зная этого, мы спрашиваем — как же мы узнаем это?“
„В мире Брахмы меня знают как юношу, вечного,
Все знают меня как бога — то же знай и ты, [Маха]говинда!“
„Сиденье, воду [для омовения] ног и медовый напиток Брахме,
Досточтимому, предлагаем мы в дар — да сделает нам дар и досточтимый!“
„Мы принимаем твой дар, о котором ты говоришь, [Маха]говинда,
Ради [твоего] благополучия в зримом мире и счастья в будущем
[Тебе] дано разрешение — проси же о том, чего желаешь!“

2.45. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда подумал так: „Брахмой Сананкумарой мне дано разрешение. О чем же я попрошу Брахму Сананкумару — о полезном для зримого мира или для будущего?“

И тогда, почтенные, брахман Махаговинда подумал так: „Ведь я сведущ в делах, полезных для зримого мира. Даже другие спрашивают меня о полезном для зримого мира. Поэтому теперь я попрошу Брахму Сананкумару о полезном для будущего“.

И тогда, почтенные, брахман Махаговинда обратился к Брахме Сананкумаре со строфой:

„Я прошу Брахму Сананкумару,
Сомневающийся — свободного от сомнений в том, что должно быть известно другим, —
В каком положении и чему обученный
Смертный достигает бессмертного мира Брахмы?“
„Оставивший среди людей помыслы о своем, брахман,
Сосредоточенный, обращенный к состраданию,
Непорочный, воздерживающийся от совокупления —
В таком положении, обученный этому
Смертный достигает бессмертного мира Брахмы“.

2.46. „Досточтимый, я понимаю эти [слова]: ‘оставивший помыслы о своем’. — Вот некто, отказавшись от малого достатка или отказавшись от большого достатка, отказавшись от малого круга родственников или отказавшись от большого круга родственников, сбривает волосы и бороду, надевает желтые одежды и, оставив дом, странствует бездомным — так, досточтимый, я понимаю эти [слова]: ‘оставивший помыслы о своем’.

Досточтимый, я понимаю и [слово]: ‘сосредоточенный’. Вот некто удаляется в уединенную обитель — в лесу, у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы — так, досточтимый, я и понимаю [слово]: ‘сосредоточенный’.

Досточтимый, я понимаю и [слова]: ‘обращенный к состраданию’. Вот некто пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны, — так, досточтимый, я и понимаю [слова]: ‘обращенный к состраданию’.

Но, досточтимый, я не понимаю сказанного [твоей слова]: ‘порочный’.

Кто среди людей порочен, Брахма?

[Я] не знаю их — поведай, мудрый.

Чем покрытый дышит зловонием [человеческий] род,

Обреченный на бедствия, лишенный мира Брахмы?“

„Гнев, лживая речь, коварство и обман,

Скупость, высокомерие, зависть,

Страсть, сомнение и разорение ближнего,

Алчность, и ненависть, и гордыня, и заблуждение —

Связанные этими [пороками], лишенные непорочности

Обречены на бедствия, лишены мира Брахмы“.

„Досточтимый, насколько я понимаю сказанное о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенный, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„[Делай] теперь, досточтимый, как [Маха]говинда считает нужным“.

2.47. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к царю Рену и, приблизившись, так сказал царю Рену: „Пусть досточтимый поищет теперь другого главного жреца, который будет заботиться о царстве досточтимого. Я хочу, почтенный, оставить дом и странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенный, я оставлю дом и буду странствовать бездомным.

Я обращаюсь к царю Рену, владыке земли, —

Управляя царством ты [сам], я не нахожу [больше] радости в службе жреца“.

„Если тебе недостает удовольствий, я восполню их,

Я, владыка земли и войска, отражу того, кто вредит тебе,

Ты — отец, я — сын, не оставляй нас, [Маха]говинда!“

„Нет у меня недостатка в удовольствиях, никто не вредит мне,
[Но], услышав нечеловеческий голос, я не нахожу [больше] радости в доме“.
„Каков этот не-человек, что он поведал тебе,
Что услышав, ты оставляешь наш дом и нас всех?“
„Прежде, когда я соблюдал все требуемые обряды,
Огонь был разожжен и разостланы листья кусы,
Но затем мне с неба Брахмы явился вечный Брахма.
Он ответил на мой вопрос, и, услышав его, я не нахожу [больше] радости в доме“.
„Я верю, досточтимый [Маха]говинда, тому, что ты говоришь, —
Как можно поступить иначе, услышав нечеловеческий голос?
Поэтому мы последуем за тобой, будь, [Маха]говинда, нашим учителем!
Подобные драгоценному бериллу — чистому, незапятнанному, сияющему, —
Мы, непорочные, будем следовать наставничеству [Маха]говинды.

Если досточтимый [Маха]говинда, оставив дом, будет странствовать бездомным, то и я, оставив дом, буду странствовать бездомным“.

2.48. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к тем шестерым кшатриям и, приблизившись, так сказал шестерым кшатриям: „Пусть досточтимые поищут теперь другого главного жреца, который будет заботиться о царствах досточтимых. Я хочу, почтенные, оставить дом и странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставляю дом и буду странствовать бездомным“.

И тогда, почтенные, шесть кшатриев, отойдя в сторону, стали так советовать друг с другом: „Ведь эти самые брахманы жадны до богатств. Поэтому теперь мы сможем соблазнить брахмана Махаговинду богатством“.

И, приблизившись к брахману Махаговинде, они сказали так: „В этих семи царствах, почтенный, находится множество богатств. Пусть же досточтимый возьмет столько, сколько ему нужно“.

„Оставьте, почтенные! Благодаря досточтимым у меня есть уже это множество богатств. Отказавшись от этого благополучия, я оставляю дом и буду странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставляю дом и буду странствовать бездомным“.

2.49. И тогда, почтенные, шесть кшатриев, отойдя в сторону, стали так советовать друг с другом: „Ведь эти самые брахманы жадны до женщин. Поэтому теперь мы сможем соблазнить брахмана Махаговинду женщинами“.

И, приблизившись к брахману Махаговинде, они сказали так: „В этих семи царствах, почтенный, находится множество женщин. Пусть же досточтимый уведет с собой столько, сколько ему нужно“.

„Оставьте, почтенные! Ведь у меня есть уже эти сорок жен, равных [друг другу]. Отказавшись от всех их, я оставляю дом и буду странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть лег-

ко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

2.50. „Если досточтимый [Маха]говинда, оставив дом, будет странствовать бездомным, то и мы, оставив дом, будем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Если вы оставляете чувственные удовольствия, к которым привязаны миряне, То будьте решительны, крепитесь, соберите [всю] силу терпения.

Этот путь — прямой путь, этот путь — непревзойденный;

Благая истина, которой следуют добродетельные, ведет к миру Брахмы“.

2.51. „Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет семь лет. По истечении семи лет и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, семь лет. Не могу я, досточтимые, ждать семь лет. Кто же знает, почтенные [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

2.52. „Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет шесть лет. По истечении шести лет и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, шесть лет. Не могу я, досточтимые, ждать шесть лет. Кто же знает, почтенные [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет пять лет. По истечении пяти лет и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, пять лет. Не могу я, досточтимые, ждать пять лет. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет четыре года. По истечении четырех лет и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, четыре года. Не могу я, досточтимые, ждать четыре года. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет три года. По истечении трех лет и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, три года. Не могу я, досточтимые, ждать три года. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет два года. По истечении двух лет и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, два года. Не могу я, досточтимые, ждать два года. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет один год. По истечении одного года и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

2.53. „Слишком долг, почтенные, один год. Не могу я, досточтимые, ждать один год. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет семь месяцев. По истечении семи месяцев и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

2.54. „Слишком долги, почтенные, семь месяцев. Не могу я, досточтимые, ждать семь месяцев. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко по-

давлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет шесть месяцев. По истечении шести месяцев и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, шесть месяцев. Не могу я, досточтимые, ждать шесть месяцев. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет пять месяцев. По истечении пяти месяцев и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, пять месяцев. Не могу я, досточтимые, ждать пять месяцев. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет четыре месяца. По истечении четырех месяцев и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, четыре месяца. Не могу я, досточтимые, ждать четыре месяца. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет три месяца. По истечении трех месяцев и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, три месяца. Не могу я, досточтимые, ждать три месяца. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет два месяца. По истечении двух месяцев и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долги, почтенные, два месяца. Не могу я, досточтимые, ждать два месяца. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет месяц. По истечении месяца и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Слишком долог, почтенные, месяц. Не могу я, досточтимые, ждать месяц. Кто же знает, почтенные, [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет полмесяца. По истечении половины месяца и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

2.55. „Слишком долги, почтенные, полмесяца. Не могу я, досточтимые, ждать полмесяца. Кто же знает, почтенные [смертный час] живущих? Неизбежно грядущее существование, и следует постигать священные тексты, творить добро, пребывать в целомудрии — не дано же бессмертия рожденному. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Тогда пусть досточтимый [Маха]говинда подождет семь дней, чтобы мы поручили царства нашим сыновьям и братьям. По истечении семи дней и мы, оставив дом, станем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

„Не долги, почтенные, семь дней. Я подожду, досточтимые, семь дней“.

2.56. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к тем семи богатым брахманам и к семи сотням [брахманов], завершивших обучение, и, приблизившись, так сказал семерым богатым брахманам и семи сотням [брахманов], завершивших обучение:

„Пусть досточтимые поищут теперь другого наставника, который поставит досточтимых читать священные тексты. Я хочу, почтенные, оставить дом и странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставлю дом и буду странствовать бездомным“.

„Пусть досточтимый [Маха]говинда не оставляет дом, чтобы странствовать бездомным. Ведь странничество, почтенный, приносит мало власти и мало прибыли, брахманство же — много власти и много прибыли“.

„Не говорите так, досточтимые: ‘Странничество приносит мало власти и мало прибыли, брахманство же — много власти и много прибыли’. У кого же еще, почтенные, больше власти и больше прибыли чем у меня? Ведь здесь, почтенные, я [словно] царь над царями, Брахма над брахманами, божество над домоправителями, но, отказавшись от всего этого, я оставляю дом и буду странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставляю дом и буду странствовать бездомным“.

„Если досточтимый [Маха]говинда, оставив дом, будет странствовать бездомным, то и мы, оставив дом, будем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

2.57. И тогда, почтенные, брахман Махаговинда приблизился к сорока [своим] женам, равным [друг другу], и, приблизившись, так сказал сорока [своим] женам, равным [друг другу]: „Кто из досточтимых хочет, — пусть идет в семью своих родственником или поищет другого супруга. Я хочу, почтенные, оставить дом и странствовать бездомным. Ведь насколько я слышал сказанное Брахмой о порочном, оно не может быть легко подавлено обитающим в доме — [поэтому], почтенные, я оставляю дом и буду странствовать бездомным“.

„Ты — наш родственник из желанных родственников, ты и супруг из желанных супругов. Если досточтимый [Маха]говинда, оставив дом, будет странствовать бездомным, то и мы, оставив дом, будем странствовать бездомными. Каков твой путь, таким будет и наш путь“.

2.58. И тогда, почтенные, по истечении тех семи дней брахман Махаговинда, обрив волосы и бороду, надев желтые одеяния, оставил дом и стал странствовать бездомным. И когда брахман Махаговинда стал странствовать, то и семеро царей — кшатриев, помазанных на царство, и семеро богатых брахманов и семь сотен [брахманов], завершивших обучение, и сорок жен, равных [друг другу], и много тысяч кшатриев, и много тысяч брахманов, и много тысяч домоправителей, и множество женщин из женских покоев — [все], обрив волосы и бороды и надев желтые одеяния, стали странствовать вслед за брахманом Махаговиндой, который оставил дом и стал странствовать бездомным. И вот, почтенные, окруженный этим собранием, брахман Махаговинда отправился в путь по селениям, торговым поселкам, царским городам. И к какому бы, почтенные, селению, торговому поселку, царскому городу ни приближался в то время брахман Махаговинда, там он был [словно] царь над царями, Брахма над брахманами, божество над домоправителями. И вот, почтенные, когда в то время люди чихали или поскальзывались, то они говорили так: „Почтение брахману Махаговинде! Почтение главному жрецу семерых [царей]!“

2.59. И брахман Махаговинда, почтенные, пребывал, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны. Он пребывал, пронизывая

разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны. Он пребывал, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны. Он пребывал, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывал, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек и во все стороны и преподавал ученикам путь к соединению с миром Брахмы.

2.60. И вот, почтенные, те ученики брахмана Махаговинды, которые в то время всецело постигли всё [его] наставление, с распадом тела после смерти [вновь] родились в счастливом мире Брахмы. Из тех же, которые не всецело постигли всё [его] наставление, некоторые с распадом тела после смерти родились в свите богов параниммита-васаватти, некоторые родились в свите богов нимманарати, некоторые родились в свите богов тусита, некоторые родились в свите богов яма, некоторые родились в свите тридцати трех богов, некоторые родились в свите богов — четырех Великих царей. Все те, кто составили самый низший сонм, составили сонм гандхаббов.

Так, почтенные, у всех тех [отпрысков] славных семейств не напрасным было странничество, не бесполезным — [оно было] плодоносным, несущим [благие] последствия».

2.61. «Помнит ли это Благодостный?»

«Я помню [это], Панчасикха. В то время я был брахманом Махаговиндой. Я преподавал этим ученикам путь к соединению с миром Брахмы. Ведь то целомудрие, Панчасикха, не ведет ни к отказу [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббанае, но лишь — к достижению мира Брахмы. Это же [нынешнее] мое целомудрие, Панчасикха, всецело ведет к отказу [от мира], к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к постижению, к просветлению, к ниббанае, и это — праведный восьмичленный путь, а именно: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее поддержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания, надлежащая сосредоточенность. Таково это целомудрие, Панчасикха, которое всецело ведет к отказу [от мира], к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к постижению, к просветлению, к ниббанае.

2.62. И вот, Панчасикха, те мои ученики, которые всецело постигают всё [мое] наставление, с уничтожением порочных свойств пребывают [здесь], сами познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение

сердца и освобождение постижения. Из тех, которые не всецело постигают всё [мое] наставление, некоторые, избавившись от пяти уз низшего порядка, становятся самопроизвольно родившимися [в высшем мире], достигшими там освобождения, не подверженными возвращению из того мира. Из тех, которые не всецело постигают всё [мое] наставление, некоторые, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, становятся единожды возвращающимися, которые, вернувшись еще раз в этот мир, кладут конец страданию. Из тех, которые не всецело постигают всё [мое] наставление, некоторые, избавившись от трех уз, становятся вступившими в поток, не подверженными страданию, уверенными, движущимися к просветлению. Так, Панчасикха, у всех тех [отпрысков] славных семейств не напрасным было странничество, не бесполезным — [оно было] плодоносным, несущим [благие] последствия».

Так сказал Благостный, и удовлетворенный отпрыск гандхаббов Панчасикха, порадовавшись словам Благостного и поблагодарив [за них], приветствовал Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, исчез оттуда.

Окончена «Махаговинда-сутта».

XX. «Махасамая-сутта» («Большая сутта о собраниях»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал у сакков в Капилаваттху в большом лесу вместе с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, все [из которых были] архатами. И бóльшая часть божеств из десяти миров собралась, чтобы лицезреть Благостного и общину монахов.

2. И тогда четыре божества из сонма суддхаваса подумали так:

«Ведь этот Благостный пребывает у сакков в Капилаваттху в большом лесу вместе с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, все [из которых] — архаты. И бóльшая часть божеств из десяти миров собралась, чтобы лицезреть Благостного и общину монахов. Поэтому теперь и мы приблизимся к Благостному и, приблизившись, произнесем перед Благостным каждый по строфе».

3. И вот, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, так же точно, исчезнув из [мира] богов суддхаваса, они появились перед Благостным. И тогда эти божества, приветствовав Благостного, стали в стороне, и, стоя в стороне, одно божество произнесло перед Благостным такую строфу:

«Велико собрание на этом склоне — сошлись сонмы богов,
И мы пришли в это добродетельное собрание, чтобы увидеть общину непобедимого».

И тогда другое божество произнесло перед Благостным такую строфу:

«Там монахи сосредоточились, устремили прямым путем свои сердца,
Подобно возничему, держащему поводья, мудрые сохраняют власть над жизненными
способностями».

И тогда другое божество произнесло перед Благостным такую строфу:

«Разорвав преграды, разорвав препоны, отбросив камень у порога, свободные от
желаний,
Они шествуют непорочные, незапятнанные, прозревшие, [словно] хорошо прирученные
молодые слоны».

И тогда другое божество произнесло перед Благостным такую строфу:

«Те, кто идут к Будде как к прибежищу, не пойдут [путем] бедствий;
Оставив человеческое тело, они заполнят сонм богов».

4. И тогда Благостный обратился к монахам:

«Вот, монахи, бóльшая часть божеств из десяти миров собралась, чтобы лицезреть Татхагату и общину монахов. И к тем, монахи, Благостным, которые в прошлые времена были архатами, всецело просветленными, божества собирались в столь же великом количестве, как и теперь ко мне. И к тем, монахи, Благостным, которые в будущие времена будут архатами, всецело просветленными, божества будут собираться в столь же великом количестве, как и теперь ко мне. Я опишу, монахи, имена сонмов богов, я восславлю, монахи, имена сонмов богов, я разъясню, монахи, имена сонмов богов. Слушайте же тщательно и внимайте [тому, что] я скажу».

«Хорошо, господин», — согласились с Благостным эти монахи. Благостный сказал так:

5. «Я прочту стих: населяющие землю [божества] пребывают на ней;
Те, кто привязаны к горным пещерам, — полные решимости, сосредоточенные.
Непоколебимые, словно многочисленные львы, преодолевшие трепет,
Светлые разумом, непорочные, спокойные, незамутненные».

Видя более пятисот [монахов] в лесу Капилаваттху,
Наставник обратился затем к ученикам, радующимся наставлению:
«Превосходны сонмы богов, распознавайте их, монахи!» —
И те исполнились усердия, услышав наставление Будды.

6. Им явилось знание, нечеловеческое видение —
Некоторые увидели сотню [божеств], затем — тысячу и семьдесят [тысяч],
Некоторые увидели сотню тысяч нечеловеческих [существ],
А некоторые увидели бесконечное [их число, которым] были заполнены все стороны
света.

И узнав все это, желая сказать [им], прозревший
Наставник обратился затем к ученикам, радующимся наставлению:
«Пришли сонмы богов, распознайте их, монахи.

Я восславлю их вам по порядку в хвалебных речах.

7. Семь тысяч яккхов населяют землю Капилаваттху —
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

Шесть тысяч яккхов разного вида у Хемаваты —
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

Три тысячи яккхов разного вида у Сатагиры —
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

Таковы эти шестнадцать тысяч яккхов разного вида —
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

8. Пятьсот яккхов разного вида у Вессамитты —
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
Кумбхире из Раджагахи, чье жилище на [горе] Вепулла,
Прислуживают более ста тысяч яккхов,
И Кумбхира из Раджагахи тоже пришел в лес в собрание.

9. Восточной стороной света правит царь Дхатараттха,
Повелитель гандхаббов, Великий царь, наделенный славой.
У него многочисленные сыновья великой силы, несущие имена Инды,
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
Южной стороной света правит царь Вирулха,
Повелитель кумбхандов, Великий царь, наделенный славой.
У него многочисленные сыновья великой силы, названные [вслед за] Индой,
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
Западной стороной света правит царь Вирупаккха,
Повелитель нагов, Великий царь, наделенный славой.
У него многочисленные сыновья великой силы, названные [вслед за] Индой,
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
Северной стороной света правит царь Кувера,
Повелитель яккхов, Великий царь, наделенный славой.
У него многочисленные сыновья великой силы, названные [вслед за] Индой,
Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
Над восточной стороной света — Дхатараттха, над южной — Вирулха,
Над западной — Вирупаккха, Кувера — над северной стороной света.
Эти четыре Великих царя над всеми сторонами света,
Излучая сияние, остановились в лесу Капилаваттху.

10. С ними пришли слуги, искусные в колдовстве, обмане, хитростях, —
Мая, кутенду, витенду и виту с витуччей,
Чандана и камасеттха, киннугханду и нигханду,
Панада, и опаманья, и возница богов Матали,
И гандхабба Читтасена, царь Нала, Джанесабха,
Пришли Панчасиккха и Тимбару, Сурияваччаса —
И эти, и другие цари, гандхаббы с царями;
Они радуются, что пришли в лес, в собрание монахов.

11. Затем пришли наги из Набхасы, Весали, Таччхаки,
Пришли камбалы, ассатары, паяги с родственниками,
Пришли из Ямуны, и происходящие от Дхатараттхи — наги, наделенные славой.

И Эравана, великий наг, пришел в лес в собрание.

Те, которые насильно уносят [добычу] у царя нагов,
Небесные, дважды рожденные птицы с ясным зрением
Достигли с воздуха середины леса,
Читра и супанна — их имена.
Нет тут страха и у царей нагов —
Будда доставил [им] безопасность от [птиц] супанна.
Взывая мягкими голосами,

Наги и супанны пришли к Будде как к прибежищу.

12. Победенные дланью с громовой стрелой, асуры, обитающие в океане,
Братья васу, наделенные сверхъестественными способностями и славой,
Калаканджи, вызывающие великий страх, асуры данавегхасы,
Вепачитти, Сучитти и Пахарада с Намучи,
Сто сыновей Бали, все названные по имени Верочи,
Снарядив сильное войско, приблизились к Рахубхадде:

„Нынче благоприятное для тебя время [придти] в лес в собрание монахов“.

13. Туда пришли боги воды, земли, огня, ветра.

Варуна, варуна и боги сома с [богами] яса.

Пришли боги из сонмов метта и каруна, наделенные славой, —

Эти десять десятикратных сонмов, все разного вида,

Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,

Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

14. И боги венху, сахали, и асама, и двое [богов] яма,

Пришли находящиеся при луне боги, чтущие луну,

Пришли находящиеся при солнце боги, чтущие солнце,

Пришли чтущие созвездия, мандавалахака.

Пришел и Васавана, лучший из васу, Сакка, разрушитель крепостей —

Эти десять десятикратных сонмов, все разного вида,

Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,

Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

15. Затем пришли боги сахабху, пылающие как языки огня,

И аритгхака и роджа, сияющие как [лазеровые] цветы льна,

Варуна, и сахадхамма и аччута, анеджака,

Сулейя, ручира пришли, пришли васаванеси, —

Эти десять десятикратных сонмов, все разного вида,

Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,

Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

16. Самана, махасамана, мануса, манусуттама,

Кхиддападусика пришли, пришли манопадусика,

Затем пришли боги хари и лохитаваси,

Пришли боги парага, махапарага, наделенные славой, —

Эти десять десятикратных сонмов, все разного вида,

Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,

Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.

17. Пришли сукка, карумха, аруна с вегханаса,
 Пришли превосходные боги одатагайха, вичаккхана,
 Садаматта, харагаджа и миссака, наделенные славой,
 Пришел гремящий Паджджунна, что орошает стороны света, —
 Эти десять десятикратных сонмов, все разного вида,
 Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
 Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
18. Кхемя, тусита, яма и каттхака, наделенные славой,
 Ламбитака, ламасеттха и [боги] по имени джоти, асава,
 Нимманарати пришли, затем пришли параниммита —
 Эти десять десятикратных сонмов, все разного вида,
 Наделенные сверхъестественными способностями, блеском, красотой, славой,
 Они радуются, что пришли в лес в собрание монахов.
19. Шестьдесят этих собраний богов, все разного вида,
 Пришли, согласно именам, вместе и с другими, подобными [им],
 [Говоря]: „Оставившего свой род, не знающего преград, пересекшего поток, свободного
 от порочных свойств —
 Мы увидим — переправившегося через поток, нагу, месяц, взошедший над мраком!“
20. Субрахма и Параматта — сыновья, наделенные сверхъестественными способностями,
 [пришли] вместе,
- Сананкумара, и Тисса тоже пришел в лес в собрание.
 Великий Брахма стоит над тысячей миров Брахмы —
 И он возник [там], наделенный блеском, ужасающим обликом, славой.
 Десять Повелителей пришли сюда, владеющих по отдельности [мирами Брахмы],
 И среди них пришел Харита, окруженный [богами].
21. Пришли и все эти боги с Индой, с Брахмой,
 Пришло войско Мары — взгляните на безрассудство Канхи:
 [Он воскликнул:] „Идите, хватайте, вяжите, пусть же они будут связаны страстью!
 Окружайте со всех сторон, не упускайте никого из них!“
 Так Махасена послал войско Канхи,
 Ударяя ладонью о землю, производя устрашающие звуки.
 Подобно грозовой туче, извергающей громы и молнии,
 Он вернулся тогда [на свое место], злобный, не владеющий собой.
22. И узнав всё это, желая сказать [им], прозревший
 Наставник обратился затем к ученикам, радующимся наставлению:
 „Пришло войско Мары, распознайте его, монахи!“
 И те проявили усердие, услышав наставление Будды.
 [Враги] оставили свободных от страсти, не поколебав на них ни волоска.
 „Все победители в сражении, преодолевшие страх, наделенные славой, —
 Эти ученики, славные среди людей, радуются вместе со [всеми] существами!“»

Окончена «Махасамая-сутта».

XXI. «Саккапаньха-сутта» («Сутта о вопросах Сакки»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Магадхе, к востоку от Раджагахи, в пещере Индасала, у горы Ведияка, что к северу от брахманского селения под названием Амбасанда. И в то самое время у повелителя богов Сакки возникло стремление лицезреть Благостного.

И тогда повелитель богов Сакка подумал так: «Где же теперь пребывает Благостный, архат, всецело просветленный?» И повелитель богов Сакка увидел Благостного пребывающим в Магадхе, к востоку от Раджагахи, в пещере Индасала, у горы Ведияка, что к северу от брахманской деревни под названием Амбасанда. Видя [это], он обратился к тридцати трем богам:

«Досточтимые, этот Благостный обитает в Магадхе, к востоку от Раджагахи, в пещере Индасала, у горы Ведияка, что к северу от брахманской деревни под названием Амбасанда. Что, досточтимые, если бы мы приблизились, чтобы лицезреть этого Благостного, архата, всецело просветленного?»

«[Да будет] это благоприятно для тебя!» — согласились тридцать три бога с повелителем богов Саккой.

1.2. И тогда владыка богов Сакка обратился к отпрыску гандхаббов Панчасикхе:

«Дорогой Панчасикха, этот Благостный обитает в Магадхе, к востоку от Раджагахи, в пещере Индасала, у горы Ведияка, что к северу от брахманской деревни под названием Амбасанда. Что, дорогой Панчасикха, если бы мы приблизились, чтобы лицезреть этого Благостного, архата, всецело просветленного?»

«[Да будет] это благоприятно для тебя!» — согласился отпрыск гандхаббов Панчасикха с повелителем богов Саккой и, взяв желтую вину из [дерева] белува, пошел вслед за повелителем богов Саккой.

И вот, подобно тому как сильный человек вытягивает согнутую руку или сгибает вытянутую руку, так же точно повелитель богов Сакка исчез из [мира] тридцати трех богов и, окруженный тридцатью тремя богами, сопровождаемый отпрыском гандхаббов Панчасикхой, вновь возник в Магадхе, к востоку от Раджагахи, на горе Ведияка, что к северу от брахманской деревни под названием Амбасанда.

1.3. И в это самое время в силу божественной власти этих богов гора Ведьяка озарилась великим сиянием и [с ней] брахманская деревня Амбасанда — таково божественное величие богов. И вот люди из окрестных деревень говорили так:

«Поистине, загорелась сейчас эта гора Ведьяка; поистине, зажглась сейчас эта гора Ведьяка; поистине запылала сейчас эта гора Ведьяка! Почему же эта гора Ведьяка озарилась сейчас великим сиянием и [с ней] брахманская деревня Амбасанда?» — так говорили они взволнованные, охваченные дрожью волосков.

1.4. И тогда повелитель богов Сакка обратился к отпрыску гандхаббов Панчасикхе:

«Трудно, дорогой Панчасикха, приблизиться [существу], подобному мне, к Тахтагате, созерцающему, радующемуся созерцанию, ради этого предавшегося уединению. Если бы ты, дорогой Панчасикха, раньше склонил к милости Благостного, то затем и мы, дорогой, смогли бы приблизиться, чтобы лицезреть раньше склоненного тобою к милости Благостного, архата, всецело просветленного».

«[Да будет] это благоприятно для тебя!» — согласился отпрыск гандхаббов Панчасикха с повелителем богов Саккой и, взяв желтую вину из белувы, приблизился к пещере Индасала. Приблизившись [он подумал]: «В этих пределах Благостный не будет ни слишком далеко от меня, ни слишком близко и услышит [мой] голос» — и стал в стороне. И, стоя в стороне, отпрыск гандхаббов Панчасикха заиграл на желтой вине из белувы и произнес эти строфы, связанные с Буддой, связанные с истиной, связанные с архатами, связанные с любовью.

1.5. «Чту твоего отца Тимбару, Бхадда, Сурияваччаса,
Которым рождена ты, прекрасная, рождающая во мне блаженство.
Как ветерок мил вспотевшему, как питье — жаждущему,
Словно истина — архатам, так и ты дорога мне, лучистая.
Как лекарство — больного, как пища — голодного, —
Успокой [меня], Бхадда, словно вода — пламя.
Как в лotosовый пруд с прохладной водой, покрытой [цветочными] волокнами

и пылью,

[Погружается] слон, изнуренный зноем, так я погрузился бы в твою грудь и чрево.
Подобно слону, уклоняющемуся от стрела, [что думает:] „Я одолел погоняющее

[меня] острие“, —

Я не осознаю собственных действий, обезумев от [твоей] груди, отмеченной [красотой],
Тобою я скован в мыслях, мысли изменились,

Я не могу оставить [тебя], словно рыба, проглотившая крючок.

Прекраснобедрая, обними меня, Бхадда, обними меня, нежноокая,

Возьми меня в объятия, прекрасная, — [лишь] это желанно мне.

Ведь любовь моя была малой, волнистокудрая,

И стала великой, подобно подношению у архата.

Если есть у меня заслуга, совершённая перед подобными архатами,

То [будь] для меня, прекрасная всеми членами, плодом, созревшим от нее.

Если есть у меня заслуга, совершённая на этом земном круге,

То [будь] для меня, прекрасная всеми членами, плодом, созревшим от нее.

Как отпрыск сакьев, сосредоточенный на созерцании, разумный, способный к
самосознанию

Мудрец стремится достичь бессмертия, — так и я — тебя, Сурияваччаса.
Подобно тому как мудрец блаженствует, обретя высшее просветление, —
Так и я, прекрасная, блаженствовал бы, достигнув слияния с тобой.
И если бы Сакка, владыка тридцати трех [богов], пожаловал мне дар,
То я, Бхадда, выбрал бы тебя, столь крепка моя любовь.
Подобного недавно расцветшему [дереву] сала твоего отца, благоразумная, —
Я с почтением приветствую, — у которого подобное потомство».

1.6. Когда так было сказано, Благостный сказал отпрыску гандхаббов Панчасикхе:

«Ведь звуки струн, Панчасикха, сливаются у тебя со звуками пения, а звуки пения — со звуками струн, и звуки струн, Панчасикха, не затмевают у тебя звуков пения, а звуки пения — звуков струн. Когда же, Панчасикха, ты сложил эти строфы, связанные с Буддой, связанные с истиной, связанные с архатами, связанные с любовью?»

«Однажды, господин, Благостный, тут же после того как он достиг просветления, пребывал в Урувеле, на берегу реки Неранджары, у подножия баньяна, [принадлежащего] козьим пастухам. И в это самое время, господин, я возжелал дочь царя гандхаббов Тимбару — Сурияваччасу, чье имя Бхадда. Между тем, господин, эта госпожа любила другого, желала Сикхаддхи, сына возницы Матали. И поскольку, господин, я не мог никаким способом добиться этой госпожи, я взял тогда желтую вину из белувы, приблизился к жилищу царя гандхаббов Тимбару, заиграл на желтой вине из белувы и произнес эти строфы, связанные с Буддой, связанные с истиной, связанные с архатами, связанные с любовью:

1.7. „Чту твоего отца Тимбару, Бхадда, Сурияваччасу,
Которым рождена ты, прекрасная, рождающая во мне блаженство.
Как ветерок мил вспотевшему, как питье — жаждущему,
Словно истина — архатам, так и ты дорога мне, лучистая.
Как лекарство — больного, как пища — голодного, —
Успокой [меня], Бхадда, словно вода — пламя.

Как в лотосовый пруд с прохладной водой, покрытой [цветочными] волокнами и
пыльцой,
[Погружается] слон, изнуренный зноем, так я погрузился бы в твою грудь и чрево.
Подобно слону, уклоняющемуся от стрекала, [что думает:] ‘Я одолел погоняющее
[меня] острие’, —
Я не осознаю [собственных] действий, обезумев от [твоей] груди, отмеченной [красотой],
Тобою я скован в мыслях, мысли изменились,
Я не могу оставить [тебя], словно рыба, проглотившая крючок.
Прекраснобедрая, обними меня, Бхадда, обними меня, нежноокая,
Возьми меня в объятия, прекрасная, — [лишь] это желанно мне.
Ведь любовь моя была малой, волнистокудрая,

И стала великой, подобно подношению у архата.

Если есть у меня заслуга, совершённая перед подобными архатами,

То [будь] для меня, прекрасная всеми членами, плодом созревшим от нее.

Если есть у меня заслуга, совершённая на этом земном круге,

То будь для меня, прекрасная всеми членами, плодом созревшим от нее.

Как отпрыск сакьев, сосредоточенный на созерцании, разумный, способный к

самосознанию

Мудрец стремится достичь бессмертия, — так и я — тебя, Суриявачаса.

Подобно тому как мудрец блаженствует, обретя высшее просветление, —

Так и я, прекрасная, блаженствовал бы, достигнув слияния с тобой.

И если бы Сакка, владыка тридцати трех [богов], пожаловал мне дар,

То я, Бхадда, выбрал бы тебя, столь крепка моя любовь.

Подобного недавно расцветшему [дереву] сала твоего отца, благоразумная, —

Я с почтением приветствую, — у которого подобное потомство“.

И когда, господин, так было сказано, Бхадда Суриявачаса сказала мне:

„Досточтимый, я не видела в лицо этого Благостного, но я слышала об этом Благостном, когда танцевала в зале Судхамма у тридцати трех богов. Если ты, досточтимый, восхваляешь этого Благостного, пусть сегодня у нас будет встреча“.

Так, господин, у нас с этой госпожой была встреча, но не тогда же, а вслед за тем».

1.8. И тогда повелитель богов Сакка подумал так: «Ведь отпрыск гандхаббов Панчасикха обменивается дружелюбными словами с Благостным и Благостный — с Панчасикхой». И тогда повелитель богов Сакка обратился к отпрыску гандхаббов Панчасикхе:

«Дорогой Панчасикха, приветствуй от меня Благостного [и скажи]: „Господин, повелитель богов Сакка вместе с приближенными и слугами склоняет голову у стоп Благостного“».

«[Да будет] это благоприятно для тебя!» — согласился отпрыск гандхаббов Панчасикха с повелителем богов Саккой и приветствовал Благостного:

«Господин, повелитель богов Сакка вместе с приближенными и слугами склоняет голову у стоп Благостного!»

«Да будет, Панчасикха, счастлив повелитель богов Сакка вместе с приближенными и слугами — ведь боги, люди, асуры, наги, гандхаббы и многие другие сонмы [сущест]в желают счастья».

Так Татхагаты приветствуют великих владык подобного рода. И приветствуемый Благостным повелитель богов Сакка вошел в пещеру Индасала, приветствовал Благостного и стал в стороне; и тридцать три бога тоже вошли в пещеру Индасала, приветствовали Благостного и стали в стороне; и отпрыск гандхаббов Панчасикха тоже вошел в пещеру Индасала, приветствовал Благостного и стал в стороне.

1.9. И в это самое время в пещере Индасала неровные места сделались ровными, узкие [проходы] сделались просторными, во мраке пещеры возник свет —

таково божественное величие богов. И тогда Благостный так сказал повелителю богов Сакке:

«Чудесно это, достопочтенный Косия, необычайно это, достопочтенный Косия, что, хотя у тебя много дел и тебе надлежит много сделать, ты пришел сюда».

«Давно уже, господин, я желал приблизиться, чтобы лицезреть Благостного, но, занятый всевозможными делами тридцати трех богов, которые надлежало сделать, я не мог приблизиться, чтобы лицезреть Благостного. Но вот однажды, господин, Благостный пребывал в Саваттхи, в обители из салы. И тогда, господин, я пришел в Саваттхи, чтобы лицезреть Благостного».

1.10. И в это самое время, господин, Благостный сидел, [погруженный] в один из видов сосредоточенности, и прислужница Вессаваны по имени Бхунджати стояла перед ним с почтительно сложенными [и протянутыми] ладонями. И тогда, господин, я так сказал Бхунджати:

„Госпожа, приветствуй от меня Благостного [и скажи]: ‘Господин, повелитель богов Сакка вместе с приближенными и слугами склоняет голову у стоп Благостного’“.

Когда так было сказано, Бхунджати сказала мне: „Не время, досточтимый, лицезреть Благостного — Благостный находится [сейчас] в уединении“.

„В таком случае, госпожа, когда Благостный пробудится от этой сосредоточенности, приветствуй Благостного моими словами: ‘Господин, повелитель богов Сакка вместе с приближенными и слугами склоняет голову у стоп Благостного’“.

Что же, господин, приветствовала ли от меня эта госпожа Благостного, помнит ли Благостный слова этой госпожи?»

«Эта госпожа приветствовала меня, повелитель богов. Я помню слова этой госпожи. Ведь я пробудился [тогда] от этой сосредоточенности, достопочтенный, из-за звука ободьев [колес твоей колесницы]».

1.11. «Господин, я слышал из уст, я воспринял из уст тех богов, которые еще прежде нас родились в сонме тридцати трех, что когда в мире рождаются Татхагаты, архаты, всецело просветленные, то божественные сонмы возрастают, и уменьшаются сонмы асуров. И вот, господин, я воочию узрел, что когда в мире рождается Татхагата, архат, всецело просветленный, то божественные сонмы возрастают, и уменьшаются сонмы асуров. Вот, господин, в Капилаваттху была дочь сакьев по имени Гопика, уверовавшая в Будду, уверовавшая в дхамму, уверовавшая в сангху, исполнявшая заповеди нравственности. Отказавшись от женских помыслов, предавшись мужским помыслам, она с распадом тела после смерти родилась в счастливом небесном мире, среди тридцати трех богов, обретя состояние нашего отпрыска. И там его стали называть так: „Божественный отпрыск Гопака, божественный отпрыск Гопака“. И еще, господин, три других монаха, ведя целомудренную жизнь при Благостном, родились в более низком состоянии в сонме гандхаббов. Наделенные, одаренные, наслаждающиеся пятью признаками чувственности, они стали нашими подчиненными, нашими прислужниками. И божественный отпрыск Гопака стал порицать их, ставших нашими подчиненными, нашими прислужниками: „Где же вы были, досточтимые, что не

услышали истины этого Благостного? Ведь я, будучи женщиной, уверовав в Будду, уверовав в дхамму, уверовав в сангху, исполняя заповеди нравственности, отказавшись от женских помыслов, предавшись мужским помыслам, с распадом тела после смерти родился в счастливом небесном мире, среди тридцати трех богов, обретя состояние отпрыска повелителя богов Сакки. И здесь меня стали называть так: 'Божественный отпрыск Гопака, божественный отпрыск Гопака'. Вы же, досточтимые, ведя целомудренную жизнь при Благостном, родились в более низком состоянии в сонме гандхаббов. Поистине, печальное для вида зрелище увидели мы, когда увидели, что наши единоверцы родились в более низком состоянии в сонме гандхаббов". И вот, господин, из них, порицаемых божественным отпрыском Гопакой, двое богов обрели в зримом мире способность самосознания, [достигнув] сонма жрецов Брахмы, один же бог остался привержен чувственным удовольствиям. [И Гопака сказал далее]:

1.12. „Я был прозревшей преданной миряночкой, и меня звали именем Гопика.

Уверовав в Будду и дхамму, с верой в сердце я служил сангхе.

За добродетель перед этим Буддой я вновь родился как отпрыск Сакки, великий

могуществом,

Великий блеском; [среди богов] трех небес и называют меня здесь Гопака.

И вот я увидел [сущест, бывших] в прежнем состоянии монахами, достигших сонма гандхаббов, живущих [здесь].

Ведь они были теми учениками Готама, которым и мы прежде в человеческом облике Прислуживали в своем жилище, [угощая] едой, питьем, собираясь у [их] ног.

Где же были эти досточтимые, что не приняли истины Будды —

Истины, что следует ощутить в своем сердце, хорошо преподанной, постигнутой

прозревшим.

Вот я, прислуживая вам, слушал праведные благие речи

И вновь родился как отпрыск Сакки, великий могуществом, великий блеском [среди

богов] трех небес,

Вы же, прислуживая лучшему, ведя несравненную целомудренную жизнь,

Вновь родились, досточтимые, в более низком сонме, вновь родились в неподходящем состоянии.

Поистине, печальное для вида зрелище увидели мы — единоверцев, вновь рожденных в более низком сонме.

Достигнув сонма гандхаббов, досточтимые, вы стали прислуживать богам.

Взгляните, какая разница это [по сравнению] со мной, жившим в доме, —

Будучи женщиной, я ныне благополучно [рожден] мужчиной, богом, наделенным небесными удовольствиями".

И, порицаемые учеником Готама, они пришли в волнение и, собравшись, [сказали]

Гопаке:

„Давайте уйдем отсюда, постараемся, чтобы мы не были чужими слугами“.

Двое из них, проявив усердие, памятуя наставления Готама,

Тут же очистив помыслы, узрели опасность чувственных удовольствий.

Разорвав узы, созданные чувственными удовольствиями, трудноодолимые пути зла,
Подобно слону, [порвавшему] цепи и веревки, они даже превосшли [состояние]
тридцати трех богов.

С богами Инды, с [богами] Паджапати они все вступили в зал Судхамма.
Они превосшли сидящих [там] — герои, бесстрастные, непорочные в делах.
И при виде их владыка богов Васави посреди собрания богов пришел в волнение
[и сказал]:
„Ведь эти вновь рожденные в более низком сонме превосходят [теперь состояние]
тридцати трех богов“.

И, услышав речь, рожденную волнением, этот Гопака обратился к Васаве:
„Инда, ведь в мире людей есть Будда, победивший чувственность, зовущийся мудрецом
из сакьев.
Эти его отпрыски, лишённые способности самосознания, оставили существование
и благодаря мне снова обрели способность самосознания.“

Из этих трех один еще остается здесь, живет, достигнув сонма гандхаббов,
А двое, следуя путем просветления, пребывая в сосредоточенности, презирают даже
богов.

Пусть ни один ученик не сомневается здесь в подобном наставлении в истине.
Мы славим Будду, переправившегося через поток, отсекающего сомнения, победителя,
повелителя существ“.

Ведь познав здесь истину, они достигли отличия —
Двое из них достигли [высшего] отличия — сонма жрецов Брахмы.
Мы пришли, досточтимый, веруя в эту истину.
Получив разрешение Благостного, мы хотели бы, досточтимый, задать вопрос“.

1.13. И тогда Благостный подумал так: «Ведь этот Сакка уже долгое время
пребывает в чистоте. Если он задает мне какой-либо вопрос, то задает [вопрос],
всцело связанный с пользой, а не несвязанный с пользой, и то, что я, будучи
спрошен, отвечу ему, он быстро поймет».

И тогда Благостный обратился к повелителю богов Сакке со строфой:

«Задавай, Васави, мне вопрос, какой только желает [твой] разум.
И [в ответ] на каждый вопрос я положу конец твоему [сомнению]».

[Окончен] первый раздел поучения.

2.1. И получив разрешение, повелитель богов Сакка задал Благостному такой
первый вопрос:

«Чем связаны, досточтимый, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы и другие
многочисленные сонмы [сущест], что [хотя они говорят:] „Мы желаем жить без
вражды, без насилия, без соперничества, без злобы, не враждуя“, — у них этого
не бывает, и они живут с враждой, с насилием, с соперничеством, со злобой,
враждуя?»

Такой повелитель богов Сакка задал первый вопрос Благостному. И Благостный, будучи спрошен, ответил на его вопрос:

«Завистью и жадностью, повелитель богов, связаны боги, люди, асуры, наги, гандхаббы и другие многочисленные сонмы [существ так], что [хотя они говорят:] „Мы желаем жить без вражды, без насилия, без соперничества, без злобы, не враждуя“, — у них этого не бывает, и они живут с враждой, с насилием, с соперничеством, со злобой, враждуя».

Так Благостный, будучи спрошен, ответил на вопрос повелителя богов Сакки. И удовлетворенный повелитель богов Сакка порадовался словам Благостного и поблагодарил [за них]: «Это так, Благостный, это так, Счастливый. Я преодолел здесь сомнение и освободился от замешательства, услышав ответ Благостного на вопрос».

2.2. И вот повелитель богов Сакка, порадовавшись словам Благостного и поблагодарив [за них], задал Благостному следующий вопрос:

«Каков же, досточтимый, источник зависти и жадности, каково возникновение, каково происхождение, какова причина, в чьем присутствии бывают зависть и жадность, в чьем отсутствии не бывает зависти и жадности?»

«В любимом и нелюбимом, повелитель богов, — источник зависти и жадности, в любимом и нелюбимом — [их] возникновение, в любимом и нелюбимом — происхождение, в любимом и нелюбимом — причина, в присутствии любимого и нелюбимого бывают зависть и жадность, в отсутствии любимого и нелюбимого не бывает зависти и жадности».

«Каков же, досточтимый, источник любимого и нелюбимого, каково возникновение, каково происхождение, какова причина, в чьем присутствии бывает любимое и нелюбимое, в чьем отсутствии не бывает любимого и нелюбимого?»

«Желание, повелитель богов, — источник любимого и нелюбимого, в желании — [их] возникновение, в желании — происхождение, в желании — причина, в присутствии желания бывает любимое и нелюбимое, в отсутствии желания не бывает любимого и нелюбимого».

«Каков же, досточтимый, источник желания, каково возникновение, каково происхождение, какова причина, в чьем присутствии бывает желание, в чьем отсутствии не бывает желания?»

«Озабоченность, повелитель богов, — источник желания, в озабоченности — [его] возникновение, в озабоченности — происхождение, в озабоченности — причина, в присутствии озабоченности бывает желание, в отсутствии озабоченности не бывает желания».

«Каков же, досточтимый, источник озабоченности, каково возникновение, каково происхождение, какова причина, в чьем присутствии бывает озабоченность, в чьем отсутствии не бывает озабоченности?»

«Препятствие ослепления, повелитель богов, — источник озабоченности, в препятствии ослепления — [ее] возникновение, в препятствии ослепления — происхождение, в препятствии ослепления — причина, в присутствии препятствия ослепления бывает озабоченность, в отсутствии препятствия ослепления не бывает озабоченности».

2.3. «Чему же, досточтимый, следует монах, следующий путем, должным образом ведущим к уничтожению препятствия ослепления?»

«Я говорю об удовлетворенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной. Я говорю о неудовлетворенности двух видов, повелитель богов — уместной и неуместной. Я говорю об уравновешенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной.

„Я говорю об удовлетворенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной“, — так было сказано. По какой причине так было сказано? Когда здесь осознают [свою] удовлетворенность: „Вот у меня, предающегося этой удовлетворенности, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства“, — то подобная удовлетворенность неуместна. Когда здесь осознают [свою] удовлетворенность: „Вот у меня, предающегося этой удовлетворенности, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства“, — то подобная удовлетворенность уместна. Одна связана здесь с озабоченностью, с раздумьем; другая свободна от озабоченности, от раздумья, а та, которая свободна от озабоченности, от раздумья, — более возвышенна.

„Я говорю об удовлетворенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной“, — то, что было сказано так, сказано по такой причине.

„Я говорю о неудовлетворенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной“, — так было сказано. По какой причине так было сказано? Когда здесь осознают [свою] неудовлетворенность: „Вот у меня, предающегося этой неудовлетворенности, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства“, — то подобная неудовлетворенность неуместна. Когда здесь осознают [свою] неудовлетворенность: „Вот у меня, предающегося этой неудовлетворенности, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства“, — то подобная неудовлетворенность уместна. Одна связана здесь с озабоченностью, с раздумьем; другая свободна от озабоченности, от раздумья, и та, которая свободна от озабоченности, от раздумья, более возвышенна.

„Я говорю о неудовлетворенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной“, — то, что было сказано так, сказано по такой причине.

„Я говорю об уравновешенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной“, — так было сказано. По какой причине так было сказано? Когда здесь осознают [свою] уравновешенность: „Вот у меня, предающегося этой уравновешенности, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства“, — то подобная уравновешенность неуместна. Когда здесь осознают [свою] уравновешенность: „Вот у меня, предающегося этой уравновешенности, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства“, — то подобная уравновешенность уместна. Одна связана здесь с озабоченностью, с раздумьем, другая свободна от озабоченности, от раздумья, и та, которая свободна от озабоченности, от раздумья, более возвышенна.

„Я говорю об уравновешенности двух видов, повелитель богов, — уместной и неуместной“, — то, что было сказано так, сказано по такой причине.

Вот чему, повелитель богов, следует монах, следующий путем, должным образом ведущим к уничтожению препятствия ослепления».

Так Благостный, будучи спрошен, ответил на вопрос повелителя богов Сакки. И удовлетворенный повелитель богов Сакка порадовался словам Благостного и поблагодарил [за них]: «Это так, Благостный, это так, Счастливый. Я преодолел здесь сомнение и освободился от замешательства, услышав ответ Благостного на вопрос».

2.4. И вот повелитель богов Сакка, порадовавшись словам Благостного и поблагодарив [за них], задал Благостному следующий вопрос:

«Чему же, досточтимый, следует монах, следующий воздержанию согласно предписаниям для отшельника?

„Я говорю о двух видах поведения тела, повелитель богов, — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах поведения речи, повелитель богов, — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах искания, повелитель богов, — уместном и неуместном“.

„Я говорю о двух видах поведения тела, повелитель богов, — уместном и неуместном“, — так было сказано. По какой причине так было сказано? Когда здесь осознают [свое] поведение тела: „Вот у меня, предающегося этому поведению тела, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства“, — то подобное поведение тела неуместно. Когда здесь осознают [свое] поведение тела: „Вот у меня, предающегося этому поведению тела, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства“, — то подобное поведение тела уместно.

„Я говорю о двух видах поведения тела, повелитель богов, — уместном и неуместном“, — то, что было сказано так, сказано по такой причине.

„Я говорю о двух видах поведения в речи, повелитель богов, — уместном и неуместном“, — так было сказано. По какой причине так было сказано? Когда здесь осознают [свое] поведение в речи: „Вот у меня, предающегося этому поведению речи, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства“, — то подобное поведение в речи неуместно. Когда здесь осознают [свое] поведение в речи: „Вот у меня, предающегося этому поведению в речи, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства“, — то подобное поведение в речи уместно.

„Я говорю о двух видах поведения в речи, повелитель богов, — уместном и неуместном“, — то, что было сказано так, сказано по такой причине.

„Я говорю о двух видах искания, повелитель богов, — уместном и неуместном“, — так было сказано. По какой причине так было сказано? Когда здесь осознают [свое] искание: „Вот у меня, предающегося этому исканию, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства“, — то подобное искание неуместно. Когда здесь осознают [свое] искание: „Вот у меня, предающегося этому исканию, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства“, — то подобное искание уместно.

„Я говорю о двух видах искания, повелитель богов, — уместном и неуместном“, — то, что было сказано так, сказано по такой причине.

Вот чему, повелитель богов, следует монах, следующий воздержанию согласно предписаниям для отшельника».

Так Благостный, будучи спрошен, ответил на вопрос повелителя богов Сакки. И удовлетворенный повелитель богов Сакка порадовался словам Благостного и поблагодарил [за них]: «Это так, Благостный, это так, Счастливый. Я преодолел здесь сомнение и освободился от замешательства, услышав ответ Благостного на вопрос».

2.5. И вот повелитель богов Сакка, порадовавшись словам Благостного и поблагодарив [за них], задал Благостному следующий вопрос:

«Чему же, досточтимый, следует монах, следующий сдерживанию жизненных способностей?»

«Я говорю о двух видах образов, постигаемых глазом — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах звуков, постигаемых ухом — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах запахов, постигаемых носом, — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах вкусов, постигаемых языком, — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах прикосновений, постигаемых телом, — уместном и неуместном. Я говорю о двух видах представлений, постигаемых разумом, — уместном и неуместном».

Когда так было сказано, повелитель богов Сакка сказал Благостному:

«Я полностью понимаю, господин, смысл сказанного Благостным вкратце. Когда, господин, при восприятии образа, постигаемого глазом, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства, то подобный образ, постигаемый глазом, неуместен. Когда, господин, при восприятии образа, постигаемого глазом, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства, то подобный образ, постигаемый глазом, уместен. Когда, господин, при восприятии звука, постигаемого ухом, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства, то подобный звук, постигаемый ухом, неуместен. Когда, господин, при восприятии звука, постигаемого ухом, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства, то подобный звук, постигаемый ухом, уместен. Когда, господин, при восприятии запаха, постигаемого носом, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства, то подобный запах, постигаемый носом, неуместен. Когда, господин, при восприятии запаха, постигаемого носом, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства, то подобный запах, постигаемый носом, уместен. Когда, господин, при восприятии вкуса, постигаемого языком, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства, то подобный вкус, постигаемый языком, неуместен. Когда, господин, при восприятии вкуса, постигаемого языком, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства, то подобный вкус, постигаемый языком, уместен. Когда, господин, при восприятии прикосновения, постигаемого телом, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства, то подобное прикосновение, постигаемое телом, неуместно. Когда, господин, при восприятии прикосновения, постигаемого телом, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства, то подобное прикосновение, постигаемое телом, уместно. Когда, господин, при восприятии представления, постигаемого разумом, умножаются нехорошие свойства и пропадают хорошие свойства, то подобное представление,

постигаемое разумом, неуместно. Когда, господин, при восприятии представления, постигаемого разумом, пропадают нехорошие свойства и умножаются хорошие свойства, то подобное представление, постигаемое разумом, уместно. Так я полностью понимаю, господин, смысл сказанного Благостным вкратце; я преодолел здесь сомнение и освободился от замешательства, услышав ответ Благостного на вопрос».

2.6. И вот повелитель богов Сакка, порадовавшись словам Благостного и поблагодарив [за них], задал Благостному следующий вопрос:

«Все ли, досточтимый, отшельники и брахманы придерживаются одного учения, одной нравственности, одного стремления, одной приверженности?»

«Нет, повелитель богов, не все отшельники и брахманы придерживаются одного учения, одной нравственности, одного стремления, одной приверженности».

«Почему же, досточтимый, не все отшельники и брахманы придерживаются одного учения, одной нравственности, одного стремления, одной приверженности?»

«Весь мир, повелитель богов, состоит из множества элементов, из разнообразных элементов. И в этом мире, состоящем из множества элементов, из разнообразных элементов, к какому элементу ни привяжутся существа, о том элементе со всей силой приверженные и привязанные [к нему] они полагают: „Это — истина, [всё] прочее — заблуждение“. Поэтому не все отшельники и брахманы придерживаются одного учения, одной нравственности, одного стремления, одной приверженности».

«Все ли, досточтимый отшельники и брахманы всецело совершенны, всецело свободны от уз, всецело целомудренны, всецело обрели конечную цель?»

«Нет, повелитель богов, не все отшельники и брахманы всецело совершенны, всецело свободны от уз, всецело целомудренны, всецело обрели конечную цель».

«Почему же, досточтимый, не все отшельники и брахманы всецело совершенны, всецело свободны от уз, всецело целомудренны, всецело обрели конечную цель?»

«Те лишь отшельники и брахманы, повелитель богов, которые освободились, до конца разрушив жадю, всецело совершенны, всецело свободны от уз, всецело целомудренны, всецело обрели конечную цель. Поэтому не все отшельники и брахманы всецело совершенны, всецело свободны от уз, всецело целомудренны, всецело обрели конечную цель».

Так Благостный, будучи спрошен, ответил на вопрос повелителя богов Сакки. И удовлетворенный повелитель богов Сакка порадовался словам Благостного и поблагодарил [за них]: «Это так, Благостный, это так, Счастливый! Я преодолел здесь сомнение и освободился от замешательства, услышав ответ Благостного на вопрос».

2.7. И вот повелитель богов Сакка, порадовавшись словам Благостного и поблагодарив [за них], так сказал Благостному:

«Беспокойство — это болезнь, господин, беспокойство — нарыв, беспокойство — дротик, беспокойство влечет человека, создавая все новые и новые существ-

вованя; из-за него этот человек достигает то высокого, то низкого состояний. На те вопросы, господин, которые другие отшельники и брахманы, [находящиеся] за пределами [твоего учения], даже не дали позволения [задать], — Благодный ответил мне, долгое время осаждаемому [сомнениями], и вот Благодный извлек тот дротик сомнений и неуверенности, который [засел] во мне».

«Вспоминаешь ли ты, повелитель богов, что задал другим отшельникам и брахманам те же вопросы?»

«Я вспоминаю, господин, что задал другим отшельникам и брахманам те же вопросы».

«Так расскажи, повелитель богов, если тебе не трудно, как они ответили тебе».

«Мне не трудно, господин, когда Благодный или подобные Благодному [выслушивают меня] сидя».

«Тогда рассказывай, повелитель богов».

«Приблизившись к тем, господин, кого я считал отшельниками и брахманами, ибо [знал:] „Они живут в чаще, пребывая вдали от людей“, — и задал им эти вопросы. Будучи спрошены мною, они не сумели ответить и, не сумев ответить, в свою очередь спросили меня: „Каково имя достопочтенного?“ Будучи спрошен, я ответил им: „Я, досточтимые, повелитель богов Сакка“. Тогда они спросили меня снова: „С какой целью досточтенный повелитель богов явился в это место?“ И я наставил их в истине, как слышал и как выучил [ее]. Они же, удовлетворенные столь малым, [сказали]: „Мы узрели повелителя богов Сакку, и он ответил нам на то, что мы у него спросили“. Поистине, так они сами сделались моими учениками, а не я — их; я же, господин, — ученик Благодного, вступивший в поток, не подверженный страданию, уверенный, движущийся к просветлению».

«Вспоминаешь ли ты повелитель богов, что еще прежде этого обрел одушевление и удовлетворение подобного рода?»

«Я вспоминаю, господин, что еще прежде этого обрел одушевление и удовлетворение подобного рода».

«Как же, повелитель богов, ты вспоминаешь, что еще прежде этого обрел одушевление и удовлетворение подобного рода?»

«Когда-то давно, господин, разгорелось сражение между богами и асурами. И в этом сражении, господин, боги победили, а асуры были побеждены. И когда, господин, я одержал победу в этой битве, то, победив в битве, подумал так: „Отныне боги будут пользоваться и тем и другим — и силой богов, и силой асуров“. И все же, господин, то одушевление и удовлетворение связано с насилием, связано с оружием, не ведет ни к отказу [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббане. Это же, господин, одушевление и удовлетворение, [возникшее] у меня, когда я услышал истину от Благодного, не связано с насилием, не связано с оружием, всецело ведет к отказу [от мира], к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к постижению, к просветлению, к ниббане».

2.8. «Какие же причины ты видишь, повелитель богов, что возлащаешь о подобном одушевлении и удовлетворении?»

«Я вижу, господин, шесть причин, по которым возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

В то время как, находясь здесь, я пребываю в состоянии бога,
Мной обретена еще и новая жизнь — знай это.

Вида эту первую причину, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

Оставив существование в божественном сонме, лишившись нечеловеческой жизни,
Неослепленный я стремлюсь к лону, где находит наслаждение мой разум.

Вида эту вторую причину, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

Так, неослепленный, [постигнув ответы на] вопросы, я, поистине, живу, наслаждаясь
наставлением,
И буду жить должным образом — вдумчивый, внимательный.

Вида эту третью причину, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

И мне, ведущему должный образ жизни, явится просветление,
Я буду жить подобно Постигшему — таков будет конец.

Вида эту четвертую причину, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

Оставив существование в человеческом сонме, лишившись человеческой жизни,
Я снова стану богом — высшим в мире богов.

Вида эту пятую причину, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

Эти возвышеннейшие боги аканиттха, наделенные славой, —
Таково будет мое местопребывание, когда я буду находиться в последнем воплощении.

Вида эту шестую причину, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

Вида эти шесть причин, господин, я возглашаю о подобном одушевлении и удовлетворении.

2.9. С неудовлетворенным намерением, сомневаясь, неуверенный,
Я странствовал долгое время, ища Татхагату.

Поистине, думаю я, к тем отшельникам, пребывающим в уединении,
Что считаются просветленными, я и приближусь почтительно.
„Как бывает удовлетворение, как бывает неудовлетворение?“ —
Спрошенные таким образом, они не были способны [наставить меня] в пути и
средствах,

Но, поистине, когда узнали, что я, пришедший [к ним], — Сакка среди богов,
То сами спросили меня: „С какой целью ты пришел сюда?“
Я наставил их в истине, как слышал [ее, как] слышал среди людей,
И они были удовлетворены этим и [сказали]: „Мы узрели Васаву!“
С тех же пор, как я увидел Будду, преодолевшего сомнения,
То, освободившись от страха, прислуживаю ныне просветленному.
Уничтожившего дротик жажды, несравненного Будду
Я славлю — слава великому герою, родичу солнца!
Как, досточтимый, чтут Брахму с богами,
Так же ныне и мы чтим тебя — да! оказываем тебе поклонение.
Ведь ты — просветленный, ты — непревзойденный наставник.
Нет в этом мире со [всеми] богами равного тебе!»

2.10. И вот повелитель богов Сакка обратился к отпрыску гандхаббов Панчасикхе:

«Великую помощь ты [оказал] мне, дорогой Панчасикха, что сначала склонил
к милости Благостного. После того как ты, дорогой, склонил к милости Благостного,
мы приблизились, чтобы лицезреть Благостного, архата, всецело просветленного.
Я поставлю тебя на отцовское место, ты станешь царем гандхаббов, и я дам тебе Бхадду Сурияваччасу, ибо она желанна тебе».

И тогда повелитель богов Сакка, коснувшись ладонью земли, трижды взволнованно воскликнул:

«Почтение этому Благостному, архату, всецело просветленному!
Почтение этому Благостному, архату, всецело просветленному!
Почтение этому Благостному, архату, всецело просветленному!»

И когда во время этого объяснения говорилось так, в повелителе богов Сакке
возникло непорочное, свободное от скверны видение истины: «Всё то, что под-
вержено возникновению, подвержено и уничтожению». И то же [произошло]
с другими восемьюдесятью тысячами божеств. Такие вопросы были заданы по-
лучившим дозволение повелителем богов Саккой и разъяснены Благостным. По-
этому это разъяснение и носит название «Саккапаньха».

Окончена «Саккапаньха-сутта».

XXII. «Махасатипаттхана-сутта»

(«Большая сутта об установлениях способности самосознания»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал среди куру в торговом поселении куру под названием Каммассахамма. И там Благостный обратился к монахам: «Монахи!» — «Да, господин», — ответили те монахи Благостному. Благостный сказал так:

«Единственный путь, монахи, ведущий к очищению существ, к преодолению горя и плача, к избавлению от несчастья и неудовлетворенности, к достижению знания, к осуществлению ниббаны, — это четыре установления способности самосознания.

Каковы же эти четыре? Вот, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ум в [своем] уме, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность.

2. Как же, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле?

Вот, монахи, монах, уйдя в лес, или уйдя к подножию дерева, или уйдя в уединенное место, сидит, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывает в сосредоточенном внимании. Со способностью самосознания он делает выдох. Делая долгий вдох, он осознаёт: „Я делаю долгий вдох“; делая долгий выдох, он осознаёт: „Я делаю долгий выдох“. Делая короткий вдох, он осознаёт: „Я делаю короткий вдох“; делая короткий выдох, он осознаёт: „Я делаю короткий выдох“. Он упражняется [в мысли]: „Я буду делать вдох, ощущая все [свое] тело“; он упражняется [в мысли]: „Я буду делать выдох, ощущая все [свое] тело“. Он упражняется [в мысли]: „Я буду делать вдох, успокаивая [всю] совокупность тела“; он упражняется [в мысли]: „Я буду делать выдох, успокаивая [всю] совокупность тела“.

Подобно тому, монахи, как искусный точильщик или ученик точильщика, вытягивая длинную [бечевку], осознаёт: „Я вытягиваю длинную“ или, вытягивая короткую, осознаёт: „Я вытягиваю короткую“, так же точно, монахи, и монах, делая долгий вдох, осознаёт: „Я делаю долгий вдох“; делая долгий выдох, осознаёт: „Я делаю долгий выдох“. Делая короткий вдох, он осознаёт: „Я делаю короткий вдох“; делая короткий выдох, он осознаёт: „Я делаю короткий выдох“. Он упражняется [в мысли]: „Я буду делать вдох, ощущая все [свое] тело“; он упражняется [в мысли]: „Я буду делать выдох, ощущая все [свое] тело“. Он упражняется [в мысли]: „Я буду делать вдох, успокаивая [всю] совокупность тела“; он упражняется [в мысли]: „Я буду делать выдох, успокаивая [всю] совокупность тела“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утверждённая [в нём] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

3. И далее, монахи, монах, идя, осознаёт: „Я иду“; стоя, осознаёт: „Я стою“; сидя, осознаёт: „Я сижу“; лежа, осознаёт: „Я лежу“. В каком состоянии ни находится его тело, таким он его и осознаёт.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утверждённая [в нём] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

4. И далее, монахи, монах вдумчиво действует, когда он идет вперед и идет назад; вдумчиво действует, когда глядит вперед и глядит по сторонам; вдумчиво действует, когда сгибается и распрямляется; вдумчиво действует, когда носит ткань, сосуд для подаваний и верхнюю одежду; вдумчиво действует, когда ест, пьёт, разжевывает, пробует на вкус; вдумчиво действует, когда испражняется и мочится; вдумчиво действует, когда ходит, стоит, сидит, спит, бодрствует, говорит, молчит.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утверждённая [в нём] ради знания, ради внимательности. И он

пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

5. И далее, монахи, монах глядит на это тело — снизу от ступней и доверху, до волос на макушке — как на обернутое в кожу, полное разнообразных нечистот, [осознавая]: „Есть у этого тела волосы, волоски, ногти, зубы, кожа, мясо, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, потроха, кишки, желудок, кал, желчь, флегма, гной, кровь, пот, жир, слезы, сыворотка, слюна, сопля, синовиальная жидкость, моча“.

Подобно тому, монахи, как если бы сумка для провизии с отверстиями с обеих сторон была полна разного рода зерном, а именно: рисом, рисом в шелухе, бобами, сезамом, рисом, [приготовленным для варки], и наблюдательный человек, развязав эту [сумку], глядел на [зерно, осознавая]: „Вот рис, вот рис в шелухе, вот бобы, вот сезам, вот рис, [приготовленный для варки]“ — так же точно, монахи, и монах глядит на это тело — снизу от ступней и доверху, до волос на макушке — как на обернутое в кожу, полное разнообразных нечистот, [осознавая]: „Есть у этого тела волосы, волоски, ногти, зубы, кожа, мясо, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, потроха, кишки, желудок, кал, желчь, флегма, гной, кровь, пот, жир, слезы, сыворотка, слюна, сопля, синовиальная жидкость, моча“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

6. И далее, монахи, монах глядит на это тело, в каком бы оно ни было положении и состоянии, [осознавая] в соответствии с [его] элементами: „Есть в этом теле элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха“.

Подобно тому, монахи, как искусный мясник или ученик мясника, убив быка, усаживается на перекрестке, разделив [там тушу] на куски, так же точно монахи, монах глядит на это тело, в каком бы оно ни было положении и состоянии, [осознавая] в соответствии с его элементами: „Есть в этом теле элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

7. И далее, монахи, монах, словно видя труп, выброшенный на кладбище, раздувшийся [словно] на первый день, или на второй день, или на третий день [после смерти], посиневший, разлагающийся, — так сосредоточивается на этом [своем] теле: „Ведь и это тело наделено подобной же природой, подобной участью и не избегнет этого [удела]“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

8. И далее, монахи, монах, словно видя труп, выброшенный на кладбище, поедаемый воронами, поедаемый ястребами, поедаемый коршунами, поедаемый псами, поедаемый шакалами, поедаемый различными существами, — так сосредоточивается на этом [своем] теле: „Ведь и это тело наделено подобной же природой, подобной участью и не избегнет этого [удела]“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

9. И далее, монахи, монах, словно видя труп, выброшенный на кладбище, как цепь костей с мясом и кровью, связанных жилами, или же [видя его] как цепь костей без мяса, обогранных кровью, связанных жилами, или же [видя его] как цепь костей, лишенных мяса и крови, связанных жилами, или же [видя его] как кости, лишенные связи [между собой] и разбросанные по разным сторонам так, что в одной стороне — кость руки, в другой — кость ноги, в другой — кость голени, в другой — кость бедра, в другой — кость таза, в другой — позвоночник, в другой — череп, — так сосредоточивается на этом [своем] теле: „Ведь и это тело наделено подобной же природой, подобной участью и не избегнет этого [удела]“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

10. И далее, монахи, монах, словно видя труп, выброшенный на кладбище, как белые кости, подобные по цвету раковине, или же [видя его] как сваленные в груды кости, уже пролежавшие целый год, или же [видя его] как кости, сгнившие и ставшие прахом, — так сосредоточивается на этом [своем] теле: „Ведь и это тело наделено подобной же природой, подобной участью и не избегнет этого [удела]“.

Так он пребывает внутренне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внешне созерцающим тело в [своем] теле, пребывает внутренне и внешне созерцающим тело в [своем] теле. Он пребывает созерцающим возникновение в теле, пребывает созерцающим исчезновение в теле, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в теле. „Существует тело“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле.

11. Как же, монахи, монах пребывает созерцающим ощущения в [своих] ощущениях?

Вот, монахи, монах, ощущая приятное ощущение, осознаёт: „Я ощущаю приятное ощущение“; ощущая неприятное ощущение, осознаёт: „Я ощущаю неприятное ощущение“. Ощущая ни приятное, ни неприятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю ни приятное, ни неприятное ощущение“. Ощущая плотское приятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю плотское приятное ощущение“. Ощущая свободное от плоти приятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю свободное от плоти приятное ощущение“. Ощущая плотское неприятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю плотское неприятное ощущение“. Ощущая свободное от плоти неприятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю свободное от плоти неприятное ощущение“. Ощущая плотское ни приятное, ни неприятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю плотское ни приятное, ни неприятное ощущение“. Ощущая свободное от плоти ни приятное, ни неприятное ощущение, он осознаёт: „Я ощущаю свободное от плоти ни приятное, ни неприятное ощущение“.

Так он пребывает внутренне созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, пребывает внешне созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, пребывает внутренне и внешне созерцающим ощущения в [своих] ощущениях. Он пребывает созерцающим возникновение в ощущениях, пребывает созерцающим исчезновение в ощущениях, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в ощущениях. „Существует ощущение“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим ощущения в [своих] ощущениях.

12. Как же, монахи, монах пребывает созерцающим ум в [своем] уме?

Вот, монахи, монах осознаёт наделенный страстью ум как наделенный страстью ум, осознаёт лишенный страсти ум как лишенный страсти ум, осознаёт наделенный ненавистью ум как наделенный ненавистью ум, осознаёт лишенный

ненависти ум как лишенный ненависти ум, осознаёт наделенный заблуждением ум как наделенный заблуждением ум, осознаёт лишенный заблуждения ум как лишенный заблуждения ум, осознаёт собранный ум как собранный ум, осознаёт несобранный ум как несобранный ум, осознаёт возвышенный ум как возвышенный ум, осознаёт невозвышенный ум как невозвышенный ум, осознаёт обычный ум как обычный ум, осознаёт необычный ум как необычный ум, осознаёт сосредоточенный ум как сосредоточенный ум, осознаёт несосредоточенный ум как несосредоточенный ум, осознаёт освобожденный ум как освобожденный ум, осознаёт неосвобожденный ум как неосвобожденный ум.

Так он пребывает внутренне созерцающим ум в [своем] уме, пребывает внешне созерцающим ум в [своем] уме, пребывает внутренне и внешне созерцающим ум в [своем] уме. Он пребывает созерцающим возникновение в уме, пребывает созерцающим исчезновение в уме, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в уме. „Существует ум“ — такова его способность самосознания, утвержденная [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим ум в [своем] уме.

13. Как же, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях?

Вот, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно пяти преград.

Как же, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно пяти преград?

Вот, монахи, монах, когда [в нем] есть внутреннее чувственное возбуждение, осознаёт: „Во мне есть внутреннее чувственное возбуждение“; когда [в нем] нет внутреннего чувственного возбуждения, осознаёт: „Во мне нет внутреннего чувственного возбуждения“. И когда [в нем] возникает не возникшее [раньше] чувственное возбуждение, он осознаёт это; и когда [в нем] исчезает возникшее чувственное возбуждение, он осознаёт это; и когда в будущем [в нем больше] не возникает исчезнувшее чувственное возбуждение, он осознаёт это.

Когда [в нем] есть внутренняя злонамеренность, он осознаёт: „Во мне есть внутренняя злонамеренность“; когда [в нем] нет внутренней злонамеренности, он осознаёт: „Во мне нет внутренней злонамеренности“. И когда [в нем] возникает не возникавшая [раньше] злонамеренность, он осознаёт это; и когда [в нем] исчезает возникшая злонамеренность, он осознаёт это; и когда в будущем [в нем больше] не возникает исчезнувшая злонамеренность, он осознаёт это.

Когда [в нем] есть внутренняя косность, он осознаёт: „Во мне есть внутренняя косность“; когда [в нем] нет внутренней косности, он осознаёт: „Во мне нет внутренней косности“. И когда [в нем] возникает не возникавшая [раньше] косность, он осознаёт это; и когда [в нем] исчезает возникшая косность, он осознаёт это; и когда в будущем [в нем больше] не возникает исчезнувшая косность, он осознаёт это.

Когда [в нем] есть внутренние беспокойство и терзания, он осознаёт: „Во мне есть внутренние беспокойство и терзания“; когда [в нем] нет внутренних беспокойства и терзаний, он осознаёт: „Во мне нет внутренних беспокойства и терзаний“. И когда [в нем] возникают не возникавшие [раньше] беспокойство и терзания, он осознаёт это; и когда [в нем] исчезают возникшие беспокойство и терзания, он осознаёт это; и когда в будущем [в нем больше] не возникают исчезнувшие беспокойство и терзания, он осознаёт это.

Когда [в нем] есть внутреннее сомнение, он осознаёт: „Во мне есть внутреннее сомнение“; когда [в нем] нет внутреннего сомнения, он осознаёт: „Во мне нет внутреннего сомнения“. И когда [в нем] возникает не возникавшее [раньше] сомнение, он осознаёт это; и когда [в нем] исчезает возникшее сомнение, он осознаёт это; и когда в будущем [в нем больше] не возникает исчезнувшее сомнение, он осознаёт это.

Так он пребывает внутренне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, пребывает внешне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, пребывает внутренне и внешне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях. Он пребывает созерцающим возникновение в состояниях, пребывает созерцающим исчезновение в состояниях, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в состояниях. „Существуют состояния“ — такова его способность самосознания, утверждённая [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно пяти преград.

14. И далее, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно пяти групп, основанных на стремлении.

Как же, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно пяти групп, основанных на стремлении?

Вот, монахи, монах [осознаёт]: „Вот образ, вот возникновение образа, вот исчезновение образа. Вот ощущение, вот возникновение ощущения, вот исчезновение ощущения. Вот восприятие, вот возникновение восприятия, вот исчезновение восприятия. Вот склонность, вот возникновение склонности, вот исчезновение склонности. Вот осознание, вот возникновение осознания, вот исчезновение осознания“.

Так он пребывает внутренне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях; пребывает внешне созерцающим состояния в состояниях; пребывает внутренне и внешне созерцающим состояния в состояниях. Он пребывает созерцающим возникновение в состояниях, пребывает созерцающим исчезновение в состояниях, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в состояниях. „Существуют состояния“, — такова его способность самосознания, утверждённая [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно пяти групп, основанных на стремлении.

15. И далее, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно шести внутренних и внешних сфер восприятия.

Как же, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно шести внутренних и внешних сфер восприятия?

Вот, монахи, монах осознаёт глаз, и осознаёт образы, и осознаёт те узы, которые причиняются ими обоими; и когда возникают не возникавшие [раньше подобные] узы, он осознаёт это; и когда исчезают возникшие узы, он осознаёт это; и когда в будущем [больше] не возникают исчезнувшие узы, он осознаёт это. Он осознаёт ухо, и осознаёт звуки, и осознаёт те узы, которые причиняются ими обоими; и когда возникают не возникавшие [раньше подобные] узы, он осознаёт это; и когда исчезают возникшие узы, он осознаёт это; и когда в будущем [больше] не возникают исчезнувшие узы, он осознаёт это. Он осознаёт нос, и осознаёт запахи, и осознаёт те узы, которые причиняются ими обоими; и когда возникают не возникавшие [раньше подобные] узы, он осознаёт это; и когда исчезают возникшие узы, он осознаёт это; и когда в будущем [больше] не возникают исчезнувшие узы, он осознаёт это. Он осознаёт язык, и осознаёт вкусы, и осознаёт те узы, которые причиняются ими обоими; и когда возникают не возникавшие [раньше подобные] узы, он осознаёт это; и когда исчезают возникшие узы, он осознаёт это; и когда в будущем [больше] не возникают исчезнувшие узы, он осознаёт это. Он осознаёт тело, и осознаёт осязаемые предметы, и осознаёт те узы, которые причиняются ими обоими; и когда возникают не возникавшие [раньше подобные] узы, он осознаёт это; и когда исчезают возникшие узы, он осознаёт это; и когда в будущем [больше] не возникают исчезнувшие узы, он осознаёт это. Он осознаёт разум, и осознаёт постигаемые предметы, и осознаёт те узы, которые причиняются ими обоими; и когда возникают не возникавшие [раньше подобные] узы, он осознаёт это; и когда исчезают возникшие узы, он осознаёт это; и когда в будущем [больше] не возникают исчезнувшие узы, он осознаёт это.

Так он пребывает внутренне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, пребывает внешне созерцающим состояния в состояниях, пребывает внутренне и внешне созерцающим состояния в состояниях. Он пребывает созерцающим возникновение в состояниях, пребывает созерцающим исчезновение в состояниях, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в состояниях. „Существуют состояния“, — такова его способность самосознания, утверждённая [в нём] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно шести внутренних и внешних сфер восприятия.

16. И далее, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно семи звеньев просветления.

Как же, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно семи звеньев просветления?

ления, состоящего в сосредоточенности“. И когда [в нем] возникает не возникавшее [раньше] звено просветления, состоящее в сосредоточенности, он осознаёт это; и когда возникшее [в нем] звено просветления, состоящее в сосредоточенности, достигает полного осуществления, он осознаёт это.

Когда [в нем] есть внутреннее звено просветления, состоящее в уравновешенности, он осознаёт: „Во мне есть внутреннее звено просветления, состоящее в уравновешенности“; когда [в нем] нет внутреннего звена просветления, состоящего в уравновешенности, он осознаёт: „Во мне нет внутреннего звена просветления, состоящего в уравновешенности“. И когда [в нем] возникает не возникавшее [раньше] звено просветления, состоящее в уравновешенности, он осознаёт это; и когда возникшее [в нем] звено просветления, состоящее в уравновешенности, достигает полного осуществления, он осознаёт это.

Так он пребывает внутренне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, пребывает внешне созерцающим состояния в состояниях, пребывает внутренне и внешне созерцающим состояния в состояниях. Он пребывает созерцающим возникновение в состояниях, пребывает созерцающим исчезновение в состояниях, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в состояниях. „Существуют состояния“, — такова его способность самосознания, утверждённая [в нем] ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно семи звеньев просветления.

17. И далее, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно четырех праведных истин.

Как же, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно четырех праведных истин?

Вот, монахи, монах осознаёт в согласии с истиной: „Это — возникновение страдания“; осознаёт в согласии с истиной: „Это — уничтожение страдания“; осознаёт в согласии с истиной: „Это — путь, ведущий к уничтожению страдания“.

18. Какова же, монахи, праведная истина о страдании?

Рождение — страдание, старость — страдание, смерть — страдание; горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство — страдания; когда не достигают желаемого, то и это — страдание; вкратце: пять групп, основанных на стремлении — страдания.

Что же такое, монахи, рождение? Рождение, произведение, проявление, возникновение, появление групп, обретение сфер восприятия у тех или иных существ в том или ином сонме существ — это, монахи, зовется рождением.

Что же такое, монахи, старость? Старость, старение, потеря [зубов], поседение, морщины на коже, истечение срока жизни, увядание жизненных способностей у тех или иных существ в том или ином сонме существ — это, монахи, зовется старостью.

Что же такое, монахи, смерть? Уход из существования, уход из жизни, распад, исчезновение, умирание, смерть, исполнение срока, распад групп, избавление от

тела у тех или иных существ в том или ином сонме существ — это, монахи, зовется смертью.

Что же такое, монахи, горе? Когда, монахи, у застигнутого каким-либо бедствием, у пораженного каким-либо несчастным случаем [бывает] горе, горечь, горевание, внутреннее горе, внутреннее великое горе — это, монахи, зовется горем.

Что же такое, монахи, плач? Когда, монахи, у застигнутого каким-либо бедствием, у пораженного каким-либо несчастным случаем [бывает] оплакивание, плач, горестное оплакивание, горестный плач, состояние оплакивания, состояние плача — это, монахи, зовется плачем.

Что же такое, монахи, несчастье? Когда, монахи, [бывает] несчастье с телом, неприятность с телом, несчастье от соприкосновения с телом, неприятное ощущение — это, монахи, зовется несчастьем.

Что же такое, монахи, неудовлетворенность? Когда, монахи, [бывает] несчастье в мыслях, неприятность в мыслях, несчастье от соприкосновения с разумом, неприятное ощущение — это, монахи, зовется неудовлетворенностью.

Что же такое, монахи, беспокойство? Когда, монахи, застигнутый каким-либо бедствием, пораженный каким-либо несчастным случаем [бывает] беспокойным, беспокойным, в беспокойном состоянии, в беспокойном состоянии — это, монахи, зовется беспокойством.

Каково же, монахи, страдание, когда не достигают желаемого? У существ, подверженных рождению, монахи, возникает желание: „Увы, если бы мы не были подвержены рождению, если бы нас не постигло рождение!“ Но нельзя достичь этого [одним] желанием. Это и есть страдание, когда не достигают желаемого. У существ, подверженных старости, монахи, возникает желание: „Увы, если бы мы не были подвержены старости, если бы нас не постигала старость!“ Но нельзя достичь этого [одним] желанием. Это и есть страдание, когда не достигают желаемого. У существ, подверженных болезни, монахи, возникает желание: „Увы, если бы мы не были подвержены болезни, если бы нас не постигала болезнь!“ Но нельзя достичь этого [одним] желанием. Это и есть страдание, когда не достигают желаемого. У существ, подверженных смерти, монахи, возникает желание: „Увы, если бы мы не были подвержены смерти, если бы нас не постигала смерть!“ Но нельзя достичь этого [одним] желанием. Это и есть страдание, когда не достигают желаемого. У существ, подверженных горю, плачу, несчастью, неудовлетворенности, беспокойству, монахи, возникает желание: „Увы, если бы мы не были подвержены горю, плачу, несчастью, неудовлетворенности, беспокойству, если бы нас не постигали горе, плач, несчастье, неудовлетворенность, беспокойство!“ Но нельзя достичь этого [одним] желанием. Это и есть страдание, когда не достигают желаемого.

Каковы же, монахи, вкратце страдания, [заключенные] в пяти группах основанных на стремлении? А именно: образ — группа, основанная на стремлении; ощущение — группа, основанная на стремлении; восприятие — группа, основанная на стремлении; склонность — группа, основанная на стремлении; сознание — группа, основанная на стремлении. Так, монахи, вкратце зовутся страданиями.

ния, [заключенные] в пяти группах, основанных на стремлении. Это, монахи, и зовется праведной истиной о страдании.

19. Какова же, монахи, праведная истина о возникновении страдания?

Эта [причина возникновения] — жажда, ведущая к следующему рождению, сопровождаемая удовольствием и страстью, находящая удовольствие здесь и там, а именно: жажда чувственности, жажда существования, жажда прекращения существования.

Где же, монахи, возникает эта жажда, возникая, где она угасает, угасая? Где [существует] в мире дорогой образ, приятный образ, там возникает эта жажда, возникая, там она угасает, угасая.

Какие [существуют] в мире дорогие образы, приятные образы? Глаз — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Ухо — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Нос — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Язык — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Тело — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Разум — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

[Зримый] предмет — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Звук — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Запах — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Вкус — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Осязаемый предмет — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Постигаемый предмет — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

Распознавание глазом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Распознавание ухом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Распознавание носом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Распознавание языком — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Распознавание телом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Распознавание разумом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

Соприкосновение с глазом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Соприкосновение с ухом — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда,

раз, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

Жажда [зримых] предметов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Жажда звуков в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Жажда запахов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Жажда вкусов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Жажда осязаемых предметов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Жажда постигаемых предметов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

Забота о [зримых] предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Забота о звуках в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Забота о запахах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Забота о вкусах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Забота об осязаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Забота о постигаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

Углубленное рассуждение о [зримых] предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Углубленное рассуждение о звуках в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Углубленное рассуждение о запахах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Углубленное рассуждение о вкусах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Углубленное рассуждение об осязаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая. Углубленное рассуждение о постигаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь возникает эта жажда, возникая, здесь она угасает, угасая.

Это, монахи, и зовется праведной истиной о возникновении страдания.

20. Какова же, монахи, праведная истина об уничтожении страдания?

Это полное прекращение и уничтожение этой жажды, отказ, отречение, освобождение, отвлечение [от нее].

Где же, монахи, исчезает эта жажда, исчезая, где она уничтожается, уничтожаясь? Где существует в мире дорогой образ, приятный образ, там исчезает эта жажда, исчезая, там она уничтожается, уничтожаясь.

исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Жажда вкусов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Жажда осязаемых предметов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Жажда постигаемых предметов в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь.

Забота о [зримых] предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Забота о звуках в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Забота о запахах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Забота о вкусах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Забота об осязаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Забота о постигаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь.

Углубленное рассуждение о [зримых] предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Углубленное рассуждение о звуках в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Углубленное рассуждение о запахах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Углубленное рассуждение о вкусах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Углубленное рассуждение об осязаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь. Углубленное рассуждение о постигаемых предметах в мире — это дорогой образ, приятный образ в мире, здесь исчезает эта жажда, исчезая, здесь она уничтожается, уничтожаясь.

Это, монахи, и зовется праведной истиной об уничтожении страдания.

21. Какова же, монахи, праведная истина о пути, ведущем к уничтожению страдания?

Это праведный восьмичленный путь, а именно: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее подержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания, надлежащая сосредоточенность.

Что же такое, монахи, надлежащее воззрение?

Когда, монахи, [существуют] знание о страдании, знание о возникновении страдания, знание об уничтожении страдания, знание о пути, ведущем к уничтожению страдания, то это, монахи, зовется надлежащим воззрением.

Что же такое, монахи, надлежащее намерение?

Намерение отречения, намерение незлобивости, намерение доброжелательности — это, монахи, зовется надлежащим намерением.

Что же такое, монахи, надлежащая речь?

Воздержание от лживой речи, воздержание от клеветнической речи, воздержание от грубой речи, воздержание от легкомысленной болтовни — это, монахи, зовется надлежащей речью.

Что же такое, монахи, надлежащее действие?

Воздержание от уничтожения живого, воздержание от присвоения того, что не дано [тебе], воздержание от недостойных чувственных удовольствий — это, монахи, зовется надлежащим действием.

Что же такое, монахи, надлежащее поддержание жизни?

Вот, монахи, праведный ученик, оставив недостойное поддержание жизни, начинает жить с помощью надлежащего поддержания жизни. Это, монахи, зовется надлежащим поддержанием жизни.

Что же такое, монахи, надлежащее усилие?

Вот, монахи, монах питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы [в нем] не возникли не возникшие [прежде] порочные нехорошие свойства. Он питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы исчезли возникшие [в нем] порочные нехорошие свойства. Он питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы [в нем] возникли не возникшие [прежде] хорошие свойства. Он питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы утвердились, не вверглись в заблуждение, умножились, усовершенствовались, достигли полноты возникшие [в нем] хорошие свойства. Это, монахи, зовется надлежащим усилием.

Что же такое, монахи, надлежащая способность самосознания?

Вот, монахи, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ум в [своем] уме, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Это, монахи, зовется надлежащей способностью самосознания.

Что же такое, монахи, надлежащая сосредоточенность?

Вот, монахи, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания — связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уеди-

ненностью, дарующей радость и счастье — и пребывает [на ней]. Подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достигает второй ступени созерцания — несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье — и пребывает [на ней]. Отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — он достигает третьей ступени созерцания и пребывает [на ней]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достигает четвертой ступени созерцания — лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания — и пребывает [на ней]. Это, монахи, зовется надлежащей сосредоточенностью.

Это, монахи, и зовется праведной истиной о пути, ведущем к уничтожению страдания.

Так он пребывает внутренне созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, пребывает внешне созерцающим состояния в состояниях, пребывает внутренне и внешне созерцающим состояния в состояниях. Он пребывает созерцающим возникновение в состояниях, пребывает созерцающим исчезновение в состояниях, пребывает созерцающим возникновение и исчезновение в состояниях. „Существуют состояния“, — такова его способность самосознания, утвержденная в нем ради знания, ради внимательности. И он пребывает свободным от привязанностей и не привержен ни к чему в мире. Так, монахи, монах пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях относительно четырех праведных истин.

22. Ибо кто, монахи, в течение семи лет следует таким образом этим четырем установлениям способности самосознания, того ожидает какой-либо один плод из двух плодов: или совершенное знание в зримом мире, или же, если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения. Но оставим, монахи, семь лет — ведь кто, монахи, в течение шести лет следует таким образом этим четырем установлениям способности самосознания, того ожидает какой-либо один плод из двух плодов: или совершенное знание в зримом мире, или же, если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения. Но оставим, монахи, шесть лет — ведь кто, монахи, в течение пяти лет следует таким образом этим четырем установлениям способности самосознания, того ожидает какой-либо один плод из двух плодов: или совершенное знание в зримом мире, или же, если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения. Но оставим, монахи, пять лет — ведь кто, монахи, в течение четырех лет следует таким образом этим четырем установлениям способности самосознания, того ожидает какой-либо один плод из двух плодов: или совершенное знание в зримом мире, или же, если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения.

если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения. Но оставим, монахи, один месяц — ведь кто, монахи, в течение половины месяца следует таким образом этим четырем установлениям способности самосознания, того ожидает какой-либо один плод из двух плодов: или совершенное знание в зримом мире, или же, если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения. Но оставим, монахи, половину месяца — ведь кто, монахи, в течение семи дней следует таким образом этим четырем установлениям способности самосознания, того ожидает какой-либо один плод из двух плодов: или совершенное знание в зримом мире, или же, если [у него еще] остается привязанность к существованию, — состояние невозвращения. „Единственный путь, монахи, ведущий к очищению существ, к преодолению горя и плача, к избавлению от несчастья и неудовлетворенности, к достижению знания, к осуществлению ниббаны, — это четыре установления способности самосознания“ — так сказано об этом то, что сказано».

Так сказал Благостный. И удовлетворенные, эти монахи порадовались словам Благостного.

Окончена «Махасатипаттхана-сутта».

XXIII. «Паяси-сутта» («Сутта о Паяси»)

1. Вот что я слышал. Однажды достопочтенный Кумаракассапа, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, прибыл в город в Косале под названием Сетавья. И там в Сетавье достопочтенный Кумаракассапа остановился в синсаповой роще к северу от Сетавьи. И в это самое время принц Паяси обитал в Сетавье — [месте], полном жителей, богатом травой, лесом, водой, зерном, — царском наделе, отданном [ему] царем Косалы Пасенади в полное владение в качестве царского дара.

2. И в это самое время у принца Паяси возникло такого рода порочное ложное воззрение: «Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий». И вот брахманы-домоправители из Сетавьи услышали: «Поистине, почтенные, отшельник Кумаракассапа, ученик отшельника Готама, двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, достиг Сетавьи и остановился в синсаповой роще к северу от Сетавьи. И вот о нем, досточтимом Кумаракассапе, идет такая добрая слава: „Мудрый, опытный, разумный, весьма ученый, прекрасно говорящий, превосходно отвечающий, преклонных лет и архат. Поистине, хорошо лицезреть архатов, подобных ему“». И вот брахманы-домоправители из Сетавьи, собравшись толпами и оставив Сетавью, направились к северу и приблизились к синсаповой роще.

3. И в это самое время принц Паяси отправился для дневного отдыха на верхнюю террасу [своего дома]. И принц Паяси увидел, как брахманы-домоправители из Сетавьи, собравшись толпами и оставив Сетавью, направились к северу и приблизились к синсаповой роще. Видя [это], он обратился к стражнику:

«Почему это, почтенный стражник, брахманы-домоправители из Сетавьи, собравшись толпами и оставив Сетавью, направились к северу и приблизились к синсаповой роще?»

«Есть, почтенный, отшельник Кумаракассапа, ученик отшельника Готама. Двигаясь по Косале с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, он достиг Сетавьи и остановился в синсаповой роще к северу от Сетавьи. И вот о нем, досточтимом Кумаракассапе, идет такая добрая слава: „Мудрый, опытный, разумный, весьма ученый, прекрасно говорящий, превосходно отвечающий, преклон-

ных лет и архат“. Они приближаются, чтобы лицезреть этого досточтимого Кумаракассапу».

«Тогда, почтенный стражник, приблизься к брахманам-домоправителям из Сетавыи и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Сетавыи, скажи так: „Принц Паяси, почтенные, говорит так: ‘Пусть досточтимые подождут. Принц Паяси тоже приблизится, чтобы лицезреть отшельника Кумаракассапу’“. Ведь отшельник Кумаракассапа может раньше внушить глупым, неопытным брахманам-домоправителям из Сетавыи: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“». Между тем, почтенный стражник, не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий».

«Хорошо, почтенный», — согласился этот стражник с принцем Паяси, приблизился к брахманам-домоправителям из Сетавыи и, приблизившись к брахманам-домоправителям из Сетавыи, сказал так: «Почтенные, принц Паяси говорит так: „Пусть досточтимые подождут. Принц Паяси тоже приблизится, чтобы лицезреть отшельника Кумаракассапу“».

4. И вот принц Паяси, окруженный брахманами-домоправителями из Сетавыи, приблизился к синсаповой роще, к отшельнику Кумаракассапе. Приблизившись, он обменялся с достопочтенным Кумаракассапой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И некоторые брахманы-домоправители из Сетавыи приветствовали достопочтенного Кумаракассапу, сели в стороне; некоторые, обменявшись с достопочтенным Кумаракассапой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием, сели в стороне; некоторые, со сложенными ладонями поклонившись достопочтенному Кумаракассапе, сели в стороне; некоторые, назвав [свое] имя и род, сели в стороне; некоторые, оставаясь безмолвными, сели в стороне.

5. И вот, сидя в стороне, принц Паяси так сказал достопочтенному Кумаракассапе:

«Ведь я, почтенный Кассапа [придерживаюсь] такого учения, такого воззрения: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Я не видел, не слышал, принц, такого учения и такого воззрения. Как же можно говорить так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“». Поэтому, принц, я буду здесь расспрашивать тебя, чтобы ты ответил так, как тебе кажется правильным. Как ты думаешь об этом, принц, — находятся ли луна и солнце в этом мире или в том мире, божественные ли они или человеческие?»

«Эти луна и солнце, почтенный Кассапа, находятся в том мире, а не в этом мире, они божественные, а не человеческие».

«Пусть же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

6. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, у меня есть друзья, приближенные кровные родичи, которые уничтожали живое, брали то, что [им] не дано, предавались недостойным чувственным удовольствиям, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, были алчны, злонамеренны в мыслях, наделены ложными воззрениями. Со временем у них возникли недуги, страдания, тяжкие болезни. Когда я узнал, что теперь они не оправятся от этих недугов, то пришел к ним и сказал так: „Есть, почтенные, некоторые отшельники и брахманы, [придерживающиеся] такого учения, такого воззрения: ‘Те, которые уничтожают живое, берут то, что [им] не дано, предаются недостойным чувственным удовольствиям, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, алчны, злонамеренны в мыслях, наделены ложными воззрениями, — [все] они с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, преисподней’. А вы, досточтимые, уничтожали живое, брали то, что [вам] не дано, предавались недостойным чувственным удовольствиям, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, были алчны, злонамеренны в мыслях, наделены ложными воззрениями. И если слова этих досточтимых отшельников и брахманов верны, то [и вы], досточтимые, с распадом тела после смерти вновь родитесь в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Если же, почтенные, с распадом тела после смерти вы вновь родитесь в бедствии, несчастье, страдании, преисподней, то явитесь ко мне и передайте: ‘Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий’. Ведь вы, досточтимые, достойны моего доверия и надежны, и то, что увидено досточтимыми, — будет все равно, что увидено [мною самим]“». Они согласились со мной [сказав]: „Хорошо“, — но не явились [ко мне и ничего] не передали и даже не послали вестника. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

7. «Тогда, принц, я буду здесь расспрашивать тебя, чтобы ты ответил так, как тебе кажется правильным. Как ты думаешь об этом, принц? Вот люди схватили бы и поставили перед тобой вора, совершившего преступление, [и сказали]: „Перед тобой, господин, вор, совершивший преступление. Подвергни его такому наказанию, какому хочешь“. Ты сказал бы так: „Тогда, почтенные, туго свяжите крепкой веревкой руки за спиной этому человеку, обрейте [ему] голову, проведи-

те под громкие удары барабана по улицам и перекресткам, выведите через южные ворота и к югу от города на месте казни отрубите [ему] голову“. И они согласились бы, [сказав]: „Хорошо“, туго связали крепкой веревкой руки за спиной этому человеку, обрили [ему] голову, провели под громкие удары барабана по улицам и перекресткам, вывели через южные ворота и к югу от города на месте казни отрубили бы [ему] голову. Так вот — получил ли бы этот вор [согласие] от казнящих вора [на такую просьбу]: „Пусть подождут досточтимые, казнящие вора, пока я не навешу своих друзей, приближенных, кровных родичей в таком-то селении или торговом поселке и не возвращусь назад“. Или же казнящие вора отрубили бы голову болтающему такое?»

«Нет, почтенный Кассапа, не получил бы этот вор [согласия] от казнящих вора [на такую просьбу]: „Пусть подождут досточтимые, казнящие вора, пока я не навешу своих друзей, приближенных, кровных родичей в таком-то селении или торговом поселке и не возвращусь назад“. Казнящие вора отрубили бы голову болтающему такое».

«Итак, принц, этот вор — человек — не получит [согласия] от казнящих вора — человеческих существ — [на такую просьбу]: „Пусть подождут досточтимые, казнящие вора, пока я не навешу своих друзей, приближенных, кровных родичей в таком-то селении или торговом поселке и не возвращусь назад“. Так неужели твои друзья, приближенные, кровные родичи, которые уничтожали живое, брали то, что [им] не дано, предавались недостойным чувственным удовольствиям, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, были алчны, злонамеренны в мыслях, наделены ложными воззрениями и с распадом тела после смерти вновь родились в бедствии, несчастье, страдании, преисподней, — получают [согласие] от стражей преисподней [на такую просьбу]: „Пусть подождут досточтимые стражи преисподней, пока мы не явимся к принцу Паяси и не передадим: ‘Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий’“? Пусть же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

8. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, у меня есть друзья, приближенные, кровные родичи, которые избегали уничтожать живое, избегали брать то, что [им] не дано, избегали недостойных чувственных удовольствий, избегали лживой речи, избегали

клеветнической речи, избегали грубой речи, избегали легкомысленной болтовни, были не алчны, не злонамеренны в мыслях, наделены истинными воззрениями. Со временем у них возникли недуги, страдания, тяжкие болезни. Когда я узнал, что теперь они не оправятся от этих недугов, то пришел к ним и сказал так: „Есть, почтенные, некоторые отшельники и брахманы, [придерживающиеся] такого учения, такого воззрения: ‘Те, которые избегают уничтожать живое, избегают брать то, что [им] не дано, избегают недостойных чувственных удовольствий, избегают лживой речи, избегают клеветнической речи, избегают грубой речи, избегают легкомысленной болтовни, не алчны, не злонамеренны в мыслях, наделены истинными воззрениями, — [все] они с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастливом небесном мире’. А вы, досточтимые, избегали уничтожать живое, избегали брать то, что [вам] не дано, избегали недостойных чувственных удовольствий, избегали лживой речи, избегали клеветнической речи, избегали грубой речи, избегали легкомысленной болтовни, были не алчны, не злонамеренны в мыслях, наделены истинными воззрениями. И если слова этих досточтимых отшельников и брахманов верны, то [и вы], досточтимые, с распадом тела после смерти вновь родитесь в счастливом небесном мире. Если же, почтенные, с распадом тела после смерти вы вновь родитесь в счастливом небесном мире, то явитесь ко мне и передайте: ‘Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий’. Ведь вы, досточтимые, достойны моего доверия и надежны, и то, что увидено досточтимыми, будет все равно, что увидено [мною самим]“.

Они согласились со мной [сказав]: „Хорошо“, — но не явились [ко мне и ничего] не передали и даже не послали вестника. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

9. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Ведь это, принц, как если бы человек с головой погрузился в яму с нечистотами. И ты приказал бы людям: „Вытащите же, почтенные, этого человека из ямы с нечистотами“. Они согласились бы, [сказав]: „Хорошо“ и вытащили этого человека из ямы с нечистотами. Ты сказал бы им так: „Очистите же тщательно, почтенные, бамбуковыми щепочками тело этого человека от нечистот“.

Они согласились бы, [сказав]: „Хорошо“ и тщательно очистили бамбуковыми щепочками тело этого человека от нечистот. Ты сказал бы им так: „Разотрите же тщательно, почтенные, разотрите трижды тело этого человека желтой мазью“. И они тщательно растерли бы, трижды растерли тело этого человека желтой мазью. Ты сказал бы им так: „Умастите же, почтенные, тело этого человека сезамовым маслом и трижды очистите его размельченной пудрой“. И они умастили бы тело этого человека сезамовым маслом и трижды очистили его размельченной пудрой. Ты сказал бы им так: „Приведите же в порядок, почтенные, волосы и бороду этого человека“. И они привели бы в порядок волосы и бороду этого человека. Ты сказал бы им так: „Наделите же, почтенные, этого человека драгоценным венком, драгоценными притира-

ниями, драгоценными одеждами“. И они наделили бы этого человека драгоценным венком, драгоценными притираниями, драгоценными одеждами. Ты сказал бы им так: „Возведите же, почтенные, этого человека на террасу дворца и доставьте [ему] удовольствия, [связанные с] пятью признаками чувственности“. И они возвели бы этого человека на террасу дворца и доставили [ему] удовольствия, [связанные с] пятью признаками чувственности. Как же ты думаешь об этом, принц? Возникло ли бы у этого человека — тщательно омытого, тщательно умащенного, приведшего в порядок волосы и бороду, наряженного, носящего венок, одетого в белые одежды, взошедшего на превосходную верхнюю террасу дворца, наделенного, одаренного и услаждающегося пятью признаками чувственности, — желание снова погрузиться в эту яму с нечистотами?»

«Конечно нет, почтенный Кассапа».

«Почему же?»

«Ведь яма с нечистотами, почтенный Кассапа, грязна и считается грязной, зловонна и считается зловонной, отвратительна и считается отвратительной, мерзостна и считается мерзостной».

«Так же, принц, и для богов люди грязны и считаются грязными, зловонны и считаются зловонными, отвратительны и считаются отвратительными, мерзостны и считаются мерзостными. Ведь уже за сотню йоджан, принц, богов отвращает человеческий запах. Как же смогут твои друзья, приближенные, кровные родичи, которые избегали уничтожить живое, избегали брать то, что [им] не дано, избегали недостойных чувственных удовольствий, избегали лживой речи, избегали клеветнической речи, избегали грубой речи, избегали легкомысленной болтовни, были не алчны, не злонамеренны в мыслях, наделены истинными воззрениями и с распадом тела после смерти вновь родились в счастливом небесном мире, — явиться и передать [тебе]: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“? Пусть же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

10. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, у меня есть друзья, приближенные, кровные родичи, которые избегали уничтожить живое, избегали брать то, что [им] не дано, избегали недостойных чувственных удовольствий, избегали лживой речи, избегали

хмельного, спиртного, опьяняющего питья и [прочего], ведущего к легкомыслию. Со временем у них возникли недуги, страдания, тяжкие болезни. Когда я узнал, что теперь они не оправятся от этих недугов, то пришел к ним и сказал так: „Есть, почтенные, некоторые отшельники и брахманы, [придерживающиеся] такого учения, такого воззрения: ‘Те, которые избегают уничтожать живое, избегают брать то, что [им] не дано, избегают недостойных чувственных удовольствий, избегают лживой речи, избегают хмельного, спиртного, опьяняющего питья и [прочего], ведущего к легкомыслию, — [все] они с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастливом небесном мире спутниками тридцати трех богов’. А вы, досточтимые, избегали уничтожать живое, избегали брать то, что [вам] не дано, избегали недостойных чувственных удовольствий, избегали лживой речи, избегали хмельного, спиртного, опьяняющего питья и [прочего], ведущего к легкомыслию. И если слова этих досточтимых отшельников и брахманов верны, то [и вы], досточтимые, с распадом тела после смерти вновь родитесь в счастливом небесном мире спутниками тридцати трех богов. Если же, почтенные, с распадом тела после смерти вы вновь родитесь в счастливом небесном мире спутниками тридцати трех богов, то явитесь ко мне и передайте: ‘Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий’. Ведь вы, досточтимые, достойны моего доверия и надежны, и то, что увидено досточтимыми, будет все равно, что увидено [мною самим]“.

Они согласились со мной [сказав]: „Хорошо“, — но не явились [ко мне и ничего] не передали и даже не послали вестника. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

11. «Тогда, принц, я буду здесь расспрашивать тебя, чтобы ты ответил так, как тебе кажется правильным. Ведь что, принц, для людей сотня лет, то для тридцати трех богов — одна ночь с днем. Тридцать ночей [каждая — продолжительностью] в такую ночь — это месяц, двенадцать месяцев [каждый — продолжительностью] в такой месяц — это год, тысяча божественных лет [каждый — продолжительностью] в такой год — это срок жизни тридцати трех богов. Те же твои друзья, приближенные, кровные родичи, которые избегали уничтожать живое, избегали брать то, что [им] не дано, избегали недостойных чувственных удовольствий, избегали лживой речи, избегали хмельного, спиртного, опьяняющего питья и [прочего], ведущего к легкомыслию, — с распадом тела после смерти вновь родились в счастливом небесном мире спутниками тридцати трех богов. И если они скажут себе так: „Давайте сначала в течение двух или трех ночей и дней будем наслаждаться, наделенные и одаренные пятью божественными признаками чувственности, а потом явимся к принцу Паяси и передадим: ‘Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий’“, то разве смогли бы они [уже успеть] явиться и передать тебе: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“?»

«Конечно нет, почтенный Кассапа. Ведь мы [к тому времени] уже давно окончили бы свои дни. Но кто же, досточтимый Кассапа, мог передать это: „Существуют тридцать три бога“ или: „Тридцать три бога столь долговечны“? Мы не верим, досточтимый Кассапа, что существуют тридцать три бога или что тридцать три бога столь долговечны».

«Это подобно тому, принц, как если бы слепой от рождения человек не мог бы видеть ни черных, ни белых предметов, не мог бы видеть синих предметов, не мог бы видеть желтых предметов, не мог бы видеть красных предметов, не мог бы видеть коричневых предметов, не мог бы видеть ни ровного, ни неровного, не мог бы видеть звезд, не мог бы видеть ни луны, ни солнца. И он сказал бы так: „Не существует ни черных, ни белых предметов, и не существует видящего черные и белые предметы; не существует синих предметов, и не существует видящего синие предметы; не существует желтых предметов, и не существует видящего желтые предметы; не существует красных предметов, и не существует видящего красные предметы; не существует коричневых предметов, и не существует видящего коричневые предметы; не существует ни ровного, ни неровного, и не существует видящего ровное и неровное; не существует звезд, и не существует видящего звезды; не существует ни луны, ни солнца, и не существует видящего луну и солнце. Я не вижу их, я не знаю их — поэтому их не существует“.

Правильно ли, принц, он говорил бы?»

«Конечно нет, почтенный Кассапа. Существуют черные и белые предметы, и существует видящий черные и белые предметы; существуют синие предметы, и существует видящий синие предметы; существуют желтые предметы, и существует видящий желтые предметы; существуют красные предметы, и существует видящий красные предметы; существуют коричневые предметы, и существует видящий коричневые предметы; существует ровное и неровное, и существует видящий ровное и неровное; существуют звезды, и существует видящий звезды; существуют луна и солнце, и существует видящий луну и солнце. Итак, почтенный Кассапа, он говорил бы неправильно, [говоря]: „Я не вижу их, я не знаю их — поэтому их не существует“».

«Но я думаю, принц, что и ты рассуждаешь подобно этому [человеку], слепому от рождения, когда говоришь мне так: „Кто же, досточтимый Кассапа, мог передать это: ‘Существуют тридцать три бога’ или: ‘Тридцать три бога столь долговечны’. Мы не верим, досточтимый Кассапа, что существуют тридцать три бога или что тридцать три бога столь долговечны“.

Ведь другой мир, принц, [вопреки тому], как ты думаешь, не может быть увиден этим плотским зрением. Лишь те отшельники и брахманы, принц, предающиеся [подвижничеству] в лесу, в уединенных обителях, в лесных чащах, бесшумных и беззвучных, которые пребывают там, довольствуясь малым, в усердии и решимости, — обретают очищенное божественное зрение, и этим очищенным божественным, сверхчеловеческим зрением они видят и этот мир, и другой, и самопроизвольно родившихся существ. Так, принц, может быть увиден другой мир, а не плотским зрением, как ты думаешь. Пусть же, принц, благодаря этому на-

ставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

12. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, я вижу отшельников и брахманов — добродетельных, наделенных превосходными свойствами, стремящихся жить, стремящихся не умирать, стремящихся к счастью, отвращающихся от несчастья. И я, почтенный Кассапа, так думаю об этом: „Если бы эти почтенные отшельники и брахманы — добродетельные, наделенные превосходными свойствами, знали это: ‘Когда мы умрем, нам будет лучше’, то эти почтенные отшельники и брахманы — добродетельные, наделенные превосходными свойствами, тут же приняли бы яд, или закололись мечом, или окончили свои дни, повесившись, или бросились со скалы. Поскольку же эти почтенные отшельники и брахманы — добродетельные, наделенные превосходными свойствами, не знают этого: ‘Когда мы умрем, нам будет лучше’, то эти почтенные отшельники и брахманы — добродетельные, наделенные превосходными свойствами, стремятся жить, стремятся не умирать, стремятся к счастью, отвращаются от несчастья“. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

13. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда то давно, принц, у одного брахмана было две жены. У одной был сын десяти лет или двенадцати лет, другая была беременна и близка к разрешению, а между тем этот брахман окончил свои дни. И тогда этот юноша сказал [той, которая была другой] женой [брахмана] наряду с [его] матерью: „Все богатство, зерно, серебро, золото, которое здесь, принадлежит мне, досточтимая. Нет здесь ничего твоего. Отдай же мне, досточтимая, наследство отца“. Когда так было сказано эта брахманка так сказала тому юноше: „Погоди, сынок, пока я не разрешусь. Если будет мальчик, то и ему достанется одна часть, если будет девочка, то она будет служить тебе для наслаждения“».

И вот во второй раз юноша сказал [той, которая была другой] женой [брахмана] наряду с [его] матерью: „Все богатство, зерно, серебро, золото, которое здесь, принадлежит мне, досточтимая. Нет здесь ничего твоего. Отдай же мне, досточтимая, наследство отца“. И во второй раз эта брахманка так сказала тому юно-

ше: „Погоди, сынок, пока я не разрешусь. Если будет мальчик, то и ему достанется одна часть, если будет девочка, то она будет служить тебе для наслаждения“.

И вот в третий раз юноша сказал [той, которая была другой] женой [брахмана] наряду с [его] матерью: „Все богатство, зерно, серебро, золото, которое здесь, принадлежит мне, досточтимая. Нет здесь ничего твоего. Отдай же мне, досточтимая, наследство отца“. И тогда эта брахманка, взяв меч, вошла во внутренние покои и вспорола себе чрево, [думая]: „Сейчас я узнаю, мальчик это или девочка“. Так она уничтожила и собственную жизнь, и плод, и богатство — глупая и неразумная, она обрела несчастье и погибель, неподобающим образом стремясь к наследству. Так же точно и ты, принц, глупый и неразумный, обретешь несчастье и погибель, неподобающим образом стремясь к другому миру, — подобно тому как эта брахманка, глупая и неразумная, обрела несчастье и погибель, неподобающим образом стремясь к наследству. Ведь отшельники и брахманы, принц, которые добродетельны и наделены превосходными свойствами, не торопят созревания несозревшего — мудрые [терпеливо] ждут созревания. Ведь для отшельников и брахманов, принц, — добродетельных, наделенных превосходными свойствами, жизнь обладает смыслом. Ведь по мере того, принц, как отшельники и брахманы — добродетельные, наделенные превосходными свойствами, живут долгое, продолжительное время, они совершают великую заслугу и следуют [подобным путем] ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия и счастья богов и людей. Пусть же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

14. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, люди схватили и поставили передо мной вора, совершившего преступление, [и сказали]: „Перед тобой, господин, вор, совершивший преступление. Подвергни его такому наказанию, какому хочешь“. Я сказал так: „Тогда, почтенные, поместите этого человека живьем в сосуд, заткните отверстие, заверните [сосуд] во влажную кожу, плотно облепите влажной глиной, поставьте в печь и разожгите огонь“. Они согласились со мной, [сказав]: „Хорошо“, — поместили этого человека живьем в сосуд, заткнули отверстие, завернули [сосуд] во влажную кожу, плотно облепили влажной глиной, поставили в печь

и разожгли огонь. Когда мы рассудили: „Этот человек окончил свои дни“, мы вытащили и развязали горшок, открыли отверстие и осторожно заглянули [в него с мыслью]: „Сможем ли мы увидеть, как выходит его жизненное начало?“ Но мы не смогли увидеть, как выходит его жизненное начало. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

15. «Тогда, принц, я буду здесь расспрашивать тебя, чтобы ты ответил так, как тебе кажется правильным. Вспоминаешь ли ты, принц, что когда ты предаешься дневному отдыху, то видишь во сне, как наслаждаешься рощей для увеселений, наслаждаешься лесом, наслаждаешься окрестностями, наслаждаешься лотосовым прудом?»

«Я вспоминаю, почтенный Кассапа, что когда предаюсь дневному отдыху, то вижу во сне как наслаждаюсь рощей для увеселений, наслаждаюсь лесом».

«Охраняют ли тебя в это время и горбуны, и карлики, и прислужницы, и девочки?»

«Да, почтенный Кассапа, меня в это время охраняют и горбуны, и карлики, и прислужницы, и девочки».

«Видят ли они, как входит или выходит у тебя твое жизненное начало?»

«Конечно нет, почтенный Кассапа».

«Итак, принц, они — живые — не видят, как у тебя — живого — входит или выходит жизненное начало. Как же ты можешь увидеть, как у окончившего свои дни входит или выходит жизненное начало? Пусть же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

16. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, люди схватили и поставили передо мной вора, совершившего преступление, [и сказали]: „Перед тобой, господин, вор, совершивший преступление. Подвергни его такому наказанию, какому хочешь“. Я сказал так: „Тогда, почтенные, взвесьте этого человека живьем на весах, умертвите, задушив тетивой, и снова взвесьте на весах“. Они согласились со мной, [сказав]: „Хорошо“, взвесили этого человека живьем на весах, умертвили, задушив тетивой, и снова взвесили на весах. И пока он жил, то был легче, и мягче, и податливей, когда же окончил свои дни, то стал тяжелей, и тверже, и неподатливей. Та-

ково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

17. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Это подобно тому, принц, как если бы человек стал взвешивать на весах железный шар, который раскаляли [весь] день — горящий, воспламененный, сверкающий, — и потом стал бы взвешивать на весах его же — холодным, угасшим. Когда же этот железный шар будет легче, или мягче, или податливей — горящий, воспламененный, сверкающий или же холодный, угасший?»

«Когда, почтенный Кассапа, этот железный шар соединен с огнем, соединен с воздухом — горящий, воспламененный, сверкающий, — то он бывает и легче, и мягче, и податливей. Когда же этот железный шар не соединен с огнем и не соединен с воздухом — холодный, угасший, — то он бывает и тяжелей, и тверже, и неподатливей».

«Так же точно, принц, и это тело — когда соединено с жизнью, и соединено с теплом, и соединено с разумением, то бывает и легче, и мягче, и податливей, когда же это тело не соединено с жизнью, и не соединено с теплом, и не соединено с разумением, то оно бывает и тяжелей, и тверже, и неподатливей. Пусть же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

18. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, люди схватили и поставили передо мной вора, совершившего преступление, [и сказали]: „Перед тобой, господин, вор, совершивший преступление. Подвергни его такому наказанию, какому хочешь“. Я сказал так: „Тогда, почтенные, лишите жизни этого человека, не повредив [у него] ни кожи, ни подкожного покрова, ни мяса, ни жил, ни костей, ни мозга“. Они согласились со мной, [сказав]: „Хорошо“, — и лишили этого человека жизни, не повредив [у него] ни кожи, ни подкожного покрова, ни мяса, ни жил, ни костей, ни мозга. Когда он был [еще] полумертв, я сказал так: „Теперь, почтенные, положите этого человека на спину — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они положили этого человека на спину, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, положите

этого человека на живот — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они положили этого человека на живот, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, положите этого человека на бок — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они положили этого человека на бок, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, положите этого человека на другой бок — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они положили этого человека на другой бок, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, поставьте этого человека на ноги — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они поставили этого человека на ноги, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, поставьте этого человека вниз головой — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало. Они поставили этого человека вниз головой, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, ударьте этого человека рукой — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они ударили этого человека рукой, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, ударьте этого человека камнем — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они ударили этого человека камнем, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, ударьте этого человека палкой — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они ударили этого человека палкой, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, ударьте этого человека мечом — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они ударили этого человека мечом, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. Я сказал так: „Тогда, почтенные, потрясите этого человека, растрясите этого человека, вытрясите этого человека — может быть, мы увидим, как выходит из него жизненное начало“. Они потрясли, растрясали, вытрясли этого человека, но мы не увидели, как выходит из него жизненное начало. У него есть глаз, и [существуют] эти образы, но чувство не ощущает их; есть ухо, и [существуют] эти звуки, но чувство не ощущает их; есть нос, и [существуют] эти запахи, но чувство не ощущает их; есть язык, и [существуют] эти вкусы, но чувство не ощущает их; есть тело, и [существуют] эти осязаемые предметы, но чувство не ощущает их. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

19. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда-то давно, принц, один [человек], дующий в раковину, взял раковину и пришел в пограничную страну. Там он приблизился к одному селению, стал посреди селения, трижды протрубил в раковину, положил раковину на землю и сел в стороне. И вот, принц, те люди, родившиеся на границе, подумали: „Чей же это звук — столь восхититель-

ный, столь сладкий, столь опьяняющий, столь порабошающий, столь одурманивающий?“ И, собравшись, они так сказали этому [человеку], дующему в раковину: „Эй, чей же это звук — столь восхитительный, столь сладкий, столь опьяняющий, столь порабошающий, столь одурманивающий?“

„Это, почтенные, раковина — от нее и звук, столь восхитительный, столь сладкий, столь опьяняющий, столь порабошающий, столь одурманивающий“. Они положили эту раковину на спинку [со словами]: „Говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они положили эту раковину спинкой кверху [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они положили эту раковину на бок [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они положили эту раковину на другой бок [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они поставили эту раковину отверстием кверху [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они поставили эту раковину отверстием книзу [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они ударили эту раковину рукой [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они ударили эту раковину камнем [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они ударили эту раковину палкой [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они ударили эту раковину мечом [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Они потрясли эту раковину, растрясали эту раковину, вытрясли эту раковину [со словами]: „Говори, почтенная раковина, говори, почтенная раковина!“ — но эта раковина не издала звука. Тогда, принц, этот [человек], дующий в раковину, подумал так: „Сколько глупы эти люди, родившиеся на границе! Как неправильно они стремятся [извлечь] звук из раковины!“ И на их глазах он поднял раковину, трижды протрубил в раковину и, взяв раковину [с собой], ушел. И тогда, принц, эти люди, родившиеся на границе, подумали: „Ведь тогда лишь, когда эта раковина соединена с человеком, и соединена с усилием, и соединена с воздухом, то эта раковина издает звук. Когда же эта раковина не соединена с человеком, не соединена с усилием, не соединена с воздухом, то эта раковина не издает звука“. Так же точно, принц, и это тело — когда соединено с жизнью, и соединено с теплом, и соединено с разумением, то оно идет вперед, идет назад, стоит, сидит, лежит; оно видит глазом образ, слышит ухом звук, обоняет носом запах, вкушает языком вкус, осязает телом осязаемый предмет, распознает разумом постигаемый предмет. Когда же это тело не соединено с жизнью, не соединено с теплом, не соединено с разумением, то оно не идет вперед, не идет назад, не стоит, не сидит, не лежит; оно не видит глазом образ, не слышит ухом звук, не обоняет носом запах, не вкушает языком вкус, не осязает телом осязаемый предмет, не распознает разумом постигаемый предмет. Пусть

же, принц, благодаря этому наставлению ты подумаешь: „Существует другой мир, существуют самопроизвольно родившиеся, существует созревший плод добрых и злых действий“».

20. «Хотя досточтимый Кассапа и сказал так, все же я думаю здесь так: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Есть ли, принц, такое наставление, что благодаря этому наставлению ты думаешь: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“?»

«Есть, почтенный Кассапа, такое наставление, что благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

«Каково же оно, принц?»

«Вот, почтенный Кассапа, люди схватили и поставили передо мной вора, совершившего преступление, [и сказали]: „Перед тобой, господин, вор, совершивший преступление. Подвергни его такому наказанию, какому хочешь“. Я сказал так: „Тогда, почтенные, срежьте у этого человека кожу — может быть, мы увидим его жизненное начало“. Они срезали у этого человека кожу, но мы не увидели его жизненного начала. Я сказал так: „Тогда, почтенные, срежьте у этого человека подкожный покров — может быть, мы увидим его жизненное начало“. Они срезали у этого человека подкожный покров, но мы не увидели его жизненного начала. Я сказал так: „Тогда, почтенные, срежьте у этого человека мясо — может быть, мы увидим его жизненное начало“. Они срезали у этого человека мясо, но мы не увидели его жизненного начала. Я сказал так: „Тогда, почтенные, срежьте у этого человека жилы — может быть, мы увидим его жизненное начало“. Они срезали у этого человека жилы, но мы не увидели его жизненного начала. Я сказал так: „Тогда, почтенные, срежьте у этого человека кости — может быть, мы увидим его жизненное начало“. Они срезали у этого человека кости, но мы не увидели его жизненного начала. Я сказал так: „Тогда, почтенные, срежьте у этого человека мозг — может быть, мы увидим его жизненное начало“. Они срезали у этого человека мозг, но мы не увидели его жизненного начала. Таково, почтенный Кассапа, наставление, и благодаря этому наставлению я думаю: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“».

21. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда-то давно, принц, поклоняющийся огню аскет жил в лесной обители в шалаше из листвы. И вот, принц, там остановились [люди] из одной области. И их предводитель, проведя одну ночь близ жилища этого аскета, поклоняющегося огню, отправился дальше. И тогда, принц, этот аскет, поклоняющийся огню, подумал так: „Если сейчас я приближусь к этому жилищу предводителя, то, может быть, найду там что-нибудь полезное“. И вот этот аскет, поклоняющийся огню, поднявшись утром, приблизился к этому жилищу предводителя и, приблизившись, увидел брошенного

в этом жилище предводителя маленького несмышленного мальчика, лежащего на спине. Увидев его, он подумал так: „Не подобает, чтобы на моих глазах окончил [свои] дни человеческое существо. Поэтому сейчас я отнесу этого мальчика в обитель, позабочусь [о нем], выкормлю и взращу его“. И вот этот аскет, поклоняющийся огню, отнес этого мальчика в обитель, позаботился [о нем], выкормил и взрастил его. Однажды, когда этому мальчику было десять лет или двенадцать лет, у этого аскета, поклоняющегося огню, случилось какое-то дело в той стране. И вот этот аскет, поклоняющийся огню, так сказал этому мальчику: „Дорогой! Я хочу отправиться в страну — присматривай же за огнем, чтобы огонь у тебя не угас. Если огонь у тебя угаснет, то вот топорик, вот топливо, вот куски дерева, так что, разжегши огонь, ты сможешь [снова] присматривать за огнем“. И вот этот аскет, поклоняющийся огню, наставив таким образом этого мальчика, отправился в страну. А у того, увлеченного играми, огонь угас. И тогда этот мальчик подумал: „Ведь отец сказал мне так: ‘Присматривай за огнем, дорогой, чтобы огонь у тебя не угас. Если огонь у тебя угаснет, то вот топорик, вот топливо, вот куски дерева, так что, разжегши огонь, ты сможешь [снова] присматривать за огнем’. Поэтому сейчас я разожгу огонь и смогу [снова] присматривать за огнем“. И вот этот мальчик ударил по кускам дерева топориком [со словами]: „Может быть так я добуду огонь“, — но он не добыл огня. Он расколол куски дерева надвое, расколол натрое, расколол на четыре части, расколол на пять частей, расколол на десять частей, расколол на сто частей, раздробил на мелкие кусочки; раздробив на мелкие кусочки, размолот в ступке; размолот в ступке, развеял [их] по ветру [со словами]: „Может быть так я добуду огонь“, — но он не добыл огня. Между тем этот аскет, поклоняющийся огню, исполнив то дело в стране, приблизился к своей обители и, приблизившись, так сказал этому мальчику:

„Почему, дорогой, у тебя угас огонь?“

„У меня, дорогой, угас огонь, когда я был увлечен играми. Тогда я подумал: ‘Ведь отец сказал мне так: “Присматривай за огнем, дорогой, чтобы огонь у тебя не угас. Если огонь у тебя угаснет, то вот топорик, вот топливо, вот куски дерева, так что, разжегши огонь, ты сможешь [снова] присматривать за огнем”’. Поэтому сейчас я разожгу огонь и смогу [снова] присматривать за огнем. И вот, дорогой, я ударил по кускам дерева топориком [со словами]: ‘Может быть так я добуду огонь’, — но не добыл огня. Я расколол куски дерева надвое, расколол натрое, расколол на четыре части, расколол на пять частей, расколол на десять частей, расколол на сто частей, раздробил на мелкие кусочки; раздробив на мелкие кусочки, размолот в ступке; размолот в ступке, развеял [их] по ветру [со словами]: ‘Может быть так я добуду огонь’, — но я не добыл огня“.

И тогда этот аскет, поклоняющийся огню, подумал так: „Сколько глуп и неразумен этот мальчик! Как неправильно он стремится [добыть] огонь!“ И на его глазах он взял куски дерева, разжег огонь и сказал этому мальчику:

„Вот так, дорогой, следует разжигать огонь, а не так, как ты, глупый и неразумный, неправильно стремился [добыть] его“. Точно так же и ты, принц, глу-

пый и неразумный, неправильно стремишься [найти] другой мир. Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Да не постигнет тебя надолго бедствие и несчастье!»

22. «Хотя досточтимый Кассапа и говорит так, все же я не могу отказаться от этого порочного ложного воззрения. Ведь царь Косалы Пасенади и другие цари знают обо мне: „Принц Паяси [придерживается] такого учения, такого воззрения: ‘Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий’“. Если же я, почтенный Кассапа, откажусь от этого порочного ложного воззрения, то обо мне будут говорить: „Сколь глуп и неразумен принц Паяси, владеющий плохо усвоенным [знанием]“. Пусть в гневе, но я буду придерживаться этого; пусть скрывая [истину], но я буду придерживаться этого; пусть в злонамеренности, но я буду придерживаться этого!»

23. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда-то давно, принц, большой караван повозок из тысячи повозок двигался из восточной страны в западную страну. И по мере того как шел, он быстро поглощал траву, топливо, воду, листья зелени. А в этом караване было два вожака каравана — один над пятьюстами повозками и другой над пятьюстами повозками. И вот эти вожаки каравана подумали так: „Ведь это большой караван повозок из тысячи повозок. И по мере того как мы идем, он быстро поглощает траву, топливо, воду, листья зелени. Что если мы теперь разделим этот караван надвое — по пятьсот повозок в каждой части“. И они разделили этот караван надвое — пятьсот повозок в одной части, пятьсот повозок в другой части. И один вожак каравана, погрузив [на повозки] много травы, топлива и воды, отправил караван в путь. И на второй день или третий день пути этот [вожак] каравана увидел, как с противоположной стороны приближается человек — темнокожий, с красными глазами, вооруженный колчаном, в венке из лотосов, с влажными одеждами и влажными волосами, на [запряженной] ослами повозке, колеса которой запачкались в грязи. Видя [его], он сказал:

„Откуда идешь, почтенный?“

„Из той страны“.

„Куда ты идешь?“

„В ту страну“.

„Что, почтенный, в чаще прошел недавно сильный дождь?“

„Да, почтенный, в чаще прошел недавно сильный дождь, дороги политы водой, [там] много травы, топлива и воды. Сбрось же, почтенный, [припасенную] прежде траву, топливо и воду, двигайся быстрее с легко нагруженными повозками и не изнурай упряжных животных“.

И тогда этот вожак каравана обратился к возничим: „Вот что, почтенные, говорит этот человек: ‘В чаще прошел недавно сильный дождь, дороги политы водой, [там] много травы, топлива и воды. Сбрось же, почтенный, [припасенную] прежде траву, топливо и воду, двигайся быстрее с легко нагруженными повозка-

ми и не изнурай упряжных животных'. — Сбросьте же, почтенные, [припасенную] прежде траву, топливо и воду и отправьте караван в путь с легко нагруженными повозками“.

„Хорошо, почтенный!“ — согласились эти возничие с вожаком каравана, сбросили [припасенную] прежде траву, топливо и воду и отправили караван в путь с легко нагруженными повозками. Но на первой стоянке каравана они не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на второй стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на третьей стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на четвертой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на пятой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на шестой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на седьмой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды — и всех их постигло горе и погибель. И всех людей и животных этого каравана пожрал яккха — нечеловеческое существо, — и оставил от них лишь кости.

Между тем другой вожак каравана подумал: „Давно уже тот караван вышел в путь“, — погрузил на повозки много травы, топлива и воды и отправил караван в путь. И на второй день или третий день пути этот [вожак] каравана увидел, как с противоположной стороны приближается человек — темнокожий, с красными глазами, вооруженный колчаном, в венке из лотосов, с влажными одеждами и влажными волосами, на [запряженной] ослими повозке, колеса которой запачкались в грязи. Видя [его], он сказал:

„Откуда идешь, почтенный?“

„Из той страны“.

„Куда ты идешь?“

„В ту страну“.

„Что, почтенный, в чаще прошел недавно сильный дождь?“

„Да, почтенный, в чаще прошел недавно сильный дождь, дороги политы водой, [там] много травы, топлива и воды. Сбрось же, почтенный, [припасенную] прежде траву, топливо и воду, двигайся быстрее с легко нагруженными повозками и не изнурай упряжных животных“.

И тогда этот вожак каравана обратился к возничим: „Вот что, почтенные, говорит этот человек: ‘В чаще прошел недавно сильный дождь, дороги политы водой, [там] много травы, топлива и воды. Сбрось же, почтенный, [припасенную] прежде траву, топливо и воду, двигайся быстрее с легко нагруженными повозками и не изнурай упряжных животных’. — Но ведь этот человек, почтенные, и не друг нам, и не кровный родич — зачем же мы станем доверять ему? Не следует сбрасывать [припасенную] прежде траву, топливо и воду — отправьте караван в путь с поклажей, какая была, и не будем сбрасывать [припасенного] прежде“.

„Хорошо, почтенный!“ — согласились эти возничие с вожаком каравана, и отправили караван в путь с поклажей, какая была. И вот на первой стоянке каравана они не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на второй стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на третьей стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на четвертой стоянке каравана не увидели

ни травы, ни топлива, ни воды, и на пятой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на шестой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды, и на седьмой стоянке каравана не увидели ни травы, ни топлива, ни воды — и увидели тот караван, что постигло горе и погибель. Всех — и людей и животных того каравана — пожрал яккха — нечеловеческое существо, — и они увидели лишь их кости.

И тогда этот вожак каравана обратился к возничим: „Этот караван, почтенные, постигло горе и погибель из-за глупого вожака каравана, ведущего его. Поэтому, почтенные, сбросьте те товары нашего каравана, которые стоят мало, и возьмите те товары этого каравана, которые стоят дорого“. — „Хорошо, почтенный!“ — согласились те возничие с вожаком каравана, сбросили те товары своего каравана, которые стоили мало, взяли те товары этого каравана, которые стоили дорого, и благополучно прошли через чащу благодаря мудрому вожаку каравана, ведшему их. Так же точно и ты, принц, глупый и неразумный, неправильно стремясь [найти] другой мир, достигнешь горя и погибели, подобно тому человеку, вожаку каравана. Те же, кто сочтут достойным доверия услышанное от тебя, достигнут горя и погибели, подобно тем возничим. Откажись, принц, от этого порочного, ложного воззрения! Откажись, принц, от этого порочного, ложного воззрения! Да не постигнет тебя надолго бедствие и несчастье!»

24. «Хотя досточтимый Кассапа и говорит так, все же я не могу отказаться от этого порочного ложного воззрения. Ведь царь Косалы Пасенади и другие цари знают обо мне: „Принц Паяси [придерживается] такого учения, такого воззрения: ‘Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий’“. Если же я, почтенный Кассапа, откажусь от этого порочного ложного воззрения, то обо мне будут говорить: „Сколь глуп и неразумен принц Паяси, владеющий плохо усвоенным [знанием]!“ Пусть в гневе, но я буду придерживаться этого; пусть, скрывая [истину], но я буду придерживаться этого; пусть в злонамеренности, но я буду придерживаться этого!»

25. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда-то давно, принц, один свинопас шел из своего селения в другое селение. И вот он увидел большую [груд] выброшенного сухого навоза. Видя [ее], он подумал так: „Вот у меня будет много выброшенного сухого навоза в пищу для моих свиней. Поэтому сейчас я унесу отсюда сухой навоз“. Он разостлал верхнее платье, положил много сухого навоза, завязал узлом, поднял на голову и пошел [дальше]. Когда же он был в пути, не ко времени полил сильный дождь. Так он и шел, держа ношу, из которой сочился и тек навоз, и он до кончиков ногтей испачкался навозом. И увидев его, люди сказали так: „Что это ты — рехнулся, сошел с ума? Ты же держишь ношу, из которой сочится и течет навоз, и до кончиков ногтей испачкался навозом!“ — „Это сами вы рехнулись, сами сошли с ума! Ведь здесь у меня пища для свиней“. — Так же точно, я сказал бы, и ты, принц, кажешься подобным несущему навоз. Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Откажись,

принц, от этого порочного ложного воззрения! Да не постигнет тебя надолго бедствие и несчастье!»

26. «Хотя досточтимый Кассапа и говорит так, все же я не могу отказаться от этого порочного ложного воззрения. Ведь царь Косалы Пасенади и другие цари знают обо мне: „Принц Паяси [придерживается] такого учения, такого воззрения: ‘Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий’“. Если же я, почтенный Кассапа, откажусь от этого порочного ложного воззрения, то обо мне будут говорить: „Сколько глуп и неразумен принц Паяси, владеющий плохо усвоенным [знанием]“. Пусть в гневе, но я буду придерживаться этого; пусть скрывая [истину], но я буду придерживаться этого; пусть в злонамеренности, но я буду придерживаться этого!»

27. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда-то давно, принц, два игрока играли в кости. И вот один игрок стал проглатывать игральные кости, когда они выпадали несчастливо. А второй игрок увидел, что тот игрок проглатывает игральные кости, когда они выпадают несчастливо. Видя это, игрок сказал: „Дорогой ты все время выигрываешь, дай же мне, дорогой, игральные кости — я поменяю их“. — „Хорошо, дорогой“, — [сказал] тот игрок и передал этому игроку игральные кости. И тогда этот игрок намазал игральные кости ядом и так сказал тому игроку: „Давай, дорогой, будем [дальше] играть в кости“. „Хорошо, дорогой“, — согласился тот игрок с этим игроком. И вот те игроки снова стали играть в кости, и тот игрок снова стал проглатывать игральные кости, когда они выпадали несчастливо. А второй игрок увидел, что тот игрок снова проглатывает игральные кости, когда они выпадают несчастливо. Видя это, он так сказал тому игроку:

„Самым жгучим [ядом] намазана
Проглоченная игральная кость, [но] человек не осознаёт [этого].
Глотай же, глотай, злой мошенник, —
Худо тебе будет потом!“

Так же точно, я сказал бы, и ты, принц, кажешься подобным игроку в кости. Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Да не постигнет тебя надолго бедствие и несчастье!

28. «Хотя досточтимый Кассапа и говорит так, все же я не могу отказаться от этого порочного ложного воззрения. Ведь царь Косалы Пасенади и другие цари знают обо мне: „Принц Паяси [придерживается] такого учения, такого воззрения: ‘Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий’“. Если же я, почтенный Кассапа, откажусь от этого порочного ложного воззрения, то обо мне будут говорить: „Сколько глуп и неразумен принц Паяси, владеющий плохо усвоенным [знанием]“. Пусть в гневе, но я буду придерживаться этого; пусть скрывая [истину],

но я буду придерживаться этого; пусть в злонамеренности, но я буду придерживаться этого!»

29. «Тогда, принц, я приведу тебе сравнение. Ведь благодаря сравнению некоторые мудрые люди могут понять здесь смысл сказанного. Когда-то давно, принц, [один народ] переселялся в другую страну. И вот некто обратился к товарищу: „Давай, дорогой, пойдем в ту страну — может быть, там мы найдем какое-нибудь богатство“. — „Хорошо, дорогой“, — согласился тот с товарищем. И вот в той стране они вышли на одну сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудку] выброшенной пеньки. Видя [ее], один [из них] обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной пеньки — поэтому, дорогой, уложи ношу пеньки, и я уложу ношу пеньки, и мы оба пойдем, взяв ношу пеньки“. — „Хорошо, дорогой“, — согласился тот с товарищем и уложил ношу пеньки.

И вот, взяв ношу пеньки, оба они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудку] выброшенной пеньковой нити. Видя [ее], один [из них] обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной пеньковой нити, ради которой мы и хотели пеньку. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, и я брошу ношу пеньки, и мы оба пойдем, взяв ношу пеньковой нити“. [Тот ответил]: „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу пеньки и взял ношу пеньковой нити.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудку] выброшенной пеньковой одежды. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной пеньковой одежды, ради которой мы хотели и пеньку, и пеньковую нить. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу пеньковой нити, и мы оба пойдем, взяв ношу пеньковой одежды“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу пеньковой нити и взял ношу пеньковой одежды.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудку] выброшенного льна. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного льна, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу пеньковой одежды, и мы оба пойдем, взяв ношу льна“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу пеньковой одежды и взял ношу льна.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудку] выброшенной льняной нити. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной льняной нити, ради которой мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу льна, и мы оба пойдем, взяв ношу льняной нити“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу льна и взял ношу льняной нити.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [груды] выброшенной льняной одежды. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной льняной одежды, ради которой мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу льняной нити, и мы оба пойдем, взяв ношу льняной одежды“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу льняной нити и взял ношу льняной одежды.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [груды] выброшенного хлопка. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного хлопка, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду. Поэтому, дорогой, брось пеньку, я брошу льняную одежду, и мы оба пойдем, взяв ношу хлопка“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу льняной одежды, и взял ношу хлопка.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [груды] выброшенной хлопчатой нити. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной хлопчатой нити, ради которой мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу хлопка, и мы оба пойдем, взяв ношу хлопчатой нити“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу хлопка и взял ношу хлопчатой нити.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [груды] выброшенной хлопчатой одежды. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенной хлопчатой одежды, ради которой мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу хлопчатой нити, и мы оба пойдем, взяв ношу хлопчатой одежды“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу хлопчатой нити и взял ношу хлопчатой одежды.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [груды] выброшенного железа. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного железа, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить, и хлопчатую одежду. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу хлопчатой одежды, и мы оба пойдем, взяв ношу железа“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу хлопчатой одежды и взял ношу железа.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [груды] выброшенной меди. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много

выброшенной меди, ради которой мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить, и хлопчатую одежду, и железо. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу железа, и мы оба пойдем, взяв ношу меди“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу железа и взял ношу меди.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудю] выброшенного олова. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного олова, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить, и хлопчатую одежду, и железо, и медь. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу меди, и мы оба пойдем, взяв ношу олова“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу меди и взял ношу олова.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудю] выброшенного свинца. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного свинца, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить, и хлопчатую одежду, и железо, и медь, и олово. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу олова, и мы оба пойдем, взяв ношу свинца“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу олова и взял ношу свинца.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудю] выброшенного серебра. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного серебра, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить, и хлопчатую одежду, и железо, и медь, и олово, и свинец. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу свинца, и мы оба пойдем, взяв ношу серебра“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу свинца и взял ношу серебра.

И они вышли на другую сельскую дорогу. Там они увидели большую [грудю] выброшенного золота. Видя [ее], он обратился к товарищу: „Вот, дорогой, много выброшенного золота, ради которого мы хотели и пеньку, и пеньковую нить, и пеньковую одежду, и лен, и льняную нить, и льняную одежду, и хлопок, и хлопчатую нить, и хлопчатую одежду, и железо, и медь, и олово, и свинец, и серебро. Поэтому, дорогой, брось ношу пеньки, я брошу ношу серебра, и мы оба пойдем, взяв ношу золота“. — „Эту ношу пеньки, дорогой, я уже давно несу, и она хорошо привязана; мне ее достаточно, а ты поступай как знаешь“. И тогда он бросил ношу серебра и взял ношу золота.

И вот они приблизились к своему селению. И тот товарищ, который пришел, взяв ношу пеньки, не порадовал ни мать, ни отца, не порадовал ни сына, ни жену,

не порадовал ни друзей, ни близких и вследствие этого не достиг ни счастья, ни удовлетворения. Тот же товарищ, который пришел, взяв ношу золота, порадовал мать и отца, порадовал сына и жену, порадовал друзей и близких и вследствие этого достиг счастья и удовлетворения.

Так же точно, я сказал бы, и ты, принц, кажешься подобным несущему пеньку. Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Откажись, принц, от этого порочного ложного воззрения! Да не постигнет тебя надолго бедствие и несчастье!»

30. «Уже первым сравнением досточтимого Кассапы я был удовлетворен и доволен, но я хотел услышать эти разнообразные ответы на вопрос и поэтому считал, что надо возразить досточтимому Кассапе. Превосходно, почтенный Кассапа! Превосходно, почтенный Кассапа! Подобно тому, почтенный Кассапа, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно почтенный Кассапа с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, почтенный Кассапа, я иду как к прибежищу к этому Благостному Готаме, и к дхамме, и к сангхе монахов. Путь же досточтимый Кассапа примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище. И я хочу, почтенный Кассапа, совершить великое жертвоприношение. Пусть же досточтимый Кассапа даст мне согласие, чтобы это надолго послужило мне к благополучию и счастью».

31. «Когда при жертвоприношении, принц, убивают быков, или убивают коз и овец, или убивают петухов и свиней, или подвергают уничтожению какие-либо живые существа, и когда принимающие [в нем] участие наделены несправедным воззрением, несправедным намерением, несправедной речью, несправедным действием, несправедным поддержанием жизни, несправедным усилием, несправедной способностью самосознания, несправедной сосредоточенностью, то подобного рода жертвоприношение, принц, не приносит ни великих плодов, ни великой пользы, ни великого блеска, ни великого успеха. Это подобно тому, принц, как если бы земледелец, взяв семена и плуг, пошел в лес. И там он бы бросил раскрошившиеся, сгнившие, попорченные ветром и зноем, несвежие, находящиеся в негодном состоянии семена в неподходящую землю, в плохую почву, не расчищенную от пней, а божество не послало бы в надлежащее время очередного дождя. Стали бы тогда эти семена расти, развиваться, увеличиваться, и получил ли бы земледелец обильные плоды?»

«Конечно нет, почтенный Кассапа».

«И так же точно, принц, когда при жертвоприношении убивают быков, или убивают коз и овец, или убивают петухов и свиней, или подвергают уничтожению какие-либо живые существа, и когда принимающие [в нем] участие наделены несправедным воззрением, несправедным намерением, несправедной речью, несправедным действием, несправедным поддержанием жизни, несправедным усилием, несправедной способностью самосознания, несправедной сосредоточенностью, то подобного рода жертвоприношение, принц, не приносит ни великих плодов,

ни великой пользы, ни великого блеска, ни великого успеха. Когда же при жертвоприношении, принц, не убивают быков, не убивают коз и овец, не убивают петухов и свиней, не подвергают уничтожению каких-либо живых существ, и когда принимающие [в нем] участие наделены надлежащим воззрением, надлежащим намерением, надлежащей речью, надлежащим действием, надлежащим поддержанием жизни, надлежащим усилием, надлежащей способностью самосознания, надлежащей сосредоточенностью, то подобного рода жертвоприношение, принц, приносит великие плоды, великую пользу, великий блеск, великий успех. Это подобно тому, принц, как если бы земледелец, взяв семена и плуг, пошел в лес. И там он бы бросил нераскрошившиеся, несгнившие, не попорченные ветром и зноем, свежие, находящиеся в хорошем состоянии семена в подходящую землю, в хорошую почву, тщательно расчищенную от пней, а божество послало бы в надлежащее время очередной дождь. Стали бы тогда эти семена расти, развиваться, увеличиваться, и получил ли бы земледелец обильные плоды?»

«Да, почтенный Кассапа».

«И так же точно, принц, когда при жертвоприношении, не убивают быков, не убивают коз и овец, не убивают петухов и свиней, не подвергают уничтожению каких-либо живых существ, и когда принимающие [в нем] участие наделены надлежащим воззрением, надлежащим намерением, надлежащей речью, надлежащим действием, надлежащим поддержанием жизни, надлежащим усилием, надлежащей способностью самосознания, надлежащей сосредоточенностью, то подобного рода жертвоприношение, принц, приносит великие плоды, великую пользу, великий блеск, великий успех».

32. И тогда принц Паяси установил [раздачу] подаяний для отшельников, брахманов, бедных путников, бродяг, просителей. И при этом подаянии он раздавал такую пищу, как молотый рис с кислой кашей, а также — грубые одежды с бахромой в виде шариков. А в этом подаянии был занят юноша по имени Уттара. И давая подаяние, он сказал так: «Благодаря этому подаянию я встретил принца Паяси в этом мире, но не [встречу] в другом». И принц Паяси услышал: «Ведь юноша Уттара сказал так: „Благодаря этому подаянию я встретил принца Паяси в этом мире, но не [встречу] в другом“». И тогда принц Паяси, призвав юношу Уттара, сказал: «Правда ли это, дорогой Уттара, что, давая подаяние, ты сказал так: „Благодаря этому подаянию я встретил принца Паяси в этом мире, но не [встречу] в другом?“»

«Правда, почтенный».

«Почему же, дорогой Уттара, давая подаяние, ты сказал так: „Благодаря этому подаянию я встретил принца Паяси в этом мире, но не [встречу] в другом?“ Разве, дорогой Уттара, стремясь к заслуге, мы не должны ждать плодов подаяния?»

«Ведь при подаянии досточтимый раздает молотый рис с кислой кашей, а такую пищу досточтимый не пожелал бы и тронуть ногой — не то что отведать, и [раздает] грубые одежды с бахромой в виде шариков, а такую [одежду] досточтимый пожелал бы и тронуть ногой — не то, что надеть. Ведь досточтимый дорог и приятен нам — как же нам соединить дорогое и приятное с неприятным?»

«Тогда, дорогой Уттара, ты сам установи [раздачу] такой еды, которую поедаю и я, и установи [раздачу] таких одежд, которые надеваю и я».

«Хорошо, почтенный», — согласился с принцем Паяси юноша Уттара и установил [раздачу] такой еды, которую поедал и принц Паяси, и установил [раздачу] таких одежд, которые надевал и принц Паяси.

И впоследствии принц Паяси, дававший подаяния не тщательно, дававший подаяния не собственноручно, дававший подаяния без должного размышления, дававший подаяния отбросами, с распадом тела после смерти родился среди божеств, окружающих четырех Великих царей в пустом дворце Серисака. Занятый же в его подаянии юноша по имени Уттара, дававший подаяния тщательно, дававший подаяния собственноручно, дававший подаяния с должным размышлением, дававший подаяния не отбросами, с распадом тела после смерти родился в счастливом небесном мире среди тридцати трех богов.

33. А в это самое время достопочтенный Гавампати часто приходил для дневного отдыха в пустой дворец Серисака. И вот божественный отпрыск Паяси приблизился к достопочтенному Гавампати; приблизившись, он приветствовал достопочтенного Гавампати и стал в стороне. И вот достопочтенный Гавампати так сказал ставшему в стороне божественному отпрыску Паяси:

«Кто ты, почтенный?»

«Я — принц Паяси, господин».

«Не было ли у тебя, почтенный, такого ложного воззрения: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий?“»

«Да, господин, у меня было такое ложное воззрение: „Не существует другого мира, не существует самопроизвольно родившихся, не существует созревшего плода добрых и злых действий“. Но благодаря праведному Кумаракассапе я освободился от этого порочного ложного воззрения».

«Где же, почтенный, [вновь] родился юноша по имени Уттара, который был занят в твоём подаянии?»

«Тот юноша по имени Уттара, господин, который был занят в моем подаянии, дававший подаяния тщательно, дававший подаяния собственноручно, дававший подаяния с должным размышлением, дававший подаяния не отбросами, с распадом тела после смерти родился в счастливом небесном мире среди тридцати трех богов. Я же, дававший подаяния не тщательно, дававший подаяния не собственноручно, дававший подаяния без должного размышления, дававший подаяния отбросами, с распадом тела после смерти родился среди божеств, окружающих четырех Великих царей в пустом дворце Серисака. Поэтому, господин Гавампати, иди в мир людей и передай так: „Давайте подаяния тщательно, давайте подаяния собственноручно, давайте подаяния с должным размышлением, давайте подаяния не отбросами. Принц Паяси, дававший подаяния не тщательно, дававший подаяния не собственноручно, дававший подаяния без должного размышления, дававший подаяния отбросами, с распадом тела после смерти родился среди божеств, окружающих четырех Великих царей в пустом дворце Серисака. Заня-

тый же в его подаянии юноша по имени Уттара, дававший подаяния тщательно, дававший подаяния собственноручно, дававший подаяния с должным размышлением, дававший подаяния не отбросами, с распадом тела после смерти родился в счастливом небесном мире среди тридцати трех богов“».

34. И тогда достопочтенный Гавампати, придя в мир людей, передал так: «Давайте подаяния тщательно, давайте подаяния собственноручно, давайте подаяния с должным размышлением, давайте подаяния не отбросами. Принц Паяси, дававший подаяния не тщательно, дававший подаяния не собственноручно, дававший подаяния без должного размышления, дававший подаяния отбросами, с распадом тела после смерти родился среди божеств, окружающих четырех Великих царей в пустом дворце Серисака. Занятый же в его подаянии юноша по имени Уттара, дававший подаяния тщательно, дававший подаяния собственноручно, дававший подаяния с должным размышлением, дававший подаяния не отбросами, с распадом тела после смерти родился в счастливом небесном мире среди тридцати трех богов».

Окончена «Паяси-сутта». [Окончена] «Махавагга».

«Ападана», «Нидана», и «Ниббана», и «Судассана»,
«Джанавасабха», «Говинда», «Самая», а также «Сакка»,
«Сатипаттхана», «Паяси» — [вот] собрание [сутт] «Махавагги».

III

«ПАТИКА-ВАГГА»

(«Раздел, [открывающийся суттой] о Патике»)

XXIV. «Патика-сутта» («Сутта о Патике»)

1.1. Вот, что я слышал:

Однажды Благостный пребывал среди маллов. А у маллов есть поселение под названием Анупия. И вот утром Благостный оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и вошел в Анупию для сбора милостыни. И вот Благостный подумал так: «Слишком рано еще ходить по Анупие, собирать милостыню — поэтому сейчас я приближусь к [монашеской] роще странствующего аскета Бхаггаваготты, к странствующему аскету Бхаггаваготте». И вот Благостный приблизился к роще странствующего аскета Бхаггаваготты, к странствующему аскету Бхаггаваготте.

1.2. И вот странствующий аскет Бхаггаваготта так сказал Благостному:

«Господин, пусть подойдет Благостный. Господин, добро пожаловать Благостному! Господин, давно уже Благостный отправился [в путь] и приходил сюда. Господин, пусть Благостный сядет — вот предложенное [ему] сиденье».

Благостный сел на предложенное сиденье. А странствующий аскет Бхаггаваготта выбрал другое низкое сиденье и сел в стороне. Севший в стороне странствующий аскет Бхаггаваготта так сказал Благостному: «Некогда в прежние дни, господин, сын личчавов Сунаккхатта приблизился ко мне и, приблизившись, сказал мне: „Теперь, Бхагава, я оставил Благостного. Теперь, Бхагава, я больше не нахожусь с Благостным“. Как же, господин, — правда ли то, что сказал сын личчавов Сунаккхатта».

«Правда, Бхагава, то, что сказал сын личчавов Сунаккхатта.

1.3. Некогда в прежние дни, Бхагава, сын личчавов Сунаккхатта приблизился ко мне. Приблизившись, он приветствовал меня и сел в стороне. И вот, Бхагава, сидя в стороне, сын личчавов Сунаккхатта так сказал мне: „Теперь, госпо-

дин, я оставляю Благостного, теперь, господин, я больше не буду находиться с Благостным“.

Когда так было сказано, Бхаггава, я так сказал сыну личчхавов Сунаккхатте: „Разве, Сунаккхатта, я говорил когда-нибудь так: ‘Иди, Сунаккхатта, находишься рядом со мной’“?

„Нет, господин“.

„А ты разве говорил мне когда-нибудь так: ‘Господин, я буду находиться рядом с Благостным’“?

„Нет, господин“.

„Итак, Сунаккхатта, и я не говорил тебе: ‘Иди, Сунаккхатта, находишься рядом со мной’ и ты не говорил мне: ‘Господин, я буду находиться рядом с Благостным’. А если так, глупый человек, то кто ты есть и кого собираешься оставить? Видишь, глупый человек, как ты здесь неправ“.

1.4. „Но, господин, ведь Благостный не совершал передо мной с помощью недоступных человеку сил сверхъестественного чуда“.

„Разве, Сунаккхатта, я говорил когда-нибудь так: ‘Иди, Сунаккхатта, находишься рядом со мной. Я совершу перед тобой с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо’“?

„Нет, господин“.

„А ты разве говорил мне когда-нибудь так: ‘Господин, я буду находиться рядом с Благостным и Благостный совершит передо мной с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо’“?

„Нет, господин“.

„Итак, Сунаккхатта, и я не говорил тебе: ‘Иди, Сунаккхатта, находишься рядом со мной. Я совершу перед тобой с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо’, и ты не говорил мне: ‘Господин, я буду находиться рядом с Благостным, и Благостный совершит передо мной с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо’. А если так, глупый человек, то кто ты есть и кого собираешься оставить? Как ты думаешь об этом, Сунаккхатта? Совершено ли с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо или не совершено с помощью нечеловеческих сил сверхъестественного чуда — разве не ведет проповедываемая мной истина к полному уничтожению страдания у испытывающего его?“

„Господин, совершено ли с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо или не совершено с помощью нечеловеческих сил сверхъестественного чуда, проповедываемая Благостным истина ведет к полному уничтожению страдания у испытывающего его“.

„Итак, Сунаккхатта, совершено ли с помощью нечеловеческих сил сверхъестественное чудо или не совершено с помощью нечеловеческих сил сверхъестественного чуда, проповедываемая мной истина ведет к полному уничтожению страдания у испытывающего его. А тогда, Сунаккхатта, к чему совершение с помощью нечеловеческих сил сверхъестественного чуда? Видишь, глупый человек, как ты здесь неправ“.

1.5. „Но, господин, ведь Благостный не обучил меня началу вещей“.

„Разве, Сунаккхатта, я говорил тебе когда-нибудь так: ‘Иди, Сунаккхатта, находишься рядом со мной. Я обучу тебя началу вещей’“?

„Нет, господин“.

„А ты разве говорил мне когда-нибудь так: ‘Господин, я буду находиться рядом с Благостным, и Благостный обучит меня началу вещей’“?

„Нет, господин“.

„Итак, Сунаккхатта, и я не говорил тебе: ‘Иди, Сунаккхатта, находишься рядом со мной. Я обучу тебя началу вещей’, и ты не говорил мне: ‘Господин, я буду находиться рядом с Благостным, и Благостный обучит меня началу вещей’. А если так, глупый человек, то кто ты есть и кого собираешься оставить? Как ты думаешь об этом, Сунаккхатта? Есть ли обучение началу вещей или нет обучения началу вещей, разве не ведет проповедываемая мной истина к полному уничтожению страдания у испытывающего его?“

„Господин, есть ли обучение началу вещей или нет обучения началу вещей, проповедываемая Благостным истина ведет к полному уничтожению страдания у испытывающего его“.

„Итак, Сунаккхатта, есть ли обучение началу вещей или нет обучения началу вещей, проповедываемая мной истина ведет к полному уничтожению страдания у испытывающего его. А тогда, Сунаккхатта, к чему обучение началу вещей? Видишь, глупый человек, как ты здесь неправ.“

1.6. На много ладов ты, Сунаккхатта, возглашал мне хвалу в селении ваджджийцев: ‘Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный’ — так, Сунаккхатта, ты на много ладов возглашал мне хвалу в селении ваджджийцев.

На много ладов ты, Сунаккхатта, возглашал хвалу дхамме в селении ваджджийцев: ‘Хорошо провозглашена Благостным истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, которую мудрые должны ощутить в своем сердце’ — так, Сунаккхатта, ты на много ладов возглашал хвалу дхамме в селении ваджджийцев.

На много ладов ты, Сунаккхатта, возглашал славу сангхе в селении ваджджийцев: ‘Должным путем следует община учеников Благостного, прямым путем следует община учеников Благостного, путем знания следует община учеников Благостного, праведным путем следует община учеников Благостного — четыре группы людей, восемь [видов] личностей людей; эту общину учеников Благостного должны чтить жертвами, угощениями, подношениями, поклонением; это — несравненное поле заслуг в мире’ — так, Сунаккхатта, ты на много ладов возглашал хвалу сангхе в селении ваджджийцев.

Я обращаюсь к тебе, Сунаккхатта, я даю тебе знать, Сунаккхатта, — будут, Сунаккхатта, говорящие о тебе: ‘Сын личчавов Сунаккхатта не был способен вести целомудренную жизнь при отшельнике Готаме; будучи неспособным, он оставил ученичество и обратился к низменному’ — таковы, Сунаккхатта, будут говорящие о тебе“.

Вот как, Бхагава, сын личчавов Сунакхатта, с которым я говорил, отступил от закона и должного поведения, заслужив бедствие и преисподнюю.

1.7. Однажды, Бхагава, я пребывал среди буму в селении буму под названием Утгарака. И вот, Бхагава, утром я оделся, взял сосуд для подаваний и верхнюю одежду и вместе с сыном личчавов Сунакхаттой, следующим [за мной] в качестве отшельника, вошел в Утгараку для сбора милостыни. И в это самое время [там был] обнаженный аскет Кораххаттия, который вел себя по-собачьи, — ходил на четвереньках, брал прямо ртом и ел прямо ртом брошенную на землю пищу.

И вот, Бхагава, сын личчавов Сунакхатта увидел обнаженного аскета Кораххаттию, который вел себя по-собачьи, — ходил на четвереньках, брал прямо ртом и ел прямо ртом брошенную на землю пищу. И видя его, он подумал так: „Поистине, превосходит на вид этот архат, отшельник, который ходит на четвереньках, берет прямо ртом и ест прямо ртом брошенную на землю пищу“.

И тогда, Бхагава, постигнув умом размышление, возникшее у сына личчавов Сунакхатты, я так сказал сыну личчавов Сунакхатте:

„Глупый человек, разве ты не признаешь себя последователем сына сакьев?“

„Господин, почему Благодный сказал мне так: ‘Глупый человек, разве ты не признаешь себя последователем сына сакьев?’“

„Разве, Сунакхатта, видя этого обнаженного аскета Кораххаттию, ведущего себя по-собачьи, ходящего на четвереньках, берущего прямо ртом и едящего прямо ртом брошенную на землю пищу, ты не подумал так: ‘Поистине, превосходит на вид этот архат, отшельник, который ходит на четвереньках, берет прямо ртом и ест прямо ртом брошенную на землю пищу?’“

„Да, господин. Но, господин, неужели Благодный ревниво относится к архатству [других]?“

„Нет, глупый человек, я не отношусь ревниво к архатству. Но в тебе ведь возникло это порочное ложное воззрение — оставь же его, чтобы оно надолго не послужило тебе к неблагополучию и несчастью. Ведь на седьмой день исполнится срок этого обнаженного аскета Кораххаттии, о котором ты, Сунакхатта, думаешь ‘Превосходный на вид архат, отшельник!’ — он умрет от недостатка синовиальной жидкости и возродится как один из асуров калаканджей в самом низком сонме асуров; умершего его бросят на кладбище, на груды травы бирана. Если хочешь, Сунакхатта, ты можешь подойти к обнаженному аскету Кораххаттии и спросить: ‘Знаешь ли ты, почтенный Кораххаттия, собственную судьбу?’ И может случиться так, Сунакхатта, что обнаженный аскет Кораххаттия ответит тебе: ‘Я знаю, почтенный Сунакхатта, собственную судьбу: я возрожусь как один из асуров калаканджей, в самом низком сонме асуров’“.

1.8. И тогда, Бхагава, сын личчавов Сунакхатта приблизился к обнаженному аскету Кораххаттии и, приблизившись, так сказал обнаженному аскету Кораххаттии: „Почтенный Кораххаттия, ведь отшельником Готамой сказано: ‘На седьмой день исполнится срок этого обнаженного аскета Кораххаттии — он умрет от недостатка синовиальной жидкости и возродится как один из асуров

калаканджей в самом низком сонме асуров; умершего его бросят на кладбище, на грудку травы бирана'. Так ешь же, почтенный Кораххаттия, строго отмеренную еду и пей строго отмеренное питье, чтобы слова аскета Готамы оказались ложными“.

И вот Бхаггава, Сунакхатта стал считать подряд ночи и дни [вплоть до] седьмого — так он не верил Татхагате. И вот, Бхаггава, на седьмой день исполнился срок этого обнаженного аскета Кораххаттии — он умер от недостатка синовиальной жидкости и возродился как один из асуров калаканджей в самом низком сонме асуров; умершего его бросили на кладбище, на грудку травы бирана.

1.9. И вот, Бхаггава, Сунакхатта услышал: „Обнаженный аскет Кораххаттия умер от недостатка синовиальной жидкости и брошен на кладбище, на грудку травы бирана“. И вот, Бхаггава, сын личчхавов Сунакхатта приблизился к обнаженному аскету Кораххаттии на кладбище, на грудку травы бирана и трижды нажал ладонью на обнаженного аскета Кораххаттии [со словами]: „Знаешь ли ты, почтенный Кораххаттия, собственную судьбу?“

И тогда, Бхаггава, обнаженный аскет Кораххаттия, потирая ладонью спину, поднялся [со словами]: „Я знаю, почтенный Сунакхатта, собственную судьбу — я возродился как один из асуров калаканджей в самом низком сонме асуров“, — и сказав эти слова, упал на спину.

1.10. И тогда, Бхаггава, сын личчхавов Сунакхатта приблизился ко мне; приблизившись, он приветствовал меня и сел в стороне. И вот, Бхаггава, я так сказал сидящему в стороне сыну личчхавов Сунакхатте:

„Как же ты думаешь об этом, Сунакхатта? Так ли произошло с обнаженным аскетом Кораххаттией, как я тебе сказал, или иначе?“

„Господин, с обнаженным аскетом Кораххаттией произошло так, как сказал мне Благостный, и не иначе“.

„Как же ты думаешь об этом, Сунакхатта? Если так, то было ли с помощью недоступных человеку сил совершенно сверхъестественное чудо или не было совершенно?“

„Конечно, господин, если так, то поистине с помощью нечеловеческих сил было совершенно сверхъестественное чудо“.

„Итак, глупый человек, мне, с помощью недоступных человеку сил совершившему сверхъестественное чудо, ты говоришь: ‘Господин, ведь Благостный не совершал предо мной с помощью недоступных человеку сил сверхъестественного чуда’. Видишь, глупый человек, как ты здесь неправ“.

Вот так, Бхаггава сын личчхавов Сунакхатта, с которым я говорил, отступился от закона и должного поведения, заслужив бедствие и преисподнюю.

1.11. Однажды Бхаггава, я пребывал в Весали, в обители с заостренной крышей в большом лесу. И в это самое время в Весали жил обнаженный аскет Кандарамасука, достигший в селении ваджджийцев вершины благополучия и вершины славы. Он взял на себя и исполнял семь обетов: „Пока я жив, я буду обнаженным аскетом и не буду надевать одежду; пока я жив, я буду целомудрен и не буду предаваться обычаю совокупления; пока я жив, я буду поддерживать силы хмельным питьем и мясом и не буду есть отварного риса с творогом; я не буду

выходить за пределы святилища Удена к востоку от Весали; не буду выходить за пределы святилища Готамака к югу от Весали; не буду выходить за пределы святилища Саттамба к западу от Весали; не буду выходить за пределы святилища Бахупутта к северу от Весали“. И он достиг в селении ваджджийцев вершины благополучия и вершины славы, потому что взял на себя эти семь обетов.

1.12. И вот, Бхаггава, сын личчхавов Сунаккхатта приблизился к обнаженному аскету Кандарамасуке и, приблизившись, задал обнаженному аскету Кандарамасуке вопрос. И, будучи спрошен, обнаженный аскет Кандарамасука не ответил на его вопрос и, не отвечая, выказал гнев и злобу, и недовольство. И тогда, Бхаггава, сын личчхавов Сунаккхатта подумал так: „Поистине, мы обидели этого превосходного на вид архата, отшельника. Поистине, как бы это надолго не послужило нам к неблагополучию и несчастью“.

1.13. И тогда, Бхаггава, сын личчхавов Сунаккхатта приблизился ко мне; приблизившись, он приветствовал меня и сел в стороне. И вот, Бхаггава, я так сказал сидящему в стороне сыну личчхавов Сунаккхатте:

„Глупый человек, разве ты не признаешь себя последователем сына сакьев?“

„Господин, почему Благодный сказал мне так: ‘Глупый человек, разве ты не признаешь себя последователем сына сакьев?’“

„Разве, Сунаккхатта, приблизившись к обнаженному аскету Кандарамасуке, ты не задал вопрос? И, будучи спрошен, обнаженный аскет Кандарамасука не ответил на твой вопрос и, не отвечая, высказал гнев и злобу, и недовольство. А ты подумал о нем так: ‘Поистине, мы обидели этого превосходного на вид архата, отшельника. Поистине, как бы это надолго не послужило нам к неблагополучию и несчастью’“.

„Да, господин. Но, господин, неужели Благодный ревниво относится к архатству [других]?“

„Нет, глупый человек, я не отношусь ревниво к архатству. Но в тебе ведь возникло это порочное, ложное воззрение — оставь же его, чтобы оно надолго не послужило тебе к неблагополучию и несчастью. Ведь этот обнаженный аскет Кандарамасука, о котором ты, Сунаккхатта, думаешь: ‘Превосходный на вид архат, отшельник!’ — вскоре умрет, нося одежду, будучи женатым, питаюсь отварным рисом с творогом, выходя за пределы всех весалийских святилищ и утратив славу“.

И вот, Бхаггава, вскоре обнаженный аскет Кандарамасука умер, нося одежду, будучи женатым, питаюсь отварным рисом с творогом, выходя за пределы всех весалийских святилищ и утратив славу.

1.14. И вот сын личчхавов Сунаккхатта услышал: „Умер ведь обнаженный аскет Кандарамасука — нося одежду, будучи женатым, питаюсь отварным рисом с творогом, выходя за пределы всех весалийских святилищ и утратив славу“. И тогда, Бхаггава, Сунаккхатта приблизился ко мне; приблизившись, он приветствовал меня и сел в стороне. И вот, Бхаггава, я так сказал сидящему в стороне сыну личчхавов Сунаккхатте:

„Как же ты думаешь об этом Сунаккхатта? Так ли произошло с обнаженным аскетом Кандарамасукой, как я тебе сказал, или иначе?“

„Господин, с обнаженным аскетом Кандарамасукой произошло так, как сказал мне Благодный, и не иначе“.

„Как же ты думаешь об этом, Сунаккхатта? Если так, то было ли с помощью недоступных человеку сил совершено сверхъестественное чудо или не было совершено?“

„Конечно, господин, если так, то, поистине, с помощью недоступных человеку сил совершено сверхъестественное чудо“.

„Итак, глупый человек, мне, с помощью недоступных человеку сил совершившему сверхъестественное чудо, ты говоришь: ‘Господин, ведь Благодный не совершал предо мной с помощью недоступных человеку сил сверхъестественного чуда’. Видишь, глупый человек, как ты здесь неправ“.

Вот как, Бхаггава сын личчхавов Сунаккхатта, с которым я говорил, отступился от закона и должного поведения, заслужив бедствие и преисподнюю.

1.15. Однажды, Бхаггава, я пребывал в Весали в обители с заостренной крышей в большом лесу. И в это самое время в Весали жил обнаженный аскет Патикапутта, достигший в селении ваджджийцев вершины благополучия и вершины славы. Он говорил такие слова в собрании Весали:

„И отшельник Готама говорит, [что достиг высшего] знания, и я говорю, [что достиг высшего] знания; говорящий же о знании должен, говоря о знании, явить с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо. Если отшельник Готама пройдет [ко мне] полпути, то и я пройду [к нему] полпути. Тогда с помощью недоступных человеку сил мы сможем совершить сверхъестественное чудо. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит одно сверхъестественное чудо, то я совершу два. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит два сверхъестественных чуда, то я совершу четыре. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит четыре сверхъестественных чуда, то я совершу восемь. Сколько бы отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил ни совершал сверхъестественных чудес — я все же совершу вдвое больше его“.

1.16. И тогда, Бхаггава, сын личчхавов Сунаккхатта приблизился ко мне; приблизившись, он приветствовал меня и сел в стороне. И вот, Бхаггава, сидя в стороне, сын личчхавов Сунаккхатта так сказал мне:

„Господин, в Весали живет обнаженный аскет Патикапутта, достигший в селении ваджджийцев вершины благополучия и вершины славы. Он говорит такие слова в собрании Весали: ‘И отшельник Готама говорит, [что достиг высшего] знания, и я говорю, [что достиг высшего] знания; говорящий же о знании должен, говоря о знании, явить с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо. Если отшельник Готама пройдет [ко мне] полпути, то и я пройду [к нему] полпути. Тогда с помощью недоступных человеку сил мы сможем совершить сверхъестественное чудо. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит одно сверхъестественное чудо, то я совершу два. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит два сверхъестественных чуда, то я совершу четыре. И если отшельник Готама с помощью не-

доступных человеку сил совершит четыре сверхъестественных чуда, то я совершу восемь. Сколько бы отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил ни совершал сверхъестественных чудес — я все же совершу вдвое больше его”.

Когда, Бхаггава, так было сказано, я сказал сыну личчавов Сунаккхатте:

„Неспособен, Сунаккхатта, обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого [ложного] воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова“.

1.17. „Господин, пусть Благостный остерегается таких слов, пусть Счастливый остерегается таких слов!“

„Почему ты, Сунаккхатта, говоришь мне так: 'Господин, пусть Благостный остерегается таких слов, пусть Счастливый остерегается таких слов!'“

„Господин, ведь Благостный сделал предостережение в определенных словах: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова“.

1.18. „Сунаккхатта, разве станет Татхагата говорить такую речь, которая была бы двусмысленной?“

„Господин, сам ли Благостный, охватив разумом [судьбу] обнаженного аскета Патикапутты, знает: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова', — или же это божества дали знать Татхагате: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника', то у него расколется голова’“.

„Сунаккхатта, и [сам я], охватив разумом [судьбу] обнаженного аскета Патикапутты, знаю: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова', и это божества дали мне знать: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова'. Ведь военачальник личчавов по имени Аджита, умерев, возродился только что в сонме тридцати трех [богов]. И он приблизился ко мне и дал знать: 'Господин, ли-

шен стыда обнаженный аскет Патикапутта, господин, лжив в речах обнаженный аскет Патикапутта. Господин, ведь обнаженный аскет Патикапутта объяснил обо мне в селении ваджджийцев: 'Военачальник личчхавов Аджита возродился в великой преисподней'. Но, господин, я ведь возродился не в великой преисподней, а возродился в сонме тридцати трех. Господин, лишен стыда обнаженный аскет Патикапутта, господин, лжив в речах обнаженный аскет Патикапутта. Господин, неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя эти речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед лицом Благостного. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не оставляя этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова'. Итак, Сунаккхатта и [сам я], охватив разумом [судьбу] обнаженного аскета Патикапутты, знаю: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова', и это божества дали мне знать: 'Неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед лицом Благостного. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова'.

И вот, Сунаккхатта, пройдя по Весали для сбора милостыни, я после еды, возвратившись с чашей для милостыни, приближусь во время дневного отдыха к роще обнаженного аскета Патикапутты. Ты же, Сунаккхатта, дай теперь [ему] знать, что хочешь“.

1.19. И вот, Бхаггава, утром я оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и вошел в Весали для сбора милостыни. Пройдя по Весали для сбора милостыни, я после еды, возвратившись с чашей для милостыни, приблизился во время дневного отдыха к роще обнаженного аскета Патикапутты. И тогда, Бхаггава, сын личчхавов Сунаккхатта, поспешно вошел в Весали, приблизился к самым знатым личчхавам и, приблизившись, так сказал самым знатым личчхавам:

„Почтенные, вот, пройдя по Весали для сбора милостыни, Благостный после еды, возвратившись с чашей для милостыни, приблизился во время дневного отдыха к роще обнаженного аскета Патикапутты. Идите, досточтимые, идите, досточтимые — превосходные на вид отшельники с помощью недоступных человеку сил совершат сверхъестественное чудо!“

И тогда, Бхаггава, самые знатные личчхавы подумали так: „Поистине, превосходные на вид отшельники с помощью недоступных человеку сил совершат сверхъестественное чудо! Давайте же пойдём [туда]!“

И вот [Сунаккхатта] приблизился к самым знатым богатым брахманам и состоятельным домоправителям, [ставшим] отшельниками и брахманами различных школ, и, приблизившись, так сказал самым знатым отшельникам и брахманам различных школ:

„Почтенные, вот, пройдя по Весали для сбора милостыни, Благодостный после еды, возвратившись с чашей для милостыни, приблизился во время дневного отдыха к роще обнаженного аскета Патикапутты. Идите, досточтимые, идите, досточтимые — превосходные на вид отшельники с помощью недоступных человеку сил совершат сверхъестественное чудо!“

И тогда, Бхаггава, самые знатные отшельники и брахманы подумали так: „Поистине, превосходные на вид отшельники с помощью недоступных человеку сил совершат сверхъестественное чудо! Давайте же пойдем [туда]!“

И вот, Бхаггава, самые знатные личчавы и самые знатные богатые брахманы и состоятельные домоправители, [ставшие] отшельниками и брахманами различных школ, приблизились к роще обнаженного аскета Патикапутты. И это [их] собрание, Бхаггава, составляло много сотен, много тысяч [человек].

1.20. И вот, Бхаггава, обнаженный аскет Патикапутта услышал: „Ведь пришли самые знатные личчавы, пришли и самые знатные богатые брахманы и состоятельные домоправители, [ставшие] отшельниками и брахманами различных школ, и даже отшельник Готама уселся во время дневного отдыха в моей роще“. Слыша это, он ощутил страх, оцепенение, дрожь волосков. И тогда, Бхаггава, обнаженный аскет Патикапутта, устрешенный, побужденный, испытывающий дрожь волосков, приблизился к роще странствующих аскетов Тиндуккхану.

И вот, Бхаггава, это собрание услышало: „Ведь обнаженный аскет Патикапутта, устрешенный, побужденный, испытывающий дрожь волосков, приблизился к роще странствующих аскетов Тиндуккхану“. И тогда, Бхаггава, это собрание обратилось к некоему человеку:

„Иди, почтенный человек, к [монашеской] роще странствующих аскетов Тиндуккхану, приблизься к обнаженному аскету Патикапутте и, приблизившись, так скажи обнаженному аскету Патикапутте: ‘Приходи, почтенный Патикапутта, пришли самые знатные личчавы, пришли и самые знатные богатые брахманы и состоятельные домоправители, [ставшие] отшельниками и брахманами разных школ, и даже отшельник Готама уселся во время дневного отдыха в роще досточтимого. Ведь ты, почтенный Патикапутта, говорил такие слова в собрании Весали: ‘И отшельник Готама говорит, [что достиг высшего] знания, и я говорю, [что достиг высшего] знания; говорящий же о знании должен, говоря о знании, явить с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо. Если отшельник Готама пройдет [ко мне] полпути, то и я пройду [к нему] полпути. Тогда с помощью недоступных человеку сил мы сможем совершить сверхъестественное чудо. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит одно сверхъестественное чудо, то я совершу два. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит два сверхъестественных чуда, то я совершу четыре. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит четыре сверхъестественных чуда, то я совершу восемь. Сколько бы отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил ни совершал сверхъестественных чудес — я все же совершу вдвое больше его!. Так пройди же полпути, почтенный Патикапутта, — отшельник Готама прошел всю первую [половину] и уселся во время дневного отдыха в роще досточтимого““.

1.21. „Хорошо, почтенные“, — так, Бхаггава, согласился с этим собранием тот человек, приблизился к роще странствующих аскетов Тиндуккхану, к обнаженному аскету Патикапутте и, приблизившись, так сказал обнаженному аскету Патикапутте: „Приходи, почтенный Патикапутта, пришли самые знатные личчхавы, пришли и самые знатные богатые брахманы, и состоятельные домоправители, [ставшие] отшельниками и брахманами разных школ, и даже отшельник Готама уселся во время дневного отдыха в роще досточтимого. Ведь ты, почтенный Патикапутта, говорил такие слова в собрании Весали: ‘И отшельник Готама говорит, [что достиг высшего] знания, и я говорю, [что достиг высшего] знания; говорящий же о знании должен, говоря о знании, явить с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо. Если отшельник Готама пройдет [ко мне] полпути, то и я пройду [к нему] полпути. Тогда с помощью недоступных человеку сил мы сможем совершить сверхъестественное чудо. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит одно сверхъестественное чудо, то я совершу два. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит два сверхъестественных чуда, то я совершу четыре. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит четыре сверхъестественных чуда, то я совершу восемь. Сколько бы отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил ни совершал сверхъестественных чудес — я все же совершу вдвое больше его’. Так пройди же полпути, почтенный Патикапутта, — отшельник Готама прошел всю первую [половину] и уселся во время дневного отдыха в роще досточтимого“.

Когда, Бхаггава, так было сказано, обнаженный аскет Патикапутта сказал: „Я иду, почтенный, я иду, почтенный!“; но, как ни извивался, не мог даже подняться с сиденья. И тогда, Бхаггава, тот человек так сказал обнаженному аскету Патикапутте:

„Что это с тобой, почтенный Патикапутта? Бедро что ли у тебя прилипло к сиденью или сиденье у тебя прилипло к бедрам? Ты говоришь: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’; но, как ни извиваешься, не можешь даже подняться с сиденья“.

И вот, Бхаггава, обнаженный аскет Патикапутта все говорил при этих словах: „Я иду, почтенный, я иду, почтенный!“; но, как ни извивался, не мог даже подняться с сиденья.

1.22. И когда, Бхаггава, тот человек понял: „Поверженным выглядит этот обнаженный аскет Патикапутта — он говорит: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’; но, как ни извивается, не может даже подняться с сиденья“, — он пришел в то собрание и сказал так:

„Поверженным выглядит обнаженный аскет Патикапутта — он говорит: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’; но, как ни извивается, не может даже подняться с сиденья“.

И когда, Бхаггава, так было сказано, я сказал этому собранию:

„Почтенные, неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: ‘Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готама’, то у него расколется голова“.

Окончен первый раздел поучения.

2.1. И тогда, Бхаггава, один главный советник из личчавов, поднявшись с сиденья, так сказал этому собранию:

„Подождите немного, почтенные, а я пойду [и посмотрю], смогу ли я привезти обнаженного аскета Патикапутту в это собрание“.

И вот, Бхаггава, главный советник из личчавов приблизился к роше странствующих аскетов Тиндуккхану, к обнаженному аскету Патикапутте и, приблизившись, так сказал обнаженному аскету Патикапутте:

„Приходи, почтенный Патикапутта, лучше тебе придти — пришли самые знатные личчавы, пришли и самые знатные богатые брахманы и состоятельные домоправители, [ставшие] отшельниками и брахманами разных школ, и даже отшельник Готама уселся во время дневного отдыха в роше досточтимого. Ведь ты, почтенный Патикапутта, говорил такие слова в собрании Весали: ‘И отшельник Готама говорит, [что достиг высшего] знания, и я говорю, [что достиг высшего] знания; говорящий же о знании должен, говоря о знании, явить с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо. Если отшельник Готама пройдет [ко мне] полпути, то и я пройду [к нему] полпути. Тогда с помощью недоступных человеку сил мы сможем совершить сверхъестественное чудо. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит одно сверхъестественное чудо, то я совершу два. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит два сверхъестественных чуда, то я совершу четыре. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит четыре сверхъестественных чуда, то я совершу восемь. Сколько бы отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил ни совершал сверхъестественных чудес — я все же совершу вдвое больше его’. Так пройди же полпути, почтенный Патикапутта, — отшельник Готама прошел всю первую [половину] и уселся во время дневного отдыха в роше досточтимого. Ведь отшельник Готама, почтенный Патикапутта, сказал о тебе в собрании такие слова: ‘Неспособен обнаженный аскет Патикапутта не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: ‘Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы’, то у него расколется голова’. Приди же, почтенный Патикапутта, — если придешь, мы сделаем так, что ты одержишь победу, а отшельник Готама потерпит поражение“.

2.2. Когда, Бхаггава, так было сказано, обнаженный аскет Патикапутта сказал: „Я иду, почтенный, я иду, почтенный!“, но, как ни извивался, не мог даже подняться с сиденья. И тогда, Бхаггава, главный советник из личчавов так сказал обнаженному аскету Патикапутте:

„Что это с тобой, почтенный Патикапутта? Бедря что ли у тебя прилипли к сиденью или сиденье у тебя прилипло к бедрам? Ты говоришь: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’, но, как ни извиваешься, не можешь даже подняться с сиденья“.

И вот, Бхаггава, обнаженный аскет Патикапутта все говорил при этих словах: „Я иду, почтенный, я иду, почтенный!“, но, как ни извивался, не мог даже подняться с сиденья.

2.3. И когда, Бхаггава, тот главный советник из личчавов понял: „Поверженным выглядит этот обнаженный аскет Патикапутта — он говорит: ‘Я иду, по-

чтенный, я иду, почтенный!’, но, как ни извивается, не может даже подняться с сиденья“, — он пришел в то собрание и сказал так:

„Поверженным выглядит обнаженный аскет Патикапутта — он говорит: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’ но, как ни извивается, не может даже подняться с сиденья“.

И когда, Бхаггава, так было сказано, я сказал этому собранию:

„Почтенные, неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: ‘Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готама’, то у него расколется голова. И даже если достопочтенные личчавы думают: ‘Мы свяжем обнаженного аскета Патикапутту ремнями и притащим его с помощью упряжки быков’, то разорвутся эти ремни или [сам] Патикапутта. Неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: ‘Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готама’, то у него расколется голова“.

2.4. И тогда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, поднявшись с сиденья, так сказал этому собранию:

„Подождите немного, почтенные, а я пойду [и посмотрю], смогу ли я привести обнаженного аскета Патикапутту в это собрание“.

И вот, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, приблизился к роще странствующих аскетов Тиндуккхану, к обнаженному аскету Патикапутте и, приблизившись, так сказал обнаженному аскету Патикапутте:

„Приходи, почтенный Патикапутта, лучше тебе придти — пришли самые знатные личчавы, пришли и самые знатные богатые брахманы и состоятельные домоправители, [ставшие] отшельниками и брахманами разных школ, и даже отшельник Готама уселся во время дневного отдыха в роще досточтимого. Ведь ты, почтенный Патикапутта, говорил такие слова в собрании Весали: ‘И отшельник Готама говорит, [что достиг высшего] знания, и я говорю, [что достиг высшего] знания; говорящий же о знании должен, говоря о знании, явить с помощью недоступных человеку сил сверхъестественное чудо. Если отшельник Готама пройдет [ко мне] полпути, то и я пройду [к нему] полпути. Тогда с помощью недоступных человеку сил мы сможем совершить сверхъестественное чудо. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит одно сверхъестественное чудо, то я совершу два. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит два сверхъестественных чуда, то я совершу четыре. И если отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил совершит четыре сверхъестественных чуда, то я совершу восемь. Сколько бы отшельник Готама с помощью недоступных человеку сил ни совершал сверхъестественных чудес — я все же совершу вдвое больше его’. Так пройди же полпути, почтенный Патикапутта, — отшельник Готама прошел всю первую [половину] и уселся во время дневного отдыха в роще досточтимого. Ведь отшельник Готама, почтенный Патикапутта, сказал о тебе в собрании такие слова: ‘Неспособен обнаженный аскет Па-

тикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова. И даже если достопочтенные личчхавы думают: 'Мы свяжем обнаженного аскета Патикапутта ремнями и притащим его с помощью упряжки быков', то разорвутся эти ремни или [сам] Патикапутта. Неспособен обнаженный аскет Патикапутта не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: 'Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы', то у него расколется голова'. Приди же, почтенный Патикапутта, — если придешь, мы сделаем так, что ты одержишь победу, а отшельник Готама потерпит поражение“.

2.5. Когда, Бхаггава, так было сказано, обнаженный аскет Патикапутта сказал: „Я иду, почтенный, я иду, почтенный!“; но, как ни извивался, не мог даже подняться с сиденья. И тогда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, так сказал обнаженному аскету Патикапутте:

„Что это с тобой, почтенный Патикапутта? Бедря что ли у тебя прилипли к сиденью или сиденье у тебя прилипло к бедрам? Ты говоришь: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’; но, как ни извиваешься, не можешь даже подняться с сиденья“.

И вот, Бхаггава, обнаженный аскет Патикапутта все говорил при этих словах: „Я иду, почтенный, я иду, почтенный!“; но, как ни извивался, не мог даже подняться с сиденья.

2.6. И когда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, понял: „Поверженным выглядит этот обнаженный аскет Патикапутта — он говорит: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’; но, как ни извивается, не может даже подняться с сиденья“, — он так сказал ему:

„Когда-то давно, почтенный Патикапутта, лев, царь зверей, подумал так: ‘Что если я теперь, схоронившись в какой-нибудь густой роще, сделаю логово; сделав там логово, выйду вечером из логова; выйдя из логова, приободрюсь; приободрившись, огляжусь по всем четырем сторонам; оглядевшись по всем четырем сторонам, трижды прорычу львиным рыком и, трижды прорычав львиным рыком, отправлюсь на поиски добычи. Тогда, убив лучших из зверей, вдоволь наевшись нежного мяса, я вернусь в то же логово’.

И вот, почтенный, этот лев, царь зверей, схоронившись в одной густой роще, сделал логово; сделав там логово, вышел вечером из логова; выйдя из логова, приободрился; приободрившись, огляделся по всем четырем сторонам; оглядевшись по всем четырем сторонам, трижды прорычал львиным рыком; трижды прорычав львиным рыком, отправился на поиски добычи. И, убив лучших зверей, вдоволь наевшись нежного мяса, он вернулся в то же логово.

2.7. А объедками этого льва, царя зверей, почтенный Патикапутта, питался старый шакал — приметный и сильный. И вот, почтенный, этот старый шакал подумал так: ‘Кто я и кто такой лев, царь зверей? Что если я теперь, схоронившись в какой-нибудь густой роще, сделаю логово; сделав там логово, выйду вечером из логова; выйдя из логова, приободрюсь; приободрившись, оглянусь по всем четы-

рем сторонам; оглядевшись по всем четырем сторонам, трижды прорычу лвиным рыком и, трижды прорывав лвиным рыком, отправлюсь на поиски добычи. Тогда, убив лучших зверей, вдоволь наевшись нежного мяса, я вернусь в то же логово'

И вот, почтенный, этот старый шакал, схоронившись в одной густой роще, сделал логово; сделав там логово, вышел вечером из логова; выйдя из логова, приободрился; приободрившись, огляделся по всем четырем сторонам; оглядевшись по всем четырем сторонам, [подумал]: 'Я трижды прорычу лвиным рыком', но зарычал по-своему, зарычал по-шакальему. Ибо что такое [крик] несчастного шакала перед лвиным рыком?

Так же и ты, почтенный Патикапутта, живя среди наставлений Счастливого, питаешься остатками от того, что подается в пищу Счастливому, помышляешь достижимым [состояние] Татхагаты, архата, всецело просветленного. Ибо что такое несчастный Патикапутта перед достижением [состояния] Татхагат, архатов, всецело просветленных?"

2.8. И когда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, не смог с помощью этого уподобления сдвинуть обнаженного аскета Патикапутту с того сиденья, он так сказал ему:

„Считая себя львом, шакал подумал: 'Я — царь зверей!'

И зарычал, но по-шакальи. Ибо что такое [крик] несчастного шакала перед лвиным рыком?

Так же и ты, почтенный Патикапутта, живя среди наставлений Счастливого, питаешься остатками от того, что подается в пищу Счастливому, помышляешь достижимым [состояние] Татхагаты, архата, всецело просветленного. Ибо что такое несчастный Патикапутта перед достижением [состояния] Татхагат, архатов, всецело просветленных?"

2.9. И когда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, не смог с помощью этого уподобления сдвинуть обнаженного аскета Патикапутту с того сиденья, он так сказал ему:

„Следуя за другим ради объедков,

Шакал, не видя себя, счел себя тигром и, подумав так,

Зарычал, но по-шакальи. Ибо что такое [крик] несчастного шакала перед лвиным рыком?

Так же и ты, почтенный Патикапутта, живя среди наставлений Счастливого, питаешься остатками от того, что подается в пищу Счастливому, помышляешь достижимым [состояние] Татхагаты, архата, всецело просветленного. Ибо что такое несчастный Патикапутта перед достижением [состояния] Татхагат, архатов, всецело просветленных?"

2.10. И когда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, не смог с помощью этого уподобления сдвинуть обнаженного аскета Патикапутту с того сиденья, он так сказал ему:

„Питающийся лягушками, амбарными мышами и трупами, брошенными на кладбищах, Выросший в большом лесу, пустынном лесу, шакал подумал: ‘Я — царь зверей!’ — И зарычал, но по-шакальи. Ибо что такое [крик] несчастного шакала перед львиным рыком?

Так же и ты, почтенный Патикапутта, живя среди наставлений Счастливого, питаешься остатками от того, что подается в пищу Счастливому, помышляешь достижимым [состояние] Татхагаты, архата, всецело просветленного. Ибо что такое несчастный Патикапутта перед достижением [состояния] Татхагат, архатов, всецело просветленных?“

2.11. И когда, Бхаггава, Джалия, ученик Дарупаттики, не смог с помощью этого уподобления сдвинуть обнаженного аскета Патикапутту с того сиденья, он пришел в то собрание и сказал так:

„Поверженным выглядит этот обнаженный аскет Патикапутта — он говорит: ‘Я иду, почтенный, я иду, почтенный!’ но, как ни извивается, не может даже подняться с сиденья“.

2.12. Когда, Бхаггава, так было сказано, я сказал этому собранию:

„Почтенные, неспособен обнаженный аскет Патикапутта, не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: ‘Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы’, то у него расколется голова. И даже если достопочтенные личчавы думают: ‘Мы свяжем обнаженного аскета Патикапутта ремнями и притащим его с помощью упряжки быков’, то разорвутся эти ремни или [сам] Патикапутта. Неспособен обнаженный аскет Патикапутта не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, предстать перед моим лицом. Если же он думает: ‘Не оставляя этой речи, не оставляя этой мысли, не отвергнув этого воззрения, я предстану перед лицом отшельника Готамы’, то у него расколется голова“.

2.13. И затем, Бхаггава, я наставил, побудил, воодушевил, порадовал это собрание добродетельной беседой; наставив, побудив, воодушевив, порадовав это собрание добродетельной беседой, я совершил освобождение от великих уз, избавил восемьдесят четыре тысячи [существ] от великих препон, принял огненный облик, поднялся в воздух [на высоту] семи пальмовых деревьев, сотворил сияние [высотой] еще в семь пальмовых деревьев и, сверкая, благоухая, снова явился в обители с заостренной крышей в большом лесу. И тогда, Бхаггава, сын личчавов Сунакхатта приблизился ко мне; приблизившись, он приветствовал меня и сел в стороне. И вот, Бхаггава, я так сказал сидящему в стороне сыну личчавов Сунакхатте:

„Как же ты думаешь об этом Сунакхатта? Так ли произошло с обнаженным аскетом Патикапуттой, как я тебе сказал, или иначе?“

„Господин, с обнаженным аскетом Патикапуттой произошло так, как сказал мне Благодный, и не иначе“.

„Как же ты думаешь об этом, Сунакхатта? Если так, то было ли с помощью недоступных человеку сил совершено сверхъестественное чудо или не было совершено?“

„Конечно, господин, если так, то, поистине, с помощью недоступных человеку сил было совершено сверхъестественное чудо“.

„Итак, глупый человек, мне с помощью недоступных человеку сил совершившему сверхъестественное чудо, ты говоришь: ‘Господин, ведь Благостный не совершал передо мной с помощью недоступных человеку сил сверхъестественного чуда’. Видишь, глупый человек, как ты здесь неправ“.

Вот как, Бхаггава, сын личчхавов Сунаккхатта, с которым я говорил, отступился от закона и должного поведения, заслужив бедствие и преисподнюю.

2.14. И я, Бхаггава, понимаю начало вещей, понимаю и его, понимаю и выходящее за его пределы и не привязываюсь к этому пониманию; непривязанный, я нахожу покой в своем сердце — [покой], познав который, Татхагата не подвергается бедствию. Есть, Бхаггава, некоторые отшельники и брахманы, которые, [согласно своим] наставникам, учат, что начало вещей сотворено владыкой, сотворено Брахмой. Приблизившись к ним, я сказал так: „Правда ли, достопочтенные, вы учите, [согласно своим] наставникам, что начало вещей сотворено владыкой, сотворено Брахмой? Спрошенные так, они согласились со мной [сказав]: ‘Да’“. Я сказал им так: „Каким же образом, достопочтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей сотворено владыкой, сотворено Брахмой?“ Спрошенные мною, они не были способны объяснить это и, неспособные объяснить, стали сами спрашивать меня, и, будучи спрошен, я ответил им:

2.15. „Время от времени, почтенные, настает пора, когда по истечении длительного периода этот мир свертывается. Когда свертывается мир, то существа по большей части переходят в [мир] сияния. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаюсь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе. Время от времени, почтенные, настает пора, когда по истечении длительного периода этот мир развертывается. Когда развертывается мир, то появляется пустой дворец Брахмы. И тогда то или иное существо, оттого ли, что окончился его срок или окончилось [действие] заслуг, оставляет существование в сонме сияния и вновь рождается во дворце Брахмы. Там оно находится долгое длительное время, состоя из разума, питаюсь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе. Там у него, пребывающего долгое время в одиночестве, возникает тревога, неудовлетворенность, беспокойство: „О, если бы и другие существа могли достичь здешнего состояния?“ Тогда другие существа, оттого ли, что окончился срок или окончилось [действие] заслуг, оставляют существование в сонме сияния и вновь рождаются во дворце Брахмы спутниками того существа. Там они находятся долгое длительное время, состоя из разума, питаюсь радостью, излучая сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе.“

2.16. Тогда, почтенные, то существо, которое первым родилось, вновь говорит себе так: „Я — Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, творец, владыка, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего! Мною сотворены эти существа. В чем же причина? Ведь раньше я сказал себе так: ‘О, если бы другие существа могли достичь

здешнего состояния!’ Таково было стремление моего разума, и вот другие существа достигли здешнего состояния“. И те существа, которые позже родились вновь, тоже говорят себе так: „Ведь он, досточтимый Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, творец, владыка, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего! Мы сотворены этим почтенным Брахмой. В чем же причина? Ведь мы видели, что он первым родился здесь вновь, а мы позже родились вновь“.

2.17. И вот, почтенные, то существо, которое первым родилось вновь, бывает долговечнее, и красивее, и сильнее. Те же существа, которые позже родились вновь, бывают недолговечнее, и некрасивее, и бессильнее. И может произойти так, друзья, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению, обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем [существовании], но не вспоминает другого места, кроме него. И оно говорит: „Ведь тот досточтимый Брахма, великий Брахма, победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный, творец, владыка, созидатель, наилучший устроитель, повелитель, отец бывшего и будущего — досточтимый Брахма, которым мы сотворены, — постоянен, стоек, вечен, не подвержен изменению и вечно пребывает таким. Мы же, которые были сотворены этим Брахмой, — мы достигли здешнего [земного] состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования“. — Таким образом, достопочтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей сотворено Владыкой, сотворено Брахмой.

Они сказали: „Так мы, почтенный Готама, и слышали, как сказал досточтимый Готама“. И я, Бхаггава, понимаю начало вещей, понимаю и его, понимаю и выходящее за его пределы, и не привязываюсь к этому пониманию; непривязанный, я нахожу покой в своем сердце — [покой], познав который, Татхагата не подвергается бедствию.

2.18. Есть, Бхаггава, некоторые отшельники и брахманы, которые, [согласно своим] наставникам, учат, что начало вещей [сотворено богами] кхиддападусика. Приблизившись к ним, я сказал так: „Правда ли, достопочтенные, вы учите, [согласно своим] наставникам, что начало вещей [сотворено богами] кхиддападусика?“ Спрошенные так, они согласились со мной, [сказав]: „Да“. Я сказал им так: „Каким же образом, достопочтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей [сотворено богами] кхиддападусика?“ Спрошенные мною, они не были способны объяснить это и, неспособные объяснить, стали сами спрашивать меня. И, будучи спрошен, я ответил им:

„Есть, почтенные, боги по имени кхиддападусика. Долгое время они пребывают в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У них, пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию,

теряется способность самосознания, и с утратой способности самосознания эти боги оставляют существование в этом сонме. И может произойти так, почтенные, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем [существовании], но не вспоминает другого [места], кроме него. И оно говорит: 'Ведь те достопочтенные боги, которые не кхиддападусика, — те не пребывают долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У них, не пребывающих долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, не теряется способность самосознания, и, не утратив способности самосознания, те боги не оставляют существования в этом сонме, постоянны, стойки, вечны, не подвержены изменению и вечно пребывают такими. Мы же, которые были кхиддападусика, — мы пребывали долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию. У нас, пребывавших долгое время в приверженности к веселью, удовольствию, сладострастию, теряется способность самосознания, и с утратой способности самосознания мы, оставив существование в этом сонме, достигли здешнего состояния непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования'. — Таким образом, почтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей [сотворено богами] кхиддападусика?"

Они сказали: „Так мы, почтенный Готама, и слышали, как сказал досточтимый Готама“. И я, Бхаггава, понимаю начало вещей, понимаю и его, понимаю и выходящее за его пределы и не привязываюсь к этому пониманию; непривязанный, я нахожу покой в своем сердце — [покой], познав который, Татхагата не подвергается бедствию.

2.19. Есть, Бхаггава, некоторые отшельники и брахманы, которые, [согласно своим] наставникам, учат, что начало вещей [сотворено богами] манопадусика. Приблизившись к ним, я сказал так: „Правда ли, достопочтенные, вы учите, [согласно своим] наставникам, что начало вещей [сотворено богами] манопадусика?“ Спрошенные так, они согласились со мной, [сказав]: „Да“. Я сказал им так: „Каким же образом, достопочтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей [сотворено богами] манопадусика?“ Спрошенные мною, они не были способны объяснить это и, неспособные объяснить, стали сами спрашивать меня. И, будучи спрошен, я ответил им:

„Есть, почтенные, боги по имени манопадусика. Долгое время они рассуждают друг о друге. Когда они долгое время рассуждают друг о друге, портятся их мысли друг о друге. Испорченные в мыслях друг о друге, они ослаблены телом, ослаблены мыслями. Эти боги покидают существование в этом сонме. И может произойти так, почтенные, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего со-

стояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом то место, где пребывало в прежнем [существовании], но не вспоминает другого [места], кроме него. И оно говорит: ‘Ведь те достойные боги, которые не манопадусика, — те не рассуждают долгое время друг о друге. Когда те не рассуждают долгое время друг о друге, не портятся их мысли друг о друге. Не испорченные в мыслях друг о друге, они не ослаблены телом, не ослаблены мыслями. Те боги не оставляют существования в этом сонме, постоянны, стойки, вечны, не подвержены изменению и вечно пребывают такими. Мы же, которые были манопадусика, — мы долгое время рассуждали друг о друге. Когда мы долгое время рассуждали друг о друге, испортились наши мысли друг о друге. Испорченные в мыслях друг о друге, мы ослаблены телом, ослаблены мыслями. Оставив существование в этом сонме, мы достигли здешнего существования непостоянными, нестойкими, недолговечными, подверженными уходу из существования’. — Таким образом, достойные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей [сотворено богами] манопадусика?“

Они сказали: „Так мы, почтенный Готама, и слышали, как сказал досточтимый Готама“. И я, Бхаггава, понимаю начало вещей, понимаю и его, понимаю и выходящее за его пределы и не привязываюсь к этому пониманию; непривязанный, я нахожу покой в своем сердце — [покой], познав который, Татхагата не подвергается бедствию.

2.20. Есть, Бхаггава, некоторые отшельники и брахманы, которые, [согласно своим] наставникам, учат, что начало вещей возникло беспричинно. Приблизившись к ним, я сказал так: „Правда ли, почтенные, вы учите, [согласно своим] наставникам, что начало вещей возникло беспричинно?“ Спрошенные так, они согласились со мной, [сказав]: „Да“. Я сказал им так: „Каким же образом, почтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей возникло беспричинно?“ Спрошенные мною, они не были способны объяснить это и, неспособные объяснить, стали сами спрашивать меня. И, будучи спрошен, я ответил им:

„Есть, почтенные, боги по имени асаньясатта — с возникновением сознания эти боги оставляют существование в этом сонме. И вот, может произойти так, почтенные, что то или иное существо, оставив существование в этом сонме, достигает здешнего [земного] состояния. Достигнув здешнего состояния, оно оставляет дом и странствует бездомным. Оставив дом и будучи бездомным странником, оно благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом возникновение [своего] сознания, но не вспоминает другого, кроме него. И оно говорит: ‘И свое ‘я’, и мир возникли без причины. Отчего же это? Потому что прежде меня не было, теперь же я есмь; не существовав, я вступил в существование’. — Таким об-

разом, достопочтенные, как вы учите, [согласно своим] наставникам, начало вещей возникло беспричинно“.

Они сказали: „Так мы, почтенный Готама, и слышали, как сказал досточтимый Готама“. И я, Бхаггава, понимаю начало вещей, понимаю и его, понимаю и выходящее за его пределы и не привязываюсь к этому пониманию; непривязанный, я нахожу покой в своем сердце — [покой], познав который, Татхагата не подвергается бедствию.

2.21. И вот, Бхаггава, меня, так проповедующего, так говорящего, некоторые отшельники и брахманы, недостойные, пустые, лживые — стали несправедливо обвинять: „Превратно поступают отшельник Готама и монахи. Отшельник Готама сказал так: ‘В то время, когда [человек] достигает прекрасного освобождения и пребывает [в нем], он осознаёт все как не прекрасное’. Но я, Бхаггава, не говорю так: ‘В то время, когда [человек] достигает прекрасного освобождения и пребывает [в нем], он осознаёт все как не прекрасное’. Ведь я, Бхаггава, говорю так: ‘В то время, когда [человек] достигает прекрасного освобождения и пребывает [в нем], он осознаёт все как прекрасное’“».

«Превратно, господин, поступают те, которые утверждают, что Благостный и монахи поступают превратно. Я столь удовлетворен Благостным, что [прошу:] „Да сможет Благостный наставить меня в истине так, чтобы я достиг прекрасного освобождения и пребывал [в нем]“».

«Трудно тебе, Бхаггава, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, достичь прекрасного освобождения и пребывать [в нем]. Однако, Бхаггава, у тебя есть доверие ко мне, и тебе следует хорошо оберегать его».

«Если, господин, и трудно мне, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, достичь прекрасного освобождения и пребывать [в нем] — все же, господин, у меня есть доверие к Благостному и я буду хорошо оберегать его».

Так сказал Благостный. И удовлетворенный странствующий аскет из рода Бхаггава порадовался словами Благостного.

[Окончена] первая «Патика-сутта».

XXV. «Удумбарика-сиханада-сутта» («Сутта львиного рыка в Удумбарике»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Раджагахе на холме Гиджджахакута. И в это самое время странствующий аскет Нигродха вместе с большой группой странствующих аскетов, тремя сотнями странствующих аскетов обитал в роще для странствующих аскетов Удумбарика. Между тем домоправитель Сандхана вышел в середине дня из Раджагахи, чтобы лицезреть Благостного. И вот домоправитель Сандхана подумал так: «Не время теперь лицезреть Благостного — Благостный уединился; не следует и лицезреть праведно настроенных монахов — праведно настроенные монахи уединились. Поэтому сейчас я приближусь к роще для странствующих аскетов Удумбарика, к странствующему аскету Нигродхе». И вот домоправитель Сандхана приблизился к роще для странствующих аскетов Удумбарика, к странствующему аскету Нигродхе.

2. А в это самое время странствующий аскет Нигродха сидел вместе с большой группой странствующих аскетов, которые с криками, громким шумом, великим шумом вели различные низменные беседы, а именно: беседы о царе, беседы о ворах, беседы о советниках, беседы о войске, беседы об опасности, беседы о сражении, беседы о еде, беседы о питье, беседы об одеждах, беседы о ложах, беседы о венках, беседы о благовониях, беседы о родственниках, беседы о повозках, беседы о деревнях, беседы о торговых селениях, беседы о городах, беседы о странах, беседы о женщинах, беседы о мужчинах, беседы о героях, беседы о дорогах, беседы о водоемах, беседы о прежде умерших, беседы о всякой всячине, разговоры о мире, разговоры об океане, беседы о том, что существует и чего не существует.

3. А странствующий аскет Нигродха увидел издали, как подходит домоправитель Сандхана, и, видя [его], призвал к тишине свое окружение:

«Поменьше шумите, почтенные, не производите шума, почтенные. Вот подходит домоправитель Сандхана, ученик отшельника Готама. Ведь ученики-миряне отшельника Готама обитают в белых одеяниях в Раджагахе и один из них — это домоправитель Сандхана. Любя бесшумность, воспитанные в бесшумности, эти достопочтенные восхваляют бесшумность и, увидев, как бесшумно [наше] собрание, быть может решать приблизиться».

Когда так было сказано, те странствующие аскеты умолкли.

4. И вот домоправитель Сандхана приблизился к странствующему аскету Нигродхе; приблизившись, он обменялся со странствующим аскетом Нигродхой дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сел в стороне. И, сидя в стороне, домоправитель Сандхана так сказал странствующему аскету Нигродхе:

«По-одному [ведут себя] эти почтенные странствующие аскеты из разных школ, что, встретившись и собравшись, с криками, громким шумом, великим шумом вели различные низменные беседы, а именно: беседы о царе, беседы о ворах, беседы о советниках, беседы о войске, беседы об опасности, беседы о сражении, беседы о еде, беседы о питье, беседы об одеждах, беседы о ложах, беседы о венках, беседы о благовониях, беседы о родственниках, беседы о повозках, беседы о деревнях, беседы о торговых селениях, беседы о городах, беседы о странах, беседы о женщинах, беседы о мужчинах, беседы о героях, беседы о дорогах, беседы о водоемах, беседы о прежде умерших, беседы о всякой всячине, разговоры о мире, разговоры об океане, беседы о том, что существует и чего не существует. И по-другому [ведет себя] этот Благостный, который стремился к отдаленным обителям в глуши, в лесной чаще, где нет шума, нет звуков, [обителям], дышащим безлюдьем, пригодным, чтобы скрыться от людей, подходящим для уединения».

5. Когда так было сказано, странствующий аскет Нигродха так сказал домоправителю Сандхане:

«Ну как, домоправитель, знаешь ли ты, с кем беседует отшельник Готама, с кем вступает в разговор, с кем достигает ясности в постижении? Ведь постижение отшельника Готама погублено уединенной жизнью; отшельник Готама не находится среди людей, неспособен к беседе, он ведь стремится к самым отдаленным местам. Подобно тому как большой олень, бродящий по окраинам, стремится к самым отдаленным местам, так же точно и постижение отшельника Готама погублено уединенной жизнью; отшельник Готама не находится среди людей, неспособен к беседе, он стремится к самым отдаленным местам. Что же, домоправитель, пусть отшельник Готама подойдет к этому собранию — одним [единственным] вопросом мы повергнем его в замешательство, я сказал бы — опрокинем его, словно пустой горшок».

6. А Благостный [своим] божественным очищенным слухом, превосходящим [пределы] человеческого, услышал эту беседу домоправителя Сандханы со странствующим аскетом Нигродхой. И вот Благостный спустился с холма Гиджджахакута, приблизился к Моранивапе на берегу Сумагадхи и, приблизившись к Моранивапе на берегу Сумагадхи, стал двигаться в воздушном пространстве. А странствующий аскет Нигродха увидел Благостного,двигающегося в воздушном пространстве у Моранивапы на берегу Сумагадхи, и видя [его], призвал к тишине свое окружение:

«Поменьше шумите, почтенные, не производите шума, почтенные. Вот отшельник Готама движется в воздушном пространстве у Моранивапы на берегу Сумагадхи. Любя бесшумность, этот достопочтенный восхваляет бесшумность и, уви-

дев, как бесшумно [наше] собрание, быть может, решит приблизиться. Если же отшельник Готама приблизится к этому собранию, то мы сможем задать ему такой вопрос: „Какова, господин, истина Благостного, в какой [истине] Благостный воспитывает учеников, воспитанные в которой Благостным, ученики, достигшие покоя, исповедуют стремление к целомудрию?“».

Когда так было сказано, те странствующие аскеты умолкли.

7. И вот Благостный подошел к странствующему аскету Нигродхе. И странствующий аскет Нигродха так сказал Благостному:

«Господин, пусть подойдет Благостный. Господин, добро пожаловать Благостному! Господин, давно уже Благостный отправился [в путь] и не приходил сюда. Господин, пусть Благостный сядет — вот предложенное [ему] сиденье».

Благостный сел на предложенное сиденье. А странствующий аскет Нигродха выбрал другое, низкое сиденье и сел в стороне. И Благостный так сказал севшему в стороне странствующему аскету Нигродхе:

«Ради какой беседы вы сейчас уселись здесь, Нигродха, и на чем же прервалась беседа между вами?»

Когда так было сказано, странствующий аскет Нигродха так сказал Благостному:

«Господин, мы увидели здесь Благостного,двигающегося в воздушном пространстве у Моранивапы на берегу Сумагадхи, и, видя [его], сказали так: „Если отшельник Готама приблизится к этому собранию, то мы сможем задать ему такой вопрос: ‘Какова, господин, истина Благостного, в какой [истине] Благостный воспитывает учеников, воспитанные в которой Благостным ученики, достигшие покоя, исповедуют стремление к целомудрию?’“». На этом, господин, прервалась беседа между нами, когда подошел Благостный».

«Трудно, Нигродха, тебе, имеющему другие воззрения, другую веру, другие желания, другие занятия, других наставников, узнать, как я воспитываю учеников, что воспитанные мною ученики, достигшие покоя, исповедуют стремление к целомудрию. Задай лучше, Нигродха, вопрос о своем учении, об отвращении [к миру]. — Как, господин, бывает исполнено подвижничество и отвращение [к миру], как [оно бывает] не исполнено?»

Когда так было сказано, те странствующие аскеты с криками, с громким шумом заговорили: «Как чудесно, почтенные, как необычайно, почтенные, — со сколь великой силой и великим могуществом отшельник Готама способен отставить в сторону свое учение и выдвинуть чужое учение!»

8. И тогда странствующий аскет Нигродха, призвав тех странствующих аскетов поменьше шуметь, так сказал Благостному:

«Господин, мы пребываем исповедующими подвижничество и отвращение [к миру], ценящими подвижничество и отвращение [к миру], приверженными к подвижничеству и отвращению [к миру]. Как, господин, бывает исполнено подвижничество и отвращение [к миру] и как [оно бывает] не исполнено?»

«Вот, Нигродха, подвижник, обнаженный аскет свободно ведет себя, облизывает руки [после еды], не принимает предложения подойти и не принимает пред-

ложения остановиться [за милостыней], не принимает ни предложенной [ему пищи], ни предназначенной [для него пищи], ни приглашения. Он не принимает [пищи] ни с края сковороды, ни [находящейся] на пороге, ни среди палок, ни среди ступок, ни от двух едящих, ни от беременной, ни от кормящей [младенца], ни от соединившейся с мужчиной, ни собранной [пищи], ни там, где находится собака, ни там, где роями слетаются мухи, [не ест] ни рыбы, ни мяса, не пьет ни хмельного, ни спиртного, ни отвара шелухи. Он довольствуется милостыней в одном доме и одним куском, или в двух домах и двумя кусками, или в семи домах и семью кусками. Он живет одним подношением, или живет двумя подношениями, или живет семью подношениями. Он живет, следуя в еде обычаю умеренного приема пищи: пользуется пропитанием раз в день, или пользуется пропитанием раз в два дня, или пользуется пропитанием раз в семь дней и таким образом [дальше, вплоть до раза в] полмесяца. Он питается овощами, питается просом, питается сырым рисом, питается даддулой, питается хатой, питается красной пылью между шелухой и зерном риса, питается накипью от вареного риса, питается сезамовой мукой, питается травами, питается коровьим пометом; живет, поедая лесные корни и плоды, кормится упавшими [перед ним] плодами. Он носит одежду из пеньки, носит одежду, сплетенную отчасти из пеньки, носит одеяния мертвецов, носит отрепья с мусорной свалки, носит одежду из коры тиритаки, носит одежду из кожи черной антилопы, носит накидку, сплетенную из полос кожи черной антилопы, носит одежду из волокон кусы, носит одежду из лыка, носит одежду из деревянных дощечек, носит покрывало из человеческих волос, носит покрывало из лошадиных волос, носит [покрывало] из перьев совы. Он выщипывает волосы и бороду, следуя обычаю выщипывания волос и бороды; находится в стоячем положении, отказываясь от сиденья; сидит на корточках, следуя упражнению сидящих на корточках; пользуется подстилкой с шипами, ложась на постель, где подстилка с шипами; ложится на постель из деревянных дощечек, ложится на голую землю, лежит на одном боку, несет [на себе] пыль и грязь, пребывает на открытом месте, занимает то сиденье, которое ему предлагают; [питается] нечистотами, следуя обычаю поедания нечистот; не пьет, следуя отказу от питья; он [омывается] вечером в третий раз, следуя обычаю омовения в воде. — Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Если так, то бывает ли исполнено подвижничество и отвращение [к миру] или не бывает исполнено?»

«Право же, господин, если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает исполнено и не бывает не исполнено».

«И вот, Нигродха, я учу, что исполненное таким образом подвижничество и отвращение [к миру] сопряжено с разного рода пороками».

9. Как же, господин, Благостный учит, что исполненное таким образом подвижничество и отвращение [к миру] сопряжено с разного рода пороками?

«Вот, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Исполнив [свое] намерение, он удовлетворен этим подвижничеством. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и, исполнив [свое] намерение, бывает удовлетворен этим подвижничеством, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он превозносит себя и унижает других. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и благодаря этому подвижничеству превозносит себя и унижает других, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он опьяняется, одурманивается, становится легкомысленным. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и благодаря этому подвижничеству опьяняется, одурманивается, становится легкомысленным, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

10. И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он обретает благополучие, почести, славу. Благодаря этому благополучию, почестям, славе он, исполнив [свое] намерение, бывает удовлетворен. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, благодаря этому подвижничеству обретает благополучие, почести, славу и благодаря этому благополучию, почестям, славе, исполнив [свое] намерение, бывает удовлетворен, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он обретает благополучие, почести, славу. Благодаря этому благополучию, почестям, славе он превозносит себя и унижает других. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, благодаря этому подвижничеству обретает благополучие, почести, славу и благодаря этому благополучию, почестям, славе превозносит себя и унижает других, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он обретает благополучие, почести, славу. Благодаря этому благополучию, почестям, славе он опьяняется, одурманивается, становится легкомысленным. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, благодаря этому подвижничеству обретает благополучие, почести, славу и благодаря этому благополучию, почестям, славе опьяняется, одурманивается, становится легкомысленным, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и [начинает] делать различие между [разного рода] едой, [считая]: „Это мне подходит — это мне не подходит“. От того, что ему не подходит, он стремится избавиться; тем, что ему подходит, он наслаждается — жадный, одурманенный, совершая проступки, не видя опасности, не осознавая бесплодности [этого]. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, [начинает] делать различие между [разного рода] едой, [считая]: „Это мне подходит — это мне не подходит“, стремится избавиться от того, что ему не подходит, и наслаждается тем, что ему подходит, — жадный, одурманенный, совершая проступки, не видя опасности, не осознавая бесплодности [этого], то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству из стремления к благополучию, почестям, славе, [думая]: „Мне будут оказывать внимание цари, главные царские советники, кшатрии, брахманы, домоправители, приверженцы [раз-

ных] школ“. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству из стремления к благополучию, почестям, славе, [думая]: „Мне будут оказывать внимание цари, главные царские советники, кшатрии, брахманы, домоправители, приверженцы [разных] школ“, — это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

11. И далее, Нигродха, подвижник бывает недоволен другим отшельником или брахманом, [думая]: „Почему это он живет в изобилии, поедая всё, а именно: плодящееся от корня, плодящееся от ветки, плодящееся от коленца, плодящееся от верхушки и, в-пятых, плодящееся от семени, [обрушивая на всё, словно] удар грома, острые зубы, как говорят об отшельниках“. И когда, Нигродха, подвижник бывает недоволен другим отшельником или брахманом, [думая]: „Почему это он живет в изобилии, поедая всё, а именно: плодящееся от корня, плодящееся от ветки, плодящееся от коленца, плодящееся от верхушки и, в-пятых, плодящееся от семени, [обрушивая на всё, словно] удар грома, острые зубы, как говорят об отшельниках“, — то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник видит, как люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут другого отшельника или брахмана. Видя это, он думает так: „Вот ведь люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут его, живущего в изобилии, и люди не оказывают внимания, не оказывают заботы, не уважают, не чтут меня — подвижника, живущего в нужде“. И он обнаруживает зависть и себялюбие перед людьми. И когда, Нигродха, подвижник видит, как люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут другого отшельника или брахмана; видя это, думает: „Вот ведь люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут его, живущего в изобилии, и люди не оказывают внимания, не оказывают заботы, не уважают, не чтут меня — подвижника, живущего в нужде“, — и обнаруживает зависть и себялюбие перед людьми, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник ложится на виду [у всех]. И когда, Нигродха, подвижник ложится на виду [у всех], то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник находится среди людей, не показывая себя, [и думает]: „И это тоже мое подвижничество, и это тоже мое подвижничество!“ И когда, Нигродха, подвижник находится среди людей, не показывая себя [и думая]: „И это тоже мое подвижничество, и это тоже мое подвижничество!“ — то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник делает что-либо тайное. Будучи спрошен: „Нравится ли тебе это?“, он говорит: „Нравится“ о не нравящемся и говорит: „Не нравится“ о нравящемся. Так он произносит сознательную ложь. И когда, Нигродха, подвижник делает что-либо тайное; будучи же спрошен: „Нравится ли тебе это?“, говорит: „Нравится“ о не нравящемся и говорит: „Не нравится“ о нравящемся и произносит сознательную ложь, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

12. И далее, Нигродха, когда Татхагата или ученик Татхагаты наставляет в истине, подвижник не соглашается с наставлением, с которым следует согласиться.

И когда, Нигродха, Татхагата или ученик Татхагаты наставляет в истине, и подвижник не соглашается с наставлением, с которым следует согласиться, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник бывает гневным и враждебным. И когда, Нигродха, подвижник подвержен гневу и враждебности, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

И далее, Нигродха, подвижник бывает лицемерным и злобным, бывает завистливым и себялюбивым, бывает хитрым и лживым, бывает жестоким и высокомерным, желает порочного и подвержен порочным желаниям, исповедует ложные воззрения и наделен крайними воззрениями, привержен мирскому, держится за свое место, не склонен к отречению. И когда, Нигродха, подвижник бывает лицемерным и злобным, бывает завистливым и себялюбивым, бывает хитрым и лживым, бывает жестоким и высокомерным, желает порочного и подвержен порочным желаниям, исповедует ложные воззрения и наделен крайними воззрениями, привержен мирскому, держится за свое место, не склонен к отречению, то это, Нигродха, и бывает пороком у подвижника.

Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Это подвижничество и отвращение [к миру] сопряжено с пороками или не сопряжено с пороками?»

«Право же, господин, это подвижничество и отвращение [к миру] сопряжено с пороками и не бывает не сопряженным с пороками. Что уж говорить об отдельных [пороках]! Но возможно ли, господин, чтобы какой-либо подвижник был здесь наделен всеми этими пороками?»

13. «Вот, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Не исполнив [своего] намерения, он не удовлетворен этим подвижничеством. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и, не исполнив [своего] намерения, не бывает удовлетворен этим подвижничеством, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он не превозносит себя и не унижает других. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и благодаря этому подвижничеству не превозносит себя и не унижает других, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он не опьяняется, не одурманивается, не становится легкомысленным. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и благодаря этому подвижничеству не опьяняется, не одурманивается, не становится легкомысленным, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он обретает благополучие, почести, славу. Благодаря этому благополучию, почестям, славе он, не исполнив [своего] намерения, не бывает удовлетворен. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, благодаря этому подвижничеству обретает благополучие, почести, славу и благодаря этому благополучию, почестям, славе, не исполнив [своего] намерения, не бывает удовлетворен, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он обретает благополучие, почести, славу. Благодаря этому благополучию, почестям, славе он не превозносит себя и не унижает других. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, благодаря этому подвижничеству обретает благополучие, почести, славу и благодаря этому благополучию, почестям, славе не превозносит себя и не унижает других, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству. Благодаря этому подвижничеству он обретает благополучие, почести, славу. Благодаря этому благополучию, почестям, славе он не опьяняется, не одурманивается, не становится легкомысленным. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, благодаря этому подвижничеству обретает благополучие, почести, славу и благодаря этому благополучию, почестям, славе не опьяняется, не одурманивается, не становится легкомысленным, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству и не делает различия между [разного рода] едой, [считая]: „Это мне подходит — это мне не подходит“. От того, что ему не подходит, он не стремится избавиться; тем, что ему подходит, он наслаждается — не жадный, не одурманенный, не совершая проступков, видя опасности, осознавая бесплодность [этого]. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству, не делает различия между [разного рода] едой, [считая]: „Это мне подходит — это мне не подходит“; не стремится избавиться от того, что ему не подходит, и наслаждается тем, что ему подходит, — не жадный, не одурманенный, не совершая проступков, видя опасности и осознавая бесплодность [этого], то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник предается подвижничеству не из стремления к благополучию, почестям, славе, [думая]: „Мне будут оказывать внимание цари, главные царские советники, кшатрии, брахманы, домоправители, приверженцы [разных] школ“. И когда, Нигродха, подвижник предается подвижничеству не из стремления к благополучию, почестям, славе, [думая]: „Мне будут оказывать внимание цари, главные царские советники, кшатрии, брахманы, домоправители, приверженцы [разных] школ“, то в этом состоянии он бывает чистым.

14. И далее, Нигродха, подвижник не бывает недоволен другим отшельником или брахманом, [думая]: „Почему это он живет в изобилии, поедая всё, а именно: плодящееся от корня, плодящееся от ветки, плодящееся от коленца, плодящееся от верхушки и, в-пятых, плодящееся от семени, [обрушивая на всё, словно] удар грома, острые зубы, как говорят об отшельниках“. И когда, Нигродха, подвижник не бывает недоволен другим отшельником или брахманом, [думая]: „Почему это он живет в изобилии, поедая всё, а именно: плодящееся от корня, плодящееся от ветки, плодящееся от коленца, плодящееся от верхушки и, в-пятых, плодящееся от семени, [обрушивая на всё, словно] удар грома, острые зубы, как говорят об отшельниках“, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник видит, как люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут другого отшельника или брахмана. Видя это, он не

думает так: „Вот ведь люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут его, живущего в изобилии, и люди не оказывают внимания, не оказывают заботы, не уважают, не чтут меня — подвижника, живущего в нужде“. И он не обнаруживает зависти и себялюбия перед людьми. И когда, Нигродха, подвижник видит, как люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут другого отшельника или брахмана; видя это, не думает: „Вот ведь люди оказывают внимание, оказывают заботу, уважают, чтут его, живущего в изобилии, и не оказывают внимания, не оказывают заботы, не уважают, не чтут меня — подвижника, живущего в нужде“, — и не обнаруживает зависти и себялюбия перед людьми, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник не ложится на виду [у всех]. И когда, Нигродха, подвижник не ложится на виду [у всех], то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник не находится среди людей, не показывая себя [и думая]: „И это тоже мое подвижничество, и это тоже мое подвижничество!“ И когда, Нигродха, подвижник не находится среди людей, не показывая себя [и думая]: „И это тоже мое подвижничество, и это тоже мое подвижничество!“, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник не делает чего-либо тайного. Будучи спрошен: „Нравится ли тебе это?“, он говорит: „Не нравится“ о не нравящемся и говорит: „Нравится“ о нравящемся. Так он не произносит сознательной лжи. И когда, Нигродха, подвижник не делает чего-либо тайного; будучи же спрошен: „Нравится ли тебе это?“, говорит: „Не нравится“ о не нравящемся и говорит: „Нравится“ о нравящемся и не произносит сознательной лжи, то в этом состоянии он бывает чистым.

15. И далее, Нигродха, когда Татхагата или ученик Татхагаты наставляет в истине, подвижник соглашается с наставлением, с которым следует согласиться. И когда, Нигродха, Татхагата или ученик Татхагаты наставляет в истине, и подвижник соглашается с наставлением, с которым следует согласиться, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник не подвержен гневу и враждебности. И когда, Нигродха, подвижник не подвержен гневу и враждебности, то в этом состоянии он бывает чистым.

И далее, Нигродха, подвижник не бывает лицемерным и злобным, не бывает завистливым и себялюбивым, не бывает хитрым и лживым, не бывает жестоким и высокомерным, не желает порочного и не подвержен порочным желаниям, не исповедует ложных воззрений и не наделен крайними воззрениями, не привержен к мирскому, не держится за свое место, склонен к отречению. И когда, Нигродха, подвижник не бывает лицемерным и злобным, не бывает завистливым и себялюбивым, не бывает хитрым и лживым, не бывает жестоким и высокомерным, не желает порочного и не подвержен порочным желаниям, не исповедует ложных воззрений и не наделен крайними воззрениями, не привержен к мирскому, не держится за свое место, склонен к отречению, то в этом состоянии он бывает чистым.

Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым или нечистым?»

«Право же, господин, если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым, а не нечистым, достигает вершины, достигает сердцевины».

«Нет, Нигродха, подобное подвижничество и отвращение [к миру] еще не достигает вершины и не достигает сердцевины — оно ведь достигает лишь внешней оболочки».

16. «Каким же образом, господин, подвижничество и отвращение [к миру] достигает вершины, достигает сердцевины? Хорошо будет, господин, если Благостный даст мне с помощью подвижничества и отвращения [к миру] достичь вершины, достичь сердцевины».

«Вот, Нигродха, подвижник сдержан воздержанием четырехчастной узды. Как же, Нигродха, подвижник бывает сдержан воздержанием четырехчастной узды? Вот, Нигродха, подвижник не причиняет зла никому живому, не побуждает причинять зло живому, не одобряет причиняющего зло живому; он не берет того, что не дано [ему], не побуждает брать то, что не дано, не одобряет берущего то, что не дано; он не произносит лжи, не побуждает произносить ложь, не одобряет произносящего ложь; он не стремится к благополучию, не побуждает стремиться к благополучию, не одобряет стремящегося к благополучию. Так, Нигродха, подвижник сдержан воздержанием четырехчастной узды. И когда, Нигродха, подвижник сдержан таким образом воздержанием четырехчастной узды и таково его подвижничество, то он возносится и не возвращается больше к низменному. Он удаляется в уединенную обитель — в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит [там] после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании. Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободный сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от порока злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности. Отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность [ясного] воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободный от беспокойства и терзаний, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения, лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения».

17. Отвергнув эти пять преград, постигнув разумом пороки, несущие немощь, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну

сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым или нечистым?»

«Право же, господин, если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым, а не нечистым, достигает вершины, достигает сердцевины».

«Нет, Нигродха, подобное подвижничество и отвращение [к миру] еще не достигает вершины и не достигает сердцевины — оно ведь достигает лишь коры».

18. «Каким же образом, господин, подвижничество и отвращение [к миру] достигает вершины, достигает сердцевины? Хорошо будет, господин, если Благостный даст мне с помощью подвижничества и отвращения [к миру] достичь вершины, достичь сердцевины».

«Вот, Нигродха, подвижник сдержан воздержанием четырехчастной узды. Как же, Нигродха, подвижник бывает сдержан воздержанием четырехчастной узды? Вот, Нигродха, подвижник не причиняет зла никому живому, не побуждает причинять зло живому, не одобряет причиняющего зло живому; он не берет того, что не дано [ему], не побуждает брать то, что не дано, не одобряет берущего то, что не дано; он не произносит лжи, не побуждает произносить ложь, не одобряет произносящего ложь; он не стремится к благополучию, не побуждает стремиться к благополучию, не одобряет стремящегося к благополучию. Так, Нигродха, подвижник сдержан воздержанием четырехчастной узды. И когда, Нигродха, подвижник сдержан таким образом воздержанием четырехчастной узды и таково его подвижничество, то он возносится и не возвращается больше к низменному. Он удаляется в уединенную обитель — в лесу у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на груде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит [там] после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании. Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободный сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от порока злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности. Отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность [ясного] воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности.

Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободный от беспокойства и терзаний, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения, лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Отвергнув эти пять преград, постигнув разумом пороки, несущие немощь, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, во многих периодах свертывания [мира], во многих периодах развертывания [мира], во многих периодах свертывания и развертывания мира: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях].

Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым или нечистым?»

«Право же, господин, если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым, а не нечистым, достигает вершины, достигает сердцевины».

«Нет, Нигродха, подобное подвижничество и отвращение [к миру] еще не достигает вершины и не достигает сердцевины — оно ведь достигает лишь внешней древесины».

19. «Каким же образом, господин, подвижничество и отвращение [к миру] достигает вершины, достигает сердцевины? Хорошо будет, господин, если Благостный даст мне с помощью подвижничества и отвращения [к миру] достичь вершины, достичь сердцевины».

«Вот, Нигродха, подвижник сдержан воздержанием четырехчастной узды. Как же, Нигродха, подвижник бывает сдержан воздержанием четырехчастной узды? Вот, Нигродха, подвижник не причиняет зла никому живому, не побуждает причинять зло живому, не одобряет причиняющего зло живому; он не берет того, что не дано [ему], не побуждает брать то, что не дано, не одобряет берущего то, что не дано; он не произносит лжи, не побуждает произносить ложь, не одобряет произносящего ложь; он не стремится к благополучию, не побуждает стремиться к благополучию, не одобряет стремящегося к благополучию. Так, Нигродха, подвижник сдержан воздержанием четырехчастной узды. И когда, Нигродха, подвижник сдержан таким образом воздержанием четырехчастной узды и таково его подвижничество, то он возносится и не возвращается больше к низменному. Он удаляется в уединенную обитель — в лесу, у подножия дерева, на горе, в пещере, в расщелине скалы, у кладбища, в лесной чаще, на открытом месте, на гряде соломы. Возвратившись с чашей для милостыни, он сидит [там] после еды, скрестив под собой ноги, держа прямо тело, пребывая в сосредоточенном внимании. Отказавшись от алчности к мирскому, он пребывает свободный сердцем от алчности, очищает мысли от алчности. Отказавшись от порока злонамеренности, он пребывает свободный мыслями от злонамеренности, в доброте и сочувствии ко всем живым существам он очищает мысли от злонамеренности. Отказавшись от косности, он пребывает свободный от косности, ощущая в себе способность [ясного] воззрения, внимательный и вдумчивый он очищает мысли от косности. Отказавшись от беспокойства и терзаний, он пребывает свободный от беспокойства и терзаний, внутренне умиротворенный в мыслях, он очищает мысли от беспокойства и терзаний. Отказавшись от сомнения, он пребывает за пределами сомнения, лишенный неуверенности в хороших свойствах, он очищает мысли от сомнения.

Отвергнув эти пять преград, постигнув разумом пороки, несущие немощь, он пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх,

вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих периодах свертывания [мира], во многих периодах развертывания [мира], во многих периодах свертывания и развертывания мира: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытывал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях].

Божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: „Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, наделены действиями, [проистекающими из] ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, [проистекающими из] истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире“ — Так, божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются, он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными.

Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым или нечистым?»

«Право же, господин, если так, то подвижничество и отвращение [к миру] бывает чистым, а не нечистым, достигает вершины, достигает сердцевины».

«Подобное подвижничество и отвращение [к миру], Нигродха, и достигает вершины, и достигает сердцевины. И если, Нигродха, ты спросил меня: „Какова, господин, истина Благостного, в какой [истине] Благостный воспитывает учени-

ков, воспитанные в которой Благостным ученики, достигшие покоя, исповедуют стремление к целомудрию?“ — то это, Нигродха, — еще более превосходное и более возвышенное состояние, в котором я воспитываю учеников и воспитанные в котором мною ученики, достигшие покоя, исповедуют стремление к целомудрию».

Когда так было сказано, те странствующие аскеты с криками, с громким шумом, великим шумом заговорили: «Теперь мы пропали вместе с [нашими] наставниками, ведь мы не знаем ничего более превосходного, чем их [учение]».

20. И тогда домоправитель Сандхана постиг: «Несомненно, эти странствующие аскеты, хоть и из других школ, хорошо внимают словам Благостного, склоняют [к нему] слух, направляют ум к знанию». И он так сказал странствующему аскету Нигродхе:

«Ведь ты, господин Нигродха, так сказал мне: „Ну как, домоправитель, знаешь ли ты, с кем беседует отшельник Готама, с кем вступает в разговор, с кем достигает ясности в постижении? Ведь постижение отшельника Готамы погублено уединенной жизнью; отшельник Готама не находится среди людей, неспособен к беседе, он ведь стремится к самым отдаленным местам. Подобно тому как большой олень, бродящий по окраинам, стремится к самым отдаленным местам, так же точно и постижение отшельника Готамы погублено уединенной жизнью; отшельник Готама не находится среди людей, неспособен к беседе, он стремится к самым отдаленным местам. Что же, домоправитель, пусть отшельник Готама подойдет к этому собранию — одним [единственным] вопросом мы повергнем его в замешательство, я сказал бы — опрокинем его, словно пустой горшок“. — Вот, господин, этот Благостный, архат, всецело просветленный приблизился сюда, покажи же, как он не находится среди людей [и неспособен к беседе], покажи, как он бродит по окраинам, подобно большому оленю, повергни его в замешательство одним [единственным] вопросом, я сказал бы — опрокинь его, словно пустой горшок!»

Когда так было сказано, странствующий аскет Нигродха сел, пребывая в молчании, пребывая в беспокойстве, опустив плечи, поникнув головой, угнетенный, неспособный возразить.

21. И тогда Благостный, видя странствующего аскета Нигродху, пребывающим в молчании, пребывающим в беспокойстве, опустившим плечи, поникшим головой, угнетенным, неспособным возразить, так сказал странствующему аскету Нигродхе:

«Правда ли, Нигродха, что ты произнес эти слова?»

«Правда, господин, я произнес эти слова из глупости, из-за ослепления, из-за нечестия».

«Как же ты думаешь об этом, Нигродха? Слышал ли ты из разговоров старших престарелых странствующих аскетов, наставников [твоих] наставников: „Те, которые были в прошлые времена, архаты, всецело просветленные, — те, Благостные, [имели обыкновение], встретившись и собравшись, с криками, громким шумом, великим шумом вести различные низменные беседы, а именно: беседы

о царе, беседы о ворах, беседы о советниках, беседы о войске, беседы об опасности, беседы о сражении, беседы о еде, беседы о питье, беседы об одеждах, беседы о ложах, беседы о венках, беседы о благовониях, беседы о родственниках, беседы о повозках, беседы о деревнях, беседы о торговых селениях, беседы о городах, беседы о странах, беседы о женщинах, беседы о мужчинах, беседы о героях, беседы о дорогах, беседы о водоемах, беседы о прежде умерших, беседы о всякой всячине, разговоры о мире, разговоры об океане, беседы о том, что существует и чего не существует“?».

«Я слышал, господин, из разговоров старших престарелых странствующих аскетов, наставников моих наставников: „Те, которые были в прошлые времена, архаты, всецело просветленные, — те, Благодные не [имели обыкновения], встретившись и собравшись, с криками, громким шумом, великим шумом вести различные низменные беседы, а именно: беседы о царе, беседы о ворах, беседы о советниках, беседы о войске, беседы об опасности, беседы о сражении, беседы о еде, беседы о питье, беседы об одеждах, беседы о ложах, беседы о венках, беседы о благовониях, беседы о родственниках, беседы о повозках, беседы о деревнях, беседы о торговых селениях, беседы о городах, беседы о странах, беседы о женщинах, беседы о мужчинах, беседы о героях, беседы о дорогах, беседы о водоемах, беседы о прежде умерших, беседы о всякой всячине, разговоры о мире, разговоры об океане, беседы о том, что существует и чего не существует“, — так же как теперь я со [своими] наставниками. Эти Благодные стремились к отдаленным обителям в глуши, в лесной чаще, где нет шума, нет звуков, [обителям], дышащим безмолвием, пригодным, чтобы скрываться от людей, подходящим для уединения, — так же, как теперь Благодный».

«Что же ты, Нигродха, будучи разумным и престарелым, не подумал так: „Этот Благодный просветлен и наставляет в истине, ведущей к просветлению; этот Благодный обуздан и наставляет в истине, ведущей к самообузданию; этот Благодный спокоен и наставляет в истине, ведущей к успокоению; этот Благодный переправился [через поток зла] и наставляет в истине, ведущей к переправе [через поток зла]; этот Благодный достиг ниббаны и наставляет в истине, ведущей к достижению ниббаны“»

22. Когда так было сказано, странствующий аскет Нигродха так сказал Благодному:

«Мной совершенно преступление, господин, — из-за глупости, из-за ослепления, из-за нечестия я сказал так Благодному. Пусть же, господин, Благодный примет меня, [признавшего] в совершенном преступлении, чтобы в будущем я обуздал себя».

«Действительно, Нигродха, ты совершил преступление из-за глупости, из-за ослепления, из-за нечестия ты сказал мне так. И поскольку ты, Нигродха, указав на совершенное преступление, добродетельно искупаешь [его], мы принимаем тебя. Ибо такова, Нигродха, поступь должного поведения праведника, что указавший на совершенное преступление и добродетельно искупающий [его] достигает в будущем самообуздания. Я же, Нигродха, говорю так: „Пусть идет [ко мне]

домными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за шесть месяцев. Но оставим, Нигродха, шесть месяцев. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за пять месяцев. Но оставим, Нигродха, пять месяцев. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за четыре месяца. Но оставим, Нигродха, четыре месяца. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за три месяца. Но оставим, Нигродха, три месяца. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за два месяца. Но оставим, Нигродха, два месяца. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за один месяц. Но оставим, Нигродха, один месяц. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за полмесяца. Но оставим, Нигродха, полмесяца. Пусть идет [ко мне] человек разумный, нелицемерный, бесхитростный, прямодушный — я обучу, я наставлю его в истине. Продвигаясь, согласно наставлению, он сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — [и это] за семь дней“.

23. Может быть, Нигродха, ты подумаешь так: „Отшельник Готама сказал так из желания иметь учеников“. Не следует, Нигродха, считать так — тот учитель, который есть у вас, пусть и будет вашим учителем. Может быть, Нигродха, ты подумаешь так: „Отшельник Готама сказал так из желания лишить нас [своих] правил“. Не следует, Нигродха, считать так — те правила, которые есть у вас, пусть и будут вашими правилами. Может быть, Нигродха, ты подумаешь так:

„Отшельник Готама сказал так из желания лишить нас [нашего] образа жизни“. Не следует, Нигродха, считать так — тот образ жизни, который есть у вас, пусть и будет вашим образом жизни. Может быть, Нигродха, ты подумаешь так: „Отшельник Готама сказал так из желания утвердить [в нас] те свойства, которые [для нас] нехороши и считаются нехорошими [у нас] с учителями“. Не следует, Нигродха, считать так — те свойства, которые [для вас] нехороши, пусть и считаются нехорошими [у вас] с учителями. Может быть, Нигродха, ты подумаешь так: „Отшельник Готама сказал так из желания избавить [нас] от тех свойств, которые для нас хороши и считаются хорошими [у нас] с учителями“. Не следует, Нигродха, считать так — те свойства, которые для вас хороши, пусть и считаются хорошими [у вас] с учителями. Ведь я, Нигродха, говорю так не из желания иметь учеников, и говорю так не из желания лишать [вас своих] правил, и говорю так не из желания лишить [вас вашего] образа жизни, и говорю так не из желания утвердить [в вас] те свойства, которые для вас нехороши и считаются нехорошими [у вас] с учителями, и говорю так не из желания избавить [вас] от тех свойств, которые для вас хороши и считаются хорошими [у вас] с учителями. Но есть, Нигродха, нехорошие свойства, не оставленные [вами], — порочные, ведущие к следующему рождению, несчастные, готовящие в будущем страдания: рождение, старость, смерть — к отказу от которых ведет истина, разъясняемая мною так, что у вас, следующих ее путем, исчезнут порочные свойства, возрастут чистые свойства, и вы будете жить, сами познав, испытав и обретя в зримом мире полноту и совершенство постижения».

24. Когда так было сказано, те странствующие аскеты сели, пребывая в молчании, пребывая в беспокойстве, опустив плечи, поникнув головой, угнетенные, неспособные возразить, — ибо сердцем их завладел Мара.

И тогда Благостный подумал так: «Все эти заблудшие люди пропитаны Злостным — ведь ни у одного из них не возникает даже мысль: „Давайте же, хоть и незнающие, вести целомудренную жизнь при отшельнике Готаме — ведь что значит семь дней?“»

И тогда Благостный, прорывав львиным рыком в роще для странствующих отшельников Удумбарика, поднялся в воздух и снова возвратился на холм Гиджджахкута. А домоправитель Сандхана пошел в Раджагаху.

[Окончена] вторая «Удумбарика-сиханада-сутта».

XXVI. «Чаккаватти-сиханада-сутта» **(«Сутта львиного рыка о владыке мира»)**

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал среди магадхов в Матуле. И там Благостный обратился к монахам: «Монахи!» — «Да, господин!» — ответили те монахи Благостному. Благостный сказал так:

«Пребывайте, монахи, [видя] свет в самих себе и прибежище в самих себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином. Как же, монахи, монах пребывает, [видя] свет в самом себе и прибежище в самом себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином?»

Вот, монахи, монах [в том, что касается] тела, взирая на тело, пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] ума, взирая на ум, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] постигаемых предметов, взирая на постигаемые предметы, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность. Так, монахи, монах пребывает, [видя] свет в самом себе и прибежище в самом себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином.

Ищите, монахи, средства к жизни в местах, унаследованных от отцов. Кто, монахи, ищет средств к жизни в местах, унаследованных от отцов, тех Мара не отмечает [своим] приближением, Мара не отмечает [своим] местопребыванием. Благодаря приобретению добрых свойств, монахи, возрастает эта заслуга.

2. Когда-то давно, монахи, жил царь по имени Далханеми — владыка мира, добродетельный царь добродетели, правивший четырьмя сторонами света, победоносный, доставивший стране безопасность, наделенный семью сокровищами. Эти его семь сокровищ были: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него было больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергавших вражеское войско. Он занимал эту зем-

лю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью.

3. И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет царь Далханеми обратился к одному человеку: „Эй, человек, если ты увидишь, что божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места, то извести меня“.

„Хорошо, Божественный“, — так, монахи, согласился этот человек с царем Далханеми.

И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет этот человек увидел, что божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места. Видя это, он приблизился к царю Далханеми и, приблизившись, так сказал царю Далханеми:

„Ну как, Божественный, знаешь ли ты, что божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места?“

И тогда, монахи, царь Далханеми послал за старшим сыном, царевичем, и сказал так:

„Дорогой царевич, мое божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места. А я слышал так: ‘Если у царя — повелителя мира — сдвинется, тронется с места божественное колесо-сокровище, то тогда этому царю недолго осталось жить’. Я наслаждался уже мирскими удовольствиями, и теперь время стремиться к божественным удовольствиям. Иди же, дорогой царевич, владей этой землей, ограниченной морем. Я же сбрую волосы и бороду, надену желтые одеяния и, оставив дом, стану странствовать бездомным“.

И затем, монахи, царь Далханеми, должным образом передав царство старшему сыну царевичу, сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным. И вот, монахи, через семь дней после того как царственный аскет стал странствовать, божественное колесо-сокровище исчезло.

4. И тогда, монахи, один человек приблизился к царю, помазанному на царство, и, приблизившись, так сказал царю, помазанному на царство: „Ну как, Божественный, знаешь ли ты, что божественное колесо-сокровище исчезло?“

И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, опечалился, испытал печаль из-за исчезновения божественного колеса-сокровища. И он приблизился к тому царственному аскету и, приблизившись, так сказал царственному аскету:

„Ну как, Божественный, знаешь ли ты, что божественное колесо-сокровище исчезло?“

Когда, монахи, так было сказано, царственный аскет так сказал царю, помазанному на царство:

„Дорогой, не печалься, не испытывай печали из-за исчезновения божественного колеса-сокровища. Ведь божественное колесо-сокровище, дорогой, не дано тебе как отцовское наследие. Что же, дорогой, — приведи в движение колесо праведности. И может случиться так, что когда, приведя в движение колесо праведности, ты в день уполотхи в полнолуние омоешь голову и, прибывая на превосходной верхней террасе дворца, будешь соблюдать уполотху, тебе явится бо-

жественное колесо-сокровище с тысячью спиц, с ободом, со ступицей, исполненное всех достоинств“.

5. „Как же, Божественный, привести в движение колесо праведности?“

„Дорогой, опираясь на истину, внимательный к истине, предупредительный к истине, уважая истину, почитая истину, преклоняясь перед истиной, служа стягом истины, знаком истины, ведомый истиной, обеспечить истинную охрану, ограду и защиту жителям страны, воинам, преданным кшатриям, брахманам и домоправителям, городским и деревенским жителям, отшельникам и брахманам, зверям и птицам. И не позволяй, дорогой, чтобы в твоей стране творилось противное истине. Тех, дорогой, кто в твоей стране лишен имущества, следует наделить имуществом. И время от времени, дорогой, приближайся к тем отшельникам и брахманам в твоей стране, кто отказались от гордыни и легкомыслия, пребывают в терпеливости и мягкости, заняты лишь обузданием самих себя, лишь успокоением самих себя, лишь полным умиротворением самих себя, — и спрашивай: ‘Что, господин, хорошо — что нехорошо? Что запретно и что не запретно? Что уместно — что не уместно? Какое дело надолго послужит мне к неблагополучию, несчастью — какое дело надолго послужит мне к благополучию, счастью?’ И, выслушав их, отвращаясь от того, что нехорошо, исполняйся [тем] и придерживайся того, что хорошо. Так, дорогой, приводится в движение колесо праведности“.

„Хорошо, Божественный — так, монахи, царь, помазанный на царство, согласился с царственным аскетом и привел в движение колесо праведности. И когда, приведя в движение колесо праведности, он в день упосатхи, в полнолуние, омыв голову, пребывал, соблюдая упосатху, на превосходной верхней террасе дворца, ему явилось божественное колесо-сокровище с тысячью спиц, с ободом, со ступицей, исполненное всех достоинств. И, видя [его], царь, помазанный на царство, подумал так: ‘Ведь я слышал об этом: ‘Когда царю, помазанному на царство, в день упосатхи, в полнолуние, омывшему голову и пребывающему, соблюдая упосатху, на превосходной верхней террасе дворца, является божественное колесо-сокровище с тысячью спиц, с ободом, со ступицей, исполненное всех достоинств, то он становится повелителем мира’. — Поэтому и я стану царем, повелителем мира!’“

6. И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, поднявшись с сиденья, перекинул верхнюю одежду через плечо, взял левой рукой чашу и окропил правой рукой колесо-сокровище [со словами]: „Пусть катится вперед, досточтимое колесо-сокровище, пусть несет победу досточтимое колесо-сокровище!“ И тогда, монахи, это колесо-сокровище покатилося в восточную сторону, и за ним последовал царь, повелитель мира, вместе с четырехчастным войском. И в том месте, монахи, где останавливалось колесо-сокровище, царь, повелитель мира, делал стоянку и вместе с ним — четырехчастное войско. И вот, монахи, те враждебные [ему] цари, которые были в восточной стороне, приблизились к царю, повелителю мира, и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь, повелитель мира, сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, монахи, те враждебные цари, которые были в восточной стороне, стали подданными царя повелителя мира.

7. И тогда, монахи, это колесо-сокровище, погрузившись в восточный океан, вновь поднялось и покатилося в южную сторону, и за ним последовал царь, повелитель мира, вместе с четырехчастным войском. И в том месте, монахи, где останавливалось колесо-сокровище, царь, повелитель мира, делал стоянку и вместе с ним четырехчастное войско. И вот, монахи, те враждебные [ему] цари, которые были в южной стороне, приблизились к царю, повелителю мира, и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь, повелитель мира, сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, монахи, те враждебные цари, которые были в южной стороне, стали подданными царя, повелителя мира.

И тогда, монахи, это колесо-сокровище, погрузившись в южный океан, вновь поднялось и покатилося в западную сторону, и за ним последовал царь, повелитель мира, вместе с четырехчастным войском. И в том месте, монахи, где останавливалось колесо-сокровище, царь, повелитель мира, делал стоянку и вместе с ним четырехчастное войско. И вот, монахи, те враждебные [ему] цари, которые были в западной стороне, приблизились к царю, повелителю мира, и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь, повелитель мира, сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, монахи, те враждебные цари, которые были в западной стороне, стали подданными царя повелителя мира.

И тогда, монахи, это колесо-сокровище, погрузившись в западный океан, вновь поднялось и покатилося в северную сторону, и за ним последовал царь, повелитель мира, вместе с четырехчастным войском. И в том месте, монахи, где останавливалось колесо-сокровище, царь, повелитель мира, делал стоянку и вместе с ним четырехчастное войско. И вот, монахи, те враждебные [ему] цари, которые были в северной стороне, приблизились к царю, повелителю мира, и сказали так:

„Приди, великий царь! Добро пожаловать, великий царь! Будь наставником, великий царь!“

И царь, повелитель мира, сказал так: „Не убивайте живого. Не берите того, что не дано [вам]. Не поступайте несправедливо, [следуя] чувственным влечениям. Не произносите лжи. Не пейте хмельного. Поедайте [лишь] то, что может быть съедено“.

И вот, монахи, те враждебные цари, которые были в северной стороне, стали подданными царя, повелителя мира.

И тогда, монахи, это колесо-сокровище, пронеся победу по [всей] земле вплоть до границ океана, возвратилось в ту царскую столицу и остановилось в целостности у входа во внутренние покои царя, повелителя мира, я бы сказал, [словно] украшая внутренние покои царя повелителя мира.

8. И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет второй царь, повелитель мира; и вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет третий царь, повелитель мира; и вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет четвертый царь, повелитель мира; и вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет пятый царь повелитель мира; и вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет шестой царь, повелитель мира; и вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет седьмой царь, повелитель мира, обратился к одному человеку:

„Эй, человек, если ты увидишь, что божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места, то извести меня“.

„Хорошо, Божественный“ — так, монахи, согласился этот человек с царем, повелителем мира.

И вот, монахи, по прошествии многих лет, многих сотен лет, многих тысяч лет этот человек увидел, что божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места. Видя это, он приблизился к царю, повелителю мира, и, приблизившись, так сказал царю повелителю мира:

„Ну как, Божественный, знаешь ли ты, что божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места?“

И тогда, монахи, царь, повелитель мира, послал за старшим сыном, царевичем, и сказал так:

„Дорогой царевич, мое божественное колесо-сокровище сдвинулось, тронулось с места. А я слышал так: ‘Если у царя, повелителя мира сдвинется, тронется с места божественное колесо-сокровище, то тогда этому царю недолго осталось жить’. Я наслаждался уже человеческими удовольствиями, и теперь время стремиться к божественным удовольствиям. Иди же, дорогой царевич, владей этой землей, ограниченной морем. Я же сбрую волосы и бороду, надену желтые одеяния и, оставив дом, стану странствовать бездомным“.

И затем, монахи, царь, повелитель мира, должным образом передав царство старшему сыну, царевичу, сбрил волосы и бороду, надел желтые одеяния и, оставив дом, стал странствовать бездомным. И вот, монахи, через семь дней после того как царственный аскет стал странствовать, божественное колесо-сокровище исчезло.

9. И тогда, монахи, один человек приблизился к царю, помазанному на царство, и, приблизившись, так сказал царю, помазанному на царство:

„Ну как, Божественный, знаешь ли ты, что божественное колесо-сокровище исчезло?“

И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, опечалился, испытал печаль из-за исчезновения божественного колеса-сокровища. Но он не приблизился к царственному аскету, чтобы спросить о приведении в движении колеса праведности. Он стал править своим народом по собственному усмотрению, и народ, управляемый по его усмотрению, не процветал, как это было с народом прежде при прежних царях, приводивших в движение колесо праведности.

И тогда, монахи, приближенные, придворные, заведовавшие казной, стражники, привратники, живущие священными текстами, собравшись и, приблизившись к царю, помазанному на царство, сказали так:

„Божественный, ведь народ, управляемый по твоему усмотрению, не процветает, как это было с народом прежде, при прежних царях, приводивших в движение колесо праведности. Но в твоём царстве, Божественный, есть приближенные, придворные, заведующие казной, стражники, привратники, живущие священными текстами — и мы, и другие — и мы знаем о движении колеса праведности. Спроси же нас, Божественный, о движении колеса праведности, чтобы мы, будучи спрошены, объяснили тебе движение колеса праведности“.

10. И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, собрав приближенных, придворных, заведующих казной, стражников, привратников, живущих священными текстами и спросил их о движении божественного колеса праведности. И, будучи спрошены, они объяснили ему движение колеса праведности. Услышав их, он обеспечил [жителям] истинную охрану, ограду и защиту, но не наделил имуществом неимущих, и у неимущих, не наделенных имуществом, бедность еще больше выросла. Когда же бедность возросла, один человек взял у других то, что не дано [ему], то есть украл. Его схватили и, схватив, привели к царю, помазанному на царство [со словами]:

„Этот человек, Божественный, взял у других то, что не дано [ему], то есть украл“.

Когда, монахи, так было сказано, царь, помазанный на царство, так сказал этому человеку:

„Эй, человек, правда ли, что ты взял у других то, что не дано [тебе], то есть украл?“

„Правда, Божественный“.

„Почему же?“

„Ведь мне не на что жить, Божественный“.

И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, наделил этого человека имуществом [со словами]:

„Эй, человек, поддерживай с помощью этого имущества собственную жизнь, корми мать и отца, корми детей и жену, исполняй [свои] дела, доставляй отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса“.

„Хорошо, Божественный“ — так, монахи, этот человек согласился с царем, помазанным на царство.

11. И вот, монахи, [еще] один человек взял у других то, что не дано [ему], то есть украл. Его схватили и, схватив, привели к царю, помазанному на царство [со словами]: „Этот человек, Божественный, взял у других то, что не дано [ему], то есть украл“.

Когда, монахи, так было сказано, царь, помазанный на царство, так сказал этому человеку:

„Эй, человек, правда ли, что ты взял у других то, что не дано [тебе], то есть украл?“

„Правда, Божественный“.

„Почему же?“

„Ведь мне не на что жить, Божественный“.

И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, наделил этого человека имуществом [со словами]:

„Эй, человек, поддерживай с помощью этого имущества собственную жизнь, корми мать и отца, корми детей и жену, исполняй [свои] дела, доставляй отшельникам и брахманам благодатные подношения, связанные с небом, несущие счастье, ведущие на небеса“.

„Хорошо, Божественный“ — так, монахи, этот человек согласился с царем, помазанным на царство.

12. И тогда, монахи, люди услышали: „Ведь тех, кто берет у других то, что не дано [им], то есть крадет, царь наделяет имуществом“. И, слыша это, они подумали: „Что же, давайте и мы станем брать у других то, что не дано [нам], то есть красть“.

И вот, монахи, [еще] один человек взял у других то, что не дано [ему], то есть украл. Его схватили и, схватив, привели к царю, помазанному на царство, [со словами]: „Этот человек, Божественный, взял у других то, что не дано [ему], то есть украл“.

Когда, монахи, так было сказано, царь, помазанный на царство, так сказал этому человеку:

„Эй, человек, правда ли, что ты взял у других то, что не дано [тебе], то есть украл?“

„Правда, Божественный“.

„Почему же?“

„Ведь мне не на что жить, Божественный“.

И тогда, монахи, царь, помазанный на царство, подумал так: „Если я буду наделять имуществом каждого, кто возьмет у других то что [ему] не дано, то есть украдет, то лишь возрастет присвоение того, что не дано. Поэтому теперь я прикончу этого человека, искореню, отрублю ему голову“.

И вот, монахи, царь, помазанный на царство, приказал людям: „Ну, почтенные, туго свяжите крепкой веревкой руки за спиной этому человеку, обрежьте [ему] голову, проведите под громкие удары барабана по улицам и перекресткам,

выведите через южные ворота и к югу от города прикончите, искорените [его], отрубив ему голову“.

„Хорошо, Божественный“ — так, монахи, эти люди согласились с царем, помазанным на царство, туго связали крепкой веревкой руки за спину этому человеку, обрили [ему] голову, провели под громкие удары барабана по улицам и перекресткам, вывели через южные ворота и к югу от города прикончили, искоренили [его], отрубили ему голову.

13. И вот, монахи, люди услышали: „Ведь тех, кто берет у других то, что не дано [им], то есть крадет, царь приканчивает, искореняет, отрубает им голову“.

И слыша это, они подумали: „Что же, давайте и мы возьмем острые мечи и, взяв острые мечи, прикончим, искореним, отрубим голову тем, у которых будем брать то, что [нам] не дано, то есть красть“.

Они взяли острые мечи и, взяв острые мечи, пошли убивать в селения, и пошли убивать в торговые поселки, и пошли убивать в города, и пошли разбойничать на дорогах. И они стали приканчивать, искоренять, отрубать голову тем, у которых брали то, что [им] не дано, то есть крали.

14. Итак, монахи, у неимущих, не наделенных имуществом, возросла бедность, с возрастанием бедности возросло присвоение того, что не дано, с присвоением того, что не дано, возросло [употребление] оружия, с возрастанием [употребления] оружия возросло убийство, с возрастанием убийства возросла лживая речь, с возрастанием лживой речи у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни и уменьшением красоты дети у людей, живших восемьдесят тысяч лет, стали жить сорок тысяч лет.

15. И вот, монахи, среди людей, живших сорок тысяч лет, один человек взял у других то, что [ему] не дано, то есть украл. Его схватили и, схватив, привели к царю, помазанному на царство [со словами]: „Этот человек, Божественный, взял у других то, что [ему] не дано, то есть украл“.

Когда, монахи, так было сказано, царь, помазанный на царство, сказал этому человеку:

„Эй, человек, правда ли, что ты взял у других то, что не дано [тебе], то есть украл?“

„Нет, Божественный“ — ответил он и сознательно произнес ложь.

Итак, монахи, у неимущих, не наделенных имуществом, возросла бедность, с возрастанием бедности возросло присвоение того, что не дано, с присвоением того, что не дано, возросло [употребление] оружия, с возрастанием [употребления] оружия возросло убийство, с возрастанием убийства возросла лживая речь, с возрастанием лживой речи у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты дети людей, живших сорок тысяч лет, стали жить двадцать тысяч лет.

И вот, монахи, среди людей, живших двадцать тысяч лет, один человек взял у других то, что [ему] не дано, то есть украл. И другой человек сообщил о нем царю, помазанному на царство: „Божественный, такой-то человек взял у других то, что [ему] не дано, то есть украл“ — и таким образом сказал дурное.

16. Итак, монахи, у неимущих, не наделенных имуществом, возросла бедность, с возрастанием бедности возросло присвоение того, что не дано, с присвоением того, что не дано, возросло [употребление] оружия, с возрастанием [употребления] оружия возросло убийство, с возрастанием убийства возросла лживая речь, с возрастанием лживой речи возросла дурная речь, с возрастанием дурной речи у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни и уменьшением красоты дети людей, живших двадцать тысяч лет, стали жить десять тысяч лет.

И вот, монахи, среди людей, живших десять тысяч лет, некоторые существа были красивы, некоторые существа были некрасивы, и те существа, которые были некрасивы, возжаждали красивых существ и вступили в связь с чужими женами.

17. Итак, монахи, у неимущих, не наделенных имуществом, возросла бедность, с возрастанием бедности возросло присвоение того, что не дано, с присвоением того, что не дано, возросло [употребление] оружия, с возрастанием [употребления] оружия возросло убийство, с возрастанием убийства возросла лживая речь, с возрастанием лживой речи возросла дурная речь, с возрастанием дурной речи возросло несправедное поведение в области чувственного, с возрастанием несправедного поведения в области чувственного у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты дети людей, живших десять тысяч лет, стали жить пять тысяч лет.

И вот, монахи, среди людей, живших пять тысяч лет, возросли два обычая — грубая речь и легкомысленная болтовня, с возрастанием [этих] двух обычаев у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты, дети людей, живших пять тысяч лет, стали жить — некоторые две с половиной тысячи лет, некоторые — лишь две тысячи лет.

И вот, монахи, среди людей, живших две с половиной тысячи лет, возросли алчность и злонамеренность; с возрастанием алчности и злонамеренности у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты дети людей, живших две с половиной тысячи лет, стали жить одну тысячу лет.

И вот, монахи, среди людей, живших одну тысячу лет, возросли несправедные воззрения, с возрастанием несправедных воззрений у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты дети людей, живших одну тысячу лет, стали жить пятьсот лет.

И вот, монахи, среди людей, живших пятьсот лет, возросли три обычая: незаконная страсть, порочная алчность и несправедные учения, с возрастанием [этих] трех обычаев у этих существ уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты дети людей, живших пятьсот лет, стали жить — некоторые двести пятьдесят лет, некоторые — лишь двести лет.

И вот, монахи, среди людей, живших двести пятьдесят лет, возросли такие обычаи: неуважение к матери, неуважение к отцу, неуважение к отшельникам, неуважение к брахманам, непочтительность к старшим в роду.

18. Итак, монахи, у неимущих, не наделенных имуществом, возросла бедность, с возрастанием бедности возросло присвоение того, что не дано, с присвоением того, что не дано, возросло [употребление] оружия, с возрастанием [употребления] оружия возросло убийство, с возрастанием убийства возросла лживая речь, с возрастанием лживой речи возросла дурная речь, с возрастанием дурной речи возросло несправедное поведение в области чувственного, с возрастанием несправедного поведения в области чувственного возросли два обычая: грубая речь и легкомысленная болтовня, с возрастанием [этих] двух обычаев возросли алчность и злонамеренность, с возрастанием алчности и злонамеренности возросли несправедные воззрения, с возрастанием несправедных воззрений возросли три обычая: беззаконная страсть, порочная алчность и несправедные учения, с возрастанием [этих] трех обычаев возросли такие обычаи: неуважение к матери, неуважение к отцу, неуважение к отшельникам, неуважение к брахманам, непочтительность к старшим в роду; с возрастанием этих обычаев у этих людей уменьшился срок жизни, уменьшилась красота; с уменьшением их срока жизни, уменьшением красоты дети людей, живших двести пятьдесят лет, стали жить сотню лет.

19. И настанет, монахи, время, когда дети этих людей будут жить десять лет. У людей, живущих десять лет, монахи, дочери будут в пять лет пригодны для брака. У людей, живущих десять лет, монахи, исчезнет такая пища, как очищенное масло, свежее масло, сезамовое масло, мёд, патока, соль. У людей, живущих десять лет, монахи, лучшей едой будет грубое зерно. Подобно тому, монахи, как теперь лучшая еда это блюда из риса и мяса, так же точно, монахи, у людей, живущих десять лет, лучшей едой будет грубое зерно. У людей, живущих десять лет, монахи, полностью исчезнут десять путей должного поведения и весьма расцветут десять путей недолжного поведения; у людей, живущих десять лет, монахи, не будет даже [слова] „должное” — откуда же будут поступающие должным образом? У людей, живущих десять лет, монахи, почитать и восхвалять будут тех, кто не уважает отца, не уважает мать, не уважает отшельников, не уважает брахманов, непочтителен к старшим в роду. Подобно тому как теперь почитают и восхваляют тех, кто уважает мать, уважает отца, уважает отшельников, уважает брахманов, почтителен к старшим в роду, точно так же, монахи, у людей, живущих десять лет, почитать и восхвалять будут тех, кто не уважает мать, не уважает отца, не уважает отшельников, не уважает брахманов, непочтителен к старшим в роду.

20. Среди людей, живущих десять лет, монахи, не будет [почтения] ни к матери, ни к сестре матери, ни к жене брата матери, ни к жене наставника, ни к жене брата отца — в мир придет смешение, как между козами, овцами, петухами, свиньями, собаками, шакалами. Среди людей, живущих десять лет, монахи, между этими существами возникнет друг к другу острый гнев, острая злонамерен-

ность, острая вражда, острая жажда убийства — у матери к сыну, у сына к матери, у отца к сыну, у сына к отцу, у брата к брату, у брата к сестре, у сестры к брату возникнет острый гнев, острая злонамеренность, острая вражда, острая жажда убийства. Подобно тому, монахи, как у охотника, видящего зверя, возникает острый гнев, острая злонамеренность, острая вражда, острая жажда убийства, точно так же, монахи, среди людей, живущих десять лет, между этими существами возникнет друг к другу острый гнев, острая злонамеренность, острая вражда, острая жажда убийства — у матери к сыну, у сына к матери, у отца к сыну, у сына к отцу, у брата к брату, у брата к сестре, у сестры к брату возникнет острый гнев, острая злонамеренность, острая вражда, острая жажда убийства.

21. У людей, живущих десять лет, монахи, будут возникать семидневные промежутки времени, отданные мечу, когда они будут глядеть друг на друга как звери; в их руках появятся острые мечи и [со словами]: „Вот зверь, вот зверь!“ они будут лишать друг друга жизни острыми мечами. И вот, монахи, некоторые из этих существ подумают так: „Пусть ни мы кому-либо, ни нам кто-либо [не причиняет зла]. Давайте же теперь устроимся в зарослях травы, зарослях леса, зарослях деревьев, недоступных речных заводях, горных ущельях и будем поддерживать жизнь, питаясь лесными кореньями и плодами“. И они укроются в зарослях травы, зарослях леса, зарослях деревьев, недоступных речных заводях, горных ущельях и в течение семи дней будут поддерживать жизнь, питаясь лесными кореньями и плодами. По истечении же этих семи дней они выйдут из зарослей травы, зарослей леса, зарослей деревьев, недоступных речных заводей, горных ущелий и, обняв друг друга, будут вместе петь и радоваться: „О счастье, ты жив! О счастье, ты жив!“ И вот, монахи, эти существа подумают так: „Ведь долгое время нас постигает гибель родичей из-за того, что мы предались нехорошим свойствам — давайте же теперь следовать хорошим свойствам. Чему же хорошему мы будем следовать? Давайте же теперь воздержимся убивать живое и будем жить, предаваясь этому хорошему свойству“. И, воздержавшись убивать живое, они будут жить, предаваясь этому хорошему свойству. Из-за того, что они предадутся хорошим свойствам, у них увеличится срок жизни, увеличится красота. С увеличением их срока жизни, увеличением красоты дети людей, живущих десять лет, станут жить двадцать лет.

22. И вот, монахи, эти существа подумают так: „Ведь из-за того, что мы предались хорошим свойствам, у нас увеличился срок жизни, увеличилась красота — давайте же теперь еще больше следовать хорошему. Давайте же теперь воздержимся брать то, что не дано, воздержимся от несправедного поведения в области чувственного, воздержимся от лживой речи, воздержимся от дурной речи, воздержимся от грубой речи, воздержимся от легкомысленной болтовни, оставим алчность, оставим злонамеренность, оставим несправедные воззрения, оставим три обычая: незаконную страсть, порочную алчность и несправедные учения; давайте же теперь будем уважать мать, уважать отца, уважать отшельников, уважать брахманов, почитать старших в роду и будем жить, предаваясь этому хорошему свойству“.

И они станут уважать мать, уважать отца, уважать отшельников, уважать брахманов, почитать старших в роду и будут жить, предаваясь этому хорошему свойству. Из-за того, что они предаются хорошим свойствам, у них увеличится срок жизни, увеличится красота. С увеличением срока жизни, увеличением красоты дети людей, живущих двадцать лет, станут жить сорок лет. Дети людей, живущих сорок лет, станут жить восемьдесят лет. Дети людей, живущих восемьдесят лет, станут жить сто шестьдесят лет. Дети людей, живущих сто шестьдесят лет, станут жить триста двадцать лет. Дети людей, живущих триста двадцать лет, станут жить шестьсот сорок лет. Дети людей, живущих шестьсот сорок лет, станут жить две тысячи лет. Дети людей, живущих две тысячи лет, станут жить четыре тысячи лет. Дети людей, живущих четыре тысячи лет, станут жить восемь тысяч лет. Дети людей, живущих восемь тысяч лет, станут жить двадцать тысяч лет. Дети людей, живущих двадцать тысяч лет, станут жить сорок тысяч лет. Дети людей, живущих сорок тысяч лет, станут жить восемьдесят тысяч лет.

23. И у людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, девушки будут пригодны для брака в пятьсот лет. У людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, будет лишь три недуга — страсть, отсутствие аппетита и старость. У людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, эта Джамбудипа будет процветающей, преуспевающей, ее селения, торговые поселки и царские столицы будут словно петушиные стаи. У людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, эта Джамбудипа будет переполнена людьми, я сказал бы, словно Авичи, подобна [по красоте] зарослям тростника, зарослям камыша. У людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, эта Баранаси будет царской столицей по имени Кетумати — процветающей, преуспевающей, многолюдной, полной жителей, богатой пропитанием. У людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, в этой Джамбудипе будет восемьдесят четыре тысячи городов во главе с царской столицей Кетумати.

24. У людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, в царской столице Кетумати родится царь по имени Санкха — владыка мира, добродетельный царь добродетели, правящий четырьмя сторонами света, победоносный, доставивший стране безопасность, наделенный семью сокровищами. Эти его семь сокровищ будут: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него будет больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он будет занимать эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью.

25. И у людей, живущих восемьдесят тысяч лет, монахи, родится Благостный по имени Меттейя — архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, Будда, Благостный, подобно тому, как и я теперь родился в мире — архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, Будда, Благостный. Он возгласит об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидав их соб-

ственными глазами, подобно тому, как и я теперь возглашаю об этом мироздании с мирами богов, Мары, Брахмы, с миром отшельников и брахманов, с богами и людьми, познав и увидев их собственными глазами. Он будет проповедывать истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, будет наставлять в единственно совершенном, чистом целомудрии, подобно тому, как и я теперь проповедаю истину — превосходную в начале, превосходную в середине, превосходную в конце — в ее духе и букве, наставляю в единственно совершенном, чистом целомудрии. Он будет окружен толпой из многих тысяч монахов, подобно тому как и я теперь окружен толпой из многих сотен монахов.

26. И тогда, монахи, царь по имени Санкха надстроит ту жертвенную колонну, которую воздвиг царь Махапанада, и, пожив там, совершая подаяния, оставит ее, раздаст дары отшельникам, брахманам, бедным, путникам, просителям, обретет волосы и бороду, наденет желтые одеяния и, оставив дом, станет странствовать бездомным рядом с Меттейей — Благостным, архатом, всецело просветленным. И, став странствующим отшельником, он, предавшись одиночеству, пребывая в усердии, рвении и решимости, скоро сам познает, испытает и обретет в зримом мире ту цель, ради которой люди из славных семейств, оставив дом, странствуют бездомными — несравненный венец целомудрия, — и пребудет [в таком состоянии].

27. Пребывайте, монахи, [видя] свет в самих себе и прибежище в самих себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином. Как же, монахи, монах пребывает, [видя] свет в самом себе и прибежище в самом себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином?

Вот, монахи, монах [в том, что касается] тела, взирая на тело, пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] ума, взирая на ум, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность; [в том, что касается] постигаемых предметов, взирая на постигаемые предметы, он пребывает в усердии, вдумчивости, способности самосознания, устранив из ощущений в [этом] мире алчность и неудовлетворенность. Так, монахи, монах пребывает, [видя] свет в самом себе и прибежище в самом себе, не [видя] прибежища в чем-либо ином; [видя] свет в истине и прибежище в истине, не [видя] прибежища в чем-либо ином.

28. Ищите, монахи, средства к жизни в местах, унаследованных от отцов. Кто, монахи, ищет средств к жизни в местах, унаследованных от отцов, у тех увеличится срок жизни, увеличится красота, увеличится счастье, увеличится богатство, увеличится сила.

Что же, монахи, для монахов в этом сроке жизни? Вот, монахи, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из стремления в со-

четании с сосредоточенностью и усилием. Вот, монахи, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из усердия в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Вот, монахи, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из ума в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Вот, монахи, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из исследования в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Воплотив, сделав исполненными эти четыре основы сверхъестественных способностей, они смогут при желании прожить [целый] мировой период или оставшуюся часть мирового периода. Вот что, говорю я, монахи, для монахов в этом сроке жизни.

Что же, монахи, для монахов в этой красоте? Вот, монахи, монах, будучи нравственным, живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в мельчайших проступках, обязуется следовать заповедям и упражняться [в их исполнении]. Вот что, монахи, для монахов в этой красоте.

Что же, монахи, для монахов в этом счастье? Вот, монахи, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Отвратившись от радости и пребывания в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — он достигает третьей ступени и пребывает [в этом состоянии]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Вот что, монахи, для монахов в этом счастье.

Что же, монахи, для монахов в этом богатстве? Вот, монахи, монах пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну

сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Вот что, монахи, для монахов в этом богатстве.

Что же, монахи, для монахов в этой силе? Вот, монахи, монах с уничтожением порочных свойств пребывает, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения. Вот что, монахи, для монахов в этой силе.

Я, монахи, не вижу ни одной другой силы, столь трудно одолимой, монахи, как сила Мары. [Но] и эта заслуга, монахи, возрастает у предающихся хорошим свойствам».

Так сказал Благостный. И удовлетворенные монахи порадовались словам Благостного.

[Окончена] третья «Чаккаватти-сиханада-сутта».

XXVII. «Агганья-сутта» («Сутта об изначальном»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Саваттхи, в восточной [монашеской] роще, в доме матери Мигары. И в это самое время Васеттха и Бхарадваджа жили среди монахов, желая сделаться монахами. И вот Благостный, оставив вечером свое уединение, спустился из дома и стал прогуливаться снаружи, за домом.

2. А Васеттха увидел, что Благостный оставил вечером свое уединение, спустился из дома и прогуливается снаружи за домом. Видя это, он обратился к Бхарадвадже: «Друг Бхарадваджа, этот Благостный оставил вечером свое уединение, спустился из дома и прогуливается снаружи, за домом. Давай же, друг Бхарадваджа, приблизимся к Благостному. Может быть мы удостоимся услышать вблизи Благостного беседу об истине».

«Хорошо, друг», — согласился с Васеттхой Бхарадваджа. И вот Васеттха и Бхарадваджа приблизились к Благостному; приблизившись, они приветствовали Благостного и стали прогуливаться вслед за Благостным.

3. И тогда Благостный обратился к Васеттхе:

«Ведь вы, Васеттха, по рождению брахманы, из семей брахманов, — оставив дом, стали странствовать бездомными. Так разве, Васеттха, брахманы не порицают, не осуждают вас?»

«Конечно, господин, брахманы порицают и осуждают нас на свой лад — полным, а отнюдь не неполным осуждением».

«В каких же словах, Васеттха, брахманы порицают и осуждают вас на свой лад — полным, а отнюдь не неполным осуждением?»

«Брахманы, господин, говорят так: „Брахманы — высшего разряда, прочие — низшего разряда, брахманы — чистого разряда, прочие — темного разряда, брахманы чисты, а не-брахманы — нет, брахманы — настоящие дети Брахмы, родившиеся из [его] уст — рожденные Брахмой, сотворенные Брахмой, наследники Брахмы. Вы же, оставив высший разряд, присоединились к низшему разряду — негодным бритоголовым отшельникам, прислужникам, нечистым, происшедшим от стоп родичей. Это нехорошо, это неподобающе, что, оставив высший разряд, вы присоединились к низшему разряду — негодным бритоголовым отшельникам, прислужникам, нечистым, происшедшим от стоп родичей“. — Так, госпо-

дин, брахманы порицают и осуждают нас на свой лад — полным, а отнюдь не неполным осуждением».

4. «Право же, Васеттха, брахманы забывают прежние времена, когда говорят вам так: „Брахманы — высшего разряда, прочие — низшего разряда, брахманы — чистого разряда, прочие — темного разряда, брахманы чисты, а не-брахманы — нет, брахманы — настоящие дети Брахмы, родившиеся из [его] уст — рожденные Брахмой, сотворенные Брахмой, наследники Брахмы“. Видно ведь, что у брахманов брахманки и имеют месячные, и вынашивают плод, и рожают, и кормят грудью, а эти брахманы, будучи рождены из женского лона, говорят так: „Брахманы — высшего разряда, прочие — низшего разряда, брахманы — чистого разряда, прочие — темного разряда, брахманы чисты, а не-брахманы — нет, брахманы — настоящие дети Брахмы, родившиеся из [его] уст — рожденные Брахмой, сотворенные Брахмой, наследники Брахмы“. Так они клеветуют на Брахму, и говорят ложь, и совершают великий проступок.

5. Есть, Васеттха, четыре разряда: кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры. И некоторым кшатриям, Васеттха, свойственно здесь убивать живое, брать то, что не дано, предаваться несправедному поведению в области чувственного, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, алчности, злонамеренности, несправедным воззрениям. И эти свойства, Васеттха, — нехорошие и считающиеся нехорошими, порицаемые и считающиеся порицаемыми, неуместные и считающиеся неуместными, недостаточно праведные и считающиеся недостаточно праведными, темные, ведущие к темному, порицаемые мудрыми — видны здесь в некоторых кшатриях. И некоторым брахманам, Васеттха, свойственно здесь убивать живое, брать то, что не дано, предаваться несправедному поведению в области чувственного, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, алчности, злонамеренности, несправедным воззрениям. И эти свойства, Васеттха, — нехорошие и считающиеся нехорошими, порицаемые и считающиеся порицаемыми, неуместные и считающиеся неуместными, недостаточно праведные и считающиеся недостаточно праведными, темные, ведущие к темному, порицаемые мудрыми — видны здесь в некоторых брахманах. И некоторым вайшьям, Васеттха, свойственно здесь убивать живое, брать то, что не дано, предаваться несправедному поведению в области чувственного, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, алчности, злонамеренности, несправедным воззрениям. И эти свойства, Васеттха, — нехорошие и считающиеся нехорошими, порицаемые и считающиеся порицаемыми, неуместные и считающиеся неуместными, недостаточно праведные и считающиеся недостаточно праведными, темные, ведущие к темному, порицаемые мудрыми — видны здесь в некоторых вайшьях. И некоторым шудрам, Васеттха, свойственно здесь убивать живое, брать то, что не дано, предаваться несправедному поведению в области чувственного, лживой речи, клеветнической речи, грубой речи, легкомысленной болтовне, алчности, злонамеренности, несправедным воззрениям. И эти свойства, Васеттха, — нехорошие и считающиеся нехорошими, порицаемые и считающиеся порицаемыми, неуместные и считающиеся

неуместными, недостаточно праведные и считающиеся недостаточно праведными, темные, ведущие к темному, порицаемые мудрыми — видны здесь в некоторых шудрах.

6. И некоторым кшатриям, Васеттха, свойственно здесь отказываться от убийства живого, отказываться брать то, что не дано, отказываться от несправедного поведения в области чувственного, отказываться от лживой речи, отказываться от клеветнической речи, отказываться от грубой речи, отказываться от легкомысленной болтовни, быть неалчным, незлонамеренным, иметь праведные воззрения. И эти свойства, Васеттха, — хорошие и считающиеся хорошими, неприкаемые и считающиеся неприкаемыми, уместные и считающиеся уместными, достаточно праведные и считающиеся достаточно праведными, чистые, ведущие к чистому, восхваляемые мудрыми — видны здесь в некоторых кшатриях. И некоторым брахманам, Васеттха, свойственно здесь отказываться от убийства живого, отказываться брать то, что не дано, отказываться от несправедного поведения в области чувственного, отказываться от лживой речи, отказываться от клеветнической речи, отказываться от грубой речи, отказываться от легкомысленной болтовни, быть неалчным, незлонамеренным, иметь праведные воззрения. И эти свойства, Васеттха, — хорошие и считающиеся хорошими, неприкаемые и считающиеся неприкаемыми, уместные и считающиеся уместными, достаточно праведные и считающиеся достаточно праведными, чистые, ведущие к чистому, восхваляемые мудрыми — видны здесь в некоторых брахманах. И некоторым вайшьям, Васеттха, свойственно здесь отказываться от убийства живого, отказываться брать то, что не дано, отказываться от несправедного поведения в области чувственного, отказываться от лживой речи, отказываться от клеветнической речи, отказываться от грубой речи, отказываться от легкомысленной болтовни, быть неалчным, незлонамеренным, иметь праведные воззрения. И эти свойства, Васеттха, — хорошие и считающиеся хорошими, неприкаемые и считающиеся неприкаемыми, уместные и считающиеся уместными, достаточно праведные и считающиеся достаточно праведными, чистые, ведущие к чистому, восхваляемые мудрыми — видны здесь в некоторых вайшьях. И некоторым шудрам, Васеттха, свойственно здесь отказываться от убийства живого, отказываться брать то, что не дано, отказываться от несправедного поведения в области чувственного, отказываться от лживой речи, отказываться от клеветнической речи, отказываться от грубой речи, отказываться от легкомысленной болтовни, быть неалчным, незлонамеренным, иметь праведные воззрения. И эти свойства, Васеттха, — хорошие и считающиеся хорошими, неприкаемые и считающиеся неприкаемыми, уместные и считающиеся уместными, достаточно праведные и считающиеся достаточно праведными, чистые, ведущие к чистому, восхваляемые мудрыми — видны здесь в некоторых шудрах.

7. И вот, Васеттха, поскольку в четырех разрядах находятся и те и другие, различные, и темные, и чистые свойства, и порицаемые мудрыми, и восхваляемые мудрыми, то если брахманы говорят так: „Брахманы — высшего разряда, прочие — низшего разряда, брахманы — чистого разряда, прочие — темного разря-

да, брахманы чисты, а не-брахманы — нет, брахманы — настоящие дети Брахмы, родившиеся из [его] уст — рожденные Брахмой, сотворенные Брахмой, наследники Брахмы“, — то мудрые не соглашаются [с ними]. По какой же причине? Ведь кто в этих четырех разрядах, Васеттха, становится монахом, архатом, уничтожившим порочные свойства, достигшим совершенства, сделавшим то, что надлежит сделать, сложившим [с себя] бремя, достигшим своей цели, разрушившим узы бытия, освободившимся благодаря должному знанию, — тот истинно, а не неистинно провозглашается первым в этих разрядах. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

8. И из этого наставления, Васеттха, следует знать, что истина — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

Ведь вот, Васеттха, царь Пасенади из Косалы знает: „Отшельник Готама — несравненный странник из семейства сакьев. И сакьи, Васеттха, принадлежат царю Пасенади из Косалы. Ведь сакьи, Васеттха, падают ниц перед царем Пасенади из Косалы, приветствуют [его], поднимаются с места, складывают ладони, совершают почтительные церемонии. И вот, Васеттха, что делают сакьи перед царем Пасенади из Косалы — падают ниц, приветствуют, поднимаются с места, складывают ладони, совершают почтительные церемонии — то же самое делает и царь Пасенади из Косалы перед Татхагатой — падает ниц, приветствует, поднимается с места, складывает ладони, совершает почтительные церемонии, [полагая]: ‘Разве отшельник Готама не благородный? Я же — низкородный. Отшельник Готама — сильный, я же — бессильный, отшельник Готама доставляет отраду, я же некрасив, отшельник Готама могучий, я же немощный’“. Так, оказывая внимание этой истине, оказывая заботу истине, уважая истину, чтя истину, преклоняясь перед истиной, царь Пасенади из Косалы падает ниц перед Татхагатой, приветствует [его], поднимается с места, складывает ладони, совершает почтительные церемонии. И из этого наставления, Васеттха, следует знать, что истина — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

9. Ведь вы, Васеттха, — разные по рождению, разные по имени, разные по роду, разные по семьям, — оставив дом, стали странствовать бездомными и, будучи спрошены: „Кто вы?“ — вы отвечаете: „Мы отшельники, [следующие] за сыном сакьев“. И в ком, Васеттха, обитает вера в Татхагату, которая укоренилась, утвердилась, крепка и не может быть отнята ни отшельником, ни брахманом, ни богом, ни Марой, ни Брахмой, ни кем-либо в мире, тому подобают слова: „Я — настоящий сын Благостного, родившийся из [его] уст, рожденный истиной, сотворенный истиной, наследник истины“. По какой же причине? Ведь обозначения Татхагаты, Васеттха, таковы: „Чье тело — истина, чье тело — Брахма, чья сущность — истина, чья сущность — Брахма“.

10. Время от времени, Васеттха, настает пора, когда по истечении длительного периода этот мир свертывается. Когда свертывается мир, то существа по большей части переходят в [мир] сияния. Там они находятся долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе. Время от времени, Васеттха, настает пора, когда по

истечении длительного периода этот мир разворачивается. Когда разворачивается мир, то существа по большей части оставляют существование в сонме сияния и приходят в здешний [мир]. И они находятся [здесь] долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе.

11. В это время, Васеттха, все является водой во тьме, мрачной тьме. Не знают луны и солнца, не знают созвездий и звезд, не знают ночи и дня. не знают половины месяца и месяцев, не знают времен года и лет, не знают женщин и мужчин. Различаются лишь отдельные существа. И вот, Васеттха, время от времени, по истечении длительного периода у этих существ стал возникать в воде сок земли. Подобно тому как на сваренном в молоке и остуженном рисе образуется пленка, так же появился [и сок земли]. Он был наделен цветом, наделен запахом, наделен вкусом, цвет его был подобен хорошему очищенному маслу, хорошему свежему маслу; вкус его — как у безупречного пчелиного мёда.

12. И вот, Васеттха, некто из [этих] существ, наделенный жадностью [подумал]: „Ну, что же это может быть?“ и попробовал пальцем сок земли. Попробованный пальцем сок земли понравился ему, и в него вошла жажда. И другие существа, Васеттха, видя пример этого существа, последовали ему и попробовали пайльцем сок земли. Попробованный пальцем сок земли понравился им, и в них вошла жажда. И вот, Васеттха, эти существа стали поедать [насыщенную] соком землю, делая из нее руками комки. И оттого, Васеттха, что существа стали поедать [насыщенную] соком землю, делая из нее руками комки, у этих существ исчезло их сияние. Оттого что исчезло их сияние, появились луна и солнце. Когда появились луна и солнце, то появились созвездия и звезды. Когда появились созвездия и звезды, то стали известны ночи и дни. Когда стали известны ночи и дни, то стали известны половины месяца и месяцы. Когда стали известны половины месяца и месяцы, то стали известны времена года и годы. Таким образом, Васеттха, этот мир снова становится развернутым.

13. Итак, Васеттха, эти существа, поедая сок земли, питаясь им, живя им, проводили долгое, длительное время. И по мере того, Васеттха, как эти существа, поедая сок земли, питаясь им, живя им, проводили долгое, длительное время, у этих существ вошла в тело грубость и красота поблекла. Некоторые существа были [еще] красивыми, некоторые существа [стали] некрасивыми. И те существа, которые были красивыми, стали презирать некрасивые существа: „Мы красивее их, они некрасивее нас“. И вследствие гордости своей красотой у этих созданий, охваченных гордыней, исчез сок земли. Когда исчез сок земли, они собрались и, собравшись, стали горевать: „Ах, [где] сок, ах, [где] сок!“ Поэтому и теперь, получив что-либо хорошего вкуса, люди говорят: „Ах, сок; ах, сок!“ Так они следуют старому, изначальному слову, но не знают его смысла.

14. И затем, Васеттха, когда у этих существ исчез сок земли, появился земляной нарост. Подобно тому как [появляется] гриб, так появился [и он]. Он был наделен цветом, наделен запахом, наделен вкусом, цвет его был подобен хорошему очищенному маслу, хорошему свежему маслу; вкус его — как у безупреч-

ного пчелиного мёда. И вот, Васеттха, эти существа стали поедать земляной нарост, питаясь им, живя им, они проводили долгое, длительное время. И по мере того, Васеттха, как эти существа, поедая земляной нарост, питаясь им, живя им, проводили долгое, длительное время, у этих существ еще в большей мере вошла в тело грубость и красота поблекла. Некоторые существа были [еще] красивыми, некоторые существа [стали] некрасивыми. И те существа, которые были красивыми, стали презирать некрасивые существа: „Мы красивее их, они некрасивее нас“. И вследствие гордости своей красотой у этих созданий, охваченных гордыней, исчез земляной нарост. Когда исчез земляной нарост, появилось ползучее растение. Подобно тому как [появляется] бамбук, так появилось [и оно]. Оно было наделено цветом, наделено запахом, наделено вкусом, цвет его был подобен хорошему очищенному маслу, хорошему свежему маслу; вкус его — как у безупречного пчелиного мёда.

15. И вот, Васеттха, эти существа стали поедать ползучее растение. Поедая ползучее растение, питаясь им, они проводили долгое, длительное время. И по мере того, Васеттха, как эти существа, поедая ползучее растение, питаясь им, живя им, проводили долгое время, длительное время, у этих существ еще в большей мере вошла в тело грубость и красота поблекла. Некоторые существа были [еще] красивыми, некоторые существа [стали] некрасивыми. И те существа, которые были красивыми, стали презирать некрасивые существа: „Мы красивее их, они некрасивее нас“. И вследствие гордости своей красотой у этих созданий, охваченных гордыней, исчезло ползучее растение. Когда исчезло ползучее растение, они собрались и, собравшись, стали горевать: „Увы нам, увы, пропало у нас ползучее растение!“ Поэтому и теперь, пораженные чем-либо дурным, люди говорят: „Увы нам, увы, пропало у нас [это]!“ Так они следуют старому, изначальному слову, но не знают его смысла.

16. И затем, Васеттха, когда у этих существ исчезло ползучее растение, появился растущий на невозделанной [земле] рис — без красной пыльцы, без шелухи, благоуханный, в очищенных зернах. Когда они вечером брали его для ужина, то наутро он снова вырастал и созревал; когда они утром брали его для завтрака, то к вечеру он снова вырастал и созревал, и не было заметно перерыва. И вот, Васеттха, поедая растущий на невозделанной [земле] рис, питаясь им, живя им, эти существа проводили долгое, длительное время. И по мере того, Васеттха, как эти существа, поедая растущий на невозделанной [земле] рис, питаясь им, живя им, проводили долгое, длительное время, у этих существ еще в большей мере вошла в тело грубость и красота поблекла. У женщины появились женские органы, у мужчины — мужские органы. И женщина стала долгое время рассуждать о мужчине, а мужчина — о женщине. Когда они стали долгое время рассуждать друг о друге, то возникла страсть, в тело [их] вошло вожделение. Вследствие вожделения они предались совокуплению. И вот, Васеттха, когда в то время существа увидели предающихся совокуплению, то некоторые стали бросать [в них] песок, некоторые стали бросать пепел, некоторые стали бросать коровий навоз, [говоря]: „Погибни, нечистый, погибни, нечистый! Как может существо

обращаться так с [другим] существом?“ Поэтому и теперь в некоторых странах, когда уводят невесту, некоторые люди бросают [в других] песок, некоторые бросают пепел, некоторые бросают коровий навоз [с теми же словами]. Так они следуют старому, изначальному слову, но не знают смысла.

17. То, что теперь, Васеттха, считается добродетельным, в то время считалось недобродетельным. В то время, Васеттха, те люди, которые предавались совокуплению, не могли входить в селение или торговый поселок в течение месяца или двух месяцев. И в то время, Васеттха, когда эти существа получали великое поношение за недобродетельное поведение, они стали строить дома, чтобы скрыть это недобродетельное поведение. И вот, Васеттха, одно существо, охваченное ленью, подумало так: „Эй, зачем же я утруждаю себя, принося рис и вечером для ужина, и утром для завтрака? Поэтому я буду приносить рис за раз для ужина и завтрака“. И вот, Васеттха, это существо стало приносить рис за раз для ужина и завтрака. И вот, Васеттха, другое существо приблизилось к тому существу и, приблизившись, так сказало тому существу: „Иди, почтенный — пойдем понесем рис“. [Тот ответил]: „Почтенный, я уже принес достаточно риса за раз для ужина и завтрака“. И тогда, Васеттха, это существо, видя пример того существа, последовало ему и принесло рис за раз на два дня [подумав]: „Право же, так будет лучше“. И вот, Васеттха, еще одно существо приблизилось к этому существу и, приблизившись, так сказало тому существу: „Иди, почтенный — пойдем понесем рис“. [Тот ответил]: „Почтенный, я уже принес достаточно риса — за раз на два дня“. И тогда, Васеттха, это существо, видя пример того существа, последовало ему и принесло рис за раз на четыре дня, [подумав]: „Право же, так будет лучше“. И вот, Васеттха, еще одно существо приблизилось к этому существу и, приблизившись, так сказало тому существу: „Иди, почтенный — пойдем понесем рис“. [Тот ответил]: „Почтенный, я уже принес достаточно риса — за раз на четыре дня“. И тогда, Васеттха, это существо, видя пример того существа, последовало ему и принесло рис за раз на восемь дней [подумав]: „Право же, так будет лучше“. И когда, Васеттха, эти существа стали делать запасы риса, чтобы есть его, то очищенные зерна покрылись пылью, очищенные зерна покрылись шелухой, обрезанные [стебли] перестали снова вырастать и остались обломанными, рисовые [поля] пришли в запустение.

18. И тогда, Васеттха, те существа собрались и, собравшись, стали горевать: „Увы, порочные свойства появились среди существ. Ведь прежде мы пребывали долгое, длительное время, состоя из разума, питаясь радостью, излучая собой сияние, двигаясь в пространстве, пребывая в славе. И вот время от времени по истечении длительного периода у нас стал возникать из воды сок земли. Он был наделен цветом, наделен запахом, наделен вкусом. Мы стали поедать [насыщенную] соком землю, делая из нее руками комки, и оттого, что мы стали поедать [насыщенную] соком землю, делая из нее руками комки, у нас исчезло наше сияние. Оттого, что исчезло наше сияние, появились луна и солнце. Когда появились луна и солнце, то появились созвездия и звезды, когда появились созвездия и звезды, то стали известны ночи и дни. Когда стали известны ночи и дни, то

стали известны половины месяца и месяцы. Когда стали известны половины месяца и месяцы, то стали известны времена года и годы. Так, поедая сок земли, питаясь им, живя им, мы проводили долгое, длительное время и из-за появления порочных, нехороших свойств у нас исчез сок земли. Когда исчез сок земли, появился земляной нарост. Он был наделен цветом, наделен запахом, наделен вкусом. И мы начали поедать земляной нарост. Поедая его, питаясь им, живя им, мы проводили долгое, длительное время. И из-за появления порочных, нехороших свойств у нас исчез земляной нарост. Когда исчез земляной нарост, появилось ползучее растение. Оно было наделено цветом, наделено запахом, наделено вкусом. И мы начали поедать ползучее растение. Поедая его, питаясь им, живя им, мы проводили долгое, длительное время. И вот из-за появления порочных, нехороших свойств у нас исчезло ползучее растение. Когда исчезло ползучее растение, появился растущий на невозделанной [земле] рис — без пыльцы, без шелухи, благоуханный, в очищенных зернах. Когда мы вечером брали его для ужина, то наутро он снова вырастал и созревал; когда мы утром брали его для завтрака, то к вечеру он снова вырастал и созревал, и не было заметно перерыва. И, поедая растущий на невозделанной [земле] рис, питаясь им, живя им, мы проводили долгое длительное время. И вот из-за появления порочных, нехороших свойств очищенные зерна покрылись у нас пыльцой, очищенные зерна покрылись шелухой, обрезанные [стебли] перестали снова вырастать и остались обломанными, рисовые [поля] пришли в запустение. Что же — теперь мы разделим между собой рисовые [поля] и установим границы“.

И тогда, Васеттха, эти существа разделили между собой рисовые [поля] и установили границы.

19. И вот, Васеттха, одно существо, охваченное жадностью, сберегая свою долю, взяло и стало поедать чужую долю, которую [ему] не давали. Его схватили и, схватив, сказали: „Эй, почтенное существо, ты совершаешь проступок, что, сберегая свою долю, взяло и стало поедать чужую долю, которую [тебе] не давали. Почтенное существо, не поступай больше подобным образом!“ — „Хорошо, почтенные“ — так, Васеттха, это существо согласилось с теми существами. И вот, Васеттха, во второй раз это существо, сберегая свою долю, взяло и стало поедать чужую долю, которую [ему] не давали. Его схватили и, схватив, сказали: „Эй, почтенное существо, ты совершаешь проступок, что, сберегая свою долю, взяло и стало поедать чужую долю, которую [тебе] не давали. Почтенное существо, не поступай больше подобным образом!“ — „Хорошо, почтенные“ — так, Васеттха, это существо согласилось с теми существами. И вот, Васеттха, в третий раз это существо, сберегая свою долю, взяло и стало поедать чужую долю, которую [ему] не давали. Его схватили и, схватив, сказали: „Эй, почтенное существо, ты совершаешь проступок, что, сберегая свою долю, взяло и стало поедать чужую долю, которую [тебе] не давали. Почтенное существо, не поступай больше подобным образом!“ И одни ударили [его] рукой, другие ударили камнем, третьи ударили палкой. И так, Васеттха, с тех пор стало известно присвоение [того, что] не дано, стало известно осуждение, стала известна лживая речь, стало известно наказание.

20. И тогда, Васеттха, эти существа собрались и, собравшись, стали горевать: „Увы, порочные свойства появились среди существ — ведь ныне стало известно присвоение [того, что] не дано, стало известно осуждение, стала известна лживая речь, стало известно наказание. Давайте же теперь выберем одно существо. Оно будет у нас гневаться, на кого надлежит гневаться, осуждать, кого надлежит осуждать, изгонять, кого надлежит изгонять. Мы же будем выделять ему долю риса“. И вот, Васеттха, эти существа приблизились к тому существу, которое было среди них и более прекрасным, и более приятным на глаз, и доставляющим большую отраду, и более великой силы, и сказали так: „Иди, существо, — гневайся на того, на кого надлежит гневаться, осуждай, кого надлежит осуждать, изгоняй, кого надлежит изгонять. Мы же будем выделять тебе долю риса“. — „Хорошо, почтенные“ — так, Васеттха, это существо согласилось с теми существами и стало гневаться на того, на кого надлежало гневаться, осуждать, кого надлежало осуждать, изгонять, кого надлежало изгонять. А они доставляли ему долю риса.

21. Избранный множеством людей, Васеттха, [он стал зваться] „Махасаммата“, и „Махасаммата“ было первым возникшим [для него] словом. Господин полей, Васеттха, [он стал зваться]: „кшатрий“, и „кшатрий“ было вторым возникшим [для него] словом. Силой истины, Васеттха, царя над другими, [он стал зваться] „царь“, и „царь“ было третьим, возникшим [для него] словом. Так, Васеттха, [обозначаемое] этим старым, изначальным словом стало существовать [относящееся] к кругу кшатриев. Таковы [кшатрии], а не иные существа, подобные, а не неподобные, истинно, а не неистинно. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

22. И вот, Васеттха, некоторые из этих существ подумали так: „Увы, порочные свойства появились среди существ — ведь ныне стало известно присвоение [того, что] не дано, стало известно осуждение, стала известна лживая речь, стало известно наказание, стало известно изгнание. Давайте же теперь будем избегать порочных, нехороших свойств“. И они стали избегать порочных, нехороших свойств. „Они избегают порочных, нехороших свойств“, Васеттха, и [стали зваться] „брахманы“, и „брахманы“ было первым возникшим [для них] словом. Сделав в лесу хижину из листьев, они предавались созерцанию в хижинах из листьев; без пылающих углей, без дыма; с пестиком из листьев они выходили в деревни, торговые поселки и царскую столицу в поисках пищи — вечером для ужина, утром для завтрака. Получив же пищу, они снова предавались созерцанию в лесу в хижинах из листьев. Видя их, люди говорили так: „Ведь эти почтенные существа, сделав в лесу хижины из листьев, предаются созерцанию в хижинах из листьев; без пылающих углей, без дыма; с пестиком из листьев они выходят в деревни, торговые поселки и царскую столицу в поисках пищи — вечером для ужина, утром для завтрака. Получив же пищу, они снова предаются созерцанию в лесу в хижинах из листьев“. „Они предаются созерцанию“, Васеттха, и [стали зваться] „созерцающие“, и „созерцающие“ было вторым возникшим [для них] словом.

23. И вот, Васеттха, некоторые существа из этих существ, неспособные предаваться созерцанию в лесу в хижинах из листьев, пошли в окрестности деревень, окрестности торговых поселков и, обосновавшись там, стали заниматься книгами. Видя их, люди говорили так: „Ведь эти почтенные существа, неспособные предаваться созерцанию в лесу в хижинах из листьев, пошли в окрестности деревень, окрестности торговых поселков и, обосновавшись там, стали заниматься книгами. Теперь они не созерцают“. „Теперь они не созерцают“, Васеттха, и [стали зваться] „не созерцающие“, и „не созерцающие“ было третьим возникшим [для них] словом. В то время, Васеттха, они считались худшими, теперь же считаются лучшими. Так, Васеттха, [обозначаемое] этим старым, изначальным словом стало существовать [относящееся] к кругу брахманов. Таковы [брахманы], а не иные существа, подобные, а не неподобные, истинно, а не неистинно. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

24. И вот, Васеттха, некоторые существа из этих существ, предававшиеся совоуплению, занялись известными [среди людей] ремеслами. „Предававшиеся совоуплению занялись известными ремеслами“, Васеттха, и [стали зваться] „вайшьи“, и „вайшьи“ было возникшее [для них] слово. Так, Васеттха, [обозначаемое] этим старым, изначальным словом стало существовать [относящееся] к кругу вайшьев. Таковы [вайшьи], а не иные существа, подобные, а не неподобные, истинно, а не неистинно. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

25. И вот, Васеттха, те существа, которые остались из этих существ, стали заниматься охотой. „Занятие охотой — низкое занятие“, Васеттха, и [они стали зваться] „шудры“, и „шудры“ было возникшее [для них] слово. Так, Васеттха, [обозначаемое] этим старым, изначальным словом стало существовать [относящееся] к кругу шудр. Таковы [шудры], а не иные существа, подобные, а не неподобные, истинно, а не неистинно. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

26. И вот, Васеттха, пришло время, когда [некий] кшатрий, осуждая свои обычаи, оставил дом и стал странствовать бездомным, [говоря]: „Я сделаюсь отшельником“. И [некий] брахман, осуждая свои обычаи, оставил дом и стал странствовать бездомным, [говоря]: „Я сделаюсь отшельником“. И [некий] вайшья, осуждая свои обычаи, оставил дом и стал странствовать бездомным, [говоря]: „Я сделаюсь отшельником“. И [некий] шудра, осуждая свои обычаи, оставил дом и стал странствовать бездомным, [говоря]: „Я сделаюсь отшельником“. Так, Васеттха, благодаря этим четырем кругам стал существовать круг отшельников. Таковы [отшельники], а не иные существа, подобные, а не неподобные, истинно, а не неистинно. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

27. И вот, Васеттха, кшатрий, дурно ведущий себя телом, дурно ведущий себя в речи, дурно ведущий себя разумом, придерживающийся ложных воззрений, из-за преданности действиям, [проистекающим из] ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождается в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. И брахман, Васеттха, дурно ведущий себя телом, дурно ведущий себя в речи, дурно ведущий себя разумом, придерживающийся ложных воззрений, из-за

воззрений, с распадом тела после смерти испытывает и счастье, и несчастье. И шудра, Васеттха, ведущий себя двояко, [и хорошо, и плохо] телом, ведущий себя двояко в речи, ведущий себя двояко разумом, придерживающийся смешанных воззрений, из-за преданности действиям, [проистекающим из] смешанных воззрений, с распадом тела после смерти испытывает и счастье, и несчастье. И отшельник, Васеттха, ведущий себя двояко, [и хорошо, и плохо] телом, ведущий себя двояко в речи, ведущий себя двояко разумом, придерживающийся смешанных воззрений, из-за преданности действиям, [проистекающим из] смешанных воззрений, с распадом тела после смерти испытывает и счастье, и несчастье.

30. И вот, Васеттха, кшатрий, сдержанный телом, сдержанный в речи, сдержанный разумом и следующий семи свойствам, связанным с просветлением, уже в [этом] зримом мире достигает высшего совершенства. И брахман, Васеттха, сдержанный телом, сдержанный в речи, сдержанный разумом и следующий семи свойствам, связанным с просветлением, уже в [этом] зримом мире достигает высшего совершенства. И вайшья, Васеттха, сдержанный телом, сдержанный в речи, сдержанный разумом и следующий семи свойствам, связанным с просветлением, уже в [этом] зримом мире достигает высшего совершенства. И шудра, Васеттха, сдержанный телом, сдержанный в речи, сдержанный разумом и следующий семи свойствам, связанным с просветлением, уже в [этом] зримом мире достигает высшего совершенства. И отшельник, Васеттха, сдержанный телом, сдержанный в речи, сдержанный разумом и следующий семи свойствам, связанным с просветлением, уже в [этом] зримом мире достигает высшего совершенства.

31. Ведь кто в этих четырех разрядах, Васеттха, становится монахом, архатом, уничтожившим порочные свойства, достигшим совершенства, сделавшим то, что надлежит сделать, сложившим [с себя] бремя, достигшим своей цели, разрушившим узы бытия, освободившимся благодаря должному знанию — тот истинно, а не неистинно провозглашается первым в этих [разрядах]. Ибо истина, Васеттха, — лучшее у людей в этом зримом мире и в будущем.

32. Брахмой Сананкумарой, Васеттха, произнесена эта строка:

„Превыше кшатрий ищущих опору в родовитости,
Но знающий и праведный — богов превыше и людей“.

И вот эта строфа, Васеттха, хорошо изречена, а не плохо изречена Брахмой Сананкумарой, хорошо произнесена, а не плохо произнесена, связана с пользой, а не связана с бесполезностью и одобрена мной. И я тоже, Васеттха, говорю так:

„Превыше кшатрий ищущих опору в родовитости,
Но знающий и праведный — богов превыше и людей“.

Так сказал Благостный. И удовлетворенные Васеттха и Бхарадваджа порадовались словам Благостного.

Окончена четвертая «Агганья-сутта».

XXVIII. «Сампасадания-сутта» («Сутта об успокоении»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Наланде в манговой роще Паварика. И вот достопочтенный Сарипутта приблизился к Благостному; приблизившись, он приветствовал Благостного и сел в стороне. И, сидя в стороне, достопочтенный Сарипутта так сказал Благостному:

«Господин! Так верю я в Благостного, что [считаю:] не было, и не будет, и нет теперь другого отшельника или брахмана, более великого, более сведущего в том, что касается просветления».

«Великое, славное слово произнес ты, Сарипутта, и поистине охватил [его, словно] рыча львиным рыком: „Господин! Так верю я в Благостного, что [считаю]: не было, и не будет, и нет теперь другого отшельника или брахмана, более великого, более сведущего в том, что касается просветления“. Знаешь ли ты, Сарипутта, полностью объяв разумом, всех тех Благостных, которые были в прошлом времени, — архатов, всецело просветленных, [так, чтобы утверждать]: „Эти Благостные были такого-то нрава, эти Благостные так-то учили, эти Благостные так-то постигали, эти Благостные так-то жили, эти Благостные так-то обрели освобождение“?»

«Конечно нет, господин».

«Тогда знаешь ли ты, Сарипутта, полностью объяв разумом, всех тех Благостных, которые будут в будущем времени, — архатов, всецело просветленных, [так, чтобы утверждать]: „Эти Благостные будут такого-то нрава, эти Благостные будут так-то учить, эти Благостные будут так-то постигать, эти Благостные будут так-то жить, эти Благостные так-то обретут освобождение“?».

«Конечно нет, господин».

«Тогда знаешь ли ты, Сарипутта, полностью объяв разумом, меня, [живущего] теперь, — архата, всецело просветленного, [так, чтобы утверждать]: „Благостный такого-то нрава, Благостный так-то учит, Благостный так-то постигает, Благостный так-то живет, Благостный так-то обретает освобождение“?»

«Конечно нет, господин».

«Итак, Сарипутта, ты не объял разумом и не знаешь здесь архатов, всецело просветленных в прошлом, будущем и настоящем. Зачем же тогда, Сарипутта, ты произнес это великое, славное слово и, поистине, охватил [его, словно] рыча

львиным рыком: „Господин! Так верю я в Благостного, что [считаю]: не было, и не будет, и нет теперь других отшельников или брахманов, более великих и более сведущих в том, что касается просветления“?»).

2. «Господин! Я не обьял разумом и не знаю архатов, всецело просветленных в прошлом, будущем и настоящем. [Мне] известно лишь находящееся в соответствии с истиной. Подобно тому, господин, как в пограничном городе царя, с надежным рвом, надежными стенами и башнями и одними воротами находится его страж — мудрый, рассудительный, разумный, который задерживает незнакомых и пропускает знакомых и, проходя по дороге, окружающей весь этот город, может и не замечать щели в стене или отверстия в стене, через которые способна пролезть лишь кошка, и думает: „Великий — тот, кто велик телом и входит или выходит из этого города, — может войти или выйти лишь через эти ворота“ — так же точно и мне, господин, известно лишь находящееся в соответствии с истиной. Все те Благостные, господин, которые были в прошлом времени, архаты, всецело просветленные, — отказавшись от пяти преград, постигнув причины, оскверняющие и ослабляющие разум, прочно утвердив ум в четырех установлениях способности самосознания, поистине наделенные семью звеньями просветления, достигли, всецело просветленные, несравненного просветления. И все те Благостные, господин, которые будут в будущем времени, — архаты, всецело просветленные, — отказавшись от пяти преград, постигнув причины, оскверняющие и ослабляющие разум, прочно утвердив ум в четырех установлениях способности самосознания, поистине наделенные семью звеньями просветления, достигнут, всецело просветленные, несравненного просветления. И [сам] Благостный, господин, — [живущий] теперь, архат, всецело просветленный, — отказавшись от пяти преград, постигнув причины, оскверняющие и ослабляющие разум, прочно утвердив ум в четырех установлениях способности самосознания, поистине наделенный семью звеньями просветления, достиг, всецело просветленный, несравненного просветления. Некогда, господин, я приблизился к Благостному, чтобы послушать об истине. И вот, господин, Благостный наставил меня в истине — самой превосходной, самой возвышенной, напоминающей о черном и о белом. И по мере того, господин, как Благостный наставил меня в истине — самой превосходной, самой возвышенной, напоминающей о черном и о белом, — я, познав здесь истину, до конца утвердился в единой истине из истин и уверовал в учителя: „Благостный — всецело просветленный, Благостным хорошо провозглашена истина, хорошо следует [за ним] община!“

3. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно хороших свойств. Эти хорошие свойства здесь — четыре основания способности самосознания, четыре должных усилия, четыре основы сверхъестественных способностей, пять [духовных] способностей, пять сил, семь звеньев просветления, праведный восьмичленный путь. Здесь, господин, монах с уничтожением порочных свойств пребывает, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно хороших свойств.

Благодный постигает ее целиком. И нет у Благостного, постигающего ее целиком, чего-либо, что следовало бы постичь сверх этого и постижением чего другой отшельник или брахман стал бы более великим, более сведущим, чем Благостный, в том, что касается этих хороших свойств.

4. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно сфер восприятия. Это, господин, — шесть внутренних и внешних сфер: глаз и образы, ухо и звуки, нос и запахи, язык и вкусы, тело и осязаемые предметы, разум и постигаемые предметы. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно сфер восприятия. Благостный постигает ее целиком. И нет у Благостного, постигающего ее целиком, чего-либо, что следовало бы постичь сверх этого и постижением чего другой отшельник или брахман стал бы более великим, более сведущим, чем Благостный, в том, что касается этих сфер восприятия.

5. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно нисхождений в чрево [матери]. Это, господин, четыре нисхождения в чрево. Вот, господин, некто, не осознавая, спускается в чрево матери, не осознавая, пребывает в чреве матери, не осознавая, выходит из чрева матери. Это — первое нисхождение в чрево. И затем, господин, вот некто, осознавая, спускается в чрево матери, не осознавая, пребывает в чреве матери, не осознавая, выходит из чрева матери. Это — второе нисхождение в чрево. И затем, господин, вот некто, осознавая, спускается в чрево матери, осознавая, пребывает в чреве матери, не осознавая, выходит из чрева матери. Это — третье нисхождение в чрево. И затем, господин, вот некто, осознавая, спускается в чрево матери, осознавая, пребывает в чреве матери, осознавая, выходит из чрева матери. Это — четвертое нисхождение в чрево. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно нисхождений в чрево [матери].

6. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно обнаружения состояний. Это, господин, четыре обнаружения состояний. Вот, господин, некто обнаруживает по внешнему признаку: „Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление“. И даже когда он обнаруживает многое, то это происходит так, а не иначе, и это — первое обнаружение состояний. И затем, господин, некто обнаруживает не по внешнему признаку, а обнаруживает, слыша голос человека, или человеческих существ, или божеств: „Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление“. И даже когда он обнаруживает многое, то это происходит так, а не иначе, и это — второе обнаружение состояний. И затем, господин, некто обнаруживает не по внешнему признаку, обнаруживает, не слыша голоса человека, или нечеловеческих существ, или божеств, а обнаруживает, слыша сосредоточенный голос, исходящий от сосредоточившего внимание и размышляющего: „Вот что в твоём сердце, таково твоё сердце, это твоё мышление“. И даже когда он обнаруживает многое, то это происходит так, а не иначе, и это — третье обнаружение состояний. И затем, господин, некто обнаруживает не по внешнему признаку, обнаруживает, не слыша голоса человека, или нечеловеческих существ, или божеств, обнаруживает, не слы-

ша сосредоточенный голос, исходящий от сосредоточившего внимание и размышляющего, а постигает, охватывая сердца [других] сердцем, которое, не сосредоточиваясь и не размышляя, достигло сосредоточенности: „К чему устремлены [свойства], составляющие разум этого почтенного, над тем именно вскоре и сосредоточится его ум“. И даже когда он обнаруживает многое, то это происходит так, а не иначе, и это — четвертое обнаружение состояний. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно обнаружения состояний.

7. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно достижений видения. Это, господин, четыре достижения видения. Вот, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что сосредоточенным разумом глядит на это тело — снизу от ступней и доверху, до волос на макушке — как на обернутое в кожу, полное разнообразных нечистот, [осознавая]: „Есть у этого тела волосы, волоски, ногти, зубы, кожа, мясо, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, потроха, кишки, желудок, кал, желчь, флегма, гной, кровь, пот, жир, слезы, сыворотка, слюна, сопли, синовиальная жидкость, моча“. Это — первое достижение видения. И затем, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что сосредоточенным разумом глядит на это тело — снизу от ступней и доверху, до волос на макушке — как на обернутое в кожу, полное разнообразных нечистот, [осознавая]: „Есть у этого тела волосы, волоски, ногти, зубы, кожа, мясо, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, потроха, кишки, желудок, кал, желчь, флегма, гной, кровь, пот, жир, слезы, сыворотка, слюна, сопли, синовиальная жидкость, моча“. И идя дальше, он видит под кожей, мясом, кровью человека скелет. Это — второе достижение видения. И затем, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что сосредоточенным разумом глядит на это тело — снизу от ступней и доверху, до волос на макушке — как на обернутое в кожу, полное разнообразных нечистот, [осознавая]: „Есть у этого тела волосы, волоски, ногти, зубы, кожа, мясо, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, потроха, кишки, желудок, кал, желчь, флегма, гной, кровь, пот, жир, слезы, сыворотка, слюна, сопли, синовиальная жидкость, моча“. И идя дальше, он видит под кожей, мясом, кровью человека скелет и постигает поток сознания человека, непрерывный с обеих сторон — утвержденный в этом мире и утвержденный в том мире. Это — третье достижение видения. И затем, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что сосредоточенным разумом глядит на это тело — снизу от ступней и доверху, до волос на макуш-

ке — как на обернутое в кожу, полное разнообразных нечистот, [осознавая]: „Есть у этого тела волосы, волоски, ногти, зубы, кожа, мясо, жилы, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, плевра, селезенка, легкие, потроха, кишки, желудок, кал, желчь, флегма, гной, кровь, пот, жир, слезы, сыворотка, слюна, сопли, синовиальная жидкость, моча“. И идя дальше, он видит под кожей, мясом, кровью человека скелет и постигает поток сознания человека, непрерывный с обеих сторон — не утвержденный в этом мире и не утвержденный в том мире. Это — четвертое достижение видения. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно достижений видения.

8. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно постижения личностей. Это, господин, семь личностей: освободившиеся обоими путями, освободившиеся постижением, имеющие свидетельство тела, получившие [правильные] воззрения, освобожденные верой, следующие праведности, следующие вере. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно постижения личностей.

9. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно усилий. Это, господин, семь звеньев просветления: звено просветления, состоящее в способности самосознания, звено просветления, состоящее в исследовании истины. Звено просветления, состоящее в усердии, звено просветления, состоящее в радости, звено просветления, состоящее в умиротворенности, звено просветления, состоящее в сосредоточенности, звено просветления, состоящее в уравновешенности. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно усилий.

10. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно путей [совершенствования]. Это, господин, четыре пути: тяжелый, медленно постигаемый путь; тяжелый, быстро постигаемый путь; легкий, медленно постигаемый путь; легкий, быстро постигаемый путь. Когда, господин, путь тяжелый и медленно постигаемый, то этот путь, господин, зовется вдвойне низким из-за тяжести и медленности. Когда, господин, путь тяжелый и быстро постигаемый, то этот путь, господин, зовется низким из-за тяжести. Когда, господин, путь легкий и медленно постигаемый, то этот путь, господин, зовется низким из-за медленности. Когда, господин, путь легкий и быстро постигаемый, то этот путь, господин, зовется вдвойне возвышенным из-за легкости и быстроты. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно путей [совершенствования].

11. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно поведения в словах. Ведь когда кто-либо, господин, стремится к успеху, он должен произносить речь, не связанную ни с ложью, ни с причинением зла, ни с клеветой, ни с раздором, — произносить речь, всецело связанную со священными текстами, достопамятную, своевременную. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно поведения в словах.

12. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно нравственного поведения людей. Ведь человек, господин, дол-

жен быть правдивым, верующим, не обманщиком, не болтуном, не прорицателем, не фокусником, не желающим страстно все новой и новой прибыли, охраняющим врата жизненных способностей, знающим меру в пище, мягким в действиях, склонным к бодрствованию, не ленивым, полным сил, знающим, вдумчивым, приятным в речах, должного поведения, стойким, понимающим, не жадным до чувственных удовольствий, наделенным способностью самосознания, рассудительным. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно нравственного поведения людей.

13. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно видов наставлений. Это, господин, четыре вида наставлений. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, осуществив то, в чем была наставлена, избавившись от трех уз, станет вступившей в поток, не подверженной страданию, уверенной, движущейся к просветлению“. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, осуществив то, в чем была наставлена, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, станет единожды возвращающейся, которая, вернувшись еще раз в этот мир, положит конец страданию“. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, осуществив то, в чем была наставлена, избавившись от пяти уз низшего порядка, станет самопроизвольно родившейся [в высшем мире], достигшей там освобождения, не подверженной возвращению из того мира“. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, осуществив то, в чем была наставлена, с уничтожением порочных свойств, сама познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения, пребудет [в таком состоянии]“. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно видов наставлений.

14. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно знания о [степени] освобождения других личностей. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, избавившись от трех уз, станет вступившей в поток, не подверженной страданию, уверенной, движущейся к просветлению“. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, станет единожды возвращающейся, которая, вернувшись еще раз в этот мир, положит конец страданию“. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность, избавившись от пяти уз низшего порядка, станет самопроизвольно родившейся [в высшем мире], достигшей там освобождения, не подверженной возвращению из того мира“. Вот, господин, Благостный, тщательно устремив ум, знает в своем сердце о другой личности: „Эта личность с уничтожением порочных свойств, сама познав, испытав и обретя в зримом мире лишённые порочных свойств освобож-

дение сердца и освобождение постижения, пребудет [в таком состоянии]“. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно знания о [степени] освобождения других личностей.

15. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно учения о вечности. Это, господин, три учения о вечности. Вот, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих сотнях рождений, во многих тысячах рождений, во многих сотнях тысяч рождений: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. И он говорит: „Я знаю прошедшие времена, свертывался ли мир или развертывался, но я не знаю будущих времен, будет ли мир свертываться или развертываться. Вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно“. Это — первое учение о вечности. И затем, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном [периоде] свертывания и развертывания [мира], в двух [периодах] свертывания и развертывания [мира], в трех [периодах] свертывания и развертывания [мира], в четырех [периодах] свертывания и развертывания [мира], в пяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в десяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в двадцати [периодах] свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где

пребывал в прежних [существованиях]. И он говорит: „Я знаю прошедшие времена, свертывался ли мир или развертывался, и я знаю будущие времена, будет ли мир свертываться или развертываться. Вечны и свое ‘я’, и мир — бессмертный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно“. Это — второе учение о вечности. И затем, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилению, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в десяти [периодах] свертывания и развертывания [мира], в двадцати [периодах] свертывания и развертывания [мира], в тридцати [периодах] свертывания и развертывания [мира], в сорока [периодах] свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. И он говорит: „Я знаю прошедшие времена, свертывался ли мир или развертывался, и я знаю будущие времена, будет ли мир свертываться или развертываться. Вечны и свое ‘я’, и мир — бесплодный, стоящий, как вершина, установленный прочно, как столп, — и, когда эти существа странствуют, переходят из одного существования в другое, оставляют существование, вновь рождаются, это также вечно“. Это — третье учение о вечности. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно учений о вечности.

16. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно знания о воспоминании прежних мест пребывания. Вот, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилению, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что вспоминает сосредоточенным разумом различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих периодах свертывания [мира], во многих периодах развертывания [мира], во многих периодах свертывания и развертывания мира. „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом месте. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то

сословию, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“ — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях]. Есть, господин, существа, [продолжительность] жизни которых невозможно исчислить счетом или исчислением, и все же, в каком бы виде сам он, [будучи одним из них], прежде ни существовал — среди наделенных образом или лишенных образа, наделенных сознанием или лишенных сознания либо ни наделенных сознанием, ни лишенных сознания — он во всех обстоятельствах и подробностях вспоминает места, где пребывал в прежних [существованиях]. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно знания о воспоминании прежних мест пребывания.

17. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно знания о том, как существа оставляют существование и вновь рождаются. Вот, господин, некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилию, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что сосредоточенным разумом и божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: „Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, предаются действиям, [проистекающим из] ложных воззрений, — с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Те же существа, почтенные, что наделены хорошим поведением тела, наделены хорошим поведением в речи, наделены хорошим поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, предаются действиям, [проистекающим из] истинных воззрений, — с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире“. — Так божественным очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно знания о том, как существа оставляют существование и вновь рождаются.

18. И далее, господин, непревзойденно то, как Благостный наставляет в истине относительно видов сверхъестественных способностей. Это, господин, две сверхъестественные способности. Есть, господин, сверхъестественная способность, которая сопряжена с порочными свойствами, с [мирскими] привязанностями и зовется „неправедной“. Есть, господин, сверхъестественная способность, которая лишена порочных свойств, лишена привязанностей и зовется „праведной“. Какова же, господин, сверхъестественная способность, которая сопряжена с порочными свойствами, с привязанностями и зовется „неправедной?“ Вот, господин,

некий отшельник или брахман благодаря усердию, благодаря усилению, благодаря прилежанию, благодаря серьезности, благодаря правильному умонастроению обретает такую сосредоточенность разума, что сосредоточенным разумом осуществляет различные виды сверхъестественных способностей. Будучи одним, он становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно [через воздух]; опускается в землю и поднимается [из нее], словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом он достигает даже мира Брахмы. Эта, господин, сверхъестественная способность сопряжена с порочными свойствами, с привязанностями и зовется „неправедной“. Какова же, господин, сверхъестественная способность, которая лишена порочных свойств, лишена привязанностей и зовется „праведной?“ Вот, господин, монах, если желает: „Да пребуду я среди неприятного, не осознавая неприятного“, — то пребывает там, не осознавая неприятного. Если он желает: „Да пребуду я среди приятного, осознавая неприятное“, — то пребывает там, осознавая неприятное. Если он желает: „Да пребуду я среди и неприятного, и приятного, не осознавая неприятного“, — то пребывает там, не осознавая неприятного. Если он желает: „Да пребуду я среди и приятного, и неприятного, осознавая неприятное“, — то пребывает там, осознавая неприятное. Если он желает: „Да пребуду я, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, уравновешенный, избегая и то и другое — и неприятное, и приятное“, — то пребывает там, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, уравновешенный. Эта, господин, сверхъестественная способность лишена порочных свойств, лишена привязанностей и зовется „праведной“.

19. Непревзойденна, господин, эта [истина] относительно видов сверхъестественных способностей. Благодный постигает ее целиком. И нет у Благодного, постигающего ее целиком, чего-либо, что следовало бы постичь сверх этого и постижением чего другой отшельник или брахман стал бы более великим и знающим, чем Благодный, в том, что касается этих видов сверхъестественных способностей.

20. Чего, господин, может достичь наделенный верой [человек] из славного семейства, прилагающий усилия, стойкий, с помощью мужской стойкости, мужского усилия, мужского усердия, мужской выносливости, — то достигнуто и Благодным. И Благодный, господин, не следует обычаю мирских наслаждений, связанному с чувственными влечениями — низменному, свойственному невежественным простым людям, неправедному, бесполезному, — и не следует обычаю самоизнурения — мучительному, неправедному, бесполезному. Благодный обретает без труда, обретает без забот, обретает по желанию благодные состояния в [этом] зримом мире, поднявшиеся над [чувственными] помышлениями и связанные с четырьмя ступенями созерцания. И если бы, господин, меня спросили так: „Были ли, друг Сарипутта, в прошедшие времена другие отшельники или

брахманы, более великие, более сведущие, чем Благостный, [в том, что касается] просветления?“ — то спрошенный так, господин, я бы ответил: „Нет!“ — „Будут ли, друг Сарипутта, в будущие времена другие отшельники или брахманы, более великие, более сведущие, чем Благостный, [в том, что касается] просветления?“ — спрошенный так, господин, я ответил бы: „Нет!“ — „Есть ли, друг Сарипутта, теперь другие отшельники или брахманы, более великие, более сведущие, чем Благостный, [в том, что касается] просветления?“ — спрошенный так, господин, я бы ответил: „Нет!“ И если бы, господин, меня спросили так: „Были ли, друг Сарипутта, в прошедшие времена другие отшельники или брахманы, равные Благостному в просветлении?“ — то спрошенный так, господин, я бы ответил: „Да!“ — „Будут ли, друг Сарипутта, в будущие времена другие отшельники или брахманы, равные Благостному в просветлении?“ — спрошенный так, господин, я бы ответил: „Да!“ — „Есть ли, друг Сарипутта, теперь другие отшельники или брахманы, равные Благостному в просветлении?“ — то спрошенный так, господин, я бы ответил: „Нет!“ И если бы, господин, меня спросили так: „Почему же достопочтенный Сарипутта признает [превосходство] одного и не признает другого?“ — то спрошенный так, господин, я бы разъяснил: „Друг, я слышал это из уст, воспринял из уст Благостного: ‘Были в прошедшие времена архаты, всецело просветленные, равные мне в просветлении’. Друг, я слышал это из уст, воспринял из уст Благостного: ‘Будут в будущие времена архаты, всецело просветленные, равные мне в просветлении’. Друг, я слышал это из уст, воспринял из уст Благостного: ‘Невозможно это и невероятно, чтобы в одном мироздании появились два архата, всецело просветленных — ни раньше, ни позже [один другого]. Такого быть не может’“. Правда ведь, господин, что, будучи спрошен так и разъясняя так, я говорю [действительно] сказанное Благостным и не клеветую лживым образом на Благостного? Разъясняя ли я истину во всей ее последовательности, и не приходят ли [таким образом] какие-либо согласные с истиной мысли учения к порицаемому положению?»

«Конечно, Сарипутта, будучи спрошен так и разъясняя так, ты говоришь [действительно] сказанное мною, и не клеветашь лживым образом на меня, и разъясняешь истину во всей ее последовательности, и никакие согласные с истиной мысли учения не приходят [таким образом] к порицаемому положению».

21. Когда так было сказано, достопочтенный Удаи сказал так: «Чудесно, господин, необычайно, господин, [сколь] малым довольствуется Татхагата, [сколь он] удовлетворен и воздержан — ведь будучи столь великим, столь чудесным, Татхагата все же не обнаруживает своих [достоинств]. Да если бы, господин, странствующие аскеты из других школ усмотрели в себе какое-либо из этих свойств, до чего они носились бы с ним! Чудесно, господин, необычайно, господин, [сколь] малым довольствуется Татхагата, [сколь он] удовлетворен и выдержан — ведь будучи столь великим, столь чудесным, Татхагата все же не обнаруживает своих [достоинств]».

«Смотри же, Удаи, [сколь] малым довольствуется Татхагата, [сколь он] удовлетворен и воздержан — ведь будучи столь великим, столь чудесным,

Татхагата все же не обнаруживает своих [достоинств]. Да если бы, Удаи, странствующие аскеты из других школ усмотрели в себе какие-либо из этих свойств, до чего они носились бы с ним! Смотри же, Удаи, [сколь] малым довольствуется Татхагата, [сколь он] удовлетворен и воздержан — ведь будучи столь великим, столь чудесным, Татхагата все же не обнаруживает своих [достоинств]»).

22. И затем Благостный обратился к достопочтенному Сарипутте: «Итак, Сарипутта, ты постоянно будешь излагать это наставление в истине монахам, монахиням, преданным мирянам и преданным мирянкам. И те суетные люди, Сарипутта, у которых будет сомнение или неуверенность в Татхагате, услышав это наставление в истине, избавятся от сомнения или неуверенности в Татхагате».

И так, достопочтенный Сарипутта возгласил перед лицом Благостного о [своей] вере. Потому-то название этого объяснения — «несущее веру».

[Окончена] пятая «Сампасадания-сутта».

XXIX. «Пасадика-сутта» («Сутта, доставляющая отраду»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал среди сакьев — на террасе их [обитатели] в манговой роще сакьев, зовущихся ведханья. И как раз в это самое время Нигантха Натхапутта окончил свои дни в Паве. И когда он окончил свои дни, нигантхи разделились — возник раскол на две части, возникли споры, возникли ссоры, они вступили в распри и стали уязвлять друг друга словесными ударами: «Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!» — «Как ты узнаешь истину и должное поведение?» — «Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!» — «Я последователен — ты непоследователен!» — «Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!» — «[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!» — «Твоя речь опровергнута! Ты побежден!» — «Оставь эту речь или разъясни, если можешь!» Поистине среди нигантхов, последователей Натхапутты, словно воцарилась [жажда] убийства. И даже те ученики Нигантхи Натхапутты — миряне в белых одеждах — даже они стали выказывать отвращение, выказывать недовольство, выказывать противодействие нигантам, последователям Натхапутты, [считая, что] плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным, лишены основания, лишены защиты.

2. И вот новообращенный отшельник Чунда, проводя дождливое время года в Паве, приблизился к Самагаме к достопочтенному Ананде; приблизившись, он приветствовал достопочтенного Ананду и сел в стороне. И, сидя в стороне, новообращенный отшельник Чунда так сказал достопочтенному Ананде:

«Господин, в Паве только что окончил свои дни Нигантха Натхапутта. И когда он окончил свои дни, нигантхи разделились — возник раскол на две части, возникли споры, возникли ссоры, они вступили в распри и стали уязвлять друг друга словесными ударами: „Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!“ — „Как ты узнаешь истину и должное поведение?“ — „Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!“ — „Я последователен — ты непоследователен!“ — „Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!“ —

„[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!“ — „Твоя речь опровергнута! Ты побежден!“ — „Оставь эту речь или разъясни, если можешь!“ Поистине среди нигантхов, последователей Натхапутты, словно воцарилась [жажда] убийства. И даже те ученики Нигантхи Натхапутты — миряне в белых одеждах — даже они стали выказывать отвращение, выказывать недовольство, выказывать противодействие нигантам, последователям Натхапутты, [считая, что] плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным, лишены основания, лишены защиты».

Когда так было сказано, достопочтенный Ананда так сказал новообращенному отшельнику Чунде: «Это, друг Чунда, — предмет разговора, который следует представить Благостному. Пойдем же, друг Чунда, приблизимся к Благостному и, приблизившись, обратимся к Благостному с этим делом».

«Хорошо, господин», — согласился с достопочтенным Анандой новообращенный отшельник Чунда.

3. И вот достопочтенный Ананда и новообращенный отшельник Чунда приблизились к Благостному; приблизившись, они приветствовали Благостного и сели в стороне. И, сидя в стороне, достопочтенный Ананда так сказал Благостному:

«Вот, господин, что говорит новообращенный отшельник Чунда: „В Паве только что окончил свои дни Нигантха Натхапутта. И когда он окончил свои дни, нигантхи разделились — возник раскол на две части, возникли споры, возникли ссоры, они вступили в распри и стали уязвлять друг друга словесными ударами: ‘Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!’ — ‘Как ты узнаешь истину и должное поведение?’ — ‘Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!’ — ‘Я последователен — ты непоследователен!’ — ‘Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!’ — ‘[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!’ — ‘Твоя речь опровергнута! Ты побежден!’ — ‘Оставь эту речь или разъясни, если можешь!’ Поистине среди нигантхов, последователей Натхапутты, словно воцарилась [жажда] убийства. И даже те ученики Нигантхи Натхапутты — миряне в белых одеждах — даже они стали выказывать отвращение, выказывать недовольство, выказывать противодействие нигантам, последователям Натхапутты, [считая, что] плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным, лишены основания, лишены защиты“».

«И правда, Чунда, плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным».

4. Вот, Чунда, учитель не является всецело просветленным, и истина плохо преподана, плохо передана, не ведет к благу, не доставляет успокоения, передана не всецело просветленным, и когда истина такова, ученик не следует истине во всей ее последовательности, не следует праведности, не поступает в согласии с истиной и отвращается от этой истины. Ему следует сказать так: „Таково, поч-

тенный, твое приобретение, такова твоя прибыль — учитель у тебя не является всецело просветленным, и истина плохо преподаана, плохо передана, не ведет к благу, не доставляет успокоения, передана не всецело просветленным, и вот, когда истина такова, ты не следуешь истине во всей ее последовательности, не следуешь праведности, не поступаешь в согласии с истиной и отверщаешься от этой истины“. Так, Чунда, и учитель здесь осуждается, и истина здесь осуждается, ученик же здесь восхваляется. И когда, Чунда, кто-либо скажет так подобному ученику: „Иди, достопочтенный, следуй той истине, которой наставляет и учит тебя учитель“, — то и тот, кто побуждает, и тот, кого побуждают, и кто, будучи побуждаем, следует такому образу действий, — все они совершают великое нечестие. По какой же причине? Ведь это, Чунда, происходит, когда истина и должное поведение плохо преподаны, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным.

5. Но вот, Чунда, учитель не является всецело просветленным, и истина плохо преподаана, плохо передана, не ведет к благу, не доставляет успокоения, передана не всецело просветленным и, когда истина такова, ученик следует истине во всей ее последовательности, следует праведности, поступает в согласии с истиной, предается этой истине. Ему следует сказать так: „Таково, почтенный, твое лишение, таков твой убыток — учитель у тебя не является всецело просветленным, и истина плохо преподаана, плохо передана, не ведет к благу, не доставляет успокоения, передана не всецело просветленным, и вот, когда истина такова, ты следуешь истине во всей ее последовательности, следуешь праведности, поступаешь в согласии с истиной, предаешься этой истине“. Так, Чунда, и учитель здесь осуждается, и истина здесь осуждается, и ученик здесь осуждается. И когда, Чунда, кто-либо скажет так подобному ученику: „Поистине, следуя [этому] знанию, достопочтенный преуспевает в знании“, то и тот, кто восхваляет, и тот, кого восхваляют, и кто, будучи восхваляем, действует с еще бóльшим усердием, — все они совершают великое нечестие. По какой же причине? Ведь это, Чунда, происходит, когда истина и должное поведение плохо преподаны, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным.

6. Но вот, Чунда, и учитель является всецело просветленным, и истина хорошо преподаана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным и, когда истина такова, ученик не следует истине во всей ее последовательности, не следует праведности, не поступает в согласии с истиной и отверщается от этой истины. Ему следует сказать так: „Таково, почтенный, твое лишение, таков твой убыток — учитель у тебя является всецело просветленным, и истина хорошо преподаана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, и вот, когда истина такова, ты не следуешь истине во всей ее последовательности, не следуешь нравственности, не поступаешь в согласии с истиной и отверщаешься от этой истины“. Так, Чунда, и учитель здесь восхваляется, и истина здесь восхваляется, ученик же здесь осуждается. И когда, Чунда, кто-либо скажет подобному ученику: „Иди, достопочтенный, следуй той истине, которой наставляет и учит тебя учитель“, — то и тот,

кто побуждает, и тот, кого побуждают, и кто, будучи побуждаем, следует такому образу действий, — все они совершают великую заслугу. По какой же причине? Ведь это, Чунда, происходит, когда истина и должное поведение хорошо преподаны, хорошо переданы, ведут к благу, доставляют успокоение, переданы всецело просветленным.

7. Но вот, Чунда, и учитель является всецело просветленным, и истина хорошо преподана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, и когда истина такова, ученик следует истине во всей ее последовательности, следует праведности, поступает в согласии с истиной, предается этой истине. Ему следует сказать так: „Таково, почтенный, твое приобретение, такова твоя прибыль — учитель у тебя является всецело просветленным, и истина хорошо преподана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, и вот, когда истина такова, ты следуешь истине во всей ее последовательности, следуешь праведности, поступаешь в согласии с истиной, предаешься этой истине“. Так, Чунда, и учитель здесь восхваляется, и истина здесь восхваляется, и ученик здесь восхваляется. И когда, Чунда, кто-либо скажет подобному ученику: „Поистине, следуя [этому] знанию, достопочтенный преусневает в знании“, — то и тот, кто восхваляет, и тот, кого восхваляют, и кто, будучи восхваляем, действует с еще большим усердием — все они совершают великую заслугу. По какой же причине? Ведь это, Чунда, происходит, когда истина и должное поведение хорошо преподаны, хорошо переданы, ведут к благу, доставляют успокоение, переданы всецело просветленным.

8. Но вот, Чунда, в мире появился учитель — архат, всецело просветленный, и истина хорошо преподана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, ученики же его не постигли сути благой истины, и единственно совершенное целомудрие не стало открытым им, очевидным, изложенным во всей совокупности, хорошо обоснованным, хорошо преподаанным среди людей, и вот их учитель исчез. И когда, Чунда, подобный учитель оканчивает свои дни, он вызывает скорбь учеников. По какой же причине? [Они говорят]: „В мире у нас появился учитель — архат, всецело просветленный, и истина хорошо преподана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, мы же не постигли сути благой истины, и единственно совершенное целомудрие не стало открытым нам, очевидным, изложенным во всей совокупности, хорошо обоснованным, хорошо преподаанным среди людей, и вот учитель исчез“. И когда, Чунда, подобный учитель оканчивает свои дни, он вызывает скорбь учеников.

9. Но вот, Чунда, в мире появился учитель — архат, всецело просветленный, и истина хорошо преподана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, и ученики его постигли суть благой истины, и единственно совершенное целомудрие стало открытым им, очевидным, изложенным во всей совокупности, хорошо обоснованным, хорошо преподаанным среди людей, и вот их учитель исчез. И когда, Чунда, подобный учитель оканчивает свои дни, он не вызывает скорби учеников. По какой же причине?

[Они говорят]: „В мире у нас появился учитель — архат, всецело просветленный, и истина хорошо преподаана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, и мы постигли суть благой истины, и единственно совершенное целомудрие стало открытым нам, очевидным, изложенным во всей совокупности, хорошо обоснованным, хорошо преподаанным среди людей, и вот наш учитель исчез“. И когда, Чунда, подобный учитель оканчивает свои дни, он не вызывает скорби учеников.

10. И когда целомудрие, Чунда, наделено такими свойствами, но нет учителя — старшего, давно признанного, долгое время странствующего, достигшего преклонных лет, чей срок исполнился, — то в таком случае это целомудрие неполно. Когда же, Чунда, целомудрие наделено такими свойствами, и есть учитель — старший, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился, — то в таком случае это целомудрие полное.

11. И когда целомудрие, Чунда, наделено такими свойствами, и есть учитель — старший, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился, — но нет у него старших монахов-учеников — рассудительных, обученных, уверенных, достигших освобождения от уз, способных возвещать благоую истину, способных должным образом отвергнуть в соответствии с истиной возникающие ложные учения и, отвергнув [их], наставлять в хорошо обоснованной истине, — то в таком случае это целомудрие неполно.

12. И так же, Чунда, когда целомудрие наделено такими свойствами, и есть учитель — старший, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился, — и есть у него старшие монахи-ученики — рассудительные, обученные, уверенные, достигшие освобождения от уз, способные возвещать благоую истину, способные должным образом отвергнуть в соответствии с истиной возникающие ложные учения и, отвергнув [их], наставлять в хорошо обоснованной истине, но нет у него [подобных же] средних монахов-учеников; или же есть у него и [подобные] средние монахи-ученики, но нет у него [подобных же] младших монахов-учеников; или же есть у него [подобные] младшие монахи-ученики, но нет у него [подобных же] старших монахинь-учениц; или же есть у него и [подобные] старшие монахини-ученицы, но нет у него [подобных же] средних монахинь-учениц; или же есть у него и [подобные] средние монахини-ученицы, но нет у него [подобных же] младших монахинь-учениц; или же есть у него и [подобные] младшие монахини-ученицы, но нет у него [подобных же] преданных мирян-учеников, живущих в доме, носящих белые одежды, целомудренных; или же есть у него и [подобные] преданные миряне-ученики, живущие в доме и носящие белые одежды, целомудренные, но нет у него [подобных же] преданных мирян-учеников, живущих в доме, носящих белые одежды, удовлетворяющих чувственные желания; или же есть у него и [подобные] преданные миряне-ученики, живущие в доме, носящие белые одежды, удовлетворяющие чувственные желания, но нет у него [подобных же] преданных

мирянок-учениц, живущих в доме, носящих белые одежды, целомудренных; или же есть у него и [подобные] преданные мирянки-ученицы, живущие в доме, носящие белые одежды, целомудренные, но нет у него [подобных же] преданных мирянок-учениц, живущих в доме, носящих белые одежды, удовлетворяющих чувственные желания; или же есть у него и [подобные] преданные мирянки-ученицы, живущие в доме, носящие белые одежды, удовлетворяющие чувственные желания, но целомудрие его не является процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся, хорошо преподаанным среди людей; или же и целомудрие его является процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся, хорошо преподаанным среди людей, но [оно] не достигло верха благополучия и верха славы, — то в таком случае это целомудрие неполно.

13. Когда же, Чунда, целомудрие наделено такими свойствами, и есть учитель — старший, давно признанный, долгое время странствующий, достигший преклонных лет, чей срок исполнился, — и есть у него старшие монахи-ученики — рассудительные, обученные, уверенные, достигшие освобождения от уз, способные возвещать благую истину, способные должным образом отвергнуть в соответствии с истиной возникающие ложные учения и, отвергнув [их], наставлять в хорошо обоснованной истине, и есть у него [подобные же] средние монахи-ученики, и есть у него [подобные же] младшие монахи-ученики, и есть у него [подобные же] старшие монахини-ученицы, и есть у него [подобные же] средние монахини-ученицы, и есть у него [подобные же] младшие монахини-ученицы, и есть у него [подобные же] преданные миряне-ученики, живущие в доме, носящие белые одежды, целомудренные, и есть у него [подобные же] преданные миряне-ученики, живущие в доме, носящие белые одежды, удовлетворяющие чувственные желания, и есть у него [подобные же] преданные мирянки-ученицы, живущие в доме, носящие белые одежды, целомудренные, и есть у него [подобные же] преданные мирянки-ученицы, живущие в доме, носящие белые одежды, удовлетворяющие чувственные желания, и целомудрие его является процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся, хорошо преподаанным среди людей, и [оно] достигло верха благополучия и верха славы, — то в таком случае это целомудрие полно.

14. И вот, Чунда, теперь в мире появился я, учитель — архат, всецело просветленный, и истина хорошо преподаана, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным, и ученики мои постигли суть благой истины, и единственно совершенное целомудрие стало открытым им, им очевидным, изложенным во всей совокупности, хорошо обоснованным, хорошо преподаанным среди людей. И вот, Чунда, я, учитель, теперь стал старшим, давно признанным, долгое время странствующим, достигшим преклонных лет, чей срок исполнился.

15. И есть теперь у меня, Чунда, старшие монахи-ученики — рассудительные, обученные, уверенные, достигшие освобождения от уз, способные возвещать благую истину, способные должным образом отвергнуть в соответствии с истиной

возникающие ложные учения и, отвергнув [их], наставлять в хорошо обоснованной истине. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] средние монахи-ученики. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] младшие монахи-ученики. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] старшие монахини-ученицы. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] средние монахини-ученицы. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] младшие монахини-ученицы. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] преданные миряне-ученики, живущие в доме, носящие белые одежды, целомудренные. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] преданные миряне-ученики, живущие в доме, носящие белые одежды, удовлетворяющие чувственные желания. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] преданные мирянки-ученицы, живущие в доме, носящие белые одежды, целомудренные. И есть теперь у меня, Чунда, [подобные же] преданные мирянки-ученицы, живущие в доме, носящие белые одежды, удовлетворяющие чувственные желания. И целомудрие мое, Чунда, теперь является процветающим, преуспевающим, распространившимся, достоянием многих людей, широко разнесшимся, хорошо преподаанным среди людей.

16. И сколько, Чунда, ни появилось теперь в мире учителей, я не вижу, Чунда, ни одного другого учителя, достигшего такого же верха благополучия и верха славы, как и я. И сколько, Чунда, ни появилось теперь в мире общин и собраний, я не вижу, Чунда, ни одной другой общины, достигшей такого же верха благополучия и верха славы, как, Чунда, [эта] община монахов. И кто, Чунда, говоря должным образом, скажет: „Наделенное всеми достоинствами, исполненное всех достоинств, безупречное, лишненное излишнего, хорошо изложенное, всецело совершенное целомудрие, хорошо преподаано“, — то именно об этом [моем учении] он, говоря должным образом, скажет: „Наделенное всеми достоинствами, исполненное всех достоинств, безупречное, лишненное излишнего, хорошо изложенное, всецело совершенное целомудрие, хорошо преподаано“. И ведь Уддака, сын Рамы, говорил, Чунда, такие слова: „Видя, он не видит“. Что же [означают у него слова]: „Видя, он не видит“? Когда у хорошо отточенного ножа он видит его поверхность и не видит его лезвия, это и называется, Чунда: „Видя, он не видит“. Но это, Чунда, сказанное Уддакой, сыном Рамы, низменно, грубо, свойственно мирянам, несправедливо, бесполезно, ибо связано лишь с ножом. Кто же, Чунда, говоря должным образом, скажет: „Видя, он не видит“, — то именно об этом [моем учении] он, говоря должным образом, скажет: „Видя, он не видит“. Что же [означают у него слова]: „Видя, он не видит“? Наделенное всеми достоинствами, исполненное всех достоинств, безупречное, лишненное излишнего, хорошо изложенное, всецело совершенное целомудрие, хорошо преподанное — его он и видит. Но вот он может изъять [что-либо] из него, чтобы оно стало более чистым. И тогда он его не видит, и вот он может привнести [что-либо] в него, чтобы оно стало более полным. И тогда он его не видит, и вот говорится: „Видя, он не видит“. И кто, Чунда, должным образом скажет: „Наделенное всеми достоинствами, исполненное всех достоинств, безупречное, лишненное излишнего, хорошо изложенное, всецело совершенное целомудрие, хорошо преподанное“, —

то именно об этом [моем учении] он, говоря должным образом, скажет: „Наделенное всеми достоинствами, исполненное всех достоинств, безупречное, лишённое излишнего, хорошо изложенное, всецело совершенное целомудрие, хорошо преподаваемое“.

17. Итак, Чунда, те наставления, которые я, испытав, преподавал вам, вы все должны, собравшись собранием, возглашать, строго следуя их смыслу и слову и не вступая в пререкания, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же, Чунда, наставления, которые я, испытав, преподавал вам и которые вы все должны, собравшись собранием, возглашать, строго следуя их смыслу и слову и не вступая в пререкания, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей?

Это четыре установления способности самосознания, четыре должных усилия, четыре основы сверхъестественных способностей, пять [духовных] способностей, пять сил, семь звеньев просветления, праведный восьмичленный путь. Вот, Чунда, те наставления, которые я, испытав, преподавал вам и которые вы все должны, собравшись собранием, возглашать, строго следуя их смыслу и слову и не вступая в пререкания, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

18. И вот, Чунда, если другой собрат станет излагать перед общиной [свое] учение, вам следует поучать [его], объединившись дружелюбно, не пререкаясь. И если вы подумаете тогда: „Этот достопочтенный искажает смысл и искажает слова [учения]“, — то не следует ни одобрять, ни порицать его. Ни одобряя, ни порицая, следует сказать ему так: „Друг, что больше подходит к такому смыслу — эти слова или те слова? Что больше подходит к таким словам — этот смысл или тот смысл?“ И если он скажет так: „К такому смыслу, друг, больше подходят именно эти слова, и вот они какие; к таким словам больше подходит именно этот смысл, и вот он какой“, — то не следует ни отстранять, ни осуждать его. Ни отстраняя, ни осуждая, следует хорошо, со вниманием объяснить ему и этот смысл, и эти слова.

19. И далее, Чунда, если [другой] собрат станет излагать перед общиной [свое] учение, и если вы подумаете тогда: „Этот достопочтенный искажает смысл и правильно передает слова [учения]“, — то не следует ни одобрять, ни порицать его. Ни одобряя, ни порицая, следует сказать ему так: „Друг, что больше подходит к таким словам — этот смысл или тот смысл?“ И если он скажет так: „К таким словам, друг, больше подходит именно этот смысл, и вот он какой“, — то не следует ни отстранять, ни осуждать его. Ни отстраняя, ни осуждая, следует хорошо, со вниманием объяснить ему этот смысл.

20. И далее, Чунда, если другой собрат станет излагать перед общиной [свое] учение, и если вы подумаете тогда: „Этот достопочтенный правильно передает

смысл и искажает слова [учения]“, — то не следует ни одобрять, ни порицать его. Ни одобряя, ни порицая, следует сказать ему так: „Друг, что больше подходит к такому смыслу — эти слова или те слова?“ И если он скажет так: „К такому смыслу, друг, больше подходят именно эти слова, и вот они какие“, — то не следует ни отстранять, ни осуждать его. Ни отстраняя, ни осуждая, следует хорошо, со вниманием объяснить ему эти слова.

21. И далее, Чунда, если [другой] собрат станет излагать перед общиной [свое] учение, и если вы подумаете тогда: „Этот достопочтенный правильно передает смысл и правильно передает слова [учения]“, — то следует одобрить его и выразить удовлетворение, произнеся: „Хорошо!“ Одобрив его и выразив удовлетворение, произнеся: „Хорошо!“, следует сказать ему так: „Это, друг, наше приобретение, это, друг, наша прибыль, что мы видим подобного достопочтенного собрата, столь сведущего в смысле и сведущего в словах“.

22. Я, Чунда, наставляю в новой истине, служащей к сдерживанию порочных свойств зримого мира. Я, Чунда, не наставляю в истине, служащей лишь к отвержению порочных свойств в будущей [жизни], — я, Чунда, наставляю в истине, служащей и к сдерживанию порочных свойств зримого мира, и к отвержению порочных свойств в будущей жизни. И поэтому, Чунда, той верхней одежды, которую я вам дозволил, должно быть достаточно лишь для того, чтобы вы защищались от холода, защищались от жары, защищались от прикосновения оводов, москитов, змей, от ветра и зноя, и прикрывали набедренную повязку. Той чаши милдстыни, которую я вам дозволил, должно быть достаточно для того, чтобы вы поддерживали и питали свое тело, воздерживались от насилия, предавались целомудрию [с мыслью]: „Я и уничтожу старые ощущения, и не дам возникнуть новым ощущениям, и так я буду безупречен и спокоен“. Той обители, которую я вам дозволил, должно быть достаточно лишь для того, чтобы вы защищались от холода, защищались от жары, защищались от прикосновения оводов, москитов, змей, от ветра и зноя, чтобы избегали опасностей в [разные] времена года и наслаждались уединением. Тех необходимых средств и лекарств для лечения больных, которые я вам дозволил, должно быть достаточно лишь для того, чтобы вы защищались от возникающих болезненных ощущений и ради полной свободы от страданий.

23. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Эти аскеты, следующие за сыном сакьев, подвержены привязанности к удовольствиям“. Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, какова же эта привязанность к удовольствиям?“ Есть, Чунда, четыре [вида] привязанности к удовольствиям — низменных, грубых, свойственных мирянам, неправедных, бесполезных, не ведущих ни к отказу [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббанае. Каковы же [эти] четыре? Вот, Чунда, какой-либо глупец радуется и удовлетворяется, убивая живых существ. — Это первая привязанность к удовольствиям. И далее, Чунда, вот кто-либо радуется и удовлетворяется, беря то, что [ему] не дано. — Это вторая привязанность к удовольствиям. И далее, Чунда, вот кто-либо радуется и удовлетворяется, говоря

ложь, — это третья привязанность к удовольствиям. И далее, Чунда, вот кто-либо услаждается, будучи наделен и одарен пятью признаками чувственности, — это четвертая привязанность к удовольствиям. Таковы, Чунда, эти четыре [вида] привязанности к удовольствиям — низменных, грубых, свойственных мирянам, неправедных, бесполезных, не ведущих ни к отказу [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббане.

24. И может произойти так, Чунда, что [странствующие аскеты] из другой школы скажут: „Подвержены ли аскеты, следующие за сыном сакьев, этим четверем [видам] привязанности к удовольствиям?“ Им следует сказать: „Нет, не так“, ибо, говоря вам, они говорят неправильно, они клеветуют на вас, [говоря] то, чего не было. Есть, Чунда, четыре [вида] привязанности к удовольствиям, ведущие к полному отказу [от мира], бесстрастию, уничтожению, успокоению, просветлению, к ниббане. Каковы же [эти] четыре? Вот, Чунда, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Это — первая привязанность к удовольствиям. И далее, Чунда, монах, подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Это — вторая привязанность к удовольствиям. И далее, Чунда, монах, отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью и испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Это — третья привязанность к удовольствиям. И далее, Чунда, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Это — четвертая привязанность к удовольствиям. Таковы, Чунда, эти четыре [вида] привязанности к удовольствиям, ведущие к полному отказу [от мира], бесстрастию, уничтожению, успокоению, постижению, просветлению, к ниббане. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Именно этим четверем [видам] привязанности к удовольствиям подвержены аскеты, следующие за сыном сакьев“. Им следует сказать: „Да!“ — ибо, говоря вам, они говорят правильно, они не клеветуют на вас, [говоря] то, чего не было.

25. И может произойти так, Чунда, что [странствующие аскеты] из другой школы скажут: „Почтенный, какие же плоды, какие преимущества ожидают подверженных этим четверем [видам] привязанности к удовольствиям?“ Говорящим так

странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, подверженных этим четырем [видам] привязанности к удовольствиям ожидают четыре плода, четыре преимущества. Каковы же [эти] четыре? Вот, почтенный, монах, избавившись от трех уз, становится вступившим в поток, не подверженным страданию, уверенным, движущимся к просветлению. Это — первый плод, первое преимущество. И далее, почтенный, монах, избавившись от трех уз, сведя на нет страсть, ненависть и заблуждения, становится единожды возвращающимся, который, вернувшись еще раз в этот мир, кладет конец страданию. Это — второй плод, второе преимущество. И далее, почтенный, монах, избавившись от пяти уз низшего порядка, становится самопроизвольно родившимся [в высшем мире], достигшим там освобождения, не подверженным возвращению из того мира. Это — третий плод, третье преимущество. И далее, почтенный, монах с уничтожением порочных свойств, сам познав, испытав и обретя в зримом мире лишние порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения, пребывает [в таком состоянии]. Это — четвертый плод, четвертое преимущество. Такие, почтенный, четыре плода, четыре преимущества ожидают подверженных этим четырем [видам] привязанности к удовольствиям“.

26. И может произойти так, Чунда, что [странствующие аскеты] из другой школы скажут: „Аскеты, следующие за сыном сакьев, нестойки в учении“. Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, этот Благостный, знающий, видящий, архат, всецело просветленный преподавал и сообщил ученикам истину, которую не следует преступать в течение всей жизни. Подобно тому, почтенный, как камень у порога или железный столб с глубоко зарытым основанием [пребывает] неподвижным и непоколебимым, так же точно, почтенный, и этот Благостный, знающий, видящий, архат, всецело просветленный преподавал и сообщил ученикам истину, которую не следует преступать в течение всей жизни. И вот, почтенный, монах-архат, уничтоживший порочные свойства, достигший совершенства, сделавший то, что надлежит сделать, сбросивший бремя, достигший благой цели, уничтоживший узы следующего рождения, освободившийся благодаря должному знанию, неспособен совершать девять вещей: монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен, почтенный, намеренно лишать жизни живое существо. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен брать то, что не дано [ему и что] зовется воровством. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен следовать обычаю совокупления. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен говорить сознательную ложь. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен собирать запасы, чтобы предаваться чувственным удовольствиям, как [он делал это] прежде, живя дома. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен следовать путем желаний. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен следовать путем ненависти. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен следовать путем заблуждений. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен следовать путем страха. Так, почтенный, монах-архат, уничтоживший порочные свойства, достигший совершенства, сделавший то, что надлежит сделать, сбросивший бре-

мя, достигший благой цели, уничтоживший узы следующего рождения, освободившийся благодаря должному знанию — неспособен совершать девять этих вещей“.

27. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Отшельник Готама сообщает бесконечное совершенное знание, относящееся к прошлому времени, и не сообщает бесконечного совершенного знания, относящегося к будущему времени, — как же это и почему это?“ Так эти странствующие аскеты из другой школы, подобно глупым и неразумным, считают, что совершенное знание, относящееся к одному, должно быть сообщено с помощью совершенного знания, относящегося к другому. Ведь у Татхагаты, Чунда, есть сознание, связанное с памятью о прошлом времени. Он способен вспомнить столь [давнее], сколь пожелает. И у Татхагаты возникает рожденное просветлением знание о будущем времени: „Это — последнее рождение, не будет теперь следующего существования!“

28. Когда, Чунда, прошедшее неистинно, неверно, не связано с пользой, Татхагата не объясняет его. Когда, Чунда, прошедшее истинно, верно, но не связано с пользой, Татхагата тоже не объясняет его. Когда же, Чунда, прошедшее истинно, верно и связано с пользой, то Татхагата знает время, когда ответить на вопрос о нем. Когда, Чунда, будущее неистинно, неверно, не связано с пользой, Татхагата не объясняет его. Когда, Чунда, будущее истинно, верно, но не связано с пользой, Татхагата тоже не объясняет его. Когда, Чунда, будущее истинно, верно и связано с пользой, то Татхагата знает время, когда вкратце ответить на вопрос о нем. Когда, Чунда, настоящее неистинно, неверно, не связано с пользой, Татхагата не объясняет его. Когда, Чунда, настоящее истинно, верно, но не связано с пользой, Татхагата тоже не объясняет его. Когда, Чунда, настоящее истинно, верно и связано с пользой, то Татхагата знает время, когда ответить на вопрос о нем. Так, Чунда, о делах, связанных с прошлым, будущим и настоящим, Татхагата говорит вовремя, говорит о действительно происшедшем, говорит с пользой, говорит об истине, говорит о должном поведении. Поэтому он и зовется Татхагатой.

29. И вот, Чунда, то, что видят, слышат, мыслят, распознают, достигают, ищут, обдумывают разумом в мире богов, Мары, Брахмы, с отшельниками и брахманами, с богами и людьми — всё это постигнуто Татхагатой. Поэтому он и зовется Татхагатой. И то, Чунда, что Татхагата говорит, возвещает, указывает в промежутке между той ночью, когда он был просветлен несравненным высшим просветлением, и той ночью, когда он достиг состояния полной ниббаны, — всё это так, а не иначе. Поэтому он и зовется Татхагатой. Как, Чунда, Татхагата говорит, так и делает, как делает, так и говорит. Как он говорит, так и делает, как делает, так и говорит, и поэтому зовется Татхагатой. В мире богов, Мары, Брахмы, с отшельниками и брахманами, с богами и людьми Татхагата — победоносный, непобедимый, всевидящий, всесильный. Поэтому он и зовется Татхагатой.

30. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Почтенный, Татхагата существует после смерти? Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой шко-

лы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, Благостным не было так разъяснено: ‘Татхагата существует после смерти; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение’“. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Почтенный, Татхагата не существует после смерти? Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, Благостным не было так разъяснено: ‘Татхагата не существует после смерти; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение’“. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Почтенный, Татхагата и существует, и не существует после смерти? Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, Благостным не было так разъяснено: ‘Татхагата и существует, и не существует после смерти; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение’“. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Татхагата ни существует, ни не существует после смерти? Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, Благостным не было так разъяснено: ‘Татхагата ни существует, ни не существует после смерти; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение’“.

31. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Почему же, почтенный, это не разъяснено отшельником Готамой?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Почтенный, ведь это не приносит пользы, не связано с истиной, не относится к целомудрию, не ведет ни к отказу [от мира], ни к бесстрастию, ни к уничтожению, ни к успокоению, ни к постижению, ни к просветлению, ни к ниббанае. Поэтому это и не разъяснено Благостным“.

32. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Что же, почтенный, разъяснено отшельником Готамой?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Это — страдание“ — вот что, почтенный, разъяснено Благостным. „Это — возникновение страдания“ — вот что, почтенный, разъяснено Благостным. „Это — уничтожение страдания“ — вот что, почтенный, разъяснено Благостным. „Это — путь, ведущий к уничтожению страдания“ — вот что, почтенный, разъяснено Благостным.

33. И может произойти так, Чунда, что странствующие аскеты из другой школы скажут: „Почему же, почтенный, это разъяснено отшельником Готамой?“ Говорящим так странствующим аскетам из другой школы следует, Чунда, сказать: „Ведь это, почтенный, приносит пользу, связано с истиной, относится к целомудрию, ведет к отказу [от мира], к бесстрастию, к уничтожению, к успокоению, к постижению, к просветлению, к ниббанае. Поэтому это и разъяснено Благостным“.

34. Что же до оснований воззрений, связанных с прошлым, то те, Чунда, которые следует разъяснить, я разъяснил вам, те же, которые не следует разъяснять, — как я стану разъяснять вам? И что до оснований воззрений, связанных с будущим, то те, Чунда, которые следует разъяснить, я разъяснил вам, те же, которые не следует разъяснять, — как я стану разъяснять вам?

Каковы же, Чунда, те основания возрений, связанных с прошлым, которые я разъяснил вам, в соответствии с тем, что следует разъяснить и чего не следует разъяснять?

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир — не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир — и вечны, и не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир ни вечны, ни не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир возникли сами собой; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир возникли благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир возникли и сами собой, и благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „И свое ‘я’, и мир не возникли ни сами собой, ни благодаря другой [причине], а произошли беспричинно; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье и вечны, и не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье ни вечны, ни не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье возникли сами собой; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье возникли благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье возникли и сами собой, и благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „Счастье и несчастье не возникли ни сами собой, ни благодаря другой [причине], а произошли беспричинно; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

35. И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир вечны?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

36. И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир не вечны?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир и вечны, и не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир и вечны, и не вечны?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир ни вечны, ни не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир ни вечны, ни не вечны?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир возникли сами собой; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир возникли сами собой?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир возникли благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир возникли благодаря другой [причине]?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир возникли и сами собой, и благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир возникли и сами собой, и благодаря другой [причине]?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „И свое 'я', и мир не возникли ни сами собой, ни благодаря другой [причине], а произошли беспричинно. Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“ — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'И свое 'я', и мир не возникли ни сами собой, ни благодаря другой [причине], а произошли беспричинно?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'Счастье и несчастье — вечны?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'Счастье и несчастье не вечны?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье и вечны, и не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘Счастье и несчастье и вечны, и не вечны?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье ни вечны, ни не вечны; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘Счастье и несчастье ни вечны, ни не вечны?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье возникли сами собой; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘Счастье и несчастье возникли сами собой?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье возникли благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘Счастье и несчастье возникли по другой [причине]?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье возникли и сами собой, и благодаря другой [причине]; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘Счастье и несчастье возникли и сами собой, и по другой [причине]?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „Счастье и несчастье не возникли ни сами собой, ни благода-

ря другой [причине], а произошли беспричинно; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘Счастье и несчастье не возникли ни сами собой, ни благодаря другой [причине], а произошли беспричинно?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения. И вот, Чунда, эти основания воззрений, связанных с прошлым, которые следует разъяснить, я разъяснил вам; те же, которые не следует разъяснять, — как я стану разъяснять вам?

37. Каковы же, Чунда, те основания воззрений, связанных с будущим, которые я разъяснил вам в соответствии с тем, что следует разъяснить, и чего не следует разъяснять?

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ имеет форму, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ не имеет формы, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ ни имеет форму, ни не имеет формы, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ наделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ не наделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ и наделено сознанием, и не наделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ ни наделено сознанием, ни не наделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

Есть, Чунда, некоторые отшельники и брахманы, проповедующие так, учащие так: „После смерти свое ‘я’ уничтожается, гибнет; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“.

38. И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое ‘я’ имеет форму, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что го-

ворит почтенный: 'После смерти свое 'я' имеет форму, свободно от недуга?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

39. И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое 'я' не имеет формы, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'После смерти свое 'я' не имеет формы, свободно от недуга?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое 'я' и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'После смерти свое 'я' и имеет форму, и не имеет формы, свободно от недуга?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое 'я' ни имеет формы, ни не имеет формы, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'После смерти свое 'я' ни имеет формы, ни не имеет формы, свободно от недуга?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое 'я' наделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: 'После смерти свое 'я' наделено сознанием, свободно от недуга?'“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, наделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое 'я' не наделено сознанием, свободно от

недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘После смерти свое ‘я’ не надделено сознанием, свободно от недуга?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, надделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое ‘я’ и надделено сознанием, и не надделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘После смерти свое ‘я’ и надделено сознанием, и не надделено сознанием, свободно от недуга?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, надделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое ‘я’ ни надделено сознанием, ни не надделено сознанием, свободно от недуга; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘После смерти свое ‘я’ ни надделено сознанием, ни не надделено сознанием, свободно от недуга?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, надделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения.

И вот, Чунда, я подхожу к тем отшельникам и брахманам, которые проповедуют так, учат так: „После смерти свое ‘я’ уничтожается, гибнет; это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, — и говорю: „Верно ли то, что говорит почтенный: ‘После смерти свое ‘я’ уничтожается, гибнет?’“ И если они говорят: „Это правда, а иной [взгляд] — заблуждение“, то я не соглашаюсь с ними. По какой же причине? Ведь некоторые существа, Чунда, надделены здесь иным сознанием. И это [их] постижение, Чунда, я не считаю равным своему собственному, тем более — высшим, ведь я — выше в том, что касается постижения. И вот, Чунда, эти основания воззрений, связанных с будущим, которые следует разъяснить, я разъяснил вам; те же, которых не следует разъяснять, — как я стану разъяснять вам?

40. И вот, Чунда, оставив и превзойдя и эти основания воззрений, связанных с прошлым, и эти основания воззрений, связанных с будущим, я наставил и обучил четверем установлениям способности самосознания. Каковы же эти четыре? Вот, Чунда, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ощущение в [своих] ощущениях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцаю-

щим ум в [своем] уме, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим состоянием в [воспринимаемых им] состояниях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. И вот, Чунда, оставив и превзойдя и эти основания воззрений, связанных с прошлым, и эти основания воззрений, связанных с будущим, я наставил и обучил этим четырем установлениям способности самосознания».

41. И в это самое время достопочтенный Упавана, стоя позади Благостного, обмахивал Благостного. И вот достопочтенный Упавана так сказал Благостному:

«Чудесно, господин, необычайно, господин, это доставляющее отраду, господин, наставление в истине, это доставляющее чрезмерную отраду, господин, наставление в истине! Как же называется, господин, это наставление в истине?»

«Так помни же ты это наставление в истине, Упавана, как „Доставляющее отраду“».

Так сказал Благостный. И удовлетворенный достопочтенный Упавана возрадовался словам Благостного.

[Окончена] шестая «Пасадика-сутта».

XXX. «Лаккхана-сутта» («Сутта о признаках»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Саваттхи в Джетаване, в [монашеской] роще Анатхапиндики. И там Благостный обратился к монахам: «Монахи!» — «Да, господин!» — ответили те монахи Благостному. Благостный сказал так: «У великого человека, монахи, существует тридцать два знака великого человека, у наделенного которыми великого человека бывает два пути и не более. Если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира.

1.2. Каковы же, монахи, у великого человека эти тридцать два знака великого человека, у наделенного которыми великого человека бывает два пути и не более? Если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира.

[1] Вот, монахи, у великого человека ноги имеют хорошую опору. То, что у великого человека, монахи, ноги имеют хорошую опору, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[2] И далее, монахи, у великого человека внизу на ступнях видны [знаки в виде] колес с тысячами спиц, с ободьями, со ступицами, завершенными во всех

частях, хорошо отделенными друг от друга. То, что у великого человека, монахи, внизу на ступнях видны [знаки в виде] колес с тысячами спиц, с ободьями, со ступицами, завершенными во всех частях, хорошо отделенными друг от друга, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[3] И далее, монахи, у великого человека выступающие пятки. То, что у великого человека, монахи, выступающие пятки, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[4] И далее, монахи, у великого человека длинные пальцы. То, что у великого человека, монахи, длинные пальцы, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[5] И далее, монахи, у великого человека нежные, мягкие руки и ноги. То, что у великого человека, монахи, нежные, мягкие руки и ноги, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[6] И далее, монахи, у великого человека руки и ноги — словно с сетью [между пальцами]. То, что у великого человека, монахи, руки и ноги словно с сетью [между пальцами], является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[7] И далее, монахи, у великого человека высоко расположенные лодыжки. То, что у великого человека, монахи, высоко расположенные лодыжки, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[8] И далее, монахи, у великого человека ноги, как у антилопы. То, что у великого человека, монахи, ноги, как у антилопы, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[9] И далее, монахи, великий человек, стоя и не наклоняясь, может коснуться и охватить колени обеими ладонями. То, что великий человек, монахи, стоя и не наклоняясь, может коснуться и охватить колени обеими ладонями, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[10] И далее, монахи, у великого человека скрытый под одеждой [член] находится в углублении. То, что у великого человека, монахи, скрытый под одеждой [член] находится в углублении, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[11] И далее, монахи, у великого человека [тело] золотистого цвета, кожа — словно золото. То, что у великого человека, монахи, [тело] золотистого цвета, кожа — словно золото, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[12] И далее, монахи, у великого человека гладкая поверхность кожи, и из-за гладкой поверхности кожи к телу не пристаёт грязь. То, что у великого человека, монахи, гладкая поверхность кожи и из-за гладкой поверхности кожи к телу не пристаёт грязь, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[13] И далее, монахи, у великого человека волосы [на теле таковы, что] из каждой поры растет по волоску. То, что у великого человека, монахи, волосы [на теле таковы, что] из каждой поры растет по волоску, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[14] И далее, монахи, у великого человека волосы [на теле] направлены вверх, и волосы, направленные вверх — темно-синие, цвета глазной мази, завиваются в кольца, растут, завиваясь, в правую сторону. То, что у великого человека, монахи, волосы [на теле] направлены вверх, и волосы, направленные вверх, — темно-синие, цвета глазной мази, завиваются в кольца, растут, завиваясь, в правую сторону, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[15] И далее, монахи, у великого человека превосходно стройное тело. То, что у великого человека превосходно стройное тело, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[16] И далее, монахи, у великого человека семь выпуклостей. То, что у великого человека семь выпуклостей, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[17] И далее, монахи, у великого человека передняя половина тела — как у льва. То, что у великого человека, монахи, передняя половина тела — как у льва, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[18] И далее, монахи, у великого человека заполнено [углубление] между плечами. То, что у великого человека, монахи, заполнено [углубление] между плечами, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[19] И далее, монахи, у великого человека [пропорции подобны] окружности баньянового дерева: какова [высота] его тела, таков размах его рук; каков размах его рук, такова [высота] его тела. То, что у великого человека [пропорции подобны] окружности баньянового дерева: какова [высота] его тела, таков размах его рук; каков размах его рук, такова [высота] его тела, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[20] И далее, монахи, у великого человека округлые плечи. То, что у великого человека, монахи, округлые плечи, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[21] И далее, монахи, у великого человека в высшей степени тонкий вкус. То, что у великого человека, монахи, в высшей степени тонкий вкус, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[22] И далее, монахи, у великого человека челюсть — как у льва. То, что у великого человека, монахи, челюсть — как у льва, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[23] И далее, монахи, у великого человека сорок зубов. То, что у великого человека, монахи, сорок зубов, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[24] И далее, монахи, у великого человека ровные зубы. То, что у великого человека, монахи, ровные зубы, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[25] И далее, монахи, у великого человека зубы не посажены редко. То, что у великого человека, монахи, зубы не посажены редко, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[26] И далее, монахи, у великого человека очень белые зубы. То, что у великого человека, монахи, очень белые зубы, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[27] И далее, монахи, у великого человека большой язык. То, что у великого человека, монахи, большой язык, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[28] И далее, монахи, у великого человека превосходно звучащий голос, как у каравики. То, что у великого человека, монахи, превосходно звучащий голос, как у каравики, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[29] И далее, монахи, у великого человека темно-синие глаза. То, что у великого человека, монахи, темно-синие глаза, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[30] И далее, монахи, у великого человека ресницы, как у коровы. То, что у великого человека, монахи, ресницы, как у коровы, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[31] И далее, монахи, у великого человека между бровями растут белые волоски, подобные мягкой хлопковой ткани. То, что у великого человека, монахи, между бровями растут белые волоски, подобные мягкой хлопковой ткани, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

[32] И далее, монахи, у великого человека на голове сверху выпуклость. То, что у великого человека, монахи, на голове сверху выпуклость, является у великого человека, монахи, знаком великого человека.

1.3. Таковы, монахи, у великого человека тридцать два знака великого человека, у наделенного которыми великого человека бывает два пути и не более. Если он обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. И вот, монахи, мудрецам из других [школ] известны эти тридцать два знака великого человека у великого человека, но они не знают: „Благодаря свершению такого-то дела он приобретает такой-то знак“.

1.4. Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата был всецело предан, неуклонно предан хорошим свойствам — доброму поведению тела, доброму поведению в речи, доброму поведению разума, раздаче подаяний, нравственному поведению, соблюдению упосатхи, уважению к матери, уважению к отцу, уважению к отшельникам, уважению к брахманам, почитанию старших в роду и всяческим другим весьма хорошим свойствам, — он, совершив,

накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осознаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — ноги [его] имеют хорошую опору, он ровно ставит ногу на землю, ровно поднимает, ровно касается земли всею поверхностью стопы.

1.5. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Ни одно человеческое существо, противник, недруг не может нанести [ему] ущерба. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Ни внутренние, ни внешние противники и недруги, ни страсть, ни ненависть, ни заблуждения, ни отшельник, ни брахман, ни бог, ни Мара, ни Брахма — ничто в мире не может нанести [ему] ущерба. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благодостный.

1.6. Об этом сказано так:

«Приверженный правде, истине, самообузданию, сдержанности,
Чистоте, нравственному поведению, [соблюдению] упасатх,
Подаянию, непричинению вреда, ненасилию,
Всецело, полностью преданный достойному поведению,
Он благодаря этим делам достигает небес,
Счастливый, наслаждающийся счастьем и радостью, великий;
Оставив существование там, придя сюда,
Он ровно касается ногами земли.
Прорицатели, собравшись, разъяснили:
„У ровно опирающегося [на землю] не бывает препятствий —
И у домохозяина, и у странника —
Свидетельством тому является подобный знак.
Живя в доме, он не знает ущерба
И поражения от врагов, [но сам] повергает врага,
Ни одно человеческое существо не [препятствует] ему;

Он хорошо поддерживается плодом [своих] дел.
Если же подобный отправляется в странствование,
Наслаждающийся стремлением к отречению, внимательный,
Превосходный он право же не идет к [новому] рождению —
Высший из людей. Таков для него порядок вещей“».

1.7. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата служил счастьем многих людей, рассеивая беспокойство, боязнь, страх, доставляя подобающую охрану, ограду и защиту и вместе с окружающими [его] раздавал подаяния — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — внизу на ступнях видны [знаки в виде] колес с тысячами спиц, с ободьями, со ступицами, завершенными во всех частях, хорошо отделенными друг от друга.

1.8. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? У него великое окружение, многие окружают его — брахманы-домохозяева, городские и деревенские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? У него великое окружение, многие окружают его — монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

1.9. Об этом сказано так:

«Прежде, в прежних, предыдущих рождениях,
Будучи человеком, неся счастье многим,
Рассеивая беспокойство, болезнь, страх,
Стремясь [доставлять] защиту, охрану и ограду,

Благодаря этим делам он достиг небес —
Счастливый, наслаждающийся счастьем и радостью, великий,
Оставив существование там, придя сюда,
Он имеет на обеих ступнях [знаки в виде] колес
С ободьями и всеми [принадлежностями] и тысячами спиц.
Прорицатели, собравшись, разъяснили,
Видя мальчика, наделенного сотней достойных признаков:
„Он будет наделен окружением, повергать врага —
Ведь об этом [говорят] колеса с ободьями и всеми [принадлежностями].
Если подобный не отправляется в странствование,
То приводит в движение колесо [владычества], правит землей,
И вот преданные ему повелители
Окружают его великой славой.
Если же подобный отправляется в странствование,
Наслаждающийся стремлением к отречению, внимательный,
То боги, люди, асуры, Сакка, раккхасы,
Гандхаббы, наги, птицы, четвероногие
Окружают его великой славой,
Несравненным почитанием богов и людей“».

1.10. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата, оставив убийство, воздерживаясь от убийства, отказался от палки, отказался от оружия, пребывал скромным, сострадательным, в доброте и сочувствии ко всем живым существам, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти три знака великого человека — у него вытянутые пятки, и длинные пальцы, и превосходное стройное тело.

1.11. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он долго живет, долговечен, живет долгую жизнь, и в течение этого времени ни одно человеческое существо, противник, недруг не может лишить его жизни. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив

дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он долго живет, долговечен, живет долгую жизнь, и в течение этого времени никакие противники и недруги — ни отшельник, ни брахман, ни бог, ни Мара, ни Брахма — никто в мире не может лишить его жизни. Это он получает, будучи Буддой.

Вот что сказал Благостный.

1.12. Об этом сказано так:

«Видя смерть и убийство, несущие страх,
Он воздерживался от [причинения] смерти другому [существу].
Благодаря этому доброму делу достиг неба,
Наслаждаясь плодами добрых дел.
Оставив существование [там], снова придя в этот мир,
Он приобретает здесь три знака:
У него большие, длинные пятки,
Превосходное и стройное, прекрасное, благородное тело —
Чистое, хорошо сложенное, благородное.
У него нежные, мягкие пальцы.
Благодаря трем знакам превосходного человека
Указывают, что мальчик наделен продолжительной, долгой жизнью.
Он долго живет, находясь в доме,
И еще дольше живет, — если уходит оттуда в странствие.
На осуществление власти, богатства,
На достижение долгого срока жизни [указывает] этот знак».

1.13. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата был даятелем изысканной, лакомой, твердой пищи и мягкой пищи, вкусных и тонких напитков, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — имеет семь выпуклостей. У него есть семь выпуклостей — есть выпуклости на обеих руках, есть выпуклости на обеих ногах, есть выпуклости на обоих плечах, есть выпуклость на спине.

1.14. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи

сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он получает изысканную, лакомую, твердую пищу и мягкую пищу, вкусные и тонкие напитки. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он получает изысканную, лакомую, твердую пищу и мягкую пищу, вкусные и тонкие напитки. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благодный.

1.15. Об этом сказано так:

«Говорят, что он давал превосходную, лакомую

Твердую и мягкую пищу — тонкую, вкусную.

Благодаря этому совершенному доброму делу

Он долго наслаждается блаженством.

Он приходит сюда [на землю] с семьёй выпуклостями

И имеет нежные руки и ноги.

Сведущие в приметах и предзнаменованиях говорят

О получении [им] лакомой твердой пищи и мягкой пищи.

Но подобное разъяснение об этом не относится лишь к находящемуся в доме.

Оно касается и странствия.

Превосходную, лакомую твердую пищу и мягкую пищу получает —

Говорят они — и порвавший все связи с домом».

1.16. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата был добр с людьми четырьмя путями доброго обхождения — подаянием, ласковой речью, оказыванием услуг, беспристрастностью, он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает два знака великого человека — у него нежные, мягкие руки и ноги; руки и ноги — словно с сестью [между пальцами].

1.17. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи

сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? У него весьма доброе к нему окружение, к нему весьма добры — брахманы, домохозяева, городские и деревенские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? У него весьма доброе к нему окружение, к нему весьма добры — монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

1.18. Об этом сказано так:

«Отличаясь и подаянием, и оказыванием услуг,
И ласковой речью, и беспристрастным намерением,
Будучи весьма добрым ко многим,
Он благодаря безупречному достоинству достигает неба.
Оставив существование [там], снова придя в этот мир,
Этот маленький ребенок, мальчик, обретает
Руки и ноги, нежные и словно с сетью [между пальцами],
Весьма блестящую, прекрасную, приятную на вид [внешность].
Он живет среди вас, наделенный окружением
На земле, — весьма добрым [к нему],
Сладкоречивым, стремящимся к благополучию и счастью,
И отличается приятными достоинствами.
Если же он оставляет наслаждение всем чувственным,
То — победитель — он ведет с людьми беседы о добродетели,
[И те], слыша [его] речь и уверовав,
Следуют истине во всей [ее] последовательности».

1.19. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата говорил речи, связанные с пользой многих людей, связанные с истиной, разъясняя [истину] многим людям, нес благополучие и счастье существам, совершал жертвы ради истины, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — у него высоко расположенные лодыжки и волосы [на теле] направлены вверх.

1.20. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он становится и главным, и лучшим, и первым, и высшим, и превосходнейшим среди вкушающих чувственные удовольствия. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он становится и главным, и лучшим, и первым, и высшим, и превосходнейшим среди всех существ. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

1.21. Об этом сказано так:

«Прежде, ведя речь, связанную с пользой и истиной,

Он разьяснял [истину] многим людям,

Нес благополучие и счастье существам,

Жил, совершая жертвы ради истины.

Благодаря этому совершенному доброму делу

Он идет счастливым путем и радуется там [на небе],

А придя сюда, имеет два знака —

В высшей степени счастливых:

Волоски [на теле] растут направленные вверх,

Сочленения ног хорошо сложенные,

Наделенные мясом и кровью, обтянутые кожей

Прекрасны сверху.

И он, если живет в доме, выглядя таким образом,

То становится главным среди вкушающих чувственные удовольствия.

Нет [человека] превосходнее его.

Он движется по Джамбудипе, покорив [ее].

Будучи же отшельником, совершенный, свободный от желаний,

Он становится главным среди всех живущих.

Нет [существа] превосходнее его,

Он обитает во всем мире, покорив [его]».

1.22. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата был усердным наставником в ремесле, или науке, или поведении, или [других] делах, [говоря]: „Пусть же меня быстро узнают, быстро поймут, быстро после-

дуют [за мной] и не будут долго нечистыми“, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — у него ноги, как у антилопы.

1.23. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он быстро приобретает [все] подобающее царю, свойственное царю, радующее царя, подходящее для царя. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он быстро приобретает [всё] подобающее отшельнику, свойственное отшельнику, радующее отшельника, подходящее для отшельника. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

1.24. Об этом сказано так:

«[Наставляя] в ремесла, науках, поведении и [других] делах,
Он желает: „Как бы [человеку], распознав, постичь [это]?“
Ни у какого [человека от него] нет ущерба —
Быстро получив наставления, [тот] не бывает долго нечистым.
Совершив это хорошее дело, несущее счастье,
Он получает прекрасные, хорошо сложенные ноги —
Округлые, благородные, должным образом высокие;
Волоски, направленные вверх, и также — гладкую кожу.
У такого человека ноги — как у антилопы;
Говорят — это знак быстрого успеха.
Когда каждый волосок [его таков], то чего [он] желает,
Не становясь отшельником, того быстро достигает здесь.
Если же подобный отправляется в странствование,
Наслаждающийся стремлением к отречению, внимательный,
То все подходящее и соответствующее [ему]
Он быстро обретает — совершенный, свободный от желаний».

1.25. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата приближался к отшельнику и брахману и спрашивал: „Что, господин, хорошо, что нехорошо? Что следует порицать, чего не следует порицать? Что уместно, что неуместно? От каких дел у меня долгое время будет неблагополучие и несчастье? И от каких дел у меня долгое время будет благополучие и счастье?“ Он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — у него гладкая поверхность кожи, и из-за гладкой поверхности кожи к телу не пристаёт грязь.

1.26. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он велик постижением, и нет никого из вкушающих чувственные удовольствия, кто был бы равен ему или выше постижением. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он велик постижением, широк постижением, получает радость от постижения, быстр постижением, остер постижением, отверщается постижением [от зла], и нет никого из всех существ, кто был бы равен ему или выше постижением. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

1.27. Об этом сказано так:

«Прежде, раньше, в прежних рождениях,
Стремясь к знанию, он спрашивал,
Желая учиться, чтя отшельничество,
Внимая разъяснениям ради пользы —
Благодаря этим делам, ведущим к приобретению постижения,
Он, будучи человеком, наделен гладкой поверхностью кожи.
Сведущие в приметах и знамениях разъяснили:
„Он в совершенстве будет видеть возвышенные предметы“.

Если подобный не отправляется в странствование,
Он приводит в движение колесо [власти], правит землей,
И среди наставленных в полезном и постигающих [полезное]
Нет никого, кто был бы лучше или равен [ему].
Ели же подобный отправляется в странствование,
Наслаждающийся стремлением к отречению, внимательный,
Он обретает несравненное, высшее постижение.
Наделенным превосходным, наилучшим разумением он достигает
просветления».

1.28. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата был лишен гнева, полон умиротворенности, и даже когда ему говорили много [дурного], не бранился, не гневался, не делал зла, не упирался, не выказывал ни гнева, ни ненависти, ни недовольства и раздавал тонкие, мягкие покрывала и одежды тонкого льна, тонкого хлопка, тонкого шелка, тонкой шерсти — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — [тело его] золотистого цвета, кожа — словно золото.

1.29. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он получает тонкие, мягкие покрывала и одежды тонкого льна, тонкого хлопка, тонкого шелка, тонкой шерсти. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он получает тонкие, мягкие покрывала и одежды тонкого льна, тонкого хлопка, тонкого шелка, тонкой шерсти. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благодный.

1.30. Об этом сказано так:

«Он был лишен гнева и охотно раздавал
В дар тонкие, приятные для кожи одежды.
Находясь в прежнем существовании, он расточал [это],
Как бог посылает дождь на землю.
Совершая это и оставив существование здесь,
Он достиг неба — как созревшего плода добрых дел.
Насладившись [там], он, с телом, подобным золоту,
Существует здесь — прекраснее богов, словно Инда.
Живя в доме мужем, не желающим быть отшельником,
Он правит великой землей.
В силу [прежних заслуг] он одновременно обретает семь сокровищ
И множество тонких приятных для кожи [одежд].
Он также получает накидки, облачения, превосходные одежды,
Если и странствует бездомным.
Так он одновременно наслаждается плодом прежних дел —
Ведь совершенное [дело] не пропадает».

1.31. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата соединял вместе давно расставшихся с давно отсутствовавшими родными, друзьями, близкими, спутниками — соединял вместе мать с сыном, соединял вместе сына с матерью, соединял вместе отца с сыном, соединял вместе сына с отцом, соединял вместе брата с братом, соединял вместе брата с сестрой, соединял вместе сестру с братом, собирая и радуя [их], — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — скрытый под одеждой [член] находится [у него] в углублении.

1.32. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он имеет много сыновей, у него больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то ста-

новится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что же он получает, будучи Буддой? Он имеет много сыновей, у него больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

1.33. Об этом сказано так:

«Прежде, раньше, в прежних рождениях

Он соединял вместе давно расставшихся с давно отсутствовавшими
Родными, близкими, спутниками,

Собирая и радуя [их].

Благодаря этому делу он достиг небес —

Счастливым, наслаждающийся счастьем и радостью, великий.

Оставив существование там, придя сюда,

Он имеет скрытое под одеждой — в углублении.

Подобным же образом у него много сыновей —

Больше тысячи, рожденных здесь —

Героев, мужей, испепеляющих недругов,

Доставляющих радость в доме хозяина, — говорящих приятно.

И еще больше у отправившегося в странствование

Бывает сыновей, послушных [его] словам.

И у домохозяина, и у странника

Свидетельством тому является подобный знак».

[Окончен] первый раздел поучения

2.1. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата, взирая на собрание многих людей, познавал [их], знал в равной мере, знал [каждого] человека, знал разницу между людьми [и, говоря]: „Этот заслуживает того-то, этот заслуживает того-то“ — таким образом проводил разницу между людьми — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — у него [пропорции подобны] окружности баньянового дерева, и, стоя, не наклоняясь, он может коснуться и охватить колени обеими руками.

2.2. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище,

коть-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он богат, обладает большим имуществом, большим достатком; много золота и серебра, много добра, много денег и зерна наполняет [его] сокровищницу. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он богат, обладает большим имуществом, большим достатком. Богатство же его таково: богатство веры, богатство нравственности, богатство скромности, богатство самообуздания, богатство учености, богатство отречения, богатство постижения. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.3. Об этом сказано так:

«Взвешивая, исследуя, размышляя,
Взирая на собрание многих людей,
[Говоря]: „Этот заслуживает того-то“, — он таким образом
Проводил прежде разницу между людьми.
И вот, стоя, не наклоняясь,
Он касается обеими руками колен.
И [его пропорции подобны] окружности дерева —
[Таков] оставшийся результат добрых дел.
Знатоки множества различных предзнаменований и знаков,
Весьма разумные люди разъяснили:
„Этот маленький ребенок, мальчик, получает
Множество различных [вещей], приличествующих домохозяевам.
Здесь у [него —] владыки земли — чувственные наслаждения,
И есть многое, подобающее домохозяину.
Если же он оставляет чувственные наслаждения,
То обретает несравненное, превосходное, высшее богатство“».

2.4. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата, желал пользы, желал добра, желал благополучия, желал свободы от уз многим людям, [думая]: „Пусть они процветают у меня в вере, процветают в нравственности, процветают в учености, процветают в самообузании, процветают в истине, процветают в постижении, процветают с деньгами и зерном, процветают с полями и землями, процветают с двуногими и четвероногими, процветают с детьми и женами, процветают с рабами и слугами, процветают с родственниками, процветают с друзьями, процветают с близкими!“ — он, совершив, накопив,

в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти, вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти три знака великого человека — у него передняя половина тела, как у льва, и заполнено [углубление] между плечами, и округлые плечи.

2.5. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он не подвержен ущербу, не знает ущерба в деньгах и зерне, в полях и землях, в двуногих и четвероногих, в детях и женах, в рабах и слугах, в родственниках, друзьях и близких, не знает ущерба ни в каких достижениях. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что же он получает, будучи Буддой? Он не подвержен ущербу, не знает ущерба в вере, нравственности, учености, самообуздании, постижении, не знает ущерба ни в каких достижениях. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.6. Об этом сказано так:

«В вере, нравственности, учености, просветлении, самообуздании, истине и многих
добрых [свойствах],

В деньгах и зерне, полях и землях, детях, женах и четвероногих,
В родственниках, друзьях и близких, в силе, красоте и счастье

Он желал пользы и успеха и стремился [к этому, думая]: „Как бы другие не терпели
ущерба“.

[И вот у него] передняя половина [тела], как у льва, хорошо сложена, округлые плечи
и заполнено [углубление] между плечами;

Это предзнаменование у него — благодаря непропадающим, хорошо исполненным
делам, совершенным прежде.

Домохозяином он процветает, [наделенный] зерном и деньгами, детьми, женами и
четвероногими.

Отшельником же, даже ничего не имея, он достигает несравненного просветления,
не подверженного ущербу».

2.7. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата не причинял зла существам — ни рукой, ни камнем, ни палкой, ни мечом, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — у него в высшей степени тонкий вкус; ощущение вкуса, родившись в горле от [всего], находящегося на кончике языка, распространяется [в нем].

2.8. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он испытывает мало недугов, мало болезней, наделен хорошим пищеварением — не слишком холодным, не слишком горячим. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он испытывает мало недугов, мало болезней, наделен хорошим пищеварением — не слишком холодным, не слишком горячим, [наделен] умеренностью и терпением в усилиях. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.9. Об этом сказано так:

«Ни рукою, ни палкой и камнем, ни мечом, ни смертоубийством,

Ни удушением, ни испугом он не причинял зла [ни одному] существу, был не
причиняющим зла.

Следуя этому благому пути, он радуется плодам добрых дел и обретает счастье —

Он получает в высшей степени тонкий вкус, придя сюда [в мир]; свойства его вкуса
превосходно сотворены.

Поэтому говорят о нем разумные и внимательные: „Этот человек будет иметь много
счастья”.

И у домохозяина, и у странника свидетельством тому является подобный знак».

2.10. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата

глядел на многих людей не рассеянно, и не бездумно, и не неразличающим взглядом, но прямо и открыто, прямодушно, любящими глазами — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — у него темно-синие глаза и ресницы как у коровы.

2.11. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Он приятен на вид для многих людей, он приятен и дорог брахманам-домохозяевам, городским и деревенским жителям, заведующим казной, стражникам, привратникам, приближенным, придворным, царской знати, царевичам. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Он приятен на вид для многих людей, он приятен и дорог монахам, монахиням, преданным мирянам, преданным мирянкам, богам, людям, асурам, нагам, гандхаббам. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.12. Об этом сказано так:

«Не рассеянно, и не бездумно,
И не неразличающим взглядом,
Но прямо и открыто, прямодушно,
Любящими глазами он глядел на многих людей.
Созревший плод благих путей
Он вкушает и радуется в том [мире].
Здесь же он наделен ресницами как у коровы
И темно-синими глазами — он прекрасен.
Искусные в предсказаниях и разумные,
Знатоки множества предзнаменований
Говорят: „Приятен на вид“ —
О человеке с красивыми, хорошими глазами.
Домохозяином он приятен на вид
Для многих и любим.

Если же он не бывает домохозяином, а становится отшельником,
То любим многими и устраняет [их] горе».

2.13. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата был первым среди многих людей в хороших свойствах, лучшим среди многих людей в добром поведении тела, добром поведении в речи, добром поведении разума, в раздаче подаяний, в приверженности нравственному поведению, в соблюдении упасатхи, в уважении к матери, уважении к отцу, уважении к отшельникам, в уважении к брахманам, почитании старших в роду и во всевозможных других весьма добрых свойствах, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — голова у него подобна тюрбану.

2.14. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. У него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? За ним следует много существ — брахманы-домохозяева, городские и деревенские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? За ним следует много существ — монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.15. Об этом сказано так:

«Он был первым в добрых, праведных делах

И наслаждался праведным поведением,

Следуя [нуждам] многих существ,

И испытал на небесах плод заслуг.

И испытав плод добрых дел,

Он пришел сюда [в мир] с головой, сверху на которой выпуклость.

Знающие приметы и предзнаменования разъяснили:
„Он будет первым среди многих“,
И полезное для людей здесь
Ему приносят — как и прежде.
Если он кшатрий, повелитель земли,
То получает подношения от многих людей;
Если же этот человек странствует,
Всецело исполненный добродетелей,
То восхищенные достоинствами его наставлений
За ним следуют множество людей».

2.16. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата, отказываясь от лживой речи, избегая лживой речи, говорил правду, был связан с правдой, надежен, достоин доверия, не обманывал людей — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — [у него из каждой поры растет] по одному волоску, и между бровями растут белые волоски, подобные мягкой хлопковой ткани.

2.17. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Ему служит много существ — брахманы-домохозяева, городские и сельские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Ему служит много существ — монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.18. Об этом сказано так:

«В предыдущих рожденьях он был привержен правде,
Искренен в речах, отвергал ложь,
Никого не обманывал,
Радовался тому, что соответствует правде, истине.
Белые, очень светлые, подобные мягкой хлопковой ткани
Волоски хорошо выросли у него между бровями,
И из [каждой] поры выросло
По одному волоску — так сотворены [его] черты.
Сошлись многие знатоки знаков,
Сведущие в знаменьях и предзнаменованиях, и разъяснили о нем:
„Когда хорошо выросли волоски и волосы,
То подобному [человеку] служит много людей.
Когда он домохозяин, ему служат многие
Люди за совершенные прежде дела.
Но и когда он — не имеющий ничего странник, непревзойденный
Будда — ему служат люди“».

2.19. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата отказывался от клеветнической речи, избегал клеветнической речи; не рассказывал в другом месте услышанного здесь, чтобы не вызвать раздора со здешними, и не рассказывал здесь услышанного в другом месте, чтобы не вызвать раздора с тамошними; соединяя разобщенных, поощряя соединенных, был удовлетворен согласием, доволен согласием, наслаждался согласием, вел речь, родящую согласие, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — у него сорок зубов, и зубы не посажены редко.

2.20. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что

он получает, будучи царем? Окружающие его не разделены [между собой] — не разделены у него брахманы-домохозяева, городские и сельские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Окружающие его не разделены [между собой] — не разделены у него монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.21. Об этом сказано так:

«Он не говорил связанного клеветой, причиняющего разделение,
Причиняющего распрю, вырастающую из разделения,
Причиняющего недолжное, вырастающее из ссоры,
Рождающего разделение соединенных.
Он говорил надолго причиняющее возрастание согласия,
Рождающее соединение разделенных,
Устраняя ссоры между людьми и, наделенный
Сопутствующими [ему], наслаждается и радуется.
Созревший плод благих путей
Он вкушает и радуется в том [мире].
Здесь [его] зубы не посажены редко, и всего
Их у него сорок, растущих во рту, хорошо расположенных.
Если он кшатрий, повелитель земли,
То окружающие его не бывают враждебны,
Когда же он — отшельник — непорочный, незапятнанный,
То окружающие преданы ему и непоколебимы».

2.22. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата отказывался от грубой речи, избегал грубой речи, вел лишь такую речь, которая непорочна, радует слух, добра, доходит до сердца, вежлива, дорога многим людям, приятна многим людям, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — у него большой язык и превосходно звучащий голос, как у каравики.

2.23. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным

семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? У него захватывающая речь; его речью захвачены брахманы-домохозяева, городские и сельские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? У него захватывающая речь; его речью захвачены монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благодный.

2.24. Об этом сказано так:

«Он не поднимал голоса, не говорил грубо,
Причиняющего оскорбление, ссоры, тягость,
Разрушающего, сокрушающего многих людей,
Вел сладкозвучные [речи], хорошо составленные, добрые.
Были приятны для разума и доходили до сердца
[Его] слова. Он говорил, радуя слух,
И вкушает плод хорошо произнесенных слов —
Испытал на небесах плод заслуг.
Испытав плод добрых дел,
Он пришел сюда [в мир] с превосходно звучащим голосом,
И язык его — большой величины.
Он говорит речь, которая захватывает.
Будучи домохозяином, он процветает, говоря.
Но и когда этот человек отправился в странствие,
То людей захватывает его речь,
Когда, говоря, он говорит многое многим».

2.25. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата отказывался от легкомысленной болтовни, избегал легкомысленной болтовни, говорил вовремя, говорил о действительно происшедшем, говорил с пользой, говорил об истине, говорил о должном поведении, своевременно вел достопамятную речь, обоснованную, соразмерную, несущую пользу, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном

счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает этот знак великого человека — у него челюсть, как у льва.

2.26. Наделенный этим знаком, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? Ни одно человеческое существо, противник, недруг не может нанести [ему] поражения. Это он получает, будучи царем. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? Ни внутренние, ни внешние противники, ни страсть, ни ненависть, ни заблуждение, ни отшельник, ни брахман, ни бог, ни Мара, ни Брахма — ничто в мире не может нанести ему поражение. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благодостный.

2.27. Об этом сказано так:

«Он не произносил ни легкомысленной болтовни, ни глупостей,

Не был занят рассеянными речами,

И отвергал бесполезное, и говорил лишь о полезном

И счастливом для многих людей.

Совершая это и оставив существование здесь, он достиг неба,

Наслаждаясь плодами добрых дел.

Оставив существование [там], снова придя в этот мир,

Он приобрел челюсть, подобную [челюсти] превосходнейшего из четвероногих;

Царь, владыка людей, он непобедим —

Повелитель человеческого рода, великий могуществом,

Подобный лучшему в граде трех небес,

Словно превосходнейший владыка богов.

Гандхаббам, асурам, Сакке, раккхасам,

Богам — нелегко победить его.

Таким же образом он бывает подобным домохозяином

Во [всех] сторонах света, и противоположных сторонах, и промежуточных сторонах».

2.28. «Поскольку, монахи, в прежнем рождении, прежнем существовании, прежнем местопребывании наделенный тогда человеческим обликом Татхагата отказался от несправедливого образа жизни, добывал средства к существованию

праведной жизнью, избегая обмана на весах, обмана в монете, обмана в мере, криводушия, нечестности, обмана, изворотливости, [избегая] ранить, убивать, заключать в оковы, разбойничать, грабить, применять насилие, — он, совершив, накопив, в изобилии умножив подобные дела, с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Там он превосходит других богов в десяти вещах: божественном сроке жизни, божественной красоте, божественном счастье, божественной славе, божественном владычестве, божественных видах, божественных звуках, божественных запахах, божественных вкусах, божественных осязаниях. Оставив существование там и придя в этот мир, он приобретает эти два знака великого человека — у него ровные зубы и очень белые зубы.

2.29. Наделенный этими знаками, он если обитает в доме, то становится царем, владыкой мира, добродетельным царем добродетели, правящим четырьмя сторонами света, победоносным, доставившим стране безопасность, наделенным семью сокровищами. Эти его семь сокровищ: колесо-сокровище, слон-сокровище, конь-сокровище, драгоценность-сокровище, женщина-сокровище, домоправитель-сокровище и наставник-сокровище — в седьмых. И у него есть больше тысячи сыновей — героев могучего сложения, повергающих вражеское войско. Он занимает эту землю, ограниченную океаном, — плодородную, безопасную, умиротворенную, богатую, преуспевающую, спокойную, счастливую, свободную от недугов, — покорив ее не палкой, не мечом, [но одной лишь] добродетелью. Что он получает, будучи царем? У него чистое окружение, чистые окружают его — брахманы, домохозяева, городские и деревенские жители, заведующие казной, стражники, привратники, приближенные, придворные, царская знать, царевичи. Это он получает, будучи царем.

2.30. Если же он, оставив дом, странствует бездомным, то становится архатом, всецело просветленным, снимающим покров с мира. Что он получает, будучи Буддой? У него чистое окружение, чистые окружают его — монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки, боги, люди, асуры, наги, гандхаббы. Это он получает, будучи Буддой».

Вот что сказал Благостный.

2.31. Об этом сказано так:

«Он должным образом отбросил несправедный образ жизни,
И вел себя чисто, праведно,
И отвергал бесполезное, и делал лишь полезное
И счастливое для многих людей.
На небе [этот] человек познал счастливые плоды.
Совершив перевозносимое мудрыми и сведущими,
Подобный лучшему в граде трех небес
Он наслаждается, наделенный сладостными удовольствиями.
Обретя человеческую природу, оставив существование там,
Благодаря оставшимся плодам добрых дел
Он получает ровные зубы —
Очень чистые, очень белые.

Собравшись, многие прорицатели,

Почитаемые искусными, первые среди людей, разъяснили о нем:

„Толпа чистых людей окружает

Наделенного ровными зубами и белыми, чистыми, прекрасными зубами.

Царь — он наделен чистым окружением из многих людей,

Правит великой землей.

Народ не побуждают насилием

И делают лишь полезное и счастливое для многих людей.

Когда же он отправляется в странствие — непорочный отшельник,

Успокоивший страсть, снимающий покров [с мира],

Лишенный беспокойства и мучений, —

То зрит и этот, и тот мир.

Увещиваемые им многие домохозяева и странники

Отбрасывают нечистое и порицаемое зло,

Ибо он, окруженный чистыми,

Изгоняет нечистоту, преграды, проступки, пороки“».

[Окончена] седьмая «Лаккхана-сутта».

XXXI. «Сингаловада-сутта» («Сутта, повествующая о Сингале»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в бамбуковой роще на месте кормления белок, и в это самое время сын домоправителя Сингалака, рано встав и выйдя из Раджагахи, с влажными одеждами и влажными волосами, сложив ладони, стал совершать поклонение перед [разными] сторонами света — восточной стороной, южной стороной, западной стороной, северной стороной, нижней стороной и верхней стороной.

2. Между тем Благостный утром оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду и пошел в Раджагаху для сбора милостыни. И вот Благостный увидел сына домоправителя Сингалаку, который, рано встав и выйдя из Раджагахи, с влажными одеждами и влажными волосами, сложив ладони, стал совершать поклонение перед [разными] сторонами света — восточной стороной, южной стороной, западной стороной, северной стороной, нижней стороной и верхней стороной. И видя сына домоправителя Сингалаку он сказал так:

«Почему, сын домоправителя, рано встав и выйдя из Раджагахи, с влажными одеждами и влажными волосами, сложив ладони, ты стал совершать поклонение перед [разными] сторонами света — восточной стороной, южной стороной, западной стороной, северной стороной, нижней стороной и верхней стороной?»

«Господин, отец, уходя из жизни, сказал мне: „Дорогой, тебе следует совершить поклонение перед сторонами света“. Поэтому, господин, оказывая внимание, оказывая заботу, уважая, чтя речь отца, я, рано встав и выйдя из Раджагахи, с влажными одеждами и влажными волосами, сложив ладони, совершаю поклонение перед [разными] сторонами света — восточной стороной, южной стороной, западной стороной, северной стороной, нижней стороной и верхней стороной».

«Но, согласно праведному поведению, не так, сын домоправителя, следует воздавать поклонение шести сторонам света».

«Как же, господин, согласно праведному поведению, следует воздавать поклонение шести сторонам света? Пусть, господин, Благостный соизволит наставить меня в этой истине — как, согласно праведному поведению, следует воздавать поклонение шести сторонам света».

«В таком случае, сын домоправителя, слушай тщательно и внимай [тому, что я] скажу».

«Хорошо, господин», — согласился с Благостным сын домоправителя Синглака. Благостный сказал так:

3. «Поскольку, сын домоправителя, праведный ученик отказывается от четырех порочных действий и не совершает порочных дел, [стоящих] на четырех основаниях, и не служит шести удовольствиям, ведущим к бедствию, он, избегая таким образом четырнадцать проступков, покрывает шесть сторон света, достигает победы над обоими мирами, он преуспевает и в этом мире, и в другом мире. С распадом тела после смерти он вновь рождается в счастливом небесном мире.

От каких же четырех порочных действий он отказывается? [Он], сын домоправителя, [отказывается] от порочного действия уничтожения жизни, от порочного действия присвоения [того, что] не дано, от порочного действия неправедных страстей, от порочного действия лживой речи. От этих четырех порочных действий он отказывается».

Так сказал Благостный.

4. И сказав так, Счастливый, учитель, сказал еще:

«Уничтожения жизни, присвоения [того, что] не дано, и лживой речи,
И сожительства с чужой женой — этого мудрые не одобряют».

5. На каких же четырех основаниях [стоят] порочные дела, которых он не совершает? Идущий путем желанья совершает порочные дела, идущий путем ненависти совершает порочные дела, идущий путем страха совершает порочные дела, идущий путем заблуждения совершает порочные дела. И поскольку, сын домоправителя, праведный ученик не идет путем желанья, не идет путем ненависти, не идет путем заблуждения, не идет путем страха, он не совершает порочных дел, [стоящих] на этих четырех основаниях».

Так сказал Благостный.

6. И сказав так, Счастливый, учитель, сказал еще:

«Кто преступает закон
Из желанья, ненависти, страха, заблуждения,
Слава того исчезает,
Словно луна в темную половину месяца.
Кто не преступает закона
Из желанья, ненависти, страха, заблуждения,
Слава того возрастает,
Словно луна в светлую половину месяца.»

7. Каким же шести удовольствиям, ведущим к бедствию, он не служит? Приверженность к хмельным, спиртным, опьяняющим напиткам, вызывающим легкомыслие, — это, сын домоправителя, [одно] из удовольствий, ведущее к бедствию. Приверженность к хождению по улицам в неурочное время — [одно]

из удовольствий, ведущее к бедствию. Приверженность к посещению празднеств — [одно] из удовольствий, ведущее к бедствию. Приверженность к игре в кости, вызывающей легкомыслие, — [одно] из удовольствий, ведущее к бедствию. Приверженность к дурным друзьям — [одно] из удовольствий, ведущее к бедствию. Приверженность к лени — [одно] из удовольствий, ведущее к бедствию.

8. Вот каковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к хмельным, спиртным, опьяняющим напиткам, вызывающим легкомыслие: очевидная потеря богатства, возрастающие ссоры, подверженность болезням, приобретение дурной славы, бесстыдство и ослабление разума — в шестых. Таковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к хмельным, спиртным, опьяняющим напиткам, вызывающим легкомыслие.

9. Вот каковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к хождению по улице в неурочное время: и сам он оказывается без охраны и без защиты, и его жена с детьми оказывается без охраны и без защиты, и его имущество оказывается без охраны и без защиты, его подозревают в порочных делах, о нем ходят ложные слухи, и на его пути стоят несчастья. Таковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к хождению по улице в неурочное время.

10. Вот каковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к посещению празднеств: [он думает лишь о том], где танцы, где пение, где музыка, где декламация, где игра на цимбалах, где игра на барабане. Таковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к посещению празднеств.

11. Вот каковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к игре в кости, вызывающей легкомыслие: победителем он вызывает вражду, побежденным печален в мыслях, [его постигает] очевидная потеря богатства, его речь не имеет веса в собрании, его презирают друзья и знакомые, он не подходит для свадебной церемонии, [ибо считают], что человек, играющий в кости, неспособен содержать жену. Таковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к игре в кости, вызывающей легкомыслие.

12. Вот каковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к дурным друзьям: и игроки, и пьяницы, и одержимые жадой, и лжецы, и обманщики, и насильники — [все] они бывают его друзьями, его спутниками. Таковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к дурным друзьям.

13. Вот каковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к лени: [Он говорит]: „Слишком холодно“ — и не делает дела; „Слишком жарко“ — и не делает дела; „Слишком поздно“ — и не делает дела; „Слишком рано“ — и не делает дела; „Я слишком голоден“ — и не делает дела; „Я слишком насытился“ — и не делает дела. Так, приводя множество предлогов по поводу [своих] обязанностей, он и не приобретает неприобретенного имущества, и теряет приобретенное имущество. Таковы, сын домоправителя, шесть опасностей от приверженности к лени».

Так сказал Благодный.

14. И, сказав так, Счастливый, учитель, сказал еще:

«Есть друзья лишь по выпивке,
Есть [говорящие]: „Дорогой, дорогой!“,
Но кто при возникшей необходимости
Бывает другом — тот [действительно] друг.
Сон после восхода солнца, ухаживание за чужою женой,
И приверженность вражде, и причинение вреда,
И дружба с дурными, и алчность —
Эти шесть вещей губят человека.
Дружа с дурными, сблизясь с дурными,
Предаваясь дурному поведению,
Человек гибнет в обоих [мирах] —
И в этом мире, и в том.
Игра в кости, женщины и опьяняющее питье, танцы и пение,
Дневной сон, гуляние в неурочное время,
И дружба с дурными, и алчность —
Эти шесть вещей губят человека.
Играя в кости, выпивая хмельное,
Идя к женщинам, которые, словно жизнь, [дороги] другим,
Следуя за низменными и не следуя за возвышенными,
[Люди] исчезают, словно луна в темную половину месяца.
Пьянствующий, лишенный имущества, ничтожный,
Жаждающий питья, идущий за дурными
Погружается в долги, словно в воду,
И быстро лишает себя доброго имени.
Имеющий обыкновение спать днем,
Привыкший подниматься ночью,
Постоянно одурманенный, пьяница
Неспособен вести домашнюю жизнь.
„Слишком холодно“, „Слишком жарко“,
„Слишком поздно“ — говоря так
И откладывая дела,
Люди упускают пользу.
Кто заботится не больше, чем о соломе,
О холоде и о жаре
И исполняет человеческий долг,
Тот не лишается [своего] счастья.

15. Следует знать, сын домоправителя, четырех недругов в облике друзей: следует знать, что забирающий чужое добро — недруг в облике друга; следует знать, что человек слов, [а не дела] — недруг в облике друга; следует знать, что льстец — недруг в облике друга; следует знать, что расточительный спутник — недруг в облике друга.

16. Есть, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что забирающий чужое добро — недруг в облике друга: он забирает чужое добро, желает многого взамен малого, исполняет свою обязанность из страха, служит [лишь] собственной выгоде. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что забирающий чужое добро — недруг в облике друга.

17. Есть, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что человек слов, [а не дела] — недруг в облике друга: он любезно распространяется о прошлом, любезно распространяется о будущем, ищет милости с помощью бесполезных вещей и, когда возникает надобность, обнаруживает бессилие. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что человек слов, [а не дела] — недруг в облике друга.

18. Есть, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что льстец — недруг в облике друга: он соглашается на дурное, не соглашается на хорошее, говорит [о тебе] в глаза хорошее и говорит за глаза нехорошее. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что льстец — недруг в облике друга.

19. Есть сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что расточительный спутник — недруг в облике друга: он бывает спутником в приверженности к хмельным, спиртным, опьяняющим напиткам, вызывающим легкомыслие; бывает спутником в приверженности к хождению по улицам в неурочное время; бывает спутником в приверженности к посещению празднеств; бывает спутником в приверженности к игре в кости, вызывающей легкомыслие. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что расточительный спутник — недруг в облике друга».

Так сказал Благостный.

20. И, сказав так, Счастливый, учитель, сказал еще:

«Друг, забирающий чужое добро,
И друг, что человек слов, [а не дела],
И тот, который говорит лесть,
И тот, который сопутствует [тебе] в расходах, —
Таковы четыре недруга.
Зная это, пусть мудрый
Избегает их, издалека,
Словно полную опасностей дорогу.

21. Следует знать, сын домоправителя, четырех добросердечных друзей; следует знать, что помогающий [тебе] — добросердечный друг; следует знать, что постоянный в счастье и в несчастье — добросердечный друг; следует знать, что говорящий полезное — добросердечный друг; следует знать, что сострадающий [тебе] — добросердечный друг.

22. Есть, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что помогающий [тебе] — добросердечный друг: он охраняет неспособного следить [за собой], охраняет имущество неспособного следить, дает убежище испу-

ганному, при возникновении надобности оказывает двойную помощь. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что помогающий [тебе] — добросердечный друг.

23. Есть, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что постоянный в счастье и в несчастье — добросердечный друг: он доверяет свою тайну, держит в тайне доверенное ему, не покидает в бедах и даже жертвует жизнью ради пользы [друга]. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что постоянный в счастье и в несчастье — добросердечный друг.

24. Есть сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что говорящий полезное — добросердечный друг: он удерживает от дурного, побуждает к хорошему, дает услышать о неслыханном [тобой раньше], указывает путь, ведущий к небу. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что говорящий полезное — добросердечный друг.

25. Есть сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что сострадающий [тебе] — добросердечный друг: он не радуется твоей неудаче, радуется удаче, удерживает говорящих недостойно [о тебе], соглашается с говорящими достойно. Таковы, сын домоправителя, четыре основания, по которым следует знать, что сострадающий [тебе] — добросердечный друг».

Так сказал Благостный.

26. И сказав так, Счастливым, учитель сказал еще:

«Друг, который помогает
И который друг [тебе] в счастье и в несчастье,
И друг, который говорит полезное,
И друг, который сострадает, —
Вот четыре [настоящих] друга. —
Зная это, мудрый
Пусть внимательно служит [им],
Как мать — родному сыну.
Мудрый, преданный нравственности,
Сияет, как пылающий огонь.
У накапливающего имущество,
Словно подвижная пчела,
Имущество умножается
И растет, как муравейник.
Так, накопив имущество,
Домохозяин способен приносить пользу [своей] семье.
Если делит имущество на четыре части,
Он привязывает [к себе] друзей:
Пусть он пользуется одной [частью] имущества,
Две [части] использует для [своих] дел
И четвертую отложит,
Чтобы служила [ему] в бедствиях.

27. Как же, сын домоправителя, праведный ученик покрывает шесть сторон света? Следует знать, сын домоправителя, шесть сторон света: следует знать, что восточная сторона — мать и отец; следует знать, что южная сторона — наставники; следует знать, что западная сторона — жена и дети; следует знать, что северная сторона — друзья и близкие; следует знать, что нижняя сторона — рабы, слуги, исполняющие работы; следует знать, что верхняя сторона — отшельники и брахманы.

28. Есть, сын домоправителя, пять путей, которыми сыну следует служить восточной стороне — отцу и матери. [Он говорит]: „Вскормленный [ими] я буду кормить их“, „Я буду исполнять их обязанности“, „Я обеспечу продолжение рода“, „Я приму [их] наследие“, „Когда они умрут, я буду в надлежащее время приносить жертвенные дары“. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми сыну следует служить восточной стороне — отцу и матери, и пятью путями [те] сострадают сыну: удерживают от дурного, побуждают к хорошему, обучают ремеслу, соединяют с подходящей супругой, в должное время наделяют наследством. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми следует служить восточной стороне — отцу и матери, таковы пять путей, которыми [те] сострадают сыну. Так, эта восточная сторона покрытая им, пребывает в спокойствии и безопасности.

29. Есть, сын домоправителя, пять путей, которыми ученику следует служить южной стороне — наставникам: поднимаясь [с сиденья], почитая, стремясь к обучению, прислуживая, внимательно принимая [от них] знание. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми ученику следует служить южной стороне — наставникам, и пятью путями [те] сострадают ученику: воспитывают хорошо воспитанного, заставляют схватывать хорошо схватывающееся [наставление], передают все известные [им] знания, делают его славным среди друзей и близких, доставляют защиту в сторонах света. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми ученику следует служить южной стороне — наставникам, таковы пять путей, которыми [те] сострадают ученику. Так эта южная сторона, покрытая им, пребывает в спокойствии и безопасности».

30. Есть, сын домоправителя, пять путей, которыми мужу следует служить западной стороне — жене: почитая [ее], не пренебрегая, не изменяя [ей], передавая [ей] власть, доставляя украшения. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми мужу следует служить западной стороне — жене, и пятью путями — [та] сострадает мужу: хорошо исполняет дела, хорошо расположена к окружающим, не изменяет, стережет [домашние] запасы, искусна и усердна во всех делах. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми мужу следует служить западной стороне — жене, таковы пять путей, которыми [та] сострадает мужу. Так эта западная сторона, покрытая им, пребывает в спокойствии и безопасности.

31. Есть, сын домоправителя, пять путей, которыми [человеку из] славного семейства следует служить северной стороне — друзьям и близким: даяниями, доброй речью, принесением пользы, ровным обращением, отсутствием обмана. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми [человеку из] славного семейст-

ва следует служить северной стороне — друзьям и близким, и пятью путями [те] страдают [человеку из] славного семейства: они охраняют неспособного следовать [за собой], охраняют имущество неспособного следовать, дают убежище испуганному, не покидают в бедах, чтут и других членов его семьи. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми [человеку из] славного семейства следует служить северной стороне — друзьям и близким; таковы пять путей, которыми [те] страдают [человеку из] славного семейства. Так эта северная сторона, покрытая им, пребывает в спокойствии и безопасности.

32. Есть, сын домоправителя, пять путей, которыми праведному хозяину следует служить нижней стороне — рабам, исполняющим работы: назначая труд, соответствующий силам [каждого], доставляя пищу и плату, заботясь о больных, деля [с ними] превосходные лакомства, доставляя время [для отдыха]. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми праведному хозяину следует служить нижней стороне — рабам, исполняющим работы, и пятью путями [те] страдают праведному хозяину: они встают раньше [его], ложатся позже, берут [лишь то, что им] дано, хорошо исполняют дела, приносят славу и похвалу. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми праведному хозяину следует служить нижней стороне — рабам, исполняющим работы, таковы пять путей, которыми [те] страдают праведному хозяину. Так эта нижняя сторона, покрытая им, пребывает в спокойствии и безопасности.

33. Есть, сын домоправителя, пять путей, которыми [человеку из] славного семейства следует служить верхней стороне — отшельникам и брахманам: дружелюбно действуя телом, дружелюбно действуя речью, дружелюбно действуя разумом, держа двери открытыми [для них], доставляя пропитание. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми [человеку из] славного семейства следует служить верхней стороне — отшельникам и брахманам, и шестью путями [те] страдают [человеку из] славного семейства: удерживают от дурного, побуждают к хорошему, страдают [ему] добрыми помыслами, дают услышать о неслышанном [им раньше], совершенствуют услышанное [им], указывают на путь, ведущий к небу. Таковы, сын домоправителя, пять путей, которыми [человеку из] славного семейства следует служить верхней стороне — отшельникам и брахманам, таковы шесть путей, которыми [те] страдают [человеку из] славного семейства. Так эта верхняя сторона, покрытая им, пребывает в спокойствии и безопасности».

Так сказал Благостный.

34. И сказав так, Счастливым, учитель сказал еще:

«Мать и отец — восточная сторона,
Наставники — южная сторона,
Жена и дети — западная сторона,
И друзья и близкие — северная.
Рабы, исполняющие работы, — нижняя,
Верхняя — отшельники и брахманы.

Пусть чтит эти стороны
Домохозяин, способный приносить пользу [своей] семье.
Мудрый, преданный нравственности,
Мягкий и наделенный пониманием,
Скромный нравом, полезный —
Подобный [человек] приобретает славу.
Деятельный, неленивый,
Не дрожащий в беде,
Безупречный нравом, разумный —
Подобный [человек] приобретает славу.
Держащийся [приятного обращения], приобретающий друзей,
Добрый, лишенный себялюбия,
Ведущий, наставляющий, примиряющий [других] —
Подобный [человек] приобретает славу.
Даяния, и добрая речь,
И также — принесение пользы,
И ровное обращение в делах
Соответственно надобности —
[Всё] это скрепляет мир,
Как чека — движущуюся повозку.
Если же нет этих скреплений,
То ни мать благодаря детям,
Ни отец благодаря детям
Не обретают уважения и почитания.
И поскольку мудрые принимают во внимание
Эти скрепления,
Они достигают величия
И бывают восхваляемы».

35. Когда так было сказано, сын домоправителя Сингалака так сказал Благостному:

«Превосходно, господин! Превосходно, господин! Подобно тому, господин, как поднимают упавшее, или раскрывают сокрытое, или указывают дорогу заблудившемуся, или ставят в темноте масляный светильник, чтобы наделенные зрением различали образы, так же точно Благостный с помощью многих наставлений преподал истину. И вот, господин, я иду как к прибежищу к Благостному, и к дхамме, и к сангхе монахов. Путь же Благостный примет меня как преданного мирянина, отныне и на всю жизнь нашедшего [здесь] прибежище!»

[Окончена] восьмая «Сингаловада-сутта».

XXXII. «Атанатия-сутта» («Сутта [заклинания] Атанатия»)

1. Вот что я слышал. Однажды Благостный пребывал в Раджагахе на холме Гиджджахакута. И вот четыре Великих царя с великим войском гандхаббов и великим войском яккхов, и великим войском кумбхандов, и великим войском нагов, установив охрану над четырьмя сторонами света, установил заслон с четырех сторон света, установил преграду в четырех сторонах света, на исходе ночи озарив всю Гиджджахакуту чудесным блеском, приблизились к Благостному; приблизившись, они приветствовали Благостного и сели в стороне. И некоторые яккхи, приветствовав Благостного, сели в стороне, некоторые обменялись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием и сели в стороне; некоторые, со сложенными ладонями поклонившись Благостному, сели в стороне; некоторые, назвав [свое] имя и род, сели в стороне; некоторые, оставаясь безмолвными, сели в стороне.

2. И вот, сидя в стороне, Великий царь Вессавана так сказал Благостному:

«Есть ведь, господин, высшие яккхи, не верящие Благостному, и есть, господин, высшие яккхи, верящие Благостному; есть ведь, господин, средние яккхи, не верящие Благостному, и есть, господин, средние яккхи, верящие Благостному; есть ведь, господин, низшие яккхи, не верящие Благостному, и есть, господин, низшие яккхи, верящие Благостному. Но по большей части, господин, яккхи не верят Благостному. По какой же это причине? Ведь Благостный, господин, проповедует воздержание от уничтожения жизни, проповедует воздержание от присвоения [того, что] не дано, проповедует воздержание от неправедных страстей; проповедует воздержание от лживой речи, проповедует воздержание от хмельных, спиртных, опьяняющих напитков, вызывающих легкомыслие. Яккхи же, господин, по большей части не отказываются от уничтожения жизни, не отказываются от присвоения [того, что] не дано, не отказываются от неправедных страстей, не отказываются от лживой речи, не отказываются от хмельных, спиртных, опьяняющих напитков, вызывающих легкомыслие. И эта [проповедь] им не дорога, не приятна. Между тем есть, господин, ученики Благостного, что стремятся к отдаленным обителям в глуши, в лесной чаще, где нет шума, нет звуков, [оби-

телям], дышащим безлюдьем, пригодным, чтобы скрыться от людей, подходящим для уединения. А там обитают высшие яккхи, которые не верят этим словам Благостного. Пусть, господин, чтобы умиловить их, Благостный овладеет охранительным заклинанием Атанатией ради защиты, охраны, безопасности, спокойствия монахов, монахинь, преданных мирян и преданных мирянок».

И Благостный безмолвно согласился.

3. И вот Великий царь Вессавана, видя согласие Благостного, произнес в это время охранительное заклинание Атанатию:

«Да будет слава Випасси,
прозорливому, величественному!
Да будет слава Сикхи,
сострадающему всем существам!
Да будет слава Вессабху,
подвижнику, омывшемуся [от всех проступков]!
Да будет слава Какусандхе,
сокрушающему войско Мары!
Да будет слава Конагамане,
совершенному праведнику!
Да будет слава Кассапе,
всецело освобожденному!
Да будет слава Ангирасе,
сыну сакьев, величественному,
Который преподает это наставление,
отвращающее всякое несчастье!
И [пусть славятся] те, которые успокоились в мире,
прозрев суть вещей, —
Те, незлобивые существа,
великие, мудрые.
Благо богам и людям,
которые славят Готама,
Знающего и праведного,
великого, мудрого!
4. Откуда восходит солнце,
светило, великий диск,
С восходом которого
кончается ночь,
Когда со взошедшим солнцем
говорят: „Вот день!“ —
Там глубокая пучина,
океан волнующихся вод;
Так там и зовут его:
„Океан волнующихся вод“.
Оттуда [простирается] эта восточная сторона света,
как зовут ее люди.

Эту сторону охраняет
Великий царь, наделенный славой,
Повелитель гандхаббов,
имя его Дхатараттха.
Он наслаждается танцами и пением,
чтимый гандхаббами;
У него многочисленные сыновья,
как я слышал, [носящие] одно имя.
Их восемьдесят и десять и один —
названные [вслед за] Индой, наделенные великой силой.
И они также, видя Будду,
Будду — родича светила,
Еще издали славят
великого, мудрого:
„Слава тебе, благородный человек!
Слава тебе, высший из людей!
С добротой ты взираешь [на нас],
даже нечеловеческие [существа] восславляют тебя!“
Вот что постоянно мы слышим
и вот что отвечаем на это:
„Вы восславляете победителя Готаму?“ —
„Мы восславляем победителя Готаму,
Знающего и праведного,
мы восхваляем Будду, Готаму“.

5. Где [обитают существа], зовущиеся петы,
злобные, вредящие за спиной,
Уничтожающие живое, жадные,
разбойники, лживые существа, —
Оттуда [простирается] эта южная сторона света,
как зовут ее люди.
Эту сторону охраняет
Великий царь, наделенный славой,
Повелитель кумбхандов,
имя его — Вирулха.
Он наслаждается танцами и пением,
чтимый кумбхандами;
У него многочисленные сыновья,
как я слышал, [носящие] одно имя —
Их восемьдесят и десять и один —
названные [вслед за] Индой, наделенные великой силой.
И они также, видя Будду,
Будду — родича светила,
Еще издали славят
великого, мудрого:
„Слава тебе, благородный человек!

Слава тебе, высший из людей!
С добротой ты зриаешь [на нас],
даже нечеловеческие [существа] восславляют тебя!“
Вот что постоянно мы слышим
и вот что отвечаем на это:
„Вы восславляете победителя Готаму?“ —
„Мы восславляем победителя Готаму,
Знающего и праведного,
мы восхваляем Будду, Готаму“.

6. И где заходит солнце,
светило, великий диск,
С заходом которого
кончается ночь,
Когда с зашедшим солнцем
говорят: „Вот ночь!“ —
Там глубокая пучина,
океан волнующихся вод;
Так там и зовут его:
„Океан волнующихся вод“.

Там эта западная сторона света,
как зовут ее люди.
Эту сторону охраняет
Великий царь, наделенный славой,
Повелитель нагов,
имя его — Вирупаккха.
Он наслаждается танцами и пением,
чтимый нагами;
У него многочисленные сыновья,
как я слышал, [носящие] одно имя —
Их восемьдесят и десять и один —
названные [вслед за] Индой, наделенные великой силой.
И они также, видя Будду,
Будду — родича светила,
Еще издали славят
великого, мудрого:
„Слава тебе, благородный человек!
Слава тебе, высший из людей!
С добротой ты зриаешь [на нас],
даже нечеловеческие [существа] восславляют тебя!“
Вот что постоянно мы слышим
и вот что отвечаем на это:
„Вы восславляете победителя Готаму?“ —
„Мы восславляем победителя Готаму,
Знающего и праведного,
мы восхваляем Будду, Готаму“.

7. Где [находится] восхитительная [страна] — северное Куру
с прекрасной Маханеру,
Там рождаются люди,
лишенные себялюбия и стяжательства.
Они не сеют семян,
не ходят с плугом,
Рисом, созревающим без пахоты,
питаются люди.
Лишенные красной пыльцы и шелухи, чистые,
благоуханные очищенные зерна риса
Варят на раскаленных камнях
и затем принимают в пищу.
Оседлав быка с одним лишь копытом,
они движутся с места на место;
Оседлав скот с одним лишь копытом,
они движутся с места на место;
Таша [повозки] с женщинами,
они движутся с места на место;
Таша [повозки] с мужчинами,
они движутся с места на место;
Таша [повозки] с девочками,
они движутся с места на место;
Таша [повозки] с мальчиками,
они движутся с места на место;
Взошедши на колесницы,
они движутся повсюду,
посещая [владения] своего царя.
Колесницы со слонами, колесницы с конями,
божественные колесницы служат [им]
И удобные паланкины
Великого царя, наделенного славой.
У него есть и города,
искусно выстроенные в воздушном пространстве.
Атаната, Кусината,
Паракусината,
Натапурия,
Паракуситаната,
К северу — Капиванта
и еще — Джаногха,
Наванаватия,
Амбара-Амбараватия,
Царская столица под названием Алакаманда.
Еще у Куверы,
Досточтимого Великого царя —
царская столица под названием Висана,
И поэтому Великий царь Кувера
зывается Вессавана.

О [нем], находящем [там] прибежище, возвещают
 Татола, Татгала, Татотала,
 Оджаси, Теджаси, Тагоджаси,
 Сура, Раджа, Ариттха, Неми.
 Там же и озеро под названием Дхарани,
 откуда тучи, [набирая воду], проливают [ее],
 Откуда льются дожди.
 Там же и зал под названием Бхагалавати,
 где, [собравшись, ему] прислуживают яккхи.
 Там — вечно плодоносящие деревья,
 населенные стаями различных птиц,
 [Оглашаемые] криками павлинов и цапель,
 пением кукушек.
 Здесь голос дживандживак,
 также — бодрящие сердце
 Фазаны, кулираки,
 [живущие] в лесу журавли.
 Здесь голоса попугаев и скворцов
 и дандаманавак;
 Во всякое время, постоянно
 сияет красотой этот пруд Куверы.
 Там эта северная сторона света,
 как зовут ее люди.
 Эту сторону охраняет
 Великий царь, наделенный славой,
 Повелитель яккхов,
 имя его — Кувера.
 Он наслаждается танцами и пением,
 чтимый яккхами;
 У него многочисленные сыновья,
 как я слышал, [носящие] одно имя —
 Их восемьдесят и десять и один —
 названные [вслед за] Индой, наделенные великой силой.
 И они также, видя Будду,
 Будду — родича светила,
 Еще издали славят
 великого, мудрого:
 „Слава тебе, благородный человек!
 Слава тебе, высший из людей!
 С добротой ты зрираешь [на нас],
 даже нечеловеческие [существа] восславляют тебя!“
 Вот что постоянно мы слышим
 и вот что отвечаем на это:
 „Вы восславляете победителя Готаму?“ —
 „Мы восславляем победителя Готаму,
 Знающего и праведного,
 мы восхваляем Будду, Готаму“.

8. Таково, досточтимый, это охранительное заклинание Атанатия ради защиты, охраны, безопасности, спокойствия монахов, монахинь, преданных мирян и преданных мирянок.

И когда, досточтимый, какой-либо монах или монахиня, или преданный мирянин, или преданная мирянка хорошо усвоят и будут знать целиком это охранительное заклинание Атанатия, то если какое-нибудь нечеловеческое существо — яккха или яккхيني, молодой яккха или молодая яккхيني, яккха — главный советник, или яккха приближенный, или яккха — слуга; гандхабба или гандхабби, молодой гандхабба или молодая гандхабби, гандхабба — главный советник, или гандхабба — приближенный, или гандхабба — слуга; кумбханда или кумбханди, молодой кумбханда или молодая кумбханди, кумбханда — главный советник, или кумбханда — приближенный, или кумбханда — слуга; нага или наги, молодой нага или молодая наги, нага — главный советник, или нага — приближенный, или нага — слуга — [приблизится] с дурным намерением к монаху, или монахине, или преданному мирянину, или преданной мирянке, идя за идущим, или встав со стоящим, или подсев к сидящему, или легши к лежащему, то этому нечеловеческому существу, досточтимый, не окажут у меня внимания, не окажут заботы ни в селениях, ни в торговых поселениях. Это нечеловеческое существо, досточтимый, не получит у меня в царской столице Алакаманде ни места, ни жилья. Это нечеловеческое существо, досточтимый, не получит у меня доступа в собрание яккхов. И [другие] нечеловеческие существа, досточтимый, не дадут ему ни жениться, ни [ей] быть выданной замуж. И нечеловеческие существа, досточтимый, даже будучи его близкими, будут порицать его тяжелыми порицаниями. И нечеловеческие существа, досточтимый, склонят его голову, словно пустой горшок. И нечеловеческие существа, досточтимый, разобьют ему голову на семь частей.

9. Есть, досточтимый, свирепые, страшные, дикие, нечеловеческие существа. Они не обращают внимания на великих царей, не обращают внимания на прислужников великих царей, не обращают внимания на прислуживающих прислужникам великих царей. Эти нечеловеческие существа, досточтимый, зовутся возмутившимися против великих царей. Подобно тому, досточтимый, как главари разбойников в стране царя Магадхи не обращают внимания на царя Магадхи, не обращают внимания на прислужников царя Магадхи, не обращают внимания на прислуживающих прислужникам царя Магадхи, и эти главари разбойников, досточтимый, зовутся возмутившимися против царя Магадхи, — таковы же, досточтимый, и свирепые, страшные, дикие, нечеловеческие существа. Они не обращают внимания на великих царей, не обращают внимания на прислужников великих царей, не обращают внимания на прислуживающих прислужникам великих царей. И эти нечеловеческие существа, досточтимый, зовутся возмутившимися против великих царей. И если, досточтимый, какое-нибудь нечеловеческое существо — яккха или яккхيني, молодой яккха или молодая яккхيني, яккха — главный советник, или яккха — приближенный, или яккха — слуга; гандхабба или гандхабби, молодой гандхабба или молодая гандхабби, гандхабба —

главный советник, или гандхабба — приближенный, или гандхабба — слуга; кумбханда или кумбханди, молодой кумбханда или молодая кумбханди, кумбханда — главный советник, или кумбханда — приближенный, или кумбханда — слуга; нага или наги, молодой нага или молодая наги, нага — главный советник, или нага — приближенный, или нага — слуга — [приблизится] с дурным намерением к монаху, или монахине, или преданному мирянину, или преданной мирянке, идя за идущим, или встав со стоящим, или подсев к сидящему, или легши к лежащему, то следует так воскликнуть и вскричать, чтобы пробудить тех яккхов, великих яккхов, предводителей яккхов, великих предводителей яккхов: „Этот яккха хватает [меня], этот яккха нападает, этот яккха беспокоит, этот яккха причиняет беспокойство, этот яккха вредит, этот яккха причиняет вред, этот яккха не отпускает [меня]!“

10. К каким же яккхам, великим яккхам, предводителям яккхов, великим предводителям яккхов [следует взывать]?

Инда, Сома и Варуна,
Бхарадваджа, Паджапати,
Чандана и Камасетгха,
Киннугханду и Нигханду,
Панада и Опаманья,
и возница богов Матали,
И гандхабба Читтасена,
царь Нама, Джанесабха,
Сатагира, Хемавата,
Пуннака, Каратия, Гула,
Сивака и Мучалинда,
Вессамитта, Югандхара,
Гопала и Суппагедха,
Хири, Нетти и Мандия,
Панчалачанда, Алавака,
Паджджунна, Сумана, Сумукха,
Дадхимукха, Мани, Маничара, Дигха
и с ними также Сериссака.

Чтобы пробудить этих яккхов, великих яккхов, предводителей яккхов, великих предводителей яккхов, и следует воскликнуть и вскричать: „Этот яккха хватает [меня], этот яккха нападает, этот яккха беспокоит, этот яккха причиняет беспокойство, этот яккха вредит, этот яккха причиняет вред, этот яккха не отпускает [меня]!“

11. Таково, достопочтенный, это охранительное заклинание Атанатия ради защиты, охраны, безопасности, спокойствия монахов, монахинь, преданных мирян и преданных мирянок.

Ну а теперь, досточтимый, мы пойдем — у нас много дел, многое надлежит сделать».

«[Делайте] теперь, Великие цари, как вы считаете нужным».

И тогда четыре Великих царя поднялись с сиденья, приветствовали Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, тут же исчезли. И когда яккхи поднялись с сиденья, то некоторые приветствовали Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, тут же исчезли; некоторые, обменявшись с Благостным дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием, тут же исчезли; некоторые со сложенными ладонями, поклонившись Благостному, тут же исчезли; некоторые, назвав [свое] имя и род, тут же исчезли; некоторые, оставаясь безмолвными, тут же исчезли.

12. И тогда Благостный на исходе той ночи обратился к монахам:

«Этой ночью, монахи, четыре Великих царя с великим войском гандхаббов... [следует повторение всего предыдущего текста сутты, связанного с посещением Будды Великими царями и речью Вессаваны, = XXXII.1–11].

13. Усвойте, монахи, охранительное заклинание Атанатия, выучите наизусть, монахи, охранительное заклинания Атанатия, помните, монахи, охранительное заклинание Атанатия; это охранительное заклинание Атанатия, монахи, полезно для защиты, охраны, безопасности, спокойствия монахов, монахинь, преданных мирян и преданных мирянок».

Так сказал Благостный. И удовлетворенные монахи порадовались словам Благостного.

[Окончена] девятая «Атанатия-сутта».

XXXIII. «Сангити-сутта» («Сутта о преподанном»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный, странствуя среди маллов с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, направился в город маллов Паву. И Благостный стал пребывать там, в Паве, в манговой роще Чунды, сына кузнеца.

1.2. И в это самое время новое место собраний павийских маллов под названием Уббхатака было лишь недавно построено и еще не занято ни отшельником, ни брахманом, ни каким-либо другим человеческим существом. И павийские маллы услышали: «Ведь Благостный, странствуя среди маллов с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, достиг Павы и пребывает в Паве в манговой роще Чунды, сына кузнеца». И тогда павийские маллы приблизились к Благостному; приблизившись они приветствовали Благостного и сели в стороне. И, сидя в стороне, павийские маллы так сказали Благостному:

«Вот, господин, новое место собраний павийских маллов лишь недавно построено и еще не занято ни отшельником, ни брахманом, на каким-либо другим человеческим существом. Пусть же, господин, Благостный первый воспользуется им — впервые использованное Благостным оно впоследствии долгое время будет служить благополучию и счастьем павийских маллов».

И Благостный безмолвно согласился.

1.3. И тогда павийские маллы, узнав о согласии Благостного, поднялись с сиденья, приветствовали Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, приблизились к месту собраний; приблизившись, они устлали все место собраний подстилками, приготовили сиденье, поставили сосуд с водой, установили масляный светильник; [затем снова] приблизились к Благостному; приблизившись, приветствовали Благостного и стали в стороне. И, став в стороне, павийские маллы так сказали Благостному:

«Господин, все место собраний устлано подстилками, приготовлены сиденья, поставлен сосуд с водой, установлен масляный светильник — [делай] теперь, господин, как Благостный считает нужным».

1.4. И вот Благостный оделся, взял сосуд для подаяний и верхнюю одежду, приблизился с толпой монахов к месту собраний; приблизившись, он омыл ноги, вошел в место собраний и сел лицом к востоку, прислонившись к средней колон-

не. И толпа монахов омыла ноги, вошла в место собраний и, чтя Благостного, села лицом к востоку, прислонившись к западной стене. И павийские маллы омыли ноги, вошли в место собраний и, чтя Благостного, сели лицом к западу, прислонившись к восточной стене. И тогда Благостный далеко за полночь наставив, побудив, воодушевив, порадовав павийских маллов добродетельной беседой, отпустил [их, сказав]: «Уже миновала ночь, васеттхи, — [делайте] теперь так, как считаете нужным». — «Хорошо, господин», — согласились с Благостным павийские маллы, поднялись с сиденья, приветствовали Благостного и, обойдя [его] с правой стороны, удалились.

1.5. И вскоре после ухода маллов, глядя на толпу монахов, всецело пребывающих в безмолвии, Благостный обратился к достопочтенному Сарипутте:

«Исчезла, Сарипутта, косность у толпы монахов, — пусть же у тебя с монахами, Сарипутта, возникнет добродетельная беседа. У меня устала спина — я вытянусь [и отдохну]». — «Хорошо, господин», — согласился с Благостным достопочтенный Сарипутта.

И тогда Благостный расстелил сложенную вчетверо ткань, лег, словно лев, на правый бок, положил ногу на ногу и, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, устремил ум к тому, чтобы подняться, [когда настанет время].

1.6. И в это самое время Нигантха Натхапутта окончил свои дни в Паве. И когда он окончил свои дни, нигантхи разделились — возник раскол на две части, возникли споры, возникли ссоры, они вступили в распри и стали уязвлять друг друга словесными ударами: «Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!» — «Как ты узнаешь истину и должное поведение?» — «Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!» — «Я последователен — ты непоследователен!» — «Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!» — «[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!» — «Твоя речь опровергнута! Ты побежден!» — «Оставь эту речь или разъясни, если можешь!» Поистине среди нигантхов, последователей Натхапутты, словно воцарилась [жажда] убийства. И даже те ученики Нигантхи Натхапутты — миряне в белых одеждах — даже они стали выказывать отвращение, выказывать недовольство, выказывать противодействие нигантам, последователям Натхапутты, [считая, что] плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным, лишены основания, лишены защиты.

1.7. И тогда достопочтенный Сарипутта обратился к монахам: «Друзья, Нигантха Натхапутта окончил свои дни в Паве. И когда он окончил свои дни, нигантхи разделились — возник раскол на две части, возникли споры, возникли ссоры, они вступили в распри и стали уязвлять друг друга словесными ударами: „Ты не знаешь истины и должного поведения — я знаю истину и должное поведение!“ — „Как ты узнаешь истину и должное поведение?“ — „Ты следуешь ложным путем — я следую истинным путем!“ — „Я последователен — ты непо-

следователен!“ — „Ты сказал в конце то, что следовало сказать в начале, и сказал в начале то, что следовало сказать в конце!“ — „[Мысль] у тебя непродуманна и превратна!“ — „Твоя речь опровергнута! Ты побежден!“ — „Оставь эту речь или разъясни, если можешь!“ Поистине среди нигантхов, последователей Натхапутты, словно воцарилась [жажда] убийства. И даже те ученики Нигантхи Натхапутты — миряне в белых одеждах — даже они стали выказывать отвращение, выказывать недовольство, выказывать противодействие нигантам, последователям Натхапутты, [считая, что] плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным, лишены основания, лишены защиты. И правда, друзья, плохо преподаны [им] истина и должное поведение, плохо переданы, не ведут к благу, не доставляют успокоения, переданы не всецело просветленным. Эта же истина, друзья, хорошо преподана нам Благостным, хорошо передана, ведет к благу, доставляет успокоение, передана всецело просветленным. И всем здесь следует произносить ее и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Какова же эта истина, друзья, хорошо преподанная нам Благостным, хорошо переданная, ведущая к благу, доставляющая успокоение, переданная всецело просветленным — [истина], которую всем здесь следует произносить и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Есть, друзья, одна вещь, в совершенстве преподанная этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И всем здесь следует произносить ее и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

1.8. Какова же эта одна вещь? Все существа живут благодаря причине, все существа живут благодаря совокупности [условий]. Это, друзья, одна вещь, в совершенстве преподанная этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И всем здесь следует произносить ее и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

1.9. Есть, друзья, две вещи, в совершенстве преподанные этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И всем здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти две?

(I) Имя и форма.

(II) Незнание и жажда существования.

(III) [Ложное] воззрение о существовании и [ложное] воззрение о несуществовании.

(IV) Бесстыдство и не боязнь порока.

(V) Стыд и боязнь порока.

(VI) Жестокость и дружба с дурными.

(VII) Мягкость и дружба с хорошими.

(VIII) Умение [встречать] оскорбления и умение избавляться от оскорблений.

(IX) Умение [встречать] достижения и умение избавляться от достижений.

(X) Умение [разбираться] в элементах и умение устремлять ум [на них].

(XI) Умение [разбираться] в сферах восприятия и умение [разбираться] в зависимом происхождении.

(XII) Умение [разбираться] в основаниях и умение [разбираться] в отсутствии оснований.

(XIII) Прямота и стыдливость.

(XIV) Терпеливость и мягкость.

(XV) Дружелюбие и доброта.

(XVI) Непричинение зла и чистота.

(XVII) Утрата способности самосознания и отсутствие вдумчивости.

(XVIII) Способность самосознания и вдумчивость.

(XIX) Неохранение врат жизненных способностей и неумеренность в пище.

(XX) Охрана врат жизненных способностей и умеренность в пище.

(XXI) Сила расчета и сила самовоспитания.

(XXII) Сила способности самосознания и сила сосредоточенности.

(XXIII) Спокойствие и [внутреннее] прозрение.

(XXIV) Признаки спокойствия и признаки энергии.

(XXV) Энергия и уравновешенность.

(XXVI) Обретение нравственности и обретение воззрения.

(XXVII) Порча нравственности и порча воззрения.

(XXVIII) Чистота нравственности и чистота воззрения.

(XXIX) Чистота воззрения и усилие, связанное с этим воззрением.

(XXX) Возбуждение в возбуждающих обстоятельствах и усилие соответствующим образом возбужденного.

(XXXI) Неудовлетворенность хорошими свойствами и неудержимость в усилении.

(XXXII) [Высшее] знание и освобождение.

(XXXIII) Знание разрушения и знание непривязанности.

Таковы, друзья, две вещи, в совершенстве преподанные этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И всем здесь следует проносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

1.10. Есть, друзья, три вещи, в совершенстве преподанные этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И всем здесь сле-

дует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти три?

(I) Три корня нехорошего: алчность — корень нехорошего, ненависть — корень нехорошего, заблуждение — корень нехорошего.

(II) Три корня хорошего: отсутствие алчности — корень хорошего, отсутствие ненависти — корень хорошего, отсутствие заблуждения — корень хорошего.

(III) Три [вида] дурного поведения: дурное поведение тела, дурное поведение в речи, дурное поведение разума.

(IV) Три [вида] доброго поведения: доброе поведение тела, доброе поведение в речи, доброе поведение разума.

(V) Три нехороших помысла: помысел чувственности, помысел злонамеренности, помысел насилия.

(VI) Три хороших помысла: помысел отречения, помысел незлобivosti, помысел ненасилия.

(VII) Три нехороших намерения: намерение чувственности, намерение злонамеренности, намерение насилия.

(VIII) Три хороших намерения: намерение отречения, намерение незлобivosti, намерение ненасилия.

(IX) Три нехороших сознания: сознание чувственности, сознание злонамеренности, сознание насилия.

(X) Три хороших сознания: сознание отречения, сознание незлобivosti, сознание ненасилия.

(XI) Три нехороших элемента: элемент чувственности, элемент злонамеренности, элемент насилия.

(XII) Три хороших элемента: элемент отречения, элемент незлобivosti, элемент ненасилия.

(XIII). Другие три элемента: элемент чувственности, элемент наделенного образом, элемент лишенного образа.

(XIV) Другие три элемента: элемент наделенного образом, элемент лишенного образа, элемент прекращения.

(XV) Другие три элемента: низший элемент, средний элемент, высший элемент.

(XVI) Три жажды: жажда чувственности, жажда существования, жажда прекращения существования.

(XVII) Другие три жажды: жажда чувственности, жажда наделенного образом, жажда лишенного образа.

(XVIII) Другие три жажды: жажда наделенного образом, жажда лишенного образа, жажда прекращения.

(XIX) Три [вида] уз: [ложное] воззрение на свое тело, сомнение, довольство [одним лишь соблюдением] нравственности и церемоний.

(XX) Три порочных свойства: порочное свойство чувственности, порочное свойство перехода в следующее существование, порочное свойство невежества.

(XXI) Три становления: становление в чувственности, становление в образе, становление в [состоянии], лишенном образа.

(XXII) Три стремления: стремление к чувственности, стремление к становлению, стремление к целомудрию.

(XXIII) Три вида [ложных суждений относительно себя]: вид [суждения]: „Я — лучший“; вид [суждения]: „Я — подобный“; вид [суждения]: „Я — худший“.

(XXIV) Три времени: прошедшее время, будущее время, настоящее время.

(XXV) Три конца: конец своего тела, конец возникновения своего тела, конец уничтожения своего тела.

(XXVI) Три ощущения: ощущение счастья, ощущение несчастья, ощущение ни счастья, ни несчастья.

(XXVII) Три страдания: страдание несчастья, страдание от совокупности [условий, ведущих к существованию], страдание от изменчивости.

(XXVIII) Три совокупности: совокупность [зла], определенная дурными делами; совокупность [добра], определенная добрыми делами; совокупность неопределенного.

(XXIX) Три сомнения: [человек] сомневается, колеблется, неуверен, неспокоен по поводу прошедшего времени, или сомневается, колеблется, неуверен, неспокоен по поводу будущего времени, или же теперь сомневается, колеблется, неуверен, неспокоен по поводу настоящего времени.

(XXX) Три [вещи], которых не следует оберегаться Татхагате. Когда, друзья, Татхагата пребывает в чистоте тела, то нет у Татхагаты дурного поведения тела, которого бы Татхагата остерегался, [думая]: „Да не узнает обо мне этого другой!“ Когда, друзья, Татхагата пребывает в чистоте в речи, то нет у Татхагаты дурного поведения в речи, которого бы Татхагата остерегался, [думая]: „Да не узнает обо мне этого другой!“ Когда, друзья Татхагата пребывает в чистоте разума, то нет у Татхагаты дурного поведения разума, которого бы Татхагата остерегался, [думая]: „Да не узнает обо мне этого другой!“

(XXXI) Три препятствия: препятствие страсти, препятствие ненависти, препятствие заблуждения.

(XXXII) Три огня: огонь страсти, огонь ненависти, огонь заблуждения.

(XXXIII) Другие три огня: огонь жертвоприношения, домашний огонь, огонь принимающего дары.

(XXXIV) Три вида наделенного образом: видимый и оказывающий [ответное] воздействие образ, невидимый оказывающий воздействие образ, невидимый и не оказывающий воздействия образ.

(XXXV) Три совокупности: совокупность заслуг, совокупность пороков, совокупность неподвижного.

(XXXVI) Три [вида] личностей: личность нуждающегося в обучении, личность не нуждающегося в обучении, личность ни нуждающегося, ни не нуждающегося в обучении.

(XXXVII) Три [вида] старших монахов: старший монах по рангу, старший монах по праведности, старший монах по соглашению.

(XXXVIII) Три основания добрых дел: основание добрых дел, состоящее в подаянии; основание добрых дел, состоящее в нравственном поведении; основание добрых дел, состоящее в самовоспитании.

(XXXIX) Три основания упрека: увиденное, услышанное, подозрение.

(XL) Три [вида] существования в чувственном мире. Есть, друзья, существа с возникшими чувственными желаниями; они пребывают во власти возникших чувственных желаний — таковы некоторые люди и некоторые боги, находящиеся в [обители] страдания. Это — первый [вид] существования в чувственном мире. Есть, дорогие, существа, с чувственными желаниями, сотворенными [ими самими]; они пребывают во власти сотворенных [у каждого] желаний — таковы боги нимманарати. Это — второй [вид] существования в чувственном мире. Есть, дорогие, существа, с чувственными желаниями, сотворенными другими; они пребывают во власти чувственных желаний, сотворенных другими, — таковы боги параниммита-васавагги. Это — третий [вид] существования в чувственном мире.

(XLI) Три [вида] существования в счастливом мире. Есть, друзья, существа, которые по мере появления в мире пребывают в счастье, — таковы боги, принадлежащие к свите Брахмы. Это — первый [вид] существования в счастливом мире. Есть, друзья, существа, облитые, залитые, переполненные, пропитанные счастьем, время от времени они взволнованно восклицают: „О, счастье! О счастье!“ — таковы боги абхассара. Это — второй [вид] существования в счастливом мире. Есть, друзья, существа, облитые, залитые, переполненные, пропитанные счастьем, удовлетворенные они испытывают счастье — таковы боги субхакинна. Это — третий [вид] существования в счастливом мире.

(XLII) Три [вида] познания: познание нуждающегося в обучении, познание не нуждающегося в обучении, познание ни нуждающегося, ни не нуждающегося в обучении.

(XLIII) Другие три [вида] познания: познание, состоящее из мысли; познание, состоящее из услышанного; познание, состоящее из самовоспитания.

(XLIV) Три оружия: оружие услышанного, оружие уединения, оружие познания.

(XLV) Три способности: способность узнавания неузнанного, способность знания, способность того, чье знание совершенно.

(XLVI) Три [вида] зрения: плотское зрение, божественное зрение, зрение познания.

(XLVII) Три [вида] обучения: обучение высшей нравственности, обучение высшему созерцанию, обучение высшему познанию.

(XLVIII) Три [вида] самовоспитания: самовоспитание тела, самовоспитание мысли, самовоспитание познания.

(XLIX) Три [вида] непревзойденного: непревзойденное видение, непревзойденное [следование] путем, непревзойденное освобождение.

(L) Три [вида] сосредоточенности: сосредоточенность с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, сосредоточенность без устремленного

рассудка, лишь с углубленным рассуждением, сосредоточенность без устремленного рассудка и без углубленного рассуждения.

(LI) Другие три [вида] сосредоточенности: сосредоточенность на пустоте, сосредоточенность на лишенном признаков, сосредоточенность на свободе от желаний.

(LII) Три [вида] чистоты: чистота тела, чистота речи, чистота разума.

(LIII) Три [вида] подвижничества: подвижничество тела, подвижничество речи, подвижничество разума.

(LIV) Три [вида] опытности: опытность в движении вперед, опытность в движении назад, опытность в средствах.

(LV) Три [вида] опьянения: опьянение здоровьем, опьянение юностью, опьянение жизнью.

(LVI) Три [вида] господства: господство над самим собой, господство над миром, господство над добродетелью.

(LVII) Три предмета разговора. Разговор может вестись о прошлом времени: „Так было в прошлое время“. Разговор может вестись о будущем времени: „Так будет в будущее время“. Разговор может вестись сейчас в настоящем времени: „Так происходит сейчас, в настоящем“.

(LVIII) Три [вида] мудрости: мудрость знания о воспоминании прежних мест пребывания, мудрость знания об оставлении существами мира и новом рождении, мудрость знания об уничтожении порочных свойств.

(LIX) Три состояния: божественное состояние, состояние Брахмы, праведное состояние.

(LX) Три [вида] чудес: сверхъестественное чудо, чудо обнаружения, чудо наставления.

Таковы, друзья, три вещи, в совершенстве преподанные этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

1.11. Есть, друзья, четыре вещи, в совершенстве преподанные этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти четыре?

(I) Четыре установления способности самосознания. Вот, друзья, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ум в [своем] уме,

усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим состоянием в [воспринимаемых им] состояниях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность.

(II) Четыре надлежащих усилия. Вот, друзья, монах питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы [в нем] не возникли не возникшие [прежде] порочные нехорошие свойства. Он питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы исчезли возникшие [в нем] порочные нехорошие свойства. Он питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы [в нем] возникли не возникшие [прежде] хорошие свойства. Он питает стремление, делает усилия, прилагает усердие, направляет и устремляет ум к тому, чтобы утвердились, не вверглись в заблуждение, умножились, усовершенствовались, воспитались, достигли полноты возникшие [в нем] хорошие свойства.

(III) Четыре основания сверхъестественных способностей. Вот, друзья, монах обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из стремления в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Он обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из мысли в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Он обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из усердия в сочетании с сосредоточенностью и усилием. Он обретает основание сверхъестественных способностей, состоящее из исследования в сочетании с сосредоточенностью и усилием.

(IV) Четыре ступени созерцания. Вот, друзья, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — он достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии].

(V) Четыре [вида] самовоспитания в сосредоточенности. Есть, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено,

доставляет счастливое пребывание в зримом мире. Есть, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет обретение совершенного видения. Есть, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет способность самосознания и вдумчивость. Есть, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет уничтожение порочных свойств.

Каково же, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет счастливое пребывание в зримом мире?

Вот, друзья, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — он достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Таково, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет счастливое пребывание в зримом мире.

Каково же, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет обретение совершенного видения? Вот, друзья, монах устремляет ум к способности [ясного] воззрения, сосредоточивается на осознании дня как днем, так и ночью, как ночью, так и днем, и с ясным незатемненным разумом обретает ум, наделенный сиянием. Таково, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет обретение совершенного видения.

Каково же, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет способность самосознания и вдумчивость? Вот, друзья, монах постигает возникающие ощущения, постигает пребывающие, постигает исчезающие; постигает возникающие восприятия, постигает пребывающие, постигает исчезающие; постигает возникающие суждения, постигает пребывающие, постигает исчезающие. Таково, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет способность самосознания и вдумчивость.

Каково же, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет уничтожение порочных свойств? Вот, друзья, монах пребывает в рассуждении о появлении и исчезновении пяти групп, основанных на стремлении: „Вот образ, вот возникновение образа, вот исчезновение образа; вот ощущение, вот возникновение ощущения, вот исчезновение ощущения; вот восприятия, вот возникновение восприятий, вот исчезновение восприятий; вот наклонности, вот возникновение наклонностей, вот исчезновение наклонностей; вот сознание, вот возникновение сознания, вот исчезновение сознания“. Таково, друзья, самовоспитание в сосредоточенности, которое, будучи осуществлено и умножено, доставляет уничтожение порочных свойств.

(VI) Четыре безграничности. Вот, друзья, монах пребывает, пронизывая разумом, исполненным дружелюбия, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным дружелюбия, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным сострадания, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным сострадания, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным удовлетворенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным удовлетворенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны. Он пребывает, пронизывая разумом, исполненным уравновешенности, одну сторону света, затем — вторую, затем — третью, затем — четвертую. Он пребывает, пронизывая великим, всеобъемлющим, безграничным, невраждебным, незлонамеренным разумом, исполненным уравновешенности, весь мир вверх, вниз, поперек, во все стороны.

(VII) Четыре [ступени осознания] лишенного форм. Вот, друзья, монах, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигает уровня бесконечности пространства и пребывает [на нем, мысля]: „Пространство бесконечно“. Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает [на нем, мысля]: „Сознание бесконечно“. Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает [на нем, мысля]: „Не существует ничего“. Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает [на нем].

(VIII) Четыре опоры. Вот, друзья, монах, поразмыслив, стремится к одному; поразмыслив, соглашается с другим; поразмыслив, избегает третьего; поразмыслив, отбрасывает четвертое.

(IX) Четыре рода праведных. Вот, друзья, монах удовлетворен любой верхней одеждой; удовлетворенный любой верхней одеждой он произносит [ей] хвалу

и не прибегает ради верхней одежды к негодным, неподобающим средствам; не получив верхней одежды, он не беспокоится, получив же верхнюю одежду, нежадный, неодурманенный, не совершая проступков, видя опасность и осозная бесплодность [подобного поведения], пользуется [ею]; удовлетворенный любой верхней одеждой, он не превозносит себя и не унижает других. И когда таким образом он искусен, усерден, вдумчив, внимателен, то зовется, друзья, монахом, стоящим в признанном главным, изначальном роду праведных. И далее, друзья, монах удовлетворен любой чашей с милостыней; удовлетворенный любой чашей с милостыней он произносит [ей] хвалу и не прибегает ради чаши с милостыней к негодным, неподобающим средствам; не получив чаши с милостыней, он не беспокоится; получив же чашу с милостыней, нежадный, неодурманенный, не совершая проступков, видя опасность и осозная бесплодность [подобного поведения], пользуется [ею]; удовлетворенный любой чашей с милостыней он не превозносит себя и не унижает других. И когда таким образом он искусен, усерден, вдумчив, внимателен, то зовется, друзья, монахом, стоящим в признанном главным, изначальном роду праведных. И далее, друзья, монах удовлетворен любой обителью; удовлетворенный любой обителью он произносит [ей] хвалу и не прибегает ради обители к негодным, неподобающим средствам; не получив обители, он не беспокоится; получив же обитель, нежадный, неодурманенный, не совершая проступков, видя опасность и осозная бесплодность [подобного поведения], пользуется [ею]; удовлетворенный любой обителью он не превозносит себя и не унижает других. И когда таким образом он искусен, усерден, вдумчив, внимателен, то зовется, друзья, монахом, стоящим в признанном главным, изначальном роду праведных. И далее, друзья, монах радуется отречению, наслаждается отречением, радуется самовоспитанию, наслаждается самовоспитанием. И радуясь отречению, наслаждаясь отречением, радуясь самовоспитанию, наслаждаясь самовоспитанием, он не превозносит себя и не унижает других. И когда таким образом он искусен, усерден, вдумчив, внимателен, то зовется, друзья, монахом, стоящим в признанном главным, изначальном роду праведных.

(X) Четыре усилия: усилие воздержанности, усилие отречения, усилие самовоспитания, усилие охраны. Каково же, друзья, усилие воздержанности? Вот, друзья, видя глазом образ, монах не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность зрения. Он следит за способностью зрения, в способности зрения он достигает воздержанности. Слыша ухом звук, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность слуха. Он следит за способностью слуха, в способности слуха он достигает воздержанности. Обоняя носом запах, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свой-

ства устремляются на не сдерживающего способность обоняния. Он следит за способностью обоняния, в способности обоняния он достигает воздержанности. Чувствуя языком вкус, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность вкуса. Он следит за способностью вкуса, в способности вкуса он достигает воздержанности. Осозная телом прикосновение, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность осознания. Он следит за способностью осознания, в способности осознания он достигает воздержанности. Получая разумом представление, он не влечется к внешним признакам, не влечется к его подробностям. Он действует так, чтобы сдерживать причину, благодаря которой алчность, неудовлетворенность, порочные и нехорошие свойства устремляются на не сдерживающего способность разума, он достигает воздержанности. Это, друзья, зовется усилием воздержанности. Каково же, друзья, усилие отречения? Вот, друзья, монах не соглашается с возникшим чувственным помыслом, отрекается [от него], отбрасывает, устраняет, ведет [его] к уничтожению; он не соглашается с возникшим злонамеренным помыслом, отрекается [от него], отбрасывает, устраняет, ведет [его] к уничтожению; он не соглашается с возникшим насильственным помыслом, отрекается [от него], отбрасывает, устраняет, ведет [его] к уничтожению; он не соглашается со всеми, что ни возникнут, порочными, нехорошими вещами — отрекается [от них], отбрасывает, устраняет, ведет [их] к уничтожению. Это, друзья, зовется усилием отречения. Каково же, друзья, усилие самовоспитания? Вот, друзья, монах возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в способности самосознания, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче; он возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в исследовании истины, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче; он возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в усердии, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче; он возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в радости, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче; он возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в умиротворенности, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче; он возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в сосредоточенности, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче; он возвращает [в себе] звено просветления, состоящее в уравновешенности, основанное на уединении, основанное на бесстрастии, основанное на уничтожении, созревшее в самоотдаче. Это, друзья, зовется усилием самовоспитания. Каково же, друзья, усилие охраны? Вот, друзья, монах охраняет возникающие благопри-

ятные признаки сосредоточенности — представление о [собственном] скелете, представление о червях, [пожирающих тело], представление о темном цвете [трупа], представление о провалах [в истлевшем теле], представление о раздувшемся [трупе]. Это, друзья, зовется усилием охраны.

(XI) Четыре знания: знание дхаммы, знание вытекающего [из нее], знание определений, общее знание.

(XII) Другие четыре знания: знание страдания, знание о возникновении страдания, знание об уничтожении страдания, знание пути.

(XIII) Четыре признака вступления в поток: общение с добрыми людьми, слушание благого учения, тщательное внимание, достижение истины во всей ее последовательности.

(XIV) Четыре признака вступившего в поток. Вот, друзья, праведный ученик, наделенный совершенной верой в Будду, считает: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, счастливый, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный”. Наделенный совершенной верой в дхамму он считает: „Хорошо провозглашена Благостным истина — предназначенная для этого мира, непреходящая, открытая всем, ведущая к спасению, которую мудрые должны ощутить в своем сердце“. Наделенный совершенной верой в сангху он считает: „Община учеников Благостного следует добрым путем, община учеников Благостного следует прямым путем, община учеников Благостного следует правильным путем, община учеников Благостного следует должным путем так, что эти четыре пары людей, восемь [видов] людских личностей — эта община учеников Благостного заслуживает почета, гостеприимства, подношения, почтительного приветствия; [эта община] — несравненное поле заслуг в мире“. Он пребывает наделенный заповедями нравственного поведения, которые любимы праведными, неразрушимы, неуязвимы, незапятнанны, безупречны, несут освобождение, восхваляемы мудрецами, незатрагиваемы [злом], ведут к сосредоточенности.

(XV) Четыре плода отшельничества: плод вступления в поток, плод однократного возвращения, плод невозвращения, плод архатства.

(XVI) Четыре элемента: элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха.

(XVII) Четыре [вида] пропитания: материальная пища — грубая или нежная, чувственное восприятие — во вторых, рассудочное размышление — в третьих, осознание [смены существований] — в четвертых.

(XVIII) Четыре состояния сознания. Утверждаясь посредством образа, друзья, сознание пребывает, поддерживаясь образом, основываясь на образе, и, обретая радость, достигает роста, развития, совершенства. Утверждаясь посредством ощущения, друзья, сознание пребывает, поддерживаясь ощущением, основываясь на ощущении, и, обретая радость, достигает роста, развития, совершенства. Утверждаясь посредством восприятия, друзья, сознание пребывает, поддерживаясь восприятием, основываясь на восприятии, и, обретая радость, достигает роста, развития, совершенства. Утверждаясь посредством склонности, друзья, сознание

пребывает, поддерживаясь наклоном, основываясь на наклоне, и, обретая радость, достигает роста, развития, совершенства.

(XIX) Четыре ложных пути: ложный путь желаний, ложный путь ненависти, ложный путь заблуждения, ложный путь страха.

(XX) Четыре [вида] возникновения жажды. Вот, друзья, в монахе возникает жажда, возникающая из-за верхней одежды. Вот, друзья, в монахе возникает жажда, возникающая из-за чаши с милостыней. Вот, друзья, в монахе возникает жажда, возникающая из-за обителя. Вот, друзья, в монахе возникает жажда, возникающая из-за изысканной пищи.

(XXI) Четыре пути: тяжелый медленно постигаемый путь, тяжелый быстро постигаемый путь, легкий медленно постигаемый путь, легкий быстро постигаемый путь.

(XXII) Другие четыре пути: путь нетерпения, путь терпения, путь самообуздания, путь равновесия.

(XXIII) Четыре части [достижения] истины: незаинтересованность — часть истины, незлобивость — часть истины, совершенная способность самосознания — часть истины, совершенная сосредоточенность — часть истины.

(XXIV) Четыре [вида] благочестивого поведения. Есть, друзья, благочестивое поведение с несчастьем в настоящем, приносящим несчастье в будущем. Есть, друзья, благочестивое поведение с несчастьем в настоящем, приносящим счастье в будущем. Есть, друзья, благочестивое поведение со счастьем в настоящем, приносящим несчастье в будущем. Есть, друзья, благочестивое поведение со счастьем в настоящем, приносящим счастье в будущем.

(XXV) Четыре раздела учения: раздел нравственности, раздел сосредоточенности, раздел постижения, раздел освобождения.

(XXVI) Четыре силы: сила усердия, сила способности самосознания, сила сосредоточенности, сила постижения.

(XXVII) Четыре [вида] решимости: решимость постижения, решимость [стремления] к правде, решимость отказа [от зла], решимость успокоения.

(XXVIII) Четыре [вида] ответа на вопросы: на вопрос, требующий однозначного ответа; на вопрос, требующий разграничительного ответа; на вопрос, требующий ответного вопроса, на вопрос, [разъяснение которого] следует отложить.

(XXIX) Четыре [вида] действий. Есть, друзья, темные действия с темным результатом. Есть, друзья, светлые действия со светлым результатом. Есть, друзья, и темные, и светлые действия с и темным, и светлым результатом. Есть, друзья, ни темные, ни светлые действия с ни темным, ни светлым результатом, ведущие к уничтожению [влияния] действий.

(XXX) Четыре вещи, которые могут быть испытаны. Прежнее место пребывания может быть испытано способностью самосознания. То, как [существа] оставляют существование и вновь рождаются, может быть испытано [божественным] решением. Восемь [ступеней] освобождения могут быть испытаны органами чувств. Уничтожение порочных свойств может быть испытано постижением.

(XXXI) Четыре потока: поток чувственности, поток перехода в следующее существование, поток [ложных] воззрений, поток невежества.

(XXXII) Четыре [вида] уз: узы чувственности, узы перехода в следующее существование, узы [ложных] воззрений, узы невежества.

(XXXIII) Четыре [вида] освобождения: освобождение от уз чувственности, освобождение от уз перехода в следующее существование, освобождение от уз [ложных] воззрений, освобождение от уз невежества.

(XXXIV) Четыре [телесных] узла: телесный узел заинтересованности, телесный узел злонамеренности, телесный узел довольства [одним лишь соблюдением] нравственности и церемоний, телесный узел склонности [утверждать]: „Лишь это истинно“.

(XXXV) Четыре стремления: стремление, [возникающее] из-за чувственности, стремление из-за [ложных] воззрений, стремление из-за [одного лишь соблюдения] нравственности и церемоний, стремление из-за [веры в] учение о [сохранении своего] „я“.

(XXXVI) Четыре породы: порода рожденных из яйца, порода рожденных из чрева, порода рожденных из влаги, порода самопроизвольно рожденных.

(XXXVII) Четыре нисхождения в чрево [матери]. Вот, друзья, некто, не осознавая, спускается в чрево матери, не осознавая, пребывает в чреве матери, не осознавая, выходит из чрева матери. Это — первое нисхождение в чрево. И затем, друзья, вот некто, осознавая, спускается в чрево матери, не осознавая, пребывает в чреве матери, не осознавая, выходит из чрева матери. Это — второе нисхождение в чрево. И затем, друзья, вот некто, осознавая, спускается в чрево матери, осознавая, пребывает в чреве матери, не осознавая, выходит из чрева матери. Это — третье нисхождение в чрево. И затем, друзья, вот некто, осознавая, спускается в чрево матери, осознавая, пребывает в чреве матери, осознавая, выходит из чрева матери. Это — четвертое нисхождение в чрево.

(XXXVIII) Четыре [вида пути] обретения своего существования. Есть, друзья, такое обретение своего [следующего] существования, когда при обретении своего существования действует собственное умонастроение, а не чужое умонастроение. Есть, друзья, такое обретение своего существования, когда при обретении своего существования действует чужое умонастроение, а не собственное умонастроение. Есть, друзья, такое обретение своего существования, когда при обретении своего существования действуют и собственное умонастроение, и чужое умонастроение. Есть, друзья, такое обретение своего существования, когда при обретении своего существования не действует ни собственное умонастроение, ни чужое умонастроение.

(XXXIX) Четыре [вида] чистоты в подношениях. Есть, друзья, подношения, когда чист совершающий дар, а не принимающий. Есть, друзья, подношения, когда чист принимающий, а не совершающий дар. Есть, друзья, подношения, когда не чисты ни совершающий дар, ни принимающий. Есть, друзья, подношения, когда чисты и совершающий дар, и принимающий.

(XL) Четыре пути доброго обхождения: подаяние, ласковая речь, оказывание услуг, беспристрастность.

(XLI) Четыре [вида] неправедного разговора: лживая речь, клеветническая речь, грубая речь, легкомысленная болтовня.

(XLII) Четыре [вида] праведного разговора: воздержание от лживой речи, воздержание от клеветнической речи, воздержание от грубой речи, воздержание от легкомысленной болтовни.

(XLIII) Другие четыре [вида] неправедного разговора: речь о неувиденном как об увиденном, речь о неслышанном как об услышанном, речь о непродуманном как о продуманном, речь о нераспознанном как о распознанном.

(XLIV) Другие четыре [вида] праведного разговора: речь о неувиденном как о неувиденном, речь о неслышанном как о неслышанном, речь о непродуманном как о непродуманном, речь о нераспознанном как о нераспознанном.

(XLV) Другие четыре [вида] неправедного разговора: речь об увиденном как о неувиденном, речь об услышанном как о неслышанном, речь о продуманном как о непродуманном, речь о распознанном как о нераспознанном.

(XLVI) Другие четыре [вида] праведного разговора: речь об увиденном как об увиденном, речь об услышанном как об услышанном, речь о продуманном как о продуманном, речь о распознанном как о распознанном.

(XLVII) Четыре [вида] личностей. Вот, друзья, некоторые личности мучают сами себя, следуют обычаю причинять мучения самим себе. Вот, друзья, некоторые личности мучают других, следуют обычаю причинять мучения другим. Вот, друзья, некоторые личности мучают сами себя, следуют обычаю причинять мучения самим себе и мучают других, следуют обычаю причинять мучения другим. Вот, друзья, некоторые личности не мучают сами себя, не следуют обычаю причинять мучения самим себе и не мучают других, не следуют обычаю причинять мучения другим. Не мучая самих себя и не мучая других, они пребывают в зримом мире, лишённые желаний, успокоенные, умиротворенные, испытывающие счастье, имея своей сущностью Брахму.

(XLVIII) Другие четыре [вида] личностей. Вот, друзья, некоторые личности следуют собственному благополучию, а не благополучию других. Вот, друзья, некоторые личности следуют благополучию других, а не собственному благополучию. Вот, друзья, некоторые личности не следуют ни собственному благополучию, ни благополучию других. Вот, друзья, некоторые личности следуют и собственному благополучию, и благополучию других.

(XLIX) Другие четыре [вида] личностей: идущие из тьмы в тьму, идущие из тьмы в свет, идущие из света в тьму, идущие из света в свет.

(L) Другие четыре [вида] личностей: непоколебимый отшельник, отшельник, подобный красному лотосу, отшельник, подобный белому лотосу, возвышенный отшельник.

Таковы, друзья, четыре вещи, в совершенстве преподанные этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Окончен первый раздел поучения.

2.1. Есть, друзья, пять вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти пять?

(I) Пять [групп] составляющих: составляющее образа, составляющее ощущение, составляющее восприятия, составляющее наклонности, составляющее сознания.

(II) Пять [групп] составляющих, основанных на стремлении: составляющее, основанное на стремлении к образу; составляющее, основанное на стремлении к ощущению; составляющее, основанное на стремлении к восприятию; составляющее, основанное на стремлении к наклонности; составляющее, основанное на стремлении к сознанию.

(III) Пять признаков чувственности: образы, воспринимаемые глазом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; звуки, воспринимаемые ухом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; запахи, воспринимаемые носом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; вкусы, воспринимаемые языком, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные; прикосновения, воспринимаемые телом, — желанные, любимые, дорогие, приятные, несущие удовольствие, восхитительные.

(IV) Пять путей: преисподняя, рождение животным, местопребывание душ [умерших], [мир] людей, [мир] богов.

(V) Пять [видов] жадности: жадность в жилье, жадность в семействе, жадность в приобретениях, жадность в красоте, жадность в [приобретении] истины.

(VI) Пять преград: преграда чувственного возбуждения, преграда злонамеренности, преграда косности, преграда беспокойства и терзаний, преграда сомнения.

(VII) Пять уз низшего порядка: [ложное] воззрение на свое тело, сомнение, довольство [одним лишь соблюдением] нравственности и церемоний, чувственное возбуждение, злонамеренность.

(VIII) Пять уз высшего порядка: страсть к наделенному образом, страсть к лишенному образа, гордость, беспокойство, незнание.

(IX) Пять заповедей ученика: воздерживаться уничтожить живое, воздерживаться брать то, что не дано, воздерживаться от несправедного поведения в области чувственного, воздерживаться от лживой речи, воздерживаться от хмельных, спиртных, опьяняющих напитков, вызывающих легкомыслие.

(X) Пять неспособностей. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен, друзья, намеренно лишать жизни живое существо. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен брать то, что не дано [ему и что] зовется воров-

ством. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен следовать обычаю совокупления. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен говорить сознательную ложь. Монах, уничтоживший порочные свойства, неспособен собирать запасы, чтобы предаваться чувственным удовольствиям, как [он делал это] прежде, живя дома.

(XI) Пять [видов] неудачи: неудача с родными, неудача с имуществом, неудача со здоровьем, неудача в нравственном поведении, неудача в воззрениях. Ни одно существо, друзья, с распадом тела после смерти не рождается вновь в бедствии, несчастье, страдании, преисподней из-за неудачи с родными, или из-за неудачи с имуществом, или из-за неудачи со здоровьем. Но, друзья, с распадом тела после смерти существо рождается вновь в бедствии, несчастье, страдании, преисподней из-за неудачи в нравственном поведении или из-за неудачи в воззрениях.

(XII) Пять [видов] удачи: удача с родными, удача с имуществом, удача со здоровьем, удача в нравственном поведении, удача в воззрениях. Ни одно существо, друзья, с распадом тела после смерти не рождается вновь в счастливом, небесном мире из-за удачи с родными, или из-за удачи с имуществом, или из-за удачи со здоровьем. Но, друзья, с распадом тела после смерти существо рождается вновь в счастливом, небесном мире из-за удачи в нравственном поведении или из-за удачи в воззрениях.

(XIII) Пять опасностей для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью. Вот, друзья, злонравный, пренебрегающий нравственностью по причине легкомыслия впадает в великую нужду. Это — первая опасность для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью. И далее, друзья, о злонравном, пренебрегающем нравственностью идет дурная слава. Это — вторая опасность для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью. И далее, друзья, в чье бы собрание ни вступал злонравный, пренебрегающий нравственностью — в собрание кшатриев, или собрание брахманов, или собрание домоправителей, или собрание отшельников — он вступает в него неуверенно и беспокорно. Это — третья опасность для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью. И далее, друзья, злонравный, пренебрегающий нравственностью оканчивает свои дни в мучении. Это — четвертая опасность для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью. И далее, друзья, злонравный, пренебрегающий нравственностью с распадом тела после смерти рождается в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Это — пятая опасность для злонравного вследствие пренебрежения нравственностью.

(XIV) Пять преимуществ для добронравного вследствие обладания нравственностью. Вот, друзья, добронравный, обладающий нравственностью по причине усердия достигает великого достатка. Это — первое преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью. И далее, друзья, о добронравном, обладающем нравственностью идет добрая слава. Это — второе преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью. И далее, друзья, в чье бы собрание ни вступал добронравный, обладающий нравственностью —

в собрание кшатриев, или собрание брахманов, или собрание домоправителей, или собрание отшельников — он вступает в него уверенно и спокойно. Это — третье преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью. И далее, друзья, добронравный, обладающий нравственностью оканчивает свои дни без мучения. Это — четвертое преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью. И далее, друзья, добронравный, обладающий нравственностью с распадом тела после смерти вновь рождается в счастливом небесном мире. Это — пятое преимущество для добронравного вследствие обладания нравственностью.

(XV) Побуждающему монаху, друзья, желающему побуждать другого, следует побуждать другого, придерживаясь внутренне пяти правил: „Я буду говорить вовремя, а не не вовремя; я буду говорить правду, а не неправду; я буду говорить мягко, а не грубо; я буду говорить связанное с пользой, а не связанное с бесполезным; я буду говорить с дружелюбными мыслями, а не скрывая зло“. Побуждающему монаху, друзья, желающему побуждать другого, следует побуждать другого, придерживаясь внутренне этих пяти правил.

(XVI) Пять состояний, в которых следует упражняться. Вот, друзья, монах пребывает верующим, верует в просветление Татхагаты: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный“. Он испытывает мало недугов, мало болезней, наделен хорошим пищеварением — не слишком холодным, не слишком горячим; [наделен] умеренностью и терпением в усилиях. Он не бывает хитрым и лживым и в согласии с истиной открывает себя перед наставником или перед мудрыми собратьями. Он пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства, сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств. Он мудр и наделен мудростью, ведущей [к постижению] рождения и смерти, праведной, всепроникающей, ведущей к полному уничтожению несчастья.

(XVII) Пять чистых обителей: авиха, атаппа, судасса, судасси, аканиттха.

(XVIII) Пять невозвращающихся: достигший ниббаны в середине жизни, достигший ниббаны в конце жизни, достигший ниббаны без усилий, достигший ниббаны с усилиями, поднявшийся в потоке [жизни] и достигший [мира] Аканиттха.

(XIX) Пять недостатков разума. Вот, друзья, монах сомневается в наставнике, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в наставнике, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — первый недостаток разума. И далее, друзья, монах сомневается в дхамме, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в дхамме, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию.

Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — второй недостаток разума. И далее, друзья, монах сомневается в сангхе, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в сангхе, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — третий недостаток разума. И далее, друзья, монах сомневается в обучении, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в обучении, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — четвертый недостаток разума. И далее, друзья, монах гневается на собратьев, неудовлетворен, раздражен в мыслях, подавлен. Когда, друзья, этот монах гневается на собратьев, неудовлетворен, раздражен в мыслях, подавлен, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — пятый недостаток разума.

(XX) Пять уз разума. Вот, друзья, монах не избавился от страсти к чувственным удовольствиям, не избавился от стремления, не избавился от привязанности, не избавился от жадности, не избавился от возбуждения, не избавился от желания. Когда, друзья, этот монах не избавился от страсти к чувственным удовольствиям, не избавился от стремления, не избавился от привязанности, не избавился от жадности, не избавился от возбуждения, не избавился от желания, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — первые узы разума. И далее, друзья, монах не избавился от страсти к [связанному с его] телом, не избавился от стремления, не избавился от привязанности, не избавился от жадности, не избавился от возбуждения, не избавился от желания. Когда, друзья, этот монах не избавился от страсти к [связанному с его] телом, не избавился от стремления, не избавился от привязанности, не избавился от жадности, не избавился от возбуждения, не избавился от желания, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — вторые узы разума. И далее, друзья, монах не избавился от страсти к наделенному образом, не избавился от стремления, не избавился от привязанности, не избавился от жадности, не избавился от возбуждения, не избавился от желания. Когда, друзья, этот монах не избавился от страсти к наделенному образом, не избавился от стремления, не избавился от привязанности, не избавился от жадности, не избавился от возбуждения, не избавился от желания, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — третьи узы разума. И [далее], вволю наевшись, набив желудок, он пребывает, находя удовольствие в лежании, удовольствие в [приятных] прикосновениях, удовольствие в лени. [Это — четвертые узы разу-

ма]. И далее, друзья, монах ведет целомудренную жизнь с намерением вступить в то или иное собрание богов: „Благодаря этому нравственному поведению, обрядам, подвижничеству, целомудрию я окажусь богом или в свите бога“. Когда, друзья, этот монах ведет целомудренную жизнь с намерением вступить в то или иное собрание богов: „Благодаря этому нравственному поведению, обрядам, подвижничеству, целомудрию я окажусь богом или в свите бога“, — то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — пятые узы разума.

(XXI) Пять жизненных способностей: жизненная способность глаза, жизненная способность уха, жизненная способность носа, жизненная способность языка, жизненная способность тела.

(XXII) Другие пять жизненных способностей: жизненная способность счастья, жизненная способность несчастья, жизненная способность удовлетворенности, жизненная способность неудовлетворенности, жизненная способность уравновешенности.

(XXIII) Другие пять жизненных способностей: жизненная способность веры, жизненная способность усердия, жизненная способность самосознания, жизненная способность сосредоточенности, жизненная способность постижения.

(XXIV) Пять элементов, нуждающихся в преодолении. Вот, друзья, у монаха, направляющего внимание на чувственные удовольствия, ум не устремляется к чувственным удовольствиям, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в них]; когда же он направляет внимание на отречение [от них], то его ум устремляется к отречению, успокаивается, устанавливается, утверждается [в нем]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утвержден, неподвластен чувственным удовольствиям, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на чувственных удовольствиях, то он свободен от них и не ведает подобных ощущений. Это зовется преодолением чувственных удовольствий. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на злонамеренность, ум не устремляется к злонамеренности, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в ней]; когда же он направляет внимание на незлобивость, то его ум устремляется к незлобивости, успокаивается, устанавливается, утверждается [в ней]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утвержден, неподвластен злонамеренности, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на злонамеренности, то он свободен от них и не ведает подобных ощущений. Это зовется преодолением злонамеренности. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на насилие, ум не устремляется к насилию, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в нем]; когда же он направляет внимание на ненасилие, то его ум устремляется к ненасилию, успокаивается, устанавливается, утверждается [в нем]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утвержден, неподвластен насилию, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на насилии, то он

свободен от них и не ведает подобных ощущений. Это зовется преодолением насилия. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на образы, ум не устремляется к образам, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в них]; когда же он направляет внимание на лишенное образа, то его ум устремляется к лишенному образу, успокаивается, устанавливается, утверждается [в нем]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утвержден, неподвластен образам, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на образах, то он свободен от них и не ведает подобных ощущений. Это зовется преодолением образов. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на свое тело, ум не устремляется на его тело, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в нем]; когда же он направляет внимание на уничтожение своего тела, то его ум устремляется к уничтожению его тела, успокаивается, устанавливается, утверждается [в этом]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утвержден, неподвластен его телу, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на его теле, то он свободен от них и не ведает подобных ощущений. Это зовется преодолением своего тела.

(XXV) Пять возможностей освобождения. Вот, друзья, учитель или же другой брат, выступающий наставником, наставляет монаха в истине. И по мере того, друзья, как учитель или другой брат, выступающий наставником, наставляет монаха в истине, тот постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворение, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — первая возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой брат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, но тот сам наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее]. И по мере того, друзья, как монах наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворение, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — вторая возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой брат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, и тот не наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], но он сам повторяет подробно истину, как он слышал и усвоил [ее]. И по мере того, друзья, как монах подробно повторяет истину, как он слышал и усвоил [ее], он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — третья возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой брат, выступающий наставником, не настав-

ляет монаха в истине, и тот не наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], и не повторяет подробно истину, как он слышал и усвоил [ее], но он пребывает мыслями в размышлении, пребывает в раздумье, сосредоточивается разумом на истине, как он слышал и усвоил [ее]. И по мере того, друзья, как монах пребывает мыслями в размышлении, пребывает в раздумье, сосредоточивается разумом на истине, как он слышал и усвоил [ее], он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — четвертая возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой собрат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, и тот не наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], и не повторяет подробно истину, как он слышал и усвоил [ее], и не пребывает мыслями в размышлении, не пребывает в раздумье, не сосредоточивается разумом на истине, как он слышал и усвоил [ее], но хорошо схватывает тот или иной признак сосредоточенности, тщательно устремляет [к нему] ум, хорошо понимает, хорошо проникает [в него] постижением. И по мере того, друзья, как монах хорошо схватывает тот или иной признак сосредоточенности, тщательно устремляет [к нему] ум, хорошо понимает, хорошо проникает [в него] постижением, он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — пятая возможность освобождения.

(XXVI) Пять [видов] представлений, с которыми созревает освобождение: представление о непостоянстве, представление о страдании в непостоянстве, представление об отсутствии своего „я“ в страдании, представление об отречении, представление о бесстрастии.

Таковы, друзья, пять вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

2.2. Есть, друзья, шесть вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти шесть?

(I) Шесть внутренних сфер восприятия: сфера восприятия глаза, сфера восприятия уха, сфера восприятия носа, сфера восприятия языка, сфера восприятия тела, сфера восприятия разума.

(II) Шесть внешних сфер восприятия: сфера восприятия образов, сфера восприятия звуков, сфера восприятия запахов, сфера восприятия вкусов, сфера восприятия осязаемых предметов, сфера восприятия постигаемых предметов.

(III) Шесть групп распознавания: распознавание глазом, распознавание ухом, распознавание носом, распознавание языком, распознавание телом, распознавание разумом.

(IV) Шесть групп соприкосновения: соприкосновение с глазом, соприкосновение с ухом, соприкосновение с носом, соприкосновение с языком, соприкосновение с телом, соприкосновение с разумом.

(V) Шесть групп ощущения: ощущение, рожденное соприкосновением с глазом; ощущение, рожденное соприкосновением с ухом; ощущение, рожденное соприкосновением с носом; ощущение, рожденное соприкосновением с языком; ощущение, рожденное соприкосновением с телом; ощущение, рожденное соприкосновением с разумом.

(VI) Шесть групп осознания: осознание образов, осознание звуков, осознание запахов, осознание вкусов, осознание осязаемых предметов, осознание постигаемых предметов.

(VII) Шесть групп размышления: размышление об образах, размышление о звуках, размышление о запахах, размышление о вкусах, размышление об осязаемых предметах, размышление о постигаемых предметах.

(VIII) Шесть групп жажды: жажда образов, жажда звуков, жажда запахов, жажда вкусов, жажда осязаемых предметов, жажда постигаемых предметов.

(IX) Шесть [видов] непочтительности. Вот, друзья, монах ведет себя непочтительно, невнимательно к учителю; ведет себя непочтительно, невнимательно к дхамме; ведет себя непочтительно, невнимательно к сангхе; ведет себя непочтительно, невнимательно, [когда речь идет об] обучении; ведет себя непочтительно, невнимательно, [когда речь идет об] усердии; ведет себя непочтительно, невнимательно [когда речь идет о] доброте.

(X) Шесть видов почтительности. Вот, друзья, монах ведет себя почтительно, внимательно к учителю; ведет себя почтительно, внимательно к дхамме; ведет себя почтительно, внимательно к сангхе; ведет себя почтительно, внимательно, [когда речь идет об] обучении; ведет себя почтительно, внимательно, [когда речь идет об] усердии; ведет себя почтительно, внимательно, [когда речь идет о] доброте.

(XI) Шесть [видов] различения удовлетворенности: видя глазом образ, он различает образ, связанный с удовлетворенностью; слыша ухом звук, он различает звук, связанный с удовлетворенностью; обоняя носом запах, он различает запах, связанный с удовлетворенностью; пробуя языком на вкус, он различает вкус, связанный с удовлетворенностью; касаясь телом осязаемых предметов, он различает осязаемые предметы, связанные с удовлетворенностью; распознавая разумом постигаемые предметы, он различает постигаемые предметы, связанные с удовлетворенностью.

(XII) Шесть [видов] различения неудовлетворенности: видя глазами образ, он различает образ, связанный с неудовлетворенностью; слыша ухом звук, он раз-

личает звук, связанный с неудовлетворенностью; обоняя носом запах, он различает запах, связанный с неудовлетворенностью; пробуя языком на вкус, он различает вкус, связанный с неудовлетворенностью; касаясь телом осязаемых предметов, он различает осязаемые предметы, связанные с неудовлетворенностью; распознавая разумом постигаемые предметы, он различает постигаемые предметы, связанные с неудовлетворенностью.

(XIII) Шесть [видов] различения уравновешенности: видя глазом образ, он различает образ, связанный с уравновешенностью; слыша ухом звук, он различает звук, связанный с уравновешенностью; обоняя носом запах, он различает запах, связанный с уравновешенностью; пробуя языком на вкус, он различает вкус, связанный с уравновешенностью; касаясь телом осязаемых предметов, он различает осязаемые предметы, связанные с уравновешенностью; распознавая разумом постигаемые предметы, он различает постигаемые предметы, связанные с уравновешенностью.

(XIV) Шесть заповедей доброго поведения. Вот, друзья, монах и открыто, и втайне дружелюбен в делах, общаясь с братьями, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единодушию. И далее, друзья, монах и открыто, и втайне дружелюбен в речах, общаясь с братьями, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единодушию. И далее, друзья, монах и открыто, и втайне дружелюбен в помыслах, общаясь с братьями, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единодушию. И далее, друзья, монах пользуется совместно с добродетельными братьями подобающими приобретениями, подобающим образом полученными [им], вплоть даже до находящегося в сосуде для подаваний, не пользуясь [сам] без дележа подобными приобретениями, и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единодушию. И далее, друзья, монах, [следуя] заповедям нравственности, — неразрушимым, неуязвимым, незапятнанным, безупречным, освобождающим, восхваляемым мудрецами, не затрагиваемым [злом], ведущим к сосредоточенности, наделенный нравственностью, и открыто, и втайне пребывает вместе с братьями в следовании подобным заповедям нравственности, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единодушию. И далее, друзья, монах, [следуя] праведному, избавляющему воззрению, которое избавляет разделяющего [его, ведя] к полному уничтожению несчастья, наделенный [этим] воззрением, и открыто, и втайне пребывает вместе с братьями в следовании подобному воззрению, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единодушию.

(XV) Шесть корней спора. Вот, друзья, монах бывает гневным и враждебным. Когда этот монах, друзья, бывает гневным и враждебным, он без уважения, без

послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает [своего] обучения. Когда этот монах, друзья, без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает обучения, то он рождает спор в сангхе. И этот спор служит к неблагополучию многих людей, к несчастью многих людей, к отсутствию пользы, к неблагополучию, несчастью богов и людей. И вы, друзья, должны проследить подобный корень спора внутри или вне [своей общины], и вы, друзья, должны тогда приложить усилия, чтобы отбросить этот порочный корень спора. И если вы, друзья, не проследите подобного корня спора внутри или вне [своей общины], то старайтесь, друзья, чтобы в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. Таково отбрасывание этого порочного корня спора, таково [стремление, чтобы] в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. И далее, друзья, монах бывает лицемерным и злобным. Когда этот монах, друзья, бывает лицемерным и злобным, он без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает [своего] обучения. Когда этот монах, друзья, без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает обучения, то он рождает спор в сангхе. И этот спор служит к неблагополучию многих людей, к несчастью многих людей, к отсутствию пользы, к неблагополучию, несчастью богов и людей. И вы, друзья, должны проследить подобный корень спора внутри или вне [своей общины], и вы, друзья, должны тогда приложить усилия, чтобы отбросить этот порочный корень спора. И если вы, друзья, не проследите подобного корня спора внутри или вне [своей общины], то старайтесь, друзья, чтобы в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. Таково отбрасывание этого порочного корня спора, таково [стремление, чтобы] в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. И далее, друзья, монах бывает завистливым и себялюбивым. Когда этот монах, друзья, бывает завистливым и себялюбивым, он без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает [своего] обучения. Когда этот монах, друзья, без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает обучения, то он рождает спор в сангхе. И этот спор служит к неблагополучию многих людей, к несчастью многих людей, к отсутствию пользы, к неблагополучию, несчастью богов и людей. И вы, друзья, должны проследить подобный корень спора внутри или вне [своей общины], и вы, друзья, должны тогда приложить усилия, чтобы отбросить этот порочный корень спора. И если вы, друзья, не проследите подобного корня спора внутри или вне [своей общины], то старайтесь, друзья, чтобы в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. Таково отбрасывание этого порочного корня спора, таково [стремление, чтобы] в будущем этот порочный корень спора

не имел влияния. И далее, друзья, монах бывает хитрым и лживым. Когда этот монах, друзья, бывает хитрым и лживым, он без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает [своего] обучения. Когда этот монах, друзья, без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает обучения, то он рождает спор в сангхе. Этот спор служит к неблагополучию многих людей, к несчастью многих людей, к отсутствию пользы, к неблагополучию, несчастью богов и людей. И вы, друзья, должны проследить подобный корень спора внутри или вне [своей общины], и вы, друзья, должны тогда приложить усилия, чтобы отбросить этот порочный корень спора. И если вы, друзья, не проследите подобного корня спора внутри или вне [своей общины], то старайтесь, друзья, чтобы в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. Таково отбрасывание этого порочного корня спора, таково [стремление, чтобы] в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. И далее, друзья, монах желает порочного и исповедует ложные воззрения. Когда этот монах, друзья, желает порочного и исповедует ложные воззрения, он без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает [своего] обучения. Когда этот монах, друзья, без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает обучения, то он рождает спор в сангхе. И этот спор служит к неблагополучию многих людей, к несчастью многих людей, к отсутствию пользы, к неблагополучию, несчастью богов и людей. И вы, друзья, должны проследить подобный корень спора внутри или вне [своей общины], и вы, друзья, должны тогда приложить усилия, чтобы отбросить этот порочный корень спора. И если вы, друзья, не проследите подобного корня спора внутри или вне [своей общины], то старайтесь, друзья, чтобы в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. Таково отбрасывание этого порочного корня спора, таково [стремление, чтобы] в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. И далее, друзья, монах бывает привержен к мирскому, держится за свое место, не склонен к отречению. Когда этот монах, друзья, привержен к мирскому, держится за свое место, не склонен к отречению, он без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает [своего] обучения. Когда этот монах, друзья, без уважения, без послушания относится к учителю, без уважения, без послушания относится к дхамме, без уважения, без послушания относится к сангхе и не завершает обучения, то он рождает спор в сангхе. И этот спор служит к неблагополучию многих людей, к несчастью многих людей, к отсутствию пользы, к неблагополучию, несчастью богов и людей. И вы, друзья, должны проследить подобный корень спора внутри или вне [своей общины], и вы, друзья, должны тогда приложить усилия, чтобы отбросить этот порочный корень спора. И если вы, друзья, не проследите подобного корня спора

внутри или вне [своей общины], то старайтесь, друзья, чтобы в будущем этот порочный корень спора не имел влияния. Таково отбрасывание этого порочного корня спора, таково [стремление, чтобы] в будущем этот порочный корень спора не имел влияния.

(XVI) Шесть элементов: элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха, элемент [субстанции] пространства, элемент сознания.

(XVII) Шесть элементов, нуждающихся в преодолении. Вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью дружелюбия я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет злонамеренность“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью дружелюбия [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владела бы злонамеренность. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] и с помощью дружелюбия, это — преодоление злонамеренности. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью сострадания я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет насилие“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью сострадания [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владело насилие. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью сострадания, это — преодоление насилия. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью удовлетворенности я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет неудовольствие“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью удовлетворенности [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владело бы неудовольствие. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью удовлетворенности, это — преодоление неудовольствия. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью уравновешенности я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет страсть“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на

Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью уравновешенности [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владела бы страсть. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью уравновешенности, это — преодоление страсти. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью освобождения [восприятия] от внешних признаков [объектов] я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же сознание мое влечется за внешними признаками“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью освобождения [восприятия] от внешних признаков [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же сознание его влеклось бы за внешними признаками. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью освобождения [восприятия] от внешних признаков, это — преодоление [влечения] ко всем признакам. Или вот, друзья, монах может сказать так: „[Слово] ‘есmь’ разрушено для меня, я не обращаю внимания на [слова] ‘вот я есмь’. И все же ум мой постоянно поражает стрела сомнений и неуверенности“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы для [человека] было разрушено [слово] „есmь“, и он не обращал внимания на [слова] „вот я есмь“, и все же ум его постоянно поражала бы стрела сомнений и неуверенности. Ведь искоренение из разума [слова] „есmь“ это, друзья, преодоление стрелы сомнений и неуверенности.

(XVIII) Шесть [видов] непревзойденного: непревзойденное видение, непревзойденное слышание, непревзойденное приобретение, непревзойденное обучение, непревзойденное служение, непревзойденное воспоминание.

(XIX) Шесть предметов [почтительного] воспоминания: воспоминание о Будде, воспоминание о дхамме, воспоминание о сангхе, воспоминание о [заповедях] нравственности, воспоминание об отречении, воспоминание о божествах.

(XX) Шесть неизменных состояний. Вот, друзья, монах, видя глазом образ, не радуясь и не печалься, пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; слыша ухом звук, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; обоняя носом запах, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; пробуя языком на вкус, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; касаясь телом осязаемых предметов, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенно-

сти, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; распознавая разумом постигаемые предметы, не радуясь и не печальясь, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью.

(XXI) Шесть разновидностей. Вот, друзья, некто, принадлежащий к темной породе, обретает темное состояние. Вот, друзья, некто, принадлежащий к темной породе, обретает светлое состояние. Вот, друзья, некто, принадлежащий к темной породе, обретает ни темное, ни светлое [состояние] ниббаны. Вот, друзья, некто, принадлежащий к светлой породе, обретает светлое состояние. Вот, друзья, некто, принадлежащий к светлой породе, обретает темное состояние. Вот, друзья, некто, принадлежащий к светлой породе, обретает ни темное, ни светлое [состояние] ниббаны.

(XXII) Шесть [видов] представлений, способных к [глубокому] проникновению: представление о непостоянстве, представление о страдании в непостоянстве, представление об отсутствии своего „я“ в страдании, представление об отречении, представление о бесстрастии, представление об уничтожении.

Таковы, друзья, шесть вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

2.3. Есть, друзья, семь вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти семь?

(I) Семь сокровищ: сокровище веры, сокровище нравственности, сокровище стыдливости, сокровище боязни проступка, сокровище учености, сокровище отречения, сокровище постижения.

(II) Семь звеньев просветления: звено просветления, состоящее в способности самосознания; звено просветления, состоящее в исследовании истины; звено просветления, состоящее в усердии; звено просветления, состоящее в радости; звено просветления, состоящее в умиротворенности; звено просветления, состоящее в сосредоточенности; звено просветления, состоящее в уравновешенности.

(III) Семь принадлежностей сосредоточенности: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее подержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания.

(IV) Семь дурных свойств. Вот, друзья, монах бывает дурным, бывает нестыдливым, бывает не боящимся проступка, бывает мало ученым, бывает бездельным, бывает забывчивым, бывает плохо постигающим.

(V) Семь добрых свойств. Вот, друзья, монах бывает добрым, бывает стыдливым, бывает боящимся проступка, бывает весьма ученым, бывает полным усердия, бывает наделенным вниманием, бывает [хорошо] постигающим.

(VI) Семь свойств хорошего человека. Вот, друзья, монах бывает знающим истину, и знающим, что полезно, и знающим самого себя, и знающим меру, и знающим [должное] время, и знающим собрание [людей], и знающим [отдельные] личности.

(VII) Семь видов отличия. Вот, друзья, монах горячо желает отдаться учению и в будущем не лишается стремления отдаваться учению. Он горячо желает следовать истине и в будущем не лишается стремления следовать истине. Он горячо желает сдерживать влечения и в будущем не лишается стремления сдерживать влечения. Он горячо желает уединения и в будущем не лишается стремления к уединению. Он горячо желает быть полным усердия и в будущем не лишается стремления быть полным усердия. Он горячо желает способности самосознания и рассудительности и в будущем не лишается стремления к способности самосознания и рассудительности. Он горячо желает достижения [правильных] воззрений и в будущем не лишается стремления к достижению [правильных] воззрений.

(VIII) Семь [видов] представлений: представление о непостоянстве, представление об отсутствии своего „я“, представление о [мирской] нечистоте, представление о [мирских] опасностях, представление об отречении, представление о бесстрастии, представление об уничтожении.

(IX) Семь сил: сила веры, сила усердия, сила стыдливости, сила боязни прощупка, сила способности самосознания, сила сосредоточенности, сила постижения.

(X) Семь состояний сознания. Есть, друзья, существа, различные телом, различные разумением, а именно: люди, некоторые боги и некоторые подверженные страданию в преисподней. Это — первое состояние сознания. Есть, друзья, существа, различные телом, одинаковые разумением, а именно: боги, принадлежащие к свите Брахмы, возрожденные благодаря первой [ступени созерцания]. Это — второе состояние сознания. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, различные разумением, а именно: боги абхассара. Это — третье состояние сознания. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, одинаковые разумением, а именно: боги субхакинна. Это — четвертое состояние сознания. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигают уровня бесконечности пространства [и мыслят]: „Пространство бесконечно“. Это — пятое состояние сознания. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигают уровня бесконечности сознания [и мыслят]: „Сознание бесконечно“. Это — шестое состояние сознания. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности сознания, достигают уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслят]: „Не существует ничего“. Это — седьмое состояние сознания.

(XI) Семь [видов] личностей, достойных подношения: освободившиеся обоими путями, освободившиеся постижением, имеющие свидетельство тела, получившие [правильные] воззрения, освобожденные верой, следующие праведности, следующие вере.

(XII) Семь склонностей: склонность к чувственной страсти, склонность к [чувству] отвращения, склонность к [ложным] воззрениям, склонность к сомнению, склонность к гордыне, склонность страсти к [новому] существованию, склонность к невежеству.

(XIII) Семь [видов] уз: узы влечения, узы [чувства] отвращения, узы [ложных] воззрений, узы сомнений, узы гордыни, узы страсти к [новому] существованию, узы невежества.

(XIV) Семь [видов] улаживания вопросов с целью улаживания то и дело возникающих вопросов и умиротворения: следует выносить суждение, находясь в присутствии [обвиняемого]; следует выносить суждение, [учитывая его] собственное сознание; следует выносить суждение, [учитывая] отсутствие ослепления; следует вызывать признание [вины]; [следует выносить решение] большинством; [следует решать], в чем [обвиняемый] виновен; [следует улаживать дело, словно] покрывая [его] травой.

Таковы, друзья, семь вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

[Окончен] второй раздел поучения.

3.1. Есть, друзья, восемь вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти восемь?

(I) Восемь [видов] несправедливого: несправедное воззрение, несправедное намерение, несправедная речь, несправедное действие, несправедное поддержание жизни, несправедное усилие, несправедная способность самосознания, несправедное сосредоточенность.

(II) Восемь [видов] надлежащего: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащая речь, надлежащее действие, надлежащее поддержание жизни, надлежащее усилие, надлежащая способность самосознания, надлежащая сосредоточенность.

(III) Восемь [видов] личностей, достойных подношения: вступивший в поток, достигший вкушения плодов вступления в поток, единожды возвращающийся, достигший вкушения плодов однократного возвращения, невозвращающийся, достигший вкушения плодов невозвращения, архат, достигший архатства.

(IV) Восемь случаев бездействия. Вот, друзья, монаху надо совершить действие. Он думает так: „Мне надо будет совершить действие, но, совершая действие, я изнурю свое тело — поэтому лучше я лягу“. Он ложится и не прояв-

ляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — первый случай бездеятельности. И далее, друзья, монах совершил действие. Он думает так: „Я совершил действие, но, совершая действия, я изнурил свое тело — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — второй случай бездеятельности. И далее, друзья, монаху надо пройти путь. Он думает так: „Мне надо пройти путь, но, проходя путь, я изнуряю свое тело — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — третий случай бездеятельности. И далее, друзья, монах прошел путь. Он думает так: „Я прошел путь, но, проходя путь, я изнурил свое тело — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — четвертый случай бездеятельности. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, не получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я не получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи, тело мое изнурено и непригодно к действию — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — пятый случай бездеятельности. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи; тело мое отяжелело, непригодно к действию и поистине набито бобами — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — шестой случай бездеятельности. И далее, друзья, у монаха возникает небольшой недуг. Он думает так: „У меня возник этот небольшой недуг, следует лечь — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — седьмой случай бездеятельности. И далее, друзья, монах оправился от болезни, недавно оправился от заболевания. Он думает так: „Я оправился от болезни, недавно оправился от заболевания, тело мое бессильно и неспособно к действию — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — восьмой случай бездеятельности.

(V) Восемь случаев проявления [усердия]. Вот, друзья, монаху надо совершить действие. Он думает так: „Мне надо будет совершить действие: совершая действие, мне нелегко будет устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — первый случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах совершил действие. Он думает так: „Я совершил действие, но, совершая действие, я не смог устремить ум на наставление Будд —

поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — второй случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монаху надо пройти путь. Он думает так: „Мне надо пройти путь: но, проходя путь, мне нелегко будет устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — третий случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах прошел путь. Он думает так: „Я прошел путь, но, проходя путь, я не смог устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — четвертый случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок не получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я не получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи; тело мое легко и пригодно к действию — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — пятый случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи; тело мое сильно и способно к действию — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — шестой случай проявления [усердия]. И далее, друзья, у монаха возникает недуг. Он думает так: „У меня возник этот небольшой недуг, может случиться так, что недуг мой возрастет — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — седьмой случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах оправился от болезни, недавно оправился от заболевания. Он думает так: „Я оправился от болезни, недавно оправился от заболевания; может случиться так, что мой недуг вернется назад — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — восьмой случай проявления [усердия].

(VI) Восемь случаев дарения. Дар дарят из-за приближения [к принимающему подношение]. Дар дарят из страха. Дар дарят [с мыслью]: „Он одарил меня“. Дар дарят [с мыслью]: „Он одарит меня“. Дар дарят [с мыслью]: „Дарение — благо“.

Дар дарят [с мыслью]: „Я готовлю пищу, они не готовят пищи — не должен я, готовя пищу, не дарить дара не готовящим пищи“. Дар дарят [с мыслью]: „Обо мне, дарящем этот дар, распространится добрая слава“. Дар дарят ради украшения сердца, оснащения сердца.

(VII) Восемь [видов] возрождения [в результате] дарения: Вот, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозку, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он дает, то [и сам] ожидает получить. Он видит богатого кшатрия, или богатого брахмана, или богатого домоправителя, наделенного, одаренного, услаждающегося пятью признаками чувственности. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богатых кшатриев, или богатых брахманов, или богатых домохозяев!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он дает, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Четыре Великих царя — долговечные, прекрасные, наделенные великим счастьем боги“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богов — четырех Великих царей!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он дает, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Тридцать три бога — долговечны, прекрасны, наделены великим счастьем“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди тридцати трех богов!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он дает, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Боги яма — долговечны, прекрасны, наделены великим счастьем“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богов яма!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преус-

певаёт благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он даёт, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Боги тусита — долговечны, прекрасны, наделены великим счастьем“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богов тусита!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он даёт, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Боги нимманарати — долговечны, прекрасны, наделены великим счастьем“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богов нимманарати!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он даёт, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Боги параниммита-васаватти — долговечны, прекрасны, наделены великим счастьем“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богов параниммита-васаватти!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, [происходит] лишь с добронравным, а не со злонравным. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря чистоте. И далее, друзья, некто дарит в дар отшельнику или брахману еду, питье, одежду, повозки, венки, благовония, притирания, [предметы] для отдыха, жилья, освещения. Что он даёт, то [и сам] ожидает получить. Он слышит: „Боги, принадлежащие к свите Брахмы, — долговечны, прекрасны, наделены великим счастьем“. И он думает так: „Ах, если бы с распадом тела после смерти я вновь родился среди богов, принадлежащих к свите Брахмы!“ Он принимает эту мысль, склоняется к этой мысли, развивает эту мысль. Эта его мысль, освобожденная в низшей [сфере] и не переходящая в более высокую, доставляет [ему] возрождение в том [состоянии]. И это, говорю я, происходит лишь с добронравным, а не со злонравным, со свободным от страсти, а не наделенным страстью. Ведь решимость добронравного, друзья, преуспевает благодаря свободе от страсти.

(VIII) Восемь собраний: собрание кшатриев, собрание брахманов, собрание домоправителей, собрание отшельников, собрание четырех Великих царей, собрание тридцати трех, собрание Мары, собрание Брахмы.

(IX) Восемь мирских дел: приобретение и утрата, слава и беславие, порицание и похвала, счастье и несчастье.

(X) Восемь состояний преодоления. Человек, внутренне осознавая формы, видит внешние формы как ограниченные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — первое состояние преодоления. Человек, внутренне осознавая формы, видит внешние формы как безграничные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — второе состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как ограниченные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — третье состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как безграничные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — четвертое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как темно-синие, темно-синего цвета, темно-синие на вид, светящиеся темно-синим — подобно тому как цветок льна бывает темно-синим, темно-синего цвета, темно-синим на вид, светящимся темно-синим или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает темно-синей, темно-синего цвета, темно-синей на вид, светящейся темно-синим, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как темно-синие, темно-синего цвета, темно-синие на вид, светящиеся темно-синим и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я вижу и знаю их“. Это — пятое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как желтые, желтого цвета, желтые на вид, светящиеся желтым — подобно тому как цветок каникары бывает желтым, желтого цвета, желтым на вид, светящимся желтым или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает желтой, желтого цвета, желтой на вид, светящейся желтым, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как желтые, желтого цвета, желтые на вид, светящиеся желтым и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — шестое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как красные, красного цвета, красные на вид, светящиеся красным — подобно тому как цветом бандхудживаки бывает красным, красного цвета, красным на вид, светящимся красным или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает красной, красного цвета, красной на вид, светящейся красным, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как красные, красного цвета, красные на вид, светящиеся красным и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — седьмое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как белые, белого цвета, белые на вид, светящиеся белым — подобно тому как звезда Осадхи бывает белой, белого цвета, белой на вид, светящейся белым или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает белой, белого цвета, белой на вид, светящийся белым, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит

внешние формы как белые, белого цвета, белые на вид, светящиеся белым и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — восьмое состояние преодоления.

(XI) Восемь [ступеней] освобождения. Наделенный формой видит формы. Это — первая [ступень] освобождения. Внутренне не осознающий формы видит внешние формы. Это — вторая [ступень] освобождения. Он устремлен к [мысли]: „[Это] прекрасно“. Это — третья [ступень] освобождения. Всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, он достигает уровня бесконечности пространства и пребывает на нем, [мысля]: „Пространство бесконечно“. Это — четвертая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает на нем, [мысля]: „Сознание бесконечно“. Это — пятая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает на нем, [мысля]: „Не существует ничего“. Это — шестая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает на нем. Это — седьмая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень ни осознания, ни отсутствия осознания, он достигает уничтожения осознания и ощущений и пребывает [в этом состоянии]. Это — восьмая [ступень] освобождения.

Таковы, друзья, восемь вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

3.2. Есть, друзья, девять вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти девять?

(I) Девять оснований гнева: гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинил мне вред“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причиняет мне вред“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинит мне вред“. Гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинил вред моему любимому другу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причиняет вред моему любимому другу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинит вред моему любимому другу“. Гнев возбуждается [при мысли]: „Он принес пользу моему нелюбимому, недругу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он приносит пользу моему нелюбимому, недругу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он принесет пользу моему нелюбимому, недругу“.

(II) Девять [видов] успокоения гнева: гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинил мне вред, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причиняет мне вред, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинит мне вред, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинил вред моему любимому другу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причиняет вред моему любимому другу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинит вред моему любимому другу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он принес пользу моему нелюбимому, недругу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он приносит пользу моему нелюбимому, недругу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он принесет пользу моему нелюбимому, недругу, но как тут возможна [ссора]?“

(III) Девять обителей существ. Есть, друзья, существа, различные телом, различные разумением, а именно: люди, некоторые боги и некоторые подверженные страданию в преисподней. Это — первая обитель существ. Есть, друзья, существа, различные телом, одинаковые разумением, а именно: боги, принадлежащие к свите Брахмы, возрожденные благодаря первой [ступени созерцания]. Это — вторая обитель существ. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, различные разумением, а именно: боги абхассара. Это — третья обитель существ. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, одинаковые разумением, а именно: боги субхакинна. Это — четвертая обитель существ. Есть, друзья, существа, лишённые разума, лишённые ощущения, а именно: боги асаньясатта. Это — пятая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигают уровня бесконечности пространства [и мыслят]: „Пространство бесконечно“. Это — шестая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигают уровня бесконечности сознания [и мыслят]: „Сознание бесконечно“. Это — седьмая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности сознания, достигают уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслят]: „Не существует ничего“. Это — восьмая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, достигают уровня ни разума, ни отсутствия разума. Это — девятая обитель существ.

(IV) Девять неблагоприятных периодов, не подходящих для целомудренной жизни. Вот, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббане, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в преисподней. Это — первый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббане, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в состоянии животного. Это — второй неблагоприятный период, не подходящий для цело-

мудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено среди душ предков. Это — третий неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в сонме асуров. Это — четвертый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в собрании долговечных богов. Это — пятый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в пограничных странах, среди невежественных чужих племен, где нет пути в монахи, монахини, преданные миряне, преданные мирянки. Это — шестой неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в срединных странах, но наделено ложными воззрениями, превратными взглядами, [считая]: „Нет подаяния, нет жертвоприношения, нет возлияния, нет созревшего плода добрых и злых действий, нет этого лица, нет другого лица, нет матери, нет отца, нет самопроизвольно родившихся существ, нет в мире отшельников и брахманов, находящихся на надлежащем пути и в надлежащем расположении духа, которые, познав и увидев собственными глазами и этот мир, и другой мир, возглашают [истину]“⁴. Это — седьмой неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в срединных странах, но непонятливо, глупо, глухо и немо, неспособно узнать, что сказано хорошо и что сказано плохо. Это — восьмой неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире не рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и он не наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в срединных странах, и оно понятно, неглупо, неглухо и не немо, способное узнать, что сказано хорошо и что сказано плохо. Это — девятый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни.

(V) Девять последовательных состояний. Вот, друзья, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углублен-

ным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“ — он достигает третьей ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, он достигает уровня бесконечности пространства и пребывает на нем, [мысля]: „Пространство бесконечно“. Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает на нем, [мысля]: „Сознание бесконечно“. Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает на нем, [мысля]: „Не существует ничего“. Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает на нем. Всецело преодолев уровень ни осознания, ни отсутствия осознания, он достигает уничтожения осознания и ощущений и пребывает [в этом состоянии].

(VI) Девять [видов] последовательного уничтожения. У достигшего первой ступени созерцания уничтожается осознание чувственного. У достигшего второй ступени созерцания уничтожается устремленный рассудок и углубленное рассуждение. У достигшего третьей ступени созерцания уничтожается радость. У достигшего четвертой ступени созерцания уничтожается дыхание. У достигшего уровня бесконечности пространства уничтожается осознание форм. У достигшего уровня бесконечности сознания уничтожается осознание уровня бесконечности пространства. У достигшего уровня отсутствия чего бы то ни было уничтожается осознание уровня бесконечности сознания. У достигшего уровня ни осознания, ни отсутствия осознания уничтожается осознание уровня отсутствия чего бы то ни было. У достигшего уничтожения осознания и ощущений уничтожаются осознание и ощущения.

Таковы, друзья, девять вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

3.3. Есть, друзья, десять вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей.

Каковы же эти десять?

(I) Десять состояний, доставляющих защиту. Вот, друзья, монах предан нравственности, живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в малейших проступках, обязуется следовать заповедям и упражняется [в их исполнении]. И когда, друзья, монах предан нравственности, живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в малейших проступках, обязуется следовать заповедям и упражняется [в их исполнении], то это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах весьма учен, держит [в памяти] и накапливает выученное; и те истины, которые превосходны в начале, превосходны в середине, превосходны в конце в их духе и букве и наставляют в единственно совершенном, чистом целомудрии, он хорошо изучил, держит [в памяти, повторяя] вслух, умножает, сосредоточивает [на них] разум, тщательно проникает [в них] видением. Когда же, друзья, монах весьма учен, держит [в памяти] и накапливает выученное; и те истины, которые превосходны в начале, превосходны в середине, превосходны в конце в их духе и букве и наставляют в единственно совершенном, чистом целомудрии, он хорошо изучил, держит [в памяти, повторяя] вслух, умножает, сосредоточивает [на них] разум, тщательно проникает [в них] видением, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах имеет хорошего друга, хорошего спутника, хорошего близкого человека. Когда же, друзья, монах имеет хорошего друга, хорошего спутника, хорошего близкого человека, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах мягок, наделен свойствами, вызываемыми мягкостью, терпелив, разумно принимает наставления. Когда же, друзья, монах мягок, наделен свойствами, вызываемыми мягкостью, терпелив, разумно принимает наставления, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах искусен, неленив, наделен соответствующим рассуждением, способен к действию, способен к устройению в различных больших и малых делах, которые требуются от него с братьями. Когда же, друзья, монах искусен, неленив, наделен соответствующим рассуждением, способен к действию, способен к устройению в различных больших и малых делах, которые требуются от него с братьями, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах любит дхамму, радуется произнесению [ее], находит великое счастье в высшей дхамме и высшем должном поведении. Когда же, друзья, монах любит дхамму, радуется произнесению [ее], находит великое счастье в высшей дхамме и высшем должном поведении, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах бывает удовлетворен любыми верхними одеждами, сосудом для подааний, оби-

тельно, лекарством от болезни и [другими] принадлежностями. Когда же, друзья, монах бывает удовлетворен любыми верхними одеждами, сосудом для подаяний, обителю, лекарством от болезни и [другими] принадлежностями, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства, сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств. Когда же, друзья, монах пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства, сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах способен к самосознанию, наделен высшей ясностью самосознания, помнит и вспоминает давно сделанное, давно сказанное. Когда же, друзья, монах способен к самосознанию, наделен высшей ясностью самосознания, помнит и вспоминает давно сделанное, давно сказанное, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах способен к постижению, наделен постижением, охватывающим начало и конец [вещей], и праведной пронизательностью, ведущей к полному уничтожению страдания. Когда же, друзья, монах способен к постижению, наделен постижением, охватывающим начало и конец [вещей], и праведной пронизательностью, ведущей к полному уничтожению страдания, то и это — состояние, доставляющее защиту.

(II) Десять оснований [представлений о] целостности. Некто представляет в целостности землю — сверху, снизу, поперек — как недвойственную, неизмеримую. Некто представляет в целостности воду — сверху, снизу, поперек — как недвойственную, неизмеримую. Некто представляет в целостности огонь — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности воздух — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности темно-синий цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности желтый цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности красный цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности белый цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности [субстанцию] пространства — сверху, снизу, поперек — как недвойственную, неизмеримую. Некто представляет в целостности сознание — сверху, снизу, поперек — как недвойственное, неизмеримое.

(III) Десять путей недолжного поведения: уничтожение живого, присвоение того, что не дано, несправедное поведение в области чувственного, лживая речь, клеветническая речь, грубая речь, легкомысленная болтовня, алчность, злонамеренность, ложные воззрения.

(IV) Десять путей должного поведения: воздержание от уничтожения живого, воздержание от присвоения того, что не дано, воздержание от несправедного поведения в области чувственного, воздержание от лживой речи, воздержание от клеветнической речи, воздержание от грубой речи, воздержание от легкомысленной болтовни, отсутствие алчности, незлобивость, истинные воззрения.

(V) Десять [видов] праведной жизни. Вот, друзья, монах бывает избавлен от пяти признаков, наделен шестью признаками, имеет одного защитника, имеет четыре опоры, отбрасывает отдельные [ложные] учения, уничтожает обманчивые стремления, безупречен в намерениях, успокаивает совокупность [частей] тела, вполне освобожден в сознании, вполне освобожден в постижении. Как же, друзья, монах бывает избавлен от пяти признаков? Вот, друзья, у монаха исчезло чувственное возбуждение, исчезла злонамеренность, исчезла косность, исчезли беспокойство и терзания, исчезло сомнение. Так, друзья, монах бывает избавлен от пяти признаков. Как же, друзья, монах бывает наделен шестью признаками? Вот, друзья, монах, видя глазом образ, не радуясь и не печалься, пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; слыша ухом звук, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; обоняя носом запах, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; пробуя языком на вкус, не радуясь и не печалься, пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; касаясь телом осязаемых предметов, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; распознавая разумом постигаемые предметы, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью. Так, друзья, монах бывает наделен шестью признаками. Как же, друзья, монах имеет одного защитника? Вот, друзья, монах наделен в уме стражем самосознания. Так, друзья, монах имеет одного защитника. Как же, друзья, монах имеет четыре опоры? Вот, друзья, монах, поразмыслив, стремится к одному; поразмыслив, соглашается с другим; поразмыслив, избегает третьего, поразмыслив, отбрасывает четвертое. Так, друзья, монах имеет четыре опоры. Как же, друзья, монах отбрасывает отдельные [ложные] учения? Вот, друзья, монахом брошены, отброшены, отринуты, отвергнуты, преодолены, оставлены, покинуты все те многие отдельные [ложные] учения, принадлежащие многим отшельникам и брахманам, Так, друзья, монах отбрасывает отдельные [ложные] учения. Как же, друзья, монах уничтожает обманчивые стремления? Вот, друзья, монах преодолел стремление к чувственности, преодолел стремление к становлению, успокоил стремление к целомудрию. Так, друзья, монах уничтожает обманчивые стремления. Как же, друзья, монах безупречен в намерениях? Вот, друзья, монах преодолел чувственное намерение, преодолел злое намерение, преодолел насильственное намерение. Так, друзья, монах безупречен в намерениях. Как же, друзья, монах успокаивает совокупность [частей] тела? Вот, друзья, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Так, друзья, монах успокаивает совокупность [частей] тела. Как же, друзья, монах вполне освобожден в сознании? Вот, друзья, у монаха сознание освобождено от страсти, сознание освобож-

дено от ненависти, сознание освобождено от заблуждения. Так, друзья, монах вполне освобожден в сознании. Как же, друзья, монах вполне освобожден в постижении? Вот, друзья, монах постигает: „Страсть во мне преодолена, вырвана с корнем, стала словно выкорчеванная пальма, прекратила существование, неспособна возникнуть в будущем“; он постигает: „Ненависть во мне преодолена, вырвана с корнем, стала словно выкорчеванная пальма, прекратила существование, неспособна возникнуть в будущем“. Он постигает: „Заблуждение во мне преодолено, вырвано с корнем, стало словно выкорчеванная пальма, прекратило существование, неспособно возникнуть в будущем“. Так, друзья, монах вполне освобожден в постижении.

(VI) Десять свойств не нуждающегося в обучении: надлежащее воззрение не нуждающегося в обучении, надлежащее намерение не нуждающегося в обучении, надлежащая речь не нуждающегося в обучении, надлежащее действие не нуждающегося в обучении, надлежащее поддержание жизни не нуждающегося в обучении, надлежащее усилие не нуждающегося в обучении, надлежащая способность самосознания не нуждающегося в обучении, надлежащая сосредоточенность не нуждающегося в обучении, надлежащее знание не нуждающегося в обучении, надлежащее освобождение не нуждающегося в обучении.

Таковы, друзья, десять вещей, в совершенстве преподанных этим Благостным — знающим, видящим, архатом, всецело просветленным. И вам здесь следует произносить их и не вступать в распри, чтобы продлилось и надолго утвердилось это целомудрие ради благополучия многих людей, ради счастья многих людей, ради сострадания к миру, ради пользы, благополучия, счастья богов и людей».

3.4. И тогда Благостный, поднявшись, обратился к достопочтенному Сарипутте: «Хорошо, хорошо, Сарипутта! Хорошо, Сарипутта, ты изложил монахам наставление преподанного».

Так сказал достопочтенный Сарипутта. Учитель одобрил его. И удовлетворенные монахи порадовались словам достопочтенного Сарипутты.

Окончена десятая «Сангити-сутта».

XXXIV. «Дасуттара-сутта»

(«Сутта о последовательности [от одного] до десяти»)

1.1. Вот что я слышал. Однажды Благостный вместе с большой толпой монахов, пятью сотнями монахов, пребывал в Чампе на берегу лotosового пруда Гаггара. И там достопочтенный Сарипутта обратился к монахам: «Друзья, монахи!» — «Друг!» — ответили те монахи достопочтенному Сарипутте. Достопочтенный Сарипутта сказал так:

«Я возведу учение в [последовательности от одного] до десяти ради достижения ниббаны,

Чтобы положить конец злу, — [учение], освобождающее от всех уз.

1.2. Одна вещь, друзья, весьма помогает, одну вещь следует воспитать [в себе], одну вещь следует понять, одну вещь следует отбросить, одна вещь приносит ущерб, одна вещь приносит отличие, в одну вещь трудно проникнуть, одну вещь следует привести к осуществлению, одну вещь следует тщательно усвоить, одну вещь следует испытать.

(I) Какая же одна вещь весьма помогает? Усердие в хороших делах. Эта одна вещь весьма помогает.

(II) Какую же одну вещь следует воспитывать [в себе]? Способность самознания, связанную с телом, сопровождаемую приятным ощущением. Эту одну вещь следует воспитывать [в себе].

(III) Какую же вещь следует понять? Прикосновение связано с порочными свойствами. Эту одну вещь следует понять.

(IV) Какую же одну вещь следует отбросить? Заблуждение: „Я есмь“. Эту одну вещь следует отбросить.

(V) Какая же одна вещь приносит ущерб? Поверхностное внимание. Эта одна вещь приносит ущерб.

(VI) Какая же одна вещь приносит отличие? Тщательное внимание. Эта одна вещь приносит отличие.

(VII) В какую же одну вещь трудно проникнуть? В непрерывную последовательность [состояний] в сосредоточенности разума. В эту одну вещь трудно проникнуть.

(VIII) Какую же одну вещь следует привести к осуществлению? Непоколебимое знание. Эту одну вещь следует привести к осуществлению.

(IX) Какую же одну вещь следует тщательно усвоить? Все существа живут благодаря причине. Эту одну вещь следует тщательно усвоить.

(X) Какую же одну вещь следует испытать? Непоколебимое освобождение разума. Эту одну вещь следует испытать.

Эти десять вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатай.

1.3. Две вещи весьма помогают, две вещи следует воспитывать [в себе], две вещи следует понять, две вещи следует отбросить, две вещи приносят ущерб, две вещи приносят отличие, в две вещи трудно проникнуть, две вещи следует привести к осуществлению, две вещи следует тщательно усвоить, две вещи следует испытать.

(I) Какие же две вещи весьма помогают? Способность самосознания и вдумчивость. Эти две вещи весьма помогают.

(II) Какие же две вещи следует воспитывать [в себе]? Спокойствие и [внутреннее] прозрение. Эти две вещи следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же две вещи следует понять? Имя и форму. Эти две вещи следует понять.

(IV) Какие же две вещи следует отбросить? Незнание и жажду существования. Эти две вещи следует отбросить.

(V) Какие же две вещи приносят ущерб? Жестокость и дружба с дурными. Эти две вещи приносят ущерб.

(VI) Какие же две вещи приносят отличие? Мягкость и дружба с хорошими. Эти две вещи приносят отличие.

(VII) В какие же две вещи трудно проникнуть? Каковы причина и основание оквернения существ; каковы причина и основание очищения существ? В эти две вещи трудно проникнуть.

(VIII) Какие же две вещи следует привести к осуществлению? Знание разрушения, знание непривязанности. Эти две вещи следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же две вещи следует тщательно усвоить? Два [вида] элементов: элемент, [обусловленный] совокупностью, и элемент, [не обусловленный] совокупностью. Эти две вещи следует тщательно усвоить.

(X) Какие же две вещи следует испытать? [Высшее] знание и освобождение. Эти две вещи следует испытать.

Эти двадцать вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатай.

1.4. Три вещи весьма помогают, три вещи следует воспитывать [в себе], три вещи следует понять, три вещи следует отбросить, три вещи приносят ущерб, три вещи приносят отличие, в три вещи трудно проникнуть, три вещи следует привести к осуществлению, три вещи следует тщательно усвоить, три вещи следует испытать.

(I) Какие же три вещи весьма помогают? Общение с благими людьми, слушание благой истины, следование истине во всей ее последовательности. Эти три вещи весьма помогают.

(II) Какие же три вещи следует воспитывать [в себе]? Три [вида] сосредоточенности: сосредоточенность с устремленным рассудком и углубленным рассуждением; сосредоточенность без устремленного рассудка, лишь с углубленным рассуждением; сосредоточенность без устремленного рассудка и без углубленного рассуждения. Эти три вещи следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же три вещи следует понять? Три ощущения: ощущение счастья, ощущение несчастья, ощущение ни счастья, ни несчастья. Эти три вещи следует понять.

(IV) Какие же три вещи следует отбросить? Три жажды: жажду чувственности, жажду существования, жажду прекращения существования. Эти три вещи следует отбросить.

(V) Какие же три вещи приносят ущерб? Три корня нехорошего: алчность — корень нехорошего, ненависть — корень нехорошего, заблуждение — корень нехорошего. Эти три вещи приносят ущерб.

(VI) Какие же три вещи приносят отличие? Три корня хорошего: отсутствие алчности — корень хорошего, отсутствие ненависти — корень хорошего, отсутствие заблуждения — корень хорошего. Эти три вещи приносят отличие.

(VII) В какие же три вещи трудно проникнуть? Три элемента нуждаются в преодолении: это — преодоление чувственных желаний, то есть отречение; это — преодоление наделенного образами, то есть [существование], лишенное образов; это — преодоление всего того, что возникло обусловленное совокупностью [элементов] и зависимым происхождением, [то есть] уничтожение. В эти три вещи трудно проникнуть.

(VIII) Какие же три вещи следует привести к осуществлению? Три знания: знание прошлого, знание будущего, знание настоящего. Эти три вещи следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же три вещи следует тщательно усвоить? Три элемента: элемент чувственного, элемент наделенного образом, элемент лишенного образа. Эти три вещи следует тщательно усвоить.

(X) Какие же три вещи следует испытать? Три [вида] мудрости: мудрость знания о воспоминании прежних мест пребывания, мудрость знания об оставлении существом мира и новом рождении, мудрость знания об уничтожении порочных свойств. Эти три вещи следует испытать.

Эти тридцать вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой.

1.5. Четыре вещи весьма помогают, четыре вещи следует воспитывать [в себе], четыре вещи следует понять, четыре вещи следует отбросить, четыре вещи приносят ущерб, четыре вещи приносят отличие, в четыре вещи трудно проникнуть, четыре вещи следует привести к осуществлению, четыре вещи следует тщательно усвоить, четыре вещи следует испытать.

(I) Какие же четыре вещи весьма помогают? Четыре круга: [круг] подходящей местности для жилья, [круг] пребывания с добрыми людьми, [круг] собственного надлежащего устремления, [круг] заслуг, совершенных в прошлом. Эти четыре вещи весьма помогают.

(II) Какие же четыре вещи следует воспитывать [в себе]? Четыре установления способности самосознания. Вот, друзья, монах пребывает созерцающим тело в [своем] теле, усердный, внимательный, наделенный способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ощущения в [своих] ощущениях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим ум в своем [уме], усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Он пребывает созерцающим состояния в [воспринимаемых им] состояниях, усердным, внимательным, наделенным способностью самосознания и устраняет мирскую алчность и неудовлетворенность. Эти четыре вещи следует воспитывать в себе.

(III) Какие же четыре вещи следует понять? Четыре [вида] пропитания: материальную пищу — грубую или нежную, чувственное восприятие — во-вторых, рассудочное размышление — в-третьих, осознание [смены существований] — в-четвертых. Эти четыре вещи следует понять.

(IV) Какие же четыре вещи следует отбросить? Четыре потока: поток чувственности, поток следующего существования, поток [ложных] воззрений, поток невежества. Эти четыре вещи следует отбросить.

(V) Какие же четыре вещи приносят ущерб? Четыре [вида] уз: узы чувственности, узы перехода в следующее существование, узы [ложных] воззрений, узы невежества. Эти четыре вещи приносят ущерб.

(VI) Какие же четыре вещи приносят отличие? Четыре [вида] освобождения: освобождение от уз чувственности, освобождение от уз перехода в следующее существование, освобождение от уз [ложных] воззрений, освобождение от уз невежества. Эти четыре вещи приносят отличие.

(VII) В какие же четыре вещи трудно проникнуть? В четыре вида сосредоточенности: сосредоточенность, приносящую ущерб; сосредоточенность, приносящую устойчивость; сосредоточенность, приносящую отличие; сосредоточенность, приносящую проникновение. В эти четыре вещи трудно проникнуть.

(VIII) Какие же четыре вещи следует привести к осуществлению? Четыре знания: знание дхаммы, знание вытекающего из нее, знание определения, общее знание. Эти четыре вещи следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же четыре вещи следует тщательно усвоить? Четыре праведные истины: праведную истину о страдании, праведную истину о возникновении страдания, праведную истину об уничтожении страдания, праведную истину о пути, ведущем к уничтожению страдания. Эти четыре вещи следует тщательно усвоить.

(X) Какие же четыре вещи следует испытать? Четыре плода отшельничества: плод вступления в поток, плод однократного возвращения, плод невозвращения, плод архатства. Эти четыре вещи следует испытать.

Эти сорок вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой.

1.6. Пять вещей весьма помогают, пять вещей следует воспитывать [в себе], пять вещей следует понять, пять вещей следует отбросить, пять вещей приносят ущерб, пять вещей приносят отличие, в пять вещей трудно проникнуть, пять вещей следует привести к осуществлению, пять вещей следует тщательно усвоить, пять вещей следует испытать.

(I) Какие же пять вещей весьма помогают? Пять состояний, в которых следует упражняться. Вот, друзья, монах пребывает верующим, верует в просветление Татхагаты: „Он — Благостный, архат, всецело просветленный, наделенный знанием и добродетелью, Счастливым, знаток мира, несравненный вожатый людей, нуждающихся в узде, учитель богов и людей, Будда, Благостный”. Он испытывает мало недугов, мало болезней, наделен хорошим пищеварением — не слишком холодным, не слишком горячим; [наделен] умеренностью и терпением в усилиях. Он не бывает хитрым и лживым и в согласии с истиной открывает себя перед наставником или перед мудрыми собратьями. Он пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства; сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств. Он мудр и наделен мудростью, ведущей [к постижению] рождения и смерти, праведной, всепроникающей, ведущей к полному уничтожению несчастья. Эти пять вещей весьма помогают.

(II) Какие же пять вещей следует воспитывать [в себе]? Пятичастную совершенную сосредоточенность: проникнутую радостью, проникнутую счастьем, проникнутую разумом, проникнутую светом, оснащенную внимательностью. Эти пять вещей следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же пять вещей следует понять? Пять [групп] составляющих, основанных на стремлении, а именно: составляющее, основанное на стремлении к образу; составляющее, основанное на стремлении к ощущению; составляющее, основанное на стремлении к восприятию; составляющее, основанное на стремлении к наклонности; составляющее, основанное на стремлении к сознанию. Эти пять вещей следует понять.

(IV) Какие же пять вещей следует отбросить? Пять преград: преграду чувственного возбуждения, преграду злонамеренности, преграду косности, преграду беспокойства и терзаний, преграду сомнения. Эти пять вещей следует отбросить.

(V) Какие же пять вещей приносят ущерб? Пять недостатков разума. Вот, друзья, монах сомневается в наставнике, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в наставнике, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — первый недостаток разума. И далее, друзья, монах сомневается в дхамме, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в дхамме, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности,

постоянству, усилию, то это — второй недостаток разума. И далее, друзья, монах сомневается в сангхе, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в сангхе, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — третий недостаток разума. И далее, друзья, монах сомневается в обучении, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя. Когда, друзья, этот монах сомневается в обучении, колеблется, лишается уверенности, лишается покоя, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — четвертый недостаток разума. И далее, друзья, монах гневается на собратьев, неудовлетворен, раздражен в мыслях, подавлен. Когда, друзья, этот монах гневается на собратьев, неудовлетворен, раздражен в мыслях, подавлен, то его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию. Когда же его ум не склоняется к усердию, преданности, постоянству, усилию, то это — пятый недостаток разума. Эти пять вещей приносят ущерб.

(VI) Какие же пять вещей приносят отличие? Пять жизненных способностей: жизненная способность веры, жизненная способность усердия, жизненная способность самосознания, жизненная способность сосредоточенности, жизненная способность постижения. Эти пять вещей приносят отличие.

(VII) В какие же пять вещей трудно проникнуть? В пять элементов, нуждающихся в преодолении. Вот, друзья, у монаха, направляющего внимание на чувственные удовольствия, ум не устремляется к чувственным удовольствиям, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в них]; когда же он направляет внимание на отречение [от них], то его ум устремляется к отречению, успокаивается, устанавливается, утверждается [в нем]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утверждён, неподвластен чувственным удовольствиям, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на чувственных удовольствиях, то он свободен от них и не ведаёт подобных ощущений. Это зовется преодолением чувственных удовольствий. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на злонамеренность, ум не устремляется к злонамеренности, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в ней]; когда же он направляет внимание на незлобивость, то его ум устремляется к незлобности, успокаивается, устанавливается, утверждается [в ней]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утверждён, неподвластен злонамеренности, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на злонамеренности, то он свободен от них и не ведаёт подобных ощущений. Это зовется преодолением злонамеренности. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на насилие, ум не устремляется к насилию, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в нем]; когда же он направляет внимание на ненасилие, то его ум устремляется к ненасилию, успокаивается, устанавливается, утверждается [в нем]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утверждён, неподвластен на-

силию, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на насилии, то он свободен от них и не ведает подобных ощущений. Это зовется преодолением насилия. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на образы, ум не устремляется к образам, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в них]; когда же он направляет внимание на лишенное образа, то его ум устремляется к лишенному образа, успокаивается, устанавливается, утверждается [в нем]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утверждён, неподвластен образам, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, основанные на образах, то он свободен от них и не ведаёт подобных ощущений. Это зовется преодолением образов. И далее, друзья, у монаха, направляющего внимание на своё тело, ум не устремляется на его тело, не успокаивается, не устанавливается, не утверждается [в нём]; когда же он направляет внимание на уничтожение своего тела, то его ум устремляется к уничтожению его тела, успокаивается, устанавливается, утверждается [в этом]. Этот его ум благоприятен, тщательно взращен, возвышен, прочно утверждён, неподвластен его телу, и когда возникают порочные свойства, тревоги, возбуждения, имеющие основу в его теле, то он свободен от них и не ведаёт подобных ощущений. Это зовется преодолением своего тела. В эти пять вещей трудно проникнуть.

(VIII) Какие же пять вещей следует привести к осуществлению? Совершенную сосредоточенность, состоящую из пяти знаний: „Эта сосредоточенность даёт счастье в настоящем и результат её — счастье в будущем“ — такое знание возникает в сердце. „Эта сосредоточенность — праведна и бескорыстна“ — такое знание возникает в сердце. „Этой сосредоточенности не предаются дурные люди“ — такое знание возникает в сердце. „Эта сосредоточенность хороша, возвышенна, обрела успокоение, достигла собранности и не испытывает препятствий, не будучи охвачена наклонностями“ — такое знание возникает в сердце. „Вот я вступаю в эту сосредоточенность, наделенный способностью самосознания, и выхожу [из неё], наделенный способностью самосознания“ — такое знание возникает в сердце. Эти пять вещей следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же пять вещей следует тщательно усвоить? Пять возможностей освобождения. Вот, друзья, учитель или же другой собрат, выступающий наставником, наставляет монаха в истине. И по мере того, друзья, как учитель или другой собрат, выступающий наставником, наставляет монаха в истине, тот постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворение, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — первая возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой собрат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, но тот сам наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее]. И по мере того, друзья, как монах наставляет подробно других в истине, как он слышал

и усвоил [ее], он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворение, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — вторая возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой собрат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, и тот не наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], но он сам повторяет подробно истину, как он слышал и усвоил [ее]. И по мере того, друзья, как монах подробно повторяет истину, как он слышал и усвоил [ее], он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — третья возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой собрат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, и тот не наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], и не повторяет подробно истину, как он слышал и усвоил [ее], но он пребывает мыслями в размышлении, пребывает в раздумье, сосредоточивается разумом на истине, как он слышал и усвоил [ее]. И по мере того, друзья, как монах пребывает мыслями в размышлении, пребывает в раздумье, сосредоточивается разумом на истине, как он слышал и усвоил [ее] он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — четвертая возможность освобождения. И далее, друзья, ни учитель, ни другой собрат, выступающий наставником, не наставляет монаха в истине, и тот не наставляет подробно других в истине, как он слышал и усвоил [ее], и не повторяет подробно истину, как он слышал и усвоил [ее], и не пребывает мыслями в размышлении, не пребывает в раздумье, не сосредоточивается разумом на истине, как он слышал и усвоил [ее], но хорошо охватывает тот или иной признак сосредоточенности, тщательно устремляет [к нему] ум, хорошо понимает, хорошо проникает [в него] постижением. И по мере того, друзья, как монах хорошо охватывает тот или иной признак сосредоточенности, тщательно устремляет [к нему] ум, хорошо понимает, хорошо проникает [в него] постижением, он постигает суть этой истины и постигает [слова] истины. У постигающего суть и постигающего [слова] истины рождается удовлетворенность, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокаивающийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность. Это — пятая возможность освобождения. Эти пять вещей следует тщательно усвоить.

(X) Какие же пять вещей следует испытать? Пять разделов учения: раздел нравственности, раздел сосредоточенности, раздел постижения, раздел освобож-

дения, раздел совершенного видения освобождения. Эти пять вещей следует испытать.

Эти пятьдесят вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой.

1.7. Шесть вещей весьма помогают, шесть вещей следует воспитывать [в себе], шесть вещей следует понять, шесть вещей следует отбросить, шесть вещей приносят ущерб, шесть вещей приносят отличие, в шесть вещей трудно проникнуть, шесть вещей следует привести к осуществлению, шесть вещей следует тщательно усвоить, шесть вещей следует испытать.

(I) Какие же шесть вещей весьма помогают? Шесть заповедей доброго поведения. Вот, друзья, монах и открыто, и втайне дружелюбен в делах, общаясь с братьями — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единому сердцу. И далее, друзья, монах и открыто, и втайне дружелюбен в речах, общаясь с братьями — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единому сердцу. И далее, друзья, монах и открыто, и втайне дружелюбен в помыслах, общаясь с братьями — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единому сердцу. И далее, друзья, монах пользуется совместно с добродетельными братьями подобающими приобретениями, подобающим образом полученными [им], вплоть даже до находящегося в сосуде для подаяний, не пользуясь [сам] без дележа подобными приобретениями, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единому сердцу. И далее, друзья, монах [следуя] заповедям нравственности — неразрушимым, неуязвимым, незапятнанным, безупречным, освобождающим, восхваляемым мудрецами, не затрагиваемым [злом], ведущим к сосредоточенности, — наделенный нравственностью, и открыто, и втайне пребывает вместе с братьями в следовании подобным заповедям нравственности, — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единому сердцу. И далее, друзья, монах [следуя] праведному, избавляющему воззрению, которое избавляет разделяющего [его, ведя] к полному уничтожению несчастья, наделенный [этим] воззрением, и открыто, и втайне пребывает вместе с братьями в следовании подобному воззрению — и эта заповедь доброго поведения приносит любовь, приносит уважение, ведет к милосердию, к отсутствию споров, к согласию, к единому сердцу. Эти шесть вещей весьма помогают.

(II) Какие же шесть вещей следует воспитывать [в себе]? Шесть предметов [почтительного] воспоминания: воспоминание о Будде, воспоминание о дхамме, воспоминание о сангхе, воспоминание о [заповедях] нравственности, воспоминание об отречении, воспоминание о божествах. Эти шесть вещей следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же шесть вещей следует понять? Шесть внутренних сфер восприятия: сферу восприятия глаза, сферу восприятия уха, сферу восприятия носа,

сферу восприятия языка, сферу восприятия тела, сферу восприятия разума. Эти шесть вещей следует понять.

(IV) Какие же шесть вещей следует отбросить? Шесть групп жажды: жажду образов, жажду звуков, жажду запахов, жажду вкусов, жажду осязаемых предметов, жажду постигаемых предметов. Эти шесть вещей следует отбросить.

(V) Какие же шесть вещей приносят ущерб? Шесть [видов] непочтительности. Вот, друзья, монах ведет себя непочтительно, невнимательно к учителю; ведет себя непочтительно, невнимательно к дхамме; ведет себя непочтительно, невнимательно к сангхе; ведет себя непочтительно, невнимательно, [когда речь идет об] обучении; ведет себя непочтительно, невнимательно [когда речь идет об] усердии; ведет себя непочтительно, невнимательно [когда речь идет о] доброте. Эти шесть вещей приносят ущерб.

(VI) Какие же шесть вещей приносят отличие? Шесть видов почтительности. Вот, друзья, монах ведет себя почтительно, внимательно к учителю; ведет себя почтительно, внимательно к дхамме, ведет себя почтительно, внимательно к сангхе, ведет себя почтительно, внимательно [когда речь идет об] обучении; ведет себя почтительно, внимательно [когда речь идет об] усердии; ведет себя почтительно, внимательно, [когда речь идет о] доброте. Эти шесть вещей приносят отличие.

(VII) В какие же шесть вещей трудно проникнуть? В шесть элементов, нуждающихся в преодолении. Вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью дружелюбия я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет злонамеренность“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью дружелюбия [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владела бы злонамеренность. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью дружелюбия, это — преодоление злонамеренности. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью сострадания я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет насилие“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью сострадания [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владело бы насилие. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью сострадания, это — преодоление насилия. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью удовлетворенности я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведаль, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим все-

цело владеет неудовольствие“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью удовлетворенности [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владело бы неудовольствие. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью удовлетворенности, это — преодоление неудовольствия. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью уравновешенности я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же умом моим всецело владеет страсть“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью уравновешенности [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же умом его всецело владела бы страсть. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью уравновешенности, это — преодоление страсти. Или вот, друзья, монах может сказать так: „С помощью освобождения [восприятия] от внешних признаков [объектов] я воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума. И все же сознание мое влечется за внешними признаками“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы с помощью освобождения [восприятия] от внешних признаков [человек] воплотил, сделал исполнимым, обрел, сделал основой [поведения], испытал, изведal, тщательно осуществил освобождение разума, и все же сознание его влеклось бы за внешними признаками. Ведь освобождение разума, друзья, [достигнутое] с помощью освобождения [восприятия] от внешних признаков, это — преодоление [влечения] ко всем признакам. Или вот, друзья, монах может сказать так: „[Слово] ‘есмь’ разрушено для меня, я не обращаю внимания на [слова] ‘вот я есмь’. И все же ум мой постоянно поражает стрела сомнений и неуверенности“. Ему следует сказать: „Это не так. Не говори так, достопочтенный, не клевети на Благостного, нехорошо клеветать на Благостного — ведь Благостный не может так сказать“. Это, друзья, невозможно и не бывает. Не может случиться так, чтобы для [человека] было разрушено [слово] „есмь“, и он не обращал внимания на [слова] „вот я есмь“, и все же ум его постоянно поражала бы стрела сомнений и неуверенности. Ведь искоренение из разума [слова] „есмь“ — это, друзья, преодоление стрелы сомнений и неуверенности. В эти шесть вещей трудно проникнуть.

(VIII) Какие же шесть вещей следует привести к осуществлению? Шесть неизменных состояний. Вот, друзья, монах, видя глазом образ, не радуясь и не пе-

чаяясь, пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; слыша ухом звук, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; обоняя носом запах, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; пробуя языком на вкус, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; касаясь телом осязаемых предметов, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; распознавая разумом постигаемые предметы, не радуясь и не печалься, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью. Эти шесть вещей следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же шесть вещей следует тщательно усвоить? Шесть [видов] непревзойденного: непревзойденное видение, непревзойденное слышание, непревзойденное приобретение, непревзойденное обучение, непревзойденное служение, непревзойденное воспитание. Эти шесть вещей следует тщательно усвоить.

(X) Какие же шесть вещей следует испытать? Шесть высших знаний. Вот, друзья, монах осуществляет различные виды сверхъестественных способностей: будучи одним, становится многочисленным, будучи многочисленным, становится одним; становится видимым для глаз, скрытым от глаз, беспрепятственно проходит через стену, через ограду, через гору, словно через воздух; опускается в землю и поднимается [из нее], словно из воды; не погружаясь, идет по воде, словно по земле; сидя со скрещенными ногами, возносится в небо, словно крылатая птица; касается рукой и схватывает солнце и луну — эти столь великие, столь чудесные [светила]; [своим] телом он достигает даже мира Брахмы. Очищенным божественным слухом, выходящим за пределы человеческого, он слышит оба [вида] звуков — и божественные, и человеческие, далекие и близкие. Охватывая сердцем сердца других существ, других личностей, он постигает [их].

Наделенный страстью ум он постигает как наделенный страстью ум.

Свободный от страсти ум он постигает как свободный от страсти ум.

Наделенный ненавистью ум он постигает как наделенный ненавистью ум.

Свободный от ненависти ум он постигает как свободный от ненависти ум.

Наделенный заблуждением ум он постигает как наделенный заблуждением ум.

Свободный от заблуждения ум он постигает как свободный от заблуждения ум.

Собранный ум он постигает как собранный ум.

Несобранный ум он постигает как несобранный ум.

Великий ум он постигает как великий ум.

Невеликий ум он постигает как невеликий ум.

Превзойденный ум он постигает как превзойденный ум.

Непревзойденный ум он постигает как непревзойденный ум.

Сосредоточенный ум он постигает как сосредоточенный ум.

Несосредоточенный ум он постигает как несосредоточенный ум.

Освобожденный ум он постигает как освобожденный ум.

Неосвобожденный ум он постигает как неосвобожденный ум.

Он вспоминает различные места, где пребывал в прежних [существованиях], а именно: в одном рождении, в двух рождениях, в трех рождениях, в четырех рождениях, в пяти рождениях, в десяти рождениях, в двадцати рождениях, в тридцати рождениях, в сорока рождениях, в пятидесяти рождениях, в ста рождениях, в тысяче рождений, в сотне тысяч рождений, во многих периодах свертывания [мира], во многих периодах развертывания [мира], во многих периодах свертывания и развертывания [мира]: „Там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я вновь родился в другом мире. А там я жил под таким-то именем, в таком-то роду, в таком-то сословии, таким-то пропитанием, испытал такое-то счастье и несчастье, [достиг] такого-то срока жизни. Вслед за тем, оставив существование, я был вновь рожден здесь“, — так вспоминает он во всех обстоятельствах и подробностях различные места, где пребывал в прежних [существованиях].

Очищенным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными: „Поистине, почтенные, те существа, что наделены дурным поведением тела, наделены дурным поведением в речи, наделены дурным поведением разума, злословят о праведных, придерживаются ложных воззрений, наделены действиями, [проистекающими из] ложных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в бедствии, несчастье, страдании, преисподней. Те же существа, почтенные, что наделены добрым поведением тела, наделены добрым поведением в речи, наделены добрым поведением разума, не злословят о праведных, придерживаются истинных воззрений, наделены действиями, [проистекающими из] истинных воззрений, с распадом тела после смерти вновь рождаются в счастье, в небесном мире“. — Так очищенным божественным зрением, выходящим за пределы человеческого, он видит, как существа оставляют жизнь и вновь рождаются; он постигает, как существа, согласно своим действиям, становятся низкими, возвышенными, красивыми, некрасивыми, счастливыми, несчастными. С уничтожением порочных свойств, сам познав, испытал и обрета в зримом мире лишённые порочных свойств освобождение сердца и освобождение постижения, он [продолжает] пребывать здесь. Эти шесть вещей следует испытать.

Эти шестьдесят вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой.

1.8. Семь вещей весьма помогают, семь вещей следует воспитывать [в себе], семь вещей следует понять, семь вещей следует отбросить, семь вещей приносят

ущерб, семь вещей приносят отличие, в семь вещей трудно проникнуть, семь вещей следует привести к осуществлению, семь вещей следует тщательно усвоить, семь вещей следует испытать.

(I) Какие же семь вещей весьма помогают? Семь сокровищ: сокровище веры, сокровище нравственности, сокровище стыдливости, сокровище боязни порока, сокровище учености, сокровище отречения, сокровище постижения. Эти семь вещей весьма помогают.

(II) Какие же семь вещей следует воспитывать [в себе]? Семь звеньев нравственности: звено просветления, состоящее в способности самосознания; звено просветления, состоящее в исследовании истины; звено просветления, состоящее в усердии; звено просветления, состоящее в радости; звено просветления, состоящее в умиротворенности; звено просветления, состоящее в сосредоточенности; звено просветления, состоящее в уравновешенности. Эти семь вещей следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же семь вещей следует понять? Семь состояний сознания. Есть, друзья, существа, различные телом, различные разумением, а именно: люди, некоторые боги и некоторые подверженные страданию в преисподней. Это — первое состояние сознания. Есть, друзья, существа, различные телом, одинаковые разумением, а именно: боги, принадлежащие к свите Брахмы, возрожденные благодаря первой [ступени созерцания]. Это — второе состояние сознания. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, различные разумением, а именно: боги абхассара. Это — третье состояние сознания. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, одинаковые разумением, а именно: боги субхакинна. Это — четвертое состояние сознания. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигают уровня бесконечности пространства [и мыслят]: „Пространство бесконечно“. Это — пятое состояние сознания. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигают уровня бесконечности сознания [и мыслят]: „Сознание бесконечно“. Это — шестое состояние сознания. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности сознания, достигают уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслят]: „Не существует ничего“. Это — седьмое состояние сознания. Эти семь вещей следует понять.

(IV) Какие же семь вещей следует отбросить? Семь склонностей: склонность к чувственной страсти, склонность к [чувству] отвращения, склонность к [ложным] воззрениям, склонность к сомнению, склонность к гордыне, склонность страсти к [новому] существованию, склонность к невежеству. Эти семь вещей следует отбросить.

(V) Какие же семь вещей приносят ущерб? Семь дурных свойств. Вот, друзья, монах бывает дурным, бывает не стыдливым, бывает не боящимся проступка, бывает мало ученым, бывает бездеятельным, бывает забывчивым, бывает плохо постигающим. Эти семь вещей приносят ущерб.

(VI) Какие же семь вещей приносят отличие? Семь добрых свойств. Вот, друзья, монах бывает добрым, бывает стыдливым, бывает боящимся проступка, бы-

вает весьма ученым, бывает полным усердия, бывает наделенным вниманием, бывает [хорошо] постигающим. Эти семь вещей приносят отличие.

(VII) В какие же семь вещей трудно проникнуть? В семь свойств хорошего человека. Вот, друзья, монах бывает знающим истину, и знающим, что полезно, и знающим самого себя, и знающим меру, и знающим [должное] время, и знающим собрание [людей], и знающим [отдельные] личности. В эти семь вещей трудно проникнуть.

(VIII) Какие же семь вещей следует привести к осуществлению? Семь [видов] представлений: представление о непостоянстве, представление об отсутствии своего „я“, представление о [мирской] нечистоте, представление о [мирских] опасностях, представление об отречении, представление о бесстрастии, представление об уничтожении. Эти семь вещей следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же семь вещей следует тщательно усвоить? Семь видов отличия. Вот, друзья, монах горячо желает отдаться учению и в будущем не лишается стремления отдаваться учению. Он горячо желает следовать истине и в будущем не лишается стремления следовать истине. Он горячо желает сдерживать влечения и в будущем не лишается стремления сдерживать влечения. Он горячо желает уединения и в будущем не лишается стремления к уединению. Он горячо желает быть полным усердия и в будущем не лишается стремления быть полным усердия. Он горячо желает способности самосознания и рассудительности и в будущем не лишается стремления к способности самосознания и рассудительности. Он горячо желает достижения [правильных] воззрений и в будущем не лишается стремления к достижению [правильных] воззрений. Эти семь вещей следует тщательно усвоить.

(X). Какие же семь вещей следует испытать? Семь сил уничтожившего порочные свойства. Вот, друзья, монаху, уничтожившему порочные свойства, благодаря совершенному постижению хорошо видно в соответствии с истиной непостоянство всего составленного. Когда же, друзья, монаху, уничтожившему порочные свойства, благодаря совершенному постижению хорошо видно в соответствии с истиной непостоянство всего составленного, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, познаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. И далее, друзья, монаху, уничтожившему порочные свойства, благодаря совершенному постижению хорошо видно в соответствии с истиной, что чувственные влечения подобны пылающим углям. Когда же, друзья, монаху, уничтожившему порочные свойства, благодаря совершенному постижению хорошо видно в соответствии с истиной, что чувственные влечения подобны пылающим углям, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, познаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. И далее, друзья, у монаха, уничтожившего порочные свойства, ум устремляется к уединению, склоняется к уединению, влечется к уединению, утверждается в уединении, радуется отречению, всецело освобождается от со-

стояний, коренящихся в порочных свойствах. Когда же, друзья, у монаха, уничтожившего порочные свойства, ум устремляется к уединению, склоняется к уединению, влечется к уединению, утверждается в уединении, радуется отречению, всецело освобождается от состояний, коренящихся, в порочных свойствах, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, познаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. И далее, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитываются, хорошо воспитываются четыре установления способности самосознания. Когда же, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитываются, хорошо воспитываются четыре установления способности самосознания, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, познаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. И далее, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитываются, хорошо воспитываются пять жизненных способностей. Когда же, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитываются, хорошо воспитываются пять жизненных способностей, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, познаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. И далее, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитываются, хорошо воспитываются семь звеньев просветления. Когда же, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитываются, хорошо воспитываются семь звеньев просветления, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, познаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. И далее, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитывается, хорошо воспитывается [следование] восьмичленному пути. Когда же, друзья, в монахе, уничтожившем порочные свойства, воспитывается, хорошо воспитывается [следование] праведному восьмичленному пути, то у этого монаха, уничтожившего порочные свойства, возникает сила, и благодаря этой силе монах, уничтоживший порочные свойства, осознаёт уничтожение порочных свойств: „Уничтожены во мне порочные свойства“. Эти семь вещей следует испытать.

Эти семьдесят вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой.

Окончен первый раздел поучения.

2.1. Восемь вещей весьма помогают, восемь вещей следует воспитывать [в себе], восемь вещей следует понять, восемь вещей следует отбросить, восемь вещей приносят ущерб, восемь вещей приносят отличие, в восемь вещей трудно проникнуть, восемь вещей следует привести к осуществлению, восемь вещей следует тщательно усвоить, восемь вещей следует испытать.

(I) Какие же восемь вещей весьма помогают? Есть восемь причин, восемь оснований, ведущих к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, достижению полноты обретенного. Вот, друзья, [монах] пребывает рядом с учителем или другим собратом, занимающим место наставника, причем он обнаруживает глубокую стыдливость и боязнь проступка, любовь и почтительность. Это — первая причина, первое основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. Вот он пребывает рядом с учителем или другим собратом, занимающим место наставника, причем он обнаруживает глубокую стыдливость и боязнь проступка, любовь и почтительность и, приближаясь к ним время от времени, спрашивает, просит разъяснения: „Кто это, господин? Какова причина этого?“ И те достопочтенные открывают ему сокрытое, делают ясным неясное и рассеивают сомнения в различных вызывающих сомнения вещах. Это — вторая причина, второе основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. Слыша это наставление, он обретает двойное отвлечение: отвлечение тела и отвлечение мыслей. Это — третья причина, третье основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. И далее, друзья, монах предан нравственности, живет сдержанный воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в малейших проступках, обязуется следовать заповедям и упражняться [в их исполнении]. Это — четвертая причина, четвертое основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. И далее, друзья, монах весьма учен, держит в памяти и накапливает выученное, и те истины, которые превосходны в начале, превосходны в середине, превосходны в конце в их духе и букве и наставляют в единственно совершенном, чистом целомудрии, он хорошо изучил, держит [в памяти, повторяя] вслух, умножает, сосредоточивает [на них] разум, тщательно проникает [в них] видением. Это — пятая причина, пятое основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. И далее, друзья, монах пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства, сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств. Это — шестая причина, шестое основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. И далее, друзья, монах способен к самосознанию, наделен высшей способностью самосознания, помнит и вспоминает давно сделанное, давно сказанное. Это — седьмая причина, седьмое основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершен-

ствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. И далее, друзья, монах пребывает в рассуждении о появлении и исчезновении пяти групп, основанных на стремлении: „Вот образ, вот возникновение образа, вот исчезновение образа; вот ощущение, вот возникновение ощущения, вот исчезновение ощущения; вот восприятие, вот возникновение восприятия, вот исчезновение восприятия; вот наклонности, вот возникновение наклонностей, вот исчезновение наклонностей; вот сознание, вот возникновение сознания, вот исчезновение сознания“. Это — восьмая причина, восьмое основание, ведущее к обретению необретенного постижения, относящегося к целомудрию, и к умножению, совершенствованию, воспитанию, достижению полноты обретенного. Эти восемь вещей весьма помогают.

(II) Какие же восемь вещей следует воспитывать [в себе]? Праведный восьмичленный путь, а именно: надлежащее воззрение, надлежащее намерение, надлежащую речь, надлежащее действие, надлежащее поддержание жизни, надлежащее усилие, надлежащую способность самосознания, надлежащую сосредоточенность. Эти восемь вещей следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же восемь вещей следует понять? Восемь мирских дел: приобретение и утрату, славу и бесславие, порицание и похвалу, счастье и несчастье. Эти восемь вещей следует понять.

(IV) Какие же восемь вещей следует отбросить? Восемь [видов] неправедного: неправедное воззрение, неправедное намерение, неправедную речь, неправедное действие, неправедное поддержание жизни, неправедное усилие, неправедную способность самосознания, неправедную сосредоточенность. Эти восемь вещей следует отбросить.

(V) Какие же восемь вещей приносят ущерб? Восемь случаев бездеятельности. Вот, друзья, монаху надо совершить действие. Он думает так: „Мне надо будет совершить действие, но, совершая действие, я изнурую свое тело — поэтому лучше я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — первый случай бездеятельности. И далее, друзья, монах совершил действие. Он думает так: „Я совершил действие, но, совершая действия, я изнурил свое тело — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — второй случай бездеятельности. И далее, друзья, монаху надо пройти путь. Он думает так: „Мне надо пройти путь, но, проходя путь, я изнурую свое тело — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — третий случай бездеятельности. И далее, друзья, монах прошел путь. Он думает так: „Я прошел путь, но, проходя путь, я изнурил свое тело — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — четвертый случай бездеятельности. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, не получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок,

я не получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи, тело мое изнурено и непригодно к действию — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — пятый случай бездеятельности. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи; тело мое отяжелело, непригодно к действию и поистине набито бобами — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — шестой случай бездеятельности. И далее, друзья, у монаха возникает небольшой недуг. Он думает так: „У меня возник этот небольшой недуг, следует лечь — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — седьмой случай бездеятельности. И далее, друзья, монах оправился от болезни, недавно оправился от заболевания. Он думает так: „Я оправился от болезни, недавно оправился от заболевания, тело мое бессильно и неспособно к действию — поэтому я лягу“. Он ложится и не проявляет усердия, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — восьмой случай бездеятельности. Эти восемь вещей приносят ушерб.

(VI) Какие же восемь вещей приносят отличие? Восемь случаев проявления [усердия]. Вот, друзья, монаху надо совершить действие. Он думает так: „Мне надо будет совершить действие; совершая действие, мне нелегко будет устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — первый случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах совершил действие. Он думает так: „Я совершил действие, но, совершая действие, я не смог устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — второй случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монаху надо пройти путь. Он думает так: „Мне надо пройти путь: но, проходя путь, мне нелегко будет устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — третий случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах прошел путь. Он думает так: „Я прошел путь, но, проходя путь, я не смог устремить ум на наставление Будд — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — четвертый случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней

в деревню, в торговый поселок, не получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я не получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи; тело мое легко и пригодно к действию — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — пятый случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах, пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, получает досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи. Он думает так: „Пойдя за милостыней в деревню, в торговый поселок, я получил досыта, сколько нужно твердой или мягкой пищи; тело мое сильно и способно к действию — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — шестой случай проявления [усердия]. И далее, друзья, у монаха возникает небольшой недуг. Он думает так: „У меня возник этот небольшой недуг, может случиться так, что недуг мой возрастет — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — седьмой случай проявления [усердия]. И далее, друзья, монах оправился от болезни, недавно оправился от заболевания. Он думает так: „Я оправился от болезни, недавно оправился от заболевания; может случиться так, что мой недуг вернется назад — поэтому я проявлю усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное“. И он проявляет усердие, чтобы достичь недостигнутого, обрести необретенное, испытать неиспытанное. Это — восьмой случай проявления [усердия]. Эти восемь вещей приносят отличие.

(VII) В какие же восемь вещей трудно проникнуть? В восемь неблагоприятных периодов, не подходящих для целомудренной жизни. Вот, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в преисподней. Это — первый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в состоянии животного. Это — второй неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено среди душ предков. Это — третий неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббанае, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это рождено в собрании долговечных бо-

гов. Это — четвертый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббане, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в пограничных странах, среди невежественных чужих племен, где нет пути в монахи, монахины, преданные миряне, преданные мирянки. Это — пятый неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббане, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в срединных странах, но наделено ложными воззрениями, превратными взглядами, [считая]: „Нет подаяния, нет жертвоприношения, нет возлияния, нет созревшего плода добрых и злых действий, нет этого мира, нет другого мира, нет матери, нет отца, нет самопроизвольно родившихся существ, нет в мире отшельников и брахманов, находящихся на надлежащем пути и в надлежащем расположении духа, которые, познав и увидев собственными глазами и этот мир, и другой мир, возглашают [истину]“.

Это — шестой неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббане, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в срединных странах, но непонятливо, глупо, глухо и немо, неспособно узнать, что сказано хорошо и что сказано плохо. Это — седьмой неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. И далее, друзья, в мире не рожден Татхагата, архат, всецело просветленный, и не наставляет в истине — умиротворяющей, ведущей к ниббане, несущей просветление, провозглашенной Счастливым, — лицо же это вновь рождается в срединных странах, и оно понятно, не глупо, не глухо и не немо, способно узнать, что сказано хорошо и что сказано плохо. Это — восьмой неблагоприятный период, не подходящий для целомудренной жизни. В эти восемь вещей трудно проникнуть.

(VIII) Какие же восемь вещей следует привести к осуществлению? Восемь размышлений великого человека: „Эта истина — для мало желающего, эта истина — не для много желающего. Эта истина — для удовлетворенного, эта истина — не для неудовлетворенного. Эта истина — для уединившегося, эта истина — не для любящего сборища. Эта истина — для прилагающего усердие, эта истина — не для бездеятельного. Эта истина — для наделенного самосознанием, эта истина — не для лишенного самосознания. Эта истина — для сосредоточенного, эта истина — не для несосредоточенного. Эта истина — для постигающего, эта истина — не для плохо постигающего. Эта истина — для того, кто не радуется преградам, недоволен преградами [к совершенству], эта истина — не для того, кто радуется преградам, доволен преградами“.

Эти восемь вещей следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же восемь вещей следует тщательно усвоить? Восемь состояний преодоления: человек, внутренне осознавая формы, видит внешние формы как

ограниченные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — первое состояние преодоления. Человек, внутренне осознавая формы, видит внешние формы как безграничные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — второе состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как ограниченные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — третье состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как безграничные, приятные или неприятные и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — четвертое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как темно-синие, темно-синего цвета, темно-синие на вид, светящиеся темно-синим — подобно тому как цветок льна бывает темно-синим, темно-синего цвета, темно-синим на вид, светящимся темно-синим или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает темно-синей, темно-синего цвета, темно-синей на вид, светящейся темно-синим, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как темно-синие, темно-синего цвета, темно-синие на вид, светящиеся темно-синим и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я вижу и знаю их“. Это — пятое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как желтые, желтого цвета, желтые на вид, светящиеся желтым — подобно тому как цветок каникары бывает желтым, желтого цвета, желтым на вид, светящимся желтым или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает желтой, желтого цвета, желтой на вид, светящейся желтым, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как желтые, желтого цвета, желтые на вид, светящиеся желтым и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — шестое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как красные, красного цвета, красные на вид, светящиеся красным — подобно тому как цветок бандхудживаки бывает красным, красного цвета, красным на вид, светящимся красным или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает красной, красного цвета, красной на вид, светящейся красным, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как красные, красного цвета, красные на вид, светящиеся красным и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — седьмое состояние преодоления. Человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как белые, белого цвета, белые на вид, светящиеся белым — подобно тому как звезда Осадхи бывает белой, белого цвета, белой на вид, светящейся белым или подобно тому как одежда из Баранаси, гладкая с обеих сторон, бывает белая, белого цвета, белой на вид, светящийся белым, так же точно и человек, внутренне не осознавая форм, видит внешние формы как белые, белого цвета, белые на вид, светящиеся белым и пребывает в таком осознании: „Преодолев, я знаю и вижу их“. Это — восьмое состояние преодоления. Эти восемь вещей следует тщательно усвоить.

(X) Какие же восемь вещей следует испытать? Восемь [ступеней] освобождения. Наделенный формой видит формы. Это — первая [ступень] освобождения. Внутренне не осознающий формы видит внешние формы. Это — вторая [ступень] освобождения. Он устремлен к [мысли]: „[Это] прекрасно“. Это — третья [ступень] освобождения. Всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, он достигает уровня бесконечности пространства и пребывает на нем, [мысля]: „Пространство бесконечно“. Это — четвертая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает на нем, [мысля]: „Сознание бесконечно“. Это — пятая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает на нем, [мысля]: „Не существует ничего“. Это — шестая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает на нем. Это — седьмая [ступень] освобождения. Всецело преодолев уровень ни осознания, ни отсутствия осознания, он достигает уничтожения осознания и ощущений и пребывает [в этом состоянии]. Это — восьмая [ступень] освобождения. Эти восемь вещей следует испытать.

Эти восемьдесят вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатай.

2.2. Девять вещей весьма помогают, девять вещей следует воспитывать [в себе], девять вещей следует понять, девять вещей следует отбросить, девять вещей приносят ущерб, девять вещей приносят отличие, в девять вещей трудно проникнуть, девять вещей следует привести к осуществлению, девять вещей следует тщательно усвоить, девять вещей следует испытать.

(I) Какие же девять вещей весьма помогают? Девять состояний, коренящихся в тщательном внимании. У наделенного тщательным вниманием рождается удовлетворение, у удовлетворенного рождается радость, у радующегося сердцем успокаивается тело, успокоившийся телом испытывает счастье, у счастливого ум обретает сосредоточенность, сосредоточенным умом он постигает и видит образы, как они есть; зная и видя [всё] в соответствии с истиной, он отвращается [от мира]; отвращаясь, он обретает бесстрашие; благодаря бесстрастию освобождается. Эти девять вещей весьма помогают.

(II) Какие же девять вещей следует воспитывать [в себе]? Девять состояний, в которых следует упражняться ради очищения: состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте нравственности; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте мысли; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте воззрения; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте преодоления сомнений; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте совершенного видения правильного и неправильного путей; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте совершенного видения путей совершенствования; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте совершенного

видения; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте постижения; состояние, в котором следует упражняться ради очищения в чистоте освобождения. Эти девять вещей следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же девять вещей следует понять? Девять обителей существ. Есть, друзья, существа, различные телом, различные разумением, а именно: люди, некоторые боги и некоторые подверженные страданию в преисподней. Это — первая обитель существ. Есть, друзья, существа, различные телом, одинаковые разумением, а именно: боги, принадлежащие к свите Брахмы, возрожденные благодаря первой [ступени созерцания]. Это — вторая обитель существ. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, различные разумением, а именно: боги абхассара. Это — третья обитель существ. Есть, друзья, существа, одинаковые телом, одинаковые разумением, а именно: боги субхакинна. Это — четвертая обитель существ. Есть, друзья, существа, лишённые разумения, лишённые ощущения, а именно: боги асаньясатта. Это — пятая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, достигают уровня бесконечности пространства [и мыслят]: „Пространство бесконечно“. Это — шестая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности пространства, достигают уровня бесконечности сознания [и мыслят]: „Сознание бесконечно“. Это — седьмая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень бесконечности сознания, достигают уровня отсутствия чего бы то ни было [и мыслят]: „Не существует ничего“. Это — восьмая обитель существ. Есть, друзья, существа, которые, всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, достигают уровня ни разумения, ни отсутствия разумения. Это — девятая обитель существ. Эти девять вещей следует понять.

(IV) Какие же девять вещей следует отбросить? Девять вещей, коренящихся в жажде; от жажды зависит искание, от искания зависит приобретение, от приобретения зависит решение, от решения зависят желание и страсть, от желания и страсти зависит привязанность, от привязанности зависит завладение, от завладения зависит жадность, от жадности зависит охрана; по причине охраны берутся за палку, берутся за оружие, возникают ссоры, пререкания, споры, распри, клевета, лживые речи и многие порочные нехорошие дела. Эти девять вещей следует отбросить.

(V) Какие же девять вещей приносят ущерб? Девять оснований гнева. Гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинил мне вред“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причиняет мне вред“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинит мне вред“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинил вред моему любимому другу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причиняет вред моему любимому другу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он причинит вред моему любимому другу“. Гнев возбуждается [при мысли]: „Он принес пользу моему нелюбимому, недругу“; гнев возбуждается [при мысли]: „Он приносит пользу моему нелюбимому, недругу“. Эти девять вещей приносят ущерб.

(VI) Какие же девять вещей приносят отличие? Девять [видов] успокоения гнева. Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинил мне вред, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причиняет мне вред, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинит мне вред, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинил вред моему любимому другу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причиняет вред моему любимому другу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он причинит вред моему любимому другу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он принес пользу моему нелюбимому, недругу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он приносит пользу моему нелюбимому, недругу, но как тут возможна [ссора]?“ Гнев успокаивается [при мысли]: „Он принесет пользу моему нелюбимому, недругу, но как тут возможна [ссора]?“ Эти девять вещей приносят отличие.

(VII) В какие же девять вещей трудно проникнуть? В девять [видов] разнообразия. В зависимости от разнообразия элементов возникает разнообразие чувственных восприятий, в зависимости от разнообразия чувственных восприятий возникает разнообразие ощущений, в зависимости от разнообразия ощущений возникает разнообразие представлений, в зависимости от разнообразия представлений возникает разнообразие намерений, в зависимости от разнообразия намерений возникает разнообразие стремлений, в зависимости от разнообразия стремлений возникает разнообразие возбуждения, в зависимости от разнообразия возбуждения возникает разнообразие исканий, в зависимости от разнообразия исканий возникает разнообразие приобретений. В эти девять вещей трудно проникнуть.

(VIII) Какие же девять вещей следует привести к осуществлению? Девять [видов] представлений: представление о дурном, представление о смерти, представление об отвращении от пропитания, представление о недовольстве всем мирским, представление о непостоянстве, представление о страдании в непостоянстве, представление об отсутствии своего „я“ в страдании, представление об отречении, представление о бесстрастии. Эти девять вещей следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же девять вещей следует тщательно усвоить? Девять последовательных состояний. Вот, друзья, монах, освободившись от чувственных удовольствий, освободившись от нехороших свойств, достигает первой ступени созерцания, связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением, рожденной уединенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Подавив устремленный рассудок и углубленное рассуждение, он достигает второй ступени созерцания, несущей внутреннее успокоение и собранность в сердце, лишенной устремленного рассудка, лишенной углубленного рассуждения, рожденной сосредоточенностью, дарующей радость и счастье, и пребывает [в этом состоянии]. Отвратившись от радости и пребывая в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью, испытывая телом то счастье, которое праведные описывают: „Уравновешенный, наделенный способностью самосознания, пребывающий в счастье“, — он достигает третьей

ступени созерцания и пребывает [в этом состоянии]. Отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, он достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Всецело преодолев осознание форм, избавившись от осознания противодействия, отвлекшись от осознания множественности, он достигает уровня бесконечности пространства и пребывает на нем, [мысля]: „Пространство бесконечно“. Всецело преодолев уровень бесконечности пространства, он достигает уровня бесконечности сознания и пребывает на нем, [мысля]: „Сознание бесконечно“. Всецело преодолев уровень бесконечности сознания, он достигает уровня отсутствия чего бы то ни было и пребывает на нем, [мысля]: „Не существует ничего“. Всецело преодолев уровень отсутствия чего бы то ни было, он достигает уровня ни осознания, ни отсутствия осознания и пребывает на нем. Всецело преодолев уровень ни осознания, ни отсутствия осознания, он достигает уничтожения осознания и ощущений и пребывает [в этом состоянии]. Эти девять вещей следует тщательно усвоить.

(X) Какие же девять вещей следует испытать? Девять [видов] последовательного уничтожения. У достигшего первой ступени созерцания уничтожается осознание чувственного. У достигшего второй ступени созерцания уничтожается устремленный рассудок и углубленное рассуждение. У достигшего третьей ступени созерцания уничтожается радость. У достигшего четвертой ступени созерцания уничтожается дыхание. У достигшего уровня бесконечности пространства уничтожается осознание форм. У достигшего уровня бесконечности сознания уничтожается осознание уровня бесконечности пространства. У достигшего уровня отсутствия чего бы то ни было уничтожается осознание уровня бесконечности сознания. У достигшего уровня ни осознания, ни отсутствия осознания уничтожается осознание уровня отсутствия чего бы то ни было. У достигшего уничтожения осознания и ощущений уничтожаются осознание и ощущение. Эти девять вещей следует испытать.

Эти девять вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой.

2.3. Десять вещей весьма помогают, десять вещей следует воспитывать [в себе], десять вещей следует понять, десять вещей следует отбросить, десять вещей приносят ущерб, десять вещей приносят отличие, в десять вещей трудно проникнуть, десять вещей следует привести к осуществлению, десять вещей следует тщательно усвоить, десять вещей следует испытать.

(I) Какие же десять вещей весьма помогают? Десять состояний, доставляющих защиту. Вот, друзья, монах предан нравственности, живет сдержанным воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в малейших проступках, обязуется следовать заповедям и упражняется [в их исполнении]. И когда, друзья, монах предан нравственности, живет сдержанным воздержанием предписаний для отшельника, придерживаясь должного поведения, видя опасность в малейших проступках, обязуется следовать

заповедям и упражняется [в их исполнении], то это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах весьма учен, держит [в памяти] и накапливает выученное; и те истины, которые превосходны в начале, превосходны в середине, превосходны в конце в их духе и букве и наставляют в единственно совершенном, чистом целомудрии, — он хорошо изучил, держит [в памяти, повторяя] вслух, умножает, сосредоточивает [на них] разум, тщательно проникает [в них] видением. Когда же, друзья, монах весьма учен, держит [в памяти] и накапливает выученное, и те истины, которые превосходны в начале, превосходны в середине, превосходны в конце в их духе и букве и наставляют в единственно совершенном, чистом целомудрии, — он хорошо изучил, держит [в памяти, повторяя] вслух, умножает, сосредоточивает [на них] разум, тщательно проникает [в них] видением, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах имеет хорошего друга, хорошего спутника, хорошего близкого человека. Когда же, друзья, монах имеет хорошего друга, хорошего спутника, хорошего близкого человека, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах мягок, наделен свойствами, вызываемыми мягкостью, терпелив, разумно принимает наставления. Когда же, друзья, монах мягок, наделен свойствами, вызываемыми мягкостью, терпелив, разумно принимает наставления, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах искусен, не ленив, наделен соответствующим рассуждением, способен к действию, способен к устройению в различных больших и малых делах, которые требуются от него с собратьями. Когда же, друзья, монах искусен, не ленив, наделен соответствующим рассуждением, способен к действию, способен к устройению в различных больших и малых делах, которые требуются от него с собратьями, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах любит дхамму, радуется произнесению [ее], находит великое счастье в высшей дхамме и высшем должном поведении. Когда же, друзья, монах любит дхамму, радуется произнесению [ее], находит великое счастье в высшей дхамме и высшем должном поведении, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах бывает удовлетворен любимыми верхними одеждами, сосудом для подаяний, обителью, лекарством от болезни и [другими] принадлежностями. Когда же, друзья, монах бывает удовлетворен любимыми верхними одеждами, сосудом для подаяний, обителью, лекарством от болезней и [другими] принадлежностями, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства, сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств. Когда же, друзья, монах пребывает полным решимости оставить нехорошие свойства, обрести хорошие свойства, сильным, крепким в усилиях, не снимающим [с себя] бремени [в обретении] хороших свойств, то и это — состояние, доставляющее защиту. И далее, друзья, монах способен к самосознанию, наделен высшей ясностью самосознания, помнит и вспоминает давно сделанное, давно сказанное. Когда же, друзья, монах способен к самосознанию, наделен высшей ясностью самосознания, помнит и вспоминает давно сделанное, давно сказанное, то и это — состояние, доставляющее защиту.

И далее, друзья, монах способен к постижению, наделен постижением, охватывающим начало и конец [вещей], и праведной пронизательностью, ведущей к полному уничтожению страдания. Когда же, друзья, монах способен к постижению, наделен постижением, охватывающим начало и конец [вещей], и праведной пронизательностью, ведущей к полному уничтожению страдания, то и это — состояние, доставляющее защиту. Эти десять вещей весьма помогают.

(II) Какие же десять вещей следует воспитывать [в себе]? Десять оснований [представлений о] целостности. Некто представляет в целостности землю — сверху, снизу, поперек — как недвойственную, неизмеримую. Некто представляет в целостности воду — сверху, снизу, поперек, как недвойственную, неизмеримую. Некто представляет в целостности огонь — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности воздух — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности темно-синий цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности желтый цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности красный цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности белый цвет — сверху, снизу, поперек — как недвойственный, неизмеримый. Некто представляет в целостности [субстанцию] пространства — сверху, снизу, поперек — как недвойственную, неизмеримую. Некто представляет в целостности сознание — сверху, снизу, поперек — как недвойственное, неизмеримое. Эти десять вещей следует воспитывать [в себе].

(III) Какие же десять вещей следует понять? Десять сфер восприятия: сфера восприятия глаза, сфера восприятия образов, сфера восприятия уха, сфера восприятия звуков, сфера восприятия носа, сфера восприятия запахов, сфера восприятия языка, сфера восприятия вкусов, сфера восприятия тела, сфера восприятия осязаемых предметов. Эти десять вещей следует понять.

(IV) Какие же десять вещей следует отбросить? Десять [видов] неправедного: неправедное воззрение, неправедное намерение, неправедную речь, неправедное действие, неправедное поддержание жизни, неправедное усилие, неправедную способность самосознания, неправедную сосредоточенность, неправедное знание, неправедное освобождение. Эти десять вещей следует отбросить.

(V) Какие же десять вещей приносят ущерб? Десять путей недолжного поведения: уничтожение живого, присвоение того, что не дано, неправедное поведение в области чувственного, лживая речь, клеветническая речь, грубая речь, легкомысленная болтовня, алчность, злонамеренность, ложные воззрения. Эти десять вещей приносят ущерб.

(VI) Какие же десять вещей приносят отличие? Десять путей должного поведения: воздержание от уничтожения живого, воздержание от присвоения того, что не дано, воздержание от неправедного поведения в области чувственного, воздержание от лживой речи, воздержание от клеветнической речи, воздержание от грубой речи, воздержание от легкомысленной болтовни, отсутствие алчности, незлобивость, истинные воззрения. Эти десять вещей приносят отличие.

(VII) В какие же десять вещей трудно проникнуть? В десять [видов] праведной жизни. Вот, друзья, монах бывает избавлен от пяти признаков, наделен шестью признаками, имеет одного защитника, имеет четыре опоры, отбрасывает отдельные [ложные] учения, уничтожает обманчивые стремления, безупречен в намерениях, успокаивает совокупность [частей] тела, вполне освобожден в сознании, вполне освобожден в постижении. Как же, друзья, монах бывает избавлен от пяти признаков? Вот, друзья, у монаха исчезло чувственное возбуждение, исчезла злонамеренность, исчезла косность, исчезли беспокойство и терзания, исчезло сомнение. Так, друзья, монах бывает избавлен от пяти признаков. Как же, друзья, монах бывает наделен шестью признаками? Вот, друзья, монах, видя глазом образ, не радуясь и не печальясь, пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; слыша ухом звук, не радуясь и не печальясь, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; обоняя носом запах, не радуясь и не печальясь, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; пробуя языком на вкус, не радуясь и не печальясь, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; касаясь телом осязаемых предметов, не радуясь и не печальясь, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью; распознавая разумом постигаемые предметы, не радуясь и не печальясь, он пребывает в уравновешенности, наделенный способностью самосознания и вдумчивостью. Так, друзья, монах бывает наделен шестью признаками. Как же, друзья, монах имеет одного защитника? Вот, друзья, монах наделен в уме стражем самосознания. Так, друзья, монах имеет одного защитника. Как же, друзья, монах имеет четыре опоры? Вот, друзья, монах, поразмыслив, стремится к одному; поразмыслив, соглашается с другим; поразмыслив, избегает третьего; поразмыслив, отбрасывает четвертое. Так, друзья, монах имеет четыре опоры. Как же, друзья, монах отбрасывает отдельные [ложные] учения? Вот, друзья, монахом брошены, отброшены, отринуты, отвергнуты, преодолены, оставлены, покинуты, все те многие отдельные [ложные] учения, принадлежащие многим отшельникам и брахманам. Так, друзья, монах отбрасывает отдельные [ложные] учения. Как же, друзья, монах уничтожает обманчивые стремления? Вот, друзья, монах преодолел стремление к чувственности, преодолел стремление к становлению, успокоил стремление к целомудрию. Так, друзья, монах уничтожает обманчивые стремления. Как же, друзья, монах безупречен в намерениях? Вот, друзья, монах преодолел чувственное намерение, преодолел злое намерение, преодолел насильственное намерение. Так, друзья, монах безупречен в намерениях. Как же, друзья, монах успокаивает совокупность [частей] тела? Вот, друзья, монах, отказавшись от счастья, отказавшись от несчастья, избавившись от прежней удовлетворенности и неудовлетворенности, достигает четвертой ступени созерцания, лишенной несчастья, лишенной счастья, очищенной уравновешенностью и способностью самосознания, и пребывает [в этом состоянии]. Так, друзья, монах успокаивает совокупность [частей] тела. Как же, друзья, монах вполне освобожден в сознании?

Вот, друзья, у монаха сознание освобождено от страсти, сознание освобождено от ненависти, сознание освобождено от заблуждения. Так, друзья, монах вполне освобожден в сознании. Как же, друзья, монах вполне освобожден в постижении? Вот, друзья, монах постигает: „Страсть во мне преодолена, вырвана с корнем, стала, словно выкорчеванная пальма, прекратила существование, неспособна возникнуть в будущем“; он постигает: „Ненависть во мне преодолена, вырвана с корнем, стала, словно выкорчеванная пальма, прекратила существование, неспособна возникнуть в будущем“. Он постигает: „Заблуждение во мне преодолено, вырвано с корнем, стало, словно выкорчеванная пальма, прекратило существование, неспособно возникнуть в будущем. Так, друзья, монах вполне освобожден в постижении. В эти десять вещей трудно проникнуть.

(VIII) Какие же десять вещей следует привести к осуществлению? Десять [видов] представлений: представление о дурном, представление о смерти, представление об отвращении от пропитания, представление о недовольстве всем мирским, представление о непостоянстве, представление о страдании в непостоянстве, представление об отсутствии своего „я“ в страдании, представление об отречении, представление о бесстрастии, представление об уничтожении. Эти десять вещей следует привести к осуществлению.

(IX) Какие же десять вещей следует тщательно усвоить? Десять видов разрушения. У наделенного надлежащим воззрением разрушаются несправедливые воззрения; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливых воззрений; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащим воззрениям. У наделенного надлежащим намерением разрушается несправедливое намерение; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливого намерения; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащему намерению. У наделенного надлежащей речью разрушается несправедливая речь; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливой речи; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащей речи. У наделенного надлежащим действием разрушается несправедливое действие; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливого действия; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащему действию. У наделенного надлежащим поддержанием жизни разрушается несправедливое поддержание жизни; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливого поддержания жизни; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащему поддержанию жизни. У наделенного надлежащим усилием разрушается несправедливое усилие; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливого усилия; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащему усилию. У наделенного надлежащей способностью самосознания разрушается несправедливая способность самосознания;

в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливой способности самосознания; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащей способности самосознания. У наделенного надлежащей сосредоточенностью разрушается несправедливая сосредоточенность; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливой сосредоточенности; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащей сосредоточенности. У наделенного надлежащим знанием разрушается несправедливое знание; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливого знания; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащему знанию. У наделенного надлежащим освобождением разрушается несправедливое освобождение; в нем разрушаются те порочные, нехорошие свойства, которые появляются вследствие несправедливого освобождения; развиваются и достигают полноты многочисленные хорошие свойства благодаря надлежащему освобождению. Эти десять вещей следует тщательно усвоить.

(X) Какие же десять вещей следует испытать? Десять свойств не нуждающегося в обучении: надлежащее воззрение не нуждающегося в обучении, надлежащее намерение не нуждающегося в обучении, надлежащая речь не нуждающегося в обучении, надлежащее действие не нуждающегося в обучении, надлежащее поддержание жизни не нуждающегося в обучении, надлежащее усилие не нуждающегося в обучении, надлежащая способность самосознания не нуждающегося в обучении, надлежащая сосредоточенность не нуждающегося в обучении, надлежащее знание не нуждающегося в обучении, надлежащее освобождение не нуждающегося в обучении. Эти десять вещей следует испытать.

Эти сто вещей — подлинные, правильные, настоящие, истинные, а не иные — в совершенстве постигнуты Татхагатой».

Так сказал достопочтенный Сарипутта. И удовлетворенные монахи порадовались словам достопочтенного Сарипутты.

Окончена одиннадцатая «Дасуттара-сутта».

Окончена «Патика-вагга».

«Патика», «Удумбари» и еще «Чаккаватти», «Агганьяка», «Сампасада» и «Пасада», «Махапурисалаккхана», «Сингала», «Атанатияка», «Сангити» и «Дасуттара» — Зовутся «Патика-ваггой» в одиннадцати суттах.

Чтобы избежать всевозможного несчастья,

Чтобы принести всевозможное счастье,

Чтобы обрести бессмертное успокоение

Близ царя добродетели.

Завершена Дигха-никая.

КОММЕНТАРИЙ

I. «Брахмаджала-сутта»

Brahmajāla sutta — первая из 34 сутт Дигха-никаи (*Dīgha nikāya* — букв. «длинное собрание», «собрание пространных [поучений]»; иногда вместо *nikāya*, прежде всего в буддийских санскритских текстах, употребляется *āgama* — «источник», «текст»), первого раздела Сутта-питаки (*Sutta piṭaka* — «корзина сутт»). О понятии *sutta* (санскр. *sutra*, также — *suttanta* ср., в частности, ФБЭ: 660–661; Т.В. Рис-Дэвидс (DR) — *dialogue*; К. Нойманн (DN) — *Rede*; Дж. Кашьяп (DK) — *sermon*; и т.д.) см. Предисловие. Этой суттой одновременно открывается первый из трех разделов (*vagga*) Dn — «Раздел об относящемся к нравственности» (ср. PR: 713; DK IX — *The section of ethical rules*), содержащий сутты 1–13. О значении названия этой сутты («сеть Брахмы», т.е. «сеть совершенства» и т.п.) ср. DR I — *The perfect net*; DN: 3 — *Das Priesternetz*; DF: 1 — *Das Hetz des umfassenden Wissens*; CBP: 2 — *le filet de Brahman*; PR: 493 — *divine, excellent net*; и др.). См. также DR I: XXV–XXVIII; Weller 1933; 1934; 1935; 1971; Winternitz 1988: 35 sq.; Ladner 1951; BJB; Syrkin 1984a (см. также Syrkin 1983); Anālayo 2014–2015 и др. Можно полагать, что *Brahma*, как и обычно в сложных словах в текстах Sp, употреблено здесь не в качестве собственного имени божества или божественного начала и не как обозначение ведийского, молитвенного текста, а в значении «божественный», «высший» и т.п. (ср. Nakamura 1955: 77, п. 7). Вместе с тем, хотя *brahma*, *brahmā* неоднократно соотносится здесь по контексту с более отвлеченным представлением о высшем начале (приближаясь по значению к санскр. *brāhman*) — ср., например, в XIII, мы во всех случаях придерживаемся перевода «Брахма». Ср. также PR: 492 sq.; ID: 202–203; ИФЭ: 155–157 (В.К. Шохин) и др. См. BS I: 26–131; DAT I: 43–267.

1.1. *Вот что я слышал* (*evam me sutam*). — Традиционный зачин сутт. Предание относит его к Ананде — ср. ниже, примеч. к I.3.74; Brough 1950; Silk 1989; и др.

Благостный... — принят условный перевод *Bhagavā* (*Bhagavant*), одного из наиболее употребительных эпитетов в индуизме, а также — применительно к Будде. Восходит к ведам и достаточно ёмок по значению: «владеющий», «обладающий» (корень *bhāj-*; ср. русское «Бог»), «счастливы», «благотворящий» (в частности, как несущий истинное знание) и т.д. См. ФБЭ: 191 (С.Д. Серебряный); Островская 2014; и др. В ряде случаев его предпочитают не переводить. Вместе с тем ср. DR — *the Blessed One*; DF и DN — *der Erhabene*; CBP — *le Bienheureux*; DW — *the Lord*; PR: 495 — *Blessed One, Exalted One*; ИКДИ: 127 и др. (А.В. Парибок) — «Блаженный»; Шохин 2007: 270 и др. — «Господин»; Андросов 2010: 31, примеч. 19 и 20 — «Благодатный»; Торчинов 2015 — «дословно — „наделенный благой долей“». Я признателен Е.П. Островской за полезное обсуждение отдельных вопросов перевода.

Раджагаха (Rājagaha, *санскр.* Rājagṛha) — главный город Магадхи в Северо-Восточной Индии (совр. Раджгир); Наланда (Nālandā) — селение к северу от Раджагахи (совр. Барагаон), знаменитое в древности своим буддийским университетом. Согласно преданию, Будда часто ходил по дороге между Раджагахой и Наландой. Ср. BS I: 35; PM II: 56–57, 724.

...*толпой монахов* (bhikkhu-saṃghena)... — DR I: 1 — brethren. Bhikkhu (*санскр.* bhikṣu) употребляется здесь в значении отрекшегося от мира нищенствующего буддийского монаха (чаще всего — юного). Ср. DF: 301–305.

...*странствующий аскет*... — в тексте: paribbājako.

Суппия (Suppiya) — аскет, последователь Санджан, упоминаемого в следующей суте — II.6, 31 сл. Ср. PM II: 1223; BS I: 35–36.

...*Будду... дхамму... сангху* (Buddhassa... dhammassa... saṃghassa)... — здесь, как и неоднократно в дальнейшем, упоминается триада, части которой традиционно почитались как три прибежища (saraṇa — ср., например, Dh XIV.190) буддиста (ср. соответствующую формулу, произносимую при вступлении в общину). В порядке исключения следуем в данном случае утвердившейся в русской литературе традиции написания «Будда» вместо «Буддха» (Buddha). Dhamma (*санскр.* dharma) здесь, как и в литературе упанишад, по-видимому, близко к кругу значений «установление», «закон», «истина», «нравственный долг» и т.п. — ср. Stcherbatsky 1932; ДТ: 43 сл. Saṃgha — специальное обозначение буддийской общины, буддийского монашества. Указанные понятия в случаях терминологического их употребления (как и в настоящем месте) оставляются нами без перевода — ср. достаточно разнородные толкования: DR I: 1 sq. — Doctrine... Order...; DN: 3 ff. — Satzung... Jüngerschaft (?); DF: 2 ff. — Lehre... Gemeinde; CBP: 2 sq. — Loi... Communauté.

1.2. Амбалатхика (Ambalaṭṭhikā, букв. «побег мангового дерева») — согласно BS I: 41–42, тенистая роща на дороге между Раджагахой и Наландой, у входа в которую росло манговое дерево; в этой роще находилось помещение, служившее царю для отдыха (gājāgaraka). Будда неоднократно останавливался в Амбалатхике, в частности — на своем последнем пути (ср. XVI.1.13 сл.). Такое же название носят в палийском каноне и некоторые другие местности. Ср. PM I: 158 sq.

1.3. Архат (arahant, *санскр.* arhant от arh; букв. «достойный», «заслуживающий») — оставлено без перевода (ср. ДТ: 74, 140) как употребительное в буддийской литературе терминологическое обозначение существа, подавившего в себе все мирские желания и привязанности и достигшего высшей свободы (здесь — сам Будда). Ср. DN 3 — Heiligen; DF: 2 — Vollendete. См. DF: 297–301. Ср. Bond 1984; Фиссер 2016: 5 сл., 17 сл., 54 сл., 193 сл.

Просветленный (sammā-sambuddhena, также — «пробужденный») — образ, этимологически связанный с именем Buddha.

1.4. ...*на предложенное* (paññatte āsane)... — ср. DF: 3; CBP: 3; PR: 389–390; DR I: 2 — took his seat on the mat spread out for him.

Господин (bhante, ср. *санскр.* bhavant, PR: 498, 500) — традиционное почтительное обращение (в частности, учеников к Будде). Ср. DR I: 3 сл. — Sir; DN: 4 и DF: 3 — Herr; CBP: 3 — Seigneur... Maître.

1.5. *По такой-то причине* (iti pi etaṃ)... — ср. DR I: 3; DF: 3; CBP: 4; PR: 119. То же далее в I.1.6.

1.7. ...*лишь с нравственностью* (sīlamattakaṃ)... — ср. DF: 3, Anm. 5.

...*мирской человек* (puṭhujjana, *санскр.* pṛthag-jana)... — ср. PR: 466; DR I: 3 — unconverted man; DF: 3 — Alltagsmenschen; CBR: 4 — l'homme du commun; DN: 5 — gewöhnliche Mensch.

Татхагата (tathāgata) — употребительный эпитет, прилагаемый к архатам (см. выше, примеч. к I.1.3) и к самому Будде (служит также его самоназванием). Достаточно ёмок

и допускает ряд толкований — Буддхагхоса дает пространное восьмичастное его объяснение (BS I: 59–69; DAT I: 85–143; TBCB: 73–77, 390–407). Буквально переводится двояко: как *tathā gata* («так ушедший») и *tathā āgata* («так пришедший», «достигший»). В связи с махаянистским производным *tathatā* («такоево», «реальность», «истина») может быть передан как «достигший истины, совершенства». Ср. DN: 5 ff. — *Vollendete*; NBD: 162 — *the Perfect One*; и т.п. В ряде случаев оставляется без перевода — ср. DR, DW, DF, CBP, TB; Шохин 2007: 217, 272 сл.; Шоматмадов 2007: 218 сл.; в других источниках — у О.Ф. Волковой, А.В. Парибка (BM: 17, 127 сл.) и др. Рассмотрение самого понятия «истинно-сущий», «абсолютная реальность» и т.п. в контексте *tathatā*, *tathāgata* (Щербатской 1988: 231, 416, примеч. 23 В.Н. Топорова; 1995: 11; ДЦ: 49 сл., 54; Розенберг 1991: 184 сл., 189, 240, примеч. 17) с учетом известного значения *gata* как «пребывающий в состоянии» (ср. PR: 242 — *being in or having come into a state or condition*) позволяет перевести *tathāgata* эпитетом «истинно-сущий» (вариант «истинно-сущный», как нам кажется, предупредил бы в данном случае возможную ассоциацию, уводящую читателя в сторону, — с «существующим в действительности, на самом деле» и т.п.). См. (Андросов 2010: 421; 2011: 351 сл.; 2019б: 28; и др.). Упомянутые обстоятельства (ср. Предисловие) побудили нас воздержаться в данном случае от однозначного русского перевода. Ср. также (Thomas 1936; Coomaraswamy 1938; ФБЭ: 675–678 (Н.А. Канаева); Торчинов 2015: 14; Выршиков 2018; 2019; и др.).

1.8. ...*отшельник* (*samaṇa*, *санскр.* śramaṇa)... — ср. DR I: 3 — *recluse*; DN: 5 — *Asket*; CBP: 4 — *religieux*; DF: 4 — без перевода (ср. *ibid.*: 305–307). Ср. также ДТ: 144, 151. Помимо общего с *санскр.* śramaṇa круга значений употреблялось для обозначения представителей небрахманских религиозных учений (прежде всего — буддистов), а также в качестве обращения не-буддистов к Будде (см. PR: 682). Может быть оставлено без перевода — ср. ИКДИ: 175, 182 и др. (А.В. Парибок); само заглавие — в Шохин 2007.

Готама (*Gotama*) — имя Будды, связанное с его родовой принадлежностью (*gotama-gotta*). См. PM I: 788–810.

...*в доброте и сочувствии* (*hitānukampī*)... — ср. DR I: 4; DN: 5; PR: 731. Другое возможное толкование — «в сочувствии к благу существ» (ср. DF: 4; CBP: 4).

...*целомудренный* (*brahmacārī*)... — ср. PR: 493–494.

...*всеобщего обычая* (*gāma-dhammā*)... — ср. DR I: 4, п. 3 — *from the village habit, the practice of country folk, the «pagan» way*.

1.9. ...*вежлива* (*poṭī*, букв. «городская»)... — ср. DR I: 5 — *urbane*; DN: 6 и DF: 4 — *höflich*; CBP: 5 — *civile*.

...*должном поведении* (*vinaya-vādī*)... — см. Предисловие.

...*достопамятную* (*nidhānavatīṃ*)... — ср. DR I: 5; DF: 5, Anm. Другие толкования: DN: 6 — *reich an Inhalt*; CBP: 5 — *formant un trésor*.

...*обоснованную* (*sāpadesaṃ*)... — согласно толкованию BS I: 76 (ср. CBP: 5), «снабженную сравнениями».

1.10. ...*семенам* (*bijagāma-bhūtagāma*)... — ср. о *bhūta* (собственно «существо») DF: 5, Anm. 4; PR: 507.

...*не вовремя* (*vikāla*)... — также: «после полудня», «вечером» (ср. PR: 612).

...*посещать зрелища* (*visūka-dassanā*)... — ср. PR: 640. DF: 5 — *den zerstreuenden Anblick*; ср. *ibid.*, Anm. 8, где *visūka* возводится не к *sūc* (ср. также BS I: 77), а к *санскр.* *viśvañc* (*nach allen Richtungen* и т.п.). Под *vādita* имеется в виду игра на музыкальных инструментах. Ср. I.13.

...*поля и имущество* (*khetta-vatthu*). — Ср. PR: 238, 598; DR I: 6 — *cultivated fields or waste*.

...обманывать в монете (kaṃṣa kūṭa)... — ср. PR: 225; DR I: 6 и др. Толкование kaṃṣa в BS I: 79 — «бронзовый сосуд».

1.11. ...от корня (mūla-bījaṃ khandā-bījaṃ phala-bījaṃ agga-bījaṃ bījabījaṃ)... — ср. PR: 488. DR I: 6 — propagated from roots, or cuttings, or joints, or buddings, or seeds. Согласно возможному толкованию DR I: 6, п. 2, agra («верхушка», «кончик») может означать здесь прививку от черенка (graftings; ср. CBP: 6 — graffe). BS I: 81 sq. поясняет, что в первых четырех случаях здесь соответственно имеются в виду такие растения, как, например, имбирь (siṅgiveraṃ), смородина (nigrodho), тростник (veḷu), аджджука (ajjukāṃ — *Ocimum Gratissimum*). Ср. DF: 7–8.

1.12. ...обуви... Ср. более вероятное, на наш взгляд, толкование uāpa как «сандалии» (BS I: 82; ср. DF: 8; PR: 553). Значения «повозки», «средства передвижения» и т.п. (см. DR; DN; CBP) представляются менее подходящими по контексту.

1.13. ...представления... О толковании отдельных не вполне ясных и допускающих различные варианты деталей этого перечня см. BS I: 84–85; PR: s. v.; DR I: 7–9; DF: 8–10 (и соотв. примеч.). Ср. отчасти аналогичные перечисления в джатаке 545; «Патимоккхе» (VII.50); и др. Особые сомнения вызывает, в частности, sobha-nagaraṃ и saṇḍālaṃ vaṃsaṃ dhoraṇaṃ, в толковании которых следуем DR.

1.14. ...а именно: [игра]... — то же Cv I.13.2. В основном следуем DR I: 9–14 (см. соотв. примеч.; PR: s. v.; DF: 10–11; DK I: XXVI), основанному на традиционной интерпретации BS I: 85–86. В частности, можно полагать, что «восемь полей» и «десять полей» — разновидности шахматной игры на доске с восемью рядами по восемь или по десять полей в каждом; «пространство» (ākāsaṃ) — та же игра вслепую (ср. CBP: 7 — jeu de plein air); «окружной путь» (paṇihāra-pathaṃ) — игра, при которой нельзя наступать на определенные линии, начерченные на земле; сантика (santikaṃ) — когда требуется снять ногтем камешек с кучи или положить его туда так, чтобы не пошевелить остальные; кхалика (khalikaṃ) — возможно, разновидность игры в определенные кубики (DR I: 10, п. 4); «сучок» (ghaṭikaṃ) — игра, при которой бьют по короткой палочке более длинной; «рука-кисточка» (salāka-hatthaṃ, букв. «рука-палка») — когда руку окунают в краску и потом по заказу рисуют ею на стене или на земле изображения животных; под «шарами» (akkhaṃ) могут подразумеваться также игральные кости; при игре paṅgaśīraṃ дуют в игрушечные трубочки, свернутые из листьев (DK I: XXVI — a game played with two sticks); моккхачика (mokkhasikaṃ), возможно, связана с кувырканием; ниже, по-видимому, имеются в виду ветряная мельница и мерка, сделанные из пальмовых листьев; при «угадывании букв» (akkharikaṃ — собственно «слов») буквы чертятся в воздухе или на спине партнера.

1.15. ...удлиненным сиденьем... — ср. аналогичные перечни: Mv V.10.4–5; Cv VI.8.1. См. толкования BS I: 86–88; PR: s. v.; DR I: 11–13; DF: 11 и соотв. примеч.

Кадали (kadali) — разновидность антилопы.

1.16. ...умащением... — ср. BS I: 88–89; DR I: 13; DF: 11–12 и соотв. примеч. В частности, «растирание» (sambāhanaṃ) может означать похлопывание тела специальными кусками дерева, как это было в обычае у борцов; под sikhā-bandhaṃ, согласно пояснению BS, имеется в виду драгоценная перевязь для волос; nālikaṃ (букв. «трубочка», «коробочка»), по-видимому, обозначает хранимые в ней медикаменты. Как поясняет Т.В. Рис-Дэвидс (DR I: 13, п. 1), упомянутые в данном перечне массаж, омовение, употребление зонга (paṇimaddanaṃ paṇāraṇaṃ... chattaṃ) отнюдь не были запрещены в общине, и к ним прибегал сам Будда (ср. VRO III: 68, 132, 133, 189, 297 и др.).

1.17. ...беседам о царе... — ср. перечни в суттах IX.3; XXV.2; Mn LXXVI–LXXIX; Mv V.6.3 и др. Ср. BS I: 89 sq., где даны примеры отдельных произведений, соответствующих указанной здесь тематике (например, о Муладеве в связи с воровством, о Бхара-

тах и Раме в связи со сражениями и т.д.). В частности, visikhā-kathaṃ можно перевести и как «уличная болтовня» (ср. DR I: 13, п. 3 и соответствующее толкование следующего kumbhatṭhāna-kathaṃ), что, однако, выпадает из контекста; под «прежде умершими» (pubba-peta), возможно, имеются в виду души умерших (*санскр.* preta); «разговоры о мире» (lokakkhāyikaṃ), согласно BS I: 90–91, — намек на сторонников материалистической системы локаята (lokāyata-vitanda) — ср. I.3.10, 20; DR I: 14, п. 3.

1.18. ...*Ты не знаешь...* — ср. XXIX.1; XXXIII.1.6; и др.

...*истины и должного поведения...* — в тексте: dhamma-vinayaṃ.

1.20. ...*обманщиками* (kuhakā ca honti lapakā ca nemittikā ca nippesikā ca)... — ср. XXVIII.12; An V.83.2. В толковании nippesikā следуем PR: 361 (ср. CBP: 8). DR I: 16 — exorcists (ср. ibid., п. 2 — «scarers away» (? of ghosts or bad omens) и DR III: 102). О соответствующих профессиях ср. Feer 1890.

1.21. ...*низменными знаниями...* — ср. BS I: 92–94; DR I: 16–19; DF: 13–16 и соотв. примеч.; PR: s. v. В связи с отдельными названными здесь деталями жертвенного ритуала см. Hillebrandt 1897: 71 ff. В частности, об одежде, изъеденной мышами (mūsikācchinnam), ср. джатаку 87; dabbī (*санскр.* darvī) — название ложки из дерева, употреблявшейся в ритуальной церемонии; при «жертвоприношении ртом» (mukha-homaṃ) жертвующий выплевывает в огонь семена горчицы и некоторых других растений; при «жертвоприношении кровью» (lohita-homaṃ) речь идет, в частности, о крови из правого колена жертвующего; «знание частей тела» (aṅga-vijjā) связано с предсказаниями по суставам пальцев и т.д. (ср. выше aṅgaṃ в этом же параграфе); знание «строений» (vatthu) — с определением благоприятного места для постройки. Наряду с khetta-vijjā («знание полей», ср. DN: 9; CBP: 9; DK I: 10) отдельные рукописи (ср. DRC I: 9) дают чтение khatta-vijjā («знание кшатры», т.е. правил, относящихся к воинскому сословию), ср. DR I: 18 — advising on customary law (ibid., п. 3); DF: 15 — Adels-Maximen (ibid., Anm. 3); последнее, однако, на наш взгляд, меньше подходит по контексту (ср. предыдущее vatthu). «Знание благоприятных заклинаний» (siva-vijjā) толкуется также как предсказание по крикам шакала (BS I: 93); смысл «знания земли» (bhūri-vijjā) не вполне ясен.

1.22. ...*[истолковывая] знаки...* — в отношении людей подобное толкование, по-видимому, связано с определением благоприятных или неблагоприятных признаков; в отношении животных в ряде случаев, возможно, речь идет об их пригодности в пищу.

...*длинноухих животных* (kaṇṇikā)... — несмотря на то что остается неясным, о ком идет речь, употребление здесь kaṇṇikā в своем основном значении («украшение для ушей», ср. PR: 180; DR I: 19; ср. соотв. комментариев Буддхагхосы — BS I: 94) представляется по контексту маловероятным. Ср. DF: 17, Anm. 10 (заяц?); CBP: 9 — bêtes à longues oreilles; DN: 9 — Katzen (ср. джатаки 535, 536 и др.).

1.23. ...*царя...* — в подлиннике везде gaññaṃ (plur.) Ср. DF: 18, Anm. 3 — возможно, pluralis majestatis. Согласно DR I: 20 (ср. ibid., п. 1), здесь речь не о царе, а о «начальниках» (chiefs).

1.24. ...*звезд* (nakkhatta)... — здесь имеются в виду также и планеты (например, Марс — ср. BS I: 95).

...*пламя, охватившее горизонт* (disā-dāho)... — ср. PR: 323; DR I: 21 (ср. ibid., п. 2; BS I: 95) — jungle-fire; DF: 18 — Firmament-Glühen (ibid., Anm. 5 — Weltgegendenbrand); CBP: 10 — embracement des orientes.

...*гром с неба* (deva-dundubhi)... — букв. «небесный барабан».

1.25. ...*[считая] по пальцам* (muddā, gaṇaṇā, saṃkhānaṃ, kāveyyaṃ, lokāyataṃ)... — ср. DR I: 21 — counting on the fingers. Counting without using the fingers. Summing up large totals. Composing ballads, poetizing. Casuistry, sophistry; DF: 18–19 — Finger-Rechnen (?),

Zahlkunst, Abschätzung grosser Massen, Dichtkunst, logisch beweisende Naturerklärung (см. соотв. примеч.); PR: s. v. В частности, muddā, по-видимому, означает счет при помощи суставов пальцев; gaṇaṇā — счет «в уме»; kāveyyaṃ — сочинение и исполнение стихов в различных жанрах, исключая жертвенные песнопения; lokāyatam — логическое рассуждение о природных феноменах — можно предположить, вне связи со сравнительно позже развившимся значением «материализм» (ср. DF: 19, Anm. 3; DR I: 22, п. 4).

1.26. ...введения новобрачной... выдачи замуж (āvāhanam vivāhanam)... — ср. PR: 112; DF: 20.

...мирных переговоров (saṃvadanam)... — другие значения: «колдовство», «занятие астрологией» (ср. BS I: 96; DR I: 23, п. 3).

...заговаривая руки (hatthābhijjappaṇam)... — так, чтобы они застыли в поднятом состоянии. Ср. BS I: 97; PR: 728.

...заговаривая уши (kaṇṇa-jappaṇam)... — т.е., видимо, вызывая глухоту.

...девушку (kumārī)... — т.е. одержимую божеством (ср. BS I: 97; DF: 20). Ср. аналогии из других культур (например, античной).

...Великого (mahat)... — согласно BS I: 97, это верховный бог-творец Брахма. DR I: 24, п. 8 подвергает сомнению это толкование и сближает mahat с mahatī, mahī (богиня земли, великая мать).

Сири (Sīṅī, санскр. Śrī) — богиня счастья и красоты, супруга Вишну.

1.27. ...склоняя на милость... — ср. BS I: 97–98; DR I: 25–26; DF: 20–21 и соотв. примеч.; PR: s. v. Перечисленные ниже медицинские занятия, по-видимому, порицаются здесь не сами по себе (ср. VRO II: 41 sq.; DR I: 26, п. 1), а лишь как источник наживы. О заклинании духов умерших (bhūta-kammaṃ) ср. I.1.21 (следуем вставке — ср. чтение DK I: 12; ср. DRC I: 12, п. 1; CBP: 11, 62 — соотв. и ниже — в П.62 и др.); под пребыванием в земляном жилище (bhūri-kammaṃ), очевидно, подразумевается исполнение определенных обрядов в подобном жилище; «омовение» (pañāraṇaṃ), как и следующее за ним «жертвоприношение», в данном случае производится вместо другого лица; «очищающее голову» (sīsa-vireśaṇaṃ), возможно, средство, вызывающее чиханье; kaṇṇa-telaṃ, netta-tappaṇaṃ, natthu-kammaṃ — определенные виды целебного масла, соответственно — для ушей, глаз, носа; «освобождение от лекарства» (osaḍhīṇaṃ paṭimokkha), видимо, означает применение нового средства, призванного прекратить действие старого, когда оно уже выполнило свое назначение, ср. DF: 21 — Wiederentfernung (scharfer) Arzneistoffe aus dem (oder vom) Körper im geeigneten Zeitpunkt (ср. BS I: 98); DR I: 26 — Administering medicines in rotation; CBP: 11 — de contre-carrer l'effet de médicaments.

1.28. ...предметы... — употребленное здесь dhammā может быть истолковано и как «другие свойства Татхагаты» (DF: 21, Anm. 10).

...недоступные рассудку (atakkāvacarā)... — ср. PR: 292; DR I: 26 — not to be grasped by mere logic.

1.29. ...занятые прежними временами (pubbanta-kappikā)... — также: «прежним циклом времени» (каппа, санскр. kalpa), «началом бытия». Ср. PR: 187–188; DR I: 26 — who reconstructs the ultimate beginnings of things; ср. I.2.37 — aparanta-kappikā («будущие времена»).

...восемнадцати основаниях (aṭṭhādasahi vatthūhi)... — ср. ниже; см. BS I: 104; DF: 21, 22, Anm. 14 — Gründen; PR: 598; Шохин 2007: 208 сл. — «позициях»; CBP: 12 — sous dix-huit formes.

...суждения (adhivutti-padāni)... — ср. DRC I: 13. Другое чтение (ср. DK I: 13): adhi-mutti («решение», «намерение»). Ср. DR I: 27 — assertions; DN: 11 — Glaubenslehren; CBP: 12 — dogmes. DF: 21–22, учитывая толкование Буддхагхосы (ibid.: 22, Anm. 1; ср. BS I: 103–104), переводит: in der Luft schwebende Behauptungen.

1.30. ...*проповедующие вечность* (sassatavādā)... — ср. параллель с учением санкхьи — DF: 22, Anm. 2.

...*свое «я»* (attānañ)... — ср. DF: 22 — Selbst; CBP: 12 — le Soi; DR I: 27 — soul; DN: 12 — die Seele. Ср. ДТ: 51 сл.

1.31. ...*в двух рожденьях*... — отсюда и до «многих сотен тысяч рождений» DRC I: 14 sq., как и в ряде следующих повторов, дает ниже «...ре...» (т.е. реууāla, санскр. pari-yāya), означающее: «здесь следует формула». Отдельные тексты дают «ра», а также «la» (последний слог реууāla). Ср. PR: 473. Издания CBP и DK, которым мы здесь следуем в этом отношении, воспроизводят настоящие повторы без сокращений, однако в дальнейшем также неоднократно прибегают к ним. О принципе передачи повторов в настоящем переводе см. Предисловие.

...*роду... сословию*... — в тексте: gotto... vaṇḍo.

...*бесплодный* (vañjho)... — ср. DN: 12; CBP: 12. DR I: 28; DF: 22 дают подходящее по смыслу толкование «не приносящий ничего нового».

...*переходят из одного существования* (saṃsaranti)... — ср. о saṃsāra II.20, 21 и др.

...*это также вечно* (atthi tv eva sassati-saman ti). — Ср. DF: 23, Anm. 2 — дальнейшие параллели с учением санкхьи.

1.32. ...*свертывания и развертывания* (saṃvaṭṭa-vivaṭṭaṃ)... — сочетание это выражает идею смены периодов, в течение каждого из которых вселенная возникает, развивается и перестает существовать. Ср. санскр. samvarta (= kalpa — согласно традиционной индуистской мифологии, одни сутки Брахмы или 4 320 000 земных лет). Ср. PR: 637, 656; DR I: 28 — world aeons (ср. ibid., n. 1); DF: 24 — einer Periode des Vergehens und Wiederentstehens des Welt; DN: 12–13 — an die Zeiten während Weltenentstehung und Weltenvergehung; CBP: 13 — une évolution du monde.

1.35. ...*нет, кроме этого* (ito bahiddhā)... — неоднократно употребляется в палийском каноне для обозначения возрений, находящихся за пределами учения Будды (ср. PR: 484).

1.36. ...*выходящее за их пределы* (tato ca uttaritaraṃ)... — как, например, относящееся к нравственности (sīla), к сосредоточенности (samādhi) и т.д. — ср. BS I: 108.

...*находит успокоение в своем сердце* (c'assa paścattaṃ yeva nibbuti viditā). — Ср. DR I: 29; CBP: 16; PR: 368, 383. Буддхагхоса (BS I: 108) толкует это как достижение нирваны.

...*освободился, лишившись всякой зависимости* (anupādā vimutto). — Anupādā означает свободу от всего обусловленного (upādā), в данном контексте — от какой-либо мирской привязанности и вообще от существования. Ср. BS I: 109; PR: 149. DR I: 30 — is quite set free; DN: 14 — ist ohne Anhängen abgelöst; DF: 25 — ist er durch die Abkehr erlöst (ср. ibid., Anm. 1, 2); CBP: 16 — est inconditionnellement libéré.

1.37. *Таковы*... — как поясняет Т.В. Рис-Дэвидс, имеются в виду не четыре приведенных здесь основания, но высшее знание Будды, преодолевшего их (DR I: 30, n. 2).

...*раздел поучения* (bhāṇavāraṃ). — Также: «рассказа», «проповеди». Ср. PR: 501; DR I: 30 — portion for recitation; DF: 30, Anm. 3 — Stück, das eine Rezitation (Lektion) ausmacht; CBP: 16 — leçon.

2.2. ...*свертывается* (saṃvaṭṭati). — То есть уничтожается; ср. выше, примеч. к I.1.32. Соответственно, ниже, в I.2.3 — vivaṭṭati («развертывается», т.е. возникает вновь). Ср. DR I: 30–31 — passes away... begins to re-evolve; DN: 14 — zusammenballt... auseinanderballt; DF: 25–26 — vergeht... wieder entsteht (ср. ibid.: 25, Anm. 6, 7); CBP: 16 — involue... évolue.

...[мир] сияния (Ābhassara). — Мир Брахмы, где существа возрождаются в лучезарном облике по истечении мирового периода. Ср. подробнее PM I: 278–280; PR: 103; DF: 26, Anm. 1 — werden zu Strahlenwesen; CBP: 16 — parviennent... à l'état d'éléments Radieux.

2.3. ...[действие] заслуг (puñña-kkhaṃyā)... — благодаря которым он существовал в мире сияния.

2.5. Я — Брахма... — ср. аналогичный перечень в XI.80, а также Mп 49.

2.7. Кхиддапadosика (khiḍḍā-padosikā; также khiḍḍā-padūsikā; ср. DRC I: 19, n. 2). — Букв. «испорченные удовольствием», ср. DR I: 32 — Debauched by pleasure (ср. ibid., n. 1); DF: 27 — die durch Vergnügungssucht herunterkommenden; CBP: 18 — Corrompus-parl'amusement. Ср. список богов в Дн XX (ср. DR II: 287). Ср. также DW: 540.

...способность самосознания... — букв. «память» (sati, санскр. smṛti). Здесь, скорее, имеется в виду свойство постоянной внимательности в мыслях, сознание самого себя — см. PR: 672; Предисловие. Ср. DF: 27, Anm. 6; CBP: 18; DR I: 33 — self-possession... self-control; ср. I.3.23; II.42, 79, 81 и др. См. Swearer 1973a: 435 sq.

2.10. Манопадосика (mano-padosikā; также mano-padūsikā; ср. DRC I: 20, n. 1). — Букв. «испорченные в разуме», ср. DR I: 33, n. 1; DF: 28 — die, deren Cesinnung keine gute ist.

...рассуждают (uraniḥhāyanti)... — ср. PR: 143 (от jhāyati, санскр. dhyāyati); DF: 28, Anm. 4; CBP: 19. DR I: 33 (см. ibid., n. 2) видит здесь производное от jhāyati («горит») и переводит: They burn continually with every one again against another.

2.13. ...мыслью, или разумом, или сознанием... — в тексте: cittan...mano... viññāṇan.

2.16. ...[проповедующие] конечное или бесконечное (antānantikā)... — ср. PR: 46; DR I: 35 — Extensionists.

2.17. ...ограничен вокруг (parivaṭṭamo). — Ср. PR: 435; DR I: 36 — So that a path could be traced round it; DF: 29 — rings abgezirkelt; DN: 18 — ringsum kreisförmig; CBP: 21 — il a une périphérie.

2.18. Мир этот бесконечен... — Т.В. Рис-Дэвидс (DR I: 36, n. 2) ссылается здесь на мнение Буддхагхосы, согласно которому бесконечны четыре вещи: пространство, число миров, число живых существ и мудрость Будды.

2.23. ...уклончивые, словно скользкая рыба (amarā-vikkhepikā)... — речь идет об определенной, неизвестной нам породе рыб. Ср. BS I: 115; PR: 73; DF: 30, Anm. 5. DR I: 37 и CBP: 22 используют здесь подходящий по смыслу образ извивающегося утря (eel; anguilles), в точном соответствии которого с amara, однако, нельзя быть уверенным; DF: 30 — морская крапива акалеф (*Quallen Acalepha*).

2.24. ...препятствие (antarāyo). — То есть, согласно BS I: 115, самосовершенствованию и достижению блаженства.

2.25. ...зависимым (mam' assa upādānaṃ). — То есть от уз мирского существования. Ср. PR: 149; выше, примеч. к I.1.36 (anupādā). DF: 31(ср. ibid., Anm. 3) — würde das für mir eine Verstrickung in's Irdische sein; DN: 21 — Anhängen; CBP: 23 — je m'attacherais à cette existence.

2.26. ...способные пронзить волос (vāla-vedhi-rūpā)... — ср. PR: 610; DF: 32, Anm. 1.

2.27. Самопроизвольно родившиеся (sattā opapātikā)... — ср. PR: 168; DR I: 39 — Chance beings (so called because they spring into existence, either here or in another world, without the intervention of parents, and seem therefore to come without a cause); DF: 32 — Jenseits-Wesen; DN: 22 — eine geistige Ceburt; CBP: 25 — êtres spontanés.

Татхагата (tathāgato) — здесь, по-видимому, не Будда (см. примеч. к I.1.7), а более общее обозначение существа, достигшего освобождения. Ср. DR I: 40 — A man who has penetrated to the truth (ср. ibid., n. 1); DF: 32, Anm. 7 — das durch Erkenntnis erlöste Ich; BS I: 118 — satto («душа», ср. PR: 673).

2.30. ...беспричинное возникновение (adhicca-samuppannikā)... — ср. BS I: 118; PR: 28; DR I: 41 — Fortuitous Originists (ср. ibid., n. 1); DF: 33 — Kasualitätslosigkeit (ср. ibid., Anm. 4); CBP: 26 — la production sans cause.

...на двух основаниях... — DRC I: 28 опускает в этом параграфе второе dvīhi vatthūhi. Следует CBP: 26; DK I: 26.

2.31 сл. *Бессознательные существа... сознание* (Asañña-sattā)... — ср. ниже I.2.38; 3.1 сл. DR I: 41 — Unconscious Beings (ibid. n. 2); DF: 33 — Bewusstlose; Шохин 2007: 296 сл. — «бессознательные существа»... «сознательности». Снова достаточно ёмкое понятие: saññā, saññīn (санскр. saṃjñā), местами близкое по значению к viññāpa, часто: «постижение», «восприятие» и др. Ср. PR: 670 sq.; ФБЭ: 598 сл. (В.Г. Лысенко); NBD: 149 sq.

2.37. ...*будущими* (aparanta-kappikā)... — ср. I.1.29 и соотв. примеч.; DR I: 43 — the future; DF: 34 — das Dereinst; DN: 25 — der Zukunft; CBP: 27 — âges à venir.

2.38. ...*сознание после кончины* (uddham-āghatanikā saññi-vādā)... — ср. BS I: 119; PR: 136; DR I: 43, n. 2 — who are Afterdeathers, Conscious-maintainers; DF: 34 — die an die Existenz nach dem Tode glauben (ср. ibid., Anm. 6); CBP: 27 — soutenir le Soi conscient après la destruction du corps.

...*имеет форму* (rūpi)... — ср. PR: 574–575; DR I: 44 — has form; DF: 34 — mit Gestalt begabt; DN: 25 — formhaft; CBP: 27 — qui a forme. Согласно Буддхагхоце (BS I: 119), rūpī отражает, в частности, взгляды адживиков (Ājīvik-ādayo), а следующее за ним arūrī («не имеет формы») — нигхантов (Nigaṇṭh-ādayo). Ср. II.7 и соотв. примеч.

...*свободно от недуга* (arogo)... — согласно BS I: 119, «вечно», «постоянно» (nicco).

...*осознаёт единство... множественность* (ekatta-saññī... nānatta-saññī)... — ср. DF: 34 (ibid., Anm. 8, 9); CBP: 78. Другое толкование («единое сознание» и т.д.) дает DR I: 44; ср. DN: 25.

3.9. ...*разрушение* (ucchedavādā)... — ср. BS I: 119–120 (–pacchedam); DR I: 46 — An-nihilationists; DF: 36 — Vernichtung; DN: 27 — Zerstörung; CBP: 29 — la ruine de l'être.

...*живого существа* (sato sattassa). — Ср. ниже I.3.17, 19, 41, 42, 67. Ср. DK I: 30; DR I: 46 — living being (ср. ibid., n. 2); DF: 36 — einer seienden Seele (ср. ibid., Anm. 3); DN: 27 — das lebendiges Wesens; CBP: 29 — de l'être existant.

3.10. ...*досточтимый* (bho)... — ср. PR: 509; DR I: 46 — Sir; DF: 36 — Verehrter.

...*из четырех великих элементов* (cātum-mahā-bhūṭiko)... — т.е. из земли, воды, огня и воздуха (paṭhavī, āro, tejo, vāyo). Ср. XI.67 сл.

3.11. ...*принадлежащие к миру чувственного* (kāmvācaro)... — ср. PR: 205.

3.12. ...*наделенное всеми большими и малыми частями, не знающее ущерба в жизненных способностях* (sabbaṅga-paccañgī ahīnindriyo). — Ср. II.85; IX.22; см. PR: 65, 122.

3.13. ...*противодействия*... — представляется, что paṭigha употреблено здесь по контексту в психологическом значении (как реакция на воздействие извне). Ср. PR: 393 — sensory reaction; CBP: 30 — réactions; DF: 37 — Vorstellungen von materiellen Dingen (ср. ibid., Anm. 2); DR I: 47 — ideas of resistance (ср. ibid., n. 1).

...*уровня бесконечности пространства* (ākāsānañcāyatanūpago)... — ср. о соответствующих уровнях высшей сосредоточенности ниже, I.3.14–16, где их указано четыре, а также PR: 93, где их шесть (ākāsānañcāyatana, viññāṇ°, ākiñcaññ°, n'eva saññānāsaññā°, nirodha, phala — знак ° указывает на недостающую часть данного слова — anañcāyatana — «уровень бесконечности»). Перечисленные здесь семь ступеней сознания Т.В. Рис-Дэвидс (DR I: 49, n. 3) сопоставляет с теорией семи состояний в санхье (sthūla-śārīra, liṅga-śārīra, indriya, manas, ahaṅkāra, buddhi, ātman).

3.14. ...*сознания* (viññāpa)... — ср. DF: 37 — Wahrnehmung; DR I: 48 — consciousness. Ср. PR: 619; ниже, IX.15 и соотв. примеч.

3.15. ...*отсутствия чего бы то ни было* (akiñcaññāyatanūpago)... — ср. DR I: 48 — reaches up to the plane of no obstruction; DN: 29 — das Reich des Nichtdaseins erreicht; CBP: 30–31 — il accède au plan de la non-existence-de-quoi-que-ce-soit.

3.16. ...*ни осознания, ни отсутствия осознания* (n'eva-saññā-nāsaññāyatanūpago)... — ср. DR I: 48 — neither ideas nor the absence of ideas (ср. ibid., n. 3); CBP: 31 — de la

nonconscience et de la non-inconscience; ср. описательные выражения в DF: 38 — das Stadium des Nicht-irgendetwas-Realisierens; DN: 29 — das Reich der Grenze möglicher Wahrnehmung.

3.19. ...освобождение в зримом мире (diṭṭha-dhamma-nibbāna)... — т.е. в «этой», земной жизни (PR: 320). Ср. DR I: 49 — happiness in this life; DF: 38 — das Nibbāna schön in sichtbaren Welt и т.п.

3.20. ...пятью признаками чувственности (pañcahi kāma-guṇehi)... — т.е. связанными со зрением, слухом, вкусом, обонянием и осязанием. Ср. PR: 205.

3.21. ...ступени созерцания (jhāna, санскр. dhyāna)... — ср. о четырех соответствующих ступенях, служивших средством к достижению архатства (ср. I.1.3 и соотв. примеч.), но не тождественных ему: PR: 286; см. I.3.22–24; ФБЭ: 321–324 (А.В. Парибок, В.Г. Лысенко). Соответствующее учение, судя по этому свидетельству, предшествовало раннебуддийским воззрениям. DR I: 51 (ср. ibid., п. 1) оставляет jhāna без перевода; DF: 39 — Stufe der Versenkung (ср. ibid., Anm. 2); DN: 30 — der Weihe der... Schauung; CBP: 32 — stade de la méditation. Ср. Stuart-Fox 1989; Bucknell 1993.

...связанной с устремленным рассудком и углубленным рассуждением (savitakkaṃ savicāraṃ)... — ср. толкования BS I: 121–122 и соответствующие данные в PR: 620 (initial and sustained application; ср. ibid.: 40, 66); DR I: 50 — reflection... investigation; CBP: 32 — raisonnement et réflexion-décisive; DF: 39 (ср. ibid., Anm. 3) толкует эти понятия: energisches Denken и Erwägen, ссылаясь на комментарий Буддхагхосы к «Дхаммасангани» (BA: 380). Встречается и ниже — II.75; VIII.19; IX.10; X.19; и др. (см. ID: 295).

3.22. ...внутреннее успокоение (ajjhataṃ sampasādanaṃ)... — ср. DR I: 50; DF: 39; и др.

...собранность в сердце (cetaso ekodi-bhāvaṃ)... — ср. PR: 272; DF: 39, Anm. 6.

3.23. ...наделенное способностью самосознания и вдумчивостью (sato ca sampajāno)... — ср. PR: 672, 690; DR I: 51 — mindful and self-possessed; DF: 40 — ernst besonnen und vollbewusst; DN: 30 — einsichtig, klar bewusst; CBP: 32 — conscient et compréhensif. Ср. I.2.7. и соотв. примеч.

...праведные (ariyā)... — ср. PR: 77; DF: 40 — die Auserwählten; DN: 30 — die Heiligen; CBP: 32 — les Nobles. DR I: 51 толкует ariyā как «архаты».

3.24. ...очищенной уравновешенностью (upekkhā-sati-pārisuddhiṃ)... — ср. DF: 40, Anm. 4.

3.32. ...беспокоятся и мечутся, как охваченные жаждой (taṇhā-gatānaṃ paritasativipphanditam). — См. BS I: 123–124; PR: 294–295, 426, 628; ср. CBP: 34; DF: 41, Anm. 6, 7; DR I: 53, п. 1.

3.45. ...причиной этому чувственное восприятие (phassa-paccayā). — Ср. PR: 478, 384; DR I: 53 — based upon contact (through the senses); DF: 43 — beruht auf dem Urteilen auf Grund empirischer Anschauung (ср. ibid., Anm. 9 — wörtlich: «auf Grund des Kontaktes zwischen den Sinneswerkzeugen und Sinnesobjekten»); DN: 34 — sinnlich begründet; CBP: 36 — par suite du contact avec les sens. Phassa (санскр. sparśa, букв. «прикосновение») понимается здесь как контакт между органами и объектами восприятия, составляющий основу привязанностей в этом мире.

3.71. ...последовательно обретая... — в тексте: phussa phussa.

...шесть оснований (chaḥi phassāyatanehi)... — т.е. глаз (cakkhu), ухо (sota), нос (ghāna), язык (jihvā), тело как орган осязания (kāya) и разум (mano). Ср. PR: 105.

...стремление (upādāna)... — ср. PR: 149; DF: 45 — die Beziehung (der Daseinserscheinungen) auf das Ich (ср. ibid., Anm. 1); DN: 34 — Anhangen; CBP: 39 — l'attachement aux phénomènes; DR I: 53 — the fuel (that is the necessary condition, the food, the basis of future lives). Приводимые здесь рассуждения неоднократно встречаются в палийском каноне (ср. XIV.2.18 сл.; и др.; DF: 44, Anm. 2).

3.72. ...сеть с мелкой ячейкой... — в тексте: sukhumacchikena jālena.

3.73. ...то, что ведет (ucchinna-bhava-nettiko)... — nettika также: «канал для орошения», «источник пищи». Ср. PR: 377; DR I: 54 — that which binds it to rebirth is cut in twain; DF: 45 — ist die Brücke zum Sein abgebrochen (ср. ibid., Anm. 5); DN: 35 — Abgeschnitten von der Ader des Daseins; CBP: 40 — a brisé ce qui conduit à l'existence.

3.74. Ананда (Ānanda) — двоюродный брат Будды, один из первых и самых любимых его учеников. Еще при жизни Будды выступал проповедником его учения, что отразилось в ряде сутт (в частности, в Mn), в джатаках, где он стал популярнейшим персонажем. Согласно преданию, Ананда достиг архатства уже после смерти Будды (ср. BS I: 9 sq.); он сыграл определяющую роль в передаче канонического учения (Первый буддийский собор в Раджагахе). Именно к нему традиция относит стереотипный зачин сутт в Dn, Mn, Sn, An (evam me sutam). См. подробнее PM I: 249–269; EB I: 529–536; Hecker 1980.

...«Сеть пользы»... «Сеть истины»... «Сеть совершенства»... «Сеть воззрений» (attha-jālan... Dhamma-jālan... Brahma-jālan... Diṭṭhi-jālan)... — ср. DR I: 55 — Net of Advantage... Net of Truth... Supreme Net... Net of Theories; DF: 47 — «Das Netz der Güter», «Das Netz der Wahrheit», «Das Netz des hohen Wissens», «Das Netz (das alle) falschen Dogmen (umschliesst)» (ср. ibid., Anm. 1, 2, 3); DN: 35 — Netz der Dinge... Netz der Lehre... Priesternetz... Netz der Ansichten; CBP: 40 — filet des biens... [dhamma-jālan в переводе пропущено]... filet de Brahman... filet des fausses doctrines. Согласно Буддхагхосе (BS I: 129), Attha° относится здесь и к здешнему, и к потустороннему мирам. О dhamma и brahma ср. выше соотв. примеч. к I.1.1 и к заглавию этой сутты; diṭṭhi, как мы видим, может быть истолковано здесь и как «ложное воззрение».

...объяснение (veyyākaraṇasmim)... — ср. PR: 649; DR I: 55 — discourse; DN: 35 — Darlegung; DF: 47 — Predigt; CBP: 40 — prédication.

...тысяча миров (sahasā loka-dhātu). — Loka dhātu — мир как элемент вселенной (также -sakkavāla — «земной круг»); ср. PR: 587; DR I: 55 — world-system; DN: 35 — Weltall; DF: 47 — Welten; J. Рену (CBP: 40) переводит: “le monde aux... plans trembla”. Отдельные рукописи (ср. DRC I: 46, п. 4; CBP: 40; DK I: 40) дают другой вариант этой характерной концовки: dasasahasā («десять тысяч»). Как поясняет Буддхагхоса (BS I: 130), миры содрогались не только в конце наставления этой сутты, но и вслед за изложением каждого из шестидесяти двух воззрений.

II. «Саманьяпхала-сутта»

Sāmaññaphala sutta — «Сутта о плодах отшельничества». Ср. DR I: 65 — The fruits of the life of a recluse (ср. ibid., n. 1); DN: 36 — Lohn der Asketenschaft; DF: 48 — Von der Frucht des Lebens der Samaṇa; CBP: 42 — Le fruit de l'état de religieux. Ср. об этом тексте DR I: 56–64; CBP: 41; DK I: X–XII; PM II: 1100–1101. См. примеч. к I.1.8; ср. также: Varat 1948; Mac Queen 1984; 1988; Meisig 1987. См. BS I: 132–238; DAT I: 268–371.

I. Раджагаха — см. примеч. к I.1.1.

Дживака Комарабхачча (Jīvaka Komārabhassa) — знаменитый врач при дворе царей Магадхи Бимбисары и Аджатакатты (см. ниже). Был ревностным почитателем Будды и отдал ему для пристанища свою манговую рошу (Ambavana) в Раджагахе; там он построил монастырь, где Будда останавливался несколько раз. Его прозвище (komārabhassa) толкуется, скорее всего, как «сведущий во врачевании детей» — ср. PR: 229; DR I: 65 — children's physician (см. ibid., п. 2); другое толкование («воспитанный принцем» — ср. DR I: 65; DF: 48, Anm. 4) связано легендой о спасении его Абхайей, сыном Бимбисары; см. подробнее PM I: 957–958 и 959–960.

Упосатха (uposatha) — название дней, связанных с фазами роста и убывания луны и предшествующих 1-й, 8-й, 15-й и 23-й ночам лунного месяца. Эти дни считались особо значимыми еще в добуддийский период; в буддизме они также были связаны со специальными церемониями (в частности, постом) и почитались праздничными. Ср. NBD: 169.

Комуди (Komudiyā) — букв. «белая водяная лилия», обозначение полнолуния в середине месяца katika (октябрь–ноябрь), когда распускается этот цветок. Ср. BS I: 139; PR: 229; DR I: 66, п. 1.

...завершающий четырехмесячный цикл (cātumāsiniyā punṇāya)... — ср. DF: 48; CBP: 42.

Магадха (Magadha) — область в Северо-Восточной Индии (совр. территория Южного Бихара). Во времена Будды была одним из главных царств Индии (со столицей в Раджагахе, позже — Паталипутте), имевшем первостепенное значение в политической и экономической жизни страны. Весьма велика была роль Магадхи в возникновении и распространении буддизма. Ср. PM II: 402–404.

Аджатасатту (Ajātasattu, санскр. Ajātaśatru) — царь Магадхи. Согласно преданию, вступил на трон, убив своего отца Бимбисару; был вначале враждебно настроен к Будде, но затем под влиянием Дживаки (см. выше) встретился с Буддой и стал его приверженцем. Согласно BS I: 237–238, ему было предсказано 60 000 лет страданий в преисподней lohakumbhī («железный сосуд») и возрождение в состоянии рассекабуддха (т.е. существа, достигшего совершенного знания, но не проповедующего его — ср. II.102). См. PM I: 31–35; EB I: 315–321.

Ведехипутта (Vedehi-putto)... — согласно BS I: 139, «сын мудрой женщины»; другое значение — «сын принцессы Видехи» (Videha — название народа и области в долине Ганга (совр. Северный Бихар), граничащей с Магадхой). Ср. DR I: 65; DF: 48, Anm. 5.

...взволнованно воскликнул (udānaṃ udānesi)... — ср. PR: 134.

...почтенные (bho)... — ср. PR: 509; DR I: 66.

...восхитительна... прекрасна... приятна для глаз... отрадна... благоприятна (ramaṇīyā... abhirūpa... dassanīyā... pāsādikā... lakkhāññā)... — ср. о повторении 2–4 эпитетов в других местах канона DF: 49, Anm. 1.

2. ...так сказал... — ср. о названных ниже шести учителях, современниках Будды, XVI.5.26 и др. (DF: 49, Anm. 4). См. BS I: 142–144; ниже соотв. примеч. Ср. Vogel 1970; Mac Queen 1984.

Пурана Кассапа (Pūraṇa Kassapa, Kassapa — родовое имя, gotta) — один из современников Будды, проповедовавший бесплодность действия (akiriya) и отрицавший воздействие добрых и злых поступков на судьбу человека (ср. II.17–18. См. BS I: 142–143; PM II: 242–243).

...быть может (app eva nāma)... — ср. DR I: 66 (ibid., п. 3); DF: 50; DN: 36. Возможно и значение «несомненно» (ср. CBP: 42). См. PR: 54.

3. Маккхали Госала (Makkhali Gosāla; согласно Буддхагхосе, прозвище Gosāla было дано ему, так как он родился в коровнике) — противник Будды, отрицавший причинную зависимость между поступками людей и их состоянием. По некоторым свидетельствам Будда считал его самым опасным оппонентом (ср. II.19–21). См. BS I: 143–144; PM II: 398–400; DF: 50, Anm. I; DR I: 71, п. 1.

4. Аджита Кесакамбала (Ajita Kesakambala) — сторонник нигилистического учения, проповедовавший полное уничтожение после смерти (ср. II.22–24). См. BS I: 144; PM I: 37–38.

5. Пакудха Каччаяна (Pakudha Kassāyana; ср. также Kakudha, Kakuda и др. варианты этого имени; Kassāyana — родовое имя) — проповедовал вечность и неизменность семи элементарных сущностей и недеятельность (ср. II.25–27). См. BS I: 144; PM II: 89–90; DF: 50, Anm. 5.

6. Санджая Белаттхипутта (Sañjaya Belatṭhiputta — «сын Белаттхи»; также Velatṭhi°, Veladdha° и др.) — проповедник скептицизма (ср. II.31–33, а также об amarā-vikkhepikā — I.2.23 сл.). См. BS I: 144; PM II: 999–1000; DF: 50, Anm. 6–7.

7. Нигантха Натхапутта (Nigaṇṭha Nātaputta — «сын Наты»; также Nātha° и др.) — основатель течения нигантхов (nigaṇṭha — «свободный от уз»; ср. PR: 354; примеч. к I.2.38). Согласно традиции, под этим именем был известен Вардхамана Махавира (Vardhamāna Mahāvīra), основатель джайнизма; отец его был кшатрий по имени Siddhatha, мать звали Triśālā. Проповедовал, в частности, подвижничество как средство очищения от дурных поступков (ср. II.28–30). См. BS I: 144; PM II: 61–64; DF: 50, Anm. 8. Ср. Nagrajji 1970.

8. ...архат (arahaṇ)... — см. примеч. к I.1.3.

Готама — см. примеч. к I.1.8.

...наделенный знанием и добродетелью (vijjā-saraṇa sampanno)... — ср. PR: 617, 263.

...Счастливый (sugato, букв. «счастливо пришедший») — эпитет Будды. Ср. PR: 716; DR I: 67 — happy; DN: 37 — der Willkommene; DF: 51 — Pfadvollender (ibid., Anm. 5 — gut gegangen); CBP: 44 — le Sugata.

...вожатый людей, нуждающихся в узде (purisa-damma-sārathi)... — ср. PR: 469, 315, 705; DF: 51, Anm. 6; Шохин 2007: 320 — «в управлении».

10. ...дрожь волосков... с поднявшимися на теле волосками (lomahaṃso... loma-hatṭha-jāto)... — здесь употребительные в классической индийской литературе обозначения сильного аффекта (трепета, изумления и т.д.). Ср. PR: 589.

He страшишь... — ср. CBP: 43; DK I: 43. Отдельные рукописи (ср. DRC I: 50) не содержат здесь двукратного повтора.

12. Удайибхадда (Udāyibhadda) — сын Аджатасатту. Согласно Буддхагхосе, царь воскликнул так, боясь, что сын убьет его, как некогда сам он убил своего отца (см. выше, примеч. к II.1). Так и произошло — Удайибхадда убил Аджатасатту и вступил на трон, впоследствии он также был убит собственным сыном. Ср. BS I: 153; PM I: 374–375.

Пришел ли ты с любовью [к сыну] (agamā... yathā pemaṇ)... — эти слова произносит, по-видимому, сам Будда. Согласно толкованиям DR I: 68 и DF: 52, здесь идет речь о том, следует ли царь в мыслях этой любви [Do your thoughts then go where love guides them? Mahārāja, du ginst (in Gedanken) wohl eben deiner Liebe nach?], хотя в таком добавлении нет необходимости. Ср. также DN: 38 — Aus Liebe wohl... bist du hergekommen; CBP: 45 — ne t'es tu pas laissé aller sur la pente de tes affections? Ср. BS I: 152–154.

14. ...сведущие в уходе за слонами (hatthārohā)... — здесь, по-видимому, как и ниже, под «сведущими в коневодстве» (assārohā) имеются в виду не только погонщики слонов или наездники, а вообще искусные в различных видах обращения со слонами и конями. Ср. BS I: 156. Следующий перечень, в отдельных деталях не вполне ясный (ср. ниже), повторяется без изменений ниже (II.16 и сл.). См. также An 7.63.6. В связи с дальнейшими толкованиями см. BS I: 156–157.

...распорядители в войске (calakā)... — ср. DR I: 68 — camp marshalls; DF: 53 — Order (ср. ibid., Anm. 2); CBP: 45 — Ordonnateurs d'armée.

...распределяющие провиант (piṇḍa-dāvikā)... — ср. BS I: 156; DF: 53, Anm. 3 — Massenverteiler; Kloss-Verteiler [ibid., в переводе — Vorkämpfer (?)]; CBP: 45 — distributeurs des rations. DR I: 68 — camp followers.

...благородные воины (uggā gāja-puttā)... — по-видимому, uggā употреблено здесь в значении uggata, а не санскр. ugta (сын кшатрия и шудрянки или вайшьи и шудрянки). Ср. BS I: 157; PR: 126; DF: 53, Anm. 4.

...искушенные в набегах (pakkhandino)... — букв. «устремляющиеся вперед», т.е. врывающиеся во вражеские ряды и уносящие с собой трофеи, ср. BS I: 157; DR I: 68 — mili-

tary scouts (cp. *ibid.*, n. 1); DF: 53 — die Renommiekämpfer (cp. *ibid.*, Anm. 5); CBP: 45 — gens d'assaut.

...[не уступающие] большому слону (mahā-nāgā)... — cp. BS I: 157; DR I: 68; DF: 53, Anm. 6. CBP: 45 — grands éléphants (?); Шохин 2007: 322–323, примеч. 14.

...воители в кожаных [панцирях] (samma-yodhino)... — cp. PR: 262.

...дети рабов (dāssaka-puttā)... — по-видимому, здесь имеется в виду особая категория воинов. Cp. BS I: 157; DF: 53, Anm. 8.

...повара... изготовители сладостей (āḷārikā... sūdā)... — следуем толкованию PR: 721, 703 (sūda от sādu, санскр. svādu). Cp. DR I: 68 — cooks... confectioners. Другие переводы дают DF: 53 — Köche... Bäcker (cp. *ibid.*, Anm. 9); CBP: 45 — rôtisseurs... cuisiniers; DN: 38 — Köche... Brauer (?).

...вычисляющие, считающие по пальцам (gaṇakā muddikā)... — cp. BS I: 157; DF: 53, Anm. 10, 11; cp. I.1.25 и соотв. примеч.

16. ...обменялся... дружескими, дружелюбными словами и почтительным приветствием (sammodiṃ sammodanīyaṃ kathaṃ sārāṇīyaṃ vītisāretvā)... — cp. PR: 696–697, 184, 706, 644; DF: 54 (cp. *ibid.*: 90, Anm. 3); DN: 39. Формула эта неоднократно встречается и в дальнейшем. CBP: 46 дает здесь вряд ли удачное толкование — je répandis à profusion le discours des compliments qu'on doit répandre.

17. ...калечит (chindato)... — букв. «отрезает» (согласно BS I: 159, руки и прочие части тела).

...воровство... — т.е. в отдельном доме (ekāgārikaṃ; cp. BS I: 159).

...не совершает проступка (na kaṭiyatī pāpaṃ). — Как поясняет Буддхагхоса (BS I: 159), так как проступок существует лишь в его сознании (saññīya).

...южному... северному (dakkhiṇā... uttaraṇ)... — так как, по объяснению Буддхагхосы (BS I: 160), на южном берегу Ганга живут люди грубые и жестокие, на северном берегу — дружелюбные и преданные Будде.

...подавая (dadanto)... — т.е., очевидно, милостыню. Cp. DR I: 70; DF: 55.

...самообуздания, воздержанности (damena saṃyamena)... — согласно BS I: 160, первое связано с контролем над чувствами (indriya), второе — с нравственным поведением (sīla). Cp. PR: 314, 656.

18. ...действие незначимо (akiriyaṃ). — То есть относительно нравственных принципов. Cp. PR: 1; DF: 55 — die Bedeutungslosigkeit des Handelns (*ibid.*, Anm. 6 — примеры аналогичного словоупотребления в палийских текстах, в частности, о противоположном учении, утверждающем значимость поступков (kiriya-vāda), применительно к Будде cp. IV.6); CBP: 47 — que l'acte est sans consequence; DR I: 70 (cp. *ibid.*, n. 1) переводит: theory of non-action (cp. DN: 40 — Tatlosigkeit), что может быть оправдано формальными ображениями, но представляется менее удачным по смыслу.

Хлебное дерево (labuja) — *Artocarpus Lacucha* или *Incisa*.

...пожалев... не возмущаясь (anugāhanto anikkujjanto)... — cp. PR: 35, 353; DF: 55, Anm. 7, 8; CBP: 47. DR I: 70 вряд ли обоснованно вводит здесь противопоставление: neither accepting nor rejecting.

20. ...существа... живое... рожденное... творения... (sattā... paṇā... bhūtā... jīvā)... — согласно Буддхагхосе (BS I: 161), здесь имеются в виду различные виды существ — от людей и до растений. Cp. DR I: 71, n. 2.

...претерпевают изменения... — cp. PR: 426; DF: 56; CBP: 47. DR I: 71 принимает другое значение pariṇatā — bent this way and that.

...шесть разновидностей (chass' evābhijāṭisu). — Согласно BS I: 162, виды эти условно обозначались цветами (черным, темно-синим, красным, желтым, белым и очень бе-

лым), символизирующими разные степени нравственного уровня; например, «черные» — убийцы (т.е. охотники, рыбаки, разбойники и т.д.). Возможно, также здесь имеются в виду представители шести сословий — кшатрии, брахманы, вайшьи, шудры, чандалы и паулкасы. Ср. PR: 63; DF: 57, Anm. 1, 5, 6; 58, Anm. 12.

...*пятьсот [видов] действий* (kammuno)... — согласно BS I:162 sq., это бесплодная (niratthakaṃ) умозрительная классификация. Ниже пять «действий» соответствуют пяти органам чувств; три — мысленному, словесному и «телесному» (kāya) действиям; одно — действию, осуществленному в слове и поступке; половина — мысленному (mano) действию.

...*пути* (paṭipadā)... — т.е. видов поведения. Ср. DR I: 72 — modes of conduct; DF: 57 — der Lebensführung.

...*внутренних периода* (antara-kappā)... — ср. DR I: 27 — periods; DN: 40 — Zwischenalter der Welt; CBP: 48 — Périodes intermédiaires. По-видимому, идет речь о части калпы (каппа — см. примеч. к I.1.32; также mahākappa — ср. ниже; PR: 187), см. DF: 57 — Unterkappa (ibid., Anm. 4). Согласно Буддхагхоце (BS I: 162), таких частей не 62, а 64.

...*стадий... [жизни]* (purisa-bhūmiyo)... — т.е. периодов, в которые человек бывает неразумным младенцем, занят играми, приобретает способность убеждаться в чем-либо на опыте, становится на ноги, учится, делается отшельником, затем «победителем» (т.е. учителем, достигшим высшего знания, DR I: 72 — prophet; отсюда его перевод: eight stages of a prophet's existence) и наконец — «павшим», т.е. лишенным сил (manda... khiḍḍā... vīmaṇṣana... ujugata... sekha... samaṇa... jine... panna — BS I: 162–163).

Наги (nāga) — разновидность змеевидных демонов с человеческим лицом.

...*элементов страсти* (rajo-dhātuyo)... — следуем более вероятному значению rajo (ср. гуну rajas, страстное начало, в учении санкхьи — PR: 562; DF: 57, Anm. 9; DN: 40 — Leidenschaften). Толкования, связанные со значением «пыль» (ср. BS I: 163; DR I: 72 — places where dust accumulates; DF: 57 — Staubiges; CBP: 48 — éléments de poussière; Шохин 2007: 325 — «элементов „пыли“»), представляются менее удачными.

...*пород, наделенных сознанием* (saññi-gabbhā)... — букв. «зародышей». Согласно BS I: 163, здесь имеются в виду животные: верблюд, вол, осел, козел, скот (бык?), антилопа, буйвол (oṭṭha-goṇa-gadrahha-aja-pasu-miga-mahise).

...*лишенных сознания* (asaññi)... — согласно Буддхагхоце (ibid.), возделываемые культуры: рис, ячмень, пшеница, бобы (*Phaseolus Mungo*), просо (*Panicum Italicum*), бобы (*Phaseolus Trilobus*), кудруса (?) (sāli-yava-godhūma-mugga-kaṅgu-varaka-kudrūsake).

...*от узлов* (nigaṅṭhi)... — т.е. сахарный тростник, бамбук и т.п. (BS I: 163 — ucchuveḷu-nālādayo). Ср. DR I: 72 — production by grafting; DF: 58 — die sich durch Knoten fortpflanzen; CBP: 48 — Embryons nés de noeuds. Ср. I.1.11.

...*семь*... — согласно BS I: 164, в отношении богов, людей и демонов «семь» употреблено как символ множественности.

...*демонов*... (peśāca, также piśāca, санскр. piśāca) — разновидность злых духов.

...*озер* (sarā)... — согласно BS I: 164, великих озер (mahā-sarā): Kaṇṇamuṇḍa, Rāthakāra, Anotatta, Sīhappapāta, Tiyyaggaḷa, Mucalinda, Kuṇāladaha.

...*патува* (paṭuva, другие чтения: pamuṭa, pamuvuṣā и др. — ср. DRC I: 54, п. 3; CBP: 48; DK I: 47; Шохин 2007: 326 — «патувов»)... — значение неясно; согласно BS I: 164, = gaṅṭhikā (узел? ср. DN: 40 — Strudel); согласно Vogel 1971: 24, испорченное pabuddha (awakened) — т.е. «пробужденных будд».

...*[великих]*... *[малых] обрывов* (parāṭā)... — это различие (как и для последующих «снов» — supinā) вводит BS I: 164. Ср. DR I: 72 — precipices; DF: 58 — Bergabhänge; DN: 40 — Abgründe (ibid.: 632, Anm. 64 — это сопоставляется со свидетельством о семи подземных мирах в ведийской мифологии); CBP: 48 — pentes de montagne.

- ... великих периодов (mahā-kappuno)... — ср. выше.
- ... или дам созреть... — Буддхагхоса (ibid.) приписывает первое утверждение мудрому, второе — глупцу.
- ... отмерены меркой (doṇa-mite)... — doṇa — название деревянного сосуда определенной ёмкости и соответствующей меры (ср. PR: 331). CBP: 48 вряд ли основательно относит предшествующее h'evam n'atthi к этому, а не предыдущему утверждению. Ср. BS I: 164; DR I: 72; DF: 58.
- ... переходу (saṃsāre)... — ср DR I: 72 — transmigration; CBP: 58 — transmigration; DF: 58 — Seelenwanderung (ibid.: 59 — без перевода). Ср. примеч. к I.1.31.
21. ... об очищении благодаря переходу (saṃsāra-suddhiṃ)... — ср. DR I: 31; CBP: 48 — en posant la transmigration à l'état pur. DF: 59 переводит: die Unabhängigkeit des Saṃsāra (?) (ср., впрочем, ibid., Anm. 1 — Reinheit des...).
23. ... нет созревшего плода... — ср. I.2.27; DF: 59, Anm. 6.
- ... на надлежащем пути и в надлежащем расположении духа (sammaggaṭā sammā-paṭipannā)... — первое определение может обозначать также состояние архата. Ср. PR: 695–696; DR I: 73, п. 2.
- ... во всю совокупность земли (paṭhavi-kāyaṃ)... — букв. «в тело земли»; ср. PR: 207; DF: 59, Anm. 7 («zum Erdkörper», d. h. «zum Erdganzen»); CBP: 49 — la masse de la terre. Соответственно и ниже.
- ... пространством (ākāsaṃ). — Имеется в виду особая пространственная субстанция, «эфир».
- ... учение глупцов (dattu-paṭṭattam)... — ср. BS I: 166; DF: 60, Anm. 2.
26. ... элементов (kāyā)... — букв. «тел» (ср. II.23).
28. Аггивессана (Aggivessana; возможно, от брахманского рода Agniveśya) — другое имя Нигантхи, в Mṃ 35 и 36 приложимое также к Saccaka Nigaṇṭhaputta. Ср. выше, примеч. к II.7; DF: 61, Anm. 2; PM I: 14–15.
29. ... нигантха (nigaṇṭho — «свободный от уз»)... — следующий учению, основанному Нигантхой Натхапуттой (ср. II.7).
- ... воздерживается от всякой воды... наделен... стряхивает... наполнен (sabba-vāṅgi-vāṅgi... °yuto... °dhuto... °phuṭṭho; другое чтение: puṭṭho, puṭṭo и т.д. — ср. DRC I: 57, п. 3; DK I: 50)... — согласно BS I: 168, имеется в виду, что нигантха соответственно воздерживается от холодной воды (ср. джайнские предписания, исходящие из представления о том, что в такой воде пребывают одушевленные существа), наделен способностью отвергать всякий проступок, «стряхивает» с себя всякий проступок, «наполнен» отвержением всякого проступка (образ воды, возможно, символизирует здесь омовение, очищение). Положения эти соответствуют джайнским воззрениям; не исключено, как предполагает Т.В. Рис-Дэвидс, что перед нами ироническое подражание таким предписаниям. Ср. DR I: 74, 75, п. 1; DF: 61, Anm. 3, 4; CBP: 51 переводит: que le Nigaṇṭha s'abstient de toutes choses en les écartant, qu'il est muni de la volonté d'écarter toutes choses, qu'il a secoué toutes les choses en les écartant, qu'il est affecté par la volonté d'écarter toutes choses.
32. Если бы ты спросил меня... — ср. I.2.27, рассуждения «уклончивых, словно скользкая рыба»; DF: 62, Anm. 3.
35. ... не спускающий с тебя глаз. — Букв. «взирающий на [твое] лицо» (mukhullo-kaḥo). Ср. PR: 534; DF: 63, Anm. 3 (в частности, параллель с XVII.1.15 и др.).
- ... будучи наделен... — ср. I.3.20.
36. ... все необходимое... — т.е. набор четырех принадлежностей, необходимых для странствующего монаха. Ср. PR: 269, 423.
37. ... земледельцу... — следует перечисление трех обязанностей земледельца. Ср. PR: 202.

...уплачивающий подати (kāra-kāraḥ)... — ср. BS I: 170; DR I: 77; DF: 64, Anm. 4; CBP: 55. Возможно и значение «исполняющий религиозные обязанности» (ср. PR: 209).

40. ...в мир приходит... — ср. систематические повторы следующего ниже фрагмента в суттах III–XIII *Sīlakkhandavagga* (III.2.2 сл.; IV.23 сл.; V.27 сл.; и др.). Ср. DF: 65, Anm. 2. См. II.8 и др., а также примечания к соотв. местам указанных сутт.

...мирозданию с мирами богов... — ср. PR: 674, 686, 681, 387. Возможно, что под *sadevamanussaṃ* здесь имеются в виду сначала цари и брахманы, а затем прочие люди, ср. BS I: 174–175; DR I: 78 (princes); DF: 65, Anm. 5, 6.

Мара (māra — «убивающий», «разрушающий») — имя злого демона, персонифицирующего в буддийской догматике соблазн и разрушение (иногда — круговорот рождений как противоположность нирване). Ср. Windisch 1895; Boyd 1975; Ling 1997; PM II: 611–620; PR: 530.

...в ее духе и букве... — в тексте: *sātham savaṃjaṇaṃ*.

41. ...новью родившийся (rassajāto)... — ср. PR: 384; CBP: 56; DN: 46. DR I: 78 полагает, что речь идет о человеке более низкого происхождения (of inferior birth).

...путь нечистоты (rajo-patho)... — ср. PR: 562; DF: 66, Anm. 2. Возможно, rajo («пыль», «грязь»; ср. II.20) здесь употреблено как метафорическое обозначение страстей (DR I: 78; CBP: 56).

42. ...предписаний для отшельника (pātimokkha)... — название сборника предписаний, входящих в Виная-питаку (см. Предисловие). Ср. PR: 450; BS I: 181; DR I: 79 — that should be binding on a recluse (ср. *ibid.*, n. 1); DF: 66 — *Pātimokkha-Vorschriften* (ср. *ibid.*, Anm. 7); CBP: 56 — code religieus.

...придерживаясь должного поведения (ācāra-gocara-sampanno)... — ср. PR: 96 (букв. «на пастбище должного поведения»).

...обязуется следовать заповедям... — под *sikkhāpadesu* имеется в виду пять (иногда десять) заповедей: воздержание от убийства, воровства, прелюбодеяния, злословия, пьянства (сюда прибавляли воздержание от еды в неурочное время, мирских развлечений, употребления различных благовоений и нарядов, сна на высоком или большом ложе и принятия серебра или золота). Ср. PR: 685, 708, 712; DF: 67, Anm. 1; см. ниже, II.43 сл.

...обладает нравственностью (sīla-sampanno)... — ср. ниже, II.43 сл.

...охраняет врата (indriyesu gutta-dvāro)... — ср. PR: 252; ср. ниже, II.64.

43. ...отказываясь уничтожать живое... — ниже, в II.43–62 повторение с незначительными модификациями (в частности, *bhikkhu* вместо *samaṇo Gotamo*) I.1.8–27 (см. соотв. примеч.). В переводе следующих сутт этого раздела Dп данный повтор больше не воспроизводится. См. примеч. к II.40.

63. ...повелитель (khattiyo)... — ср. DF: 67, Anm. 9.

64. ...не влечется к внешним признакам... подробностям (na nimittagāhī hoti nānuyaṃjaṇaggāhī). — Ср. PR: 367, 43; DR I: 80, n. 1; DF: 68, Anm. 4; 69, Anm. 1; CBP: 63.

Получая разумом представление (manasā dhammaṃ viññāya)... — ср. о соответствующем значении *dhamma* PR: 336. DR I: 80 — phenomenon; DF: 69 — Begriff (ср. *ibid.*, Anm. 4); CBP: 63 — notion.

65. ...сгибается и распрямляется (sammiñjite pasārite)... — согласно BS I: 196, речь идет о суставах рук и ног. Ср. DF: 70.

...ткань, сосуд для подаяний и верхнюю одежду (saṃghāṭi-patta-cīvara-dhāraṇe)... — ср. PR: 667, 406, 269. DF: 70 и CBP: 63 переводят *saṃghāṭi* «туника»; по-видимому, здесь имеется в виду одежда, носимая под *cīvara* (ср. PR: 667).

67. ...пребывая в сосредоточенном внимании (parimukhaṃ satim upaṭṭhapetvā). — Ср. PR: 431; DR I: 82; CBP: 64; DF: 72, Anm. 2. Вряд ли образ *parimukhaṃ* («обращенный вперед») — о лице, взгляде и т.п.) следует понимать буквально (ср. BS I: 210–211).

68. Отказавшись... — о перечисленных здесь пяти «преградах» ср. ниже, II.74.

...косности (thīna-middha)... — ср. PR: 309, 533; DR I: 82. DF: 72 — Trägheit und Schlawheit; CBP: 64 — torpeur et molesse.

...ощущая... способность... воззрения (āloka-saññī)... — ср. PR: 110. Возможно и толкование āloka как «свет» (ср. DR I: 82, п. 3; DF: 72; CBP: 64), в чем, однако, на наш взгляд, нет необходимости.

74. ...пяти преград (pīvaraṇa)... — т.е., по-видимому, перечисленных в II.68 алчности (abhiḥjha), злонамеренности (vyūpāda), косности (thīna-middha), беспокойства и терзаний (uddhacca-kukkuṣsa) и сомнения (vicikicchā). Ср. DF: 74, Anm. 2; PR: 376.

75. Осведомившись... — ср. параллельные места в Мп 4.77 и др. (см. DF: 74, Anm. 5). Ср. I.3.21 сл. и соотв. примеч.

80. ...в пруду с голубыми лотосами... — ср. PR: 152, 410, 465; CBP: 68; и др. Имеются в виду отдельные разновидности лотоса; в частности, uppala могло, по-видимому, служить более общим их обозначением; paduma — *Nelumbium Speciosum*.

83. ...с сосредоточенным умом... ум (cittena... cittaṃ)... — здесь, как и в ряде других мест Дп (ср. II.83—98; XVIII.26; XXII.1, 12 и соотв. примеч.; XXIX.40; и др.), снова выступает достаточно ёмкое понятие (citta; ср. санскр. cetas), связанное как с мыслительными, так и психическими свойствами личности. Ср. DR I: 86 sq. — with his heart... mind; DR II: 334 (ibid., п. 1) — thought; DW: 104 sq. — mind; DN: 51 ff., 386 ff. — Gemüt; PR: 266 sq.; ФБЭ: 794 сл. (В.Г. Лысенко).

...к совершенному видению (pāna-dassanāya). — См. PR: 288 (букв. «созерцание знания», «знание и видение» и т.п.). Ср. DR I: 86 — insight that comes from knowledge; DF: 77 — das erkennende Schauen; CBP: 68 — la vision de la Connaissance.

...вареного риса и кислого молока (odana-kummāsasaya)... — ср. PR: 166; возможны и другие толкования kummāsa (санскр. kulmāṣa), ср. DR I: 87 — juicy foods; CBP: 68 — gruau (ср. SE: 297).

84. ...берилл (veluriyo, ср. санскр. vaiḍūrya)... — по-видимому, отсюда, через посредство греческого — «берилл» (ср. CBP: 68). Другое возможное значение — *Lapis Lazuli*, ср. PR: 650; DF: 77, Anm. 4.

85. ...к сотворению тела, состоящего из разума (mano-mayaṃ kāyaṃ abhinimmīnāya). — Ср. PR: 521; BS I: 222; DR I: 87 — the calling up of a mental image; DF: 78 — die Hervorbringung eines aus Geist bestehenden Körpers (ibid., Anm. 3); DN: 52 — die Schöpfung einer geistigen Gestalt; CBP: 69 — la production d'un principe spirituel.

86. Мунджа (muñja) — разновидность тростника, *Saccharum Munja Roxb.*

87. ...видам сверхъестественных способностей (iddhi-vidhāya, санскр. ṛddhi). — См. их перечисление ниже. PR: 120; DR I: 88 — Wondrous Gift (ibid., п. 4 — literally «well being, prosperity»); DF: 79 — Kräfte der Heiligkeit; CBP: 69 — les pouvoirs merveilleux. Ср. ряд параллельных мест из Канона, в частности, XI.4; XXVIII.18; и др. (DF: 79, Anm. 2).

...не погружаясь (abhiḥjamāno)... — букв. «не разделяя [воду]»; ср. DR I: 88; DF: 79; DN: 52. Другое чтение: -abhiḥjamāne (т.е. согласовано с udake), ср. CBP: 69; PR: 63.

...телом (kāyena)... — другое чтение: kāmena («желанием»). Ср. DF: 79, Anm. 3.

90. ...литавр... барабана... (bheri... mutiṅga... saṅkha-paraṇava-deṇḍima)... — PR: s. v.; DR I: 89; DF: 80; CBP: 70.

93. ...на воспоминании (pubbe-nivāsānussati-nāpāya)... — ср. I.1.31 сл., а также XXV.18; XXVIII.16; и др. (см. DF: 81, Anm. 4).

...свертывания... развертывания (saṃvaṭṭa-kappe... vivaṭṭa-kappe)... — ср. выше, примеч. к I.1.32; 2.2.

96. ...двигаются по проезжей дороге (rathiyā vīthiṃ saṅcarante)... — ср. PR: 565, 644; DF: 82; возможно чтение vīti («взвод и вперед») — ср. BS I: 224; DR I: 92, п. 2; DF: 82, Anm. 5; CBP: 74.

97. ...*порочных свойств* (*āsava*, санскр. *āśava*, букв. «поток»). — Сюда традиционно включались чувственность (*kāma*), переход в новое существование (*bhava*), ложные воззрения (*diṭṭhi*) и невежество (*avijjā*), ср. PR: 114–115; ниже они упомянуты все, кроме третьего. Перевод *āsava* вызывает трудности, и отдельные его варианты существенно расходятся друг с другом. Ср. DR I: 96 (*ibid.*, п. 3) — *Deadly Floods*; DF: 82–83 — *falsche weltliche Daseinsauffassung* (ср. *ibid.*: 83, Anm. 1 — *weltliche Schwäche*); DN: 55 — *Wahn*; CBP: 74 — *nocivités*; ДТ: 73, 128 — «желания» (что несколько сужает значение *āsava*; ср. *ibid.*: 140).

...нет ничего вслед за этим состоянием (*nāparaṃ itthaṭāyā ti*). — Ср. DR I: 93 — *after this present life there will be no beyond*; DF: 83 — *eine Wiederkehr gibt es nicht*; CBP: 75 — *il n'y a pas de retour ici-bas*. Ср. BS I: 226.

99. ...*Благостному*... — характерный контекст, согласующийся с принятым нами переводом. Ср. примеч. к I.1.1.

...я иду как к прибежищу (*saraṇaṃ gacchāmi*)... — ср. выше, примеч. к I.1.1; Предисловие.

101. ...*обойдя* [его] с правой стороны (*padakkhiṇaṃ katvā*)... — имеется в виду традиционная деталь этикета, при котором обходят почитаемое лицо, держась к нему правой стороной. Ср. PR: 409.

102. ...*видение истины* (*dhamma-cakkhum*). — Употребительная формула для обозначения прозревшего ученика, ср. ниже, III.2.22; XXI.2.10; и др. См. BS I: 237; ср. DR I: 95 — *eye for the truth*; DF: 85 — *Auge der Wahrheit* (ср. *ibid.*, Anm. 2); CBP: 76 — *l'oeil de la Loi*.

III. «Амбаттха-сутта»

Ambaṭṭha sutta содержит проповедь Будды молодому брахману Амбаттхе (ср. PM I: 151–153). Ср. в связи с этим DR I: 96–107; CBP: 77; DK I: XII–XIII. См. BS I: 239–278; DAT I: 372–407.

1.1. Косала (*Kosala* — область к северо-востоку от Магадхи (ср. II.1) со столицей в *Sāvathī*, где прошла значительная часть странствий Будды. См. PM I: 695–697.

Иччхананкала (*Ischānaṅkala*; другое чтение: *Ischānaṅgala*, ср. DRC I: 87; DK I: 76) — деревня в лесной местности (*vana-saṇḍe*) Косале, где проживал ряд брахманских авторитетов; неоднократно упоминается в каноне в связи с проповедями Будды (ср. PM I: 304).

Поккхарасади (*Pokkharasādi*; другое чтение: *Pokkharasāti*, ср. DRC I: 87; DK I: 76) — ученый брахман из Уккаттхи, ставший приверженцем Будды. Кроме Амбаттхи известны и другие его ученики (*Васеттха*, *Субха* и др.), ср. XIII.2 сл. См. PM II: 246–247.

Уккаттха (*Ukkaṭṭha*) — город в Косале близ Иччхананкалы, пожалованный в дар (*brahma-deyuṃ*) Поккхарасади.

...*царском наделе* (*rāja-bhoggaṃ*... *rāja-dāyaṃ brahma-deyuṃ*)... — по-видимому, идет речь о полном, неразделенном владении этим царским даром (ср. о значении *brahma* в данном тексте — DR I: 108, п. 1; PR: 493). См. PR: 570; DR I: 108 — *as a royal gift, with power over it as if he were the king*; DF: 86 — *als unwiederrufliche Schenkung*. Перевод Л. Рену, следующего другому толкованию (CBP: 78 — *en fief royal, en fief brahmique*), представляется менее подходящим.

Пасенади (*Pasenadi*) — царь Косалы, современник и приверженец Будды. Его сестра была одной из жен Бимбисары (см. примеч. к II.1). См. подробнее о связанных с ним легендах PM II: 168–174.

1.2. Готама... — см. примеч. к I.1.8.

Сакья (*śakya*; также *śakya*, *sakka*, *sākīyā*) — племя, обитавшее в Северной Индии, к одному из родов которого (*Gotamagotta*) принадлежал Будда. Во времена Будды сакьи нахо-

дились в вассальной зависимости от царя Пасенади (см. выше); столицей их был город Kapilavatthu. Ср. РМ II: 969–972.

И вот о нем... — ср. II.8, 40.

1.3. ...в священных текстах (mantadharo)... — возможно, здесь имеется в виду знание на память ведийских текстов, мантр (manta, санскр. mantra), ср. DR I: 109.

...в трех ведах... — т.е. Ригведе, Самаведе и Яджурведе. Здесь характерно отсутствие упоминания об Атхарваведе, тексты которой, по-видимому, несколько позднее стали обозначаться как четвертая веда (ср. свидетельство «Чхандогья-упанишады» VII.1.2). Ср. ниже, III.1.3, а также название Dn XIII (*Tevijjasutta*). См. DR I: 109, п. 2; DF: 87, Anm. 4.

...объяснением слов (nighaṇḍu)... — ср. PR: 355; DR I: 109 — indices; CBP: 78 — lexiques; DF: 87 — Synonimischen Wortverzeichnisse.

...в ритуале... — ср. о keṭubha как соответствии одной из веданг (kalpa) — PR: 225; BS I: 247; DR I: 109; CBP: 78; DF: 87 (ср. ibid., Anm. 5) переводит: Hilfsbücher.

...разделения слов... — следуем буквальному значению (sākkhara-ppabhedānam); ср. PR: 2. BS I: 247 толкует это как sikkhā и nirutti (санскр. śikṣā, nirukti), т.е. соответственно две веданги: грамматика и этимология. Ср. DR I: 109 — Phonology and the exegesis; DF: 87 (ср. ibid., Anm. 6) — philologischen Technik; CBP: 78 — l'étymologie.

Итихаса (itihāsa, букв. «так, поистине, было») — жанр исторических преданий, в число которых традиция включала, в частности, «Махабхарату», почитавшуюся священным текстом. Итихаса названа «пятой», так как, по-видимому, три предыдущие дисциплины (nighaṇḍu, keṭubha, sākkhara-ppabhedā) считаются здесь четвертым разделом «знания». Ср. DR I: 109; «Чхандогья-упанишада» VII.1, 2 сл., где итихаса и древние эпические поэмы пураны названы «пятой ведой» (вслед за четырьмя традиционными).

...умеющий разбирать слово за словом (padaako)... — здесь принято значение «сведущий в padarāṭha», т.е. в расчлененном произношении и написании каждого слова ведийского текста, безотнositельно к правилам сандхи. Ср. PR: 408–409; DR I: 110 — learned in the idioms; CBP: 78 — il connait le mot-à-mot. DF: 87, следуя BS I: 247, переводит padaako veuuyākaṇaṇo вместе (in der Grammatik bewandert).

...рассуждения о природе (lokāyata)... — ср. I.1.25.

...знаки... великого человека (mahāpurisa... lakṣaṇesu)... — здесь в качестве одного из разделов брахманского знания упомянуто знание 32 знаков на теле, отличающих выдающегося человека и указывающих на его призвание. Р.О. Франке видит в mahāpurisa определенную аналогию мессии в иудаизме (ср. DF: 87, Anm. 10). В настоящей сутте (см. ниже) такой личностью оказывается сам Будда. Ср. также XIV.1.32; XXX. См. PR: 526; DR I: 110, п. 2. Учение о 32 знаках, по-видимому, восходит к более архаичным мифологическим представлениям (ср. некоторые традиционные признаки, отличающие божеств ведийского пантеона).

...тройном знании (tevijjake)... — т.е. знании трех вед (см. выше, примеч. к III.1.2).

1.5. В священных текстах (mantesu)... — согласно BS I: 249, в ведах. Ср. DF: 88, Anm. 4.

...владыкой мира (cakṣavatti, санскр. cakṣavartin, букв. «приводящий в движение колесо»)... — эпитет царящего над землей.

...семью сокровищами (satta-ratana). — Следует перечисление атрибутов царской власти.

...колесо (cakka)... — возможно, здесь символ царской власти (см. выше); ср. DF: 89, Anm. 7; DR I: 110; CBP: 79. Другое вполне вероятное по контексту значение — «колесница».

...домоправитель (gahapati)... — возможно, имеется в виду волшебник, способный отыскивать сокровища (ср. PR: 248; DR I: 110 — the treasurer).

...советник (pariṇāyaka)... — ср. PR: 426; DR I: 111; DF: 89 (ср. *ibid.*, Anm. 9), ссылаясь на BS I: 250, где идет речь об охране государства, и Dn XVII.2, 5–7, где pariṇāyaka заботится о слонах и войске царя, переводит: Feldmarschall; ср. CBP: 79 — chef d'armée.

...снямающий покров с мира (loke vivattacchaddo). — Согласно BS I: 251, «покров» проступков и заблуждений. Здесь — употребительный эпитет Будды. Ср. PR: 637.

1.6. ...в [монашескую] рощу. — Ср. ниже, III.2.13: «в своей роще», «в его роще». Условный, подчас варьирующийся перевод āṅama (от ā-gam — связь с понятиями удовольствия, отдыха и т.п.). Как и в ряде других мест Dn (ID 45–46), служит обозначением участка лесной местности, оборудованного в данном случае для нужд Будды и его общины. Такой участок мог быть передан в дар монахам царем или богатым почитателем — как, например, в IX.13, XVI.2.14 сл. (дар Амбалики) и др. Ср. PR: 108 — a park, resort for past time etc.; a place of recreation and meditation; a meeting place; DR I: 111 — the park; DF: 90 — Asketenheim; DN: 59 — in den Garten; Шохин 2007: 347 — «в парке» и т.д. Несмотря на отмеченную этимологию (ā-gam), перевод «парк» может, по-видимому, вызывать у читателя достаточно чуждую ассоциацию. См. Предисловие.

1.10. ...негодных бритоголовых отшельников (muṇḍakā samaṇakā)... — имеется в виду одна из категорий нищенствующих монахов, ходивших с обритой головой. Согласно BS I: 254, суффикс «ка» указывает здесь на презрительное отношение. Ср. DF: 90.

...прислужников (ibbhā, санскр. *ibhya*)... — см. ниже, III.1.12. Ср. PR: 122; DR I: 112 (вместе с последующим kiṇhā) — menial black fellows. Другое возможное значение — «богатый», ср. CBP: 81 — enrichis. DF: 90 (ср. *ibid.*: 91, Anm. 4) переводит: protzigen Bauer (?), т.е. нечто вроде «деревенские выскочки», в чем он усматривает намек на племя сакьев. BS I: 254 толкует ibbhā как gahapatikā («домохозяева»).

...нечистых (kiṇhā; ср. kaṇhā, санскр. *kṛṣṇa*)... — букв. «черных»; см. DR I: 112; CBP: 81. Возможно, употреблено здесь метафорически — о моральных свойствах, ср. PR: 214; DF: 91 (ср. *ibid.*, Anm. 1) — unrein.

...происшедших от стоп родичей (bandhupādāpaccā)... — согласно BS I: 254, здесь bandhu = Brahmā. Ссылаясь на известное ведийское предание, согласно которому из уст «великого отца» (pitāmah) Брахмы произошли брахманы, из груди — кшатрии, из пупа — вайшьи, а из колен — шудры, комментатор полагает, что тут имеются в виду самые низкородные существа. Ср. DF: 91 (*ibid.*, Anm. 2) — Kastenlosen; CBP: 81 — descendants du pied de Brahman. Под «лишенными касты» могли подразумеваться и некоторые приверженцы Будды (ср. DR I: 112, п. 1). Возможно, употреблено здесь и в буквальном значении как презрительная кличка отшельников, находящих пропитание «у ног» своих родичей, т.е. живущих за их счет. Ср. PR: 482.

1.13. Капилаваттху (Kapilavatthu, санскр. *Kapilavastu*) — главный город сакьев, расположенный близ склонов Гималаев, около совр. деревни Piprahwa. Будда родился в окрестностях Капилаваттху, покинул этот город, уйдя из дома, и затем неоднократно возвращался в него. См. подробнее PM I: 516–520; ср. DF: 91, Anm. 5.

...месту собрания (santhāgāraṃ)... — ср. DR I: 113, п. 2 (congress Hall).

1.14. Перепелка (laṭukika) — *Perdix Cinensis*. Ср. PR: 580.

1.16. Канхаяна (Kaṇhāyano)... — букв. «происходящий от Канхи» (санскр. *Kṛṣṇa* — «черный»), т.е. известного мудреца, сына царя Оккаки (Okkāka) и его рабыни Дисы (Disā). Ср. ниже; см. PM I: 499–504.

Оккака (Okkāka; другое чтение: Ukkāka, ср. DK I: 180; CBP: 82) — см. PM I: 461–462.

Оккамукха (Okkāmakhaṃ, Karaṇḍum, Hatthinīyaṃ, Sīnipūraṃ; другие чтения: Ukkhāmakha, Karaṇḍu, Hatthinika, Sinisūra и т.д., ср. DR I.80; CBP: 82) — ср. DF: 92, Anm. 4; PM I: 462, 530; II: 1319, 1136; MvsJ I: 148 sq. дает здесь пять следующих имен: Opara, Nipura, Harakaṇḍaka, Ulkamukka, Hastikaśiṣa.

...Гималаев (Himavanta, букв. «снежный»)... — ср. примеч. к I.1.13.

Сака (saka) — *Tectona Grandis*. Ср. DF: 92, Anm. 5.

Поистине, почтенные... — здесь дается традиционная этимология имени сакьев (saka), живших в роще деревьев saka и вступивших в брак с собственными (sakāhi) сестрами. Ср. PM II: 970; DF: 92–93, Anm. 7.

...черного... — согласно BS I: 263, с черной кожей и волосами. Из дальнейших слов Канхи можно предположить, что здесь kaṇha употреблено и в переносном смысле. Ср. DF: 93, Anm. 1.

...демонов... — в тексте: piśāca (*санскр.* piśāca) — разновидность злых демонов.

...«черными» (kaṇhā). — Ср. Kaṇha как эпитет демона Мары (ср. примеч. к II.40; ср. PM I: 499).

1.18. ...ответить отшельнику... — следуем чтению отдельных рукописей, дающих здесь не bhotā (как выше, в словах юношей в III.1.17), а samaṇa (как в предыдущих словах самого Будды в III.1.18). Ср. DRC I: 94; DR I: 82.

1.20. ...связанный с истиной (sahadhammiko)... — ср. DF: 94, Anm. 2.

...то голова твоя (te sattadhā muddhā phalissati)... — ср. Dn V.21; сходное выражение в ранних упанишадах (например, «Брихадараньяка-упанишада» III.6.2; 9.26 и др.). Ср. в связи с этой угрозой: Syркин 1984b; Сыркин 1993: 25 сл., 30 сл.

1.21. Яккха (yakkha, *санскр.* yakṣa) — разновидность сверхъестественных существ, полубогов, оказывающих доброе или злое воздействие на людей. Ср. PR: 545.

Ваджирापани (Vajirāṇṇī, букв. «с громовой стрелой в руке») — здесь, очевидно, употреблено как собственное имя яккхи, так как о его оружии сразу сказано дальше. Vajira (*санскр.* vajra) служила атрибутом царя богов Индры, и BS I: 264 считает, что последний здесь и имеется в виду. Ср. DF: 94, Anm. 6, 7.

1.23. Кхуддарупи (Khuddarūpiṇ, другое чтение: Maddarupi, Muddarūpaṇ и др.) — ср. DR I: 96.

...стрелу (khuṛappaṇ)... — разновидность стрелы с основанием в виде подковы. Ср. DF: 95, Anm. 3.

...бог не будет посылать дождя (devo na vassissati). — Возможно, devo употреблено здесь в значении «небо», «дождевое облако» и т.п. Ср. PR: 329.

...ни один волос (pallomo)... — см. толкование BS I: 266. Ср. PR: 412, 442; DR I: 118; CBP: 86; DF: 96 (ср. *ibid.*, Anm. 1).

1.24. ...доставить ему долю... — ниже упомянут ряд ритуальных обрядов, традиционно предписывавшихся брахманами, в частности, saddhā (*санскр.* śraddhā) — ежедневная церемония подношения пищи божествам и душам усопших предков (ср. Mān III.122 сл.); thālipāka (*санскр.* sthālipāka) — подношение риса, сваренного в молоке; уайṇа (*санскр.* uaiṇa) — более общее обозначение жертвенной церемонии.

1.26. ...причине (pakaṇe)... — возможно, имеется в виду какой-либо проступок. BS I: 267; ср. DR I: 120, n. 1; DF: 97.

...наказывают... пеплом из сумы... — ср. толкование BS I: 267, где в assa-putēna vadhitvā — assa читается как bhasma, т.е. «посыпая пеплом его голову» (bhasma-putēna sīse charikaṇ okiritvā). Ср. текст в CBP: 87; DR I: 120. Следующий этому толкованию буквальный перевод (ср. CBP: 87 — frappé avec un sac de cendres; DF: 97 — mit dem Aschenbeutel stäupen) применительно к данному выражению, возможно, идиоматическому (ср. DR I: 120, n. 1) представляется непонятным. Толкование DN: 65 — mit dem Schandmal gezeichnet со ссылкой на Mān IX.236–239 неубедительно. Вместе с тем менее предпочтительным в контексте vadhitvā («наказывая», «убивая» и т.п.) представляется и толкование assa-putēna как aṃsa-putēna; putāṇsa — «заплетный мешок», «сума с провизией» (ср. PR: 90, 464).

1.28. Сананкумара (Sanan̄kumāra, санскр. sanat̄kumāra, букв. «сын Вечного», т.е. Брахмы (см. примеч. к I.1.26), также — «вечно юный») — легендарный мудрец, один из сыновей Брахмы. Фигурирует как в индуистских источниках (ср. «Чхандогья-упанишада» VII.1.1; 26.2; «Махабхарата» III.185), так и в буддийских, выступая здесь божественным adeptом Будды. Ср. подробнее РМ II: 1021–1022; DR I: 121–122, п. 1.

...строфа... (gāthā, также «песнь», «стихотворение») — обозначение стихотворного текста в древнеиндийской поэтической традиции (ведийские тексты, например, брахманы; санскритские эпические поэмы, сутры, палийские тексты буддийского канона). Строфа gāthā состоит из четырех частей (pāda), основные метрические разновидности которых здесь, как уже говорилось (см. Предисловие), чаще всего — восьмисложный ануштубх (anuṣṭubha, санскр. anuṣṭubh): $\underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup}$, допускающий отдельные вариации (ср. vatta, санскр. vaktra), как и в данном случае, и одиннадцатисложный триштубх (tuṣṭubha, санскр. triṣṭubh): $\underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup} \underline{\cup}$ (см. Warder 1967).

Превыше кшатрий... — эта строфа неоднократно встречается в палийском каноне, в частности, и ниже в Dn (ср. XXVII.32), см. DR I: 122, п. 2; DF: 97, Anm. 6.

2.1. ...введение новобрачной (āvāho... vivāho)... — ср. I.1, 26 и соотв. примеч.

2.2. Вот, Амбаттха... — в III.2.2, следуя изданию DRC I: 100; DR I: 87–88 (ср. CBP: 89; DF: 98), включен текст, соответствующий с незначительными вариациями II.40–98 и, как уже говорилось, повторяющийся далее во всех суттах раздела I Dn (IV–XIII). Этот повтор мы не воспроизводим полностью, указывая в соответствующих местах параллельные главы «Саманньяпхала-сутты». То же в коммент. к последующим (IV–XIII) суттам.

...охраняет врата жизненных способностей?... — согласно DRC I: 100, п. 3, здесь, возможно, следует повторение не всего пассажа II.64–75, а лишь начиная со слов so vivicce' в II.75 («освободившись...» и т.п.).

Подобно тому, Амбаттха... — помимо изменения в обращении (Ambat̄ṭha вместо mahā-rāja) ниже следует измененный рефрен: saṇaṇasmīṃ вместо sīlasmīṃ (т.е. «это и есть часть его праведности»; то же, возможно, и выше, в тексте III.2.2, соответствующем II.43–62). Ср. DR I: 123–124; BS I: 268. Возможно, что здесь повторены не целиком параграфы II.76–81, а лишь начальные фразы II.77, 79 и 81 (ср. DRC I: 100, п. 5). В случае полного повторения текста «Саманньяпхала-сутты» в рефрене III.2.2, соответствующем четным параграфам II.76, 78 и т.д. (idaṃ pi kho... — «Таков... зримый плод отшельничества»), sāmañña, согласно DR I: 124, также должно быть заменено на saṇaṇa (ср. вариацию заключительной формулы в III.2.2, соответствующем II.98).

...с сосредоточенным умом... — по-видимому, II.83 повторяется здесь целиком (ср. «...ре...» перед ñāpa-dassanāya в одной из рукописей — DRC I: 100, п. 6). Не исключено, однако, что II.83 воспроизведено здесь лишь со слов ñāṇa, dassanāya cittaṃ abhinīharati abhinīnāmeti. Вслед за II.83 дальнейшие повторы здесь также относятся, возможно, лишь к II.85, 87, 89, 91, 93, 95, 97 с добавлением соответствующего видоизмененного рефрена (idaṃ pi'ssa hoti vijjāya — «это и есть часть его знания»). В случае полного повторения текста II в рефрене III.2.2, соответствующем четным параграфам II.84, 86 и т.д. (idaṃ pi kho...), sāmañña, согласно DR I: 124, следует заменить уже на vijjāya (ср. предыдущее примечание). Далее следует оригинальный текст «Амбаттха-сутты».

2.3. ...отверстия (apāya-mukhāni)... — ср. также XXXI.7; ср. PR: 54; DR I: 125 — Leakages (ср. ibid., п. 2); DF: 99 — Irrwege (ср. ibid., Anm. 1); CBP: 89 — voies par où se porte cette possession.

...принадлежности аскета (khāri-vividham; другое чтение: -vidham; ср. DK I: 88; DRC I: 101)... — khāri обозначает определенную меру ёмкости, также принадлежности

нищенствующего монаха: куски дерева для разжигания огня, кувшины для воды, игла и т.д. Ср. BS I: 269; PR: 236, 638; DR I: 125.

...падающими плодами (pavatta-phala). — Ср. DR I: 125; DF: 99; CBP: 89 (вслед за толкованием BS I: 269 — patita). Значение «дикими» (ср. PR: 442) менее предпочтительно по контексту (ср. ниже).

...алтарь для огня (agyāgāraṃ, букв. «дом»)... — ср. DR I: 126 (п. 1); DF: 99, Anm. 4; CBP: 90 — foyer.

2.5. ...наделенными тройным знанием (tevijjānaṃ)... — т.е. знанием трех вед (ср. выше, III.1.3; DR I: 128; DF: 101; CBP: 91). Согласно другому традиционному объяснению, имеются в виду знающие 1) о своих предыдущих рожденьях; 2) о будущей судьбе; 3) учение Будды о страдании и преодолении страдания (ср. PR: 306).

...следует ложным путем (āpāyiko pi aparipūramāno)... — ср. CBP: 91. Другое толкование — «несовершенный даже в четырех арāya-mukhāni», о которых шла речь в III.2.3 (DR I: 128; ср. DF: 101).

2.6. Как это... — согласно пояснению DF: 101, Anm. 3, так как имеется в виду, что брахман Поккхарасади ниже царя Пасенади.

2.7. ...принцами (rājajñehi). — Согласно BS I: 273, царскими детьми, не помазанными на царство. Ср. PR: 568.

Шудра (suddo) — ср. выше, примеч. к III.1.10.

2.8. Аттхака (Aṭṭhako, Vāmaḥko, Vāmadevo, Vessāmitto, Yamataggi, Aṅgirasō, Bhāradvājo, Vāsetṭho, Kassapo, Bhagu)... — здесь перечисляются знаменитые брахманские авторитеты, легендарные мудрецы-риши (isayo), к которым традиция возводила ряд ведийских текстов. Более известные санскритские эквиваленты отдельных имен: Aṣṭaka, Viśvāmītra, Jamadagni, Aṅgīrasa, Vasiṣṭha, Kaśyapa, Bhr̥gu. См. аналогичный перечень ниже, в XIII.13 и др. Ср. DF: 102, Anm. 1.

2.9. ...пятью признаками (pañcahi kāmaguṇehi)... — ср. I.3, 20 и соотв. примеч.

2.10. ...с повязками вокруг бедер (veṭṭhaka-pata-passāhi; другое чтение: vaṭṭhanakata- и др., ср. CBP: 93; BS I: 274)... — подразумевается вид изящного пояса с каймой; ср. DR I: 129–130 — with fringes and furbelows round their loins (ibid.: 130, п. 1); DF: 102 — die den Saum ihrer Hülle auf den Hüften trugen (ср. ibid., Anm. 4).

2.11. ...обитатели... — в тексте: vihāra, здесь употреблено, очевидно, не в значении «монастырь» (ср. DF: 103, Anm. 2).

...[того, что] скрыто в углублении под одеждой (kosohite ca vattha-guyhe)... — т.е. мужской член; см. ниже, XIV.1.32 [10] и соотв. примеч.; XXX.1.2 [10]; ср. PR: 230, 598; DR I: 131, п. 1; DF: 103, Anm. 4. BS I: 275 приводит в связи с этим образы слона (vāraṇass') и чашечки лотоса (paduma-gabbha-samānaṃ).

2.15. ...столь зрело... столь сильно обвиняя (āsajja āsajja... upanīyua upanīyua)... — т.е. говоря о низком происхождении Амбаттхи. Ср. BS I: 276; PR: 114, 144; DR I: 133; DF: 104, Anm. 2.

2.19. ...сегодня (ajjatanāya)... — ср. PR: 10; DF: 105, Anm. 3; DR I: 134 — tomorrow's meal.

2.20. ...низкое сиденье... — т.е. в знак почтения. Ср. DF: 105, Anm. 9.

2.21. ...высочайшее для Будд (buddhānaṃ sāmukkaṃsika)... — ср. PR: 705; BS I: 277.

2.22. ...высшей уверенности в себе (vessārajja-ppatto)... — сюда традиционно включались высшее знание, свобода от желаний, осознание препятствий, постижение и проповедь пути к освобождению (PR: 650).

Подобно тому... — ср. II.99 и те же образы в концовках других сутт Dn.

IV. «Сонаданда-сутта»

Soṇadaṇḍa sutta названа по имени богатого брахмана из Чампы (см. ниже), ставшего приверженцем Будды. См. об этой сутте DR I: 137–143; DK I: XIII–XIV; PM II: 1296–1297. См. BS I: 279–293; DAT I: 408–419.

1. Анга (Aṅga) — область к востоку от Магадхи (см. примеч. к II.1), от царя которой Бимбисары она во времена Будды находилась в зависимости. Ангу отделила от Магадхи р. Чампа (Cāmrā), на ней располагалась одноименная столица Анги (близ совр. Бхагалпура), о которой здесь идет речь. См. DR I: 144, п. 1; PM I: 16–17, 855–856.

Гаггара (Gaggārā) — пруд в Чампе, согласно BS I: 279, названный так в честь царицы Gaggārā, по приказу которой он был вырыт. Ср. DR I: 144, п. 2; PM I: 731–732.

Сения (Seniya) — имя царя Бимбисары (отца Аджатакатты), толкуемое как «наделенный большим войском» или же «принадлежащий к роду (gotta) Seniya». Ср. PM II: 1284; BS I: 280 (см. *ibid.*: 285–289); примеч. к II.1.

2. ...*собравишься толпами* (saṃghā saṃghī gaṇī-bhūtā)... — ср. PR: 667, 241; DR I: 145 — from each district (ср. BS I: 280); *ibid.*, п. 1 — perhaps in «companies and separately».

3. ...*стражнику* (khattam, санскр. kṣatra)... — ср. DR I: 145; DF: 108, Anm. 1. BS I: 280 толкует khatta как лицо, дающее разъяснение на вопросы, связывая это название с корнем kath (ср. PR: 238).

5. ...*наделен высшей красотой* (paramāya vaṇḍa-pokkharatāya samannāgato brahma-vaṇḍī brahma-vaccasi)... — букв. «красотой лотоса», ср. PR: 596, 494; BS I: 282 (об уподоблении Mahā brahmā); DR I: 146, п. 1. Возможно и толкование vaṇḍa-pokkharatāya как высшего знака варновой (vaṇḍa) принадлежности (PR: 596).

...*с обликом, великим на взор* (akkhuddāvakaṁ dāssanāya). — Ср. PR: 238, 81; DR I: 146, п. 2; DF: 109 — Mann wird nicht müde, dich anzusehen (*ibid.*, Anm. 3).

...*недавно странствует* (taruṇa-paribbājako). — DF: 109, Anm. 5 справедливо полагает, что здесь вряд ли идет речь об определенной категории нищенствующих аскетов, и следует чтению rabbajito.

Поккхарасади — см. III.1.1 и соотв. примеч.

6. *Выслушайте же меня...* — аргументация Сонаданды содержит большее число доводов (29 к 12), отчасти повторяя аргументы брахманов (2-й, 5-й и т.п.).

...*общину родичей* (ñāti-saṃgham). — BS I: 283–284 поясняет: 80 000 семейств (kula) с материнской стороны и столько же — с отцовской, что, согласно DR I: 147, п. 1, позволяет определить численность сакьев приблизительно в 800 000 человек.

...*и скрытых... находящихся* (bhūmi-gatañ ca vehāsaṭṭhañ ca)... — букв. «...и находящихся в воздухе». Ср. BS I: 284.

...*проповедует [значимость] кармы, проповедует [значимость] действия* (kamma-vādī kiriya-vādī)... — т.е. как суммы поступков, совершенных в предыдущих рождениях и определяющих, согласно традиционным воззрениям, как судьбу индивидуума в последующих существованиях (карма), так и деятельность его в настоящей жизни. Ср. также о kiriya II.18 и соотв. примеч.; ср. DF: 110, Anm. 4; DR I: 148 — believes in karma and in action.

...*безупречно чтит* (arāpa-purekkhāro)... — возможны и другие толкования этого места. Ср. DF: 110, Anm. 5.

...*исконного семейства* (ādīnakkhattiya-kulā)... — ср. PR: 99. Возможно и чтение abhinna- («непрерывного»), ср. DRC I: 115; DK I: 100; DR I: 148, п. 2; DF: 110, Anm. 6.

...*во всем сердцем* (rāṇehi)... — см. SE: 705; ср. ниже. DF: 110, Anm. 7 вряд ли основательно видит здесь указание на определенных существ (mit jedem Lebenshauche). DN: 79–80 — Zeitlebens; DR I: 149–150 оставляет rāṇehi без перевода.

...говорит ясно (uttānamukho)... — также: «с открытым лицом», «с открытым ртом». Ср. PR: 131; BS I: 287; DR I: 110, п. 10. DR I: 149 — accessible to all.

...охотно беседует (pubba-bhāsi). — Букв. «прежде». Ср. PR: 468 — speaking obligingly; DR I: 149 — not backward in conversation; DF: 110 — nicht lauernd in der Unterhaltung.

...видов (paṇḍitaṃ) — здесь имеются в виду буддийские монахи (bhikkhu), монахини (bhikkhunī), преданные Будде миряне (upāsaka) и мирянки (upāsikā).

...злые духи (amanussā)... — букв. «нелюди». Ср. PR: 73; DF: 110; DR I: 149 — non humans; DN: 79 — die wilden Thiere.

...теми или иными путями (yathā vā tathā vā)... — согласно BS I: 288, такими, например, как отказ от одежды (acelakādi).

7. Йоджана (yojana) — мера длины, величина которой варьируется в разных источниках (около 7–9 миль), обозначая, в частности, расстояние, которое проходит за день упряжное животное. Ср. SE: 858; PR: 559.

10. ...тройном знании (tevijjake). — Ср. выше, III.1.3; 2.15.

13. ...протягивающих жертвенную ложку (sujaṃ paggaṇhantānaṃ). — То есть совершающих ритуальное возлияние жертвенным маслом или сомой. Ср. PR: 382; BS I: 289; DR I: 153, п. 1.

15. ...священные тексты. — В тексте: mante.

19. ...должный (dhammena)... — ср. PR: 337; DF: 115 — sachlich begründete (ср. ibid., Anm. 1).

20. Ангака — Aṅgaka.

21. ...постигжение... — в тексте: раṭṭhā.

23. Вот, брахман... — об отдельных деталях настоящего повтора см. выше, примеч. к III.2.2; ср. DR I: 156–157; DF: 116, Anm. 4–11. Помимо замены обращения на brāhmaṇa здесь в тексте, соответствующем II.43–63, сохраняется понятие sīla («нравственность»; в III.2.2 оно заменено на сагаṇа — «праведность»), а текст, соответствующий II.75 сл. (четыре jhāna и т.д.), здесь относится не к сагаṇа и vijjā («знанию», ср. III.2.2), а к раṭṭhā («постижению»). Ср. DR I: 157, п. 1.

26. ...то... отнесутся... с презрением. — Ср. выше, IV.8 сл. Согласно BS I: 292, так как он гораздо старше Будды. Ср. DR I: 158, п. 1; 159, п. 1. Следующие ниже условия свидетельствуют о своеобразном компромиссе в поведении Сонаданды — последний «находит прибежище» у Будды и вместе с тем продолжает дорожить традиционными суждениями своих спутников; Будда же, по всей видимости, мирится с этим компромиссом.

V. «Кутаданга-сутта»

Kūṭadanta sutta названа по имени ученого брахмана, жившего в деревне, пожалованной ему царем Бимбисарой, и обратившегося в буддизм. Настоящую сутту составляют адресованные ему наставления Будды о должном жертвоприношении. Ср. DR I: 160–172; DK I: XIV–XV; PM I: 658. См. BS I: 294–308; DAT I: 420–439.

1. Магадха — ср. примеч. к II.1.

Кханумата (Khānumata) — деревня в Магадхе, см. PM I: 716.

Амбалаттхика (Ambalaṭṭhikā) — здесь, видимо, монашеская рода в Кханумате. См. о соответствующем названии примеч. к I.1.2; PM I: 158–159.

...царском наделе... — ср. III.1.1; IV.1 и соотв. примеч.

6. Пусть... не приближается... — то же с соответствующими вариациями — IV.4–7.

Поккхарасади... — ср. IV.5; примеч. к III.1.1.

10. Махавиджита (Mahāvijita, букв. «обладающий великим царством»)... — см. PM II: 557.

...предметов роскоши (vittūpakaraṇa)... — ср. BS I: 295; DR I: 175; DF: 120.

11. ...опозорив (garahāya)... — согласно BS I: 296, имеются в виду различные наказания; ср. DF: 121 — Entehrung.

12. *Время [благоприятно]*... — как поясняет Буддхагхоса (BS I: 297), так как подобные церемонии уже не приносят пользы в старости.

...эти четыре группы (anumati-pakkhā)... — ср. о необходимости благоприятного отношения к жертвенной церемонии DF: 122, Anm. 2 (со ссылкой на исследование А. Вебера).

13. ...четырёхчастным войском... — т.е. состоящим из слонов, конницы, колесниц и пехоты.

Верующий (saddho)... — согласно BS I: 298, в то, что даяние приносит плод.

...щедрый даятель (dāna-pati)... — букв. «господин подаяния».

18. Даббха (dabbha, санскр. darbha) — обозначение определенных трав (в частности, kuśa — *Роа Cynosuroides*), употребляющихся в качестве жертвенной подстилки при ритуальных церемониях.

...посланцы (pessā)... — ср. PR: 473; DR I: 180. Издатели Dp ссылаются на параллельные места в Sn III.1.9.5 (SF I: 76) и Pp IV.24 (PpM: 56).

20. ...от ямы (yaññāvāṭassa)... — ср. DR I: 180 — pit. X. Керн читает yañña-vāṭa, т.е. «закрытое место» (ср. DF: 126 — Opferstätte), в пользу чего, быть может, свидетельствует аналогичное выражение ниже (V.30).

21. ...ведь голова развалится (muddhā pi tassa vipateyya)... — ср. III.1.20 и соотв. примеч.

23. ...бьют... — т.е. люди, которым приказано отгонять толпу (ср. BS I: 303).

24. ...четырёх сторон света (cātuddisaṃ)... — т.е. «всемирной», «вселенской» и т.п. общины, что, видимо, призвано подчеркнуть ее общечеловеческий характер. Ср. PR: 264; DF: 127, Anm. 8; DN: 641, Anm. 178.

26. ...[следовать] заповедям (sikkhā-padāni)... — здесь имеется в виду совокупность пяти заповедей, ср. PR: 708, 712 (s. v. sīla); ср. II.42 и соотв. примеч.

27. *Вот, брахман, в мир приходит Тамхагата*... — здесь в очередном повторе II.40 сл. помимо соответствующих замен по смыслу следует, видимо, опускать рефрен II.76, 78, 80 и т.д. («Таков... зримый плод отшельничества»), а также параграфы, соответствующие II.85–96 (ср. DR I: 183). См. BS I: 306.

29. *И вот Благостный*... — см. III.2.21 сл.

VI. «Махали-сутта»

Mahāli sutta названа по имени предводителя племени личчавов (licchavī, см. ниже), посетившего вместе со своей свитой Будду и вступившего с ним в беседу. Здесь он фигурирует вначале под именем Оттхаддха (Oṭṭhaddha, букв. «заячья губа»). Ср. PM I: 464; II: 551–552; BS I: 310, а также о соответствующем принципе наименования — DR I: 193 sq. См. об этой сутте DR I: 188–196; DK I: XV–XVI; PM II: 552. См. BS I: 309–316; DAT I: 440–449.

1. Весали (Vesālī) — столица личчавов. Во времена Будды это был большой процветающий город. Будда неоднократно останавливался в Весали, и здесь происходит дейст-

вие ряда сутт и джатак. Отождествляется с совр. деревней Васрах в Тирхуте. См. подробнее РМ I: 940–943.

...в обители с заостренной крышей (kūṭāgāra-sālāyaṃ)... — возможно также — «с верхним этажом». Ср. PR: 225, 3, 706; DR I: 197 — gabled Hall. В этом помещении Будда обычно находился во время своих остановок в Весали (см. выше), совершал отсюда прогулки по окрестностям, произносил здесь свои поучения. Согласно Буддхагхосе, зала, где находился Будда, составляла часть монашеской роши (saṃghārāmaṃ), обустроенной для тамошних монахов и носившей то же название (Kūṭāgāra-sālā). См. BS I: 309; РМ I: 659–661.

...в большом лесу (Mahāvane). — Лес этот находился в окрестностях Весали и простирался до Гималаев. Ср. BS I: 309; РМ II: 555.

2. Нагита (Nāgita) — монах, прислуживавший Будде. Происходил из рода (gotta) Kasara — отсюда имя, которым его называют ниже (VI.4). См. РМ II: 47.

3. Личчхави (Licchavi) — племенное объединение в Северной Индии, достигшее во времена Будды значительного влияния. Традиция рисует многих личчхавов последователями Будды; среди них (главным образом — в их столице Весали) он неоднократно выступал с проповедями. Ср. РМ II: 779–782.

Оттхаддха (Oṭṭaddha)... — т.е. Махали, см. выше, примеч. к VI.

4. ...послушник (samaṇuddesa)... — букв. «названный samaṇa», т.е. отшельником. Ср. PR: 682, 136.

Сиха (Sīha) — племянник Нагиты, с семилетнего возраста вступивший в буддийскую общину. Ср. BS I: 310; DR I: 198, п. 1; РМ II: 1166.

Кассапа (Kassapa) — род (gotta), из которого происходил Нагита (см. выше примеч. к VI.2).

5. Сунаккхатта (Sunakkhatta) — прислужник Будды, согласно преданию, оставивший в старости общину и перешедший в одну из школ, исповедовавших суровый аскетизм. Ср. DR I: 199, п. 1; РМ II: 1206–1207.

13. ...трех уз (tiṇṇaṃ samyojanānaṃ)... — т.е. 1) приверженность к собственной индивидуальности (sakkāyaditṭhi, букв. «учение о существовании тела»; ср. PR: 660–661; DF: 44–45, Anm. 2); 2) сомнение (vicikicchā; ср. PR: 615–616); 3) вера в действенность добродетельного поведения и исполнения обрядов (sīlabbataparāmāsa; ср. PR: 713). Всего насчитывалось десять samyojana; ниже упомянуты первые шесть. Ср. PR: 656.

...вступившим в поток (soṭāraṇṇo)... — здесь метафорическое традиционное обозначение человека, обращенного Буддой, вступившего на праведный путь. Ср. BS I: 313; DR I: 200; II: 99; DF: 196; и др. Ср. также XVI.2.7, 8, 9; XVIII.2 и др. Омонимическое совпадение *пал.* sota с *вед.* srotas и śrotra создает двойную коннотацию, можно полагать, ощущавшуюся при восприятии этого понятия в буддийской общине: 1) как вошедшего в *поток* бытия, который надо пересечь и достичь другого берега (т.е. спасения); 2) как обретение *слуха*, необходимое для восприятия учения. Следуем здесь, пожалуй, более распространенному первому толкованию, см. PR: 725; ID: 310–311; DW: 145, 241; и др. — «Stream-Winner»; характерна метафора переправы на другой берег, несущая то же значение (в частности, именно в ряде мест Dn; ср. XVI.1.34 — tarati; XX.19 — ogha-tiṇṇaṃ... ogha-taraṃ; XXI.1.12; XXV.21 — tiṇṇo; ср. XIII.24 сл. — тот же образ в поучении Будды о человеке, стремящемся к своей цели). В подобном значении образ переправы (*санскр.* tṛ; *пал.* tara, tira и т.п.) весьма характерен — как для ведантйской (например, в упанишадах), так и для буддийской традиции. Ср. также DR III: 50, п. 1; Сыркин 1993: 164–165, примеч. 19. Приводится ряд доводов и в пользу второго значения, восходящего к *санскр.* śrotāraṇṇa («обретший слух» и таким образом внявший истине). Ср., в частности, «слушание

благого учения» (saddhamma-savaṇaṃ) в XXXIII.1.11 (§ XIII) среди четырех признаков sotāraṇṇa. См. (Парибок 1987: 150 сл., 160). Упомянем в связи с этим традиционную сакральную коннотацию соответствующего корня в индуизме (ср. śrutī как обозначение вед).

...не подверженным страданию (avinipāta-dhammo)... — т.е., видимо, в последующих существованиях. Ср. PR: 624; DR I: 200.

...единожды возвращающимся (sakadāgāmi)... — т.е. существом, достигшим второй ступени мудрости, которому остается еще лишь один раз возродиться в земном существовании.

...пяти уз низшего порядка (oraṃbhāgiyāṇaṃ)... — т.е. уз, свойственных низшему (ога), земному миру чувственных страстей. Этим названием обозначались первые пять из десяти уз: упомянутые выше три (ср. соотв. примеч.); 4) стремление к чувственным удовольствиям (kāmacchando); 5) зложелательство (vyāpāda); см. PR: 170, 205, 654.

...самопроизвольно родившимся (oparāṭiko)... — т.е. не обычным в мире путем. Ср. I.2.27 и соотв. примеч.; DR I: 201, п. 3; PR: 168.

...достигшим... освобождения (parinibbāyi)... — речь идет о достижении освобождения (parinibbāna, ср. Предисловие), при котором, как явствует и из следующих слов, они уже не возвращаются из того мира. Ср. PR: 427, 428; DR I: 201, п. 4 (параллель со свидетельством «Брихадараньяка-упанишады» (VI.2.15) о праведниках, достигших миров Брахмы и не возвратившихся оттуда).

...порочных свойств (āsavāṇaṃ)... — ср. выше, II.97 и соотв. примеч.

14. ...праведный восьмичленный путь (ariyo atthaṅgiko maggo)... — ниже следует перечисление частей этого пути. Ср. Предисловие; DF: 134, Anm. 7–14; Bucknell 1984.

...способность самосознания (sati)... — см. выше, I.2.7 и др. (ср. PR: 672; DR I: 202 — mindfulness; DN: 111 — Einsicht и др.).

15. Косамби (Kosambī) — столица племени ватсов на берегу Ямуны (Джамна), где Будда неоднократно останавливался. отождествляется с совр. Косам на Джамне в 90 милях к западу от Аллахабада (PM I: 692–694). Здесь находилось несколько монашеских роц (āgāma), служивших приютом для буддийских монахов; ниже идет речь об одной из них (Ghositāgāma). Роцца была названа в честь знатного жителя Косамби Гхоситы (Ghosita, также Ghosaka), казначея царя Косамби Удены. Ср. PM I: 828–831.

Мандисса (Maṇḍissa) — странствующий аскет из Косамби. Ср. PM II: 430.

Джалия (Jāliya) — см. PM I: 955. С ним, как и с Мандиссой, связана следующая сутта VII (Jāliya sutta).

Дарупаттика (Dārupattika) — учитель Джалии. Буквальное значение его имени — «с деревянной чашей» (т.е. для сбора подаяний). Ср. PM I: 1074; PR: 319.

...жизненное начало... тело (jīvaṃ... saṅgāmaṃ)... — ср. DR I: 202; PR: 284 — soul... body; DN: 111 — Leben und Leib.

16–19. ...в мир приходит... — снова повторы частей сутты II с соответствующими вариациями (ср. следующее примечание).

17 сл. ...он достигает... — по-видимому, здесь (как и в V.28, см. соотв. примеч.) должен быть опущен рефрен II.76, 78, 80 и т.д.

19. ...не подобает... — некоторые рукописи, опуская здесь na, представляют последний ответ странников таким же, как и предыдущие, что, однако, вряд ли основательно. Ср. DRC I: 158, п. 4; DK I: 135; DR I: 204, п. 1.

VII. «Джалия-сутта»

Jāliya sutta названа по имени упомянутого выше (VI.15) ученика Джалии и с незначительными вариациями в начале (VII.1) и конце (VII.5) воспроизводит текст VI.15–19 (см. соотв. примеч.). Ср. DR I: 205; DK I: XVI. См. BS I: 317–320; DAT I: 450–453.

VIII. «Кассапа-сиханада-сутта»

Kassapa-sīhanāda sutta названа по имени Кассапы, принадлежавшего к враждебному Будде течению обнаженных аскетов (acelo, ср. DR I: 223 — naked ascetic; DF: 130 — Nacktgänger; *ibid.*, Anm. 4). Кассапа вступил с Буддой в разговор о пользе различных видов аскезы и после проповеди сам перешел в буддизм (ср. PM I: 26). Вторая часть названия сутты (sīhanāda, букв. «львиный рык») служила употребительным в палийской канонической литературе образным обозначением проповеди Будды, также — восторженного песнопения (см. VIII.22, а также название XXV; XVI.1.16 и др.; ср. PM II: 1168; PR: 714; DF: 131, Anm. 3). Другое название этой сутты — *Mahāsīhanāda* («Великий львиный рык») более характерно для заглавий сутт раздела II Dn; так, кстати, называлась одна из сутт Mn (ср. PM II: 571; DK I: XVI; 138, п. 1). См. подробнее DR I: 207–222; DR I: XVI–XVII; PM I: 555. См. BS II: 349–364; DAT I: 454–471.

1. Уджунна (Ujunnā, также Ujuka, Угунна и др., ср. DRC I: 161, п. 1; DK I: 138, п. 2) — название города и области в Косале. Будда останавливался в расположенной здесь оленьей роще (miga-dāye, ср. DR I: 223, п. 1; DF: 131 — Tierpark) Каннакаттхала (Kaṇṇakatthala, также Kannakatthala, ср. DRC I: 161, п. 2). См. PM I: 342–343, 497.

2. ...истину во всей ее последовательности (dhammassa cānudhammam)... — ср. PR: 37; DF I: 131–132, Anm. 5.

3. ...живущий в лишениях... — согласно DRC I: 162, п. 2 sq., здесь и в трех следующих ниже местах все рукописи указывают на пропуск в тексте, восполняемый, по-видимому, с помощью соответствующих рассуждений П.95 (т.е. «наделенный дурным поведением...») и т.п., «наделенный добрым поведением...») и т.п.), ср. DF: 132, Anm. 2.

4. ...мудрые... — ср. I.2, 26.

6. ...[в незначительной степени]... — см. BS II: 352 — appamattakam; ср. DR I: 225 — only partially. Соответственно и ниже — VIII.8, 10, 12.

9. ...община учеников (sāvaka-saṃgho, от санскр. śrū, букв. «слушателей»)... — ср. PR: 707; DR I: 226 — The body of... disciples; DF: 134 — Jüngergemeinde.

10. И случается, Кассапа... — отдельные рукописи вставляют здесь другой вариант предыдущего вопроса, почти не отличающийся от текста VIII.9, с отдельными заимствованиями из формулы в VIII.10, что, однако, нарушает общее построение данного фрагмента (VIII.5–12). См. DRC I: 164, п. 1.

13. ...говорит вовремя... — ср. I.1, 9 и соотв. примеч.

...праведный восьмичленный путь... — см. выше, VI.14 и соотв. примеч.

14. Вот какие виды (taro-pakkamā)... — ср. PR: 380; ниже, XXV.8 сл., а также Mn 51; 94; Pp IV.24 и др. параллели (DR I: 227, п. 1; DF: 135, Anm. 1).

...свободно ведет себя (muttācāro)... — т.е. ведет себя не как благородные люди во время еды и при отправлении естественных потребностей. Ср. BS II: 354; PR: 537; DR I: 227.

...облизывает руки (hatthāpalekhano)... — т.е. вместо того чтобы вымыть их после еды. Ср. PR: 728; DR I: 227. По другому толкованию имеется в виду очищение от экскрементов. Ср. BS II: 354; DF: 135, Anm. 2; DR I: 227, п. 2.

...не принимает (na-ehi-bhadantiko, na-tiṭṭha-bhadantiko)... — т.е., по-видимому, чтобы не подчиняться чужим словам. Ср. PR: 498, 162; BS II: 354; DF: 135.

...с края горшка... сковороды (kumbhi-mukhā... kaḷori-mukhā)... — т.е., согласно BS II: 355, чтобы эти сосуды не были из-за него повреждены ложкой. Ср. DR I: 227–228 (ibid., n. 3); DF: 135, Anm. 4, PR: 222, 200.

...среди палок (daṇḍamantaram)... — ср. PR: 312. Возможно, имеется в виду топливо (DR I: 228, n. 1); согласно предположению DF: 135, Anm. 6 — прутья решетки.

...ступок (musalamantaram)... — ср. PR: 539; DR I: 228 — pestles; DF: 135 — Dreschflügeln (ibid., Anm. 7 — zwischen Keulen). Согласно DR I: 228, в этом, как и в двух предыдущих случаях, — чтобы ее не помещали в эти места специально для него.

...от двух... — когда, согласно BS II: 355 (ср. DR I: 228; DF: 135), пишу предлагает ему лишь один из этих двух.

...беременной... кормящей... — чтобы не повредить таким образом ребенку. Ср. BS II: 355.

...соединяющейся (purisantara-gatāya)... — чтобы не прервать их близости.

...собранной (samkittisu)... — значение неясно. Возможно — собранной верующими в голодное время. Ср. PR: 663; BS II: 355; DR I: 229; DF: 135 — nichts von Mahlzeiten für die (bei einer Hungersnot) die Mittel durch Aufruf beschafft sind (?) (ср. ibid., Anm. 9); DN: 118 — nicht vom Beschmutzten.

...собака... мухи... — т.е. чтобы не лишить их пищи.

...отвара шелухи (thusodakam). — Ср. DR I: 229 — gruel (ibid., n. 2 со ссылкой на BS II: 355 — *suṅvīraka, soṅvīraka*; согласно P. Чайлдерсу — *sour gruel*); DF: 135 — *Getreide-trank* (ibid., Anm. 10 — *wörtlich, «Spreuwasser»*); DN: 118 — *gegorenen Haferschleim*; см. PR: 309, 726.

...в одном доме (ekāgāriko... ekālopiko)... — т.е., получив в одном доме подаяние, он возвращается и больше не просит милостыни. Ср. BS II: 355–356; DR I: 229; PR: 159.

...подношениями (dattīhi)... — ср. PR: 312; DF: 136. Datti — также маленький сосуд для подаяний. См. BS II: 356; DR I: 229, n. 3.

...просом (sāmāka, санскр. śyāmāka)... — *Panicum Frumentaceum*. DR I: 230 — wild rice.

...сырым рисом (nīvāra)... — ср. PR: 376; согласно BS II: 356 — разновидность риса.

...дадулой (daddula)... — по-видимому, имеется в виду еще одна разновидность риса (PR: 313). DR I: 230 — leather parings («обрезки кожи») (?); ср. DF: 136 — Riemen.

...хатой (haṭa)... — т.е. водянистым растением *Pistia Stratiotes* (ср. PR: 727).

...красной пылью (kaṇa)... — ср. I.1, 21; см. PR: 178.

...сезамовой мукой... — в тексте: *piññāka*.

...он носит... — ср. параллельные места DF: 136, Anm. 5.

...пеньки... отчасти из пеньки (sāṇāni... masāṇāni)... — ср. PR: 702, 525; DR I: 230; DF: 136, Anm. 6.

...одеяния мертвецов (chava-dussāni)... — также «негодные одеяния», ср. PR: 275, 327; DR I: 230, n. 4. Согласно BS II: 356, одежды, сплетенные из травы *eraka* или другого материала, специально для облачения мертвецов.

...из коры тиритаки (tirīṭāni)... — т.е. из коры дерева *tirīṭa* (*Symplocos Racemosa*), ср. PR: 304; DR I: 230, n. 5 (со ссылкой на параллель из Mv VIII.29); DF: 136, Anm. 7.

...из кожи черной антилопы (ajināni)... — ср. I.1, 15.

...накидку, сплетенную (ajinakkhipam)... — PR: 10; DR I: 130, n. 6; DF: 136, Anm. 8 (параллели с джатакой 547).

...кусы (kusa, санскр. kuśa)... — т.е. травянистого растения *Poa Cynosuroides*.

...из лыка (vākā-cīram, санскр. valka)... — ср. PR: 606.

...деревянных дощечек (phalaka)... — ср. PR: 477; DR I: 231 — of small slips or slabs of wood (shingle) pieced together (ср. *ibid.*, n. 1); DF: 136 — Holzscheibchen (?) (ср. *ibid.*, Anm. 9); DN: 118 — «aus Laub».

...сидит на корточках (ukkuṭṭiko)... — при этой позе ступни ног опираются на землю, пятки слегка подняты и бедра касаются икр. Ср. PR: 125; DR I: 231, n. 4.

...подстилкой с шипами (kaṇṭakāpassayiko)... — ср. PR: 179; DR I: 231, т.е. подкладывает снизу колючки или железные шипы. Ср. параллель с джатакой 233 (DF: 137, Anm. 1).

...несет... пыль и грязь (rajojjaladhara)... — согласно BS II: 357 (ср. DR I: 231), так как пыль и грязь пристают к его телу, умащенному маслом.

...нечистотами (vekaṭṭiko)... — т.е. навозом, коровьей мочой, пеплом и землей. Ср. DR I: 232, n. 1; BS II: 357.

...не пьет (arāṇako; ср. DR I: 142. DRC I: 167 дает āraṇa с обратным значением)... — по-видимому, имеется в виду холодная вода, питье которой связывалось с уничтожением находящихся в ней живых существ. Ср. DF: 137, Anm. 5; также II.29 и соотв. примеч.

...вечером в третий раз (sāya-tatīyakam)... — т.е. ежедневно омывается утром, днем и вечером. Ср. PR: 705; BS II: 357.

15. ...совершенство (sīla-sampadā citta-sampadā paññā-sampadā)... — здесь традиционная формула, описывающая состояние просветления, архатства. В частности, в первом случае имеется в виду следование нормам поведения, уже описывающегося выше, в II.43 сл.; и др.; во втором — сосредоточенное размышление и достижение samādhi; в третьем — достижение высшего знания (vijjā) и сверхъестественных способностей, уничтожение причин, ведущих к следующим рождениям. Ср. ниже, VIII.18; PR: 690; DR I: 232 — blissful attainment in conduct, in heart, in intellect; DF: 137 — nach der höchsten Bildung des Herzens und nach vollkommener Weisheit; DW: 154 — morality... heart... wisdom.

...порочных свойств (āsavāṇaṃ ca)... — ср. II.97 и соотв. примеч.

...зывается отшельником и брахманом. — Здесь samaṇo и brāhmaṇo, очевидно, употреблены Буддой в ином значении; в частности, brāhmaṇa, как и в других палийских (например, Dh XXVI) и индуистских (ср. ранние упанишады — «Брихадараньяка» III.5.1; 8.10; IV.4.23 и др.) текстах, означает существо, достижение высшего, просветленного состояния. Ср. выше, примеч. к I; DR I: 232–233, n. 3; Сыркин 1971: 117, 143 и др.

16. ...рабыня, носящая воду (kumbha-dāsiyā)... — ср. Предисловие.

17. ...это смог бы узнать (ñātuṃ)... — другое чтение (как и в соответствующем месте предыдущего параграфа) — kātuṃ; ср. DRC I: 170, n. 1.

18. ...в мир приходит Тамхагата... — здесь помимо замены обращения во всех формулах idam pi'ssa hoti sīlasmim (= II.43–62) последнее слово должно быть заменено на sīla-sampadā (т.е. вместо «нравственности» — «совершенства в нравственности») и ниже соответственно: ayaṃ kho sā... sīla-sampadā — ср. DRC I: 171–172; DR I: 235–236 (что в первом случае не учтено в DF: 140).

19. ...монах... достигает четвертой ступени... — здесь, как и выше, заключительная формула idam pi kho... sandiṭṭhikaṃ... («Таков... зримый плод...») (= II.78, 80) должна быть заменена на idam pi'ssa hoti citta-sampadāya («это и есть часть его совершенства в мысли»; ниже, соответственно: ayaṃ kho sā... citta sampadā).

20. Так с сосредоточенным умом... — здесь в тексте, соответствующем II.84, DRC пропускает anāṇiko («безупречный» — о камне велурия), а затем фрагмент текста: tam eva sakkhumā... paṇḍu-suttaṃ vā ti («И человек, наделенный зрением... желтоватая»). См. DRC I: 76. DR I: 147 дает более перспективное изложение настоящей повтора, опуская это место. Ниже в тексте, соответствующем II.85–90, заключительная формула idam pi kho... sandiṭṭhikaṃ (ср. II.86, 88, 90, 92, 94, 96) сходным образом заменяется на idam pi'ssa

hoti raññā-sampadāya («это и есть часть его совершенства в постижении»; ниже соответственно: ayaṃ kho sā... raññā-sampadā).

21. ...в том, что касается этой нравственности (yadidaṃ adhisīlam)... — ср. DF: 142, Anm. 1; DN: 124; соответствующие обороты и ниже. Ср. аналогичное употребление adhi- в ранних упанишадах (adhidaivatam — «относящиеся к божествам», adhyātmatam — «относящиеся к телу», «к себе» — «Брихадараньяка» II.3; III.7.14–15; «Чхандогья» 1.2.14 сл.; 6.8 сл.; «Каушитаки» IV.2 и др.). DR I: 237 (ср. PR: 27, 30) толкует adhi- как «высший» — highest conduct и т.д., что представляется менее удачным по смыслу.

...подвижничество и отвращение к [миру] (taro-jigucchā). — Перевод вызывает разочуждения. DR I: 237 (ср. ibid., п. 2) толкует jigucchā как «scrupulous care of others», что представляется малоубедительным и расходится с его же толкованием taro-jigucchā в PR: 297, s. v. Тара — disgust for ascetiam; 283, s. v. Jigucchā — detesting ascetism, что, видимо, опирается на пояснение BS II: 359; последнее, однако, представляется еще менее удачным (ср., в частности, заключительное adhijeguccham в конце данного абзаца). Скорее, можно было бы предположить, что Будда вкладывает здесь в taro новый смысл (ср. DR I: 237, п. 2 — в частности, ссылка на свидетельство An II.200 о том, что наделенные taro-jigucchā не способны достичь архатства), как это неоднократно происходит в его поучениях с отдельными традиционными понятиями (ср. выше о brāhmaṇa — примеч. к VIII.15). Вместе с тем DF: 142 толкует taro как определение jigucchā: die peinlich konsequente Weltentsagung (ср. ibid., Anm. 2 — eigentlich «Ekel (d. h. Abkehr von der Welt), (der sich in) Askese (äussert)»). Принятый здесь перевод (ср. DN: 124 — Busse und Abscheu), как нам кажется, наиболее органично входит в контекст, где во всех случаях перечисляются традиционные брахманские идеалы (отсюда, в частности, наименее удачное, на наш взгляд, толкование PR: 283, 297), получающие известное переосмысление в устах Будды (с добавлением определенных характеристик — в данном случае: ariyā paramā).

...постижение (raññā). — Переводим, следуя принятому выше толкованию raññā в сочетании с sīla, рядом с которым оно употребляется и в этом параграфе. DR I: 237 — intelligence... highest Wisdom; DF: 142; DN: 124 — Weisheit.

22. ...Львиным рыком (Sīha-nādaṃ... nadati)... — ср. выше, примеч. к заглавию VIII. ...в уединении (suññāgāre)... — букв. «пустом доме». Ср. DR I: 238; DN: 124; DF: 142 — nur im privaten Kreise (ibid., Anm. 5 — другие варианты: im stillen Kämmerlein, bei sich zu Hause, unter vier Augen).

...следуют путем истины (tathattāya sa paṭipajjanti). — То есть вступают на путь, ведущий к нирване. Ср. примеч. к I.1.7.

23. Гиджджхакута (Gijjhakūṭa, букв. «вершина коршуна») — один из пяти холмов, окружающих Раджагаху (см. примеч. к I.1.1), и названный так по сходству своей вершины с клювом коршуна. отождествляется с совр. Sailagiri — горой в 2,5 милях к северо-востоку от города. Будда неоднократно останавливался и проповедовал здесь. См. подробнее PM I: 762–764; ср. DF: 143, Anm. 4.

Нигродха (Nigrodha) — странствующий монах, вступивший в беседу с Буддой в Удумбарике, близ Раджагахи. Беседа эта, упоминаемая здесь, составляет содержание сутты XXV Dn. Ср. PM II: 66.

...относительно отвращения (adhijegucche)... — ср. выше, VIII.21. ...странничество (pabbajjam)... — здесь по смыслу состояние буддийского монаха, члена общины. Ср. PR: 414.

...доступ в общину. — Здесь в этом специальном значении употреблено iprasampadan. Ср. PR: 143; DR I: 239; DF: 143. Ср. ниже VIII.24.

24. ...в течение четырех месяцев... — ср. параллели из текстов Vp (Mv 1.38.1).

...удовлетворенные в мыслях (*āradha-cittā*)... — ср. выше; DR I: 240; DN: 125. DF: 144 (ср. *ibid.*, Anm. 2) относит это определение к новообращенному и переводит: falls er ihre Neigung gewonnen hat.

Окончена... — другое чтение: *Mahāsīhanāda*-. Ср. DRC I: 177, n. 2; DK I: 149.

IX. «Поттхапада-сутта»

Potṭhapāda sutta названа по имени странствующего аскета Поттхапады (ср. PM II: 247; DR I: 244, п. 1), с которым здесь беседует Будда. См. об этой сутте DR I: 241–243; DK I: XVII–XVIII; PM II: 248. См. BS II: 365–383; DAT I: 472–500.

1. Саваттхи (*Sāvātthi*, санскр. *Śrāvastī*) — главный город Косалы, где Будда неоднократно останавливался в своих странствиях. Назван по имени жившего там мудреца *Savāttha*. Отождествляется с совр. *Sāhet-Māhet* на берегу р. Рапти. Ср. PM II: 1126–1127; DF: 145, Anm. 2.

Джетавана (*Jetavana*) — лесистая местность в Саваттхи, где жил и проповедовал Будда. Ср. PM I: 963–966.

Анатхапиндика (*Anāthapiṇḍika*) — богатый купец из Саваттхи, сын купца Суманы, прославившийся своей щедростью и гостеприимством по отношению к Будде. См. подробнее PM I: 67–72.

Маллика (*Mallikā*) — жена Пасенади, царя Косалы; ее именем была названа построенная в монашеской роще в Саваттхи обитель для ученых диспутов. Ср. PM II: 457–458.

...обители из одного [помещения] (*eka-salake*)... — ср. DF: 145 — aus einer einzigen Räumlichkeit bestand; ср. *ibid.*, Anm. 7; также: «с одним деревом *sāla*» (*Shorea Robusta*).

...[отделанной] корой тиндуки... — перевод *tindukācīre* (другое чтение: *tiṇḍukātīre*, ср. DRC I: 178, n. 1; DK I: 150) вызывает расхождение. *Tinduka* — дерево *Diospyros Embryopteris*. Ср. DN: 126 — der ebenholzverschalten; DF: 145 (ср. *ibid.*, Anm. 6) — das aus Tinduka-Rinde errichtet war (?). DR I: 245 переводит: set round with a row of Tinduka trees.

...предназначенной для диспутов (*samaṃappavāḍako*). — Ср. BS II: 365; PR: 443; DR I: 245, n. 2.

3. ...низменные беседы... — то же, I.1.17 (ср. соотв. примеч.).

5. ...отправился [в путь] (*imaṃ paṇiṃyaṃ akāsi yadidaṃ idh' āgamaṇāya*)... — ср. PR: 433; BS II: 368. Место это допускает разные толкования. Ср. DR I: 245 — it is long since the Exalted one took the departure of coming our way (*ibid.*, n. 2 — perhaps: “since you made this change in your regular habits”); DF: 146 — Endlich... nimmt der Erhabene einmal Gelegenheit, uns aufzusuchen; DN: 127 — Lange schön... hat der Erhabene hoffen lassen mich einmal hier zu besuchen.

...выбрал другое... — ср. III.2.20 и соотв. примеч.

6. ...в общей обители (*kutūhala-sālāya*)... — ср. PR: 220; DR I: 246 — debating hall; DF: 146 — Unterhaltungshalle.

...об уничтожении сознания (*abhisaññā-nirodhe*)... — ср. DR I: 246, n. 2 (*ibid.*: 246; ср. PR: 70 — trance); DF: 146 (*ibid.*, Anm. 6) — das Erlöschen des wachen Bewusstseins; DN: 127 — das Schwinden der Wahrnehmung.

...[состояния] сознания (*saññā*). — Ср. DF: 146 — Bewusstseins-Zustände; DR I: 246 — Ideas; DN: 127 — Wahrnehmungen.

...свое «я» (*attā*)... — ср. I.2.38 и сл.; DR I: 246 — man's soul (ср. PR: 21); DF: 247 — des Menschen Selbst; DN: 128 — des Menschen Seele. Согласно BS II: 370, подобная теория подкрепляется примером риши Мигасинги, который, искушаемый небесной девой Аламбусой, впал в транс и в течение трех лет был лишен сознания.

...отшельники и брахманы великой силы, великого могущества (mahiddhikā mahānubhāvā). — Возможно, здесь, как поясняет BS II: 370, имеются в виду волшебные заговоры жрецов, читающих гимны Атхарваеды (Āthabbanikā kira Athabbanam paṇojetva...).

...пробудилась память... — здесь satī, очевидно, употреблено в своем первоначальном значении (см. о другом значении Предисловие; ср. I.2.7 и соотв. примеч. и др.).

...счастливый (Sugato)... — ср. II.8 и соотв. примеч.

8. И вот, Поттхапада... — здесь в тексте, соответствующем II.63, DRC I: 181, опускает bhikkhu. В сокращенной передаче этого очередного повтора II.40 сл. следуем в дальнейших суттаж делению на параграфы, принятому в DRC I: 181 sq. и др.

10. Когда он видит... — ниже в IX.10–13, в отличие от предыдущих повторов, повторяется лишь текст II.75, 77, 79, 81 с соответствующими добавлениями.

...подлинное, уточненное (sukhuma-sacca)... — ср. PR: 716, 668; DR I: 248 — a subtle but actual; DF: 148 — geistig-reale (ibid., Anm. 1 — «im philosophischen Sinne reale»? wortlich: «fein-real»), как полагает Р.О. Франке, — в противоположность физической реальности.

14. ...преодолев осознание форм... — ср. IX.14–16 и I.3.13–15.

15. ...сознания (viññāṇaī cāyatanam)... — ср. I.3.14 и соотв. примеч.; PR: 619; DR I: 250 — cognition (ibid., n. 1 — the exact translation of this word is still uncertain. Perhaps “mind” in meant), что расходится с его же переводом аналогичного места выше (ibid.: 48 — consciousness). DF: 149 (как и 37) — Wahrnehmung; DN: 130 (как и 28) — Bewusstsein. Ср. ниже, XI.85.

17. ...сознающим себя (saka-saññī)... — т.е. с тех пор как сознание освобождалось от внешних воздействий; по-видимому, с 1-й ступени созерцания. Ср. DR I: 251; DF: 149, Anm. 5.

...предамся... воображению (abhisaṅkhareyyam)... — ср. PR: 70; DR I: 251 — fancying; DF: 150 — (innerlich) bilde (ibid., Anm. 1 — ссылка на термин saṅkhāra как совокупность элементов и свойств, образующих данное понятие, ср. PR: 664–665; Предисловие).

19. По мере того... я [каждый раз] (yathā yathā... tathā tathā)... — ср. DR I: 252 — As he attains to the cessation (of the idea, one state of consciousness) after another, so does he reach, one after another, to different summits up to the last (ср. DN: 132). DF: 150 (ср. ibid., Anm. 5) полагает, что здесь, скорее, идет речь о различных «вершинах сознания», обусловленных разными индивидуальностями адептов (ich lehre den höchsten Zustand des Bewusstseins in individuell angepasster Weise für einen jeden so, dass er da das Ende erreicht), что, во всяком случае, меньше согласуется с контекстом.

20. ...потом — знание... — т.е. сумма знаний (ñāṇam) человека зависит от достигнутой им ступени сознания, ср. DR I: 252, n. 1.

21. Как... понимаешь (kim... racceṣī ti; другое чтение: kaṇ... — ср. DRC I: 185, n. 9; DK I: 155)... — следуем более предпочтительному толкованию racceṣī (от racinati, ср. PR: 383). DF: 151 (ibid., Anm. 2) — wie stellst du... vor; ср. PR: 383. DR I: 252 (ср. ibid., n. 3) видит здесь глагол racceṣī и соответственно переводит: Do you really fall back on the soul?, что, однако, представляется менее удачным по контексту (уже в следующей фразе DR переводит racceṣī: I take for granted; ср. PR: 385).

...как грубое (oḷārikam)... — ср. выше осуждаемые Буддой теории «я» (I.3.10 сл. и соотв. примеч.). Под четырьмя элементами имеются в виду земля, вода, огонь и воздух. Согласно BS II: 376, Поттхапада в действительности считает не так и высказывает свое истинное мнение ниже, в IX.23, но желает пока выяснить, как Будда относится к подобным воззрениям.

22. ...как состоящее из разума... — ср. I.3.12; II.85 и соотв. примеч.

24. ...*другие воззрения* (añña-ditṭhikena añña-khantikena añña-gucikena aññatāyogena aññatthā-cariyakena)... — ср. PR: 232, 572 (о первых трех понятиях как отражающих соответственно сферы интеллекта, эмоций и воли). Другое чтение: -rayogena (DRC I: 187, п. 1 — «средство», «действие» и т.п.); ср. DR I: 254; DF: 152.

25. ...*мир вечен?* — Ср. I.2.1 сл.

...*мир конечен?* — Ср. I.2.13 сл.

26. ...*жизненное начало... тело* (jīvaṃ... śarīraṃ)? — Ср. VI.15 сл. и соотв. примеч.

27. *Татхагата существует после смерти?* — Ср. I.2.27.

28. ...*ни к отвращению... ни к ниббана* (na nibbidāya na virāgāya na nirodhāya na upasamāya na abhiññāya na sambodhāya na nibbānāya samvattati). — Ср. PR: 365, s. v. nibbāna, 362 сл.; Предисловие.

29. *Это — страдание...* — ср. II.97 и соотв. примеч.

32. Читта (Citta) — сын Хаттхисари (Hatthisāri), житель Саваттхи; согласно преданию, он неоднократно присоединялся к буддийской общине, а затем оставлял ее. Ср. DR I: 256, п. 1; BS II: 378–379; PM I: 806.

34. *После смерти...* — ср. I.2.38.

...*достойные* (mārisā)... — согласно толкованию Буддхагхосы, -niddukkha (PR: 530). Как поясняет DF: 155, Anm. 2, обращение богов друг к другу или к благочестивым людям.

...*необоснованными* (appāṭihīrakataṃ). — Ср. PR: 451; DR I: 257 (ibid., п. 3) — without good ground; DF: 155 — unüberlegtes (ibid., Anm. 3 — oder: «indiscutables», «nicht erst noch zu wiederlegendes»). Ср. IX.45 противоположное по смыслу sappāṭihīrakataṃ.

35. ...*кшатрийка* (Khattī vā Brāhmaṇī vā Vessī vā Suddī vā)... — ср. Предисловие.

39. ...*«я»... обретены* (atta-paṭilābhā)... — ср. выше, IX.21–23; DR I: 259–260, п. 3 (там же параллель с тремя видами миров, по-видимому, в более позднем учении, связанных соответственно с признаками kāma, rūpa и arūpa). Ср. XXV.23.

40. ...*и будут удовлетворенность...* — ср. II.75.

45. ...*хорошо обоснованными* (sappāṭihīrakataṃ). — Ср. выше, IX.34 и соотв. примеч.; PR: 680; DF: 157, Anm. 10.

48. ...*неосуществимо...* — в тексте: mogho.

53. ...*обычные имена... не привязываясь* (loka-samañña lokaniruttiyo loka-vohārā lokapāñattiyo yāhi... voharati arāgāmasan ti)... — ср. DR I: 263, п. 1; DF: 160; см. I.1.36 и др.

54. и сл. *Превосходно, господин!* — Ср. с этой и следующей формулой V.28; VIII.23–24 и др.

Х. «Субха-сутта»

Subha sutta названа по имени юного ученика Субхи, сына брахмана Тодейи (Todeyya; ср. PM II: 1227–1228; I: 1038–1039), обратившегося за наставлением к Ананде. Ср. DR I: 265–266; DK I: XVIII–XIX. См. BS II: 384–387; DAT I: 501–505.

1.1. ...*полного успокоения* (parinibhute)... — ср. BS I: 7; PR: 427–428.

Ананда — см. I.3.74 и соотв. примеч.

...*Саваттхи... Джэставане... Анатхапиндики*. — Ср. IX.1 и соотв. примеч.

1.5. ...*следующим за ним отшельником* (pacchā samaṇeṇa)... — имеется в виду молодой монах-отшельник, следующий за старшим в его странствиях. Таким спутником был и сам Ананда при Будде. Ср. PR: 386.

Четака (Cetaka) — ср. PM I: 909; DR I: 268 — from the Ketiya country (ср. BS II: 386).

1.6. ...*свода предписаний* (khaṇḍhānaṃ)... — ср. II.63.

1.7 сл. *Вот, юноша...* — очередной повтор (= П.40–98) распределен здесь по трем рубрикам соответственно: *sīla* (= П.40–63); *saṃādhi* (= П.64–82) и *paññā* (= П.83–98). Ср. варианты в соответствующих обозначениях (например, *saṇaṇa*, *vijjā*) в III.2.2; IV.23 и др. Следующим делению на параграфы, принятому в DRC I: 206 sq.

2.13. *И когда, юноша, монах... это и есть часть его...* — здесь и далее замена соответствующего рефрена в П.76, 78, 80 и т.д.

...с устремленным рассудком и углубленным рассуждением (*savitakkaṃ savicāraṃ*)... — ср. выше, I.3.21 и соотв. примечание; П.75; и др.

XI. «Кеваддха-сутта»

Kavaddha (также *Kevaṭṭa*) *sutta* названа по имени молодого брахмана-домохозяина, обратившегося к Будде (PM I: 607). См. об этой сутте: DR I: 272–275; DK I: XIX–XX; PM I: 607. См. BS II: 388–394; DAT I: 506–513.

1. Наланда — см. I.1.1 и соотв. примеч.

Паварика (*Pāvārika*) — роща в Наланде, названная по имени купца *Pāvāriya*, который подарил ее общине. Ср. BS I: 319; PM II: 194–195.

...сверхъестественное чудо (*iddhi-pāṭihāriyaṃ*). — Ср. DR I: 276 — a mystic wonder; DF: 161 — für die magischen Kräfte der Heiligkeit mögliches Wunder; DN: 149 — ein magisches Wunder. *Iddhi* (санскр. *ṛddhi*) — сверхчувственная психическая сила, приобретаемая совершенным существом благодаря сосредоточенности; сюда входили способности передавать мысленные образы на расстояние, стать невидимым, ходить по воде, летать в воздухе и т.п. *Pāṭihāriyaṃ* обозначает здесь первое из «чудес», характеризующих Будду (наряду с *ādesanā*- и *anusāsani*-; см. ниже, XI.3 сл.). Ср. PR: 120, 451.

...мирян в белых одеждах (*gihīnaṃ odāta-vasanānaṃ*). — Здесь традиционное противопоставление мирян монахам (в желтых одеждах).

3. ...чудо обнаружения и чудо наставления (*ādesanā-pāṭihāriyaṃ anusāsani-pāṭihāriyaṃ*). — В первом случае здесь имеется в виду чтение чужих мыслей, угадывание характера и т.п., во втором — учение самого Будды. См. PR: 451, 100. Ср. DR I: 277 — the wonder of manifestation and the wonder of education; DF: 162 — das Wunder der Offenbarung (des Inneren anderer) und das Wunder der Lehre; DN: 149 — das Wunder der Vorzeige, das Wunder der Unterweisung.

4. ...будучи одним... — ср. П.87.

5. ...знание... *Гандхары* (*Gandhāgī... vijjā*). — Имеются в виду определенные иллюзионистские трюки (например, способность стать невидимым, ср. JF IV: 498 sq.), названные по имени области *Gandhāra* (р-н совр. Кандахара). Ср. PR: 244. Подобным сравнением это «сверхъестественное чудо», на которое способен Будда, низводится здесь до уровня недостойного фокусничества.

6. ...мысли... размышления... устремления рассудка... углубленные рассуждения... — ср. PR: 266, 271, 620; I.3.21 и соотв. примеч. Ср. DR I: 278 — the heart, the feelings, the reason and the thoughts; DF: 163 — Herz und Denken, Überlegungen und Erwägungen; DN: 150 — Herz und Gemüt; Sinn und Gedenken.

7. ...маника (*Maṇiko*; другое чтение: *Maṇikā*, ср. DRC I: 214, n. 1). — Вероятно, от *maṇi* («драгоценность»), возможно также значение «кувшин для воды». Согласно BS II: 389, тождественно *cinṭāmaṇi* (букв. «сокровище мыслей») — обозначению искусства угадывать чужие мысли. Могло обозначать также заговор, помогавший, согласно поверью, отыскивать украденные и спрятанные драгоценности. Ср. DR I: 278, n. 3; DF: 163, Anm. 2 (со ссылкой на JF III: 504); PR: 516.

8. *Это, Кеваддха, и называется...* — ниже, в тексте XI.45 сл. эта формула заменяет соответствующие рефрены в II.76, 78 и т.д. Ср. DRC I: 214 sq.

67. *...путь, ведущий к [миру] богов* (devayāniyo maggo). — Ср. BS II: 391, где в связи с этим упоминается о Brahma lokā — мире Брахмы как высшем из миров (ср. ниже, XI.80), в которые восходит монах, спрашивающий богов. Ср. DR I: 280 — the world of the Gods; DF: 164 — zu den Göttern führende Weg.

68. *...к богам... при четырех Великих царях* (Cātummahārājikā devā)... — здесь имеются в виду боги, обитающие в одном из низших божественных миров и составляющие свиту четырех богов — властителей сторон света (так называемые lokapāla). Сюда входили Kuvera (санскр. Kubera; также Vessavaṇa), Dhataratṭha (санскр. Dhṛtarāṣṭra), Virūpakha (санскр. Virūpākṣa) и Virūlhaka (санскр. Virūdhaka). Ср. PR: 264, 588; DF: 164, Anm. 5.

69. *...тридцатью тремя* (Tāvatiṃsā, санскр. trayastriṃśa)... — традиционное число богов, восходящее, по-видимому, уже к индо-иранскому пантеону (Зенд-авеста) и встречающееся в Ригведе. Согласно одному из свидетельств «Брихадараньяка-упанишады» (III.9.2), сюда входили 8 васу (vasu — «добрый», «благодетельный») — божеств, олицетворяющих различные феномены природы; 11 рудр (rudra — «ревуший», «страшный») — божеств, вышедших из уст бога-творца и почитавшихся позже как воплощение бога Шивы; 12 адитьев (ādityā) — небесных солнечных божеств, отождествляющихся, в частности, с месяцами года и соответственно — с различными положениями солнца; Праджapati (Prajāpati — «отец создания») — творец и хранитель существ, и Индра (Indra — царь богов). Согласно буддийским воззрениям, последователи Будды возрождаются после смерти в мире 33 богов, где ими правят Сакка (см. ниже) и Брахма. В связи с отдельными мифологическими реалиями Дп ср. XVIII.12 сл.; XIX.2 сл.; и др.; ср. PR: 300; Шохин 1999.

70. Сакка (Sakka, санскр. Śakra — «могучий») — эпитет царя богов Индры (ср. здесь еще обозначение его как повелителя (indo) богов), в буддийском пантеоне он фактически заменил Индру, приобретя новые функции и существенно отличаясь от канонического Индры ведийских текстов. Ср. XIX.3 сл.; PR: 300; Шохин 1999.

71. *...яма* (Yāmā — «сдерживающие») — божества, населяющие подземный мир (Yamaloka) и подчиняющиеся его повелителю Яме (Yama), который, по-видимому, тождествен названному ниже (XI.72) Суяме (Suyāma). Ср. PR: 554; DR I: 280.

72 сл. *...сын бога* (deva-putto)... — в XI.72–79 это обозначение применено к повелителям (ср. DR I: 280–281 — their king; PR: 330 — arcangels) четырех миров, населенных божествами, о которых последовательно идет речь: 1) яма (Yāmā) и их повелитель Суяма (Suyāma), см. выше; 2) тусита (Tusitā — «удовлетворенные»; согласно Хариванше и пуранам, их 12; согласно лексикографам — 36; ср. SE: 452), их повелитель Сантусита (Santusito — «вполне удовлетворенный»); 3) нимманарати (Nimmānaratī — «находящие удовольствие в [собственном] творении», обитающие на пятом небе, ср. SE: 556), их повелитель Суниммита (Sunimmito — «с добрым предзнаменованием»); 4) параниммита-васавати (Paranimmita-Vasavattī... — «имеющие власть под господством другого», ср. PR: 368, 419, 604; SE: 586 дает другое толкование со значением, противоположным названию предыдущего клана божеств (нимманарати): paranimmita-vaśa-vartin — constantly enjoining pleasures provided by others, т.е. «находящий удовольствие в сотворенном другими»), их повелитель Васаватти (Vasavattī — «имеющий [высшую] власть»). Ср. PR: 330; Kirfel 1920: 191 сл.; DN: 153–155 — соответственно: Schattengötter — Schattenhold — Seligen Götter — Glückselig — Götter unbeschränkter Freude — Unbeschränkter Freudenort — Unbeschränkter Freude selbstgewaltigen Götter — Selbstgewaltig (что в большинстве случаев представляется недостаточным обоснованным).

79. *...принадлежащими к свите Брахмы* (Brahma-kayikā)... — т.е. божества, принадлежащие к высшему божественному миру, миру Брахмы. Ср. PR: 493; Kirfel 1920: 191 сл.

80. ...*Брахма, великий Брахма...* — ср. I.2.5.
81. *Я... Брахма...* — возможно, здесь Брахма хочет указать монаху на то, что тот обращается к нему неподобающим образом. Ср. DF: 164, Anm. 4 и с параллелью из Mv I.6.12, где аналогичные слова произносит Будда.
83. ...*ты поступил... дурно...* — еще одно свидетельство переоценки традиционных индуистских ценностей.
85. ...*видящую берег (tira-dassim)*. — То есть способную находить берег в открытом море. Ср. PR: 304; DF: 166, Anm. 2.
- ...*в промежуточные (anudisam)*... — ср. DR I: 283; DF: 166, Anm. 3 (ibid., перевод — ringsum; DN: 157 — kreiste umber).
- Где лишены основания...* — здесь и ниже — гатха. См. III.1.28 и соотв. примеч.; Franke 1909: 312.
- ...*ия и форма.* — В тексте: nāmañ ca rūpañ ca.
- ...*имеющее доступ (paham)*... — место не вполне ясное. Ср. BS II: 393 (titthassa nāmañ, т.е. образ брода как доступа) и связанное с этим толкование DR I: 283 — assessible from every side (ср. ibid., п. 2). Возможно и толкование paham как pahham («сияющее») в связи с идеей отказа, отречения. Ср. PR: 448; DF: 166, Anm. 5; DN: 647, Anm. 250.
- ...*сознание (viññāṇam)*... — т.е., по-видимому, существа, достигшего нирваны. Ср. BS II: 393; DR I: 283 — The intellect of Arahatsip.

ХII. «Лохичча-сутта»

Lohicca sutta названа по имени брахмана Лохиччи, настаивавшего на бесполезности проповеднической деятельности и разубежденного Буддой. Ср. DR I: 285–287; DK I: XX–XXI; PM II: 797. См. BS II: 395–398; DAT I: 514–517.

1. Косала — см. III.1.1 и соотв. примеч.

Салаватика (Sālavatikā) — деревня в Косале, подаренная Пасенади (ср. III.1.1 и др.) Лохичче. Название это толкуется как «огороженная деревьями сала (sāla)» (*Shorea Robusta*). Ср. PM II: 1121; DR I: 288 — a village surrounded by a row of sāla trees.

4. Бхесика — Bhesikaṃ.

5. ...*Благостного (Bhagavantam)*... — это обращение в устах Бхесики, несколько перефразирующего слова Лохиччи (ср. ниже), возможно, свидетельствует о том, что он уже являлся последователем Будды. Ср. DR I: 290, п. 1.

11. Каси (Kāsi, санскр. Kāśi) — название области (к югу от Косалы в среднем течении Ганга) и города (совр. Варанаси).

13. ...*вступления в поток (satāpatti)*... — т.е. вступление на «праведный восьмичленный путь», обращение в буддизм (ср. PR: 725). Ниже здесь соответственно указаны вторая ступень совершенства — состояние существа, которому осталось лишь один раз возродиться в этом мире (sakadāgāmin); третья ступень — существо, которое возродится уже не в человеческом облике на земле, а в одном из высших миров (anāgāmin), и четвертая ступень — возродившийся на небесах в состоянии архатства (arahattam). Ср. PR: 660, 31–32; примеч. к I.1.3; VI.13. Отсюда и последующий образ созревания «небесных зародышей» (dibbā gabbhā paripācenti).

16. ...*свершение этого...* — здесь имеется в виду обучение тех, кто не доверяет тебе; ниже соответственно, в XII.17 — обучение, когда сам наставник еще не научился тому, чему учит; в XII.18 — когда учитель недостаточно подготовил себя к своей задаче. Ср. DR I: 294–295.

55. *И вот... когда у учителя...* — здесь и ниже, в XII.55 сл. — замена соответствующего рефрена (II.76, 78, 80, 82 и т.д. — «таков... зримый плод...»).

78. ...*пропасть* (paraka)... — также название подземного мира, преисподней (-niraya), где мучаются умершие. Ср. PR: 347; DK I: 296 — purgatory.

XIII. «Тевиджджа-сутта»

Tevijja (букв. «тройное знание») *sutta*, по-видимому, связана своим заглавием со знанием трех вед (ср. DR I: 30; DF: 168; и др.) — Ригведы, Самаведы и Яджурведы, т.е. с брахманами, наделенными подобным знанием, отнюдь еще не достаточным, как показывает Будда, для достижения высшей истины. Ср. III.1.3 и соотв. примеч.; PR: 617 (в частности, о противоположном понимании этого обозначения в брахманской и буддийской традициях). См. об этой сутте DR I: 298–299; DK I: XXI–XXII; PM I: 1037. Ср. также Krüger 1988; TB: 139–150. См. BS II: 399–406; DAT I: 518–526.

1. Манасаката (Manasākata) — деревня в Косале. Ср. PM II: 440.

Ачиравати (Aciravatī) — река, протекавшая через Косалу (совр. Рапти в Аудхе).

2. Брахман Чанки (Caṅkī, ср. PM I: 836) — согласно BS II: 399, происходил из Опасады (Opasāda). Таруккха (Tārukka, ср. PM I: 1000) — из Иччхананкалы (см. III.1.1 и соотв. примеч.), Поккхарасади (см. III.1.1 и соотв. примеч.) — из Уккаттхи (см. там же), Джануссо́ни (Jaṇussoṇi; другие чтения: Janussoṇi, Jaṇuṣoṇi и т.д., ср. DRC I: 235, п. 2; DK I: 199; см. PM II: 950) — из Саваттхи (см. примеч. к III.1.1); Тодейя (Todeyya, см. примеч. к заглавию X) — из деревни Tudi, от названия которой, по-видимому, образовано его имя. Ср. DR I: 300, п. 1.

3. Васеттха (Vāsetṭha, ср. PM II: 860–861) — согласно BS II: 399, ученик Поккхарасади; Бхарадваджа (Bhāradvāja, ср. PM II: 373) — Таруккхи. Их тезки, знаменитые брахманские авторитеты, неоднократно упоминаются в Dn (ср. III.2.9; XIII.13; и др.).

...*совершившими прогулку* (jaṅghā-vihāraṃ anucaṅkamantānaṃ)... — ср. PR: 277; DR I: 301, п. 1.

7. ...*отшельник Готама...* — TB: 140 сл. оставляет *samaṇa* без перевода («шрамана»); то же — в переводах А.В. Парибка (ИКДИ: 290 сл. (XXIII); АП: 113 (XXVII) и др. — «шраман»). См. выше, примеч. к I.1.8.

10. ...*брахманы Аддхария...* — ниже перечисляются последователи различных брахманских школ: Аддхария (Addhariyā, *санскр.* Adhvaryu), связанной с определенной категорией жрецов, придерживающихся традиций Яджурведы (т.е. чтения определенных жертвенных формул); Титтирия (Tittiriya, *санскр.* Taittirīya) — по имени ее легендарного основателя, мудреца Tittiri (ср. одноименные тексты — брахманы, араньяки и упанишады), также связанная с традицией Яджурведы; Чхандока (Chandokā, *санскр.* Chandoga) — от обозначения жреца, исполнявшего ритуальные песнопения (chandas) Самаведы (также существуют одноименные брахмана и упанишад); Чхандава (Chandāvā) — название это пропущено в отдельных рукописях (ср. DRC I: 237, п. 1) и, возможно, близко по значению к предыдущему; Брахмачария (Brahmacariyā, букв. «соблюдающий целомудрие», другие чтения: Bhavūriyā, Bahvadīyā и т.п.; ср. DRC I: 237, п. 2; DK I: 200; ср. *санскр.* Bahvṛca со значением «сведущий (приверженный и т.п.) в ричах», т.е. гимнах Ригведы) как обозначение жреца хотара (hotar), обязанностью которого было исполнение гимнов Ригведы. Таким образом, перечисленные здесь школы охватывают в совокупности традицию трех вед (ср. название сутты и ее неоднократные реминисценции). Ср. DR I: 303, п. 2; DF: 169, Anm. 3–7.

11. ...*выводят ли?* (niyuantī ti)... — сохраняем вопросительную формулу в троекратном высказывании Будды, повторяющем слова собеседника (ср. DF: 170). Передача в утвердительной форме (ср. DR I: 303–304; DN: 169) представляется менее удачной по смыслу. Ср. ТВ: 141 («приводят ли?»). Ниже (XIII.12) вопрос повторен четырежды.

13. *Те мудрецы древности...* — ср. III.2.8 и соотв. примеч.

...*откуда...* — ср. XI.80 и соотв. примеч.

14. ...*необоснованными* (appāṭhīrakatam). — См. IX.34 и соотв. примеч.

15. ...*в веренице слепых* (andha-veṇi; другое чтение: °raveṇi, ср. DRC I: 239, п. 6)... — ср. BS II: 401; DR I: 305, п. 2; DF: 171, Anm. 2. Тот же образ в Ев. от Матфея (15.14); Ев. от Луки (6.39) (ср. Hardy 1890: 117).

19. *Ведь подобным же образом...* — см. IX.35 и соотв. примеч.

21. *Ведь подобным же образом...* — ср. IX.37 и соотв. примеч.

24. ...*даже ворона* (kākarreuyu)... — т.е. вода в ней поднялась бы до уровня земли. Ср. BS II: 402; PR: 202; DF: 172, Anm. 6.

25. ...*делают брахманом...* — ср. выше, примеч. к VIII.15; ср. PR: 494.

Мы взываем... — ниже упоминается ряд божеств индуистского пантеона; отдельные из них почитались хранителями сторон света: Индра (Inda, *санскр.* Indra; см. выше, примеч. к XI.69); Сома (Soma) — бог луны, повелитель растений; Варуна (Varuṇa) — бог вод; Исана (Isāna, *санскр.* Īśāna) — эпитет Шивы; Паджапати (Paḍāpati, *санскр.* Prajāpati; см. примеч. к XI.69); Брахма (Brahma); Махиддхи (Mahiddhi, *санскр.* Maharddhi — «великой силы») — возможно, здесь — эпитет царя птиц Гаруды, на котором восседает Вишну (ср. SE: 794; DF: 173, Anm. 2); Яма (Yama) — ср. примеч. к XI.71, 72 сл. См. Шохин 1999.

27. ...*пять признаков* (kāma-guṇā)... — ср. I.3.20. ТВ: 145 — «видов».

...*преодоления* (anissaraṇa). — Толкование DR I: 311 — how unreliable they are — представляется менее удачным. Ср. DF: 174, Anm. 2; PR: 374. ТВ: 145 — «не предвидя последствий».

30. ...*пять преград* (pañc'ime nīvaraṇā)... — см. II.68, где перечисляются те же «преграды» с заменой kāmacchanda на vūāpāda-padosaṃ.

31. ...*обладает имуществом* (sapaṭiggaho). — То есть домом, женами, деньгами и т.д. Ср. DR I: 313, п. 1; DF: 175. BS II: 404 связывает перечисленные здесь пять свойств со свободой от пяти «преград». Ср. DR I: 313, п. 2, 3; DF: 172, Anm. 2.

36. ...*приближаясь к нему... низвергаются* (idha... āsīditvā saṃsīdanti; другое чтение: ādisitvā, т.е. «возглашая [поучения]», ср. DRC I: 248, п. 3; DK I: 209, п. 2)... — ср. DF: 175–176 (ibid., Anm. 5 и 1–2); PR: 116, 659; DR I: 314 (ср. ibid., п. 1) — sit down (in confidence)... — sinking down (in the mire).

...*я бы сказал, пересекают* (sukhataraṃ maññe pataranti; ср. чтение: sukka-taraṇaṃ — DRC I: 248, п. 6; DK I: 209, п. 4)... — т.е. как бы подвергаются воздействию миража, полагая, что пересекают полноводную реку. Ср. BS II: 404; DF: 176, Anm. 3 (ср. ibid., перевод: Sie schrumpfen so zu sagen ein). С этим, по-видимому, связан и следующий ниже образ «бесплодной пустыни» (ṭiṇṇaṃ). Перевод DR I: 314 — thinking the while that they are crossing over into some happier land (толкование sukhataraṃ) представляется менее удачным, так как противоречит маññе.

37. ...*вышедшего из* (avasataṃ; другое чтение: avassaṃ, ср. DK I: 209; DRC I: 249, п. 1)... — ср. PR: 83; DF: 176. Толкование DR I: 315 — who never till that time had left Ma-nasākata, по-видимому, менее удачно (см. DF: 176, Anm. 7).

39. ...*вознесет брахманское потомство* (ullumpatu... Brāhmaṇiṃ rajan). — Также «спасет» (ср. ТВ: 148). Васеттха, очевидно, имеет в виду себя и Бхарадваджу. Ср. BS II: 405; DF: 176, Anm. 8.

40 сл. О соответствии XIII.40–75 = II.40–98 ср. DRC I: 250, п. 4–6. Отдельные рукописи воспроизводят здесь текст, соответствующий II.40–75 до слов *sukhino cittaṃ samādhīyati* («счастливым сосредоточен в уме»), т.е. до учения о четырех ступенях, а затем сразу следует текст XIII.76. Ср. DRC I: 249, п. 8; DR I: 210; DF: 177, Anm. 3–9.

76 ...разумом (*cetasā*)... — DR I: 317 sq. — *mind... heart*; DF: 177 — *Gesinnung*.

76 сл. ...*дружелюбия... сострадания... удовлетворенности... уравновешенности* (*mettā... karuṇā... muditā... upekhā...*)... — здесь перечислены четыре свойства существа, достигнутого освобождения в своем сердце (*ceto-vimuttiyā*, ср. PR: 197).

77. ...*что имеет измерение* (*paṃāṇa-kataṃ kammaṃ*). — Ср. PR: 416; DR I: 318 — all things that have shape of life. Можно предположить также, что своим «безграничным» (*apaṃāṇena*) разумом он не останавливается ни на чем «конечном» (*paṃāṇa*) (ср. DN: 179); это, однако, хуже, на наш взгляд, согласуется с контекстом и приведенным выше образом. DF: 177 (ср. *ibid.*, Anm. 6, 8) предлагает другое толкование: *so bleibt keine Schranke für die Entfaltung solcher liebevollen Gesinnung, die den Geist (von der Begrenztheit des Individuums) erlöst*. TB: 149 — «что делается по образцу».

82. «*Брахмаджала*»... — следует четверостишие, перечисляющее по порядку все 13 сutt раздела I Dn. Отдельные рукописи дают более сжатые варианты тех же названий (*Brahma, Sāmañña* и т.д. — ср. DRC I: 253), уместя их в двух стихах.

XIV. «Махападана-сутта»

Mahāpadāna sutta — по-видимому, здесь и ниже в суттах раздела II Dn определение *pañhā*° в заголовке относится к *sutta*, и, таким образом, следует перевести: «Большая сутта о былом», т.е. об истории (т.е. семи Будд, см. Предисловие; DR II: 4 — *The sublime story*). Другой возможный перевод: «Сутта о великой истории» или «истории о Великом» (ср. DF: 179–180, Anm. 2); MpsJ — *Grande soutra sur l'essence des choses*. *Apadāna* — повествовательный жанр, содержащий легендарное жизнеописание архата, Будды. Ср. DR II: 1–3; *Story of the Great Ones*; Law 1933, I: 96–97; DK II: IX–XI; PM II: 525–526; PR: 51. Этой суттой открывается раздел II Dn — *Mahā vaggā* («Большой раздел»). См. BS II: 407–480; DAT II: 1–102.

1.1. ...*Саваттхи... Джетаване... Анатхапиндики* ... — см. примеч. к IX.1.

...*постройке из... карери* (*Kareri-kuṭīkāyaṃ*). — Одна из четырех построек (*Karerikuṭī, Kosambakuṭī, Gandhakuṭī, Salaḷagharan*, ср. BS II: 407; примеч. к IX.I), сооруженных для монахов в Джетаване Анатхапиндикой и царем Пасенади. *Kareri*, согласно Р. Чайлдерсу, *Capparis Trifoliata*, согласно пояснению Буддхагхосы (BS II: 407), *Varuṇa-rukkha* («дерево Варуны»). Ср. DR II: 4, п. 1; DN: 183 — *Holunder-kappern* (ср. *ibid.*: 650, Anm. 283); PR: 197.

...*в беседке из карери* (*Kareri-maṇḍala-māle*)... — по-видимому, беседка с навесом под деревянными подпорками и без стен, сооруженная рядом с соответствующей постройкой. Ср. BS II: 407; DR II: 4, п. 2; PR: 516. Ср. I.1.3; II.10.

...*прежних существований*... — согласно пояснениям BS II: 407–409 (ср. DR II.4–5, п. 3, 4), соответствующее знание присуще в ограниченной степени монахам различных направлений (ср. I.1.31 сл.) и в неограниченной — Будде. Отсюда вмешательство Будды в разговор монахов.

1.2. ...*очищенным* (*dibbāya sota-dhātuyā*)... — ср. II.89.

1.4. ...*мировой период* (*kappa, санскр. kalpa*)... — ср. I.1.29, 32; II.20 и соотв. примеч.; BS II: 410 sq.; DR II: 5 — aeons; DN: 184 — *Zeitalter*.

...*Випасси... Сикхи... Вессабху... Какусандха... Конагамана... Кассапа* (Vipassī... Sikhī... Vessabhū... Kakusandho... Konāgamano... Kassapo)... — имена шести (19–24-го) Будд, согласно традиционной буддийской мифологии, предшествовавших Готаме. См. о них подробнее ниже; BS II: 410 sq.; PM (соответственно) II: 886–887, 1130, 947–948; I: 470–471, 681–682, 544–547.

...*благоприятном* (bhadda-kappe)... — см. PR: 498; DR II: 5 — auspicious; DN: 184 — glücklichен. Это определение связано с прогрессирующим числом Будд, появившихся в смене мировых периодов, вплоть до нашего (1–2–4). Ср. BS II: 411.

1.5. ...*по происхождению кшатрием...* — как мы видим, первые три Будды, пришедшие в мир в предыдущие «мировые периоды», — кшатрии; следующие три, родившиеся в нынешней калпе, — брахманы. Готама Будда нарушает это равновесие в пользу кшатриев.

1.6. О кшатрийском роде Кондання (Koṇḍañña) см. PM I: 683; о брахманском роде Кассапа (Kassapa) — PM I: 552–553; о роде, из которого произошел последний Будда — Готама (Gotama), см. PM I: 787.

1.7. У *Випасси...* — продолжительность жизни Будд здесь последовательно сокращается, что находит себе аналогии как в дальнейшем изложении (ср. XIV.1.10), так и в некоторых более общих принципах числовой символики при мифологических описаниях эволюции мира, смены поколений и т.п., — ср., например, в рамках индуистской традиции продолжительность четырех юг (yuga): 1.728.000 — 1.296.000 — 864.000 — 432.000 (т.е. 4 : 3 : 2 : 1), библейскую традицию и т.д. Ср. DN: 650, Anm. 284.

1.8. Патали (pātālī) — *Bignonia Suaveolens*, бигнония; ср. PR: 450 — trumpet flower; DN: 185 — Trompetenbaum. Пундарика (puṇḍarīka) — белый лотос (PR: 465); DN: 185 (ср. 651) — Lotusmango, *Artemisia Indica*. Сала (sāla) — дерево сал, *Shorea Robusta* (PR: 706), DN: 185 (ср. 651) — *Vatica Robusta*. Сириса (sirīsa) — *Acacia Sirissa*, разновидность акации (PR: 711). Удумбара (udumbara) — *Ficus Glomerata*, разновидность смоковницы (PR: 135); ср. DN: 185 — Doldenfeige. Нигродха (nigrodha) — *Ficus Indica*, разновидность смоковницы, баньяновое дерево (PR: 355); ср. DN: 185 — Luftwurzelfeige. Ассаттха (assattha, санскр. aśvattha) — *Ficus Religiosa*, разновидность смоковницы (PR: 90); ср. DN: 185 — Pappelfeige. В связи с культом Осоответствующих деревьев, играющих значительную роль в буддийской символике и иконографии, ср. Viennot 1954. Ср. BS II: 415 sq.; DN: 651–653, Anm. 285.

1.9. Кханда и Тисса (Khanda-Tissaṃ... Abhibhū-Sambhavaṃ... Soṇ'-Uttaraṃ... Vidhūra-Sañjīvaṃ... Bhiyyos'-Uttaraṃ... Tissa-Bhāradvājaṃ... Sāriputta-Moggallānaṃ)... — о них известно, в частности, что Кханда был сводным братом Випасси; первый Тисса — сыном жреца; с именем Абхибху связаны легенды о магических способностях; Сона и Уттара были младшими братьями Вессабху; Санджива славился чудесами, которые он совершал в состоянии сосредоточенности (samādhi); Бхиййоса (также Бхиййаса) и Уттара были царевичами; Тисса — братом Кассапы, ставшим аскетом и впоследствии получившим от него наставление. Сарипутта звался иначе Upatissa, он происходил из брахманов и был наделен даром мгновенного постижения истины. Готама Будда считал его мудрейшим среди своих учеников. Сарипутта сам имел множество учеников; он умер за несколько месяцев до Готамы Будды. Моггаллана (Махамоггаллана) также был брахманом и, по преданию, родился в один день с Сарипуттой. Моггаллана славился сверхъестественными способностями (iddhi). В мудрости он уступал только Сарипутте, с которым его связывала взаимная любовь; он также умер раньше своего учителя. С именами двух главных учеников Готамы Будды связано множество преданий. См. соответственно PM I: 705, 1019, 141; II: 1061, 1290; I: 352; II: 883, 1000, 380; I: 352, 1019; II: 372, 1108–1118, 541–547; ср. также Law 1926: 161 sq.; Vareau 1959; Migot 1954; Nyaparopika 1966; Hecker 1979; Ньянапоника, Геккер 2016: 50 сл., 161 сл.; BS II: 416–417; и др.

1.10. *При Випасси...* — ср. выше аналогичное уменьшение в XIV.1.7. Ср. DN: 653, Ann. 287.

1.11. *Асока* (Asoko... Khemaṅkaro... Upasannako... Buddhijo... Sothhijo... Sabbamitto... Ānando)... — в частности, сохранилась легенда о болезни Асоки; Упасаннака (также Urasantaka, Urasanta) был царем города Nārīvāhana; о любимом ученике Готама Будды Ананде см. выше; ср. BS II: 418 sq. См. соответственно PM I: 219, 726, 401; II: 311, 1300, 1036; I: 249–268.

1.12. *Бандхума... Бандхумати* (Bandhumā... Bandhumatī... Aṛuṇo... Pabhāvati... Suppatīto... Yasavati... Aggidatto... Visākhā... Khemo... Yaññadatto... Uttarā... Sobho... Brahmaḍatto... Dhanavati... Kikī... Suddhodano... Māyā)... — в частности, другой вариант имени Аруны — Арунавā; кшатрий Кхема был известен своим покровительством Какусандхе и его последователям; Уттара была также среди первых последователей Конагаманы; царь Собха, согласно преданию, послан на Цейлон ветвь дерева бодхи; царь Кики оказывал многочисленные благодеяния Кассапе. Ср. соответственно PM II: 265; I: 182; II: 145, 1220, 689; I: 13; II: 899; I: 724; II: 679; I: 362; II: 1304, 333; I: 1132, 596; II: 1200–1202, 608–610; BS II: 421 sq. О родителях Готама Будды Суддходане и Майе (также Mahāmāyā); ср. также Thomas 1927: 16 сл.; Foucher 1949: 23 сл.; Lamotte 1958: 16 сл.; и др.

Бандхумати (Bandhumatī... Aṛuṇavati... Anopamaṅ... Khemavati... Sobhavati... Bārāṇasī... Kapilavatthu)... — в частности, Арунавати, возможно, идентичен с Арунапура; другое название Кхемавати — Khema. Баранаси (совр. Варанаси; также Kāśī; санскр. Kāśī) — один из священных городов и Индии и центров буддийского паломничества. Здесь несколько раз останавливался и проповедовал Готама Будда. О родине последнего — Капилаваттху — см. выше, примеч. к III.1.13. Ср. PM II: 265; I: 184, 100, 727; II: 1304, 274–277; I: 516–520.

1.13. *...друзья* (avuso)... — ср. PR: 113; см. ниже, XVI.4.42, 5.13, 6.2 (и соотв. примеч.); и др.

...пути (vaṭṭe)... — ср. PR: 594; согласно BS II: 425 — пути свершения добрых и злых дел. DR II: 6 — barriers; DN: 187 — Wandelheit.

1.17. Бодхисаттва (bodhisatta, санскр. bodhisattva — «просветленное существо») — обозначение личности, которой предназначено достичь высшего просветления, состояния Будды. Прежде чем достичь этого состояния, бодхисаттва проходит через ряд существований, в которых совершает множество добрых дел на пути к совершенству. Соответствующие легенды послужили материалом для обширной повествовательной традиции — как в рамках буддийского канона, так и за его пределами (джатаки, аваданы и т.д.). Ср. Dayal 1932: 4 sq.; Rahula 1971; Krishan 1984b; и др. См. Предисловие.

...в сонме... тусита (Tusitā, букв. «удовлетворенные») — категория божеств, населяющих второй (из четырех) небесных миров в буддийской космологии. Ср. XI.73 и соотв. примеч. Тот же образ — в I.2.3 сл. Ср. DR II: 8, п. 2. В связи с последующим описанием (XIV.17–30) ср. «Аччхариабххутахамма-сутту», Mn 123 (MTC III: 118–124).

...порядок вещей (dhammatā). — Ср. PR: 339; DR II: 8 (ср. *ibid.*, n. 3) — rule; DN: 189 — bestimmte Art. Ср. BS II: 432.

...в мирах богов... — ср. II.40 и др. и соотв. примеч.

...промежуточных мирах (lokantarikā)... — т.е. мирах, помещенных в промежутках между главными мирами, погруженных во мрак и считающихся местопребыванием порочных, «чистилищем» (ср. PR: 587 — Nirayas or Purgatories). См. BS II: 433.

...лишенных опоры (asaṃvutā)... — т.е., по-видимому, порядка, управления и т.п. Ср. BS II: 433; PR: 657 — ungoverned, orderless, not supported, baseless; DR II: 9 — baseless (*ibid.*, n. 1 — not supported from beneath).

...которые родились там... — т.е. за проступки в прежнем существовании. Ср. PR: 433–434; DR II: 9, п. 2.

...четверо сыновей богов... — согласно BS II: 434, это четыре «Великих царя» (mahā-gāja), т.е. божества, находящиеся в свите четырех богов-хранителей сторон света. Ср. XI.68 (там же: 72 сл. — обозначение deva-putto) и соотв. примеч.

1.18. ...избегает... — ср. I.1.8 сл.; V.26; и др.

1.20. ...пятью признаками... — т.е. связанные с пятью чувствами (ср. I.3.20 и соотв. примеч.).

...улаждается... — по-видимому, здесь следует читать paricāreti вместо parivāreti (как в I.3.20; ср. DR II: 12; PR: 436).

1.21. ...находящегося в ее лоне (tiro-kucchi-gatam)... — ср. DR II: 10; DN: 190; BS II: 436 — anto-kucchi. PR: 304 предлагает другое толкование: having left the womb, что, однако, расходится с переводом самого Т.В. Рис-Дэвидса в DR. Ср. в связи с этим мотив зримо-го зародыша в средневековом христианском искусстве (Weis 1985: 20 ff.).

...[с телом], наделенным... — ср. ту же формулу в I.3.12 (см. соотв. примеч.); II.85 и др.

Подобно тому... берилл... — ср. то же сравнение в II.84 и соотв. примеч.

1.22. ...исполняется срок (kālaṃ karoti)... — т.е. она умирает.

1.23. ...девять или десять... — согласно BS II: 437, здесь подразумевается промежуток от семи до двенадцати месяцев.

1.24. ...стоя (thitā va). — К. Нойманн (DN: 655, Anm. 296) проводит параллель с рождением Аполлона у Гомера; здесь, однако (Гимн к Аполлону Делосскому, 117–118), мать Аполлона Лето рождает его, стоя на коленях.

1.26. ...четверо сыновей богов... — см. выше, XIV.1.17.

1.27. ...касийскую ткань (kāsike vatthe)... — т.е. производимую в Каси (Варанаси, ср. выше, примеч. к XIV.1.12) тонкую шелковую ткань, муслин. Ср. DR II: 11 — Benares muslin; DN: 191 — seidenes Tuch.

1.29. ...держат белый зонт... — т.е. божества, в знак его владычества. Ср. BS II: 438.

...могучим... — букв. «бычьим» (āsabhiṇ); ср. BS II: 439; PR: 114; DN: 191. DR II: 12 — with the voice of a bull. Описанные здесь действия и атрибуты новорожденного бодхисаттвы традиционно толковались следующим образом: твердое стояние на ногах — владение определенными сверхъестественными способностями (iddhipādā, ср. ниже, XVIII.22); обращение к северу — победа над многочисленными существами; семь шагов — семь звеньев просветления (bojjhaṅga — PR: 490; ср. ниже, XVI.1.9 и соотв. примеч.); зонт — освобождение; взгляд вокруг — неограниченное познание; «бычий» возглас — приведение в движение колеса дхаммы; слова о последнем рождении — указание на достижение ниббаны в теперешнем существовании. Ср. BS II: 439; DR II: 12, п. 2.

1.30. ...то в мирах богов... — ср. выше, XIV.1.17.

1.31. ...у наделенного... бывает два пути... — см. III.1.5 и соотв. примеч.

1.32. ...семь сокровищ... — ср. также более подробно ниже, XVII.1.11 сл.

[1] ...ноги имеют хорошую опору (suppatiṭṭhita-pādo). — То есть, делая шаг и стоя, он касается земли всей ступней, «плоскостопный». DR II: 14 — has feet with level tread; DN: 192 — wohlgefestete Füße. В связи с перечисленными здесь 32 «признаками великого человека» см. подробнее ниже, XXX; ср. традиционные разъяснения в BS II: 445 sq.; DR II: 14, п. 2 sq.; Agrawala 1951; Kirfel 1959: 35. Более поздние источники за пределами Индии (в частности, тибетские) вносят и сюда известные модификации (см. Предисловие), которые нами здесь не рассматриваются. Особая проблема — связь приводимых свидетельств с богатой буддийской иконографией; см., например, Frédéric 1995: 78 sq.; Schumann 2003; и др.

[3] ...выступающие пятки (*āyata-pañhī*). — Ср. DR II: 14 (*ibid.*, п. 2) — projecting heels; PR: 105.

[4] ...длинные пальцы. — При этом, согласно BS, все пальцы на руках и ногах одинаковой длины и напоминают пальцы обезьяны.

[6] ...словно с сетью (*jāla*)... — так как, согласно комментатору, между пальцами рук и ног нет перепонок и они образуют подобие решетки, сети (*jālā-vāṭarāna*). Ср. PR: 608; DR II: 14, п. 5 — meshes of a net. PR: 283 приводит объяснение, согласно которому образ этот возник благодаря длинным ногтям. DN: 192 толкует в противоположном смысле: Die Bindehaut zwischen Fingern und Zehen ist breit geschweift wie ein Netz.

[7] ...высоко расположенные лодыжки (*ussaṅkha-pādo*). — То есть не внизу над пяткой, как у обыкновенных людей, а выше (ср. BS II: 446; PR: 157 — with ankles midway. DR II: 14 предлагает другое толкование: like rounded shells (*ibid.*, п. 6 — ensuring the maximum of flexibility); то же DN: 192 — muschelwölbig.

[10] ...скрытый под одеждой (*kosohita vatthaguyho*)... — т.е. мужской член (ср. III.2.11 и соотв. примеч.), находящийся, по-видимому, в складках кожи. Ср. DR II: 14 — concealed in a sheath; DN: 193 — in der Vorhaut verborgen (ср. *ibid.*: 656–657, Anm. 302); PR: 230 — having the pudendum in a bag.

[14] ...глазной мази (*añjana*)... — мазь темного цвета, коллирий (PR: 13 — collyrium).

[15] ...превосходно стройное (*brahmujju-gatto*)... — т.е. высокое, не сгорбленное, не откинутое назад и т.д.

[16] ...семь выпуклостей (*sattussado*). — То есть, согласно комментатору, образованных мясистыми утолщениями на задних поверхностях рук и ног, на плечах и спине. Ср. PR: 157.

[17] ...как у льва (*sīha-pubbaddha-kāyo*). — То есть широкая, сильно развитая.

[18] ...заполнено [углубление] между плечами. — Букв. перевод *sitantaraṃso*. Согласно комментатору, на его спине между плечами нет углубления благодаря мясистому наросту, т.е., возможно, с широкими плечами. Ср. PR: 265; DR II: 15 — There is no furrow between his shoulders; DN: 193 — mit der breiten Brust (?).

[19] ...баньянового дерева (*nigrodha-parimaṇḍalo*)... — имеется в виду представление, согласно которому ширина баньяна, т.е. диаметр окружности, образуемой его кроной, равна его высоте.

[20] ...округлые плечи (*samavattakhandho*). — Ср. PR: 684; DR II: 15 — his bust is equally rounded. Согласно комментатору, здесь имеется в виду также и поверхность тела в местах, связанных с органами речи (в частности, горлом).

[21] ...в высшей степени тонкий вкус (*rasaggasaggī*). — Ср. PR: 506; DR II: 15.

[22] ...челюсть — как у льва (*sīha-hanu*). — Согласно комментатору, нижняя челюсть развита больше, чем верхняя.

[23] ...сорок зубов (*cattālīsa-danto*). — DN: 193 непонятным образом пропускает этот признак.

[25] ...не посажены редко. — В тексте: *aviraḅa*; другое чтение с аналогичным значением: *aviraḅa* (ср. DRC II: 18, п. 6; DK II: 16, п. 3).

[26] ...очень белые зубы (*susukka-dāṭho*). — То есть, вероятно, глазные зубы; ср. DR II: 15 — eye-teeth; DN: 193 — Gebiss.

[27] ...большой язык (*paḅūta-jihvo*). — Ср. III.2.11 сл., 18 сл. и соотв. примеч., где Будда, чтобы убедить Амбаттху, а затем Поккхарасади, касается языком ушей и лба. Ср. BS II: 450.

[28] Каравика (*karavīka*; другое чтение: *karavīkara karavika*; ср. DRC II: 18, п. 7; DK II: 16, п. 4) — индийская кукушка. Ср. PR: 196, 494.

[29] ...темно-синие (abhinīla-netto)... — ср. PR: 66; DN: 193. Согласно комментатору — как цветок льна (umtā-purpā); ср. DR II: 16 — intensely blue.

[30] ...ресницы как у коровы (go-pakhumo). — То есть целиком окружающие глаз. Ср. PR: 254 — heifer; DR II: 16, п. 3; DW: 206 — cow. DN: 193 дает более общее родовое понятие (wie beim Rinde — таким образом возможно и толкование: «как у быка»).

[31] ...между бровями (uppa bhamukantare jātā odātā mudu-tūla-sannibhā)... — ср. PR: 130, 306; DR II: 16; DN: 193.

[32] ...на голове сверху выпуклость. — В тексте: uṅhīsa-sīso. Возможное указание на округлую развитую лобную долю; ср. BS II: 452; DR II: 16, п. 4. DN: 193 — hat einen Scheitelkamm (?).

1.34. ...голубой... красный... белый лотос (uppalaṃ vā padumaṃ vā puṇḍarīkaṃ vā)... — ср. DR II: 20; PR: 152, 410, 465.

1.35. ...красивый голос (mañju-...vaggu-... madhura-... pemaṇya-)... — ср. BS II: 452. Традиция выделяла восемь качеств голоса Брахмы и Будды (ср. XVIII.19; XIX.18 и соотв. примеч.; PR: 545, 16).

...в горах Гималаев (Himavante pabbate)... — ср. III.1.16 и соотв. примеч.

1.36. ...созревший [плод] (kamma-vipākajaṃ)... — ср. I.2.27; II.23 и др.

...йоджану... — ср. IV.7 и соотв. примеч.

1.37. ...тридцати трем богам. — См. выше, XI.69 и соотв. примеч.

Випасси — по смыслу близко к значению «видящий внутренним зрением», «ясновидящий». Ср. BS II: 454; PR: 627; DR II: 17 (ibid., n. 3) — Seer; DN: 194 — klaräugig.

1.38. ...женщинами-музыкантами (nippurisehi turiyehi)... — букв. «не мужчинами»; ср. BS II: 455; PR: 361; DR II: 18 (ср. ibid., n. 1) — ministered to by bands of female musicians; DN: 194 (ср. ibid.: 658, Anm. 308) — von unsichtbarer Musik bedient.

...роще для увеселений (uyuāna-bhūmiṃ)... — ср. PR: 155.

2.2. ...созбненного, словно подпорка для крыши (gorānāsī-vaṅkaṃ)... — ср. PR: 255 с указанием на форму подобной подпорки (∧), 591.

...внутренние покои (anteruṃaṃ)... — также гарем, откуда царевич, согласно BS II: 455, отослал после этого всех женщин. Ср. DR II: 19, п. 1.

2.10. ...сооружающих погребальный костер (milātaṃ kayiramānaṃ; другое чтение: vilātaṃ и далее — kariyatī ti). — Место не вполне ясное. Следуем более удачному по смыслу DR II: 21 — constructing a funeral pyre. DN: 198 переводит milātaṃ — «düsteren» и относит это к одеждам собравшихся людей (und in allerhand düsteren Gewändern sich durcheinanderdrängen).

2.15. ...сбрею волосы... — ср. II.35 и др.; DN: 660, Anm. 317.

2.16. ...восемьдесят четыре тысячи... — по-видимому, здесь употреблено как нарицательное обозначение великого множества (ср. DR II: 23, п. 1).

2.18. ...находящегося в обители (vāsupagatassa)... — ср. PR: 610. BS II: 459 — «под деревом бодхи», что, однако, по-видимому, связано с более поздней традицией (мотив просветления под деревом бодхи). Ср. DR II: 23, п. 2 (ibid. — when he had gone to his place).

...направившего внимание к истокам (yoniso-manasikārā)... — ср. BS II: 459 — upāya... patha; DR II: 24 — from attention to the cause (ср. ibid., п. 1); ФБЭ: 429–432 (В.Г. Лысенко).

Существует... рождение... — ниже последовательно излагается учение о звеньях причинной зависимости (nidāna), «зависимом происхождении» (paṭicca samuppāda). В связи с ходом рассуждения Будды звенья эти: jaḅā-maḅaḅa (старость и смерть) — jāti (рождение) — bhava (становление) — upādāna (стремление) — taṅhā (жажда) — vedanā (ощущение) — phassa (соприкосновение) — saḅāyatana («шесть оснований») — nāṃā-rūpa (имя и форма) — viññāḅa (сознание) — упоминаются здесь в порядке, противоположном обыч-

но принятому, причем звенья 1–2, относящиеся к прошлому существованию — *avijjā, saṃkhārā*, — опущены. Ср. BS II: 459 sq.; DR II: 26, п. 1). См. подробнее в связи с этим сутту XV; ср. PR: 394; Розенберг 1991: 172 сл.; ФБЭ: 549–554 (В.Г. Лысенко); NBD: 119 sq.; Дандарон 1968; Williams 1974; 1978; Gupta 1977; Sopa 1986; Buddhādāsa 1992; и др. Ср. I.3.71.

...*становление* (*bhava*)... — останавливаемся на наиболее вероятном, на наш взгляд, значении. Ср. DR II: 24 — *becoming*; NBD: 120 — *process of becoming*; DN: 202 — *Werden*; Дандарон 1968: 222 и сл. — «становление»; PR: 394 — *action or character; renewed existence* (К.А. Рис-Дэвидс), Williams 1978: 35 sq. (*becoming*); Sopa 1986: 115 sq (*made of existence*).

...*стремление* (*upādāna*)... — ср. PR: 394 — *clinging to existence, or attachment*; Розенберг 1991: 174, 178 — «стремление»; NBD: 120 — *clinging*; Дандарон 1968: 222 сл. — «привязанность»; Williams 1978: 35 sq. (*grasping*); Sopa 1986: 115 — *appropriation*. Ср. также DR II: 24 — *grasping* (ср. *ibid.*, п. 2).

...*ощущение* (*vedanā*)... — ср. также Розенберг 1991: 174 и Дандарон 1968: 220 сл. — «чувство».

...*шесть оснований* (*saḷāyatana*; также — «сфер», «областей»)... — т.е. пяти органов чувств (зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания) + постижения. Специфика соответствующей терминологии состоит в том, что каждое «основание» включает в себя как орган, так и объект соответствующего чувства, т.е. 1) *sakkhu* (глаз) — *gūpa* (видимый предмет); 2) *sota* (ухо) — *sadda* (звук); 3) *ghāna* (нос) — *gandha* (запах); 4) *jihvā* (язык) — *rasa* (вкус); 5) *kāya* (поверхность тела) — *phoṭṭabba* (объект прикосновения); 6) *mano* (разум, способность постижения) — *dhamma* (объект постижения). Ср. PR: 105; Розенберг 1991: 174 — «шесть баз»; ср. также PR: 394 — *The sixfold sphere*; DR II: 25 — *the sixfold field* (ср. *ibid.*, п. 2); DN: 203 — *sechsfaches Reich*; Дандарон 1968: 218 сл. — «шесть органов чувств».

...*имя и форма* (*nāma-rūpa*)... — традиционное в буддийской (как и индуистской) догматике обозначение сочетания духовных и физических свойств, отличающего индивидуума. Ср. PR: 350 — *name and body*; *ibid.*: 394 — *individuality (mind and body, animated organism)*; DR II: 25 — *name and form* (*ibid.*, п. 3 — *Name and form is what we should call mind and body*); NBD: 120 — *corporeality and mentality*; DN: 203 — *Bild und Begriff*; Розенберг 1991: 174 — «нечувственное и чувственное».

...*сознание* (*viññāṇa*)... — см. Предисловие; ФБЭ: 210 сл., 216; и др. Здесь — определенная различительная способность, которая, возникая в существе, обуславливает его индивидуальные проявления (*nāma-rūpa*) и (как, в частности, следует из этой сутты), в свою очередь, может быть обусловлена ими (ср. DR II: 26, п. 3). См. PR: 618 и DR II: 26 — *cognition*; PR: 394 — *thinking substance (consciousness)*; NBD: 120 — *consciousness*; DN: 203 — *Bewusstsein*; Розенберг 1991: 174 и Дандарон 1968: 216 сл. — «сознание».

2.19. ...[от него] *происходят*... — ср. I.3.21, 71.

2.21. ...*путь к просветлению* (*vipassanā-maggo*)... — снова игра слов с именем бодхисаттвы (Випасси). Ср. DR II: 27, п. 1.

2.22. ...*пяти [групп] составляющих, основанных на стремлении* (*pañcas' upādāna-kkhandhesu*)... — т.е. пяти скандх (*санскр.* *skandha*), факторов, обуславливающих чувственные восприятия человека и соответственным образом — его рождение в мире (*gūpa* — *vedanā* — *saññā* — *saṃkhāra* — *viññāṇa*, условно переданные здесь как форма — ощущение — восприятие — склонность — сознание; см. выше, XIV.2.18). Ср. в связи с этим: DR II: 28 (*ibid.*, п. 2): *form — feeling — perception — syntheses — cognition*; PR: 233: *material qualities — feeling — perception — coefficients of consciousness — consciousness*; NBD: 76 sq.: *corporeality group — feeling — perception — mental-formation — consciousness*;

ДТ: 148–149 — «материальные свойства или признаки... ощущения... восприятие... наклонности или способности... мысль, разум». Ср. Розенберг 1991: 124 сл.; BS II: 462–463; см. выше, примеч. к XIV.2.18.

...наклонности... — условный перевод *saṃkhārā* (ср. предыдущ. примеч.) — определенные индивидуальные факторы, мотивирующие характер сознания человека, его волевые импульсы. Ср., в частности, толкования PR: 664 — *former impression, disposition* (см. подробнее *ibid.*: 664–665; ср. также 233 — *coefficients of consciousness*); NBD: 48 — *Formation* (*ibid.*: 80, 148 — *mental formations*); ср. DF: 307–318; ДТ: 149.

...от порочных свойств (*āsavehi*). — То есть чувственности (*kāma*), перехода в новое существование (*bhava*), ложных воззрений (*ditṭhi*) и невежества (*avijjā*); подобное освобождение характеризует состояние архата, но еще не Будды. См. начало следующего раздела; ср. DR II: 28, п. 2; выше II.97 и соотв. примеч.

...раздел поучения (*bhāṇavāraṃ*). — См. I.1.37 и соотв. примеч.

3.1. ...теперь я буду проповедывать... — ср. параллели из Vp, Mn, Sn (DR II: 29, п. 1).

...глубокой... — ср. DR II: 29, п. 4; выше, I.1.28 и др. и соотв. примеч.

...привержен к удовлетворению чувственности (*ālaya-gāṃāya*)... — т.е., согласно BS II: 464, — пяти чувств; ср. PR: 109; DR II: 29.

...наклонностей (*saṃkhāra*)... — см. выше, примеч. к XIV.2.22.

...ведущего к следующему рождению (*upadhi*)... — см. PR: 142 (в частности, о более поздней классификации *upadhi*). DR II: 30 — *substrata of rebirth*.

...бесстрастии (*virāgo nirodho nibbānaṃ*)... — ср. IX.28 сл. и соотв. примеч.; PR: 371, 634, 362 сл.

3.2. ...строфы (*gāthā*)... — см. III.1.28 и соотв. примеч.

...непривычно (*paṭisota-gāmiṃ*)... — букв. «идуший против течения».

...один великий Брахма (*aññatarassa Mahā-brahmuṇo*)... — см. BS II: 467; DR II: 30, п. 4.

Определение это, обозначающее, по-видимому, богов, пребывающих в мире Брахмы, относится здесь к верховному Брахме. Ср. PR: 493; I.1.26; 2.5; XI.29 сл. и соотв. примеч.

3.6. ...оглядел мир глазами Будды (*buddha-cakkhunā*). — Имеется в виду одна из высших способностей (*balas*) Будды. Ср. PR: 482–483; DR II: 31, п. 1.

...другим миром (*paraloka*)... — т.е. находящимся за пределами земного. Ср. PR: 419.

...с голубыми... — ср. XIV.1.34.

3.7. ...свободный от долга (*anapa*)... — т.е. от нового рождения (ср. PR: 17).

Врата бессмертия (*amatassa dvārā*)... — т.е. ведущие к «праведному восьмичленному пути», к ниббане. Ср. BS II: 471; DR II: 33, п. 1.

...тяжесть (*vihiṃsa*)... — т.е. связанную с проповедничеством (см. выше).

3.8. Кханда... Тисса... — см. выше, XIV.1.9. и соотв. примеч.

Бодхи (*bodhi*) — священное фиговое дерево (*assattha*; *Ficus Religiosa*), с которым традиция связывает просветление Будды (ср. PR: 491).

Кхема (*Khema*) — оленья роща (*mīga-dāya*; ср. PR: 319, 532) в окрестностях Бандхумати (см. выше, XIV.1.12), где родился и произнес свою первую проповедь Випасси. Отождествляется с *Isipatana* в Варанаси (*нал.* Баранаси). См. PM I: 724; DR II: 33, п. 3.

3.11. ...изложил им последовательную проповедь... — ср. выше, III.2.21 и соотв. примеч.; ср. параллели в DRC II: 41, п. 4.

3.12. ...идем как к прибежищу к Благостному и к дхамме. — Традиционная формула изменена, так как сангхи монахов еще не существует (см. ниже).

3.13. ...наклонностей (*saṃkhārānaṃ*)... — см. выше, XIV.2.22 и соотв. примеч.; ср. DR II: 35 — *component things*; DN: 210 — *Unterscheidungen*.

3.14. ...большое собрание людей... — ср. выше, XIV.2.16.

3.20. ...и к сангхе... — упоминание сангхи становится уже естественным (ср. III.2.21; XIV.3.12 и соотв. примеч.); вместе с тем отдельные рукописи и здесь опускают это слово (ср. DRC II: 45, п. 1).

3.22. ...для чтения «Патимоккхи» (pātimokkhuddesāyā ti). — Имеется в виду собрание правил, регламентирующих поведение члена общины. Правила эти входят в Vp и относятся, по-видимому, к ранним частям канона. Букв. значение (от pati-мис, санскр. pratimokṣya) — «то, что должно обязывать». Ср. PR: 398, 450; DR II: 37, п. 1 — literally the Disburdenment. Ср. в связи с этим: ПМ; Geiger 1956: 7; Winternitz 1988: 22 sq.; Norman 1983: 18 sq.

3.23. ...один великий Брахма... — ср. выше, XIV.3.2 и соотв. примеч.

3.27. Джамбудипа (Jambudīpa, санскр. Jambudvīpa, букв. «страна розовых яблонь»; jambu — *Eugenia Jambolana*) — название Индии в ряде древнеиндийских (в том числе палийских) текстов. Ср. PM I: 941–942.

...божества (devatā)... — ср. DR II: 38 — angels (?), DN: 213 — himmlische Geister.

3.28. Терпение... — ср. соответственно строфы 184, 183, 185 Dh (ср. ДТ: 90, 91, 147).

3.29. Уккаттха (Ukkaṭṭha) — город в Косале; см. III.1.1 и соотв. примеч. Здесь Готама Будда завершает повествование о Випасси и снова переходит к сведениям, в основном повторяющим начало этой сутты.

Субхага (Subhaga, также Subha) — букв. «счастливым», ср. DRC II: 50, п. 1; DR II: 39 — Delectable.

...огромной саль (sāla-rāja-mūle). — Ср. BS II: 479; DR II: 39 — giant sāl tree; DN: 214 — Königspinie. См. выше, XIV.1.8 и соотв. примеч.

Суддхаваса (Suddhāvāsā, букв. «обитающий в чистой обители») — разновидность божеств, населяющих пять высших сфер в мире, наделенном формами (gūpa-loka, ср. XX.2 сл.). Ср. DR II: 39, п. 2 — «Pure Mansions»; DN: 214 — Reinen Göttern; PM II: 1199 — The «Pure Abodes». В этих сферах рождаются существа, достигающие архатства и не возвращающиеся больше в мир (anāgāmin), но не становящиеся бодхисаттвами. Ниже, в XIV.3.29 и 31 названы пять разновидностей этих существ, обитающих в соответствующих сферах (в 12–16 из 16 небесных миров Брахмы): Avihā, Atappā, Sudassā, Sudassī Akaniṭṭhā. Значения этих имен не во всем ясны: в частности, sudassā (ср. XXVIII.2.1), вероятно, означает «хорошо видимые», akaniṭṭhā — «не меньшие» (т.е. «большие», «высшие»). Ср. соответственно: DR II: 41 — Aviha Gods... Cool gods... Fair gods... Wellseeing gods... Senior gods; DN: 210 — Beruhsamen Göttern... Befriedsamem... Hehren... Herrlichen... Altvordersten. Согласно этимологизированию Буддхагхосы (BS II: 480), первые «не оставляют» своей сущности, «не исчезают» (na hāyanti, na vihāyanti); вторые никого «не мучают» (na taranti); третьи «прекрасны на вид» (sundara-dassanā); четвертые «хорошо видят» прекрасный облик предыдущих; пятые — «не наименьшие», т.е. наивысшие по своим достоинствам. Ср. соотв. PM I: 199 («not falling from prosperity»), I.51; II.1196; I.1–2.

...эти божества так сказали... — см. выше, XIV.1.4 сл., 16. На эту сцену намекают выше слова XIV.1.15 («и божества дали знать Татхагате...»). Ниже повторяются сведения о всех семи Буддах (см. XIV.1.4 сл.; DRC II: 50 sq.). Отдельные рукописи упоминают здесь (как и ниже, в XIV.3.31–32) не «многие тысячи», а «многие сотни тысяч» божеств (ср. DRC II: 50 sq. и соотв. примеч.).

...у Випасси, досточтимый... двое учеников... — в DRC II: 50 здесь, очевидно, по недосмотру пропущено обращение mārisa.

...приведение в движение (dhamma-sakka-pavattanaṃ)... — образное обозначение деятельности Будды, связанной с его просветлением; так называется одна из наиболее значи-

тельных сутт Sn (LVI), содержащая его проповедь в Варанаси (*nal.* Баранаси; SF V: 420–431).

...здесь. — То есть в одном из высших миров Брахмы.

3.31. ...к богам атапта. — См. выше, примеч. к XIV.3.29.

И вот в этом собрании богов... — здесь в XIV.3.31–32 снова повторяется текст XIV.3.29–30, изложенный уже от имени всех пяти групп божеств. Как и выше, отдельные рукописи говорят о «многих сотнях тысяч» (ср. DRC II: 52, п. 13 sq.).

3.33. И вот, монахи... — см. выше, XIV.1.13 сл.

Это же и божества дали знать... — отдельные варианты не дают здесь повтора; следуют более полному тексту (ср. XIV.1.13 сл.); см. DRC II: 54, п. 1; DN: 217.

Окончена... — отдельные рукописи дают здесь, как и в конце следующих (XV, XVI и т.д.) сутт, номер сутты в рамках данного раздела (т.е. «первая», «вторая» и т.д. вплоть до десятой — «Паяси»). Ср. DRC II: 54, п. 2; 71, п. 6; 168, п. 3 и т.д.

XV. «Маханидана-сутта»

Mahānidāna sutta — букв. «Большая сутта об источнике» (также — «происхождении», «причине» и т.п., ср. DR II: 50 — The greast discourse on causation; PR: 358 — source, origin, cause etc.; DN: 217 — Abkunft), целиком посвящена учению о причинной зависимости (*paṭicca samuppāda*), в более сжатом виде изложенному выше (см. XIV.2.18–22 и соотв. примеч.). Это учение Будда излагает здесь своему первому ученику Ананде. Мы находим здесь отдельные отступления от обычной последовательности и не вполне ясные места. См. DR II: 42–49; DK II: XI–XII; Law 1934: 97–98; PM II: 520 и др. См. BS II: 481–515; DAT II: 103–157.

1. ...среди куру (*Kurūsu*)... — название страны и населявшего ее племени в бассейне рек Ганга и Ямуны. Ее столица Индрапрастха отождествляется с совр. Дели. Ср. PM I: 641–642.

Каммассадхамма (*Kammāssa-dhamma*, также *Kammāsadhamma*) — поселение в Куру, где Будда неоднократно останавливался и проповедовал. См. PM I: 528–529; ср. DN: 745, Апп. 689.

...глубоко... выглядит глубоким (*gambhīro... gambhīrāvabhā so*). — То есть глубоко как внешне, так и по существу. Ср. BS II: 485–486 (сравнение с разного вида водными поверхностями); DR II: 50, п. 2.

...о зависимом происхождении (*paṭicca samuppādo*)... — ср. выше, XIV.2.18. См. Шохин 2007: 375 и примеч. 1 — «обусловленном возникновении».

...опутанным нитью (*tantākulaka*)... — ср. PR: 296 — tangled string, a tangled skein... entangled like a ball of string and covered with blight; DR II: 50 — a tangled skein (*ibid.*, п. 4: толкование Уоррена — entangled warp); DN: 218 — Als Garn verflochten (ср. *ibid.*: 665, Апп. 341). Это (как, возможно, и следующее) сравнение связано с образом испорченной пряжи и призвано, по-видимому, иллюстрировать смятение в умах людей, не постигших учение Будды, погрязших в 62 ложных учениях (ср. сутту I Dn). Ср. BS II: 495.

...[словно] покрытым узлами (*gulā-guṇṭhika*)... — следуем более вероятному чтению: *gaṇṭhika* (ср. DRC II: 55, п. 3), продолжающим аналогию с ткацким ремеслом. Ср. DR II: 50 — a matted ball of thread (*ibid.*, п. 4: толкование Уоррена — ensnarled web; DN: 218 — als Knäul vernebelt (ср. BS II: 495 — образ птичьего гнезда — *sakuṇikā... kulāvako* — напоминающего подобный клубок); PR: 253 — covered with swellings (i.e. blight)... covered... with pustules (i.e. rash).

Мунджа (muñja) — разновидность тростника *Saccharum Munja Roxb.* (ср. II.96 и соотв. примеч.). Баббаджа (babbaja, также pabbaja) — вид грубой травы, употребляемой для плетения сандалий (PR: 413 — a species of reed bullrush). Ср. DR II: 51 — munja-grass and rushes (ср. *ibid.*, n. 1); DN: 218 — Bast und Bindfäden. Согласно BS II: 496, высокие стебли этих растений трудно отделить друг от друга и разложить по порядку — отсюда настоящий образ.

...бедствие (apāyaṃ duggatiṃ vinipātaṃ saṃsāraṃ)... — ср. II.95.

...переход (saṃsāraṃ)... — ср. I.1.31; II.20 и соотв. примеч.; DR II: 51 — The Constant Round (of transmigration); DN: 218 — Wandelwelt.

2. *Есть ли здесь причина...* — здесь начинается проповедь учения о причинной зависимости. Этот вариант дает последовательность: jaṅā-maraṇa — jāti — bhava — upādāna — taṅhā — vedanā — phassa — nāma-rūpa — viññāṇa (ср. DR II: 51: old age and death — birth — becoming — grasping — craving — sensation — contact — name-and-form — cognition; DN: 218: Alter und Todgeburt — Werden — Anhangen — Durst — Gefühl — Berührung — Bild und Begriff — Bewusstsein). Ср. выше, XIV.2.18 сл. и соотв. примеч., где между phassa и nāma-rūpa вставлено пропущенное здесь (и в следующих параграфах) звено saḷāyatana (шесть оснований чувственного восприятия). Ср. DRC II: 56, n. 1. Шохин 2007: 375–377 (там же, примеч. 3–7) — «старость и смерть — рождение — становление — схватывание — вожеление — ощущение — чувственный контакт — имя и форма — сознание».

3. ...[от него]... — следуем клише XIV.2.19, сохраненному в отдельных рукописях. Другая редакция (DRC II: 56, ср. *ibid.*, n. 2) вставляет здесь jaṅā-maraṇa-paccaya (т.е. «старость и смерть — причина горя...»), что представляется менее удачным по смыслу.

4. Ниже, вслед за богами перечисляются различные категории мифических существ: гандхаббы (gandhabba, санскр. gandharva) — божественные существа, почитавшиеся как небесные музыканты; яккхи (yakkha, санскр. yakṣa) — полубоги, оказывающие доброе или злое влияние на людей (ср. III.1.21; XVI.5.18; и др.); бхуты (bhūta) — разновидность духов. Ср. Wijesekera 1994.

5. ...становления в чувственности (kāma-bhavo gūpa-bhavo agūpa-bhavo)... — соответственно имеется в виду: 1) состояние существа, подверженного чувственности в результате действия кармы; освобождение от этого состояния — главное условие достижения архатства; 2) состояние телесного материального существа, включающее в себя и предыдущее (kāma-) состояние, но более высокое; 3) наивысшее состояние бестелесного существа. См. PR: 206, 574–575; DR II: 53, n. 2. См. ниже, XXXIII.1.10.

7. ...жажды к формам (gūpa-taṅhā)... — здесь соответствие «шести основаниям» (saḷāyatana, ср. XIV.2.18; PR: 294). Ниже говорится об ощущениях, «рожденных действием» (samphassajā — XV.8) соответствующих органов — глаза, уха и т.д. Ср. DR II: 54, примеч. 1–2.

9. ...от ощущения... — следует градация: vedanā — taṅhā — pariyesanā-labho-vinichayo (т.е. решение, что делать с приобретенным) — chanda-rāgo — ajjhosānaṃ — pariggaho — macchariyaṃ — ārakkho. Ср. BS II: 499–500; DR II: 55, n. 1 и сл. В отличие от предшествующего изложения, в следующих параграфах эти звенья объяснены в обратном порядке, затем с XV.19 сл. снова идет рассуждение об основных звеньях причинной зависимости.

...искание (pariyesanā)... — см. Шохин 2007: 380 (там же, примеч. 14) — «выискивание».

15. *От различения (vinicchayaṃ)*... — останавливаемся на значении distinction (PR: 624). Другое возможное толкование: DR II: 57 — decision; Шохин 2007: 382 — «намерение».

18. ...жажды чувственности (kāma-taṅhā bhava-taṅhā vibhava-taṅhā)... — т.е. факторов, ведущих соответственно к чувственным удовольствиям, к продолжению жизни в новых рождениях (ср. BS II: 500) и к прекращению жизни уже в нынешнем существовании. Ср. PR: 294; DR II: 58 (ср. *ibid.*, n. 1) — lust of the flesh... of life eternal... of life that now is.

...два вида [жажды] (dve dhammā)... — т.е. связанной с круговоротом существования (vaṭṭa-mūla) и с непосредственным, повседневным поведением (samudācāra). Ср. BS II: 500; DR II: 55, n. 1; 58, n. 2; Шохин 2007: 383, примеч. 17, 18.

20. ...воздействию [такого] обозначения в... воздействии чувственного переживания (adhivacana-samphasso... paṭiḅha-samphasso; ср. употребление в данном контексте понятия phassa, переводимого здесь как «соприкосновение») — ср. PR: 30, 393; DR II: 59 — verbal impression in the aggregate called [bodily] form... impression of sense-reaction in the aggregate called name. DN: 223 — Könnte... an einem Körperlichen Bilde namenhafte Berührung stattfinden?.. an einem Körperlichen Begriffe gegenständige Berührung stattfinden? Ср. Шохин 2007: 384 — «...было ли бы какое-либо обнаружение контакта по имени в соединении форм?! контакта по форме в соединении имен?!». По-видимому, речь идет о двух уровнях сознания (ср. Vbh 6) — «тонком», связанном с факторами духовного порядка (воздействие «имени», «обозначения»), и «грубом» — физического порядка (чувственная реакция на образы). Ср. DR II: 59, n. 3; PR: 350; выше, XIV.2.18 и соотв. примеч.

...причиной соприкосновения и являются... — BS II: 501–502 (DR II: 59, n. 3) поясняет, что воздействие идет здесь двумя путями — чувственным (посредством пяти органов чувств) и ментальным (manas), обуславливающим возможность «соприкосновения». Последнее выступает в других местах (ср. XIV.2.18) как промежуточное звено между nāma-gūra и phassa.

21. ...не нисходило (okkamissatha... samucchissathā ti)... — ср. PR: 163, 687; DR II: 60 — descended into... come to birth; DN: 223 — herabsenkte... gegenständlich werden können... Речь идет о «сознании» как факторе, обуславливающим дальнейшие звенья причинной зависимости в результате зачатия. Ср. BS II: 502; DR II: 60, n. 1, 2.

...угасло (vokkamissatha)... — букв. «уклонилось с пути» (ср. PR: 651); см. BS II: 502 — nirujjhissathā ti attho; DR II: 60 — to become extinct.

22. ...путь обозначения (adhivacana-patho... nirutti-patho... paññatti-patho... paññāvaca-raṃ)... — ср. DR II: 61 — verbal expression — explanation — manifestation — sphere of knowledge; DN: 224 — Benennung — Aussprache — Verständigung — Gebiet der Weisheit; см. BS II: 503–504.

...вращается круговорот (vaṭṭaṃ vaṭṭati itthattaṃ paññāpanāya)... — ср. PR: 594; DR II: 61, n. 2; DN: 666–667, Anm. 349.

23. Сколькими же путями (kittāvata)... — ср. I.3.1 сл. и соотв. примеч.; DR II: 61, n. 3; BS II: 504 sq. Снова вводится перечисление логических возможностей (тетраlemma). См. Предисловие; Шохин 2007: 385–386, примеч. 20. Здесь, как и в I.3.1 сл.; II.83 и др., gūrin более целесообразно по смыслу переводить «имеющий форму».

24. ...теперь... в будущем существовании (etarahi... tattha-bhāviṃ... atathaṃ vā)... — ср. DR II: 62; DN: 224; BS II: 504 — paraloke («в другом мире»). Возможно также понять tattha-bhāviṃ в значении «при каком-либо определенном условии» (PR: 295–296). Место не вполне ясное и допускает разные толкования. Шохин 2007: 386 сл. (примеч. 21–23) передает здесь «свое „я“» как «Атман» и переводит: «Об истинной природе этой [модели Атмана] говорят следующее: „Я преобразую [ее] неистинную в истинную...“» Представляется, что сохранение «я» без перевода здесь предпочтительнее.

25. ...не поучающий... — согласно BS II: 505 (ср. DR II: 62, n. 1), речь идет о праведных лицах (āriya-puggalā), сведущих в Типитаке или отдельных ее частях, здраво судящих

о человеческой природе и воздерживающихся от подобных воззрений (ср. рассуждения сутты I).

27. ...ощущение... не испытывает ощущений (*vedanaṃ... appaṭisaṃvedano... vediyati vedanā-dhammo*)... — речь идет о ложных воззрениях, отождествляющих «я» со скандхами (ср. примеч. к XIV.2.22), соответственно со 2-й (*vedanā*), 1-й (*gūpa*) и тремя последними (*saññā, saṃkhāra, viññāṇa*). Ср. BS II: 505–506; DR II: 63, п. 1.

28. Когда... ощущают... — ср. сходное построение в рассуждениях о триаде в IX.48–49.

29. ...составлено (*saṃkhatā*)... — т.е. возникло в результате различных причин, обусловлено ими. Ср. BS II: 506; PR: 664; DR II: 64, п. 1.

...зависимо по происхождению... — в тексте: *paṭicca-samuppanṇā*.

...исчезло (*vyāgā*). — Ср. BS II: 506 — *niruddho... ti attho*.

...в зримом мире (*ditṭhe va dhamme*)... — т.е. в настоящей, земной жизни. Ср. I.3.19 и соотв. примеч.

30. Конечно, нет... — здесь и ниже в уста Ананды вложены ответы, которые должны давать придерживающиеся ложных воззрений (ср. DR II: 64, п. 2).

32. ...и постигает... — ср. II.97–98 и др.

...Татхагата существует... — ср. I.2.27 и др. DR II: 65, п. 2 допускает, что здесь может идти речь о простом смертном.

...таково его воззрение... — т.е., очевидно, того монаха, о котором говорит заблуждающийся (ср. BS II: 508).

Ведь поскольку... — ср. выше, XV.22.

[Говорить же...]... — смысл, по-видимому, такой, что познавший все это и «освободившийся» монах уже становится выше тех воззрений, четыре варианта которых уже перечислялись; приписывать их ему — все равно что утверждать, будто достигший высшего познания невежественен. DR II: 66, п. 1 сопоставляет здесь ход рассуждений с «Махали-суттой» (Dn VI).

33. ...состояний сознания (*viññāpaṭṭhitiyo*)... — ср. ниже, XXXIII.2.3; AMH IV: 39–40. Речь идет об определенных длящихся во времени состояниях сознания — ср. PR: 619; DR II: 66 — *resting-places for Cognition* (ср. *ibid.*, п. 2–3); DN: 227 — *Stätten des Bewusstseins*. BS II: 508–509 поясняет их как место опоры, существования (*tiṭṭhati... viññāpaṭiṭṭhānass'*).

...две [его] области (*āyatanāni*). — Ср. BS II: 509 — *nivāsa-ṭṭhānāni*, т.е. «местопребывания»; DR II: 67 (ср. *ibid.*, п. 3) — *spheres*; DN: 227 — *Bereiche*. Ниже, в согласии с аналогичными местами (см. I.3.13 сл.; IX.14 сл.), *āyatana* переведено как «уровень».

Есть... люди... — ср. BS II: 509–510, где указано на отличие любых двух людей друг от друга и перечислены некоторые виды божественных существ (например, духов), подверженных страданиям.

...различные разумением (*nānatta saññino*)... — ср. PR: 671; DR II: 66 (*ibid.*, п. 4) — *in intelligence*; Шохин 2007: 391 — «различными рассудками».

...к свите Брахмы (*Brahma-kāyikā*)... — ср. XI.79 и соотв. примеч.

...возрожденные благодаря первой [ступени созерцания] (*paṭhamābhiniḃattā*). — То есть благодаря 1-й *jhāna*. Ниже следует восходящая градация соответствующих ступеней. Ср. BS II: 510; Dn II: 75 sq. и соотв. примеч.

Абхассара (*Ābhassaṅgā*, букв. «испускающие лучи», «сияющие») — название определенной (шестой) категории божеств, населяющих мир Брахмы (*gūrabrahmaloka*). Ср. BS II: 510–511; DR II: 66 — *Luminous* (см. *ibid.*, п. 6); ср. выше, I.2.2 и соотв. примеч.

Субхакинна (*Subhakiṇṇa*, букв. «распространяющие благо, блеск») — 9-й разряд божеств в тех же сферах. Ср. BS II: 511; DR II: 67, п. 1.

...*противодействия* (paṭigha)... — т.е. чувственного восприятия. Ср. DR II: 67 — sense-reaction; DN: 228 — Gegenwahrnehmungen. В связи с этой и следующими ступенями см. I.3.13 сл.; IX.14 сл. и соотв. примеч.

...*бесконечности пространства* (ākāsānañcā-yatanūpāgā)... — ср. BS II: 511; DR II: 67, п. 2; PR: 139.

Уровень существ (asaññasattāyatanam)... — ср. BS II: 511, DR II: 67, п. 3–4 о весьма «тонком» (sukhumattā) восприятии существ, из «второй области».

34. ...*тому*... — ср. BS II: 511–512.

...*его возникновение*... — ср. I.1.36 и др.

...*горечь* (ādinavaṃ)... — согласно BS II: 512, здесь — в значении «непостоянство», «изменчивость». Ср. DR II: 67, п. 5; PR: 99.

...*уровня отсутствия чего бы то ни было* (ākīñcaññāyatanūpāgā)... — ср. многочисленные типологические параллели из других культур (в частности, DN: 669, Anm. 356).

...*освободившийся постижением* (pañña-vimutto). — То есть, согласно BS II: 512, он освобождается благодаря собственному постижению, без помощи восьми ступеней освобождения; о некоторых идет речь ниже, в XV.35. Ср. DR II: 68 (ibid., п. 2) — Freed-by-Reason; PR: 390; DN: 229 — in Weisheit erlöst; Шохин 2007: 393 (там же, примеч. 34) — «посредством разума».

35. ...*восемь [ступеней]* (vimokhā)... — ср. ниже, XVI.3.24 сл. См. BS II: 512–513; DR II: 68–69, п. 3; PR: 632.

Внутренне не осознающий формы (ajjhataṃ agūpa-saññī)... — ср. соответственно IX.21 сл. о «я», наделенном формой и лишенном формы; см. также толкование BS II: 513 — ajjhataṃ na gūpa saññī. Менее удачным представляется перевод DR II: 69 — Unaware of one's own external form one sees... (ср. PR: 78 — not having the idea of form); DN: 229 — Innen ohne Formwahrnehmung.

...*прекрасно* (subhan)... — т.е., по-видимому, состояние, определенное тремя предшествующими ступенями (jhānāni); ниже в упоминании ступеней 4–8 повторяются указанные выше (XV.33–34) состояния; при этом ступени 4–7 обозначались позже как состояния, «лишенные формы» и ведущие к agūpa-loka. Ср. DR II: 69, п. 1; BS II: 513.

36. ...*сам познав*... — ср. характеристику «наиболее превосходного и возвышенного» состояния монаха в VI.13.

...*обоими путями* (ubhato-bhāga)... — т.е., по-видимому, благодаря постижению (см. выше, XV.34) и последовательному достижению восьми ступеней освобождения (XV.35; см. DR II: 70, п. 1; PR: 501). Согласно BS II: 514–515, здесь имеются в виду преодоление имени и формы и достижение состояния, лишенного форм, т.е. сочетания первых (gūpa) и последних (agūpa) jhāna (ср. DN: 670, Anm. 359).

XVI. «Махапариниббана-сутта»

Mahāparinibbāna sutta в соответствии с принятыми выше принципами (ср. примеч. к заглавию XIV) можно перевести как «Большая сутта о достижении ниббаны [Буддой]» (или в связи с возможным здесь значением parinibbāna — «о кончине [Будды]»). Ср. DF: 179 — Das grosse Sutta non Buddha's Tode (ibid.: 179–180, Anm. 2 — в частности, замечание о том, что кончина Будды нигде не обозначается как mahā^o). Тем не менее в традиции перевода заглавия этой сутты преобладают другие варианты, ср. DR II: 71 сл. — The book of the great decease (соотв. в BC: 92 — «Книга великой кончины»); DN: 231 — Zur Er-

lösung; Winternitz 1988: 37 — the great lecture on the complete Nirvaṇā (of the Buddha) (ср. PR: 427–428); MpnsJ — soutra de l'ultime voyage и т.д. См. об этой сутте DR II: 71–77 (BC: 65–71); DK II: XII–XVII; PM II: 531; ср. Law 1933, I: 98–102; Winternitz 1988: 37–40; Norman 1983: 37–38. Поскольку цель настоящего издания — познакомить читателя с палийской версией канона, перевод сутты XVI, как и других, осуществлен с использованием тех же критических изданий Dp. В связи с критикой палийского текста Dp XVI в его отношении с не-палийскими версиями (не входившей в нашу задачу) см., в частности: Waldschmidt 1939; 1944–1948; 1950–1951; Yamamoto 1973–1975; и др.; в связи с различными аспектами изучения этой сутты: Przuluski 1935–1936; Alsdorf 1955; Bageau 1969; Lai 1982; Ming-Wood Liu 1982; и др. Наиболее значительные из параллелей с другими частями канона (Vp, Ap, Sn и др., охватывающих в целом около $\frac{2}{3}$ текста XVI, ср. DR II: 72) отмечены в соответствующих примечаниях; ср. также о параллелях с текстами Нового Завета (в частности, XVI.1.7 — Посл. к Филипп. 3.13; XVI.2.24 — Лук. 7.37 сл.; XVI.3.14 — Матф. 21.21 и Марк. 11.23; XVI.3.47–50 — Матф. 17.2; Марк. 9.2 и Лук. 9.29; XVI.6.10 — Посл. к Филипп. 2.12; XVI. 6.14 — Матф. 27.51) Hardy 1890: 116 сл. См. BS II: 516–615; BLD; DAT II: 158–247.

1.1. *Однажды Благостный...* — ср. XVI.1.1–4 и АМН IV: 17–24.

Раджагаха (Rājagaha, санскр. Rājagṛha) — главный город Магадхи, совр. Раджгир. Ср. I.1.1 и соотв. примеч.

Гиджджакута (Gijjhakūṭa) — букв. «вершина коршуна», один из пяти холмов в окрестностях Раджагахи, отождествляемый с совр. Sailagiri. См. PM I: 762–764; ср. VIII.23 и соотв. примеч.

Магадха (Magadha) — область в Северо-Восточной Индии (совр. Южный Бихар). См. II.1 и соотв. примеч.

Аджатасатту Ведехипутта (Ajātasattu Vedehiputta — «сын мудрой женщины», «сын принцессы Видехи» — название народности и страны в долине Ганга) — царь Магадхи, современник Будды, ставший его приверженцем. См. II.1 и соотв. примеч.; DR II: 78, п. 1.

Ваджджийцы (Vajjī) — название племени, обитавшего в Северо-Восточной Индии, по соседству с Магадхой. Будда неоднократно проповедовал среди них. Ср. PM II: 813–815; DN: 670, Anm. 360.

1.2. *...главному советнику (mahāmattam)...* — ср. DR II: 78 — prime-minister; DF: 180 — dem ersten Minister; ср. PR: 526; I.1.17 и др.

Вассакара (Vassakāra, ср. DR II: 78 — the Rain-maker; DN: 670, Anm. 361 — Befehlshaber-*vaśyakāras*) — этот брахман, советник Аджатасатту, занимал, по-видимому, ту же должность и при его отце Бимбисаре. Известно еще несколько его бесед с Буддой. См. PM II: 846–847.

Поклонись головой в ноги (pāde sirasā vandāhi)... — ср. PR: 601, 711.

...и спроси... — ср. XII.4 сл.

1.3. *...приказал запрячь...* — ср. XIV.3.10 и др.

1.4. *...оказывают внимание...* — ср. III.1.15 и др.

...не прибегают... к насилию... — т.е. не избегают низших форм брака, предусмотренных законодательством (ср. Mān III.24, 33).

...святилища (cetiyaṇi)... — возможно, связанные с пограничными монументами (см. PR: 272). Ср. DR II: 80 — shrines; DF: 181 — Heiligtümer. BS II: 520 указывает на связь с культом яккхов.

...внутренние и внешние (abbhantarāṇi... bahīrāṇi)... — т.е. в городе и вне города, в деревне. Ср. BS II: 520; DR II: 80. DF: 181 толкует: private und öffentliche.

1.5. Веса́ли (Vesāli) — столица племени личчавов, совр. Басрах в Тирхуте (ср. VI.1 и соотв. примеч.). Этот эпизод содержится и в АМН IV: 16, где слушателями Будды являются личчавы.

Сарандада (Sārandada) — согласно BS II: 521, это монастырь (vihāra), сооруженный на месте святилища яккхи Сарандады. Ср. PM II: 1108; DR II: 80, п. 3.

...охраняющих от упадка. — В тексте: aparihāniyā dhammā.

...в битве... уговорами и сеянием раздора (yuddhassa... upalāpanāya... mithu-bhedā). — Ср. DR II: 81 (ibid., п. 1): battle... diplomacy... breaking up their alliance; DF: 182 (ibid., Anm. 3) — offenen Kampfe... diplomatische Beeinflussung... Veranlassung von Spaltungen; PR: 146, 533. Здесь, по-видимому, упомянуты три из традиционно различавшихся в древнеиндийской дидактике четырех способов ведения внешней политики, направленной на подчинение противника — дружбы, подкупа (очевидно, имеющегося здесь в виду под upalāpana), сеяния раздора (т.е. между врагом и его союзником) и открытого нападения.

Ну, а теперь... — ср. II.101 и др.

1.6. ...в обитель для собраний (upaṭṭhāna-sālāyaṃ)... — DR II: 81 — Service Hall; PR: 141 — hall for attendance, assembly room, chapel; DF: 182 (ibid., Anm. 3) — Empfangs-Saale. Ср. ниже, XVI.3.49–50.

...старших монахов (bhikkhū therā)... — ср. BS II: 526; PR: 310; DR II: 82 — the elders; DF: 183 — althetwürdigen.

...давно признанных (rattaññū)... — ср. II.2 и сл.

...собратья (sabrahmacārī)... — ср. PR: 681 — a fellow student; DR II: 82 — fellow-disciples.

1.7. ...[мирских] делах... — т.е. связанных с ремеслом, торговлей и т.д. Ср. BS II: 528; PR: 190; DF: 183, Anm. 4; DR II: 82 — business.

...лености (niddārāmā)... — ср. PR: 358; DR II: 83 — slothfulness; DF: 183 — Verschlafenheit.

...не будут останавливаться (na oramattakena visesādhigamena antarā vosānaṃ āpajjisanti)... — т.е., очевидно, на полпути к высшему состоянию, ниббанае. Ср. PR: 169, 652; DR II: 83 — shall not come to a stop on their way (to Nirvana in Arahantship) because they have attained to any lesser thing (ibid., п. 2 — параллель с Посланием к Филиппийцам III.13 сл.); DF: 183 — solange sie nicht schon auf halbem Wege, wenn sie eben einen bescheidenen Grad der Vervollkommung erreicht haben, das Streben einstellen.

1.8. ...сосредоточены (upaṭṭhita-satī)... — ср. PR: 141; DR II: 83 — active in mind; DF: 184 — ernst besonnen.

1.9. ...будут наделены звеном (sambojjhaṅgaṃ)... — ниже перечислены эти семь свойств, составляющих предпосылку («звено») просветления. Ср. PR: 693; DR II: 84 — sevenfold higher wisdom; DF: 84 (ср. ibid., Anm. 2 и сл.) — Dinge... die zur höchsten Erkenntnis notwendig sind. Ср. II.65 сл.; XXVIII.9; XXXIII.2.3 и другие параллели (DF: 184, Anm. 4).

1.10. ...наделены пониманием (-saññaṃ)... — ср. о различных (в том числе и этих семи) видах сознания PR: 670. Здесь соответственно: anicca-, anatta-, asubha-, ādinava-, paḥāna-, virāga-, nirodha-.

1.11. ...пользоваться совместно (appaṭivibhatta)... — ср. PR: 57, 399; BS II: 533; DR II: 85 — so long as they shall divide without partiality; DF: 184 — unparteiisch teilen.

...освобождающим (bhujissāni)... — т.е. от подчиненности желаниям; ср. BS II: 537; PR: 506.

...не затрагиваемым (aparāmaṭṭhāni)... — т.е. ложными воззрениями, порочными свойствами и т.п., ср. BS II: 537; PR: 421; DR II: 85.

1.12. ...от порочных свойств (āsavehi)... — ср. выше, II.97 и соотв. примеч.

1.13. Амбалаттхика (Ambalaṭṭhikā) — местность между Раджагахой и Наландой, где неоднократно останавливался Будда. Ср. I.1.2 и соотв. примеч.

1.14. ...в царской обители... — ср. I.1.2 и соотв. примеч.

1.15. Наланда (Nālandā) — ср. I.1.1 и соотв. примеч.

Паварика (Pāvārika) — манговая роща близ Наланды. См. XI.1. и соотв. примеч.

1.16. Сарипутта (Sāriputta) — один из ближайших учеников Будды. Ср. выше, XIV.1.9 и соотв. примеч.; см. также Migot 1954. Ср. XXVIII.1; SF V: 159 sq.

...рыча (sīha-nādo padito)... — еще один образ восторженного восхваления. Ср. заглавия отдельных сутт (например, VIII и соотв. примеч.).

...какого-то нрава... — ср. XIII.1.13.

...которые будут... — ср. о будущем Будде (Metteyya) XXVI.25–26 (DF: 186, Anm. 5).

1.17. ...пяти преград (pīvaraṇe)... — т.е. алчности, злонамеренности, косности, беспокойства и терзаний, сомнения. Ср. II.68 сл.; XIII.30 и соотв. примеч.; XXV.17.

...четырех установлениях (satipaṭṭhānesu)... — т.е. сосредоточение внимания на теле, чувственности, разуме и внешних объектах. См. PR: 402, 672; NBD: 151–152 — Applications of Mindfulness; DF: 187 (ibid., Anm. 4) — ernste Geistesammlung; DR II: 89 — kinds of mental activity; ср. ниже, XVIII.26; XXII.1 и сл.; XXVIII.26; XXIX.40; XXIII.1.11.

...семью звеньями... — ср. выше, XVI.1.9.

И [сам] Благодный... — Т.В. Рис-Дэвидс (DR II: 89, п. 1) замечает, что Сарипутта не делает здесь различия между архатством и состоянием Будды; последнее, по его мнению, сыграло важную роль в последующей истории буддизма.

1.19. Паталигама (Pāṭaligāma, букв. «деревня Патали») — поселение, названное впоследствии Паталипутрой (Pāṭaliputta, санскр. Pāṭaliputra), столица Магадхи близ совр. Патны. Согласно легенде, вскоре после ее основания на месте поселения выросло несколько деревьев pāṭali (*Bignonia suaveolens* — ср. XIV.1.8 и соотв. примеч.; DN: 671, Anm. 371). Ср. PM II: 178–179; Walleser 1924.

1.20. ...преданные миряне (upāsakā)... — ср. PR: 150; II.99; III.1.22 и др. Следующие параграфы (XVI.1.9–34) до конца раздела I соответствуют Ud VIII.6 (US: 85 sq.). Mv VI.28 (VO I: 226); ср. Mn 53 (MTC I: 353 sq.); Sn XXXV.202.5–7 (SF IV: 183).

1.21. ...устлали... подстилками (sabba-santharim... santharivā)... — ср. PR: 676; DF: 188, Anm. 4; DR II: 90 — strewed... with fresh sand.

1.22. ...лицом к востоку (puratthābhimukho)... — ср. II.11; возможно и толкование «лицом вперед» и соотв. ниже — «к задней стене». Ср. DF: 188, Anm. 6; DR II: 188–189.

...что Благостного (purakkhatvā)... — ср. II.11. Также возможно «сзади». Ср. DF: 189 — im Rücken des Erhabenen; DR II: 90 — round the Exalted One.

1.23. И вот... — ср. XXX.2.1.

...в бедствии (arāyaṃ duggatim vinipātaṃ nirayaṃ)... — ср. II.95 и др.; DR II: 91, п. 1.

1.25. ...наставив (sandassetvā)... — ср. IV.27; V.29 и др.

...уединенную обитель (suññāgāraṃ). — Букв. «пустую», т.е. обитель, предназначенную для спокойного размышления. Ср. PR: 717; DR II: 92 — private chamber; DF: 189 (ibid., Anm. 3) — ins stille Kämmerlein. См. также VIII.22; XXV.5, где она противопоставлена «собранию» (parisā).

1.26. Сунидха (Sunīdha) — другой советник Аджатасатту, упоминающийся лишь рядом с Вассакарой. Ср. PM II: 1211.

...тысячами (sahasasahas'eva)... — ср. BS II: 540, DR II: 92; DF: 190 (ibid., Anm. 1 — о возможном толковании sahasā — «mit Gewalt», «plötzlich»).

1.28. ...тридцатью тремя (Tāvatiṃsehi)... — т.е. традиционным сонмом богов (8 васу, 11 рудр, 12 адитьев, Праджapati и Индра). См. XI.69 и соотв. примеч.

...эта Паталипутта... — ср. выше, XVI.1.18 и соотв. примеч. По замечанию Т.В. Рис-Дэвидса (DR II: 92–93, п. 3), это свидетельство о пророческом даре Будды интересно для изучения раннебуддийской догматики, вместе с тем оно может быть использовано для датировки XVI и соответственно — Vр.

...средоточием товаров (puṭa-bhedanaṃ). — Толкование этого места вызывает трудности. Значение, связанное с возможным буквальным переводом («расщепление семенных коробочек pāṭālī»), маловероятно. Следуем традиционному объяснению — ср. BS II: 541, видящему здесь образ, связанный с обменом и циркулированием товаров (bhaṇḍa). Ср. PR: 464–465; DR II: 92 — a centre for the interchange of all kinds of ware; DF: 191 (ср. ibid., Anm. 3) — Zentralpunkt für den Transithandel.

...раздора (mithubhedā). — Букв. «раздор, причиняющий вражду», ср. PR: 533; DF: 191, Anm. 4.

1.29. Пусть... согласится... — ср. тот же мотив в III.2.19; IV.24; и др.

1.31. ...строфами (gāthāhi)... — ср. III.1.28; XIV.3.2 и соотв. примеч.

...владеющих собой (saññate)... — т.е. телом, речью, разумом. См. BS II: 542; ср. DR II: 94; DF: 192.

Пусть наделяет подношениями (dakkhiṇaṃ ādise)... — наставление, не совсем обычное в устах Будды, склонного осуждать традиционный ритуал почитания божеств. Ср. DF: 192, Anm. 2. Отсюда натянутое толкование BS II: 542, видящего здесь указание на дары благочестивым, в которых призывают участвовать и богов. Согласно Т.В. Рис-Дэвидсу (ср. BC: 102, примеч. 1), «божества» (devatā) обозначают здесь праведников, упомянутых в предыдущих стихах.

1.33. ...стала полно[водной]... — ср. XIII.24 и соотв. примеч.

1.34. ...взволнованно (udānaṃ udānesi)... — ср. II.1 и соотв. примеч.

Кто переправляется... — в этой аллегории океан (appaṇaṃ saṃaṃ) символизирует желания; мост (setuṃ) — праведный путь; водные глубины (pallalāni, букв. «пруд») — страсть, невежество, обман; сплетение стеблей (kullaṃ... pabandhati) — традиционный ритуал. Ср. BS II: 542; DR II: 95, n. 1.

2.1. Котигама (Koṭigāma) — деревня, расположенная недалеко от Ганга и населенная ваджджийцами. См. PM I: 678; BS II: 542. Ср. ниже, XVI.4.2–6; а также Sn LVI.21 (SF V: 431 sq.); Mv VI.29–30 (VO I: 231–233).

2.2. ...длинному пути... — т.е. следующих рождений, сансары (см. ниже).

...переходя... — в тексте: saṃsaritaṃ.

Каковы... четыре? — Ср. II.97 и др.

...то, что ведет (bhava-netti)... — ср. I.3.71.

2.5. Надика (в тексте plur.: Nādikā; также Nādika, Nātika, Nātika) — поселение в стране ваджджийцев, где Будда не раз останавливался. Согласно BS II: 543, имеются в виду две одноименные деревни. Ср. PM I: 976–977; DR II: 97, n. 1; DF: 194, Anm. 4.

...в обители из кирпичей (Giñjakāvasathe). — Ср. DR II: 97 — Brick Hall; DF: 194 — Ziegelsteinhauser; DN: 246 (ср. ibid.: 673–674, Anm. 387) — in der Steinernen Einsiedelei.

2.6. Салха [Sālho... Nandā... Sudatto... Sujātā... Kakudho (другие чтения: Kakudo, Kukkuṭo — ср. DRC II: 91, n. 1)... Kālīṅgo (другие чтения: Kālīmbo, Kāraḷimbo — ibid., n. 2)... Nikaṭo... Kaṭissabho... Tuṭṭho... Santuṭṭho... Bhaddo (другое чтение: Bhaṭo — ibid., n. 3)... Subhaddo (другое чтение: Subhaṭo — ibid., n. 4)] — об этих монахах и «преданных мирянах», следовавших за Буддой, ничего больше не известно. Ср. соотв. PM II: 1125, 24, 1191, 1187; I: 469, 583; II: 60; I: 487, 1031; II: 1025, 348, 1232.

...путь... судьба (gati... abhisamparāyo)... — ср. I.1.36; 2.22 и др. Ср. PR: 242, 71; DR II: 98 — where has he been reborn and what is his destiny? DF: 194 — Wo wird er hingelagen, welches ist sein Schicksal im Jenseits?

2.7. ...с уничтожением... — ср. VI.13, где соответствующие состояния наоборот перечисляются в восходящем порядке.

...пяти уз (samojānāpaṃ)... — здесь (ср. VI.13) имеются в виду пять «уз» (из десяти, ср. PR: 656): приверженность к индивидуальному существованию, сомнения, вера в действенность добродетельного поведения и исполнения обрядов, стремление к чувственным удовольствиям, зложелательство. Ниже имеются в виду первые три «узы».

...вступившей в поток (sotāraṇṇā)... — sota здесь — образ «праведного восьмичленно-го пути»; таким образом, речь идет об обращении в буддизм. Ср. выше, примеч. к VI.13.

2.8. ...в мире душ предков... — в тексте: petti-visayo.

2.9. ...наделенный... верой... — т.е. в Будду, дхамму (истинное учение) и сангху (монашескую общину). См. ниже, XXX.1.11.

...открытая всем (ehi-passiko)... — букв. «[говорящая]: „Приди и узри!“», ср. PR: 162; DR II: 99 — welcomig all; DF: 197 (ibid., Anm. 1) — der offen vor Augen liegt.

...четыре пары (cattāri purisa-yugāni atṭha purisa-puggalā)... — вероятно, имеются в виду «вступивший в поток» (sotāraṇṇo), «единожды возвращающийся» (sakadāgāmin), «невозвращающийся» (anāgāmin) и архат. Ср. VI.13 и соотв. примеч. Ниже речь может идти о мужчинах и женщинах в аналогичных состояниях (четыре пары = восьми), ср. PR: 596; DN: 248 — vier Paare der Menschen nach acht Arten der Menschen; ср. ibid.: 674, Anm. 390. Вместе с тем возможно истолкование в связи с «восьмичленным путем» (ср. DR II: 99–100; DF: 197, ср. ibid., Anm. 4–5).

Так он... — эти слова относятся, по-видимому, уже не к мнению ученика о сангхе (ср., однако, DR II: 100), а к качествам этого ученика. Ср. DRC II: 94; DF: 197; DN: 248. См. выше, XVI.1.11.

2.11. Амбапали (Ambarāli) — монашеская роща в Весали, подаренная Будде, который, по-видимому, не раз останавливался в ней. Название, очевидно, связано с манговыми деревьями (amba). Ср. PM I: 157.

2.12. ...способностью самосознания (sato... sampajāno)... — ср. I.2.7; 3.33 и др. и соотв. примеч.; XXII.1 сл.; DR II: 101, п. 2; DF: 198, Anm. 3 и сл.

...тела... мысли... постигаемых предметов (kāye... citte... dhammesu)... — ср. разные истолкования этой триады: DR II: 101: body — feelings, moods — ideas; DF: 198 (ср. ibid., Anm. 7): Körper — Geist — Erfahrungen des inneren Sinnes. Ср. PR: 336.

2.13. ...Как же... — ср. II.65.

2.14. Ганика (gaṇikā) — одна из разновидностей гетер в древней Индии.

Амбапали (Ambarāli, букв. «хранительница манго») — гетера из Весали, ставшая последовательницей Будды и достигшая архатства. Построила монастырь в своей роще и отдала его Будде. Ей приписывается несколько стихов в «Тхеригатхе» (Thag XVII, см. ThOP: 147–150); PM I: 155–156; ср. DR II: 102, п. 1).

2.16. ...щелкнули пальцами (aṅgulī pṛṭhesuṃ; также — «ударили»)... — знак досады, разочарования. Ср. PR: 474; DF: 200.

Амбака (ambakāya) — по-видимому, употреблено здесь как уменьшительное от Ambarāli; возможны и толкования: «девушка из манговой [рощи]», также — «жена», «женщина». Ср. PR: 74; DR II: 103 (ibid., п. 1) — mango girl; DF: 200 (ibid., Anm. 2) — Die Kleine Amba; DN: 250 — Mangodame.

2.21. Белува (Beluva) — поселение (gāma) в окрестностях Весали. Ср. PM II: 313; DF: 201, Anm. 5; DR II: 105, п. 2.

2.23. ...состоянии жизни (jīvita-saṃkhāram). — Ср. DF: 202, Anm. 2; ниже, XVI.3.10, 37.

2.24. ...вышел из обители... — ср. VI.4.

...тело мое стало (madhuraka-jāto viya kāyo)... — смысл не вполне ясен (ср. PR: 519).

Возможны и другие толкования, в частности, madhuraka в значении определенного растения. Ср. DR II: 107 — my body became weak as a creeper; DF: 202 (ibid., Anm. 7); DN: 252.

2.25. ...стар... — ср. IV.5 и др.; DF: 203, Anm. 2.

...различных перевязок (vegga missakena; другие чтения: vekha, vedha и т.д., ср. DRC II: 100, п. 7)... — место не вполне ясное; переводим с сохранением образа. Ср. BS II: 548; PR: 646, 533; DR II: 107 (ibid., n. 3) — with the help of thongs; DF: 203 (ibid., Anm. 3) — mit Stricken.

2.26. ...взирая на тело... — ср. выше, XVI.2.12.

...вершины (tamatage). — Ср. BS II: 548–549; DR II: 109, n. 1.

3.1. ...возвратившись (pacchābhataṃ piṇḍapāta-paṭikkanto)... — ср. PR: 386. Ср. этот и следующие (XVI.3.1–10) параграфы с An (AMH IV: 308–313); Sn LI.10 (SF V: 258–263); Ud VI.1 (US: 62 sq.).

...святителище (cetiyaṃ)... — ср. выше, XVI.1.3. Речь идет о местах поклонения, восходящего к добуддийским верованиям; места эти обычно были связаны с определенными постройками, насыпями, священными деревьями и т.д. DR II: 110 (ibid., n. 2) — shrīne; ср. DF: 204, Anm. 5. Ниже (XVI.3.1–2) перечисляется шесть таких святилищ в окрестностях Весали: Чапала (Cāpāla), названная так по имени яккхи Cāpāla; Будда бывал здесь и в первые годы своего отшельничества; Удена (Udena) к востоку от Весали; Готамака (Gotama) к югу от Весали, первоначально посвященная яккхе Gotama; здесь также Будда бывал неоднократно и, в частности, преподавал здесь одноименную сутту; Саттамбака (Sattambaka, букв. «семь жен» — название связано с легендой о семи дочерях Кики, царя Баранаси) к западу от Весали; Бахупутта (Bahuputta — название связано с тем, что под развесистым баньяновым деревом в этой обители молились о сыновьях) к северу от Весали; Сарандада (Sārandada, также Sārandara) — по имени яккхи Sārandada. Ср. соотв. PM I: 863, 381, 811; II: 1010, 273, 1108; ср. DF: 204, Anm. 6–8; ниже, XVI.3.42 сл.; XXIV.1.11.

3.3. ...основы сверхъестественных способностей (iddhipādā). — Имеются в виду состояния, необходимые для приобретения сверхъестественных сил (iddhi), отличающих совершенное существо (см. XI.1 сл. и соотв. примеч.). Сюда входят сосредоточенность в намерении (chanda), усилия (virīya), мысли (citta) и исследовании (vimaṃsa). Ср. NBD: 59–60; DR II: 110, n. 3; см. также XVIII.22; XXVI.28; и др.

...мирового периода (каппа, санскр. kalpa). — Ср. I.1.32 и соотв. примеч. DR II: 111 — aeon; DF: 205 — Weltperiode; DN: 254 — Weltalter.

3.4. Мара — ср. II.40 и соотв. примеч.

3.7. ...истине во всей ее последовательности (dhammānudhamma paṭipannā)... — ср. PR: 337–338; VIII.2 и соотв. примеч. Возможно и толкование anudhamma, как выводов, следующих из основных правил, — lesser corollaries (DR II: 112).

...овладев [учением] (sakaṃ ācariyaṃ uggahetvā)... — здесь, как и в ряде других мест Dn (ср. IV.10; IX.24; и др.), вряд ли может идти речь о получении звания наставника, так как в соответствующем контексте упоминаются монахи и преданные миряне. Ср. DF: 206, Anm. 1; DR II: 112.

...хорошо обоснованную (sappāṭihāriyaṃ)... — ср. IX.34 и соотв. примеч.; XXIX.11; DF: 206 (ibid., Anm. 5) — einwandfreie; DR II: 112 (ibid., n. 3) — wonder-working (ср. PR: 680).

3.10. ...состояние жизни (āyu-saṃkhāram)... — ср. выше, XVI.2.23; DR II: 113 (ibid., n. 1) — the rest of his natural term of life; DF: 207 (ibid., Anm. 5) — das, was Man «Leben» nennt.

- ...вызывающее дрожь волосков (lomahaṃsano)... — ср. II.10 и соотв. примеч.
- ...небесные громы (deva-dundubhiyo). — Ср. I.1.24 и соотв. примеч.
- ...равное и неравное (tulam atulañ ca)... — т.е. по смыслу, по-видимому, любое, будь оно равно или не равно его теперешнему состоянию. Ср. DR II: 113 — *immesurable* or *small*; DF: 207 — *ob es hoch ob niedrig*.
- ...рождающееся из своего «я» (atta-sambhavan)... — ср. PR: 22; т.е., согласно BS II: 557, — страдание. DR II: 113 — *his life's own cause*; DF: 207 (*ibid.*, Anm. 8) — *äussre Form*.
- 3.13. ...земля... воды (paṭhavī... udakaṃ... vāto ākāsaṭṭho)... — здесь традиционные космологические рассуждения, призванные объяснить землетрясение. Ср. Windisch 1895: 61.
- 3.14. ...приходит в дрожь (kampeti)... — ср. XIV.1.17 сл.
- 3.15. ...когда бодхисаттва... — ср. XIV.1.17 сл. и соотв. примеч.
- 3.18. ...приводит в движение (dhamma-cakkaṃ pavatteti)... — ср. выше, примеч. к XIV.3.29.
- 3.21. ...четырех Великих царей (Cātummahārājika)... — т.е., по-видимому, богов-хранителей сторон света (lokarāla). Ср. XI.68 и соотв. примеч.; о тридцати трех — ср. там же; XI.69; о Маре — II.40 и выше, XVI.3.4; AMH IV: 307–308.
- 3.24 сл. ...состояний преодоления (abhibhāyatanāni). — Также — «стадий». Имеется в виду преодоление заблуждений, связанных с восприятием внешних объектов органами чувств. Ср. DR II: 118 (*ibid.*, n. 1) — *eight positions of Mastery [over the delusion arising from the apparent permanence of external things]*; DF: 210 (*ibid.*, Anm. 2) — *acht Fälle des Überwindens*; см. BS II: 561. Ср. XVI.3.24–33 и ниже, XXXIII.3.1; XXXIV.2.1, а также Mn 77 (MTC II: 13 sq.); An (AMH IV: 348 sq.; V: 61 sq.) и др. (ср. DF: 210, Anm. 2).
- 3.25. ...внутренне осозная (ajjhataṃ gūpa-saññī)... — здесь и ниже имеется в виду определенная практика медитации. Ср. BS II: 561 sq.; DF: 210, Anm. 4; 211, Anm. 1 ff.
- 3.29. Баранаси... — ср. выше, XIV.1.12 и соотв. примеч.
- 3.30. Каникара (kaṇikāra) — *Pterospermum Acerifolium*; цветы этого растения служили в индийской литературе образом желтизны.
- 3.31. Бандхудживака (bandhujīvaka) — *Pentapetes Phoenicea*, растение с красными цветами.
- 3.32. Звезда Осадхи (osadhi-tārakā, букв. «целительная звезда») — употребительный в каноне образ белизны; по-видимому, имеется в виду утренняя звезда (ср. DR II: 119; DF: 212; DN: 260), что, однако, не бесспорно (согласно Р. Чайлдерсу, Венера; ср. PR: 171).
- 3.33. ...восемь [ступеней]... — ср. выше, XV.35 и соотв. примеч.
- 3.34. Урувела (Uruvelā) — местность на берегу Неранджары (Nerañjarā), недалеко от нее росло дерево бодхи; она связана с легендами о шестилетнем суровом подвижничестве Будды, о его искушении Марой. Ср. PM I: 435–436; II.85.
- ...под баньяном (Ajarāla nigrodhe)... — *nigrodha* — баньяновое дерево, разновидность смоковницы (*Ficus Indica*). Ср. об Ajarāla DR II: 120; DF: 213, Anm. 5.
- 3.40. ...это [наставление]... — ср. выше, XVI.3.3–4.
- ...на третью бы... — ср. XI.83; Предисловие; см. также DF: 215, Anm. 5.
- 3.41. Однажды... Гидждэджакута. — Ср. XVI.1.1.
- 3.42. ...баньяновой роце (Nigrodhārāme)... — роца близ Капилаваттху; в XVI.3.43 она названа «баньяновой [рощей] Готамы» (Gotama-nigrodho) — согласно Э. Виндишу, имеется в виду дерево, под которым Будда достиг просветления (ср. Windisch 1895: 81, Anm. 1; ср. критику DF: 216, Anm. 3). Будда останавливался здесь несколько раз. Ср. PM II: 70–71. Ниже назван ряд мест близ Раджагахи, связанных с жизнью Будды: утес Чора (Core-rarāte; ср. DRC II: 116, п. 4) — букв. «разбойничий»; Вебхара (Vebhāra) — один из пяти холмов, окружающих Раджагаху; Саттапанни (Sattapaṇṇi, букв. «семилиственный»), по-ви-

димому, от названия определенного растения. Ср. PR: 673) — пещера у его подножия, где Будда произнес одну из своих проповедей; рядом с ней происходил Первый буддийский собор; Исигили (Isigili) — другой из пяти холмов вокруг Раджагахи; Черная скала (Kāḷa-silāyaṃ) — на ее склоне; роца Сита (Sīta, букв. «прохладная»), где находилось кладбище; горная пещера (ср. DR II: 123; DF: 216; с другой стороны — PR: 414–415) Саппасондика (Sappasonḍika) в этой роце, возможно, названная так за сходство своей формы со змеиным капюшоном, служившая приютом для монахов; Тапода [Tapodārāme, букв. «дарующая самообуздание» (тапас)] — монашеская роца, в которой был выстроен монастырь, близ одноименных озера и вытекающей из него реки у подножия Вебхары (см. выше); «бамбуковая роца» (Veḷuvane), пожалованная Будде царем Бимбисарой, — здесь Будда неоднократно останавливался и проповедовал, с этим местом связан ряд джатак и сутт; там же находилось «место кормления белок» (Kalakandaka-nivāre; ср. PR: 198); манговая роца Дживаки (Jivakambavane), где была произнесена «Саманньяхала-сутта» (ср. II.1 и соотв. примеч.); Маддакуччи (Maddakucchismim) — оленья роца (Migadāye, ср. VIII.1) у подножия Гиджджакуты (ср. XVI.1.1), согласно преданию, жена царя Бимбисары, боясь предсказания, что ребенок, которого она ждала (будущий царь Аджатакатту), убьет своего отца, уединившись в этой роце, пыталась избавиться от плода, сильно надавливая (madda) себе на живот (kucchi) — отсюда название местности. См. DR II: 123; DF: 216; PM соответственно: II: 927, 1009; I: 319, 580; II: 1154–1155, 1030; I: 992; II: 936–939; I: 959–960; II: 433–434.

3.45. Удена — см. XVI.3.2 и соотв. примеч.

3.46. Готамака... Саттамба... — см. XVI.3.2 и соотв. примеч.

3.48. ...многообразно (pānā-bhāvo)... — ср. PR: 349; BS II: 564 видит здесь соответственно обозначение рождения, смерти, существования; ср. DN: 264; DR II: 126 переводит: we must divide ourselves from them, leave them, sever ourselves from them.

...в обитель (Mahā-vanaṃ Kūṭāgāra-sālā)... — имеются в виду лес и обитель в окрестностях Весали. См. VI.1 и соотв. примеч.; PM I: 659–661; II: 555.

3.50. ...четыре установления (satipaṭṭhānā)... — ср. XVI.1.17 и соотв. примеч.

...четыре должных усилия (sammāpādhānā)... — т.е. связанных соответственно с предотвращением возникающих порочных побуждений, уже существующих порочных побуждений, с приобретением новых добродетельных свойств и с умножением уже существующих добродетелей. Ср. PR: 695; DR II: 129.

...четыре основы (iddhi)... — ср. выше, II.87; XVI.3.3 и соотв. примеч.

...пять [духовных] способностей (indriyāni)... — т.е. вера (saddha), энергия (virīya), способность самосознания (sati), сосредоточенность (samādhi) и постижение, мудрость (paññā). Ср. PR: 121–122; DF: 218, Anm. 4.

...пять сил (balāni)... — здесь, по-видимому, то же, что и «[духовные] способности» (indriyāni). Ср. DR II: 129; DF: 218, Anm. 5; PR: 483.

...семь звеньев (bojjhaṅgā)... — см. XVI.1.9 и соотв. примеч.

3.51. ...[все] составленное (vaṃ-dhammā saṅkhārā)... — этот афоризм встречается и ниже (ср. XVI.6.7). Ср. DW: 575.

...сказал еще (athāparam etad avoca)... — перед этими заключительными стихами третьего раздела в отдельных рукописях вставлены следующие строки:

Молодые и старые, неразумные и мудрые,
Богатые и бедные — все находят конец в смерти.
Подобно тому как сделанный горшечником глиняный сосуд —
И малый, и большой, и обожженный, и сырой —
Всегда под конец разбивается, так и смерть — конец жизни.

Ср. DRC II: 120, п. 4; DK II: 94, п. 3; DF: 218, Anm. 11.

...дхамме и должному поведению (dhamma-vinaye)... — ср. I.1.9, 18 и соотв. примеч.

4.1. *И вот...* — ср. сходный оборот в IX.2 и др. См. соответствия: в An (AMH II: 1 sq.; IV: 105 sq.); Sn LVI.21 (SF V: 431 sq.) и др. Ср. выше, XVI.2.1–5.

...взглядом слона (nāgāpalokitam)... — т.е. повернувшись всем корпусом, поскольку шея Будды не может поворачиваться, как у обыкновенных существ. См. BS II: 564–565; DR II: 131, п. 1.

Бхандагама (Bhaṇḍagāma) — ваджджийская деревня близ Весали на пути в Хаттхигаму (см. ниже, XVI.4.5), известная лишь этим посещением Будды. Ср. PM II: 346. DN: 267 — Krämerdorf.

4.2. *Не появ...* — ср. аналогичную конструкцию в XVI.2.2. Здесь соответственно идет речь о четырёх видах предметов, связанных с нравственностью (sīla), сосредоточенностью (samādhi), постижением (paññā) и освобождением (vimutti). Ср. X.1.6, где упомянуты первые три «свода предписаний» (khandha).

4.3. *Нравственное поведение...* — ср. Kv I.5.15 (KvT I: 115). Ср. DR II: 132, п. 2.

4.5. Хаттхигама (Hatthigāma) — ваджджийская деревня на дороге между Весали и Бхогангарой. См. PM II: 131. Ср. переводы этого и упомянутых ниже поселений в DN: 268: Elephantendorf... Mangodorf... Rosenapfeldorf... Bhoger Burg.

Амбагама (Ambagāma) — деревня в тех же окрестностях. PM I: 150.

Джамбугама (Jambugāma)... — деревня, расположенная там же, возможно, в предместьях Чампы (ср. IV.1; XVI.5.17). PM I: 941.

4.6. Бхоганagara (Bhoganagara)... — ваджджийская деревня между Павой (ср. ниже, XVI.4.13) и Весали. См. PM II: 393 (s.v. Bhogagāmanagara).

4.7. ...в святынище Ананда (Ānande cetiye). — Названо так по имени яккхи Ананды, которому оно было первоначально посвящено. Позже стало буддийским монастырем. См. PM I: 270; DN: 684, Anm. 428.

Я наставляю... — ср. XVI.4.7–11 и An (AMH II: 167–170).

...великих свидетельствах (mahā-apadese). — По-видимому, по смыслу связано со свидетельством (apadesa) определенных авторитетов, возможно, что и mahā-padesa — «великое указание», ср. BS II: 565; DR II: 133 (ibid., п. 1) — Great Authorities; DF: 220 (ibid., Anm. 1) — hohen Autoritäten; DN: 268 — wichtige Bezeugnisse. См. PR: 51, 410. Ср. в связи с этим Cv XI, XII (VO II: 284 sq.).

4.8. ...истина... должное поведение (dhammo... vinayo)... — ср. I.1.9 и соотв. примеч.

...слово и букву (pada-vyañjanāni)... — ср. PR: 408, 652.

...сопоставить их с суттами (sutte otāretabbāni)... — согласно пояснению BS II: 565–566, имеются в виду соответственно разделы Виная- и Сутта-питаки: «Сутта-вибханга», «Кхандака» и др. (см. Предисловие). Возможно, также речь идет об отдельных изречениях («параграфах»), заучиваемых наизусть членами общины (DR II: 134 — [the stock paragraphs learnt by heart in the community]). Ср. DF: 200, Anm. 6.

4.10. ...сведущие в учении (āgatāgama)... — т.е. в канонической литературе. См. PR: 95.

...перечни (mātikā). — Здесь вслед за dhamma- и vinaya- упоминаются abhidhamma, но не собственно философские тексты Абхидхамма-питаки, а соответствующие им части Винаи, представленные там в суммарном, конспективном изложении, «перечнях». См. PR: 528; DR II: 135 — the summaries of the doctrines and the law; DF: 221 — Registern; DN: 209 — Überlieferung (ср. ibid.: 684–685, Anm. 430).

4.13. *И вот...* — ср. XVI.4.13–25 и 39–43 и Ud VIII.5 (US: 81 сл.); см. ниже, XXXI.1.1.

Пава (Pāvā) — город маллов, служивший, в частности, местопребыванием Нигантхи Натхапутты и его последователей (см. II.7 и соотв. примеч.). Возможно, тождественен

совр. деревне Pappur (Pappaur) к востоку от Aliganj Sewan, между левыми притоками Ганга — Гогрой и Гандаком. См. РМ II: 193–194; DF: 222, Anm. 1.

Чунда (Cunda) — кузнец из Павы, выслушавший проповедь Будды и, согласно BS II: 568, достигший в результате ступени sotāraṇna («вступившего в поток», ср. VI.13 и соотв. примеч.; выше, XVI.2.7 и др.). См. подробнее РМ I: 876–877.

...сына кузнеца (kammāra-puttassa). — То есть кузнеца по рождению и самого кузнеца. Ср. PR: 195; DN: 685, Anm. 432; DF: 222, Anm. 3.

4.17. ...мяжкой свинины... — следуем более вероятному, на наш взгляд, непосредственному значению sūkara-maddavaṃ, подтвержденному традиционным комментарием и принятому большинством исследователей. См. BS II: 568 (sūkarassa ravatta-mamsaṃ) и коммент. к параллельному месту Ud VIII.5 (другой вариант этого комментария, позволяющий предположить, что речь идет здесь об определенном растении, «истоптанном свиньями», представляется менее вероятным, см. ниже). PR: 721 — soft (tender) boar's flesh. Следует иметь в виду, что запрет есть мясо отнюдь не был обязателен в хинаяне (см. в связи с этим Waley 1931–1932). Ср. аналогичное толкование DF: 222 — ein grosses Stück saftiges Schweinfleisch (ibid., Anm. 4); Ольденберг 1905: 268 — «мяса дикого кабана». Т.В. Рис-Дэвидс первоначально (в своем переводе в серии Sacred Books of the East, vol. XI, p. 71) переводил: dried boar's flesh, толкуя maddava в его возможном значении — withered (ср. PR: 518–519; отсюда в выполненном с английского БС: 125 — «сушеное мясо вепря»), однако впоследствии допустил, на наш взгляд, «вегетарианскую» точку зрения, исходящую из того образа основателя буддизма, который, по сути дела, сложился уже значительно позднее. Толкуя sūkara-maddavaṃ как определенное луковичное растение со съедобными клубнями (sūkara-kanda), он переводит в DR II: 137 — truffles (ср. ibid., n. 1). Ср. толкование К. Нойманна, видящего здесь разновидность сморчков (DN: 271 — Ebermorchel'n; ср. ibid.: 686, Anm. 433). Ср. также «грибную» версию: Wasson 1982; Stevens 1987; BLD: 121 sq. DW: 256 (ср. 571–572) дает намеренно двусмысленное “pig's delight”.

4.19. В мирах богов... — ср. III.1.1 и др. и отдельные параллели в DF: 223, Anm. 1.

4.20. И вот... — ср. XVI.2.23.

...кروавый понос (lohita-pakkhandikā)... — см. PR: 590; DR II: 138 — dysentery; DF: 224 — die Ruhr.

Кустинара (Kusinārā) — столица маллов, близ которой скончался Будда. Отождествляется с совр. Kasia на востоке Горакхпура. См. РМ I: 653–655; DF: 224, Anm. 3.

Отведав пицци... — эти строфы, суммирующие изложенное выше, как и следующие (XVI.4.38, 41), согласно BS II: 568, были произнесены старшими монахами (therehi) на своем соборе. Ср. DRC II: 128, n. 6; DR II: 139, n. 1.

Очистившись (viriccamāno)... — ср. BS II: 568; PR: 634; DF: 224, Anm. 2 — durch Etleerung.

4.21. ...ткань (saṃghāṭim) — имеется в виду одна из одежд, используемых буддистами (ср. выше, II.65 и др.).

4.23. Какуттха (Kakutthā; также Kukulthā, Kakuṭṭha и др., ср. DRC II: 128, n. 7) — река близ Кушинары, совр. Bādhi (Bārhi, Bandhi). См. DF: 225, Anm. 1; РМ I: 468.

4.25. ...Татхагаты... — DR II: 140, n. 1 указывает на необычность подобного обращения в данном месте.

4.26. Пуккуса Маллапутта (Pukkusa Mallaputta, т.е. один из маллов; другой эпитет — Mallarājaputta) — согласно BS II: 569, торговец, хозяин пятисот повозок, проезжавших перед этим через Какуттху. Поскольку маллы (ср. ниже, примеч. к XVI.4.38) были кшатриями, вряд ли это имя как-либо связано с обозначением одного из низших сословий (pukkusa, ср. санскр. paulkasa). Ср. DR II: 141, n. 1; РМ II: 214.

Алара Калама (Ālāra Kālāma) — был также учителем самого Будды, проповедовавшим достижение состояния ākiñcaññāyatana (см. выше, I.3.14; IX.16; XV.33; и др.). См. BS II: 569; PM I: 296–297).

4.27. ...дневного отдыха (divā-vihāre). — То есть, видимо, чтобы переждать дневную жару. См. DR II: 141; PR: 322.

4.30. Бхусагара (Bhusāgāra) — букв. «помещение для отрубей, мякины». BS II: 569 — khala-sālāyaṃ; ср. PR: 507 — chaff-house; DR II.143 — Threshing-floor; DF: 226, Anm. 1 — Spreuhaus (= «Теппе»?). Возможно, обозначение гумна, тока, в данном же случае — предместья Атумы. См. PM II: 385–386; I: 244.

Атума (Ātumā) — город между Кусинарой и Саваттхи. PM I: 244.

4.34. Превосходно, господин! — Ср. соотв. формулу II.99 и др.

4.37. ...одел тело... в эту пару... — следует иметь в виду, что каждая из таких одежд представляла собой полоску ткани, в которую определенным образом завертывалось тело. По-видимому, после того как Пуккуса покрыл двумя тканями Будду и Ананду, последний отдал свою ткань Будде, чтобы использовать ее как верхнюю одежду. Ср. DR II: 145, n. 1; DF: 128, Anm. 1. BS II: 570 поясняет, что одежды, подаренные Пуккусой, — pivāsana-pāgūraṇa, т.е. соотв. — нижняя и верхняя. Ср. PR: 372.

...достигает ниббаны... — ср. выше, XVI.3.20.

4.38. ...ночную стражу (yāme)... — имеется одна из четырех частей ночи (по 3 часа), т.е. здесь — с 3 до 6 часов.

Упаваттана (Upravattana) — роща саловых деревьев (см. след. примеч.) близ Кусинары. DR II: 146 оставляет это название без перевода; DF: 228 (ср. ibid., Anm. 3; 240, Anm. 5) переводит — Erholungspark; DN: 276 — Landgebiet. См. PM I: 398–399.

...саловой роще (sāla-vane)... — sāla — дерево *Shorea Robusta*, см. выше, примеч. к XII.1. Здесь и ниже (XVI.5.1 сл.), согласно BS II: 573 (ср. DR II: 149, n. 1), идет речь о паре (yama-ka) одинаковых деревьев — у изголовья и в ногах приютившегося под ними Будды.

Маллы (Mallā, ср. XVI.4.26) — название народа и соотв. области, разделенной в тот период на две части (со столбами в Кусинаре и Паве). Отождествляются с Μαλλοί, упоминаемыми Аррианом. См. PM II: 453–454.

Какуттха — см. XVI.4.23.

Пуккуса приказал... — см. об этих и следующих ниже (XVI.4.41) стихах примеч. к XVI.4.20.

4.39. ...вышел на берег... — DR II: 146 (ср. DF: 228, Anm. 6) толкует расcuttaritvā как переправу на другой берег.

Чундака (Cundakaṃ) — хотя эта форма вполне может быть употреблена вместо Cunda, здесь, как и ниже (XVI.4.41), имеется в виду не кузнец Чунда, о котором шла речь в XVI.4.13, а другое лицо — определенный монах, сопровождающий Будду. См. PM I: 879; DF: 228–229, Anm. 7).

Постели-ка мне... — ср. XVI.4.21 и соотв. примеч.

4.40. ...словно лев (sīha-seyuṃ)... — см. PR: 714. Образ этот почему-то отсутствует в DR II: 147. Ср. XVI.5.1, а также Sn I.4.8 (SF I: 27); Sn IV.1.7 (SF I: 107); Mn 125 (MTC III: 135).

4.41. ...обрадованный (modito, другое чтение: codito — «побуждаемый»)... — ср. DRC II: 135, n. 10; DK II: 105, n. 8; DF: 229, Anm. 2.

4.42. ...Татхагата достигает... — ср. XVI.3.20; 4.37.

Заслуги, накопленные (kammaṃ upasitaṃ)... — т.е. его карма, ср. PR: 140.

5.1. Хираниявати (Hiraññavati)... — река, на берегу которой в саловой роще скончался Будда. Отождествляется с р. Малый Гандак, протекающей по Горакхпуру и впадающей в Гогру. Ср. PM II: 1327; DF: 230, Anm. 4.

...лег, словно лев... — ср. XVI.4.40.

5.2. Мандарава (mandāraṇa) — коралловое дерево, *Erythrina*. Почиталось одним из пяти небесных деревьев, что видно из настоящей сцены. См. PR: 523.

...сандаловая пудра (sandana-suṣṭhāni)... — согласно BS II: 576, предназначавшаяся для божественных существ.

5.3. ...следуют истине... — ср. XVI.3.7 и соотв. примеч.

5.4. Упавана (Uparāna) — прислуживавший Будде монах, происходивший из богатой брахманской семьи в Саваттхи. Его именем названо несколько сутт (An, Sn). См. PM I: 399–400; DF: 231, Anm. 5.

И тогда достопочтенный Ананда... — следует иметь в виду, что Ананда стоял в это время позади Будды (ср. XVI.1.4; XXIX.41).

Ведь достопочтенный Упавана... — аналогичные слова говорит выше Субха о самом Ананде (ср. X.1.5).

5.5. ...из десяти миров (dasasu loka-dhātusu)... — возможно, здесь имеются в виду обитатели отдельных небесных миров (Catummahārājikā, Tāvātimsā и т.д., ср. XI.68 сл.; и др.), относящихся к сфере чувственности (kāma-loka); миров, «наделенных формой» (gūra-loka) и «лишенных формы» (agūra-loka), соответствующих ступеням (1–4 и 5–8) созерцания (jhāna) (BS II: 579 поясняет: asaṅgā-sattānaṃ s’eva agūra-devatānaṃ ca). Ср. XIV.3.29; XV.33 сл.; XVI.3.24 сл.; и др. и соотв. примеч., а также традиционные упоминания «десяти тысяч миров» (PR: 587, 316).

...йоджан (yojanāni)... — здесь эта мера (согласно некоторым источникам, ок. 17–19 км), возможно, обозначает большое расстояние вообще (ср. DF: 232, Anm. 1).

...размером с укол... — согласно BS II: 579, на этом пространстве может уместиться несколько десятков божеств, не задевая друг друга, — любопытная параллель к аналогичным диспутам в средневековой христианской традиции. Ср. DR II: 151–152, п. 1; DN: 688, Anm. 452.

5.6. ...око мира (cakkhuṃ loke). — Ср. об этой аллегории DR II: 152, п. 1.

Непостоянно составленное... [иначе] (aniccā saṃkhārā)? — Ср. XVI.3.48; 6.11 и др.

5.7. ...принимали... для лицезрения... — сохраняем неопределенность оригинала (labhāma... dassaṇāya... paṇḍurāsaṇāya). DR II: 153 считает здесь объектом почитания Будду; DF: 232 (ср. ibid., Anm. 4) и DN: 280 — самих этих монахов.

5.8. ...пробуждающих трепет (saṃvejanīyāni)... — т.е. мест паломничества. См. PR: 657; ср. An (AMH II: 120). Ниже соответственно имеются в виду селение Лумбини близ Капилаваттху, дерево бодхи в районе Урувелы на берегу Неранджары (совр. Бодхгаи), Варанаси (пал. Баранаси) и роща, в которой происходит настоящее действие (ср. выше, примеч. к XVI.5.1). Ср. Ishida 1986: 49 sq.

...привел в движение (dhamma-cakkaṃ pavattitaṃ)... — образ, рисующий начало проповеднической деятельности Будды (ср. название проповеди в Варанаси и соответствующей сутты). См. Предисловие.

5.9. ...если... заговорят? — Переводим ālapantena, следуя BS II: 583 (ср. DR II: 154; то же — BC: 135). DN: 281 менее основательно переводит — Wenn aber eins anspricht; DF: 233 — Wer aber doch in’s Gespräch gerät.

...оградить себя бдительностью (sati... upaṭṭhāpetabbā)... — см. PR: 672. Ср. DR II: 154 — keep wide awake; DF: 233 — mit ernster Besonnenheit rüsten; DN: 281 — Einsicht... bewahren. В связи с соотв. проблематикой (ср. ниже XXI.1 сл. — образ Панчасикхи) см., в частности, Khantipālo 1980; Фор 2018: 4 сл.; и др. (за пределами тхеравады и Индии).

5.10. ...высшего блага (sadatthe)... — ср. PR: 674; BS II: 583. Возможно и толкование «ради собственного блага», ср. DR II: 154; DF: 233; DN: 281.

5.11. *Как же...* — ср. ниже, XVI.6.17.
...*владыки мира* (sakkavattissa)... — ср. выше, III.1.5 и др. и соотв. примеч.; DR II: 155, п. 2.

...*чесаной хлопчатой тканью* (vihātēna kappāsēna)... — имеется в виду производившаяся в Варанаси тонкая ткань из обработанного хлопка, можно полагать, не впитывающая масло. См. BS II: 583; ср. DR II: 155 (ibid., п. 3) — carded cotton wool (BC: 135 — «пелену из чесаного хлопчатого пуха»); DF: 233 (ibid., Anm. 6) — gekrämpelte Baumwolle; DN: 281 — ausgefaserter Baumwolle.

...*железный* (ayaśāya)... — см. DR II: 155 (ibid., п. 4). Ср. также DF: 233 — metallenen; DN: 281 — eherne (ср. ibid.: 689, Anm. 457). Согласно BS II: 583, речь идет о золотом (sovaṇṇāya) сосуде. Ср. An (AMH III: 58).

...*надгробие* (thūpaṃ, санскр. stūpa)... — ср. PR: 309; DR II: 156 (ibid., п. 1) — cairn; DF: 234 оставляет без перевода (Thūpa); DN: 281 — Kuppelmal. Ср. также о соответствующей символике: Harvey 1984; Snodgrass 1985; Fussman 1986; Kottkamp 1988; и др.

5.12. *Паччекабуддха* (Pacceka-buddho) — обозначение существа, достигшего просветления, но не проповедующего его другим. Ср. PR: 385; DR II: 156 (ср. ibid.: 157, п. 1) — awakened for himself alone; DF: 234 — Privat-Buddha; DF: 281 — einzeln Erwachten. Ср. Kloppenborg 1974.

5.13. ...*обитель...* — согласно BS II: 584, vihāraṃ следует понимать здесь как mandala, т.е. просто как беседку, расположенную поблизости. Ср. PR: 516; DR II: 157–158, п. 2. Вместе с тем DF: 234, Anm. 8, считая это толкование натянутым, видит здесь одну из непоследовательностей текста.

...*должен трудиться...* — т.е. сам Ананда, хоть и вступил на должный путь, еще не достиг ниббаны (см. DR II: 158, п. 1). Ср. об этих словах DF: 234–235, Anm. 9).

5.14. *Разве...* — ср. выше, XVI.3.48.

...*дружелюбен в делах...* — ср. XXI.1.11.

...*порочных свойств* (apāśavo). — Ср. II.97 и соотв. примеч. То есть «достигнешь ниббаны». Ср. джатаку 307 (JF III: 23); DF: 235, Anm. 4.

5.15. ...*в прошлом...* — ср. XVI.1.16.

5.16. *Таковы...* — некоторые рукописи пропускают эту формулу (ср. DRC II: 145, п. 6; DK II: 112) и соотв. ниже — «каковы...» (DRC II: 145, п. 7).

...*кшатриев...* — другой вариант — «царей» (rājānaṃ — DRC II: 145, п. 8; ср. DR II: 112).

5.17. ...*ничтожном* (kuḍḍa-nagaraḷe ujjāṅgala-nagaraḷe sākha-nagaraḷe)... — см. возможные толкования: BS II: 586; PR: 218, 128, 702; DR II: 161, п. 1; DF: 236–237, Anm. 7–8; DN: 284. Ср. ниже, XVII.1.2–3.

Чампа, Раджагаха, Саваттхи... Косамби, Баранаси... — ср. выше соответственно IV.1; I.1.1; IX.1; VI.15; XIV.1.12 и соотв. примеч. См. PM s. v.; DF: 237, Anm. 1–6; DN: 690, Anm. 464.

Сакета (Sāketa) — древняя столица Косалы, по-видимому, другое название Айодхьи (совр. Аудх). Ее отождествляют с развалинами Sujān Kot на берегу р. Саи (Sai). Неоднократно упоминается в каноне, хотя в истории буддизма играла сравнительно небольшую роль. См. PM II: 1084–1086; DF: 237, Anm. 4.

5.18. *Махасудассана* (Mahāsudassana) — легендарный царь Кусавати (см. ниже), в образе которого некогда родился Будда. Более подробной истории о нем посвящена следующая сутта XVII Dn (см. соотв. примеч.; ср. PM II: 574–576).

...*владыка мира...* — ср. III.1.5 и соотв. примеч.

...*семью сокровищами.* — Имеются в виду колесо (sakka — возможно, как символ царской власти), слон, конь, драгоценности, жена, домоправитель и советник.

Кусинара — ср. выше, XVI.4.20.

Кусавати (Kusāvātī) — легендарный город, согласно преданию, тождественный более поздней Кусинаре. Ср. PM I: 653.

...йоджан... — ср. выше, примеч. к XVI.5.5.

Алакаманда (Āḷakamandā; также Āḷakamanta, ср. DRC II: 147, п. 1; DK II: 113, п. 4) — мифический город богов, служивший местопребыванием бога богатств Куберы (вероятно, тождественен Alakā). Употребительный образ процветающего богатого города. Ср. PM I: 290; SE: 94; PR: 109; DN: 690, Anm. 466.

...литавр (bheri... mutiṅga... vīṇā... gīta... samma... tāla...)... — ср. II.90; DF: 237, Anm. 9. 5.19. ...маллам... — ср. выше, примеч. к XVI.4.38.

Васеттхи (Vāsetṭhā) — прозвище маллов, связанное, по-видимому, с их легендарным прародителем ведийским мудрецом Васеттхой (Vāsetṭha, санскр. Vasiṣṭha). Ср. PM II: 860; выше III.2.8 и соотв. примеч.

Будьте сострадательны (abhikkamatha)... — см. DR II: 163; DF: 238, Anm. 1. Возможно и толкование: «поспешите», «приблизьтесь» и т.п. Ср. BS II: 587; DN: 285.

...взял сосуд... — перечень соответствующих аксессуаров, по-видимому, приведен здесь стереотипно, вне связи с непосредственной своей функцией. Ср. DF: 238, Anm. 2; DR II: 162, п. 1.

...вместе с другим (atta-dutiyo)... — см. II.162; DF: 238. Другое толкование, основанное на возможном чтении adutiyo (DRC II: 147, п. 12; DK II: 114, п. 2) — «без спутников», т.е. один, ср. DN: 285.

5.21. ...а некоторые... — ср. выше, XVI.5.6.

...приблиззились... к... Ананде. — Ананда, по-видимому, еще раньше вернулся назад к Будде. Ср. DF: 238, Anm. 5.

5.23. ...странствующий аскет (paribbājako)... — ср. выше, I.1.1 и др.

Субхадда (Subhadda) — отшельник из знатных брахманов, ставший последним из обращенных Буддой и достигший впоследствии архатства. Он отнюдь не тождественен Субхадде, упоминаемому ниже (XVI.6.20). См. PM II: 1231–1232.

...как старшие... — ср. III.1.10 и др.

5.26. Почтенный... — ср. Mṃ 30 (MTC I: 198).

Пурана Кассапа... — ср. об упомянутых здесь шести учителях выше, II.2 сл. и соотв. примеч. Ср. DR II: 165, п. 1.

5.27. ...восьмичленного пути... — ср. VI.4; VIII.13; и др.

...[истинного] отшельника... четвертой... — имеются в виду уже упоминавшиеся (см. VI.13; XII.13; и др. и соотв. примеч.) категории «вступившего в поток» (soṭāpanna), «единожды возвращающегося» (sakadāgāmin), «не возвращающегося» (anāgāmin) и архата. Ср. BS II: 589. См. параллели в Mṃ 11 (MTC I: 63–64); An (AMH II: 238).

Прочие... — ср. DR II: 167, п. 1; DF: 240, Anm. 10; DN: 692, Anm. 475.

Превывая... — ср. в связи с этими стихами DR II: 167, п. 2; DF: 240, Anm. 11.

5.28. Кто, Субхадда... — ср. аналогичные варианты в VIII.24 и соотв. примеч. См. также параллели с Mṃ 57, 73 (MTC I: 391, 494), Sn XII.17 (SF II: 21) и др.

5.30. ...посвящены (abhisittā)... — букв. «окроплены» (ср. обряд крещения; DF: 242, Anm. 1).

И так... — ср. VIII.24; IX.56; XIV.3.13 и др. (см. DF: 242, Anm. 2).

...которого Благостный обратил сам (sakkhi-sāvako). — Ср. DR II: 169 (ibid., п. 2); DF: 242. Согласно BS II: 590–591, эти слова добавлены монахами, участвовавшими в собрании.

6.1. И тогда... — ср. свидетельства Cv XI (VO II: 284 sq.).

...будет... учителем. — Ср. аналогичные слова Ананды после ухода Будды в Mṃ 108 (MTC III: 9). Ср. выше, XVI.2.26; DF: 242, Anm. 5.

6.2. ...«друг»... «господин»... «достопочтенный» (āvuso... bhante... āyasmā). — Ср. Wagle 1966; 1967; выше, примеч. к XIV.1.3.

6.3. ...незначительные (khuddānukhuddakāni)... — согласно преданию, это разрешение отнюдь не было использовано на Первом буддийском соборе. См. DR II: 171, п. 2; BS II: 592–593.

6.4. Чханна (Channa) — ровесник Будды, служивший ему возницей и вступивший в общину. Отличался строптивым поведением; в частности, в споре монахов с монахинями принял сторону последних. Впоследствии раскаялся в своих заблуждениях. См. PM I: 923–924; DR II: 172, п. 1.

...высшему наказанию (brahma-daṇḍo). — Ср. о значении brahma- PR: 493. См. DR II: 171. DF: 243 (ibid., Anm. 3) и DN: 291 (ibid.: 692–693, Anm. 480–481) — geistliche Strafe (ср. Cv XI.1 сл.; 12 сл. (VO II: 284 sq.). Выше, в III.1.23 brahma-daṇḍo употреблено, очевидно, в другом значении («божественное наказание»).

6.5. И тогда... — ср. An IV.76 (AMH II: 79 sq.).

...сомнение или замешательство... — ср. III.2.10.

...пути (magge)... — т.е. «праведного восьмичленного пути».

...способа достижения (paṭipadāya). — Ср. выше, II.97 и др. Здесь может иметься в виду как «путь» (magga), о котором речь шла выше, так и традиционные четыре пути к совершенству, связанные со следованием самоистязанию или приятным ощущениям, каждое из которых может давать быстрый или медленный результат (ср. ниже, XXVIII.10). См. PR: 396; DF: 243, Anm. 7.

6.6. ...стал вступившим... — ср. выше, XVI.2.7.

6.7. Итак, монахи... — ср. XVI.3.51; см. параллели к XVI.6.7–10 в Sn VI.2.5 (SF I: 157–159); ср. также An (AMH IV: 410 сл.).

6.8. ...первой ступени (paṭhamajjhānā)... — ср. в связи с этим I.3.13 сл.; II.75 сл.; IX.10 сл.; XV.35; XVI.3.3; и др. и соотв. примеч.

Ануруддха (Anuruddha) — двоюродный брат Будды, один из известнейших его учеников, достигший архатства. Ануруддха присутствовал при кончине Будды. См. о нем подробнее PM I: 85–90; EB I: 767–771.

6.10. И когда... — ср. выше, XVI.3.10; см. Av 100 (AvS II: 197 сл.).

Сахампати (Sahampati)... — одно из имен Брахмы, под которым он неоднократно упоминается в палийском каноне. Его сближают с Брахмой Сваямбху в брахманской традиции. Ср. PM II: 1080–1081; DR II: 175, п. 1.

...телесный облик (samussayaṃ)... — PR: 688–689 — body. Возможно, здесь имеется в виду совокупность khandha, определяющих важнейший облик существ. Ср. DR II: 175 (ibid., п. 1) — complex form.

Сакка — царь богов Индра. См. выше, XI.70 и соотв. примеч.

Непостоянно... — эти слова неоднократно повторяются в канонической литературе (ср., в частности, ниже, XVII.2.17 сл.). См. DR II: 176, п. 1.

Остановилось дыхание (nāhu assāsa-passāso)... — букв. «не было выдоха и вдоха». Ср. PR: 91; Thag 905, 906 и др. (ThOP: 83).

...которые не освободились... — ср. выше, XVI.5.6, 14.

6.11. Довольно... — ср. XVI.5.14 и др.

...ропцут (ujjhāyantī)... — ср. XVI.5.5 и др.; другое возможное чтение: vijjhāyantī («угасают»), ср. DRC II: 158, п. 1; ср. DR II: 178, п. 1.

6.12. Иди, друг... — ср. XVI.5.19.

6.13. ...музыкантов (tālvacaram)... — ср. PR: 300. Сюда, по-видимому, входят и танцоры (DF: 247, Anm. 6).

...одеяний (dussa)... — т.е. тканей, используемых при погребении (ср. выше, XVI.5.11).

...балдахины из одежд (cela-vitānāni)... — ср. PR: 272; DR II: 180 — canopies; DF: 247 — spannten ihre Gewänder als Schutzdach aus.

...образовав [подобие] беседок (maṇḍala-mālāni)... — см. I.1.3; DF: 247 (ср. ibid., Anm. 10) — stellten sich runde Zelte. Ср. DR II: 180 (ibid., n. 1) — preparing decoration wreaths to hang thereon.

6.15. Макутабандхана (Makuṭa-bandhanam) — святилище маллов близ Кусинары, где был совершен погребальный обряд над Буддой. В этом месте, согласно BS II: 596, находилось помещение, где начальники маллов надевали на себя украшения — отсюда соответствующее название (ср. DF: 248, Anm. 3 — «Anlegen des Diademes» (?). См. PM II: 396–397; PR: 511).

6.16. ...стоков для нечистот (sandhi-samala-saṅkaṭīrā)... — см. BS II: 597; PR: 678, 684, 662; ср. DR II: 182 — dust bins and rubbish heaps; DF: 248 (ср. ibid., Anm. 5, 6) — Kompost- (?) Schmutz- (?) und Kehrlichthaufen.

6.17. Как... обращаться... — ср. XVI.5.11 и соотв. примеч.

6.18. ...пятьюстами... — ср. DF: 249, Anm. 3 о невозможности буквального понимания этого свидетельства (укутанное подобным образом тело занимало бы по меньшей мере ок. 5 м в поперечнике и 6,5 м в длину).

6.19. Махакассапа (Mahā-Kassapa) — один из наиболее известных последователей Будды; согласно преданию определение Mahā- было дано ему в отличие от других носителей этого имени. См. о нем подробнее PM II: 476–483. Ср. с XVI.6.19–20; Cv XLI (VO II: 284–285).

Пава — см. XVI.4.13.

Адживака (ājīvako, букв. «ведущий [свой] образ жизни») — член одного из небуддийских течений, осуждаемых буддистами. О последователях Маккхали Госалы ср. II.3 и др. и соотв. примеч.; DR I: 71, n. 1.

И тогда... — ср. XVI.6.10.

6.20. ...престарелый странник (buḍḍha-pabbajito)... — здесь, видимо, обозначение человека, сделавшегося странником уже в старости. Ср. BS II: 599; PR: 488; DF: 250; DR II: 184.

Субхадда (Subhadda) — здесь, вопреки Г. Ольденбергу (VO I: XXVI), это отнюдь не упомянутое выше (XVI.5.2 сл.) лицо, а цирюльник из деревни Агума (Ātumā), вступивший в общину и проявивший несогласие с Буддой. Ср. PM II: 1231; DR II: 184, n. 1; DF: 250, Anm. 1.

Довольно, друзья... — ср. выше, XVI.5.14 и др.

6.21. И в это... — ср. XVI.5.14.

6.22. ...перекинул (ekaṃsaṃ cīvaraṃ katvā)... — ср. DF: 251; DR II: 185.

...приоткрыв... — деталь явно несовместимая с приведенным выше (XVI.6.18) свидетельством о пятьюстах парах одежд. Ср. DF: 251, Anm. 2.

6.23. ...подкожного покрова (camman)... — См. PR: 262; ср. DR II: 186 — integument; DF: 251 — «innere Haut».

...жидкости в сочленениях (lasikā)... — т.е., по-видимому, синовиальная жидкость, ср. PR: 582; DR II: 186 — the fluid of the joints; DF: 251 — «flüssige Bestandteile».

...забывшие от саловых [деревьев] (sālato)... — т.е., возможно, от самих деревьев, растущих вокруг (ср. DF: 251; ibid., Anm. 5), или же из подземных источников, названных так. Ср. DR II: 186; BS II: 604.

...оградой луков (dhanu-pākāraṃ)... — ср. BS II: 605.

6.24. Аджатасатту Ведехипутта — ср. выше, II.1; XVI.1.1 и соотв. примеч.

...останков... — букв. «костей» (saṅgīraṇam) — ср. выше, XVI.6.23.

...личчавы из Весали... — ср. XVI.2.15 и соотв. примеч.

...сакья... — ср. выше, III.1.2 и соотв. примеч. К этому племени принадлежал и сам Будда. См. РМ II: 969–972.

Капилаватху — ср. III.1.13; XIV.1.12 и соотв. примеч. Была столицей царя Суддходаны, отца Будды. Ср. РМ I: 516–520.

Були (Bulayo; ср. чтения: Bhūlayo и др., ср. DRC II: 165, п. 2; DK II: 127, п. 2). Племя, обитавшее, по-видимому, близ Ветхадипы (см. ниже). Ср. РМ II: 312; DN: 698, Anm. 507 (сопоставление с Thūlakotṭhitam в области куру).

Аллакаппа (Allakappa) — область близ Магадхи, по-видимому, с республиканской формой правления. Ср. РМ I: 191; DF: 252, Anm. 2.

Колии (Koliyā; также Koḷiyā, ср. DRC II: 165, п. 3; DK II: 127, п. 3) — племя, обитавшее по соседству с сакьями (через р. Рохини [Rohiṇī]) и находившееся с ними в родстве (ср. коммент. BS I: 262 к III.1.16). См. РМ I: 689–690; DN: 698, Anm. 508.

Рамагама (Rāmagāma) — деревня на берегу Ганга; возможно, тождественна Ланмо (Lan-mo) к востоку от Капилаватху в свидетельстве китайского паломника Фа-сяня. Ср. РМ II: 734; DF: 252, Anm. 4.

Ветхадипа (Veṭṭhadīpa, также Veṭṭhadīpa, ср. DRC II: 165, п. 4; DK II: 127) — брахманское поселение, возможно, тождественное совр. Betti; согласно другому предположению, Viṣṇudvīpa, монастырь в р-не совр. Горакхпура. См. DF: 252, Anm. 5; DN: 698, Anm. 509; ср. РМ II: 916–917.

Пава — см. XVI.4.13; 6.19.

6.25. ...*собравшимся толпам* (saṅghe gaṇe)... — т.е., очевидно, жителям этих городов. Ср. BS II: 607.

Дона (Doṇa, санскр. Droṇa) — брахман, обращенный Буддой и ставший «невозвращающимся» (anāgāmin). По-видимому, этимология этого имени тесно связана с функцией Доны в настоящей сцене (doṇa — определенная мера ёмкости), ср. ниже, XVI.6.28 — doṇaṃ в значении «часть» (останков Будды). См. РМ I: 1122; DF: 253, Anm. 3. Ср. в связи с этим Przulski 1935–1936.

...*Прозревшего* (sakkhumato). — То есть Будду. Ср. PR: 260; BS II: 608.

...*этот сосуд*... — т.е. сосуд, в котором находились останки Будды. Ср. DF: 253.

6.26. Мории (Moriyā) — кшатрийское племя, по-видимому, также родственное сакьям. Ср. РМ II: 673.

Пиппхаливана (Pipphalivana) — отождествление этого места затруднительно (ср. DF: 253, Anm. 4).

6.27. ...*в Капилаваттху*... — ср. об отождествлении этого святилища DF: 254, Anm. 2.

Так произошло (evam etaṃ bhūta-pubban)... — ср. DF: 254, Anm. 3. Согласно BS II: 615, следующие ниже строфы (XVI.6.28) были позже присоединены цейлонскими монахами (Tambaraṇṇi-therehi vuttā).

6.28. Джамбудипа (Jambudīpa, санскр. Jambudvīpa) — один из материков на земле, согласно древнеиндийской космографии. Здесь находилась Индия, и лишь здесь, согласно буддийской традиции, могли рождаться Будды. Ср. выше, примеч. к XIV.3.27.

...*в Рамагаме*... — ср. выше, XVI.6.24. Упоминание о «царях змей» (nāga-gājā), возможно, связано с преданием о том, что вблизи города находился пруд, кишящий змеями. Ср. РМ II: 734; DF: 254, Anm. 6.

...*в трех небесах* (Tidivehi)... — т.е. в мире, населенном 33 божествами. Ср. PR: 301; выше, XI.69 и соотв. примеч.

Гандхара (Gandhāra) — совр. Kandahar. Соответствующая область во времена Будды находилась в тесных контактах с Магадхой; ее царь Пуккусати был последователем Будды. Ср. РМ I: 748–749; DF: 255, Anm. 2; выше, XI.5.

Калинга (Kāliṅga) — область, отождествляемая с совр. Ориссой, ср. PM I: 583–585.
...отни мировых периодов (kappa-satehi). — Ср. DF: 255, Anm. 6.

XVII. «Махасудассана-сутта»

Mahāsudassana sutta представляет собой легенду о царе Судассане, изложенную в сжатом виде (с рядом буквальных повторов) выше, в XVI.5.17–18 (ср. соотв. примеч.). Ср. также параллели в джатаке 95 (*Mahāsudassana jāta* — JF I: 391–393), возможно, имеющей общий источник с данной суттой. Ср. DR II: 192–198 (= BC: 79–86); DK II: XVII–XVIII; Law 1933: 102–103; PM II: 575–576; Шомахмадов 2007: 94 сл., 115 сл., 218 сл. См. BS II: 616–636; DAT II: 248–260.

1.1. ...в Кусинаре, в Упаваттане... — ср. XVI.4.38 и соотв. примеч.

1.2. Господин... в этом ничтожном... — отсюда и до конца XVII.1.3 воспроизведен с незначительными вариантами текст XVI.5, 17–18 (см. соотв. примеч.).

1.3. ...помазанный (*muddhāvasitto*)... — ср. DR II: 199–200, п. 2.

1.4. ...бираллов (*veḷuriyamayo*)... — ср. DR II: 200; DN: 303; см. II.84 и соотв. примеч.
...изумрудов (*masāragallamayā*)... — ср. PR: 525 — ...emerald... crystal... a precious stone, cat's eye. DR II: 200 — of coral; DN: 303 — Smaragden. Шомахмадов 2007: 219 сл., 228 (соответственно на 5-м и 6-м месте) — «из агата... из коралла».

...всех [видов]... — т.е. перечисленных выше (золота, серебра и т.д.). Ср. BS II: 616.

1.6. ...музыки пяти видов (*pañcaṅgikassa turiyassa*)... — по-видимому, имеется в виду исполнение на барабанах, покрытых кожей с одной стороны (*ātata*), покрытых кожей с обеих сторон (*vitata*), на обоих видах барабанов (*ātata-vitata*), на ударных типа цимбал, тамбурина (*ghaṇa*) и неопределенных духовых (*susira*, *санскр.* *suṣira*, ср. SE: 1238). См. PR: 388; DN: 303, 701, Anm. 523.

...отбиваемой... — следуем чтению: *suppaṭitālitassa*. См. DK II: 131; DRC II: 171, п. 7 (ср. PR: 300). DR II: 201 дает здесь несколько сокращенный перевод.

1.7. ...семью... — ср. выше, XIV.1.32 (колесо, слон, конь, драгоценность, женщина, домоправитель, наставник).

...четырьмя чудесными свойствами (*iddhīhi*). — Ср. об *iddhī* выше, II.87; XI.2 сл.; XVI.3.3 и соотв. примеч.; PR: 120. Здесь (ср. ниже, XVII.I.18 сл.) речь идет, однако, не о «сверхъестественных способностях», а о вполне реальных качествах (ср. в связи с этим V.13 и др.).

Упосатха (*uposatha*) — дни, связанные с четырьмя фазами роста и убывания луны, — накануне 1-й, 8-й, 15-й и 23-й ночей лунного месяца. В буддийской традиции они были связаны с определенными церемониями и считались праздничными. Как и в ряде других мест канона (ср., например, выше, II.1 и соотв. примеч.), к этим дням были приурочены отдельные события, важные для хода повествования.

1.8. ...четырёхчастным... — т.е. из слонов, конницы, колесниц и пехоты.

1.9. Не убивайте... — следует перечень отдельных заповедей нравственного поведения (*sīla*). Ср. I.1.8 и др.

...Поedayте (*Yatha-bhuttaṇ*)... — по смыслу возможно: «так, как ели до сих пор» (т.е. соблюдая определенные правила), ср. DR II: 203, п. 1); другое толкование: «пользуйтесь вашим имуществом, как до сих пор». См. PR: 506.

1.11. ...перед залом суда (*attha-karaṇa-pamukhe*)... — ср. выше, XIV.1.37; PR: 24.

1.12. ...семижды устойчивый (*sattappaṭiṭṭho*)... — возможно, благодаря четырем ногам, двум клыкам и хоботу, ср. DR II: 304, п. 2.

Упосатха (Uposatha) — ср. PM I: 414. DR II: 204 (ср. *ibid.*, п. 3) переводит: Changes of the Moon.

1.13. ...с головой вороного цвета (kāka-sīso)... — т.е., очевидно, черной, как ворон. Ср. BS II: 625; DR II: 205 — crow-black head; DN: 305 дает вольный перевод: mit einem schwarzen Stern auf der Stirne. PR: 202 вряд ли основательно видит здесь буквальное обозначение «вороньей головы», которой будто бы наделен сказочный конь.

Валахака (Valāhaka) — возможное значение: «грозовая туча» (ср. DR II: 203; BC: 190). DN: 305 — Wolkenschimmel. Ср. PM II: 838.

1.14. ...прекрасный... — ср. II.84.

1.15. ...прекрасная... — ср. IV.5 и др.

...послушно выполняла... — ср. описание идеального слуги в II.34.

1.16. ...домоправитель (gahapati)... — DR II: 206 (*ibid.*, п. 3) — Wonderful Treasurer.

...божественное зрение... — ср. XIV.1.36.

...золото и деньги (hirañña-suvaṇṇā). — Ср. PR: 731; DN: 306; DR II: 207 (= BC: 192) — yellow gold (?). Ср. о нахождении скрытого под землей ChU VIII.3.2.

1.17. ...мудрый... — ср. ту же характеристику в V.13 и др.

1.18. ...четырьмя... — см. выше, XVII.1.7 и соотв. примеч. Ср. V.13 и др.; а также I.2.6; X.1.3, XIV.1.34; DR II: 208, п. 2.

1.20. ...внутренней силой (sama-verākiniyā gahaṇiyā)... — имеется в виду воображаемый орган в теле (gahaṇī), наделенный качеством жара (teja) и управляющий пищеварением. Ср. PR: 248, 684; BS II: 628; DR II: 208 — internal fire (*ibid.*, п. 5 — параллель с *Raṭṭhapāla sutta* — Mn 82) (MTC II: 54–74).

1.21. ...брахманам и домоправителям (brāhmaṇa-gahapatikāṇaṃ). — Согласно DR II: 209, имеются в виду соответственно жрецы и миряне. Шомахмадов 2007: 224 — «как брахманов, так и простого люда».

...выехал... — ср. XIV.2.1.

1.22. Дхану (dhanu, букв. «лук») — мера длины, равная 4 хаста (hasta — «локоть», ок. 18 дюймов). Таким образом, здесь говорится о промежутке примерно в 180 м.

...колонны... перила и верхние украшения (thambhā... sūciyo ca uṇḥisañ ca)... — ср. DR II: 210 — balustrades... cross bars and the figure-head; DN: 308 — Pfeiler... Geländer und Dach.

1.23. ...голубой лотос... — см. XIV.1.34; DR II: 211 (ср. *ibid.*, п. 1); PR: 152, 410, 221, 465.

...доступные... — следуем чтению anāvattaṃ (см. DRC II: 179, п. 5, 4; DK II: 137, п. 1). Ср. DN: 308; *ibid.*: 704, Anm. 539 — anāvataṃ.

1.24. ...взяв... — ср. V.19.

1.25. Виссакамма (Vissakamma, санскр. Viśvakarman, букв. «все делающий») — мифический зодчий и художник богов, сын Брахмы; почитался покровителем ремесел, отождествлялся с Праджапати.

Дхамма (Dhamma) — ср. DR II: 212 — Righteousness; BC: 194 — «Праведность»; DN: 309 — Das Wahrzeichen.

...Слава тебе (bhaddan taṃ tī)! — Ср. PR: 498.

1.26. ...подстилками (phalakehi)... — ср. PR: 477; выше, VIII.14 и др. DR II: 213 — seats (BC: 195 — «сиделища»); DN: 309 — Steinplatten.

...покоев (kūṭāgāra)... — ср. PR: 225. Возможно, как и в VI.1, имеются в виду монашеские обители. DR II: 213 — Chambers; DN: 310 — Erkerhallen.

...из слоновой кости (dantamayo)... — здесь и ниже (sāramayo — «из превосходного дерева»; ср. PR: 705; DR II: 213 — coral; DRC II: 182, п. 2) нарушен традиционный для данного текста перечень.

1.27. Махавьюха (Mahāvīyūha) — букв. «великое скопление». Ср. DR II: 214 — Great Complex; DN: 310 — Grossen Empfangshalle. Согласно DR II: 214, п. 1 (ср. БС: 196), здесь может иметься в виду как имя бога солнца, почитаемого в качестве совокупности божеств, так и обозначение углубленного созерцания, для чего были предназначены эти покои.

1.29. *И вот, Ананда...* — ср. выше, XVII.1.6.

2.1. ...*даяния, самообуздания, воздержания* (dānassa damassa saṃyamassā). — Ср. аналогию в трех заповедях Праджapati (BrU V.2: dāmyata datta dayadhvam). Ср. DN: 708, Anm. 548; УС: [138] сл., [211].

2.3. ...*освободившись от чувственных удовольствий...* — следует восхождение по четырем ступеням созерцания (jhāna). Ср. II.75, 77, 79, 81 и др.

2.4. ...*и так пребывал...* — ср. XIII.76 сл.

2.5. ...*устланных* (goṇakathatāni)... — ср. выше, I.1.15 и соотв. примеч.

Веджаянта (Vejayanta) — букв. «победная». Ср. DR II: 221 — Flag of Victory; DN: 313 — Siegeswagen. Описание этой колесницы содержится в джатаке 535 (*Sudhābhōjana jāta*ka — JF V: 408 sq.). См. PM II: 916.

Субхадда (Subhadda) — букв. «счастливая». Очевидно — та «женщина-сокровище», о которой речь шла выше (XVII.1.15).

...*подчиненных... кшатриев* (khattiya... anuyuttāni)... — ср. PR: 41; DR II: 221 — nobles; DN: 314 — Kriegsherren zur Gefolgschaft. Ср. (как и ниже — XVII.2.10) характерную для буддизма (и отчасти — ранних упанишад) связь кшатриев с наставничеством.

...*убранстве из дукулы* (dukūla-sandanāni)... — т.е. тонких тканей из растения dukula (PR: 324: jute?).

...*бронзовыми подоюниками* (kaṃsūpadhāraṇāni). — DN: 314 в соответствии с толкованием PR: 173 видит здесь намек на обилие молока у коров и переводит достаточно свободно: mit strotzenden Eutern, die die Kübel überlaufen liessen. Ср. DR II: 221 — horns tipped with bronze (?).

...*мириад* (koṭi)... — ср. PR: 227; DR II: 221.

2.6. ...*через каждые сто лет...* — DN: 709, Anm. 553 поясняет, что речь идет о столетии предыдущего мирового периода, калпы, равном одному дню нынешнего. Ср. XVII.2.7.

2.7. *И вот...* — ср. XIV.2.1 сл.

...*к дверному косяку* (dvāra-bāhaṃ)... — ср. PR: 332 — door post; DR II: 223 — the side of the door; DN: 315 — Torbogen.

2.9. ...*словно лев...* — ср. выше, XVI.4.40 и соотв. примеч.

2.10. ...*цвет кожи* (chavi-vaṇṇo). — По-видимому, употреблено в более общем значении (превосходная комплекция, красота и т.п.). Ср. PR: 275; DR II: 223 — appearance.

2.13. ...*четырьмя высшими состояниями* (brahma-vihāre)... — т.е. упомянутые выше (XVII.2.4) дружелюбие (mettā), сострадание (karuṇā), удовлетворенность (muditā) и уравновешенность (upekkhā). См. PR: 494; DR II: 229, п. 1.

2.15. ...*вайшийка*. — Следуем более вероятному чтению vessāyinī вместо velāmikānī и пр. (связанном, очевидно, с обозначением определенного клана — ср. DR II: 198, п. 4; DK II: 150, п. 3; PR: 650; PM II: 932; DR II: 231).

...*я вкушал* (nālikodana-paraṃaṃ bhūñjāmi tadūpiyaṃ ca sūpeyyaṃ)... — ср. PR: 350, 150, 721; DN: 318 — Reis... und die dazugehörige Wurzelbrühe; DR II: 231 — a measure of rice and the curry suitable thereto.

2.17. ...*в мирах богов...* — ср. III.1.2 и др. и соотв. примеч.

Непостоянно... — ср. выше, XVI.6.10, где эти слова произносит царь богов Сакка. Ср. DR II: 232, п. 2.

XVIII. «Джанавасабха-сутта»

Janavasabha sutta связана с пребыванием Будды в Надике, где он рассказал Ананде легенду о яккхе Джанавасабхе (Janavasabha — см. ниже, XVIII.9). См. DR II: 233–236; DK II: XVIII–XIX; Law 1933: 103; PM I: 935. См. BS II: 637–646; DAT II: 261–277.

1. ... в Надике, в обители из кирпичей (Nāḍike... Giñjakāvasathe). — Ср. выше, XVI.2.5 и соотв. примеч.

...касийцев, косалов, ваджджийцев, маллов, куру... — см. соответственно XII.11; III.1.1; XVI.1.1; XVI.4.26; XV.1 и соотв. примеч.; PM s. v. Здесь перечисляется ряд народностей, населявших районы Северо-Восточной Индии.

Четийцы (Ceti) — жители области, по-видимому, расположенной на территории совр. Непала. Ср. PM I: 911.

Вансы (Vaṃsesu) — жители области Vaṃsā, расположенной к югу от Косалы, со столицей в Косамби на берегу Ямуны. Обычно употребляется в паре с Ceti. См. PM II: 798.

Панчалы (Pañcālesu) — имеется в виду область, расположенная к востоку от Куру. Отождествляется с совр. районом к северо-востоку от Дели между Гималаями и р. Чамбал. См. PM II: 108.

Маччи (Maccha) — соответствующая область находилась, по-видимому, к югу или юго-западу от Индрапрастхи, со столицей в Вирате. См. PM II: 415.

Сурасены (Sūrasenesu) — их область находилась к югу от Куру и к северу от Маччи, в сочетании с которой она обычно упоминалась. Ее столица — Матхура, хорошо известная в эпической традиции (ср. цикл легенд о Кришне). См. PM II: 1254.

...избавившись от пяти уз... — см. выше, XVI.2.7.

4. Анга (Aṅga) — область к востоку от Магадхи. Ср. выше, IV.1 и соотв. примеч.; PM I: 16–17.

Сения Бимбисара (Seniya Bimbisāra) — царь Магадхи, покровительствовавший Будде и обращенный им. Ср. выше, II.1; IV.1 и соотв. примеч.; PM II: 285–289, 1284.

6. ...и горожанам (negamāṇaṃ s'eva)... — ср. выше, V.12.

9. ...яккхи... — ср. III.1.21 и соотв. примеч.; Предисловие.

Джанавасабха (Janavasabha) — букв. «бык [т.е. „великий“, и т.п.] среди людей», яккха, в образе которого возродился царь Бимбисара (см. выше, примеч. к XVIII.4). См. PM I: 934–935; DR II: 240, п. 2.

10. Вессавана (Vessavaṇa) — имя бога богатств, одного из хранителей мира, четырех «Великих царей», Куверы, царящего над севером. Связано с названием его царства Visāṇā. В свите прислуживавших ему яккхов и возродился Бимбисара. Ср. выше, XI.68 и соотв. примеч.; PM II: 948–950.

...переходах... — в тексте: saṃsārāṇi.

...не подверженный страданию (avinipāto)... — т.е. яккха достиг первого состояния — «вступившего в поток» (sotāraṇṇa) и стремится к следующему — «единожды возвращающегося» (sakadāgāmin).

11. Вирулхака (Virūlhaka) — один из четырех «Великих царей», правящий югом. Ср. выше, XI.68 и соотв. примеч.; PM II: 895.

И ведь чудесно (anacchariyam)... — ср. BS II: 638–639. Другое толкование, на наш взгляд, менее удачное, дает DR II: 241 — it was only the moment before.

...две причины... — согласно комментатору, полученное им от Вессаваны, знание и желание передать его Будде, которого он увидел на пути. Ср. BS II: 639.

12. Упосатха — ср. выше, XVII.1.7.

...приближается (vassūpanāyikāya)... — см. выше, примеч к II.1. В указанном здесь случае говорится о предписании определенных действий, связанных с уединением. Ср. PR: 605; DR II: 241 (ср. *ibid.*, n. 3) — in the month for entering upon Retreat.

...тридцать три бога... — ср. выше, XI.69 и соотв. примеч.

Судхамма (Sudhammā) — место собрания богов, названное так по имени Судхаммы, жены Магхи (одно из воплощений царя богов Сакки). См. PM II: 1204; ср. DR II: 242 — Good Counsel; DN: 324 — Saal der Seligen.

...Дхатараттха... Вирулхака... Вирупаккха... Вессавана... — ср. XI.68 и соотв. примеч.

...таковы были их сиденья (idaṃ tesaṃ hoti āsanasmim). — Согласно BS II: 639, здесь идет речь о местах четырех «Великих царей». Ср. DR II: 242.

...сонмы асуров (asurakāyā ti). — Имеются в виду легендарные демоны, традиционно (уже с ведийского периода) противопоставлявшиеся богам, с которыми они ведут борьбу. Как видно из этого и ряда других канонических свидетельств, подобное противопоставление, включавшее и этический аспект, перешло также в буддийскую традицию.

13. Сакка (Sakka) — царь богов, Индра.

...благодать дхаммы (Dhammassa ca sudhammatam)... — ср. DR II: 242, n. 1.

...Великомудрого (Bhūri-paññassa)... — т.е., очевидно, Будды. Ср. PR: 508.

...достижение здесь отличия (visesūpagatā idha). — Ср. XII.77; DR II: 242, n. 2.

14. ...они... — т.е., очевидно, 33 бога. Ср. BS II: 639; DR II: 243.

15. ...великий свет... — ср. выше, XI.80; XIV.1.17.

17. Брахма Сананкумара — имя легендарного мудреца, сына Брахмы (букв. «сын вечного»). Ср. III.1.28 и соотв. примеч.; DN: 714, Anm. 581.

18. Панчасикха (Pañcasikha, букв. «обладающий пятью пучками [волос]»), очевидно, согласно признакам определенного разряда аскетов, обозначающихся этим именем) — имя гандхаббы (божественного музыканта), считавшегося любимцем Будды. Здесь его облик принимает сам Брахма. Ср. PM II: 105–107; DR II: 244, n. 2; SE: 577. См. XXI.2 сл.

19. ...отчетливый (vissattho... viññeyyo... mañjū... savaniyo... bindu... avisārī... gambhīro... ninnādī)... — ср. DR II: 245 — fluent, intelligible, sweet, audible, continuous, distinct, deep and resonant; DN: 327 — deutlich und verständlich, angenehm und ansprechend, gebunden, nicht gebrochen, tief und volltönig.

20. ...параниммита-васаватти... нимманарати... тусита... яма... — ср. XI.69 сл. и соотв. примеч.

Гандхабба (gandhabba, санскр. gandharva) — разновидность божественных существ, почитавшихся небесными музыкантами и населявших сферу четырех «Великих царей». Ср. PM I: 746.

21. Когда один говорит... — ср. о популярности этого изречения DR II: 246, n. 2.

22. ...поместился в стороне (ekante attānaṃ upasamhāsi)... — ср. DR II: 246 — betook himself to one end [of the Hall]; DN: 328 — sich zur Einheit zusammengezogen.

...ради умножения (iddhi-pahutāya)... — ср. DRC II: 213, n. 3–4; DK II: 160, n. 1, 2; DR II: 246; DN: 328.

...четыре основания (cattāro iddhipādā)... — т.е. chanda-, viriya-, citta-, vīmaṃsā- (ср. ниже); см. PR: 120, 274 — concentration on purpose, on will, on thought and on investigation. См. ниже, XXVI.28, а также XI.1 сл. и соотв. примеч.; DR II: 247, n. 1.

...усердно применяли (bhāvitattā bahulī-katattā)... — PR: 485 — practice; DN: 328; DR II: 247.

23. ...три очевидных пути (tayo okāsādhigāmā). — Ср. PR: 163; DR II: 247 — Avenues; DN: 329 — Ausgänge.

...следует истине (dhammānudhamma-paṭipattim)... — ср. выше, XVI.3.7 и др.; PR: 337–338; DR II: 247–248 — acquires both the main and the subsidiary doctrines; DN: 329 — der Lehre lehrgemäß nachfolgt.

24. ...*пребывают неумиротворенными*... — ср. выше, XVI.6.10; XVII.2.17; BS II: 643–644, а также — о saṃkhāra — PR: 664–665; Предисловие.

...*тело* (kāya)... — см. PR: 208–209; DN: 329. В данном контексте, возможно, означает «действие» (наряду с «речью» и «мыслью»). Ср. PR: 664; DR II: 248 — action, speech and thought.

25. ...*не постигает* (yathābhūtaṃ na ppajānāti)... — ср. выше, II.97 и др.

26. ...*четыре установления* (cattāro satipaṭṭhānā)... — ср. выше, XVI.1.17 и соотв. примеч. DR II: 249 — Four Inceptions of Mindfulness; DN: 330 — vier Pfeiler der Einsicht.

27. ...*надлежащее воззрение* (diṭṭhi... saṃkappo... vācā... kammanto... ājīvo... vāyāmo... sati)... — здесь перечислены семь звеньев «праведного восьмичленного пути» (за исключением последнего — «сосредоточенности», samādhi, о котором речь идет выше). Ср. VI.14; VIII.13 и др.

Хорошо... — ср. выше, XVI.2.9 и соотв. примеч., а также XIX.6 и др.

...*совершенной верой* (aveccappasādena)... — ср. PR: 85–86; DN: 231. Другое толкование — «непоколебимой» (a-vieti), ср. BS II: 646 (-acala); DR II: 251, п. 1.

...*самопроизвольно родились* (opapātikā)... — ср. выше, XVIII.1; DR II: 251, п. 2.

Об этом же, другом, мире (athāyaṃ itarā paṭi piññābhāgā)... — возможно, как поясняет DR II: 251, п. 3, здесь речь идет о «невозвращающихся» существах (anāgāmin).

29. *И вот*... — ср. выше, XVI.3.35 и др.

XIX. «Махаговинда-сутта»

Mahāgovinda sutta — букв. «Сутта о Махаговинде» (см. выше, примеч. к XIV.1). Ср. в связи с переводом этого названия (govinda — «пастух», «пастырь») DR II: 259 — The Lord High Steward; ibid.: 266, п. 3: толкование govinda как определенного должностного титула — Treasurer or Steward, то же предположение в PM I: 822). Названа по имени брахмана Говинды (ср. PM I: 821–822), героя легенды, излагаемой в этой сутте Брахмой (XIX.29 сл.). Примечательны параллели XIX с (*Mahā*)*Govindīya sutta* в Mvs (MvsS III: 197–240; ср. MvsJ III: 193–219). См. подробнее DR II: 253–258; Law 1933: 103–105; DK II: XIX–XX; PM II: 489–490. См. BS II: 647–671; DAT II: 278–294.

1.1. *Панчасикха* — ср. выше, XVIII.18.

1.2. *В далекие*... — ср. XVIII.12–13.

Паварана (pavāṇaṇā, возможное толкование: «удовлетворение») — праздник в конце дождливого сезона, сопровождавшийся определенными церемониями. Ср. PR: 443; DN: 333; DR II: 259 — Feast of the Invitations. Именем этого праздника названа одна из сутт Sn (VII.7 — SF I: 190–192). См. PM II: 167.

1.6. ...*истина*... — ср. XVIII.27.

1.7. ...*это хорошо*... — ср. XVIII.25.

1.8. ...*Ганга*... *Ямуны* (Gaṅgodakaṃ Yamunodakena)... — ср. Предисловие.

1.9. ...*уничтоживших* (khīṇāsavaṇā)... — т.е., возможно, архатов, часто определяемых подобным образом, ср. PR: 646, 77; DR II: 262.

1.10. ...*совершенны приобретения* (abhinippanno... lābho)... — ср. BS II: 653–655; DR II: 262 — well established are the gifts.

1.12. ...*преодолеl сомнение*... — ср. выше, III.2.22.

...устремленное к целомудрию (ajjhāsaṃ ādi-brahmacariyaṃ). — Ср. PR: 11, 99; DR II: 262; DN: 335. Ср. BS II: 658, согласно которому эти два слова должны толковаться раздельно (как его возвышенные намерения и как заповеди «справедного пути»).

1.14. *И тогда...* — ср. XVIII.14 сл.

1.28. *И вот...* — ср. XVIII.18.

1.29. *Когда-то давно...* — согласно BS II: 659–660, Брахма рассказывает эту историю, чтобы пояснить естественный характер соответствующих качеств Будды (ср. DR II: 266, п. 2).

Дисампати (Disampati) — букв. «Повелитель мира»; также Disampatti (ср. DRC II: 230, п. 11; DK II: 172). Согласно другим источникам, он был сыном Саматхи и царствовал в Баранаси (ср., однако, ниже, XIX.1.36 и соотв. примеч.). См. PM I: 1078.

Говинда — см. выше; PM I: 821–822.

Рену (Reṇu) — сын Дисампати, по-видимому, также правил в Баранаси, см. PM II: 750–751.

Джотипала (Jotipāla, букв. «хранитель света») — сын Говинды, советник царя Дисампати, друг и наставник царевича Рену. Почитался как бодхисаттва. См. PM I: 971–972.

...наделены и одарены... — см. I.3.20 и соотв. примеч.

1.30. ...в должность Говинды (Govindiye abhisīñcissāmi ti). — Ср. DN: 341 — zu govindischer Nachfolge. Следуем более вероятно, на наш взгляд, толкованию. Т.В. Рис-Дэвидс, как уже говорилось, видит здесь обозначение должности (DR II: 267 — appoint him to the Stewardship), что, однако, вряд ли соответствует понятию govinda; ср. *ibid.*, п. 1 — Govinda-ship (the Lordship over the herds). Ср. PR: 255. В связи с этим и следующими параграфами см. параллели в MvsS III: 204 sq.

1.31. ...стали звать по имени... — ср. XIV.1.37.

1.32. ...кшатриям... — т.е. к тем его друзьям, о которых шла речь выше (XIX.1.29).

...стар... — ср. IV.5 и др. (PR: 26).

...совершающие обряд воцарения... — в тексте: gāja-kattāro.

1.34. ...передняя часть повозки (sakaṭamukhaṃ). — Образ этот, встречающийся и ниже (XIX.1.35), не вполне ясен. Т.В. Рис-Дэвидс (DR II: 269) оставляет это место без перевода, ссылаясь на недостаточно обоснованное предположение о том, что здесь может подразумеваться созвездие Большой Медведицы (*ibid.*, п. 1; ср. PR: 659 — другое предположение о тождестве с созвездием Рохини (Rohiṇī), называвшемся в середине века «повозкой»). DN: 342 (ср. *ibid.*: 721, Anm. 601) видит здесь образ дышла (Wagendeichsel). Ср. след. примеч.

1.35. ...все [части] словно... — здесь этот образ может быть понят в связи с пространственным распределением шести царств, как бы сходящихся в одно место, упирающихся в окруженное ими седьмое (царя Рену), находившееся в середине (см. ниже, XIX.1.36). Ср. соответствующее пояснение BS II: 661; DN: 343 (ср. *ibid.*: 721–722, Anm. 602) — hat alle wie eine Wagendeichsel ausmünden lassen.

1.36. Дантапура... — эта строфа, по-видимому, дошла в испорченном состоянии; во всяком случае, здесь содержатся несообразности с географической точки зрения. Царство в Баранаси (см. выше, примеч. к XIX.1.29), пожалуй, в наибольшей мере подходит к положению центрального (хотя, согласно контексту, таковым должна быть Видеха). См. DR II: 270, п. 1; DN: 721–722, Anm. 602; ср. MvsS III: 208; JF III: 470; IV: 444; и др., а также другие параллели и разночтения в DRC II: 235, п. 9 sq.; DK II: 175, п. 5 sq. Дантапура (Dantapura) — столица Калинги, где, в частности, находился в качестве реликвии глазной зуб Будды; см. PM I: 1057. Калинги — см. выше, XVI.6.28. Ассаки (Assaka) — название народа и области, по-видимому, к северо-западу от Аванги, в р-не совр. Paithan; см. PM I: 222–223. Потана (Potana, также Potakā и др.) — столица Ассаки; см. PM II: 249.

Махиссати (Māhissatī; другие чтения: Māyayati, Mahīyata) — столица Аванти, расположенная на дороге к Саваттхи; см. РМ II: 623. Аванти (Avanti) — одна из значительных древнеиндийских монархий, сыгравшая большую роль в истории раннего буддизма. Была расположена к северу от гор Виндхья, в р-не совр. Малвы и Нимара; см. РМ I: 192–195. Совиры (Sovīra, другое чтение: Socīra) — племя и область на территории совр. Гуджарата у устья Камбейского залива; см. РМ II: 1312. Порука (Roguka; также Rogūka, Roguṇa и др.) — столица Совиры; см. РМ II: 759. Митхила (Mithilā) — столица Видехи, отождествляется с совр. Джанакаपुरом на границе Непала; РМ II: 635. Видеха — см. II.1 и соотв. примеч. Чампа — см. IV.1; XVI.5.17 и др. Анга — см. IV.1. Баранаси — см. XVI.5.17 и др. Касийцы — см. XVIII.1.

Саттабху... — в связи с упомянутыми здесь лицами см. DR II: 270, п. 1; DN: 722, Anm. 603; ср. предыдущее примеч. Саттабху (Sattabhū) — царь Калинги; см. РМ II: 1010. Брахмадатта (Brahmadatta) — царь Ассаки; его не следует отождествлять ни с одним из носящих то же имя лиц в джатаках; см. РМ II: 332. Вессабху (Vessabhū) — царь Аванти; см. РМ II: 948. Бхарата (Bharata) — царь Совиры; см. РМ II: 364; JF III: 470. Дхатараттха (Dhataratthā; другое чтение: Gadharatthā; Dhajataṭṭhā, ср. DRC II: 236, п. 3) — имя двух царей, правивших в Анге и у касийцев (Баранаси); см. РМ I: 1128.

...Бхарат (Bhāratā). — Букв. «потомков Бхараты»; другие чтения: bhātārā, bhārathā и др. (DRC II: 236, п. 5; DK II: 176, п. 3). Здесь, очевидно, употреблено в нарицательном значении — «царь», «повелитель» и т.п., ср. DN: 343 (ср. *ibid.*: 722, Anm. 603) — Herrscher.

2.37. *...семерых...* — т.е. упомянутых выше шестерых и царя Рену. Следуем здесь сквозной нумерации параграфов в DRC II: 236.

...поставил читать (vācesi)... — ср. DN: 343. Толкование «обучил» (ср. DR II: 271) менее удачно по смыслу, так как и те и другие, очевидно, уже были обучены (ср. ниже, XIX.2.56).

...священные тексты (mante)... — ср. III.1.5 и др.

...завершивших обучение (pahātaḥ, санскр. snātaḥ, букв. «омывшийся»). — Понятие, связанное с определенным обрядом по окончании обучения и обозначающее брахмана в соответствующей стадии.

2.38. *...старшие...* — ср. III.1.10 и др.

...четырех дождливых месяцев... — имеется в виду определенная известная с ведийских времен форма подвижничества (ср. DN: 722, Anm. 605).

2.42. *...равным (sādisiyo)...* — согласно BS II: 663 — происхождением.

2.43. *...обитель...* — таково, по-видимому, здесь наиболее вероятное значение santhā-gāraṃ (ср. XVI.5.20).

2.44. *...подобно тому...* — ср. XI.84 и др.

Прекрасный... — ср. MvS III: 211.

...юношу, вечного (kumāraṃ... Sanantanam)... — т.е. Сананкумару, имя которого здесь таким образом этимологизируется.

...медовый напиток (madhu-pākaṇ, санскр. madhuparka)... — напиток, употребляющийся в качестве подношения определенным лицам при церемониях свадьбы, приема гостя и т.п. Представлял собой смесь меда с молоком или определенными молочными продуктами. См. SE: 780; ср. DN: 345 (см. *ibid.*: 724, Anm. 610) — Met; DR II: 273 — sweet cooked cakes (?).

...в дар (agghe... pucchāma)... — ср. DN: 345 — Gastgeschenk; DR II: 273 (ср. *ibid.*, п. 1) — Gift.

2.46. *Вот некто, отказавшись...* — здесь повторяется изложение соответствующих принципов нравственного поведения (sīla), ср. учение о «зримых плодах отшельничества», II.41. Ср. DN: 724, Anm. 611.

Вот некто удаляется... — ср. II.67, XVII.2.4, где это — вторая ступень совершенства (в ряду mettā — karuṇā — muditā).

Чем покрытый (Кеп' āvaṭā)... — т.е. «зловонными пороками» (см. след. стихи); ср. выше, в XIX.2.45 образ nirāmagandho. Ср. BS II: 665; DR II: 274 — When cloaked and clogged by what is man thus foul; DN: 347 — Was sind auf Erden rohe Düfte...

2.47. ...*все требуемые* (yatthu-kāmassa)... — ср. PR: 548; разночтения в DRC II: 244, п. 6; DK II: 181, п. 13.

Куса (kusa) — определенная трава (*Poa Cynosuroides*), употреблявшаяся при жертвенных церемониях.

2.49. ...*равных...* — ср. выше, XIX.2.42 и соотв. примеч.

2.50. ...*непревзойденный* (anuttaro)... — ср. BS II: 668–669, также: «ничего за своими пределами». Ср. DR II: 277 (ibid., п. 2 — the Way unto the End.).

Благая истина (saddhammo)... — ср. PR: 675. DR II: 277 — The Righteous Path; DN: 350 — gute Botschaft.

2.51. *Кто же знает...* — ср. выше, XIX.2.32.

Неизбежно грядущее (gamaṇīyo samparāyo)... — ср. BS II: 669; DN: 350. Менее удачным представляется толкование DR II: 277 — We must go toward the future.

2.56. ...*божество* (devatā)... — согласно BS II: 669, подобно царю богов Индре (Sakka).

2.57. ...*равным...* — ср. выше, XIX.2.42.

...*пусть идет...* — согласно закону, жена должна была в подобном случае ожидать мужа 8 лет (Mān IX.76).

2.59. ...*пребывал...* — ср. выше, XIII.76 сл.; XVII.2.4; и др.

2.60. ...*родились в свете...* — ср. выше, XI.69 сл.; XVIII.20 и соотв. примеч.

...*несущим [благие] последствия* (sa-uddisā; ср. другие чтения: sa-uddiyā, sa-uddrayā и др.). — Ср. DRC II: 251, п. 3; DK II: 187; ср. BS II: 670 (sa-udrayā); PR: 137; DR II: 280 — development; DN: 353 — Frucht getragen (ср. ibid.: 727, Anm. 622).

2.61. *Помнит ли...* — здесь возобновляется беседа Будды с Панчасикхой о традиционном для буддийской повествовательной литературы (в частности, для джатак) отождествлении рассказчика с описываемым им персонажем (ср., например, сутту V и др.).

...*праведный восьмичленный путь...* — ср. выше, VI.14; VIII.13 и соотв. примеч.

2.62. ...*пребывают... сами познав...* — ср. VI.13 (и соотв. примеч.), где соответствующие судьбы перечисляются в обратном порядке (восходящем, а не нисходящем, как здесь).

XX. «Махасамая-сутта»

Mahāsamaya sutta (букв. «Большая сутта о собрании»; ср. о значении PR: 683–684) — название, очевидно, связано с описываемым здесь (XX.3 и сл.) собранием божеств. Заметим, что передача не всегда ясных по смыслу названий отдельных категорий божеств здесь по необходимости условна — некоторые группы подразумеваются как явившиеся со своим одноименным предводителем, как связанные с определенными природными явлениями и т.п. (ср. соотв. толкования в DR, DW, DN и др.). DN: 354 переводит это название: Das Fest (?). См. подробнее DR II: 282–283; Law 1933: 105–106; DK II: XX–XXI; PM II: 564–565. См. BS II: 672–696; DAT II: 295–309.

1. ...*миров* (loka-dhātūhi)... — согласно толкованию Т.В. Рис-Дэвидса, речь идет здесь (и ниже, ср. XX.2) о десяти тысячах (DR II: 284 — ten thousand world-systems); ср. PR: 587, 316.

2. ...суддхаваса... — ср. выше, XIV.3.29 и соотв. примеч.
3. ...склоне (pavanasmim)... — ср. DR II: 284 — glade.
...преграды... препоны (khilaṃ... palighaṃ)... — т.е. страсть, ненависть, ослепление (BS II: 681).
...камень у порога (inda-khīlaṃ)... — букв. «столп Индры», обозначение камня, ставившегося у городских ворот; так же назывались и камни, зарывавшиеся у порога дома. Здесь тот же образ, что и выше (т.е. «камень» страсти, ненависти и т.п.). Ср. DN: 728, Anm. 624; DW: 609.
- ...молодые слоны (susunāgā). — DR II: 285 опускает это определение. Ср. PR: 721.
4. ...в столь же великом (eta paramā)... — ср. BS II: 681; DR II: 285.
5. ...стих (silokaṃ)... — следуем BS II: 684. DR II: 285 — In measured speech. Ср. PR: 711.
...[божества]... — ср. BS II: 684; PR: 507; DR II: 285.
...горным пещерам (giri-gabbharaṃ)... — ср. PR: 251; DR II: 285 — bowels of the hills.
...преодолевшие трепет... — букв. «дрожь волосков» (lomahaṃsābhisambhuno). Ср. BS II: 684.
- Видя... [монахов]... — следуем более вероятно толкованию BS II: 684; ср. DR II: 286 (ср. ibid., п. 1). Можно допустить также, что речь идет о количестве божеств, явившихся Будде (ср. расстановку кавычек в DRC II: 256, где эта строка относится к словам Будды и таким образом связана по смыслу с предыдущими; DN: 356).
7. ...якхов... — см. выше, XVIII.9 и др. PM II: 675–678.
Хемавата (Hemavatā, также обозначение Гималаев). Здесь, однако, как и в следующих стихах, подразумевается предводитель якхов Хемавата (Hemavata). Ср. PM II: 1325–1326, 1330; ниже, XXXII.10.
- Сатагира (Sātāgirā) — также имя предводителя якхов, родившегося, согласно преданию, на горе Сатапаббата (с тем же значением, т.е. «сто гор»). См. PM II: 1091–1093.
8. Вессамитта (Vessāmitā) — один из предводителей якхов; также — название горы. См. BS II: 686; PM II: 950–951.
Кумбхира (Kumbhīro) — предводитель якхов. См. PM I: 639.
Вепулла (Verulla) — одна из пяти гор, окружающих Раджагаху. См. PM II: 926–927.
9. Восточной стороной... — ниже перечисляются четыре «Великих царя», правящих сторонами света. См. выше, XI.68; XVIII.12; XIX.2; и др. и соотв. примеч.
...несущие имена Инды (Inda-nāmā)... — т.е. царя богов, Сакки (Сакка, Индра, Шакра), относящиеся к разряду божеств «инда». Ср. BS II: 686; XXXII.4–6.
...кумбхандов (Kumbhaṇḍāṇaṃ)... — речь идет о разновидности божеств, подчиненных царю юга Вирулке. Согласно преданию, они были наделены огромными желудками и большими, словно горшок (kumbha), гениталиями. См. PR: 222; PM I: 638.
...нагов (nāgaṇaṃ)... — наги — божественные существа, обладающие великой силой и сверхъестественными способностями. Играют значительную роль в буддийском фольклоре, неоднократно фигурируют в канонических текстах, в частности джатаках. Согласно легендам, сам Будда несколько раз был рожден в образе царя нагов и обозначение Nāga (при этом оно толкуется как «не совершающий вины»: āgum na karotīti Nāgo) часто служит его эпитетом (ср. ниже, XX.19). См. PM II: 1354–1355. Отдельные из упомянутых здесь и ниже имен прозрачны по этимологии. Ср. DR II: 288 sq. Переводы DN: 359 ff. достаточно произвольны, вводя, в частности, чуждые индийской культуре реалии (Elfenkö-nig, Nixen и т.п.).
10. ...Майя (Māyā Kuṭeṇḍu Veteṇḍu Viṭuc ca Viṭucco... Candano Kāmasetteṭṭho ca Kinnu-ghaṇḍu Nighaṇḍu ca Panādo Opamañño... Mātali Cittaseno... Nalo... Janesabho... Pañcasikho... Timbarū Suriyavaccasā — ср. отдельные различия: DRC II: 258, п. 3–9; DK II: 192–

193)... — ср. выше об упомянутых здесь кланах божеств XX.9 и соотв. примеч.; BS II: 687–688. См. соответственно PM I: 621; II: 71, 139; I: 465; II: 601–602 (более подробно о Матали); I: 873; II: 34; I: 936; II: 105–106 (о Панчасикхе см. также XVIII.18; XIX.1 и сл.); I: 1014; II: 1257 (о царе гадхаббов Тимбару и его дочери Сурияваччасе, пленившей гадхаббу Панчасикху, см. ниже, XXI.1.5 и соотв. примеч.).

11. *Затем пришли...* — ниже перечисляются места, связанные с местопребыванием нагов (откуда и имена соответствующих групп): озеро Набхаса (Nābhasā) — см. PM II: 50; Весали (Vesālī) — уже упоминавшаяся столица личчахов — PM II: 940–943; Таччхака (Taccchaka) — см. PM I: 985.

...*камбалы, ассатары (Kambalassatarā)*... — племена нагов, жившие у подножия легендарной горы Синеру (Sineru, также Meru, Sumeru), по преданию расположенной в центре мира. См. PM I: 526; II: 1136. Паяга (Pāyāgā) — еще одно племя нагов (PM II: 186).

Ямуна (Yamunā) — одна из крупнейших рек Индии, также служившая, по преданию, местопребыванием нагов. Ср. PM II: 684. О Дхатараттхе см. выше, XX.9. Ср. BS II: 688.

Эравана (Egāvaṇo) — слон царя богов Индры; согласно преданию, был божественного происхождения и по рождению принадлежал к нагам (devaputto sa jātiyā nāgo) — BS II: 688; PM I: 457.

Те, которые... уносят... дважды рожденные... — т.е. птицы, которые сначала рождаются из чрева, а затем — из яйца. Ср. BS II: 688; DR II: 289 (ibid., п. 1).

...*с ясным зрением...* — букв. «очищенным» (visuddha-cakkhū)... — т.е. зоркие.

...*читра и супанна (Citṛā Supañṇā,* букв. «пестрые» и «с прекрасными крыльями») — мифические крылатые существа, последние назывались также Garuḍā, Garuḷā (имя мифического царя птиц). Считались близкими к классу нагов, с которыми, согласно легендам, находились в постоянной вражде (ср. свидетельство этих стихов). Ср. PM I: 874; II: 1217; I: 755.

...*мягкими (saṅhāhi)*... — ср. толкование BS II: 689; DR II: 289 — with gentle words.

12. ...*дланью (Vajira-hatthena)*... — т.е. Индрой, победы которого над демонами-полубогами асурами (asura) играют значительную роль в древнеиндийской мифологии, отражаясь, как мы видим, и в буддийской традиции. См. PM I: 213–215.

Васу (Vāsu, букв. «добрые», «благодетельные») — восемь божеств, олицетворяющие различные феномены природы. См. XI.69 и соотв. примеч.

...*калаканджи...* — ниже упоминаются отдельные разновидности асуров: калаканджи (Kālakañjā) — низшая их разновидность (PM I: 574); данавегхасы (Dānaveghasā) — вооруженные луками (BS II: 689; PM I: 1072), а также предводитель асуров Вепачитти (Vepacitti, PM II: 924–926), один из данавегхасов — Сучитти (Sucitti — PM II: 1179); предводитель асуров Пахарата (Pahārāda, PM II: 175).

Намучи (Namuḥi) — имя демона Мары, толкующееся как «не выпускающий» (т.е. богов и людей из своих оков). См. PM II: 31; Предисловие.

Бали (Bali) — легендарный царь асуров, побежденный Вишну. Вероча (Veroca, также Verocana) — один из предводителей асуров; он приходился, согласно комментатору, дядей сыновьям Бали и, возможно, был тождествен демону Раху (Rāhu), упомянутому ниже под именем Рахубхадда (Rāhubhadda). Последний, согласно преданиям, время от времени проглатывал солнце и луну — так индуистская традиция объясняла затмения. Ср. BS II: 689; PM II: 931, 735–737; см. также PM I: 213–214.

«Нынче... — эти слова по смыслу, очевидно, произносят демоны, пришедшие к Раху (BS II: 689; DN: 360). DR II: 289 вряд ли удачно вкладывает их в уста самого Раху.

13. ...*боги воды...* — имеются в виду соответствующие группы божеств, поименованные по названиям основных элементов мироздания (здесь — четырех из пяти — āro... Paṭhavī Tejo Vāyo). См. BS II: 689; PM I: 278; II: 854 и др.); далее упомянуты божества,

связанные с Варуной (Varuṇa) — богом вод (возможно, образующие его свиту) — РМ II: 937; ср. выше, XIII.25; божества варуна (Vāruṇā) — РМ II: 954, вероятно, также связанные с предыдущим; сома (Soma) — связанные с одноименным богом луны (РМ II: 1306; ср. выше, XIII.25); наконец, группы божеств, олицетворяющих, по-видимому, определенные качества: яса (Yasasā — «слава»), метта (Metṭā — «дружелюбие»), каруна (Kaṛuṇā — «сострадание»), ср. РМ II: 688, 659; BS II: 689–690.

14. ...боги венху... — здесь перечисляются божества: венху (Venḥū — палийский вариант санскритского Viṣṇu), связанные с богом-хранителем Вишну (РМ II: 918); сахали (Sahaḷī — РМ II: 1081); асама (Asamā — РМ I: 206); Яма (Yamā) — неоднократно упоминающиеся в текстах двое близнецов, ср. BS II: 690; РМ II: 680–681; DN: 732, Anm. 636 (о божестве смерти и справедливости Яме см. выше, XI.71 и др.); чтущие луну (Candassūpanisā — РМ I: 844); чтущие солнце (Suriyassūpanisā — РМ II: 1255); чтущие созвездия (Nakkhattāni); мандавалахака (Manda-valāhakā, букв. «медленные тучи», другое чтение: Chandavalāhakā — см. DRC II: 259, п. 15) — божества, олицетворяющие жару, холод, дождь и другие явления природы (BS II: 690; РМ II: 838; PR: 523; ср. DR II: 290 — fragile spirits of the Clouds); Васави (Vāsavo) — с царем божеств Васу, зовущимся иначе Сакка (Sakko) — эпитет последнего («разрушитель крепостей», purindado) связан с легендами о его борьбе с асурами, чьи укрепления он уничтожил; ср. BS II: 690; РМ II: 845, 857–858, 957 и сл.; PR: 469; DN: 732, Anm. 637.

15. ...боги сахабху... — здесь перечисляются божества: сахабху (Sahabhū — РМ II: 1080); ариттхака (Ariṭṭhakā — РМ I: 175); роджа (Rojā — РМ II: 757); варуна (Varuṇā), по-видимому, упоминающиеся здесь во второй раз (ср. выше, XX.13; см. РМ II: 837; DN: 732, Anm. 638); сахадхамма (Saha-dhammā — РМ II: 1080); аччута (Accutā — РМ I: 27); анеджака (Anejakā — РМ I: 96); сулейя (Sūleyya — РМ II: 1260); ручира (rucirā — РМ II: 746); васаванеси (Vāsavanesimo — РМ II: 858). Ср. BS II: 690–691.

16. Самана... — здесь упомянуты: самана (Samānā — РМ II: 1049); махасамана (Mahā-samānā); мануса (Mānusā, букв. «человеческие») и манусуттама (Mānusuttamā — «сверхчеловеческие»), ср. PR: 529; DR II: 290 — spirits like men and spirits like supermen; DN: 733, Anm. 639; кхиддападусика (Khidḍa-padūsikā — «испорченные удовольствием») и манопадусика (Mano-padūsikā — «испорченные в разуме») — божества, жившие в мире четырех «Великих царей», но лишившиеся этого состояния, так как были преданы первые — удовольствиям, а вторые — зависти (см. выше, I.2.7 сл. и соотв. примеч.; РМ I: 716–717; II: 442); хари (Harayo) — т.е. все, носящие имя Hari (BS II: 691; РМ II: 1321); лохитаваси (Lohita-vāsino — «носящие красное», РМ II: 789); парага (Pāragā — «преодолевающие») и махапарага (Mahā-pāragā — «великие преодолевающие»), ср. РМ II: 188, 532; DR II: 291 — they too that Pass-over, and the Great Passers-over.

17. ...сукка... — здесь упомянуты: сукка (Sukkā — РМ II: 1174); карумха (Karumhā — РМ I: 532); аруна (Aruṇā — РМ I: 183); вегханаса (Veghanasā — РМ II: 915); одатагайха (Odāta-gayhā — РМ I: 464), названные тут pātokkhā; вичаккхана (Vicakkaṇā — «внимательные», «чувствительные»; РМ II: 865); садаматта (Sadāmatṭā — РМ II: 1014); харагаджа (Hāragajā — РМ II: 1322); миссака (Missakā — РМ II: 637), ср. DR II: 291 — the Mixed Gods; Паджджунна (Paḷḷaṇṇa, санскр. Paṇḍana) — очевидно с сопровождающим его сонмом; он же — один из божественных царей, ср. РМ II: 98; BS II: 691.

18. Кхемия... — здесь упомянуты: кхемия (Khemiyā — РМ I: 729); тусита (Tusitā, букв. «удовлетворенные») — обитатели четвертого из шести божественных миров, см. РМ I: 1033–1034; см. выше, XI.72 сл. и соотв. примеч.; яма (Yāmā — см. XX.14); каттхака (Kaṭṭhakā — РМ I: 488); ламбитака (Lambitakā — РМ II: 774); ламасеттха (Lāma-seṭṭhā — РМ II: 776); джоти (Jotī, букв. «светлые»), согласно комментатору, излучающие сияние, подобно огню на вершине горы (BS II: 691; РМ I: 968; DR II: 291 — the Fiery spirits); асава (Āsavā),

названные так, согласно BS II: 691, вследствие своих желаний (ср. выше, II.97 и соотв. примеч. о «порочных свойствах» āsava); нимманарати (Nimmāna-ratino, «находящие удовольствие в [собственном] творении») и параниммита (Paranimmitā, «[имеющие власть] под господством другого») — божества, населяющие пятый и шестой небесные миры (см. PM II: 78, 153; ср. выше, XI.72 сл. и соотв. примеч.

19. *Оставившего свой род...* — т.е. касту (jātīṃ, ср. BS II: 692), к которой он принадлежит по рождению.

...пересекшего поток (ogha tiṇṇaṃ)... — т.е. освободившегося от четырех порочных свойств (āsava), ср. ниже: ogha-taraṃ. См. BS II: 691; PR: 164–165.

...нагу (nāgaṃ)... — см. выше, примеч. к XX.9 о соответствующем эпитете Будды. Ср. DR II: 292 (ibid., п. 1) — mighty through purity.

20. Субрахма (Subrahmā — «благой Брахма») — последователь Будды, превзошедший своей магической силой Брахму. Вместе с другими последователями Будды — Суддхавасой и Туду назывался паччекабрахмой («отдельным Брахмой», т.е. возможно живущим не в мире Брахмы, а своем собственном; ср. ниже). См. PM II: 1226–1227, 96; PR: 385. В связи с возможными толкованиями имен, упомянутых в этой строфе, не вполне ясной по смыслу, см. DR II: 292, п. 3 (в частности, возможно тождество Сананкумары и Махабрахмы, ср., например, выше, XIX.44 и сл.). Перевод DR II: 292 — Tissa, the eternal Youth, and with Him Paramatta and Subrahmā, sons of the Potent One, came to the congress-wood.

Параматта (Paramatto)... — имя другого Брахмы, ср. PM II: 154.

Сананкумара (Sanaṃ-kumāro — «вечно юный») — ср. предыдущее примеч.; выше, XVIII.18 сл.; XIX.16 сл. и соотв. примеч.; PM II: 1021–1022; см. также DR II: 292, п. 3 (параллель с Галахадом в европейской традиции); DN: 733, Anm. 641.

Тисса (Tisso)... — здесь, вероятно, имеется в виду монах, возрожденный в образе Брахмы и наделенный сверхъестественными способностями. См. PM I: 1019.

Великий Брахма (Mahā-Brahmā) — повелитель мира Брахмы, см. PM II: 338.

...ужасающим обликом (bhismā-kāyo)... — согласно BS II: 693, «великий телом».

...владеющих по отдельности (pacceka-vasavattino)... — ср. BS II: 693; DR II: 292.

Харита (Hārito) — здесь имя одного из главных Брахм (Mahābrahmā), окруженного сотней тысяч Брахм. См. BS II: 693; PM II: 1323.

21. *...с Индой...* — т.е. в их свите.

Канха (Kaṇha) — здесь еще одно имя (ср. XX.12 — Namuṣṭī) демона Мары.

Махасена (Mahā-seno — «обладающий великим войском») — очевидно, эпитет Мары, ср. BS II: 693; DR II: 293, п. 2.

...не владеющий (asayaṃvasī)... — ср. DR II: 293 — powerless Aught to affect.

22. *И узнав...* — ср. то же клише выше, в XX.6.

[*Враги*]... — дополняем по смыслу (ср. BS II: 694; DR II: 293).

Эти ученики... — последние две строки BS II: 694 вкладывает в уста Мары. Ср. DR II: 293 (ibid., п. 3).

XXI. «Саккапаньха-сутта»

Sakkapañña sutta (букв. «Сутта о вопросах Сакки», т.е. царя богов Индры) посвящена вопросам, заданным Саккой Будде, и последующему обращению Сакки в буддизм. См. подробнее DR II: 294–298; Law 1933: 106–107; DK II: XXI–XXII; PM II: 967. См. BS III: 697–740; DAT II: 310–350.

1.1. Индасала (Indasāla, букв. «сала Инды») — название пещеры близ Раджагахи, служившей некоторое время местопребыванием Будды. Согласно комментарию, была

расположена между двумя нависающими сверху скалами, а у входа в нее росло большое дерево сала. Более позднее свидетельство (Фа-сянь) помещает ее в йоджане к северо-востоку от Наланды; ее отождествляют с пещерой в двух милях к юго-западу от совр. деревни Giriyeke. См. BS III: 697; PM I: 313; DR II: 299, п. 2; DN: 735, Anm. 645; DF: 256, Anm. 3.

Ведьяка (Vedīyaka) — гора к востоку от Раджагахи. Подножие ее было опоясано лесом, подобно изгороди из драгоценностей (mañi-vedikā), см. BS II: 697; PM II: 921.

Амбасанда (Amdasaṇḍā) — деревня к востоку от Раджагахи; ее название было связано, по-видимому, с расположенной поблизости манговой (amba) рощей. См. PM I: 161.

1.2. Панчасикха — см. выше, XVIII.18; XIX.1; и др. и соотв. примеч.; PM II: 105–107.

Вина (vīṇa) — вид люти.

Белува (beluva) — дерево *Aegle Marmelos*. Согласно преданию, это была волшебная люти, принадлежавшая сначала демону Мару. Сакка передал ее Панчасикхе. См. PR: 490.

1.4. ...*связанные*... — мотив одновременного выражения различных идей и настроений (в частности, благочестия и любви) знаком древнеиндийской традиции, совмещавшей, как известно, названные начала в системе четырех жизненных целей (dharma — artha — kāma — mokṣa) — таково, например, уже в более позднее время виртуозное сочетание мотивов любви и отречения, достигаемое игрой слов и в поэме Рамачандры «Расикаранджана» («Услада знатоков»); ср. толкование любовной лирики «Гитаговинды» и т.д. (ср. Sygkin 1979; Сыркин 1996: 19 сл.). В данном случае подобная связь достигается упоминаниями архатов, «отпрыска сакьев» (т.е. Будды) и т.п.; упоминания эти выполняют функцию сравнений, вкрапленных в любовный монолог Панчасикхи. Ср. DR II: 300, п. 1; DF: 257, Anm. 2. См. примеч. к XVI.5.9.

1.5. Тимбару (Timbaru) — здесь снова упоминается предводитель гандхаббов (ср. XX.10, где он вместе с Панчасикхой является в лес в собрание монахов). Суриявачаса (Suriyavaccasa — «солнечный блеск»; ср. DR II: 301 — Glory-of-the-Sun; ibid., п. 1) — его дочь, в которую Панчасикха влюбился, когда она танцевала перед Саккой. Бхадда (bhadda), по-видимому, здесь не обращение («дорогая»), а другое имя Суриявачасы, ср. ниже, XXI.1.6; DF: 257, Anm. 3. См. PM I: 1014; II: 1257.

...*лучистая* (aṅgīrasī) — Согласно комментатору, так как ее глаза излучали сияние (aṅge rasmiyo assā tī aṅgīrasī) — BS III: 701; PM I: 21; DR II: 301; DN: 366. Вместе с тем DF: 257 (ibid., Anm. 5) оставляет этот эпитет без перевода, видя здесь родовое имя.

...[что думает]... — следуем толкованию DF: 258, Anm. 1.

1.6. ...*в Урувеле*... — ср. XVI.3.34 и соотв. примеч. Речь идет здесь о месте, где Будда достиг просветления. DR II: 302 (вопреки правильному переводу аналогичного места выше — II.120) переводит здесь не immediately after, а before (?). Ср. PR: 403 (s. v. Paṭhama) — having just attained Buddhahship.

Сикхаддхи (Sikhaddhi, другое чтение: Sakhaddhi, ср. DRC II: 268, п. 6) — гандхабба, сын возницы Сакки Матали, также упомянутого в предыдущей сутте (XX.10). См. PM II: 1129, 601–602.

1.7. ...*в зале Судхамма*... — ср. выше, XVIII.12; XIX.2 и соотв. примеч.

...*не тогда же* (na ca dāni tato pacchā)... — ср. DR II: 304; DN: 368 (ср. ibid.: 737, Anm. 652) читает na vadāmi и переводит: aber ich will darüber nicht weiter reden.

1.9. ...*неровные* (visamā santi samā)... — ср. DR II: 305; DN: 369. PR: 550 предлагает обратную, как нам кажется, менее удачную последовательность.

Косия (Kosiya) — название одного из брахманских родов (букв. «сова»); уже в Ригведе служило обозначением Индры, который, по предположению Т.В. Рис-Дэвидса, возможно, почитался божеством соответствующего клана. Ср. также предание о ведийском

мудреце Кушике (Kuśika), который пожелал сына, подобного Сакке, после чего Сакка родился в образе сына Кушики, получив имя Kosiya. См. PM I: 700; DN: 737, Anm. 655.

...много дел... — ср. XVI.1.5.

...обители из салы. — Имеется в виду служившая местопребыванием Будды обитель в Джетаване, построенная из салы (вид ароматического дерева); по другому толкованию, это дерево росло у входа в обитель. См. BS II: 407; III: 705; PM II: 1075–1076; DN: 369 (ibid.: 737, Anm. 656) — Lianenlaube.

1.10. Вессавана (Vessavaṇa) — имя бога богатства Куберы, одного из богов-хранителей мира, царствующего над севером. Связано с названием царства Куберы — Висана (Viśāṇā). См. PM II: 948–950.

Бхунджати (Bhujjati) — жена Вессаваны, названная здесь прислужницей (paricārikā). Была последовательницей Будды. См. PM II: 384; DN: 737–738, Anm. 657.

...с почитательно сложенными (pañjalikā)... — ср. XIII.16.

1.11. ...слышал из уст... — ср. XIX.1.

...божественные сонмы... — ср. XVIII.12.

Гопика (Gopikā) — женщина из племени сакьев, возродившаяся мужчиной Гопака (Gopaka) в небесном мире. См. PM I: 818, 819.

...пятью признаками... — ср. I.3.20 и соотв. примеч.

...жрецов Брахмы... — т.е. попали в более высокую сферу окружения Брахмы (ср. PR: 493).

[И Гопака...]... — ср. DR II.307.

1.12. ...трех небес (Tidivūparaṇṇo)... — т.е. в мире 33 богов. См. PR: 301; PM I: 1011.

...в человеческом облике (manussa-bhūtā)... — ср. PR: 520; DN: 271. DR II: 307 относит это определение к упоминавшимся выше монахам.

...лучшему... — т.е. Будде. Ср. DR II: 307 — the best of men.

...небесными удовольствиями (dibbehī kāmehi)... — т.е. не связанные с земным миром. Ср. PR: 203, 322.

Давайте уйдем (handa vitāyāma)... — ср. разночтения DRC II: 273, п. 18–19; DR II: 308 — let us go hence and strive our utmost, lest we live the slaves of others!

Паджалати (Pañjapati) — боги, связанные с Паджапати («отцом созданий») — творцом и хранителем существ (ср. выше, XI.69 и соотв. примеч.).

Васава — т.е. Сакка (ср. выше, XX.14 и соотв. примеч.).

...мудрецом из сакьев (Sakya-muni). — Имя, часто остающееся без перевода в литературе.

...переправившегося через поток (nittiṇṇa oghaṃ)... — ср. выше, VI.13 и др.

Ведь познав... — по смыслу эти слова произносит Сакка.

...сонма жрецов... — ср. выше, XXI.1.11. Согласно DR II: 309 (among Brahmā's ministers they twain have won a higher place than this), они достигли еще более высокого места.

2.2. Желание (chando)... — здесь, согласно традиционному комментарию, подразумевается желание пяти видов: искать, находить, наслаждаться, хранить и расточать — и оно тождественно жажде (taṇhā). Ср. BS III: 720; PR: 274; DR II: 211, п. 1.

Озабоченность (vitakko)... — видимо, означает здесь не умственное усилие, а беспокойство, хлопоты (в более обыденном значении). Ср. PR: 620; DR II: 211, п. 2 (параллель с Ев. от Матфея VI.25). См. ниже, XXI.2.3.

Препятствие ослепления (parañca-saññā-saṅkhā)... — значение не вполне ясно. Ср. толкование DR II: 312 (ср. ibid., п. 1) — obsession, связанное с традиционным комментарием; PR: 412; DN: 374 (ср. ibid.: 739–741, Anm. 668) — Sonderwahrnehmungen.

2.3. ...связана... с озабоченностью, с раздумьем (sativakkaṃ savicāraṃ)... — как и выше (XXI.2.2), «озабоченность» выступает здесь в отрицательной оценке (ср. PR: 620; DR II: 311, п. 2; ibid.: 212 — pre-occupation... of mind; DN: 375 — Gedanken... Überlegung), в отличие от неоднократно упоминающейся в Дигха-никае vitakka, как признаке первой ступени просветления (jhāna, см. I.3.21 и др.).

2.4. ...согласно предписаниям (pātimokkha-saṃvarāya)... — ср. II.42 и соотв. примеч. (DR I: 79, п. 1; PR: 450). «Патимоккха» — входящий в Виная-питаку сборник предписаний, регламентирующий жизнь монаха (ср. Предисловие). DR II: 314 — the self-restraint enjoined by the Pātimokkha; DN: 376 — um sich der reinen Zucht gemäss wohl zu bewahren.

...искания (pariyesaṇaṃ)... — ср. DR II: 314 — those things we seek; DN: 376 — Nachspüren.

2.5. ...сдерживанию жизненных способностей (indriya-saṃvarāya)? — Ср. выше, I.3.12 и др. и соотв. примеч. В связи с нижеследующим перечислением ср. II.64.

2.6. ...одного учения (vādā... sīlā... chandā... ajjhosānā)... — ср. DR II: 315 — creed... practice... persuasion... aim (ibid., п. 2, где ekanta-chandā толкуется комментатором как ложное воззрение). DN: 377 — Lehre... Regel... Absicht... Ziel.

...из множества элементов... — в тексте: aneka-dhātu.

2.7. ...нарыв (gaṇḍo)... — ср. PR: 241; DR II: 317 — cancer; DN: 378 — Siechtum.

...за пределами (ito bahiddhā)... — ср. PR: 484; DR II: 317 — not of your followers; DN: 378 — ausserhalb von hier.

...осаждаемому [сомнениями]... — толкование этого места не вполне ясно (ср. различия dīgha-rattānusayino в DRC II: 283, п. 6; DK II: 212, п. 5). См. PR: 44; DR II: 317 — instructing me at length; DN: 378 — die mir lange angelegen waren.

...не сумели ответить (na sampāyanti)... — ср. толкование PR: 692 (от sam + pa + ā + yā); DN: 378–379 — keinen Bescheid gegeben. DR II: 317 переводит: they did not withdraw themselves (?).

...вступивший в поток... — ср. выше, VI.13 и соотв. примеч.; DR I: 190–192.

...одушевление (veda-paṭilābhaṃ somanasse-paṭilābhan)... — ср. XVIII.17.

...силой (ojā)... — также — питанием, дарующим божественную силу. DR II: 318 — selest nectar; DN: 379 — Kraft.

...не ведет ни к отказу... — ср. выше, XIX.61.

2.8. ...обретена еще и новая жизнь... — т.е., очевидно, жизнь просветленного существа, превосходящая по буддийской догматике состояние божества, не достигшего просветления. Согласно традиционному комментарию, это состояние явилось плодом предыдущих поступков Инды (ср. DR II: 218, п. 2).

...к лону... — т.е. к новому существованию. Ср. PR: 244–245; DR II: 318.

...Постигшему (aññātā)... — т.е. Будде. Ср. PR: 14.

Аканиттха (Akaniṭṭhā, букв. «не наименьшие») — разряд божеств, населяющих высшую из сфер в мире, наделенном формами (gūpa-loka). См. выше, XIV.3.31 и соотв. примеч.

...в последнем воплощении (antime). — Ср. PR: 48; толкование DR II: 319 — last span of life — менее удачно.

2.9. ...Васау. — То есть Индру. Ср. выше, XX.12, 14 и соотв. примеч.

2.10. ...коснувшись (parāmasitvā)... — согласно DR II: 320, призывая землю в свидетели (touching the earth with his hand to call it to witness).

XXII. «Махасатипаттхана-сутта»

Mahāsatiṭṭhāna sutta — букв. «Большая сутта об установлениях способности самосознания» (*satiṭṭhāna* — ср. XVI.1.17; XVIII.26 и соотв. примеч.; PR: 672, а также о *sati* — Предисловие). Названа так в связи с изложением соответствующих догматических положений, играющих значительную роль в буддийской этике. Ее вариант содержит и Mn I.10. Ср. DR II: 327 — Setting-up of mindfulness (*ibid.*: 324 — другие толкования, связанные с осмыслением *ṭṭhāna* (*upaṭṭhāna*), в частности, the getting ready of Mindfulness); DN: 383 — Die Pfeiler der Einsicht. См. подробнее DR II: 322–326; Law 1933: 107–108; DR II: XXII–XXIII; PM II: 563–564. Ср. также Swearer 1973b. См. BS III: 741–806; DAT II: 351–442.

1. Куру... Каммассахамма. — Ср. XV.I и соотв. примеч.

...знания (*ñāyassa*)... — здесь по смыслу — «высшего знания», учения Будды. Ср. DR II: 327, п. 1.

Вот... — ср. XVIII.26 с прибавлением *ajjhataṃ* («внутренне»). Ср. DN: 330 и 383. DR II (ср. 249 и 327) переводит эти места непоследовательно.

...созерцающим состояния в... состояниях... — в тексте: *dhammesu dhammānupassi*. Ср. DR II: 325.

2. ...уйдя в лес... — ср. параллели, отмеченные в DR II: 328, п. 1.

...пребывает в сосредоточенном внимании (*pañidhāya parimukhaṃ satim upaṭṭhapetvā*)... — ср. DR II: 328, п. 2.

...вытягивая длинную [бечевку] (*dīghaṃ vā añchanto*; ср. толкование в DRC II: 291, п. 6)... — смысл не вполне ясен. Ср. DR II: 328 — drawing (his string) out at length... short; DN: 383 — tief anziehend... kurz anziehend; PR: 13.

4. ...вдумчиво действует (*sampajāna-kāri*)... — ср. II.65.

5. ...глядит на это тело... — о подобном подходе в буддийской и других традициях ср. *Khantipālo* 1980; Сыркин 1993: 28, 178; и др.

...плевра (*kilomakaṃ*)... — ср. PR: 217; DR II: 230 — membranes; DN: 385 переводит *Zwerchfell* («диафрагма»).

9. ...кость руки... череп... — ср. разночтения в DRC II: 296, п. 11–13; 297, п. 1; DK II: 220, п. 5–6.

12. ...ум (*cittānupassī*)... — видимо, как и выше, употреблено здесь в более широком значении, включающем и представление о мышлении. Ср. DR II: 334, п. 1; примеч. к II.83.

13. ...пяти преград (*pañcasu nīvaraṇesu*). — Ср. II.68 сл.; XIII.30 и соотв. примеч.

14. ...пяти групп (*upādānakkhandhesu*)... — ср. выше, XIV.2.22 и соотв. примеч.

15. ...сфер восприятия (*āyānesu*). — Ср. PR: 105; DR II: 336 — Spheres of Sense; DN: 388 — Innen- und Aussenreiche. Здесь это пять чувств с воспринимаемыми ими явлениями, а также разум с постигаемыми объектами.

16. ...семи звеньев просветления (*sattasu bojjhaṅgesu*). — Ср. выше, XVI.1.9; 3.50; и др. и соотв. примеч.; PR: 490; DR II: 336 — Factors of Enlightenment; DN: 389 — Erweckungen. Здесь это *sati* — *dhamma-vicaya* — *virīya* — *pīti* — *passaddhi* — *samādhi* — *upekkhā* (способность самосознания — исследование истины — усердие — радость — умиротворенность — сосредоточенность — уравновешенность).

17. ...праведных истин. — См. IX.29 и др. и соотв. примеч.

18. ...о страдании. — Дальнейший текст (до конца сутты XXII) отсутствует в Mn I.10 (MTC I: 55 sq.). См. DRC II: 305, п. 1; DR II: 337, п. 1. Ср. Franke 1916: 336 sq.

Рождение — страдание... — ср. XIV.2.2 сл.; и др. Некоторые рукописи вставляют между «старостью» и «смертью» «болезнь» (*vyādhī pi dukkhā*); ср., однако, детализацию

этого перечня ниже. Возможно, источник этой вставки — Sn LVI (SF V: 421). Ср. DRC II: 305, п. 2; DR II: 337, п. 2.

...когда не достигают... — некоторые рукописи вставляют здесь «соединение с нелюбимым», «разлуку с любимым» (очевидно, под влиянием того же текста Sn, ср. DRC II: 305, п. 3).

...пять групп... — ср. выше, XXII.14; DR II: 338, п. 1.

...появление групп (khandhāṇaṃ pātu-bhāvo)... — т.е. тех же пяти групп (скандх).

...потеря [зубов]... — букв. «ломка» (khaṇḍiccaṃ). Ср. PR: 231.

...увядание (indriyāṇaṃ paripāko)... — букв. «перезревание». Ср. PR: 429; DR II: 338, п. 4; DN: 391 — Abreifen der Sinne.

...беспокойством. — Отдельные рукописи вставляют здесь аналогичные абзацы, связанные с «соединением с любимым» (ср. DRC II: 306, п. 3; DR II: 218–219; DN: 391–392).

19. ...жажда чувственности (kāma-taṅhā bhava-... vibhava-)... — ср. XV.18 и соотв. примеч.; PR: 294, 629. Возможно и иное толкование vibhava (в значении «сила», «процветание»), ср. DR II: 340, п. 1; DN: 392 (ср. ibid.: 748–749, Anm. 697) — Wohlseinsdurst.

21. ...праведный восьмичленный путь... — ср. VI.14; VIII.13; и др.

...отречения (nekkhamma)... — ср. DR II: 343, п. 1 (связь с толкованиями nis — karma, nis — kāma, nis — krama).

Воздержание... — ср. I.1.9; II.44; XXIII.6, 8, 9.

...надлежащим действием. — Ср. I.1.8; II.43.

Вот... освободившись... — Ср. I.1.21–24.

22. ...совершенное знание (aññā)... — ср. PR: 149; DR II: 346, п. 1.

...остается привязанность (sati vā upādisese)... — ср. PR: 149; DR II: 346 — if there be yet residuum for rebirth (т.е. речь идет о состоянии противоположном ниббанае и ведущем к новому рождению).

...невозвращения (anāgāmitā). — Здесь снова упомянута третья из четырех ступеней совершенства: 1) «вступление в поток», т.е. не «праведный восьмичленный путь»; 2) «единожды возвращающийся» (sakadāgāmin), т.е. существо, которому остается еще один раз возродиться в мире; 3) «не возвращающийся» (anāgāmin) — т.е. на землю; существо, которому суждено возродиться уже не на земле, а в одном из высших миров; 4) архатство (arahattam). Ср. XII.13 и соотв. примеч.; PR: 31–32.

...семь месяцев... — DR II: 346 почему-то пропускает этот срок.

Единственный путь... — ср. выше, XXII.1.

XXIII. «Паяси-сутта»

Pāyāsi sutta названа по имени «принца» (gājañño; также — «начальнику», ср. III.2.7; PR: 568) Pāyāsi из Сетавьи, исповедовавшего ложные воззрения и наставленного учеником Будды Кумаракассыпой. Легенда эта находит себе параллель и в джайнской традиции. Ср. VvSN: 297. См. подробнее DR II: 347–348; Law 1933: 108–109, DK II: XXIII–XXIV; PM II: 187–188. Ср. ИКДИ: 171–172, 189–215. См. BS III: 807–815; DAT II: 443–452.

1. Кумаракассыпа (Kumāra-kassapa) — монах, последователь Будды, достигший архатства. Первую часть его имени («мальчик») предание связывает с юным возрастом, в котором он вступил в общину. См. PM I: 632–633. ИКДИ: 189 и сл. — «Кашьяпа-царевич».

...двигаясь по Косале... — ср. III.1.1 и соотв. примеч.; XII.1 (сходное начало сутты).

Сетавья (Setavū) — город в Косале, неподалеку от Уккаттхи (см. примеч. к XIV.3.29), на дороге между Саваттхи и Раджагахой. См. PM II: 1278.

...*синсаповой роще* (Siṃsapā-vane)... — роще деревьев Siṃsapā (*Dalbergia Sisu*). В палийских текстах упоминается несколько таких рощ; здесь имеется в виду роща к северу от Сетаваи, где жил Паяси.

Паяси — см. выше; РМ II: 187–188.

...[месте]... — ср. III.1.1 и др. и соотв. примеч. (там же — о царе Косалы Пасенади).

2. ...*не существует*... — ср. I.2.27; II.32; и др.

...*отшельник* (samana)... — ИКДИ: 90 сл. — «шраман». Ср. выше, I.1.8 и соотв. примеч.

3. ...*для дневного отдыха*... — ср. IV.3; V.3.

...*стражнику* (khattam)... — ср. там же и соотв. примеч. ИКДИ: 190 сл. — «колесничему» (другое возможное значение).

4. ...*некоторые*... — ср. IV.9; V.8.

6 ...*уничтожали*... — ср. I.1.8 сл.

9. ...*бамбуковыми щепочками* (veḷu-pesikāhi)... — т.е., по-видимому, своего рода кисточкой из расщепленного бамбука. Ср. DR II: 354 (ibid., n. 1) — split bamboo; DN: 403 — mit Bambusbast. ИКДИ: 195 — «бамбуковой щеткой».

...*пятью признаками*... — т.е. зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием. Ср. выше, I.3.20 и др. ИКДИ: 195 — «пять чувств».

...*наделенного*... — ср. там же.

10. ...*ведущего к легкомыслию* (pamādaṭṭhānā). — То есть азартных игр и т.п. Ср. DN: 304 — betäubende und betörende Mittel. DR II: 355 опускает в переводе эти слова.

13. *Все богатство*... — ср. о преимущественных правах старшего сына, Mān IX.105.

14. ...*осторожно* (saṅikaṃ)... — ср. DN: 408 — behutsam. DR II: 359 — quickly(?).

...*жизненное начало* (jīvam). — Ср. DR II: 359 — soul; DN: 408 — Lebensgeist; ИКДИ: 201 (ср. 202 сл.) — «душа».

15. ...*горбуны*... *карлики* (khujjā... vāmanikā... velāmikā... komārikā)... — т.е. разного рода прислужники. Ср. DR II: 359 — hunchbacks and dwarfs and maidens and girls (ibid., n. 1 о velāmikā как очень юных девушках; выше, в XVII.2.15 velāmikāni обозначает, по-видимому, вайшиек — см. соотв. примеч.); DN: 408 — Hofnarren und Hofzwerge, Fächelfrauen und Fräulein. ИКДИ: 201 — «Горбуны, карлики, молодые девушки»). Ср. PR: 238, 609, 650, 229.

17. ...*горящий* (āditam)... — ср. то же о булаве яккхи Ваджирани (III.1.21).

18. ...*чувство* (āyatanam)... — ср. PR: 105; DR II: 361 — organ; DN: 410 — den Eindruck davon.

19. ...*на спинку*... — здесь повторяется точно та же последовательность выражений, что и в предыдущем XXIII.18; при переводе, однако, введены соответствующие модификации. Ср. DR II: 361–362; DN: 410.

...*идет вперед*... — ср. II.65 и др.

21. ...*аскет* (jaṭṭilo)... — букв. «с косичкой». Имеется в виду одна из разновидностей аскетов. Ср. PR: 277–278; DR II: 363 — fire-worshipping Jatila; DN: 412 — Feuerpriester... Einsiedler; ИКДИ: 204 сл. — «отшельник-космач».

...*там остановились*... — вероятно, имеются в виду переселявшиеся из одной области в другую. Ср. DR II: 363 — Now the people of a certain country-side migrated; DN: 412 — aus irgendeinem Lande... aufgebrochen; ИКДИ: 204 — «народ переселялся».

...*вот топорик*... *дерева* (vāsī katṭhāni... araṇi)... — имеются в виду куски дерева, трением которых добывался огонь (ср. образ в BrU VI.4.22). См. DR II: 363 — hatchet... sticks... fire drill; DN: 412 — Beil... Scheite... Reibzeug. ИКДИ: 205 — «нож».

...*разжегши* (nibbattetvā)... — ср. PR: 362 и сл.; DN: 412. DR II: 363 предлагает иное толкование: so that if you do let the fire out...

22. ...в злонамеренности (paḷāseṇa)... — ср. параллели в DRC II: 342, п. 8; ИКДИ: 206 — «Назло... с досады... из упрямства».

23. ...листья зелени (haritaka-varṇaṃ; ср. DRC II: 342, п. 12; DK II: 255 — чтение: °raṇṇaṃ). — Ср. DR II: 364 — verdure; DN: 414 — Heu und Laub.

...услышанное от тебя (tava sotabbam)... — подобный сюжет находит себе параллель в джатаках (ср. DR II: 366, п. 1).

27. ...когда они выпали... — игральными костями служили в Индии семена растения vibhītaka (*Terminalia Bellerica*, ср. Lüders 1940). По-видимому, нечестный игрок ухитрялся проглатывать лишние семена, доставлявшие ему проигрыш. Ср. DR II: 368, п. 1 (параллель с JF I: 380); DN: 762–763, Anm. 734.

...помяну (raḥohissāmī ti; ср. разночтения DRC II: 348, п. 6; DK II: 259, п. 2)... — ср. DN: 417 (ibid.: 762, Anm. 733). Толкование DR II: 368 — I will make a votive offering of them (ИКДИ: 209 — «я принесу ими жертву») представляется менее удачным.

29. ...сельскую дорогу (gāma-paddhanaṃ). — Место не вполне ясное, ср. разночтения DRC II: 349, п. 6; DK II: 260, п. 1; DR II: 369 — village street; DN: 418 — Feldpfad; ИКДИ: 210 — «деревенскую улицу».

30. Превосходно... — ср. выше; Предисловие.

И я хочу... — ср. V.12.

31. ...не убивают... — ср. V.18.

32. ...для отшельников, брахманов... — ср. V.13.

...молотый рис (kaṇṇajakaṃ bilaṅga-dutiyam)... — ср. PR: 178, 487; DR II: 372 — gruel and scraps of food; DN: 421 — Brocken und Krumen und dazu abgestandener Reisbrei; DRC II: 354, п. 9 — параллели с SF I: 90; VO II: 77; JF I: 228.

...с бахромой (guḷa-vālakāni; ср. разночтения DRC II: 354, п. 11; DK II: 263, п. 4)... — место не вполне ясное. Ср. DR II: 372 — ball-fringed (ibid., п. 1 — To keep the robes down); DN: 421 — limpig und ausgefranst (ср. ibid.: 764, Anm. 739 — чтение dhorakāni); ИКДИ: 213 — «старые, по краям разлохматившиеся одежды».

...был занят (vyāvato)... — ср. XXI.1.9 и др. параллели (DRC II: 354, п. 12). DN: 421 — beschäftigt; DR II: 372 (ср. ibid., п. 2) предлагает, на наш взгляд, менее удачное толкование: was passed over.

Уттара (Uttaro) — юный брахман, руководивший жертвоприношением Паяси; возможно, тождественен ученику Парасарии, слушавшему проповедь Будды, из Mn 152 (MTC III: 298 sq.). См. PM I: 351.

...и установил... — согласно пояснению DR II: 372. п. 4, Уттара, очевидно, сделал это за свой собственный счет (ср. ниже).

...дворце Серисака (Serīsakaṃ vimānaṃ; см. разночтения и параллели с XXXII.10 и др. в DRC II: 356, п. 7, ср. DK II: 264, п. 6). — Имеется в виду божественная обитель, расположенная в мире четырех «Великих царей»; ее название связывается с преданием о росшем у ее входа большом дереве sirīsa (вид акации). Ср. PR: 723, PM II: 1286–1287; DR II: 373 — in the empty mansion of the Acacia; DN: 421 — freigewordenen Prachtakazienhain.

33. Гавампати (Gavampati) — архат, сын купца из Баранаси. Согласно легендам, после одного из своих воплощений (при Кассапe Будде) он, подобно Паяси, родился во дворце Серисака — ср. свидетельства VO I: 18 sq.; Thag 38 (ThOp: 6); BS III: 814 и др. См. PM I: 756–757; DR II: 373, п. 2; DN: 765, Anm. 743.

...божественный отпрыск (devaputto)... — обозначение Паяси в новом его состоянии. Ср. DR II: 373 — now one of the gods.

34. ...«Ападана»... — здесь, как и в конце раздела I (vagga, ср. XIII.82) Dn, перечислены названия входящих в этот раздел сутт (XIV–XXIII). Отдельные модификации

вызваны здесь, по-видимому, требованиями стихотворного размера. Ср. Предисловие; DRC II: 358, п. 3–5.

XXIV. «Патика-сутта»

Pātika (также *Pāthika*, *Pātika*, ср. DRC III: 1, п. 1; DK III: 3, п. 4) *sutta* названа так по имени оппонента Будды, дававшего ложные пророчества, аскета Патикапутты (*Pāṭikaputta* — «Сын Патики»), о котором Будда рассказывает в этой сутте (XXIV.1.15 и сл.). Имя это дало название и всему разделу III Dn, открывающемуся данной суттой. Ср. Weller 1922; 1928b; DR III: 1–6; Law 1933: 109–110; DK III: IX–X; PM II: 181. См. BS III: 816–831; DAT III: 1–16.

1.1. Анупия (*Anupiya*; ср. другие чтения: *Anupriya*, *Anoriya* — DRC III: 1, п. 2; DK III: 3, п. 4) — поселение к востоку от Капилаваттху, неоднократно упоминающееся в канонических текстах; здесь, в частности, Будда провел первую неделю после своего отказа от мирской жизни. Ср. PM I: 81.

Бхаггаваготта (*Bhaggava-gotta*) — букв. «из рода Бхаггавы» (возможно, имеется в виду клан горшечников). Другое имя этого отшельника — *Channa* (ср. DR III: 7, п. 3; PM II: 345).

1.2. *Господин...* — ср. аналогичные формулы в IX.5.

Сунаккхатта (*Sunakkhatta*) — прислужник Будды, на старости лет оставивший его обшину. Ср. о нем выше, VI.5 и соотв. примеч.; DR I: 199, п. 1; PM II: 1206–1207.

...нахожусь (*vihāramī ti*)... — DR III: 8 поясняет здесь и ниже — *as a pupil*, т.е. в качестве ученика.

1.3. *А если так...* — т.е., по-видимому, если между Буддой и Сунаккхаттой нет отношений учителя и ученика.

1.4. ...не совершал (*uttarimanussa-dhammā iddhi-pāṭihāriyaṃ karissāmī ti*)... — ср. XI.2 и соотв. примеч.; Предисловие.

1.5. ...началу (*aggāṇṇaṃ*)... — т.е. первопричинам бытия, времени, пространства и т.д., что объясняется как учение о мире (*loka-paṇṇatti*). Ср. ниже название сутты XXVII — «Аггання-сутты», где это понятие близко к значению «происхождение мира» (*lokupatti*). Ср. BS III: 818; DR III: 9, п. 1.

1.6 ...мне... дхамме... сангхе... — ср. Предисловие.

...в селении ваджджийцев (*Vajjigāme*)... — ср. XVI.1.1 и соотв. примеч. Очевидно, имеется в виду Весали (ср. примеч. к XVI.1.5).

Он — *Благостный...* — ср. XVI.2.9 и соотв. примеч.; DR III: 10, п. 3–4.

Хорошо провозглашена... — ср. XVIII.27 и соотв. примеч.

...четыре группы... — т.е. монахи, монахини, преданные миряне и преданные мирянки.

...восемь [видов]... — т.е. в соответствии с духовным состоянием этих групп. Ср. DR III: 11, п. 2 — *four Paths and four stages of Fruition*.

...закона и должного поведения (*dhamma-vinaya*)... — см. Предисловие.

1.7. Буму (*Bumūsu*; другие чтения: *Bumutthasu*, *Thulūsu*, *Khulūsu* и т.д., ср. DRC III: 6, п. 2; DK III: 6, п. 2) — название определенного рода (*Bumū*), которому принадлежала деревня Уттаракка (*Uttarakā*). Ср. PM II: 312; I: 354; DN: 765–766, Anm. 746.

Кораккхаттия (*Korakkhattiyo*; см. другие варианты этого имени в DRC III: 6, п. 4; DK III: 6, п. 4) — имя обнаженного аскета. Ср. DR III: 11 (*ibid.*, п. 3) — *Bandylegs the Khattiya* (со ссылкой на BS III: 819: прозвище кога указывает на обращенные внутрь ступни ног). Ср. PM I: 686.

...по-собачьи (kukkuravatiko)... — согласно BS III: 819, касаясь земли коленями и локтями (ср. DR III: 11, п. 4).

...ревниво (maccharāyatī ti)... — т.е. не желая, чтобы кто-либо другой стал архатом (DR III: 12, п. 1).

...от недостатка синовиальной жидкости (alasakena)... — ср. PR: 582, s. v. lasika; DR III: 12, п. 2. Место не вполне ясное. DR III: 12 — of an epilepsy; DN: 430 — unversehns (?).

Калаканджи (Kālakajjā; ср. DN: 430 — Sehwarzen Köpfen) — низшая разновидность асуров. См. выше, XX.12 и соотв. примеч.

Бирана (bīraṇa, также vīraṇa, ср. DRC III: 7, п. 9) — вид травы (*Andropogon Muricatus*), употреблявшейся при погребальной церемонии.

1.9. ...поднялся... упал... — согласно BS III: 822, это сверхъестественное действие было совершенно могуществом Будды (см. ниже, XXIV.1.10). Ср. DR III: 13, п. 1; DN: 770, Anm. 750).

1.10. ...чудо... — т.е. предсказание срока смерти Кораккхатти, дар речи у его трупа и т.д.

1.11. ...в Весали, в обители... — ср. выше, XVI.3, 49 и соотв. примеч.

Кандарамасука (Kandaramasuko, другие чтения: Kalāramatṭhako, Kandaramasukho и т.д., ср. DRC III: 9, п. 2; DK III: 9, п. 1; DR III: 14, п. 2) — имя аскета, нарушившего свои обеты, согласно предсказанию Будды. См. PM I: 541.

Удена... Готамака... Саттамба... Бахупутта (Udenaṃ... Gotamaṃ... Sattamaṃ... Bahuputtaṃ)... — святилища в окрестностях Весали. См. подробнее XVI.3.2 и соотв. примеч.

1.13. ...утратив славу (следуем чтению piḥiṇo, ср. DRC III: 11, п. 7; DK III: 10). — То есть во всем отличающийся от своего нынешнего состояния, восхищающего Сунаккхатту.

1.15. Патикапутта — ср. выше, примеч. к «Патика-сутте» (Dn XXIV); PM II: 181.

Он говорил... — ср. слова последователя Нигантхи — Саччаки ваджджийцам в Mn 35 (MTC I: 234 sq.) — DN: 773, Anm. 752.

1.16. ...расколется голова (muddhā pi tassa vipateyuā ti). — Ср. сходную угрозу (sattadhā muddhā phalissati) в III.1.20. См. Syrkin 1984b; Сыркин 1993: 25 сл., 30 сл.

1.18. ...сам ли... или же это божества... — ср. сходную дилемму выше, в XIV.1.13 и др. Аджита (Ajīto) — последователь Будды, явившийся ему после своей смерти. См. PM I: 36.

1.20. ...страх, оцепенение... — ср. XIX.44.

Тиндуккхану (Tindukkhānu; видимо, более правильное чтение: Tiṇḍukakhānu, ср. DRC III: 17, п. 6; DK III: 15) — вероятное значение — обрубленные деревья тиндука (*Diospyros Embryopteris*), ср. PR: 303; DR III: 19 — Tinduka Pollards; DN 436 — Ebenholzlände.

2.1. ...главный советник (mahāmatte)... — ср. PR: 526; DR III: 20 — councillor; DN: 437 — einer von den Groswürdentragen.

2.4. Джалия... Дарупаттики... — см. выше, VI.15; VII.1 и соотв. примеч.; ср. PM I: 955, 1074.

2.6. ...львиным рыком (sīha-nādaṃ)... — о символике этого образа, используемого и ниже, см. VIII.1 и соотв. примеч., ср. также сутты XXVI, XXVII.

2.7. ...по-своему... по-шакальему. — В тексте смена синонимов: sigālakam... bheraṇḍakam.

2.8. ...наставлений (apaḍānesu)... — ср. PR: 51; DR III: 22 (ср. ibid., п. 3 о толковании BS III: 828 — «религиозный подвиг») — among the exploits.

2.9. Следуя (aññaṃ anusaṅkamaṇaṃ)... — место не вполне ясно. Ср. DR III: 23 (ibid., п. 1); DRC III: 25, п. 7–11.

2.13. ...наставил (sandassesim samādapesiṃ samuttejesiṃ sampahaṃsesiṃ)... — ср. ту же формулу в IV.27 и др.

...восемьдесят четыре тысячи... — согласно DN: 778–780, Anm. 760, употреблено как нарицательное обозначение великого множества.

...великих препон (mahā-viduggā)... — пытаемся сохранить в переводе образность оригинала. Согласно BS III: 829, имеются в виду четыре потока (oghā), т.е. kāma, bhava, diṭṭhi, avijjā (чувственное желание, стремление к новому существованию, ложное воззрение и невежество). Ср. XXXIII.1.11 (XXXI); DR III: 24 (ibid., п. 3) — from the great Abyss; DN: 441 — Sumpfbereich. Ср. PR: 164–165.

2.14. ...начало вещей (aggaññam)... — ср. DR III: 25 (ibid., п. 1); выше, XXIV.1.5; DN: 780, Anm. 761, а также аналогичную формулу в I.1.36 и др.

2.15. *Время от времени...* — ниже отдельные фрагменты поучения повторяют текст сутты I Dn: XXIV.2.15–17 = 1.2.2–6 и далее — 2.18 = 2.7–9; 2.19 = 2.10–12; 2.20 = 2.31; в связи с представлениями о «развертывании» и «свертывании» мира, о мире сияния (ābhas-sara), об «испорченных удовольствием» (khiḍḍā-padūsikā), «испорченных в разуме» (mano-padūsikā), «бессознательных существах» (asañña-sattā) и др. реалиях (ср. XXIV.2.18–20) — см. соотв. примеч. к I.1.32; 2.2; 2.7; 2.10; 2.30; XX.16; DR III: 26, п. 2. Ср. о соответствующих категориях божеств PM I: 716–717; II: 442; I: 202.

2.21. ...прекрасного (subham)... — возможно, имеется в виду состояние, тождественное третьей ступени освобождения, ср. XVI.3.33; DR III: 31, п. 3, а также DN: 786 ff., Anm. 767.

Трудно тебе... — ср. сходную формулу в IX.24.

XXV. «Удумбарика-сиханада-сутта»

Udumbarika-sihanāda (букв. «львиный рык в Удумбарике») *sutta* названа по уже встречавшемуся выше образному обозначению буддийской проповеди. Ср. Dn VIII и соответствующее примечание, а также Dn XXVI. Здесь содержится наставление Будды странствующему аскету Нигродхе, вкратце упомянутое в Dn VIII.23. Ср. DK III: X–XII; Law 1933: 110; PM I: 378. См. BS III: 832–844; DAT III: 17–29.

1. Нигродха (Nigrodho) — ср. VIII.23 и соотв. примеч.; PM II: 66; DN: 789, Anm. 770.

Удумбарика (Udumbarikā) — роща близ Раджагахи, названная так по имени подарившей ее монахам царицы. См. PM I: 379.

Сандхана (Sandhāna) — один из учеников Будды в Раджагахе. Согласно Буддхагхосе (BS III: 832), предводительствовал пятью сотнями мирян, преданных Будде, и стал «невозвращающимся» (anāgāmin). Ср. PM II: 1027.

...в середине (divādivass'eva)... — ср. DN: 447 (ibid.: 789, Anm. 771 с убедительной ссылкой на контекст). DR III: 33 переводит — in the afternoon (в противоречии с PR: 322 — early in the day, at sunrise, at an early hour).

2. *А в это самое время...* — ср. XXV.2 сл. и IX.3 сл., где повторяется аналогичная сцена с тем же перечнем, входящим к I.1.17 (см. соотв. примеч.); ср. DR III: 33, п. 2; 34, п. 1; DN: 789 ff., Anm. 772.

4. ...дышащим безлюдьем... — ср. толкования не вполне ясного vijana-vahāni в PR: 607 (s. v. vāta: pervaded by loneliness, having an atmosphere of loneliness); DN: 448. DR III: 35 (ср. ibid., п. 1) дает более натянутое, на наш взгляд, толкование — where the breezes from the pastures blow.

...пригодным, чтобы скрыться (manussa-rāhaseyukāni)... — PR: 571; другие толкования: DR III: 35 — which are hidden from the eyes of men; DN: 448 — wo der Mensch verborgen sitzen.

5. ...ясности в постижении (paññā-veyattiyaṃ). — Ср. PR: 649; DR III: 35 (ibid., п. 2).
...большой олень (gokāṇā; ср. чтение gokappa — DRC III: 38, п. 10)... — следуем PR: 254 — a large species of deer. DR III: 35 (ср. DN: 448) дает иное толкование — one-eyed cow.

6. Моранивапа (Moga-pivāra, букв. «место кормления павлинов») — лесная местность, где содержались павлины, близ рощи Удумбарика (ср. выше). Здесь в отшельнической обители Будда произнес несколько проповедей Dn и Mn (II.1.29). Моранивапа была расположена на берегу лotosового пруда Сумагадха (Sumāgadhā) близ Раджагахи. См. PM II: 671–672, 1247–1248; DR III: 36, п. 1.

...стремление к целомудрию (ajjhāsyāṃ ādibrahmacariyaṃ). — Ср. XIX.12; DR III: 36, п. 2.

7. Господин, пусть подойдет... — ср. то же в IX.5.

Трудно... тебе... — ср. IX.24.

...об отращении... — ср. VIII.23 и др.

8. ...обнаженный аскет (acelako)... — ср. VIII.14 и соотв. примеч. См. также Mn 51, 94 (MTC I: 339 sq.; II: 157 sq.) и др. В этом параграфе, в частности, даддула (daddula) — видимо, разновидность риса; хата (haṭa) — определенное водяное растение (*Pistia Stratiotes*); тиритака (tiṭṭaka, tiṭṭāni) — дерево *Symplocos Racemosa*; куса (kusa) — травянистое растение *Poa Synosuroides*. См. подробнее примеч. к VIII.14.

9. ...удовлетворен... это и бывает пороком... — т.е., согласно BS III: 836, потому что он считает, что его долг на этом завершен и он превосходит других (ср. DR III: 39, п. 2).

11. ...плодящееся от корня (mūla-bhjaṃ)... — ср. I.1.11 и соотв. примеч.

...[обрушивая]... как говорят об отшельниках (asani-vicakkaṃ danta-kūṭaṃ samaṇappavādenā ti)... — место не вполне ясное. Ср. PR: 87, 314; DR III: 40 (ibid., п. 2) — munching them all up together with that wheel-less thunderbolt of a jawbone — and they call him a holy man. DN: 452 (ср. ibid.: 796–797, Anm. 778) — zu zernagen, zerknaken, mit den Zähnen zu sägen, wie mann unter Asketen sagt.

...ложится на виду (āpāthaka-nisādi)... — т.е. чтобы все могли видеть, как он предается подвижничеству. Ср. BS III: 838; DR III: 40, п. 3.

...не показывая... [и думает]... — т.е., по-видимому, другим путем проявляя свое тщеславие. BS (ibid.) толкует adassayamāno не в негативном смысле. Ср. DR III: 41 (ibid., п. 1) — slinks along furtively, as if to say: This is part of my austerity; DN: 452 — zeigt sich ein Büsser unschicklich anzusehen unter den Leuten.

12. ...крайними воззрениями (anta-gāhikāya ditthiyā)... — т.е. «ложными». Место не вполне ясное. Ср. PR: 46. DR III: 41 (ibid., п. 2) — metempirical dogma. BS III: 839 связывает это с теорией уничтожения (uccheda, ср. выше, I.3, 9; DN: 452 — mit einer zu Verderben gereichenden Ansicht ausgerüstet).

13. Вот, Нигродха... — XXV.13–15 повторяют XXV.9–12 с отрицаниями в соответствующих местах.

15. ...внешней оболочки (paraṭika). — Ср. PR: 413; DR III: 43 — the outside splinters; DN: 454 (ibid.: 797, Anm. 779) — Asten. Здесь и ниже, в XXV.15–18 последовательно используются образы сердцевины растения и внешних покрывающих ее слоев (sāra — paraṭika — taca — pheggu). DR III: 43 sq. — pith... outside splinters... bark... underlying fibre; DN: 454 ff. — Inbegriff... Ästen... Rinde... Grünholz.

16. ...четырёхчастной (cātu-yāma)... — ср. выше, II.29.

...не стремится к благополучию (na bhāvitam āsimsati)... — место не вполне ясное. Ср. BS III: 840; DR III: 44 (ibid., п. 1) — he craves not for the pleasures of sense; DN: 455 (ibid.: 797–798, Anm. 780) — hofft auf kein Erenniss.

Он удаляется... — до конца этого параграфа текст соответствует II.67, 68 (см. соотв. примеч.), где речь идет о признаках «удовлетворенного монаха».

17. ...*пять преград* (pañca pīvaṅgaḥ)... — т.е. перечисленные выше алчность, злонамеренность и т.д. Ср. Предисловие.

Он пребывает... — ср. XIII.76, 78; XVII.2.4.

18. Он вспоминает... — ср. II.93 и соотв. примеч.

...*внешней древесины* (pheggu). — Ср. PR: 480; выше, примеч. к XXV.15.

19. *Божественным очищенным зрением*... — ср. II.95 и соотв. примеч.

Теперь мы пропали (anassāma sācariyakā)... — место допускает разные толкования. Следует более вероятному по контексту значению. Ср. DR III: 48 — Herein are we and our teachers set at naught. We know of nothing beyond their teaching that is higher; DN: 457 (ср. DN: 798, Anm. 782) — So haben wir unsere Lehrsätze verloren, se haben wir unsere Lehrsätze wiedergefunden! Darüber hinaus begreifen wir nichts Höheres mehr.

20. *Ну как*... — ср. выше, XXV.5.

...*опустив плечи* (patta-kkhandho, букв. «как листья»)... — ср. PR: 406; DR III: 48 — with hunched back; DN: 458 — mit gebeugten Schultern.

21. ...*встретившись*... — ср. выше, XXV.4.

...*к переправе* (tiṇṇo)... — снова образ переправы через поток. Ср. DR III: 50, п. 1.

22. *Мной совершено*... — ср. II.99–100.

Я... *говорю так*... — Mn II.44.

...*сам познает*... — ср. VIII.24.

23. ...*к отказу от которых*... — ср. IX.43.

24. ...*пребывая в молчании*... — ср. выше, XXV.21.

...*ибо сердцем*... — ср. XVI.3.4; DR III: 52; DN: 460 (ibid.: 799 ff., Anm. 788) — als wie schon vom Tod im Geiste umgarnt.

Злостный (Pāpimatā) — эпитет Мары. DN: 460 переводит соответственно: vom Tode berührt.

...*проорывав* (sīhanādaṃ nadivā)... — ср. выше, примеч. к XXV.1.

XXVI. «Чаккаватти-сиханада-сутта»

Cakkavatti-sīhanāda (букв. «львиный рык о владыке мира» — ср. предисловия к суттам VIII и XXV Dn) *sutta* названа так в соответствии с включенной в нее проповедью Будды о легендарном царе Далханеми. Ср. DF: 260 (ibid., Anm. 1) — Die stolze Rede über einen Weltherscher der Vorzeit. DR III: 59 — The Lion-roar on the turning of the wheel. Ср. DR III: 53–58; DK III: XII; Law 1933: 110–111; PM I: 833; Шомахмадов 2007: 83 сл., 140 сл.; ИКДИ: 171–189. См. BS III: 845–858; DAT III: 30–44.

1. Магадхи — жители одноименной области. Ср. V.1 и др.

Магула (Mātulā) — деревня в Магадхе, где Буддой была рассказана легенда о Далханеми. Ср. PM II: 604.

...*к монахам*... — согласно комментарию, их было 20 (BS III: 845, ср. DR III: 59, п. 2).

Пребывайте... — то же в XVI.2.26; ср. XXII.1. См. ниже, XXVI.27–28.

...*в истине*... — ИКДИ: 172, примеч. 2 (А.В. Парибок) оставляет, как и ниже, многозначное dhamma без перевода.

2. Далханеми (Dalhanemi, букв. «наделенный огромным венком») — легендарный царь, ставший отшельником. Ср. DR III: 60 — Strongtyre; DF: 260, Anm. 6 — der mit festem Radkranze; DN: 802, Anm. 790; PM I: 1063.

...*владыка мира*... — ср. III.1.5; XIV.1.32; и др.

3. ...*по прошествии*... — ср. XIV.2.1 и др.

4. ...*приведи в движение* (ariye cakkavatti-vatte vattāhi)... — в тексте игра образом колеса как символа царской власти (ср. значение cakkavatti) и праведности (ср. образ dhammacakka-ppravattana, см. Предисловие) выражает призыв к новому царю самому заслужить колесо-сокровище. Отставаем от буквального перевода. Ср. DR III: 61 (ibid.: 61–62, п. 2 и 3) — turn thou in the Ariyan turning of the Wheel-turners [Act up to the noble ideal of duty set before themselves by the true sovereigns of the world]; DF: 261 — widme doch der hohen Cakkavatti-Pflicht! DN: 463 (ср. ibid.: 802, Anm. 793) — Lasse dich, mein Sohn, zu heiligen Kaiserwandel in Wandel erwachsen. Ср. Karunaratne 1969; Simpson 1970: 40 sq. Сохранения в русском переводе ёмкого по значению этнонима («по-арийски» и т.п. — см. ИКДИ: 175 сл.) пытаемся избегать из-за посторонних ассоциаций.

...*в день уполотхи*... — ср. XVII.1.7 и соотв. примеч.

5. *И когда*... — ср. XXVI.5–7; XVII.7.7–11 и соотв. примеч.

8. ...*по прошествии*... — та же история последовательно повторяется после Далханеми с шестью другими царями, однако поведение сына седьмого царя отличается от предыдущих.

9. ...*заведовавшие казной* (gaṇaka-mahāmattā)... — ср. DF: 264 (ibid., Anm. 2) — Zählmeister; DR III: 65 — the finance officials.

...*живущие священными текстами* (mantas' ājīvino)... — т.е., очевидно, брахманы, закливатели и т.п. Ср. DR III: 65 (ibid., п. 1) — they, who lived by sacred verses; DF: 264 (ibid., Anm. 3) допускает перевод Räte (?).

12. *Ну, почтенные*... — ср. XXIII.7.

14. ...*с возрастом убийства*... — следуем отдельным рукописям, добавляющим здесь «возрастание лживой речи». Ср. DRC III: 68, п. 3; см. ниже, XXVI.15.

...*восемьдесят тысяч... сорок*... (и далее: *двадцать... десять... пять*...)... — ср. аналогичную градацию в XIV.1.5 сл. и соотв. примеч.; DN: 808, Anm. 802.

15. ...*сказал дурное*. — Более точный перевод resuññam («клевета», ср. PR: 473) не вполне подходит здесь по смыслу (ср. DF: 266, Anm. 2; DR III: 68 — speaking evil of him; ИКДИ: 181 — «и совершил он донос»).

19. ...*грубое зерно* (kudrūsako). — Возможно, вид ржи. Ср. DR III: 70, п. 1; DF: 267 (ibid., Anm. 3) — Buchweizen; по предположению ИКДИ: 183, примеч. 19 — «низкоротное просо».

...*десять путей должного поведения*... — ср. DR III: 70, п. 2.

21. *О счастье* (diṭṭhā)... — см. PR: 321; ИКДИ: 184 — «Хорошо, что ты жив».

22. ...*станут жить*... — здесь вслед за описанной выше нисходящей градацией дается восходящая (10 — 20 — 40 — 80 — 160 — 320 — 640 — 2000 — 4000 — 8000 — 20 000 — 40 000 — 80 000 лет).

23. Джамбудипа (Jambudīpa) — т.е. этот мир.

...*процветающей*... — ср. описание Кусавати в XVI.5.18; XVII.3.

...*петушиные стаи* (kukkuṭa-sampātikā; другие чтения: °sampātītā; °sampādikā, ср. DRC III: 75, п. 2; DK III: 59, п. 2). — То есть, возможно, столь же оживленное, многолюдное. Место не вполне ясное, ср. DF: 269 — mit ihren Menschenschwärmen Hühnervölkern gleichen; DN: 472 — zahlreich wie Hennen; DR III: 72 (ibid., п. 2 — lit. cock's flightish) — the villages, towns and royal cities will be so close that a cock could fly from each one to the next (то же — ИКДИ: 186).

Авичи (Avīci) — обозначение одной из восьми преисподних; здесь — образ огромной густоты населения в будущем мире. Ср. PM I: 199–201; DR III: 73 (ср. ibid., п. 1) — Waveless Deep; ИКДИ: 186, примеч. 22 — «Незыбь (Авичи), букв. „(где) нет волн“».

Кетумати (Ketumatī) — будущее название Баранаси, который станет, согласно предсказанию Будды, резиденцией царя Санкхи и местом рождения грядущего Будды Меттейи (см. ниже). Согласно *Anāgatavaṃsa* 8, тождественна Кусавати (ср. XVI.5.18 и др.). См. PM I: 662.

24. Санкха (Saṅkha) — будущий царь, современник Меттейи. Ср. PM II: 978.
 ...*владыка мира*... — ср. III.1.5 и др.
25. Меттейя (Metteyya) — имя будущего Будды. Ср. PM II: 660–662.
26. Махапанана (Mahāpanāda) — легендарный царь, согласно преданию, соорудивший огромную золотую жертвенную колонну (ура), на которой могли танцевать гандхаббы. Ср. Thag 163, 164 (ThOP: 130). Ср. DF: 270, Anm. 4; PM II: 529. Перевод DR III: 74 — *fairly palace*. Ср. DW: 404 — *palace*; ИҚДИ: 187 — «жертвенный дворец» (ср. PR: 557).
 ...*бедным, путникам*... — ср. V.13.
И став... — ср. VIII.24 и др.
27. *Пребывайте*... — ср. выше, XXVI.1.
28. *Вот... монах обретает*... — ср. XVIII.22 и соотв. примеч. об «основаниях сверхъестественных способностей»; DF: 271, Anm. 2–7.
Воплотив... — ср. XVI.3.5.
 ...*живет сдержанный*... — ср. II.42; XIII.42 и соотв. примеч.
 ...*монах, освободившись*... — ср. о четырех «ступенях созерцания» II.75 сл.; XXII.21 и соотв. примеч.
 ...*пребывает, пронизывая разумом*... — ср. XIII.76, 78 и др.
 ...*с уничтожением порочных свойств*... — ср. VI.13.
 ...*эта заслуга (puñña)*... — т.е., очевидно, способность преодолеть силу Мары достигается следованием перечисленным выше «хорошим свойствам». Ср. DR III: 76, п. 2.

XXVII. «Агганья-сутта»

Aggañña (букв. «главный», «изначальный») *sutta* названа так по содержащемуся в ней поучению Будды Васеттхе и Бхарадвадже о происхождении мира. Ср. аналогичный текст в *Mvs* (*Mvs* I: 338–348). DR III: 77 — a *Book of Genesis*; DF: 273 — *Ur-Geschichten*; DN: 475 — *Voranfang*; АП: 111 — «Первознание» (там же: 112–122 — перевод и анализ текста). См. Schneider 1954; 1957; Gethin 1997; DR I: 105–107; Law 1933: 111–112; DK III: XII–XIII; PM I: 6; ср. DF: 273, Anm. 1; Collins 1993: 301 sq. См. BS III: 859–872; DAT III: 45–64.

1. ...*восточной [монашеской] роще... Мигары (Pubbāraṃe... Migāra)*. — Имеется в виду роща к востоку от Саваттхи, где Будда обычно проводил свой дневной отдых. В этой роще была обитель для монахов, выстроенная на средства Висакхи (*Visākhā*), одной из наиболее известных почитательниц Будды, «вступившей в поток» (*soṭāraṇṇā*). Сына последней звали Мигара; здесь, однако, по-видимому, имеется в виду ее свекор *Migāra*, обращенный ею и ставший почитать ее как мать (легенда эта подробно изложена в комментарии к «Дхаммападе»). Ср. DhCN I: 367 sq.; PM II: 236, 626–629, 900–904; DR III: 77, п. 2.

...*Васеттха и Бхарадваджа*... — ср. XIII.2 сл. и соотв. примеч.; DR III: 77, п. 3; PM II: 860–861, 373.

...*за домом (pāsāda-pacchāyūyam)*. — Ср. DR III: 77 — in the shade of the house («в тени...»).

3. *Брахманы — высшего разряда (vaṇṇo)*... — ср. аналогичные рассуждения в III.1.10–12. АП: 112 сл. оставляет «варна» без перевода.

...*чистого... темного*... — букв. «белого... черного» (*sukko... kaṇho*).

...*из... уст (mukhato)*... — имеется в виду традиционный миф (ср., например, *Mān* I.31).

...*негодным бритоголовым*... — ср. III.1.10 и соотв. примеч.

5. ...*кшатрии*... — в тексте: *khattiyā brāhmaṇa vessā suddā*.

И эти свойства... — ср. VIII.5 и др. АП: 112 сл. — «дхармы».

7. ...*достигшим своей цели (anuppatta-sadattho)*... — ср. DR III: 79, п. 2.

Ибо истина (dhammo hi)... — ср. DR III: 80, п. 2–3; DF: 276, Anm. 1.

8. Пасенади — ср. III.1.1 и др. и соотв. примеч.

9. *Ведь вы...* — здесь, очевидно, подразумеваются не только Васетгха и Бхарадваджа, а вообще монахи.

Чье тело (dhamma-kāyo iti pi Brahma-kāyo iti pi, dhamma-bhūto iti pi Brahma-bhūto iti pi)... — АП: 113 (ср. 119, примеч. 24, 25) — «тело дхармы», «тело Брахмы», «суть дхармы», «суть Брахмы».

10. *Время от времени...* — I.2.2 сл.; DF: 277, Anm. 1.

11. ...*сок земли* (rasa-paṭhavī; ср. DRC III: 85, п. 4 — чтения rasā; rasāya). — Место не вполне ясное. DR III: 82 — earth with its savour; DF: 277 — rahmgleich eine Erdhaut; DN: 479 — saftiger Erde; Collins 1993: 341 (ср. п. 357–358) — earth-essence. АП: 113 — «вкусная земля».

13. ...*красота поблекла* (vaṇṇa-vevaṇṇatā). — Ср. DR III: 83 — variety in their comeliness become manifest; DF: 278 — ihre Schönheit wandelte sich in Hässlichkeit; АП: 114 — «стало заметно разнообразие их образов».

Ах, [где] сок (ahe gasaṃ)... — ср. значение gasa — «яство», «деликатес» (PR: 566; DF: 278, Anm. 1).

14. ...*земляной нарост* (bhūmi pappatako). — Ср. PR: 508; DR III: 83 — outgrowths; DF: 278 — Erd-Borke; DN: 480 — Erdbodensprosse; АП: 114 (ср. 119, примеч. 28) — «земляной папорт».

...*гриб*... — следуем наиболее вероятному толкованию ahicchattako (букв. «змеиный капшонок»), как образному обозначению гриба. Ср. PR: 92; DR III: 83, п. 1; Collins 1993: 362–363. АП: 114 (ср. 119, примеч. 29) — «змеиный зонтик».

...*ползучее растение* (badālatā, ср. разночтения в DRC III: 87, п. 5). — Смысл не вполне ясен. Согласно BS III: 868, имеется в виду определенное ползучее растение, сладкое на вкус. Ср. DR III: 84 (ibid., п. 1) — creeping plants; DF: 278 (ibid., Anm. 2) — cine gewisse Pflanze; DN: 480 — Rankenbeere (?); Collins 1993: 343 (ср. п. 363) — a (kind of) creeper. АП: 114 — «лиана».

...*бамбук* (kalambukā)... — ср. PR: 198; DR III: 84. DF: 278 — Kohlkopf (?); DN: 481 — Krausbeerenstaude; АП: 114 — «вьюнок».

16. ...*без... пыльцы...* — ср. о возможно метрическом характере этого фрагмента DF: 279, Anm. 3; DR III: 84–85, п. 3.

У женщины... — т.е. у тех, кто в предыдущем существовании был соответственно женщиной или мужчиной. Ср. BS III: 869; DR III: 85, п. 1.

...*стала долгое время...* — ср. I.2.10 о богах, «испорченных разумом».

17. ...*пришли в запустение* (saṇḍa-saṇḍā sāliyo aṭṭhaṃsu). — Ср. DR III: 86 — stood in clumps; DF: 280 (ibid., Anm. 1) — die Reisfläche stand als Stoppelfeld da; АП: 115 — «рис стал расти отдельными мутовками».

19. ...*рукой... камнем... палкой*. — Ср. XXIII.18.

21. *Избранный множеством...* — ниже следует характерное этимологизирование ряда имен (ср. XXVII.13 и др.). Махасаммата (mahājana-sammato ti... mahā-sammato) — легендарный первый царь Солнечной династии, почитавшийся родоначальником сакьев (ср. PM II: 565–566; Collins 1993: 379–386).

...*киатрий*... — в тексте: khettānaṃ paṭi ti... khattiyo.

...*царь*... — в тексте: rañjetī ti... rājā (букв. «доставляет радость»). См. DR III: 88, п. 1–2; 89, п. 2 (ср. в связи с этим Schneider 1954).

22. ...*брахманы* (bāhentī ti... brāhmaṇā, «держат вовне», «избегают»)... — продолжение аналогичного этимологизирования.

...*с пестиком из листьев* (raṇṇa-musalā)... — место не вполне ясное. Возможный смысл: жижина их лишена всего необходимого для самостоятельного приготовления еды (ср. DF:

282–283). Толкования DR III: 89 — fallen lies pestle and mortar и DN: 485 — in der Küche nicht gerührt wird представляются несколько натянутыми. Ср. Collins 1993: 346 (ср. p. 372) — pestle (and mortar) set down. АП: 117 (ср. АП: 120, примеч. 39) — «пестом из [дерева] парна».

23. ...заниматься книгами (ganthe karontā). — Ср. буквальный перевод DR III: 90 (ibid., п. 1) — making books; АП: 117 — «сели там писать книги». Согласно BS III: 870, речь идет о составлении ведийских текстов и обучении им. DF: 281 — verfassten... literarische Erzeugnisse; DN: 485 — mit dem Verfassen von Schriften beschäftigt. Ср. Weller 1928a: 157.

...не созерцающие (na... jhāyantī ti... ajjhāyakā)... — снова фантастическая этимология в обозначении брахманов, изучающих веды (санскр. adhyāyaka). Ср. DF: 283, Anm. 5; Collins 1993: 346 (ср. p. 373–374) — making (up) texts.

24. ...известными... вайшви (vissuta... vessā)... — ср. другое толкование DR III: 91 — various (vissa... vessā); DN: 486 — bürgerlichen Beruf... Bürger. Ср. Collins 1993: 374–375.

25. ...низкое занятие... шудры (khuddācārā ti... suddā)... — ср. DR III: 91, п. 1.

27. ...дурно ведущий... — ср. II.95.

30. ...семи свойствам, связанным (sattanaṃ bodhi-pakkhiyānaṃ dhammānaṃ)... — DR III: 93 — seven principles which are the Wings of Wisdom (ср. однако PR: 491). Имеются в виду семь «звеньев просветления» (bojjhaṅga, ср. XVI.1.17; XXII.16 и соотв. примеч.). Согласно BS III: 872, речь идет здесь о 37 bodhi-pakkhiyā dhammā (ср. XXVIII.3 и соотв. примеч.; DR III: 93, п. 1).

31. *Ведь кто...* — ср. выше, XXVII.7.

32. *Брахмой...* — заключительный параграф этой сутты повторяет III.1.28 (см. соотв. примеч.). Ср. Sn VI.2.1; XXI.11.6 (SF I: 153; II: 284). См. также Collins 1993: 377–378.

XXVIII. «Сампасадания-сутта»

Sampasādanīya (букв. «ведущая к успокоению», «несущая веру» и т.п., ср. PR: 692; DR III: 95 — The faith that satisfied; DN 488 — Um klar zu werden) *sutta* содержит разговор Будды с Сарипуттой, посвященный достоинствам первого. Завязка ее повторяет соответствующий фрагмент «Махапариниббаны» (XVI.1.16 сл.). Ср. Law 1933: 112; DK III: XIV; PM II: 1057–1058. См. BS III: 873–904; DAT III: 65–109.

1. Наланда — см. I.1.1; XI.1 и др.

Паварика — см. XI.1 и соотв. примеч.; PM II: 194–195.

И вот достопочтенный Сарипутта... — отсюда и до слов «достигли, всецело просветленные, несравненного просветления» текст XXVIII.1–2 повторяет XVI.1.16–17 (см. соотв. примеч.). Ср. параллели в DR III: 95, п. 1.

2. *Некогда...* — здесь, возможно, имеется в виду разговор Будды с племянником Сарипутты Дигханахой. Ср. Mn 74 (MTC I: 497 sq.); BS III: 882; DR III: 97, п. 1.

...о черном и о белом (kaṇha-sukka-sappaṭibhāgaṃ). — Ср. XVIII.25. Здесь — символ дурных и добрых свойств. См. DN: 847 ff., Anm. 842.

3. ...хороших свойств (kusalesu dhammesu). — То есть перечисленных ниже в общей сложности 37 свойств, связанных с просветлением (bodhi-pakkhiyā dhammā). Ср. PR: 491 о четырех «основаниях» (satipaṭṭhānā) — XXII.1 сл. и соотв. примеч.; о четырех «должных усилиях» и т.д. — XVI.3.50 и соотв. примеч. Ср. DR III: 97, п. 3.

4. ...сфер восприятия (āyatana-paññāṭṭisu). — Ср. о шести соответствующих сферах XXII.15 и соотв. примеч.

5. ...нисхождений в чрево (gabbhāvakkantīsu)... — т.е. о появлении зародыша в материнском чреве вследствие зачатия. Четыре состояния, описанных ниже, согласно BS III:

885–886, соответствуют состояниям: 1) обыкновенных людей; 2) восьмидесяти великих монахов (thera); 3) двух главных учеников Будды, паччекабуддх и бодхисаттв; 4) всезнающих бодхисаттв (в их последнем рождении). Ср. DR III: 98, п. 3.

6. ...*обнаружения состояний* (ādesana-vidhāsu). — Здесь упоминается вторая из трех сверхъестественных способностей Будды, ср. XI.6.

...*сосредоточенный голос* (vitakkayato vicārayato vitakka-vipphāra-saddam)... — ср. PR: 620; DR III: 99 (ibid., п. 3) — a rational sound made intelligently and deliberately.

...*охватывающая сердца*... — ср. II.91.

...*которое, не сосредоточиваясь* (avitakkaṃ avicāraṃ)... — ср. DR III: 99. Возможно, впрочем, и чтение vitakka-vicāra (DRC III: 104, п. 2), т.е. без отрицания указанных атрибутов.

7. ...*благодаря усердию*... — ср. I.1.31 и др. и соотв. примеч.

...*глядит на это тело*... — ср. XXII.5 и соотв. примеч.

...*не утвержденных*... *не утвержденных*... — речь идет соответственно о мирянине, об изучающем священные тексты и об архате, не связанном действием кармы. Ср. BS III: 888–889; DR III: 100, п. 5; 101, п. 1.

8. ...*постижения личностей* (puggala-paññāṭṭisu). — Ср. одноименный текст (см. PpM: 14 sq.), где описываются соответствующие типы. Ср. DR III: 101, п. 2.

...*освободившиеся обоими путями* (ubhato-bhāga-vimutto)... — ср. XV.34–36 и соотв. примеч. Видимо, подразумевается освобождение благодаря и постижению (paññā), и последовательному достижению восьми ступеней освобождения.

...*свидетельство тела* (kāya-sakkhī)... — см. PR: 209.

9. ...*усилий* (padhānesu). — Так здесь (довольно необычно, по свидетельству DR III: 101, п. 3) названы семь «звеньев просветления» (bojjhaṅgā), ср. XVI.1.9; XXII.16; и др. и соотв. примеч.

10. ...*путей [совершенствования]* (paṭipadāsu). — Ср. II.97 и др.; PR: 396; DR III: 101 — rates of progress (ibid., п. 4); DN: 492 — nachdem man vorschreiten kann.

11. ...*достопамятную* (nidhānavatīṃ)... — ср. I.1.9.

12. ...*не обманщиком*... — ср. I.1.20.

...*охраняющим врата*... — ср. II.64 и соотв. примеч.

13. ...*тщательно устремив ум*... — ср. XVIII.23 и др.

...*избавившись от трех уз*... — ср. VI.13; XVI.2.7 (в обратном порядке); и др. и соотв. примеч.

15. ...*о вечности*. — Ср. I.1.31 и соотв. примеч.

16. ...*существа* (sattā)... — другое чтение: devā («боги»). Ср. DRC III: 111, п. 2; DK III: 86, п. 2.

17. ...*божественным очищенным зрением*... — ср. II.95 и соотв. примеч.

18. *Будучи одним*... — ср. XI.4 и соотв. примеч.

20. ...*поднявшиеся над* (abhicetasikānaṃ)... — ср. PR: 62; DR III: 108 (ibid., п. 2).

...*более великие*... — здесь и ниже в соответствующих местах — atthi. Ср. DRC III: 114, п. 2; см. XVI.1.16.

...*в одном мироздании* (loka-dhātuyā)... — ср. XIX.14; DR III: 108, п. 3; 109, п. 1.

Правда ведь... — ср. сходную формулу в VIII.2 и соотв. примеч.

21. Удайи (Udāyī) — согласно BS III: 903, тождественен известному монаху (также — Mahā Udāyī), сыну брахмана из Капилаваттху, присоединившемуся к Будде и ставшему впоследствии архатом. Ср. PM I: 375–376; DR III: 109, п. 2.

...*до чего они носились бы* (tāvataken' eva paṭākāṃ parihareyyuṃ)... — букв. «с флагом». Ср. DR III: 109 — they would flourish around a banner because of it; DN: 498 (ср. ibid.: 856–857, Anm. 859) — sie würden damit schon eine Flagge aufhissen.

22. ...*несущее веру* (Sampasādānīya). — Ср. примеч. к началу этой сутты.

XXIX. «Пасадика-сутта»

Pāsāḍika («доставляющая отраду, удовлетворение») *sutta* — ср. DR III: 111 — The delectable discourse; DN: 499 — Befriedigend. Название, очевидно, характеризует воздействие учения, которое Будда преподает в этой сутте ученику Чунде в связи с разногласиями, возникшими среди последователей Нигантхи Натхапутты. Ср. Law 1933: 112; DK III: XIV–XV; PM II: 197. См. BS III: 905–917; DAT III: 110–126.

1. Ведханья (*Vedhāññā*, букв. «лучники») — семейство сакьев, согласно преданию, искусных в стрельбе из лука и обучавшихся мастерству в специальных местах, о которых здесь идет речь. Ср. BS III: 905; PM II: 924.

Нигантха Натхапутта — основатель течения нигантхов, тождественный основателю джайнизма Махавире. Ср. II.7 и соотв. примеч., а также параллельные места ниже, в XXXIII.1.6; Mṃ 104 (MTC II: 143 sq.); см. DR III: 111, п. 2.

Пава — см. XVI.4.13 и др. и соотв. примеч.

Нигантхи — см. примеч. к I.2.38; DR I: 74 sq.

Ты не знаешь... — ср. I.1.18.

...лишены основания (*bhinna-thūpe*)... — букв. «со сломанным надгробием», ср. DR III: 112 (*ibid.*, п. 1) — wrecked as it was of his support.

2. Чунда (*Cundo*) — согласно BS III: 907, по-видимому, тождественен монаху Махачунде (*Mahācunda*; ср. Thag I.142 (ThOP: 20); см. также выше, XVI.4.39), называвшемуся в юности «новообращенным» (*samañuddesa*, ср. DR III: 112 — Novice). Он был младшим братом Сарипутты, достигшим архатства благодаря своему усердию. См. PM I: 877–879; DR III: 112, п. 3.

Самагама (*Sāmagāma*) — деревня сакьев, где жили Ведханья и где проповедовал Будда (см. сутту Mṃ 104 — MTC II: 243–251). Возможно, тождественна совр. *Sāmadevī* к юго-западу от Nigīvā в Непале. Ср. PM II: 1099; DN: 861, Ann. 864.

4. ...не следует истине (на *dhammānudhamma-paṭipanno*)... — XVI.3.7.

...приобретение...прибыль (*lābhā... suladdham*; то же ниже, в XXIX.7 и 21; далее в XXIX.5 и 6: ...лишение... убыток... — *alābhā... dulladdham*)... — DR III: 113 (thou hast got thy opportunity... unlucky... in thy opportunity) поясняет (*ibid.*, п. 1), что в данном случае имеется в виду — можно полагать, с известной долей иронии — грядущее возрождение в человеческом облике. Ср. DW: 428, 608; DN: 501 ff. — das hast du recht getroffen... schlecht getroffen; BS III: 909; PR: 715.

8. ...хорошо обоснованным (*sappāṭihira-katam*)... — ср. IX.45; XVI.3.8; и др. Возможно и толкование «связанный с чудом», ср. PR: 680; DR III: 115 (*ibid.*, п. 1) — made a thing of saving grace for them.

...хорошо преподаанным (*suppakāsitam*)... — ср. XVI.3.8; DR II: 236.

11. ...рассудительных... — ср. XVI.3.7.

12. ...[подобных же]... — отдельные рукописи дают при каждом перечне 'pa', т.е. указывают на повторение соответствующих определений, другие — нет. Ср. DRC III: 123, п. 11. То же — в следующих параграфах.

...процветающим... — ср. XVI.3.8.

16. Уддака, сын Рамы (*Uddako... Rāmaputto*) — один из учителей Будды; согласно традиции, учил доктрине своего отца, брахмана Раму, состоянию «ни сознания, ни отсутствия сознания» (ср. четвертую ступень созерцания). Неудовлетворенный этим учением, Будда оставил Уддаку, однако и в дальнейшем относился к нему с большим уважением. Ср. PM I: 382–383; II: 732; Vp I.7 (VO I: 89); Mṃ 26 (MTC I: 165 и др.).

17. Итак, Чунда... — ср. XVI.3.50.

- ...строго следуя... — в тексте: *athena atthaṃ vyañjanena vyañjanam*.
 ...четыре установления... — см. XVI.3.50 и соотв. примеч.
 22. ...прикрывали (*hirikoṇāpaṭicchādanatthaṃ*)... — DR III: 122 пропускает эту деталь; DN: 508 переводит неточно — *die Scham und Schande bedecken zu können*. Ср. Mn 2 (MTC I: 10).
 23. ...не ведущих... — ср. XIX.61.
 ...улаждается, будучи наделен... — ср. I.3.20 и др.
 24. ...освободившись... — ср. о соответствующих ступенях I.3, 21 сл.; II.75 сл.; и др. и соотв. примеч.
 25. ...избавившись от трех уз... — ср. XVI.2.7; XIX.62 и соотв. примеч.
 26. ...камень у порога (*inda-khīlo*)... — ср. XX.3 и соотв. примеч.
 ...монах, уничтоживший... — ср. о 1–5 порочных свойствах XXXIII.2.1.(X); о 6–9 — XXXI.4; XXXIII.2.1 (XIX).
 27. Это — последнее рождение... — ср. XIV.1.29 и др.; DN: 864, Anm. 873.
 28. ...говорит вовремя... — ср. I.1.9.
 Поэтому он и зовется *Татхагатай*. — Ср. Предисловие. BS III: 914 (ср. DR III: 127, п. 1) поясняет это этимологизирование, читая *tathā-gado* («так говорящий»)
 29. И вот, Чунда... — ср. BS I: 65–66; DR III: 127, п. 2.
 ...победоносный... — ср. I.2.5.
 30. ...Татхагата существует... — ср. I.2.27; DR III: 127, п. 3.
 31. ...ведь это не приносит пользы... — ср. IX.33 и др.; выше, XXIX.24.
 34. ...связанных с прошлым... с будущим... — ср. I.1.29 сл. и соотв. примеч.; DN: 867 ff., Anm. 877. DR III: 128–129 — *The beginning of things... the end of things*; DN: 513 — *oberen Ende... unteren Ende*. Ср. Sn XII.17.7 sq. (SF II: 19 sq.).
 37. ...свое «я» имеет форму... — ср. I.1.38 и др.
 40. ...четырем установлениям... — ср. XXII.1.
 41. Упавана (*Upravāna*) — см. о нем XVI.5.4 и соотв. примеч.; PM I: 399–400; Thag II.185–186 (ThOP: 24).
 Как же называется... — ср. I.3.74.

XXX. «Лаккхана-сутта»

Lakkhaṇa (букв. «знак», «признак», ср. DR III: 137 — *The marks of the Superman*; DN: 516 — *Merkmale*) *sutta* названа в связи с детально описанными здесь «признаками великого человека» (ср. краткий их перечень в XIV.1.32 и соотв. примеч.), изложенными Буддой монахам в Саваттхи. Ср. также Weller 1923; Wayman 1957; Law 1933: 112–113; DR III: 132–136; DK III: XV–XVI; PM II: 767. См. BS III: 918–940; DAT III: 127–162.

1.1. ...Саваттхи... Джетаване... Анатхатиндики... — ср. IX.1 и соотв. примеч.; XIV.1.1; и др.

...«Монахи!» — «Да, господин!»... — ср. аналогичный зачин в XXII.1.

...тридцать два... — ср. XIV.1.31 сл., а также в связи с характеристикой царя–владыки мира XXVI.2; XVII.1.7 сл.; и др.

1.2 [1]. ...ноги... — см. с незначительными вариациями XIV.1.32 и соотв. примеч.

[28] ...как у каравики. — Ср. выше, примеч. к XIV.1.32 [28]. Следующему чтению DRC II: 18; ср. DR III: 138; DRC III: 144, п. 10. Ср. ниже, XXX.2.22.

1.4. ...доброму поведению... — ср. XXV.19 и др.

...уважению... — ср. XXVI.22 и др.

1.5. ...безопасную (*animittam*)... — ср. DR III: 139, п. 2.

- 1.7. ...*доставляя подобающую*... — ср. II.36.
- 1.8. ...*заведующие казной*... — ср. аналогичный перечень в XXVI.9.
- ...*царская знать* (*rājāno bhogiyā*)... — ср. DR III: 141 (*ibid.*, n. 3) — feudatories in chief; DN: 519 — fürstliche Vassalen.
- 1.9. Раккхасы (*rakkhasa*, *санскр.* *rākṣasa*) — разновидность злых демонов, асуров.
- 1.10. ...*стройное*... — 15-й признак.
- 1.12. ...*нежные, мягкие* (*mudu-taluṅguliyaṅguli'assa*)... — видимо, здесь результат контаминации 4-го («длинные пальцы») и 5-го («нежные, мягкие руки и ноги» — ср. ниже, XXX.1.16) признаков. Ср. DR III: 143 — Tender and soft his finger's touch; DN: 521 — Die Finger zart und fein gewachsen, vorgestreckt.
- 1.13. ...*изысканной*... — ср. III.2.20; XVI.4.18.
- 1.16. ...*четырьмя путями* (*catūhi saṃgaha-vatthūhi*)... — ср. XXXIII.1.11 (XL): *dānaṃ, peyuvajjam, atta-cariyā, samāna-tatā*; An IV.32; 253 (AMH II: 32, 248) и др.
- 1.21. Джамбудипа — ср. выше, примеч. к XIV.3.27; XVI.6.28.
- 1.26. ...*велик постижением, широк*... — ср. Mn 111 (MTC III: 25) и др. См. DR III: 149, п. 1.
- 1.27. ...*гладкой.. возвышенные*... — в тексте игра слов: *sukhuma... sukhumāni*.
- 1.30. ...*семь сокровищ*... — следуем чтению отдельных рукописей (ср. DRC III: 160, п. 16; DK III: 124). Ср. DN: 876, Anm. 896.
- 1.31. ...*соединял вместе*... — т.е., согласно BS III: 934, будучи правителем и спасая терпящих бедствия (ср. DR III: 152, п. 1).
- 2.8. ...*наделен хорошим пищеварением* (*sama-verākiniyā*)... — т.е. здоровым, с нормальной температурой (DR III: 157); ср. PR: 684.
- 2.10. ...*не рассеянно* (*na viṣaṭṭaṃ*)... — место не вполне ясное. Ср. PR: 639; DR III: 157 — looking not askance, nor obliquely, nor furtively; DN: 531 — nicht zerfahren, nicht flatterhaft wurde, und auch nicht befehlshaberisch; DRC III: 167, n. 5 sq.
- 2.16. ...*отказываясь*... — ср. XXX.2.16 сл., 19 сл., 22 сл., 25 сл. и I.1.9.
- 2.23. ...*захватывающая* (*ādeyya-vāco*)... — ср. BS III: 938; DR III: 162, n. 3.
- 2.26. *Ни одно*... — ср. выше, XXX.1.5.
- 2.27. ...*в граде трех небес* (*tividu-pura-vara-samo*)... — т.е. на небесах 33 богов (ср. PR: 301).
- ...*Сакке* (*sakka*)... — т.е., очевидно, владыке богов, Индре, с которым он сравнивается выше.
- Во [всех] сторонах света*... — в тексте: *disā ca paṭiḍisā ca vidisā cā ti*
- 2.28. ...*избегая обмана*... — ср. I.1.10.
- 2.31. *Изгоняет*... — ср. DR III: 167 (*ibid.*, n. 1).

XXXI. «Сингаловада-сутта»

Singālovāda (также *Sigālovāda*, *Siṅgāla* и др., ср. DRC III: 180, n. 1; DR III: 173, n. 1) *sutta* названа по имени юноши, которому Будда преподал соответствующее наставление, связанное с обязанностями домохозяина. Ср. Pannasiri 1950; DR III: 168–172; Law 1933: 113; DK III: XVI–XVII; PM II: 1133–1134). СП — «Назидание Сигале» (там же: 122–136 — перевод и анализ текста). См. BS III: 941–959; DAT III: 163–189.

1. ...*в бамбуковой роце* (*Veḷu-vane Kalandaka-nivāpe*)... — ср. выше, XVI.3.42 и соотв. примеч.; PM II: 936–939; I: 534.

Сингалака (*Siṅgālako*, также *Sigālako* и др., ср. выше; DRC III: 180, n. 2) — юноша, ставший последователем Будды.

- ...с влажными... — т.е. от омовения.
- ...нижней... верхней... — т.е. перед надиром и зенитом.
2. Пусть, *господин* (sādhū me)... — ср. аналогичное клише выше, в IV.22 и др.
- ...праведному поведению (Ariyassa vinaye)... — СП: 122, 135, примеч. 5 — «по арийскому уставу».
3. ...покрывает (paṭicchādi)... — т.е. охватывает, включает в себя, дарует защиту. СП: 123 — «обезопасив себе».
4. И сказав... — ср. аналогичную формулу, вводящую лирические изречения, выше, в XVII.17 и др.
8. ...бесстыдство (korīna-niddamsanī)... — букв. «снятие набедренной повязки», ср. PR: 229; DR III: 175 — indecent exposure.
9. ...подозревают... — согласно BS III: 946, в делах, совершенных другим — вором или прелюбодеем (ср. DR III: 175, п. 2).
10. ...где танцы... — ср. выше, I.1.13; DR III: 175, п. 3.
11. ...печален в мыслях (следуем чтению: cittam anusocati)... — другое чтение: vittam (т.е. «оплакивает имущество»), ср. DRC III: 183, п. 10; DK III: 141; ср. DR III: 175, п. 4. Считаю, однако, более предпочтительным воздержаться от этого варианта, так как он совпадает со следующей «опасностью».
- ...[ибо считают]... — здесь, очевидно, объяснение последней «опасности», ибо иначе таковых оказывается семь (ср. СП: 136, примеч. 13).
14. ...словно... жизнь (rāpasamā... paresam). — То есть к чужим женам (ср. выше); то же — DR III: 176; PR: 451. DN: 543 вряд ли основательно переводит: wie Tiere gleichviel welchen.
- Слишком холодно...* — ср. Thag I.231–233 (ThOP: 30).
19. ...бывает спутником... — ср. выше, XXXI.7.
22. ...неспособного следить (pamattam)... — т.е., например, согласно BS III: 949, — за опьяневшим другом, смотря, чтобы не украли его одежду. Ср. DR III: 179, п. 1.
26. Он привязывает (mittāni ganthati)... — ср. Sn X.12.13 (SF I: 214); DR III: 180, п. 2.
27. ...покрывает... — см. XXXI.3.
- ...восточная... мать и отец... — так как день начинается на востоке, как жизнь — благодаря родителям, юг и дары наставникам обозначаются одним словом (dakkhiṇā) и т.п.; ср. BS III: 952; DR III: 180, п. 4.
29. ...поднимаясь (uṭṭhānena)... — т.е. в знак приветствия.
- ...стремясь к обучению... — ср. возражения DR III: 181, п. 4 против толкования (Чайлдерсом; ср. также DN: 546) sussūsāya как «послушанием» (ссылка на отсутствие соответствующей заповеди в правилах буддийской общины). СП: 128 — «слова ловит».
- ...делают... славным (parivedenti)... — ср. DR III: 181 — speak well of him.
32. ...праведному (ayirakena — метатеза от ariyakena)... — ср. DR III: 182 (ibid., п. 2) — Ariyan master; DN: 547 — ein Herr; PR: 75 — master.
33. ...шестью... — любопытный пример нарушения числовой символики. DR III: 183; Предисловие. В то же время отдельные рукописи дают: «пятью» (pañcahi, ср. DRC III: 191, п. 4; СП: 129).
34. ...наделенный пониманием (paṭibhānavā)... — также «красноречивый», ср. PR 397; DR III: 183 (ibid., п. 1) — in this worship eloquent.
- Держащийся* (saṅgāhako)... — т.е. четырьмя путями (XXX.1.16); ср. другие места этой сутты; DR III: 183, п. 2.
- Добрый*... (vadaññū)... — ср. Sn I.5.9 (SF I: 34); DR III: 184, п. 1.
35. *Превосходно*... — ср. II.99 и др.

Āṭānāṭiya sutta названа так по обозначению определенного заклинания, призванного доставить последователям Будды защиту от враждебных им божеств (ср. DN: 549 — Unversehrbarer Schutz). Это заклинание сообщает Будде Вессавана, один из «Великих царей». Ср. DR III: 185–187; Law 1933: 113–114; DK III: XVII; PM I: 242. См. BS III: 960–970; DAT III: 190–210.

1. *Однажды...* — ср. XVI.1.1 и др.

...четыре Великих царя... — т.е. Кувера (или Вессавана), Дхатараттха, Вирупаккха и Вирулхака, боги-властители четырех сторон света. Ср. выше, XI.68 сл. и соотв. примеч.

...гандхаббов... яккхов... кумбхандов... нагов... — классы божеств, находящиеся соответственно в свитах «Великих царей» — Дхатараттхи, Вессаваны, Вирулхаки и Вирупаккхи. Ср. о них выше, в III.1.21; XX.9; и др. и соотв. примеч.

2. ...что стремятся... — XXIII.11; XXV.4.

Пусть... Благостный овладеет... — согласно BS III: 962, это охранительное заклинание (*rakkhaṃ*) и без того известное всезнающему Будде произносится здесь с его разрешения, чтобы просветить окружающих (ср. DR III: 189, п. 2).

Атанатия (*Āṭānāṭiyaṃ*) — название, возможно связанное с упомянутым ниже (XXXII.7) городом *Āṭānāṭā* (ср. DR III: 189, п. 3; PM I: 242).

3. ...Випасси... Сикхи... — заклинание начинается с возгласения хвалы всем семи Буддам (от Випасси и до Готамы), ср. выше, XIV.1.4 сл. и соотв. примеч.

...омывшемся (*nahātakassa*)... — брахман, завершивший учение, достигший совершенства в познаниях.

...Ангирасе (*Āṅgīrasa*)... — здесь несколько раз встречающееся в каноне обозначение Готамы Будды. Согласно традиционному преданию, род Готамы принадлежит к племени *Āṅgīrasa*, и имя это, по-видимому, патронимическое. Согласно традиционной этимологии, каждый из Будд — Ангираса, так как «тело его испускает лучи». Ср. PM I: 20; DR III: 189, п. 4.

4. и сл. *Дхатараттха... Индой... Вирулха...* — ср. выше, XX.9 и соотв. примеч.

...родича светила (*ādicca-bandhunaṃ*)... — здесь — эпитет Будды, ср. PR: 99.

Слава тебе... — ср. Thag 629, 1084, 1179 (ThOP: 64, 96, 106).

5. Петы (*Petā*, санскр. *preta*, букв. «ушедший», «умерший»)... — в буддийской традиции это обозначение может относиться к почитаемым душам предков (*mātā-pitāro*, ср. выше, XXXI.28 с аналогичным указанием на юг как местопребывание), а также (как и в настоящем тексте) к разновидности низших духов, ведущих горестное и нечестивое существование в наказание за проступки, совершенные в прежнем существовании. Ср. PR: 472.

...вредящие за стеной... — *piṭṭhi-mamsikā*. Ср. PR: 458; DR III: 191 — backbiters.

7. Куру — XV.1 и соотв. примеч.

Маханеру (*Mahāneru*) — легендарная гора в Гималаях, образующая центр мира. Популярна как в индуистской, так и в буддийской традиции. Употребительны и другие ее названия (*Синеру*, *Меру*, *Сумеру*, *Хемамеру*). Ср. PM II: 1136.

...лишенные себялюбия (*amamā apariggaḥā*)... — ср. DR III: 192, п. 3.

...красной пыльцы... — ср. выше о пище древних, XXVII.16.

...на раскаленных камнях... — следуем толкованию BS III: 965 — *tuṇḍi-kīre*, принятому в DR III: 192 (ср. *ibid.*, п. 5) — boiling on hot oven-stones. DN: 554 (*ibid.*: 903, Anm. 943) видит здесь обозначение определенного вида огурца (*tuṇḍikīro* = *tuṇḍikerī* ist eine melonepartige Gurke, *Momordica Monadelpha Roxb.*) и переводит: Mit Gurken wird er eingemacht.

Оседлав быка с одним лишь копытом (*gāvim eka-khuraṃ katvā*)... — BS III: 965 толкует это выражение как «взобравшись на спину» (*taṃ piṭṭhi abhiruḥya*), ср. DR III: 193 (*ibid.*,

п. 1) — They make of kine a single-seated mount. And so they ride about the land. Толкование DN: 554, видящего здесь состязание на упряжных животных (Auf Stiergespannen Huf bei Huf Im Wettlauf, ziehen Sie rings dahin), представляется сомнительным.

Атаната (Ātānātā Kusinātā Parakusinātā Nāṭapuriyā Parakusitanātā... Kapīvanto, Janogham... Navanavatiyo Ambara-Ambaravatiyo, Ālakamandā... Visāṇā, ср. отдельные разночтения: DRC III: 200, п. 7, 8; 201, п. 1; DK III: 154, п. 9–13)... — ср. о соответствующих легендарных городах в царстве Куверы: PM I: 242, 653; II: 146, 48; I: 520, 937; II: 39, 158, 290, 904 (о столице Алакманде см. также выше, XVI.5.18; XVII.1.3 и соотв. примеч.). DN: 555 переводит соответствующие названия, следуя (впрочем, достаточно произвольно) их возможной этимологии (Uneinnehmbar, die Sichre Stadt и т.д.).

Татола (Tatolā Tattalā Tatotalā Ojasi Tejasi Tatojasi Sūro Rājā Aritṭho Nemi — ср. DRC III: 201, п. 4; DK III: 154, п. 15)... — о соответствующих посланцах и вестниках Куверы ср. PM I: 989, 463, 1035, 989; II: 1274, 727; I: 175; II: 85. Возможно, Sūro gājā — имя одного лица (ср. PM II: 1275). DN: 535 (ср. ibid.: 903, Anm. 945) читает последние слова: «Царь их зовется Ариттханеми».

Дхарани (Dharaṇī — «несущее», «вмещающее») — ср. PM I: 1156.

...зал (sabhā)... — ср. XXI.1.12 и др.

Бхагалавати (Bhagalavati, другое чтение: Sālavati, ср. DRC III: 201, п. 5 — место собрания яккхов в царстве Куверы; согласно комментарию (BS III: 967), представляло собой отделанный драгоценностями павильон на берегу Дхарани, названной так по имени растущего вокруг вьющегося растения Bhagalavati. Ср. PM II: 343.

Дживандживака (jīvaṃ jīvaka) — ономаатопозитическое название определенной птицы (очевидно, разнovidность фазана или куропатки), чей крик напоминает соответствующее созвучие (букв. «живи, живи»).

...бодрящие сердце (oṭṭhava-cittakā, ср. DRC III: 201, п. 10)... — ср. DR III: 194 (ibid., п. 1 со ссылкой на BS III: 967) — and he who sings: “O lift your hearts!”

Фазаны (kukutthakā) — ср. санскр. Kukkutaka, *Phasianus Gallus*; кулираки — kulīrakā (?); журавли (pokkhara-sātakā) — *Ardea Siberica*, вид журавля. Ср. DR III: 194, п. 2.

...скворцов (sālīka, санскр. sārīka)... — *Turdus Sarica*, птица из семейства скворцов; подобно попугаю, способна подражать человеческой речи и обычно упоминается рядом с ним в индийских литературных текстах, ср., например, «Панчатантра» (версия Пурнабхадры, IV.6, стих 42); ПС: 265.

Дандаманавати — не вполне ясно, что имеется в виду под daṇḍa-mānavakāni (букв. «палка» и «юноша», «юный»). DR III: 194 — and harpies called by men Red-mannikins; DN: 536 видит здесь описание голосов попугаев и скворцов — Bald shrill und bald nach Menschenart.

8. ...словно пустой горшок (rittam pi pattaṃ). — Ср. DR III: 195.

...разобьют ему голову... — ср. выше, III.1.20 сл.; и др.

10. Инда (Indo Somo Varuṇo [DRC III: 204 дает Varuṇo, исправленное нами по смыслу]... Bhāradvājo Pajāpati, Candano Kāmasetṭho... Kinnughanḍu Nighanḍu... Panādo Opamañño... Mātali, Cittaseno... Naḷo... Janesabho, Sātāgiro Hemavato Puṇṇako Karatiyo Gulo, Sīvako Mucalindo... Vessāmitto Yugandharo Gopālo Suppagedho... Hirī Nettī... Mandiyo Pañcala-caṇḍo Ālavako Pajjunno Sumano Sumukho Dadhimukho Maṇi Māñicarō Dīgho... Serissako, ср. отдельные разночтения: DRC III: 204, п. 4–5; 205, п. 1–10 (DRC III: 204 — Varuṇo); DK III: 164 (ibid., п. 1) — часть этих божеств уже упоминалась выше в текстах Dn (см. DR III: 266–267; ср. DN: 906, Anm. 949). Об Инде, Соме Варуне, Паджапати ср. выше, XIII.25 и др. и соотв. примеч. Бхарадваджа — предводитель яккхов, очевидно не тождественный упомянутому выше (XIII.13) мудрецу, ср. PM II: 374; все имена от Чанданы до Джанесаби упоминаются в XX.10 (см. соотв. примеч.), где, можно полагать, отчасти имеются в виду

не предводители яккхов (Чандана, Камасетгха, Киннугханду, Нигханду, Панада, Опаманья — см. соответственно РМ I: 847, 567, 603; II: 71, 139; I: 465), а категории сопровождающих их божеств (см. Указатель). Ср. непоследовательные толкования DR II: 288 (The driver of the gods); DR III: 196 и 266 (Devasūta); DR II: 288 (Nala), DR III: 196 (Naḷa, Rāja); подробнее об упомянутых далее предводителях яккхов см.: о Сагагире — РМ II: 1091–1093; его друге Хемавате — РМ II: 1330; Пуннаке, племяннике Вессаваны — РМ II: 224; Каратие — РМ I: 531; Гуле — РМ I: 779; Сиваке — РМ II: 1161; Мучалинде — РМ II: 639; о предводителе пятисот яккхов Вессамитте — выше, XX.8 и соотв. примеч.; Югандхаре — РМ II: 695; Гопале — РМ I: 818; Суппагедхе — РМ II: 1219; Хири — РМ II: 1327; Нетти — РМ II: 85; Панчалачанде — РМ II: 109; Алаваке — РМ I: 291–293 (ср. I: 220 сл., 239 сл.); о Паджджунне, боге дождя, см. выше, XX.17 и соотв. примеч. (ср. РМ II: 98); Сумане — РМ II: 1242; Сумукхе — РМ II: 1249; Дадхимукхе — РМ I: 1055; Мани — РМ II: 422; Маничаре — РМ II: 599; Дигхе — РМ I: 1079; Сериссакке — РМ II: 1286.

12. ...*следует повторение*... — ср. DRC III: 206. DR III: 196 опускает этот повтор (§ 12) и от исчезновения божеств сразу переходит к заключительным словам Будды (§ 13).

XXXIII. «Сангити-сутта»

Saṅgīti (букв. «произнесенное», «пропетое», «преподанное как текст», DR III: 201 — The recital; DN: 559 — Übereinkunft) *sutta* — сутта, преподанная в Паве ближайшим учеником Будды Сарипуттой, близкая по форме изложения к An (ср. Предисловие). Текст этот, весьма чтимый сарвастивадинами, включен под названием *Saṅgītipariyāya* в их канон Абхидхаммы. Вместе с тем в рамках Dn она, как и следующая сутта XXXIV, считается относительно поздним текстом. Значительная ее часть повторяется в XXXIV; сходным образом и здесь отдельные детали перечисляемых групп представляются не столь однозначными и допускают различные толкования, в частности, в отношении отдельных достаточно ёмких понятий (*viññāṇa*, *saññā* и др.). Ср. Weller 1928с; Rhys Davids 1935; Waldschmidt 1955; Stache-Rosen 1957–1968, II; DR III: 198–200; DW: 615 sq.; Law 1933: 114; DK III: XVIII–XIX; РМ II: 986–987. См. BS III: 971–1052; DAT III: 211–353.

1.1. ...*странствуя* (*sārikaṃ caramāno*)... — ср. выше, XIV.3.22 и др.

...*маллов*... *Паву*... *Чунды*... — ср. XVI.4.13 и соотв. примеч.

1.2. Уббхатака (*Ubbhāṭaka*, букв. «стоящий прямо») — зал, место для собраний (*santhāgāra*, ср. III.1.13 и др.), названный так, согласно BS III: 971, за свою высоту. Ср. DR III: 201, п. 3; РМ I: 425.

1.3. ...*узнав о согласии*... — ср. XVI.1.21–22 и соотв. примеч.

1.4. ...*наставив*... — ср. XVI.1.25; IV.27.

...*васеттхи*... — см. XVI.5.19 сл. и соотв. примеч.; DR III: 202, н. 2.

1.5. ...*всецело пребывающих в безмолвии* (*tuñhī-bhūtaṃ tuñhī-bhūtaṃ*)... — ср. BS III: 973; DR III: 202, н. 3 — wherever he looked, there that part was silent.

Сарипутта — ср. XIV.1.9 и др. и соотв. примеч. См. Migot 1954.

...*расстелил*... — ср. XVI.4.39–40, 5.1.

1.6. Нигантха Натхапутта — ср. XXIX.1; XVI.5.26.

1.7. [1 пример числового комплекса из одного элемента]

(I) ...*одна вещь*... — переводим так по смыслу (и далее соответственно — *dve dhammā*, *taṃ dhammā* и т.д.). Возможен, например, и перевод — «одинарная истина» («учение»), «двойная истина», «тройная истина» и т.п. Ср. DR III: 204 — Single doctrine... Double doctrines... Triple doctrines... Fourfold doctrines...; DN: 562 sq. — ein Ding genau erklärt... zwei Dinge... drei Dinge...

1.8. ...*причине... совокупности...* — следуем толкованию āhāra BS III: 974 (букв. «пища»). Ср. ниже, XXXIII.1.11 (XVII) о четырех ее видах: собственно пища, соприкосновение, намерение и сознание (связанное с новым рождением). Ср. An X.27.6; 28.4 (AMH V: 50, 55); Sn XLVI.1.2 (SF V: 5, 64, 65); PR: 117. О saṃkhāra как совокупности условий, ведущих к реализации данного процесса, — PR: 664–665. См. DR III: 204 (ibid., n. 2) — through causes... through conditions; DN: 562 (ibid.: 908 ff., Anm. 955) — durch Nahrung... durch Unterscheidung (?). Здесь и ниже сутты XXXIII и XXXIV содержат многочисленные параллели с An, построение которой они повторяют (ср. DRC III: 212 sq.).

1.9. [(I)–(XXXIII)] **числовые комплексы — из 2 элементов**

(I) *Имя...* — ср. выше, XI.85; XIV.2.18 сл.; и др. и соотв. примеч.; XXXIV.1.3. (III); An II.9.3 (AMH I: 83).

(II) *Незнание (avijjā)...* — XXXIV.1.3 (IV); An IV.251 (AMH II: 247).

(III) ...[*Ложное*]... — An II.9.5 (AMH I: 83).

(IV) *Бесстыдство (ahirikaṃ ca anotappaṃ ca)...* — An II.1.7; 9.6; 16.5 sq. (AMH I: 51, 83, 95 sq.).

(V) *Стыд...* — An II.1.8–9; 9.7; 16.10 sq. (AMH I: 51, 83, 95 sq.). Согласно BS III: 978 (ср. DR III: 205, n. 2), это относится к оценке соседа; предыдущая пара — к оценке самого себя.

(VI) *Жесткость...* — XXXIV.1.3 (V); An II.9.8 (AMH I: 83).

(VII) *Мягкость...* — XXXIV.1.3 (VI); An II.9.9 (AMH I: 83).

(VIII) *Умение... оскорбления...* — An II.9.11 (AMH I: 84).

(IX) *Умение... достижения...* — An II.15.1 (AMH I: 84). Под samāpatti здесь могут подразумевать ступени совершенства (jhāna), ср. DR III: 205.

(X) *Умение... элементах...* — An II.9.10 (AMH I: 83). Dhātu по смыслу близко здесь к понятию составной части, члена определенногo множества, числового комплекса и т.п. Слово это часто прилагается к обозначению 18 элементов, обуславливающих восприятие и мыслительные процессы, сознание. Они связаны с учением о «сферах восприятия» (āyatana, ср. XXII.15 сл.; XXVIII.4; и др., см. ниже) — 5 органов чувств + разум, для каждой из которых существуют в качестве элемента соответствующие объекты восприятия, орган и акт сознания (ср. NBD: 44; PR: 340; ФБЭ: 320–321 (В.Г. Лысенко)).

(XI) *Умение... в зависимом (paṭiccasamuppāda)...* — ср. выше, XV.1 сл.

(XII) *Умение... основаниях (thāna... atthāna)...* — имеется в виду первая из десяти способностей Будды, связанная с пониманием возможного и невозможного, истинных и ложных умозаключений. Ср. Mn I.12 (MTC I: 69 sq.); An X.21 (AMH V: 33 sq.); PR: 289; DR III: 205, n. 6.

(XIII) *Прямота...* — An II.15.2 (AMH I: 94).

(XIV) *Терпеливость...* — An II.15.3 (AMH I: 94).

(XV) *Дружелюбие...* — An II.15.4 (AMH I: 94).

(XVI) *Непричинение зла (avihimsā)...* — An II.15.5 (AMH I: 94).

(XVII) *Утрата...* — An II.15.16 (AMH I: 95).

(XVIII) *Способность...* — XXXIV.1.2 (I); An II.15.17 (AMH I: 95), ср. DR III: 206, n. 5.

(XIX) *Неохранение (indriyesu agutta-dvārātā)...* — An II.15.6 (AMH I: 94); ср. II.42 и соотв. примеч.

(XX) *Охрана...* — An II.15.7 (AMH I: 94).

(XXI) *Сила (Paṭisaṅkhāna... bhāvanā)...* — An II.2.1 sq.; 15.8 (AMH I: 52 sq., 94); PR: 400.

(XXII) *Сила способности...* — An II.15.9 (AMH I: 94).

(XXIII) *Спокойствие...* — XXXIV.1.3 (II); An II.4.10; 15.10; 17.3, 5 (AMH I: 61, 95, 100).

(XXV) *Энергия (paggaho)...* — An II.9.2 (AMH I: 83).

(XXVI) *Обретение...* — An II.16.12 (AMH I: 95).

- (XXVII) *Порча* (sīla-vipatti)... — An II.15.11 (AMH I: 95); ср. DR III: 206, п. 10.
- (XXVIII) *Чистота*... — An II.15.13 (AMH I: 95).
- (XXIX) *Чистота... усилие*... — An II.15.14 (AMH I: 95).
- (XXX) *Возбуждение*... — An IV.113.5 sq. (AMH II: 115).
- (XXXI) *Неудовлетворенность... неустойчивость* (asantuttḥitā... appaṭivānitā)... — An II.15.15 (AMH I: 95).
- (XXXII) [*Высшее*] *знание* (vijjā... vimutti)... — XXXIV.1.3 (X); An II.9.4; IV.251 (AMH I: 83; II: 247); под «освобождением», согласно BS III: 984–985, имеется в виду достижение ниббаны. Ср. DR III: 207, п. 1–2.
- (XXXIII) *Знание* (khaṇe... anupṛāde)... — ср. XXXIV.1.3 (VIII).
- 1.10. [(I)–(LX)] *числовые комплексы — из 3 элементов***
- (I) ...*алчность*... — XXXIV.1.4 (I); An III.69.1 (AMH I: 201).
- (II) ...*отсутствие алчности*... — XXXIV.1.4 (II); An III.69.6 (AMH I: 203). Ср. DR III: 207, п. 4.
- (III) ...*дурное поведение*... — An II.1.1 сл.; 2.1; III.2, 17, 35; и др. (AMH I: 49, 52, 102, 114, 138 и др.), а также параллели из Mn и Sn (DRC III: 214, п. 11).
- (IV) ...*доброе поведение*... — An II.1.1 сл.; 2.7 сл.; 4.3; III.2 и др. (AMH I: 49, 57 sq., 62, 102 и др.).
- (V) ...*помысел чувственности*... — ср. XVII.2.2; An III.40.2, 122 и др. (AMH I: 148, 275 и др.); DR III: 208, п. 1.
- (VI) ...*помысел отречения* (nekkhamma)... — An III.122 (AMH I: 275); DR III: 208, п. 2.
- (VII) ...*намерение чувственности* (saṃkappo)... — An X.20.10 (AMH V: 31); DR III: 208, п. 3.
- (IX) ...*сознание чувственности* (saññā)... — An VI.74.2, 110.2 (AMH IV: 428, 446).
- (X) ...*сознание отречения*... — An VI.75.4, 110.3 (AMH III: 429, 447).
- (XI) ...*элемент чувственности* (kāma-dhātu)... — An VI.111.2 сл. (AMH III: 447). См. выше, примеч. к XXXIII.1.9.
- (XIII) ...*чувственности... наделенного образом* (kāma... gūra... aḡūra)... — XXXIV.1.4 (IX); An III.76.1–3 (AMH I: 223). Согласно BS III: 987 sq., здесь имеются в виду три мира, достигаемые существами в следующих рожденьях: 1) низшие сферы, связанные с чувственностью; 2) мир Брахмы; 3) высший мир, «лишенный образа». Ср. DR III: 208, п. 4; PR: 574.
- (XIV) ...*элемент прекращения*. — Другая аналогичная триада (пропущенная в отдельных версиях), где nirodha, по-видимому, означает ниббану. Ср. DR III: 208, п. 5; PR: 371.
- (XV) ...*низший* (hīnā... majjhimā... paṭīṭā)... — здесь, возможно, имеются в виду группы дурных, «средних» (мирских) и возвышенных помыслов. Ср. DR III: 208, п. 6 со ссылкой на «Бахудхатука-сутту», Mn 115 (MTC III: 61 sq.).
- (XVI) ...*жажда чувственности... существования*. — Ср. XXXIV.1.4 (IV).
- (XVII) ...*чувственности... наделенного образом*... — ср. эту и следующую триады с перечисленным выше (XIII и XIV); DR III: 209, п. 1.
- (XIX) ...*на свое тело* (sakkāya)... — An III.92.4 (AMH I: 242), т.е. на постоянство личности с ее физическими и умственными способностями. Ср. PR: 660; DR III: 209, п. 2; 210, п. 1; ср. ниже, XXV.
- (XX) ...*порочных свойств* (āsavā)... — ср. XVI.1.14 и др. (см. соотв. примеч.), где их четыре (с добавлением «ложных воззрений»); An III.58.5 (AMH I: 165) и др.
- (XXI) ...*становления* (bhavā)... — XV.5 (и соотв. примеч.); An III.76.1–3; VI.105.2 (AMH II: 223; III: 444).
- (XXII) ...*стремление* (esaṇā) — An X.20.9 (AMH V: 31).

- (XXXIII) ...*вида* (vidhā)... — согласно BS III: 990, первый относится к царям и отшельникам, второй — к должностным лицам при царе, третий — к слугам (DR III.209, п. 5).
- (XXV) ...*конца* (antā)... — An VI.61.7 (AMH III: 401).
- (XXXVI) ...*ощущения* (vedanā)... — XXXIV.1.4 (II); An VI.61.4 (AMH III: 400) и др.
- (XXVII) ...*страдания* (dukkhatā)... — ср. Sn XXXVIII.14; XLV.165 (SF IV: 259; V: 56). Т.е. от непосредственной боли, от сознания подверженности рождению, старости, смерти и от сознания, что нынешняя радость может смениться горем (ср. BS III: 992; DR III: 210, п. 3).
- (XXXVIII) ...*совокупности* (rāsi)... — ср. PR: 570–571; DR III: 210, п. 4.
- (XXX) ...[*вещи*] (ārakkheyāni)... — An VII.55.1 sq. (AMH IV: 82); ср. выше, XXXIII.1.10 (IV).
- (XXXI) ...*препятствия* (kiñcanā)... — ср. PR: 214. DR III: 210 (ibid., п. 7) — obstacles; An II.2.1 (AMH I: 52) и др. Ср. выше, XXXIII.1.10 (I).
- (XXXII) ...*огонь*... — An VII.43.2 (AMH IV: 41); DR III: 211.
- (XXXV) ...*совокупности* (saṃkhārā)... — ср. DR III: 211 (ibid., п. 3) — accumulations. ...*неподвижного* (āneñja, ср. также ānañja- DRC III: 217, п. 8). — То есть, согласно BS III: 998, факторов, ведущих к высшим, «лишенным образа» результатам (рождение в мирах arūpa). Ср. DR III: 211, п. 3а.
- (XXXVI) ...*ни нуждающегося* (n'eva sekho nāsakho)... — т.е. обыкновенного, простого человека (puṭhujjana), ср. DR III: 211, п. 4.
- (XXXVIII) ...*основания добрых дел*... — An VIII.360.2 (AMH IV: 241). ...*самовоспитания* (bhāvanā). — Ср. PR: 503; DR III: 211 — of study (?).
- (XL) ...*существования в чувственном мире* (kāmapattiyo). — Ср. DR III: 211–212 (ibid., п. 1) — Three uprisings of desire connected with sense; DN: 564 — dreierlei Wiederkehr zu Wunschbereichen.
- ...*страдания* (vinipātikā). — То есть в преисподней, ср. II.95 и др.
- ...*сотворенными* (nimmita)... *нимманарати*... *параниммитта-васаватти*. — Ср. выше, XI.72 сл. и соотв. примеч.
- (XLI) ...*к свите Брахмы* (Brahma-kāyikā)... *абхассара*... *субхакинна*. — Ср. XI.79; XV.33; и др. и соотв. примеч. Букв. «распространяющие лучи» и «испускающие блеск»; ср. соотв. PM II: 33 сл.; I: 278 сл.; II: 1229.
- ...*облитые*... — ср. II.75 и др.
- (XLII) ...*познания*... — ср. выше, XXXIII.1.10 (XXXVI).
- ...*обучении*... — An III.88; VI.105.3 (AMH I: 235, III: 444).
- (XLVIII) ...*самовоспитание тела* (kāye-bhāvanā) — согласно Абхидхамме, относится к психофизиологическому аспекту чувств. Ср. DR III: 213, п. 3.
- (XLIX) ...*непревзойденного*... — ср. Mn I.4.5 (MTC I: 235).
- (L) ...*сосредоточенности*... — XXXIV.1.4 (II).
- ...*устремленным* (savitakko savicāro)... — ср. выше, I.3.21; XXVIII.6 и др.
- (LI) ...*чистоты*... — An III.118 (AMH I: 271).
- (LII) ...*подвижничества* (moneyyāni)... — An III.120 (AMH I: 273).
- (LV) ...*опьянения*... — An III.39.1 (AMH I: 146).
- (LVI) ...*господства*... — An III.40 (AMH I: 147).
- (LVIII) ...*мудрость знания* (pubbe-nivāsānussati-ñāṇaṃ vijjā)... — XXXIV.1.4 (X); An X.102.2 sq. (AMH V: 211); ср. XXVIII.16.
- ...*порочных* (āsavaṇaṃ). — Ср. выше, XXXIII.1.10 (XX).
- (LIX) ...*состояние* (vihāṅā)... — ср. PR: 642 — соотв. «высшее состояние (сердца)», состояние божества, наилучшее состояние; DR III: 214, п. 2 — соотв. достижение ступеней совершенства (jhāna), состояние единства с Брахмой в результате четырехкратного мысленного проникновения в стороны света (ср. XIII.76 сл.), наслаждение плодами праведности.

(LX) ...чудес (paṭīhāriyāni)... — ср. XI.3 и соотв. примеч.; An III.60.4; XI.11.5 (AMH I: 170; V: 327).

1.11. [(I)–(L) **числовые комплексы — из 4 элементов**]

(I) ...установления (satipaṭṭhānā)... — см. XXII.1 и соотв. примеч.; XXXIV.1.5 (II); An IX.63.4 (AMH IV: 457) и др.

(II) ...усилия (padhānā). — Ср. XXII.21 (= vāyāto, как одно из звеньев «восьмичленно-го пути») и соотв. примеч.; An I.20.4; III.152; IV.13, 271.2; IX.73.4 (AMH I: 39, 296; II.15, 256; IV.462).

(III) ...основания (iddhipādā)... — ср. XVIII.22 (с изменением порядка 2-го и 3-го членов) и соотв. примеч.; An I.20.18; IV.271; V.67.2 (AMH I: 39; II: 256; III: 82) и др.

(IV) ...ступени созерцания (jhānāni). — Ср. выше, I.3.21 сл.; IX.10 сл.; XXI.24; и др.; An II.2.3 (AMH I: 53).

(V) ...самовоспитания в сосредоточенности (samādhi-bhāvanā). — An IV.41 (AMH II: 44).

...к способности (āloka-saññam)... — ср. выше, XXV.16; PR: 110; согласно BS III: 1008, это происходит с помощью света, исходящего от солнца, луны, драгоценностей и т.д. Ср. DR III: 215 (ibid., п. 5) — attends to the sensation of light. Ср. DN: 926–929, Anm. 969.

...ощущения... восприятия... суждения... — в тексте: vedanā... saññā... vitakkā.

...пяти групп (pañcas' upādāna-kkhandhesu)... — ср. выше, XIV.2.22; XXII.14 и соотв. примеч.

(VI) ...безграничности (appamaññāyo). — Ср. выше, XIII.76 сл.; XVII.2.4; и др. и соотв. примеч.; An III.63; IV.125, 190.4; V.192.3; IX.18.10; X.208.1; XI.17.5 (AMH I: 183; II: 128, 184; III: 225; IV: 390; V: 299, 344) и др. DR III: 216 (ср. ibid., п. 1) — «infinitudes».

(VII) ...лишенного форм (arūpā). — Ср. IX.14 сл.; XVI.3.33 и соотв. примеч., где это соответствует ступеням 4–7 освобождения; An IV.190.5 (AMH II: 184).

(VIII) ...опоры (apassenāni). — Ср. PR: 53.

(IX) ...праведных (ariya-vamsā). — Ср. An IV.28 (AMH II: 27), ср. о соответствующих реквизитах: PR: 78; выше, II.36 и др.

...нежадный... — ср. XXV.13.

(X) ...усилие (padhānāni)... — An IV.14 (AMH II: 16).

...видя глазом образ... — ср. II.64.

...чувственным... — ср. выше, XXXIII.1.10 (XI).

...звено просветления (sambojjhaṅgam)... — ср. XVI.1.9; XXII.16; XXVIII.9.

...созревшее в самоотдаче (vossagga-pariṇāṃim)... — т.е. в стремлении к ниббане, синонимами которой, согласно BS III: 1019, являются и предыдущие определения соответствующего звена просветления. Ср. DR III: 218 (ibid., п. 2, 3) — wherein is maturity of self-surrender.

(XI) ...знание дхаммы (dhamme... anvaye... paricchede... sammuti)... — ср. XXXIV.1.5 (VIII); DR III: 218 (ibid., п. 5–7) — Doctrine... its corollaries... what is in another's consciousness... popular knowledge; DN: 570 — Satzung... Folgerung... Einzelnen... Allgemeinen.

(XII) ...вступления в поток (sotāpatiyaṅgāni)... — ср. Sn LV.50 (SF V: 404); выше, XII.13 и др.

...истины (dhamma)... — ср. выше, XXVIII.19 и др.

(XIV) ...признака... — см. выше, XVI.2.9 и соотв. примеч.; An IX.127.4; X.92.5 (AMH IV: 406; V: 183); и др.

(XV) ...плода (sāmañña-phalāni)... — ср. название сутты II; XXIX.25; An VI.98.1 (AMH III: 272, 273, 441).

(XVI) ...элемента (dhātuyo)... — ср. выше, XXII.6; An III.75.3; IV.177 (AMH I: 222; II: 164); и др.

(XVII) ...*пропитания* (kabalīnkāro... phasso... mano-sañcetanā... viññāṇaṃ)... — XXXIV.1.5 (III); ср. DR III: 219, п. 3.

(XVIII) ...*состояния* (viññāṇa-tṭhitiyo)... — Sn XXII.54 (SF III: 54–55), т.е. состояния, обуславливаемые сочетанием viññāṇa с каждой из остальных четырех составляющих скандх (khandha, ср. выше, XIV.2.22 и др. и соотв. примеч.); PR: 232 сл.; ср. DR III: 219–220, п. 1.

(XIX) ...*ложных пути* (agati-gamanāni)... — ср. XXXI.5 и др.; An II.5.5; IV.17 (AMH I: 71; II: 18) и др.

(XX) ...*жажды*. — An IV.9 (AMH II: 10, 254) и др.

...*изысканной пищи*. — Ср. DR III: 220, п. 3 (oil, honey, ghee etc.).

(XXI) ...*пути* (paṭipadā)... — ср. выше, XXVIII.10; An IV.161–163, 166; X.29.8 (AMH II: 149; V: 63).

(XXII) ...*путь нетерпения*... — An IV.164, 165 (AMH II: 152).

(XXIII) ...*части... истины* (dhamma-padāni)... — An IV.29, 30 (AMH II: 29).

(XXIV) ...*благочестивого поведения* (dhamma-samādānāni). — То есть отличающего соответственно: некоторые направления аскетов (acelaka); учеников, изо всех сил подавляющих свои страсти; людей, отдающих дань чувственным побуждениям; членов буддийской общины (DR III: 221, п. 1).

(XXV) ...*раздела учения* (dhamma-kkhandhā)... — An III.26, 57.1 (AMH I: 125, 162).

(XXVI) ...*силы* (balāni)... — An IV.152–154 (AMH II: 141). Ср. также о пяти «силах» (с прибавлением saddhā — «веры») Mn III.5.9 (MTC III: 296); Sn XXII.81.11 (SF III: 96); An IV.163 (AMH II: 150); и др.; выше, XVI.3.50; о семи — ниже, XXXIII.2.3 (IX).

(XXVII) ...*ответа* (pañha-vyākaraṇā)... — An III.67.2; IV.42 (AMH I: 197; II: 46); ср. DR III: 221, п. 3.

(XXIX) ...*действий*. — An IV.231 (AMH II: 230); ср. DR III: 221, п. 4.

(XXX) ...*вещи... испытаны* (sacchikaraṇiṃ dhammā). — An IV.189 (AMH II: 182).

...*оставляют существование* (cutūparāto)... — ср. XXVIII.17.

Восемь [ступеней]... — ср. XV.35; XVI.3.33 и соотв. примеч.; ниже, XXXIII.3.1 (XI).

...*органами чувств* (kāyena). — Ср. ниже, XXXIII.2.2 (III и сл.).

(XXXI) ...*потока*... — здесь ogha, видимо, тождественен по значению āsava. Ср. XXXIV.1.5 (IV) и др.; PR: 164; см. выше, XVI.1.12 и др.

(XXXII) ...*уз...* — XXXIV.1.5 (V); An IV.10 (AMH II: 10) и др.

(XXXIII) ...*освобождения*... — XXXIV.1.5 (VI); An IV.10.2 (AMH II: 11).

(XXXIV) ...*узла* (ganthā)... — т.е. связывающих с сансарой; ср. PR: 243; Sn LV.174 (SF V: 59); ср. выше, XXXIII.1.10 (XIV).

(XXXV) ...*стремления* (upādānāni)... — ср. XV.6 и соотв. примеч. и др.

(XXXVI) ...*породы* (yoṇiyo)... — ср. Mn I.2.2 (MTC I: 73). Классификация эта отражает распространенные в древней Индии биологические представления. Под «самопроизвольно родившимися» (orarāṭika, ср. I.2.27 и др.) здесь имеются в виду божественные существа.

(XXXVII) ...*нисхождения в чрево* (gabbhāvakkantiyo)... — см. выше, XXVIII.5.

(XXXVIII) ...*обретения* (attabhāva-paṭilābhā)... — An IV.172 (AMH II: 159); ср. PR: 22–23; выше, IX.39 сл.; второй из перечисленных здесь видов может быть проиллюстрирован убийством животного мясником. Другие — судьбой божеств в I.2.7 сл. Ср. DR III: 222 (ibid., п. 4) — acquiring new personality; DN 572 — Selbstentwicklung.

...*умонастроение* (saṃcetanā)... — ср. XXII.19 и соотв. примеч.; ниже, XXXIII.2.2 (VII); PR: 669; DR III: 222 — volition; DN: 572 — Verständnisse.

(XXXIX) ...*чистоты* (dakkhiṇā-visuddhiyo)... — An IV.78 (AMH II: 80).

(XL) ...*пути dobroго обхождения*... — см. выше, XXX.1.16; An IV.32 (AMH III: 32).

(XLI) ...*неправедного разговора*... — ср. I.1.9 и др.

(XLIII) *Другие четыре...* — An IV.247–250; VIII.67, 68 (AMH II: 246; IV.307).
...*продуманном...* — возможно, под *muta* подразумеваются три других чувства (кроме зрения и слуха). См. DR III: 223, п. 4.

(XLVII) ...*личностей* (*puggalā*). — An IV.198 (AMH II: 205).

...*сущностью Брахму* (*brahma-bhūtena attanā*). — Ср. выше, XXVII.9; DR III: 223, п. 5.

(XLVIII) ...*следуют собственному...* — An IV.95 (AMH II: 95); ср. DR III: 224, п. 1.

(XLIX) ...*из тьмы в тьму* (*tamo tama-parāyano*)... — An IV.85 (AMH II: 85); ср. выше, XXXIII.1.11 (XXIX).

(L) ...*непоколебимый* (*acalo... padumo... puṇḍarīko... sukhumālo*)... — An IV.85 (AMH II: 85); ср. PR: 410 (*paduma* — *Nelumbium Speciosum*); DN: 574; DR III: 224 (*ibid.*, п. 3) — *unshaken... blue (?) lotus... white lotus... exquisite*. Типы эти соответствуют четырем путям, реализуемым праведными личностями (*ariya-puggala*): «вступление в поток» и т.д. (ср. выше, XXXIII.1.11 (XV)).

2.1. [(I)–(XXVI)] **числовые комплексы — из 5 элементов**

(I) ...*[групп] составляющих* (*kkhandhā*)... — An IV.200.9 (AMH II: 214) и др. Ср. выше, XIV.2.22 и соотв. примеч.; XXXIII.1.11 (XVIII). См. ФБЭ: 638–641 (В.Г. Лысенко).

(II) ...*на стремлении* (*upādāna-kkhandhā*)... — XXXIV.1.6 (III); An IV.41.5, 90.3; IX.66; X.60.4 (AMH II: 45, 90; IV: 458; V: 109); ср. выше, XIV.2.27; XV.6 и соотв. примеч. и др.

(III) ...*признаков чувственности* (*kāma-guṇā*)... — ср. выше, XIII.27 и др.; An IV.63.3; IX.34.3, 38.6, 42.2, 65 (AMH III: 411; V: 415, 430, 449, 458) и др.

(IV) ...*путей* (*gatiyo*)... — An IX.67 (AMH IV: 459) и др. Имеются в виду варианты последнего существования, ср. PR: 242.

(V) ...*жадности* (*macchariyāni*)... — An IX.69 (AMH IV: 459) и др.

(VI) ...*преград* (*nīvaraṇāni*)... — ср. выше, II.68; XIII.30 и др.; An I.2, III.57 (AMH I: 3, 161).

(VII) ...*уз низшего порядка* (*oram-bhāgiyāni saṃyojanāni*)... — ср. выше, VI.13; XVI.2.7; XXXIII.1.10 (XIX) и др.; An IX.67, X.13 (AMH IV: 459; V: 17) и др.

(VIII) ...*уз высшего порядка* (*uddham-bhāgiyāni saṃyojanāni*)... — An IX.70; X.13 (AMH IV: 460; V: 17).

(IX) ...*заповедей* (*sikkhāpadāni*)... — ср. выше, II.42 сл.; V.26 и др.; An V.179.3 (AMH III: 212).

(X) ...*неспособностей* (*abhabba-ṭṭhānāni*). — Ср. выше, XXIX.26, где к этим пяти добавлены еще четыре.

(XI–XII) ...*неудачи... удачи* (*vyasanāni... sampadā*)... — An V.130 (AMH III: 147).

(XIII–XIV) ...*опасностей... преимуществ* (*ādīnavā... ānisamsā*)... — см. выше, XVI.1.23–24; An V.213 (AMH III: 252–253).

(XV) ...*Побуждающему* (*codakena*)... — An V.167 (AMH III: 196).

(XVI) ...*состояний... упражняться* (*padhāniyaṅgāni*). — An V.53 (AMH III: 65); PR: 411.

Он испытывает... — ср. выше, XXX.2.8.

...*хитрым...* — ср. выше, XXV.15, 22.

(XVII) ...*чистых обителей* (*suddhāvāsā*)... — см. выше, XIV.3.29, 31 и соотв. примеч. Имеются в виду пять высших сфер *gūra-loka* (12–16 из 16 небесных миров Брахмы).

(XVIII) ...*невозвращающихся* (*anāgāmino*)... — ср. выше, XXXIII.1.11 (XV); An III.86.3; VI.16.4, 17.4; X.63.3 (AMH II: 233; IV:14, 15; V: 120). Соответствующие варианты (*antarā... upahassa... asaṃkhāra... asaṃkhāra... uddhamso Akaniṭṭha-gāmi*) традиционно соответствуют названным выше пяти мирам. Ср. DR III: 227 (*ibid.*, п. 2) — *one who passes away before middle age in that world in which he has been reborn... after middle age... without much toil, with ease... with toil and difficulty... striving “upstream” is reborn in the Akaniṭṭha world.*

(XIX) ...недостатков разума (ceto-khīlā). — Ср. XXXIV.1.6 (V); An V.205; IX.71; X.14 (AMH III: 248; IV: 260; V: 17); Mn 16 (MTC I: 101 — одноименная сутта).

...сомневается... — ср. выше, III.2.11 и др.

(XX) ...уз (cetaso vinibandhā)... — An IX.72 (AMH IV: 461).

...телом... образом (kāye... rūpe)... — т.е. к связанному с внутренними (ajjhataṃ) физическими и психическими факторами личности и с внешними (bahiddhā) факторами. Ср. DR III: 228, п. 2.

[Это — четвертые]... — ср. DRC III: 238, п. 6.

(XXI) ...жизненных способностей (indriyāni)... — ср. выше, II.64 и др., т.е. зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. Ср. PR: 121–122.

(XXIV) ...преодоления (nissāraṇiṃ). — Ср. ниже, XXXIII.2.2 (XIV); XXXIV.1.4 (VII); An V.200 (AMH III: 245).

(XXV) ...освобождения (vimuttāyatanāni). — XXXIV.1.6 (IX); An V.26 (AMH III: 21).

...суть... [слова] (dhamme attha-ṭṭisaṃvedī... dhamma-ṭṭisaṃvedī)... — ср. DR III: 229 (ibid., п. 2) — matter... text.

...признак (samādhī-nimittaṃ)... — к ним относятся четыре satipaṭṭhānā [см. выше, XXXIII.1.11 (I)]; PR: 685.

(XXVI) ...созревает (vimutti-paripācāniṃ)... — ср. ниже, XXXIII.2.2 (XXII); 3 (VIII); An VII.46.11–15 (AMH IV: 51) и др.

2.2. [(I)–(XXII) числовые комплексы — из 6 элементов]

(I–II) ...внутренних... внешних (ajjhaticāni; bāhirāni āyatanāni)... — ср. выше, XXII.15 и соотв. примеч.; XXXIV.1.7 (III); An X.60.5 (AMH V: 109) и др.

(III) ...распознавания (viññāṇa... phassa... vedanā... saññā... sañcetanā... taṇhā)... — ср. выше, XXII.19 и соотв. примеч.; XV.7 сл.; AMH IV: 147; V: 359; и др.

(IX–X) ...непочтительности... почитительности. — XXXIV.1.7 (V–VI); An VI.40.5, ср. VII.56.1 (AMH III: 340, ср. IV: 84).

(XI) ...различения (somanassūpavicāra)... — ср. Mn III.4.10 (MTC III: 240); Sn XXXVI.22 (SF IV: 232).

...связанный (-tṭhāniyaṃ)... — следуем более нейтральному переводу. Ср. DR III: 231 — giving rise to pleasure; DN: 581 — erfreulich bestehende.

(XIV) ...заповедей доброго поведения (sāraṇiṃ dhammā). — См. выше, XVI.1.11 и соотв. примеч. (-aparihāniye dhamme); XXXIV.1.7 (I); An VI.11; XI.18.15, 30 (AMH III: 288; V: 350, 353); и др.; DR III: 231 — six occasions of fraternal living; DN: 582 — nicht zu vergessende (?) Dinge.

(XV) ...корней спора (vivāda-mūlāni). — Ср. An VI.36 (AMH III: 334); PR: 638; об аналогичных пороках см. выше, XXV.12 и др.

(XVI) ...элементов (dhātuyo)... — ср. выше, XXXIII.1.11 (XVI); An III.61.6 (AMH I: 176); DR III: 232, п. 3.

(XVII) ...нуждающихся в преодолении (nissāraṇiṃ). — Ср. выше, XXXIII.2.1 (XX и XXIV); An VI.13 (AMH III: 290).

...воплотил... — ср. выше, XVI.3.3.

...освобождения... от внешних признаков... — в тексте: animittā.

...есть... — т.е. он уже не верит в существование своего «я», см. выше, I.1.30 сл.; и др.

...стрела... — следуем чтению sallaṃ, ср. PR: 699; DN: 585. Другой вариант — sallāpaṃ, ср. DRC III: 249, п. 4; принятый в DR III: 233 (debating) представляется менее удачным, так как здесь, очевидно, имеется в виду одна из семи метафорических «стрел» (tāga, dosa и т.д.).

(XVIII) ...непревзойденного (anuttariyāni)... — An VI.8.30 (AMH III: 284) и др.

...вспоминание. — Следуем чтению anussata (вместо anussuta); ср. DR III: 234 — memories; DN: 585 (ibid.: 960, Anm. 1008) — Andacht.

(XIX) ...предметов (anussati-ṭṭhānāni)... — ср. XXXIV.1.7 (II); An VI.9.25 (AMH III: 284, 285, 312–317).

(XX) ...неизменных состояний (satata-vihārā). — Ср. XXXIV.1.7 (VIII); An IV.195.8, VI.1.3 (AMH II: 198; III: 279).

(XXI) ...разновидностей (ābhijātiyo). — Ср. выше, II.20; An VI.57.4 (AMH III: 384).
Ниже «темная» и «светлая» породы обозначают соответственно низкое и высокое положение в социальном и нравственном аспектах. Ср. DR III: 234, п. 3, 4.

(XXII) ...представлений... — ср. XXXIII.2.1 (XXVI), 2.3 (VIII).

2.3. [(I)–(XIV) числовые комплексы — из 7 элементов]

(I) ...сокровищ (dhanāni)... — ср. XXXIV.1.8 (I); An VII.5.6 (AMH IV: 4).

(II) ...звеньев просветления (sambojjhaṅgā)... — ср. выше, XVI.1.9; XXII.16 и др. и соотв. примеч.; XXXIV.1.8 (II); An I.20, 32; IV.14, 236.5 (AMH I: 39; II: 16, 237) и др.

(III) ...принадлежностей (samādhi-parikkhāra)... — см. выше, XVIII.27; An VII.42 (AMH IV: 40) и др.

(IV) ...дурных свойств (asaddhammā). — XXXIV.1.8 (V); An IV.202.1 (AMH II: 218) и др.

(V) ...добрых свойств (saddhammā). — XXXIV.1.8 (VI); An VII.40.4 (AMH IV: 38) и др.

(VI) ...хорошего... — XXXIV.1.8 (VII); An VII.64.2 (AMH IV: 113).

(VII) ...отличия (niddeśa-vatthūni, другое чтение — niddasa°, ср. DRC III: 252, п. 6). — Ср. PR: 358; BS III: 1039 толкует это как признак архатства (nid-dasa как заимствованное у джайнов обозначение существа, умершего через 10 лет — dasa vassa-kāle — после достижения святости), ср. DR III: 235, п. 3. См. XXXIV.1.8 (IX); An VII.18 (AMH IV: 15) и др.

(VIII) ...[видов] представлений (saññā)... — ср. выше, XXXIII.2.1 (XXVI); 2 (XXII); An VII.45 (AMH IV: 46).

(IX) ...сил... — ср. выше, XXXIII.1.11 (XXVI); An VII.3–4 (AMH IV: 3).

(X) ...состояний сознания (viññāna-ṭṭhitiyo). — См. выше, XV.33 и соотв. примеч.; XXXIII.3.2 (III); An VII.41 (AMH IV: 39); DR III: 236, п. 3–4.

(XI) ...достойных подношения (dakkhiṇeuyā)... — ср. выше, XXVIII.8 и соотв. примеч.; XXXIII.3.1 (III); An VII.14 (AMH IV: 10).

(XII) ...склонностей (anusayā)... — ср. PR: 44; DR III: 237 (ibid., п. 2) — latent bias; DN: 587 — Anwendung; см. XXXIV.1.8 (IV); An VII.11 (AMH IV: 9).

(XIII) ...уз (samyojanāni)... — An VII.8 (AMH IV: 7).

(XIV) ...улаживания (adhikaraṇa-samathā)... — см. подробнее в соответствующих разделах «Чуллавагги» — VO I: 325; II: 74 sq. и др.; VRO I: 68; III: 30 sq. и др.; см. Mn 104 (MTC II: 247 sq.). Ср. DN: 972, Anm. 1020; PR: 27, 696, 672.

3.1. [(I)–(XI) числовые комплексы — из 8 элементов]

(I–II) ...неправедного... надлежащего (micchattā... sammattā)... — ср. выше, XVIII.27; XIX.61; XXIII.31 и др.; An IV.205.3, 5; VIII.34.3, 6 (AMH II: 221, IV: 237–238).

(IV) ...бездеятельности (kusīta). — Ср. An VIII.80 (AMH IV: 332).

(V) ...проявления [усердия] (ārabha). — XXXIV.2.1 (VI); An VIII.70.10–18 (AMH IV: 334).

(VI) ...дарения. — An VIII.31 (AMH IV: 236).

(VII) ...возрождения (dānupattiyo)... — An VIII.35 (AMH IV: 239).

...пятью признаками... — ср. выше, I.3.20 и др.

...низшей... — так как цель его устремлений — мир Брахмы — низший из миров (gūraloka), не доставляющий ниббаны и архатства. Ср. DR III: 241, п. 1.

Четыре Великих царя... Тридцать три бога... — ср. выше, IX.68 сл. и соотв. примеч.; ср. DR III: 241, п. 2.

...долговечные... — в тексте: *dīghayukā*.

(VII) ...*собраний* (*parisā*)... — ср. выше, XVII.3.21 и соотв. примеч.; An VIII.69 (AMH IV: 307).

(IX) ...*мирских дел* (*loka-dhammā*)... — XXXIV.2.1 (III); An VIII.5 (AMH IV: 156).

(X) ...*состояний преодоления* (*abhibhāyatanāni*). — См. выше, XVI.3.24 сл. и соотв. примеч.; An I.20.47; VIII.65; X.29.6 (AMH I: 40; IV: 305; V: 61); DR III: 241 (ср. *ibid.*, n. 2) — positions of mastery; DN: 593 — Grade der Überwindung.

Преодолев... — в DRC III: 260–261 в прямую речь вынесены лишь слова «я знаю и вижу». Следуем DRC II: 110–111.

(XI) ...*освобождения* (*vimokhā*). — См. выше, XV.35; XVI.3.33 и соотв. примеч.; An I.20.55; VIII.66 (AMH I: 40; IV: 306). Ср. DR III: 242, n. 1.

3.2. [(I)–(VI)] **числовые комплексы — из 9 элементов**

(I) ...*оснований гнева* (*āghāta-vatthūni*)... — An IX.29 (AMH IV: 408).

(II) ...*успокоения*... — ср. XXXIV.2.2 (VI); An IX.30 (AMH IV: 408).

(III) ...*обителей существ* (*sattāvāsā*). — Ср. выше, XXXIII.2.3 (X); 3.1 (XI); XXXIV.2.2 (III); An IX.24 (AMH IV: 401).

...*асанньясатта* (*Asañña-sattā*). — Букв. «несознающие существа». Ср. DR III: 244, n. 1; XXIV.2.20 и соотв. примеч.

(IV) ...*неблагоприятных*... — ср. XXXIV.2.1 (VII); в An VIII.29 (AMH IV: 225) их восемь.

...*чужих* (*milakkhusu*)... — т.е. не арийцев; ср. PR: 533.

Нет подаяния... — ср. выше, II.23.

(V) ...*последовательных состояний* (*anupubba-vihāṅā*). — То есть описанные выше [ср. XXXIII.1.11 (IV); 3.1 (XI); 3.2 (III)] четыре ступени *gīra-loka*, четыре ступени *agīra-loka* и наивысшее состояние. Ср. An IX.32 (AMH IV: 410).

(VI) ...*уничтожения* (*nirodhā*)... — XXXIV.2.2 (X); An IX.31 (AMH IV: 409).

3.3. [(I)–(VI)] **числовые комплексы — из 10 элементов**

(I) ...*состояний* (*nātha-karaṇā dhammā*)... — XXXIV.2.3 (I).

...*живет сдержанный*... — ср. выше, II.42; XIII.42.

...*те истины*... — ср. II.40.

...*высшей дхамме* (*abhidhamme abhivināye*)... — ср. DR III: 246 — the advanced teaching of both Doctrine and Discipline; DN 599 — Lehre... Zucht; BS I: 11; III: 1046. Возможно, имеются в виду заключительные части соответствующих текстов канона. Ср. DR III: 246, n. 2.

...*пребывает полным решимости*... — см. выше, XXXIII.2.1 (XVI).

(II) ... [*представлений о*] *целостности* (*kasiṇāyatanāni*). — То есть имеются в виду десять объектов медитации, ведущей к мистическому состоянию. См. XXXIV.2.3 (II); An X.25; 29.4 (AMH V: 46, 60); DR III: 247 (*ibid.*, n. 1) — objects for self-hypnosis; DN: 599 — Orte der Allheit; PR: 201.

(III–IV) ...*недолжного... должного*... — ср. XXXIV.2.3 (V, VI).

(V) ...*праведной жизни* (*ariya-vāsā*). — XXXIV.2.3 (VII); An X.19 (AMH V: 29).

...*чувственное возбуждение*... — ср. выше, XXII.13.

...*видя глазом*... — см. выше, XXXIII.2.2 (XX).

...*поразмывлив, стремится*... — см. выше, XXXIII.1.11 (VIII).

...*стремление*... — ср. выше, XXXIII.1.10 (XXII).

(VI) ...*не нуждающегося в обучении* (*asekhā dhammā*)... — т.е. достигшего соответствующей степени совершенства. Ср. выше, XXXIII.1.10 (XXXIV; XLII); 3.1 (II), а также XXXIV.2.3 (X); An X.112 (AMH V: 222); DR III: 249, n. 1.

3.4. ...*наставление преподанного* (*Samgīti-pariyāyam*). — Ср. DR III: 249 (*ibid.*, n. 1) — the scheme of chanting together; DN: 601 — die Gedankenreihe der Übereinkunft. Ср. PR: 667.

Dasuttara (букв. перевод представляется затруднительным, примерное значение — «последовательность [от одного до] десяти») *sutta* — сутта, близкая к предыдущей, также преподанная Сарипуттой в присутствии Будды в Чампе, но обрамление сведено здесь к минимуму. Название ее, видимо, связано с принципом организации текста, более упорядоченным в сравнении с XXXIII — сходная с An градация от 1 до 10, причем каждая группа состоит из 10 примеров. Можно также отметить, что в рамках раздела III Dn она является одиннадцатой (т.е. «первой» после десяти). Ср. Stache-Rosen 1957–1968, I; Schlinghoff 1962; Skilling 1980. DR III: 250 — The tenfold series (ibid., п. 1 — попытка более близкого перевода: plus-up-to-ten); DW: 623 sq.; DN: 602 — Die Zehnerfolge. Ср. Law 1933: 115; DK III: XIX–XX; PM I: 1067. См. BS III: 1053–1064; DAT III: 354–371.

1.1. ... *Чампе... Гаггара*. — Ср. выше, IV.1; XVI.5.17 и др. и соотв. примеч.; PM I: 855–856, 731–732.

1.2. [(I)–(X) числовые комплексы — из 1 элемента]

(I) *Усердие...* — An I.9.3, VI.53 (AMH I: 16; III: 364) и др.

(II) ...*самосознания...* — An I.16; 20.101 (AMH I: 30, 42 sq.) и др.

(IV) *Я емь...* — An IV.38.4; 200.117; V.71.8 (AMH II: 41, 216; III: 85 sq.).

(V) *Поверхностное* (ayoṇiso)... — т.е., например, когда изменчивое принимается за постоянное (ср. BS III: 1056).

(VIII) *Непоколебимое знание* (akuppaṃ ñāṇaṃ). — Атрибут освобождения, ниббаны, ср. DR III: 251, п. 4; Mn I.3.6 (MTC I: 167) и др.

(IX) *Все существа...* — ср. выше, XXXIII.1.8.

(X) ...*освобождение разума*. — Ср. Sn XLI.7 (SF IV: 297).

1.3. [(I)–(X) числовые комплексы — из 2 элементов]

(I) *Способность самосознания...* — ср. XXXIII.1.9 (XVIII).

(II) *Спокойствие...* — ср. XXXIII.1.9 (XXIII).

(III) *Имя и форму*. — Ср. XXXIII.1.9 (I).

(IV) *Незнание...* — ср. XXXIII.1.9 (II).

(V) *Жесткость...* — ср. XXXIII.1.9 (VI).

(VI) *Мягкость...* — ср. XXXIII.1.9 (VII).

(VII) ...*осквернения...* — ср. Sn XXII.60 (SF III: 69).

(VIII) ...*разрушения...* — ср. XXXIII.1.9 (XXXIII).

(IX) ...*элемент* (saṃkhatā ca dhātu asaṃkhatā ca dhātu)... — т.е. соответственно относящийся к пяти saṃkhatā и к ниббане (BS III: 1057). Ср. DR III: 252 — Conditioned... Unconditioned; DN: 603 — zusammengesetzte Art und unzusammengesetzte Art.

(X) ...*знание...* — XXXIII.1.9 (XXXII).

1.4. [(I)–(X) числовые комплексы — из 3 элементов]

(I) ...*следование истине* (dhammānudhamma)... — ср. выше, XXIX.4 и др.

(II) ...*сосредоточенность...* — ср. XXXIII.1.10 (L).

(III) ...*ощущения...* — ср. XXXIII.1.10 (XXVI).

(IV) ...*жажды...* — ср. XXXIII.1.10 (XVI).

(V–VI) ...*корня нехорошего... хорошего...* — XXXIII.1.10 (I; II).

(VII) ...*воздействуют в преодолении...* — ср. выше, XXXIII.2.2 (XVII). BS III: 1058 толкует это соответственно как путь невозвращающегося, путь архата и плоды архатства. Ср. DR III: 253, п. 2.

(IX) ...*элемент чувственного...* — ср. XXXIII.1.10 (XIII).

(X) ...*мудрость...* — ср. XXXIII.110 (LVIII).

1.5. [(I)–(X) числовые комплексы — из 4 элементов]

(I) ...*круга* (cakkāni)... — ср. BS III: 1058; An IV.31 (AMH II: 32); ср. DR III: 254, п. 1.

(II) *Четыре установления*... — ср. XXXIII.1.11 (I).

(III) ...*пропитания*... — ср. XXXIII.1.11 (XVII).

(IV) ...*потока*... — ср. XXXIII.1.11 (XXXI).

(V) ...*уз*... — ср. XXXIII.1.11 (XXXII).

(VI) ...*освобождения*... — ср. XXXIII.1.11 (XXXIII).

(VII) ...*сосредоточенности*... — ср. An IV.179 (AMH II: 167).

(VIII) ...*знания*... — ср. XXXIII.1.11 (XI).

(IX) ...*праведные истины*... — ср. выше, XXII.16 сл.; An III.61.6–13 (AMH I: 176) и др.

(X) ...*плода*... — ср. XXXIII.1.11 (XV).

1.6. [(I)–(X) числовые комплексы — из 5 элементов]

(I) ...*состояний*... — ср. XXXIII.2.1 (XVI).

(II) *Пятичастную*... — признаки эти соответственно сопоставляются: со ступенями 1–2 созерцания (jhāna), со ступенями 1–3 созерцания, с проникновением в мысли другого человека, с божественным ясновидением и с даром видения при выходе из состояния транса. Ср. DR III: 255, п. 3; ср. An V.28.10 (AMH III: 27).

(III) ...*[групп]*... — ср. XXXIII.2.1 (II).

(IV) ...*преград*... — ср. XXXIII.2.1 (VI).

(V) ...*недостатков*... — ср. XXXIII.2.1 (XIX).

(VI) ...*способностей*... — ср. XXXIII.2.1 (XXIII).

(VII) ...*элементов*... — ср. XXXIII.2.1 (XXIV).

(VIII) ...*сосредоточенность*... — ср. An V.27 (AMH III: 24); DR III: 256, п. 3–6.

(IX) ...*возможностей*... — ср. XXXIII.2.1 (XXV).

(X) ...*разделов учения*... — ср. XXXIII.1.11 (XXV), где их четыре.

1.7. [(I)–(X) числовые комплексы — из 6 элементов]

(I) ...*заповедей*... — ср. XXXIII.2.2 (XIV).

(II) ...*воспоминания*... — ср. XXXIII.2.2 (XIX).

(III) ...*сфер*... — ср. XXXIII.2.2 (I).

(IV) ...*жажды*... — ср. XXXIII.2.2 (VIII).

(V–VI) ...*непочтительности почтительности*. — Ср. XXXIII.2.2 (IX; X).

(VII) ...*нуждающихся в преодолении*. — Ср. XXXIII.2.2 (XVII).

(VIII) ...*неизменных состояний*. — Ср. XXXIII.2.2 (XX).

(IX) ...*непревзойденного*... — ср. XXXIII.2.2 (XVIII).

(X) ...*высших знаний* (abhiññā). — Ср. выше, II.87, 89, 91, 93, 95; VI.13 и др. и соотв. примеч.; PR: 64; DR III: 257–258.

1.8. [(I)–(X) числовые комплексы — из 7 элементов]

(I) ...*сокровищ*... — ср. XXXIII.2.3 (I).

(II) ...*звено просветления*... — ср. XXXIII.2.3 (II).

(III) ...*сознания*. — Ср. XXXIII.2.3 (X).

(IV) ...*склонностей*... — ср. XXXIII.2.3 (XII).

(V–VI) ...*дурных... добрых свойств*. — Ср. XXXIII.2.3 (IV; V).

(VII) ...*свойств хорошего*... — ср. XXXIII.2.3 (VI).

(VIII) ...*представлений* (saññā)... — ср. XXXIII.2.3 (VIII).

(IX) ...*отличия*. — Ср. XXXIII.2.3 (VII).

(X) ...*уничтожившего*... — ср. An VIII.28.3 сл. (AMH IV: 224), где их восемь.

...*четыре установления*... — ср. выше, XXXIV.1.5 (II).

...*жизненных способностей*. — Ср. XXXIII.2.1 (XXI) и др.

...*звеньев просветления*. — Ср. XXXIV.1.8 (II) и др.

2.1. [(I)–(X) числовые комплексы — из 8 элементов]

(I) ...*причин*... — ср. An VIII.2 (AMH IV: 151).

...*отвлечение* (vūpākāseṇa)... — ср. PR: 646; DN 612 — Entrückung. DR III: 260 (ср. *ibid.*, п. 1) в противоречии с PR переводит: *serenity*.

...*предан нравственности*... — ср. эту и следующие (4–7) «причины» в XXXIII.3.3 (I).

...*пребывает в рассуждении*... — см. XXXIII.1.11 (V).

(II) ...*путь*... — ср. выше, XXXIII.3.1 (II) и др.

(III) ...*мирских дел*... — ср. XXXIII.3.1 (IX).

(IV) ...*неправедного*... — ср. XXXIII.3.1 (I) и ниже, XXXIV.2.3, где их десять.

(V) ...*бездеятельности*. — Ср. XXXIII.3.1 (IV).

(VI) ...*проявления [усердия]*. — Ср. XXXIII.3.1 (V).

(VII) ...*неблагоприятных периодов*... — ср. XXXIII.3.2 (IV), в сравнении с которыми здесь опущен случай рождения в сонме асуров.

(VIII) ...*размышлений*... — ср. An VIII.30.3 (AMH IV: 229). Первые семь традиция приписывала монаху Ануруддхе, восьмое было добавлено самим Буддой. Ср. DR III: 261, п. 1.

(IX) ...*состояний преодоления*... — ср. XXXIII.3.1 (X).

(X) ...*освобождения*. — Ср. XXXIII.3.1 (XI).

2.2. [(I)–(X) числовые комплексы — из 9 элементов]

(I) ...*тщательном внимании* (yoniso manasikāra). — Ср. выше, XXXIII.1.11 (XIII); XXXIV.1.2 (VI); PR: 560.

У наделенного... — ср. XXXIII.2.1 (XXV).

(II) ...*состояний*... — ср. выше, XXXIII.2.1 (XV); 1.9 (XXVIII); An IV.194.1 (AMH II: 195); ср. DR III: 262, п. 3.

(III) ...*обителей*... — ср. XXXIII.3.2 (III).

(IV) ...*в жажде*... — ср. выше, XV.9; An IX.23 (AMH IV: 400).

(V–VI) ...*гнева*... *успокоения*... — ср. XXXIII.3.2 (I; II).

(VII) ...*разнообразия* (nānatā)... — Ср. Sn XIV sq. (SF II: 140 sq.).

...*представлений* (saññā-nānattaṃ)... — т.е. относящегося к чувственному опыту. Ср. DR III: 263, п. 2.

(VIII) ...[видов] *представлений* (saññā)... — ср. ниже, XXXIV.2.3 (VIII); An IX.16, 93 (AMH IV: 387, 465) и др.

(IX) ...*последовательных состояний*. — Ср. XXXIII.3.2 (V).

(X) ...*последовательного*... — ср. XXXIII.3.2 (VI).

2.3. [(I)–(X) числовые комплексы — из 10 элементов]

(I) ...*состояний доставляющих*... — ср. XXXIII.3.3 (I).

(II) ...*оснований*... — ср. XXXIII.3.3 (II).

(III) ...*сфер*... — ср. XXXIII.2.2 (I и II), где им соответствуют «внутренние» и «внешние» сферы кроме разума и постигаемых предметов.

(IV) ...*неправедного*... — ср. XXXIII.3.1 (I) — за исключением двух последних.

(V–VI) ...*недолжного*... *должного*... — ср. XXXIII.3.3 (III и IV).

(VII) ...*праведной жизни*. — Ср. XXXIII.3.3 (V).

(VIII) *Десять [видов] представлений* (saññā)... — ср. выше, XXXIV.2.2 (VIII) — кроме последнего.

(X) ...*не нуждающегося*... — ср. XXXIII.3.3 (VI).

«Патика»... — Здесь снова, как и в конце разделов I и II, перечислены (с отдельными модификациями) названия сутт раздела III Dn — «Патикавагги» (XXIV–XXXIV). Ср. варианты других рукописей: DRC III: 292, п. 3–4; 293, п. 1–3.

...*царя добродетели* (dhamma-rājassa). — То есть Будды. Ср. PR: 339.

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

- An — *Aṅguttara nikāya*
Ap — *Abhidhamma piṭaka*
Av — *Avadānaśataka*
ABORI — Annals of the Bhandarkar Oriental Research Institute. Poona
AKS — Aufsätze zur Kultur- und Sprachgeschichte vornehmlich des Orients E. Kuhn... gewidmet. Breslau, 1916
AM — Asia Major. Leiden
AO — Archiv Orientální. Praha
AS — Asiatische Studien. Bern
BrU — *Bṛhadāraṇyaka upaniṣad*
BB — Bibliographie Bouddhique. Paris
BEFEO — Bulletin de l'École Française d'Extrême Orient. Paris
BSt — Buddhist Studies / Ed. by B.C. Law. Calcutta; Simla, 1931
BSO(A)S — Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies. London
ChU — *Chāndogya upaniṣad*
Cv — *Cullavagga*
Dh — *Dhammapada*
Dn — *Dīgha nikāya*
EB — Encyclopaedia of Buddhism / Ed. by G.P. Malalasekera [a. o.]. Vol. I–VI. [Colombo]: Government of Ceylon, 1961–<2002>
EW — East and West. Roma
HJAS — Harvard Journal of Asiatic Studies
ID — Index to the Dīgha-nikāya / Comp. by M. Yamazaki, Y. Ousaka, K.R. Norman, M. Cone. Oxford, 2003.
IHQ — Indian Historical Quarterly. Calcutta
IJ — Indo-Iranian Journal. 's-Gravenhage
JA — Journal Asiatique. Paris
JAOS — Journal of the American Oriental Society. New Haven
JESHO — Journal of the Economic and Social History of the Orient. Leiden
JIABS — Journal of the International Association of Buddhist Studies. Berkeley
JOIB — Journal of the Oriental Institute. Baroda
JPTS — Journal of the Pāli Text Society. London
JRAS — Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London
Kn — *Khuddaka nikāya*

* Здесь указаны принятые в книге сокращенные обозначения текстов, а также отдельных справочных, периодических и других изданий. Прочие сокращения см. в Библиографии.

- Kv — *Kathāvatthu*
Mān — *Mānavadharmasāstra*
Mn — *Majjhima nikāya*
Mv — *Mahāvagga*
Mvs — *Mahāvastu*
NBD — *Nyanatiloka*. Buddhist Dictionary. Colombo, 1956.
Pp — *Puggalapaññatti*
PBFA — Présence du Bouddhisme. Sous la dir. de R. de Berval (= France-Asie. T. XVI, févr.-juin, 1959. P. 153–157).
PEW — Philosophy East and West. Honolulu
PM — Dictionary of Pāli Proper Names by G.P. Malalasekera. London, 1960. Vol. I–II.
PR — The Pali Text Society's Pali-English Dictionary / Ed. by T.W. Rhys Davids and W. Stede. London, 1972.
PTC — Pāli Tipiṭakam Concordance by F.L. Woodward, a. o. Vol. 1–3. London, 1955, 1995, 1993.
RO — Rocznik Orientalistyczny. Lwów
Sn — *Samyutta nikāya*
Sp — *Sutta piṭaka*
SE — A Sanskrit-English Dictionary by M. Monier-Williams. Oxford, 1956
Thag — *Theragāthā*
Ud — *Udāna*
Vbh — *Vibhaṅga*
Vp — *Vinaya piṭaka*
WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien
ZB — Zeitschrift für Buddhismus und verwandte Gebiete. München
ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig
ZII — Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Leipzig
ВДИ — Вестник древней истории. Москва
ИДС — Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь / Под общ. ред. М.Ф. Альбедиль и А.М. Дубянского. М.: Республика, 1996.
ИФЭ — Индийская философия: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2009.
ФБЭ — Философия буддизма: энциклопедия / Отв. ред. М.Т. Степанянц. М.: Вост. лит., 2011.

БИБЛИОГРАФИЯ¹

Тексты и переводы источников

- AvS — Avadānaśataka, a Century of Edifying Tales / Ed. by J.S. Speyer. Vol. I–II. St. Petersburg, 1906 (Bibliotheca Buddhica. III).
- AMH — Aṅguttara Nikāya. Vol. I–II / Ed. R. Morris. London, 1961, 1976; Vol. III–V / Ed. E. Hardy. London, 1976, 1958.
- BA — Atthasālinī, Buddhaghosa's Commentary on the Dhammasaṅgani / Ed. by E. Müller. London, 1897.
- BLD — The Buddha's Last Days. Buddhaghosa's Commentary on the Mahāparinibbāna Sutta / Transl. by Yang-Gyu An. Oxford, 2005.
- BS — The Sumaṅgala-vilāsinī, Buddhaghosa's Commentary on the Dīgha-Nikāya. Vol. I / Ed. by T.W. Rhys Davids, J.E. Carpenter. London, 1968; Vol. II–III / Ed. by W. Stede. London, 1971.
- BjB — The Discourse on the All-embracing Net of Views. The Brahmajāla sutta and Its Commentarial Exegesis / Transl. from the Pali by Bhikkhu Bodhi. Kandy, 1978.
- CBP — Canon Bouddhique Pāli (Tipiṭaka). Texte et traduction. Suttapīṭaka. Dīghanikāya T. I. Fasc. 1 / Texte et trad. par J. Bloch, J. Filliozat, L. Renou. Paris, 1949.
- DAT — Dīghanikāya-aṭṭhakathā-ṭikā Līnatthavaṇṇanā / Ed. by L. De Silva. Vol. I–III. London, 1970.
- DhCN — Dhammapada Commentary / Ed. H.C. Norman. Vol. I–V. London, 1970.
- DF — Dīghanikāya. Das Buch der langen Texte des buddhistischen Kanons in Auswahl übers. v. R.O. Franke. Göttingen, 1913.
- DK — The Dīghanikāya / Gen. ed. Bhikkhu J. Kashyap. I–III. [S. 1.], 1958.
- DN — Die Reden Gotamo Buddhos aus der längern Sammlung Dīghanikāyo des Pāli Kanons übers. v. K.E. Neumann. Zürich; Wien, 1957.
- DR — Dialogues of the Buddha / Transl. from the Pali by T.W. [and C.A.F.] Rhys Davids. Vol. I–III. Bristol, 2013, 2010.
- DRC — The Dīgha Nikāya / Ed. by T.W. Rhys Davids, J.E. Carpenter. Vol. I–III. Lancaster, 2006; 2007; 2015.
- DV — Suttapīṭake Dīghanikāyo. Devanāgarī Edition of the Pāli Text of the Chaṭṭha Saṅgāyana / Publ. by Vipassana Research Institute [vol. 1–11]. Dhammagiri Igatpuri; Taipei, 1998 (1st ed.).
- DW — Thus Have I Heard. The Long Discourses of the Buddha. Dīgha Nikāya / Transl. from the Pali by M. Walshe. London, 1987.
- JF — Jātaka / Ed. by V. Fausböll. Vol. I–VII. London, 1877–1897 [a. o.].
- KvT — Kathāvatthu / Ed. A.C. Taylor. Vol. I–II. London, 1894, 1897.

¹ В библиографию включены лишь публикации (главным образом — буддологические), цитируемые в Предисловии и комментарии. См. подробнее (Nanayama 1961; BB; Nakamura 1980; Grönbold 1984; Jong 1987; и др.). Перед названиями указаны принятые в книге сокращения.

- MpsJ — *Soutra de l'ultime voyage ou le dernier discours du Bouddha. Mahāparinibbana-Sutta / Trad. et annoté par Jin Siyan. Paris, 2013.*
- MpsJ — *Grande soutra sur l'essence des choses Mahāpadāna-sutta / Trad. et annoté par Jin Siyan. Paris, 2011.*
- MvsJ — *The Mahāvastu / Transl. by J.J. Jones. Vol. I–III. London, 1973, 1977, 1978.*
- MvsS — *Mahāvastu / Ed. E. Senart. T. I–III. Paris, 1882–1897.*
- MTC — *The Majjhima Nikāya. Vol. I / Ed. V. Trenckner; Vol. II–III / Ed. R. Chalmers. London, 1964, 1977, 1978.*
- PpM — *Puggalapaññatti / Ed. R. Morris. London, 1972.*
- SF — *The Saṃyutta Nikāya / Ed. L. Feer. Vol. I–VI. London, 1973, 1970, 1975, 1973, 1976, 1960.*
- ThOP — *Thera-therī-gāthā / Ed. H. Oldenberg, R. Pischel. London, 1966.*
- US — *Udāna / Ed. P. Steinthal. London, 1948.*
- VvCH — *Vimānavatthu Commentary / Ed. E. Hardy. London, 1901.*
- VO — *Vinayaṭīka / Ed. H. Oldenberg. Vol. I–V. London, 1969, 1977, 1964.*
- VRO — *Vinaya Texts / Transl. by T.W. Rhys Davids, H. Oldenberg. Vol. I–III. Delhi, a. o., 1974, 1965, 1975.*

- АП — *Сутра «Первознание» (Свод долгих сутр 27) / Пер. с пали, вступл. и коммент. А.В. Парибка // Восток. 1991. № 1. С. 111–121 [Агганья сутта].*
- БС — *Буддийские сутты / В пер. с пали проф. [Т.В.] Рис-Дэвидса. Рус. пер. и предисл. Н.И. Герасимова. М.: Типо-литография Товарищества Кушнерев и К°, 1900.*
- ВМ — *Вопросы Милинды (Милиндапаньха) / Пер. с пали, предисл., исслед. и коммент. А.В. Парибка. М.: Наука, 1989 (Памятники письменности Востока. LXXXVIII. Bibliotheca Buddhica. XXXVI).*
- ДТ — *Дхаммапада / Пер. с пали, введ. и коммент. В.Н. Топорова. М.: Изд-во восточной литературы, 1960 (Bibliotheca Buddhica. XXXI; Памятники литературы народов Востока. Переводы. III).*
- ДЦ — *Дармакирти. Обоснование чужой одушевленности с толкованием Винитадева / Пер. с тиб. Ф.И. Щербатской. Петербург, 1922.*
- ИКДИ — *История и культура Древней Индии. Тексты / Сост. А.А. Вигасин. М.: Изд-во МГУ, 1990 [с. 170–215: Буддийские сутры: Львиный рык миродержца (Чаккаваттисиханадасутта); Паяси (Паясисуттанга) — пер. А.В. Парибка].*
- КС — *Ватсьяна Малланага. Камасутра / Пер. с санскр., вступит. статья и коммент. А.Я. Сыркина. М.: Вост. лит., 1993 (Памятники письменности Востока. СХI).*
- ПМ — *Минаев И. Пратимокша-сутра. Буддийский служебник. СПб., 1869.*
- ПС — *Панчатантра / Пер. с санскр. и примеч. А.Я. Сыркина. М.: Изд-во АН СССР, 1958.*
- СП — *Свод долгих сутр. Сутра Назидание Сигале (XXXI) / Пер. А.В. Парибка // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 4. С. 122–134.*
- ТВ — *Дигха-никая. Тевидджа сутта / Пер. и коммент. В.В. Вертоградовой // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. М., 1980. С. 139–150.*
- ТВСВ — *Трактат о всеохватывающей сети воззрений. Брахмаджала-сутта и комментарии к ней, переведенные с палийского языка Бхикку Бодхи / Пер. с англ. Д. Устьянцева; ред. А. Орлов. М.: Ганга; Сватан, 2018 (серия Бодхи).*
- УС — *Упанишады / Пер. с санскр., исслед, коммент. и приложение А.Я. Сыркина. 4-е изд. М.: Вост. лит., 2019.*

Исследования и очерки

- Алиханова 1971 — *Алиханова Ю.М. Типитака // Литература древнего Востока. М.: Изд-во Московского университета, 1971. С. 165–172.*

- Анагарика Говинда 1993 — *Лама Анагарика Говинда*. Психология раннего буддизма. Основы тибетского мистицизма. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.
- Андросов 2001 — *Андросов В.П.* Будда Шакьямуни и индийский буддизм. Современное истолкование древних текстов. М.: Вост. лит., 2001.
- Андросов 2006 — *Андросов В.П.* Учение Нагарджуны о Срединности: исслед. и пер. с санскр. «Коренных строф о Срединности» («Мула-мадхьямака-карика»); пер. с тиб. «Толкования Коренных строф о Срединности, [называемого] Бесстрашным [опровержением догматических воззрений]» («Мула-мадхьямака-вритти Акутобхайя»). М.: Вост. лит., 2006.
- Андросов 2010 — *Андросов В.П.* Буддийская классика Древней Индии. М.: Ориенталия, 2010.
- Андросов 2011 — *Андросов В.П.* Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь. М.: Ориенталия, 2011.
- Андросов 2019а — *Андросов В.П.* Очерки изучения буддизма древней Индии. М.: Вост. лит., 2019.
- Андросов 2019б — *Андросов В.П.* Бодхи — это просветление или пробуждение? // *Ориенталистика (Orientalistica)*. М.: Институт востоковедения РАН, 2019. Т. 2. № 1. С. 21–39.
- Бернюкевич 2009 — *Бернюкевич Т.В.* Буддизм в российской философской культуре: «чужое» и «свое». М.: Либроком, 2009.
- Бернюкевич 2018 — *Бернюкевич Т.В.* Буддизм в русской литературе конца XIX — начала XX века. Идеи и реминисценции. СПб.: Нестор-История, 2018.
- Бехерт 1993 — *Бехерт Х.* Противоречия в датировке паринирваны Будды и истоки тхеравадской хронологии // *ВДИ*. 1993. № 1. С. 3–24.
- Васильков 1991 — *Васильков Я.В.* Буддийские сюжеты в христианской литературе: конфликт мировоззрений // *Восток*. 1991. № 3. С. 42–51.
- Введение 1999 — *Введение в буддизм* / Ред.-сост. В.И. Рудой. СПб.: Лань, 1999.
- Воробьева-Десятковская 2012 — *Воробьева-Десятковская М.И.* Санскритская трипитака в свете палеографических исследований 1920–2000-х гг. // *Пятое востоковедное чтения памяти О.О. Розенберга*. СПб., 2012. С. 78–96.
- Вырщиков 2018 — *Вырщиков Е.Г.* Термин «татхагата» и ситуация словесного поединка в древней Индии: кто такой татхагата? // *Ориенталистика*. 2018. Т. 1. № 3–4. С. 394–401.
- Вырщиков 2019 — *Вырщиков Е.Г.* Татхагата как персонаж словесного поединка // *Ориенталистика*. 2019. Т. 2. № 1. С. 51–61.
- Дандарон 1968 — *Дандарон Б.Д.* Элементы зависимого происхождения по буддийским источникам // *Ученые записки Тартуского университета. Труды по востоковедению*. Тарту, 1968. Вып. 201. С. 213–233.
- Елизаренкова, Топоров 1965 — *Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н.* Язык пали. М.: Наука, 1965.
- Категории 2000 — *Категории буддийской культуры* / Ред.-сост. Е.П. Островская. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.
- Кожеников 1916 — *Кожеников В.А.* Буддизм в сравнении с христианством. Т. I–II. Пг., 1916.
- Конзе 2003 — *Конзе Э.* Буддизм: сущность и развитие. СПб.: Наука, 2003.
- Ланской 1965 — *Ланской Л.Р.* Смерть Толстого в откликах иностранной печати // *Толстой и зарубежный мир*. М., 1965 (Лит. наследство. Т. 75. Кн. 2). С. 361–460.
- Лысенко, Терентьев, Шохин 1994 — *Лысенко В.Г., Терентьев А.А., Шохин В.К.* Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Вост. лит., 1994.
- Лысенко 2003 — *Лысенко В.Г.* Ранний буддизм: религия и философия. М.: ИФ РАН, 2003.
- Минаев 1887 — *Минаев И.П.* Буддизм. Исследования и материалы. Т. I. Вып. 1. СПб., 1887.
- Ньянапоника, Геккер 2016 — *Ньянапоника Торо, Геккер Г.* Великие ученики Будды / Пер. с англ. В.С. Устенко, О.В. Карловская, Н.В. Юрьева. М.: Ганга, 2016.
- Ольденберг 1905 — *Ольденберг Г.* Будда. Его жизнь, учение и община. М., 1905.
- Островская 2014 — *Островская Е.П.* О значении термина bhagavān в составе религиозного титула Будда Бхагаван // *Письменные памятники Востока*. 2014. № 1 (20). С. 160–167.

- Островская, Ермакова 2004 — *Островская Е.П., Ермакова Т.В.* Классический буддизм. СПб.: «Азбука-классика»; Петербургское Востоковедение, 2004.
- Парибок 1987 — *Парибок А.В.* О буддийском понятии «первой арийской личности» в связи с символикой воды в буддизме // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1987. С. 150–162.
- Пишель 2004 — *Пишель Р.* Будда, его жизнь и учение. М., 2004.
- Радхакришнан 1956 — *Радхакришнан С.* Индийская философия. Т. I. М., 1956.
- Розенберг 1991 — *Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М.: Наука, 1991.
- Рудой, Островская, Ермакова 1999 — *Рудой В.И., Островская Е.П., Ермакова Т.В.* Классическая буддийская философия. СПб.: Лань, 1999.
- Сыркин 1971 — *Сыркин А.Я.* Некоторые проблемы изучения упанишад. М.: Наука, 1971.
- Сыркин 1972 — *Сыркин А.Я.* Труды Ф.И. Щербатского и некоторые аспекты соотношения индуизма и буддизма // Индийская культура и буддизм. М.: Наука, 1972. С. 42–50.
- Сыркин 1993 — *Сыркин А.* Спуститься, чтобы вознестись. Иерусалим, 1993.
- Сыркин 1996 — *Сыркин А.Я.* Единство «сакрального» и «мирского» в любовных отношениях и образе жены // Индийская жена. Исследования, эссе. М., 1996. С. 5–28.
- Сыркин 2001 — *Сыркин А.* Пути персонажей и авторов (Толстой, Достоевский и другие). Иерусалим, 2001.
- Топоров 1968 — *Топоров В.Н.* Из наблюдений над структурой некоторых буддийских-текстов // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Улан-Удэ, 1968. Вып. 3. С. 53–65.
- Торчинов 2015 — *Торчинов Е.* Введение в буддологию. М., 2015.
- Фиссер 2016 — *Фиссер М.В., де.* Архаты в Китае и Японии / Пер. с англ. А.Г. Фесюна. М.: Серебряные нити, 2016.
- Фор 2018 — *Фор Б.* Красная нить (буддийские подходы к сексуальности). М.: Серебряные нити, 2018.
- Шомахмадов 2007 — *Шомахмадов С.Х.* Учение о царской власти (теория имперского правления в буддизме). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007 (Серия «Ориенталия»).
- Шохин 1999 — *Шохин В.К.* Буддийский пантеон в становлении (по текстам Дигха-никаи) // Фольклор и мифология Востока в сравнительно-типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 59–88.
- Шохин 2007 — *Шохин В.К.* Индийская философия. Шраманский период (середина I тысячелетия до н.э.): Учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007.
- Щербатской 1988 — *Щербатской Ф.И.* Избранные труды по буддизму / Коммент. и ред. переводов В.Н. Топорова. М.: Наука, 1988.
- Щербатской 1995 — *Щербатской Ф.И.* Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч. I: «Учебник логики» Дхармакирти с толкованием Дхармоттары. / Санскритские параллели, редакция и примечания А.В. Парибка. СПб.: Аста-Пресс LTD, 1995.
- Agrawala 1951 — *Agrawala V.S.* The Thirty-two Marks of the Buddha // JOIB. 1951. Vol. I. No. 1. P. 20–22.
- Alfaric 1917 — *Alfaric M.P.* La vie chrétienne du Buddha // JA. 1917. P. 269–288.
- Alsdorf 1955 — *Alsdorf L.* Bemerkungen zu einem metrischen Fragment des Mahāparinirvāṇasūtra // ZDMG. 1955. Bd. 105. S. 327–330.
- Anālayo 2014–2015 — *Anālayo.* The Brahmajāla and the Early Buddhist Oral Tradition // Annual Report of the International Research Institute for Advanced Buddhology at Soka University. Vol. 17. P. 41–59; Vol. 18. P. 79–94.
- Banerji 1964 — *Banerji S.C.* An Introduction to Pāli Literature. Calcutta, 1964.
- Bapat 1926 — *Bapat P.V.* The Different Strata in the Literary Material of the Dīgha Nikāya // ABORI. 1926. Vol. VIII. Pt. I. P. 1–16.
- Bapat 1948 — *Bapat P.V.* The Śrāmaṇyaphala-sūtra and Its Different Versions in Buddhist Literature // Indian Culture. 1948. Vol. 15. P. 107–114.

- Bapat 1971 — 2500 Years of Buddhism / Ed. by P.V. Bapat. New Delhi, 1971.
- Bapat 1976 — *Bapat P.V.* Influence of Buddhism on Indian Thought // Malalasekera Commemoration Volume. Colombo, 1976. P. 8–14.
- Bareau 1953 — *Bareau A.* La date du nirvāṇa // JA. 1953. P. 27–62.
- Bareau 1955a — *Bareau A.* Les premiers conciles bouddhiques. Paris, 1955.
- Bareau 1955b — *Bareau A.* Les sectes bouddhiques du Petit Véhicule. Saigon, 1955.
- Bareau 1957 — *Bareau A.* Les controverses relatives à la nature de l'Archant dans le Bouddhisme ancien // IJ. 1957. Vol. I. No. 3. P. 241–250.
- Bareau 1959 — *Bareau A.* Les disciples // PBFA. 1959. P. 351–368.
- Bareau 1963–1970 — *Bareau A.* Recherches sur la biographie du Bouddha. Vol. I–II. Paris, 1963–1970.
- Bareau 1969 — *Bareau A.* The Superhuman Personality of Buddha and Its Symbolism in the Mahā-parinirvāṇasūtra of the Dharmaguptaka // Myths and Symbols. Studies in Honor of M. Eliade. Chicago, 1969. P. 9–21.
- Barua 1969 — *Barua P.R.* Buddha and the Gods // Journal of the Asiatic Society of Pakistan. 1969. Vol. 14. № 2. P. 113–128.
- Barua 2008 — Schopenhauer and Indian Philosophy. Dialogue between India and Germany / Ed. by A. Barua. New Delhi, 2008.
- Bechert 1991–1997 — *Bechert H.* The Dating of the Historical Buddha. Pt. 1–3. Göttingen, 1991–1997.
- Bechert 1995 — *Bechert H.* When Did the Buddha Live? The Controversy on the Dating of the Historical Buddha / Ed. by H. Bechert. Delhi, 1995.
- Bhattacharya 1973 — *Bhattacharya K.* L'Ātman-Brahman dans le Bouddhisme ancien. Paris, 1973.
- Bloss 1973 — *Bloss L.W.* The Buddha and the Nāga. A Study in Buddhist Folk Religiosity // History of Religions. 1973. Vol. 13. No. 1. P. 36–53.
- Bohn 1921 — *Bohn W.* Die Psychologie und Ethik des Buddhismus. München; Wiesbaden, 1921.
- Bond 1984 — *Bond G.* The Development and Elaboration of the Arahant Ideal in the *theravada* Buddhist Tradition // Journal of American Academy of Religion. 1984. Vol. 52. No. 2. P. 227–242.
- Bose 1942 — *Bose A.* Social and Rural Economy of Northern India cir. 600 B.C. — 200 A.D. Vol. I. Calcutta, 1942.
- Boyd 1975 — *Boyd J.W.* Satan and Māra. Christian and Buddhist Symbols of Evil. Leiden, 1975.
- Brough 1950 — *Brough J.* “Thus Have I Heard...” // BSOS. 1950. Vol. 13. No. 2. P. 416–426.
- Brown 1976 — *Brown N.W.* Parallel Buddhist and Christian Gospel Legends // Malalasekera Commemoration Volume. Colombo, 1976. P. 38–50.
- Bucknell 1984 — *Bucknell R.* The Buddhist Path to Liberation: An Analysis of the Listing of Stages // JIABS. 1984. Vol. 7. No. 2. P. 7–40.
- Bucknell 1993 — *Bucknell R.* Reinterpreting the Jhānas // JIABS. 1993. Vol. 16. No. 2. P. 375–409.
- Buddhadāsa 1992 — *Buddhadāsa Bhikkhu.* Pariccasamuppada. Practical Dependent Origination. Nonthaburi, 1992.
- Carus 1997 — *Carus P.* Nirvāṇa. A Study of Buddhist Psychology. New Delhi, 1997.
- Chopra 1983 — Contributions of Buddhism to World Civilization and Culture / Ed. by P.N. Chopra. Atlantic Highlands (N. J.), 1983.
- Collins 1982 — *Collins S.* Self and Non-Self in Early Buddhism // Numen. 1982. Vol. XXIX. F. 1. P. 250–271.
- Collins 1993 — *Collins S.* The Discourse on What is Primary (*Aggañña-sutta*). An Annotated Translation // Journal of Indian Philosophy. 1993. Vol. 21. P. 301–393.
- Conze 1967 — *Conze E.* Thirty Years of Buddhist Studies. Oxford, 1967.
- Coomaraswamy 1938 — *Coomaraswamy A.K.* Tathāgata // BSOS. 1938. Vol. 9. P. 331.
- Cousins 1972 — *Cousins L.S.* Dhammapāla and the *ṭīkā* Literature // Religion. 1972. Vol. II. No. 2. P. 159–165.

- Cousins 1973 — *Cousins L.S.* Buddhist *jhāna*: Its Nature and Attainment according to the Pāli Sources // Religion. 1973. Vol. III. No. 2. P. 115–131.
- Dayal 1932 — *Dayal H.* The Bodhisattva Doctrine in Sanskrit Buddhist Literature. London, 1932.
- Denis 1977 — *Denis E.* La *lokapaññatti* et les idées cosmologiques du bouddhisme ancien. T. I–II. Paris, 1977.
- Dunnington 1974 — *Dunnington J.M.* Arahantship. Kandy, 1974.
- Dutt 1945a — *Dutt N.* Place of Laity in Early Buddhism // IHQ. 1945. Vol. XXI. No. 3. P. 163–183.
- Dutt 1945b — *Dutt N.* Popular Buddhism // IHQ. 1945. Vol. XXI. No. 4. P. 245–270.
- Edgerton 1959 — *Edgerton F.* Did the Buddha Have a System of Metaphysics? // JAOS. 1959. Vol. 79. No. 2. P. 81–85.
- Endres, Schimmel 1988 — *Endres F.C., Schimmel A.* Das Mysterium des Zahl. Zahlensymbolik im Kulturvergleich. München, 1988.
- Feer 1890 — *Feer L.* Professions interdits par le Bouddhisme // Actes du Congrès International des Orientalistes tenu en 1889 à Stockholm et à Christianie. Leiden, 1890. P. 3–9 [65–71].
- Fick 1897 — *Fick R.* Die soziale Gliederung im Nordöstlichen Indien zu Buddha's Zeit mit besonderer Berücksichtigung der Kastenfrage. Kiel, 1897.
- Foucher 1949 — *Foucher A.* La vie du Bouddha. Paris: Payot, 1949.
- Franke 1909 — *Franke R.O.* Die gāthās des Dīghanikāya und ihren Parallelen // JPTS. 1909. P. 311–384.
- Franke 1913a — *Franke R.O.* Das einheitliche Thema des Dīghanikāya // WZKM. 1913. Bd. XXVII. S. 198–216, 276–304.
- Franke 1913b — *Franke R.O.* Die Verknüpfung der Dīghanikāya-Suttas untereinander // ZDMG. 1913. Bd. 67. P. 409–461.
- Franke 1915–1917 — *Franke R.O.* Die Buddhalehre in ihrer erreichbar-ältesten Gestalt (im Dīghanikāya) // ZDMG. 1915. Bd. 69. P. 455–490; 1917. Bd. 71. P. 50–98.
- Franke 1916 — *Franke R.O.* «Der Negativismus» in der alten Buddhalehre // AKS. 1916. P. 336–344.
- Franke 1926 — *Franke R.O.* Die Buddha als «ernst-bedacht und vollbewußt» // Beiträge zur Literaturgeschichte und Geistesgeschichte Indiens. Festgabe H. Jacobi. Bonn, 1926. P. 327–330.
- Frauwallner 1956 — *Frauwallner E.* The Earliest Vinaya and the Beginning of Buddhist Literature. Roma, 1956.
- Frauwallner 1957 — *Frauwallner E.* The Historical Data We Possess on the Person and the Doctrine of the Buddha // EW. 1957. Vol. VII. No. 4. P. 309–312.
- Frédéric 1995 — *Frédéric L.* Flammarion Iconographic Guides. Buddhism. Paris; New York: Flammarion, 1995.
- Fussman 1986 — *Fussman G.* Symbolism of the Buddhist Stūpa // JIABS. 1986. Vol. 9. No. 2. P. 37–53.
- Gail 1969 — *Gail A.J.* Buddha als avatāra Viṣṇu im Spiegel der Purāṇas // XVII Deutscher Orientalistentag v. 21 bis 27 Juli 1968 in Würzburg. Wiesbaden, 1969. T. 3. P. 917–923.
- Geiger 1956 — *Geiger W.* Pāli Literature and Language. Calcutta, 1956.
- Gethin 1997 — *Gethin R.* Cosmology and Meditation from the Aggañña-Sutta to the Mahāyāna // History of Religions. Vol. 36. No. 3. 1997. P. 183–217.
- Glaser 1926 — *Glaser H.V.* Brahma und Buddha. Berlin, 1926.
- Glaser 1938 — *Glaser H.V.* Zur Geschichte des Buddhistischen Dharma-Theorie // ZDMG. 1938. Bd. 92. P. 383–420.
- Glaser 1939 — *Glaser H.V.* Der Ursprung des buddhistischen Dharma-Theorie // WZKM. 1939. Bd. 46. P. 242–266.
- Glaser 1954 — *Glaser H.V.* Buddhismus und Göttesidee. Wiesbaden, 1954.
- Glaser 1962 — *Glaser H.V.* Von Buddha zu Gandhi. Aufsätze zur Geschichte der Religionen Indiens. Wiesbaden, 1962.

- Glasenapp 1974 — *Glasenapp H.V.* Buddhism and Comparative Religion, and Other Essays. Kandy, 1974.
- Gokhale 1956 — *Gokhale B.G.* The Buddhist Social Ideas // *IHQ*. 1956. Vol. XXXII. No. 2–3. P. 141–147.
- Gokhale 1965 — *Gokhale B.G.* The Theravāda-Buddhist View of History // *JAOS*. 1965. Vol. 85. No. 3. P. 354–360.
- Gokhale 1969 — *Gokhale B.G.* The Early Buddhist View of the State // *JAOS*. 1969. Vol. 89. No. 4. P. 731–738.
- Gokhale 1974 — *Gokhale B.G.* Animal Symbolism in Early Buddhist Literature and Art // *EW*. 1974. New Series. Vol. 24. No. 1–2. P. 111–120.
- Goonesekere 1967 — *Goonesekere L.R.* Buddhist Commentarial Literature. Kandy, 1967.
- Griffiths 1989 — *Griffiths P.J.* Buddha and God. A Contrastive Study in Ideas about Maximal Greatness // *The Journal of Religion*. 1989. Vol. 69. No. 4. P. 502–529.
- Grönbold 1984 — *Grönbold G.* Der buddhistische Kanon. Eine Bibliographie. Wiesbaden, 1984.
- Günther 1922 — *Günther H.* Buddha in der abendländischen Legende. Leipzig, 1922.
- Günther 1944 — *Günther H.* Die Buddhistische kosmogonie // *ZDMG*. 1944. Bd. 88. S. 44–83.
- Guide 1993 — *Guide to the Tipiṭaka. An Introduction to the Buddhist Canon.* Bangkok: White Lotus Co., 1993.
- Gupta 1977 — *Gupta R.* Twelve-membered Dependent Origination. An Attempted Reappraisal // *Journal of Indian Philosophy*. 1977. Vol. 5. P. 163–186.
- Haldar 1977 — *Haldar J.R.* Early Buddhist Mythology. Manohar, 1977.
- Hamm 1962 — *Hamm F.-R.* Zu einigen neueren Ausgaben des Pāli-Tipiṭaka // *ZDMG*. 1962. Bd. 112. S. 353–378.
- Hanayama 1961 — *Hanayama S.* Bibliography on Buddhism. Tokyo, 1961.
- Hardy 1890 — *Hardy E.* Der Buddhismus nach älteren Pāli-Werken dargestellt. Münster-in-W., 1890.
- Harvey 1984 — *Harvey P.* The Symbolism of the Early Stupa // *JIABS*. 1984. Vol. 7. No. 2. P. 67–93.
- Harvey 1995 — *Harvey P.* The Selfless Mind: Personality Consciousness and Nirvana in Early Buddhism. Richmond, Surrey: Curzon Press, 1995.
- Hecker 1979 — *Hecker H.* Maha-mogallāna. Kandy, 1979.
- Hecker 1980 — *Hecker H.* Ānanda. The Guardian of the *dharmā*. Kandy, 1980.
- Heiler 1922 — *Heiler F.* Die Buddhistische Versenkung. München, 1922.
- Heimann 1946 — *Heimann B.* The Significance of Negation in Hindu Philosophical Texts // *B.C. Law Volume*. Poona, 1946. Pt. II. P. 408–414.
- Hillebrandt 1897 — *Hillebrandt A.* Ritualliteratur. Vedische Opfer und Zauber. Strassburg, 1897.
- Hoppenworth 1972 — *Hoppenworth K.* Buddhistische Gleichnisse. Hermannsburg, 1972.
- Horner 1975 — *Horner I.B.* Women under Primitive Buddhism. Delhi, a. o., 1975.
- Ishida 1986 — *Ishida Hōyu.* Pilgrimage in Early Buddhism: Layman and Monk, and the Hindu Origin // *The Pacific World. Journal of the Institute of Buddhist Studies*. 1986. New Series. No. 2. P. 49–64.
- Jagadiswarananda 1932 — *Swami Jagadiswarananda.* Buddhism and the Vedas // *The Scholar*. 1932. Vol. VII. No. 7. P. 377–386.
- Jaspers 1957 — *Jaspers K.* Die grossen Philosophen. Bd. I. München, 1957.
- Jennings 1947 — *Jennings J.G.* The Vedantic Buddhism of the Buddha. Oxford, 1947.
- Jong 1959 — *Jong J.W. de.* [Rev. of the book:] *Neumann K.E.* Die Reden Gotamo Buddhos. Bd. I–III. Zurich; Wien, 1956–1957 // *IJ*. 1959. Vol. III. No. 3. P. 229–230.
- Jong 1968 — *Jong J.W. de.* Les Sūtraṭiṭaka des Sarvāstivādin et des Mūlasarvāstivādin // *Mélanges d'Indianisme à la mémoire de L. Renou.* Paris, 1968. P. 395–402.
- Jong 1987 — *Jong J.W. de.* A Brief History of Buddhist Studies in Europe and America. Delhi, 1987.

- Karunaratne 1969 — *Karunaratne T.B.* The Wheel Symbol. Kandy, 1969.
- Keith 1923 — *Keith A.* Buddhist Philosophy in India and Ceylon. Oxford, 1923.
- Keith 1931 — *Keith A.* The Doctrine of the Buddha // BSOS. 1931. Vol. VI. Pt. 2. P. 393–404.
- Keith 1936 — *Keith A.* Precanonical Buddhism // IHQ. 1936. Vol. XII. No. 2. P. 282–286.
- Kern 1974 — *Kern H.* Manual of Indian Buddhism. Delhi, a. o., 1974.
- Khantipālo 1980 — *Bhikkhu Khantipālo.* Bag of Bones. A Miscellany on the Body. Kandy, 1980.
- King 1986 — *King W.L.* Eschatology: Christian and Buddhist // Religion. 1986. Vol. XVI. No. 2. P. 169–185.
- Kirfel 1920 — *Kirfel W.* Die Kosmographie der Inder. Bonn; Leipzig, 1920.
- Kirfel 1959 — *Kirfel W.* Symbolik des Buddhismus. Stuttgart, 1959.
- Klimkeit 1990 — *Klimkeit H.-J.* Der Buddha: Leben und Lehre. Stuttgart, 1990.
- Kloetzli 1983 — *Kloetzli R.* Buddhist Cosmology. Delhi, a. o., 1983.
- Kloppenborg 1974 — *Kloppenborg R.* The Paccekabuddha. A Buddhist Ascetic. Leiden, 1974.
- Kochumuttom 1985 — *Kochumuttom T.* Buddhist Symbols and Imageries // Journal of Dharma. 1985. Vol. IX. No. 2. P. 175–196.
- Kottkamp 1988 — *Kottkamp H.* Zur Erforschung der Symbolik des buddhistischen stupa // Orientalistische Literaturzeitung. 1988. Bd. 83. H. 5. S. 517–525.
- Krishan 1984a — *Krishan Y.* Buddhism and Belief in Ātmā // JIABS. 1984. Vol. 7. No. 2. P. 117–135.
- Krishan 1984b — *Krishan Y.* The Origin and Development of the Bodhisattva Doctrine // EW. 1984. New Series. Vol. 1–3. P. 199–232.
- Krüger 1988 — *Krüger J.S.* Buddhist Hermeneutics: The Case of the Tevijja sutta // Journal for the Study of Religion. 1988. Vol. I. No. 1. P. 55–62.
- Ladner 1951 — *Ladner M.* Die Quintessenz des Brahmajāla-Sutta // Einsicht. 1951. P. 79–86.
- Lai 1982 — *Lai W.W.* The Mahāparinirvāṇa-Sūtra and Its Earliest Interpreters in China: Two Prefaces by Tao-lang and Tao-sheng // JAOS. 1982. Vol. 102. No. 1. P. 99–105.
- Lamotte 1947–1948 — *Lamotte E.* La légende du Bouddha // Revue de l'histoire des religions. 1947–1948. T. 34. No. 1, 2–3. P. 37–71.
- Lamotte 1958 — *Lamotte E.* Histoire du Bouddhisme indien de l'origines à l'ère Śāka. Louvain, 1958.
- Law 1926 — *Law B.C.* Magadha and Rājagṛha in the Pāli Literature // ABORI. 1926. Vol. VIII. Pt. II. P. 159–171.
- Law 1931a — *Law B.C.* Chronology of the Pāli Canon // ABORI. 1931. Vol. XII. Pt. II. P. 170–201.
- Law 1931b — *Law B.C.* Six Heretical Teachers // BST / Ed. by B.C. Law. Calcutta; Simla, 1931. P. 73–88.
- Law 1933 — *Law B.C.* A History of Pāli Literature. Vol. I–II. London, 1933.
- Law 1937 — *Law B.C.* Concepts of Buddhism. Leiden, 1937.
- Law 1941 — *Law B.C.* India as Described in Early Texts of Buddhism and Jainism. London, 1941.
- Law 1976 — *Law B.C.* The Life and Work of Buddhaghosa. Delhi, 1976.
- Ling 1997 — *Ling T.* Buddhism and the Mythology of Evil. A Study in Theravāda Buddhism. Oxford, 1997.
- Lüders 1940 — *Lüders H.* Das Würfelspiel im alten Indien // Philologica Indica. Göttingen, 1940. P. 106–175.
- Lüders 1954 — *Lüders H.* Beobachtungen zur Sprache des buddhistischen Urkanons. Berlin, 1954.
- Mac Queen 1984 — *Mac Queen G.* The Doctrines of the Six Heretics according to the Śrāmanyaphala Sūtra // IJ. 1984. Vol. 27. No. 4. P. 291–307.
- Mac Queen 1988 — *Mac Queen G.* A Study of the Śrāmanyaphala-Sūtra. Wiesbaden, 1988.
- Mal 1958 — *Mal B.* The Religion of Buddha and Its Relation to Upanishadic Thought. Hoshiarpur, 1958.
- Malalasekera 1958 — *Malalasekera G.P.* The Pāli Literature of Ceylon. Colombo, 1958.
- Marasinghe 1974 — *Marasinghe M.M.J.* Gods in Early Buddhism. Kelaniya, 1974.

- Masefield 1979 — *Masefield P.* The *nibbāna-parinibbāna* Controversy // Religion. 1979. Vol. IX. P. 215–230.
- Masson 1942 — *Masson J.* La religion populaire dans le canon bouddhique Pāli. Louvain, 1942.
- Meisig 1987 — *Meisig K.* Das Śrāmaṇaphala-Sūtra. Synoptische Übersetzung und Glossar der chinesischen Fassungen verglichen mit dem Sanskrit und Pāli. Wiesbaden, 1987.
- Mensching 1929 — *Mensching G.* Buddhistische Symbolik. Gotha, 1929.
- Migot 1954 — *Migot A.* Un grand disciple du Bouddha: Śāriputra. Son rôle dans l'histoire du Bouddhisme et dans le développement de l'abhidhamma // BEFEO. 1954. T. 46. F. 2.
- Ming-Wood Liu 1982 — *Ming-Wood Liu.* The Doctrine of the Buddha-Nature in the Mahāyāna Mahāparinirvāṇa-Sūtra // JIABS. 1982. Vol. 5. No. 2. P. 63–94.
- Nagao 1984 — *Nagao G.M.* Ascent and Descent: Two-directional Activity in Buddhist Thought // JIABS. 1984. Vol. 7. No. 1. P. 176–183.
- Nagrajji 1970 — *Muni Shri Nagrajji.* The Contemporaneity and the Chronology of Mahāvīra and Buddha. New Delhi, 1970.
- Nakamura 1955 — *Nakamura H.* Upanisadic Tradition and the Early School of Vedānta as Noticed in Buddhist Scripture // HJAS. 1955. Vol. 18. No. 1–2. P. 74–104.
- Nakamura 1980 — *Nakamura Hajime.* Indian Buddhism. A Survey with Bibliographical Notes. Tokyo, 1980.
- Ñāṇamoli 1978 — *Bhikkhu Ñāṇamoli.* The Life of Buddha: As It Appears in the Pali Canon, the Oldest Authentic Record. Kandy, 1978.
- Naravane 1985 — *Naravane V.S.* The Buddhist Element in Modern Indian Thought and Culture // Indian Horizons. 1985. Vol. XXXIV. No. 1–2. P. 11–39.
- Norman 1977 — *Norman K.R.* The Buddha's View of Devas // Beiträge zur Indieforschung E. Waldschmidt zum 80 Geburtstag gewidmet. Berlin, 1980. S. 329–336.
- Norman 1983 — *Norman K.R.* Pāli Literature. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1983 (A History of Indian Literature. Vol. III. Fasc. 2).
- Nyanaponika 1966 — *Nyanaponika Thera.* The Life of Śāriputra. Kandy, 1966.
- Oldenberg 1890 — *Oldenberg H.* Buddha. Sein Leben, seine Lehre, seine Gemeinde. Berlin, 1890.
- Oldenberg 1917 — *Oldenberg H.* Zur Geschichte der altindischen Prosa. Mit besonderer Berücksichtigung der prosaisch-poetischen Erzählung. Berlin, 1917.
- Oldenberg 1923 — *Oldenberg H.* Die Lehre der Upanischaden und die Anfänge des Buddhismus. Göttingen, 1923.
- Organ 1954 — *Organ T.W.* The Silence of the Buddha // PEW. 1954. Vol. IV. No. 2. P. 125–140.
- Pannasiri 1950 — *Pannasiri B.* Sigalovadasutra // Visvabharati Annals. Vol. III. Santiniketan, 1950. P. 150–228.
- Pande 1957 — *Pande G.G.* Studies in the Origins of Buddhism. Allahabad, 1957.
- Paul 1981 — *Paul D.Y.* Die Frau in Buddhismus. Hamburg, 1981.
- Pereira, Tiso 1988 — *Pereira J., Tiso F.* The Evolution of Buddhist Systematics from the Buddha to Vasubandhu // PEW. 1988. Vol. 38. No. 2. P. 172–186.
- Prince 1970 — *Prince A.J.* The Concept of Buddhahood in Early and Later Buddhism // Journal of the Oriental Society of Australia. Dec. 1970. Vol. 7. No. 1–2. P. 87–118.
- Przyluski 1932 — *Przyluski J.* Bouddhisme et Upaniṣad // BEFEO. 1932. T. 32. F. 1. P. 141–169.
- Przyluski 1935–1936 — *Przyluski J.* Le partage des reliques du Bouddha // Mélanges chinois et bouddhiques. 1935–1936. Vol. IV. P. 341–367.
- Rahula 1971 — *Rahula W.* L'idéal du Bodhisattva dans le Theravāda et le Mahāyāna // JA. 1971. T. 259. P. 63–70.
- Raju 1957 — *Raju P.T.* Buddhism and Vedānta // Indo-Asia Culture. 1957. Vol. VI. No. 1. P. 24–48.
- Ratnayaka 1985 — *Ratnayaka Shanta.* The Bodhisattva Ideal of Theravāda // JIABS. 1985. Vol. 8. No. 2. P. 85–110.

- Regamey 1957 — *Regamey C.* Le problème du Bouddhisme primitif et les derniers travaux de Stanislaw Schayer // RO. 1957. T. XXI. P. 37–58.
- Renou, Filliozat 1947–1953 — *Renou L., Filliozat J.* L'Inde classique. T. I–II. Paris, 1947–1953.
- Rhys Davids 1897–1901 — *Rhys Davids T.W.* Some Notes on Political Divisions of India when Buddhism Arose // JPTS. 1897–1901. P. 55–79.
- Rhys Davids 1906–1907 — *Rhys Davids C.A.F.* Similes in the Nikāyas // JPTS. 1906–1907. P. 52–151.
- Rhys Davids 1916 — *Rhys Davids T.W.* Buddhist India. London, 1916.
- Rhys Davids 1924–1927 — *Rhys Davids C.A.F.* Buddhism and the Negative // JPTS. 1924–1927. P. 237–250.
- Rhys Davids 1935 — *Rhys Davids C.A.F.* Curious Omissions in Pali Canonical Lists // JRAS. 1935. P. 721–724.
- Röhr 1973 — *Röhr H.* Buddhismus und Christentum // Zeitschrift für Religions- und Geistesgeschichte. 1973. Bd. 25. H. 4. S. 289–303.
- Ruegg 1992 — *Ruegg D.S.* Some Observations on the Present and Future of Buddhist Studies // JIABS. 1992. Vol. 15. No. 1. P. 104–117.
- Schayer 1935 — *Schayer S.* Precanonical Buddhism // AO. 1935. Vol. VII. No. 1–2. P. 121–132.
- Schlinghoff 1962 — *Schlinghoff D.* Dogmatische Begriffsreihen im älteren Buddhismus. I. Daśottara-sūtra, IX–X. Berlin: Akademie-Verlag, 1962.
- Schneider 1954 — *Schneider U.* Acht Etymologien aus dem Aggañña-sutta // Asiatica. Festschrift F. Weller. Leipzig, 1954. S. 575–583.
- Schneider 1957 — *Schneider U.* Ein Beitrag zur Textgeschichte des Aggañña-Suttanta // III. 1957. Vol. 1. No. 4. P. 253–265.
- Schumann 1982 — *Schumann H.* Der historische Buddha. Köln, 1982.
- Schumann 2003 — *Schumann H.W.* Buddhabilddnisse — Ihre Symbolik und Geschichte. Heidelberg; Leimen: Werner Kristkeitz Verlag, 2003.
- Seidenstücker 1921 — *Seidenstücker K.* Humor in den Reden Buddhas // Buddhistischer Weltspiegel. 1921. III Jhrg. No. 1. S. 33–39.
- Sengupta 1953 — *Sengupta B.K.* Buddhism and Vedanta // IHQ. 1953. Vol. XXIX. No. 1. P. 35–49.
- Serebriany 2005 — *Serebriany S.D.* Tolstoj et le Bouddhisme // Slavica Occitania. Toulouse, 2005. № 6. P. 115–132.
- Sewell 1888 — *Sewell R.* Early Buddhist Symbolism // JRAS. 1888. New Series. Vol. 18. P. 364–408.
- Shaner 1987 — *Shaner D.E.* Biographies of the Buddha // PEW. 1987. Vol. 37. No. 3. P. 306–322.
- Sharma 1970 — *Sharma R.S.* [Rev. of the book:] *Wagle N.* Society at the Time of Buddha. Bombay, 1966 // JESHO. 1970. Vol. XIII. Pt. II. P. 230–232.
- Silk 1989 — *Silk J.A.* A Note on the Opening Formula of Buddhist Sūtras // JIABS. 1989. Vol. 12. No. 1. P. 158–163.
- Simpson 1970 — *Simpson W.* The Buddhist Praying-wheel: A Collection of Material Bearing upon the Symbolism of the Wheel and Circular Movements in Custom and Religious Ritual. London; New York: Macmillan, 1970.
- Skilling 1980 — *Skilling P.* The Daśottara-sūtra, the Ṣaṣṭraka-nipāta and the Śīlaskandhikā // Linh-Son Publication d'Études Bouddhologiques. 1980. 10. P. 26–35.
- Smart 1972 — *Smart N.* Problems of the Application of Western Terminology to Theravada Buddhism with Special Reference to the Relationship between the Buddha and the Gods // Religion. 1972. Vol. II. No. 1. P. 37–41.
- Snodgrass 1985 — *Snodgrass A.* The Symbolism of the Stupa. New York, 1985.
- Sopa 1986 — *Sopa Geshe Lhundub.* The Special Theory of Praṭīyasamutpāda: The Cycle of Dependent Origination // JIABS. 1986. Vol. 9. No. 1. P. 105–119.
- Sparks 1966 — *Sparks J.A.* Buddha and Christ: A Functional Analysis // Numen. 1966. Vol. XIII. No. 3. P. 190–204.

- Stache-Rosen 1957–1968 — *Stache-Rosen V.* Dogmatische Begriffsreihen im älteren Buddhismus. I. Fragmente des Daśotarāsūtra; II. Das Saṅgītisūtra und sein Kommentar Saṅgītisūtra und sein Kommentar Saṅgītiparyāya. Berlin: Akademie-Verlag, 1957–1968.
- Stall 1976 — *Stall J.F.* Making Sense of the Buddhist Tetralemma // *Philosophy East and West*. Essays in Honor of T.M.P. Mahadevah. Bombay, a. o., 1976. P. 122–131.
- Stcherbatsky 1919 — *Stcherbatsky Th.* The Soul Theory of the Buddhists // *Известия РАН*. 1919. Сер. 6. Т. 13. С. 823–854, 937–958.
- Stcherbatsky 1929 — *Stcherbatsky Th.* Über den Begriff *vijñāna* in Buddhismus // *ZII*. 1929. Bd. VIII. S. 136–139.
- Stcherbatsky 1932 — *Stcherbatsky Th.* The Doctrine of the Buddha // *BSOS*. 1932. Vol. VI. Pt. 4. P. 867–896.
- Stehly 1977 — *Stehly R.* Bouddhisme et Nouveau Testament // *Revue d'histoire et de philosophie religieuses*. 1977. 57 an. No. 4. P. 433–437.
- Stevens 1987 — *Stevens J.* What did Buddha Eat? // *Buddhist Studies Review*. 1987. 4, 1. P. 25–30.
- Stoesz 1978 — *Stoesz W.* The Buddha as Teacher // *Journal of the American Academy of Religion*. 1978. Vol. 46. No. 2. P. 139–158.
- Story 1972 — *Story F.* Gods and the Universe in Buddhist Perspective. Kandy, 1972.
- Strauss 1925 — *Strauss O.* Indische Philosophie. München, 1925.
- Stuart-Fox 1989 — *Stuart-Fox M.* Jhāna and Buddhist Scholasticism // *JIAS*. 1989. Vol. 12. No. 2. P. 79–110.
- Subrahmaniam, Nainar 1952 — *Subrahmaniam R., Nainar S.P.* Buddhaghōṣa — His Place of Birth // *The Journal of Oriental Research*. 1952. Vol. XIX. Pt. IV. P. 278–284.
- Swearer 1973a — *Swearer D.K.* Control and Freedom: The Structure of Buddhist Meditation in the Pāli suttas // *PEW*. 1973. Vol. 23. No. 4. P. 435–455.
- Swearer 1973b — *Swearer D.K.* A Guide to the Perplexed. The Satipaṭṭhāna sutta. Kandy, 1973.
- Syrkin 1979 — *Syrkin A.* Interpretations of “Gitagovinda” and Their Analogies // *Darshana International*. 1979. Vol. XIX. No. 4. P. 12–28.
- Syrkin 1981–1982 — *Syrkin A.* Notes on Pāli Canonic Style // *Pali Buddhist Review*. 1981–1982. Vol. 6. No. 2. P. 69–87.
- Syrkin 1983 — *Syrkin A.* On the First Work in the Sutta Piṭaka: The Brahmajāla-sutta // *Buddhist Studies: Ancient and Modern*. London, 1983. P. 153–166.
- Syrkin 1984a — *Syrkin A.* On the Beginning of Sutta Piṭaka (The Brahmajāla Sutta) // *Orthodoxy, Heterodoxy and Dissent in India*. Berlin; New York; Amsterdam, 1984. P. 57–71.
- Syrkin 1984b — *Syrkin A.* Notes on the Buddha's Threats in the Dīgha Nikāya // *JIAS*. Vol. 7. No. 1. 1984. P. 147–158.
- Syrkin 1989 — *Syrkin A.* The “Indian” in Tolstoy // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1989. Bd. 23. S. 85–114; Bd. 24. S. 65–85.
- Takeuchi 1965 — *Takeuchi Yoshinori.* The Silence of Buddha // *Philosophical Studies of Japan*. Tokyo, 1965. Vol. VI. P. 43–58.
- Takeuchi 1972 — *Takeuchi Yoshinori.* Problem der Versenkung im Ur-Buddhismus. Leiden: Brill, 1972.
- Thomas 1927 — *Thomas E.* The Life of Buddha as Legend and History. London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co.; New York: Alfred A. Knopf, 1927.
- Thomas 1936 — *Thomas E.J.* Tathāgata and Tathāgaya // *BSOS*. 1936. Vol. 8. P. 781–788.
- Thundy 1993 — *Thundy Z.P.* Buddha and Christ. Nativity Stories and Indian Tradition. Leiden, 1993 (Studies in the History of Religion. LX).
- Ujitani 1958 — *Ujitani Y.* On Salutations to the Buddha as Found in the Texts of Early Buddhism // *Undo-gaku, Bukkyō-gaku Kenkyū*. 1958. Vol. VI. No. 11. P. 191–196 (BB. XXVIII–XXXI. 1954–1958. P. 71).
- Upadhyaya 1971 — *Upadhyaya K.N.* Early Buddhism and the Bhagavadgītā. Delhi, 1971.

- Viennot 1954 — *Viennot O.* Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Paris, 1954.
- Vogel 1970 — *Vogel C.* The Teachings of the Six Heretics. Wiesbaden, 1970.
- Vogel 1971 — *Vogel C.* Pali Lexical Studies // IJ. 1971. Vol. XIII. No. 1. P. 20–30.
- Wagle 1966 — *Wagle N.* Society at the Time of Buddha. Bombay, 1966.
- Wagle 1967 — *Wagle N.* Social Groups and Ranking: An Aspect of Ancient Indian Social Life Derived from the Pali Canonical Texts // JESHO. 1967. Vol. X. Pt. II–III. P. 278–316.
- Wagner 2007 — Schwerpunkt Wagner und der Buddhismus // Wagnerspectrum. 2007. Heft 2, 3 Jahrgang. Würzburg, 2007.
- Waldschmidt 1932 — *Waldschmidt E.* (hrsg.). Bruchstücke Buddhistischer Sūtras aus der Zentralasiatischen Sanskrit-Kanon. Leipzig, 1932 (Kleinere Sanskrit-Texte. H. IV).
- Waldschmidt 1939 — *Waldschmidt E.* Beiträge zur Textgeschichte des Mahāparinirvāṇasūtra // Nachr. v. der Gesellschaft der Wiss. zu Göttingen. Philol.-hist. Kl. Fachgruppe III. N. F. Bd. II. Nr. 3. Göttingen, 1939. S. 55–94.
- Waldschmidt 1944–1948 — *Waldschmidt E.* Die Überlieferung vom Lebensende des Buddha. Eine vergleichende Analyse des Mahāparinirvāṇasūtra und seiner Textentsprechungen // Abh. d. Akademie der Wiss. in Göttingen. Philol.-hist. Kl. 3 Folge, nr. 29–30, 1–2 Teil, Göttingen, 1944–1948.
- Waldschmidt 1950–1951 — *Waldschmidt E.* Das Mahāparinirvāṇasūtra. Auf Grund von Turfan-Handschriften hrsg. und bearb. v. E. Waldschmidt. Teil I–III. Berlin, 1950–1951.
- Waldschmidt 1955 — *Waldschmidt E.* Die Einleitung des Saṅgītisūtra // ZDMG. 1955. Bd. 105. S. 298–318.
- Waley 1931–1932 — *Waley A.* Did Buddha Die of Eating Pork? // Mélanges Chinois et Bouddhiques. Bruxelles, 1931–1932. Vol. I. P. 343–354.
- Walleser 1923–1924 — *Walleser M.* Der buddhistische Negativismus // ZB. 1923–1924. V. Jhrg. S. 168–182.
- Walleser 1924 — *Walleser M.* Sprache und Heimat des Pāli-Kanons. Heidelberg, 1924.
- Warder 1956 — *Warder A.K.* On the Relationships between Early Buddhism and Other Contemporary Systems // BSOS. 1956. Vol. XVIII. No. 1. P. 43–63.
- Warder 1967 — *Warder A.K.* Pali Metre. A Contribution to the History of Indian Literature. London, 1967.
- Wasson 1982 — *Wasson R.G.* The Last Meal of the Buddha // JAOS. 1982. Vol. 102. No. 4. P. 591–603.
- Wayman 1957 — *Wayman A.* Contributions Regarding the Thirty-two Characteristics of the Great Person // Liebenthal Festschrift. Sino-Indian Studies. Santiniketan, 1957. Vol. V. No. 3–4.
- Wayman 1961 — *Wayman A.* The Buddhist “Not this, not this” // PEW. 1961. Vol. 11. No. 3. P. 99–114.
- Webb 1975 — *Webb R.* An Analysis of the Pali Canon. Kandy, 1975.
- Weis 1985 — *Weis A.* Die Madonna Platytera. Königstein im Taunus: Karl Robert Langewiesche Verlag, 1985.
- Welbon 1968 — *Welbon G.R.* The Buddhist *nirvāṇa* and Its Western Interpreters. Chicago, 1968.
- Weller 1922 — *Weller F.* Über den Aufbau des Pāṭikasuttanta. I. Das Pālitext // Hirth anniversary volume. London, 1922. P. 620–639.
- Weller 1923 — *Weller F.* Der chinesische Dharmasaṃgraha mit einem Anhang über das Lakkhaṇasuttanta des Dīghanikāya. Leipzig, 1923.
- Weller 1928a — *Weller F.* Die Überlieferung des ältere buddhistischen Schrifttums // AM. 1928. Vol. V. F. 2. P. 149–182.
- Weller 1928b — *Weller F.* Über den Aufbau des Pāṭikasuttanta. II. Übersetzung des chinesischen Textes // AM. 1928. Vol. V. F. 1. P. 109–140.
- Weller 1928c — *Weller F.* Über die Rahmenerzählung des Saṅgītisuttanta im Pālikanon // AM. 1928. Vol. V. Fasc. 1. P. 141–145.

- Weller 1933 — *Weller F.* Über die Brahmajālasutta. I. Der Tibetische Text // AM. 1933. Vol. IX. F. 2. P. 195–332; II // Ibid. F. 3. P. 381–440.
- Weller 1934 — *Weller F.* Brahmajālasūtra. Tibetischer und Mongolischer Text. Leipzig, 1934.
- Weller 1935 — *Weller F.* Das Tibetische Brahmajālasutta // ZII. 1935. Bd. X. H. 1. S. 1–61.
- Weller 1971 — *Weller F.* Das Brahmajālasūtra des Chinesischen Dīrghāgama // AS. 1971. 25. P. 202–264.
- Wijesekera 1964 — *Wijesekera O.H. de.* The Concept of *viññāṇa* in Theravāda Buddhism // JAOS. 1964. Vol. 84. No. 3. P. 254–259.
- Wijesekera 1994 — *Wijesekera O.H. de.* Vedic Gandharva or Pali Gandhabba // Buddhist and Vedic Studies. A Miscellany. Delhi, 1994. P. 175–212.
- Williams 1974 — *Williams D.M.* The Translation and Interpretation of the Twelve Terms in the Paṭiccasamuppāda // Numen. 1974. Vol. 21. P. 35–63.
- Williams 1978 — *Williams D.M.* The Paṭiccasamuppāda: A Developed Formula // Religious Studies. 1978. Vol. 14. No. 1. P. 35–56.
- Windisch 1895 — *Windisch E.* Māra und Buddha. Leipzig, 1895.
- Winternitz 1929 — *Winternitz M.* Der ältere Buddhismus nach Texten des Tipiṭaka. Tübingen, 1929.
- Winternitz 1988 — *Winternitz M.* A History of Indian Literature. Vol. II. Delhi, a. o., 1988.
- Yamamoto 1973–1975 — *Yamamoto K.* The Mahāyāna Mahāparinirvāṇa-Sutra. Vol. 1–3. Oyama, 1973–1975.
- Zimmermann 1974 — *Zimmermann H.* Symbolik des Buddhismus // AS. 1974. Vol. XXVIII. No. 2. P. 85–112.
- Zotz 1986 — *Zotz V.* Zur Rezeption, Interpretation und Kritik des Buddhismus im Deutschen Sprachraum von Fin-de-Siècle bis 1930. Wien, 1986.
- Zotz 1991 — *Zotz V.* Buddha. Hamburg, 1991.
- Zoysa 1955 — *Zoysa A.P. de.* Indian Culture in the Days of the Buddha. Colombo, 1955.
- Zürcher 1980 — *Zürcher E.* Buddhist Influence on Early Taoism // T'oung Pao. 1980. Vol. LXVI. No. 1–3. P. 84–147.

ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ¹

- абхассара XV.33, 34; XXXIII.1.10; 2.3; 3.2;
XXXIV.1.8; 2.2
- Абхибху XIV.1.9; 3.30, 32
- аванти XIX.36
- Авиха (обитель божеств) XXXIII.2.1
- авиха (категория божеств) XIV.3.29, 31
- Авичи XXVI.23
- «Агганья-сутта» («Агганьяка-сутта») XXVII;
XXXIV.2.3
- Аггивессана (Нигантха Натхапутта) II.28
- Аггидатта XIV.1.12; 3.30, 32
- Аддхари XIII.10
- Аджатасатту Ведехипутта II.1–13, 35, 37, 39,
99, 101, 102; XVI.1.1–3, 5; 6.24, 27
- адживака XVI.6.19
- Аджита XXIV.1.18
- Аджита Кесакамбала (Кесакамбали) II.4, 22–
24; XVI.5.26
- Аканиттха (обитель божеств) XXXIII.2.1
- аканиттха (категория божеств) XIV.3.31;
XXI.2.8
- Алавака XXXII.10
- Алакаманда XVI.5.18; XVII.1.3; XXXII.7, 8
- Алара Калама XVI.4.26, 27, 34, 43
- Аллакаппа XVI.6.24, 27
- Амбагама XVI.4.5
- Амбака (ганика Амбали) XVI.2.16, 18
- Амбалаттхи(ка) I.1.2; V.1–3, 7, 8; XVI.1.13,
14
- Амбали (ганика) XVI.2.14, 16, 18, 19
- Амбали (роща) XVI.2.11, 16, 20, 21
- Амбара-Амбараватия XXXII.7
- Амбасанда XXI.1.1–3
- Амбаттха III.1.3–28; 2.1–15, 17
- «Амбаттха-сутта» III; XIII.82
- Ананда (ученик Готамы Будды) I.3.74; X.1.1–6,
30; 2.1, 19, 20, 37; XIV.1.11; 3.30, 32; XV.1–
36; XVI.1.4, 6, 13, 15, 19, 27, 28; 2.1, 5–9,
11, 21, 24–26; 3.1–7, 11–24, 32–49; 4.1, 5, 6,
13, 20–25, 35, 37, 38, 42; 5.1, 3–6, 8–22, 24,
25, 29, 30; 6.1–4, 6, 8, 10–12, 17; XVII.1.2–
33; 2.1–17; XVIII.3–10, 29; XXIX.2, 3
- Ананда (святилище) XVI.4.7, 12
- Анатхапиндика IX.1; X.1.1; XIV.1.1; XXX.1.1
- Анга IV.1–3; XVIII.4–6
- Ангака IV.20
- анги XIX.36
- Ангираса (брахманский авторитет) III.2.8, 9;
XIII.13, 14, 18, 20, 22
- Ангираса (Готама Будда) XXXII.3
- анеджака XX.15
- Анопама XIV.1.12; 3.30, 32
- Анупия XXIV.1.1
- Ануруддха XVI.6.8, 10–12, 14, 21
- Ариттха XXXII.7
- ариттхака XX.15
- Аруна (отец Сикхи Будды) XIV.1.12; 3.30, 32
- аруна (категория божеств) XX.17
- Арунавати XIV.1.12; 3.30, 32
- архат (арахант) I.1.3, 4; II.8, 40; III.1.2, 4, 5;
IV.2, 3, 6; V.2, 3, 7, 23; VI.1, 3; VIII.24;
IX.56; XII.3, 13, 15; XIII.7; XIV.1.4–12, 16,
31–33; 3.1–24, 29–32; XVI.1.4, 16, 17; 2.9;
5.5, 12, 15, 23, 24, 27, 30; XVIII.22–27;
XIX.14; XX.1, 2, 4; XXI.1.1, 2, 4–7, 11;
2.10; XXIII.2.3; XXIV.1.6, 7, 12, 13; 2.7–

¹ Сюда включены только встречающиеся в тексте Дигха-никаи собственные имена (исторические, географические, мифологические) и оставленные без перевода названия предметов и термины. Единственное исключение — для условного перевода: «Благостный» (Бхагаван). Латинские цифры указывают на номер сутты, арабские — на соответствующий параграф или (в I, III, X, XIV, XVI, XVII, XXI, XXIV, XXX, XXXIII, XXXIV) — на главу и параграф.

- 10; XXV.21; XXVI.25, 26; XXVII.7, 31; XXVIII.1, 2, 19; XXIX.8, 9, 14, 26; XXX.1.1–3, 5, 8; 11.14, 17, 20, 23, 26, 29, 32; 2.2, 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 30; XXXIII.1.7–11; 2.1–3; 3.1–3; XXXIV.1.5, 6; 2.1
- асава XX.18
- асама XX.14
- асанньясатта XXIV.2.20; XXXIII.3.2; XXXIV.2.2
- Асока XIV.1.11, 16; 3.29, 31
- ассаки XIX.36
- ассатары XX.11
- ассаттха XIV.1.8; 3.30, 32
- асура XVIII.13; XIX.2, 3; XX.12; XXI.1.8; 2.1, 7; XXIV.1.7–9; XXX.1.8, 9, 17; 2.11, 14, 17, 20, 23, 27, 30; XXXIII.3.2
- Атаната XXXII.7
- Атанатия XXXII.2, 3, 8, 11, 13
- «Атанатия-сутта» («Атанатияка-сутта») XXXII; XXXIV.2.3
- Атаппа (обитель божеств) XXXIII.2.1
- атаппа (категория божеств) XIV.3.31
- Атгхака III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
- Атума XVI.4.30
- Ачиравати XIII.1, 7, 24, 26, 29
- аччута XX.15
- баббаджа XV.1
- Бали XX.12
- бандхудживака XVI.3.31; XXXIII.3.1; XXXIV.2.1
- Бандхума XIV.1.12, 16, 31, 33, 34, 37, 38; 2.3, 4, 7, 8, 11, 12; 3.29, 31
- Бандхумати (царица) XIV.1.12, 16; 3.29, 31
- Бандхумати (город) XIV.1.12, 16; 2.16; 3.8–10, 14, 18, 22–27, 29, 31
- Баранаси XIV.1.12; 3.30, 32; XVI.3.29–32; 5.17; XVII.1.2; XIX.36; XXVI.23; XXXIII.3.1; XXXIV.2.1
- Бахупутта XVI.3.2, 5, 46, 47; XXIV.1.11
- Белува (поселение) XVI.2.21, 22
- белува (растение) XXI.1.2, 4, 6
- бирана XXIV.1.7–9
- Благостный см. Бхагаван
- бодхисаттва XIV.1.17–30; 2.16–22; XVI.3.15, 16
- Брахмадатта (юный ученик) I.1.1–4
- Брахмадатта (царь) XIX.36
- Брахмадатта (отец Кассапы) XIV.1.12; 3.30, 32
- «Брахмаджала-сутта» I; XIII.82
- Брахма I.2.3–6; II.40, 87, 88; III.1.2, 4; IV.2, 5, 6, 13, 20; V.2, 6, 7, 13, 17; VI.1; XI.4, 5; 79–85; XII.3; XIII.4, 5, 8–10, 12–15, 18, 20, 22, 23, 25, 28, 30, 31, 33–39, 77–79, 81; XIV.1.17, 30, 31; 3.2–7, 23, 25; XV.33, 34; XVI.3.21, 23; 4.19; XVII.2.13, 17; XVIII.15, 17, 22; XIX.15, 16, 18–20, 38–61; XX.20; 21; XXI.1.11, 12; 2.9; XXIV.2.14–17; XXVI.25; XXVII.3, 4, 7, 9; XXVIII.18; XXIX.29; XXX.1.5, 11; 2.26; XXXIII.1.10; 2.3; 3.1, 2; XXXIV.1.7, 8; 2.2
- Брахма Сананкумара (Сананкумара) III.1.28; XVIII.17–23, 26–29; XIX.16–19, 27, 28, 44, 45; XX.20; XXVII.32
- Брахма Сахампати XVI.6.10
- брахманы (каста) I.1.11–27, 29–35; 2.1, 6, 7, 9, 10, 12–14, 16–21, 23–28, 30–33, 35, 37–39; 3.1, 3, 5, 7, 9, 10, 17, 19, 20, 25, 27, 29, 32–72; II.1, 14–16, 18, 19, 21–25, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 40, 46–62; III.1.1–4, 6, 8, 10, 12, 13, 15, 20, 21, 24–27; 2.3, 5, 6, 8, 9, 13–22; IV.1–25, 27; V.1–30; VI.1, 2, 4, 5; VIII.4, 14, 21; IX.6.7, 34–36, 38; X.1.30; 2.19, 37; XII.1–10, 12, 13, 15, 19, 78; XIII.2, 4, 8–10, 12–20, 22, 23, 25, 27, 28, 30–36; XIV.1.5, 17, 30, 33; 2.4, 8, 12; 3.30, 32; XVI.1.2, 3, 5, 6, 16, 23, 24; 3.14, 21, 23; 4.19; 5.10, 16, 17, 23, 24, 26; 6.24, 25, 27; XVII.1.2, 21, 24, 33; 2.17; XVIII.4, 6, 22; XIX.29, 31–35, 37–45, 47–49, 56–61; XXI.2.6, 7; XXIII.2–4, 6, 8, 10–13, 32; XXIV.1.19–21; 2.1, 4, 14, 18–21; XXV.10, 11, 13, 14; XXVI.5, 10, 11, 17–19, 22, 25, 26; XXVII.3–7, 9, 22, 23, 26–30; XXVIII.1, 3, 4, 7, 15–19; XXIX.29, 34–39; XXX.1.4, 5, 8, 11, 17, 25; 2.11, 13, 14, 17, 20, 23, 26, 29; XXXI.27, 33, 34; XXXIII.1.2; 2.1; 3.1–3; XXXIV.2.1, 3
- брахман (просветленное существо) VIII.15–17; XIII.25, 28, 30
- Брахмачария XIII.10
- Будда (Готама) I.1.1–4; II.8, 40; III.1.2, 4; IV.2–3, 6; V.2, 3, 7, 25, 30; VI.1; XII.3, 9; XIII.7; XVI.2.9, 19; 4.3; 6.5, 6, 25, 28; XVIII.4, 6, 20, 27; XX.3, 5, 11, 22; XXI.1.4, 6, 11, 12; 2.9; XXIV.1.6; XXVI.25; XXX.1.5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 29, 32; 2.2, 5, 8, 11, 14, 17, 20, 23, 26, 30; XXXII.4–7, 12; XXXIII.1.11; 2.1, 2; XXXIV.1.6, 7
- Будда (родовое понятие) III.2.21; V.29; XIV.1.13–15; 3.6; 11.15, 19, 28, 33; XXVI.25; XXXIII.3.1; XXXIV.2.1
- Буддхиджа XIV.1.11; 3.30, 32
- були XVI.6.24, 27

- буму XXIV.1.7
 Бхагаван (Благостный) passim
 Бхагалавати XXXII.7
 Бхагваготта (Бхагва) XXIV.1.1–3, 6–16, 19–22; 2.1–6, 8–14, 17–21
 Бхагу III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 Бхадда (преданный мирянин) XVI.2.6, 7
 Бхадда (Сурияваччас) XXI.1.5–7; 2.10
 Бхандагама XVI.4.1, 4, 5
 Бхарадваджа (предводитель яккхов) XXXII.10
 Бхарадваджа (ученик Кассапы) XIV.1.9; 3.30, 32
 Бхарадваджа (брахманский авторитет) III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 Бхарадваджа (юный брахман) XIII.3, 5–9, 82; XXVII.1, 2, 32
 Бхарата (царь) XIX.36
 Бхарата (род) XIX.36
 Бхесика XII.4–8
 Бхиййоса XIV.1.9; 3.30, 32
 Бхоганагара XVI.4.6, 7, 12, 13
 Бхунджати XXI.1.10
 Бхусагара XVI.4.30, 31
 бхута XV.4
- вадждхийцы XVI.1.1–5, 26–28; XVIII.1–3, 5; XXIV.1.6, 11, 15, 16, 18
 Ваджирани III.1.21
 вайшья III.1.15; IX.35; XIII.19; XVII.2.15; XXVII.5, 6, 24, 26–30
 Валахака XVII.1.13; 2.5, 10–12, 14, 15
 Вамалева III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 Вамака III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 вансы XVIII.1–3, 5
 варна III.1.15
 Варуна (бог) XIII.25; XXXII.10
 варуна (категория божеств) XX.13, 15
 Васав (Сакка) XX.14; XXI.1.12, 13; 2.9
 васаванеси XX.15
 Васавати XI.78, 79
 Васетгха (брахманский авторитет) III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 Васетгха (юный брахман) XIII.3, 4, 6–9, 11–40, 77–82; XXVII.1–32
 васетгхи XVI.5.19, 20; 6.12, 14, 15, 17, 21; XXXIII.1.4
 Вассакара XVI.1.2, 3, 5, 6, 26–32
 васу XX.12, 14
 Вебхара XVI.3.42, 43
 вегханаса XX.17
 Веджаянта XVII.2.5, 10–12, 14, 15
- Ведьяка XXI.1.1–3
 Ведханья XXIX.1
 веды III.1.3; IV.5, 13, 14, 20; V.6, 14, 17; XIII.12–18, 20, 22, 23, 25, 27, 28, 30, 32–36
 венху XX.14
 Вепачитти XX.12
 Вепулла XX.8
 Вероча XX.12
 Весали VI.1; XVI.1.5; 2.11, 14–16, 20, 22; 3.1, 2, 5, 45–47; 4.1; 6.24, 27; XX.11; XXIV.1.11, 13–16, 18–21; 2.1, 4
 Вессабху (Будда) XIV.1.4–12; 3.30, 32; XXXII.3
 Вессабху (царь) XIX.36
 Вессавана (Кубера) XVIII.10–12, 28, 29; XIX.2; XXI.1.10; XXXII.2, 3, 7, 12
 Вессамитта (предводитель яккхов) XX.8; XXXII.10
 Вессамитта (брахманский авторитет) III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 Ветхадипа XVI.6.24, 27
 видехи XIX.36
 Видхура XIV.1.9; 3.30, 32
 вина XXI.1.2, 4, 6
 Випасси XIV.1.4–12, 16, 17, 31, 34–38; 2.1–22; 3.1–24, 29, 31; XXXII.3
 Вирулхака (Вирулха) XVIII.11, 12; XIX.2; XX.9; XXXII.5
 Вирупаккха XVIII.12; XIX.2; XX.9; XXXII.6
 Висакха XIV.1.12; 3.30, 32
 Висана XXXII.7
 Виссакамма XVII.1.25
 витенду XX.10
 виту XX.10
 витучча XX.10
 вичаккхана XX.17
- Гавампати XXIII.33, 34
 Гаггара (пруд) IV.1–3, 6, 7; XXXIV.1.1
 Ганг (Ганга) II.17; XVI.1.31, 32; XVII.1.16; XIX.8, 23
 гандхабба (ж.р. гандхабби) XV.4; XVIII.20; XIX.1, 60, 62; XX.9, 10; XXI.1.2, 4, 6, 8, 11, 12; 2.1, 10; XXX.1.8, 9, 17; 2.11, 14, 17, 20, 23, 27, 30; XXXII.1.4, 8–10, 12
 Гандхара XI.5; XVI.6.28
 ганика XVI.2.14, 16, 18, 19
 Гиджджхакута VIII.23; XVI.1.1, 12, 41, 43; XIX.1; XXV.1, 6, 24; XXXII.1
 Гималаи III.1.16; XIV.1.35
 Говинда (отец Джотипалы, или Махаговинды) XIX.29–31

- Говинда (Махаговинда) XIX.35, 37, 39–42, 44, 46, 50–57
- Гопака XXI.1.11, 12
- Гопала XXXII.10
- Гопика XXI.1.11, 12
- Готама (Будда) I.1.8–27; II.8; III.1.2, 4, 5, 7, 10, 12, 13, 15–19, 21, 22, 24–27; 2.1, 2, 4, 7, 9, 10, 12, 14–17, 19, 20, 22; IV.2–8, 10, 12–22, 26; V.2–9, 21–28, 30; VI.1, 2, 15; VII.1; VIII.2, 3, 5–14, 16, 18, 22; IX.4, 31, 32; X.1.5, 6; 2.1, 20, 37; XII.3, 4, 7, 9–11, 19, 78; XIII.7, 8, 10–14, 16–22, 24, 26, 29, 31–33, 35, 37, 39, 80–82; XVI.1.3, 5, 30, 32, 43; 4.3; 5.23, 24, 26; 6.19; XXI.1.12; XXIII.2, 3, 30; XXIV.1.6, 8, 15–18, 20–22; 2.1, 3, 4, 12, 17–21; XXV.3, 5–7, 20, 23, 24; XXVII.8; XXIX.27, 31–33; XXXII.3–7
- Готама (род) XIV.1.6; 3.30, 32
- Готамака XVI.3.2, 5, 46, 47; XXIV.1.11
- Гула XXXII.10
- Гхосита VI.15; VII.1
- даббха V.18, 20
- даддула VIII.14–17; XXV.8
- Дадхимукха XXXII.10
- Далханеми XXVI.2, 3
- данавегхасы XX.12
- дандаманавака XXXII.7
- Дантапура XIX.36
- Дарупаттика VI.15; VII.1; XXIV.2.4–6, 8–11
- «Дасутгара-сутта» XXXIV; XXXIV.2.3
- Джалия VI.15; VII.1; XXIV.2.4–6, 8–11
- «Джалия-сутта» VII; XIII.82
- Джамбудипа XIV.3.27; XVI.6.28; XXVI.23; XXX.1.21
- Джамбугама XVI.4.5, 6
- Джанавасабха XVIII.9, 10, 29
- «Джанавасабха-сутта» XVIII; XXIII.34
- Джанесабха XX.10; XXXII.10
- Джаногха XXXII.7
- Джануссонни XIII.2
- Джетавана IX.1; X.1.1; XIV.1.1; XXX.1.1
- Дживака XVI.3.42, 43
- Дживака Комарабхачча II.1, 8–11
- дживандживака XXXII.7
- джоти XX.18
- Джотипала (Махаговинда) XIX.29–31
- Дигха XXXII.10
- Диса III.1.16
- Дисампати XIX.29–34
- Дона XVI.6.25, 27
- дукула XVII.2.5, 10–12, 14
- Дхамма (дворец) XVII.1.25, 26, 28–31, 33; 2.5, 7, 10–15
- Дхамма (пруд) XVII.1.31–33
- дхамма I.1.1–6; II.99; III.2.22; IV.24; V.25, 28; VIII.23; IX.54, 55; X.2.37; XII.13, 15, 78; XIII.82; XIV.3.12, 16, 20, 29–32; XVI.2.9; 3.18, 51; 4.34; 5.8, 28; 6.5; XVIII.4, 6, 13, 18, 20, 27; XIX.3, 17; XXI.1.11, 12; XXIII.30; XXIV.1.6; XXXI.35; XXXIII.1.11; 2.1, 2; 3.3; XXXIV.1.5–7; 2.3
- Дханавати XIV.1.12; 3.30, 32
- дхану XVII.1.22
- Дхарани XXXII.7
- Дхатаратгха (один из четырех «Великих царей») XVIII.12; XIX.2; XX.9; 11; XXXII.4
- Дхатаратгха (имя двух царей) XIX.36
- Инда (Сакка) XIII.25; XX.9, 21; XXI.1.12; XXX.1.30; XXXII.4–7, 10
- Индасала XXI.1.1, 2, 4, 8, 9
- Исана XIII.25
- Исигили XVI.3.42, 43
- итихаса III.1.3; IV.5, 13, 14, 20; V.6, 14, 17
- Иччхананкала III.1.1, 2, 4, 6; 2.16
- йоджана IV.7; V.8; XIV.1.36; XVI.5.5, 18; XVII.1.3, 14, 26, 31; XXIII.9
- кадали I.1.15; II.50; XVII.2.5, 10–12, 14
- Какудха XVI.2.6, 7
- Какусандха XIV.1.4–12; 3.30, 32; XXXII.3
- Какутгха XVI.4.22, 23, 38–41
- калаканджи XX.12; XXIV.1.7–9
- Калинга (преданный мирянин) XVI.2.6, 7
- Калинга (область) XVI.6.28
- калинги XIX.36
- Камасетгха (божество) XXXII.10
- камасетгха (категория божеств) XX.10
- камбалы XX.11
- Каммассадамма XV.1; XXII.1
- Кандарамасука XXIV.1.11–14
- каникара XVI.3.30; XXXIII.3.1; XXXIV.2.1
- Каннакатгхала VIII.1
- Канха (Мара) XX.21
- Канха (царь) III.1.16, 23
- Канхаяна III.1.16, 20, 21
- Капиванта XXXII.7
- Капилаваттху III.1.13, 14; XIV.1.12; 3.30, 32; XVI.6.24, 27; XX.1, 2, 5, 7, 9; XXI.1.11
- каравика XIV.1.32, 35; XXX.1.2; 2.22

- Каранда III.1.16
 Каратия XXXII.10
 карери XIV.1.1, 2, 14
 карма IV.6
 карумха XX.17
 каруна XX.13
 Каси (Баранаси) XII.11, 14
 касийшы XVIII.1–3, 5; XIX.36
 Кассапа (Будда) XIV.1.4–12; 3.30, 32; XXXII.3
 Кассапа (род) XIV.1.6; 3.30, 32
 Кассапа (Кумаракассапа) XXIII.5–12, 14–18, 20, 22, 24, 26, 28, 30, 31
 Кассапа (брахманский авторитет) III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22
 Кассапа (Нагита) VI.4
 Кассапа (аскет) VIII.1, 3, 4, 6–24
 «Кассапа-сиханада-сутта» («Сиханадака-сутта») VIII; XIII.82
 Катиссабха XVI.2.6, 7
 катгхака XX.18
 Кеваддха XI.1–9, 45, 46, 51, 66–85
 «Кеваддха-сутта» XI; XIII.82
 Кетумати (Баранаси) XXVI.23, 24
 Кики XIV.1.12; 3.30, 32
 Киннугханду (божество) XXXII.10
 киннугханду (категория божеств) XX.10
 колии XVI.6.24, 27
 комуди II.1
 Конагамана XIV.1.4–12; 3.30, 32; XXXII.3
 Конданья XIV.1.6, 16; 3.29–32
 Коракхаттия XXIV.1.7–10
 Косала III.1.1, 2, 4; 2.6; IV.6; V.7; VI.1, 2, 4, 5; XII.1, 3, 11; 14; XIII.1; XXIII.1–3; 22; 24; 26; 28; XXVII.8
 косалы XVIII.1–3; 5
 Косамби VI.15; VII.1; XVI.5.17; XVII.1.2
 Косия (Сакка) XXI.1.9
 Котигама XVI.2.1, 4, 5
 Кувера XX.9; XXXII.7
 кулирака XXXII.7
 Кумаракассапа XXIII.1–5; 33
 кумбханда (ж.р. кумбханди) XX.9; XXXII.1, 5, 8, 9
 Кумбхира XX.8
 Куру (область) XXXII.7
 куру (племя) XV.1; XVIII.1–3, 5; XXII.1
 куса VIII.14–17; XIX.47; XXV.8
 Кусавати (Кусинара) XVI.5.18; XVII.1.3–6, 11–13, 29; 2.5, 10–12, 14, 15
 Кусинара XVI.4.20, 26, 38; 5.1, 5, 18–20, 22, 23; 6.12–14, 16–19, 21–27; XVII.1.1, 3
 Кусината XXXII.7
 Кутаданга V.1, 3–9, 21, 28–30
 «Кутаданга-сутта» V; XIII.82
 кутенду XX.10
 кхалика I.1.14; II.49
 Кханда XIV.1.9, 16; 3.8–11, 13, 14, 29, 31
 Кханумата V.1–7
 Кхема (парк) XIV.3.8–10, 14, 18
 Кхема (царь) XIV.1.12; 3.30, 32
 Кхемавати XIV.1.12; 3.30, 32
 Кхеманкара XIV.1.11; 3.30, 32
 кхемиа XX.18
 кхиддападосика (кхиддападусика) I.2.7, 9; XX.16; XXIV.2.18
 Кхуддарупи III.1.23
 кшатрий I.1.19; II.54; III.1.15, 24–28; IV.6; V.7, 12, 17, 19, 20; IX.35; XIII.19; XIV.1.5, 16; 3.29–32; XVI.1.23, 24; 3.21, 22; 5.10, 16, 17; 6.24, 26; XVII.1.2, 3, 7; 2.5, 10–12, 14, 15; XIX.10, 25, 29, 32–34, 36, 37, 40, 48, 49, 58; XXV.10, 13; XXVI.5; XXVII.5, 6, 21, 26–30, 32; XXX.2.15, 21; XXXIII.2.1; 3.1
 «Лаккхана-сутта» («Махапурисалаккхана-сутта») XXX; XXXIV.2.3
 ламасетгха XX.18
 ламбитака XX.18
 личчхавы VI.3–6, 11, 19; XVI.2.15–18; 6.24, 27; XXIV.1.2, 3, 6–10, 12–14, 16; 18–21; 2.1–4, 12, 13
 лохитаваси XX.16
 Лохичча XII.1–19, 55, 56, 61, 77, 78
 «Лохичча-сутта» XII; XIII.82
 Магадха II.1–13, 35, 37, 39, 99, 101, 102; IV.1, 5, 6; V.1–3, 6, 7; VI.1, 2, 4, 5; XVI.1.1–3, 5, 6, 26–32; 6.24, 27; XVIII.4–7, 9, 11, 27; XXI.1.1, 2; XXXII.9
 магадхи XXVI.1
 Мадакуччи XVI.3.42, 43
 Майя (мать Готамы Будды) XIV.1.12; 3.30, 32
 майя (категория божеств) XX.10
 Маккхали Госала II.3, 19–21; XVI.5.26
 Макутабандхана XVI.6.15, 16, 22
 Маллика IX.1, 2
 маллы XVI.4.38; 5.1, 5, 19–22, 24; 6.12–18, 21–27; XVII.1.1; XVIII.1–3, 5; XXIV.1.1; XXXIII.1.1–5
 мандавалахака XX.14

- Манасаката XIII.1.2, 7, 37, 38
 мандарава XVI.5.2, 3; 6.16, 19
 Мандисса VI.15; VII.1
 Мандия XXXII.10
 Мани XXXII.10
 маника XI.7
 Маничара XXXII.10
 маноподосика (манопадусика) I.2.10, 12;
 XX.16; XXIV.2.19
 мануса XX.16
 манусуттама XX.16
 Мара II.40; III.1.2, 4; IV.2; V.2; VI.1; XII.3;
 XIV.1.17, 30; XVI.3.4, 5, 7, 9, 21, 23, 34–
 37; 4.19; XVII.2.17; XX.21, 22; XXV.24;
 XXVI.1, 25, 28; XXVII.9; XXIX.29; XXX.1.5,
 11; 2.26; XXXII.3; XXXIII.3.1
 Матали XX.10; XXI.1.6; XXXII.10
 Матула XXVI.1
 Махавагга XIV–XXIII; XXIII.34
 Махавиджита V.10–13, 15–17, 19–21
 Махавьюха XVII.1.27; 2.2–5, 7–12, 14, 15
 Махаговинда XIX.31–35, 37–45, 47–49, 56–61
 «Махаговинда-сутта» («Говинда-сутта») XIX;
 XXIII.34
 Махакассапа XVI.6.19–22
 Махали VI.5–15
 «Махали-сутта» VI; XIII.82
 Маханеру XXXII.7
 «Маханидана-сутта» («Нидана-сутта») XV;
 XXIII.34
 «Махапада-сутта» («Апада-сутта») XIV;
 XXIII.34
 Махапанада XXVI.26
 махапарага XX.16
 «Махапариниббана-сутта» («Ниббана-сутта»)
 XVI; XXIII.34
 махасамана XX.16
 «Махасамая-сутта» («Самая-сутта») XX;
 XXIII.34
 Махасаммата XXVII.21
 «Махасатипаттхана-сутта» («Сатипаттхана-
 сутта») XXII; XXIII.34
 Махасена (Мара?) XX.21
 Махасудассана XVI.5.18; XVII.1.3.7–25, 27,
 31, 33; 2.1–14
 Махасудассана (Судассана) XVII; XXIII.34
 Махиддхи XIII.25
 Махиссати XIX.36
 маччи XVIII.1–3, 5
 метта XX.13
 Меттейя XXVI.25, 26
- Мигара XXVII.1
 миссака XX.17
 Митхила XIX.36
 Моггаллана XIV.1.9; 3.30, 32
 моккхачика I.1.14; II.49
 Моранивапа XXV.6, 7
 мории XVI.6.26, 27
 мунджа II.86; XV.1
 Мучалинда XXXII.10
- Набхаса XX.11
 Наванаватия XXXII.7
 нага (ж.р. наги) II.20; XX.9, 11, 19; XXI.1.8;
 2.1; XXX.1.8.9, 17; 2.11, 14, 17, 20, 23, 30;
 XXXII.1, 6, 8, 9
 Нагита VI.2–4
 Надика XVI.2.5–7, 10, 11; XVIII.1–3, 5, 7, 9
 Нала XX.10; XXXII.10
 Наланда I.1.1; XI.1–3; XVI.1.15, 18, 19;
 XXVIII.1
 Намучи (Мара) XX.12
 Нанда XVI.2.6, 7
 Нагапурия XXXII.7
 Неранджара XVI.3.34; XXI.1.6
 Неми XXXII.7
 Нетти XXXII.10
 ниббана IX.28, 29, 33; XIV.3.1, 4, 5, 13, 17,
 21, 28; XVI.2.24; 3.7–9, 20, 34–37, 48, 51;
 4.3, 37, 38, 42; 5.5, 6, 8, 13, 17, 19–21,
 23, 24; 6.8–12, 19, 24–26; XVII.1.1, 2;
 XIX.8.23, 61; XXI.2.7; XXII.1, 22; XXV.21;
 XXIX.23, 24, 29, 31, 33; XXXIII.2.1, 2; 3.2;
 XXXIV.1.1; 2.1
 нигантха II.29; XXIX.1–3; XXXIII.1.6, 7
 Нигантха Натхапутта II.7, 28–30; XVI.5.26;
 XXIX.1–3; XXXIII.1.6, 7
 Нигродха (аскет) VIII.23; XXV.1–23
 нигродха (растение) XIV.1.8; 3.30, 32
 Нигханду (божество) XXXII.10
 ни́гханду (категория божеств) XX.10
 Никата XVI.2.6, 7
 нимманарати XI.75, 76; XVIII.20; XIX.60;
 XX.18; XXXIII.1.10; 3.1
- одатагайха XX.17
 Оджаси XXX.7
 Оккака III.1.16, 23
 Оккамукха III.1.16
 Опаманья (божество) XXXII.10
 опаманья (категория божеств) XX.10
 Осадхи XVI.3.32

Пабхавати XIV.1.12; 3.30, 32
 Пава XVI.4.13, 14, 26; 6.19, 21, 24, 27;
 XXIX.1, 2; XXXIII.1.1–4, 6, 7
 Паварана XIX.2
 Паварика XI.1; XVI.1.15, 18; XXVIII.1
 Паджапати XIII.25; XXI.1.12; XXXII.10
 Паджджунна XX.17; XXXII.10
 Пакудха Каччаяна II.5, 25–27; XVI.5.26
 Панада (божество) XXXII.10
 панада (категория божеств) XX.10
 Панчачаланда XXXII.7
 панчалы XVIII.1–3, 5
 Панчасикха XVIII.18; XIX.1, 28, 61, 62;
 XX.10; XXI.1.2, 4, 6, 8; 2.10
 парага XX.16
 Паракусината XXXII.7
 Паракуситаната XXXII.7
 Параматта XX.20
 паранимита-васаватти (паранимита) XI.77,
 78; XVIII.20; XIX.60; XX.18; XXXIII.1.10;
 3.1
 «Пасадика-сутта» («Пасада-сутта») XXIX;
 XXXIV.2.3
 Пасенади III.1.1; 2.6, 7; IV.6; V.7; VII.1, 11,
 14; XXIII.1, 22, 24, 26, 28; XXVII.8
 патали XIV.1.8, 16; 3.29, 31
 Паталигама (Паталипутта) XVI.1.19–23, 25–
 28
 Паталипутта XVI.1.28
 «Патика-сутта» XXIV; XXXIV.2.3
 Патикавагга XXIV–XXXIV
 Патикапутта XXIV.1.15–22; 2.1–12
 Патимоккха XIV.3.22–28
 патува II.20
 Пахарада XX.12
 паччекабуддха (паччека) XVI.5.12
 паяги XX.11
 Паяси XXIII.1–5, 7, 22, 24, 26, 28, 32–34
 «Паяси-сутта» XXIII; XXIII.34
 пегы XXXII.5
 Пиппхаливана XVI.6.26, 27
 Поккхарасади III.1.1–4, 6, 8, 13; 2.5, 6, 13–22;
 IV.5, 6; V.6, 7; XIII.2, 4, 8, 9
 Потана XIX.36
 Поттхапада IX.1–9, 11–47, 54
 «Поттхапада-сутта» IX; XIII.82
 Пуккуса Маллапутта XVI.4.26, 28, 30, 31, 33–
 37
 пундарика XIV.1.8; 3.30, 32

Раджа XXXII.7
 Раджагаха I.1.1; II.1, 9; VIII.23; XVI.1.1, 6, 12,
 13, 41–43; 5.17; 6.27; XVII.1.2; XIX.1;
 XX.8; XXI.1.1, 2; XXV.1, 3, 24; XXXI.1, 2;
 XXXII.1
 раккхаса XXX.1.9, 2, 27
 Рама XXIX.16
 Рамагама XVI.6.24, 27, 28
 Рахубхадда XX.12
 Рену XIX.29, 32–37, 39, 47
 роджа XX.15
 Рорука XIX.36
 рурцира XX.15
 Саббамитта XIV.1.11; 3.30, 32
 Саваттхи IX.1, 2; X.1.1; XIV.1.1; XVI.5.17;
 XVII.1.2; XXI.1.9; XXVII.1; XXX.1.1
 садаматта XX.17
 сака III.1.16
 Сакета XVI.5.17; XVII.1.2
 Сакка XI.70, 71; XVI.6.10; XVII.1.25; XVIII.13,
 15, 22; XIX.3, 4, 12, 14, 15, 19, 27; XX.14;
 XXI.1.1, 2, 4, 5, 7–13; 2.1–7, 9, 10;
 XXX.1.9; 2.27
 «Саккапанья-сутта» («Сакка-сутта») XXI;
 XXI; 2.10; XXIII.34
 саккхи (сакки) III.1.2, 12–16, 22; IV.2, 3; V.2,
 3; VI.1; XII.3; XIII.7; XVI.6.24, 27; XX.1, 2;
 XXI.1.5, 7, 11, 12; XXIV.1.7, 13; XXVII.8, 9;
 XXIX.1, 23, 24, 26; XXXII.3
 сала XIV.1.8; 3.29, 30, 32; XVI.4.38; 5.1–3, 5,
 21, 24; 6.13, 23; XVII.1.1; XXI.1.9
 Салаватика XII.1, 3, 7, 10
 Салха XVI.2.6; 7
 Самагама XXIX.2
 самана XX.16
 «Саманьяхала-сутта» («Саманья-сутта») II;
 XIII.82
 Самбхава XIV.1.9; 3.30, 32
 «Сампасадания-сутта» («Сампасада-сутта»)
 XXVIII; XXXIV.2.3
 «Сангити-сутта» XXXIII; XXXIV.2.3
 сангха I.1.1–6; II.99; III.2.22; IV.24; V.25, 28;
 VIII.23; IX.54, 55; X.2.37; XII.78; XIII.82;
 XIV.3.20; XVI.2.9; 4.34; 5.28; 6.5, 6;
 XVIII.4, 6, 20, 27; XXI.1.11, 12; XXIII.30;
 XXIV.1.6; XXXI.35; XXXIII.1.11; 2.1, 2;
 XXXIV.1.6, 7

- Санджая Белаттхипутта II.6, 31–33; XVI.5.26
Санджива XIV.1.9; 3.30, 32
Сандхана XXV.1, 3–6, 20, 24
Санкха XXVI.24, 26
сантика I.1.14; II.49
Сантусита XI.74, 75
Сангуттха XVI.2.6, 7
Саппасондика XVI.3.42, 43
Сарандада XVI.1.5; 3.2, 5, 46, 47
Сарипутта XIV.1.9; 3.30, 32; XVI.1.16;
XXVIII.1, 19, 21; XXXIII.1.5, 7; 3.4;
XXXIV.1.1; 2.3
Сагагира XX.7; XXXII.10
Саттабху XIX.36
Саттамба XVI.3.2, 5, 46, 47; XXIV.1.11
Саттапани XVI.3.42, 43
сахабху XX.15
сахадхамма XX.15
сахали XX.14
Сения Бимбисара IV.1, 5, 6; V.1, 6, 7;
VIII.4, 6, 10
Серисака XXIII.32–34
Сериссака XXXII.10
Сетавья XXIII.1–4
Сивака XXXII.10
Сикхаддхи XXI.1.6
Сикхи XIV.1.4–12; 3.30, 32; XXXII.3
Силаккхандавагга I–XIII; XIII.82
Сингалака XXXI.1, 2, 35
«Сингаловада-сутта» («Сингала-сутта») XXXI;
XXXIV.2.3
Синипура III.1.16
синсапа XXIII.1–3
Сири I.1.26; II.61
сириса XIV.1.8; 3.30, 32
Сита XVI.3.42, 43
Сиха VI.4
Собха XIV.1.12; 3.30, 32
Собхавати XIV.1.12; 3.30, 32
соиры XIX.36
Сома (бог) XIII.25; XXXII.10
сома (категория божеств) XX.13
Сона XIV.1.9; 3.30, 32
Сонаданда IV.1, 3–13, 17–20, 23–25, 27
«Сонаданда-сутта» («Сонадандака-сутта») IV;
XIII.82
Соттхиджа XIV.1.11; 3.30, 32
Субрахман XX.20
Субха X.1.1–5; XIII.82
«Субха-сутта» X; XIII.82
Субхага XIV.3.29
Субхадда (преданный мирянин) XVI.2.6, 7
Субхадда (последний ученик Будды) XVI.5.23–
30
Субхадда (странник) XVI.6.20
Субхадда (царица) XVII.2.5, 7, 8, 10–12, 14
субхакинна XV.33, 34; XXXIII.1.10; 2.3; 3.2;
XXXIV.1.8; 2.2
Судасса (обитель божеств) XXXIII.2.1
судасса (категория божеств) XIV.3.31
Судасси (обитель божеств) XXXIII.2.1
судасси (категория божеств) XIV.3.31
Судатта XVI.2.6, 7
суддхаваса XIV.3.29; XX.2, 3
Суддходана XIV.1.12; 3.30, 32
Суджата XVI.2.6, 7
Судхамма XVIII.12, 14; XIX.2, 14; XXI.1.7,
12
сукка XX.17
сулейя XX.15
Сумагадха XXV.6, 7
Сумана XXXII.10
Сумукха XXXII.10
Сунаккхатта VI.5, 6, 11; XXIV.1.2–10, 12–14,
16–19; 2.13
Сунидха XVI.1.26–32
Суниммита XI.76, 77
супанна XX.11
Суппагедха XXXII.10
Суппатита XIV.1.12; 3.30, 32
Суппия I.1.1–4
Сура XXXII.7
сурасени XVIII.1–3, 5
Суриявачаса XX.10; XXI.1.5–7; 2.10
сутта I–XXXIV; XIII.82; XVI.4.8–11; XXIII.34;
XXXIV.2.3
Сучитти XX.12
Суюма XI.72, 73
Тапода XVI.3.42, 43
Таруккха XIII.2, 5, 8, 9
Татоджаси XXXII.7
Татола XXXII.7
Татотала XXXII.7
Таттала XXXII.7
Татхагата I.1.7–28, 36, 37; 2.15, 22, 29, 34, 36,
40; 3.4, 8, 18, 26, 28, 30, 73; II.32, 40, 41;
III.1.20; 2.2; IV.23; V.27; VI.16; VII.2;
VIII.18; IX.7, 27, 31–33, 53; X.1.7; XI.9;
XII.19; XIII.38, 40; XIV.1.13–15; 3.33;
XV.32; XVI.2.8, 25; 3.3, 5, 9, 17–20, 37–41,
44, 45, 47, 48, 51; 4.1, 19, 25, 37, 38, 41, 42;

5.2, 3, 5, 8, 10–12, 14, 15, 17, 19, 20, 23–25; 6.6, 10, 17, 18; XVII.1.2; 2.17; XVIII.13, 18; XIX.3.17; XX.4; XXI.1.4, 8, 11; 2.9; XXIV.1.8, 18; 2.7–10, 14, 17–20; XXV.12, 15; XXVII.8, 9; XXVIII.20, 21; XXIX.27–30; XXX.1.4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28, 31; 2.1, 4, 7, 10, 13, 16, 19, 22, 25, 28; XXXIII.1.10; 3.2; XXXIV.1.2–8; 2.1–3

Таччхака XX.11

«Гевиджджа-сутта» XIII; XIII.82

Теджаси XXXII.7

Тимбару XX.10; XXI.1.5–7

тиндука IX.1, 2

Тиндуккхану XXIV.1.20, 21; 2.1, 4

тиртакка VIII.14–17; XXV.8

Тисса (Брахма) XX.20

Тисса (ученик Випасси) XIV.1.9, 16; 3.8–11, 13, 14, 29, 31

Тисса (ученик Кассапы) XIV.1.9; 3.30, 32

Титтирия XIII.10

Тодейя X.1.2–5; XIII.2

тусита XI.73, 74; XIV.1.17, 22; XVI.3.15; XVIII.20; XIX.60; XX.18; XXXIII.3.1

Туттха XVI.2.6, 7

Уббхатака XXXIII.1.2

Удайи XXVIII.20

Удайибхадда II.12

Уддака XXIX.16

Удена XVI.3.2, 5, 45, 47; XXIV.1.11

Уджунна VIII.1

удумбара XIV.1.8; 3.30, 32

Удумбарика XXV.1, 24

«Удумбарика-сиханада-сутта» («Удумбари-сутта») XXV; XXXIV.2.3

Уккаттха III.1.1; 2.13, 16, 22; XIV.3.29

Упавана XVI.5.4, 5; XXIX.41

Упаваттана XVI.4.38; 5.1, 5, 21, 24; 6.13; XVII.1.1

Упасаннака XIV.1.11; 3.30, 32

Упосатха (имя слона) XVII.1.12; 2.5, 10–12, 14, 15; XVIII.12

упосатха (календарный термин) II.1; XVII.1.7; XIX.2; XXVI.4, 5; XXX.1.4, 6; 2.13

Урувела XVI.3.34; XXI.1.6

Утгара (ученик Вессабху) XIV.1.9; 3.30, 32

Утгара (ученик Конагаманы) XIV.1.9; 3.30, 32

Утгара (щедрый жертвователь) XXIII.32–34

Утгара (брахманка) XIV.1.12; 3.30, 32

Утгарака XXIV.1.7

харагалжа XX.17

хари XX.16

Харита XX.20

Хаттхигода XVI.4.5

Хаттхиния III.1.6

Хаттхисари IX.32, 48, 55, 56

Хемавата XX.7; XXXII.10

Хираннявати XVI.5.1, 30

Хири XXXII.10

«Чаккаватти-сиханада-сутта», «Чаккаватти-сутта» XXVI; XXXIV.2.3

Чампа IV.1–3, 5, 6, 9; XVI.5.17; XVII.1.2; XIX.36; XXXIV.1.1

чандала I.1.13; II.48

Чандана (божество) XXXII.10

чандана (категория божеств) XX.10

Чанки XIII.2

Чапала XVI.3.1, 2, 5, 10, 36, 37, 47

Четака X.1.5

четийцы XVII.1–3, 5

читра XX.11

Читта IX.32, 48–53, 55, 56

Читтасена XX.10; XXXII.10

Чора XVI.3.42, 43

Чунда (сын кузнеца) XVI.4.13–20, 42; XXXIII.1.1, 2

Чунда (новообращенный отшельник) XXIX.2–40

Чундака (Чунда) (монах) XVI.4.39–41

Чхандава XIII.10

Чхандока XIII.10

Чханна XVI.6.4

шудра III.1.15; 2.7; IX.35; XIII.19; XXVII.5, 6, 25–30

Эравана XX.11

Югандхара XXXII.10

яккха (ж.р. яккхини) III.1.21; XV.4; XVIII.9, 10, 29; XX.7–9; XXIII.23; XXXII.1, 2, 7–11

Яма (бог) XIII.25

яма (категория божеств) XI.71, 72; XVIII.20; XIX.60; XX.14, 18; XXXIII.3.1

Яматагги III.2.8, 9; XIII.13, 14, 18, 20, 22

Ямуна XIX.8, 23; XX.11

Яннятта XIV.1.12; 3.30, 32

яса XX.13

Ясавати XIV.1.12; 3.30, 32

SUMMARY

This edition contains a translation of the *Dīgha nikāya* (“The Collection of Long Discourses”)—the first collection of didactic texts (*suttas*) opening the second cycle (the *Sutta piṭaka*, “A Basket of Suttas”) of the vast collection of the Buddhist canonical literature (the *Tiṭṭhaka*, “Three Baskets”). This is the first commented translation of a whole collection of texts of the Theravada Buddhist Canon from Pali into Russian. The complete translation of all 34 *suttas* of the *Dīgha nikāya* is published for the first time. The translation is accompanied by introductory articles, comments, bibliography, and a subject and name index.

The Preface (“Discourses of Early Buddhism”, p. 12–49) briefly describes the place of the *Dīgha nikāya* in the Buddhist Canon, the chronology of early Buddhism and individual texts, the composition of the collection, its style and language, the image of the Buddha himself, and individual aspects of his views. The article considers the significance of the text from the standpoint of source studies, issues of its study and publication, and outlines some principles of the published translation.

The next article (“Overview of the Contents of the *Dīgha nikāya* by Chapters”, p. 50–90) contains, for the readers’ convenience, a short synopsis of each of the 34 *suttas* of the collection with consecutive references to the corresponding paragraphs of the text.

The translation (p. 93–752) is based on the publication of T.W. Rhys Davids and T.E. Carpenter, published by the Pali Text Society (DRC, cf. also DK, CBP, et al., see Bibliography). The traditional commentary of Buddhaghosa (BS; cf. DAT), as well as individual translations available to us—T.W. and C.A.F. Rhys Davids (DR), R.O. Franke (DF), K.E. Neumann (DN), L. Renou (CBP), M. Walshe (DW), etc. were also used for the translation and commentary.

In an effort to make the philological and semantic interpretation of the text as accurate as possible, the translator faced the ever-present problem of transmitting proper names and more general concepts. While this requires an attendant explanation in the accompanying apparatus in any case, the preservation of the Pali vocabulary in the Russian transcription seemed a more cautious solution; in particular, it was practiced in scientific translations rather than in texts intended for a relatively wide audience. In this case, despite the transparent etymology, detection of the Russian equivalents is

sometimes difficult, and the translation to some extent distorts the text of the original, imposing on it a system of alien ideas. At the same time, the traditional preservation of vocabulary (starting with the name of the Buddha himself, “the Enlightened”) is present as well. Sometimes there is a certain degree of inconsistency, perhaps related to the genre of the narrative; however, a name that, besides its direct meaning, carries additional terminological information may be more likely to be preserved without translation (for example, *bodhisattva*, *arhat*, etc.).

Nevertheless, we have conventionally translated certain names-characteristics of the Buddha and concepts, taking into account (though by no means exhaustively) the relevant scholarly literature. Among the circumstances that make such translations doubly conventional is a very wide semantic range of corresponding terms, their capacity to contain a number of different meanings (for example, *Bhagavān*, *viññāna*, *saññā*, etc.; cf. “Philosophy of Buddhism: The Encyclopedia”: 191, 210sq, 510sq, etc.). The latter feature is only natural, especially if we keep in mind the long-term functioning of this vocabulary. And while maintaining, as a rule, the formulaic nature of the narration, the translation as a whole allows for a certain variability of individual notions and expressions. Needless to say, comparable—as regards their expertise—instances of rendering into another language such a text will inevitably differ in one way or another.

There is another practical difficulty of a rather individual nature—the intention to avoid, as much as possible, associations that are extraneous to Buddhism, but are familiar enough to the Russian reader, particularly in the sphere of religion. The choice of vocabulary (which also applies to the language of accompanying explanations to the text) was not always easy for the translator, who is aware of both the conventional nature of his own preferences and the ambiguity of the reader’s perception. However, it is hardly necessary, or indeed possible, to exclude such associations completely—besides, they may sometimes prove useful in terms of characteristic typological coincidences.

Thus, some concepts that are not translated whenever they can be assumed to be used in a terminological sense become translated conventionally when the context gives no grounds for conjecturing such use (for example, *dhamma*, *saṅgha*—see the relevant notes in the commentary). Words added to elucidate the meaning are enclosed in square brackets. Poetic fragments of the text are rendered in prose. With a few exceptions that follow the Sanskrit transcription of certain concepts (cf. *bodhisattva*, *arhat*, *karma*), Pali transcription is accepted here; the traditional Russian spelling is used for the name of the Buddha. Unlike other translators (especially T.W. Rhys Davids, R.O. Franke), we consider it reasonable, as a rule, to reproduce all the repeats, based on the fact that they are inextricably linked to important features of the text, that it is very difficult (due to the very nature of the text) to work out the principles of abridgement and that such abridgement (consistent or inconsistent), as the experience of other translators shows, inevitably boils down to a rather subjective dissection of the text. We have made some exceptions for section II. 40–98 which is repeated in suttas III–XIII; see also XXXII. 12, which replicates the entire preceding part (1–11) of the sutta.

The commentary on the translation (p. 755–875) explains the historical and geographical realities of the text, draws attention to certain places difficult to understand (in some cases, parallel interpretations by other translators are given), indicates some of the more significant discrepancies (without claiming to be exhaustive in this regard) and noteworthy parallels from the Pali Canon and other scriptures.

The book concludes with a List of Abbreviations (p. 876–877)—acronyms standing for texts, as well as for selected reference, periodical and other publications; the selective Bibliography (p. 878–890), which includes only publications (mainly buddhological) quoted in the Preface and Commentary, and a subject and name index (p. 891–899) which contains proper names (historical, geographical, mythological), names of objects and terms occurring in the *Dīgha nikāya* that were left without translation.

Научное издание

Дигха-никая
(Собрание длинных поучений)

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Памятники письменности Востока»*

Редактор *О.В. Мажидова*
Корректоры *А.Е. Танчарова, И.И. Чернышева*
Верстка *М.П. Горшенкова*

Подписано к печати 25.06.2020
Формат 70×100¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 72,9. Усл. кр.-отт. 73,1. Уч.-изд. л. 70,0
Тираж 500 экз. Зак. № 445

ФГУП «Издательство «Наука»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(495)276-77-35, e-mail: info@naukaran.com
<https://naukapublishers.ru>
<https://naukabooks.ru>

Издательская фирма «Восточная литература»
ФГУП «Издательство «Наука»
121099 г. Москва, Шубинский пер., 6, стр. 1
тел.: +7(499)241-02-52, e-mail: vostlit@gmail.com
www.vostlit.ru

Отпечатано в ФГУП «Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-039656-0

9 785020 396580 >